Министерство образования и науки Российской Федерации
Южно-Уральский государственный университет

Ч48
Н34

НАУКА ЮУрГУ

Материалы 69-й научной конференции

СЕКЦИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Челябинск
Издательский центр ЮУрГУ
2017

ББК Ч481.46.я43 + Ч215.1.я43
Н34

Оргкомитет 69-й научной конференции

Дьяконов А.А. (председатель), Ульрих Д.В., Козочкин Д.А., Савельева И.П., Радченко Г.И., Келлер А.В., Хомутова Т.Н., Демин А.А., Волошина И.А., Пономарева Е.В., Эрлих В.В., Ваулин С.Д., Классен А.Н., Шабиев С.Г., Салич В.Л., Карпов Н.А., Иванов М.А., Рождественский Ю.В., Гузеев В.И., Ганджа С.А., Шестеркина Л.П., Сибиряков И.В., Солдатова Е.Л., Кундикова Н.Д., Авдин В.В., Чуманов В.И., Войнов И.В., Борщенюк В.Н., Кравцов А.И., Орлова Е.Ю.

Ответственный за выпуск Дьяконов А.А.

Н 34 **Наука ЮУрГУ** [Электронный ресурс]: материалы 69-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук. – Электрон. текст. дан. (18,4 Мб). – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2017. – 1 электрон. опт. диск (DVD); 12 см. – Системные требования: PC не ниже класса Pentium I; ОЗУ 512 Mb; ОС Windows 2000/XP/Vista/7/8; Adobe Acrobat Reader; DVD-ROM дисковод. – Загл. с экрана.

Представлены материалы 69-й научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и сотрудников, которая состоялась в апреле 2017 года.

Отпечатано с авторских оригиналов.

ББК Ч481.46.я43 + Ч215.1.я43

ISBN 978-5-696-04904-5

© Издательский центр ЮУрГУ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

АРХИТЕКТУРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

Зимич В.В. Магнезиальные материалы для внутренней отделки….. 13

Ивашенко Ю.А. Моделирование влияния нарушения сцепления арматуры с бетоном на прочность и деформативность изгибаемых железобетонных конструкций…… 17

Шабиев С.Г. Создание благоустроенного кампуса, соответствующего мировым стандартам (на примере Южно-Уральского государственного университета)…….. 23

Гундарев А.А., Малахов В.П. Адаптивные ландшафты в рекреационной среде города……... 29

Новикова Н.В. Особенности проектирования при реконструкции прибрежных парковых зон…….. 33

Тюрин М.Ю. Современный городской рынок как пространство социальной коммуникации…… 37

Давыдова О.В., Яроцкая А.Д. Реновация архитектуры «немецкого квартала» в г. Челябинске……... 44

Давыдова О.В., Русинова Е.И. Экономичная и многофункциональная инфраструктура панельного микрорайона…….. 50

Давыдова О.В. Методические основы изучения новой информации 58

Чудинова В.Г. Индикатор архитектурных трендов XXI века – павильоны лондонской галереи Серпентайн…… 66

Чудинова В.Г., Рязанова К.В. Коркинский угольный разрез как объект промышленного туризма…… 74

Амелькович С.В. Критерии покупки жилья на вторичном рынке….. 80

Варгот Т.А. Роль цвета в фасадах города…… 83

Воробьева О.И., Шараева Е.Ю. Конструктивная книга как арт-объект…… 87

Конюхова А.А. Концептуальные формы средств автомобильного транспорта…… 95

Ли И.С. Композиция в дизайне: смена парадигм…… 100

Пономарева Ж.В., Витомскова Ю.В., Васильева О.И. Социальная роль водных фонтанов в создании комфортной городской среды….. 104

Пулькин И.Ю., Сурина Л.Б. Анализ пользовательского взаимодействия в веб-дизайне…….. 108

Сидоренко М.Ю. Значимость фонтана в архитектуре города……. 112

Сурин Д.Н., Терешина О.Б. Мочалова М.П. – архитектор, ученый, художник……... 117

Финаева О.В. Рисунок интерьера по представлению…….. 125

Черных Д.Г., Арнольд А.В. Фирменный стиль Одигитриевского женского монастыря…… 130
Швайгер А.М. Компьютерное графическое обеспечение курсов дизайна и изобразительных искусств…… 138

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

СЕКЦИЯ ФИЛОСОФИИ

Гладышев В.И. Антиномизм компенсаторного общения личности в интернете…… 143
Борисов С.В. Философская практика в мире повседневности: от слов к делу!…….... 149
Прилукова Е.Г. Становление субъекта власти: от философской теории к философской практике…… 156
Шубарина Л.В. Трансгуманизм как идеология будущего…….. 161
Баркова В.В., Сидорова У.В. Метафизика присутствия: модусы бытия культуры…… 168
Григорьева Л.М., Цейсслер В.Э. О «статуарном» человеке советского общества…… 173
Квятковский Г.Ю. Из экзистенциалистов в ницшеанцы: эволюция императива героя советской и постсоветской массовой литературы 180
Куличков И.Л. Фотография: от камеры-обскуры до медиапространства……... 187
Устьянцев А.А. Проблема человека в контексте прагматистского анализа……... 195
Миляева Е.Г. Человек-бренд: трансляция индивидуального жизненного опыта и его мифологизация…….. 199
Кленовская В.А. Историческое развитие диалога: диалог вчера, сегодня, завтра…… 204
Дыдров А.А. Гуманитаризация и футуризация как средства функционирования интерпретационной машины…… 208
Пеннер Р.В. Практика философского партнерства: опыт живого и электронного общения…… 214
Соломко Д.В. Театральное действие как форма философской практики 220
Резвушкин К.Е. Аутентичность в современной медиареальности: к постановке проблемы…… 225
Рещикова С.П. Философский анализ феномена и сущности техники в работах Н.А. Бердяева…… 228
Сидорова У.В. Возможно ли герменевтическое понимание науки?... 232
Пащенко О.В. Коммуникация в интернет-пространстве…… 238

СЕКЦИЯ ПОЛИТОЛОГИИ

Двойненко М.О. Образ врага в политическом дискурсе с точки зрения социологического подхода…… 241
Докучаева С.В. Политические мифы культурной дипломатии Советского Союза в странах Латинской Америки…… 247
Антонова Н.В. Гендерные риски в современном обществе……... 254
Валеева Э.М. Мода как средство социокультурной коммуникации.. 260
Колчинская В.Ю. Значимость различных сторон учебного процесса с точки зрения студентов…… 263
Одяков С.В. Трансформация труда и социально-трудовых отношений в постиндустриальном обществе…… 270
Петрова А.С. Функции театра как социального института…… 278
Русских Л.В. Волонтерская деятельность молодежи……... 282
Сосновских Е.Г. Дискурсы о вере и религии на страницах журнала «Наука и религия» (1985–1991 гг.)…… 289
Трошкин Е.И. Социальные проблемы в «обществе риска»…… 296
Хвесюк Н.Г. Корпоративизм и неокорпоративизм в политике……... 301

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ

Баштанар И.М. Психологические основания реализации концепции интегрированных коммуникаций на площадках социальных медиа… 307
Булаева М.Н. Особенности реализации краудсорсинга в социальных медиа…….. 311
Дмитренко Е.Л. Продвижение телевизионных проектов на площадках новых медиа…… 316
Зайкова О.Н., Золотова Е.С. Социальные медиа как перспективный канал коммуникации в сфере образования…… 323
Исмаилов А.Ю. Персональное управление информацией в образовательной среде социальных медиа…… 327
Лахтачева О.С. Применение маркетинговых коммуникаций в сегменте радио……... 334
Харитонова О.Ю. Особенности информационных жанров в американских и британских СМИ…… 336
Шестеркина Л.П., Лободенко Л.К. Специфика развития социальных медиа на современном этапе……... 341

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Будников Ю.И. Из опыта привлечения колхозной торговли как дополнительного источника децентрализованного продовольственного снабжения трудящихся промышленных центров Урала в годы Великой Отечественной войны……... 346

Журавлева Н.С. Повесть «Севастопольская хроника» П.А. Сажина как «место памяти» о Великой Отечественной войне…….. 350
Комлев П.А. Региональные особенности формирования интеллектуального потенциала в системе образования в 1975–1985 гг. (на примере вузов Челябинской области)…….. 358
Раева Т.В. «Крепим дело мира»: местные отделения миротворческих организаций в контексте советской культурной дипломатии (на материалах Челябинского архива)……... 365
Сапронов М.В. «Государеву делу не радели, пили и гуляли…» (заметки о русской трудовой культуре XVII в.)…… 372
Сибиряков И.В. Образ революционного Севастополя в культурной памяти советского социума: инструменты формирования и наиболее характерные черты…… 380
Косякина Ю.Л. Принципы формирования иконографии новомучеников и исповедников российских на примере иконы «Собор челябинских святых»……... 387
Парфентьев Н.П., Парфентьева Н.В. Многолетия в древнерусских памятниках певческого книжно-рукописного искусства…… 395
Разуев А.В. Экономическое положение русских художников последней трети XIX века……... 401
Трифонова Г.С. О научной концепции выставки и структуре экспозиции «Искусство графики: от рисунка к гравюре» из собрания художественного музея ЮУрГУ…… 409
Федотова Ю.В. Гастроли в провинции (история отношений Гастрольбюро и уральских филармоний в 1950–1960-е гг.)……... 418
Свистунов В.М. К вопросу о горной свободе…….. 423

ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ

Шляпникова И.А., Тимощенко А.С. Исследование связи профессионального стресса и удовлетворенности трудом работников электросетевой организации……... 431
Мальцева А.С. Мотивационно-личностная сфера старшеклассников с различными жизненными установками…… 436
Захарова Г.И. Особенности детско-родительских отношений в семьях подростков с девиантным поведением…….. 440
Сиврикова Н.В. Особенности медиапотребления представителей разных поколений…… 448
Дунаева О.Н. Психология безопасности дорожного движения…….. 455
Баринов П.Н. Результаты мониторингового психодиагностического исследования сотрудников МЧС России…….. 461
Апарин Н.Н. К вопросу о визуальной психологии…….. 468

Апарина Е.Н. Факторы риска здоровья студентов…….... 472
Виноградова Н.В. Дифференциальная диагностика психической депривации и задержки психического развития детей-сирот дошкольного возраста…… 476
Горелова Г.Г., Мануйлов Г.В. Диагностика процессов эмпатии и рефлексии в общении……... 483
Морозова С.В. Человек и среда: психологическое объяснение механизмов взаимодействия…… 488
Шакурова З.А., Паршукова Л.П. Эмпатия в структуре компетенций специалистов сервисных профессий……... 497

ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Баландина Е.С. Метод незаконченных предложений как инструмент анализа языкового сознания……... 503
Белик Т.И. Основа и практика использования Case study……... 508
Битюцких К.В. Отражение базовых ценностей в языковом сознании среднего поколения (гендерный аспект)…… 513
Бороненко Г.Ф., Жаринова Л.Л. Словесные игры как форма аудиторной работы при обучении иностранному языку…….. 518
Бояльская Т.А. Самореализация в образовательном процессе……... 526
Volchenkova K.N. Certification Models for the Academic Staff in English Language Proficiency…….. 531
Долгополова Е.Г. Метод проектов как средство социализации студентов с ограниченными физическими возможностями в условиях вуза 538
Евсина Е.В. EMI как средство развития межкультурной коммуникативной компетентности педагогов в адаптации иностранных студентов в российских вузах…….. 545
Елсакова Р.З. О сущности понятия «профессиональная культура будущего менеджера»…….. 549
Ермилова А.Р., Кирякова Е.М. Театрализованное мероприятие как способ учебно-воспитательной деятельности, способствующий творческому развитию личности (на примере работы в неязыковом вузе) 555
Истомина Е.М. Особенности обучения английскому языку в одноуровневых смешанных группах российских и иностранных студентов бакалавриата…… 561
Ковалёва О.И., Кондакова Н.У. Формирование навыков межкультурной коммуникации на занятиях по деловому иностранному языку у студентов направления подготовки «Гостиничное дело»…… 565

Колова С.М., Белкина О.В. Культурологический компонент социокультурной компетенции при преподавании курса межкультурной коммуникации иностранным студентам (на опыте работы со студентами из Ирака)…… 570
Kolova S.M., Hameed R.M. Inflectional Morphemes in Standard English and Kurdish: a Contrastive Study…… 574
Короткова Е.Г. Этика профессионального общения педагога с иностранными студентами-аспирантами в образовательном процессе вуза 578
Кочкина Д.В. Использование инновационных технологий в процессе обучения иностранному языку…… 582
Кузьмина Н.Н. Непрерывное образование: проблемы и перспективы 587
Лескина Ю.А. Развитие научно-инновационного потенциала преподавателя вуза в аспекте непрерывного образования…… 591
Метелева В.В. Использование интернет-ресурсов для самостоятельной работы студентов в процессе обучения английскому языку 595
Немирова Е.А. Проблема языковой асимметрии с точки зрения когнитивной лингвистики……... 600
Ненахова Е.А. Особенности обучения академическому письму: опыт работы центра академического письма НИУ ЮУрГУ……... 603
Овинова Л.Н. Использование CLIL-технологии при обучении иностранному языку в вузе…… 608
Передриенко Т.Ю., Ярославова Е.Н., Маловечко С.Н. Разработка системы образовательного мониторинга в рамках реализации инновационной модели обучения английскому языку в ЮУрГУ……... 614
Подузова Е.И. Использование инновационных онлайн технологий и социальных сетей при смешанном обучении…… 622
Полетаева Н.А. Критерии отбора текстов для обучения студентов-магистров на технических специальностях ЮУрГУ…… 626
Пригарина Т.В. Нейролингвистическое программирование: базовые понятия……... 632
Саночкина С.В. Эволюция средств и сферы применения компьютерного перевода в современной виртуальной среде……... 637
Серяпина Ю.С. Применение технологии смешанного обучения на уроках английского языка как способ повышения мотивации студентов в Южно-Уральском государственном университете……... 641
Скоробогатова А.С. Идея событийности и практика…….. 648
Скрипичникова Н.С. Экспрессивно-оценочные свойства устойчивых словесных комплексов в устной профессиональной коммуникации.. 652
Стеценко А.Д. Презентация социального конфликта в различных науках……. 660
Цепель М.Г. О возможности реализации индивидуальных образовательных траекторий при обучении иностранным языкам людей старшего возраста…… 664

Chuvashova A.D. Teaching a Foreign Language to Adults…….. 672
Шрайбер Е.Г. Исторические и теоретические предпосылки использования CLIL-технологии при обучении иностранным языкам…….. 677
Большакова К.С. Развитие языковой компетентности студентов вуза с помощью технологии «перевернутый класс»……. 681
Будыкина В.Г. Лексические параллели в английской и русской терминосистемах высшего образования…… 687
Гужаковская К.Ю., Щелканова Е.Е. Методические особенности обучения взрослых английскому языку……. 693
Гуняшова Е.С. Медиаобразованность и медиаграмотность. Сходства и отличия…….. 697
Дудина Ю.А. К вопросу об использовании метода учебных проектов в обучении иностранному языку в вузе……... 700
Кошкарова Н.Н. Тактика оскорбления как реализация конфронтационной стратегии в новостных жанрах…… 704
Прилукова Е.Г., Хомутова Н.С. Реальность без доверия: симулякры в образовании…….. 707
Алексеева Е.Ю. Особенности обучения иностранных слушателей информатике на подготовительном отделении ЮУрГУ…….. 711
Березовская Я.Л., Шарафутдинова О.И. Фонетический аспект изучения грамматической формы слова в русском языке…… 719
Мацура Т.А. Инновации в методах преподавания русского языка как иностранного…….. 722
Подповетная Ю.В. Модели профессиональной культуры магистров 727
Подповетная Ю.В., Подповетный А.Д. Эконометрическое прогнозирование результатов образовательной деятельности иностранных студентов……. 735
Хламова Т.Н. Ролевая игра как средство развития коммуникативной компетенции на уроках русского языка как иностранного……... 741
Силкина О.М. Коммуникативный подход при обучении письменной речи студентов языковых специальностей……. 744
Солопова О.А., Подгорнов М.И. Манипулятивная функция политического прогноза (лингвокогнитивный анализ на материале СМИ)… 752
Логвина Л.Е., Хомутова А.А. Просодические особенности речи в результате влияния гендерного фактора……. 759
Шатрович Н.В. Фразеологические единицы понятийного поля «природа» (на материале итальянского газетного текста)……... 764
Серебренникова Е.В. О межкультурной компетентности преподавателя иностранных языков…… 769

ИНСТИТУТ СПОРТА, ТУРИЗМА И СЕРВИСА

Третьякова Т.Н. Понятие безопасных путешествий в региональном туризме…….. 774
Бай Т.В., Котлярова О.В. Приоритетные направления развития туристского кластера «Синегорье»……. 780
Тарханова Н.П. Этнографическое наследие Челябинской области... 785
Фрейнкина И.А. Особенности подготовки инструктора по туризму: нормативный аспект……. 788
Сыромятникова Ю.А. Челябинская область как туристский регион 792
Дерябин А.В. Состояние и перспективы развития медицинской реабилитации на региональном уровне……. 801
Горбунова И.А. Методические подходы оценки туристских ресурсов и территорий…….. 813
Малыженко М.Н. Развитие экологического туризма на Урале в условиях особо охраняемых природных территорий…… 819
Максимова О.В. Оценка природного туристско-рекреационного потенциала Саткинского района Челябинской области……... 826
Гердт Н.А., Пызина И.В. Основы безопасности в горнолыжном туризме……... 834
Иванова Д.В. Диалоговые технологии на уроках английского языка как инструмент развития и оценивания навыков устного профессионального общения у обучающихся СПО по специальности «Туризм» 839
Самсонова А.В. Педагогические технологии профессионально-ориентированного обучения студентов СПО специальности «Туризм» на примере дисциплины «Информационно-коммуникационные технологии в профессиональной деятельности»……... 845
Хоменко Р.В., Антропова Е.В. Технология индивидуальной подготовки тяжелоатлетов……. 853
Бахарева А.С., Кинзягулова Д.Х., Кулешов А.С. Морфометрические особенности лыжников-гонщиков с различной спортивной результативностью……... 859
Хафизова А.С., Черепов А.Е. Эмоциональное выгорание педагога общеобразовательного учреждения в период профессиональной адаптации……... 863
Баймухаметова Э.Ф., Ненашева А.В. Анализ теоретических и практических исследований спортсменов-гольфистов в России и зарубежом…….. 868
Черепов Е.А., Шайхетдинов Р.Г., Хафизова А.С. Результаты физической подготовки студентов Факультета военного обучения в контексте компетентностного подхода в образовании…….. 873

Савиных Е.Ю., Задорина Е.В. Совершенствование методики начального обучения спортивному ориентированию студентов на занятиях по физической культуре…….. 879
Черепов Е.А., Киекпаева К.Б. Формирование благоприятного социально-психологического климата в младшем школьном возрасте в рамках внеклассной работы…….. 882

ФАКУЛЬТЕТ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ, ПРАВА В г. МИАСС

Пичугина И.В. Исследование факторов, влияющих на здоровье студентов университета……... 889
Садриева Ф.Н. Кризис семьи и ценности семьи в представлениях современных студентов……... 895
Салдугеев Д.В. Роль Чехословацкого корпуса в «белом терроре» периода Гражданской войны (1918–1920 гг.)…… 900
Сиреканян В.В. Интерпретация ошибок при переводе……... 907

ФАКУЛЬТЕТ СЕРВИСА, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА В г. ЗЛАТОУСТ

Журавлева В.А. Источники историко-демографического изучения городского населения Урала в 1920–1930-е гг. …… 911
Панков В.В., Бараб А.Д. Проблемы рынка труда Челябинской области……... 917
Семенченко И.В., Лежнёва Ю.В. Психологические аспекты допроса несовершеннолетних…… 921
Серебрякова А.Ю. Лингвистические особенности экстремистского текста…… 925
Хакимова Г.Ш., Осипова М.Е. К вопросу концептуализации феномена «городская легенда» в английском языке…….. 929

ФИЛИАЛ В г. САТКА

Васильева Ю.П. Катастрофическая безграмотность: истоки проблемы и пути её решения…… 934
Гуйо О.Г. Принципы традиционной нравственной культуры как одна из составляющих культуры общения в студенческом коллективе.. 939
Глухова О.В., Наволокина Т.Н. Системный подход к анализу профессиональной деятельности специалистов финансово-экономического профиля…… 943
Иванова А.Б. Роль волонтерской деятельности в активизации лидерского потенциала студентов…….. 948

Маркова Ю.А. Перспективы развития детского бизнеса…… 951
Мошкина Н.А. Образование и развитие Южно-Уральских бокситовых рудников…… 954
Копейкин В.Г. Спортивная жизнь Сатки…….. 960

ФИЛИАЛ В г. УСТЬ-КАТАВ

Блинникова Т.В., Мартынова И.В. Альтруизм – всегда ли это хорошо?…… 969
Емельянцева Н.В. Как научиться эффективно и правильно общаться с людьми……... 971
Филатова Л.Ю., Блинникова Т.В. Региональные ИРЦ: преимущества и недостатки…… 975

ФИЛИАЛ В г. НИЖНЕВАРТОВСК

Нураева З.К. Математическое мышление…… 978
Назарова Н.В. Особенности формирования хронотопов современного города…… 980
Зверева Е.А. Подготовка бакалавров направления «Приборостроение» в области информационных и коммуникационных технологий в процессе производственной практики…… 984
Татаринова Е.В. Деловой текст XVIII века как предмет интертекстуального изучения…… 987
Мироненко В.П. Философия доктора Деминга и качество образования в вузе……... 990

АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

АРХИТЕКТУРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

УДК 691.54:666.941.2

МАГНЕЗИАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ВНУТРЕННЕЙ ОТДЕЛКИ

В.В. Зимич

Магнезиальные материалы широко распространены в строительстве, особенно при проведении работ по внутренней отделке поверхностей. В работе рассмотрены сухие строительные смеси на магнезиальном вяжущем с пониженной гигроскопичностью.

Ключевые слова: гигроскопичность, сульфатный и хлоридный завторитель, добавки-модификаторы.

Для расширения области использования магнезиального вяжущего, особенно для получения теплоизоляционных, стеновых и отделочных материалов, необходимо выявить основные причины, вызывающие повышение их гигроскопичности и, как следствие, увеличение влажности и теплопроводности, а также снижение прочности конструкций зданий в процессе их эксплуатации.

Вопросом снижения гигроскопичности магнезиальных материалов занимались различные ученые, предлагая два пути достижения цели:

1) замена хлоридного затворителя сульфатным;

2) введение сульфата железа в состав хлормагнезиального вяжущего.

Затворение вяжущего водным раствором сульфата магния позволяет получить камень с наименьшей гигроскопичностью в сравнении с хлормагнезиальным и магнезиальным камнем на смешанных затворителях. Однако прочность таких изделий существенно ниже, чем хлормагнезиальных, что является причиной их ограниченного использования.

Распространенным способом регулирования свойств магнезиальных вяжущих и материалов на их основе является использование добавок. Наиболее распространенными добавками являются побочные продукты металлургической, химической и других промышленностей в виде шлака, шлама, золы-унос ТЭС, микрокремнезема, пиритных огарков и т.д. В основном их применяют для ускорения сроков схватывания вяжущего, повышения прочности при сжатии и изгибе магнезиального камня, увеличения его водостойкости и стойкости к трещинообразованию. Но их влияние на гигроскопичность магнезиальных композиций в настоящее время не изучено.

Поэтому возникает необходимость в поиске добавок, позволяющих целенаправленно формировать структуру магнезиального камня с низкой гигроскопичностью при обеспечении высоких эксплуатационных показателей. Это позволит расширить номенклатуру вяжущих веществ, используемых в строительстве, создать новые высокоэффективные магнезиальные материалы, повысить конкурентоспособность и улучшить экологическую обстановку промышленных регионов.

Таким образом, получение высокоэффективного магнезиального камня и материалов на его основе с низкой гигроскопичностью путем модифицирования является актуальной научной и производственной задачей.

Цель данной работы заключается в получении хлормагнезиального камня с низкой гигроскопичностью и высокими показателями по прочности и водостойкости, а также разработке на его основе высокоэффективных материалов для внутренней отделки.

Основные задачи, которые необходимо решить для достижения поставленной цели, следующие.

1. Выявить основные факторы, влияющие на величину гигроскопичности магнезиального камня.

2. Исследовать влияние различных затворителей и добавок-модификаторов на формирование фазового состава, структуры и свойств магнезиального камня и выявить рациональные способы снижения его гигроскопичности.

3. Разработать магнезиальные сухие строительные смеси на основе модифицированного вяжущего.

Гигроскопичность магнезиального камня зависит от особенностей его структуры, удельной поверхности, наличия пор, их величины и количества, температуры и относительной влажности воздуха, а также парциального давления окружающей среды. Но особенное влияние на величину адсорбции оказывает поверхностный заряд материала. В связи с этим, наиболее перспективным способом снижения гигроскопичности магнезиальных материалов может быть нейтрализация поверхностного заряда гидратных новообразований камня. Это возможно за счет введения в состав вяжущего ионов, имеющих противоположный по отношению к оксигидрохлоридам магния заряд. Эти ионы в процессе гидратации могут встраиваться в формирующиеся новообразования либо адсорбироваться на их поверхности, или встраиваться и адсорбироваться одновременно на гидратных новообразованиях.

Установлено, что структурообразующие фазы хлормагнезиального камня имеют отрицательный заряд, следовательно, для нейтрализации поверхности такого камня необходимы добавки, которые при встраивании в структуру новообразований или адсорбции на поверхности, снижают его заряд. По нашему мнению, такие добавки должны диссоциировать

в жидкой фазе магнезиального теста и обеспечивать поступление в раствор положительно заряженных катионов.

Способность катионов адсорбироваться на поверхности гидратных новообразований или встраиваться в их структуру в большей степени зависит от их заряда и ионного радиуса. При использовании двух- и трехвалентных катионов, имеющих разный ионный радиус, механизм адсорбционных процессов существенно изменяется.

В качестве добавок для исследований интересны соединения, способные диссоциировать в растворах на простые ионы. Из представленного ряда наиболее интересны железосодержащие вещества. Они встречаются во многих горных породах, а также в отходах металлургической промышленности, таких как электротермофосфорный и др. шлаки, колошниковая пыль, пиритные огарки и т.д.

Для подтверждения высказанной гипотезы были проведены исследования влияния наиболее распространенных добавок на фазовый состав, структуру, гигроскопичность и др. свойства модифицированного хлормагнезиального камня. В качестве исходных материалов использовали:

– порошок каустический магнезитовый ПМК-75 в соответствии с требованиями современных нормативных документов;

– следующие добавки-модификаторы: железорудный конгломерат, шлак никелевого производства, вводимые в количестве 5 % от массы вяжущего;

– затворитель – водный раствор хлорида магния плотностью 1,24 г/см^3.

Из теста нормальной густоты изготавливали образцы-балочки, твердеющие в естественных условиях при относительной влажности воздуха 65±5 % и температуре 20+5 ºС, которые затем подвергали различным испытаниям.

Максимальному снижению гигроскопичности хлормагнезиального камня способствует использование в качестве модификатора для вяжущего добавок типа железорудного агломерата или шлака от производства никеля, содержащих в своем составе катионы двух- и трехвалентного железа одновременно.

Дальнейшие исследования влияния железорудного агломерата и шлака на свойства хлормагнезиального камня показали, что:

1) прочность камня повышается на 18…25 % по сравнению с прочностью камня без добавок, что объясняется увеличением в магнезиальном камне доли оксигидрохлоридов магния и модифицированных железом гидратных фаз, при одновременном снижении содержания $Mg(OH)_2$;

2) увеличение доли оксигидрохлоридов магния способствует уменьшению открытой пористости до 5,5 % и гигроскопичности камня до 1,73 %, а также повышению водостойкости до 0,77;

3) наблюдается кажущееся увеличение в составе гидратных фаз доли гидроксида магния, что связано по данным РФА с образованием смешанных гидроксидов, типа Fe, Mg $(OH)_2$ и γ-FeO(OH), температурный интервал разложения которых совпадает с температурой разложения гидроксида магния;

4) гигроскопичность модифицированного магнезиального камня снижается относительно бездобавочного образца в 2…4 раза;

5) введение добавок позволяет исключить неравномерность изменения объема магнезиального камня (ГОСТ 310.3);

6) повышается морозостойкость до 100…150 циклов;

7) снижается деформации усадки с –1,25 мм/м до 0 мм/м.

Кроме этого на основе модифицированного магнезиального вяжущего разработаны сухие строительные смеси для внутреннего и наружного применения, пригодные для отделки разработанного газобетона. Для создания наружной штукатурной смеси в качестве заполнителя применяли вермикулит с целью получения раствора с низкой теплопроводностью и высокой паропроницаемостью, а для внутренней смеси мраморную крошку (отход производства мраморных плит).

При разработке рецептур магнезиальных отделочных сухих строительных смесей особое внимание уделяли виду заполнителя. Штукатурные смеси для наружного применения должны быть легкими и создавать «дышащее» покрытие, обладать высокой паропроницаемостью и прочностью сцепления с покрываемой поверхностью, а также иметь достаточную морозостойкость, кроме того, магнезиальные штукатурные растворы должны иметь низкую гигроскопичность (сорбционную влажность) и повышенную водостойкость.

Для получения такого раствора в качестве заполнителя можно использовать пористые материалы, типа вспученного вермикулита, перлита, керамзита и т.п. В работе рассмотрено влияние вспученного вермикулита в разном процентном отношении к вяжущему на свойства магнезиальной смеси и раствора для наружного применения. Проведенное математическое планирование позволило установить, что оптимальное отношение вяжущего к заполнителю составляет 75/25, при этом наблюдаются снижение расхода затворителя, уменьшение усадочных деформаций, гигроскопичности, теплопроводности и повышение паропроницаемости строительного раствора.

Таким образом, магнезиальная штукатурная смесь отвечает предъявляемым ГОСТ 31357-2007 требованиям и является эффективным отделочным материалом для наружного применения.

Основные выводы по работе:

1. Для получения теплоизоляционных изделий на основе сульфомагнезиального камня с гигроскопичностью не более 1 % необходимо применять затворитель с плотностью в пределах 1,18…1,22 г/см^3.

2. Наиболее перспективными добавками для хлормагнезиального камня являются железорудный агломерат и шлак, способствующие повышению его эффективности.

3. Разработанный эффективный магнезиальный газобетон отвечает требованиям современных стандартов, а его производство позволяет снизить затраты на дорогостоящее оборудование и проведение тепловлажностной обработки.

К содержанию

УДК 624.012.45.04

МОДЕЛИРОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ НАРУШЕНИЯ СЦЕПЛЕНИЯ АРМАТУРЫ С БЕТОНОМ НА ПРОЧНОСТЬ И ДЕФОРМАТИВНОСТЬ ИЗГИБАЕМЫХ ЖЕЛЕЗОБЕТОННЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Ю.А. Ивашенко

В статье рассматривается задача оценки влияния нарушения сцепления в изгибаемых железобетонных элементах на их прочность и деформативность.

Ключевые слова: исследование, сцепление арматуры с бетоном, железобетонные конструкции, деформативность и прочность.

Нарушение сцепления арматуры с бетоном происходит по нескольким причинам:

– загрязнение арматуры органическими и минеральными веществами, а также наледями в зимнее время;

– некачественное уплотнение бетонной смеси (вследствие этого образуются пустоты и раковины разного размера по контакту арматуры с бетоном);

– замерзание бетонной смеси при отрицательных температурах вследствие нарушения технологического режима обработки бетона (тепловая обработка);

– наличие снега и льда при укладке бетонной смеси при отрицательных температурах;

– коррозия бетона и арматуры в процессе эксплуатации конструкций;

– отклонение положения арматуры при бетонировании (уменьшение или отсутствие защитного слоя).

Дефекты в виде нарушения (уменьшения) сцепления встречаются в изгибаемых железобетонных конструкциях как в средних зонах (в пролете), так и в крайних зонах (на опорах) [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8].

Появление таких дефектов приводит к уменьшению прочности изгибаемых элементов и увеличению их деформативности. Поэтому изучение этого явления и разработка методов учета его влияния является необходимым, так как связано с безопасностью эксплуатации конструкций и ее пригодности по эксплуатационным качествам (эстетичность, совместимость с другими конструкциями) и по долговечности.

В действующих нормах [1] (СП 52-101-2003 и СП 52-102-2004)имеются формулы для вычисления сцепления арматуры с бетоном:

$$R_{bond}=\eta_{1*}\eta_{2*}R_{bt}, \quad (1)$$

$$R_{bond}=\eta*R_{bt}, \quad (2)$$

где η_J – коэффициенты эмпирического содержания.

В нормах нет рекомендаций и указаний по определению величины R_{bond} при наличии дефектов, нарушающих сцепление бетона с арматурой.

В связи с этим нельзя теоретически вычислить прочность сечений в середине пролета (нормальные сечения) и около опор (наклонное сечение). В нормах также отсутствуют модели для расчета влияния на прочность и деформативность уменьшения сцепления или его отсутствия в зависимости от геометрических размеров этого вида дефекта (повреждения).

Необходимость производить такие вычисления обусловлена следующими обстоятельствами:

– дефекты возникают на стадии изготовления (заводы по производству сборных конструкций и стройки с применением монолитного бетона);

– дефекты возникают в процессе эксплуатации под влиянием агрессивных сред.

Цель решения этих задач состоит в том, что необходимо выявить недостаток прочности и избыток дефективности и на их основе разработать варианты усиления.

Причинами изменения прочности и деформативности являются следующие механические явления. При наличии сцепления арматуры с бетоном при действии внешней нагрузки деформации совместны (одинаковы), а сечение (в зоне чистого изгиба) остается плоским (гипотеза плоских сечений). При этом напряжение (усилие) в арматуре распределяется пропорционально изгибающему моменту. При нарушении (отсутствии) сцепления на некоторой длине деформации несовместны, сечение не является плоским, а распределение напряжений в арматуре по длине не пропорциональны изгибающему моменту: общее удлинение арматуры на поврежденном участке больше, чем при наличии сцепления. В связи с этим прочность снижается и усиливается деформативность (в данном случае углы поворота и прогиб).

В работе предлагается две расчетные модели, которые в дальнейшем необходимо сопоставить между собой по результатам расчетов и с данными из опытов.

Первая модель показана на рис. Она основана на интегральном принципе: «параметр влияния-интегральный показатель». На горизонтальной оси определяется относительный размер нарушения сцепления арматуры с бетоном (L_o – размер дефекта; L – общая длина):

$$\omega = L_o/L.$$

Возможное изменение этой величины в интервале [0...1]. При отсутствии повреждения величина $L_o = 0$. При $L_o = L$, что соответствует нарушению сцепления по всей длине, $\omega = 1$.

На вертикальной оси определяется величина момента, который соответствует параметрам сечения в предельном состоянии [2].

Точка (а) соответствует величине $M_{ult,}$ а точка (б) – моменту появления трещин M_{crc} при отсутствии арматуры. В точке (в), когда $L_o = L$ (полностью отсутствует сцепление), несущая способность сечения в зоне чистого изгиба определяется величиной – $M_{crc.}$ Прямая линия (а-в) принятая зависимость между M_{ult} и ω, то есть $M_{ult} = \phi(\omega)$. В действительности принятая функция не является линейной. Скорее всего она является криволинейной с выпуклостью вверх. Это показывают существующее испытания: появление трещин в растянутой зоне, что приводит к частичному нарушению сцепления, не дают существенного снижения величины $M_{ult.}$. Вид этой зависимости может быть установлен проведением соответствующих опытов. Принятие линейной зависимости дает некоторый запас надежности расчетов.

Принятие линейной зависимости позволяет достаточно просто вычислить величину $M_{ult.j}$, соответствующую $\omega_j = L_{oj}/L$.

Удобнее на вертикальной оси определять относительную величину $\eta = M_{ult.j}/ M_{ult}$,которая при ω_j =0 равна -1:

$$\eta = -a*\omega_j+1, \qquad (3)$$

где $a = M_{crc}/ M_{ult}$; η – относительная величина снижения величины изгибающего момента в предельном состоянии (прочность).

Аналогичная схема может быть применена для оценки снижения несущей способности (прочности)для плит, работающих в двух направлениях. В этом случае параметр ω_j определяется как соотношение площадей:

$$\omega_j = A_{oj}/A, \qquad (4)$$

где соответственно A_{oj} и A – поврежденная площадь и вся площадь плиты, на которой действует внешняя нагрузка.

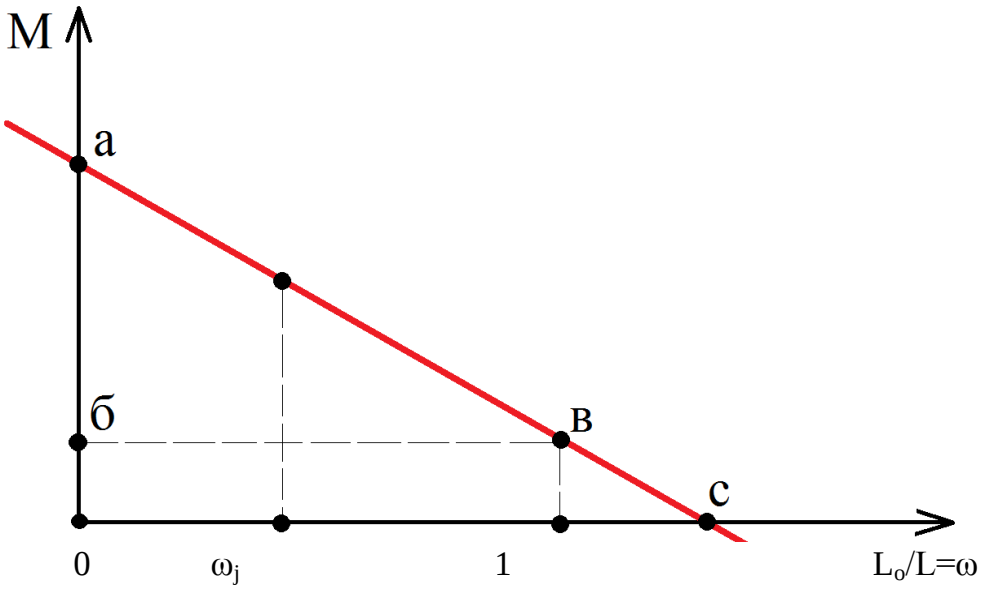


Схема к расчету изгибаемого элемента
с нарушением сцепления арматуры с бетоном

Второй вариант расчетной модели предназначен для применения с использованием программного комплекса «Лира». Для балочных и плитных конструкций применяется прямоугольный «конечный элемент» балки-стенки или оболочки. Арматура моделируется стержневыми элементами с шестью «степенями свободы».

Конечные элементы арматуры присоединяются в соответствующих местах балок и плит и применением «связевых элементов», которые обладают следующими жесткостями: осевые, изгибные, крутильные и изгибные и поперечные. Эти жесткости определяют деформативность сцепления арматуры с бетоном. Основной характеристикой деформативности сцепления является поперечная жесткость – $B_{поп}=B_{сц}$.

Величина $B_{сц}$ устанавливается по данным экспериментальных исследований, которые можно найти в следующих изданиях [9, 10, 11].

На основании экспериментальных исследований величина жесткости вычисляется по величине выдергивающий силы (силы растяжения арматуры) – $T_{сц}$ и соответствующего сдвига арматуры относительно бетона – $g_{сц}$:

$$B_{сц}= B_{поп}= T_{сц}/ g_{сц}. \quad (5)$$

В табл. приведены некоторые значения, полученные из опытов.

Возможно теоретическое определение величины жесткости сцепления на основе теории упругости:

$$\tau =G*\gamma;\ \gamma=tg\gamma=g_{сц}/l,\ G=E/2(1+\mu).$$

Таблица

Величина выдергивающий силы (сила растяжения арматуры)

Прочность бетона кгс/см^2	М475	М200÷300	М300
Величина $B_{сц}$, кгс/см	$0{,}47*10^6$	$0{,}62*10^6$	$0{,}72*10^6$

На основании этих зависимостей:

$$T_{сц}=A_{сц}*G/l*g_{сц}. \quad (8)$$

На основании теоретических и экспериментальных исследований основная доля от общего сопротивления сдвигу арматуры относительного бетона приходится на сопротивление смятию бетона под выступами профиля архитектуры. Деформация смятия в 5÷7 раз больше, чем при сжатии бетона. Поэтому принимая вместо $E_{см}=Eв/5$ и μ=0,2 получим $G_{сц}$ =0,08 $E_{в.}$ С учетом этого, определяя $A_{сц}= u_s*s$, $l=2d_s$, где u_s – периметр арматуры, S – расстояние между выступами, вычисляется величина:

$$B_{пол}=B_{сц}=A_{сц}*G_{сц}/l. \quad (7)$$

Влияние прочности бетона учитывается через величину Е=Ев с использованием [3].

Величины других пяти жесткостей практически не влияют на сцепление арматуры с бетоном. Их величины могут быть назначены десятикратным увеличением – $B_{пол}=B_{сц}$.

Заключение

Предлагаемые модели для расчета влияния нарушения сцепления арматуры с бетоном на прочность стержневых и плитных элементов отражают основные физические явления, определяющие совместную работу арматуры и бетона.

При соответствующих экспериментальных подтверждениях первая модель может применяться для практического применения, а вторая – для проведения численных исследований. Для моделирования нарушения (или отсутствия) сцепления в этой модели величина жесткости по (7) назначается уменьшенной или очень малой.

Библиографический список

1. Рекомендации по оценке состояния и усилению строительных конструкций промышленных зданий и сооружений: Научно-исследовательский институт строительных конструкций (НИИСК) Госстроя СССР. – М.: Стройиздат, 1989. – 105 с.

2. СП 13-102-2003. Правила обследования несущих строительных конструкций зданий и сооружений. – М.: Госстрой России, 2004. – 27 с.

3. СП 52-101-2003. Бетонные и железобетонные конструкции без предварительного напряжения арматуры. – М.: ГУП НИИЖБ, 2004. – 55 с.

4. Алексеев, С.Н. Долговечность железобетона в агрессивных средах: совместное издание СССР-ЧССР-ФРГ / С.Н. Алексеев, Ф.М. Иванов, С. Морди. – М.: Стройиздат, 1990. – 320 с.

5. Обследование и испытание сооружений: Учебник для ВУЗов / О.В. Лужин, А.Б. Злочевский и др. – М.: Стройиздат, 1987. – 195 с.

6. Реконструкция зданий и сооружений / А.Л. Шагин, Ю.В. Бондаренко, Д.В. Гончаренко, В.Б. Гончаров; под ред. А.Л. Шагина. – М.: Высшая школа, 1991. – 352 с.

7. Рейтман, А.Г. Предупреждение аварий жилых зданий / А.Г. Рейтман. – М.: Стройиздат, 1990. – 240 с.

8. Запрутин, Г.Н. Исследование эксплуатационной пригодности железобетонных угольных бункеров: сб. научн. трудов / Г.Н. Запрутин, М.К. Палкин. – Челябинск, 1996.

9. Сцепление арматуры с бетоном (по материалам Всесоюзного научно-технического совещания в Челябинске). – М., 1971.

10. Исследования по бетону и железобетону (сб. научных работ № 13-56). – Челябинск: ЧПИ, 1968.

11. Исследования по бетону и железобетону (сб. научных трудов № 149). – Челябинск:ЧПИ, 1974.

К содержанию

УДК 727:378.4 + 378.4(470.55)

СОЗДАНИЕ БЛАГОУСТРОЕННОГО КАМПУСА, СООТВЕТСТВУЮЩЕГО МИРОВЫМ СТАНДАРТАМ (НА ПРИМЕРЕ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

С.Г. Шабиев

В статье приведены результаты создания благоустроенного кампуса университета средствами архитектуры, включая территорию сквера перед главным корпусом с разработкой проекта часовни, площади главного корпуса с созданием в нем рекреационных пространств.

Ключевые слова: благоустроенный кампус, главный корпус, часовня, сквер, средства архитектуры, Южно-Уральский государственный университет.

В соответствии с объективной потребностью реализации «Программы «5-100» по повышению конкурентоспособности Южно-Уральского государственного университета среди мировых научно-образовательных центров» необходимо средствами архитектуры сформировать благоустроенный кампус (университетский городок).

В период с 2005–2015 гг. автором были исследованы современные зарубежные кампусы в Канаде, Австралии и Китае, в результате которого были установлены особенности их архитектурно-планировочной организации. Например, университет Британской Колумбии в г. Ванкувере (Канада) расположен на периферии городской застройки и является отдельным градостроительным элементом, изолированный университет в г. Мельбурне (Австралия) расположен в центре города, университет Zhejiang Ocean University в г. Чжоушань (Китай) имеет полностью самостоятельную и отделенную от города свою структуру с парадно оформленным оригинальным главным въездом.

Автором в этих странах были сделаны научные доклады по актуальной проблеме реконструкции комплекса Южно-Уральского государственного университета, что подтверждается соответствующими сертификатами. В 2016 году в Китае издана монография «Reconstruction of South Ural State University Buildings and structures» (авторы Г.П. Вяткин, С.Г. Шабиев).

Кафедрой «Архитектура» Южно-Уральского государственного университета проводятся многолетние исследования и проектные разработки по реконструкции зданий и сооружений университета, для которого выполнено более 60 проектов, 20 из которых воплощены в натуре.

Наиболее известным и социально значимым реализованным проектом является реконструкция главного корпуса университета, центральная часть

которого выстроена в 2001–2003 гг. (первый этап реконструкции). До реконструкции здание имело всего семь этажей со скатным покрытием высотой 28 м, а после реконструкции достигла 86 м по верху герба над шпилем. Позднее в 2008 г. были возведены западная вставка, в 2012 г. – восточная вставка, со строительством которых главный корпус приобрел завершенный архитектурный облик (второй этап реконструкции). В этом проекте апробирован авторский методологический подход проектирования сложного социально значимого университетского комплекса.

В 2016 г. кафедрой «Архитектура» под руководством автора на следующем этапе создания благоустроенного кампуса выполнены четыре проекта, цель которых охватить внешнюю территорию сквера перед главным корпусом с разработкой проекта часовни Святого апостола Андрея Первозванного, площадь главного корпуса с трансформацией его двора, а также внутренние рекреационные пространства главного корпуса.

В соответствии с поставленной целью основной задачей является создание благоустроенного кампуса Южно-Уральского государственного университета, соответствующего требованиям мировых стандартов. Для комплексного решения этой задачи используются методы достижения архитектурно-пространственного единства объемных и плоскостных элементов застройки, ландшафтной организации внутреннего двора и прилегающей территории, активное использование дополнительных площадей на разных уровнях застройки.

Основой достижения архитектурно-пространственного единства элементов застройки Южно-Уральского государственного университета является центральная планировочная ось, «держащая» весь кампус, которому композиционно соподчинены объемно-планировочные решения южного учебного и северного жилого комплексов. Этому способствует первоначальная идея симметричной композиции главного корпуса, площади и сквера перед ним. Центральная композиционная ось закреплена высотной доминантой главного корпуса.

Симметричная композиция главного корпуса дополнена симметрией площади перед ним, которая решена оригинальным приемом. Вся площадь, на которой происходят в летний период торжественные мероприятия вручения дипломов выпускникам, представляет собой в плане архитектурный рисунок силуэта главного корпуса (рис. 1). Такая ландшафтная организация площади развита трехлучевой планировочной системой, сфокусированной на композиционный центр – памятника студенту. Между этими тремя лучами во взаимно-перпендикулярных направлениях предусмотрены участки для размещения выпускников, выделенные элементами ландшафтной архитектуры и разделенные между собой благоустроенными участками с устройством площадок с покрытием из керамических плиток. В строгом соподчинении с объемом главного корпуса и площади перед

ним развита архитектурно-планировочная композиция сквера, где предусмотрено дополнительное экологическое благоустройство и озеленение, включая малые архитектурные формы.

Главная ось сквера проходит по его центральной части и завершается новым зданием часовни Святого апостола Андрея Первозванного. Объем часовни располагается в конце сквера со стороны улицы Сони Кривой рядом с существующим фонтаном, в акватории которого он будет эффектно отражаться.

Ступенчато-башенное завершение главного корпуса университета влияет на формирование архитектурно-композиционного решения часовни, чем достигнута пространственная взаимосвязь разновременных объектов образовательного и духовного назначения (рис. 2). В шатровой объемно-пространственной композиции часовни использованы канонические формы церковно-храмового зодчества, что нашло отражение в известных отечественных шедеврах архитектуры мирового значения. Проектируемое здание становится главным объемным элементом в композиции сквера с учетом архитектурного масштаба объектов окружающей застройки. Композиционные приемы реконструированного главного корпуса в стиле архитектурного неоклассицизма повлияли на формирование художественного образа часовни.

Здание часовни имеет характерное цветовое решение, основанного на использовании белокаменных стен, небесно-синий шатер и золотые купола, покрытые нитридом титана, уникальная технология изготовления которого освоена в городе Трехгорном Челябинской области.

Возведение культовых сооружений формирует духовно нравственную культуру у студентов и преподавателей. Храмы при высших учебных заведениях построены при крупнейших университетах России, в том числе при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, Московском государственном университете международных отношений, Дальневосточном государственном техническом университете и др.

Вся территория главного корпуса приведена в систему с организованной периметральной застройкой, с упорядочением и восстановлением первоначальной рекреационной функцией двора, имеющего симметричную структуру в плане [2]. В средней части двора располагается дебаркадер с эксплуатируемым озелененным покрытием, который соединен с главным корпусом двумя надземными переходами по уровню его третьего этажа. Все свободные площадки двора благоустроены и озеленены с активной ландшафтной организацией с учетом современных экологических требований к выбору материалов дорожных покрытий и устойчивых к вредным выбросам в атмосферу видов деревьев, кустарников и газонов [3].

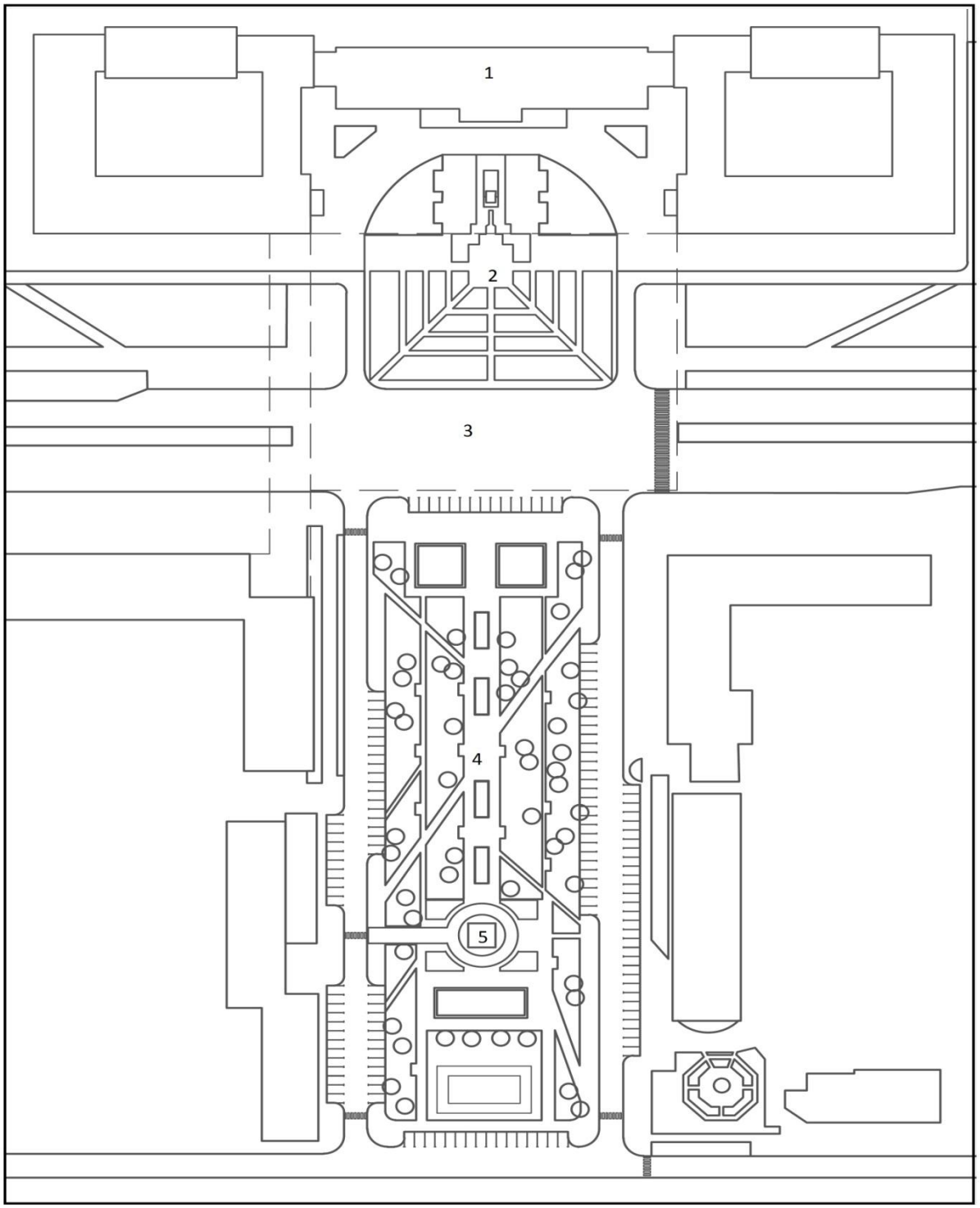


Рис. 1. Схема генплана сквера по улице Тернопольской
с размещением часовни Святого апостола Андрея Первозванного:
1 – главный корпус Южно-Уральского государственного университета;
2 – площадь перед главным корпусом
Южно-Уральского государственного университета; 3 – проспект Ленина;
4 – сквер; 5 – часовня Святого апостола Андрея Первозванного

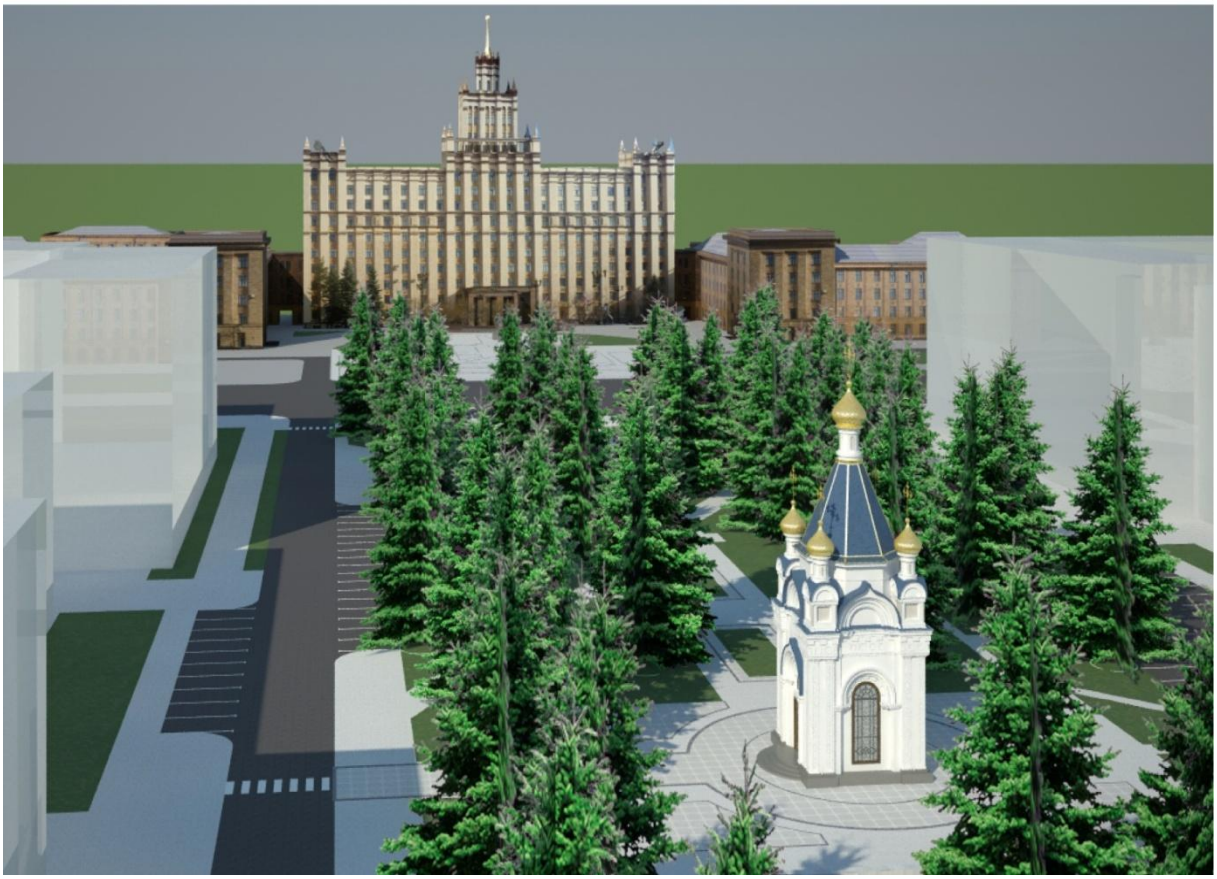


Рис. 2. Архитектурно-пространственная взаимосвязь часовни Святого апостола Андрея Первозванного и главного корпуса Южно-Уральского государственного университета

Дополнительным территориальным резервом является освоение подземного пространства перед главным корпусом, где предусмотрена двухуровневая подземная автостоянка, которая обеспечивает нормативное количество машиномест. Смежно с западной стороны подземной автостоянки размещается подземный переход от главного корпуса во второй учебный корпус, что обеспечит разноуровневое безопасное передвижение транспорта и пешеходов.

В органической связи с благоустроенной внешней территорией университетского городка решаются вопросы создания комфортных условий и внутри учебных зданий. Об эффективности такого подхода свидетельствуют положительные примеры из современной практики [4].

Внутренние рекреационные пространства главного корпуса Южно-Уральского государственного университета охватывают уголки отдыха для студентов в угловых холлах, для которых на четырех этажах западного и восточного крыльев запроектированы специальные благоустроенные площадки размером 6х6 м. По проекту кафедры «Архитектура» первый такой

уголок отдыха был организован в 2016 г. в холле второго этажа для студентов энергетического факультета, который предназначен для следующих функций:

– самостоятельная подготовка студентов к теоретическим и практическим занятиям;

– неформальное общение и обмен учебно-методическими материалами с иностранными студентами;

– эффективная возможность использования стационарного компьютера с демонстрацией оперативной информации на экране;

– свободный доступ к информационным интернет-ресурсам с любого устройства;

– организация собраний общественных активов институтов, факультетов и высших школ университета;

– интеллектуальный отдых во внеучебное время.

Поэтапная реализация предлагаемого архитектурно-пространственного решения университета позволит создать современный благоустроенный кампус, соответствующий мировым стандартам. Он будет отвечать стратегической цели программы «5-100» Южно-Уральского государственного университета, ориентированного на достижение позиций глобального лидера в различных областях, вхождение и закрепление в числе ведущих мировых университетов с получением высокого положения в основных международных рейтингах THE или QS. Это позволит сформировать уникальный учебно-исследовательский комплекс нового типа, привлекательный для обучающихся не только из стран Азии и Африки, но и из стран Европы, Австралии и Америки.

Библиографический список

1. Shabiev, S.G. The Ecological City Planning Aspects of the South Ural State University Main Building Complex Reconstruction: 2nd International Conference on Industrial Engineering (ICIE-2016), Procedia Engineering. – Elsevier Ltd, 2016. – № 150. – Pp. 1978–1982 (SCOPUS).

2. Семеняк, Г.С. Современные материалы в ландшафтной архитектуре: учебное пособие / Г.С. Семеняк, С.Г. Шабиев, под ред. С.Г. Шабиева. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2016. – 151 с.

3. Вяткин, Г.П. Реконструкция зданий и сооружений комплекса Южно-Уральского государственного университета: монография / Г.П. Вяткин, С.Г. Шабиев; под ред. чл.-корр. РАН Г.П. Вяткина. – 2-е изд., доп. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. –172 с.

4. Архитектура и дизайн школы. Финский опыт. – 2015. – URL: http://absolute-help.ru/db/news/2015/851/.

К содержанию

УДК 712.2

АДАПТИВНЫЕ ЛАНДШАФТЫ В РЕКРЕАЦИОННОЙ СРЕДЕ ГОРОДА

А.А. Гундарев, В.П. Малахов

В статье рассмотрены проблемы культурных и информационно-коммуникативных связей человека и природы, общественных изменений и трансформации природного ландшафта в соответствии с моделью «природной социализации».

Ключевые слова: адаптивный ландшафт, природный ландшафт, урбанизированный ландшафт, рекреационная среда.

Ландшафт современного города крайне неоднороден и структурно не сбалансирован. Но, несмотря на все свои проблемы, он стремится к состоянию равновесия, динамического, рассматриваемого сквозь призму пространственно-временных структур и социально-экономических и экологических преобразований среды. Природная составляющая ландшафта служит основной формой биологического взаимодействия с человеком. В то время как урбанизированный ландшафт формирует в нем развитые социальные черты и особый, «городской» тип мировоззрения. Интеграция природных, культурных, духовных, материально-технических элементов в ткани городской среды выступает пространством ежедневного взаимного общения, плоскостью противоречий и единства, компенсаций и компромисса между компонентами урбанизированного и природного ландшафтов города.

Необходимость ресурсного преодоления отношений с природой предполагает не только восполнение утраченных биоценозов, но и выстраивание новых отношений в русле экологической адаптации. На сегодняшний день существует абсолютный барьер между городом и природой. Вся система организации городской среды выстраивается согласно идее техносферы. Искусственная природная среда, создаваемая городским жителем, проходит через призму его сознания и не может трактоваться как естественная: логика ее построения подчинена законам социотехнического развития и определяет сугубо общественные потребности и базируется на общественных ценностях. Житель села воспринимает природную ценность как мощнейший ресурс для ведения сельского хозяйства, ему близок язык звуков живой природы и понятны протекающие в ней процессы. Он понимает ее в силу своего уклада жизни, образования и уровня культуры. Природа выступает необходимым условием его существования. Но это не значит, что горожане должны примерять на себя сельский образ жизни и наоборот. Не получится: модели поведения несопоставимы условиям. Наглядным примером выступают новые «ареалы урбанизации» – дачные и коттеджные

поселки, которые осваивают типичные городские жители. Там вместо грядок и пахотной целины вырастают плодовые сады, окаймляющие лужайки с изумрудным газоном, бассейны и пруды с каменистыми садами, как дань восточной моде. Иными словами, ландшафт приобретает новые черты, в него привносятся нотки чужеродных традиций, зачастую диссонирующие с окружением. Обратный процесс наблюдается при миграции сельских жителей в город. Они осваивают свободные площади во дворах и перед многоквартирными жилыми домами по типу парадного палисадника и огорода, привнося новые культурные свойства в городской ландшафт. При всех мультикультурных природно-социальных явлениях процесс устройства адаптивной модели связей «человек-природа» и «природа-человек» с соблюдением условий экологического равновесия не выстроен.

Что же представляет из себя процесс адаптивности? Адаптивность как способность к адаптации носит прямое и обратное действие через изменение норм и ценностей, принципов мировоззренческого характера, частично или полностью затрагивающих качественное преобразование конструктивной основы и приобретенных свойств. Этот процесс взаимопроникающий. Он предусматривает изменение взаимодействующих объектов через выработку методов устойчивого развития в отношении социальных, коммуникативных и культурных связей общества с природным ландшафтом. Имеет смысл рассматривать социоприродную систему как единый организм в динамическом качестве, т.е. изменяющуюся в соответствии с общественными процессами развития. Механическое взаимодействие этих сред возможно в объеме регулирования воспроизводства необходимых балансовых элементов и понимания необратимых свойств изменения структуры. Субъект данной системы наиболее восприимчив к изменениям и задает ритм поступательной трансформации окружающей среды. В свою очередь объект, которым выступают природные ландшафты, имеет собственные закономерности функционирования и развития. Их адаптивное взаимодействие есть не что иное, как прогрессивная модель соединения, отбора и культивирования лучших качеств обоих сторон в системе социоприродных связей.

Форма социоприродного взаимодействия в рекреационной системе города раскрывает особенности и возможности интеграции структурных компонентов в историческом и современном контексте. Прежде всего, как усложнение процесса урбанизационной экспансии на природу и современной встроенности рекреационных пространств в социокультурный процесс и, наоборот, выстраивание сбалансированного взаимодействия человека с природной средой.

Формат взаимодействия «человек-природа» имеет выраженный характер социально-экономических отношений и поступательного роста производственных сил. Еще на ранних стадиях урбанизации природные условия определяли выбор мест для поселений и используемый материал для

строительства, выбор типа хозяйственной деятельности и особенности его связей с окружающей средой [1]. Человек выступал частью природы, придавал ей магические свойства и обожествлял физические явления. Он научился использовать в своих интересах перспективный потенциал среды – освоил растениеводство и животноводство. Здесь как раз и проявляются свойства первичной адаптации социальной и природной среды, протекающие в условиях гомеостаза. В эпоху индустриального подъема и буржуазно-капиталистических отношений природная среда стала ресурсом наращивания капитала и определяла перспективы производственных мощностей в среде конкурирующих монополий и государств. После промышленной революции XIX в. общий объем воздействия общества на природу стал превышать ее свойство восстановительной саморегуляции, что повлекло необратимые изменения природной среды. Только во второй половине XX в. на смену интенсивному наращиванию производственных ресурсов пришел экологический подход в практике городского планирования и проектирования с целью оптимального размещения природных и урбанизированных компонентов среды в системе преобразования городских территорий.

Экологический подход в пространственном преобразовании среды заключается прежде всего восстановлении природных связей и особенностей совместного функционирования природных и антропогенных ландшафтов [2], в учете сложившейся структуры и преемственности историко-культурных и природных свойств. Важно найти баланс в степени видоизменения ландшафта в соответствии с социальными запросами и, в тоже время, сохранить и адаптировать к среде его уникальную биоинформационную систему. Точно как здание, район, город имеет свою неповторимую среду, которую житель идентифицирует даже с закрытыми глазами, элемент природного комплекса также индивидуален. Будь то дерево, опушка леса или луг – они несут свойственные только им природные образы, заключенные в сознании представителей природного сообщества. Природный язык универсален: его отличает своеобразная система информационно-коммуникативных особенностей, несущих определенный семантический смысл, который, в силу эволюции человека и развития в нем общественных свойств, пребывает в забвении либо абсолютно утрачен. Поэтому человек себя чувствует комфортно в городском парке и теряется в естественном лесном массиве. Эмоциональная неустойчивость проявляется в плоскости психологических стереотипов действий, а решение проблемы кроется в характере отношений, уровне культуры, психологическом единстве с природой.

Социоприродная система замкнута на двух компонентах и не может рассматриваться в единственном взятом. Новая адаптивная среда природных ландшафтов проявляется только там, где она востребована человеком

и не утратила своих естественных особенностей. Но вмешательство неизбежно хотя бы потому, что возрастает потребность в озелененных местах отдыха и выборе различных видов рекреационной деятельности. Здесь важно найти баланс искусственных и естественных компонентов, чтобы придать среде новые свойства и не утратить ее природное начало. Если же интенсивное вмешательство неизбежно, то необходимо архитектурно-ландшафтными средствами создать имитацию природных форм с использованием характерной растительности и элементов топографии.

Одним из вариантов решения контраста социального и природного полюсов неконформистского порядка, который складывался на протяжении многих веков, является решение проблем психологического, информационно-коммуникативного, культурного пространственного барьера, устанавливающего динамическую связь, плоскость взаимоотношений, между человеком и природой. Первое, что необходимо решить, это восстановление свойств саморегуляции природной среды [2] через воссоздание утраченного растительного фонда и целостности экосистем, ее автономного и смешанного развития. Особенно этот момент касается возрождения биофонда пригородных природно-экологических систем. Во-вторых, это встраивание (возрождение) естественных биоценозов в структуре рекреационных зон урбанизированного ландшафта на микро-, мезо-, и макроуровне с целью организации иерархическом системы коммуникации с природным ландшафтом в урбанизированной среде города. Такое взаимодействие позволит пробудить в горожанине чувство любви к природе и наполнить жизнь новыми чувствами. В-третьих, это адаптация индивида к социоприродным процессам, т.е. способность к «природной социализации» в иерархической связи пространств на микро-, мезо- и макроуровне, чтобы минимизировать различие в специфике формируемой городской и естественной природной экосистемы. Таким образом, произойдет установление природного и социального баланса отношений взаимодействующих сторон в системе организации природно-рекреационной деятельности.

Библиографический список

1. Потаев, Г.А. Градостроительство. Теория и практика: учебное пособие / Г.А. Потаев. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2014. – 432с.

2. Яницкий, О.Н. Экологическая перспектива города / О.Н. Яницкий. – М.: Мысль, 1987.

К содержанию

УДК 712.5 (470.55) + 69.059

ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПРИ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРИБРЕЖНЫХ ПАРКОВЫХ ЗОН

Н.В. Новикова

Работа посвящена анализу прибрежных парковых зон, в ходе которого выявлены пути решения некоторых проблем с помощью реорганизации пространства, которые могут положительно повлиять как на экологическую составляющую, так и на функциональную.

Ключевые слова: прибрежные парковые зоны, многофункциональные парки.

Современное состояние прибрежных парковых зон в городских парках неоднозначное как в архитектурно-планировочном, так и в экологическом плане. В Челябинске и Челябинской области во многих городских парках заброшены прибрежные зоны, имеются заросшие берега и неблагоустроенные спуски. Если в городском парке есть вода, то она играет ключевую роль. Но во многих водоёмах она застойная, неживая. Всё чаще карьеры и пруды становятся похожи на свалку мусора, превращаются в болота. Основная проблема в том, что в Уральском регионе в крупных городах есть достаточное количество и парков, и водоемов, находящихся на их территории, но эстетический уровень очень слабый. Просмотрев зарубежные аналоги, можно увидеть качественную, красивую, грамотную организацию водного и прибрежного пространства на аналогичных территориях. Практически всегда можно проследить связь с ландшафтом, так как он является основополагающим фактором при проектировании прибрежных парковых зон. Грамотное использование территории, четкое зонирование и сохранение природной красоты делает парки функциональными и привлекательными с эстетический точки зрения. Отсюда видно, что крупные индустриальные уральские города отстают в этом отношении, а значит, прибрежные парковые территории Челябинска и Челябинской области нуждаются в ревитализации и реорганизации пространства.

Изучение российских работ и зарубежных аналогов позволило увидеть, что нет четких прописанных методик архитектурного формирования прибрежных парковых зон. Работ, посвященных паркам и их реорганизации, улучшению в различных направлениях, очень много (И.В. Ерзин «Оценка состояния насаждений городских парков в связи с их реконструкцией», Н.Л. Шайгарданова «Парк культуры и отдыха как явление культуры и воплощение советского идеологического проекта», О.А. Демченко «Социально-культурные технологии рекреации городского населения в парках культуры и отдыха», Н.А. Сивцова «Ландшафтно-экологические основы

функционального зонирования природных парков урбанизированных территорий: на примере природного парка «Битцевский лес» и др.), а о прибрежных зонах (Д.В. Литвинов «Градоэкологические принципы развития прибрежных зон: на примере крупных городов Поволжья», Т.И. Задворянская «Ландшатно-градостроительная организация рекреационных зон в структуре прибрежных территорий крупных городов» и др.) написано недостаточно, чтобы найти и понять комплексный подход к решению данной проблемы.

Как решать эту проблему? Городские парки могут быть многофункциональными, природными, ландшафтными, тематическими и др. Практически во всех случаях они при водоёмах. Водоёмы в свою очередь могут быть естественного или искусственного происхождения.

1. В парках, где эксплуатируемые водоёмы не имеют четкую планировочную структуру вокруг, т.е. на береговой линии в хаотичном порядке организованы объекты различного назначения, такие, как всевозможные закусочные, пляжи, подъезды к воде, мангальные зоны и пр. – необходимо осмысление каждого объекта, его характеристик, взаимосвязи с природой, влияние на человека, на окружающую среду. Нужно создать благоприятные условия и для человека, и для среды. Если наполнение ландшафта является приемлемым, то необходимо его улучшить не нарушая. Любое внедрение не должно приводить к загрязнениям. Задача состоит в том, чтобы минимизировать пространство, где человек может мусорить. Структурирование объектов поможет создать систему для того, чтобы освободить пространство вокруг воды, воссоздать естественную природу, которую разрушают хаотичные постройки. Это повысит уровень экологии, освободит место для развития естественной среды, и, что немаловажно, повысится эстетический уровень восприятия. Структура может быть подчинена единому стилю, архитектуре, а следовательно, будет значительно привлекательнее для населения, чем одиночно стоящие объекты.

2. В парках вокруг водоемов организация специального места, зоны для ближнего и дальнего созерцания может повлечь за собой создание дополнительного искусственного ландшафта. Примером такого удачного проекта может служить торгово-развлекательный центр «Радуга-парк» в городе Екатеринбурге. Рядом с ним располагается карьер, который облагородили, превратив в парк развлечений, и соединили с ТРК. Летом там функционирует веревочный парк с различными уровнями сложности трассами, парк аттракционов, множество развлечений для детей. Зимой можно кататься на коньках под открытым небом, предусмотрена тюбинговая трасса, а колесо обозрения работает в любое время года.

Организация территории по типу амфитеатра позволит всем желающим насладиться природной красотой. Места для спокойного, тихого отдыха, например, для медитирования или установка шезлонгов, позволит людям

более комфортно любоваться, к примеру, закатом. Тогда эту зону нужно отгородить от тех, кто гуляет вокруг водоема. Включение дополнительных функций в карьере или пруду, например, прокат лодок, катамаранов, рыбалка – улучшит внешний вид и разнообразит досуг. Очень важно сразу предусмотреть спасательную функцию (МЧС), какую-либо смотровую станцию, чтобы при переворачивании лодки была возможность сразу вытащить людей из воды. Также при внедрении в природный ландшафт необходимо людям с ограниченными возможностями дать беспрепятственный доступ к воде, к местам отдыха и пр.

Схема организации территории
с учётом мест ближнего и дальнего созерцания

Необходимо учитывать то, что здесь нужно предусматривать деление на зимние и летние виды досуга. На площадке, где летом люди могут загорать и медитировать, зимой можно построить снежные горки (если конструкция «амфитеатра» позволяет это сделать), а водоём превратить в каток, установить временный павильон с горячими напитками и едой, павильон, где люди смогут погреться и просто спокойно посидеть. Например, в городе Москве второй год подряд в новогодние праздники проходит фестиваль «Путешествие в Рождество». В это время в центре города устанавливается огромное количество павильонов различного назначения: в одном – гостиная, где можно послушать сказки и самим сделать рождественскую игрушку, в другом – купить новогодние игрушки, в третьем – мини-бар с безалкогольными горячими напитками, в четвертом – небольшая библиотека, где в мягком кресле можно посидеть и почитать.

3. Тематические парки при водоёмах не всегда используют существующий потенциал прилегающего водного пространства. Но создание функции, которая объединит земную и водную поверхности, привлечет

внимание к этому месту в парке. Что нужно, чтобы связать водоем с парковой территорией? Включить в композицию парка архитектурные формы, например, ротонду (как в парке имени Ю.А. Гагарина в городе Челябинске), организовать на воде скульптуры, сделать площадки-спуски к воде для кормления уток и пр. Тематические парки могут быть шахматными. Примером может служить японский парк, который примыкает к реке. Парк разбит на дорожки, выкрашенные в шахматном порядке, есть площадки с огромными шахматами для игры в них. Как связать такой парк с водоемом? Одним из решений может служить создание искусственного островка в форме той же шахматной фигуры, или скульптуры в виде ладьи или коня вдоль береговой линии или в центре водоема как основы под фонтан.

Основное, что мы можем увидеть, это то, что природа вокруг водоемов должна быть естественной.

1. Отсутствие бетонных дорожек или использование подобного рода материалов в архитектуре. В противном случае его должно быть минимальное количество. Как можно больше использовать дерево и иных природных материалов для возведения павильонов, скульптур и композиций. Примером служит организация дорожек в реликтовых лесах – это настил из досок, уложенный на боковые направляющие с целью сохранения природной среды.

2. Сохранение или имитация природной береговой линии. Только грамотные специалисты по ландшафтному дизайну смогут создать уникальную и неповторимую композицию, которая будет радовать глаз и быть максимально приближенной к естественной.

3. Вода в водоемах должна циркулировать. Установка насосов «оживит» воду, очистит её, вследствие этого можно организовать развод рыбы как новую функцию водоёма. Если рядом есть скалы, возвышения, как в карьерах, то организация водопада дает хорошую циркуляцию, эстетически привлекательный вид и использование ландшафта не нарушает природную среду.

4. Создание очистных сооружений. Они не являются достаточно привлекательными с визуальной точки зрения, по крайней мере, у нас в России. Но, позаимствовав зарубежный опыт, можно выделить очень интересные приёмы, которые нужно адаптировать для парков Уральского региона, тем самым облагородив территории для досуга. Очистные сооружения могут выступать как элементы парковой архитектуры. Эстетичного вида отстойники могут собирать дождевую воду со всего парка, направляя её в высыхающие водоёмы. Установка очистных сооружений, создание рециркуляции для того, чтобы вода в водоёмах не заставалась, помогут восстановить природную красоту карьеров и прудов на парковой территории и не только. Эти меры будут иметь огромное природоохранное значение, что немаловажно с точки зрения экологии города.

Данный комплексный подход позволит развивать архитектурно-ландшафтный потенциал парковых прибрежных территорий, позволит организовать многофункциональные общественные зоны круглогодичного использования. На сегодняшний день это является тенденцией в крупных городах, а применение этих принципов на парковых прибрежных территориях Челябинска выведет наш город на новый уровень.

Библиографический список

1. Мировые достопримечательности. [Электронный ресурс]. – URL: http://turj.ru/blog/history/6901.html.

К содержанию

УДК 725.42:339.1 + 711.558

СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОДСКОЙ РЫНОК КАК ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

М.Ю. Тюрин

С древнейших времен до настоящего времени рынки выполняют важную общественную функцию социальной коммуникации. Современные рынки приобретают все больше и больше дополнительных функций, что позволяет усилить их привлекательность и превратить в объекты общегородского значения, а также создать дополнительные пространства для взаимодействия людей из различных социальных групп.

Ключевые слова: архитектура, торговля, рынок, социальная коммуникация, общественное пространство.

Торговля является одной из самых древних форм социального взаимодействия между людьми. Примитивные формы торговых отношений, в основном в виде натурального обмена материальными ценностями, известны еще с каменного века. В последующие исторические периоды формы этих отношений все более усложнялись, развивались в тесной связи с другими явлениями человеческого общества – транспортом, промышленностью, банками и др. Поэтому именно наличие в обществе различных форм торговли можно считать одним из основных показателей уровня развития этого народа. Все крупнейшие государства Древнего мира, начиная с Вавилона, Египта, Греции, и заканчивая Римской империей и Византией, имели развитую торговую инфраструктуру. А эпоха великих географических открытий вывела феномен торговли на межконтинентальный, всемирный уровень.

Такая важная общественная функция торговли предопределила и особую значимость городских пространств, где она происходила. С древнейших времен вся социальная жизнь в местах поселений была сосредоточена вокруг религиозных сооружений, а также рынков или базаров. На рынке люди могли не только купить или продать нужные товары, но и встретиться, узнать новости, получить важную информацию, посмотреть представление или поучаствовать в празднике. Рыночная площадь располагалась в центре поселения и брала на себя функцию главного общественного пространства. До настоящего времени городские рынки остаются важнейшими составляющими культурного кода места и общества. Именно в них концентрируются и отражаются особенности менталитета местных жителей, именно рынок становится неочевидной, но важной достопримечательностью города, по которой можно его идентифицировать. Так, например, Барселона немыслима без знаменитого рынка «Бокерия» (рис. 1), а Париж – без блошиного рынка Сент-Уан.

Рис. 1. Рынок «Бокерия» в Барселоне

Развитие тех или иных форм торговли напрямую связано с социально-экономическими особенностями и условиями. Это подтверждается примером расцвета явления «челночной» торговли в России 1990-х годов, когда в каждом населенном пункте появился рынок, наполненный товарами, лишенными какой-либо уникальности. В это время понятие «рынок» становится синонимом дешевизны, плохого качества, а сами места торговли

приобретают репутацию грязных и криминальных. В следующие десятилетия ситуация меняется, в обществе появляется запрос на товары и продукты уникального качества, и это вновь отражается на восприятии рынков. Появляются, например, «фермерские» рынки, где представлены экологически чистые продукты, произведенные небольшими партиями, и отличающиеся более высокой стоимостью. Таким образом, возникает значительная дифференциация рынков по уровню и цене продаваемых товаров, а также меняется само отношение людей к понятию продукции, купленной на рынке. Это понятие может одновременно подразумевать как дешевый, некачественный товар, так и дорогой и эксклюзивный. Рынки с дешевыми товарами вытесняются на периферию города, а центральные – реконструируются и превращаются в подобие дорогих супермаркетов. В этом смысле показателен пример рынка, расположенного на верхнем этаже универмага «Цветной» в Москве (рис. 2). Архитектурный образ интерьеров здания далек от традиционного представления, он формирует идею современного рынка как места, где можно найти товары самого лучшего качества и оказаться среди людей своего социального круга. Кроме того, расширена и функциональная составляющая – единым атриумным пространством рынок объединяется со множеством высококлассных ресторанов, где могут приготовить блюда из продуктов, купленных этажом ниже.

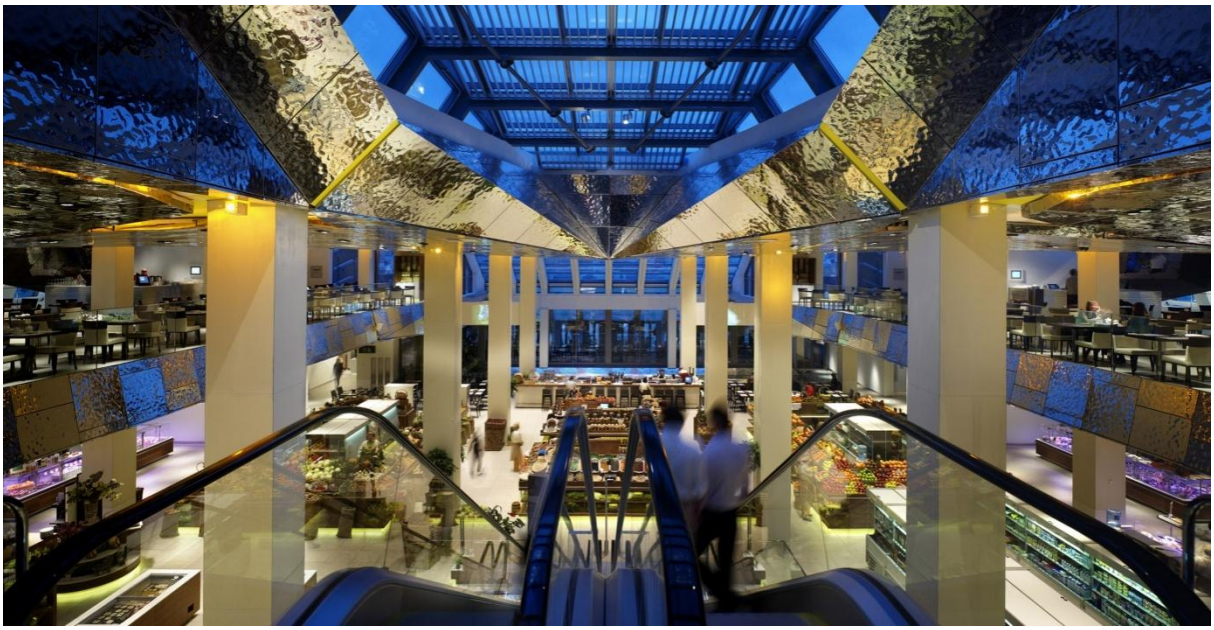


Рис. 2. «Цветной базар» в Москве

Добавление к рыночным комплексам новых функций, помимо торговых – основная тенденция последнего времени. Наиболее часто рынок совмещается с транспортно-пересадочными узлами, зрелищными и развлека-

тельными залами, предприятиями бытового обслуживания. Это еще раз подтверждает важное место рынков в системе социальной коммуникации общества. Наиболее интересным примером максимального приближения торговли к человеку является построенный в 2014 году рынок «Марктхол» в Роттердаме (рис. 3). В этом авангардном здании реализован эксперимент по совмещению жилья и торговли. Муниципалитет города пошел на такой шаг с целью увеличить количество жителей данного района и повысить его привлекательность. В результате Марктхол стал центром социальной активности и местом притяжения для всего города. На эти цели работает и уникальное архитектурное решение здания, выполненного в виде огромной арки, внутреннее пространство которой отдано под торговлю и транспорт, а в «стенах» располагаются жилые квартиры. Безрамное остекление торцов арки, выполненное поверх системы натянутых тросов, позволяет создать максимально светлое и воздушное внутреннее пространство, являющееся визуальным продолжением улицы (рис. 4).

Рис. 3. Рынок «Марктхол» в Роттердаме

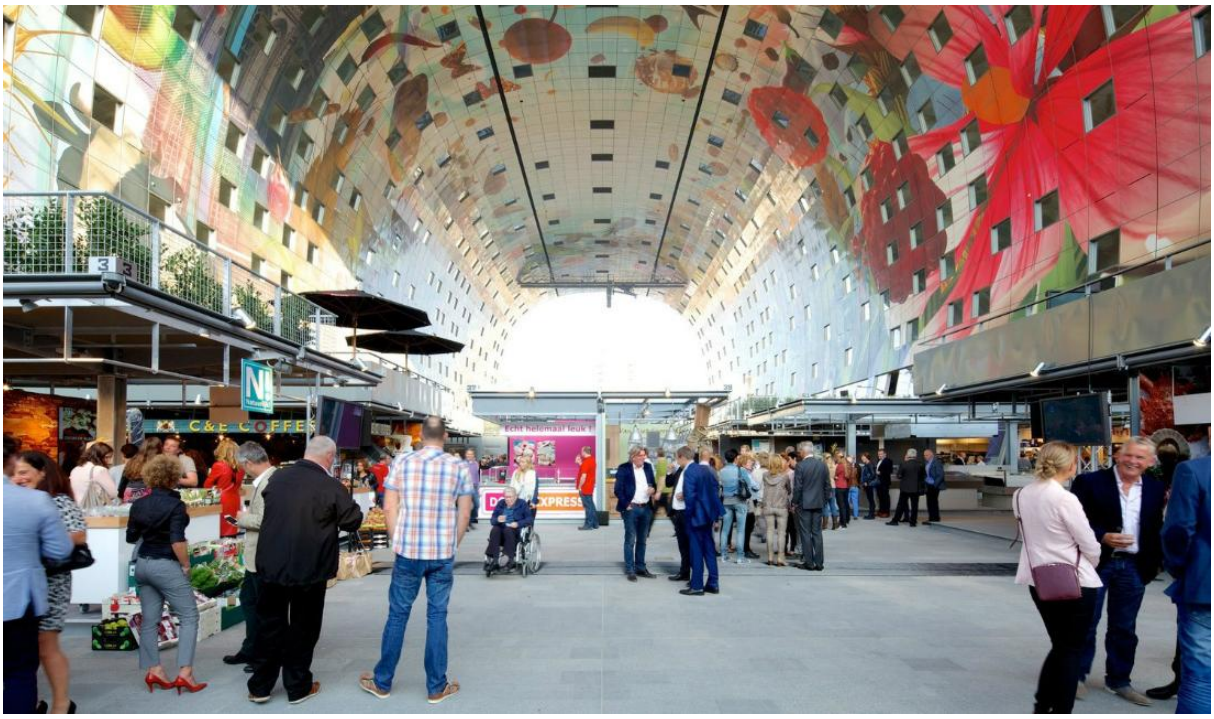


Рис. 4. Интерьер рынка «Марктхол» в Роттердаме

Следующий аспект, имеющий большое значение для городов, где рыночные комплексы находятся в центре – это реконструкция самих зданий и территорий вокруг них, возвращение им социально-привлекательного статуса. Так, в Челябинске одним из таких традиционно-торговых мест является квартал по улице Кирова, от концертного зала «Родина» до Храма Святой Троицы. Здесь расположен «Зеленый» рынок, а также комплекс торговых зданий «Европа-Азия» и Восточный рынок. В настоящее время этот район представляет собой разнотипную застройку, эстетические качества которой не соответствуют столь важному градостроительному положению. Кроме того, торговый квартал окружен как ценными рекреационными участками, выходящими на набережную реки Миасс, так и значимыми общественными зданиями. Негативная репутация, сложившаяся у этого рыночного квартала, не позволяет в полной мере использовать его как пространство социальной коммуникации.

В 2016 году на кафедре «Архитектура» ЮУрГУ был выполнен дипломный проект «Многофункциональный городской рынок» (автор проекта – Лидия Рябикова, руководитель – ст. преподаватель Михаил Тюрин). Проект предусматривает реабилитацию проблемного торгового квартала по улице Кирова и строительство на его территории современного многофункционального рынка. В частности, планировочное решение генерального плана продиктовано необходимостью развития рекреационной функции набережной реки путем ее озеленения с использованием приемов ландшафтного дизайна (рис. 5). Здание рынка заключает в себе идею пре-

емственности формы торгового квартала, и представляет собой многоуровневый периметральный объем с просторным внутренним двором. Такое решение позволяет создать изолированное от шумной городской среды пространство внутри здания, которое наследует коммуникативную функцию торговой площади. Это пространство перекрыто стеклянной оболочкой сложной бионической формы, которая формирует отдельные крытые или открытые озелененные зоны. В центральной части внутреннего двора расположены прилавки фермерского рынка (рис. 6).

Периметральный объем рыночного комплекса насыщен дополнительными функциями. На разных уровнях расположены: парковка, кафе, ресторан, административные помещения, супермаркет и магазины, арт-пространство, медиатека. По мнению автора, такая многофункциональность сделает этот объект центром притяжения не только районного, но и городского масштаба. Кроме того, наличие культурно-развлекательной составляющей позволит реабилитировать негативный имидж этой территории.

Особая проблема заключалась в выборе архитектурного решения фасадов здания, ведь на развертке улицы оно соседствует, с одной стороны, с классической ордерной композицией концертного зала «Родина», а с другой – с традиционной краснокирпичной архитектурой Храма Троицы. Исходя из этого, фасады рыночного комплекса имеют максимально нейтральную образную нагрузку, однако, они современны и динамичны (рис. 7). Подчеркивая повышение высоты Храма Троицы относительно зала «Родина», по всем фасадам рынка проходит динамичный ломаный пояс, облицованный волнообразными алюминиевыми ламелями. Различная кривизна ламелей позволяет добиться интересного визуального эффекта при движении человека вдоль фасада и формирует архитектурный образ, созвучный ряби на поверхности реки. Нижний ярус здания полностью остеклен, что создает ощущение открытости и привлекательности (рис. 8).

Рис. 5. Генеральный план

Рис. 6. Интерьер внутреннего двора

Рис. 7. Перспектива улицы Кирова

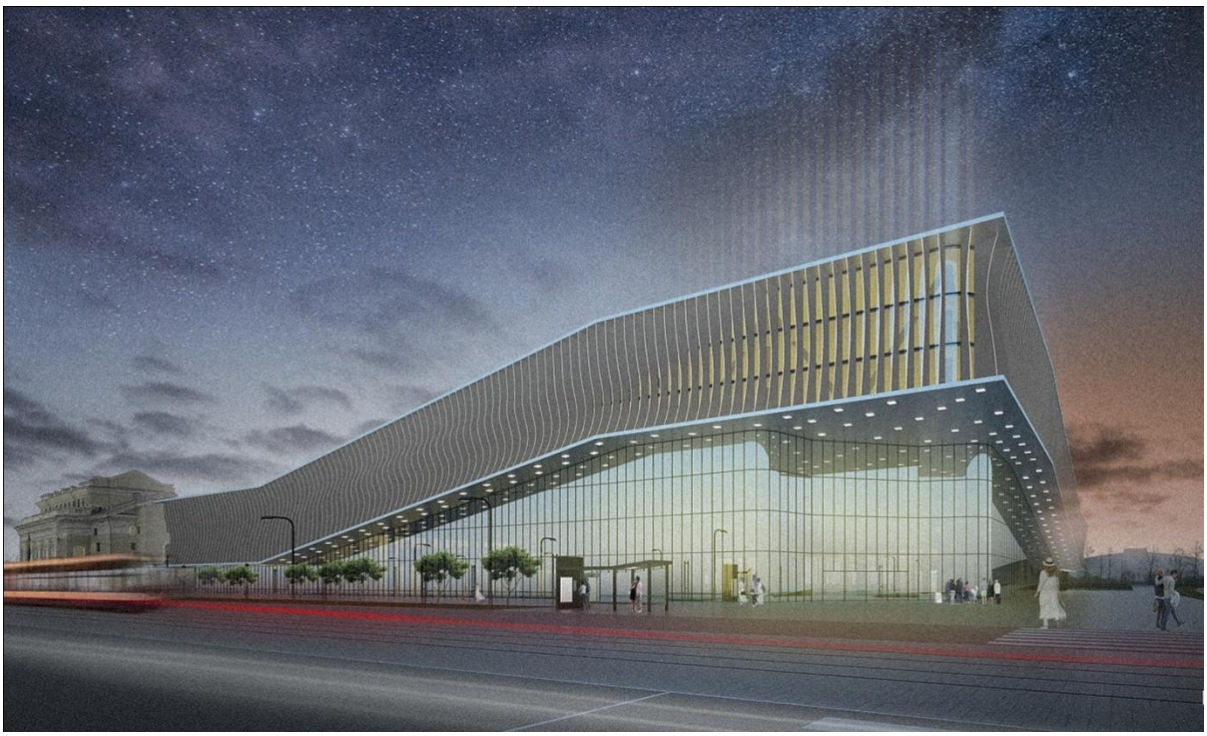


Рис. 8. Перспектива многофункционального рынка в Челябинске

Таким образом, современная трактовка традиционного здания рынка позволяет придать ему новые архитектурные качества, а с помощью дополнительных функций дает возможность сформировать новые общественные пространства для благоприятной коммуникации людей из различных социальных групп.

К содержанию

УДК 72.03(470.55)

РЕНОВАЦИЯ АРХИТЕКТУРЫ «НЕМЕЦКОГО КВАРТАЛА» В г. ЧЕЛЯБИНСКЕ

О.В. Давыдова, А.Д. Яроцкая

Приведены данные о выявлении исторически ценных архитектурных объектов, поддерживающие в должном состоянии процесс культурного развития населения и сохранение его идентичности. Изучены основные проблемы выявленных объектов культурного наследия исторической застройки «немецкого квартала» Металлургического района города Челябинска. В ходе исследования определены универсальные пути их решения.

Ключевые слова: историческая застройка, объекты культурного наследия, «немецкий квартал», комфорт и восприятие, реновация.

На сегодняшний день возникает необходимость в раскрытии историко-культурных закономерностей, архитектурно-градостроительных особенностей. Особенно сложен этот процесс в регионах с большим количеством этнических групп. Южный Урал объединяет представителей порядка 40 национальностей.

Главной причиной необходимости выявления особенностей является повышенный интерес нынешнего поколения к градостроительству и архитектуре как части культурного и духовного наследия. Все чаще проводятся реконструкции и реставрации памятников архитектуры, однако не всегда успешно. Большая же часть архитектурного наследия находится в увядающем состоянии. Не меньше половины из них до сих пор не являются выявленными объектами наследия, что уничтожает необходимость в их восстановлении. Ярким примером тому является так называемый «немецкий квартал» в Металлургическом районе г. Челябинска, постепенно утрачивающий свой облик.

Проблемой сохранения наследия является так же отсутствие каких-либо утвержденных историко-опорных планов местности, границ и свода правил возможных обновлений фонда без вреда исторической застройке.

Дело в том, что при нынешней реконструкции старой застройки зачастую не учитываются ее характерные особенности, как следствие утрачивается самое ценное: архитектурные ансамбли, масштабность, отличительные черты архитектурного стиля и ландшафтные особенности. В итоге город получает безликую архитектуру, которая не несет никакой ценности для последующих поколений [1].

Изучение объектов культурного наследия города Челябинска, их выявление и сохранение являются важной частью культурного развития

населения и сохранения идентичности, что делает данную проблему весьма актуальной [2].

В современной науке исследований наследия Южного Урала представляют работы краеведов и историков: В.С. Боже, И.В. Дегтярева, М.М. Елисеева, В.С. Кобзова, М.П. Мочаловой, В.Д. Оленькова, Г.Х. Самигулова и других, в которых собран материал по архитектурным памятникам [1].

Определение критериев ценности не выявленных объектов культурного наследия исторической застройки Металлургического района г. Челябинска и основных путей их сохранения и пользования – одна из задач данного исследования. Также важно сформулировать основные проблемы сохранения и использования архитектурно-градостроительного наследия и вывести универсальные пути решения проблем «немецкого квартала».

Сегодня все более актуальным является процесс реновации исторической застройки. Реновация (лат. renovatio – обновление, возобновление, ремонт) – процесс улучшения структуры.

Суть ее заключается в том, что для решения проблемы сохранения и пользования культурного наследия необходимо рассматривать полный комплекс данных об объектах, включающий в себя их историю возникновения, формирования, характерные черты, отражающих ценность застройки; и причин нынешнего положения, после чего выделить основные пути развития, обновления, улучшения структуры.

Территориальные границы исследования представляют собой участок исторической застройки Металлургического района г. Челябинска в пределах улиц Румянцева, Мира, Сталеваров и Социалистическая. Такие границы определены в связи с тем, что участок содержит в себе наибольшее количество сохранившейся исторической застройки, а также имеет более отличительную архитектуру для района, взвези с национальными особенностями архитектуры его строителей [3].

Хронологическими границами охватывается период застройки 1942–1947 гг. жилых кварталов силами трудоармейцев ИТЛ «Бакалстрой-ЧМС», в большинстве своем немцев по происхождению.

Строительство района неразрывно связано с историей города и страны. Во время Великой Отечественной Войны сотни промышленных предприятий были эвакуированы на Урал, требовалось трудоспособное население для строительства новых цехов и запуска производства в кратчайшие сроки.

Жилые дома и другие объекты, не имеющие стратегического значения, строились силами военнопленных. Примерно в данный период появилась основная часть «немецких кварталов», в архитектуре которых отразилась привычная глазу архитектура немецких военнопленных [3].

Первые жилые дома, датируемые 1942 г., построенные на углу Электростальской и Сталеваров, к сожалению, не сохранились. На данный мо-

мент существует пять типов жилой застройки со своими архитектурными особенностями, такими как: строгая симметрия зданий и явный метрический ряд фасадов, чередование остроконечных и прямоугольных объёмов, отличительное оформление арок, дентикулы, балясины в оформлении «ложных» балконов, узкие оконные блоки и др.

Здания являются частью композиционного каркаса района города и имеют завершенный характер композиции. Сохранившаяся застройка в данный момент не состоит на государственной охране.

Данная застройка не единственная в своем роде, однако располагает малым количеством сохранившихся объектов. Здания «немецких кварталов» встречаются в г. Магнитогорск, однако имеют иной архитектурный стиль.

Большая же часть подобных объектов находится в г. Калининград (бывший Кёнигсберг), который ранее был немецким городом [4].

Надо сказать, что в других городах России дома находятся в более презентабельном состоянии, нежели челябинские «немецкие кварталы».

Данный тип застройки нельзя встретить на территории России, что делает их непременно уникальными.

Весь немецкий квартал построен из нетипичного стройматериала – трепельного кирпича. Глиной служил диатомит, осадочную горную породу, состоящую преимущественно из останков диатомовых водорослей, добывали со дна Первого озера. После везли на Потанинский кирпичный завод, высушивали, размалывали, на воде из полученной массы формовали кирпич, сушили и обжигали. Причиной появления столь необычного кирпича служил недостаток стройматериалов.

Немаловажной особенностью участка является его близкое расположение к значимым общественным объектам и транспортным узлам. На северо-востоке относительно него располагается районный центр, состоящий из продолговатого сквера и Дворца Культуры ЧМК, а также прилегающего парка, на западе крупнейшая больница района ГКБ № 6 и большое количество других не менее значимых общественных объектов, остановочных комплексов и потоков населения.

«Немецкие кварталы» имеют малую этажность от 2 до 4 этажей, что делает их высотность сомасштабной человеку, комфортной для восприятия. К сожалению, ее нарушает новая многоэтажная застройка.

На данный момент в связи с неподобающим пользованием и не поддержанием в должном виде объектов застройки образовался ряд проблем «немецких кварталов».

Уличное пространство является перегруженным и не соответствует нынешним потребностям в том числе: количество парковочных мест, ширина пешеходной дорожки и озеленение. Разросшаяся растительность, хаотичная покраска фасадов, несочетающиеся оконные и балконные блоки, ин-

формационный и телевизионный мусор на фасадах нарушают их идентичность и видимость. Дворовое пространство потеряло все возможные признаки комфорта и безопасности: освещение, детские площадки и др.

Одной из причин появления данных проблем является отсутствие объектов в Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, что уничтожает необходимость финансирования и регулярной реставрации застройки. Однако не только данный момент является причиной нынешнего состояния. Сами жители «немецкого квартала» по итогам опросов не имеют единого мнения о ценности и значимости жилых домов, более того порядка, что минимизирует необходимость поддержания зданий в должном виде.

Исходя из современной практики, можно выделить несколько путей решения: реновация движения, улучшение восприятия исторической застройки и обновление структурных многофункциональных компонентов, направленных на организацию комфортной и безопасной жизнедеятельности. Необходимо изменение профиля улиц с учетом нынешних пешеходных и транспортных потоков. Однако стоит определить приоритеты. Учитывая, что одной из целей исследования является сохранение и пользование не выявленными объектами культурного наследия, следует уделить особое внимание пешеходным потокам. Увеличить ширину пешеходных дорожек, добавить велопути и зоны отдыха. Места для личного автотранспорта все же необходимо сохранить и облагородить озеленением, т.к. территория является многофункциональной, включающей в себя общественные организации и жилые зоны. Для создания спокойного и штилевого движения снизить скоростной режим улицы до 30 км/ч. «Въезды во дворы не могут прерывать пешеходные тротуары, они должны быть выполнены из тех же материалов и на том же уровне, что и тротуар» [5].

Таким образом, сформируется комфортная зона для прогулок и рассмотрения фасадов «немецких кварталов» не только для местных жителей, но и для туристов.

Подобного рода трансформации улиц с приоритетом пешеходов широко известны и имеют положительный результат. Примерами тому: «Набережная Йожефа Анталла-старшего, Будапешт, Венгрия. Эту улицу в Будапеште сузили для автомобилей, вместо дороги сделали пешеходную зону и нарисовали пешеходный переход.

Улица Генерала Мутона-Дюверне, Лион, Франция. Эту улицу в Лионе украсили растительностью, а проезжую часть поделили на дорожки для автомобилистов и велосипедистов» [6].

Фасадная часть требует бережное восстановление в исторический вид: открытие кладки «в пусташевку» [7], ремонт и приведение в единый стиль архитектурных элементов фасадов, очистка от информационного и телевизионного мусора. Для выделения фасадов в вечернее время можно установить подсветку.

Одним из удачных примеров служит реконструкция Кирхи Гросс Роминтена в поселке Краснолесье города Калининград, церковь была восстановлена по фотографиям. Новый кирпич не отличается от старого, а окна соответствуют историческим [8].

Дворовое пространство «немецких кварталов» нуждается в тщательной переработке. Требуется создание новых детских площадок из природных материалов, со спокойной цветовой гаммой, соответствующей жилым домам [9]. Создание многофункционально дворовой площадки, четкое зонирование территории на велопарковки, пешеходные зоны и автопарковки, по возможности размещение автопарковок максимально за пределами дворового пространства, благоустроенные хозяйственные объекты, а именно площадки сбора мусора и электрощитовые, дают возможность приобрести кварталу комфорт и уют. Положительными примерами организации пространства и заданию стиля, как бы символично это не звучало, являются проекты немецких дворов [10].

Помимо всех перечисленных выше путей решения, не стоит забывать о первоочередном – внесении объектов «немецкого квартала» в Единый государственный реестр объектов культурного наследия народов РФ. Однако также необходимо каждому жителю поменять свое отношение к «немецким кварталам», быть более внимательными и бережными по отношению к ним.

Объекты культурного наследия – неотъемлемая часть духовного и культурного развития нынешнего и будущих поколений. Каждый объект имеет неповторимый архитектурный характер, отражающий эпоху своего времени. Сохранившееся культурное наследие придает уникальность месту, где оно построено. Таким образом, выявление, сохранение и выработка правил пользования являются одной из важных задач сегодняшнего времени, так как «Будущее имеют страны, у которых есть прошлое» [11].

Реновация исторической застройки «немецкого квартала» Челябинска по направлениям организации движения включает: изменение профиля улиц с учетом нынешних пешеходных и транспортных потоков; увеличение ширины пешеходных дорожек, добавление велопутей и зон отдыха; облагораживание мест для личного автотранспорта озеленением; снижение скоростного режима улицы до 30 км/ч. для создания спокойного и штилевого движения.

Сохранение и улучшение структуры исторической застройки для обеспечения комфортной жизнедеятельности, восстановление и подсветка фасадной части улучшит восприятие и местных жителей, и туристов.

Библиографический список

1. Пономаренко, Е.В. Архитектурно-градостроительное наследие Южного Урала: автореф. дис. … д-ра архитектуры / Е.В. Пономаренко. – М.: Изд-во НИИТАГ РААСН, 2009. – 53 с.

2. Адвашкин, А.А. “Wer sind sie?”: специфика идентичности российских немцев на рубеже XX–XXI веков (на материалах Челябинской области) / А.А. Адвашкин // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 7 (60). – С. 25–28.

3. Кириллов, В.М. GEDENKBUCH: Книга памяти немцев-трудармейцев ИТЛ Бакалстрой-Челябметаллургстрой. 1942–1946: в 4 т. Т. 4 / В.М. Кириллов, С.Л. Разинков, Е.П. Турова. – М.- Н. Тагил, 2014. – 1029 с.

4. Яшунский, А.Д.Территориальная структура и облик Калининграда/ А.Д. Яшунский // Балтийский регион – 2010. –№2. − С. 131-139.

5. Кац, М.Е. Проектирование городских улиц. / М.Е. Кац, коллектив авторов NACTO – М.: Изд-во Альпина Нон-фикшн, 2015.- 192 с.

6. До и после: 41 трансформация общественных пространств. – URL: http://varlamov.ru/1459444.html/.

7. Потерянная Германия на окраине Челябинска. – URL: http://chelyabinsk.ru/text/city/139540572655616.html?video=1#video/.

8. Храм святых мучеников Адриана и Наталии в Краснолесье. Реставрационные работы завершены. – URL: http://exclav.ru/stati/avtoryi/hram-svyatyih-muchenikov-adriana-i-natalii-v-krasnolese.-restavratsionnyie-rabotyi-zaversh.html/.

9. Как правильно делать детские площадки. – URL: http://varlamov.ru/1371530.html.

10. Что было бы с нашими дворами, если бы в России жили немцы? – URL: http://varlamov.ru/1592678.html.

11. Шойхер, В.Ю. Антология мысли в афоризмах / В.Ю. Шойхер. – М.: Изд-во Вече, 2016. – 400 с.

К содержанию

УДК 728.1 + 711.582

ЭКОНОМИЧНАЯ И МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ПАНЕЛЬНОГО МИКРОРАЙОНА

О.В. Давыдова, Е.И. Русинова

Рассмотрены теоретические основы формирования социальной инфраструктуры панельного микрорайона. Определены направления развития современного концепта микрорайона с экономичной и многофункциональной инфраструктурой. Исследован мировой опыт экономичной и многофункциональной организации общественных пространств как модератора поведения людей. Приведены примеры бюджетного строительства инфраструктуры микрорайона.

Ключевые слова: социальная инфраструктура, жилая среда микрорайона, экономичность и многофункциональность, пути взаимодействия, комфорт пребывания.

Решение проблемы доступности жилья для основной части населения России является стратегически важной социальной задачей нашего общества. Национальный проект «Доступное и комфортное жильё – гражданам России» направлен на решение задач увеличения объёмов жилищного строительства, на развитие массовых типов жилья для основной части населения России, повышение доступности его приобретения различными слоями общества и определение путей его реализации. На стадии проектирования в микрорайонах закладываются детские сады, школы, торговые центры, благоустройство дворов и прилежащей территории. Но уже к завершающему этапу строительства инфраструктура микрорайона ограничивается организацией детской игровой площадки, выделением зоны для парковки автомобилей и установкой урн. Основным недостатком такого массового жилья остается – монофункция [2, 3, 4].

Многолетний опыт строительства социального жилья показывает, что формирование микрорайонов с акцентом только на одну основную их функцию – проживание, грозит в дальнейшем образованием «гетто». Яркими примерами являются: Приют-Айго в Сент-Луисе, район Байлмер на юго-восточной окраине Амстердама, Социальное жилье в г. Гродно и численное большинство панельных микрорайонов на периферии городов по всей России [1, 5].

Функция – единство пространства и деятельности [4].

Застройщики пренебрегают такими важными и неотъемлемыми частями строительства как социальная многофункциональная инфраструктура и жилая среда микрорайонов.

Социальная инфраструктура – совокупность отраслей, подотраслей, отдельных предприятий, организаций, учреждений, т.е. структурных элементов хозяйственной системы, создающих условия, необходимые для нормальной жизни населения, в первую очередь его трудоспособной части, и способствующих, тем самым, развитию производственной сферы (Представители «отраслевого» подхода).

Социальная инфраструктура – целостная система элементов, направленная на формирование условий, необходимых для организации полноценного бытия человека в различных сферах и гармоничного развития личности (Представителей «деятельностного» подхода) [2].

Социальная инфраструктура включает:

1) учреждения и предприятия обслуживания:

– детские дошкольные учреждения;

– помещения для физкультурно-оздоровительных занятий;

– физкультурно-спортивные центры;

– поликлиники и их филиалы;

– предприятия торговли, общественного питания, бытового обслуживания;

– отделения и филиалы банков;

– аптеки;

2) дворовые площадки:

– для детей до 3 лет;

– для детей от 3 до 7 лет;

– для детей от 7 до 12 лет;

– для взрослых;

– спортивные площадки, площадки для сушки белья;

– площадки для чистки ковров;

– площадки для мусоросборников;

3) парковки постоянного и временного хранения автомобилей;

4) благоустройство дворов и прилегающих территорий;

5) входные группы, парадные.

По определению А.В. Крашенинникова: «Жилая среда рассматривается как внешняя, дополнительная часть собственно жилища и охватывает территорию не только в непосредственной близости от дома, но и скверы, улицы, переулки, на которых реализуются повседневные бытовые и рекреационные потребности человека».

Ярким примером насыщенной инфраструктуры панельных микрорайонов является жилой комплекс Барбикан в Париже. Комплекс был официально открыт в 1969 году. В его состав входят: три 43-х этажные башни и тринадцать семиэтажных домов-пластин. На высоте двух-трех этажей все постройки связаны платформами, пандусами, мостами. Внизу, в подиуме – парковки, служебные помещения, в одном месте – даже отрезок улицы,

спрятанный в тоннель. На террасах – сады с пальмами, пруд, искусственный водопад. На главной площади – старая церковь и заботливо расчищенные остатки древнеримской стены (рис. 1, 2).

а) вид с птичьего полета

в) входная группа

Рис. 1. Жилой комплекс Барбикан, Париж, Франция

Другим примером является панельное типовое строительство в Германии [6]. Микрорайоны имеют схожие с Российскими планировки дворов, такую же архитектуру, но фасады в идеальном порядке, газоны и кусты подстрижены, парковки вынесены за территорию двора, входные группы подъездов проницаемы и прозрачны (рис. 2).

В современной России организация и благоустройство инфраструктуры и дворовых пространств является развивающимся направлением в проектировании. В Московском дворе в Тропарево-Никулино по ул. Ак. Анохина, 38 в 2012 году был запущен проект благоустройства. Двор представляет собой круглое пространство внутри шестнадцатиэтажных панельных башен. Задача проектировщиков: выявить потребности жильцов и согласно этим данным создать благоприятную среду для всех возрастных групп населения (рис. 3).

а) панельный дом

б) двор жилой группы

Рис. 2. Панельное жилое строительство в Германии

а) двор до реализации проекта

б) двор до реализации проекта

Рис. 3. г. Москва, ул. Ак. Анохина, 38

Также стоит рассмотреть проекты, которые не принесли успеха и причины неудачи их реализации. Это Приют-Айго в Сент-Луисе. Комплекс Прютт-Айго был одним из государственных жилищных проектов. Для него был выделен расчищенный участок в северной части гетто для афроамериканцев. Работники жилищного фонда и городские планировщики хотели заселить тех, кто остался без жилья не только в Прютт-Айго, но и в других районах. Задачей архитекторов было решить форму отдельных зданий и уместить в них тот максимум удобств, который позволял постоянно урезаемый бюджет. В результате сокращения бюджета, лифты останавливались не на каждом этаже зданий, мебель быстро пришла в негодность, уровень социальной обеспеченности жителей падал, черное население вытеснило белое, и они быстро покинули Прютт-Айго. Объектами инфраструктуры (прачечными, дворовыми пространствами, коридорами и пр.) перестали пользоваться из-за повышенной криминогенной обстановки в районе. В 1974 году микрорайон был объявлен зоной бедствия и снесен.

Другой пример – район Байлмер на юго-восточной окраине Амстердама. В конце 1960-х Байлмер строился как образцовый вертикальный «город-сад». Транспорт был разделен с общественным пространством, в результате чего в Байлмере не было улиц: их заменили подъездные пути, под которыми был пешеходный уровень тропинок и велосипедных дорожек. На территории города-сада были аккуратно расставлены гигантские «змейки». Это жилье было просторнее обычного и позиционировалось как элитное и ультрасовременное. Но Байлмер превратился в наказание: уровень жизни стремительно падал, район заселили иммигранты, возросла преступность, уровень вандализма зашкаливал, и в результате город-сад приобрел ярлык единственного в Амстердаме «гетто». Чтобы поднять социальный уровень, в Байлмере начали строить малоэтажное жилье, встраивать в модернистские кварталы дополнительные элементы инфраструктуры. Гигантский масштаб модернистской застройки «разукрупнили» в более мелкий, большую часть многоэтажек в виде пчелиных сот просто снесли, кое-что перестроили. Этнический состав остался при этом довольно пестрым, но социальный уровень жильцов подрос.

В микрорайонах современной эпохи двор представляет собой набор унифицированного оборудования, но, стоит отметить, качественно поменялся материал изготовления. На смену неуютным железным турникам и качелям приходят комфортные из прочного пластика игровые городки.

На примере двора в Тропарево-Никулино по ул. Ак. Анохина, 38 в Москве известно, что при честном и грамотном, добросовестном подходе к реализации проекта благоустройства дворов, материалов и оборудования может оказаться в избытке, что говорит о том, что на начальном этапе требуемый объем закладываемых средств может быть меньше.

Для создания в короткие сроки сооружений инфраструктуры, не требующих возведения фундамента и больших финансовых затрат возможно применение морских контейнеров. Они могут выполнять совершенно разную функцию: кафе, магазин, склад, аптека, офис, ателье и пр. В мире и в России они уже получили широкое применение в сфере строительства жилых индивидуальных домов, офисов и магазинов (рис. 4–6).

Рис. 4. Контейнер-дом. Европа.
Источник: http://euro-cont.com

Рис. 5. Контейнер-магазин. Россия.
Источник: http://euro-cont.com

Рис. 6. Контейнер-офис. Челябинск. Источник: фото автора

51 Микрорайон г. Челябинска располагается в Северо-Западной части города на Краснопольской площадке.

В 2013 году ООО «Фирма Челябстройподрядчик» приступила к освоению 51 микрорайона Краснопольской площадки. По плану застройщика были предусмотрены общеобразовательные учреждения, две школы, два детских сада, торгово-развлекательный центр площадью 35 000 квадратных метров – он должен был вместить в себя кафе, рестораны, клубы, фитнес центр и массу других культурно-развлекательных объектов (рис. 7).

Рис. 7. Проект 51 микрорайона, г. Челябинск

К 2016 году на территории микрорайона возведено несколько жилых групп, на стадии строительства – одно девятиэтажное здание. В близлежащем микрорайоне 51А ведутся строительные работы трех девятиэтажных панельных домов – жилая группа «Яркая жизнь», а также имеется долгострой – фабрика быстрой заморозки картофеля. Инфраструктура микрорайона: игровые площадки, 4 продуктовых магазина, 1 кулинария, 2 салона

красоты, располагающиеся на 1-х этажах жилых зданий. Вокруг жилой группы располагается 4 платные автостоянки (рис. 8).

Рис. 8. Дворовое пространство. Ул. Лобырина 5,
51 микрорайон, г. Челябинск. Источник: фото автора

В ходе исследования было выявлены пути движения пешеходов, которые жители используют чаще всего (рис. 9).

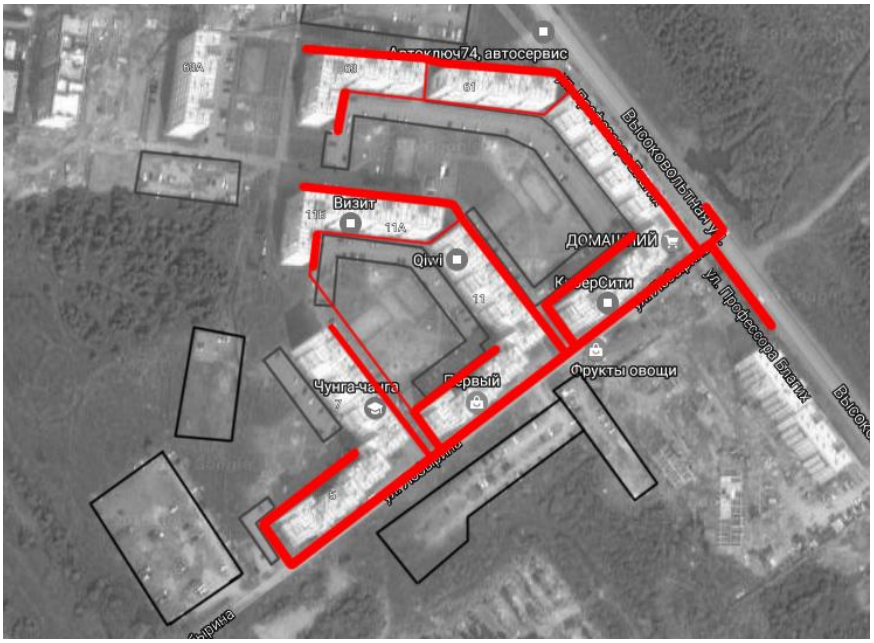


Рис. 9. Схема пешеходных путей 51 микрорайона

Проектное предложение заключается в создании социальной инфраструктуры по средствам возведения контейнерных блоков вдоль ул. Лобырина и организации в них студий дополнительного образования, досуговых центров, магазинов, кафе, аптек и других необходимых организаций. Так-

же предлагается провести благоустройство дворового пространства, создать благоприятную среду для жителей всех возрастных категорий, сделать среду безопасной и доступной. Сюда включаются: организация игровых площадок и зон отдыха для всех возрастных категорий, организация пешеходных путей, согласно, сложившимся естественным путем, маршрутам жителей, устройство прозрачных входных групп, вынос временных парковок за пределы дворового пространства.

Заключение

Многофункциональная инфраструктура играет огромную роль в жизни микрорайона и его жителей через короткие пути взаимодействия между разновозрастными группами по выявленным интересам, индивидуально-общественные места активного и пассивного отдыха, а также идеальные условия для бизнеса, обеспечивающего жителям микрорайона рабочие места.

Библиографический список

1. Вологжанин, М. Фотоистория о страшном эксперименте над бедными людьми в США / М. Вологжанин // MAXIM/Чтиво/Истории с картинками 09.2013. – URL: http://www.maximonline.ru/longreads/photogallery/_article/tak-zhit-nelzya/.

2. Исследование городов РФ «Борьба за горожанина: человеческий потенциал и городская среда» 2014. – URL: http://repnoe.net/upload/iblock/1b1/issledovanie_gorodov.pdf/.

3. Коробейников, Е. Двор в Тропарево-Никулино, ул. Ак. Анохина, 38. Москва / Е. Коробейников // UrbanUrban – электронный журнал/опыт 29.01.2013. – URL: http://urbanurban.ru/blog/experience/211/Troparyovo-Nikulino-Dvor-na-Akademika-Anokhina/ (проект), http://www.the-village.ru/village/people/experience/142707troparevo_experiment (реализация проекта).

4. Пучков, М.В. Город и горожане: Общественные пространства как модератор поведения людей / М.В. Пучков // Архитектон: известие вузов. – 2014. – № 45. – URL: http://archvuz.ru/2014_1/4/.

5. Социальное жилье в Гродно: выбитые стекла, сорванные подоконники, горы мусора // Грозденская правда. Новости 26.11.2014. – URL: http://grodnonews.by/ru/0/21069/news/.

6. Шитиков, В. Панельные районы в Германии / В. Шитиков // livejournal. – 06.11.2016. – URL: http://v-shitikov.livejournal.com/3193.html/.

К содержанию

УДК 316.77 + 378.03 + 72.02

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ НОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

О.В. Давыдова

Рассмотрены теоретические основы восприятия, передачи и усвоения информации. Обобщен опыт информационного взаимодействия созданием условий для осмысленного восприятия студентами нового материала через листы обратной связи, опорные конспекты, интеллект-карты. Приведены примеры листов обратной связи при изучении нового материала дисциплины «Композиционное моделирование», «Архитектурное проектирование», «Архитектурно-ландшафтная организация территории жилых и общественных зданий».

Ключевые слова: усвоение информации, психология восприятия, опорные конспекты, интеллект-карты, листы обратной связи.

Учебно-воспитательный процесс образовательных учреждений направлен на передачу общественного опыта, накопленного предыдущими поколениями, для переосмысления в настоящем и осознанного, разумного применения в будущей деятельности. Разумность отражается в целостном мировосприятии и учете возможностей преобразуемых объектов. Через личную деятельность в историческом времени человек становится участником культурно-исторических процессов человечества, создавая будущее, он «воскрешает» прошлое, изучая прошлое – создает будущее. Появляется новая информация, которая уточняет, дополняет или отвергает полностью или частично более раннюю.

Изучению вопросов восприятия информации посвятили свои исследования многие ученые. В исследованиях за 2016 год, указывается, что современные молодые люди воспринимают только краткую и наглядную информацию. Информация потребляется ими маленькими, «перекусочными», порциями, при этом иконки, смайлики и картинки часто заменяют текст [5].

Известно, что процент усвоения информации во время лекции составляет 5 %, при чтении – 10 %, просмотре и прослушивании – от 20 % до 30 %, при обсуждении в группах – 50 %, в практическом выполнении – 75 %, а при обучении других – 90 %.

В связи с этим, практико-ориентированное обучение, согласно ФГОС, преобладает над лекционными формами [7, 8]. Однако и на практических занятиях, установочную теоретическую информацию, так называемые «ограничители творчества»: существующие правила и нормы разумной деятельности, студенты усваивают с трудом, ссылаясь, что им

этого не говорили, а первоисточники информации, в связи с нехваткой времени им читать некогда.

Таким образом, возникает вопрос, как методически эффективно организовать процесс передачи информации в кратком, удобном для усвоения виде, и как оперативно осуществить процесс обратной связи перед выполнением самостоятельной практической деятельности студентов?

Основные теоретические положения и практические рекомендации ученых, изучающих вопросы восприятия информации, ее «передачи» и «усвоения» [1, 2, 3, 4, 5, 6].

Информация (от лат. informatio – осведомление, разъяснение, изложение) в толковом словаре русского языка Ожегова определяется:

– сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком или специальным устройством.

– сообщения, осведомляющие о положении дел, о состоянии чего-нибудь. (Научно-техническая и газетная информации, средства массовой информации – печать, радио, телевидение, кино).

Информация в наиболее общем определении – это отражение предметного мира с помощью знаков и сигналов.

Основные виды информации по её форме представления классифицируются следующим образом: графическая или изобразительная; звуковая (акустическая); текстовая; числовая; видеоинформация.

Восприятие – это процесс отражения в сознании личности явлений и предметов в сумме их свойств, состояний, компонентов. Данный процесс тесно связан с органами чувств, поскольку любая информация получается посредством участия зрительных, слуховых и иных ощущений.

Способы восприятия информации существуют самые различные: зрительный, слуховой, осязательный, речемыслительный. Все вместе они создают гармоничную и целостную картину мира.

В ходе психологических экспериментов было доказано, что зрительные анализаторы обладают более высокой пропускной способностью, чем слуховые. Глаз способен воспринимать миллионы бит в секунду, ухо – только десятки тысяч. Поэтому 10 % человек запоминает из услышанного, 20 % – из прочитанного, и 80 % – из увиденного и сделанного.

Данные, воспринятые с помощью глаз, более осмысленны и лучше сохраняются в памяти, подтверждая поговорку: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать».

Визуализация – мощный инструмент донесения мыслей и идей.

Процесс восприятия информации представляет собой высокоорганизованную внутреннюю работу, в которой участвуют все психические процессы: внимание, воображение, память, мышление. Для того, чтобы поступающая в мозг информация лучше усваивалась, ее необходимо осознавать или осмысливать. Восприятие как раз и выполняет функцию своеобразного проводника между новой информацией и ее осознанием.

Чтобы информацией можно было пользоваться и выстраивать на ее основе суждения и выводы, необходимо, чтобы она попала в долгосрочную память и обросла различными нейронными связями (т.е. была связана с другой информацией, усвоенной ранее или позднее). Чем больше таких связей, тем быстрее мозг находит путь к такой информации.

Устанавливать информативные связи помогают установки на осмысленное восприятие: листы обратной связи для ответов на поставленные вопросы перед тематическим просмотром презентации или видео, опорные конспекты, рисование интеллект-карт по решению поставленных проблем.

Интеллект – карты (карты ума) – мысли на определенную тему, выраженные в структурированной графической форме, изобрел Тони Бьюзен в 1970 г и опубликовал в книге «Думай головой». Такая карта нужна, чтобы из хаоса разрозненных идей и соображений получилась понятная целостная картинка, иллюстрирующая проблему и дающая понимание, как ее решать: «Нарисуй проблему – найдешь ее решение».

Линейное представление информации в виде текста не до конца использует возможности нашего мозга по восприятию сгруппированной и связанной информации, содержащей в себе смысловые цвета, рисунки, схемы, типовые связи, так как задействует только левое полушарие головного мозга. При работе с картами дополнительно задействуется кора правого полушария, отвечающая за восприятие наглядных и цветных образов и творческую деятельность. Благодаря этому визуализированная информация воспринимается гораздо быстрее и помнится дольше.

Наш мозг в силу своего устройства работает с информацией ассоциативно, а не линейно. При этом у нас в голове создаются образы, благодаря которым мы и понимаем информацию. Таким образом, представляя информацию в виде интеллект-карт, мы упрощаем работу своего мозга по ее восприятию.

Правила построения интеллект-карт:

– начинать нужно с центра и далее двигаться по часовой стрелке с верхнего правого угла;

– для эффективности рекомендуется использовать множество цветов, символов, рисунков, которые способствуют формированию ассоциативных образов в мозге и быстрому усвоению информации.

Опорный конспект – это представленный в виде схемы материал с рисунками, определениями, датами, формулами. Он содержит наглядные причинно-следственные логические связи, по которым легко восстановить в памяти содержание изучаемой темы и рассказать его. Автор методики (1970–1980 гг.) В.Ф. Шаталов, показал, что с помощью опорных конспектов обучающиеся намного лучше воспринимают, излагают и запоминают информацию. Сегодня, когда количество информации в мире растет в геометрической прогрессии и также быстро устаревает, существенно более ценно не умение запомнить информацию, а умение найти нужную и работать с ней так, как требуется (рис. 1, 2).

Тема «Моделирование пространства»

«Архитектура – искусство, оперирующее пространством…
Пространство, а не камень – материал архитектуры».
Н. Ладовский

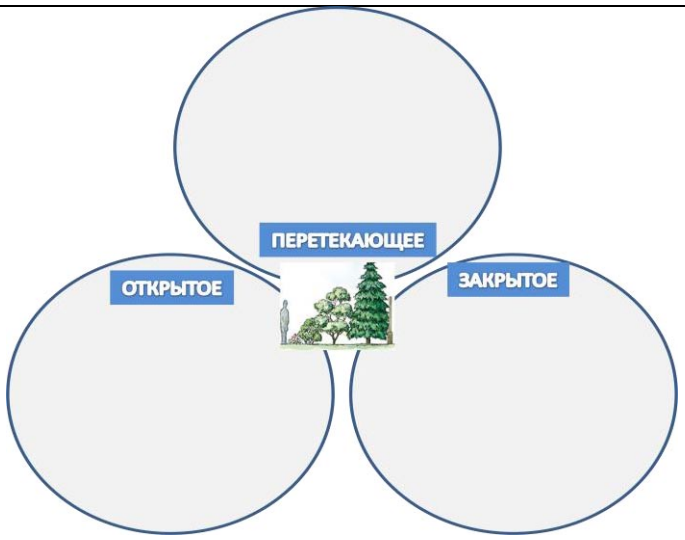
1. Отметить виды планировки в зависимости от рельефа поверхности

Планировка	**Ровная поверхность**	**Террасированная поверхность**	**Холмистая поверхность**
Регулярная			
Свободная			
Смешанная			
Симметричная			
Асимметричная			
Прямоугольная			
Кольцевая			
Радиальная			
Радиально-кольцевая			
Лучевая (веерная)			
Спиральная			

2. Законы гармонизации пространства
_____
_____
_____
_____
_____

3. Функция – это _____
_____

4. Геопластика – это



5. Приемы иллюзорного расширения (раскрытия) пространства → Открытое
_____

6. Приемы иллюзорного сужения (приближения) пространства → Закрытое
_____

7. Приемы иллюзорного соединения (перетекания) пространства → Перетекающее
_____

8. Планировка пространства в зависимости от назначения:
для уединения (закрытое), для созерцания (открытое)

Рис. 1. Опорный конспект

Русская архитектура от древности к средневековью

1. Технология ориентации в пространстве и рационального использования ресурсов (природных и временных) в архитектуре Аркаима (Аркаим как модель вселенной и машина времени)

_____

2. Причины возникновения городов и их планировка?

_____

3. Особенности строительных технологий Аркаима?

_____

4. Внутренняя планировка жилища древних металлургов и огнепоклонников?

_____

5. Внутренняя функционально-символическая композиция деревенской избы

_____

6. Наружный декор деревянного сруба

_____

7. Функционально-символическая композиция Кремля

_____

8. Композиция шатровых храмов

_____

9. Композиция ярусных храмов

_____

10. Символика православного храма

_____

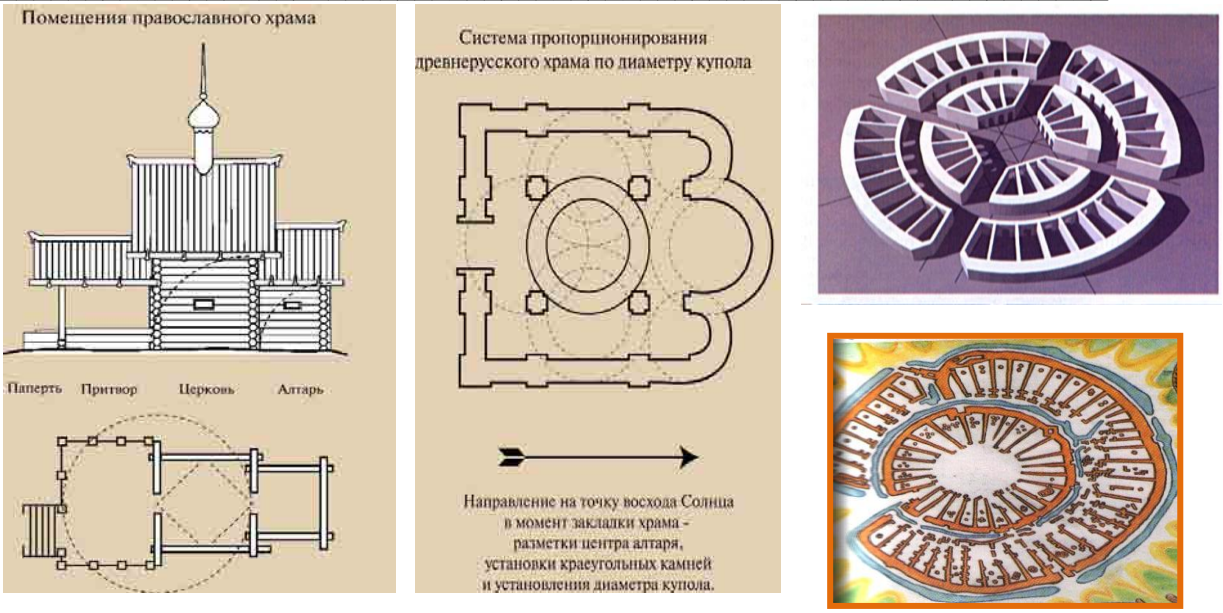


Рис. 2. Региональный компонент
при изучении Архитектуры Древней Руси

Графическое отражение информационного обеспечения – важный результат работы с информацией. Обращение к печатным первоисточникам снижает уровень информативного искажения.

В образовательной практике широко представлены листы обратной связи, собранные в рабочие тетради по изучаемым предметам начального и основного образования. Эта практика возможна и в высшей школе, для:

– оперативной обратной связи с преподавателем в процессе изучения студентами нового материала (см. рис. 1);

– фиксации вопросов для итогового контроля (см. рис. 1, 2);

– интеграции знаний с параллельно изучаемыми дисциплинами и последующими, связанными с культурно-историческими процессами человечества (рис. 3);

– включения заданий и вопросов с региональным компонентом, по основным изучаемым разделам дисциплины (см. рис. 2).

Например, вопросы, связанные с открытием Аркаима, композиционной организации пространства и объема, моделирования движения, установление или снятие ограничений (стандарты, нормы и правила), работа с информацией от постановки учебных целей и задач изучаемой дисциплины к новым образовательным результатам, от ознакомления с материалами учебной литературы к прогнозированию методического оснащения неосвещенных вопросов, от поиска информации к возникновению нового знания.

Известны примеры структурированной информации, позволившие сделать открытия в области химических наук (таблица Дмитрия Менделеева), искусства (периодическая система искусств Булата Галеева).

Установлению причинно-следственных связей возникновения новых архитектурных форм для дальнейшего прогнозирования архитектурного развития помогают задания с выявлением проблем, над которыми работали архитекторы, с изучением вариантов их разрешения, тем более проблемы могут повторяться. Например, проблемы эмиграции и свободного перемещения между Востоком и Западом. Эта проблема решалась архитекторами модерна в динамическом равновесии традиций Востока и Запада, использовании символики, орнамента, флореальности (растительный орнамент и природные формы, понятные всем национальностям), сочетании традиционных и новых материалов (керамика, бетон, железобетон, стекло, металл). Стремление уйти от однообразия приводило к появлению новых стилей. И если Джон Эскин (1890–1900 гг.) считал, что «Архитектура, есть искусство, которое так располагает и украшает здание, что самый вид его содействует душевному и умственному здоровью»; «архитектурный орнамент как кожа, без которого любое здание станет мертвым и безобразным», «архитектор прежде всего скульптор, а уж потом инженер», «Архитектура создает органические структуры, которые должны подчиняться законам природы», то архитекторы конструктивизма ставили под сомнением избыточность украшений не соответствующих техническим реалиям и отвержение орнаментик: «Что утилитарно, то и красиво».

Разработаны листы обратной связи при изучении нового материала по дисциплинам «Композиционное моделирование», «Архитектурное проекти-

рование» направления подготовки 07.03.01 – Архитектура, уровень бакалавр и направления подготовки 07.04.01 – Архитектура, уровень магистр. Работа для уровня магистратуры содержит задания самого высокого уровня усвоения информации (90 %), достигаемого по данным психологических исследований при обучении других. Это возможно как закрепление знаний, умений и навыков пройденной магистрами ранее педагогической практики или при «обучении» однокурсников.

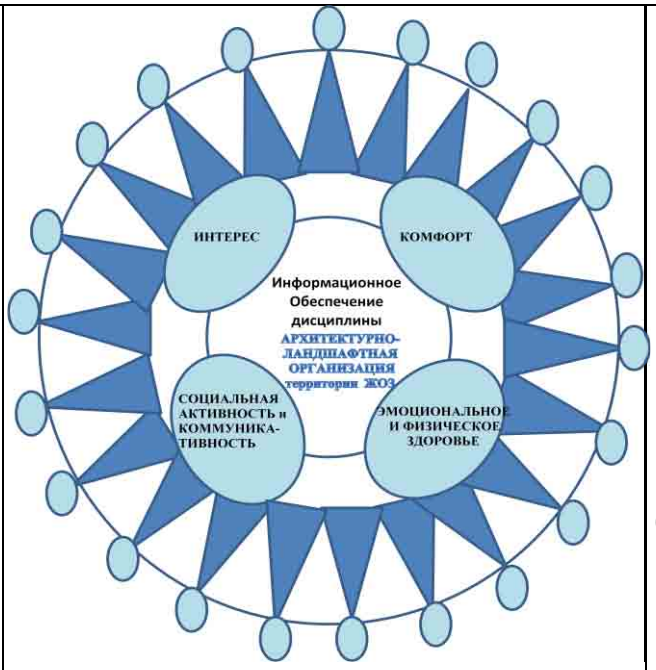
Список литературы		**Задачи**
1. Давыдова, О.В. Архитектурное благоустройство территорий: учеб. пособие / О.В. Давыдова. – Челябинск: Рекпол, 2008. – 66 с 2. Давыдова, О.В. Ландшафтное проектирование: учеб. пособие / О.В. Давыдов. – Челябинск: Изд-во Рекпол, 2008. – 80 с. 3. Семеняк, Г.С. Современные материалы в ландшафтной архитектуре: учебное пособие / Г.С. Семеняк, С.Г. Шабиев. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. – 117 с.		свойства растений, условия произрастания, состав почвы, уход и защита, обновление ассортимента, законы гармонизации, безопасность, освещение, мощение, исторические особенности, психология восприятия, правила и нормы озеленения, альпинарии, рокарии, сады на крыше, зимний сад, флорадизайн, фитодизайн, беседки, водоемы, лестницы,

Рис. 3. Информационное обеспечение с указанием страниц, содержащих теоретическую информацию в решении обозначенных задач с целью цивилизованной архитектурно-ландшафтной организации

Таким образом, к компьютерному информационному оборудованию, с доступом в интернет, проектным экраном, проектором и звуковыми колонками, стендов с тематической литературой для эффективной организации обратной связи с преподавателем в процессе изучения студентами нового материала добавляются:

– листы обратной связи с вопросами и заданиями по новому материалу, представленному статичной или динамичной инфографикой, видеофрагментами или презентацией;

– интеллект-карты, чтобы из хаоса разрозненных идей и соображений получилась понятная целостная картинка, иллюстрирующая проблему и дающая понимание, как ее решать;

– опорные конспекты, представленный в виде схемы материал с рисунками, определениями;

Также полезны обновляемые стенды обратной связи с лучшими образцами выполненных тематических работ, информационно объединяющих прошлое с будущим через настоящее.

Библиографический список

1. Альтшуллер, Г.С. Найти идею: Введение в ТРИЗ – теорию решения изобретательских задач. – 5-е изд. / Г.С. Альтшуллер. – М.: Альпина Паблишер, 2013. – 240 с.

2. Давыдова, О.В. Творческая деятельность в личностном развитии обучающихся. Монография / О.В. Давыдова. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2016. – 90 с.

3. Лукашенко, М. Тайм-менеджмент для детей: Книга продвинутых родителей / М. Лукашенко. – М.: Альпина Паблишер, 2012. – 297 с.

4. Орлов, М.А. Азбука ТРИЗ. Основы изобретательного мышления / М.А. Орлов. – М.: СОЛОН-Пресс, 2010. – 156 с.

5. Сбербанк опубликовал результаты исследования молодежи. – URL: http://www.banki.ru/.

6. Теория связывания информации. Техники быстрого запоминания и усвоения информации. – URL: http://dnschool.ru/events/tekhniki_bystrogo_zapominaniya_i_usvoeniya_informatsii_kotorye_prigodyatsya_dlya_izucheniya_angliysk.

7. ФГОС ВПО по направлению подготовки 07.03.01 Архитектура (уровень бакалавриата), 2016. – 10 с.

8. ФГОС ВПО по направлению подготовки 07.04.01 Архитектура (уровень магистратуры), 2015. – 21 с.

К содержанию

УДК 72.036(410)

ИНДИКАТОР АРХИТЕКТУРНЫХ ТРЕНДОВ XXI ВЕКА – ПАВИЛЬОНЫ ЛОНДОНСКОЙ ГАЛЕРЕИ СЕРПЕНТАЙН

В.Г. Чудинова

Статья представляет аналитический обзор ежегодных построек павильонов по проектам архитекторов – звезд мирового уровня. На фактическом материале программы, проводимой уже 18-й год лондонской галереей Серпентайн, выявляются предпочтения и устойчивые приемы в современной архитектуре. Даны иллюстрации с краткой характеристикой 24-х павильонов, построенных в XXI веке для галереи Серпентайн.

Ключевые слова: парковые павильоны, современная архитектура, Кенсингтонские сады, архитектурный тренд, мировая знаменитость.

С 2000 года галереей Серпентайн, расположенной в Кенсингтонских садах Гайд-парка в Лондоне, проводится ежегодная летняя программа, для которой строится временный павильон. За 4 месяца, с июня по октябрь, он привлекает около 250 тысяч человек. Летний павильон Галереи Серпентайн входит в десятку наиболее посещаемых архитектурных выставок в мире [1].

Опыт постройки этих павильонов за первые 17 лет XXI века служит наиболее наглядной иллюстрацией предпочтений в современной архитектуре, поскольку каждый раз проект поручается архитекторам мировой величины. Однородность функции, места постройки и ограниченность её возведения по времени позволяет корректно сопоставить решение данной задачи разными архитекторами, представляющими уже полтора десятка стран. Одним из условий получения такого почетного заказа для архитекторов является их международное признание и отсутствие построек на территории Англии.

Хронология спроектированных к настоящему времени павильонов с указанием авторов и стран выглядит следующим образом:

№ 1 – 2000 г., Заха Хадид, Англия;

№ 2 – 2001 г., Даниэль Либескинд, Америка;

№ 3 – 2002 г., Тойё Ито, Япония;

№ 4 – 2003 г., Оскар Нимейер, Бразилия;

В 2004 г. проект не осуществлён – MVRDV, Голландия;

№ 5 – 2005 г., Алвару Сиза и Эдуарду Соуту де Моура, Португалия;

№ 6 – 2006 г., Рем Колхас, Нидерланды, при участии бюро Arup;

№ 7 – 2007 г., Олафур Элиассон, Норвегия и Arup. Заменяющий его в первые недели программы другой павильон выполнен бюро Захи Хадид.

№ 8 – 2008 г., Фрэнк Гери, Америка;
№ 9 – 2009 г., SANAA, Япония;
№ 10 – 2010 г., Жан Нувель, Франция;
№ 11 – 2011 г., Петер Цумтор, Швейцария;
№ 12 – 2012 г., Херцог и де Мёрон, Швейцария, Ай Вэйвэй, Китай;
№ 13 – 2013 г., Со Фудзимото, Япония;
№ 14 – 2014 г., Смилян Радич, Чили;
№ 15 – 2015 г., SelgasCano, Испания;
№ 16 – 2016 г., Бьярке Ингельс, Дания;
Проект для 2017 г. выполнил Дьебедо Франсис Кере, Буркина-Фасо.

На иллюстрациях в табл. 1 показаны перечисленные павильоны с краткой характеристикой, подчеркивающей только объективные свойства их образа и композиции. Более подробное описание и фотографии представлены на официальном сайте Serpentine Gallery [2].

В табл. 2 приведены дополнительные 3 павильона-беседки, которые появились в 2016 г. и были символически связаны с парковым храмом королевы Каролины. Им отводилась площадь по 25 кв. м. Расширенная программа 2016 г. была связана с уходом с поста директора галереи Джулии Пейтон-Джонс после 25 лет работы. Именно по её инициативе появилась традиция постройки ежегодных павильонов, которые стали чрезвычайно популярны. Идея распространилась в других художественных институциях за пределами Англии. По окончании сезона павильон разбирается и продаётся с аукциона.

Наиболее устойчивой характеристикой в композиции представленных павильонов является проницаемость внутреннего пространства, его перетекание из внутреннего во внешнее. Причем, это не только визуальная связь через светопрозрачные ограждения, хотя они являются второй по значимости, распространенной в данном объекте, характеристикой современной архитектуры. Даже символическая форма камня-валуна в павильоне 2014 г. оказывается светопрозрачным коконом. Из тонкого стекловолокна, стеклопластика выполнены несколько павильонов.

Эксперименты с новыми материалами также характеризуют современный процесс. Экологическая парадигма, которую привычно связывают с природными материалами, не столь сильно выражена, как можно было предположить. Мы видим пробковые стулья и покрытие в интерьере павильона 2012 г., деревянные элементы в отделке стальной конструкции павильона Фрэнка Гери 2008 г.

Удивительно мало используется цвет в архитектуре павильонов. Фактически только 2 примера из 17 (даже 24-х) демонстрируют роль цвета в создании образа – красный павильон 2010 г. Жана Нувеля и радужный 2015 г. испанской пары архитекторов. Возможно, это продиктовано стремлением не конкурировать с насыщенным цветом кирпичных стен стационарного павильона. По проекту в 2017 г. павильон будет синим.

Таблица 1

Хронология и образная характеристика павильонов

№ 1 **2000** г. Заха Хадид. Открытая динамичная форма. Навес. Единое пространство. Белый цвет. Подсветка интерьера.	**№ 2** **2001** г. Даниэль Либескинд. Полузамкнутая динамичная форма. Несущая и ограждающая конструкция совмещена. Зеркальное отражение.
 № 3. **2002** г. Тойо Ито. Проницаемый, атектоничный. Объем вписан в параллелепипед. Белый цвет. Равнозначность фасадов.	 **№ 4.** **2003** г. Оскар Нимейер. Лаконизм, однофасадность. Поднят над землей. Четкие грницы объема. Связь с окружение через пандус.
 Не реализован. **2004** г. MVRDV. Павильон-холм, высота 23 м. 200 тонн металлоконструкций, поглощает существующее здание. Геоморфизм.	 **№ 5.** **2005** г. Алвару Сиза и Эдуарду Соуту де Моура. Форма тектоничная, Деревоклееная решетчатая структура. Светопроницаемая, разомкнутая.

Продолжение табл. 1

 № 6. **2006** г. Рэм Кулхас, инж. Сесил Бальмонд. Лаконизм. Белый цвет. Статичная форма, надувной купол. Светопрозрачная четкая граница.	 **№ 7.** **2007** г. Олафур Элиассон, инж. Сесил Бальмонд. Спиральный пандус, конический, многоуровневый объем. Проницаемая четкая граница.
 № 8 **2008** г. Фрэнк Гери. Тектоничная, проницаемая форма без четкой границы и стен. Динамизм натуральное дерево, стекло, металл.	 **№ 9** **2009** г. SANAA Кадзуё Сэдзима и Риё Нисизава. Плоский зеркальный навес, лаконизм, нематериальность. Статичность.
 № 10 **2010** г. Жан Нувель. Интенсивный цвет, трансформация, игра текстур и плоскостей, динамизм, полиморфизм объемов, открытость.	 **№ 11** **2011** г. Петер Цумтор. Глухой, замкнутый снаружи, черный, несколько входов. Внутри – сад под открытым небом, ограничен двойной стеной с навесом. Аскетизм, отсутствие связи с окружением.

Окончание табл. 1

№ 12. **2012** г. Жак Херцог и Пьер де Мёрон, художник Ай Вэйвэй. Статичная форма, геоморфизм, полная проницаемость, зеркало воды.	**№ 13.** **2013** г. Соу Фудзимото. Нематериальный. Облако стальных стержней. Трехмерная ортогональная решетка. Отсутствие ясной границы.
№ 14 **2014** г. Смилян Радич. Атектоничная форма-обманка. Кокон-валун. Стеклопластик с подсветкой. Статичный, замкнутый, приподнятый.	**№ 15** 2015 г. Selgascano. Люсия Кано и Хосе Селгас. Разветвлённый светопрозрачный кокон. Открытые торцы. Радужные цвета, пластик.
№ 16. **2016** г. Бьярке Ингельс. Пластичный объем, светопрозрачные модули из стеклопластика, динамизм ракурсов, параметрический дизайн.	**№ 17.** **2017** г. Дьебедо Франсис Кере. Замкнутый, статичный. Нет связи с окружением. Решетчатая деревянная кровля. Интенсивный цвет. Проект.

Таблица 2

Внепрограммные павильоны разных лет

2013 г. Заха Хадид, Стационарный пристрой ко второму историческому зданию галереи в Кенсингтонских садах (Serpentine Sackler Gallery). Характерная для Захи Хадид бионическая пластика. Ночной вид, интерьер (справа)	
2007 г. Заха Хадид, Патрик Шумахер. Ткань, подсветка. Временная замена на 2 недели программного павильона.	Беседка 2016 г. Архбюро Barkow Leibinger, Германия. Непрерывная лента, пространственная скульптура.
Беседка 2016 г. Арх. Кунле Адейеми, Нигерия. Архбюро NLÉ. Прообраз формы – отпечаток паркового храма королевы Каролины XVIII века.	Беседка 2016 г. Художник Асиф Хан, Британия. Параметрический дизайн. Нематериальность, разомкнутость. Игра теней, отражение.

Критические высказывания не обходят стороной столь знаковые объекты как павильоны Серпентайн. Так, например, в обсуждении пластиковой оболочки павильона 2015 г. (протекающей в дождь и перегреваемой в солнечную погоду) английский критик Роуан Мур указывает на противоречивость требований от архитектуры качества художественной инсталяции, а от арт-бъекта функциональных и конструктивных качеств архитектуры [3]. Российский архитектор, профессор МАрхИ, Михаил Белов пишет в комментарии к публикации о павильоне 2014 г: «Паразитирование «актуальной формы» в качестве контрапункта, на фоне идиллического английского пейзажа – дело давнишнее и нехитрое. На идеальном британском газоне что угодно легко вытерпеть. Но этот символ глобальной толерантности и политкорректности вряд ли пополнит «сундучок драгоценностей» сокровищницы «модернистских достижений» хоть в какой-то исторической перспективе» [4]. Речь в данном случае шла о форме мегалита из просвечивающейся синтетики 2014 г.

Одним из регулярно повторяющихся приемов архитектуры, который демонстрируют временные постройки Кенсингтонского сада, следует признать лэндморфность. Ведущей эта тема была в символическом образе «археологических раскопок» павильона 2012 г. А также в ряде других, включая нереализованный проект голландцев 2004 г.

Нечастым, но всё же заметным приемом является параметрический дизайн формы, мотив которого однозначно читается в 2005 и 2016 годах, но можно разглядеть ещё в павильоне 2002 г.

Нематериальность объема, архитектура как бы без стен и вообще без зданий, регулярно проявляется в образах павильонов Serpentine, особенно в работах японских архитекторов – 2009, 2013 гг.

Обязательным элементом современной архитектуры является светодизайн. Ни один павильон не обошелся без продуманного вечернего образа. В 2013 г. он был даже ведущим – создан эффект вспышек короткого замыкания.

Игру зеркальных отражений и теней в плоскостях стекла, металла, водной глади можно заметить во множестве примеров. Причем, вода (дождевая) как часть формы используется лишь в одном примере – 2012 г. Не играет заметную роль и озеленение – только в неосуществленном зданиихолме 2004 г. и в дворике Питера Цумтора 2009 г. появляется растительность как неотъемлемая часть образа. Трансформация объема также применена в единичных случаях – это надувной шар-купол Рэма Кулхоса и Складные навесы Жана Нувеля.

Сравнительно мало использованы криволинейные формы – это шар, кокон и конус. Даже криволинейные поверхности павильонов 2005 и 2016 гг. образованы плоскими конструктивными элементами. Пластичность павильонов Захи Хадид 2007 и 2013 гг. являются исключением, поскольку данные павильоны не входили в ежегодную программу, и отражают

творческое кредо архитектора. К тому же, здание, построенное в 2013 г., – не совсем павильон. Это расширение бывшего порохового склада 1805 г., вторая площадка галереи, названная Serpentine Sackler Gallery.

Подводя итог, следует отметить, что из трендов в архитектуре последних десятилетий, проявленных в лондонских павильонах с 2000 по 2017 гг., наибольшее их количество представлено в 2012 г. Архитекторы Жан Херцог и Пьер де Мёрон в сотрудничестве с китайским художником Ай Вейвеем с удивительной точностью выразили в лаконичном образе наиболее присущие современности характеристики (рис.).

Павильон Serpentine Gallery. 2012 г.

Среди них: иллюзорность, геоморфизм, экотектоника, природные материалы, слияние с окружением, проницаемость пространства, нематериальность, искусственный свет как неотъемлемая часть образа. А также присутствует реплика постмодернистской иронии – форма стульев, символизм – 12 опор в 12-м по счету павильоне, «археология».

Библиографический список

1. Лондонская Галерея Серпентайн построит этим летом пять павильонов. (дата публикации 11.12.16) // Информационный портал Архи.ру. – URL: http://archi.ru/news/67493/galereya-serpentain-vpervye-predstavit-ne-odnu-a-pyat-postroek-na-svoei-letnei-programme.

2. Serpentine Galleries // Официальный сайт Серпентайн галереи в Лондоне. – URL: http://www.serpentinegalleries.org/explore/pavilion/.

3. Rowan Moore. Serpentine pavilion 2015: So where’s the function? // The Guardian Sunday 28 June 2015. – URL: https://www.theguardian.com/artanddesign/2015/jun/28/serpentine-pavilion-all-style-no-shelter.

4. Нина Фролова. Валун или кокон? // Информационный портал Архи.ру. – URL: http://archi.ru/world/56292/valun-ili-kokon/.

К содержанию

УДК 379.845(470.55) + 338.48-53:62

КОРКИНСКИЙ УГОЛЬНЫЙ РАЗРЕЗ КАК ОБЪЕКТ ПРОМЫШЛЕННОГО ТУРИЗМА

В.Г. Чудинова, К.В. Рязанова

В статье обозначена перспектива ревитализации территории Коркинского разреза. Будучи крупнейшим техногенным объектом Европы, он обладает уникальным потенциалом для развития промышленного туризма. Рассмотрены основные предпосылки и преимущества данной стратегии, более предпочтительной, чем заполнение трехкилометровой котловины отходами ГОКа.

Ключевые слова: Коркинский угольный разрез, ревитализация, промышленный туризм, туристическая инфраструктура.

Угольный разрез определяет облик и жизненный уклад города Коркино и района в целом. Проблема закрытия производства не первый год стоит перед «Челябинской угольной компанией» и касается не только промышленной отрасли, но и социально-экологических процессов, определяемых задачами рекультивации разреза. Огромные промышленные территории приходят в упадок, их физическое состояние стало проблемой, которую необходимо срочно решать. Одним из вариантов ревитализации территорий, связанных с Коркинским разрезом может стать его постепенное преобразование в центр промышленного туризма. Уникальность морфологии объекта (рис. 1) и другие факторы позволяют сделать его генератором развития туризма не только на уровне области, но и в глобальном масштабе.

Рис. 1. Коркинский угольный разрез.
Источник: http://tmp.avr.net.ru/korkino/1.pnga

Промышленный туризм связан с изучением территории производства, сооружений промышленного назначения с целью ознакомления с технологией создания той или иной продукции, ознакомлением с историей промышленных предприятий – как действующих, так и закрывшихся [1]. Основоположниками промышленного туризма принято считать американские компании. Впервые открыл двери своим посетителям в 1866 году, завод Jack Daniel's. С тех пор в США осталось мало компаний, которые не пускают к себе экскурсантов, так как это считается дурным тоном и может навредить репутации фирмы [2].

До середины XX века рынок туризма был слишком узок, поэтому и рынок промышленного туризма, даже в США, был скорее рынком услуг досуга для местного населения, чем рынком междугороднего, и уж тем более международного туризма. Реальный рынок промышленного туризма начинает формироваться только с середины XX века вместе с революционным рывком в развитии рынка туристических услуг. Но, реальные приросты данного сегмента в развитых странах мира начинают выявляться только к началу 90-х гг. XX века. До 90 % европейских турагентов, работающих ныне на рынке промышленного туризма, согласно выводам из исследования А. Отгаара, вышли на данный сегмент туристического бизнеса на рубеже 80–90-х годов XX века. Сегодня безусловным успехом пользуются экскурсии на производства заводов BMW, Audi, тематический парк Volkswagen’s Autostadt в Германии, Legoland в Дании, Swarovski Krystallwelten в Австрии и многие другие [2].

Развитие промышленного туризма может существенно повысить интерес к путешествиям по России, параллельно внеся вклад в популяризацию рабочих профессий. При опросе предприятий Большого Урала о промышленном туризме, все они отметили, что открыты для специалистов, студентов и школьников в рамках профориентационной работы. Но, судя по сайтам, в свои цеха готовы пускать только три из них: заводы Coca-Cola, Heineken и Группа ЧТПЗ – «Высота 239» на Челябинском трубопрокатном заводе и «Железный Озон 32» на Первоуральском новотрубном [3].

Объектами промышленного туризма могут становиться закрывающиеся промышленные объекты с не полностью демонтированным оборудованием, и не полностью уволенным промышленным персоналом, такие как Коркинский разрез. Это предприятие являлось градообразующим и его конверсия, ревитализация связанных с производством объектов, стали вопросом выживания окружающих населенных мест.

В настоящее время созданы рабочие группы по координации и организации работ, куда вошли представители нескольких десятков ведомств, начиная от федеральных министерств и заканчивая региональными надзорными органами, районными администрациями и другими организациями, такими как РЖД, Росавтодор, Челябэнерго.

К сожалению, рассматривается крайне затратный и даже скандальный на местном уровне вариант рекультивации с использованием вредных отходов (хвостов) горно-обогатительного комбината – Томинского ГОКа, строительство которого вызывает протесты.

Планируется, что в ходе рекультивации разрез будет заполнен закладочным материалом в объеме 500 млн кубических метров до уровня 140 метров от поверхности. Выше этого уровня разрез будет заполнен водой. По данным разработчиков технологии, на это уйдет 23 года, и к 2040 году на месте чадящего котлована (рис. 2) должен образоваться большой пруд.

Материалом из хвостов после сгущения можно запечатывать подземные полости, перекрывая доступ кислорода к выходам угольных пластов. Тогда эндогенные пожары прекратятся. Тот же материал подходит для укрепления бортов разреза и остановки оползневых процессов. На рекультивацию нужно 30 млрд рублей, еще 10 – на переселение с бортов карьера примерно шести тысяч жителей поселка Роза [4].

Рис. 2. Схема расположения угольного разреза в системе населенных мест.
Источник: http: http://alex-avr2.livejournal.com/147843.html

Для ревитализации территории Коркинского угольного разреза в любом случае понадобятся значительные затраты, включающие проектные и подготовительные работы. Но, интеграция этой уникальной природно-

техногенной системы в систему промышленного туризма послужила бы усилению местной идентичности и брендированию региона на международном уровне, а главное – улучшению социального климата и появлению новых рабочих мест для сотрудников закрывающегося предприятия.

Главным элементом любой туристической инфраструктуры является совокупность природных и созданных человеком объектов, которые имеют особенности и пригодны для создания туристической инфраструктуры. Коркинский разрез обладает этими признаками в превосходной степени. Кроме того, здесь в наличии и рекреационные и познавательно-культурные ресурсы, а также возможности для организации уникального набора активностей. Например – разнообразных экстремальных видов спорта.

На рис. 3 показано, что для формирования туристической инфраструктуры, в том числе на промышленной территории, необходимо наличие трех групп факторов. Первая объединяет естественно-природные и социально-экономические ресурсы. Это природные и антропогенные ресурсы, территории туристических дестинаций[1] и их характеристики, сложившиеся социально-экономические и хозяйственные связи.

Рис. 3. Группы факторов развития туристической инфраструктуры.
Источник: http://tourlib.net/statti_tourism/korneva.htm [5]

Ко второй группе относится экономическая емкость промышленного рынка дестинации, которая включает объем общественных потребностей экономики дестинации и объем рыночного спроса местного населения и туристов. Третья группа факторов представляет собой финансовый потенциал туристической инфраструктуры. Здесь можно выделить две группы ресурсов – внешние и внутренние. К внешним относятся субсидии, субвенции, трансферты, средства, формируемые в связи со льготным налогообложением хозяйствующих субъектов, средства различных межрегио-

[1] Дестинация – это географическая территория, имеющая определенные границы, которая может привлекать и удовлетворять различные потребности широкой группы туристов. Термин был введен в середине 1980-х гг.

нальных программ, средства международного финансирования туристских программ региона и его субъектов, средства внешних инвесторов. Внутренние финансовые ресурсы включают амортизацию, местные налоги, имущество и прибыль саморегулирующихся организаций, учрежденных органами власти, запасы товарно-материальных ценностей, денежно-валютные средства, ресурсы страховых организаций [5].

В их число входит и организация качественной инфраструктуры туризма – мест для проживания, питания, досуга, транспорта, а главное – демонстрационного комплекса и экспозиционных объектов. Потребуются значительные капитальные вложения в реконструкцию под туристический объект внутренней инфраструктуры предприятия, а в ряде случаев и внешней. В то же время зона Коркинского угольного разреза имеет серьезные предпосылки для того, чтобы стать эпицентром международного промышленного туризма:

1. Уникальный техногенный геологический объект – самый глубокий в Европе и второй в мире угольный разрез.

2. Обеспеченность территории инженерными и транспортными коммуникациями. Близость к международному аэропорту, железнодорожным станциям, развитость автодорожной сети.

3. Наличие капитальных производственных строений в хорошем состоянии, которые могут стать частью экспозиции и взять на себя первоочередную роль в построении инфраструктуры туризма (рис. 4).

4. Редкие экземпляры оборудования и механизмов, вышедших из употребления и представляющих антикварную ценность.

5. Доступность развитой инфраструктуры областного центра, города с миллионным населением Челябинска – всего 40 км.

6. Земельные ресурсы – территории, не занятые ни застройкой, ни сельхозугодьями, ни лесами.

7. Разнообразие природных ландшафтов, необычные пространства, масштаб и монументальность

8. Наличие в ближайшем окружении других перспективных объектов промышленного туризма Челябинска и области. В том числе действующих предприятий тяжелой промышленности.

В заключение можно кратко перечислить основные организационные шаги и задачи:

1) формирование команды проекта с управляющей компанией и активным собственником; 2) событийное наполнение, управление площадками для мероприятий; 3) политика формирования сообщества арендаторов; 4) реинвестирование прибыли на развитие; 5) получение обратной связи и мониторинг; 6) партнерский обмен опытом и ресурсами с другими моногородами [6].

Целью долгосрочной стратегии будет являться создание устойчивого проекта, который будет способен самостоятельно поддерживать себя и развиваться.

Рис. 4. Производственные постройки и оборудование угольного разреза.
Источник: http: http://alex-avr2.livejournal.com/147843.html

Библиографический список

1. Клейменова, Е. О. Диверсификация экономики моногородов за счет развития промышленного туризма / Е. О. Клейменова, А. О. Чулакова // Проблемы и перспективы экономики и управления: материалы III Междунар. науч. конф. – СПб.: Заневская площадь, 2014. – С. 256–259.

2. Скляренко, С.А. Перспективы развития промышленного туризма в России / С.А. Скляренко, Т.М. Панченко, И.А. Селиванов, М.В. Головенко // Российское предпринимательство. – 2011. – № 10, Вып. 1 (193). – С. 146–150.

3. Промышленный туризм в России – есть ли перспективы? // Сайт NK-TV.NET. – URL: http://nk-tv.net/2015/07/09/promyshlennyj-turizm-v-rossii-est-li-perspektivy.html/.

4. Рекультивация Коркинского разреза: как это будет // Агентство новостей. – URL: https://dostup1.ru/society/NE-VKL-Rekultivatsiya-Korkinskogo-razreza-kak-eto-budet_94009.html/.

5. Корнева, Д.А. Формирование туристической инфраструктуры на промышленных территориях / Д.А. Корнеева // Вісник ДІТБ. – 2012. – № 16. – С. 103–108.

6. Гурьянов, Г. Как «поднять брошенное»: подходы к ревитализации промзон / Г. Гурьянов // Сайт Моногорода РФ. – URL: http://xn--80afd4affbbat.xn--p1ai/uploads/knowledge_file/content/7/3_2_Monotowns_Presentation_Gurianov.pdf.

К содержанию

УДК 332.812.12 + 69.059

КРИТЕРИИ ПОКУПКИ ЖИЛЬЯ НА ВТОРИЧНОМ РЫНКЕ

С.В. Амелькович

Освещены ключевые вопросы, которые следует поставить перед началом реконструкции здания. Приведена классификация зданий, вызывающих наименьшие проблемы при реконструкции. Как следует оценивать элементы ограждающих конструкций. Определены основные факторы, влияющие на ситуацию вторичного рынка недвижимости.

Ключевые слова: низкое энергопотребление, реконструкция, вторичный рынок недвижимости, оценка стоимости здания.

Для тех, кто еще не является собственником жилья, анализ затрат начинается на момент выбора. Решающий вопрос звучит так: какие средства я хочу и могу тратить на проживание? При ответе на этот вопрос необходимо принимать во внимание множество аспектов.

– какие модернизации и перепланировки производились прежним владельцем;

– что следует изменить, чтобы добиться соответствия стандартам на дом с низким энергопотреблением;

– как следует оценивать элементы ограждающих конструкций (наружные стены, крышу, окна);

– какие дополнительные расходы нужно запланировать владельцу вторичного жилья.

Какие здания вызывают меньше проблем при реконструкции? Ответ прост – построенные в 50-е года прошлого века. При проектировании и строительстве этих домов соблюдалась строгая технологическая дисциплина. Ограниченные технические возможности, недостатки строительных материалов компенсировались высококачественной строительной документацией: чертежи были детально проработанными, а конструкции – продуманными. В то время строилось мало зданий, которые сегодня можно признать исторической ценностью. Базовые структуры просты и незатейливы, и их безо всякого труда можно перепланировать, наращивать, достраивать. Окна не удовлетворяют современным требованиям, полы сильно изношены, а отопительные системы технически устарели.

Многие здания, построенные в 1990-х годах и позднее, все еще имеют высокую потребительскую стоимость. При этом в данный период при разработке чертежей, схем несущих конструкций и инженерного оборудования существенно снизился порядок и дисциплина (проектирование стало «индивидуальным»). Кроме того, именно тогда в строительстве стали широко применяться более качественные с технической точки зрения отделочные материалы, но экологически-сомнительные (клеи, вспененные материалы, краски, грунтовки). Чтобы осуществить эффективную реконструкцию такого здания необходимо предусмотреть существенные затраты: демонтаж некоторых конструктивных элементов, которые сохранили работоспособность, но изготовлены из экологически вредных материалов, причем их утилизация – еще дополнительная статья расходов.

Таблица

Ключевые вопросы, которые необходимо поставить перед реконструкцией

Что мне хочется?	Список пожеланий домовладельца. Стандарты по экономии энергии и уровню комфорта, желаемые усовершенствования.
Что я должен сделать в любом случае?	Исключить влияние вредных факторов, обеспечить соблюдение строительных норм и правил.
Что я обязан соблюдать?	Нормы по звукоизоляции, меры по противопожарной защите, соблюдение законных прав ваших соседей, нормы общежития.
Что я могу себе позволить?	Планирование бюджета, выбор источника финансирования.

Цены на старые дома диктуются исключительно ситуацией на вторичном рынке недвижимости. На эту ситуацию влияют следующие факторы: размер и расположение земельного участка, строительная и социальная обстановка, привязка к транспортной системе.

Это данности, которые невозможно изменить. Поэтому они заслуживают особого внимания и оказывают главенствующее влияние на принятие решения о покупке недвижимости, чтобы капиталовложение было надежным и безопасным.

В процессе оценки стоимости здания необходимо учитывать пространственные характеристики, конструктивные элементы и архитектурно-художественное решение, равно как и личные вкусы, и индивидуальные предпочтения покупателя. Не стоит бояться непривлекательных домов. На самом деле, чем хуже внешний вид недвижимости и общее впечатление, которое она производит, тем меньше ее рыночная стоимость и больше возможностей для реконструкции и преобразования в современный дом с пониженным энергопотреблением.

Библиографический список

1. Граник, Ю.Г. Конструкции наружных ограждений и инженерные системы в новых типах энергоэффективных жилых зданий / Ю.Г. Граник, А.А. Магай, В.С. Беляев // Энергосбережение. – 2003. – № 5. – С. 73–75.

2. Рей, Д. Тепловые насосы / Д. Рей, Д. Макмайл; пер. с англ. – М.: Энергоиздат, 1982. – 224 с.

3. Табунщиков, Ю.А. Энергетически пассивный многоэтажный жилой дом / Ю.А. Табунщиков // «АВОК». – 2013. – № 1. – С. 14–23.

4. Файст, В. Основные положения по проектированию пассивных домов / В. Файст.

5. Шилкин, Н.В. Пассивные здания: возможности современного строительства / Н.В. Шилкин // Энергосбережение. – 2011. – № 4. – С. 34–41.

6. Мультикомфортный дом ISOVER. Комфорт и безопасность для окружающей среды // Брошюра компании SAINT – GOBAIN ISOVER, 2012. – 11 с.

7. URL: http://www.saveplanet.su/articles_442.html, http://www.computerra.ru/78045/tsement-ochishhayushhiy-gorodskoy-vozduh-ot-zagryazneniy/, http://www.membrana.ru/particle/10721.

К содержанию

УДК 711.4.01 + 72.017.4

РОЛЬ ЦВЕТА В ФАСАДАХ ГОРОДА

Т.А. Варгот

Приведенные данные – это сравнительная характеристика цветообразования в архитектуре на протяжении разных эпох и стилей. Изменение общего колорита городской среды посредством фасадов.

Ключевые слова: окружающая среда, архитектура, цветообразование, многоцветие.

«Цвет – это жизнь, мир без красок представляется нам мертвым».

Василий Кандинский

В естественной среде, т.е. в природе происходит саморегулирование колорита, которое диктует время года, каждый раз, гармонично меняя его. Архитектура и дизайн, две специфики, создающие художественно-эстетическую основу предметно-пространственной среды. Эта среда создается искусственно, здесь не происходит саморегулирования, поэтому необходимо грамотно подходить к её формированию, т.к. цветовое поле окружает человека непрерывно. Однако для управления колористикой необходимо понять систему факторов, структуру, обуславливающую ее существование в той или иной форме. В большинстве сознаний архитектура ассоциируется с естественными материалами, это светлые цвета и оттенки, присущие древесине, камню и песку которые применимы для крупных архитектурных сооружений формируемых городскую среду. И напротив объекты дизайна, которые наполняют архитектурное пространство, имеют широкий цветовой спектр, как контрастные сочетания, искусственно яркие так и монохромные. Структурная особенность этих объектов их функция, назначение влияют на цветообразование таких продуктов дизайна. Так же немало важно среда, окружающая их, учитываются культурные особенности, климатические условия. На сегодняшний день колористика активно развивается, полихромия активно внедряется в архитектуру, но еще с наименьшей силой, чем в дизайне, так как продукты дизайна имеют меньший срок эксплуатации, чем архитектурные сооружения. Тенденция, которая была девизом прошлых стилей «цвет следует форме», в XX века меняется на «расцвет многоцветия», появляются экспериментальные материалы, позволяющие использовать активный цвет, в разрез привычным природным. В композицию приходит суперграфика – контрастное сопоставление цветографической темы и формы. Если сделать колористический срез русской архитектуры в полтора столетия, то палитра цветов складывается следую-

щая: классицизм – это пастельная охристая гамма, которая оживляется зеленовато-синими, фиолетовыми и оранжевыми оттенками в модерне. Ампир и модерн так же несут в себе идею подражанию природным мотивам (традиционная для колористики черта). Конструктивизм же основан на белом, черном и редко красном цвете, через супрематическую живопись и дизайн вышел в архитектуру, яркий пример это цветные архитектоны К. Малевича. Авангард 1920-х годов и в частности – супрематизм Малевича (рис. 1), оказал огромное влияние на творчество и становления как архитектора Захи Хадид (рис. 2).

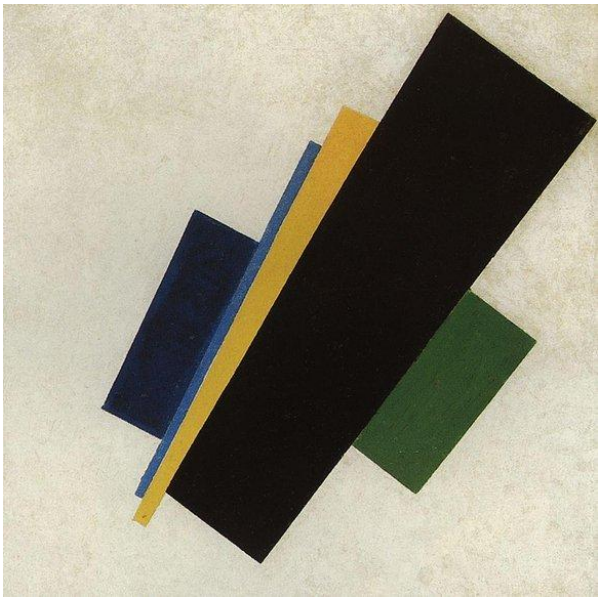


Рис. 1. К. Малевич Супрематизм

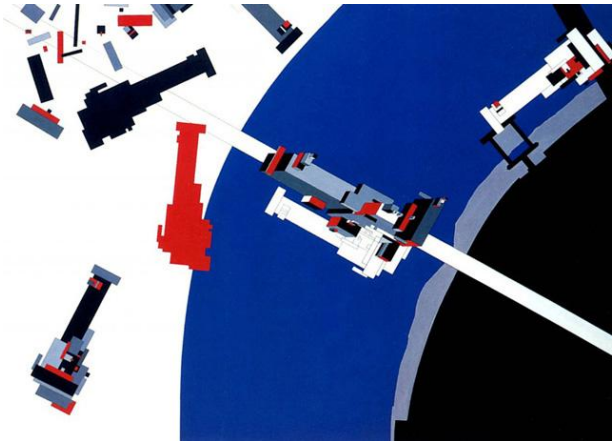


Рис. 2. Заха Хадид. Архитектоны

Во время послевоенного массового строительства цвет стихийно оживляется, но затем не культивируемый профессионально, надолго исчезает из бело-серых новостроек. В настоящее время, во время высоких технологий в строительной сфере – цвет является жизненной необходимостью людей нового поколения, впитавших современную цветовую культуру, информативно насыщенных. Отрабатывается экспериментальный материал в сфере дизайна, который быстро улавливает и реализует тенденции цветовой культуры. Расцвет архитектурного многоцветия каждый раз провоцируется пиком развития полихромии дизайна, что особенно очевидно в последнее время. Расцвет полихромии в архитектуре непрерывно связан и спровоцирован пиком развития полихромии в дизайне [1]. Появляется потребность разрушить стереотип известных предметов: интерьер, городскую среду. Появление новых объектов и необжитого пространства новостроек, закрепленного одинаковыми параллелепипедами серых зданий. Цветовые очертания (графы), должны соответствовать новому ритму времени в то же

время быть сомасштабными градостроительной значимости дизайнерских и архитектурных объектов. Цвет несет самостоятельную нагрузку в результате осознания его как центральной категорией формы, наряду с пространством и объектом. Самостоятельность колористики значительно расширяет ее композиционные возможности. Чтобы убедиться в этом, представим регулярную форму. Естественным желанием будет, окрасит такую форму с ее структурой – это не требует творческого усилия, не ставит сверх задач. Выделить акцент, организовать композиционный центр является простейшей композиционной задачей, а визуально изменить форму, это задача высшего порядка, решение которой требует максимальной самостоятельности цвета, выходя на суперграфику. Этот принцип является плодотворным в совершенствовании уже сложившейся монохромной предметно-пространственной среды. Взаимодействие между цветом и формой не исчерпывается формальным уровнем. Монолитный объект мало информативен, а имеющий детали – красноречив. При лаконичности форм современной массовой архитектуре, детализация цветом может быть достигнута формообразующим действием, который в свою очередь создает новые ритмы. Связка цвет + форма требуют развития одной составляющей, в случае недостаточной активности другой. Монохромность крупных объектов вызывает беспокойство неподвижности решения, с другой стороны перебор с цветом напоминает речь, состоящую из выкрикиваний (рис. 3). Таким образом, цвет и геометрия формы постоянно создают конфликтную ситуацию, которая попеременно, в зависимости от задачи решается в пользу той или иной стороны (рис. 4).

Рис. 3. Пример полихромии фасада

Рис. 4. Пример полихромии фасада

В цветовую среду города объекты средового дизайна вносят весомый колористический вклад. Новые формы входят в непосредственный контакт с жилой и общественной архитектурой, меняя облик и общий строй. Крупные дизайнерские объекты должны становится акцентами городской среды, обладать наибольшей цветовой активностью и задавать тон всей полихромии окружения. Или наоборот, являться отражением окружения городской среды, если это зеркальные фасады. По убеждению, цвет должен опираться на смысловые значения объектов и развивать их. Архитектор – дизайнер в своей деятельности должен опираться на традиционно художественные дисциплины, так же социальную и психологические особенности.

Очень интересен опыт французских художников и ученых, таких как Ж. Филласье, Б. Лассюся, Ж.Ф. Ланкло, которые получили значительное развитие в колористике благодаря работам Г. Фрилинга и М. Люшера. Например, Г. Фрилинг предлагал цветовые решения, создающие психофизический комфорт. В свою очередь М. Люшер выдвинул концепцию психологической гармонии, основанную на четырех цветах (красном, синем, желтом и зелёном). Обосновывая тем, что эти четыре цвета, являются архетипами, духовных состояний человека, связывая это с определенными мыслями и действиями. В теории Люшера говорится о том, что эти четыре цвета определенным образом действуют на всех людей, их различное сочетание обеспечивает определенное поведение, вызывает определенные эмоции, так же влияет на самочувствие.

Зная этот цветовой механизм, колорист способен конструировать соответствующую цветовую среду. Однако для реализации этой теория, необходимо учитывать особенности цветовой культуры, нивелирующими или усиливающими действие отдельных цветов и их сочетаний. Поэтому перед колористом каждый раз возникает задача коррекции четырехцветного механизма, для результативного его использования в работе.

Библиографический список

1. Лаврентьев, А.Н. Теоретические проблемы художественно-образного и пространственно-средового взаимодействия архитектуры, дизайна и декоративно-прикладного искусства: монография / А.Н. Лаврентьев, А.В. Сазиков. – М.: Изд-во Московская государственная художественно-промышленная академия имени С.Г. Строганова, 2014. – 331 с.

К содержанию

УДК 655.322:7.012 + 655.322:7.037.3

КОНСТРУКТИВНАЯ КНИГА КАК АРТ-ОБЪЕКТ

О.И. Воробьева, Е.Ю. Шараева

Приведены исследования в области футуристической книги, выявлены основополагающие элементы в дизайне арт-книги, как объекта изобразительного искусства. Определены основные средства и приемы конструктивного подхода к дизайну книги, обозначены принципы взаимодействия арт-объекта на эстетическое и эмоциональное восприятие потребителя.

Ключевые слова: книжный дизайн, арт-книга, футуризм.

Книга как арт-объект наиболее полно раскрывает себя в таком явлении как «книга художника», так как наряду с изданиями, сохраняющими традиционную форму книги, в понятие Книга художника также включают книги-объекты, книги-перформансы, книги ленд-арт, реди-мэйд, мэйл-арт, медиа-арт [1]. Книга художника – это своеобразный творческий метод, в котором автор использует книжную форму в качестве основополагающего инструмента для самовыражения. Здесь «автор» понимается в широком смысле слова, как творец, мастер особого вида искусства. В отличие от писателя он создаёт книгу как целостный организм, в котором текст становится лишь одной из составляющих комплексного арт-месседжа. Послание, зашифрованное в Книге художника, почти никогда не ограничивается визуальным и концептуальным рядом – не менее важными оказываются тактильные, слуховые, а иногда обонятельные и вкусовые ощущения [1]. Как отмечает российский арт-критик и историк искусств Сергей Валерьевич Хачатуров, главный парадокс такого явления как «книга художника» в том, что «книгой в привычном понимании объекты, созданные в этом жанре, назвать нельзя» [2].

Термин «Книга художника» является дословным переводом французского livre d’artiste, которым обозначают традицию коллекционных изданий, ведущую свое происхождение от издательской деятельности Воллара [3]. В начале XX века во Франции благодаря усилиям Маршана и издателя Амбруаза Воллара искусство книги было приравнено к искусству создания пластических шедевров. Художник становился полноценным соавтором издания. Его роль, равно как и печатников, шрифтовиков, переплетчиков, оказывалась главной наравне с автором [3]. Книги делали многие знаменитые художники, такие как Арп, Миро, Пикассо, Матисс и другие. Малотиражность, то есть относительная уникальность этих изданий, определялась коммерческой идеей, а их художественная ценность была ориентирована на подлинность оригинала – произведения пластического и визуального искусства [4].

Принципиальная особенность книги художника начала XX века то, что инициаторами изданий являлись не профессиональные издатели, а торговцы произведениями искусства, проявлявшие интерес к издательской деятельности. Для них в такой книге главным являлся не литературный текст, а иллюстративный материал. Они в большей степени рассматривали издание как еще одну возможность представить произведения художников, с которыми работали. Эта тенденция закрепилась и в подходе к формированию книг художника их последователями [5].

Еще одна особенность подобных книг то, что иллюстрации создавались не художниками-иллюстраторами, а художниками, основной деятельностью которых было создание станковых произведений живописи и графики (рис. 1). Они крайне редко буквально следовали событиям литературного произведения, в большинстве случаев «пересказывая» фабулу своими изобразительными средствами. Порой такие иллюстрации весьма отдаленно отражали конкретные сцены и события литературного текста, являясь при этом самостоятельными произведениями изобразительного искусства [6].

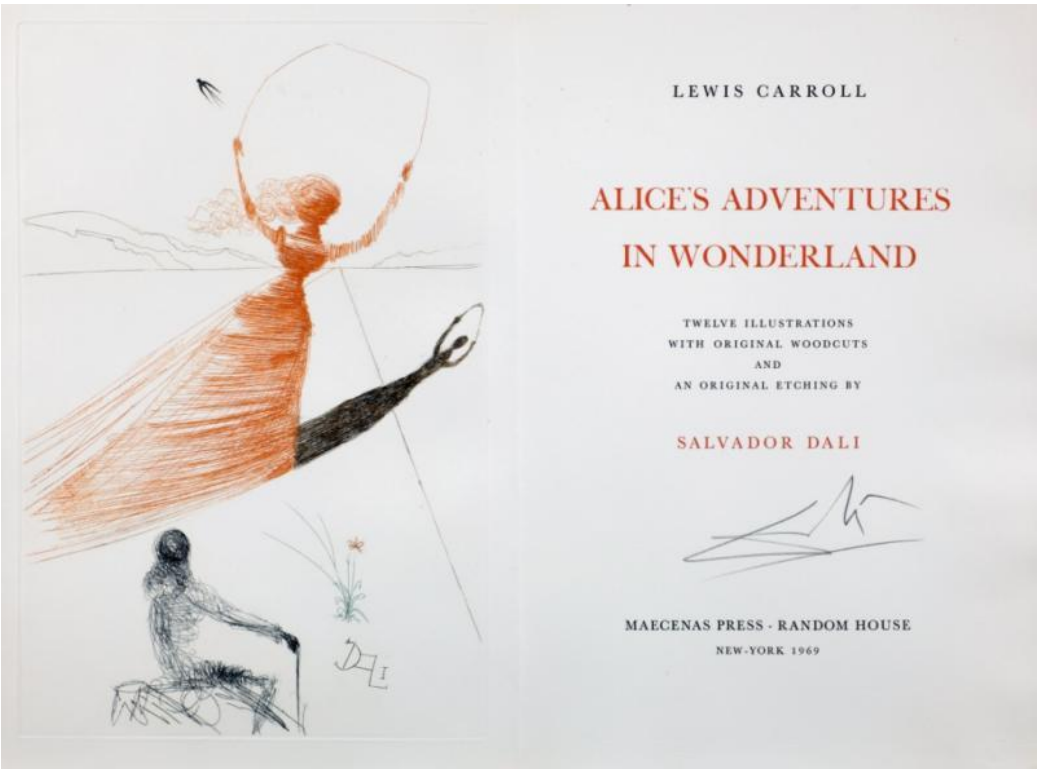


Рис. 1. Форзац книги «Алиса в стране чудес». Сальвадора Дали

Говоря о книге как арт-объекте, можно сразу вспомнить такое яркое явление в искусстве, как футуризм, и в особенности сконцентрировать свое внимание на русском футуризме.

Футури́зм (лат. futurum – будущее) – общее название художественных авангардистских движений 1910-х – начала 1920-х годов, прежде всего в

Италии и России. Футуристов интересовало не столько содержание, сколько форма стихосложения. Они придумывали новые слова, использовали вульгарную лексику, профессиональный жаргон, язык документа, плаката и афиш [8]. Вскоре кроме основного понятия «футуризм» появилось также такое понятие как «русский футуризм». Русский футуризм – одно из направлений русского авангарда; термин, используемый для обозначения группы российских поэтов, писателей и художников, перенявших положения манифеста Томмазо Филиппо Маринетти [7]. Русский футуризм являлся самобытным и ярким течением как в русской литературе, так и в книжной графике.

Футуризм был первым течением мирового художественного авангарда XX в., который начал использовать в творчестве проектные методы, конструируя новую абстрактно-геометрическую реальность [8]. Поэты-футуристы и художники, занимающиеся оформлением книг русских футуристов, подарили миру новые приемы в книжной графике, такие как игра с необычным форматом, книга художника, коллаж в оформлении и различного рода типографские приемы дабы обогатить обычный наборный текст дополнительной символичностью и художественными особенностями (рис. 2).

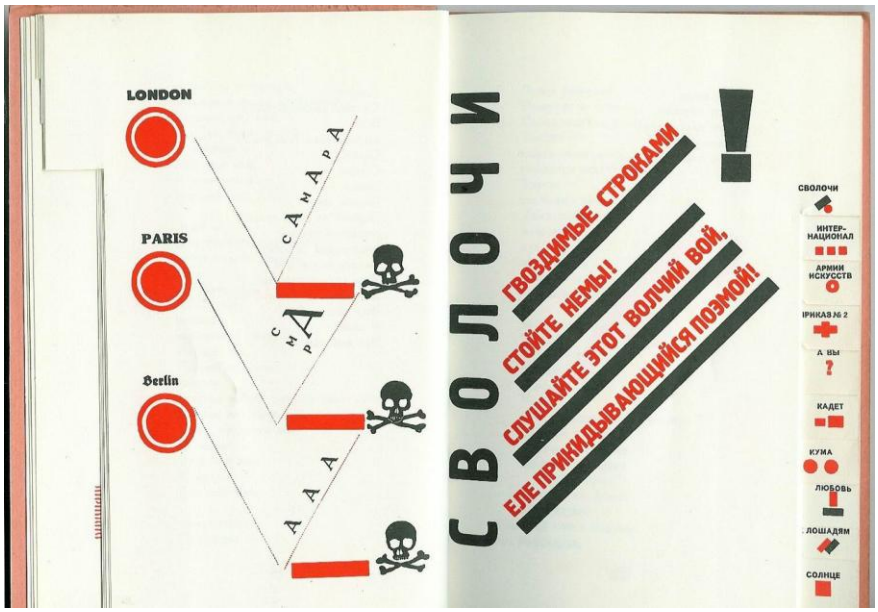


Рис. 2. В.В. Маяковский «Для голоса». Эль Лисицкий

Футуристическим книгам свойственна внутренняя свобода автора от привычных рамок и законов типографии, дух новаторства и бунтарства. Первые литографированные книжки – «Старинная любовь», «Мирсконца», «Игра в аду» вышли в октябре – декабре 1912 года (рис. 3). Своим полукустарным характером, «рукодельной» внешностью, диковинными – не только на взгляд обывателя – иллюстрациями они резко отличались от все-

го, что появлялось тогда на книжном рынке. Они поставили в тупик эстетов из «Мира искусства», не разглядевших в них ничего, кроме издевки над здравым смыслом [4].

Рис. 3. Одна из первых литографированных книг «Мирсконца»

Традиционные приемы и современные технологии, такие, как графический и векторные редакторы, а также технологии постпечатной обработки позволяют современным дизайнерам создавать интересные экземпляры книги художника, арт-книги, которые каким-либо образом продолжают традиции новаторов своего времени, футуристов.

Русский футуризм оказал значительное влияние на современный графический дизайн. И именно футуризм вдохновил молодого дизайнера на создание эскизного проекта конструктивной книги (рис. 4).

Рис. 4. Макет конструктивной книги Е. Шараева

Некоторые приемы, выработанные художниками-футутристами, используются в художественном оформлении книги, также в проекте используются конструктивные приемы, которые стало возможным применить благодаря современным техническим особенностям цветной печати и постпечатной обработки, таким как биговки и использование бумаг различного цвета, плотности и фактуры.

Книга представляет собой соединение двух книг, объединенных общим корешком переплета. Использование подобного рода конструкции является не только своеобразной отсылкой к футуристическим опытам с форматом и формой книги, но и способствует разделению информации, содержащейся в книге на два логических блока: персоналии, основные представители искусства, связанные с таким явлением, как футуристическая книга, и основные особенности литографических, типографических и экспериментальных изданий русских футуристов (рис. 5, рис. 6).

Рис. 5. Разворот второй части книги

Рис. 6. Разворот первой части книги

Использование конструктивных элементов при проектировании книги позволило создать более информативную среду и интересную с точки зрения акциденции и привлечения внимания, книгу. Шмуцтитулы глав первой части книги выделяются на общем фоне за счет использования биговок, позволяющих сложить лист таким образом, чтобы позволить полосе выделиться на общем фоне за счет необычности своей конструкции, а также обеспечить издание дополнительным местом для расположения информации или иллюстративного материала. Также определенный конструктивные элементы, используемые в книге, добавляют визуальную игру в информационный материал и способ его подачи (рис. 7).

Рис. 7. Шмуцтитул. «Литографическая книга»

Для форзацев книги используется не просто бумага, а интерьерные обои, применение которых было свойственно футуристам. Это с одной стороны было обусловлено недостатком средств, а с другой стороны – желанием противопоставить свои эксперименты в книге творческому движению «Мир искусства», представители которого были поражены и раздосадованы отношению футуристов к книжной графике и их новаторским техникам. Кроме конструктивных элементов для увеличения иллюстративного элемента, на станицах книг можно найти не только иллюстрации футуристических книг, но и репродукцию такой книги как «Танго с коровами» Василия Каменского, являющейся одной из первых экспериментальных книг русского футуризма, соединившей в себе опыты футуристов с типографикой, текстурой и формой.

Для книги используются разная по плотности и цвету бумага: в первой части книги используется традиционная для цифровой печати бумага, для второй части выбрана тонированная бумага меньшей плотности, напоминающая собой бумагу для печатных машин, также используемая футуристами для публикации своих произведений.

Суперобложка книги, посвященной русской футуристической книге и опытам художников-футуристов в книжном дизайне, также необычна и непохожа на стандартные, привычные взгляду потребителя, варианты суперобложек. Конструктивное решение использования большого формата позволило суперобложке не только выполнить свою прямую функцию, но и возможность трансформироваться до типографического плаката. Это новшество в формате книги несет интерактивное взаимодействие зрителя с полиграфической формой (рис. 8).

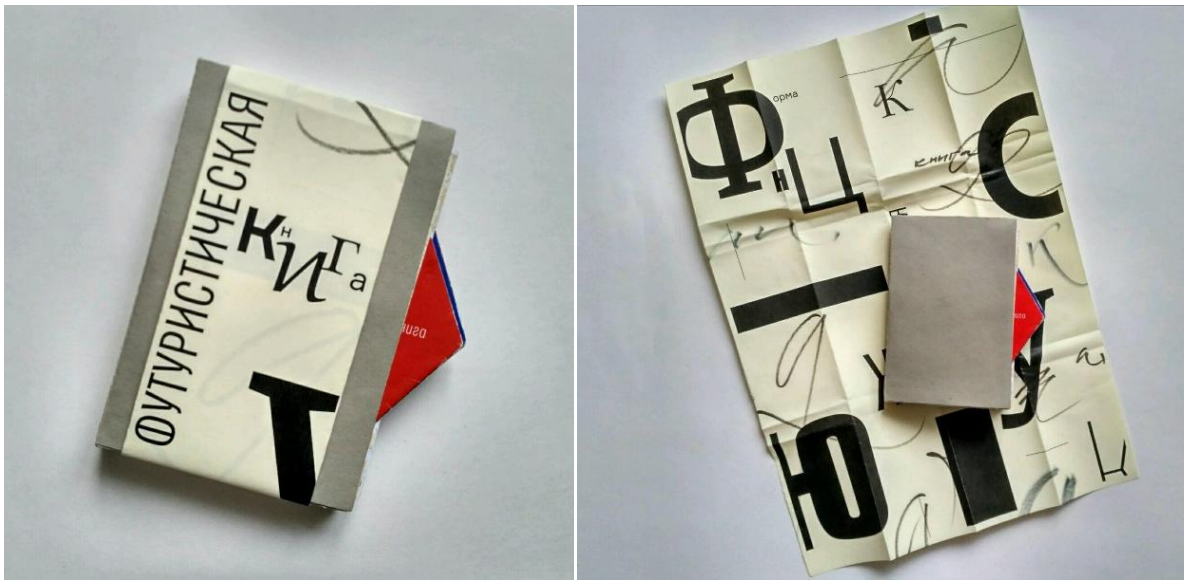


Рис. 8. Суперобложка книги

Листая эту книгу, разработанную молодым дизайнером, невольно попадаешь в эпоху открытий, экспериментов, новаторских мыслей. Объект книжного искусства становится интерактивным проводником зрителя в удивительный мир формы, изобразительности и философской мысли. Для русского человека книга имеет и по сей день совершенно особое значение. В то время как в Европе она теряет свою сакральность, становясь по преимуществу источником знаний, в России сохранялся некий пиетет перед печатным словом. Именно книга дает возможность сполна реализовать апостолические устремления, свойственные всем крупным мастерам русского авангарда. Художник мыслит себя в роли творца, воздействующего своей художественной энергией на саму реальность. Открытие новых форм в искусстве воспринимается эквивалентом открытия новых форм жизни.

В заключение хочется добавить, что влияние русского авангардного искусства на художников и дизайнер и по сей день очень велико. Это влияние прослеживается и в приемах современной типографики, и в конструктивных особенностях верстки, и в элементах модульной сетки, а также ме-

тодах фальцевания. Все это говорит об истоках и преемственности художественных традиций. И книга как объект искусства выступает на сегодняшний день хранительницей духовного наследия русской культуры и вдохновляющим аспектом для будущих шедевров молодых дизайнеров и художников.

Библиографический список

1. Книга художника. – URL: https://ru.wikipedia.org/wi-ki/Книга_художника.
2. Стенгазета // Книга неформатного значения. LIVRE D'ARTISTE в Московском Музее Современного Искусства. – URL: http://stengaze-ta.net/?author=10089.
3. Дирижабль // Современная книга художника. – URL: http://www.dirizhabl.sandy.ru/artistbook/nn98/text1.html.
4. Ковтун, Е.Ф. Русская футуристическая книга / Е.Ф. Ковтун. – М.: РИП-холдинг, 2014. –230 с.
5. Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина // «Книга художника / Livre d'Artiste. Испанская коллекция. Пикассо, Дали, Миро, Грис, Тапьес, Клаве. Из собраний Георгия Генса и Бориса Фридмана». – URL: http://www.arts-museum.ru/events/archive/2012/02/livre_dartis-te/index.php.
6. Design history // Будетлянские книги, или Лаборатория графического дизайна. – URL: http://design-history.ru/dizayn-i-avngardnoe-iskusstvo-xx-v/budetlyanskie-knigi,-ili-laboratoriya-graficheskogo-dizayna-2.html.
7. Русский футуризм. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Русский-футуризм.
8. Футуризм. – URL: https://ru.wiki-pedia.org/wiki/Футуризм.

К содержанию

УДК 73.012 + 629.114.8

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ СРЕДСТВ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА

А.А. Конюхова

Концепт автомобиля – синтез новых технологий и формы на пути к совершенству их взаимодействия, которому нет предела. Применение полученных знаний в создании дипломного проекта спортивного автомобиля по заказу производственников, как одно из достижений кафедры дизайна и изобразительных искусств. Изучение мировых аналогов концептуальных форм автомобилей и применение их в создании дизайн проекта. Анализ одной из его стадий, созданного средствами скульптурно-пластического моделирования.

Ключевые слова: концепт, творчество, форма, каркас, конструкция, скульптура, образ, гармония, синтез.

Студенты кафедры дизайна и изобразительных искусств выполняют моделирование концептуального автомобиля в рамках творческого задания по выбору, дисциплины «Академическая скульптура и скульптурно-пластическое моделирование» (рис. 1). В качестве аналогов используется изучение природных форм и мировой опыт работы дизайнеров в этой сфере. Создание концепта в рисунке и макете является реализацией творческого потенциала личности студента. Необходимость использования ручного труда в скульптурно-пластическом моделировании и графическом эскизе обусловлена реальным опытом создания нового автомобиля фирмы «Мерседес».

Рис. 1. М.И. Пастухов модель «багги», пластилин

Визуализация дизайна автомобиля начинается с эскиза. Он может быть выполнен от руки, или на компьютере. Процесс, по созданию дизайна автомобиля на фирме Mercedes-Benz проходит шесть стадий: эскиз (чер-

теж/визуализация); цифровая модель/пакет данных; глиняная модель в масштабе 1:4; выбор из нескольких глиняных моделей масштаба 1:4 лучшего (рис. 2); фрезерование этой глиняной модели и масштабирование; модель в натуральную величину из глины, где каждая деталь делается вручную.

Рис. 2. Mercedes-Bens глиняная модель М 1:4

Рисунок будущего автомобиля для студента дизайнера является самостоятельным готовым продуктом и как его творчества, так и формой применения полученных знаний. Студент кафедры дизайна и изобразительных искусств М.И. Пастухов защищал диплом в 2014 году «Дизайн-проект легкового спортивного автомобиля багги», и в этой статье мы рассмотрим одну из стадий проекта – внешней формы автомобиля.

Стилистическая концепция автомобиля в проекте, была рассматриваема в качестве способа популяризации самоценных пластических объектов. Проектирование акцентировалось на выразительности, новизне формы. В проекте исследовался экологический вопрос, который с начала XXI века поступательно продвигается к самому первому месту в классификации неотложных задач человечества. В поиске разрешения назревшей проблемы утверждается стиль биотек. В стремлении создать в этом стиле модель, автором в дипломе были исследованы природные конструкции, и их трансформация в конструкцию, проектируемого объекта. Создан большой объем вариантов проведенного биоморфного анализа природных форм. На их основе была создана объемная форма стилистической концепции автомобиля. Новые идеи в самом востребованном контенте деятельности дизайнеров на мировом рынке, способствуют укреплению конкурентных позиций вуза. Исследования по экологии встраиваются в общий контекст решения глобальных проблем, связанных с исследовательскими программами, запущенного в 2012 году проекта 5-100. Модели спортивного автомобиля багги, выполненные из пластилина, или гипса, также являются самостоятельными продуктом творчества и реализации полученных знаний (рис. 3).

Исследуя мировой опыт создание скульптурно-пластической формы дизайна автомобиля, студент представил изученные аналоги. Одним из аналогов дизайна спортивного автомобиля изученного дипломником, стал опыт ведущих дизайнеров автомобильной фирмы «Мерседес». Он исследовал все стадии прохождения дизайна нового автомобиля. Самостоятельно проходя все этапы моделирования, от концептуальной формы автомобиля до реальной модели внешнего дизайна. На защите была представлена пластилиновая модель внешнего дизайна (рис. 5). Интересны и конструктивные разработки каркаса выполненные из гипса (рис. 6).

Рис. 3. Модель багги (гипс)

Рис. 4. Модель багги (графика)

Путь от первого эскиза до утверждения модели занимает около трех лет. За это время новый «Мерседес» проходит через бесконечную череду различных технологических операций, во время которых дизайнеры шаг за шагом приближаются к окончательному облику будущего автомобиля. Выбрав в итоге, из конкурирующих друг с другом проектов один, команда специалистов формирует следующее поколение автомобиля марки Mercedes-Benz. В связи с тем, что не все можно смоделировать с помощью компьютера, для каждого варианта проектируемого автомобиля изготавливаются глиняные модели. Только после этого дизайнеры решают, соответствуют ли их трехмерные изображения эскизам (рис. 7).

Рис. 5. Модель багги (пластилин)

Рис. 6. Модель каркаса багги (гипс)

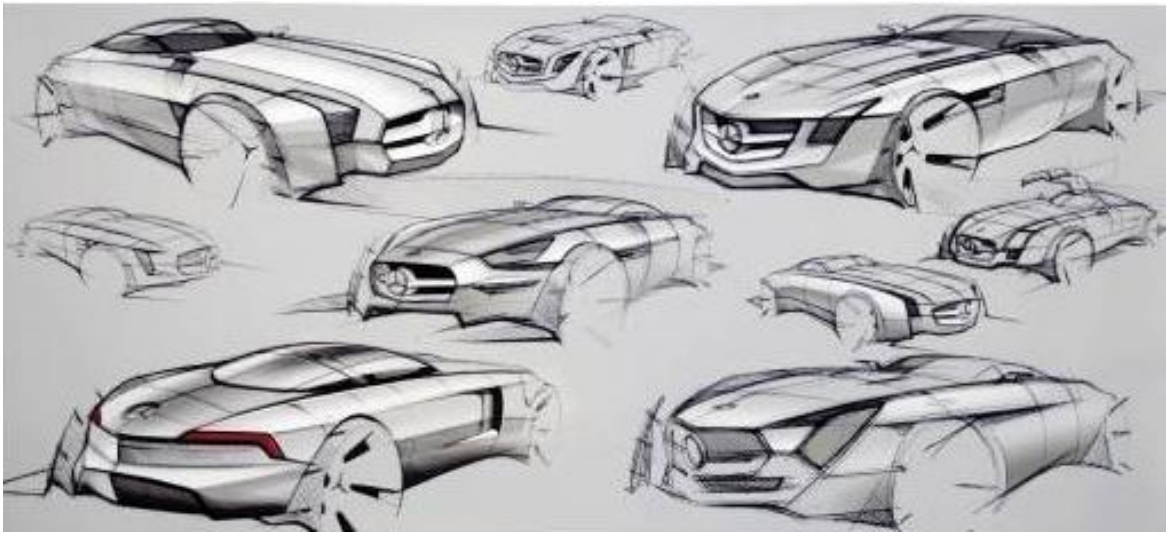


Рис. 7. Эскизы вариантов автомобиля «Мерседес»

Все автомобильные дизайнерские проекты, начало которых было положено Mercedes-Benz, управляются централизованно. Дизайн-центр в Зиндельфингене управляет всеми этапами дизайнерской работы на протяжении всего жизненного цикла автомобиля – от контроля качества, до контроля за соблюдением сроков и стоимости выполненных работ. Имеющееся ноу-хау применяется для всего автомобиля, состоящего из экстерьера и интерьера, начиная с этапа определения дизайн-стратегии, затем в ходе разработки дизайна самого автомобиля, и так вплоть до окончания его серийного производства. В обязанности дизайнеров входит создание всех дизайн-образцов, начиная с глиняной модели в масштабе 1:1 и заканчивая макетом и эталонной моделью – для получения всех необходимых для дизайнерского процесса данных, а также для утверждения всех данных сплайн-модели для передачи их на следующий этап конструирования, предполагающий изготовление цельных деталей. Сплайн-модель автомобиля представляет собой математически совершенное геометрическое изображение видимых для клиента поверхностей в интерьере и экстерьере, с учетом всех технических и формально-эстетических требований (рис. 8). По окончанию процесса разработки дизайна модель утверждается членами правления. Если утверждение прошло успешно, то открыт путь к производству нового автомобиля «Мерседес», стадии прохождения дизайн-модели завершены.

Мы надеемся, что с развитием новых компьютерных технологий наши студенты смогут позволить себе создание сплайн-модели, последней стадии разработки дизайн-проекта автомобиля. Выпускник кафедры дизайна и изобразительных искусств архитектурного факультета – Егор Голубев, мечтая продолжить свое обучение в сфере проектирования моделей автомобиля, уехал в Чехию. Он выбрал профессию автомобильного дизайнера. Увлечение рисованием концептов-автомобилей прослеживалось и во время

его обучения и поддерживалось кафедрой. Ниже представлены часть диплома в рис. 9 и творческое задание, выполненное в рамках программы предмета «Академическая скульптура и скульптурно-пластическое моделирование» (рис. 10).

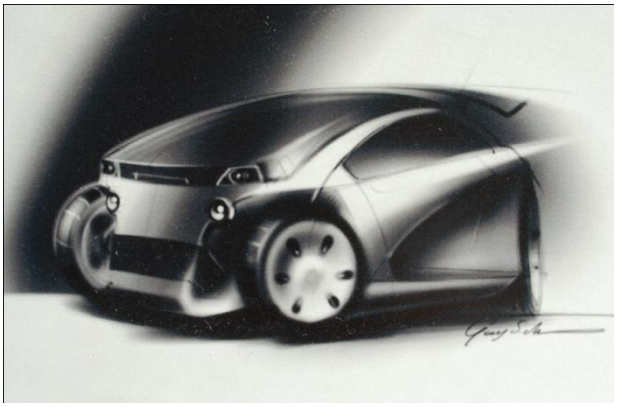


Рис. 9. Егор Голубев «Concept-car»

Рис. 10. Егор Голубев «Concept-car»

Бывший президент союза дизайнеров Н.А. Назаров, когда приезжал в Челябинск, выступая перед студентами нашей кафедры, сделал акцент в своей лекции на успехах дизайнеров, выпускников российских высших учебных заведений и продолживших свое обучение в специализированных студиях автомобильного дизайна по всему миру. Работающих в таких ведущих автомобильных фирмах, как «TOYOTA», «AUDI», «SKODA».

Библиографический список

1. Ившин, К.С. Особенности формообразования внешней поверхности малогабаритного транспортного средства / К.С. Ившин, Л.Е. Ермолаева: Восьмая Петербуржская биеннале дизайна: Модулор – 2011: Время Дизайна: Материалы научной конференции. – СПб., 2013. –169 с.

2. Taylor, Thom: How To Draw Cars &Monsters a Pro PB – Motors Books. – 2011, marh.

3. The Fundamens of Car Design & Packaging: H-Point. – 2009.

4. Taylor, Thom, Lisa Hallett: How To Draw Cars & Monsters a Pro-PB – Motor Books, 2011, decembe.

5. Carr Mahazine № 4 marh. – 2011.

6. Одноралов, Н.В. Скульптура и скульптурные материалы: учебное пособие для художественных ВУЗов / Н.В. Одноралов. – М.: Изобразительное искусство, 2002. – 180 с.

7. Ланг, Й. Скульптура: От бесформенного куска глины до готовой скульптуры: Для начинающих и студентов художественных вузов: С инструкциями по этапному освоению материала / Й. Ланг; пер. с англ. – М.: АСТ, 2000. – 79 с.

8. Лангери, Э. Лепка / Э. Лангети. – М.: Издательство В. Шевчук, 2006.

К содержанию

УДК 7.012 + 72.012 + 73.012

КОМПОЗИЦИЯ В ДИЗАЙНЕ: СМЕНА ПАРАДИГМ

И.С. Ли

В статье, имеющих научно-методический характер, рассматриваются изменения композиционной структуры и выразительных средств в архитектуре и дизайне при смене культурно-исторических парадигм в XX веке.

Ключевые слова: культурно-историческая парадигма, композиция в пластических искусствах, архитектура, дизайн.

«Изменчивость – самая яркая примета художественной жизни всего XX века – к концу столетия приобрела обвальный характер. Бессмысленно подсчитывать количество одновременно существующих стилей, художественных программ, направлений – едва ли не каждая очередная творческая инициатива стремится если не перевернуть мир, то, как минимум, стать новым эстетическим манифестом» [1].

С этим мнением теоретика дизайна В.Ф. Сидоренко трудно не согласиться. Его мысль развивает применительно к графическому дизайну С.И. Серов: – «… произошла смена трех эстетических систем, культурно-исторических парадигм. Это классическая визуальная культура (XV – начало XX века), модернистская (почти весь XX век), и, наконец, буквально на наших глазах на профессиональную сцену выходит третья суперсистема – постмодернистская (с конца XX века)» [2].

Термин «парадигма», получивший второе рождение в середине XX века благодаря книге Томаса Куна «Теория научных революций», распространился на многие сферы, в том числе проник в область культуры и искусства.

Согласно энциклопедическому словарю, парадигма – (от греч. paradeigma – пример, образец), в философии, социологии – исходная концептуальная схема, модель постановки проблем и их решения, методов исследования, господствующих в течение определенного исторического периода в научном сообществе. Смена парадигм представляет собой научную революцию.

Представляется закономерной попытка проследить изменения композиционных систем в произведениях архитектуры и дизайна, вызванные сменой культурно-исторических парадигм.

Закон равновесия, являющийся одним из основных принципов гармонии, соблюдается по-разному в трех композиционных системах. В классической системе композиции статическое равновесие достигается чаще всего с помощью симметрии относительно вертикальной оси. В качестве иллюстрации нами выбрано творчество Петера Беренса (1868–1940), решав-

шего комплексную задачу единства стиля компании AEG в начале XX века, в период формирования дизайна в современном его понимании. В его работах, наряду с влиянием «югендстиля» («ар-нуво», «модерн»), заметны черты существовавших в тот период многочисленных течений с приставкой «нео», основным среди которых был «неоклассицизм».

Несмотря на развитие новых технологий и применение современных материалов, дизайнеры классического периода сохраняют связь с традициями многовекового наследия пластического искусства, прежде всего в использовании выразительных средств композиции (рис. 1).

Рис. 1. Классическая композициионная система

В композиции модернизма динамическое равновесие зачастую обеспечивается использованием модульной сетки и ассиметричным размещением элементов. Признанным основоположником модернизма в архитектуре и дизайне считается Баухауз, многие годы возглавляемый Вальтером Гропиусом (1883–1969), начинавшим свою профессиональную деятельность, наряду с другим ярким представителем стиля Людвигом Мис ван дер Роэ (1886–1969), в мастерской Беренса. Именно Мис ван дер Роэ принадлежит формула, во многом определяющая композиционные принципы модернизма: «Меньше – это больше». Характерны названия стилевых направлений модернизма, словно раскрывающие его композиционные принципы – конструктивизм, рационализм, функционализм, интернационализм, футуризм, минимализм. Стремление создать композицию минимальными средствами, организовать ее рационально, реализовать проект в изделии функционально и конструктивно, сделать свой творческий замысел доступным широкому международному зрителю, придать своей идее устремленность в будущее – вот задачи, решаемые дизайнером эпохи модернизма (рис. 2).

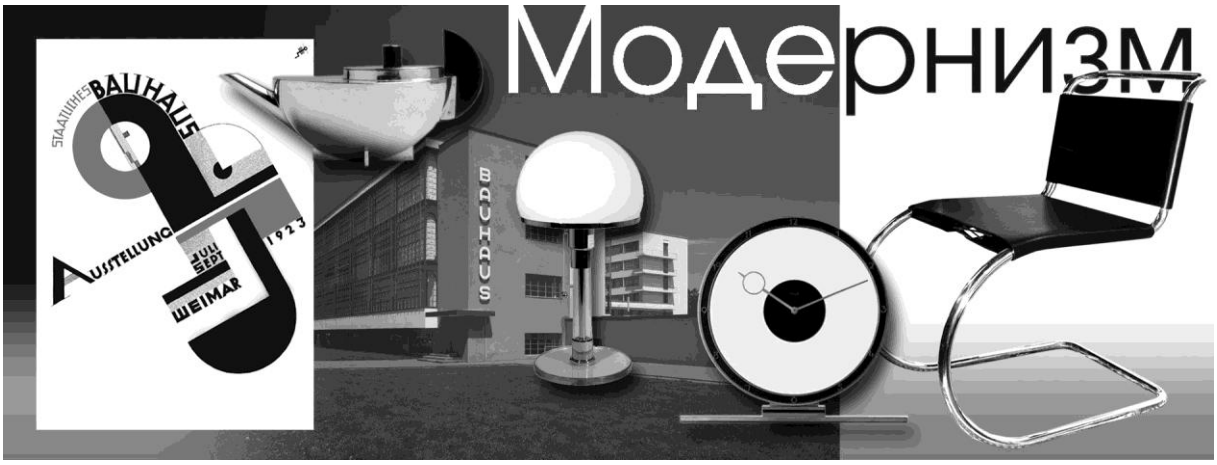


Рис. 2. Модернистская композициионная система

Новая культурно-историческая парадигма, появившаяся во второй половине XX века и получившая название постмодернистская, предполагает использование в искусстве элементов, принадлежащих к любому из существовавших стилей, с целью создания новых смыслов и возможности их широкой и разнообразной интерпретации. Подобная тенденция «всеядности» обнаруживается и в отношении выразительных средств и композиционных приемов.

В качестве примера рассмотрим произведения дизайна группы «Мемфис», созданной в 1981 году ведущими итальянскими дизайнерами под руководством Этторе Соттсасса (1917–2007) и считающейся одним из пионеров постмодернизма (рис. 3).

Рис. 3. Постмодернитская композициионная система

То, что объединяет объекты их дизайна – «это острота жеста, смелая игра материалами, фактурами и формами, виртуозное смешение стилей. При всем при этом стиль «Мемфиса» был привлекательным остроумным и

забавным. Это было умелое балансирование на грани китча, но ведь это и есть настоящее искусство – балансировать на грани и не скатиться в безвкусицу» [3]. Хороши и приемлемы любые композиционные средства: симметрия и асимметрия, динамика и статика, контраст и нюанс.

«В XX веке архитектура была вынуждена взаимодействовать со стремительно меняющимся культурным контекстом весьма избирательно. Так, в начале века архитекторов завораживает авангардный прорыв в живописи кубизма и футуризма, стремительный прогресс техники, в том числе строительной, увлекает ряд идей утопической политики. Совокупность этих импульсов привела к фундаментальному разрыву с эстетикой классики и надолго определила мировоззренческую сущность и эстетику архитектуры. Архитектурный модернизм – это сорокалетний период стабильности. Его эстетика отчасти впитала ницшеанские идеи – воли к власти, утверждения сверхчеловека, – отразившиеся в раскованности сверхмасштабных композиций классического модернизма, в глобализирующей идее интернациональной архитектуры...

Противопоставивший себя всей архитектурной классике, модернизм просто по определению не является классическим направлением. Однако, дистанцируясь от всей истории, модернизм все же удержал в себе черты классического канона – сохранил претензию на универсальность «на века», принцип следования образцу. Совершенствуя эстетику чистой геометрии, модернизм в архитектуре постепенно стал классикой XX века.

Архитектура последнего тридцатилетия XX века демонстрирует диалектику расшатывания модернистского стереотипа, усиленный поиск все новых принципов формообразования» [4].

Выявленные теоретиком архитектуры И.А. Добрицыной тенденции в развитии архитектуры XX века в значительной степени относятся к дизайну и его композиционной системе.

Библиографический список

1. Сидоренко, В.Ф. Три эстетики / В.Ф. Сидоренко. – М.: Greatis. – 1992. – № 2. – С. 66–77.

2. Серов, С.И. Гармония классической типографики / С.И. Серов. – М.: ЗАО «Линия График», 2003. – 32 с.

3. Михайлов, С.М. История дизайна. Т. 2. / С.М. Михайлов. – М.: Союз дизайнеров России, 2003. – 393 с.

4. Добрицына, И.А. От постмодернизма к нелинейной архитектуре. Архитектура в контексте современной философии и науки / И.А. Добрицына. – М.: Прогресс-Традиция. 2004. – 416 с.

К содержанию

ББК С522.6
УДК 712.5 + 725.948 + 316.42

СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ ВОДНЫХ ФОНТАНОВ В СОЗДАНИИ КОМФОРТНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Ж.В. Пономарева, Ю.В. Витомскова, О.И. Васильева

Улучшению психофизического состояния горожан способствует создание экологичной визуальной, звуковой и запаховой сред города. В числе других факторов этому может помочь сооружение фонтанов, так как именно вода оказывает свое положительное воздействие практически на все органы чувств человека.

Ключевые слова: естественная среда, искусственная среда, негативные воздействия, органы чувств, эстетика, экосистема, психофизика, цветотерапия, комфортная среда.

Всю окружающую видимую среду условно делят на две части: естественную и искусственную. Естественная – природная видимая среда, находится в полном соответствии с физиологическими нормами человека: органами чувств, зрения, слуха, тактильными ощущениями. Искусственная – спальные районы, промышленные зоны, автотранспортные магистрали.

Человек как вид сформировался в условиях природного воздействия на органы чувств. Для его среды обитания было характерно зрительное воздействие природных пейзажей (леса, холмов, морей, рек, различных разнообразно окрашенных животных), звуковое воздействие негромких природных звуков (шума листьев и трав, криков животных, плеска волн), запахи земли, дождя, морского ветра, цветущих деревьев. Сотни тысяч лет эти сенсорные воздействия практически не изменялись и поэтому воспринимаются человеком как наиболее приятные и комфортные.

В городской – искусственной среде, появившейся исторически недавно, человек лишен природных звуков, запахов и пейзажей, замещенных здесь негативными и агрессивными воздействиями (крупнопанельные здания спальных районов, проспекты и многоуровневые развязки дорог, крупные промышленные комплексы). Последствия этого известны: люди живущие в стандартных серых кварталах шумных и загрязненных городов, не только испытывают дискомфорт, но и более склонны к агрессивным действиям, преступлениям, психическим заболеваниям.

Улучшению психофизического состояния горожан способствует создание экологически комфортной среды города. Этому может помочь сооружение малых архитектурных форм – фонтанов, так как именно вода оказывает свое положительное воздействие практически на все органы чувств человека, делая среду обитания более комфортной.

Источником водоснабжения фонтанов могут быть родники, ручьи, реки, пруды, бассейны, городской водопровод (рис. 1).

Рис. 1. Устройство фонтана в искусственном пруду

Фонтаны радуют нас прохладой, игрой своих хрустальных струй, блеском солнца в каждой капле воды, журчанием и плеском, ощущением свежести и чистоты. Недаром в летний зной самое большое скопление горожан наблюдается именно вблизи фонтанов и фонтанных комплексов. То, что окружает фонтан, становится отделенным от суеты и проблем агрессивного города. Современный мир, с его сверхзадачами и сверхбыстрым темпом жизни, требует от человека максимум реализации его возможностей. И чем быстрее идет прогресс, тем очевиднее становится стремление человека ощутить единение с природой.

Эстетика фонтана как малого архитектурного объекта является мощным пространственным акцентом, который концентрирует на себе внимание. Он придает неповторимый шарм паркам и скверам, площадям и дворикам. Умело вписанные в пространство, фонтаны являют собой завершающий аккорд городской архитектуры, характер и философию родного города.

Размещение фонтанов в городах, в местах наибольшего скопления горожан, обладает огромным психофизическим воздействием на каждого жителя. Наблюдая за игрой водных картин, человек эмоционально разгружается и расслабляется, насыщаясь энергией воды. Также не стоит недо-

оценивать влияние цвета воды в фонтане. Обычно мы не замечаем, как он действует, но современная медицина уже использует такой прием лечения как цветотерапия (рис. 2).

Рис. 2. Подсветка городского фонтана

Благотворное влияние на человека оказывают «поющие» фонтаны, которые представляют собой настоящее представление для горожан. Струи воды фонтана синхронизированы с музыкальным сопровождением. Воду подсвечивают специальными светильниками, которые позволяют создавать множество водных картин.

Фонтаны, таким образом, являются важной частью мер по созданию комфортной, экологически безопасной городской среды обитания человека. Фонтан как экосистема увлажняет городской воздух, повышает его ионизацию, очищает воздух от пыли и грязи.

Особенно это актуально для нашего города Челябинска, в котором, как известно, крайне неблагоприятная экологическая обстановка. По данным Федеральной службы государственной статистики Челябинской области в целом по городу насчитывается 78 предприятий, имеющих выбросы загрязняющих веществ в атмосферу от 9541 источников. Жизнь в промышленном городе накладывает свой отпечаток на наш быт и здоровье. Фонтаны помогут сделать социальную среду города более комфортной, приблизить её к природе, оказывать умиротворяющее действие на жителей, снижая случаи стрессов, агрессии, психических заболеваний (рис. 3).

Рис. 3. Фонтан в сквере на площади Революции города Челябинска

Большинство фонтанов располагается в историческом центре городов. Этого явно не достаточно для крупных промышленных городов. Необходимо отремонтировать и ввести в действие неработающие фонтаны. Несмотря на достаточно весомую стоимость сооружения фонтанов, их создание в отдаленных от центра «спальных» районах города, благотворно повлияет на работоспособность и настроение горожан, сформирует чувство любви жителей к своим городам. Поэтому нужны новые идеи и пути развития «водной архитектуры как отдельного направления, что заставит человека пристальнее всмотреться в экосистему взаимоотношений архитектуры искусственной среды и воды.

Библиографический список

1. Тетиор, А.Н. Экологичное совершенствование городской среды: учеб. пособие для высших учебных заведений / А.Н. Тетиор. – М.: Академия, 2006. – 275 с.

2. Филин, В.А. Визуальная среда города / В.А. Филин // Вестник Международной академии наук. Русская секция. – 2006. – № 2. – С. 43–50. – URL: http://www.heraldrsias.ru/journals/2006/2/54/.

3. Фролова, В.А Преобразование городского постсоветского ландшафта в общественные пространства и среду нового поколения / В.А. Фролова // Вестник Московского государственного университета леса – ЛЕСНОЙ ВЕСТНИК. – 2015. – № 5, Т. 19. – С. 9. – URL: https://www.rucont.ru/efd/416924/.

4. Ожегов, С.С. История ландшафтной архитектуры: учебник для студентов вузов / С.С. Ожегов, Е.С. Ожегова. – М.: Мир и Образование, 2011. – 256 с.

5. Тодоронский, В.С. Строительство и эксплуатация объектов ландшафтной архитектуры / В.С. Тодоронский. – М.: Академия, 2007. – 80 с.

6. Каплий, П.К. Роль фонтанов в городской среде / П.К. Каплий, Г.Н. Агеева // Материалы VI Междунар. наук.-практ. конф. «Архитектура и экология». – К.: НАУ, 2014. – С. 154–157.

К содержанию

УДК 004.92 + 004.738.5

АНАЛИЗ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ВЕБ-ДИЗАЙНЕ

И.Ю. Пулькин, Л.Б. Сурина

Проанализирован процесс поиска информации пользователем интернет. Изучены задачи веб-дизайнера в процессе разработки интерфейсов мобильных устройств с учетом потребностей и поведения пользователя, а также в соответствии с выявленными видами взаимодействия. Уточнены особенности визуального восприятия интерфейсов мобильных устройств, выявлены пути упрощения алгоритма взаимодействия.

Ключевые слова: веб-дизайн, пользователь, пользовательское взаимодействие, продукты взаимодействия, мобильные устройства.

На 2016 год аудитория интернет-пользователей в России составляет порядка 84 млн человек [1]. Взаимодействие пользователя с интернетом происходит через интерфейс различных мобильных устройств. С развитием интернет-технологий, быстрой сменой трендов в оформлении интерфейсов получил развитие веб-дизайн.

Веб-сайты, веб-приложения, мобильные версии для смартфонов – это продукты веб-дизайна. Постоянное усовершенствование мобильных устройств вынуждают веб-дизайнера находиться в активном поиске удовлетворения визуальных и функциональных потребностей пользователей. Перед веб-дизайнером стоит задача не только создать визуальный продукт, соответствующий современным трендам, но и спроектировать функциональное взаимодействие пользователя. Продукты веб-дизайна призваны помочь пользователям решить поисковые задачи и достичь конечной цели, для достижения которой разрабатывается набор возможных сценариев поведения. На основе сценариев проектируется оптимально понятный и простой интерфейс сайта или приложения.

Вэб-дизайнер очень близок к печатному делу, однако дизайн в цифровом мире не должен отличаться обилием стилей, экспрессией. Каждая фирменная заставка, пиктограмма должна повторяться для устойчивой ориентации пользователя в поисковике.

Дэн Роэн в книге «Визуальное мышление» делит процесс визуального восприятия человека на четыре этапа: посмотреть (собрать информацию), увидеть (сгруппировать, проанализировать), вообразить (предвидеть, увидеть то, чего нет), рассказать другим (совершить действие) [2]. Данную последовательность спроецируем на взаимодействие с веб-сайтом. Пользователь готов задержаться и изучить продукт, если его привлек дизайн, функционал и информация, даже если у него нет в этом необходимости.

Подобную модель восприятия описывает Стив Круг в книге «Веб-Дизайн: книга Стива Круга или «Не заставляйте меня думать!» [3] Пользователь, попав на сайт или в мобильное приложение, первым делом собирает информацию, затем проводит анализ и получает ответ на вопрос «Где я?» и «Что я могу здесь сделать?». Делает выводы из полученной информации о том, может ли он решить свою задачу, и если да, то каким образом. Четвертым этапом является поиск необходимой информации и решение задачи.

Процесс решения задачи пользователя можно разделить на три этапа:

1) поиск действия, решающего задачу;

2) проверка найденных действий на возможность решения задачи;

3) действие.

До 2010 года стандартным стилем веб-дизайна был скевоморфизм. Скевоморфизм – это использование элементов дизайна очень похожих визуально на их аналоги в реальном мире, реалистичный дизайн. Сайты были переполнены графическими элементами: рисунками, текстурами, картинками. На тот момент проектирование взаимодействия сводилось к размещению всей информации как можно ближе к пользователю.

С 2010 года появилась тенденция упрощения визуальных элементов, в приоритете становится отображение и передача информации [4].

В 2014 году в авангард становится «Flat»-дизайн. В настоящее время тренды базируются на ясности передачи информации, простоте и выразительности графики, удобству и глубине взаимодействия.

Пространственный постмодернизм как тенденция сегодняшнего дня диктует:

1) утверждающую, образную, минималистическую типографику;

2) иконки, как средство выразительности и передачи информации;

3) информативную анимацию действий;

4) отклик при любом взаимодействии (микро-взаимодействие);

5) использование больших элементов (шрифт, картинка) в связи с увеличением среднего разрешения монитора;

6) модульность, сетка;

7) инфографика, содержательность текста при малом количестве.

8) адаптированный под различные платформы дизайн [5].

В поисковой системе Google действием будет переход по найденной ссылке, пользователю необходимо выбрать подходящую. Сложность решения задачи варьируется в зависимости от количества проделанных итераций поиска действий и их проверки.

Потребности пользователя меняются в зависимости от приобретенного опыта взаимодействия с веб-продуктом:

1) знает, как искать, знаком с продуктом (такому пользователю важна скорость решения задачи);

2) знает, как искать, не знаком с продуктом (пользователю необходимо определить алгоритм, который он уже применял);

3) не знает, как искать, не знаком с продуктом (пользователю нужно наглядно показать, что он может сделать и что, с большой вероятностью, является тем, что он ищет).

Во втором случае однотипность структуры сайтов и сценариев решения задачи играет важную роль в проектировании взаимодействия. Пользователь привыкает к различным типам продуктов (интернет-магазины, карты), и он интуитивно понимает, что следует делать, потому что структура сайта уже знакома. Стереотипы действия, выработанные у пользователей, упрощают взаимодействие с похожими продуктами и интернетом в целом.

Активное пользовательское взаимодействие в интернете ставит перед веб-дизайнерами задачи, решение которых требует прежде зарабатывания реального проекта изучения пользовательского взаимодействия, а затем приложения усилий для упрощения восприятия и алгоритма взаимодействия. Изучение пользовательского взаимодействия и особенностей восприятия в цифровом мире начинается с выявления видов взаимодействия пользователя с интернетом. Для решения проблемы проанализируем процесс поиска информации или решения задачи пользователем с каждым видом взаимодействия, а также процесс оптимизации интерфейса для пользователей с учетом поставленных целей и способов поиска информации.

На взаимодействие пользователя с продуктом влияет ряд факторов, такие как характер, темперамент, обстоятельства, возраст. В данной работе процесс взаимодействия рассматривается только исходя из цели поиска или её отсутствия.

Взаимодействие с продуктом веб-дизайна поделено на:

1) целенаправленное взаимодействие, когда пользователю необходимо осуществить поиск определенного продукта;

2) взаимодействие из интереса, когда пользователь открывает новые продукты, которые могли быть полезны сейчас или будут необходимы в будущем;

3) случайное взаимодействие, когда продукт (информация) попадает к пользователю случайно [6].

При «целенаправленном взаимодействии» пользователь в течение короткого времени просматривает продукт и определяет, может ли он помочь решить задачу, если результат отрицательный, то пользователь продолжает искать в другом месте. Целенаправленное взаимодействие является основой пользовательского взаимодействия с продуктом, который разрабатывается для того, чтобы помочь решить одну или несколько задач пользователей. Первоочередная задача проектировщиков в том, как помочь пользователю их решать.

При «взаимодействии из интереса» подразумевается, что у пользователя нет необходимости в данный момент, но она может появиться в будущем, или же пользователь хочет открыть для себя новые сервисы, функции, информацию и т.д., в таком случае это и есть цель.

«Случайное взаимодействие» происходит всегда, но включать этот способ в разработку имеет смысл только тогда, когда продукт ориентирован на широкую аудиторию. При случайном взаимодействии пользователю первым делом необходимо сориентироваться, куда он попал и что он может делать. В это же время, как и в предыдущем случае, дизайн, функционал или информация должны мотивировать пользователя на длительное взаимодействие.

Итак, на смену традиционной визуальной коммуникации пришла посттрадиционная коммуникация, расширившая границы восприятия пользователя мобильных устройств в глубину виртуального пространства. Появился новый вид дизайна задачами которого стало улучшение коммуникативных функций веб-продукта.

Виды взаимодействия пользователя с веб-продуктом делятся на: целенаправленное взаимодействие, взаимодействие из интереса и случайное взаимодействие. Это три вида отражают различные цели, задачи, а также опыт пользователя при взаимодействии с веб-продуктом.

Библиографический список

1. Общество потребительских исследований. Тенденции развития интернет-аудитории в России. – URL: http://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-tendencii-razvitija-internet-auditorii-v-rossii/.

2. Быков, Д. Проектирование опыта взаимодействия / Д. Быков. – URL: https://youtu.be/T0Biar77YTU?list=PLLkvpHo_HuBMU_fM4v-VS5VbUi9QuKyDR.

3. Роэн, Д. Визуальное мышление / Д. Роэн. – М.: Манн, Иванов и Фербер, Эксмо, 2013. – 300 с.

4. Круг, С. Веб-дизайн: книга Стива Круга или «Не заставляйте меня думать!» / С. Круг – СПб.: Символ-Плюс, 2005. – 200 с.

5. Марфицин, А. Как и почему плоский дизайн победил скевоморфизм / А. Марфицин. – URL: https://lifehacker.ru/2014/04/28/in-flat-we-trust.

6. Дизайн-студия Сибрикс. Тренды веб-дизайна. – URL: https://blog.sibirix.ru/2016/12/12/trends-2017//.

К содержанию

УДК 711.4.01 + 725.948 + 712.5:725.948

ЗНАЧИМОСТЬ ФОНТАНА В АРХИТЕКТУРЕ ГОРОДА

М.Ю. Сидоренко

Приведены примеры и доводы значимости фонтанов в городской архитектуре, важность их присутствия в архитектурной среде. Фонтан является центром притяжения горожан и гостей города, положительно воздействуя на их психофизическое состояние.

Ключевые слова: фонтан, типология, композиционная роль, роль.

Роль фонтанов в современном городе трудно переоценить. Это естественный источник свежести и прохлады, куда стремятся люди всех возрастов и социальных слоев в поисках тишины, гармонии и спокойной обстановки. В летний период самое большое скопление народу наблюдается именно вблизи фонтанов и фонтанных комплексов. Людей в такие места притягивает совершенно неповторимый микроклимат и окружающая внешняя красота. Ценность фонтанных сооружений оценили и предприниматели, устанавливая кафе, где поток посетителей не иссякает. Окружение фонтана, становится отдельным райским уголком, где нет места суетливости и проблемам. Значимость фонтанов для любых объектов архитектурной среды неоценима и бесспорна.

На заре цивилизации человек и водное пространство просто находились рядом, сосуществовали. Соответственно и отношение людей к воде было утилитарным.

Вода мыслилась как часть окружающего мира, средство для утоления жажды, омовения, отдыха. Вода была транспортной и военной артерией, источником для полива полей и местом охоты.

Впервые фонтаны появились в Древней Греции и к эстетике не имели никакого отношения. Они служили источниками питьевой воды, охлаждали и увлажняли воздух, используя подводные реки, ключи и естественные перепады высот залегания воды.

В дальнейшем это дало толчок к развитию фонтанного зодчества и в Древнем Риме, поскольку обе империи тесно соприкасались в свое время. Местные мастера делали трубы из свинца, остававшегося в большом коли-

честве после переработки серебряной руды. В последствие, за счет дешевизны технологии изготовления труб, фонтаны в Риме были повсюду.

Семь столетий люди строили фонтаны по принципу сообщающихся сосудов. С начала XVII века фонтаны стали приводить в действие с помощью механических насосов, которые постепенно заменили паровые установки, а затем и электрические насосы.

С развитием цивилизации вода стала источником красоты в архитектуре.

Фонтаны, являющиеся существенным элементом декоративного оформления, в зависимости от их архитектуры и композиции водяных струй, могут быть разделены на шесть основных типов:

1) колодцы и родники, декоративно оформленные с привлечением средств архитектуры и пластики. Такие отдельно стоящие колодцы могут быть красивым декоративным пятном на площади или на улице небольшого поселка или районного центра. В местностях с наличием высоко расположенных родников и ключей подвод воды к такому колодцу может осуществляться самотеком. Место слива воды в чашу колодца можно оформлять простым водометом или маскароном, используя для их установки ниши и углы общественных зданий. Такой вид популярен во всех южных странах;

2) простые водоемы спокойных геометрических форм с зеркальной поверхностью, отражающей кроны деревьев, архитектуру памятников и сооружений. В некоторых случаях, например при расположении водоемов на площадях и в партерах парков, зрительное впечатление может быть усилено введением одной или нескольких вертикально бьющих мощных струй, рельефно выделяющихся на фоне сооружений или темной зелени парков. В замкнутых пространствах скверов на внутриквартальных озелененных площадках для усиления архитектурной выразительности этих бассейнов достаточна одна небольшая центральная струя. Они распространены по всему миру;

3) фонтаны со сложной композицией водяных струй, бьющих из глади водоемов и создающих динамический силуэт на фоне зелени, с незначительным привлечением пластики и широким использованием технических средств для подсвечивания струй в ночное время. Такие фонтаны требуют сложного и дорогого инженерного оборудования и квалифицированного ухода. Их место – на центральных площадях, в общественных парках и на выставках;

4) фонтаны в виде одной или нескольких чаш, стоящих в центре небольшого водоема, в который стекает из этих чаш вода. Форма чаш может быть весьма разнообразной; вода с них может сливаться кристальной пеленой (при гладкой обработке поверхности борта) или несколькими струйками (в лепестковых чашах). Впечатление от таких фонтанов усиливается введением композиции водяных струй. Благодаря спокойным благородным формам диапазон применения этих фонтанов весьма широк. Их можно устанавливать в скверах, парках, садах, на городских

площадях и т.д. Место установки таких фонтанов определяется степенью богатства их декоративного оформления;

5) скульптурные фонтаны, в которых доминирует пластика, а композиция водяных струй играет лишь подчиненную роль. Синтез архитектуры и пластических форм в сочетании с динамикой воды усиливает художественный образ фонтана. Место таких фонтанов – на городских площадях и перед общественными зданиями. К этой же группе могут быть отнесены мемориальные фонтаны, а также фонтаны, оформляющие фасады архитектурных сооружений;

6) каскады в виде многоступенчатых переливов воды с богатым декоративным оформлением или в виде нескольких чаш, входящих в архитектуру сходов или подпорных стенок. Каскады чаще всего находят применение в парках и садах со значительным падением рельефа местности. Для снабжения каскадов водой служат перехваченные родники, ключи или вода, использованная в струйных фонтанах, расположенных на верхних террасах (над каскадами) [1].

Прекрасное воздействие, которое оказывает фонтан на людей, привело к повсеместному их распространению по всему миру. Фонтаны стали достопримечательностями, прославляя площади, города, страны. Примеры служат тому доказательству: **Фонтан Треви** – самый знаменитый фонтан Рима, расположен в центре небольшой площади Пьяцца-и-Треви (рис. 1). Папа Климент XII заказал Николо Сальви сооружение фонтана, ставший шедевром скульптора (1732–1751).

Рис. 1. Фонтан Треви

Поющие фонтаны в Дубае – яркое и удивительное сооружение ОАЭ, которое символизирует роскошь и богатство этого края. Поющие фонтаны Дубая считаются одними из самых больших на планете: струя может подниматься на высоту около 150 метров, что соответствует уровню пятидесятого этажа небоскреба. Фонтан **«Кран, висящий в воздухе»** в Испании (рис. 2) удивляет своей неординарностью. Благодаря своей оригинальности, такие фонтаны стали популярны, висящие краны можно найти во многих городах и странах.

Рис. 2. Испания. Фонтан «Кран»

Фонтан в Бельгии «**Писающий мальчик»** известен во всех странах. Он стал одним из самых узнаваемых символов Бельгии и, наверное, главной достопримечательностью Брюсселя. Возле этого памятника с фонтаном всегда много туристов.

Ярким примером классических фонтанов служат **фонтаны Версаля**. Версаль. **Зеркальная струя** – беседка и фонтан в Харькове, первый символ города. Расположена по Сумской улице в сквере Победы, напротив здания Харьковского театра оперы и балета. **Фонтан Четырёх рек** – один из самых красивых фонтанов Рима (рис. 3) с подвижным водным ландшафтом, находится на пьяцца Навона, создал фонтан Великий архитектор Бернини. **Дворцово-парковый ансамбль Петергоф** – царство фонтанов, феерия играющей воды, дворцы, в которых оживает эпоха Петра Великого. Петергоф был основан в самом начале XVIII в. императором Петром I (рис. 4).

Рис. 3. Фонтан четырех рек. Италия

Рис. 4. Ансамбль Петергофа

Фонтан, будь он исторической достопримечательностью или современным объектом, играет одну из главных ролей в создании композиционных осей города, живописного пейзажа, являясь неотъемлемой частью ландшафтного дизайна. Городские улицы и площади, сады и парки заметно преображаются, если они украшены фонтанными композициями, притягивающими восхищенные взгляды гостей и жителей города.

Библиографический список

1. Спышнов, П.А. Фонтаны / П.А. Спышнов. – URL: https://text.ru/rd/aHR0cDoZWJhLnNwYi5ydS9kZWxvL2ZvbnRhbnktMTk1MC5odG.

К содержанию

УДК 72(092) + 75(092) + 72(470.55)

МОЧАЛОВА М.П. – АРХИТЕКТОР, УЧЕНЫЙ, ХУДОЖНИК

Д.Н. Сурин, О.Б. Терешина

В статье обосновывается необходимость научного исследования творческого наследия архитектора и педагога Мочаловой М.П., характеризуются основные направления ее деятельности.

Ключевые слова: Мочалова Мария Петровна, архитектура Челябинска, челябинский архитектор, архитектурная школа.

Мария Петровна Мочалова, выпускница Московского архитектурного института 1947 г., талантливый архитектор и художник, серьезный исследователь, принципиальный общественный деятель, прекрасный педагог, долгие годы жила и работала в Челябинске. Она внесла большой вклад в развитие градостроительной структуры и архитектурного облика нашего города, в сохранение культурного наследия региона, с ее помощью воспитано не одно поколение инженеров и архитекторов. За особые заслуги перед городом и Отечеством М.П. Мочалова удостоена в 2008 г. официального звания «Почетный гражданин города Челябинска». Важно для нас и то, что Мария Петровна более 50 лет работала в Челябинском политехническом институте (ныне Южно-Уральский государственный университет), закончив свою педагогическую деятельность на кафедре дизайна и изобразительных искусств ЮУрГУ.

В Челябинск М.П. Мочалова приехала после окончания института в составе группы так называемого «московского десанта» вместе с мужем, архитектором Б.В. Петровым, и уже в 1949 г. была принята в Союз архитекторов СССР. Плодотворные годы архитектурной деятельности прошли в стенах проектного института «Челябинскгорпроект» (ныне Челябинскгражданпроект), где Мария Петровна за несколько лет прошла путь от архитектора до главного архитектора проектов. Перейдя с 1955 г. на преподавательскую деятельность, она долгие годы оставалась действующим архитектором, занимаясь реальным проектированием по совместительству. Мария Петровна является автором и соавтором около 80 различных проектов, 40 из которых было осуществлено.

Начало самостоятельной архитектурно-проектной деятельности М.П. Мочаловой и группы молодых архитекторов, приехавших из Москвы в Челябинск по распределению, пришлось на послевоенные годы. Это были годы особого духовного подъема, веры в идеалы и любви к своей Родине. Молодой коллектив влюбленных в свою работу специалистов увлеченно и самозабвенно трудился над созданием архитектурного облика Челябинска, преодолевая трудности и не замечая бытовых неудобств. И неуди-

вительно, что в своем творчестве они обращались к лучшим образцам античности и классицизма, используя элементы ордерной системы. До сих пор здания, построенные по их проектам, являются одними из самых красивых и любимых челябинцами. А профессионализм принятых ими градостроительных решений заложил перспективу развития застройки Челябинска и позволил долгие годы развиваться городу без серьезных транспортных и социальных проблем.

Необходимо отметить, что в тот послевоенный период перед нашими архитекторами стояли очень трудные и ответственные задачи: восстановление разрушенного народного хозяйства, перевод промышленности на мирные рельсы, воссоздание утраченного и строительство нового. Все это потребовало невероятных усилий всего советского народа. Особая ответственность лежала на деятелях искусства, и архитекторах в особенности. Народ устал от крови, лишения, бед и ожидал от художника поддержания своими творениями веры в недалекое светлое будущее, веры в то, что скоро наступит достойная и, что очень важно, красивая жизнь. И советские архитекторы, строители справились с поставленными перед ними задачами. В относительно короткий срок были заново отстроены разрушенные города, восстановлено и реставрировано большинство памятников исторического архитектурного наследия, получили дальнейшее развитие и созданы новые планы градостроительства. Новая эпоха потребовала новых архитектурных решений, развивающих лучшие традиции отечественной культуры. Это была великая эпоха в нашем Отечестве, эпоха созидания и великих свершений. Каждая великая эпоха рождает великий стиль. Так называемый архитектурный «сталинский ампир», его лучшие достижения вошли в сокровищницу мирового искусства, запечатлев для будущих поколений красоту, стойкость, оптимизм и высоту народного духа. М.П. Мочалова была из тех, кто более чем достойно представлял эту замечательную плеяду тогда молодых советских архитекторов в городе Челябинске.

Мария Петровна является автором проектов жилых и общественных зданий, малых архитектурных форм, градостроительных и конкурсных проектов. Ее отличала принципиальная позиция. Заключалась она в том, что архитектор полностью, до последней детали, отвечает за свое творение. Просиживая ночи в архитектурной мастерской, отстаивая свои проекты, в том числе, перед московским начальством, Мария Петровна полностью отдавала себя любимой работе. Важным этапом при реализации проекта всегда являлся авторский надзор, к которому она относилась также ответственно и щепетильно, как и к своей проектной работе. При возведении здания для нее были важны и качество строительных конструкций, и выбор колера для окраски стен. Среди наиболее известных реализованных проектов М.П. Мочаловой можно назвать жилой дом Трубопрокатного завода по ул. Тимирязева, 29 (проект 1948–1949 гг., построен 1954 г.), здание

Железнодорожного техникума (проект 1953–1954 гг., построено 1959 г.), здание Государственной публичной библиотеки, созданное в соавторстве с Б.В. Петровым (рис. 1, проект 1954–1961 гг., построено 1963 г.). Среди реализованных проектов М.П. Мочаловой есть и ландшафтные проекты, и проекты интерьеров общественных зданий, среди которых проект интерьеров кинотеатра «Родина», за который авторский коллектив получил в 1952 г. премию Госстроя РСФСР. В 1995 г. М.П. Мочалова была удостоена звания «Заслуженный архитектор РФ», в 1997 г. избрана Советником Российской академии архитектуры и строительных наук.

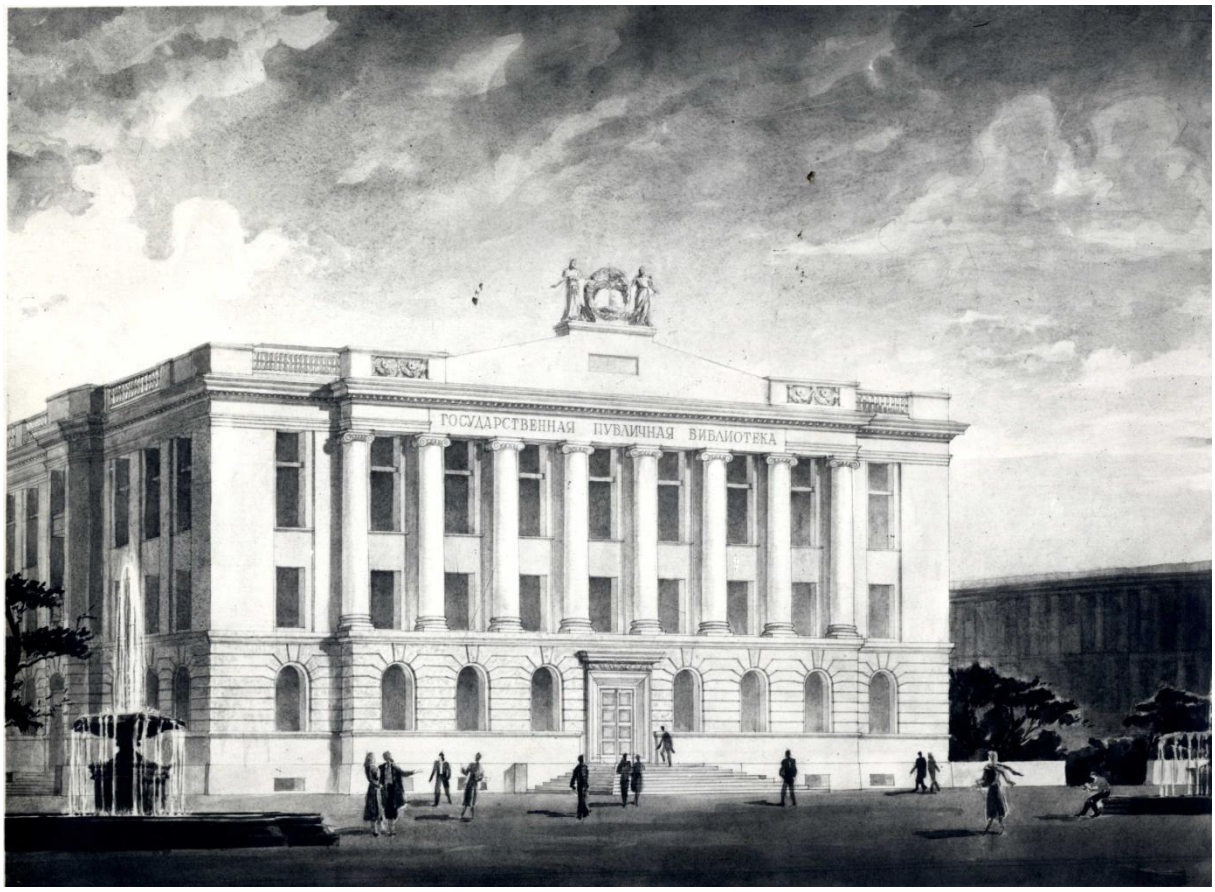


Рис. 1. Проект Государственной публичной библиотеки в г. Челябинск. Перспектива, архитектурная отмывка

Будучи архитектором и педагогом Мария Петровна понимала и любила незатейливую красоту старого Челябинска и считала необходимым сохранить ее для будущих поколений. Научная деятельность Мочаловой, неразрывно связанная с ее общественной деятельностью, была направлена на изучение и сохранение культурного наследия Южного Урала. Она внесла большой вклад в развитие отечественной историко-архитектурной науки, изучение истории архитектуры и каталогизацию памятников архитектуры Южного Урала. Народное зодчество нашего региона, градостроительные

особенности формирования уральских поселений были основными направлениями ее научной деятельности. Мария Петровна принимала участие в серьезной работе по историко-культурному анализу исторической зоны г. Челябинска (1980–1982 гг.) и в разработке историко-архитектурного опорного плана и проекта охранных зон нашего города (1991–1992 гг.). Являясь инициатором создания студенческого научного общества и руководителем учебной практики, она привлекала к научно-исследовательской работе и участию в летних экспедициях студентов инженерно-строительного факультета Челябинского политехнического института. На основе собранного под ее руководством материала было составлено 40 паспортов на памятники архитектуры Челябинской области.

Исследованию народного зодчества и проблемам сохранения архитектурных памятников Южного Урала посвящены работы М.П. Мочаловой. Мария Петровна много сил и свободного от основной работы времени отдала сбору краеведческого материала, выявлению памятников архитектуры и градостроительства Челябинска и Челябинской области, выполнению их обмеров и описаний. Профессиональная интуиция, высокая культура и энциклопедические знания архитектора и ученого позволили сделать ряд открытий, одним из которых является находка домовой росписи в южноуральских селах [1]. Итоги кропотливой исследовательской работы зафиксированы в научных статьях и монографиях М.П. Мочаловой, наиболее значительными из которых являются «Деревянное зодчество старого Челябинска» (1973 г.) и «На полуденную сторону: о народных традициях в южноуральском зодчестве» (1978 г.), изданные Южно-Уральским книжным издательством. В научных трудах приведены авторские фотографии и рисунки (рис. 2, 3).

Рис. 2. Роспись стены под полатями в доме Ф.П. Ерёмина. Акварельная копия

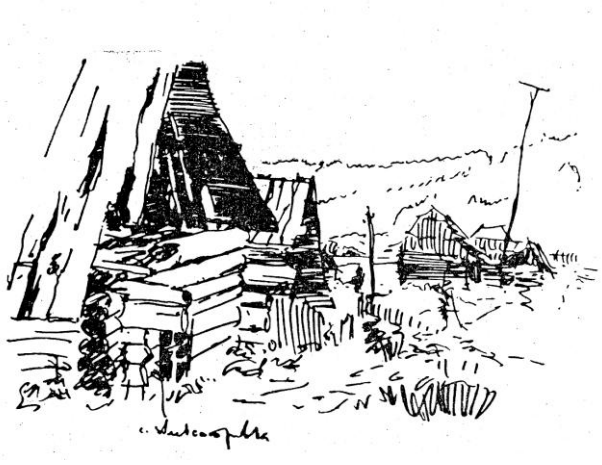


Рис. 3. Старая застройка в д. Александровка. Рисунок с натуры

Научные работы Марии Петровны отличает язык и тон повествования, поэтичный и вдохновенный. Не только систематизация и анализ полученной информации, но и желание поделиться радостью открытий были целью ее публикаций. Вот как описана, например, церковь в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы в Миньяре и ее градостроительная роль: «Оригинально местоположение предзаводской площади в Миньяре – на стрелке у слияния двух рек. На площади безраздельно господствует каменный храм, архитектура которого удивительно женственна, гармонична и торжественна. Пруд с плотиной и церковь, стоящая над откосом и отраженная в воде, – вот квинтэссенция центра в Миньяре, а заводские и административные здания, расположенные ниже плотины и площади, возвышаются над их поверхностью лишь одним этажом» [2, с. 171–172]. А это про церковь в честь Сретения Господня в Илеке: «Каменная церковь (XIX в.) поставлена не в линию застройки и не на замыкании улицы. А ниже по рельефу, ближе к реке. Ряд изб «проходит» мимо храма как бы безразлично, ничем не отзываясь на него. И, тем не менее, внушительный объем и выразительная архитектура культовой постройки с трехсветной цилиндрической алтарной частью, увенчанной куполом, делают панораму села незабываемой. А баньки, беспорядочно сбежавшие к воде, к подножию храма, не мешают, а скорее подчеркивают его господствующее положение» [2, с. 110–112].

Считая недооцененным архитектурное наследие Южного Урала и желая привлечь внимание общественности к необходимости его сохранения, Мочалова вела просветительскую работу, публикуя статьи в центральной и местной печати, выступая с лекциями, по радио и телевидению. Неравнодушие и увлеченность, активная жизненная позиция и высокий профессионализм архитектора и ученого были основой ее общественной деятельности в области архитектуры и искусства. В 1962–1971 гг. М.П. Мочалова являлась членом правления Челябинской организации Союза архитекторов СССР (ЧО СА СССР), председателем секции по охране памятников архитектуры, с 1966 г. избиралась членом президиума областного и городского советов Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), членом правления Областного фонда культуры.

Мария Петровна Мочалова как достойный представитель великой советской архитектурной школы является и замечательным художником, тонким и лиричным, остро чувствующим красоту природы и архитектуры. Художник и архитектор смотрит на окружающий мир несколько иначе, чем обычный человек. Любое явление или событие в жизни может вдохновить его на создание художественного произведения. Только чувствуя «громоподобную красоту» окружающего мира, обладая способностью к созерцанию, архитектор может создать настоящее произведение, способное пережить последующие поколения им на радость. Эту истину не сле-

дует доказывать. Она доказана самой жизнью и творчеством всех архитекторов и дизайнеров, создавших на своем веку что-то более или менее серьезное и значительное, не только выдающееся и великое.

Существенную часть многогранного творческого наследия М.П. Мочаловой составляют акварели и рисунки, выполненные с натуры. Следует сказать, что акварель как таковая весьма условно может быть отнесена к графике как виду изобразительного искусства. Именно в русском классическом искусстве, в его установившихся традициях акварель всегда понималась как живопись, обладающая своими уникальными возможностями и особенностями. При всей кажущейся простоте выражения своих чувств и эмоций акварельная живопись в руках истинного мастера обладает воздействием на зрителя, имеющего эстетическое чутье и художественный вкус, необычайной эмоциональной силы. Владение акварельной техникой позволяет мастеру практически моментально выхватить из окружающей действительности кусочек повседневной жизни и зафиксировать навсегда мысли и чувства, владевшие им при взгляде на то или иное событие окружающей жизни, пульсирующей внутри и вокруг нас, передать свое восхищение различными проявлениями красоты божьего мира и человека в нем.

В многочисленных поездках по стране и миру М.П. Мочалова всегда брала с собой акварель, чтобы не на словах, а на деле передать свое восхищение и удивление увиденным, и делала это с неподражаемым мастерством. В своих путевых пленэрных зарисовках и этюдах, а также постановочных натюрмортах, портретах и интерьерах Мария Петровна с удивительным мастерством и художественной честностью передавала не только отличительные особенности и черты изображаемых объектов, но отражала их связь с окружающей средой, так как любое пластическое явление или событие не может быть само по себе красиво. Красота объекта может быть воспринята во взаимной красоте всего сущего как органическая часть его единства. Окружающая среда постоянно изменчива. Изменчива природа (времена года, суток, погода), но истинное гениальное творение чьих бы то ни было рук никогда, ни при каких обстоятельствах не уменьшает силы своего визуального облагораживающего воздействия на душу человека. Чтобы быть художником или архитектором, уметь создавать «музыку для глаз», нужно по возможности максимально вдумчиво изучить и освоить ту музыку, которая звучит в природе. Музыку света, цвета, фактуры, соотношение объемов, красоту ритмов, что очень убедительно показывает своим архитектурным творчеством М.П. Мочалова. Вот почему здания, построенные по ее проектам, входят в ряд самых красивых в городе Челябинске.

Следует отметить и серию графических портретов преподавателей и студентов ЮУрГУ, созданных Марией Петровной, психологичных и виртуозных по исполнению (рис. 4). Мария Петровна как истинный мастер демонстрирует весьма широкий диапазон владения различными рисоваль-

ными материалами и техниками. Замечательно проявила себя Мария Петровна и в книжной графике. Созданные ей иллюстрации к сказке собственного сочинения (1950-е гг.) подкупают зрителя не только мастерством и изяществом исполнения, но и чутким проникновением в саму суть повествования и умением показать читателю-зрителю, будь то ребенок или взрослый, красоту авторского замысла (рис. 5).

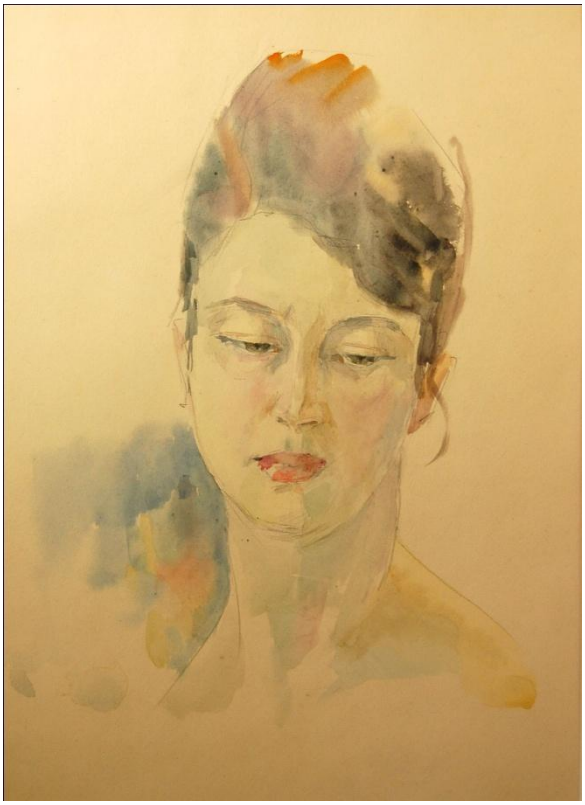


Рис. 4. Иза (И.Н. Курзенева).
Из серии преподаватели ЧПИ, 1965

Рис. 5. Сказка про Сивку-Бурку
и Иванушку-дурачка. Иллюстрация

Начиная с 1964 г. Мария Петровна Мочалова многократно принимала участие в художественных выставках, включая персональные в ЧПИ–ЧГТУ–ЮУрГУ в 1966, 1971, 1992, 2004 гг., творческий отчет в ЧО СА СССР в 1972 г., выставку станковой графики, состоявшуюся по приглашению Э. Хонеккера в Центральном доме Германо-Советской дружбы в Берлине в 1973 г. (рис. 6) и многие другие. В 1974 г. прошла целая череда персональных выставок графики, рисунка и акварели в Московском архитектурном институте и Центральном доме архитекторов в Москве, г. Спасске-Рязанском и музее г. Рязани. Выставки получили похвальные отзывы в центральной, зарубежной и местной печати.

Рис. 6. Мария Мочалова с Эрихом Хонеккером
на открытии выставки в Берлине

Не вызывает сомнений актуальность исследования творческого наследия М.П. Мочаловой, все многообразие которого достойно быть рассмотрено в объемной монографии. Большие заслуги Марии Петровны в архитектурной, научной, педагогической и общественной деятельности не мешали ей быть удивительно скромным, отзывчивым, мудрым и светлым человеком. Будучи архитектором, она являлась не только творцом своих произведений, но и творцом непосредственно окружающей ее жизни. Мария Петровна оставила о себе самые добрые и светлые воспоминания.

Библиографический список

1. Мочалова, М.П. В поисках сокровищ. Домовая роспись в деревянном зодчестве Челябинской области / М.П. Мочалова // Автограф. Челябинск-арт. – 2005. – № 4(23). – С. 82–86.

2. Мочалова, М.П. На полуденную сторону: о нар. традициях в южноурал. зодчестве / М.П. Мочалова. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1978. – 193 с.

3. Бахарева, С.В. Страницы биографии: статья к каталогу / С.В. Бахарева // Каталог выставки «Мочалова Мария Петровна. 60 лет творческой деятельности». – Челябинск: ЧРО ВТОО «СХР», 2004. – 28 с.

К содержанию

УДК 741.02 + 747 + 72.012

РИСУНОК ИНТЕРЬЕРА ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЮ

О.В. Финаева

В статье рассмотрены вопросы работы над рисунком интерьера по представлению, выбор ракурса и материалов исполнения работы, а также роль рисунка и значимость задания в архитектурно-дизайнерском образовании, взаимосвязь учебного академического рисунка с проектными дисциплинами.

Ключевые слова: интерьер, рисунок, архитектура, дизайн, проект 5-100.

Архитектурный рисунок – это полноценный и самостоятельный вид искусства, позволяющий максимально точно выразить ощущение пространства, детали, поверхности, то есть всего того, что составляет суть архитектуры [1].

Рисунок по представлению – неотъемлемая часть в подготовке специалистов направления архитектура и дизайн архитектурной среды. Умение грамотно представить творческий замысел средствами ручной графики, владение выразительными средствами графики и основами композиции, способность использовать воображение, мыслить творчески, инициировать новаторские решения в проектном процессе являются показателем высокого уровня подготовки архитектора.

Рисунок по представлению ставит своей задачей научить воспринимать окружающую действительность как совокупность пространственных геометрических объемов и аналитически работать с ними [2]. Определенная отрешенность от натуры позволяет рисующим более осознанно выполнять работу и, как следствие, более эффективно создавать образ, который всегда индивидуален.

Требования современных архитектурных бюро направлены на развитие компьютерного моделирования в проектном процессе, и это закономерно. Автоматизация процессов облегчает техническую составляющую проектирования, снижает трудоемкость и повышает скорость выполнения чертежей, их наглядность. Однако в стадии эскизного проектирования именно рисунок по представлению является той основой, на которую опирается выполнение поставленных проектных задач в части художественного вкуса, обоснованности в выборе архитектурного стиля, проработке деталей и выверенности пропорций.

В процессе обучения рисунку на архитектурном факультете ЮУрГУ в рамках реализации программы 5-100 выполняется учебное задание по рисунку интерьера по представлению в заданном архитектурном стиле.

В процессе работы перед студентами ставится цель отработать методику и технические приемы изображения интерьера общественного здания по представлению в выбранном архитектурном стиле. Этот процесс аналогичен реальному проектированию, и потому особенно ценен в обучении.

Основой к выполнению задания служит выбор назначения общественного здания. Именно функциональная специфика помещения определит в дальнейшем компоновку помещения, расположение дверных и оконных проемов, необходимого оборудования и выбор стилевого решения. Классицизм и хай-тек, модерн и конструктивизм, футуризм или функционализм – каждый стиль найдет своих поклонников среди архитекторов и заказчиков.

Общественные здания различного назначения значительно отличаются между собой по планировке, составу помещений и их габаритам. Соответственно и стилевое решение каждого объема будет индивидуально. Предприятия общественного питания – рестораны, кафе, бары – имеют разнообразную объемно-планировочную структуру, от которой зависит стилевое решение. Они могут быть просторными и помпезными, уютными «домашними» с обилием мелких деталей или лаконичными и ультрасовременными.

Современные торговые центры имеют большие внутренние пространства, масштабные холлы, иногда двухсветные. Холлы спортивных сооружений – это большие пространства высокой вместимости, чаще всего с ленточным остеклением и высокими потолками. Спортивные сооружения, как правило, имеют четко выраженную конструктивную структуру и для их оформления характерны такие стили, как хай-тек, конструктивизм, функционализм. Однако для некоторых видов спортивных сооружений уместен стиль классицизм, поскольку мы имеем достаточно большое количество исторических примеров спортивных сооружений древности, выполненных в этом стиле.

Каждый архитектурный объект обладает рядом характеристик пространства и объема, разнообразием типов поверхностей, их фактур, тональности, массы. Поэтому любой архитектурный замысел нуждается в предварительной проработке, причем именно в комплексном подходе к проектированию, при котором необходимо выверить пропорции помещения и отдельных деталей, соотношение по массам и распределение в пространстве поверхностей различного тона и фактур, грамотно провести расстановку оборудования, мебели и элементов интерьера.

Для того чтобы оценить параметры помещения рекомендуется выполнить несколько эскизов плана с вариантами расстановки мебели. Это даст возможность лучше представить соотношение объемов пространства, их взаимодействия в композиции, учитывать связь формы и фактуры поверхностей, выявить закономерности построения гармонических отношений.

Наряду с проработкой планов и выбором видовых точек следует изучение стиля – его особенностей, характера линий, форм, пропорций, цветовых предпочтений (рис. 1). Все в помещении должно быть исполнено в едином стиле, из которого ничего не должно выбиваться и во всех предметах интерьера должна прослеживаться одна и та же идейная линия.

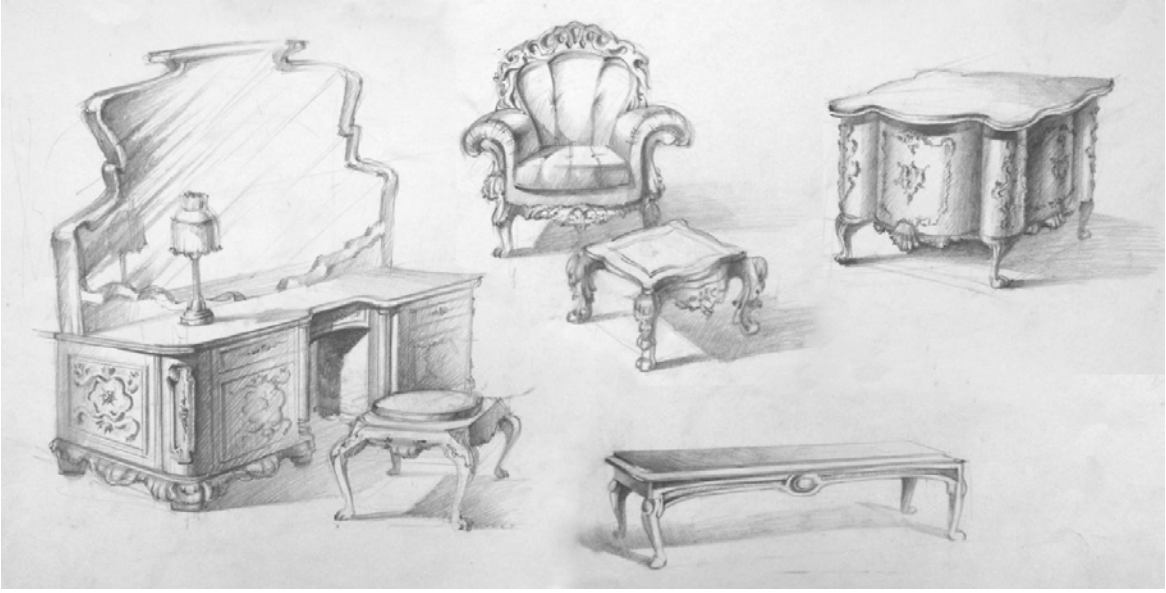


Рис. 1. Зарисовки мебели

Следующий этап – определить на плане наиболее выгодные видовые точки. Для этого необходимо схематично зарисовать видовые кадры интерьера с мебелью с учетом перспективы. Это позволит оценить восприятие пространства с учетом человеческого роста, поскольку мы проектируем именно для человека и, в конечном счете, именно от того, как будут воспринимать интерьер его посетители, и зависит степень выразительности архитектурного замысла. Самые выразительные видовые кадры, наиболее полно раскрывающие художественный замысел и станут основой рисунка интерьера по представлению (рис. 2).

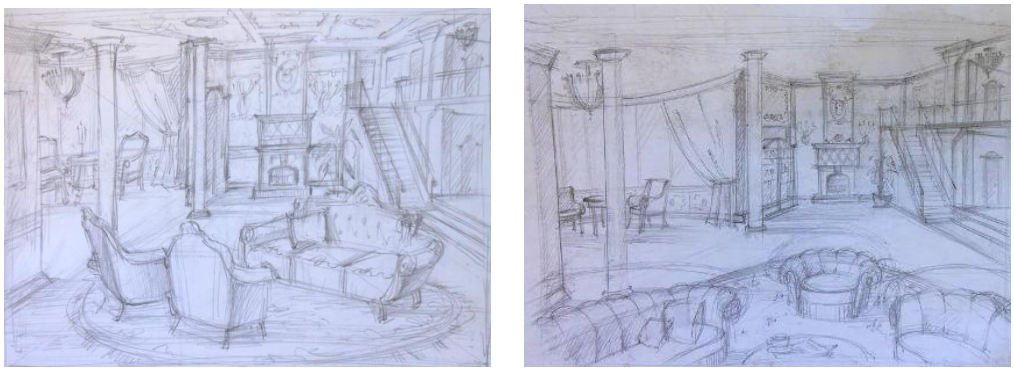


Рис. 2. Эскизы интерьера

Работа в плоскости листа начинается с определения основных соотношений пространств – *пол – стены – потолок*. По выбранному предварительному эскизу с учетом линейной и воздушной перспективы выстраивается основное пространство интерьера. Затем прорабатываются детали, элементы оборудования, мебель. Для придания реалистичности изображению рекомендуется вводить в рисунок фигуры людей на среднем и дальнем планах.

Технические средства выполнения рисунка интерьера по представлению очень разнообразны. В этом задании проявляется все богатство палитры выразительных графических средств. Работа может быть выполнена в технике линейной графики тушью, линером или гелевой ручкой с предварительной заливкой плоскостей акварелью в ограниченной цветовой палитре. Это позволит дать представление о цветовом решении интерьера. Выразительна работа на тонированной бумаге различными мягкими материалами, пастелью или цветными карандашами. Выбор в качестве основы тонированной бумаги позволяет сразу задать соответствующий колорит всей работе (рис. 3, 4).

Рис. 3. Рисунок интерьера гостиной по представлению.
Тонированная бумага, цветной карандаш

Выполнение задания «Рисунок интерьера по представлению» позволяет освоить технические приемы подачи эскизных проектов, столь необходимых для работы с заказчиком, продемонстрировать высокий профессиональный уровень подготовки, пространственное воображение, развитый художественный вкус.

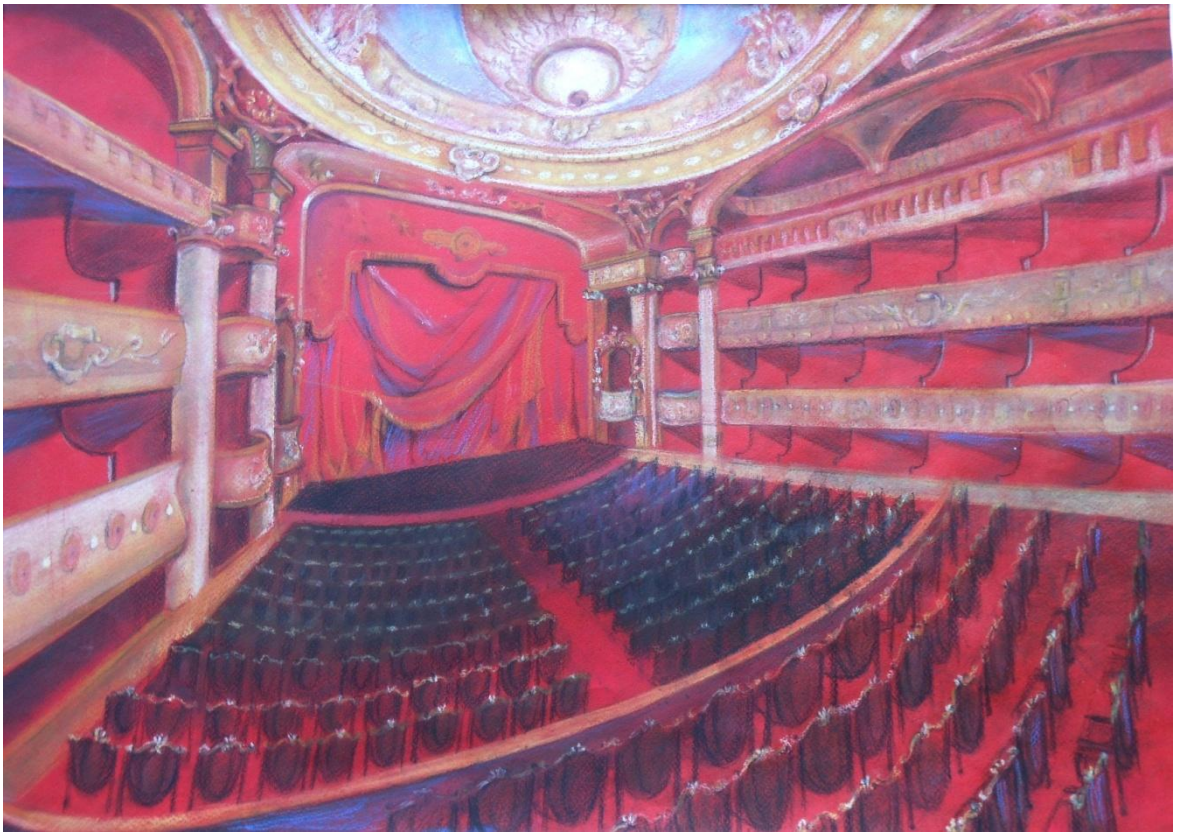


Рис. 4. Рисунок интерьера театра по представлению.
Тонированная бумага, пастель

Систематические занятия рисунком с натуры, по представлению, по памяти и воображению способствует развитию объёмно-пространственного, логического мышления. Рисунок позволяет архитектору преобразовывать живой материал его наблюдений в архитектурные образы, позволяя находить оригинальные творческие решения [3]. Владение методами моделирования и гармонизации архитектурной среды при разработке проектов, умение грамотно представлять архитектурный замысел, передавать идеи и проектные предложения средствами ручной графики характеризуют высокий уровень профессиональной подготовки архитектора и дизайнера.

Библиографический список

1. Sergei Tchoban. Architectural Drawings. Italy, Skira, 2015. – URL: http://archspeech.com/article/sergey-choban-arhitekturnye-risunki.

2. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17191709&lfrom=156749724.
3. URL: http://festival.1september.ru/articles/312710/.

К содержанию

УДК 7.016.4 + 76.012(470.55) + 726.016.4:27-788(470.55)

ФИРМЕННЫЙ СТИЛЬ ОДИГИТРИЕВСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Д.Г. Черных, А.В. Арнольд

Проанализирован проект визуально-графического комплекса женского Одигитриевского монастыря в г. Челябинске, выполненный в рамках ВКР на кафедре дизайна и изобразительных искусств ЮУрГУ, по заказу руководства одноимённой религиозной православной общины монахинь. Продукт разработки идентифицирует принадлежность монастыря к Русской Православной Церкви, его этнокультурную принадлежность, решая проектные задачи в единой визуальной стилистике. Состав проекта включает в себя: знак общины, знак монастырской заимки, фирменную графику, блок документации, упаковку, система указателей и т.д. Проект внедрён, став стилистической основой для производства сувенирной, рекламно-информационной, навигационной, упаковочной и иной продукции.

Ключевые слова: неорусский стиль, Одигитриевский монастырь, визуально-графический комплекс, плетённый орнамент, вязь, скоропись.

В современном мире роль графического дизайна многократно возросла. На заре своего появления в России в XIX в. как отдельного профессионального направления в художественной промышленности в сферу графического проектирования, в основном, входили: книжная иллюстрация, рекламный плакат, афиша, упаковка. Но уже в конце XX, в начале XXI в. с появлением новейших технологий, графический дизайн, как самый мобильный, менее затратный, наиболее эффективный и доступный, вышел на лидирующие позиции среди всех видов дизайна. В современной перенасыщенной информационной среде разработка системы визуальной идентификации стала актуальной не только для светских институтов общества, но и для духовных организаций и общин.

Религиозная община монахинь Челябинский женский Одигитриевский монастырь, представляет собой церковно-хозяйственную организацию,

владеющую землями и капиталами. Сфера деятельности монастыря выходит за рамки исключительно духовной жизни и включает в себя просветительские, педагогические, коммерческие, производственные, и иные функции. Следовательно, Одигитриевский монастырь нуждался в рекламно-графическом комплексе, способствующем его визуальной идентификации в современном информационном пространстве, с целью успешного своего развития в культурно-религиозном и коммерческом направлении. Предполагается, что вновь созданный в 2016 г. на базе женской монашеской общины монастырь станет преемником одноименной обители, существовавшей в городе с 1861 по 1921 г. Руководство монастыря обратилось на кафедру дизайна и изобразительных искусств ЮУрГУ с просьбой разработать фирменный айдентику для своей организации. Обращение послужило основой для выбора тема выпускной квалификационной работы студентки бакалавриата А.В. Арнольд и её научного руководителя, доцента кафедры Д.Г. Черных.

Исторический контекст. Идея создания в Челябинске женского монастыря принадлежала Анне Максимовне Полежаевой (в монашестве Агния – первая игуменья монастыря). 5 октября 1849 года Анна Полежаева обратилась с прошением в городскую думу об отводе земли под устройство женской общины: «С давнего времени возымела я намерение посвятить себя иноческой жизни. Находясь при Преображенской церкви Чебаркульской крепости, ревнуя сему благочестивому намерению, присоединились ко мне 29 сестер». Но как при церкви Чебаркульской крепости богослужение не всегда бывает, то обратилась я с просьбой к гражданам Челябы о дозволении устроить по неимению в здешнем крае женских монастырей при Челябинской кладбищенской церкви общину [1].

23 февраля 1854 г. император Николай I по докладу Святейшего Синода утвердил в Челябинске женскую общину под названием Одигитриевская, Богородичная. В феврале 1861 г. (по др. данным в 1862 г.) община была преобразована в монастырь. Он располагался там, где сейчас находится областная администрация и гостиница «Южный Урал», пересечение улицы Цвиллинга (ранее Христорождественской) и проспекта Ленина.

Постановка проблемы. В процессе проектирования перед проектировщиками была поставлена цель, к которой вели четыре задачи. Сложность заключалась в специфике как предмета, так и объекта исследования. Предмет – айдентика монашеской общины, которая является неотъемлемой частью Русской Православной Церкви, за более чем тысячелетнюю историю, повлиявшую на существование отечественной государственности и культуры. Объект исследования – это визуально-графический комплекс, который не ограничивается разработкой товарного знака и фирменной графики, а требует проектного подхода, который позволит решать прикладные рекламно-информационные, производственные и иные задачи в дальнейшем.

Цель – это создание современного дизайн-продукта стилистически ориентированного на особенности традиционной русской культуры. Идеологические православные и профессиональные дизайнерские, задачи предстояло решить параллельно. Первые связанны с консервативной, жёстко структурированной, устойчивой системой духовных ценностей, характерных для русского православия, в том числе, в культурно-историческом, и художественно-эстетическом контексте. В современном же дизайне прослеживается ряд выраженных тенденций, которые имеют Западноевропейские истоки, связанные с католико-протестантскими культурными традициями. Такими, как минимализм, лаконизм, и приёмами их формообразования.

Задача первая – мировозренческо-стилистическая. В начале XXI в. визуальный контекст, в рамках которого, возможно адекватно представить Русскую Православную Церковь, тождественен русской этнокультурной традиции. Выход за пределы её неприемлем, и вызовет диссонанс восприятия. Сформировавшийся во второй половине XIX в. как национальное «историческое» течение в рамках эклектики «Русский стиль», обращался к традиции народного и средневекового искусства, и имел всеохватный характер. Он стал явлением, подорвавшим ориентацию на тотальную европеизацию, как основу государственной политики, в том числе, в сфере искусства. Прорубленное Петром I «окно в Европу» задавало культурный вектор развития России с конца XVIII в. по вторую четверть XIX в.

Русскому стилю наследует неорусский. В самом его термине диалектика преемственности, и отталкивания. В приставке «нео» заложен новый смысл понимания национального, по сравнению с русским стилем второй половины XIX в. Образцами для подражания стали новые источники вдохновения: более древние образцы художественного наследия, всё традиционное многообразие крестьянской культуры. Важнейшей особенностью является то, что впервые за образец берётся всё наследие древнерусского искусства и народной культуры, включая и наследие декоративно-прикладного искусства. Неорусский стиль основан на новизне принципов формообразования и подходов к национальному наследию. Он обновляет и возрождает их в соответствии с принципами, типологически родственными бытовавшим в искусстве, служащем ему источником вдохновения. Термин «*неорусский стиль»* соединяет в себе смыслы, присутствующие в терминах «*русский стиль»* и «*модерн».* Этот стиль русский и новый, отличный от своего предшественника, современный. В нем наличествуют общие для модерна закономерности формообразования [2].

Неорусский стиль стал не просто эклектичной переработкой наследия, но самостоятельной художественной системой, действующей путем творческого переосмысления и комплексного преображения исторической традиции. Эстетика и философия неорусского стиля неотделимы от ренессан-

са русского религиозного искусства и русской религиозной философии, которые сложились в ходе переоценки духовно-этических ценностей народнических идей [2].

Исследователь русского стиля Е.И. Кириченко обращает внимание на то, что помимо спонтанного, произвольного, самовыражения национального духа в искусстве, изначально присущего любому времени и народу, национальный аспект, под влиянием обстоятельств, может приобретать программный характер сознательно сформулированной задачи. Она приводит цитату Л.Н. Толстого: «Искусство служит либо добру, либо красоте». Неорусский стиль, в особенности религиозное искусство, понимает свою великую цель в служении добру, возрождению нравственных идеалов христианства. Следовательно, поиск стилистического решения при разработке визуально-графического комплекса монастыря, логично выходит, опираясь на анализ артефактов неорусского стиля начала XX в., творческого переосмысления принципов его формообразования. А также на основе исследования особенностей религиозного искусства книжной графики эпохи средневековья. В обозначенных рамках, наиболее адекватно возможно отразить специфику и конфессиональную принадлежность Одигитриевского монастыря. Тем более, что ренессанс русского религиозного искусства, русской религиозной философии, расцвет неорусского стиля хронологически совпадают по времени с расцветом и ростом монашеской общины в Челябинске на рубеже XIX–XX в.

Вторая задача – потребность учёта специфики общины, её ориентации на календарный цикл, особенностях в ведении общественной, коммерческой, просветительской и иной деятельности.

Третья задача – методологическая. Необходимо при проектировании сочетать культурно-исторический метод проектирования с методом стилизации. Необходимость выявить связь между культурным наследием монастырской общины и её современным состоянием, с точки зрения исторической преемственности.

Четвёртая задача – разработка оригинального стилистического решения, отражающего конфессиональную принадлежность, но не входящего в решительное противоречие с современными глобальными тенденциями в графическом дизайне.

Проектное решение. Разработка стилевой концепции женского Одигитриевского монастыря было положено сочетание древнерусского письма с плетеным орнаментом. На основе анализа особенностей древнерусской письменности, средневековой книжной графики, взятой из богослужебных книг, в результате творческого переосмысления артефактов древнерусского искусства, мы попытались создать продукт современного графического дизайна с использованием русских этнокультурных мотивов. Метод формообразования, который при этом использовался, определяется как стилизация. Наиболее ярко в этом направлении работали мастера неорус-

ского стиля начала прошлого столетия. Этот стиль послужил фундаментом нашего исследования и разработки.

Проектный метод основан на выполненной тушью каллиграфии и рисованию элементов русского плетённого орнамента, с последующей обработкой эскизов в электронных графических редакторах. Основу знака монастыря составляют рукописный шрифт в сочетании с графическими символами. Гарнитура словосочетания «Одигитриевский монастырь» выполнена в технике вязи, а «Челябинский женский» в технике скорописи.

Вязь – это самобытное декоративное письмо, применявшееся для оформления заглавий в славянских рукописных и старопечатных книгах. Характерными особенностями её являются маленькие межбуквенные расстояния и соединение отдельных элементов букв. Надпись, выполненная вязью и украшенная декоративными элементами, приобретает вид ленточного орнамента. Она выглядит торжественно и нарядно, что предопределило ее использование не только в книжном, но и в декоративно-прикладном искусстве. Различают вязь простую, сложную и узорную. В русском книжном искусстве вязь появилась в конце XIV в. и в XV в. вязь стала любимым каллиграфическим приёмом оформления русской рукописной книги. Свое второе рождение вязь пережила в эпоху расцвета неорусского стиля в конце XIX в.

Скоропись – это один из древнерусских почерков, появилась на Руси в XIV в. как упрощенный вариант кириллицы для ускорения письма при написании документов. Шрифт обладает ярко выраженным характером, округлостью букв, плавностью, росчерками, лигатурами и сокращениями. Обычно имеет мелкое очко строчных и длинные выносные элементы с росчерками, а также крупные прописные. Скоропись с трудом поддается переработке в наборную форму именно из-за своей самобытности. Буквы скорописи, частично связанные между собой, отличаются от букв других видов письма своим светлым, ажурным начертанием. Буквы выполнялись с значительными удлинениями. В дальнейшем скоропись нашла применение в декоративном искусстве, а также в тайнописи.

Слова «Одигитриевский монастырь» располагаются в две строчки. Сопоставив мачты букв, пришло решение о сращении некоторых из них. Таким образом, эти слова в буквальном смысле «сплелись» в единую композицию. Буква «Т» заменена на графический символ – православный крест, что не является критичным для читабельности знака, но в то же время указывает на принадлежность общины к православной конфессии. Логическим продолжением составления логотипа явилось размещение слов «челябинский женский» друг над другом.

Проектные требования к разработке знака памятника истории и культуры монастырской заимки «Плодушка» явились следствием исторического факта – существования ботанического питомника при монастыре. Руководствуясь проектной логикой, знак «Плодушка» стилистически стал про-

должением «главного знака» Челябинского Одигитриевского монастыря. Особую сложность представляла ситуация размещения двух знаков в едином визуально-информационном пространстве. Слово «Плодушка» начертано вязью, а «монастырская заимка» скорописью.

Помимо использования однотипных шрифтовых гарнитур, стилистическое единство двум знакам придает графический символ, взятый из северно-русского орнамента XII–XIII веков. Причинами принятия решения об использовании в качестве проектного прототипа этого орнамента были следующие:

1. Появление плетённого орнамента, как социально-культурного явления, совпадает с историческим периодом, который в науке принято считать, рубежом формирования Древнерусского искусства в качестве самобытного.

2. Орнамент, в этом случае, как этнокультурный феномен, является не только выразителем определённой исторической эпохи, но и выступает в роли так называемого этнического маркера. Его история связана со становлением и развитием этнокультурных и национальных традиций в искусстве.

На основе этого символа (рис. 1) было разработано несколько универсальных графических элементов, ставших основой для всей фирменной графики в айдентике монастыря. Элемент в виде вогнутого ромба с криновидными наконечниками, в виде плетёного узла, применён в паттерне. Он размещён по координатам модульной сетке на основе квадратной, повернутого на 45°. Был создан плетеный орнамент-бордюр из трёх линий, который также имеет завершения в виде крина, а также плетённый бордюр из трех ячеек с вставленным в середину его кругом. Бордюр может состоять как минимум из двух модульных ячеек и имеет возможность с помощью их клонирования, и совмещением с предыдущим элементом, изменять свою длину. На основе плетёнки-бордюра, при пересечении двух объектов под прямым углом, создан угловой орнамент.

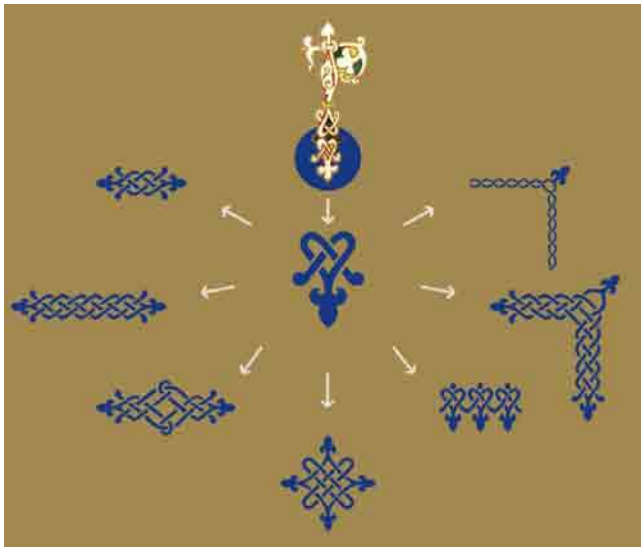


Рис. 1. Формообразование фирменной графики

Цвето-графическое проектное решение не противоречит христианской православной символике. Цветовая гамма использована контрастная, но в то же время, немного сдержанная. Она может ассоциироваться с деятельностью церковной общины (рис. 2), не вызывая визуального диссонанса. Жизнь монастыря регламентируется христианским календарём, и для этих целей были разработаны три позиции цвето-графического решения: официальное, великопостное, праздничное. Основным цветом является темно-синий (ультрамарин), который является фоном для расположения фирменной графики.

Рис. 2. Визуально-графический комплекс
женского Одигитриевского монастыря в г. Челябинске

Заключение. Автором проекта была проделана значительная по объёму исследовательская работа и выполнен большой по составу носителей проект в единой визуальной стилистике. Прототипом для создания визуального образа общины послужили русская средневековая книжная графика: рукописный шрифт вязь и орнамент, зафиксированные в исторических артефактах. Арнольд А. В. удался проект, который не просто идентифицирует монастырь Русской Православной Церкви и его этнокультурную принадлежность, но и успешно решает проектные задачи в единой стилистике визуального образа и является эстетически выверенным продуктом графического дизайна. Разработан визуально-графический комплекс женского Одигитриевского монастыря в Челябинске: знак общины, знак монастырской заимки, фирменная графика, блок фирменной документации, сертификат, грамота, записки на требы, упаковка, наклейки, система указателей и т.д. Элементы визуальных коммуникаций (от указателей, находящихся в городской среде, до табличек на прихрамовой территории) и фир-

менный стиль общины основываются на едином принципе формообразования, позволяя синтезировать конфессиональный, этнокультурный аспекты и современные тенденции в дизайне. Формообразование было основано на принципах неорусского стиля, генетически связанного с религиозным возрождением в России, который досрочно угас в 1917 г. в результате революционных событий и смены политического строя. В 1921 г. был закрыт монастырь. Вероятно, и возрождение православной обители, может вполне совпасть по времени с началом «второго дыхания» у национально-романтического направления модерна, искусственно прерванного культурного явления.

Предложенный проектировщиком ход, основанный на одном графическом орнаментальном элементе, предполагает большую вариативность решений фирменной графики, при неизменном сохранении стилистического единства. Русские этнокультурные мотивы, такие как шрифт и орнамент, гармонично используются в проекте, сочетаются с классической шрифтовой гарнитурой, привнося элемент новизны. Проект выполняет требования, предъявляемые к современному визуально-графическому комплексу, способствуя популяризации деятельности закрытой православной общины (женского монастыря), в светском обществе. Студенческий проект получил одобрительные оценки заказчика и Государственной аттестационной комиссии, что поспособствовало его последующему внедрению в практику и дальнейшему развитию в качестве полноценного профессионального продукта графического дизайна. Вновь созданный визуально-графический комплекс на годы вперёд стал стилистической основой для дальнейшего проектирования и производства сувенирной, рекламно-информационной, навигационной, упаковочной и прочей продукции.

Библиографический список

1. Лицом к свету. Очерк истории Одигитриевского женского монастыря города Челябинска / сост. Т.О. Воронова. – Челябинск: ООО «НБС», 2005. – С. 43–83.

2. Кириченко, Е.И. Русский стиль. Поиски выражения национальной самобытности. Народность и национальность. Традиции древнерусского и народного искусства в русском искусстве XVIII – начала XX века / Е.И. Кириченко. – М.: Издательство «Галарт»; ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1997. – 432 с.

К содержанию

УДК 004.92 + 004.45 + 7.012

КОМПЬЮТЕРНОЕ ГРАФИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КУРСОВ ДИЗАЙНА И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ

А.М. Швайгер

Рассмотрено методическое и программное обеспечение курсов графических дисциплин для студентов-бакалавров, проходящих курс обучения по специальностям кафедры «Дизайн и изобразительные искусства».

Ключевые слова: компьютерная графика; трехмерное моделирование; визуальные стили; Web-конструирование сайтов; выполнение чертежей.

Компьютерная графика изучается студентами–бакалаврами на протяжении всех курсов обучения в рамках учебных дисциплин «информационные технологии», «компьютерные технологии», «информационные технологии в проектировании среды» и «компьютерное моделирование в дизайне». В обучении используются такие программные средства как Adobe Photoshop, Coreldraw, Adobe Illustrator, 3ds Max, AutoCAD, Adobe Dreamweaver и некоторые другие, более узкого (специализированного) назначения.

Основные цели изучения курсов компьютерной графики сводятся к получению знаний, практических навыков и умений создания и обработки компьютерных изображений, создания художественных иллюстраций и рекламных объявлений, ретуширования фотографий, верстки графических материалов, освоению методов, технологий и инструментов трехмерного компьютерного моделирования; разработки и оформления чертежей в программе AutoCAD. Web-конструирование на основе популярных HTML-редакторов дает необходимые знания и практические навыки разработки сайтов и других интернет-приложений.

В более общем плане целью обозначенных курсов является развитие у студентов логического и пространственного мышления, художественного, образного восприятия объектов и явлений окружающего мира, расширение знаний в области прикладных графических программ и компьютерных технологий, закрепление навыков работы на компьютере.

На примере изучения программы Adobe Photoshop рассмотрим требования, предъявляемые к уровню освоения содержания данной дисциплины:

– получить навыки работы в популярной программе растровой компьютерной графики Photoshop;

– ознакомиться с основами управления цветом, форматами графических файлов, коррекции полутоновых и цветных изображений, улучшения качества компьютерных изображений и др.;

– освоить инструментальные средства и дополнительные фильтры программы, приемы верстки (макетирования) рекламных объявлений, создание красочных надписей, применять специальные эффекты, широко используемые в рекламе;

– ознакомиться с основами графического оформления, элементами иллюстрирования и предпечатной подготовки документов.

Изучение курса растровой компьютерной графики – Photoshop проводится в третьем учебном семестре и базируется на курсах информатики средней общеобразовательной школы, а также начальных навыках в графике, информатике и программировании, требуемых для поступления на профильную специальность. В состав курса входят теоретические основы компьютерной графики и практические вопросы применения современных программных средств создания объектов графики и предметного дизайна. В таблице приведен фрагмент программы учебного курса дисциплины «Компьютерные технологии», раздел «Растровая компьютерная графика – **Adobe Photoshop**».

Таблица

Фрагмент программы учебного курса
дисциплины «Компьютерные технологии»

№ темы	Тематика практических занятий (семинаров)	Трудоемкость (час.)
	Adobe Photoshop	
1	**Общие понятия и определения компьютерной графики** 1.1. Графика векторная и растровая: векторные изображения, растровые изображения, глубина цвета; сравнение типов цифровых изображений 1.2. Программа Photoshop – общая характеристика. Основы работы в Photoshop. Элементы интерфейса: палитры, главное меню; панели инструментов, строки состояний. Окна документов Photoshop: открытие документа (команда Open); сохранение изображения (команды Save и Save As); закрытие документа (команда close). Просмотр документов Photoshop – численное значение масштаба; инструмент Zoom панели инструментов; инструмент Hand панели инструментов; команды масштабирования меню View; управление масштабом при редактировании – комбинации клавиш Ctrl+пробел Ctrl+Alt+пробел; палитра Navigator; просмотр документов в двух окнах (команда Nev меню View).	2

В результате изучения дисциплины студент должен

Знать:

– технические средства, программное, методическое и инструментальное обеспечение компьютерной графики;

– принципиальные основы, общие свойства и специфические особенности программ растровой и векторной компьютерной графики;

Уметь:

– выполнять плоские графические изображения, коллажи и иллюстрации в программе растровой компьютерной графики Photoshop;

– выполнять ретуширование, тоновую и цветовую коррекцию растровых компьютерных изображений;

Владеть:

– приемами верстки документов, разработкой рекламных объявлений и баннеров, визитных карточек, иллюстраций и др. в программе PhotoShop;

– инструментами, технологиями и приемами коррекции и ретуширования (улучшения качества) растровых компьютерных изображений.

В рамках курса трехмерного компьютерного моделирования студенты (преимущественно «средовики») в 4-м учебном семестре осваивают работу с программой 3ds Max фирмы Autodesk. Программа курса включает:

1. Изучение основ компьютерного геометрического моделирования трехмерных объектов на основе каркасной технологии. При этом используется широкий набор методов, средств и инструментов, позволяющих создавать объекты произвольной формы. Осваивается технология конструирования на основе экструдирования (выдавливания) плоских форм и линейных преобразований – скручивание, изгибы, растяжение-сжатие и другие. Широко используется аппарат Булевых (логических) операций над 3D-объектами (сложение, вычитание, пересечение). Конструирование по методу «лофтинга», при котором задается путь (траектория) – в том числе и пространственный, вдоль которого размещаются плоские контуры – сечения. По этим сечениям программа генерирует каркасную модель, соединяя в определенной последовательности одноименные вершины соседних сечений. Осваиваются полигональный и сплайновый методы конструирования объектов трехмерных сцен. Значительное внимание уделяется технологиям (методам, инструментам) полигонального моделирования.

2. Моделирование оптических свойств поверхностей, предполагающее:

– рациональное использование библиотек готовых материалов;

– управление такими свойствами поверхностей моделируемых объектов, как цвет, прозрачность, отражающие свойства, рельефность, текстуры, свечение и др.;

– наличие различных методов наложения на поверхность двумерной картины (проецирование текстур).

3. Задание условий освещения, обеспечивающее:

– моделирование различных типов источников света – рассеянных, точечных, направленных и более сложных вариантов, например диапроекторов и др.;

– имитацию свойств воздушной среды – ослабление видимости в тумане, цвето-воздушной перспективы и др.; моделирование теней при различных условиях освещения сцены.

4. Освоение функций трехмерной анимации:

– задание «скачкообразных» или плавных траекторий, регулировка скорости протекания процессов и др.;

– связывание объектов в иерархические структуры, в которых определенные виды движения «старших» объектов приводят к движению подчиненные им объекты;

– морфинг – динамическое преобразование (в том числе значительное) формы объектов анимационной сцены;

– использование регулируемых внешних трехмерных процессов;

5. Освоение технологии видео монтажа с переходными эффектами (микшеры, наплывы, шторки и др.) и многослойной композиции.

Программа учебного курса информационных технологий по разделу AutoCad для магистров-дизайнеров включает следующие разделы и темы:

1. Графический редактор AutoCad, как средство интерактивного выполнения чертежно-конструкторских работ. Общие сведения об AutoCad; прикладная система AutoCad; запуск графической системы; структура меню AutoCad; различные системы ввода координат; выбор объектов.

2. Графические примитивы в AutoCad и команды их создания: точка; отрезок, окружность, дуга, полилиния. Представление рисунков на мониторе. Инструменты навигации – команда ПАН.

3. Выполнение точных построений. Форматы ввода данных – ортогональная (Декартова) и полярная система координат. Использование стека данных. Примеры построения чертежей.

4. Точечные фильтры, примеры применения в чертежах. Вычерчивание детали типа фланца. Объектные привязки. ПСК – пользовательская система координат.

5. Работа с текстом. Шрифты, гарнитура, форматирование текста, вставка спецсимволов, работа с текстовыми файлами, использование текстов из других документов. Многоугольники, фигуры. Команды оформления чертежей и рисунков. Штриховка разрезов и сечений.

6. Зависимые и независимые атрибуты графических примитивов, работа со слоями. Команды симметрии, разрыва и обрезания отрезков.

7. Средства объектной привязки. Размер окна привязки (прицела). Клавиши переключения режимов черчения, независимые атрибуты примитивов. Команды копирования объектов. Множественное копирование. Примеры практического применения. Конструирование резьбовых крепежных деталей, валов и других технических деталей.

8. Определение блоков, фрагменты чертежей в качестве блоков. Переопределение блоков, внешние ссылки. Вставка массива блоков, запись блока в файл. Блоки с атрибутами. Разметка блоком, примеры применения разметки при проектировании архитектурных планировок и фасадов зданий.

В рамках практических занятий студенты выполняют 10 лабораторных работ и два домашних задания. В первом задании на примерах кулачковых механизмов студенты осваивают приемы геометрического конструирования плоских объектов. Изучение предмета, выполнение лабораторных работ и домашних заданий обеспечено необходимыми заданиями и методическими материалами.

К содержанию

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

СЕКЦИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 316.42 +316.77

АНТИНОМИЗМ КОМПЕНСАТОРНОГО ОБЩЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ИНТЕРНЕТЕ

В.И. Гладышев

Автор анализирует проблему компенсаторного общения личности в киберпространстве. Показывает, что последняя носит явно антиномический характер, ибо впитывает в себя уже сложившийся противоречивый, до-кибернетический опыт людей. Компенсаторное общение рассматривается как механизм самоорганизации личностью сферы своего повседневного общения с использованием новых средств смягчения одиночества.

Ключевые слова: антиномизм, компенсаторное общение, киберпространство, декомпенсация, прямая компенсация, сверхкомпенсация.

Общение по своей природе антиномично. Это было убедительно доказано С.Л. Франком в его фундаментальном исследовании «Непостижимое» [1]. Не случайно, пожалуй, впервые в научном исследовании, он глубочайшим образом анализирует антиномическую диалектику двух типов отношений «я-ты» (отрицательного и положительного). Ибо «…всякое конкретное отношение «я-ты» одновременно и отрицательно, и положительно. Даже в самой враждебной установке – установке самозащиты «я» от «ты», или нападения «я» на «ты», скрыт уже опыт некой сопринадлежности, т.е. внутренней однородности «я» и «ты». «И с другой стороны, во всяком «положительном» «я-ты», сколь бы оно ни было исполнено любви, взаимного доверия, взаимной симпатии и внутреннего понимания таится некий до конца, без остатка все же непреодолимый момент «чуждости», «неродственности»; и во всяком, даже любимом и родном мне «ты» есть нечто жуткое и непонятное для меня [1, с. 367–68]. Таким образом, завершая свои рассуждения о двух основных формах отношения «я-ты», С.Л. Франк усматривает в указанном отношении «…некое непостижимо- трансрациональное единство «mysterium tremendum» с «mysterium fascinosum» – *единство тайны страха и вражды с тайной любви*» [1, с. 368]. Но Франк не ограничивается рассмотрением антиномизма ценностного измерения общения. Это, безусловно, весьма важно само по себе, но помимо этого имеет чрезвычайную мировоззренческую и методологическую значимость для

нашего исследования общения в интернете. Не менее важное значение имеет и то, что Франк трактует общение не как внешнее отношение, которое может быть осмыслено рационально средствами формальной логики. Сущность общения С.Л. Франк раскрывает *трансрационально* «…через антиномическое понятие *взаимопроникновения при раздельности-взаимопроникновения раздельного*» [1, с. 370]. Сказанное уместно дополнить тем, что общение антиномично и в других отношениях. Например, оно выступает как подсистема и необходимое условие всех видов деятельности и одновременно отдельным видом деятельности, имеющим собственную цель и ценность. Весьма эвристично антиномическое рассмотрение структуры и функций общения. При этом, безусловно, важно отграничивать «…антиномичность как способ рефлексии от антиномичности как способа бытия»» [2, с. 2]. То есть от «жизненных антиномий» (П. Флоренский). Учитывая содержание предельно лаконичного определения общения С.Л. Франка и не считая необходимым специально анализировать сформулированные другими авторами определения общения, ставшие в настоящее время самостоятельной научной проблемой, мы будем руководствоваться нашей дефиницией общения и нашими представлениями о нем. Сказанное тем более уместно, поскольку полученные нами обобщения возникли в результате исследования компенсаторных процессов вообще, и компенсаторного общения в частности [3]. Изучение компенсаторного общения выступает в качестве важной теоретической и практической проблемы. Несмотря на то, что компенсаторные процессы издавна были предметом исследования естественных, технических и социально-гуманитарных наук, в том числе в границ социальной психологии (А. Адлер, В.М. Бехтерев, Л.С. Выготский и др.), они практически не анализировались на уровне философского исследования. Поэтому компенсаторные процессы, в частности, в социальной сфере и, разумеется, в сфере общения, рассматривались как рядоположенные вне их логической и исторической связи друг с другом. В качестве немногих попыток симультанного рассмотрения указанных процессов можно рассматривать, например, работы В.И. Колосницына, Н.А. Хренова. Специальному исследованию социально-философских аспектов компенсаторного общения посвящена монография В.И. Гладышева [3]. Решение поставленной задачи потребовало разработки аутентичного понятийного аппарата. Возвращаясь к понятию общения, мы считаем целесообразным представить его в следующем виде: «Общение, понятие, включающее в себя все мыслимые формы «субъект-субъектного отношения», выступающего при этом в двух главных ипостасях (м е т а ф о р м а х): как общение «*вплетенное*» в предметную деятельность, и общение, эмансипировавшееся от предметной деятельности – «*общение ради общения*» [3, с. 268]. Это общение, по преимуществу, ради тех ценностей, что в нем (общении) как особом виде деятельности заключены. Самоценное общение

выступает как *компенсаторное общение* (от лат. compensare – восполняю, возмещаю, уравновешиваю). Указанные метаформы, в контексте концепции компенсаторных процессов, логично рассматривать, соответственно, как не компенсаторное и компенсаторное общение. С нашей точки зрения, наиболее уязвимой, проблематичной, в составе вплетенного в предметную деятельность общения чаще всего оказывается *потребность в самоутверждении* личности, (включающая в себя *потребность в самореализации* и в завоевании *желаемого статуса*), а также *эмоциональная составляющая* общения. Исследования компенсаторного общения как на уровне коллективного, так и на уровне индивидуального бытия личности показали, что оно представляет собой реакцию на деформацию структуры общения именно в указанном отношении. Та или иная деформация структуры общения переживается личностью как *одиночество*, неудовлетворенность своими контактами с окружающими.

Отношение общения и одиночества человека антиномично. Он всегда погружен в общение и одинок. При этом чувство коллективности, даже если это вынужденное общение или «*необщительная общительность*» (И. Кант), превалирует. Перефразируя Ж.-П. Сартра: «Человек обречен на общение», в какой бы форме оно не осуществлялось: прямой или косвенной; в форме квазиобщения или Богообщения и так далее. Важно подчеркнуть: «Общение – субстанция человеческого бытия, оно прирождено человеческому бытию, выражает его сущность; одиночество – не субстанционально, но оно выражает качество самого общения. Одиночество – не отсутствие общения, а его недостаточность, неполнота, ущербность. Оно – индикатор деформации в сфере общения личности. При этом одиночество имманентно общению, неотделимо от него, но оно имеет различную степень остроты, часто выступает в латентных формах» [4, с. 13]. При этом ошибочно смешивать одиночество с уединением, ибо последнее дело свободного выбора личности одиночество носит принудительный характер. Конечно, проблема может быть как-то разрешена на путях совершенствования «вплетенного» в предметную деятельность общения, но формой смягчения одиночества часто выступает компенсаторное общение. В основе компенсаторного общения как своеобразной самоорганизации коммуникативного мира личности лежат соответствующие метаформы компенсаторных процессов: *декомпенсация, прямая компенсация, сверхкомпенсация.*

Декомпенсация – одна из регрессивных ипостасей компенсаторных процессов; внутренняя активность динамической системы, направленная на уравновешивание происходящих в ней изменений, разбалансирующих ее, и приводящая к новому состоянию динамического равновесия на более элементарном уровне упорядоченности, сложности и организации. Декомпенсация, рассмотренная в социальной сфере, как правило, выступает как *иллюзорная*. Она лишь мнимо достигает целей, поставленных субъектом.

Интенсивное ее использование ведет к декомпенсации социального субъекта. Как средство компенсаторного общения является неприемлемой, так как, в конечном счете, ведет к разрушению социального субъекта и деформации среды общения, в которую он включен.

Прямая компенсация – одна из ипостасей компенсации; внутренняя активность динамической системы, направленная на уравновешивание происходящих в ней изменений и приводящая к новому состоянию динамического равновесия. Целостность системы сохраняется на прежнем уровне организации и упорядоченности. В сфере общественных отношений прямая компенсация, носит адаптивный характер. Это гомеостатический процесс. Прямая компенсация не выводит личность за пределы ее повседневного мира, но внося в него некоторое разнообразие, создает иллюзию личностного роста.

Особое место в концепции развития занимает такая ипостась компенсации как *сверхкомпенсация*. Это такая внутренняя активность динамической системы, в основе которой лежит не принцип гомеостазиса, а неадаптивная форма активности (гетеростазис). Характерно что сверхкомпенсация опирается, как правило, на вторичную, дополнительную компенсацию в ее творческих, поисковых вариантах. Применительно к общению рассматриваемая ипостась способствует развитию личности, а в случае ее интенсивного использования радикальному преобразованию ее в целом на основе диалогического взаимоутверждения.

Опираясь на разработанную нами концепцию компенсаторного общения, понятия, с помощью которых она выражена и, самое главное, анализируя при их помощи коммуникативную ситуацию (объективные условия и средства общения) последних лет, становится очевидным, что область ее приложения может быть существенно расширена. Общение в интернете, в киберпространстве, в социальных сетях оказывает колоссальное влияние на современную жизнь, на личность, на ее стиль общения. Причем необходимо подчеркнуть, что и здесь и далее речь у нас пойдет не об общении «вплетенном» в предметную деятельность, а прежде всего об «*общении ради общения*», то есть о компенсаторном общении, которое, как об этом говорилось ранее, восполняет, возмещает, уравновешивает деформации, возникающие в повседневном общении. Характерно что в этих контактах при конкретном их рассмотрении отчетливо просматриваются: *прямая компенсация* (увлечение без излишнего фанатизма), *декомпенсация* (связанная с деградацией или по крайней мере утратой некоторых социальных свойств – аутизм) и *сверхкомпенсация* (способствующая личностному росту, позитивному перерождению личности на основе диалогического взаимоутверждения). В этих контактах личность обретает как *реальную*, так и *иллюзорную* компенсацию, что не исключает, а скорей предполагает *антиномичность* результата общения. Безусловно, значительную часть обще-

ния в интернете составляет обмен деловой информацией, но и в деловое общение «вкраплена» личностно-ориентированная коммуникация. Элементы «общения ради общения» дисперсно распространены в массиве «вплетенного» общения и наоборот. Антиномичность и компенсаторный характер общения в социальных сетях часто отмечаются теми, кто не является *интернет аддиктом* и сохранил способность адекватной рефлексии своих компьютерных пристрастий.

Возникновение компьютерной связи, существенно расширило содержание понятия «*аддиктивное поведение*». Если обратиться к его определению в те времена, когда оно было более редким явлением (и не включало в свое число армию компьютерных аддиктов), но уже привлекало внимание исследователей, то оно означало – социальное поведение, выражающееся в стремлении *к уходу от реальности* путем изменения своего психического состояния посредством приема определенных веществ (например, наркотических) или постоянной фиксации внимания на определенных предметах или активностях (видах деятельности). Это вызывает развитие интенсивных переживаний.

Итак, перечисленные выше признаки разрастаются до такой степени, что приобретают *отчужденный* от их носителя характер, набирают силу и начинают управлять жизнью человека, делают его беспомощным орудием собственного пристрастия, лишают воли к сопротивлению. Уход в киберпространство – это своего рода уход от реальности. Возникает, пожалуй преувеличенное опасение, что когда-нибудь общение в сетях окончательно вытеснит живое, непосредственное общение «лицом к лицу». Мы уверены, что этого никогда не произойдет. Ведь зачастую общение в Интернете служит первым шагом для сближения, установления контакта, непосредственного личностно-ориентированного общения людей. Заметим также и то, что инструментальное общение по своей направленности все больше приближается, воспроизводит особенности общения лицом к лицу (например, общение по Скайпу).

Если сделать основной упор на некоторых специфических особенностях общения в Интернете, то можно выделить такое его свойство как *анонимность*. Благодаря анонимности виртуального контакта человек может экспериментировать со своей собственной идентичностью. В его силах создать электронного двойника и наделить его биографией, возрастом, полом, какими вы пожелает, в данном случае мы не имеем ввиду зловредные или даже преступные намерения, что конечно полностью нельзя исключить.

Проблема самореализации часто бывает непростой задачей, особенно для молодого человека. Но, разумеется, виртуальная самореализация не может подменить реальную, однако может ее облегчить. В интересной работе Е.Р. Южаниновой «Интернет как новое пространство самореализации

молодежи» [5, с. 32] серьезное внимание уделяется вопросу о формах самоутверждения молодежи. Особо выделено престижное самоутверждение. Хотелось бы отметить, что сам факт виртуозного владения компьютером у представителей эпохи постмодерна создает иллюзию превосходства, повышает в их воображении собственный статус в сравнении с престарелыми представителями эпохи модерна. Но этот статус скорей иллюзорный, чем реальный. Однако злоупотребление анонимностью порождает и противоположные явления: троллинг (злонамеренное общение в сети провоцирующие в ней скандалы участников, кибербуллинг (киберзапугивание). Безусловной креативной стороной общения в Интернете выступает индивидуальное и коллективное творчество, художественное, интеллектуальное и игровое. В этих формах заключен момент сверхкомпенсации средствами общения. И, безусловно, антиномию заключает в себе эскапизм в киберпространстве. Он намного мощней и доступней для своего осуществления чем реальный эскапизм прошлого. Здесь безграничные возможности сталкиваются, по мнению Е.Н. Шапинской с новыми опасностями. Религия, любовь, искусство, представленные в киберпространстве с фантастической силой могут не отпустить человека в мир монотонных буден.

Библиографический список

1. Франк, С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии / С.Л. Франк Сочинения. – М.: Издательство «Правда», 1990. – С. 181–559.
2. Пчёлкина, С.Ю. Антиномичность как способ рефлексии культуры в современном философском дискурсе: автореф. дис. … канд. филос. наук / С.Ю. Пчёлкина. – Владивосток, 2004. – 19 с.
3. Гладышев, В.И. Компенсаторное общение: социально-философский анализ: Монография / В.И. Гладышев. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. (Сер. «Филос. образование». Вып. 14). – 292 с.
4. Гладышев, В.И. Компенсаторное общение: социально-философский анализ: автореф. дис. … д-ра филос. наук / В.И. Гладышев. – Екатеринбург, 2002. – 45 с.
5. Южанинова, Е.Р. Интернет как новое пространство самореализации молодежи / Е.Р. Южанинова // ВЕСТНИК ОГУ. – 2013. – № 7(156). – С. 77–89.

К содержанию

УДК 101

ФИЛОСОФСКАЯ ПРАКТИКА В МИРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ОТ СЛОВ К ДЕЛУ![1]

С.В. Борисов

Статья предназначена для тех, кто хотел бы научиться практиковать философию в повседневной жизни для повышения ее качества, для принятия эффективных решений, для умения налаживать плодотворную коммуникацию, для умения находить мирный выход из конфликтов. Философская практика может быть интегрирована в повседневный образ жизни человека, а философствование может иметь практическую значимость. Новизна исследования в том, что философия может быть представлена как совокупность принципов и практических навыков, которые человек может иметь в своем распоряжении или может предоставить в распоряжение других с тем, чтобы должным образом проявлять заботу о себе и других (в экзистенциальном понимании). Кроме того, философская практика может оказать влияние на господствующую академическую философию в том смысле, что даст необходимый задел для критического исследования философствования с позиции его значимости в мире повседневности.

Ключевые слова: философия, философствование, самопознание, философское консультирование.

Для чего практиковать философию в повседневной жизни? Смею предположить, что это будет способствовать повышению ее качества, в контексте принятия эффективных решений, умения налаживать плодотворную коммуникацию, умения находить мирный выход из конфликтов. Хотя философствовать можно по-разному, но я уверен, что в подлинном философствовании решающую роль будут иметь не «школьная» академическая традиция преподавания философии, а те мировоззренческие вопросы и проблемы, которыми наполнен мир повседневности. Задача заключается в умении поднять эти вопросы и проблемы на уровень философской рефлексии. Хочется верить, что философская практика может быть интегрирована в повседневный образ жизни человека, а философствование может выполнять как терапевтическую (психологическая составляющая), так и развивающую (интеллектуальная составляющая) функции; эти функции взаимно дополняют друг друга.

[1] Статья подготовлена в рамках задания № 35.5758.2017/БЧ «Философская практика как новая парадигма современных социогуманитарных исследований» Министерства образования и науки Российской Федерации на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности.

Хотя философия существует давно, философская практика – это новый и весьма эффективный способ использования философствования для решения многих повседневных и глобальных проблем, с которыми сталкивается современный человек. В основе всех этих проблем, по большому счету, лежат проблемы мировоззрения. Пограничные ситуации являются тем, что приводит человека к конфронтации с самим собой – решительной и глубоко волнующей [5, с. 231]. Например, лично у меня они пробуждают тревогу (страх) и тем самым избавляют от склонности быть нечестным и уклончивым по отношению к самому себе и своей жизни. Что является источником моего страха как основного состояния моего существования? Обратимся к основным положениям экзистенциальной психотерапии Ирвина Ялома [4].

Во-первых, это осознание смертности. Любой человек осознает, что когда-либо умрет, однако у каждого это осознание имеет ярко выраженные индивидуальные проявления. Одни люди считают, что от этого никуда не деться и продолжают спокойно жить, а другие переживают это невротически. Можно выделить два механизма защиты от данного вида тревоги, а именно: 1) вера в собственное бессмертие и 2) вера в спасителя. Для меня лично мысль о смерти является указанием на значимость собственного существования здесь и сейчас. Это тревога о том, что здесь и сейчас полнота моей жизни недостаточна. Следовательно, в моей власти сделать так, чтобы ощущения смерти в моей жизни не было, поскольку я заполняю образовавшуюся пустоту собой, ощущением своего существования. Философская практика как «упражнение в смерти» помогает мне принять смерть как некую меру качества моей жизни. Эта мысль мобилизует меня.

Следующая конечная данность, вызывающая у меня тревогу, – это свобода. Люди по-разному трактуют ее. Человек думает, что он изначально приходит в полностью обустроенный мир и ему ничто не угрожает, и из такого же мира он уходит. Но на самом деле это не так. Рано или поздно человек начинает понимать, что свобода лишает его почвы под ногами, открытие этой пустоты вступает в конфликт с потребностью в «почве» и ее структуре; он понимает, что является творцом своего мира и, соответственно, несет за него ответственность. Механизмы защиты от тревоги, связанной со свободой, уводят человека в ложное осознание отсутствия ответственности за себя, за свой жизненный выбор. Философская практика помогает мне не бояться ответственности и выбора, сопряженного со свободой. Мир – это зеркало, в котором должен отражаться я, а не кто-то другой. Именно так, а не наоборот. Только тогда свобода будет восприниматься как благо.

Третья конечная данность, отсылающая меня к себе, к моему основному состоянию существования, – это одиночество. Люди приходят в мир и уходят из него совершенно одинокими. Данный экзистенциальный кон-

фликт является конфликтом между сознаваемой изоляцией и потребностью в контакте. Механизмами в данном случае будут являться: попытки самоутверждения за счет других людей, а также слияние с другим индивидом или группой. Однако одиночество – это показатель нашей душевной и духовной зрелости, умения спокойно воспринимать себя один на один с миром и смотреть «в его глаза». Философская практика помогает мне понять, что именно благодаря одиночеству, высвобождаясь от автоматизмов социальной жизни, я могу «вернуться домой» и «быть у себя дома», то есть обрести душевное равновесие.

И, наконец, четвертая конечная данность, являющаяся источником моей тревоги, – бессмысленность. У бессмысленности, как и у смысла, множество оттенков. Здесь люди задаются такими вопросами как: «В чем смысл жизни, если я все равно умру?», «Почему мы живем?», «Как нам жить?». Механизмы расходования экзистенциального потенциала проявляют себя либо в компульсивной деятельности, которая позволяет занять и структурировать время, либо, скорее всего, в «бунте» или нигилизме, что так ярко описано у Альбера Камю. Философская практика дает мне понять, что у каждой жизненной ситуации есть свой неповторимый смысл, который необходимо найти, а не «заимствовать» в готовом виде из другой жизненной ситуации. В поиске смысла важен сам процесс нашей душевной активности, а не результат, который может быть представлен в форме весьма банальной мысли. Важна не сама эта мысль, а то, как мы к ней пришли. Это «как» помогает наполнить любую жизненную ситуацию смыслом, поскольку ощущение бессмысленности во многом связано с ощущением недостатка нашего собственного существования в этой ситуации.

Именно здесь на помощь в решении этих и многих других вопросов жизни приходят философские тексты, наполненные законченными идеями, как своего рода «камертоны» для настройки звучания нашей души. Следуя этим «камертонам», можно сотворить собственную законченную идею. Именно свою идею, а не заимствованную у кого-то. Законченная идея, как и законченное дело, приносит чувство удовлетворения и радости. Имея законченную идею, мы обретаем счастье, полнота которого ощущается независимо от внешних обстоятельств. Для понимания философского текста необходимо, прежде всего, обрести основополагающую позицию, которая направляет чтение, исходя из доверия к автору и из любви к постигаемому им вопросу, как если бы все сказанное в тексте было высказано вами.

Читая философские тексты, я следую рекомендации Карла Ясперса [6], который в свою очередь руководствовался тремя кантовскими требованиями: 1) мыслить самому; 2) попытаться мысленно встать на место другого человека; 3) мыслить в согласии с самим собой. Эти требования являются бесконечными задачами. Любое предвосхищающее решение, как если

бы оно уже имелось или могло бы иметься, является обманом. Философская практика является одним из путей к выполнению этих требований.

Философская практика работает не с причинами и механизмами эмоций, мыслей и поступков людей, а с их идеями. Осознание собственных идей и возможность их исполнить (то есть закончить), не прибегая к готовым рецептам, – вот цель самопознания. Достижение этой цели приносит чувство удовлетворения, завершенности мировоззрения, внутреннюю независимость и внутреннюю свободу. Достижение этой цели освобождает от многих напрасных душевных и материальных трат, связанных, как кажется, с переустройством жизни к лучшему, но на самом деле ведущих по пути забвения себя в пучину новых душевных и материальных трат. Философская практика – это практика заботы о себе, заботы о своей душе, которую каждый может осуществить только индивидуально [3]. Для этого нет никаких готовых и скорых рецептов. Но и не нужно спешить! Хотя жизнь коротка, лучше наполнить ее подлинным существованием, чем вспомогательными средствами для этого, на поддержание которых, в конце концов, уходит вся энергия жизни. Нужно больше думать о цели жизни, чем о средствах ее поддержания.

Хотя выражение «духовные упражнения» нечасто употребляется в связи с философией, оно не такое уж необычное. Пьер Адо определяет их следующим образом: «духовные упражнения – это волевая личностная практика, предназначенная для преобразования человека, способствующая его самотрансформации» [1, с. 90]. Именно с практики духовных упражнений философия берет свое начало в культуре. Духовные упражнения – это не какая-то «добавка» к философской теории. Можно утверждать, что духовным упражнением изначально была вся философия, как обучающая речь, так и внутренняя речь, направляющая наше действие, это постоянная ежедневная практика. Разумеется, упражнения осуществляются предпочтительно при помощи внутренней речи, с помощью внутреннего сосредоточения.

Однако есть также духовные упражнения во внешней речи, в речи преподавания [1, с. 92]. То, что многие считают в философии чистой теорией, абстракцией, на самом деле всегда было практикой, как по способу своего изложения, так и по достигаемому результату. Речи философов всегда больше нацелены на формирование, чем на информирование. Часто философская речь представляется в форме ответа на вопрос, как в школьном методе обучения, но на самом деле, на вопрос тут не отвечают тотчас же. Если мы хотели бы просто удовлетворить желание познания, было бы достаточно дать на тот или иной вопрос тот или иной ответ. Однако в ответе на философский вопрос делается много поворотов и обходных путей, чтобы в итоге каждый человек пришел к ответу сам, удобным для себя способом. Речь идет о самотрансформации, о том, чтобы превзойти низшие

формы жизни и рассуждения, чтобы возвыситься к чистой мысли и к любви к истине. Вот почему даже теоретическое философское изложение имеет ценность духовного упражнения. Правда также и то, что теоретическое изложение не может быть полным, если слушатель не делает в то же самое время внутренних усилий, не практикует эти мысли на себе, как состояния своего собственного мышления.

Ценность философского образа жизни в том, что он как бы пропитывает жизнь мыслью. Однако он связан с постоянным риском затеряться в искажениях: душевный покой может превратиться в пассивность, доверие к жизни – в обманчивую веру в чудесное избавление от всех страданий, а верность решениям – в упрямство и отстраненное безразличие. Философский образ жизни связан с желанием разглядеть в себе эти искажения и преодолеть их. Коммуникация нужна, чтобы выслушать критическое мнение, но не для того, чтобы подчиниться, а для того, чтобы лучше понять себя и тем самым должным образом позаботиться о себе.

Благодаря встрече с глубокими философскими идеями мы обращаемся к нашему внутреннему измерению, можем заботиться о нем. Философская практика в этом смысле – это путь самотрансформации. Состояние трансформации, не следуют некой общей формуле. В то время как наше нормальное состояние легко описать, поскольку оно ограничено жесткими схемами, наша внутренняя жизнь после трансформации свободна от структур и моделей. Кроме того, состояние трансформации также связано с высвобождением внутренней энергии (спокойной или страстной). Следует также отметить, что все философы описывают трансформированное состояние как очень редкое и драгоценное; они подчеркивают, что оно сильно отличается от нашего повседневного состояния.

Наиболее ярко философская практика как опыт самотрансформации представлена у Платона в двух важных текстах: в его аллегории пещеры из книги «Государство», и в его диалоге «Пир». На первый взгляд два эти текста очень разные, тем не менее, их можно представить как два аспекта одного и того же видения. В аллегории пещеры духовное путешествие извлекает нас из нашей пещеры, из узкого мира теней, другими словами из нашего повседневного мировоззрения. В «Пире» метафоры иные. Здесь представлена дискуссия о любви. Духовная трансформация помогает нам перейти от ее низменного уровня к более возвышенным формам.

Несмотря на эти различия, оба текста описывают радикальную самотрансформацию, посредством которой мы преодолеваем границы нашего повседневного мира. Это не какое-то улучшение в том, что у нас уже есть, или добавка чего-то нового к тому, что мы имеем, – это полное перерождение. То, что предлагает Платон – это не поиск лучшей пещеры или более привлекательных объектов любви – это трансформация, которая выносит нас за пределы любой пещеры, за пределы любого нравящегося нам суще-

ства, по сути, за пределы всего привычного. Она извлекает нас из нашей повседневной жизни и уводит к тем горизонтам, которые являются абсолютно новыми [8].

Таким образом, эти два текста – по сути, два взгляда на одно и то же базовое путешествие – радикальную самотрансформацию. Однако цель этого путешествия описана очень неопределенно в силу того, что его конечный пункт нельзя объяснить с точки зрения обыденных вещей. Ничто в нашем привычном мире не проливает свет на тот новый опыт или знание, которое нас ожидает. Духовное путешествие Платона переносит нас в то место, к характеристике которого неприменимы даже фундаментальные философские категории. А это означает, что, чтобы добраться до него, мы должны потерять наш мир, мы должны потерять свои привычные способы мышления и потерять себя – или, если хотите, мы должны умереть, как существа, рассуждающие с позиции наших привычных категорий. Мы должны умереть относительно наших идей, относительно наших проблем, относительно наших вкусов и предпочтений, и относительно всего, что определяет нас. И это, действительно, самая радикальная трансформация из всех возможных.

Обратимся к советам известного философа-практика Рана Лахава [7]. Философское партнерство – это группа собеседников, которые совместно размышляют над теми или иными жизненными проблемами, обретая значимый для них философский опыт, расширяя границы своего понимания. Вместо того чтобы спорить и отстаивать собственное мнение, собеседники, отказавшись от своих привычных стилей мышления, стремятся найти отклик друг у друга, как музыканты, импровизирующие вместе, создавая вдохновляющую их музыку, которая дает ощущение глубины и полноты смыслов. Собеседники встречаются он-лайн или лицом к лицу, часто «вооружившись» философским текстом, и философствуют с помощью организатора беседы, задающего ее основные процедуры.

Философское партнерство основано на убеждении, что философская рефлексия способна затронуть и пробудить скрытые глубины самосознания и добавить нашей жизни полноту за счет взаимопонимания между собеседниками. Однако чтобы это произошло, философская рефлексия должна быть больше, чем просто интеллектуальная беседа, больше, чем декларация собственных взглядов, больше, чем логический анализ или логическое решение проблем. Должны быть затронуты глубинные уровни самосознания на фоне более широких горизонтов жизни посредством реальной связи с другими людьми. Поэтому это сообщество избегает безличных мнений и мыслительных штампов, заимствованных извне, и добивается созвучья внутри партнерской группы. Это ведет философскую рефлексию участников группы за пределы их привычных границ понимания, развивает умение прислушиваться к чужому голосу (или члена группы, или того или иного философа).

Философская практика, по словам Герда Ахенбаха, выступает против главного требования академической философии и поэтому враждебна ей [2]. Она должна ориентироваться на темы, проблемы и вопросы, которые занимают того, кто обращается к философу, а не на то, – как это привычно для университетских преподавателей философии – что берется из их собственного репертуара. Философия, которая начинается именно с того, о чем ее спрашивают, безгранична в отличие от требований, предъявляемых к наукам. Она – не специальность, не учебная дисциплина в академическом смысле слова. И философ – не эксперт. Следовательно, то, что является практической философией, также нельзя определять через указание на какую-то особую «компетентность». Философия, которая начинается с того, что другие предъявляют ей, может руководствоваться этим правилом только тогда, когда она рассматривает каждую проблему как философскую проблему и оценивает каждый вопрос философски, т.е. как вопрос, который ведет к философии.

Философия есть вещь универсальная, потому что она включает в себя все знания, все, что было продумано, исследовано и узнано принадлежало ей, на философии базируется весь мир знаний во всем его многообразии. Она находит ко всему доступ, потому что ранее ее первоначальный элемент уже присутствовал в любом знании, мнении, даже чувстве в качестве мышления, которое в очень широком значении Гегель называл «духом». Как только это станет ясно, философию можно смело применять к тому, с чем она столкнулась. Но неся в себе эту смелость, философия добивается успеха в самой своей деятельности, открывающей ей себя во всем другом, то есть, в мышлении, как моменте всеобщего изменения и возвращения, к которому она присоединяется, и который она ожидает впереди, наподобие фермента, наращивая свою эффективность. Только тогда философия заслуженно будет называться «философской практикой».

Библиографический список

1. Адо, П. Философия как способ жить: Беседы с Жанни Карлие и Арнольдом Дэвидсоном / П. Адо; пер. с франц. В.А. Воробьева. – М.; СПб.: Изд-во «Степной Ветер»; «Коло», 2005. – 288 с.

2. Ахенбах, Г.Б. Основное правило философской практики / Г.Б. Ахенбах // Социум и власть. – 2016. – № 6 (62). – С. 99–106.

3. Борисов, С.В. Философская практика как опыт «заботы о себе» / С.В. Борисов // Наука ЮУрГУ: Материалы 68-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2016. – С. 457–465.

4. Ялом, И. Экзистенциальная психотерапия / И. Ялом. – М.: Независимая фирма «Класс», 2014. – 576 с.

5. Ясперс, К. Введение в философию / К. Ясперс // Путь в философию. Антология. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. – С. 224–235.

6. Ясперс, К. Введение в философию / К. Ясперс. – Мн.: Пропилеи, 2000. – 192 с.
7. Lahav, R. Handbook of Philosophical-Contemplative Companionship: Principles, Procedures, Exercises / R. Lahav. – Chieti: Solfanelli, 2016. – 72 p.
8. Lahav, R. Stepping out of Plato's Cave: Philosophical Practice and Self-Transformation / R. Lahav. – Chieti: Solfanelli, 2016. – 208 p.

К содержанию

УДК 101.1:316

СТАНОВЛЕНИЕ СУБЪЕКТА ВЛАСТИ: ОТ ФИЛОСОФСКОЙ ТЕОРИИ К ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКЕ

Е.Г. Прилукова

Становление человека в качестве субъекта власти в мире тотальной коммуникации приобретает особое значение. Средства коммуникации и информации зачастую предстают в качестве властвующего субъекта, задавая своими образами картину мира. Важную роль в обретении власти человеком играют сегодня развитие науки и образования, обращение к реальным фактам истории и формирование в процессе непрерывного самообразования умения рационально-критически мыслить.

Ключевые слова: субъект, власть, масс медиа, человек, реальность, медиа образ, философская практика.

В современном обществе – информационном, когда потоки информации лавиной обрушиваются на человека и общество особую актуальность приобретает вопрос о субъекте власти. В эпоху постенеклассической науки появилось достаточно серьезных работ, рассматривающих утрату человеком субъектности и описание его как «потерявшегося в мире безмерности и безвременья» объекта [1, 10, 13, 14]. При этом следует обратить внимание, что содержание понятия «власть» с момента ее появления как социального феномена привлекает внимание не только представителей научного и профессионального политического сообщества, журналистов, но и человека, живущего в мире повседневности. Тем не менее, оно остается одним из самых неоднозначно определенных и развивающихся постоянно. Многозначность определения понятия власти говорит о множественности ее проявлений и, следовательно, о возможной многоаспектности научных подходов к анализу [9, с. 11]. Более того, все попытки определить власть фактически означают явное или латентное стремление определить и описать ее субъект. Поэтому в рамках данной статьи предлагается рассмотреть

власть с позиций формирования «ценностной окраски» ее обладателя, потому что так или иначе власть неразрывно связана с определенной системой ценностей (индивидуальных, групповых, государственных или общечеловеческих). Следовательно, способ определения и понимания власти неизбежно заключает в себе поиски ответа на вопрос «что означает значимое, когда один (или одни) воздействует на другого (или других)?» [7, с. 30]. В поисках ответа на данный вопрос исследователи стремятся найти критерии влияния/воздействия, потому что человек нуждается в организации своей жизни в мире, который для него, так или иначе, значим или ценен.

Во все времена – от первых государств Древнего Востока и Античности до настоящего времени – такими критериями были поиски определений добра, свободы и справедливости во имя общего блага, при этом способы осуществления власти были различными (от принуждения до убеждения), в том числе и скрытыми. Особенно отчетливо это проявляется в настоящее время, когда мы фиксируем отказ власти от применения практик насилия и применение дисциплинарных практик [12], практик манипулирования общественным и индивидуальным сознанием. Кроме того, власть одновременно продуктивна и репрессивна: она интегрирует общество, объединяет усилия людей, давая возможность им быть свободными в условиях проживания совместно, вместе с тем и вынуждает их быть вместе, нормируя деятельность и тем самым ограничивая свободу. Одними из функций власти становятся: оценивание ценностей (отбирает наиболее значимые), определение канала их трансляции (сохраняет, тиражирует и передает) и конструирование ценностей (создает новые). Поэтому особую значимость приобретает сегодня становление субъекта власти как проявление ценностного отношения к миру.

В классической философии под ценностью понималось все то, что для человека имеет определенную значимость, личностный или общественный смысл [4]. В самом общем плане ценность есть не что иное, как определенное отношение между представлением субъекта о том, каким должен быть оцениваемый объект, и самим объектом. Так, если объект соответствует предъявляемым к нему требованиям (является таким, каким он должен быть), он считается позитивно ценным; объект, не удовлетворяющий требованиям, относится к негативно ценным; объект, не представляющийся ни хорошим, ни плохим, считается безразличным, или ценностно нейтральным [11, с. 968]. В качестве фундамента ценностей классическая философия признавала ценности морали, выступающие в виде императива. Поэтому ценность рассматривалась как неотъемлемый компонент деятельности и, следовательно, бытия человека, в каких бы формах оно не осуществлялось. С этими положениями эпохи классики вряд ли можно не согласиться.

Однако в условиях современности ценности морали оказались приближенными к неким рекомендациям – их императивный характер стал рекомендательным: принятие или непринятие моральных ценностей – дело свободного выбора человека в обществе. Да и сама мораль «растворилась» в обществе глобального потребления. Поэтому сегодня характерна многозначность определения содержания понятия «ценность» и как следствие формирование среднего человека [8]. Сформировалось несколько значений понятия ценность, среди которых можно выделить три. Первое значение определяет характерное для обычного или повседневного употребления в языке – это любой предмет любого интереса. Второе – объект исключительно теоретических рассуждений о ценностях вообще (этические, эстетические, культурные, правовые, религиозные и др.). Третье значение дает представление об образцах, на которые необходимо ориентироваться и которым следует подражать. Все эти три определения в той или иной мере присутствуют сегодня в образах, поставляемых средствами массовой коммуникации и информации, которые взяли на себя роль создателя и конструктора ценностей. В образах масс медиа присутствуют стандарты ценностей, теоретические дискуссии о них и, конечно же, их образцы. При этом образы предлагают широкую панораму ценностей – от возвышенных до низменных – прибегая к их переоценке.

Важно учитывать, что на протяжении всего развития общества и человека идет процесс переоценки ценностей – на смену одним приходят другие, некоторые из них обретают статус вечных, например, жизнь человека. Процесс поиска, оценки и переоценки ценностей труден и противоречив – от признания жизни до поиска ее совершенно новых форм в виде всевозможных «пределов» жизни. Особенно это отчетливо продемонстрировала наука, когда ее прогресс оказался способным «убить» жизнь как таковую (оружие массового уничтожения, техногенные катастрофы и т.п.). Даже стремление к комфорту и материальному благополучию имеет свою историю и оборотную сторону. Богатство, слава, комфорт и благополучие и др. ценности сформировались не сами по себе – стихийно, а были порождены и тиражированы профессиональными идеологами общества потребления [3, с. 358–360]. Власть оказалась «пленницей» нового опыта общества потребления с развитой инфраструктурой коммуникации, ведь она (власть) присутствует там, где есть человек коммуникации. Более того, сама власть начала превращаться в ценность, становясь значимой составляющей деятельности, превращаясь в ее основной смысл. Один стремится к власти для достижения блага всеми, другой – для обеспечения своего собственного и приумножения своих богатств, забывая о наличии других, третий желает наслаждаться процессом властвования и т.п. Мало кто из стремящихся к власти задумывается об ответственности за ее бремя. Так воля к власти, сменяясь жаждой власти, уходит на второй план. Воля предполагает нали-

чие ответственности, как важнейшего условия дальнейшего развития человека и общества. Жажда власти ориентируется на получение удовольствия и благ.

Поэтому возникает потребность в формировании субъекта власти, представляющая собой становление личности как постоянное совершенствование себя и мира, в котором присутствует и значим «Другой». Формирование личности происходит в процессе социализации человека, пребывающего одновременно в природном и надприродном мирах. Второй – надприродный – мир имеет черты «жизненного мира» и подвергается постоянному влиянию со стороны: он постоянно разрушается и постоянно воссоздаётся вследствие действия «естественной историчности» опыта. Жизненный мир, как «целое, в которое мы вживаемся, как исторически живущие существа… Жизненный мир всегда есть одновременно общий мир, и включает в себя сосуществование других миров… мир как общий многим индивидам, в свою очередь включающий в себя субъективность» [2, с. 298]. Лишь когда человек осознает, что мир, созданный им, есть не что иное, как взаимодействие «Я» и «Другого» в процессе деятельности, он способен быть субъектом власти. Свое предназначение человек обретает лишь в диалоге «Я» с «Другим». Именно в нем (диалоге) начинается разговор с собой и понимание себя. «Я» анализирует себя, тем самым, осуществляя некое внутреннее самопостижение, открывающееся как самоактуализация. Так оно начинает оказывать влияние на «Другого», учитывая факт его наличия в мире и понимая его. Осознание становится потребностью, способом проявления власти, которая приобретает осознанный характер.

В результате, человек оказывается способным сделать свободный выбор, заметим, что абсолютно свободным он никогда не бывает. Однако это всего лишь внешнее проявление несвободы. Человек самостоятельно мотивирует свою жизнь, руководствуясь не столько внешними причинами, сколько внутренней необходимостью, внутренним убеждением жить именно так, а не иначе. Эта необходимость вытекает из его собственных убеждений, а не из внешних обстоятельств. Он в состоянии реализовать себя, служить своему делу и своей идее, несмотря ни на что – ни на давление судьбы, ни на страх смерти [4, с. 286]. Свобода – это вечное стремление быть и возвращение к себе бытийствующему, постоянно решая, что и где есть добро или зло. Гарантом свободы человека является его присутствие в обществе, т.е. наличие рядом с «Я» «Другого». Субъект властвования самостоятельно делает выбор: вступать в диалог с «Другим» и понимать/не понимать его, что есть по своей сути выбор должного или сущего как основы власти. При этом должное и сущее могут быть, как схожими, так и диаметрально противоположными. Важно научиться понимать себя, прежде всего, себя как «Другого» и «Другого» как себя.

Природа человека предполагает, что он «не располагает собою так, как ремесленник располагает тем материалом, с которым он работает. Он не имеет возможности создавать себя таким же образом, как он создает что-то другое. Так, что и знание, которое он имеет о самом себе в своем нравственном бытии, должно быть иным, должно отличаться от того знания, которым он руководствуется при создании чего-либо» [2, с. 374]. Сделать ценностный выбор есть воля власти, человек становится субъектом власти, когда осознает наличие себя и «Другого», «знание себя, свойственное нравственной рассудительности, действительно характеризуется весьма своеобразной соотнесенностью с самим собой… речь идет не о сознании вообще, но о его конкретизации в данное мгновение» [2, с. 381]. Только наличие рядом «Другого» позволяет человеку проявить себя в качестве субъекта власти. Кроме того, становление субъекта власти предполагает наличие у человека духовных ценностей. В противном случае власть становится самоцелью, человек утрачивает свой истинный характер, он превращается в объект власти. Благодаря современным средствам массовой информации и коммуникации ценности жизненных благ стали общеизвестными, но при этом они не стали общедоступными. Хорошо известно, что жизненные блага распределяются неравномерно и не даются просто так, хотя и доступны многим, но не в полной мере. Одни с трудом сводят «концы с концами», другие – получают по потребностям, которые постоянно нарастают и идеалы быть сменяются идеалами иметь, обладать. Власть, объединяя индивидов в единое, делает себя силой, и особое значение приобретает вопрос о направлениях действий этой силы, какие социальные функции она будет выполнять. Потребность в формировании субъекта власти, обладающего духовными ценностями, существует в современном обществе, на что указывают различные общественные движения и организации (Всероссийское движение «Народный фронт», благотворительный фонд Ч. Хаматовой и др.). Вероятно, сегодня как никогда назрел вопрос о возвращении человека к духовным истокам своего бытия и важным инструментом становления субъекта может стать философская практика, сочетающая в себе, как традиции, так и собственный опыт, позволяющие научиться рационально-критически мыслить, принимать ответственные решения и совершать ответственные поступки.

Библиографический список

1. Аяеиник, Р.М. Образ человека в философской постмодернистской литературе: дис. … д-ра филос. наук / Р.М. Аяеиник. – М., 2007. – 367 с.

2. Гадамер, Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Г. Гадамер; пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

3. Зиновьев, А. На пути к сверхобществу / А. Зиновьев; пер. с англ. – СПб.: Нева, 2004. – 608 с.

4. Ивин, А.А. Аксиология. Научное издание / А.А. Ивин. – М.: Высш. шк., 2006. – 390 с.

5. Ильин, И. Постмодернизм от истоков до конца столетия. Эволюция научного мифа / И. Ильин. – М.: Интрада,1998. – 256 с.

6. Кант, И. Критика способности суждения / И. Кант; пер. с нем. – М.: Искусство, 1994. – 367 с.

7. Льюкс, С. Власть: радикальный взгляд / С. Льюкс; пер. с англ. И.М. Кырлежева. – М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2010. – 240 с.

8. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Ортега-и-Гассет, Х. Избранные труды. – М., 1977. – С. 43–163.

9. Прилукова, Е.Г. Власть образов: знаково-символическое бытие власти / Е.Г. Прилукова. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2011. – 204 с.

10. Толмачев, В.М. Зарубежная литература XX века / В.М. Толмачев. – М., 2000. – 640 с.

11. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.

12. Фуко, М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко; пер. с фр. – М.: Касталь, 1996. – 449 с.

13. Ямпольская, А. Безмерность в мире мер / А. Ямпольская // Левинас Э. Избранное: Тотальность и бесконечное. – М. – СПб.: ЦГНИИ ИНИОН РАН: Культурная инициатива; Университетская книга, 2000. – С. 404–408.

14. Habermas, J. Philosophie und Wissenschaft als Literatur? / J. Habermas // Habermas J. Nachmetaphisisches Denken. Suhrkamp. – Frankfurt a. M., 1988. – 286 S.

К содержанию

УДК 111.8

ТРАНСГУМАНИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ БУДУЩЕГО

Л.В. Шубарина

В статье рассматриваются проблемы, связанные с развитием в обществе идей трансгуманизма. Автор стремится показать, что абсолютизация технократического мышления и технологического прогресса может привести к утрате человеческих ценностей и гибели человека как биологического и духовного существа.

Ключевые слова: технологический уклад, трансгуманизм, биоконсерватизм, НБИК-технологии, когнитивизм.

Трансгуманизм представляет собой философскую парадигму современности. Он позиционирует себя как «новое гуманистическое мировоззрение, которое утверждает не только ценность отдельной человеческой жизни, но и возможность, и желательность – с помощью науки и современных

технологий – безграничного развития личности, *выхода* за естественные пределы человеческих возможностей» [10].

Быстро завоевывая популярность, трансгуманизм требует сегодня активного философского осмысления, поскольку человечество в очередной раз оказалось на перепутье. Процесс рефлексии и самоидентификации человечеству необходимы, чтобы определить вектор движения человеческой цивилизации в будущее.

Современный трансгуманизм представляет собой порождение пятого технологического уклада и формулирует идеологию перехода к следующему шестому технологическому укладу. «Технологический уклад» – термин, представляющий собой интегрирующий показатель ускоренного развития науки и технологии. Пройдя последовательно первые четыре технологических уклада, человечество активно осваивает пятый, в основе которого лежит атомная энергетика, основными отраслями выступают – электроника и микроэлектроника, информационные и космические технологии. Создание и реализация «высоких» наукоемких отраслей, таких как генная инженерия, нано-, био-, мембранные и квантовые технологии, фотоника, микромеханика, термоядерная энергетика, их синергетическое развитие свидетельствуют о начале перехода к шестому технологическому укладу, который уже начал складываться в развитых странах Запада, Японии и Китае.

Так, в первом десятилетии XXI в. доля производительных сил пятого технологического уклада в США составляла – 60 %, четвёртого – 20 %, и около 5 % приходились на шестой технологический уклад. Согласно прогнозам, в 2040 г. шестой технологический уклад вступит в фазу зрелости, что неизбежно скажется на социоприродных и когнитивных качествах человека, и, скорее всего, кардинально изменит их. Например, создание квантового компьютера или искусственного интеллекта, несомненно, будет способствовать появлению качественно иной цивилизации, новых систем во всех областях, в том числе социальных и антропологических [11].

Трансгуманизм позиционирует себя как культурное и интеллектуальное течение, использующее достижения науки и техники для развития *физических и ментальных способностей человека.* Не случайно термин «трансгуманизм» обозначается символом «H+», который часто используется как синоним «измененного, улучшенного человечества» [3, с. 101]. Встает вопрос о границах этого улучшения, в приделах или за пределами человеческого? Человеческое пребывает в привычных границах биологической природы и духовного мира людей. За пределами человеческого будущее окутано дымкой неизвестности, о чем спорят футурологи. При этом если предсказания технико-технологического будущего обычно сбываются, то социально-антропологические, как правило – нет.

Существует внутренняя идеология научного сообщества. В настоящее время она представлена сциентизмом и технологизмом, которые, отказывая гуманитарному знанию в познавательном значении, абсолютизируют прогресс, а отношение к человеку и миру рассматривают через призму техники и технологии. Именно сциентизм и технологизм являются предтечей и идеологической основой трансгуманизма, который также воспринимает науку единственной значимой формой не только познавательной, но и культурно-духовной деятельности, оптимистично воспринимая перспективу трансформации человечества [2, с. 136]. Отсюда вытекает недооценка всего, что составляет духовный мир индивида и человечества. Закономерно, что представители естественнонаучных и гуманитарных областей кардинально разошлись во взглядах на будущее человеческой цивилизации.

Современное развитие когнитивных технологий, направленных на совершенствование человеческого интеллекта, ставит проблему их возможностей и границ, в оценке которых сформировалось два подхода: трансгуманизм и биоконсерватизм [8, с. 110–111].

Сторонники трансгуманизма доказывают, что продолжение человеческой эволюции неизбежно, новые перспективы связываются с развитием наук в области нано-, био-, инфо-, когно технологий, и их комплексным использованием, т.е. с НБИК-технологиями. Сторонники биоконсерватизма стоят на позиции, что биологическая эволюция завершилась около 40 тыс. лет назад. Человечество находится в процессе *надбиологической, т.е. общественной и духовной* эволюции, составной частью которой является развитие техники. Наиболее основательно данная концепция представлена в философских работах В.А. Кутырёва, Б.Г. Юдина, академика Н.Н. Моисеева и его школы [1, с. 13].

Противники продолжения биологической эволюции катастрофичны в оценке вмешательства в человеческую природу, ее сторонники просчитывают преимущества открывающихся возможностей и построения новой цивилизации, где «мы обитаем в технологиях, а технологии обитают в нас». Для этого предполагается использовать разнообразные *технические способы.* На основе НБИК – технологий трансгуманисты планируют изучать и преобразовывать практически все уровни организации материи: от молекулярной природы вещества до природы жизни, природы разума и процессов информационного обмена [5, с. 117]. НБИК-технологии нацелены на открытие законов развития искусственной реальности, создание «сверхчеловека» на основе изменения его физических и когнитивных параметров. Однако нельзя исключать, что процесс может пойти по стихийному сценарию, что может повлечь за собой серьезные и даже необратимые последствия [4, с. 118].

Известный футуролог, трансгуманист и технический директор Google Рэймонд Курцвейл, занимаясь искусственным интеллектом, обосновал по-

нятие *технологической сингулярности* – точки, после которой научно-технический прогресс станет настолько быстрым, что его дальнейшее развитие будет попросту невозможно предсказать. По мнению Курцвейла, технологическая сингулярность может наступить уже в 2045 году из-за появления мощного искусственного интеллекта и активной киборгизации людей, то есть замены частей человеческого тела на искусственные, но более эффективные аналоги.

Уже есть единичные примеры удачных результатов объединения *нервных клеток и электронных устройств в единую систему* при создании отдельных искусственных органов: руки, глаза, уха, желудка, кости, сердечного стимулятора. В настоящее время специально созданные компьютерные инструменты уже используются при поиске и обработке информации, структурировании знаний, организации творческого мышления и т.д. [5, с. 119].

Трансгуманизм готов отстаивать право каждого отдельного человека на самоулучшение физических и умственных качеств. В процессе работы над «расширением человека» обнаружилось противоречие между быстрым ростом интеллектуальных возможностей и ограниченностью биологической природы человека. Под лозунгом освобождения от биологической эволюции началось целенаправленное вмешательство в генетику живых существ, а теперь и человека. Расширение его интеллектуальных возможностей происходит за счет вживляемых сенсорных устройств, компьютеров, добавочной памяти, устройств связи; ведутся работы по дальнейшему развитию интерфейса человек – компьютер; идет целенаправленное перемещение все большей части активности индивида и различных видов деятельности в виртуальное пространство [5, с. 123]

Привычный соразмерный человеку мир сжимается, меняет характеристики, трансформируясь в *гибридную реальность*, которая предполагает «оразумнивание среды» и технологизацию человека.

Технологизация охватывает не только производство, но и повседневную жизнь людей: «*умные приборы*» упраздняют привычные профессии, «*умные вещи*» заполняя *«умные дома»*, организуют быт человека, руководят и первым, и вторым. Технологизируются не только процессы приготовления пищи, но и продукты питания, изготовленные по ТУ – техническим условиям и т.д. [1, с. 14].

Отныне импланты используются не только в качестве заменителей отсутствующих органов, но и в качестве идентификатора человека. В современном мире не параметры личности, не яркая индивидуальность, а личный идентификатор – ID, представляющий собой произвольный набор знаков, позволяет отличать индивида от других объектов в мире, организованном по технологическим принципам.

Виртуальный мир информационного пространства также кардинально изменяет привычный человеку образ бытия, где реальное заменяется искусственным, предметы – симулякрами, люди – персонажами, слова – цифрами, знание – компетенциями, т.е. успешно действовать на основе практического опыта при решении задач *общего рода*. Вместо осязаемой природной телесности сфера медиа воссоздает внешние контуры, а электронная коммуникация на основе «технояза» заменяет живое общение. «Прогресс к смерти» – так оценивает философ В.А. Кутырев грядущий триумф технологической революции [7]. Философ утверждает, что в эпоху трансмодерна, в которую переходит человечество, успехи технического производства и экономики вступают в противоречие с родовыми качествами человека, его телесно-духовной целостностью. Вероятная гибель человеческого общества будет обусловлена не внешними, но внутренними причинами, поскольку на человека стали смотреть прагматично и функционально, без благоговения перед ним как божьим творением и живущим по законам Творца, а с позиций глобального прогресса, с его установкой постоянной смены устаревшего на новое, более функциональное, экономичное, эффективное [6].

Парадоксально, но, став доминирующим биологическим видом на земле, человечество начало создавать технологии самоуничтожения как вида. Избавившись от духовности, человек, встроенный в технический прогресс, становится его механической частью. Прогресс становится самоценностью, технические инновации превращают человека в «технический фактор», «человеческий капитал», и в ближайшей перспективе – исходный материал для будущих техно-биологических конструкций [7].

Техногенная цивилизация ведет наступление и на сознание человека. Ж. Деррида, Р. Рорти, Д. Деннет и др. в своих работах подготовили появление когнитологии – теории информационно-коммуникационного мышления, осуществляемого вне сознания, образов и психики. Когнитизация является процессом создания новой формы реальности, когда сознание, как базовый элемент деятельности человека, отбрасывается. Считается, что любые человеческое чувства, мысли, впечатления можно описать с помощью науки, как состояние нервных или биохимических процессов, без обращения к психике человека, ментальности, которая предполагает отождествление себя со своими мыслями, осознание своего тела [6].

Примечательно, что одна из глав книги Р. Рорти «Философия и зеркало природы» называется «Личности без умов». В ней автор приводит пример коммуникации на основе мышления без участия сознания: «…Когда их младенцы тянулись к горячей вещи, матери кричали: «Она будет стимулировать С-волокна!». Когда людям предлагали посмотреть на хорошо подстроенную зрительную иллюзию, они говорили: «Как странно! Она заставляет дрожать нервный пучок G–14…, когда человек пытался сказать о себе

не в терминах сознания, а в терминах мышления, у него получилось: «…Внезапно я оказался в состоянии S–296, и поэтому я выставил за дверь молочные бутылки…» [9].

В приведенных фрагментах содержание разговоров составляет описание нейронных процессов мозга. С точки зрения науки это фиксация объективных нейрофизиологических состояний, но с точки зрения классических проявлений человеческого – это не является человеческим.

Сведение психики к физиологическим процессам нейронов мозга приводит к тому, что человек не способен осознавать причины и цели своей деятельности, а только выбирает технологию действия. Решая вопрос «как» действовать, он не способен представить последствия действий и свою ответственность за них.

Антропогенетики, исследуя молекулы ДНК, смогли расшифровать геном человека, который определяет индивидуальные биологические, физические и даже психологические особенности индивида. Сравнение ДНК человека с прочими организмами, нахождение большого количества общих и близких генов, привело к биологической десакрализации человека, которая последовала за духовной десакрализацией. Оказалось, что геном человека мало чем отличается от других, например, генома дрозофилы или «круглого червя», а геном картофеля даже больше генома человека. Раскрытие генома человека создает в перспективе возможность внесения «исправлений» в код ДНК, тем самым меняя качественные характеристики человека, а значит возможность его перепрограммирования через изменение структуры ДНК и создание людей – функций, что в перспективе станет почвой для нового социального неравенства и т.д. [4, с. 24].

Улучшение человека уже началось. Первой стадии соответствует развитие косметической хирургии, спортивного допинга, «умных протезов и таблеток». Развиваясь каждая по отдельности, все эти области связаны с медициной, фармакологией и медицинской техникой, они дискретны, имеют локальные задачи и могут иметь вредные побочные последствия.

От разговоров об улучшении человека, его технологическом усилении, приращении человеческих способностей и интеллекта, модификации телесности наука, благодаря НБИК-технологиям, уже несколько десятилетий перешла к делу [1].

Через киборгизацию человека происходит деконструкция его телесности, Вначале душа, а теперь и тело перестает быть выразителем самости и неповторимости человека, превращается во временное, технически заменяемое образование. Создание антропоморфных роботов может привести к исчезновению различий между мыслящим существом, обладающим разумом и свободной волей, и жестко запрограммированной искусственной системой [5, с. 125].

Благодаря биотехнологиям привычное различие между живым и неживым стирается, деформируется понимание жизни, отношение к ней, а значит, изменяются основные ценности человека, теряется смысл жизни, и сама жизнь обесценивается. Возникновение глобальных проблем привело человечество к границам своего существования. Сегодня настоятельно необходимо дать оценку происходящему и скорректировать цели развития, без изменения которых человечество движется к самоуничтожению.

Библиографический список

1. Алексеева, И.Ю. «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС-революция и будущее человека / И.Ю. Алексеева, В.И. Аршинов, В.В. Чеклецов // Вопросы философии. – 2013. – № 3. – С. 12–21.

2. Баранец, Н.Г. Футурология. Трансгуманизм. Гуманистический консерватизм / Н.Г. Баранец, А.Б. Веревкин // Симбирский научный вестник. – 2014. – № 5. – С. 134–140.

3. Барышников, П.Н. Типология бессмертия в теоретическом поле французского трансгуманизма / П.Н. Барышников // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. – 2014. – № 1. – С. 98–127.

4. Беляев, Д.А. Постчеловек как тип сверхчеловека / Д.А. Беляев // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 8. – С. 23–24.

5. Гнатик, Е.В. Идеи трансгуманизма в эпоху конвергентных технологий / Е.В. Гнатик // Вестник РУДН, серия Философия. – 2013. – № 1. – С. 17–27.

6. Кутырев, В.А. Когнитизация реальности как у-ничто(жение) жизненного мира человека / В.А. Кутырев // Философские исследования. – 2013. – № 6. – С. 1–39. – URL: http://e-notabene.ru/fr/article_522.html.

7. Кутырёв, В.А. Последнее целование. Человек как традиция: монография / В.А. Кутырев. – СПб.: Алетейя, 2015. – 312 с.

8. Найдыш, В.М. Трансгуманизм и «поле возможностей» когнитивных технологий / В.М. Найдыш // Вестник РУДН, серия Философия. – 2013. – № 1. – С. 109–116.

9. Рорти, Р. Философия и зеркало природы / Р. Рорти. – Новосибирск, Изд-во Новосибирского ун-та, 1997. – Ч. I. Гл. 2. – 320 с. – URL: http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5141.

10. Устав Российского трансгуманистического движения. – URL: http://transhumanism-russia.ru/content/view/532/121/.

11. Шестой технологический уклад // Наука и жизнь. – 2010. – № 4. – URL: http:// www.nkj.ru/archive/articles/17800.

К содержанию

УДК 130.2 + 130.3

МЕТАФИЗИКА ПРИСУТСТВИЯ: МОДУСЫ БЫТИЯ КУЛЬТУРЫ

В.В. Баркова, У.В. Сидорова

В статье с философских позиций осмысляется метафизика бытия культуры в ракурсе человеческого присутствия. Последовательно анализируются основные модусы бытия культуры – социальный, ценностный и этико-экзистенциальный. В статье авторы поставили своей целью показать, что культура в ее основных модусах существования не является надприродным решением природных задач, как это нередко утверждают. У культуры важнейшим является духовное измерение, связанное с производством и сохранением культурных смыслов и ценностей. Предлагается понимание культуры как инструмента, позволяющего держать равновесие между миром коллективно-социального с присущими ему универсальными закономерностями и миром единичного, где доминирует уникальное личностно-индивидуальное содержание.

Ключевые слова: культура, модусы культуры, субъект культуры, субъект-объектное культурное взаимодействие.

Тематическое поле заявленной статьи подобно ленте Мебиуса. Любые ракурсы её рассмотрения всегда будут тесными для предметного обмена мнениями о культуре. При этом на фоне неостывающего интереса к исследованию этого феномена такой аспект его изучения как метафизика бытия культуры продолжает оставаться открытым. В разные времена исследованием этого аспекта занимались – А.И. Арнольдов, А.С. Ахиезер, Э.А. Баллер, В.М. Бахта, В.С. Библер, Г.Д. Гачев, В Е. Давидович, Н.С. Злобин, М.С. Каган, Л.Н. Коган, И.К. Кучмаева, Д.С. Лихачёв, Э.С. Маркарян, А.П. Огурцов, Э.В. Соколов, В.А. Рабинович, М.Б. Туровский, А.С. Фриш и т.д. Социокультурный кризис в условиях современного беспрецедентного разлома цивилизационного развития резко спровоцировал процессы переоценки всех ценностей. Потребовал качественного переобдумывания приёмов скульптурирования самостных основ культурной бытийности человека, став ключевой темой эпистемологического осмысления в различных знаньевых системах когнитивистики. Культура, как правило, определяется безличными терминами, но своё конкретное выражение она всегда находит на уровне отдельного человека – носителя культуры и способах его самореализации в ней. Социальные измерения феномена культуры предполагают различение модусов её существования:

- культура (как совокупность небиологических способов поведения) и общество (как структура отношений между людьми);

- культура как интегральное поле всех ценностей, накопленных социумом и человек как участник социальных отношений и субъект культуры;
- культура и сложившиеся нормы и правила морального поведения в границах социума на её основе и человек, так или иначе реализующий культурные нормы в своей жизни, что зависит от культурной среды воспитания, мотивов поведения, целей и идеалов.

Многообразие ипостасей, свойств и функций культуры имеет одну общую основу. Все они выступают особым уникальным способом бытия человека в посюстороннем мире его жизнеустройства, сердцевиной которого является особое жизненное пространство, жизненный мир личности в единстве её внешнего и внутреннего бытия в природе и обществе. Между тем знание об истоках прибытия человека и культуры в мир реального бытия остаётся неосвоенным кладом, лежащим в тенётах мутных вод реки времени, заманчиво мерцая из глубин лабиринтов непроявленного знания своими гранями, вписанными в эпифеномен биоэволюции культуры. Если попытаться пройти этот путь вглубь, то уверенность в успехе быстро уходит. Следы путаются и петляют, в результате остается некий нечитаемый абстрактный рисунок-отпечаток про неведомое, но бывшее и неразгаданное теперь и сейчас. Хитрость эволюции биосферы в том, что каждый акт её медиации ситуационно осуществлялся через отпадение реликтовой холомности нижних системных уровней организации природы, того, что ею отработано и в то же время инициирует переход на следующий эволюционный марш. Именно так запускался perpetuum mobile культурогенеза, позволяющий взглянуть на некоторые аспекты запараллеленности фактов, смыслов, ситуаций, через которые культура обозначает себя, атрибутируется как феномен, рассеянный по всем, ею же сотканным артефактам.

Человек – единственное существо, которому со временем открывается бытие. Оно входит в его опыт не посредством знаний о чем-то, а посредством действования, через потребность человека обустроить своё бытование. Но без слова любому действию не хватает измерения, в котором человеческое бытие могло бы выразиться. Язык становится тем исходным инструментом, внутри которого человеческое существо впервые оказывается в состоянии отозваться на бытие. Местом укоренения бытия человека становится мир повседневности. М. Хайдеггер определил его как «мир забот», пространство человеческого опыта, горизонт целей, нетематизированный фон, необходимый для любого явления жизни, чтобы оно могло быть воспринято.

Появившись в мире не по своей воле, человек чувствует ограниченность, конечность своей бытийности. При этом он не может избавиться ни от осознания этой истины, как бы он этого не хотел, ни от своего тела пока жив – и это заставляет его хотеть быть. Тело для человека – это бремя и

благо. Напоминание ему о его ограниченности и способ, с помощью которого он преодолевает её. Укореняясь, в качестве онтогносеологического субъекта посредством адаптивно-адаптирующих отношений в природной среде, он постоянно ощущает пересечение множества миров бытия в самом себе, предполагает, что сплетаясь, они сходятся в нём, как в единственном, связующем их звене, участвуя в зароде его бытия одновременно. В процессе жизнедеятельности человек систематизирует наблюдаемый мир, наделяет его смыслами, управляет ими, творит бытие по неведомым пока ему самому законам.

По образному выражению М. Вебера, человек похож на животное, опутанное сетями смыслов, созданных им же самим. Осваивая ойкумену своего расселения, как естественное пространство бытийности, человек начинает подражать животным, прочно укоренённым в природе. Без этого, он не смог бы самостоятельно сделать и шагу, как буриданов осёл. Подражание стало для него трамплином к самоосуществлению за границами видовой нормы. Самосознание и кристаллизация ценностно-смыслового опыта освоения предметной среды обитания способствует тому, что в ментальных структурах человеческой самости начинают прорастать некие структуры духовности, которые становятся фундаментом креативных потребностей человека.

Изобретая всё более разнообразные формы существования, человек, в конце концов, формирует культуру, через сети значений которой улавливает и расшифровывает смыслы манящей его реальности бытия. При этом он проецирует родовые сущностные силы на обстоятельства собственной жизни, воспроизводя основания её во-вне-себя. В этом процессе он с удивлением обнаруживает при каждом повороте головы всё новые культурные отражения мира, в которых мультиплицируются опыты по освоению этих миров, как им, так и другими. Очевидно, что появление культуры имело свои имманентные задачи, отнюдь не сводимые к обеспечению первичных потребностей человека, в этом случае она бы дублировала природу. Эволюция такой избыточности не допускает. Гердер, назвавший человека первым вольноотпущенником природы, говорил о нём как о создателе культуры, возникшей благодаря несовершенству его природной организации.

Со смыслогенетический точки зрения, культура не есть надприродное решение природных задач, как это нередко утверждают [2]. По крайней мере, её нельзя к этому сводить. Свои собственные задачи природа вполне способна решать сама. Примером является принцип Ле Шателье-Брауна, называемый принципом смещения равновесия, и который является общим названием для ряда похожих событий в химии, термодинамике, электродинамике, теории систем, экономике и т.п. науках. Мир культуры изначально интерсубъективен. Он не имеет аналогов в реальной действительности, произрастая вокруг человека делающего, творящего, мыслящего, любящего, страдающего.

Человека, который через акты спонтанной или целенаправленной проекции совершает деятельность в мире, утверждает себя в нём и, подтверждая его в себе. Смысловой выбор полей приложения творческих сил и ответственности испокон веков были мерой интеллектуальной и культурной зрелости человека, его умения извлекать смысл и уроки из пережитого, из того, что не получилось или удалось. Таким образом, смысл, как содержание человеческого бытия, понятый через призму культуры, выступает в роли посредника в отношениях человека с миром и с самим собой. Он адресован не только разуму, но и неконтролируемым глубинам души, чувствам, воле. Смыслы жизни способны стать и общезначимыми, если объединяют людей, становясь основой их мыслей и чувств. Именно из таких смыслов образуется тело культуры в своей универсальной значимости для человечества. П.Я. Гальперин был убеждён, что именно общественная смысловая определенность, захватывая всё более широкие слои отношений между индивидуумами, тормозила инстинкты. Потребности человека всё менее становились связанными со специфической природной чувствительностью и определялись тем, как и где живет данная группа людей, как складываются в ней отношения «человек и человек».

Ясперс считал, что человеческое общество это всегда «бытие с другими». Только так человек может раскрыть смысл соизмеримости своей культурной бытийности с другими. Таким образом, весь мир превращается в мир культуры как универсального способа творческой самореализации человека через полагание смыслов, стремления понять и утвердить их в человеческой жизни как смысл сущего. Этот смысловой мир через традиции, систему знаний, коды этнической культуры передаётся как великий дар откровений из поколения в поколение, детерминируя способ бытия и мироощущение людей. Эта смысловая доминанта культуры определяет характер всех остальных смыслов и отношений в обществе.

В.Д. Губин, размышляя о формах человеческого бытия в социуме, обнаруживает их в таких культурных феноменах как любви, красоте, нравственности, религии, в смысле жизни, семье, ответственности, свободе выбора, праве, верности себе. Причём, это не имманентно присущие человеку способности, а императивы, которые каждый ещё должен реализовать. В.Д. Губин считает, что без этих форм самореализации онтологии культуры человека, его просто нет в этом мире. Нет, как части мира [1].

Человек, как носитель родовых характеристик, укореняясь в социуме, укрепляет свою самоосновность в обществе. Именно самоосновность является знаком укоренённости культуры бытия в самостных структурах человека, а его «Я» выступает истоком самоосновности [3]. Родовой индивид, будучи погружен в поле родовой культурной идентификации, имел организующим началом родовое «Мы». Оно поднимало его от биологического к социальному и духовному уровням культурного развития. Отпадение от

«Мы» – «Они» отразило процесс социальной дифференциации в группе и квалифицировалось как процессе усложнения стратификационной культуры организации социального бытия.

Любая деятельность, связанная с установлением некоторых культурных нормативов, сталкивается с понятием долженствования. Как вопрос о смысле бытия является центральным вопросом онтологии, так и смысл долженствования является базовым вопросом, на котором строится всякое учение, связанное с некоторыми предписаниями. Человек, укореняясь в социуме как нецелостный, частичный субъект, исполняет в нём те или иные функции и роли в совокупной социальной деятельности. Интериоризованное внешнее долженствование как нусодинамика, превращает его Я в микросоциум. Социум, опираясь на культуру организации подсистем управления, морали, права стремится уравновесить субъектно-объектные отношения микросоциумов, публично выставляющих смыслы бытия и способы их реализации, как задачи своей культурной бытийности со-всем-сущим в мире на всех уровнях их коммуникативных связей. «Я» как духовно-психическая реальность личности, аккумулируя в себе культурные ценностно-смысловые данности, возникающие в ходе овладения культурным опытом социума, способна осуществлять трансформацию исходного содержания сознания, самоизменять личность. Внутреннее долженствование демонстрирует степень духовно-эйдической целостности личности, реализующей себя в процессах реакции на конкретные культурные события в социуме и т.д.

И. Кант механизм, регулирующий поведение человека в обществе на основе априорных норм морали, назвал «категорическим императивом». Моральная личность, считал философ, не должна руководствоваться гипотетическими правилами. В своём поведении каждый должен следовать требованиям категорического императива, который содержит общую идею долга перед человечеством, предоставляя индивиду полную свободу решать самостоятельно, какая линия поведения в наибольшей мере согласуется с моральным законом. Категорический императив проявляет себя двояким образом: латентно, регулируя поведение отдельного индивида и легально, регулируя поведение всех членов общества [4].

Таким образом, человек в своём культурном бытии преследует цель осмыслить своё существование в мире и упорядочить его. Важнейшей характеристикой всякого события в культурном измерении является то, что оно пытается держать равновесие между миром коллективно-социального с присущими ему универсальными закономерностями и миром единичного, где доминирует уникальное личностно-индивидуальное содержание. На базе диалектики ведущих модусов бытия культуры авторы постарались хотя бы пунктирно обозначить некоторые аспекты заявленной темы.

Библиографический список

1. Баркова, В.В. Диалектика обертонов профессии и профессиональной идентичности / В.В. Баркова // Фундаментальная и прикладная наука. – 2016. – № 1. – С. 6–9.
2. Борисов, С.В. Экспозиция или «Философский глаз» для науки / С.В. Борисов // Философские исследования. – 2013. – № 7. – С. 1–99.
3. Мамардашвили, М.К. Необходимость себя / М.К. Мамардашвили. – М.: «Лабиринт», 1996. – 154 с.
4. Гуревич, П.С. Философия человека. – Ч. 2. / П.С. Гуревич. – М.: ИФРАН, 2001. – 210 с.

К содержанию

УДК 141.82

О «СТАТУАРНОМ» ЧЕЛОВЕКЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Л.М. Григорьева, В.Э. Цейсслер

В статье рассматриваются философские основы формирования феномена «статуарного» человека в культуре советского общества.

Ключевые слова: «статуарность», практика, сущность человека, рациональность, идеал, догматизм, сакральность, мифологема.

Понятие «статуарность» встречается в истории философии, например, в исследованиях А.Ф. Лосева, посвящённых Античной философии, особенно теории государства Платона [1, с. 66, 939]. В данной статье термин «статуарность» применяется в качестве идейно-смысловой метафоры, позволяющей осмыслить непосредственно в глаза не бросающиеся, но на самом деле – фундаментальные особенности советской культуры и советского человека. «Статуарность» как метафора, в данном случае, может быть представлена, по крайней мере, в рамках таких бинарных категориальных оппозиций как: преобладание формы над фактурой, идеи над материальной основой (материальным воплощением), преобладание вечного над преходящим, устойчивого над изменчивым, общего над индивидуально неповторимым, идеально нормативного над пошлым и приземлённым и др.

Если понимать под культурой всю совокупность созидательной деятельности людей по преобразованию действительности, то необходимо учитывать то, что она представляет собой некую системную целостность, которая формируется определённой системой ценностей и идеалов, почитаемых людьми в качестве непререкаемых, и требующих безусловного во-

площения. Человек не только познаёт мир, но и творит его. А чтобы изменять мир, ему необходимы предельно обобщённые знания о природе мира и человека, о месте человека в мире и тех способах взаимодействия человека с миром и другими людьми, которые необходимо осуществлять, чтобы обрести свободу, пространство для развития, воплощать ценности справедливости, правды, добра и человеческого достоинства.

Что же было великой тайной советской культуры, основой её системной целостности, которая приняла такой фантасмагорический «статуарный» вид? Конечно же – это идея преобразования всего Космоса в рационально организованный закономерный процесс, в ходе которого человек достигает неограниченных возможностей в своём развитии, и преобразовании окружающей природы. В основе советской культуры лежала идея движения, развития, мощного, вселенского преобразования.

Другой фундаментальной особенностью советской культуры была вера в знание, как основы преобразования всей планеты в цветущий сад. Здесь надо отметить несколько моментов: 1) советская культура развивалась в русле идей эпохи Просвещения о возможности разумного переустройства общества, повсеместного внедрения науки во все сферы общественной жизнедеятельности; 2) ключевым моментом этой традиции была идея о философии как роде научного знания, о возможности существования философии как научно обоснованного знания (особенно эта идея нашла своё воплощение в Немецкой классической философии (у Фихте, Гегеля и Маркса); 3) марксизм в советской культуре как раз и рассматривался как подлинно научное философское (мировоззренческое) знание, на основе которого может быть создана программа по решению всех фундаментальных человеческих проблем.

Однако в марксистской теории имела место раздвоенность: несочетаемость метафизического и, основанного на эмпирических фактах научного, а также нормативного и дескриптивного начал. Понять суть дела здесь нельзя, если не обратиться к истокам марксистских идей, его теории практики, изложенной в «Тезисах о Фейербахе» (1844), и теории сущности человека, изложенной в «Экономическо-философских рукописях 1844 года».

Практика трактуется Марксом как процесс созидания людьми своих универсальных способностей в процессе совместной предметно-преобразовательной деятельности. Соответственно, сущность человека рассматривается Марксом как совокупность (ансамбль) всех общественных отношений [2, с. 262]. Такое понимание практики позволило определить пути обретения свободы человеком: только в совместной предметной деятельности с другими людьми, человек может реализовать себя согласно своей собственной сущности, как универсальное существо. Только став реально универсальным, человек может обрести индивидуальную свободу.

Что же мешает человеку стать свободным? Это стихийно складывающееся в обществе разделение труда, которое будучи продуктом самодеятельности индивидов «превращается в господствующую над ними силу» [3, с. 69], и делает каждого человека односторонним и частичным. В рамках стихийного разделения труда возникает противоречие между частным и общим интересом индивидов [3, с. 24]. В ранних работах Маркса преобладает нормативная критика общества, с точки зрения того, насколько адекватным является воплощение универсальной сущности человека в данном обществе.

В «Немецкой идеологии» (1846) К. Маркс и Ф. Энгельс открывают закон соответствия характера производственных отношений (отношений собственности на средства производства) уровню развития производительных сил как фундаментальный закон функционирования и развития общества. Возникла новая, по сравнению с ранними произведениями, философская теория марксизма, так называемая теория исторического материализма. Опираясь на эти открытия, Маркс создал теорию капиталистической общественно-экономической формации как последней стадии антагонистического разделения труда в истории, обосновывал необходимость смены капитализма коммунистической формацией. До сих пор остаются предметом дискуссий ряд вопросов: удалось ли Марксу последовательно применить метод диалектики при анализе капитала; подтвердились ли его идеи об абсолютном обнищании рабочего класса и его одичании, о тенденции нормы прибыли к понижению и др. Однако вывод Маркса о том, что капитализм как общественно-экономическая формация во второй половине XIX-го века исчерпал потенциал своего развития, не соответствовал действительности. Тем не менее, Маркс делал такой вывод. Но почему?

Это может стать понятным, если учесть, что теория практики, сущности человека продолжала оставаться философской методологической основой обоснования исторической обречённости капиталистической формации. Капитализм, создавая всемирный рынок обмена товарами, всемирную связь обмена деятельностью является наглядным подтверждением того, что существует реальная база, для создания подлинных, универсальных связей между людьми. При капитализме всеобщей производительной силой становится непосредственно живой труд, однако средства производства в форме капиталистической частной собственности отделяются от труда и противостоят ему в виде чуждой и порабощающей его собственности капиталиста (отчуждение труда). Капитализм создаёт материальные предпосылки для преодоления отчуждения труда и обретения человеком всей полноты своих сущностных качеств. Основой всего общественного богатства становится труд как таковой, чистая субстанция деятельности, утратившая ту сращенность, существовавшую между определёнными индивидами и определёнными видами труда в прежние исторические эпохи [4,

с. 41]. Труд выступает теперь уже не как труд, а как полное развитие самой деятельности, где обусловленная природой необходимость исчезает в своей непосредственной форме, ибо на место обусловленной природой потребности становится потребность, созданная исторически [4, с. 281]. Капитал гонит труд за пределы обусловленных природой потребностей рабочего и тем самым создаёт материальные элементы для развития богатой индивидуальности [4, с. 281].

В теории стоимости Маркс доказывает, что в процессе производственной деятельности стоимость товара создаётся исключительно трудом рабочего. Капиталист же никакой стоимости не создаёт, он только, посредством присвоения средств производства эксплуатирует живой труд. Совершенно очевидно, что все эти выводы возможны только в том случае, когда существующему в конкретно-исторических условиях труду приписывается соответствие неким универсальным философским характеристикам. В споре между Марксом, опирающимся на факты учёным, и Марксом-теоретиком спекулятивной философии, побеждает второй, когда речь идёт о судьбах капитализма и провозглашении эры коммунизма в истории. В сущности, такая логика строилась на идеях превосходства общего над единичным и частным, идеала над реальностью, идеального над материальным, телеологического детерминизма над детерминизмом объективной причинности, хотя в самой теории провозглашалось обратное.

Маркс, стремился решить проблемы каждого отдельного человека на основе установления рационального контроля всего общества над предметными условиями человеческой жизнедеятельности *вообще*. Однако, как это могло быть осуществлено в реальности, не сказал. Марксизм, по сути, требовал преодоления зависимости человека от материальных условий деятельности, её определяющей. Предметность, материальность (обмен деятельностью) должны были стать, согласно его теории, только совместным и взаимным созиданием человеческих универсальных способностей людьми друг у друга, иначе говоря, стать формой всеобщего созидания универсальных человеческих сущностных сил. Эра подлинной истории, по Марксу, начинается как эра преодоления зависимости субъекта от объекта, достижения того состояния, когда объект деятельности превращается только в форму развития субъективности (деятельных способностей людей), то есть субъект становится всецело объектом своей собственной жизнедеятельности, свободным, самим себя определяющим, господствующим над природными и общественными обстоятельствами – человеком [см. 5, с. 116, 117, 118].

Таким образом, в марксистской теории была создана завораживающая своим очарованием *мифологема* освобождения человека от труда как проклятия, от труда за добывание хлеба насущного, от труда духовно и физически уродующего человека, от труда создающего условия порабощения

и эксплуатации в обществе. Бог наделил человека проклятием трудиться в поте лица своего, а теперь Маркс низвергал Бога с его пьедестала.

Основу рациональной организации общества Маркс видит в непосредственном превращении единичного труда во всеобщий труд, это ситуация, когда акт труда каждого отдельного человека идёт на пользу всем [3, с. 70]. Теперь непосредственным предметом деятельности каждого отдельного человека становится не предмет как таковой, и даже не другой человек, а именно целостность общественных связей, в рамках которой люди творят друг друга как универсальные существа.

Здесь возникает большая проблема: насколько, в такой ситуации, человек может предвидеть, что его данное конкретное трудовое действие будет способствовать развитию целостности всей системы трудовых отношений, созидательному развитию каждого другого человека в системе этих отношений? Очевидно, что это возможно только посредством общественной организации труда, разумность осуществления которой определялась бы из какого-то единого центра. Совершенно необходимо, чтобы в обществе имелась организация могущая выступить от имени объединяющей всех разумности, и обладающая полномочиями на непогрешимость принимаемых решений. Но как можно быть всегда непогрешимым? Только присвоив себе мандат единственного верного истолкователя марксизма, как универсального знания-спасения, то есть превращение этого учения в *сакральную догму*. Партия большевиков позиционировала себя не просто как политическая организация, выражающая интересы рабочего класса, но как трансцендирующая всякую политику и государственность вообще, как партия, призванная к власти самой исторической закономерностью, самим ходом истории. Так возникает новое святое семейство – группа людей наделённых властью самим «Духом истории».

Здесь видим мы, во-первых, что *разум отделяется от каждого отдельного человека* и противостоит ему как некая внешняя сила (политическая система, государственная власть, партийная печать и т.д.), во-вторых, что эта политическая организация должна выступать как бескомпромиссный монолит, скреплённый единым духом беззаветного подвижничества, верности идее, сакраментальной жертвенности. Таким образом, в советском обществе *условием всей государственной жизни* стало разделение людей на «освящённых духом» и тех, кого нужно приобщать к осознанию путей и средств их собственного спасения. Вполне уместно провести здесь аналогию со Средневековьем, где из церковноцентристской установки об *иерархическом противопоставлении священного и профанического*, клира и мира, логически развивалось истолкование мирянина как недочеловека, который по ущербности своей природы заслуживает тотального надзора [6, с. 167].

Советское государство стало приводным ремнём в руках партии по подтягиванию масс до уровня сознательного участника строительства новой жизни, прописанного теорией, а если массы оказывали сопротивление, то, по мнению партии, они оказывали сопротивление самому ходу истории.

Если разумность политики определяется успешностью осуществления коммунистического строительства, то у партии, сосредоточившей в своих руках необъятную бесконтрольную власть, не могло не возникнуть желания подстегнуть ход истории. В такой ситуации исчезает различие между субъективным и объективным, желаемым и действительным, волевым произволом и требованием естественного закона. То, что хочет партия, хочет и история. Мы видим здесь подобие мифологического сознания дикаря в первобытном обществе, когда он не видел пределов своей способности влиять на окружающую действительность.

Как советская культура определяла особенности повседневного существования советского человека, так и систему его фундаментальных мировоззренческих установок, базовых ценностей его деятельности и самосознания, цели деятельности и патриотический настрой. В своём бытии, человек ощущал себя участником грандиозного действа по преобразованию всего мироустройства в некое гармоническое, сопричастное человеку целое, создающее человеку безграничные возможности для развития. Отсюда эпичность переживания происходящих в мире событий, осознание своей миссионерской значимости в деле установления царства справедливости и равенства на Земле, оптимистическое умонастроение. Эта эпичность восприятия мира выражалась всей системой советской идеологии, науки и искусства. Приведём некоторые примеры из советской поэзии. «Встанет море звеня. Океаны за ним. Зашатает меня вместе с шаром земным» (Роберт Рождественский «Встанет море звеня...»). «Да, мы – камни в фундаментах ваших плотин. Ход истории точен и необратим. Но опять мы встаём из дымящихся лет, мы – живые как совесть. Простые как хлеб… Мы смеялись над богом! Сами были богами. И планета гудела у нас под ногами» (Роберт Рождественский, поэма «Письмо в тридцатый век»), «Его зарыли в шар земной, а был он лишь солдат, всего, друзья, солдат простой, без званий и наград. Ему как мавзолей земля, – на миллион веков, и Млечные Пути пылят вокруг него с боков…» (Сергей Орлов «Его зарыли в шар земной…»).

Восприятие времени и бытие во времени советского человека было весьма сложным. Советский человек пребывал как бы в двух временах: сакральном (идеальном) и профанном (обыденном). Сакральное время было определёно и обретено событиями Великой Октябрьской революции, ознаменовавшей переход от царства необходимости к царству свободы. Предшествующее Октябрьской революции время рассматривалось как ненастоящее, ущербное: например, вся домарксистская философия рассматривалась только как подготовительный этап для возникновения подлинно научной марксистской философии. Идеальное подлинное время воспроиз-

водилось различными ритуальными обрядовыми действиями: парадами, демонстрациями, партсобраниями, митингами и т.п. Профанное время трактовалось как время, в котором идеал вселенской гармонии ещё не присутствует в настоящем. Сюда можно отнести: классовое сопротивление врагов социалистического строительства, частнособственнические и индивидуалистические настроения, неорганизованность, бесхозяйственность, лень и нерадивость работников.

Советский человек также, пребывал синхронно во времени вечном (победа общественной собственности была уже осуществлена и не могла быть отменена), и в сиюминутном, преходящем настоящем (преодоление, сохраняющихся ещё при социализме, рудиментов прошлого). Однако, поскольку весь строй советского общества основывался на дуальном противопоставлении идеала и действительности, это вожделенное будущее, в принципе, *никогда не могло быть достигнутым.* Поэтому, советский человек, *никогда* не мог жить просто настоящим (в настоящем времени), подлинность его существования определялась тем, насколько действенно он своими усилиями приближал наступление идеального будущего. Человека советского общества можно было бы уподобить Ахиллесу из апории Зенона «Дихотомия», который, хотя и бежал изо всех сил, всё равно оставался застывшим на месте.

Человек советского общества не имел права критиковать советскую идеологию, быть хозяйственно самостоятельным, противопоставлять свои индивидуалистические интересы общественным. Поэтому, его универсальность, достижение им уровня всеобщности в советском обществе, осуществлялось в особой, отчужденной от него, предзаданной, окаменелой форме, в которой он должен был существовать, и которой должен был подчиниться.

Таким образом, подводя итог, можно сделать следующие выводы. «Статуарность» человека в советском обществе, как явление культуры, возникает из стремления претворить в жизнь идею Маркса о развитии труда до уровня универсальной деятельности, когда люди ставят под свой рациональный контроль материальные условия, опосредующие эту жизнедеятельность. Согласно теории, выполнение этой задачи требовало *преодоления экономического фактора* общественной жизни, *вообще:* товарного обмена, прибыли, рыночной конъюнктуры, и т.д. Возникла, таким образом, ситуация, когда экономика и все сферы жизни общества стали подчиняться идеалу универсального и всеобщего, как чего-то превосходящего в своей действительности будничную живую жизнь, в силу чего идеальное подчинило себе реальное, стало сверхреальным. От имени этого идеального и выступили партия и государство, которые посредством сакрализации и догматизации марксистского учения, присвоили себе властные полномочия на определение того, насколько повседневное бытие соответствует осуществлению коммунистического идеала. И уже в рамках советской культуры человек подчинил свою индивидуальную земную жизнь вечному

предназначению: обретению универсальной сущности в практике вселенского преобразования природы в единое с человеком гармоническое целое.

Библиографический список

1. Лосев, А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1993. – 959 с.
2. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1974. – Т. 42. – 535 с.
3. Маркс, К. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (первая глава «Немецкой идеологии») / К. Маркс, Ф. Энгельс // Избранные произведения. В 3 т. Т. 1. – М.: Политиздат, 1980. – 640 с.
4. Маркс, К. Экономические рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант «Капитала»). Ч. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1968. – Т. 46. Ч. 1. – 559 с.
5. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – М.: Политиздат, 1974. – 2-е изд. Т. 42. – 535 с.
6. Философия эпохи ранних буржуазных революций / Коллективная монография. – М.: Издательство «Наука», 1983. – 583 с.

К содержанию

УДК 141.32 + 17.022.1 + 316.37

ИЗ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТОВ В НИЦШЕАНЦЫ: ЭВОЛЮЦИЯ ИМПЕРАТИВА ГЕРОЯ СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Г.Ю. Квятковский

Автор анализирует изменения литературного героя экзистенциальной литературы, приходит к выводу о том, что литературный экзистенциализм существует в двух версиях: чистая экзистенциальная литература и симулированная экзистенциальная литература, действия героя которой и его картина мира могут быть прочитаны с позиций ницшеанства.

Ключевые слова: массовая литература, экзистенциализм, ницшеанство, императив, симулякр, рок-музыка, литературный герой.

Одним из философских направлений, привлекающих внимание широкой аудитории, является экзистенциализм во всех его проявлениях. Снова и снова появляются фильмы и книги, содержащие, по крайней мере, в описании «обращение автора к экзистенциальным проблемам», переиздаются

ставшие классикой экзистенциализма «Маленький принц», «Фиеста» и «На Западном фронте без перемен», актуализируются вечные смысложизненные проблемы – и в этом смысле экзистенциализм оказывается актуален. Следует отметить, что в плане академической философии экзистенциализм практически не обновляется, редкие научные статьи упоминают поздних представителей экзистенциализма, таких, как О.Ф. Болльнов, Н. Аббаньяно, И. Ялома, гораздо чаще всего цитируются работы Ж.-П. Сартра, К. Ясперса и А. Камю. И это заставляет задуматься, является ли экзистенциализм «живой» философией, или он уже образовал собственный канон, за пределы которого ему выйти не суждено, обозначил проблемы одного «потерянного» поколения и остается только пустышкой для всех последующих?

В свое время подобную судьбу предрекали марксизму – с падением СССР и переходом стран Варшавского договора от коммунистической идеологии к капиталистической – однако, время от времени появляются исследователи, которые, подобно Ленину, начинают полемику об учении Маркса, пытаются приспособить его взгляды к требованиям текущего политического момента и марксизм «...снова становится живой динамичной системой, где идут споры не очень вежливые, идут реальные дискуссии» [3]. В философии экзистенциализма подобных оживляющих дискуссий не наблюдается – ожесточенные дискуссии ведутся, главным образом, по трем вопросам: 1) является ли экзистенциализм философским направлением или литературным; 2) была ли создана экзистенциалистами своеобразная философия или они «…занимались полным надувательством» [1]; 3) был ли экзистенциализм искренним выражением свободного мятущегося духа или всего лишь попыткой «пощекотать нервы» себе и окружающим обращением к эмоционально сильным темам? Из-за отсутствия новых тем для дискуссий, на взгляд автора, можно констатировать упадок экзистенциальной философии, не случайно еще в 1955 г. О.Ф. Болльнов говорил о необходимости преодоления экзистенциализма и намечал пути выхода из него через поэзию (в частности, Р.-М. Рильке), и, возможно, это преодоление оказалось удачным.

Мы говорим лишь об упадке экзистенциальной философии, но не экзистенциальной проблематики в целом. Возможно, именно лакуны теоретического осмысления экзистенциальных проблем современности в философии заставляет обращаться к ним искусство и прикладные науки, например, психотерапию, и это выводит экзистенциализм за пределы собственно философии в художественную, научную и жизненную практику, хотя и необязательно обогащает экзистенциалистскую теорию.

Одной из сфер практического приложения экзистенциальной философии с самого ее возникновения была литература. В мировой литературе сложилась богатая традиция, основы которой были заложены Э. Хемин-

гуэем, Э.-М. Ремарком, А. Камю, Ж.-П. Сартром, А. де Сент-Экзюпери, получившая развитие и после Второй Мировой войны в американской и европейской литературе, правда, проблематика литературы экзистенциализма постепенно утрачивает значимость, которую она имела для «разбитого поколения». Уместно привести цитату, характеризующую роль экзистенциализма в литературе: «В конечном итоге французский экзистенциализм, родившийся в условиях войны и национальной катастрофы, стал той питательной средой, на почве которой выросло и воспитывалось целое поколение французских интеллектуалов, ставшее позднее участником протестных акций в мае 1968 г. Впоследствии влияние экзистенциализма как философского движения постепенно пошло на убыль, уступив место новым тенденциям, но вместе с тем экзистенциалистская проблематика, которая поставила в центр своих размышлений проблему внутреннего мира человека, его надежд и страхов перед лицом внешних вызовов, всегда будет созвучна массовой психологии современного общества с его ощущением “перманентного кризиса” и иррационализма современной политики» [5].

В отечественной литературе роль экзистенциализма исследована недостаточно, но в настоящий момент ясно, что сам факт существования экзистенциализма в русской литературе проблематичен. Существует точка зрения о том, что экзистенциализм в русской литературе не сложился как цельное направление, но отдельные черты экзистенциализма присутствуют в творчестве писателей, переживавших экзистенциальные ситуации – например, войну, тяжелую болезнь, заключение в тюрьмах и лагерях [11]. Следствием принятия такой позиции является соблазн записать в экзистенциалисты всех, кто писал о войне – если при этом объектом осмысления являлась жизнь человека, ее смысл, зависимость от случайных факторов, хотя сложно представить себе, что к экзистенциалистам могут быть отнесены такие произведения, как «Жизнь и судьба» В. Гроссмана или «Судьба человека» М. Шолохова. Вероятно, все же следует разделять собственно экзистенциалистскую литературу и литературу, обращающуюся к экзистенциальной тематике. Если к первой группе стоит относить именно корпус философских и художественных сочинений собственно экзистенциалистов, то для второй могут быть характерны «мотивы одиночества, отчуждения, духовного развития личности, как подлинного существования, а также мотивы обреченности, безнадежности, борьбы противоречий, тревоги и духовной тошноты» [10], но сами они не принадлежат к экзистенциалистам, и даже вышеприведенные мотивы могут рассматриваться в полемическом ключе, либо с принципиально иных позиций.

Безусловно, вторая группа произведений имеет лишь косвенное отношение к экзистенциалистам. При переносе академической философии на литературную почву неизбежно возникают искажения, упрощения и абстракции, характерные для самого метода художественного творчества, но в

нашем случае имеет место еще и опрощение проблематики, возникшее вследствие адаптации экзистенциализма к современным техническим средствам и интересам массовой аудитории. В результате мы имеем дело с симулированной версией экзистенциализма, представляющей интерес хотя бы тем, что в ней не в полной мере проявляются свойства симулякра, описанные Ж. Бодрийяром. Безусловно, в современной литературе, обращающейся к экзистенциальной тематике, имеют место «серийное производство» и «бесконечная репродуктивность» симулируемых сильных чувств в обстановке безнадежной борьбы, но в том же время эти произведения не могут быть признаны в полной мере эквивалентными, а также для них может быть характерна определенная аура, исчезновение которой при массовом копировании характерно для эпохи симулякров.

Симуляцию экзистенциализма облегчает и тот факт, что мы перемещаемся от крупных литературных жанров к малым. Конечно, чтобы изобразить весь массив экзистенциальных переживаний человека, потребуется не менее чем создание эпического романа. Но подобный эпический роман может быть образован не одним текстом, но совокупностью текстов, а иногда вдобавок к ним еще и авторским жизненным проектом. В конце концов, действительно, экзистенциальная проза А. Камю или театр Ж.-П. Сартра позволяли себе наметить глубину переживаний, не описывая их целиком, а для подобных наметок вполне достаточно малых литературных форм. Так, Н. Елисеев напоминает, что «экзистенциализм был с самого начала связан, сцеплен с бульварщиной… В его [А. Меринова] рассказах экзистенциальная проза возвращается к одному из своих “истоков” – к газетным, бульварным “ужастикам” начала века, к низкопробному грубому гиньолю» [2].

Ориентация на вкусы и интересы массовой аудитории играет злую шутку с самим принципом отнесения произведения к определенному жанру. Так, основанием для определения тематики произведения как экзистенциальной является не в последнюю очередь восприятие ее аудитории в качестве таковой. Массовая аудитория относит к экзистенциальным произведениям прозу В.С. Маканина и В.В. Ерофеева («Москва – Петушки»), авторскую песню Б.Ш. Окуджавы и В.С. Высоцкого, рок-поэзию В. Цоя и Шнура, практически любые фильмы на военную тематику, рок-музыку во всех ее проявлениях, политический акционизм в визуальных искусствах и так далее. Например, приводятся следующие основания для отнесения в сферу экзистенциализма рок-музыки: «Момент выбора миссии рок-музыканта всегда неразрывно связан с экзистенциальным поступком – с отказом от определённой жизненной перспективы: от полученной профессии, от стабильного места работы, от размеренного образа жизни, даже от своего привычного внешнего облика. Характерно, что выбор творчества осознавался рок-музыкантами как жизненное призвание, судьба, рок, от

которого невозможно уйти» [9]. Хотя все сказанное безусловно верно для отдельных случаев – действительно находились люди, рискнувшие работой, хорошими жизненными перспективами, разорвавшие привычный круг общения – генерализация указанного выбора позволяет любого рок-музыканта воспринимать как борца с некой абстрактной системой, даже если он элементарно не владеет навыками музыкального исполнительства и не нашел себя в других музыкальных жанрах.

Взяв для исследования русский литературный экзистенциализм в симулированной форме, зададимся вопросом: «Каков он?» Для ответа на него надо уделить внимание не столько текстам самих произведений, сколько восприятию и интерпретации этих текстов аудиторией. Среди авторов, относимых к экзистенциализму, но в то же время не высказывавших явно экзистенциалистских взглядов, по поводу текстов которых существует значительное количество интерпретаций, позволяющих сформулировать существенные черты симулякра, нами был выбран для исследования кейс В. Цоя. Лирический герой его текстов практически единогласно – с поправкой на обыденную терминологию массовой аудитории – признается экзистирующим, но в то же время, как это будет показано в выводе нашей работы, эта интерпретация имеет шанс оказаться как истинной, так и ложной. Итак, на указанном примере выделим существенные черты «экзистенциализма»:

- Герой находится в состоянии романтизируемого одиночества (возможно, искусственно созданного), проживает в воображаемом мире, противостоящем реальности окружающих («В. Цой и «Кино» уже не разворачивают линию социального противостояния, поэтика их ряда – это скорее портрет внутреннего ощущения и определенного поколенческого восприятия действительности… Хотя следует заметить, что на этом фоне, так или иначе, разворачивается энергия действия. Да, пожалуй, это и придавало романтизм происходящему: во всем этом была Энергетика Поступка. Контуры его были не ясны: конкретного рецепта тогда получить было невозможно, но интенция – импульс движения, если хотите, ответственность задавалась» [6]).
- Поступки и решения героя иррациональны и не могут быть интерпретированы рациональным образом («Истинное, искреннее творчество никогда не может быть проанализировано, «понято» умом. Скорее всего, оно должно быть прочувствовано» [8]).
- Амбивалентность сюжета, героев, мира, в котором они действуют («Более того, поражает лаконичность и в то же время многоплановость Цоевских текстов. Одну строку можно переосмысливать несколько раз, и в каждый раз по-новому» [8]).
- Окружающий мир является предметом аксиологической оценки, как правило, в полярных терминах без промежуточной стадии («В его воспри-

ятии мир был плох по сути своей, потому что “между землей и небом война”, а отдельные люди, режимы или эпохи лишь отражали этот изначальный дефект мироздания. В цоевском экзистенциализме крылась и грусть его последних вещей – нельзя быть счастливым в пространстве, где так много страданий. “И вроде жить – не тужить” можно, когда все хорошо у тебя лично, но если ты как творческая личность ощущаешь миллионы других судеб, то печаль не уйдет никогда» [12]).

- Ощущение смутного беспокойства, не находящее разрешения в действии («Можно считать примитивными строчки: “И вроде жив и здоров, и вроде жить – не тужить, так откуда взялась печаль?” – но не найти лучшего определения экзистенциализма, ключевого понятия русской культуры со времён Достоевского» [7]).
- Требование изменения мира – не обязательно своими силами, но для всех («Мы жаждали сами не зная чего, перемен не важно каких, хотели походить на Виктора Цоя, искали в себе героев, способных вскочить в седло и пришпорить время…» [4]).
- Необычность любых проявлений автора и лирического героя с точки массовой аудитории («Изображать Виктора Цоя просто человеком кажется даже кощунственным. Разве мог обычный смертный добиться столь необычайной популярности?» [13]).

В итоге мы видим, что от экзистенциализма в его симулированном варианте остается только внешняя сторона – при возможно полной замене императива действия. Герой чистого экзистенциализма требователен, прежде всего, к себе, его установка – удержаться от скатывания в абсурд и быть в ответе за свои решения (а также за «тех, кого он приручил»). Симулированный экзистенциализм обходит проблему ответственности стороной, он желает решить проблемы неопределенности существования, но не обязательно готов сделать это своими силами, либо требуя этого от других, либо оставаясь в том же неопределенном состоянии и делая его предметом особого культа. Его императив может быть определен как «пожелай мне удачи» (или «попробуй спеть вместе со мной, шагай рядом со мной»), что означает острое переживание риска существования с одновременной уверенностью, что желающий удачи уже сделал выбор и оказался на нужной стороне; те же, кто оказался на противоположной, особого внимания не заслуживают, их экзистенциальный выбор, возможно, еще впереди, а до тех пор «всем, кто ложится спать – спокойного сна».

И здесь мы наблюдаем особый парадокс симуляции экзистенциализма. Его герой, требующий прочтения с позиций экзистенциализма, с той же степенью вероятности может быть прочитан и как ницшеанский герой. Когда дело дойдет до действия, он не ограничится описанием своего неопределенного состояния и поисками смыслов собственной жизни, но распространит свои экзистенциальные поиски до масштабов общества или всего

человечества и потребует всеобщего участия в них, а отказавшихся определит в ранг обычных людей, «тех, кто ложится спать». Он ощущает себя не ответственным за собственную жизнь или жизнь тех, «кого он приручил», но носителем интуитивного откровения, явленного ему в пограничной ситуации. Общество, в котором он оказался, виновно – тем, что остальным такого откровения явлено не было, а поэтому у героя оказывается равно возможными два пути – отказ от явленного ему пути или мессианство и представление на «суд откровения» всех окружающих, как правило, этого суда не выдерживающих. В любом случае, можно говорить, что для такого героя все философские вопросы уже решены, и это тоже не должно представляться удивительным – поиски смысла слишком мучительны, чтобы выставлять их напоказ в массовой литературе.

Таким образом, можно утверждать, что русский литературный экзистенциализм существует в двух вариантах – чистая экзистенциальная литература и симулякр экзистенциализма, который в итоге закономерно вырождается в чистое ницшеанство, и причиной этого вырождения становится неравенство героя окружающим. С того момента, как попавший в пограничную ситуацию герой вернулся к жизни и осознал, что другие еще и не приступали к осознанию смысла жизни, его действия становятся близки действиям Сверхчеловека, очищающего мир от устаревших ценностей и их носителей.

Библиографический список

1. Ансен, А. Застольные беседы с Уистеном Оденом [Электронный ресурс] / А. Ансен // Сайт «Журнальный зал». – URL: http://magazines.russ.ru/vestnik/2002/7/ansen.html.

2. Елисеев, Н. Мыслить лучше всего в тупике: Кое-что об экзистенциальных мотивах в нашей литературе [Электронный ресурс] / Н. Елисеев // Сайт «Журнальный зал». – URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/12/eliseev.html.

3. Кагарлицкий, Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для изучения / Б.Ю. Кагарлицкий. – М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во ЭКСМО, 2006. – С. 51.

4. Пальшина, М. Фигуры памяти [Электронный ресурс] / М. Пальшина // Самиздат. – URL: http://samlib.ru/m/margo_pa/figurypamjati.shtml.

5. Полякова, Н.В. Французский экзистенциализм: политическая философия в условиях национальной катастрофы [Электронный ресурс] / Н.В. Полякова // Научная электронная библиотека «Киберленинка». – URL: http://goo.gl/pekQNN.

6. Попов, А. Гуманитарные карты новой страны [Электронный ресурс] / А. Попов // Сайт Владимира Кудрявцева. – URL: http://goo.gl/5cFgd4.

7. Рязанов, С. Четверть века с Цоем [Электронный ресурс] / С. Рязанов // Сайт газеты «Аргументы неделі». – URL: http://argumenti.ru/culture/n500/411379.

8. Свитыч, А. «Перемен!» – требуют наши сердца: «быть» vs. «иметь» в творчестве Виктора Цоя [Электронный ресурс] / А. Свитыч // «StyleDelo» – о людях для людей. – URL: http://www.goo.gl/NSXBv8.

9. Смирникова, Е.В. Экзистенциальные основания отечественного рок-андеграунда 1980-х годов [Электронный ресурс] / Е.В. Смирникова // Научная электронная библиотека «Киберленинка». – URL: http://goo.gl/ZBApY6.

10. Фаленкова, Е.В. Л.Н. Толстой как предшественник экзистенциализма [Электронный ресурс] / Е.В. Фаленкова // Научная электронная библиотека «Киберленинка». – URL: http://goo.gl/pBaxFI.

11. Шумбасова Е.В. Экзистенциализм и военная проза советского периода / Е.В. Шумбасова // Филологические науки в России и за рубежом: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2015 г.). – СПб.: Свое издательство, 2015. – С. 48–52.

12. Щербак-Жуков, А. Виктор Цой, каким он был и каким его воспринимали [Электронный ресурс] / А. Щербак-Жуков // Сайт «Независимая газета». – URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2016-07-21/1_glavnaya.html.

13. Ярдаева, М. Виктор Цой: кто будет петь, если все будут спать? [Электронный ресурс] / М. Ярдаева // Сайт «Журналистика Марины Ярдаевой». – URL: http://yardaeva.ru/content/262.html.

К содержанию

УДК 101.1 + 77.0
ББК Ч106.314 + Щ 160

ФОТОГРАФИЯ: ОТ КАМЕРЫ-ОБСКУРЫ ДО МЕДИАПРОСТРАНСТВА

И.Л. Куличков

В статье рассматривается художественная фотография как особый вид искусства, его специфика и особенности функционирования в современной культуре.

Ключевые слова: культура, искусство, фотография, медиапространство, творчество.

В изобретение и усовершенствование фотографии вложен труд учёных и конструкторов многих стран и поколений. Ещё Аристотелю было известно, что луч Солнца, проходя сквозь небольшое отверстие в тёмное помещение, оставляет на плоскости световой рисунок предметов внешнего мира. В эпоху Возрождения идея прибора, с помощью которого можно было бы получать изображения, привлекала внимание Леонардо да Винчи.

Современная техника расширила изобразительные возможности фотографии. Фотоаппаратуре подвластны огромные скорости: полёт самолёта, гонки «Формулы 1», стремительные спуски горнолыжников и т.д. Нынешнему фотографу удаётся увидеть самому и удачно донести до зрителей эс-

тетику сиюминутных ситуаций. Техника открыла человеку то, что раньше его глазу было просто недоступно. Примером тому является макросъёмка – съёмка мельчайших живых организмов в естественной среде их обитания. Развитие фотографической техники вызвало к жизни новые виды и жанры фотографии: репортаж, стрит и тревел фото, спортивная съёмка, съёмка в космосе, фотография в науке и др.

Связь фотографии с научно-техническими достижениями несомненна, но не препятствует ли это её претензиям на статус искусства? Думается, что утверждение о том, что фотография искусством не является, поскольку использует технические средства, малоубедительно. Можно ли представить художника без мольберта, пианиста без фортепиано, театральный спектакль или кино без использования соответствующей техники. Какая бы техника не использовалась, сама по себе она произведений искусства не создаёт. Делать машиной и делать при помощи машины – не одно и то же. Сказанное относится и к фотографии. Ещё ни одному конструктору не удалось изобрести особую кнопочку на фотоаппарате с надписью «шедевр». Владение основами фотографического мастерства, умение грамотно обращаться с аппаратурой является необходимым, но всё же недостаточным условием для получения положительного результата.

Впрочем, незнание основ обращения с фототехникой, неумение грамотно выставить экспозицию, подобрать выдержку, диафрагму и т.д. отсутствие положительного результата гарантирует, несомненно. Наличие таланта не отменяет необходимости специальных знаний, умений и навыков.

С самого начала своего существования фотография обнаружила своеобразный дуализм. С одной стороны, она стала инструментом для фиксации видимого мира. С другой стороны – способом самовыражения творческих сил человека, стремлением выразить свою индивидуальность.

Основатели фотографии шли двумя путями. Ньепс относился к ней как к способу документального тиражирования изображений, а Даггер, напротив, свои фотоизображения создавал в духе живописных произведений. Современная фотография развивается по этим же направлениям, тяготея либо к документальности, либо к художественности.

Нехудожественная фотография, к которой относятся фотохроника, фото на документ, криминалистическое фото и т.д., выполняет, прежде всего, информационную функцию. Для неё важны протокольная точность и достоверность. Фотографический процесс сводится к фиксации факта. Индивидуальность автора в таком снимке, как правило, не обнаруживается. Выдающийся представитель отечественной эстетики М.С. Каган писал: «Документальный снимок реализует определённую установку фотографа – установку на предельную объективность изображения, на максимальное отключение какого-либо субъективного преломления объекта; это значит,

что художественность в подобных случаях не только излишня, но способна помешать получению объективной и строго документальной информации» [1].

Художественная фотография как «техническая муза» возникла в XX веке, когда появились чувствительные фотографические материалы и фотоаппараты, позволившие делать моментальные снимки. Благодаря своим игровым возможностям, способностью к художественному обобщению, к раскрытию сущности изображаемых событий и состояний, уникальной способности к достоверности и подлинности фотография во всём её жанровом многообразии стала полноправным членом семьи искусств, заняв достойное место в художественной культуре общества.

Сам фотограф из изобретателя технических курьёзов превратился в художника, для которого фотография стала искусством самовыражения, что ещё с микеланджеловских времён считалось главным признаком, отличающим искусство от многих других видов деятельности.

Художественной фотографии абсолютно чуждо бесстрастно-зеркальное воспроизведение объекта. Она фиксирует те сцены, которые сознательно избираются или создаются фотографом для воплощения художественного замысла. Её создание предполагает режиссуру, построение композиции, выбор нужного момента, ракурса, перспективы, освещения. При соблюдении этих условий фотоснимок может стать источником красоты и гармонии, доставить человеку чувство эстетического наслаждения.

В художественной фотографии раскрывается творческий потенциал фотографа, его мировоззрение, субъективная оценка окружающего мира. Личностное начало проявляется в выборе темы и решающего момента, в отношении автора к изображаемому явлению.

Перечисленные признаки в большей или меньшей степени присущи всем видам изобразительных искусств, включая и «дофотографические». Специфика же фотографии как визуального искусства проявляется в двух коренных моментах. Во-первых, в её документальности, достоверности. Признанный мастер фотографии Ансел Адамс отмечал, что не каждый верит живописи, но каждый верит фотографии. Документальность оказалась тем качеством, которое в полном объёме проникло в художественную культуру именно с изобретением фотографии. Во-вторых, фотография обладает исключительной способностью увековечивать мгновенье. Создаваемый фотографическими средствами образ в застывшем изображении воплощает наиболее существенные моменты действительности.

Как и любой другой вид искусства, фотография обладает особым способом отражения действительности, который принято называть художественным образом. Выявляя его специфику, представители эстетической науки вспоминают Аристотеля, заявлявшего, что в отличие от научного понятия, где фиксируются общие и существенные свойства предмета, ху-

дожественный образ раскрывает общее через единичное, типичное через индивидуальное, закономерное через случайное. Для отбора существенного в отображаемой ситуации фотография обладает своим набором технических средств и приёмов. Например, телеобъективы позволяют «вырезать» из предметного мира то, что заинтересовало автора и показалось ему наиболее важным и типичным. Фактически даже саму рамку видоискателя можно считать инструментом, с помощью которого фотограф ограничивает пространство, выделяет нужное и главное из массы второстепенного. Важно только помнить об одной фотографической опасности. Выхватывая какую-либо деталь из общего контекста, отделяя её от того, что кажется лишним можно утратить связь данного предмета с другими. «Лишнее» может на деле оказаться важным для целостного восприятия сцены. В результате главное, будучи изолированным от остального предметного мира, перестаёт быть главным и становится обыкновенным Сегодня, когда кадрирование, обрезка стала обязательной технологией, не следует всё же забывать и о ценности «лишних» деталей. Подчас именно это «лишнее» и делает данную фотографию произведением искусства.

Современная эстетика выделяет в художественном образе единство эмоциональных и рациональных компонентов. Любой художник стремится донести до зрителя ту или иную мысль. Но, как утверждали ещё Гегель и Белинский, у настоящего художника мысль всегда сливается с эмоциями, с переживанием. Фотография исключением не является. Эмоциональный момент важен не только при создании, но при восприятии готовой фотографии. Если фотоснимок оставляет зрителя равнодушным, то никакие логические аргументы восторга не вызовут. В силу своей эмоциональной природы эстетическое суждение можно отвергнуть, но его нельзя опровергнуть.

Рассуждая о специфике художественного образа в фотографии важно помнить, что сам по себе окружающий мир не обладает врождёнными эстетическими свойствами. Для возникновения эстетического необходима «нить», связывающая фотографа со средой. Это – его мастерство.

Во времена плёночных «Фэдов», «Зорких», «Зенитов» получение качественной картинки было делом весьма сложным, требующим соответствующих знаний и умений. Сегодня в век цифры и интеллектуальных микропроцессоров такие задачи как подбор необходимой выдержки, диафрагмы, светочувствительности решаются самим фотоаппаратом, что позволяет человеку сосредоточиться на художественной стороне дела. Однако выясняется, что никаких формальных алгоритмов, обеспечивающих успех, не существует. Каждому увлечённому фотографией знакомы правила композиции: «золотое сечение», известное, как правило, одной трети, правило расположение линии горизонта в кадре, правило нечётного числа и т.д. Однако даже самое тщательное их соблюдение не сделают снимок произ-

ведением искусства. Не случайно, добившиеся признания фотохудожники шутят, что правила существуют лишь для того, чтобы их нарушать.

Некоторые современные фотоаппараты сами «решают», какой кадр лучше, но следует помнить, что это «лучше», конечно же, с точки зрения чисто технических требований инженеров-конструкторов, которые проектировали их. Заменить собой человеческую индивидуальность электронная начинка даже самого современного фотоаппарата не в состоянии. Не случайно профессионалы подчёркивают, что фотографирует не аппарат, а человек.

Художественность фотографии рождается на стыке объективного и субъективного. Если верх берёт объективное, то получается натуралистическое копирование действительности. Без субъективного взгляда на мир и умения передать это видение зрителям фотографии как искусства не бывает. Творчески самостоятельный фотограф находит необычный ракурс, точку съёмки, в нужную секунду останавливает мгновение. Выбирая те или иные пространственные характеристики, он создаёт иллюзию раздвинутого или замкнутого пространства. Порой ему приходится размещать предметы в необходимом порядке, придавать людям определённые позы, работать с профессиональными натурщиками. Возможно, в таких случаях слово «объектив» уместнее было бы заменить словом «субъектив».

До недавнего времени фотография была, пожалуй, единственным видом искусства, который изображал действительность такой, какая она есть. Развитие компьютерных технологий, появление графических редакторов в виде фотошопа, лайтрума и других дало возможность манипулировать изображением. Новейшие технологии предоставили человеку мощные рычаги контроля над прошлым и настоящим. Более важным становится не то, что было на самом деле, а то, как событие изображено на фотобумаге или экране цифрового устройства. С учётом этого обстоятельства сегодняшнюю фотографию как никогда ранее нельзя воспринимать в качестве простой копии отображаемой действительности. Объективное и субъективное начало в ней связаны сегодня не только эстетически, но и технологически. Показательно в этом плане появление целого направления так называемой субъективистской или концептуальной фотографии. Её язык каждым художником изобретается заново. Он практически не формализован, основан на игре подсознания и ассоциациях.

Изучая любой вид искусства необходимо проследить процесс его реального функционирования в социуме, то есть понять то, ради чего оно, собственно и возникло. Фотография исключением не является. Прежде всего, ей присуща коммуникативная функция. При помощи искусства фотографии можно донести до зрителя такую информацию, которая непередаваема через какую-либо другую систему знаков. Эмоциональная насыщенность фотографического образа делает искусство фотографии подлин-

но интернациональным, выступающим в качестве эффективного средства общения людей. Присуща фотографии и познавательная функция. Отправляясь на выставку фоторабот, человек не ставит перед собой цель познавать мир. Тем не менее, общение с искусством позволяет ему выйти за рамки собственного индивидуального опыта, узнать и прочувствовать то, чего в его жизни возможно и не было.

Искусство фотографии становится инструментом самопознания личности. Работы выдающихся фотохудожников способны передавать сложнейшие нюансы человеческой психики, позволяют зрителю понять самого себя, свои собственные интимные душевные переживания. Огромны воспитательные возможности фотографии. Будучи произведением искусства, художественная фотография обращается к чувствам и мыслям человека, воздействует на его мировоззрение, формирует ценностное отношение к миру. Соглашаясь с точкой зрения М.С. Кагана о том, что воспитательную функцию искусства не следует понимать как дидактику, проповедь, поучение, наставление, следует всё же отметить способность подчас эстетически безупречных произведений формировать в человеке как положительные, так и отрицательные качества. Не случайно законами дореволюционной России запрещалось копировать портреты политических преступников или снимать «соблазнительные» сцены. Воспитательные возможности фотографии широко используются властями в политико-пропагандистских целях. Например, в изображениях лидеров государств неприятная очевидность затушёвывается и заменяется картинкой, выдающей желаемое за действительное. Достаточно вспомнить изображения вождей из нашей отечественной истории. Говоря фотографическим языком, массовому обывателю навязывались, изготовленные руками опытных постановщиков канонизированные портреты, где лидеры государства выступали в качестве фотомоделей.

Не менее важна и функция самореализации личности, в значительной мере опирающаяся на доступность для многих желающих самой передовой фототехники XXI века. Присуща фотографии и оценочная функция. Решая вопрос о том, как должен выглядеть снимок, предпочитая один вариант другому, фотограф даёт визуальную оценку объекту. Любой предмет действительности, на который мастер направляет объектив своей камеры, выступает как одухотворённый, социально-значимый, как ценность. Информацию об общественной ценности тех или иных явлений природы и социума искусство фотографии стремится донести до своего зрителя.

Культуру современного мира трудно представить без фотографии. Можно с уверенностью утверждать, что сегодняшняя фотография не только отражает действительность, но и конструирует её. Фотомодель создаёт желанный образ и образец женщины мечты, которому стремятся подражать. Пластический хирург «подгоняет» пациента под фотоизображение.

Фотографический материал заменяет людям их реальное участие в военных или политических событиях. Думается, что специальный анализ этого крайне интересного социокультурного феномена в современной общественной жизни ещё ждёт своего вдумчивого исследователя.

Сегодня всё более актуальным в сообществе фотолюбителей и профессионалов становится вопрос о будущем фотографии, её взаимодействии со зрителем. На протяжении многих лет в нашей стране проводились исследования телевизионной аудитории, кинозрителей, слушателей музыки. Автором данной статьи изучалась публика театра [2]. В ряде публикаций проанализированы вкусы и предпочтения людей, изучены механизмы взаимного влияния искусства и его потребителей, выявлены социально-демографические и психологические параметры той части населения, которую можно назвать публикой данного вида искусства. Но если функционирование классических видов искусства в рамках данного социума в определённой мере исследовано, то будущее фотографии вызывает неоднозначные мнения.

В современном мире при всей популярности фотографии наблюдается также и процесс минимизации потребности в некоторых её жанрах. Востребованными остаются фотожурналистика, научная фотография, рекламная, свадебная, криминалистическая, фото на документы. Сложнее найти свою аудиторию фотографии художественной. Дело не только в том, что стремительно меняются представления людей о прекрасном, что актуальные ещё вчера сюжеты, сегодня перестают быть таковыми. На развитие фотографии огромное влияние оказывает технический прогресс и ставшее частью современной культурной среды медиапространство. Ещё сравнительно недавно основными каналами общения человека с искусством фотографии были художественные выставки, размещение фотографий на стенах квартир или учреждений, печатные издания, выполненные, как правило, на высоком полиграфическом уровне и, наконец, коллекционирование фотографий в домашних альбомах. Сегодня фотография перемещается в социальные сети, где она в первую очередь становится фактором общения различных групп людей.

В своё время при изучении театрального процесса мне пришлось разделить понятия «публики спектакля» и «публики театра». Публикой театра обозначалась совокупность людей, устойчиво ориентирующихся на театр и являющихся его потенциальными посетителями. Публикой спектакля были названы те, кто попал на конкретный спектакль в силу подчас случайных обстоятельств. Смысл выделения понятия «публика театра» заключался в том, что оно являлось своеобразным показателем театральной культуры в данном регионе. Несомненно, город, имевший стабильную публику театра, следовало считать «театральным» и наоборот.

По существу данный подход можно применить и при анализе фотографического процесса. В пространстве современного интернета имеется огромное число всевозможных сайтов, посвящённых искусству фотографии, размещаются разнообразные видеоматериалы, связанные с техникой съёмки и обработки фотографий, активно действуют форумы, позволяющие любителям фотографии высказаться по той или иной проблеме фотоискусства. Вокруг них объединяется значительное число любителей фотографии и просто желающих заполнить свободное время.

В целом отмеченные явления можно было бы считать положительными. Действительно, входя в интернет, фотолюбитель получает возможность найти людей с совпадающими интересами, расширить круг знакомств. Он может заявить о себе, продемонстрировать достигнутый уровень фотографического мастерства, получить общение, которого в реальной жизни подчас не хватает. Однако количество выложенных в интернете фотографий не означает наличие у них высокого качества. Невостребованные талантливые мастера художественной фотографии в поиске своего зрителя вынуждены выставлять свои работы в интернете, где они нередко тонут в море фотокарточек типа «здесь я был», «мой кот» и т.д. При этом не фотографические шедевры, а бытовые банальные снимки подчас набирают наибольшее количество «лайков».

Ситуация осложняется и усовершенствованием смартфонов, позволяющих получать снимки относительно приемлемого качества, которые по воле их владельцев тут же попадают в интернет. Когда-то на смену виниловым пластинкам пришли компакт диски, CD карты, флешки и т.д. Проигрывая «винилу» в качественной передаче звука, они победили его удобством бытового использовании. Нечто подобное может произойти и с художественной фотографией. Остаётся надежда, что интернет как канал массовой культуры даст возможность и талантам найти новые формы контакта с публикой, продемонстрировать, индивидуальное мастерство, доказать, что и в эпоху господства автоматики «ручная» уникальная работа будет несопоставимо интереснее, чем фотографическая массовка.

В своё время А.В. Луначарский, говоря о фотографии, высказал мысль о том, что в будущем её станут изучать, как сегодня изучают правописание. С учётом современных социокультурных реалий это время уже наступило.

Библиографический список

1. Каган, М.С. «Эстетика и художественная фотография» / М.С. Каган // Советское фото. – 1968. – № 3. – С. 29.

2. Куличков, И.Л. О понятии «театральная публика» / И.Л. Куличков // Исследование и планирование развития духовной культуры трудящихся Урала. – Свердловск: Издательство УНЦ АН СССР, 1975. – С. 137–146.

3. Куличков, И.Л. Театр и публика (ориентации в сфере театрального искусства) / И.Л. Куличков // Социологические проблемы художественной культуры. – Свердловск: Изд-во УНЦ АН СССР, 1976. – С. 75–85.

К содержанию

УДК 130.2 + 165.74
ББК Ю3 (7США)6-679

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ПРАГМАТИСТСКОГО АНАЛИЗА

А.А. Устьянцев

Основы концептуального аппарата философии прагматизма были сформулированы американскими философами Ч. Пирсом, У. Джеймсом, Дж. Дьюи и Дж. Мидом в конце XIX – начале XX веков. Прагматисты ставят в центр философского и научного анализа проблему человека и изучение различных антропологических концепций. Рассмотрение американского прагматизма и неопрагматизма способствует возобновлению в новых исторических условиях начала XXI века сравнительного анализа американской и русской мыслительных традиций. Философско-антропологический анализ прагматизма позволяет поставить вопрос о том, сводима ли в принципе особенность субъективного Я к набору функционально-теоретических установок; и может ли быть критерием полноты человеческого бытия категория «эффективности»; не оборачивается ли выступление против классического онтологизма фатальным упрощением понимания социальной природы человека?

Ключевые слова: прагматизм, американская философия, человеческое бытие, индивид, социум.

Философия американского прагматизма раскрывает проблему человека на основе обращения к анализу взаимодействия индивида и социума. Данный подход становится значимым в свете изучения проблем человека как субъекта (социального действия, культуры и т.п.) и его субъектного потенциала с учетом изменившейся коммуникативной ситуации. Именно ориентация на праксис и претензия на полезность со стороны классиков прагматизма делают необходимым рассмотрение эффективности их рекомендаций по отношению к социальной жизни, так как в современный период раздаются призывы к адаптации западных (чаще всего, американских) схем социального бытия, системы ценностей и стереотипов поведения.

Рассмотрение американского прагматизма может помочь пониманию эволюции современного неопрагматизма, насколько реалистичны перспективы наступления «культуры нарратива» (Р. Рорти) и не является ли нарочитая внеметафизичность этого стиля философствования лишь разновидностью метафизического мышления.

Понимание человека и общества американскими прагматистами представляется внеметафизическим подходом к решению социальных проблем. Индивид, в рамках прагматического подхода к действительности, призван осуществлять свою деятельность, связанную с процессами целеполагания без отсылки к Абсолюту, без ориентации на предписания, которые исходят от последнего в рамках традиционных философских систем.

Комплексный анализ общетеоретических воззрений таких прагматистов, как У. Джемса и Д. Дьюи позволяет утверждать, что американское концептуальное сознание, по существу, является одним из вариантов развития той тенденции, которая пришла на смену европейскому метафизическому мышлению и может быть обозначена как онтологический редукционизм.

Это явление стало закономерным результатом развития тенденций обмирщения западноевропейского средневекового сознания. С другой стороны американский прагматизм можно назвать продуктом американского образа жизни. По проблемам человека это ощущается особенно остро. Здесь возникает вопрос: насколько это специфически американское понимание человека как субъекта социального действия может быть применимо, адаптировано к иным социокультурным ситуациям, к иным культурно-историческим парадигмам? Насколько универсален тот опыт в понимании человека, который предлагают классики американского прагматизма и неопрагматизма?

Успех экономического развития во второй половине XIX века определил непоколебимую уверенность американцев в правоте их жизненных принципов и теоретическое выражение этих принципов. Американский прагматист XX века Сидней Хук замечает, что у американцев «предпочтение отдается не столь дедуктивным принципам Декарта, сколь миссурийскому доводу, который сводится в его общеупотребительной форме к выражению: ты мне не рассказывай, а покажи! Его нужно считать, собственно говоря, не столько доводом, сколько правилом, требующим наглядных доказательств, и методом оценки фантастических обещаний и грандиозных отвлеченностей. Согласно ему все обещания и провозглашения доктрин расцениваются по действиям, ими вызванным, действия же – по результатам, к которым они приводят на практике. Таким образом, упор делается на то, что выполнено, а не на то, что обещано, и поступки человека считаются теперь лучшим мерилом его поведения в будущем, чем медоточивые речи» [1, с. 27].

С еще большей определенностью высказался американский историк прагматизма Г.С. Коммаджер: «Теории и спекуляции смущали американца и он избегал абстрактных философий, как здоровый человек избегает врачей... Философия, выходящая за пределы здравого смысла, была вне его интереса, и он безжалостно преобразовывал самую абстрактную метафизику в практическую этику» [2]. Прагматизму как бесхитростной философии простого и скромного человека он дает такую красноречивую характеристику: «Практический, демократический, индивидуалистический, благоприятствующий и многообещающий прагматизм был, как нельзя лучше приспособлен к характеристике среднего американца. Он расчистил джунгли теологии, метафизики и детерминизма и позволил солнцу здравого смысла оживить американский дух… Неудивительно, что, несмотря на град брани со стороны маститых философов, прагматизм получил популярность, и стал почти официальной философией Америки. Американцам он представлялся здравым смыслом любого вопроса» [2, с. 97].

В современном оживлении интереса к прагматизму у американских историков сквозят ностальгические нотки об «американском духе» и его философском воплощении. Американский историк прагматизма Д. Холлинджер сетует, что прагматизм свели к теории значения и истины и соотносят не с американской историей, а с западноевропейской историко-философской традицией решения указанных проблем. Он характеризует прагматизм уже не как житейскую философию «простого и скромного», а как здравый смысл интеллектуалов, у которых прагматизм «понимался как элементарная философия жизни, обеспечивающая связную ориентацию по отношению к той сущности, которую интеллектуалы называют наукой». Популярность прагматизма Холлинджер объясняет тем, «что ответы прагматизма на философские вопросы… были оформлены в философию в широком эмерсоновском смысле, в философию, которая была приравнена к жизнеспособной ориентации на науку». В прагматизме он выделяет три взаимопроникающих слоя: «теория значения и истины, являющаяся знаменем движения; набор утверждений и надежд об основах культуры в эпоху науки; и круг общих представлений стереотипной американской жизни». Первый слой представляет прагматизм как гносеологическую концепцию, второй – как социальную философию, с точки зрения третьего, прагматизм является житейской философией «предоставляющей небольшие, но гибкие советы приспособления к изменяющемуся миру».

Проблему человека и его деятельности Холлинджер относит к пониманию прагматизма во втором смысле, в котором тот « усиливает определенность наименее опровергаемых и наиболее обеспечивающих безопасность идеалов американской культуры». Человеческое действие относится им к одному из таких идеалов. Не объясняя существа данного идеала, он лишь указывает, что «фактом преодоления разрыва между мышлением и действованием, прагматизм везде, где имеет место выбор, отдает предпочтение

действию перед пассивностью». Подобным расплывчатым определением Холлинджер ограничивает описание интеллектуального идеала большинства янки», которому, как он утверждает, присущи следующие свойства: «волюнтаризм, практичность, морализм, релятивизм, взгляд, ориентированный в будущее, предпочтение действию перед созерцанием», которые были «скрыты в недрах американской культуры. Оставались безмолвны и безвестны, пока не были развиты поколение интеллектуалов, нанятых наукой». Само развитие этих идей стало возможно лишь благодаря их «представлению на особом языке, а поскольку этот язык был разработан и доведен до широкой публики интеллектуалами конца XIX-начала XX веков, то именно в рассуждениях этих интеллектуалов прагматизм и возникает в качестве философской концепции» [3, с. 104–107].

Можно сделать вывод, что обращение к проблеме человека и его деятельности не было в прагматизме случайным, а находится в центре всех философских построений и лейтмотивом философского дискурса. Характер решения данной проблемы определялся той социально-экономической основой, интересы которой он был призван выразить. К американской нации конца XIX века можно применить слова, которыми К. Маркс характеризует французскую нацию середины того же века: «Парцелла, крестьянин, семья; рядом другая парцелла, другой крестьянин, другая семья. Кучка этих единиц образует деревню, а кучка деревень – департамент. Таким образом, громадная масса французской нации образуется простым сложением одноименных величин, вроде того, как мешок картофелин образуют мешок с картофелем» [4, с. 207]. В этой ситуации господствующей оказывается единичная форма практики и, даже при достижении производством всеобщей товарной формы, агенты такой всеобщей практики выполняют частичные функции в рамках такой практики. Единичной форме практики соответствует и интерес в единичной форме. Такому интересу соответствует сознание, отличающееся ситуативностью, непосредственной включенностью в практическую деятельность.

При подобном подходе понятие человеческой деятельности лишается всеобщности, принимая единичную форму конкретного действия. Субъект действия в прагматизме это субъект частного интереса, который представляет собой отдельно взятого индивида в непосредственной действительности индивидуального опыта, и даже когда прагматисты берут совокупность индивидов («сообщество»), то это есть лишь их сумма, коллективный субъективизм.

Такое понимание субъекта деятельности сводит многообразие деятельностного отношения человека к миру к ценностно-ориентационному, а в случае узкопрактического истолкования субъекта деятельности – к утилитарно-оценочному отношению. Именно такое истолкование субъекта деятельности и определяет специфику и направленность решения традиционных проблем человека в прагматизме.

Библиографический список

1. Хук, С. Американская философия сегодня / С. Хук // Америка. – 1962. – № 68. – С. 27–30.
2. Commager, H.S. The American Mind. An Interpretation American Thought and Caracter since 1880. – New Haven, 1959. – 476 p.
3. Hollindger, D.A. The Problem of Pragmatism in American History // Journal of American History. – Bloomington. – 1980. – Vol.67. – № 1. – Pp. 88–107.
4. Маркс, К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. Соч. – Т. 8. – С. 115–217.

К содержанию

УДК 13 + 130.1

ЧЕЛОВЕК-БРЕНД: ТРАНСЛЯЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЖИЗНЕННОГО ОПЫТА И ЕГО МИФОЛОГИЗАЦИЯ

Е.Г. Миляева

В статье с точки зрения философской антропологии рассматриваются основные характеристики такого феномена как человек-бренд. Особое внимание уделяется репрезентации уникального опыта и жизненного пути, специфики их мифологизации, Приводится рекомендация по реализации проекта человека-бренда на Южном Урале.

Ключевые слова: человек-бренд, философская антропология, жизненный опыт, Другой, мифологизация, индивидуальность, идентичность, общество потребления, Южный Урал.

Современная социокультурная ситуация заставляет исследователей переосмыслить реальную повседневную жизнь человека в различных ее аспектах. Одним из наиболее интересных феноменов современной культуры, сформированной на основе доминаты потребления и обмена информацией, является бренд.

Бренд как обладающий символической природой устойчивый конструкт, заключающий в себе набор смыслов, может быть рассмотрен с точки зрения своеобразного ценностного ориентира и регулятора в процессе осуществления человеком потребленческих практик, как материальных, так и духовных. Наивно было бы полагать, что люди не могут являться брендами и поэтому возникает вопрос о специфике человека-бренда не только с позиции прикладных наук, например, маркетинга, но и в фокусе философской антропологии.

Индивиду для нормального существования необходимы какие-либо конкретные ориентиры, то, чему он следует, на что опирается в своей жизни. Общественные идеалы усваиваются личностью и в качестве «моделей должного», начинают побуждать ее к активности, в процессе которой происходит их предметное воплощение; предметно же воплощенные ценности, в свою очередь, становятся основой для формулирования общественных идеалов, и далее – по бесконечной спирали. Несомненно, в современном обществе основным содержанием жизни, жизненной средой является потребление. Все, что человек экстраполирует во внешний мир обусловлено культурой, в которой определено *что* и *как* может быть репрезентировано. Тогда человек сможет определиться со своей идентичностью. Но для того чтобы произошел процесс идентификации, нужен Другой. Неудачные образцы этих «других» представлены сейчас современным шоу-бизнесом (в том числе и политикой), когда из-под профессионально созданного, но все же совершенно неживого, картонного имиджа вырывается настоящая человеческая сущность, не помещающаяся в рамки бизнес-плана.

Человек-бренд является чувственно-сверхчувственным объектом. Чувственно он воспринимается как конкретный индивид, как личность со всеми своими конкретными характеристиками, достоинствами и недостатками. Но при этом за ним стоит то, что само по себе не существует иначе, как только в нашем сознании. А вот посредством человека, конкретного лица это нечто становится данным, объективируется.

Сущность человека-бренда заключается в том, что он является не только образцом и моделью для подражания (то есть тем Другим относительно которого человек может себя идентифицировать), но и олицетворяет собой идеал, мечту, ценность, однако при этом не теряет собственную человеческую уникальность, не обезличивается. Например, Юрий Гагарин – это конкретный человек, но в тоже время и знак покорения человечеством космоса. Карл Маркс – конкретный человек, но для «буржуазного» мира – это «призрак коммунизма». Или Лев Толстой и Махатма Ганди – тоже конкретные люди, но при этом в них объективируется такой моральный принцип, как ненасилие.

Появление феномена человек-бренд детерминировано ориентацией западноевропейской цивилизации на приоритеты свободы личности и абсолютной самореализации человека, которые стали основой новых форм отношений в экономической сфере, в которых происходит постепенный поворот от господства «логики вещей» к логике реальных человеческих взаимоотношений, от массовых и обезличенных товаров к товарам, воплощающим индивидуальность, как производителя, так и потребителя [1]. Важнейшей составляющей человека-бренда, на наш взгляд, является не маркетинговая характеристика, а неповторимая совокупность личностных качеств, которая позволяет человеку самореализоваться в широком мас-

штабе в любой сфере человеческой деятельности. В индивидуальном опыте человека-бренда сочетаются как индивидуальное, так и общезначимое, что позволяет ему выступать в качестве идентификатора для других людей, при этом, не теряя человеческой уникальности и не обезличиваясь. Изучение индивидуального опыта людей, воплотивших своей собственной жизни ценностные ориентиры своего времени, одновременно и определяя их для современников и будущих поколений, может выступать самостоятельным объектом философской рефлексии.

Трансляция индивидуального опыта человека бренда осуществляется путем представления его жизненного пути и, конечно, в процессе такой репрезентации происходит мифологизация биографии реального человека. Жизненный путь человека-бренда репрезентируется с помощью как автобиографических произведений, а также многочисленных биографии, документальных и художественных фильмов, интервью и других средств, представляющих собой совокупность достижений современных средств массовой коммуникации. Необходимо заменить, что, несомненно, в такой репрезентации скрывается и значительная коммерческая составляющая. Например, создателю Apple Стиву Джобсу на данный момент посвящено десять биографических книг, шесть документальных фильмов, три художественных фильма, и даже один спектакль, а количество портретов и высказываний самого Джобса, размещенных на страничках пользователей социальных сетей, на футболках и кружках, совмещенных с «надкусанным яблоком» – логотипом Apple, не поддается никакому счету.

В процессе такой репрезентации биографии реально существовавшего человека произошла мифологизация отдельных событий и отношений, которые случались в его жизни. Например, история о том, как Джобс, сделав предложение руки и сердца своей единственной жене, так ушел в работу над делом своей жизни, что просто забыл об этом, или же сложные коммерческие и производственные отношения с партнерами по бизнесу, которые приведут к увольнению его из фирмы Apple, о чем Джобс будет говорить как о самом счастливом случае в своей жизни, освободившем ему время для творческих поисков и воплощения новаторских решений. В итоге, в сознании людей сложилось представление о Стиве Джобсе как о техническом гении и креативном новаторе, не просто идущим в ногу со временем, а опережающим его на шаг, и за ним, стремясь повторить его жизненный путь и несомненный успех, уже следуют многие молодые люди, стремящиеся достигнуть наиболее широкого признания не только в сфере науки и техники, но и в культуре в целом.

Конечно, процесс мифологизации человека-бренда соответствует высказанному знаменитым отечественным мыслителем А.Ф. Лосевым определению мифа, который «есть данная в словах чудесная личностная история»

[3]. В такой интерпретации чудо случается, когда идея цельно и наиболее полно воплощается в истории, когда замысел совпадает с реализацией.

В настоящее время в Челябинской области проводится огромная работа по поиску и созданию бренда региона. Многочисленные рекламные и пиар-агентства часто организуют различные мероприятия, например, «Бренды Южного Урала», и пытаются воплотить свои идеи бренднейминга в области производства товаров и услуг региона, постоянно упоминая известных южноуральских политиков, бизнесменов, деятелей культуры, спортсменов в качестве людей-брендов. Но можно ли говорить о том, что в настоящее время в социокультурной ситуации региона такой феномен, как человек-бренд, существует и раскрывает весь свой потенциал?

По ряду значимых признаков «человек-бренд» отличается от «известного человека», «знаковой фигуры», «символа эпохи» и т.д. В человеке-бренде представлены как некоторые существенные признаки бренда вообще в их применении к «человеческому измерению» этого феномена. Это такие признаки, как: респектабельность, репрезентация определенной жизненной репутации и жизненного пути, мифологизированность биографии человека, официальная регистрация элементов бренда как объекта собственности. С другой стороны, в человеке-бренде как в феномене культуры непосредственно представлены в конкретно-единичном выражении такие фундаментальные антропологические константы, как самотождественность, самотрансцендентность, открытость миру и творчество, которые персонифицируясь в конкретном человеке, подчеркивают уникальность личности человека-бренда.

В социокультурных условиях современной России, отличающихся нестабильностью, эклектичностью и поиском новых ориентиров для развития, важной является попытка создания персональных брендов российскими предпринимателями и политиками. Известный российский специалист по PR-технологиям и брендингу Ю. Ровенский отмечает, что «политик, чье имя стало символом, имеет преимущество и в переговорах, и на выборах. Бизнесмену с узнаваемым персональным брендом легче найти партнера и вести дела. Для него создание Имени – не прихоть и не дань моде, а требование времени. Во-первых, если оно ассоциируется только с успехом, сделать бизнес-карьеру проще. Во-вторых, бренд – это еще и определенный показатель публичности, открытости и интегрированности в жизнь профессионального сообщества. Это тот нематериальный капитал, который притягивает капитал реальный» [3]. К сожалению, необходимо сделать вывод, что за прошедший столь короткий период развития капиталистических отношений как в нашей стране в целом, так и в регионе, в частности, крайне сложно оценить, сколь устойчивыми и продолжительными по времени существования, а также по успешности будут попытки создания человека-бренда и на данный момент времени говорить о существовании его

в Челябинской области невозможно. В любом случае, в настоящее время в Челябинской области есть все условия для появления ярких персональных брендов, представляющих регион в целом, которые, постепенно развиваясь, могут предстать в экономической и культурной истории как люди-бренды. Но хотелось бы отметить, что для успешного создания человека-бренда необходимо учитывать следующие аспекты в приложении к реалиям Южного Урала.

Во-первых, характеристика респектабельности человека-бренда – это деловая респектабельность, надежность в профессиональной сфере, которые в нашем регионе традиционно связаны с развитием тяжелой индустрии, переработки металлов, наукоемкого производства, а также связанной с этим ответственности бизнеса в областях социальной защиты и экологии.

Во-вторых, мифологизированность биографии человека должна поддерживаться реальными отношениями и событиями в жизни этого человека. Американский исследователь особенностей современного общества Д. Рашшкоф в своей книге «Program or Be Programmed: Ten Commandments for a Digital Age», прямо подчеркивает, «если компания хочет, чтобы о ней говорили, лучше всего будет не придумывать очередную рекламную компанию, а действительно что-то делать. Лучшими распространителями сообщений (медиагероями) в цифровом мире будут те, кто лучше всего будут отличать правду от вымысла, ценное – от бесполезного» [4]. Таким образом, все те, кто успели отметиться в общественной, экономической и политической жизни Южного Урала разнообразными скандалами, антиправовым поведением, низким моральным обликом, неисполненными обязательствами не могут претендовать на то, чтобы стать человеком-брендом.

В-третьих, длительность существования человека как бренда определяется тем, что он выражает собой какую-либо устойчивую форму, модель деятельности, ценностную модель, которая востребована в определенный момент времени, в конкретных социокультурных условиях; и эта форма с течением времени эволюционирует и гибко развивается с учетом изменения этих условий. В итоге, для того, чтобы стать человеком-брендом Южного Урала, необходимо воплотить в своей личности и в своей деятельности не только индивидуальный жизненный опыт, но и все социокультурное наследие региона, умело трансформируя его в соответствии с требованиями современности.

Таким образом, специфика человека-бренда с точки зрения философской антропологии состоит в том, что он всегда основывается на реальных отношениях и событиях в жизни конкретного человека, на репрезентации индивидуального способа покорения хаоса общества потребления. Человек-бренд – это конкретная демонстрация человеческой способности реализовать личностный потенциал, когда человек не становится слепым рабом безудержного потребления, не поддается обстоятельствам и давлению

социальных стереотипов, а воплощает фундаментальные особенности своего бытия как человека, что и представляет собой настоящее чудо человеческой жизни.

Библиографический список

1. Миляева, Е.Г. Человек-бренд в современной культуре / Е.Г. Миляева // Вестник Челяб. гос. акад. культуры искусств. – 2013. – № 4 (36). – С. 64–69.

2. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев. – М.: Правда, 1990. – URL: http://psylib.org.ua/books/losew03/txt15.htm.

3. PR не терпит суеты / Сайт «PersonaFactor», 2004–2017. – URL: http://personafactor.ru/index.php?id=1&article=37&page=5.

4. Калашников, М. Дуглас Рашкофф. 10 особенностей цифрового мира / М. Калашников // Сайт «Новый репортер». – 2017. – URL: http://newreporter.org/2013/01/16/duglas-rashkoff-10-osobennostej-cifrovogo-mira/.

К содержанию

УДК 130.2:8
ББК Ю224.2 + Ш100.5

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДИАЛОГА: ДИАЛОГ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

В.А. Кленовская

В статье представлена проблема взаимоотношения диалога в современном мире с диалогом «вчерашнего дня». Рассмотрено понятие философского диалога и исторические этапы его развития. Обозначена форма существования «диалога завтра» через понимание «диалога сегодня».

Ключевые слова: диалог, язык, преемственность, понимание, коммуникация.

Истоки философского диалога восходят к эпохе Античности, где диалог представлял собой «разговор человеком с миром», с помощью которого он познавал окружающую действительность и самого себя. В самом первоначальном виде в милетской и пифагорейской школах диалог являлся своего рода поиском субстанции, первоначала и основы мира. В эллейской школе объектом диалога становятся само бытие, его сущее, а также небытие. У софистов диалог структурируется уже в сфере процесса познания и состоит из трех элементов: эвристика, риторика, полиматия (многознание),

где появляется новое понимание истины: уже не в природе, или божественном начале, а в области человеческого бытия, в мире полисной жизни.

Далее у Сократа диалог обогащается поиском истины и воспитанием общественной добродетели, благодаря которой человек становится человеком. Именно Сократ вводит новый критерий диалога, в котором главным является то, что человек может раскрыть смысл своей жизни через беседу. И если у софистов истина рождается в разговоре через соглашения (субъективная истина), через использование слова риторически, высвечивающее разные его значения, то у Сократа истина ищется совместно, она не навязывается (как, например, объективная истина), т.к. Сократ «прощупывает» все значения слова, выявляя всю многогранность его смыслов. Основными методами сократического диалога становятся диалектика, ирония и майевтика. Далее Платон развивает идеи сократовского диалога, выявляя, наполняя новым содержанием такие понятия, как «время», «бессмертие», «смерть», «любовь», «ненависть», «друг», «враг» и т.д. В конце эпохи античности темой диалога становятся такие фундаментальные категории, как «единое», «мировой ум», «мировая душа». А в эпоху Средневековья диалоговое пространство формирует уже «разговор человеком с Богом», благодаря которому происходит познание божественной истины, выявление соотношения веры и разума.

В эпоху Возрождения диалог развивается уже на основе новой парадигмы, нового типа сознания, отражающего потребность в осмыслении сущности человека, что в дальнейшем привело к открытию культуры как объекта социально-философского знания. Согласно представлениям В.М. Межуева, «Возрождение утвердило антропоцентристскую картину мира, в которой человек заполняет собой все пространство между природой и Богом…, представая тем самым не как сочетание двух разнородных субстанций – природной и Божественной…, а как особая субстанция, несводимая к двум первым» [2]. Именно с этого момента и возникает проблема диалога как базового концепта в социокультурном знании. И в этом плане развитие диалога как особого социокультурного явления теперь прочно увязывается с развитием социокультурной сущности личности и путей ее формирования.

Классик теории диалога М. Бубер рассматривал бытие как диалог между Богом и человеком, человеком и миром. Бубер считал, что диалог созидателен и спасителен, когда он осуществляется посредством Бога, его заповедей о нравственности и любви. Исходным пунктом концепции Бубера служит диалогический принцип. Он провозглашает диалогическое отношение «сфера между», которое есть исходная ситуация, где возникают подлинные смыслы. Человек обретает собственную сущность, только вбирая в себя человеческое, соотнеся себя с другими людьми. В концепции Бубера развивается диалектика человеческих взаимоотношений, где лич-

ность становится личностью путем усилий человека, изменяющегося в мире Ты – образного характера, то есть в диалоге. У М. Бубера диалоговое общение строится на языке, которого нет, это безмолвное ожидание, которое всякий проговоренный/сказанный ответ вплетает в неподлинность этого ответа. Таким образом, у Бубера существует вариант сверх-диалога и сверх-реальности общения, представленной как трансцендентная. «Лишь безмолвие, обращенное к Ты, лишь молчание всех языков, безмолвное ожидание в неоформленном, в неразделенном, в доязыковом слове оставляет Ты свободным, пребывает с ним в потаенности, там, где Дух не обнаруживает себя, но присутствует. Всякий ответ вплетает Ты в мир Оно…» [1].

Согласно М. Хайдеггеру, «говорить друг с другом значит: вместе высказываться о чем-то, показывать друг другу такое, что выявляет в говоримом обговариваемое, выводит его собою на свет» [3]. Сама речь, язык у М. Хайдеггера, это «сказ» – показывание/указывание на то, о чем говорится, делание предмета видимым и слышимым. «Язык требует человеческой речи» [4]. Называть вещь – делать ее видимой, высвечивать ее в реальности, так как пока вещь не поименована и не произнесена, ее как таковой не существует в бытии. Поэтому проблема понимания в диалоге у Хайдеггера состоит из двух аспектов: из говорения и слушания, язык реализует себя через «говор», где слушание указывает на связь речи и понимание, где человеку открываются не только другие, но и он сам.

Все эти особенности, отмеченные философами, обретают сегодня особое значение, т.к. современный мир сегодня существует как предельно конфликтный и нестабильный, что обусловлено обострением отношений между информационно общественными системами, этническими и национальными культурами. В этой ситуации диалог становится, возможно, единственной формой взаимодействия, которая может способствовать установлению равновесия, в силу того, что современный язык существует теперь как множественность языков, представляя тем самым и множественную реальность, обладающую динамической пространственностью, схватыванием, удержанием в едином мультикультурном поле различных, порой взаимоисключающих образов и смыслов.

Но каковы перспективы развития столь важной формы познания человека и мира в завтрашнем дне, уже шагнувшем в информационную эпоху? Что можно предположить о «завтрашнем диалоге», если человек мыслит не при помощи мысли, а при помощи языка, а развитие техники уже в значительной мере способствовало формализации языка и превращению человека в «технически исчисляющее существо»? Мы движемся в мир, в котором, по мысли Хайдеггера, «калькулирующее мышление» уже превалирует над поэтической функцией языка, качественно изменяя его характер: из «дома бытия» язык превращается в средство создания «картины мира».

Такой язык, полагает философ, отчуждает человека от мира и от самого себя: «Окружающий человека мир превратился в одни названия, бытие как бы исчезло. А вместе с бытием исчез и его смысл» [5]. Не вызовет ли потребность в «конструировании мира» технологичное «конструирование диалога»? Не превратится ли исторический «разговор с бытием, Богом и самим собой» в эффектный симулякр с «высокой степенью разрешения», лишь имитирующий «диалог с реальностью»? Но не смотря на тревожные симптомы, хотелось бы верить, что «ресурс подлинности» этой формы познания еще не исчерпан, т.к., на наш взгляд, сущность диалога, попавшего в мир техники, еще не раскрыта, как и не постигнута еще, согласно Хайдеггеру, сущность самой техники. Быть может именно через «диалог с техникой» человек завтрашнего дня будет познавать «себя, бытие и Бога»?

Библиографический список

1. Бубер, М. Я и Ты / М. Бубер. – М.: Букинистическое издание, 1993. – С. 71.
2. Межуев, В.М. Идея культуры, очерки по философии культуры / В.М. Межуев. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – С. 321.
3. Хайдеггер, М. Путь к языку / М. Хайдеггер // Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 265.
4. Хайдеггер, М. Путь к языку / М. Хайдеггер // Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 267.
5. Хайдеггер, М. Письма о гуманизме / М. Хайдеггер // Проблема человека в западной философии: сб. переводов. – М.: Прогресс, 1988. – С. 126.

К содержанию

УДК 130.2

ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ И ФУТУРИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ МАШИНЫ

А.А. Дыдров

Данная статья посвящена средствам регенерации культуры, а также препятствующим регенерации деструктивным практикам. Один из главных механизмов регенерации культуры – интерпретация (трансмутация), соответствующий формуле М. Фуко. В современном образовании потенциал нормального функционирования механизма интерпретации довольно велик. Для эффективной работы интерпретационной машины требуется планомерная, продуманная реализация как минимум двух стратегий образования – гуманитаризации и футуризации. Союз обозначенных стратегий, по мнению автора, является необходимым условием функционирования интерпретационного механизма и культурной регенерации.

Ключевые слова: трансмутация, образование, интерпретация, будущее, футуризация, гуманитаризация.

Древнегреческий историк Плутарх написал эссе, посвященное эпикуровскому принципу «живи неприметно». Небольшая работа завершалась эскизом плана трансценденции. Это позволило Плутарху перенести идеи в принципиально иную плоскость. В плане трансценденции Плутарх сконструировал образы потусторонних миров – обители благочестивых, куда попадали прославленные герои и добропорядочные граждане, и мрачной бездны, куда попадали погрязшие в беззаконии души [8].

При первом приближении к эскизам можно увидеть диспропорцию в описании бездны и обители. Когда Плутарх создавал эскиз обители, его мысль не скупилась на краски. Язык автора развернулся во всей поэтической красоте. В обители благочестивых растут пышные деревья, расстилается равнина, текут полноводные реки. Образ мрачной бездны, напротив, набросан скупо. Обитель грешных душ описана с помощью немногочисленных означающих: «угрюмость», «мрак», «забвение», «река», «морская пучина».

Примечательно то, что в обители благочестивых постоянно звучит живая речь. Благочестивые разговаривают друг с другом, «проводят время в воспоминаниях и разговорах» [8]. Благодаря живой речи в обители блаженных душ прошлое и настоящее неразрывно связаны. Иными словами, в высшем мире воплощена культурная преемственность. В обители грешных душ нет места логосу. В пустом пространстве мрачной бездны, поглощающей всех грешников, не нашлось места знаку, мертвому (письму) и живому (речи) слову.

Эссе Плутарха примечательно тем, что в нем были прочно связаны феномены смерти и безвестности. Смерть можно трактовать как исчезновение души и тела без остатка, без знаков, хранящих и передающих память о человеке. Древние люди осознавали, что ликвидация знака является таким же эффективным способом уничтожения человека, как и уничтожение физического тела. Историк Плутарх наверняка был знаком с историей государственных переворотов, сопровождавшихся мерами по уничтожению памяти о свергнутом правителе. Реформа Аменхотепа IV вызвала колоссальную социальную напряженность. После смерти фараона-революционера началось «преследование бога отверженной столицы» [6, с. 291]. Под запретом оказалось, прежде всего, личное имя покойного правителя и имя провозглашенного бога. В столице скалывали с памятников имена бога Амуна и фараона [6, с. 291]. Истории известны и другие случаи смерти знака. Херсонцы уничтожили имя Юстиниана, стерев его с крепостей и городских построек. Одно из проклятий в еврейских хрониках XVII в. гласило: «Да будет стерто его имя».

Для того чтобы жить, человеку необходимо получать и давать знаки. Ликвидность знака поддерживается различными средствами, например, самопрезентацией («Я – Хаммурапи, пастырь, названый Эллилем») или созданием плана трансценденции («Светлый государь, обеты которого знает бог Адад» [4]). В небольшой работе «Мишель Турнье и мир без Другого» французский постструктуралист Ж. Делез кратко и точно выразил значимость другого: «В отсутствие другого сознание и его объект суть одно» [3, с. 408]. Смерть является трагическим финалом робинзонады сознания. Она представляет собой «склейку» сознания с предметом, то есть их совпадение в вечном настоящем. Жизнь уже не может ни давать, ни получать знаки. По мере уничтожения старых знаков сознание перестает быть светом над вещами [3, с. 409].

Предсмертная агония человека – это краткий процесс, в сравнении с предсмертной агонией культуры. Несмотря на это, жизнь человека и культуры неразрывно связаны с жизнью знака. Умирание выражается как в стирании знаков, лежащих в культурных слоях прошлого, так и в перманентном репродуцировании знака. Драма гибели знака была ярко изображена некоторыми писателями. В романе Р. Брэдбери, в фильме «Эквилибриум» правительство санкционировало уничтожение книг. В «1984» Д. Оруэлла власти применяли изощренный способ убийства культуры, получивший наименование «newspeak» («новояз»). То, о чем писатели предупреждали более полувека назад, сбывается сегодня. Феномен иконического поворота, прочно связанного с визуализацией культуры и искусства, попирает власть слова. «Стены», комикс-культура, ограничение числа знаков в «твитах» – вот лишь некоторые признаки модификации культуры и расползания культурных слоев.

Репродукция знака выражается повторением формы, калькой означающего. Репродуцирование, несомненно, укрепляет связь культурных слоев. Копируемые произведения обычно становятся достоянием общественности. Однако увлеченность репродуцированием ведет к выхолащиванию смысла. Это понимал еще Ф. Бэкон, писавший о «пустых» понятиях [1, с. 65]. Негативизм репродуцирования выражается, в частности, в трех феноменах – догматизме, бюрократизме и плагиате. Все указанные явления опасны. Они не только лишают человека свободы, но и сковывают мысль. Они вынуждают узника пещеры видеть «одинаковые» тени.

Еще в древности человек открыл эликсир жизни культуры. Однако о механизмах культурной регенерации всерьез заговорили только в прошлом столетии. Важнейший из этих механизмов не имеет общепринятого обозначения. Советский философ М.К. Петров назвал этот механизм трансмутацией [7, с. 40]. Западные структуралисты и постструктуралисты преимущественно пользовались понятием интерпретации.

Огромный потенциал интерпретации (трансмутации) можно увидеть в противопоставлении этого способа регенерации культуры обозначенным деструктивным практикам – догматизму, бюрократизму, плагиату и т.д. Все эти разрушающие жизнь практики можно маркировать как «некрофильскую ориентацию» культуры. Культура осуждена на борьбу со смертоносными вирусами, обездвиживающими или стирающими знаки, препятствующими генерации новых значений.

Нередко догматизм трактуют как насилие над природой, то есть подчинение жизни неизменным формулам. Догматик пытается окутать жизнь сетью, состоящей из определенных мнений и убеждений. В действительности разрушительная сила догматизма гораздо более опасна. Догматизм – это способ насилия над языком, знаком и мышлением. Краткую формулу догматизма можно было бы выразить следующим образом: «язык всегда выражает то, что он выражает». Это предполагает, что любое отступление от Буквы маркируются как противозаконное деяние.

Жизнеутверждающий потенциал культуры был, в частности, выражен формулой французского структуралиста М. Фуко «язык никогда не говорит того, что он говорит» [10]. Это фактически означает, что высказывание требует некоторого пояснения. Пояснение, в свою очередь, тоже можно пояснить. Иными словами, знаки переадресуют человека другим знакам. Догматик, вероятно, никогда не сможет примириться с этим положением вещей. У догматизма, плагиата и бюрократизма как деструктивных практик, несмотря на многочисленные различия, есть минимум одно сходство. Оно в том, что человек поручает себя некоей Книге, авторитету в трансляции крионированного смысла. Все указанные практики направлены на разрушение интерпретационной машины, работающей в соответствии с формулой М. Фуко.

Для любого интерпретатора формула М. Фуко открывает многообещающие перспективы. Самая очевидная из этих перспектив связана с конкуренцией за право воздействовать на мнения, убеждения, вкусы и принципы людей. Еще одна перспектива сводится к выражению индивидуальности интерпретатора. Каждый интерпретатор, изучающий старое, может извлечь из него что-то новое и неповторимое. В этом случае его имя остается в анналах культуры и живет в памяти многих поколений.

У культуры есть эффективные рычаги запуска интерпретационной машины. Один из них (может быть, самый главный) обозначил Плутарх. Этот рычаг связан с процессом фильтрации, с отбраковкой продуктов духовной деятельности. Ни результаты духовной деятельности, ни имена, в конечном счете, не попадут ни на уста благочестивых, ни в анналы истории. Знаки окажутся на периферии семиосферы (культуры) и будут доживать свой короткий век.

Организм культуры имеет иммунитет к смертоносным и уничтожающим знаки вирусам. Регенерация культуры происходит с помощью самых различных средств – от борьбы с бюрократизмом, пропаганды ересей и до требований ученого сообщества в адрес научных работников. Несмотря на множественность средств регенерации культуры, образование является одним из наиболее эффективных средств регенерации. Образовательный процесс можно назвать ключом к запуску интерпретационной машины.

Знакомство с механизмом интерпретационной машины обычно начинается в школе. Ученик ощущает работу механизма каждый раз, когда слушает педагога, формулирует и задает вопросы, высказывает свое мнение и т.д. Можно сказать, что школа – это технический персонал интерпретационной машины. Очевидно, что это положение связано с большой ответственностью руководителей системы образования и учителей за хорошую работу механизма трансмутации. Как педагоги, так и руководители школ должны забыть об десятилетиями используемых алгоритмах преподавания и управления, обратить внимание на масштабные инновационные стратегии, направленные на реформирование образовательного процесса. На это можно возразить: в школе уже давно внедряются различные новшества. Линейки инновационных учебных пособий, единый государственный экзамен, нестандартные уроки, современные ТСО, интеллектуально-игровой всеобуч и т.д. – все это яркие примеры инноваций в образовании. Сегодня едва ли не на каждом школьном сайте можно найти информацию об образовательных продуктах и инновационных методах преподавания и обучения.

Несмотря на это, перечень и содержание дисциплин не претерпели кардинальных изменений, в сравнении с прошлым. Различные инновации (учебные пособия, атласы, педагогические методики и т.д.) не укладываются в систему. Перспективные, долгосрочные стратегии (футуризация, гуманитаризация и др.) заменяются мероприятиями, почти не связанными друг с другом. Из небольшого перечня трендовых образовательных страте-

гий пристального внимания, на наш взгляд, заслуживают как минимум две стратегии – футуризации и гуманитаризации. Стратегия гуманитаризации связана с серьезным обсуждением этических, мировоззренческих и других проблем [5, с. 107], а стратегия футуризации – с внедрением в образование некоторых дисциплин и тем о будущем [9, с. 35].

Один из факторов оптимальной реализации первой стратегии является преподавание философии студентам средних специальных и высших учебных заведений. Значимость философии выражается в том, что она смазывает интерпретационный механизм, побуждает вещи и тени к движению. Она представляет собой «призыв к игре и интерпретации» [2, с. 58]. То, что Декарт называл недостатком философии, можно считать и ее достоинством. Философия противостоит указанным (догматизму, бюрократизму и плагиату) и другим деструктивным практикам.

По мнению К. Ясперса, прикосновение к философии происходит уже в детстве [11]. Ребенок принимает участие в работе трансмутационной машины, открывая новые, неожиданные значения, заставляя знаки двигаться. Ребенок легко вырывает знаки из одного контекста и помещает их в другой. Со временем он узнает, что в мире взрослых вещи определенным образом связаны друг с другом. По мере расширения знаний о связях ребенок превращается в человека искусства (Аристотель). Интеллектуальная активность взрослого проявляется в связывании знаков и предметов, теней и вещей. Жесткость установленных связей играет неоднозначную роль. С одной стороны, перманентно развивающийся мир схватывается и как бы размещается на ладони, а с другой, трансмутационная машина замедляет ход. В мире почти не остается ничего удивительного. Человек искусства, в отличие от ребенка, ничему не удивляется.

Философствование можно назвать игрой со связями и вещами. В этой игре философ применяет сложные приемы – сцепку, разрыв, поворот, выворачивание, переворот и т.д. Любой из обозначенных приемов изменяет и отменяет прошлые связи вещей. По выражению К. Ясперса, философствовать значит «быть в пути» [11]. К философским системам как к предмету игры тоже применяются все указанные приемы. В результате философские кристаллические решетки относительно быстро разрушаются. По этой причине критики философии упрекают ее в отсутствии общепринятого терминологического аппарата, особых научных методов и парадигмы. Невзирая на это, философия является важнейшей частью интерпретационной машины.

Общий смысл стратегии футуризации заключается во внедрении в образовательную систему дисциплин и тем, связанных с будущим. О значимости футуризации (без использования самого термина) говорили и писали во второй половине XX столетия (Р. Юнг, Э. Тоффлер и др.). С течением времени ситуация в образовании почти не изменилась. Школьные программы по литературе не предусматривают анализа научно-фантасти-

ческих произведений. На уроках по обществознанию дети вскользь задевают темы, связанные с терроризмом и демографией. В пределах вузовского образования существуют немногочисленные специальности, предполагающие изучение студентами новых технологий (в частности, мехатроника и робототехника). Не подлежит сомнению, что студенты-гуманитарии фактически не имеют возможности ознакомиться с техническими и технологическими мегатрендами.

Status quo чрезвычайно трудно изменить. Проблема, во-первых, в том, что в научно-педагогической среде нет конкретных указаний на способы и формы реализации данной стратегии, а во-вторых, в том, что в системе образования почти нет места курсам о современных мегатрендах. Студентам-гуманитариям небесполезно было бы узнать о крупных социальных движениях, ориентированных на радикальное преобразование природы человека. Идеи трансгуманизма и иммортологии разделяют тысячи сторонников, уверенных в неполноценности человеческой природы и в необходимости ее кардинального изменения или преодоления. История западного трансгуманизма продолжается уже несколько десятилетий. В России растет численность участников партий и общественных движений, выступающих за развитие человекоориентированных технологий.

Условиями эффективной реализации обозначенных образовательных стратегий являются, во-первых, разработка специальных курсов в системе дополнительного образования, а во-вторых, синергия гуманитаризации и футуризации. Специальные курсы могут быть посвящены изучению современных мегатрендов (прежде всего, человекоориентированных). В системе дополнительного образования возможны такие мероприятия, как публичные лекции и семинары с использованием аудиовизуального материала. На семинарах можно обсудить проблемы экологии, потребительскую ориентацию человека, способы вмешательства в человеческую природу и многое другое. Фантастические фильмы вполне могли бы побудить к разговору на эти темы. Серьезное обсуждение этих и других тем со школьниками, по-видимому, могло бы принести позитивные плоды. На данный момент говорить о синергии стратегий еще слишком рано. Однако это не отменяет того факта, что молодое поколение должно видеть возможные риски внедрения и использования технологий, непосредственно направленных на человеческую природу.

Библиографический список

1. Бэкон, Ф. Великое восстановление наук / Ф. Бэкон // Сочинения в двух томах. – Т. 1. – М.: «Мысль», 1977. – 567 с.

2. Гредновская, Е.В. Проблема подлинности существования человека в дискурсах экзистенциализма и постмодернизма / Е.В. Гредновская, Р.В. Пеннер // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Социально-гуманитарные науки». – 2015. – Т. 15. – № 3. – С. 56–60.

3. Делез, Ж. Мишель Турнье и мир без Другого / Ж. Делез // Логика смысла. – М.: «Академический Проспект», 2011. – С. 395–421.
4. Законы Хаммурапи [Электронный ресурс]. – URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm/.
5. Иванцева, Т.Г. Гуманитаризация образования в информационном обществе / Т.Г. Иванцева // Высшее образование в России. – 2005. – № 4. – С. 104–107.
6. Перепелкин, Ю.Я. История Древнего Египта / Ю.Я. Перепелкин. – СПб.: «Летний Сад» – Журнал «Нева», 2000. – 560 с.
7. Петров, М.К. Язык, знак, культура / М.К. Петров. – М.: «Едиториал УРСС», 2004. – 328 с.
8. Плутарх. Хорошо ли изречение «Живи неприметно»? [Электронный ресурс]. – URL: http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1438077000/.
9. Урсул, А.Д. Глобальное образование – новое направление развития высшего образования / А.Д. Урсул // Вестник экологического образования в России. – 2014. – № 74. – С. 32–35.
10. Фуко, М. Ницше, Фрейд, Маркс [Электронный ресурс] / М. Фуко. – URL: http://lib.ru/CULTURE/FUKO/nfm.txt.
11. Ясперс, К. Введение в философию [Электронный ресурс] / К. Ясперс. – URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/yasp/.

К содержанию

УДК 101.3

ПРАКТИКА ФИЛОСОФСКОГО ПАРТНЕРСТВА: ОПЫТ ЖИВОГО И ЭЛЕКТРОННОГО ОБЩЕНИЯ

Р.В. Пеннер

Обозначена новая форма философской практики – философское партнерство. Определены границы и потенциал партнерства в философском дискурсе. В неакадемическом философском дискурсе представлен потенциал философа как садовника, работающего с глубиной. Зафиксированы точки пересечения между академическим и неакадемическим философскими дискурсами.

Ключевые слова: философская практика, философское партнерство, общение, философ-садовник, философ, образовательная система, человек будущего.

Осмысляя антиномию ризомы и дерева, Ж. Делез и Ф. Гваттари констатировали то, что фундамент-корень опутал западную мысль и стал господствовать над западной философией. Так, в латинокорневых языках закрепилась троица: «Grund, roots и fundations» [2, с. 32] как триединство логоцентризма. В свою очередь, трава, согласно мысли философов-постмодер-

нистов, есть указатель на то пространство, что девственно, необработанно. Если почва, корни и основания организуют пространство, то трава заполняет пустоты в этом пространстве; не созидает вещи, но произрастает среди них.

Углубляясь в аналогию с травой, авторы концепта ризомы предложили для осмысления образы леса и поля, утвердив связь Запада с лесом посредством его вырубки и последующего окультуривания семенными растениями. Причем, процесс окультуривания происходит на территориях, отвоеванных носителями западной ментальности у травы. Засевая отвоеванную территорию, человек, согласно идее постмодернистов, утверждал свое я за пределами телесности, трансцендировал, выходил за рамки положенного ему пространства. Человек засевал подконтрольную ему территорию, освобождая ее от травы. Посаженные деревья утвердились в плане консистенции; трава, в свою очередь, господствует в плане имманенции [3].

Аналогия с деревом и травой может показаться далекой от тех проблем, с какими сталкивается современная философия. Далекой она и останется до тех пор, пока на философскую сцену не выйдет новый концептуальный персонаж – садовник. Еще М.Т. Цицерон указывал на фигуру садовника, как на того, кто в своих действиях подобен философу. И тот, и другой возделывают; только первый возделывает землю, а второй – мысли человека. А в 2016 г. в одной из топик, посвященных осмыслению философского партнерства, Р. Лахав продолжил осмысление фигуры философа как садовника [6].

В своей рефлексии философ-практик указывал на то, что философия способна сделать нашу жизнь лучше. Эта мысль посетила философов еще в 80-е гг. прошлого века. Тогда были открыты две формы «работы» философа с не-философом, «случайным» человеком с улицы: свободный от методов и предзнаний сократический диалог и практика критического мышления. Первый (диалог) закрепился в работе философских кафе, инициируемых философами по всему миру; второе (критическое мышление) – уместилось в рамки философского консультирования. Р. Лахав, в свою очередь, указывая на свое информационное «дитя» – «Агора», место для Интернет-встреч философов-практиков со всего мира (https://philopractice.org), уверял, что оно одновременно не является ни одной из утвердившихся форм философской практики. «Агора» не есть свободный диалог; не является она и рефлексией над экзистенциальными проблемами индивида. Вместе с тем, «Агора» сегодня стала тем местом, где устанавливается диалог современных философов с философами из прошлого; где философы настоящего осмысляют фундаментальные проблемы, рефлексируя над текстами признанных фигур из философского дискурса. Согласно Р. Лахаву, подобное осмысление философских текстов может проходить в одиночестве и в группе. И то осмысление, что созидается в группе, он именовал практикой философского партнерства.

Вообще философско-созидательное партнерство – это тот формат практики, который Р. Лахав предложил как самостоятельную форму философской практики еще в 2015 г. Тогда на просторах Интернета состоялись первые электронные встречи философских партнеров, в основании которых лежало три принципа: созерцание партнера из своей внутренней глубины, его резонирование с Другим в единении, а также резонирование с философским текстом.

Согласно позиции Р. Лахава, практика философского партнерства предстает как чистое философствование. В ее границах «случайный» человек с улицы получает возможность ознакомиться с философскими текстами, резонировать с идеями из текстов и осмыслять эти идеи из своей глубины, из имманентного, родного ему знания. Подобное резонирование становится возможным, ибо философские идеи не есть сгустки информации, запакованные монады или загерметизированные теоретические конструкты. Философ-практик из Вермонта (США) полагает философские идеи за «живые» голоса, способные говорить с нами и внутри нас. Принципиальное отличие философской практики от иных направлений и движений философской мысли кроется в том, что философ-практик работает не с узкой академической аудиторией, но выходит на широкую общественность; работает не в поле, но в лесу, не с деревом, а с травой.

Таким образом, в рамках философского партнерства голоса философских идей вводят человека с улицы в живой философский диалог, в котором идет движение от философского текста к индивидуальному осмыслению, и обратно, от личного я к фундаментальным философским проблемам. В философском партнерстве поставлена и преодолена проблема, которую К. Ясперс и А. Камю, например, обозначали как подмену фигуры философа профессором философии. Если «профессор философии» смотрит на объект своего размышления с позиции историко-философской ретроспективы (идолы театра довлеют над ним), то философский партнер поднимается из глубин своего я к самим философским идеям. Это движение вдохновляет партнера, способствует пробуждению его внутренней глубины. По Р. Лахаву, реагируя на это движение, философские партнеры порождают новые идеи, что снимают с них «шоры» в восприятии внешнего мира и внутреннего я, открывают доступ к новым видениям. Вместе с тем, подобное перекраивание собственного я и своей картины мира с необходимостью сопровождается работой партнера со своей внутренней глубиной. Такая работа предполагает осмысляющее раздумье, а не калькулирующее мышление (М. Хайдеггер). Давая автоматические ответы на вопросы, поставленные в философских текстах, партнер не достигнет искомой глубины в своем я, но по проторенной дорожке выйдет на свои и общественные шаблоны; на те ответы, что, как кажется, приведут к ощущаемой выгоде (престиж, авторитет, прикладное знание), но не к духовному

росту. По М. Хайдеггеру, угрозу человеческому существу представляют не атомная опасность и предполагаемые конфликты мирового масштаба, но «равнодушие к размышлению и полная бездумность, полная бездумность, которая может идти рука об руку с величайшим хитроумием вычисляющего планирования и изобретательства» [6]. Задавшись целью калькулирования всего, человек с необходимостью «отречется и отбросит свою глубочайшую сущность, именно то, что он есть размышляющее существо» [6]. В стремлении спасти человеческую природу, не только разумную, но и размышляющую его сущность, Р. Лахав выдвигает философское партнерство как практику поддержки мышления.

Философия, зародившаяся на афинской площади как практика совместного поиска истины участниками свободного диалога, с течением времени преобразовалась в сухую академическую дисциплину. От практики живого общения произошел переход к теории философского знания. Р. Лахав и его сподвижники, философские партнеры, в своей деятельности стремятся вернуть философию в лоно практики. И здесь мы вновь возвращаемся к аналогии с садовником. Согласно идее Р. Лахава, «садовник не говорит растению, как расти. Он лишь снабжает растение необходимыми питательными веществами, открывает растению доступ к воде и солнцу. В свою очередь, само растение “знает”, что с этими элементами делать» [8]. Иными словами, философ-садовник создает благоприятные условия для роста. Само растение опирается на эти условия или отказывается от них. Философ-садовник не может дать рост растению, как и философ-практик не способен дать философствование человеку с улицы; но оба они способны создать благоприятные условия для роста и развития того глубинного я, что укоренено в человеке, но что подвержено забвению в условиях тотального проектирования и калькулирования.

В отличие от академической философии в традиционном ее прочтении философская практика и философское партнерство как одна из возможных форм практики ориентированы не на обучение человека философии, а на пробуждение его внутреннего само-осознания и на созидание восприятия внешнего из его внутренней глубины. Это не уложение бытия человека в границы теорий, методов и категориального аппарата философии. Это пробуждение философского голоса внутри якобы не-философского я. Это пробуждение подобно тому, как солнце и вода увеличивают силу и стимулируют рост растения. Философское партнерство дает возможность людям, не имеющим академического философского образования, философски осмыслять бытие и свое место в нем; это пробуждение философа внутри каждого из нас. И пробужденный философ свободен от идолов театра (Ф. Бэкон), ибо размышляет он не от авторитетного философа, а из своей внутренней глубины в резонировании с текстом; это не бездумное

принятие идей из текста и следование им, а рефлексия над фундаментальными философскими проблемами, инициированная прочитанным.

На опыте живого и электронного общения Р. Лахав вывел базовые концепты, из которых слагается философское партнерство. Этих концептов пять: глубина, единение, резонирование, созерцательное чтение (философское пение) и карта идей. Кратко остановимся на каждом из них.

Р. Лахав утверждает, что целевой установкой каждой партнерской сессии становится не простое ознакомление с текстом, но пробуждение глубины партнера на основе идей из текста. Утверждая глубину, Р. Лахав проводит аналогии с музыкой и кулинарией. Если музыкант дорожит красотой, а повар созидает вкус, то философский партнер ориентирован на глубину, что есть «красота» или «сочность» философского созерцания.

Единение партнеров является следующим принципиальным компонентом философско-созерцательной сессии. Будучи включенным в атомизированное бытие, современный человек поддерживает свое бытие атомом. Он созерацает мир из своей «пещеры» (Платон, Ф. Бэкон, Р. Лахав). В свою очередь, партнерская сессия ориентирована не на индивидуальное осмысление идей, но на созерцание в единении. Я не критикует позицию Другого, но резонирует с этой позицией. Это подобно различению мышления индивидом, группой и родом. Каждый рождается с мышлением индивида; оно формируется в процессе социализации. Достаточно доступным является и мышление группы (профессиональной, религиозной, культурной), когда сознанию человека открываются ценности и установки коллектива. Наконец, все в меньшей степени распространено мышление себя родом, т.к. в этом случае человеку необходимо возвыситься над индивидуальным я и обратиться к осмысляющему раздумью. В свою очередь, философское партнерство, задавая текстом общефилософскую проблематику, ориентировано не на индивидуальное осмысление идеи, но на выход за рамки ограниченного я, трансцендирование до сознания группы и рода посредством единения партнеров в живом общении [5].

Резонирование партнеров с идеями друг друга Р. Лахав демонстрирует на примере с джазовыми музыкантами. Всякий раз, исполняя музыкальную композицию, джазовые музыканты импровизируют на своих инструментах, резонируя со звучанием друг друга, реагируя друг на друга. Подобно музыкантам, философские партнеры создают «симфонию» идей, а не критикуют идеи Другого (как партнера, так и текста). Резонирование связанно с тем, что партнеры развивают симфонию понимания вместе, развивая друг друга, продолжая друг друга, как разные инструменты в оркестре привносят в мелодию свое звучание.

Современный человек не читает, но проглатывает тексты. С целью ориентации в информационном хаосе человек автоматически просматривает текст, оставляя его на поверхности, не доводя его до глубины. Созерца-

тельное чтение, в свою очередь, по типу церковных песнопений – медитативно. Несколько прочтений вслух одного и того же фрагмента текста приводит к его глубокому осознанию, обращению партнера при его осмыслении не к тому интеллектуальному багажу, что собирался годами, но к тем идеям, что возникли в глубине я при медитативном чтении.

Наконец, итогом партнерской сессии может стать составление карты идей, формирующей «скелет» философской теории, представленной в тексте. При составлении сети идей происходит движение от частей к целому. Отбросив зерна от плевел, партнеры способны сосредоточиться на основных элементах философского взгляда или текста.

В заключение следует отметить то, что в среде философской практики уже бытийствует миф о невозможности развития философии как практики в «душной» академической среде. В свою очередь, академическая философия, как правило, не знает о форме существования философии как практики; в иных случаях – не воспринимает практику как философию. М. Перракис, практикующий философ из Греции, утверждает, что философская практика и академическая философия должны воспринимать друг друга как «взаимодополняющие практики» [9], так как философская практика есть новая парадигма существования практической философии.

В свою очередь, некоторые российские преподаватели философии осуществляют проект интеграции форм и методов философской практики в образовательную систему [1]. Ценность академической философии в этом проекте не оспаривается. Академическая философия – это реализованный проект Запада. Но академическая философия не всегда релевантна ризоматичной современности. Поэтому возникают альтернативные академическому формы существования философского знания. Академическая философия созидает дерево логоцентризма, философская практика ориентирована на траву ризомы. Созидание современного философа сегодня невозможно без академической базы. В свою очередь, для представителей нефилософских дисциплин важна не столько общетеоретическая философская база, сколько живая философия, способная помочь студенту сформировать целостную картину миру, философия, организующая и созидающая человека будущего [4]. Тогда преподаватель, привыкший работать с grund, roots и fundations, должен уметь отвлекаться и на траву.

Библиографический список

1. Борисов, С.В. Ценность образования – умение быть живым / С.В. Борисов // Ценности и нормы в потоке времени: материалы VI Международной научной конференции / отв. ред. Б.С. Шалютин. – 2015. – С. 14–15.

2. Делез, Ж. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – М.: «Астрель, У-Фактория», 2010. – 896 с.

3. Делез, Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – М.: «Академический Проект», 2009. – 272 с.

4. Дыдров, А.А. Человек будущего в трансгуманизме: семиотический анализ концепции о неочеловеке / А.А. Дыдров // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Социально-гуманитарные науки». – 2014. – Т. 14. – № 2. – С. 81–84.

5. Гладышев, В.И. Общение в структуре самоутверждения личности / В.И. Гладышев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 15 (269). – С. 64–67.

6. Хайдеггер, М. Отрешенность [Электронный ресурс] / М. Хайдеггер. – URL: http://lib.ru/HEIDEGGER/gelassen.txt.

7. Lahav, R. Handbook of philosophical companionships : Principles, procedures, exercises / R. Lahav // Vermont: «Loyev Books», 2016. – 80 p.

8. Lahav, R. The philosophical gardener [Электронный ресурс] / R. Lahav. – URL: https://philopractice.org/web/philosophical-companionship/item/195-the-philosophical-gardener.

9. Perrakis, M. Academic philosophical practice [Электронный ресурс] / M. Perrakis. – URL: https://philopractice.org/web/the-vision-of-philosophical-practice/item/149-8-academic-philosophical-practice.

К содержанию

УДК 130.2:792 + 792:1

ТЕАТРАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ КАК ФОРМА ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКИ

Д.В. Соломко

На основе синтеза ряда философских парадигм театральное действие определяется как форма философской практики (с точки зрения структуры и содержания) и как культурный артефакт с позиции философии культуры. Выявляется содержательно-смысловая характеристика театрального действия как формы философской практики – инструмент человеческого трансцендирования и экзистирования. Определяются характеристики театрального действия как культурного артефакта: сиюминутность, уникальность, актуальность, вариативность и невоспроизводимость.

Ключевые слова: культура, философия культуры, философская практика, театр, театральное действие, форма философской практики, культурный артефакт.

Современное состояние универсума культуры и человека в культуре нередко характеризуют как многомерное и многослойное, предполагающее разновекторность развития, одновременность существования различных истин, моделей, смыслов, концепций и интерпретаций происходящего.

Раздробленность внешнего мира, с одной стороны – объективное явление, объективный результат человеческой творческой деятельности. С другой стороны, человек попадает в своеобразную ситуацию отчуждения, становится заложником созданной им самим многомерности.

Как социальный субъект и субъект культуры человек постоянно должен осваивать и исполнять множество ролей, вступать во множество связей и отношений, в которых его Я дробится, человек всякий раз проявляется как «частичный». Подобное существование свойственно человеку, в особенности современному. Более того, нередко это не осознается, возникает привычка к подобному образу жизни. Однако потребность в собирании себя рано или поздно возникает, и тогда для человека актуализируется проблема целостного и гармоничного существования, соединения и сохранения собственного внутреннего мира, экзистенциальная проблема возвращения к самому себе, к своему подлинному Я из множества частных связей и отношений.

Существует ряд культурных феноменов – миф, религия, философия, искусство – способных выразить целостное существование человека и его жизненного мира. Начиная с античности, вся история европейской культуры свидетельствует, что человек всегда стремился к гармонизации, к поиску средств собирания себя, обретения устойчивости в процессе бесконечного становления.

В качестве проводника (медиатора) преодоления раздробленности существования человека в современной культуре и реализации его потребности находиться в собранном состоянии могут выступать такие культурные феномены как музыка, архитектура, книга, кино и др. В ряду этих трансляторов ещё со времён античности своё особое место занимает театр.

Своеобразной константой всей театральной жизни, сохраняющейся в условиях любых нововведений, остается *театральное действие.*

Под театральным действием понимается не просто действие в театре, а целостное, многокомпонентное образование, где каждый отдельный участник находится в постоянном и непрерывном взаимодействии, взаимопроникновении.

Специфика театрального действия связана с тем, что оно осуществляется как в сценическом пространстве, так и в пространстве зрительного зала, точнее в диалоге двух пространств.

Театральное действие представляет собой оптический прибор и особое коммуникативное пространство, в котором зритель не просто воспринимает происходящее на сцене, но и воздействует на него, становясь его полноценным участником и действующим лицом.

В этом значении театральное действие способно выступать как средство познания мира (жизни), являться особым репрезентантом, демонстрирующим для человека окружающую его действительность. Человек, по-

знавая через театральное действие (фиктивный мир) реальный мир и других людей, способен познавать и самого себя, также живущего и существующего в этом мире, что способствует самосозиданию, сохранению и восстановлению или новому конструированию целостности его внутреннего мира. В этом смысле театральное действие воспроизводит универсальное отношение человека к миру, понимаемое в самом общем виде. Однако это отношение может быть рассмотрено и в конкретных его проявлениях, например, как отношение человека к культуре. В любом случае в этом отношении воспроизводится связь и взаимосвязь уникального и универсального в человеческом бытии. Человек в театральном действии способен воспринимать не только конкретные сценические ситуации, но через них, посредством их он находится в отношении к культуре (универсальному) вообще. Именно это отношение и есть основной предмет философской рефлексии, что позволяет говорить о театральном действии как о форме философской практики.

Театральное действие в качестве культурного объекта представляет собой артефакт актуализации культурной формы вообще и формы философской практики в частности. Актуализация театрального действия как формы философской практики осуществляется не иначе как в пространстве культуры. Поэтому театральное действие как форма философской практики всегда является культурной формой, которая проявляется в пространстве культуры как культурный артефакт.

Для философии культуры, философской рефлексии театральное действие представляет интерес как целое, что и должно быть зафиксировано в понятии о нем как об особом образом структурированной форме философской практики, которая «текстуализируется» в конкретных культурных артефактах. Так что для философии культуры важно определять театральное действие и как *форму философской практики*, и как *культурный артефакт*.

Культура есть многослойный универсум, который объективно являет собой органичную совокупность различных культурных форм, реализующихся во множестве культурных артефактов. При этом следует отличать понятие культурной формы как совокупности устойчивых и воспроизводимых признаков от понятия культурный артефакт, который представляет собой актуализацию и интерпретацию данной культурной формы.

Вообще понятие форма предполагает устойчивую определённость каких-либо элементов, их воспроизводимость, упорядоченность и структурную связь. Вслед за М.К. Мамардашвили под *формой* понимается «нечто пустое, бессодержательное <…> существующее само по себе, как бы помимо человека, и большее, чем сам человек» [1, с. 17]. Большее, потому что это форма, как бытийное что-то – «более осмысленно, более целостно, чем человек» [1, с. 18]. Иными словами, существует некое бытие, которое

через форму (через театральное действие как форму философской практики в том числе), в себя вовлекает человека. Это бытие есть особая символическая реальность театрального действия, или бытие, которое приобщает человека, воздействует на него, помогая перескочить посредством участия из своей обыденной жизни в другую.

С точки зрения структуры устойчивыми элементами театрального действия как формы философской практики являются сценическое действие и действие зрительного зала в их обязательном соотношении и взаимодействии.

Атрибутивные характеристики театрального действия как культурной формы можно выделить следующие: референциальная иллюзорность, коммуникативность, синтетичность, воспроизводимость в культурных артефактах, субъект-субъектная диалогичность, а также полилогичность. Содержательно-смысловая атрибутивная характеристика проявляется в том, что в театральном действии как форме философской практики воспроизводится целостность внутреннего мира человека.

Таким образом, театральное действие как форма философской практики с точки зрения её структуры может быть определено как *единое коммуникативное пространство, обладающее устойчивой структурностью, реализующее и воспроизводящее всеобщее отношение уникального и универсального через взаимодействие сценического и зрительского пространств*. В содержательном плане театральное действие есть *культурная форма практического восстановления и сохранения или нового конструирования целостности внутреннего мира человека*.

Основные характеристики театрального действия как культурного артефакта: сиюминутность, уникальность, актуальность, вариативность и невоспроизводимость.

Театральное действие как культурный артефакт может определяться в качестве *текстуализации его как культурной формы, обладающей феноменальной неповторимостью (вариативностью), осуществляющаяся в сиюминутном и уникальном отношении сценического и зрительского пространств*.

Всякая культурная форма постоянно находится под воздействием исторической селекции, что касается, прежде всего, отбора наиболее приемлемых способов удовлетворения тех или иных человеческих интересов, потребностей и запросов. Однако не всякая культурная форма способна удержаться в качестве социально актуальной. До сих пор театральное действие как культурная форма выдерживает подобную проверку социальным опытом, даже с появлением киноискусства, развитием компьютерных технологий и т.п., так как является прежде всего формой философской практики, воспроизводящей в культурных артефактах конструктивную, смыслопорождающую и человекообразующую стороны.

Театральное действие как форма философской практики должна постоянно проявляться, актуализироваться во множестве культурных артефактов, это можно назвать «желанием быть» (М.К. Мамардашвили). Именно театральное действие как культурный артефакт есть способ бытия театрального действия как формы философской практики, оно каждый раз заново пребывает, случается, осуществляется. Поэтому, театральное действие становится чем-то близким и родственным для человека (участника действия), современным ему. Ведь «срок жизни всякой культурной формы, т.е. период сохранения её социальной актуальности, исчисляется длительностью ее продолжающихся интерпретаций в процессе воспроизводства, восприятия, описания, оценки и т.п. в качестве артефакта культурного» [2, с. 34–35].

Театральное действие – центр театральной жизни. Оно способно выступать не только специфическим объектом восприятия и субъектом воздействия, но и особым оптическим прибором. Человек как участник театрального действия, созерцая происходящее на сцене, одновременно устремляется к тому, что находится помимо той сценической ситуации, которую он воспринимает непосредственно и которая на него воздействует. Театральное действие – это некая вторичная целостность (символ реальной действительности), попадая в которую человек заново способен переживать жизненные состояния, подобные тем, в которых он когда-то находился. В этом смысле театральное действие становится неким проводником, инструментом человеческого трансцендирования, что и выражается в понимании театрального действия как формы философской практики.

Библиографический список

1. Мамардашвили, М.К. Лекции по античной философии / М.К. Мамардашвили. – М.: Аграф, 1997. – 320 с.

2. Флиер, А. Я. Артефакт культурный / Флиер, А.Я. // Культурология. XX век. Энциклопедия. – СПб.: Университетская книга, 1998. – Т. 1. – С. 34–35.

К содержанию

УДК 141 + 111

АУТЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

К.Е. Резвушкин

В статье ставится проблема возможности переживания человеком аутентичности в условиях современной медиареальности.

Ключевые слова: медиареальность, аутентичность, самотрансформация.

Рассматриваемое нами понятие «аутентичность» является одним из ключевых для направления философской практики в синонимическом ряду таких, как осмысленная жизнь, открытость реальности, мудрость и «полнота бытия» [6]. Для немалого количества философов-практиков аутентичность является целевой причиной человеческого существования, чаемым человеком состоянием, которого невозможно достичь раз и навсегда. «Аутентичность» восходить к индоевропейскому корню **sene*, имеющего значение «реализовать, достичь совершенства». Таким образом, уже этимология данного философского термина фундирует такие аспекты его значения, как изначальная заданность, целевая причинность, совершенство как конечный результат. В буквальном современном значении «аутентичное» – реальное, принимаемое в качестве фактического.

Человек, стремящийся к подлинности существования, даже осознанно осуществляющий самотрансформацию, формируется культурой. При этом, согласно В.А. Коневу, «в символах культуры предъявляются ее интуиции, те идеи и содержания, которые выступают конечными основаниями толкования всяких смыслов, претендующих на культурную презентацию. Наличие символического языка в культуре создает возможность содержательного наполнения медиа-пространства. Эта содержательная организация медиа-пространства становится, с одной стороны, той продуктивной силой воображения, которая продуцирует послания медиа, а с другой, основанием тех фильтров, которые проводят селекцию посланий медиа. И в том, и в другом случае создается как реальность медиа-пространства, так и реальность, продуцируемая медиа-посланиями» [1].

Таким образом, уже содержание медиареальности формирует человека. В русле пессимистических оценок, наиболее характерных для гуманитарного направления философии техники [3], В.В. Савчук отмечает: «Человек сам становится средой – массой постоянного круговращения информации. Процесс затягивает, поскольку для извлечения и передачи ее, для налаживания коммуникации не требуется ни усилий по переработке информации, ни сопротивления ей (как раз наоборот, личное восприятие нарушает адек-

ватную передачу и равномерное бесперебойное сообщение). Информация приводится в движение коммуницирующим агентом и, одновременно, растворяет его в знаковых структурах, поглощает его самого в структуре медиареальности» [4]. Отсюда можно заключить, что человек вновь попадает в «платоновскую пещеру» [7].

Однако ресурс достижения аутентичность может заключаться в том, чтобы, «в конечном счете, открыть двери и вступить в медиареальность для сотворчества с ней» [6]. Посредством чего это может произойти? В.А. Конев отмечает: «Различение М. Маклюэном двух типов сообщений, каждое из которых имеет свое содержание и истину, мне представляется справедливым и плодотворным. Сообщения второго типа – это те изменения в форме жизни человека, которые порождают сами средства сообщения и которые возникают под влиянием материальных характеристик средств сообщения. Новая предметная среда, построенная из нового материала носителя сообщения, изменяет конфигурацию жизненного пространства человека, а тем самым и содержание его жизни. Но в этом случае содержание, которое утверждается в жизни, не существует на уровне представлений или понятий, а дано как сама организация реальных действий человека (…) Медиа и есть реальность человека, так как эта реальность есть посредник сначала между человеком и природой, а затем и между людьми, сообществами, институциями и т.п.» [1].

Подводя итог, следует отметить, что человек может испытать состояние аутентичности, выступая в качестве со-творца медиарельности. Это может быть соотнесено с позицией философа техники Ф. Дессауэра: «Изобретение не есть нечто выдуманное, продукт человеческого воображения без реальной силы; оно появляется лишь после и в результате встречи в сознании со сферой пред-данных решений технических проблем. Техническое изобретение олицетворяет “реальное бытие идей”, т.е. порождает и формирует условия для “существования сущности”, для материального воплощения трансцендентальной реальности» [1, с. 27]. Данное положение, справедливое для аутентичность в медиареальности, можно связать с такой гранью аутентичности из перечисленных в начале, как открытость бытию. Последняя, с нашей точки зрения, предполагает интерес и открытость личности к самым разнообразным видам опыта, в том числе маргинального и патологического (в качестве реализации упомянутого можно привести “Историю глаза” Ж. Батая).

Если мы рассмотрим сам термин «аутентичность», то обнаружим отношение референциальности, которое можно связать с корреспондентной концепцией истины. «Истина» закрепила в себе понятие абсолютной реальности (П.А. Флоренский). Истина – «сущее», подлинно-существующее, в отличие от мнимого, не действительного, бывающего. Русский язык отмечает в слове «истина» онтологический момент этой идеи, то есть, выра-

жает именно ее корреспондентную концепцию. «Истина» обозначает абсолютное самотождество и, следовательно, саморавенство, точность, подлинность. Корреспондентная концепция истины предполагает в качестве истинного соответствующее «объективной» реальности. Если говорить о человеческом «Я», то это можно интерпретировать как совпадение упомянутой выше антропологической избыточности с актуальным состоянием, что является только идеалом, ориентиром.

Еще одной гранью аутентичности, реализуемой в медиареальности, может быть острое переживание реальности («пустыня реального») в противовес ощущению нереальности, так, как это изображено в фильме сестёр Вачовски «Матрица» (2001), базирующемся на философии Ж. Бодрийяра. Ощущение нереальности, на которое особенно влияет виртуальная реальность, можно связать с интенцией подозрения (ср. концепция «мозга в банке»), которое может быть распространено не обязательно только лишь на окружающую реальность, но и на человеческое «Я»: «Время оказывается проявлением устройств, о-пределивающих и избывающих Я. И все то, что казалось нам таким интимным, «нашим», неожиданно уходит от нас к Порядку, Времени, Истории, Бытию, – и мы остаемся с ничем. Я определенностями, детерминациями разного типа просто у-ничто-жается. Это ничтожество Я и порождает подозрение неаутентичности, нечистоты, гетерономности Я, которое растаскивается и собирается Иным (чувствами, вещами, телом, родителями, культурными предшественниками, Богом)» [5].

Третий аспект аутентичности – подлинность, которая Р. Лахавом определяется стремлением духовной жажды (духовным дерзанием) некоего сверх-бытия, прорыва через обыденное повседневное существование, необходимости самотранформации, различными философами концептуализируемая по-разному, допустим, как достижение идеала «естественного человека» у Руссо или «сверхчеловека» Ф. Ницше [7], своего рода антропологическая избыточность, которая создает напряжение при актуально бесконечной реализации.

Библиографический список

1. Конев В.А. Медиа-реальность и реальность медиа [Электронный ресурс] / В.А. Конев // Вестник Самарской гуманитарной академии. – Серия «Философия. Филология». – 2009. – № 2(6). – С. 3–10. – URL: http://www.phil63.ru/media-realnost-i-realnost-media.

2. Маклюэн, М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М.: Кучково поле, 2003. – 464 с.

3. Митчем, К. Что такое философия техники? / К. Митчем. – М.: Аспект-Пресс, 1995. – 149 с.

4. Савчук, В.В. Медиареальность. Медиасубъект. Медиафилософия / В.В. Савчук // Антология медиафилософии / ред.-сост. В.В. Савчук. – СПб.: РХГА, 2013. – С. 306–31.

5. Сухачев, В.Ю. Страсти по Декарту: между метафизикой cogito и телесной практикой [Электронный ресурс] / В.Ю. Сухачев. – URL: http://anthropology.ru/ru/text/suhachyov-vyu/strasti-po-dekartu-mezhdu-metafizikoy-cogito-i-telesnoy-praktikoy

6. Kosmály P. Authenticity, Reception and Media Reality [Электронный ресурс] / P. Kosmály // Creative and Knowledge Society. – The Journal of Pan-European University, Bratislava. – Vol. 2. – Issue 1 (July 2012). – URL: https://www.degruyter.com/downloadpdf/j/cks.2012.2.issue-1/v10212-011-0021-5/v10212-011-0021-5.pdf.

7. Lahav R. Stepping out from the Plato's cave. Philosophical practice and Self-Transformation / Ran Lahav. – Solfanelli, 2016. – 207 p.

К содержанию

УДК 140:62.001.6 + 111.81

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА И СУЩНОСТИ ТЕХНИКИ В РАБОТАХ Н.А. БЕРДЯЕВА

С.П. Рещикова

В данной статье автор обращается к теме научно-технического прогресса в творчестве русского философа Н.А. Бердяева. Отмечая, что в ряде исследований подчеркивается негативное отношение философа к технике, основанное на его отношении к ней как машине, уничтожающей органическую природу человека, однако автор считает необходимым рассматривать эту проблему в рамках общей философской концепции Н.А. Бердяева. Исходя из этой позиции, разделяется отношение философа к феномену техники и её сущности.

Ключевые слова: научно-технический прогресс, феномен техники, сущность техники, материализация, объективация, дематериализация, творчество, дух.

Проблема философского анализа техники в работах Бердяева не нова, ибо он одним из первых философов начала XX века поднял вопросы, которые ставит перед человечеством научно-технический прогресс, хотя они ещё не были столь очевидны, как это сложилось уже к середине столетия. Традиционно исследователи этого вопроса обращаются к статьям философа «Человек и машина», «Судьба человека в современном мире», «Пути гуманизма» и др. Но вряд ли можно рассматривать эту проблему вне общей философской концепции Бердяева. В центре всей философии Бердяева, по его же признанию, «стояла, в сущности, одна проблема – проблема

человека, его назначения, оправдания его творчества» [5, с. 94]. «Я утверждаю примат духа и над природой, и над обществом и цивилизацией», – писал Н.А. Бердяев в своей последней книге «Самопознание» [5, с. 94]. Это было темой всей его философии.

Достаточно часто исследователи, разделяя философов на пессимистов и оптимистов в отношении научно-технического прогресса, отмечают пессимистическую позицию Бердяева. Так, например, А. Емельянова в работе «Обзор статьи Н.А. Бердяева «Кризис искусства» (1918). Судьба культуры и творчества» пишет: «Наверняка, Бердяев имеет в виду освобождение человека от природы в результате замены ручного труда на машинный. Однако, в это же время, человек становится рабом машины. Победа духа над материей – основная цель человечества, но, взяв верх над природой, оно начинает зависеть от техники. Следовательно, дух его так и не получает желаемую свободу. Опираясь на точку зрения, предполагающую, что культура – это жизнь, можно говорить о невозможности существования без машины. Если же в данном ключе рассматривать искусство, то и здесь техника играет негативную роль» [1]. Точно так же и В.А. Кондаков в статье «Философия техники в творчестве Н.А. Бердяева и современность» утверждает, что Бердяев, как и многие другие русские философы, пессимистичен в отношении техники. Хотя в конце его статьи звучит мысль о том, что «русский мыслитель не отрицал технику вообще. По его мнению, она выполнит свою позитивную роль в обществе, если будет подчинена духу» [4]. Но что значит «подчинена духу»? Можно ли это обозначить словами М. Хайдеггера, сказанными уже в середине двадцатого столетия: «Мы впустим технические приспособления в нашу повседневную жизнь и в то же время оставим их снаружи, т.е. оставим их как вещи, которые не абсолютны, но зависят от чего-то высшего. Я бы назвал это отношение одновременно «да» и «нет» миру техники старым словом – «отрешенность от вещей» [10, с. 109–110]. Думается, что позиция Н.А. Бердяева здесь несколько иная, и её нельзя обозначить понятиями «пессимизм» или «оптимизм». В работе «О назначении человека» он пишет: «Последствия техники для жизни социальной и нравственной двойственны. С одной стороны, техника обозначала материализацию и механизацию человеческой жизни, ослабление духовности. Но с другой стороны, техника имеет и совершенно другое значение, она есть дематериализация и развоплощение, и она раскрывает возможности большего освобождения духа» [9, с. 198]. Чтобы понять эту двойственность в толковании техники Н.А. Бердяевым, нужно вспомнить его главную онтологическую идею: «Все, что во времени и пространстве, было для меня лишь символом, знаком иного, иной жизни, движения к трансцендентному… Никакие танки и разрушительные бомбардировки не могли убедить меня в глубокой, первичной и последней реальности происходящего в мире. Для меня это лишь символы иного» [5, с. 156]. Таким образом, техника всего лишь объективизация творчества человека,

которое является ответом на призыв Бога. Только через творчество совершается акт приближения человека к Богу. Любые объективированные и материальные результаты творческой деятельности человека в этом мире для Бердяева – всего лишь символы. «Реалистическое творчество было бы преображением мира, концом этого мира, возникновением нового неба и новой земли. Творческий акт есть акт эсхатологический, он обращен к концу мира» [5, с. 201]. Именно, исходя из этих соображений, хотелось бы разделить отношение философа к феномену и сущности техники.

Феномен техники представляется Бердяеву в виде машины, уничтожающей все живое, природное. «В мир победоносно вошла машина и нарушила вековечный лад органической жизни. С этого революционного события все изменилось в человеческой жизни, все надломилось в ней» [3, с. 13]. Здесь же он пишет «Жизнь оторвалась от своих органических корней. Органическая плоть заменяется машиной, в механизме находит органическое развитие свой конец» [3, с. 13].

«Машина есть распятие плоти мира. Победное её шествие истребляет всю органическую природу, несет с собой смерть животным и растениям, лесам и цветам, всему органически, естественно прекрасному» [3, с. 14]. Но философ понимает, что этот процесс остановить невозможно, у него нет призыва уничтожить машину или отказаться от неё. «Так совершается судьба плоти мира, она идет к воскресению и к новой жизни через смерть» [3, с. 14]. Это диалектика жизни, о которой часто пишет в своих работах Н.А. Бердяев. «Ответственна совсем не машина, которая есть создание самого человека, машина ни в чем не виновата, и недостойно переносить ответственность с самого человека на машину. Не машина, а человек виновен в страшной власти машинизма, не машина обездушила человека, а сам человек обездушился. Проблема должна быть перенесена извне внутрь» [8].

Сила техники для него, прежде всего, метафизическая проблема. Поэтому, говоря о сущности техники в понимании Н.А. Бердяева, уместно обратиться к следующим его словам: «Машинизация и механизация – роковой, неотвратимый космический процесс. Нельзя удержать старую органическую плоть от гибели» [3, с. 13]. И далее, «При более глубоком взгляде машинизация должна быть понята, как дематериализация, как распыление плоти мира, распластование материального состава космоса» [3, с. 13]. По аналогии подобные мысли Н.А. Бердяева звучат в отношении всей индустриально-капиталистической системы, войны, революции и всего того, что происходит в объективированном материальном мире.

В своих работах он часто подчеркивает, что ему «чужда идея прямого, сплошного, непрерывного развития», что он признает «прерывность, связанную с вторжением в мировой процесс свободы», отрицая детерминизм [5]. Поэтому техника наряду с другими явлениями «индустриально-капиталистической системы», или эпохи дегуманизации: «индивидуализм, атомизация общества, безудержная похоть жизни, неограниченный рост

народонаселения и неограниченный рост потребностей, упадок веры, ослабление духовной жизни» [6] подготавливает «совершенно новую эпоху в судьбах человечества» [5]. В работе «Судьба России» философ обращает внимание, что смысл техники заключается не в её явлении в мире, не в том, что «торжество машины, замена организма механизмом представляется материализацией жизни», уничтожающей дух человека. Для него это «слишком поверхностный взгляд». Техника может уничтожить плоть мира, но не дух человека. «Сама машина есть явление духа, момент в его пути. Обратной стороной машинизации и материализации жизни является ее дематериализация и одухотворение. Машина может быть понята, как путь духа в процессе его освобождения от материальности» [8]. И здесь мы опять видим метафизическое значение техники. Если её явление понимать, как зло, то уместно привести мысль философа о том, что «Опыт зла сам по себе не может обогатить, если ему отдаться, обогатить лишь может та положительная, светлая духовная сила, которая обнаруживается в преодолении зла. Свет предполагает тьму, добро предполагает зло, творческое развитие предполагает не только «это», но и «другое». Это лучше всего понимали Я. Беме и Гегель. Зло господствует в этом мире. Но не ему принадлежит последнее слово. Зло может быть диалектическим моментом в развертывании твари, но потому только, что через него обнаруживается противоположное, добро» [9, с. 302]. Техника разрушает органические связи человека с природой, и это для Н.А. Бердяева – негативный результат её явления: «Должен оговориться, что природу я ставлю выше кошмарных законов цивилизации и общества» [5, с. 94]. А в машине «старый органический синтез материальной, плотской жизни приходит к концу» [8]. Но разрушение органической связи человека с природой, по Бердяеву, это не «утерянный рай» для человека, поскольку сама органическая целостность – это природное и скованное состояние человека: «В природной органической жизни дух и плоть еще не дифференцированы, но означает это не высшее состояние духа, а элементарное его состояние, всегда связанное с тяжелой борьбой за существование и злым принуждением» [8]. Техника приводит материальный мир к расщеплению и расслоению, но это не говорит о том, что должен погибнуть дух человека [8]. У Бердяева техника не может повлиять на дух человека в том смысле, как понимает его философ.

Библиографический список

1. Емельянова, А. Обзор статьи Н.А.Бердяева «Кризис искусства» (1918). Судьба культуры и творчества [Электронный ресурс] / А. Емельянова. – URL: http://syg.ma/@anastasia-emelianova/obzor-stati-n-a-bierdiaieva-krizis-iskusstva-1918-sudba-kultury-i-tvorchiestva.

2. Тарасов, А.Н. Н.А. Бердяев о роли искусства в отражении процесса социокультурной трансформации [Электронный ресурс] / А.Н. Тарасов. – URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=5171.

3. Бердяев, Н.А. Кризис искусства (Репринтное издание) / Н.А. Бердяев. – М.: СП Интерпринт, 1990. – 48 с.

4. Кондаков, В.А. Философия техники в творчестве Н.А. Бердяева и современность [Электронный ресурс] / В.А. Кондаков. – URL: http://vestnik.osu.ru/2003_2/2.pdf.

5. Бердяев, Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии) / Н.А. Бердяев. – М.: Междунар. Отношения. 1990. – 336 с.

6. Бердяев, Н.А. Новое средневековье. Размышление о судьбе России [Электронный ресурс] / Н.А. Бердяев. – URL: http://www.magister.msk.ru/lib[]rary/philos/berdyaev/berdn010.htm.

7. Бердяев, Н.А. Человек и машина [Электронный ресурс] / Н.А. Бердяев. – URL: http://philosophy.spbu.ru/userfiles/kathedras/scitech/phil_tech_bibl/berd.doc.

8. Бердяев, Н.А. Судьба России [Электронный ресурс] / Н.А. Бердяев. – URL: http://lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/rossia.txt.

9. Бердяев, Н.А. О назначении человека / Н.А. Бердяев. – М.: Республика, 1993. – 383 с.

10. Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге / М. Хайдеггер // Сборник: Пер. с нем. / под ред. А.Л. Доброхотова. – М.: Высш. шк., 1991. – С. 102–111.

К содержанию

УДК 130.2:001 + 101.1

ВОЗМОЖНО ЛИ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ НАУКИ?

У.В. Сидорова

В статье с философских позиций осмысляется герменевтическое понимание науки. С опорой на тексты Гадамера, опытный материал современной науки и общий контекст дискуссий по проблеме понимания в поле современной философии обосновывается возможность герменевтической модели науки. В этой связи рассматриваются некоторые идеи герменевтического реализма П. Хилана и философии «герменевтики вещей» Д. Айди.

Ключевые слова: герменевтика, понимание, герменевтическое понимание науки.

Существенные изменения, происходящие в настоящее время в современной науке, характеризуются учеными и философами научной мысли как смена вектора движения. По их мысли, это связано с «радикальными изменениями видения природы», «эпистемологическим поворотом», синергетической парадигмой [7]. Закономерным образом трансформируются и содержательные характеристики оснований понимания науки, выявляе-

мые и анализируемые в философии науки. Поэтому XXI век характеризуется не только новым взглядом на науку и ее новым пониманием, но и поворотом в философской проблематике и традициях философского дискурса.

Общепризнано, что если реальностью классической науки была так называемая *вещная реальность* (определенным образом организованное вещество), то реальность постнеклассической – *сеть взаимосвязей*, в которую включен человек. В этой связи, современная философия науки формулирует различные онтологии реальности и ставит вопросы о *новой научной рациональности*, учитывающей, что познавательный опыт человека осуществляется в различных познавательных практиках. Так, наряду с классическими когнитивными практиками (сенсуалистической локковской и «отражательной» марксистской) можно, например, говорить и о познавательных стратегиях неокантианской и аналитической философии, о попперианском критическом рационализме, о феноменологической и герменевтической познавательных практиках, о приобретающей все большую популярность постмодернистской концепции. А это значит, что разрушается и единый образ науки, становится возможным говорить о *сосуществовании* множества когнитивных практик и различных образов науки, что выводит нас на проблему понимания науки.

Одной из ведущих когнитивных практик в настоящее время является *герменевтика*. Именно там где речь идет о необходимости преодолеть разорванность бытия в сознании человека, о необходимости формирования холистического мировоззрения, экзистенциально-феноменологические исследования и герменевтический метод становятся движением к преодолению этого разрыва – природного и ментального.

Поэтому представляется важным рассмотрение теоретических возможностей парадигмальных оснований, фундирующих используемые категории, методологии и концепты в исследовании герменевтической концепции науки, и в частности, специфики понимания и интерпретации, как обладающих теоретическим ресурсом адекватного отражения научных проблем в новых условиях современности.

Но возникает закономерный вопрос: а возможна ли герменевтическое понимание науки как одной из моделей научного современного познания?

И такая постановка вопроса не случайна, теоретическая неопределенность, терминологическая непроясненность и научные разногласия в данном отношении пока еще остаются актуальными. Так, Н.В. Бряник, одна из авторитетных исследовательниц в этой области, подчеркивает: «Заявив такую постановку вопроса, нельзя не выразить недоумения по поводу той роли, которую играют предрассудки в среде философской общественности. Выделяя неокантианскую, неорационалистическую, феноменологическую, структуралистскую концепции науки, приходится приводить аргументы, *оправдывающие* принадлежность этих направлений к области фи-

лософии науки. Что касается герменевтики, то возможность отнести ее хоть в каком-то смысле к философии науки кажется попросту вызывающей» [3].

Согласно позиции данной исследовательницы, которую мы разделяем в полной мере, герменевтику не только необходимо отнести к философии науки, но и герменевтическое понимание науки возможно и вполне состоятельно. Внимательное чтение текстов классика герменевтики Х.-Г. Гадамера поможет найти аргументы в защиту этой точки зрения.

Во-первых, в «Истине и методе» Гадамер заявляет, что философская герменевтика имеет прямое отношение к философии науки, поскольку она нацелена на гуманитарные науки и пытается распространить свои принципы на науку в целом. По его мнению, «вся наука включает в себя герменевтический компонент» [4]. И так как Гадамер пытался преодолеть одностороннюю ориентировку на факт науки, когда сама наука предстает как факт, он считал, что односторонность позитивистского идеала науки заключается в признании самодостаточности науки, в отсутствии потребности и стремления выйти за ее собственные границы. Гадамер уверен, что «герменевтика занимает соответствующее ей место и в теории науки... она открывает внутри науки – с помощью герменевтической рефлексии – условия истины, которые не лежат в логике исследования, а предшествуют ей» [4]. Понятие истины не случайно вынесено в название основного герменевтического труда Гадамера («Истина и метод»), – проблема истины для него важна в той же степени, в какой она важна и для самой науки.

Во-вторых, Гадамер называет свою герменевтику «практической философией» и рассуждает о ее реабилитации, давая при этом особое толкование практики. Практика у него связана не столько с предметно-чувственной деятельностью, сколько с онтологией человеческого бытия в целом. И это принципиальный момент. Традиционное для нас (марксистское) понимание практики в свете герменевтической практики является техницистским. Герменевтический опыт (герменевтическая практика) расширяет узкий горизонт инструментально-технологического применения науки до статуса онтологии человеческого бытия [3].

Таким образом, наука для Гадамера не просто важная тема, во многом именно она определяет существо его философии: ведь сама «герменевтика … выступает как самосознание человека в современную эпоху науки» [4]. Гадамеровская трактовка герменевтической философии науки вобрала в себя и переосмыслила истоки и опыт данной традиции и до сих пор сохраняет себя в современном философском пространстве, обладая цельностью и масштабностью.

Еще одним аргументом в защиту герменевтического понимания науки может выступить анализ *опытного материала современной науки*. Здесь имеется в виду общее развитие наук – гуманитарных, логических, общест-

венных, естественных, – всего массива знания, – развитие, приведшее к тому, что указанная проблема оказалась в фокусе внимания целого ряда отраслей знания: психологии, лингвистики, истории, искусствоведения, этнографии, семиотики, социологии, экономики и др. В результате отчетливо обозначился универсальный характер категории «понимание», что стимулировало интерес к ней философской мысли.

Если подводить некоторые итоги дискуссии по проблеме понимания, то можно заметить, что все «многообразие точек зрения на природу «понимания», существующих в нашей философской литературе, можно разделить на два направления по следующему признаку: понимание рассматривается как такой акт, который имеет смысл в рамках коммуникативной деятельности человека и не выходит за ее пределы, либо понимание трактуется как феномен более широкого и фундаментального значения, не замыкающегося рамками коммуникативной деятельности» [1]. Конечно, подобная дихотомия несколько огрубляет широкую палитру подходов к проблеме понимания, тем не менее, указанное деление является существенным и принципиальным.

Указанное различие является существенным, в частности, потому, что с ним связано различие взглядов на отношение «понимания» к научно-познавательной деятельности. Если понимание мыслится только в актах коммуникации, то оно замыкается рамками субъект-субъектных отношений. В этом случае научно-познавательная деятельность, направленная на постижение объекта, либо вполне отделяется от «понимания», к чему пришла герменевтика в своих первых философских опытах, либо познание включается в «понимание» лишь отдельными своими моментами, оставляющими нас внутри процесса развития знания и не выводящими к объекту. Другой, более широкий взгляд на природу понимания, включает в схему понимания не только субъект-субъектные, но и субъект-объектные отношения. При подобном подходе в свете «понимания» трактуется сама сущность научно-познавательной деятельности, направленной на постижение объекта.

А. Алферов убежден, что рассматривая оперирование смыслами лишь под углом зрения коммуникативной деятельности, мы как бы накладываем запрет на понимание природы, между тем как естествознание всегда стремилось к пониманию природы. Сегодня мы, конечно, не мыслим понимание природы как чтение «Книги природы», истолкование заложенных в ней смыслов, но мы не отказались от стремления понять явления природы с помощью смыслов, которые воплощены в научном знании. Понимание – это способ освоения человеком природы, вовлечения ее в человеческий мир. Как справедливо отмечал И.С. Алексеев, человек попросту не может жить в непонятном для него мире [1]. А физик П. Ланжевен утверждал, что «понимание ценнее знания» [1], при этом понимание рас-

сматривается как осознание стратегического направления исследования и его интерпретационного поля.

Очевидно, что противопоставление объяснения и понимания, традиционное для классической герменевтики и позитивизма, все больше уходит в прошлое, о чем свидетельствует сближение позитивистской и герменевтической традиций. Это не означает, что понимание и объяснение нельзя рассматривать как противоположные методы, а лишь утверждает, что это не единственно возможный способ их рассмотрения.

И действительно, сейчас признается как очевидный факт, что тема понимания – центральная для герменевтики вообще, зародившись в гуманитарном познании, вошла в проблематику и естественнонаучного знания. Ярким примером осмысления этого является философия *герменевтического реализма* Патрика Хилана [5], согласно которой, реальность, непосредственно данная в процессе научных технологиях прочтения (например, показаний инструментов), конституирована в виде многообразия осмысленных «текстов». Аргументы Хилана в пользу герменевтического реализма базируются на аналогии между чтением текста и прочтением данных, полученных в ходе применения инструмента.

Герменевтический реализм особо выделяет то, что реальность всегда уже конституирована смысловым образом, будучи тем самым реальностью текстуализированной и доступной прочтению. Тексты, конституированные практиками научных наблюдений, инструментами, экспериментами, измерениями и т.д., служат в качестве кодов для объектов восприятия в нормальной научной повседневности. Очевидно, что для доктрины герменевтического реализма естественным оказывается конституционалистский анализ, требующий герменевтической феноменологии, где мир не находится где-то вовне, а сознание всегда находится внутри мира. При этом герменевтический реализм не стремится быть антиэпистемологией, но скорее претендует на статус эпистемологии холистской, согласующейся с интерпретационистской теорией конституирования смысла внутри мира. Следовательно, понимать знания как конструирование моделей означает контекстуализировать познающего субъекта, рассмативать этого субъекта как укорененного в практики конструирования моделей (т.е. как социально-практический субъект) и допускать, что взаимозависимость практик конституирует первичную социальную среду, внутри которой и индивидуальные цели получают артикуляцию [5].

Интересны взгляды и известного философа науки Д. Айди [2, 6], который в поисках интегралов «постклассического» философствования, обращается именно к герменевтике, как к наиболее, с его точки зрения, релевантной стремлению современной философии отойти от строгих объяснительных моделей и предпочитающей многовариантные и релятивистские «понимающие» парадигмы. Примечательно, что, во многом развивая из-

вестные тезисы Гадамера, Айди выдвигает новые аргументы, и, что особенно значимо, опирается на опытный материал науки. При таком взгляде *наука предстает герменевтикой вещей* [6], которая захватывает новые отрасли, выходит за пределы гуманитарных наук, и таким образом герменевтика расширяется до материальной сферы, ранее находившейся в компетенции естественных наук и естественнонаучной методологи, поэтому и можно говорить о том, что понимание возможно и в естественных науках.

Итак, понимание и интерпретация связаны не просто с познанием явлений, но с более широким отношением к объектам – духовным и духовно-практическим освоением действительности. Комплексный подход к проблеме осмысления герменевтической модели научного познания связан с рассмотрением механизмов и детерминаций понимания объективной реальности в процессе практической деятельности по ее преобразованию. В этой перспективе открывается пространство для нового продумывания традиционных для философии науки таких вопросов как структуры научного познания, соотношения рациональных и нерациональных факторов в развитии знания, определения стандартов и норм научного познания, эволюции и роста научных понятий.

Библиографический список

1. Алферов, А. К вопросу о взаимосвязи объяснения и понимания в науке [Электронный ресурс] / А. Алферов. – URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/alferov_k_voprosu/.

2. Березин, С.Н. Постфеноменология Дона Айди [Электронный ресурс] / С.Н. Березин. – URL: http://samlib.ru/b/berezin_s_n/pz2.shtml.

3. Бряник, Н.В. Герменевтика как концепция науки [Электронный ресурс] / Н.В. Бряник. – URL: http://yafilosof.ru/?p=396&page=5.

4. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики [Электронный ресурс] / Х.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с. – URL: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000015/.

5. Гинев, Д. Между феноменологией и постаналитической философией: перспектива герменевтического реализма / Д. Гинев // Эпистемология и философия науки. – 2010. – Т. XXVI. – № 4.

6. Столярова, О.Е. Айди. Д. Расширяющаяся герменевтика: визуализм в науке [Электронный ресурс] / О.Е. Столярова. – URL: http://iph.ras.ru/page48339899.htm.

7. Черникова, И.В. Современная наука и научное познание в зеркале философской рефлексии [Электронный ресурс] / И.В. Черникова // Известия ТПУ. – 2004. – № 4. – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-nauka-i-nauchnoe-poznanie-v-zerkale-filosofskoy-refleksii.

К содержанию

УДК 004.738.5 + 316.77

КОММУНИКАЦИЯ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

О.В. Пащенко

В статье рассматривается интернет-пространство как вид коммуникации, который, с одной стороны, открывает для человека новые возможности, но, с другой стороны, скрывает определенные опасности.

Ключевые слова: интернет-пространство, коммуникация, виртуальная реальность, личность, объективная реальность.

Одной из самых острых и актуальных тем в российской действительности является влияние интернет-пространства на жизнь и деятельность людей. Особое место в «инернет-проблемах» занимают социальные сети, участие в которых нередко приводит к психологическим проблемам и даже к суициду. В группе риска оказываются, прежде всего, подростки и молодежь, которые большое количество времени проводят в сети.

Социальные сети созданы, прежде всего, для минимизации чувства одиночества человека, но не всегда выполняют эту задачу. Структура социальных сетей носит явно выраженную коммуникативную направленность, причем коммуникация осуществляется не только посредством вербальных средств общения, но и посредством невербального материала (фото и видеоряд, аудиозаписи) [3, с. 121].

Но почему устройства, призванные облегчить жизнь человека, помочь решить его проблемы становится опасным оружием в его руках? Чем для нас является интернет: источником опасности или попыткой убежать от страшных реалий современной жизни?

Интернет пространство нельзя назвать объективной реальностью, но и к субъективности мы его свести не можем. Это некий синтез, взаимоотношения субъективных, интерсубъективных и объективных составляющих.

Объективная реальность ежедневно ставит перед каждым из нас непосильные задачи. Главной проблемой XXI века является снижение ценности «человеческого». Требования, которые предъявляются обществом, связаны с подавлением человеческих составляющих (эмоций, чувств, переживаний) и выработке качеств работоспособных элементов общества (стрессоустойчивость, коммуникабельность, мобильность). С самого раннего детства перед ребенком ставят установки на успех, самореализацию, материальный достаток. Но у молодого человека могут возникать разного рода проблемы, связанные с поиском себя в реальном мире: невостребованность; неумение найти работу, способную обеспечить себя, свою семью; проблемы с общением; неумение проводить работу над собой; неумение преподносить себя в обществе.

Интернет позволяет любому человеку почувствовать себя таким, каким его хотят видеть окружающие: красивым, успешным, интересным. Сеть становится местом, где воплощаются желания, которые не всегда по силам реализовать в обычной жизни. Это своего рода уход от объективной реальности с ее требованиями.

«Виртуальная реальность оказывается близкой к художественной реальности по своим базовым параметрам: вторичности и искусственности мира. Если жизненную реальность обозначить как первичную, то реальность художественная определяется как производная от нее, надстраиваемая над ней, представляет собой вторичный мир, созданный воображением людей. Эти искусственные миры дают человеку переживания происходящего в них как событий реального мира» [1, с. 187].

В сети Интернет воплощена типичная концепция самореализации личности. Первый уровень – уровень индивидуализма, эгоизма и себялюбия (бытие в себе и для себя) представляет тезис, а второй уровень – самоотрицание, альтруизм (бытие для других) – представляет антитезис, а на третьем уровне – уровне обогащенного возвращения к себе – осуществляется синтез [4, с. 85].

Глобальная сеть облегчает жизнь человека, предоставляя ему возможности быстрого поиска информации, эффективной коммуникации с другими людьми, создания групп по интересам. К наиболее востребованным видам коммуникации посредством сети относятся: профессиональное общение и общение личности как субъекта, включающее досуговый уровень коммуникации.

Вопрос об эффективности коммуникации остается открытым. Рассматривая трудовую сферу, необходимо отметить положительные тенденции, связанные с сокращением сроков передачи информации и соответственно повышением эффективности труда. К отрицательным моментам можно отнести, прежде всего, усложнение профессиональных отношений и увеличение требований предъявляемых к работникам.

Досуговый уровень коммуникации, опосредованной глобальной сетью, является наиболее распространенным в современном обществе. Начиная со школьного возраста, дети вступают в интернет-сообщества, регистрируются в социальных сетях, осваивают виртуальное пространство. Ребенок, через подобный вид коммуникации становится постоянно причастен к чему-то большему, чем он сам. Он становится частью сообщества и ощущает свою значимость.

Реалии современности заставляют каждого человека осваивать интернет-пространство, интернет-коммуникация стала неотъемлемой частью жизни. Подобный вид коммуникации приводит к качественным изменениям в трудовой и обыденной жизни людей. Ранее сформированные и необходимые навыки становят ненужными, например, такие как обращение

к «живым знаниям», широкий кругозор, эрудиция. В информационном мире важнее иметь доступ к информации и уметь использовать ее в своих целях. В.П. Зинченко и Е.Б. Моргунов полагают существенным для мышления современного человека «примат средства над целью, цели над смыслом и общечеловеческими интересами, смысла над бытием и реальностями современного мира, техники (в том числе и психотехники) над человеком и его ценностями» [2, с. 212].

Более того, информационные технологии оказывают существенное влияние на личностное развитие, формируя нового человека с технократическим мышлением. Значительной трансформации подвергается эмоциональная сфера человека. Общаясь по средствам сети «Интернет», индивид теряет навыки эмоциональности, выражение эмоций в переписках становится крайне скудным и чаще всего заменяется символами. При этом человек получает новые навыки общения, расширяется область его контактов, он становится более доступным и открытым.

Рассматривая вопросы коммуникации в сети «Интернет» и их влияния на личностное развитие, сделать однозначных выводов нельзя. Человек получает новые возможности, которые таят в себе определенные опасности для него. Главное идти в нужном направлении и не дать виртуальной реальности заменить объективную, а использовать ее для достижения своих жизненных целей.

Библиографический список

1. Елхова, О.И. Иллюзия присутствия в виртуальном мире / О.И. Елхова // Вестник Башкирского университета. – 2015. – Т. 20. – № 4. – С. 1386–1389.

2. Зинченко, В.П. Человек развивающийся. Очерки российской психологии / В. П. Зинченко, Е.Б. Моргунов. – М.: Тривола, 1994. – 304 с.

3. Селютин, А.А. Актуальность использования «канон» для исследования жанрового своеобразия интернет-коммуникации / А.В. Селютин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 11 (192). – С. 119–123.

4. Южанинова, Е.Р. Интернет как новое пространство самореализации молодежи / Е.Р. Южанинова // Вестник ОГУ. – 2013. – № 7. – С. 82–89.

К содержанию

СЕКЦИЯ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 316.334.3 + 316.34

ОБРАЗ ВРАГА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

М.О. Двойненко

В данной статье рассматривается образ врага в политическом дискурсе с точки зрения социологического подхода. Предложен образ врага и его понимание, как продукта общественных отношений политического постмодернизма, используемый в политическом дискурсе государства и общественно-политических институтов. Рассмотрено развитие понятия «Чужак», как явление необходимое для самоопределения общества. Оно представлено в работах Г. Зиммеля до политического врага, который формируется государством и другими субъектами политики, предложенных К. Шмитом. В статье представлены возможные виды образа варяга, которые транслируются политическим дискурсом и являются элементом политической коммуникации.

Ключевые слова: образ врага, политический дискурс, социологический подход, постмодернизм в политики, чужак.

Говоря о человеческом сознании, его мировосприятии политики стоит воспользоваться такой философской категорией как «добро и зло», которая показывает нам дуализм сознания человека и общества в целом. На протяжении всего исторического процесса они испытывают необходимость всегда себя чему-то противопоставлять, и с точки зрения общей психологи это удовлетворяет человеческую и общественную потребность в идентификации себя в мире, определение границ дозволенности.

Современное общество и его политический дуализм, его алгоритм функционирования в рамках концепции постмодернизма, которая, по мнению философа и публициста А. Рубцова, высказывающего мнение, что «…модерн искал противопоставление, а постмодернизм их уже порождает» [5]. Исходя из вышесказанного, политическая сфера построена на принципах противопоставлений, как внутри политической системы, так и самих политических систем, которые могут выражаться в политическом дискурсе. Так как постмодернизм делает акцент на дискурс, утверждая роли языка в процессе формирования знания и опыта. Эту же идею продолжает Ж. Бодрийяр, говоря о постмодернизме и государствах Запада, «где больше нет возможностей изрекать зло и где все негативное заглушается виртуальным консенсусом. Даже наша политическая власть стала тенью этой функции, она существует только благодаря символическому осуществлению обозначать другого, чужого, врага» [2, с. 50].

Одним из исследователей социологического подхода для описания не только социологических, но и политологических процессов считается, Г. Зиммеля, который ввёл и рассматривал социологическую категорию «чужак», исследуя механизм функционирования группы. Для описания чужака он использовал критерий «единство близости и удаленности» – это характеризовало восприятие чужака группой и соответствующее групповое отношение. Г. Зиммель даёт такое определение чужака: «Во-первых, это тот, кто показывает группе её границу, воплощает в себе эту границу. Во-вторых, он обладает определенной дистанцией по отношению к группе и потому может претендовать на объективное отношение к ней» [3, 8]. Иными словами, чужак не принадлежит группе и всегда волен её покинуть. Исследуя этот вопрос, С. Биньковская говорит, что объективность чувства основывается на том, что оно определенно не связано ни с одной из социальных групп, противостоит им всем. В её работе особо подчеркивается идея Г. Зиммеля об отделенности и близости [1, с. 78]. Чужой отделён от группы, группа его противопоставляет себе, но одновременно с этим существует его важность (какая-то значимость) для группы, которая начинается с элементарной заинтересованности и любопытства чужим, исходящая из природных качеств людей, входящих в группу и заканчивающаяся прямой конфронтацией с чужим. Следовательно, необходимо так же обратить внимание на важность роли чужого и в политической сфере, к примеру, для группы не может стать институт или человек чужим, если они не имеют о нем представления, которое порождается политическим дискурсом.

Первый, кто вводит категорию «врага» в политической сфере, был К. Шмит в своих опубликованных лекциях «Теория партизана». Он дает определение политического врага, говоря, что это «нечто такое, что по какой-либо причине должно быть устранено… по этой причине я должен с ним столкнуться в борьбе…» [8, с. 45]. Цель этого столкновения, по мнению автора, сугубо индивидуальная для каждого понимания. К. Шмит отмечал, что врагом может быть кто угодно: «собственное правительство, собственный начальник» и даже кто-то из нашего близкого или родственного окружения. Представленное понимание врага является динамичным и зависит от индивидуального восприятия человека, и, исходя из этого, появляется «настоящий враг» – тот, который будет в данной ситуации актуален. Также, он обращает внимание, что «в самом понимании врага должна заключаться путаница», и это еще раз показывает некую иррациональность, необходимую для создания и восприятия обществом и человеком врага и его образа.

По мнению К. Шмита, образ врага в политической сфере строится на контрасте и на объяснении широкой общественности возможной потенциальной угрозы или причин конфронтации. В работе «Понятие политиче-

ского» он доказывает эту мысль, где приводит исследование политического процесса, в котором происходит постоянное размежевание на группы друзей и врагов, и считает это главным критерием политического. К. Шмит обращает внимание, что враг – это практически постоянная величина, гарантирующая политическое единство общества. Следовательно, образ врага – это какой-то вербальный образ, существующий в политической сфере, и такой образ нам может создаваться в ходе естественных процессов, происходящих в обществе, объективных причин и посредством политического дискурса, как продукт политического процесса.

Е.И. Шейгал в своем исследовании «Семантика политического дискурса» обосновывает идею, что в отличие от текста, дискурс не может быть завершенным, и подчеркивает его не дискретность – так и образ врага, транслируемый в политическом дискурсе, выступает как комплексное перманентное представление.

Дискурс это подъязык политической сферы, включающий в себя как вербальные элементы (текст), так и невербальные элементы (контекст) [6, с. 49]. Таким образом, опираясь на исследование Е.И. Шейгал, мы понимаем, что дискурс тождественен языку политики. В отличие от других подъязыков (или дискурсов) политический дискурс постоянно охватывает широкие массы за счет своей значимости и постоянной транслируемости через СМИ. В политическом дискурсе наблюдается идеологическая полисемия, под которой понимается использование одинаковых обозначений (демократия, свобода, оккупация, справедливость, террорист и т.д.) представителями разных идеологий для обозначения разных понятий. На основании этого дискурс оперирует в значительной степени к контексту, помещая в нем некоторое количество различных подтекстов, понятных аудитории, одним из которых может быть и образ врага.

На сегодняшний день в отечественной науке образ врага рассматривается чаще не как продукт политического дискурса, а как некое социальное явление, возникающие самостоятельно или под влиянием государств. Г.И. Козырев формулирует образ врага «как качественная (оценочная) характеристика, сформированная в общественном сознании». С точки зрения того, что дискурс непрерывен, то и образ врага это лишь представление, меняющееся в зависимости от политической конъюнктуры, а враг с точки зрения социологического подхода: «это актор (явление) представляющее собой реальную или мнимую угрозу» [4, с. 113]. То есть, обязательно вербально-определенная характеристика или явление обязательно воплощенное в ком-то, в ком общество себе противопоставляет и видит угрозу. Более объективной причиной поиска обществом врага является транслирования идеи его присутствия в политическом дискурсе.

Политический дискурс включает невербальный контекст для создания образа врага, что не требует каких-то конкретных определенностей, так

как не всегда направлен на рациональное, а зачастую на чувственное восприятие политической реальности. Исходя из того, что политический дискурс функционирует по закону коммуникации, деля информации по типу аудитории, по направленности сообщения и т.д., можно выделить два вида образа врага транслируемых в политическом дискурсе. Это можно представить в виде схемы.

Виды образа врага транслируемые в политическом дискурсе

Образ внешнего врага наиболее распространен в политическом дискурсе, так как для его формирования используется более простая и понятная модель дискурса. Общественное восприятие внешнего врага построено на противопоставлении одного другому, будь то государства агрессора, политического режима, идеология и т.д., для подчеркивания своей особой уязвимости или преимуществ оппонента хорошо видны на контрасте, также свою не защищённость, или другой возможный объективный или не объективный аспект возможной угрозы. При этом в условиях современной глобальной экономики образ внешнего врага часто варьируется до образа «конкурента», и следовательно, с ним можно выстраивать отношения и дела.

Виды внешнего врага

1. Идеологический – такой образ противопоставлен по идеологическому признаку, начиная от противопоставления уровня свобод в обществе, толерантности политической системы и заканчивая используемым типом экономической системы. Идеология во внешнем политическом дискурсе всегда играет доминирующую роль, давая понять, кто является союзником, а кто – точно нет.

2. Исторический – это представление о враге, которое сформировалось в ходе исторического процесса, когда одно государственное образование повлияло на другое, посредством участия в военных конфликтах, переворотах, геноциде и так далее. Исторический образ врага всегда чужд обществу, так как оно его не принимает как часть своего исторического процесса, культуры.

Политический дискурс обращается к этому образу в период осложнения геополитических отношений и часто рассматривает проблемы настоящего через призму прошлого.

3. Абстрактный – это враг всему человечеству в целом. Он не имеет лица, но имеет конкретные проявления в виде глобальных проблем (глобальный терроризм, эпидемии, экологические, в виде глобального заговора по контролю над экономикой или тайного влияния на политику целых государств). Образ абстрактного врага очень актуален в политическом дискурсе западных демократий, так как позволяет решать государствам геополитические претензии и выделять финансирование оборонной сферы, и это популярная тема для предвыборных спекуляций приносящая политические очки.

4. Официальный внешний враг – это очень важная часть политического дискурса, необходимая на уровне государственных стратегий, позволяющая определить свое место в мировом сообществе, возможные внешние вызовы, и предлагающая обществу пути их сдерживания. Образ официального внешнего врага закрепляется чаще всего в концепции национальной, информационной безопасности, доктрине противодействия терроризму и так далее. Изучение таких документов позволяет представить, как государство видит долгосрочную стратегию геополитического развития.

Таким образом, внешний образ врага в политическом дискурсе можно воспринимать как представление в широком смысле, глобальный набор актуальных объективных и субъективных характеристик, на котором может строиться противопоставление и осуществляться консолидация общественного мнения среди широких слоев населения.

Как говорилось выше, у общества есть потребность в защите себя и своих интересов от всего чуждого, даже среди самого себя. Политическая сфера так же использует способ для самозащиты или своей стабилизации посредством политического дискурса – так формируется образ внутреннего врага.

Виды внутреннего врага

1. Официальный образ внутреннего врага олицетворяет оппозиционные силы и тот дискурс, который они производят относительно друг друга. Его существование в обществе признается официально, оно функционирует в рамках установленного правового поля, и определенная часть общества даже высказывает поддержку.

2. Неофициальный образ внутреннего врага получает так называемая «несистемная оппозиция», то есть та, которая находится вне политического поля официального политического процесса или так называемая «пятая колонна», как совокупность деструктивных или радикальных элементов, нацеленных на уничтожение или разобщение сложившейся политической системы нелегальным путем. Неофициальный враг появляется в политиче-

ском дискурсе в период внутренней нестабильности режима или общества, либо так же в жестко однопартийных системах, государствах с централизованной системой управления.

3. Маргинальный образ внутреннего врага используется в политическом дискурсе для одушевления каких-то социальных проблем, и перенос их на политическое поле, как самостоятельных акторов, отношения к которым в некотором роде имеют все члены общества и признают их пагубное влияние на все общество, а именно проблем коррупции, жилищно-коммунальной сферы, некачественных дорог и так далее. То есть, явления, которые не получается решить, но их используют в политическом дискурсе для привлечения общественного внимания, получения политических баллов.

4. В политическом дискурсе не всегда можно описать врага конкретно, так как он не имеет каких-либо вербальных признаков, или его просто на данный момент нет в силу стабильности политической системы. Но в условиях ежедневного политического процесса могут приниматься и реализовываться решения, с которыми будет не согласна определенная часть общественности, в целом лояльная политическому режиму. И такой тип врага в дискурсе будет представлен как потенциальный. Обращение к образу потенциального врага – происходит безадресно и максимально неконкретно: «они, о которых вы и так знаете» – подчеркивается эта мысль в дискурсе. Потенциальный враг используется в политическом дискурсе для обозначения превентивного образа врага, включающий в себя тех, кто не выделяется в отдельную группу и характеризуется абстрактным понятием «раскачивающий лодку, дестабилизирующих систему, подрывающих авторитет».

Таким образом, наличие образа врага в политическом и общественном сознании является составной частью восприятия человеком и группой в определении себя в социальной реальности и выделении опасного и безопасного. Представление об образе врага в политической сфере были заложены К. Шмитом и им же сформулировано определение, включающее в себя такие характеристики как «все политические слова (политический дискурс) имеют политический смысл; они предполагают конкретную противоположность, привязаны к конкретной ситуации, последнее следствие которой есть разделение на группы «друг/враг», и они становятся пустой и призрачной абстракцией» [7, с. 35].

Язык политики функционирует по законам коммуникации, следовательно, политический дискурс формирует представления о внешнем и внутреннем образе врага в общественном сознание. Образ врага как динамичное, но законченное представление об угрозе обществу или системе, выраженное как вербальным текстом, так и абстрактными суждениями, через политический дискурс.

Библиографический список

1. Баньковская, С. Другой как элементарное понятие социальной онтологии / С. Баньковская // Социологическое обозрение. – 2007. – Т. 6. № 1. – С. 75–87.
2. Бодрийяр, Ж. Америка / Ж. Бодрийяр. – СПб.: Владимир Даль, 2000. – С. 20.
3. Зиммель, Г. «Экскурс о чужаке» / Г. Зиммель; пер. А.Ф. Филиппова // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». – СПб.: Владимир Даль, 2008. – С. 7–13.
4. Козырев, Г.И. «Враг», (образ врага) в общественных и политических отношениях / Г.И. Козырев // Социологические исследования. – 2008. – № 1. – С. 112–121.
5. Прощай модерн // Новая газета. – 2016. – № 16. – 15 февр.
6. Шейгал, Е.И. «Семиотика политического дискурса»: дис. … д-р филол. наук / Е.И. Шейгал. – М.: РГБ, 2005. – С. 431.
7. Шмитт, К. Понятие политического / К. Шмитт // Вопросы социологии. – 1992. – Т. I. – № 1. – С. 35–67.
8. Шмитт, К. Теория партизана: Промежуточное замечание по поводу понятия политического / К. Шмитт; пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. – М. – С. 50.

К содержанию

УДК 327.83

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МИФЫ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ[1]

С.В. Докучаева

В статье анализируется процесс реализации культурной дипломатии в эпоху Холодной войны между СССР и США средствами политического мифодизайна. Предметом исследования является установление и развитие взаимодействия СССР с Латиноамериканским регионом в период с 1953 по 1970 гг. Также рассматривается институциональный аспект реализации политических мифов на данном геостратегическом направлении.

Ключевые слова: культурная дипломатия, СССР, Латинская Америка, политические мифы.

Процессы коммуникации и воздействия на сознание людей являются базовыми в политической сфере общества. В разные периоды истории для достижения максимального эффекта в этих областях использовались различные техники и приемы, и чем больше знаний о природе и

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10213).

психике человека накапливала наука, тем серьезнее и изощреннее становились эти методы.

Далее мы рассмотрим такое явление как «культурная дипломатия» через призму воздействия на массовое сознание населения как внутри своей страны, так и за ее пределами. Объектом нашего исследования является культурная дипломатия СССР в странах Латинской Америки в период Холодной войны.

Мы используем следующую трактовку понятия «культурная дипломатия» – это способ представления государства на международной арене, канал формирования его позитивного репрезентативного имиджа, идентификации среди других культур, при этом достигается данная цель посредством пропаганды разной степени жесткости и агрессивности [1, 2].

В условиях идеологических войн усилия направлены на обесценивание культуры противника и замену ее собственными культурными концептами.

Распространение собственной культуры на другие страны и народы требует четкой продуманной стратегии, включающей в себя ясное понимание целей, задач и методов их достижения. Использование культурной и политической пропаганды предполагает формирование желаемого образа носителя данной культуры в глазах реципиента коммуникативно-культурного послания. А это в свою очередь влечет за собой частичное или полное изменение картины мира реципиента.

Воздействие на сознание человека для решения политических задач в большинстве случаев осуществляется с помощью политического мифотворчества.

Миф, по мнению ряда исследователей, является источником идеологии, ее «первичным строительным материалом», и всякая идеология мифологична по своей природе, так как отражает отношение политических институтов общества к политическому процессу [3].

Социально-политический миф можно определить, как форму политической творческой активности, содержанием которой является конструирование стереотипных представлений о политических реалиях прошлого и настоящего [3].

Таким образом, культурная дипломатия как средство идеологической пропаганды Советского Союза, является процессом политического мифотворчества, то есть сознательного и целенаправленного конструирования политических мифов и трансляцию их на население своего государства, а также тех стран, которые были в сфере идеологических и геополитических интересов СССР.

В процессе реализации культурной дипломатии СССР в странах Латинской Америки основной акцент делался на противопоставлении образа советского государства империалистическому врагу – США. Необходимо было создать привлекательный образ свободной страны, с которой угнетаемые и бедные в большинстве своем страны Латинской Америки захоте-

ли бы устанавливать тесные культурные, экономические, научные, а затем и политические контакты, но главное, вышли из-под влияния Соединенных Штатов, что в рамках Холодной войны было одной из основных целей.

Стоит учитывать, что установление дружеских связей и помощь странам Латинской Америки работало не только на внешнюю, но и на внутреннюю политику.

Культурная дипломатия создавала образ, и процесс этот, как уже отмечалось, не был только внешне ориентированным. Активная работа в латиноамериканском регионе через Общества Дружбы и Отдел стран Латинской Америки в структуре ССОД была направлена на идеологическую пропаганду советской культуры и науки, особенно в период с 1953 по 1970 гг. Основной интерес вызывали представители творческой, научной, культурной интеллигенции, представителей которых приглашали в Советский Союз в составе тщательно отобранных делегаций. И во время визита в СССР происходило полное погружение в «сконструированную» реальность. После возвращения на родину, делегаты транслировали созданные для них образы и вели идеологическую работу в пользу приглашающей стороны. И это был процесс создания внешнего образа [4, 5].

Внутренний же образ, создаваемый с помощью приемов культурной дипломатии, преследовал совсем другие цели – это было средство управления собственным населением, канализация и аккумулирование негативных и позитивных эмоций по отношению к «своим» – Мексика, Бразилия, Чили, Уругвай, а затем и Куба, и «чужим» – США, империалистические страны.

Кроме того, для населения создавались возможности участия в общественной и социальной жизни безопасным для государства образом, происходил процесс просвещения населения, ознакомление его с бытом и культурой стран, по уровню жизни, стоящих ниже, то есть сравнение в любом случае было в пользу СССР. Также осуществлялось перенаправление негативных эмоций людей на конкретные объекты, находящиеся за пределами страны, и при этом граждане видели такой образ собственного государства: бескорыстно помогающее, дружелюбное к «своим», справедливое, готовое защищать слабых и бедных, щедрое, сильное.

Вследствие этого в сознании людей автоматически формировалась установка «если такой к другим, значит и к своим», и образ государства становился непогрешимым, а все проблемы и отклонения от описанной выше модели поведения, списывались на счет отдельных исполнителей, врагов народа, которые стремятся сознательно навредить советскому народу и государству, опорочить его образ.

Таким образом, можно предположить, что ресурсы культурной дипломатии как средства создания и трансляции политических мифов значительны, но мало изучены с данной точки зрения.

Однако изучение культурной дипломатии с позиций политического мифотворчества дает возможность расширить методологический инструментарий за счет методов политической психологии, помимо изучения сугубо исторического контекста и глубже понять особенности взаимодействия СССР с данной группой стран.

При этом процесс конструирования и трансляции политических мифов всегда осуществляется и осуществлялся через различные каналы распространения информации, через государственные структуры и общественные объединения.

Изучив архивные материалы, отражающие характер и особенности культурно-политического взаимодействия СССР со странами Латинской Америки, мы смогли выделить следующее. Институциональное взаимодействие со странами Латинской Америки, посредством которого и реализовывалась культурная дипломатия, носило как вертикальный, так и горизонтальный характер.

Иерархическое взаимодействие имело место внутри самого ССОД, который состоял из Президиума, Бюро, Совета, а также из отделов, отвечающих за контакты с определенными группами стран. Непосредственно отделы состояли из начальников, ответственных работников, а также секретарей и референтов, которые осуществляли основную работу по организации мероприятий, ведению переписки, подготовке материалов и их отправке и т.д. При этом конкретные отделы реализовывали задачи организации и курирования обществ дружбы с различными странами в СССР и представительств обществ дружбы в этих странах. Также отделы обязаны были устанавливать и поддерживать всесторонние контакты с обществами дружбы, созданными в самих странах, с культурными центрами, университетами, учреждениями культуры, отдельными авторитетными и влиятельными лицами в этих странах. При этом общества дружбы имели юридический статус общественных организаций, действующих на общественных началах, и формально никому не подчиняющихся. Но по факту они были встроены в систему ССОД и получали распоряжения от своих отделов-кураторов, действуя по их прямым указаниям и в рамках реализации поставленных отделом целей.

Горизонтальное взаимодействие также имело место непосредственно в странах, с которыми устанавливались связи. Никаких инструментов давления на общества дружбы, культурные центры и т.д. у ССОД не было, здесь действительно все общение строилось на добровольных началах, и именно поэтому главным инструментом и одновременно целью являлась пропаганда советской культуры, политических ценностей, идеологии, образования, образа жизни и т.д. Для сотрудников, занимавшихся работой на местах, для делегаций, состоявших обычно из людей занимающих значимые посты в различных сферах (медиа, культура, медицина, образование, власть) главной задачей было гибко менять характер общения, меняя воз-

действие на взаимодействие. Это было необходимо для того, чтобы контрастировать с США, принуждавшими страны Латиноамериканского региона к проведению нужной им политики, силой включающими их в круг своих геополитических, экономических, политических интересов и не дававшими им выбора, кроме как быть верными союзниками США.

Таким образом, на институциональном уровне было необходимо выбрать стратегию добровольного уважительного сотрудничества со странами Латинской Америки как с равными партнерами, в которых СССР заинтересован.

В реальности же, имеющаяся заинтересованность носила в основном политический и геостратегический характер и регион рассматривался как беспрецедентное по возможностям после кубинской революции поле для расширения идеологического и политического влияния СССР, однако соседство США и трудности с установлением дипломатических отношений во многих странах региона, а также сложная внутриполитическая обстановка в этих странах, накладывали ограничения на средства достижения целей по расширению влияния на латиноамериканские страны. Даже в рамках реализации культурной дипломатии Отдел латиноамериканских стран вынужден был учитывать сложную политическую обстановку в регионе при составлении программ развития отдела и планов по работе.

Основными направлениями работы были следующие: установление и развитие контактов с уже существующими в таких странах как Куба, Бразилия, Мексика, Чили, Уругвай, Боливия, Эквадор обществ дружбы с СССР; развитие контактов с университетами и институтами этих и ряда других стран; установление связей и контактов с организациями культуры и искусства, здравоохранения и общественными организациями разной направленности; создание в СССР обществ дружбы со всеми обозначенными странами; установление контактов и связей со странами региона, с которыми не было установлено дипломатических отношений. В рамках этих взаимодействий главной задачей Отдела было снабжение всех указанных организаций материалами о Советском Союзе разной формы и содержания: научная, учебная и художественная литература, фото выставки, выставки художественных произведений, художественные и документальные фильмы, короткометражные тематические фильмы, также осуществлялось снабжение техническими средствами для демонстрации этих материалов (проекторы, магнитофоны и т.д.). Также организовывалась переписка с отдельными гражданами, организациями, особенно научными, образовательными и культурными.

Еще одной институциональной особенностью взаимодействия являлся обмен делегациями и туристическими группами. Данный процесс был институцианализирован по ряду внутренних и внешних для политики СССР причин. К внутренним можно отнести наличие «железного занавеса» и общий жесткий контроль за выездом за рубеж своих граждан и приезда иностранных, к внешним – сложную политическую ситуацию в Латино-

американском регионе, препятствующую выезду в социалистические страны граждан отдельных стран региона. Кроме того, для ССОД в целом и ОЛАС в частности было крайне важно получать эффект от визитов делегаций и спецтуристических групп в страны Латинской Америки и из них. Это было обусловлено самими пропагандистскими целями деятельности отдела. Главное было сформировать делегации так, чтобы в них входили люди, пользующиеся максимальным авторитетом в своей стране и имеющие возможность оказывать влияние на широкие слои населения. Точно также СССР посылали в страны региона видных деятелей культуры, науки, искусства, образования, экономики, сельского хозяйства – в том числе и для обмена опытом. При этом необходимо понимать, что обмениваясь опытом, рассказывая о достижениях советского народа, наглядно их демонстрируя аудитории стран Латинской Америки, делегаты и туристы формировали мнение, отношение к Советскому Союзу, конструировали позитивный образ реальности, противопоставляемый как реальности этих стран, так и реальности США.

В свою очередь, делегации из Латинской Америки совершая визиты в СССР погружались в созданную для них реальность, чтобы вернувшись на родину начать агитировать за СССР, рассказывая, как хорошо и интересно живется самому свободному народу в мире. При этом отдел достаточно жестко высказывался о необходимости строгого отбора членов делегаций для визита в СССР, так как для их встречи, сопровождения и создания нужного впечатления о СССР требовалось много усилий, а при наличии случайных людей или не обладающих авторитетом и влиянием в своих странах, все эти усилия оказывались потрачены зря, с точки зрения отдела. Это в целом закономерно, так как цель отела заключалась в том, чтобы пропагандистскими средствами создать правильное впечатление о советской действительности у гостей из других стран, а не просто предоставить им возможность самостоятельно познакомиться со страной, в которую они прибыли и сформировать собственное мнение об увиденном. Подобная ресурсоемкость объясняется необходимостью постоянно формировать реальность, демонстрируя только отдельные ее стороны и моменты, что предполагает тщательное составление маршрутов, постоянное наблюдение за визитерами, отслеживание их контактов, постоянное сопровождение и т.д. – главное было не просто показать гостям Советский Союз, а показать его правильно. Естественно результатом должно было быть восхищение советской действительностью и трансляция ее достоинств и достижений на население своих стран путем публичных выступлений, лекций, публикаций в прессе.

Эти особенности взаимодействия со странами данного региона характерны как для периода до кубинской революции, так и после. Однако если до кубинской революции установление отношений с Латинской Америкой не являлось приоритетной задачей, хотя было понятно, что этот регион

крайне важен с геополитической точки зрения, то после нее СССР оценило потенциал региона в плане распространения собственных идеологических ценностей и противостояния США фактически рядом с ее границами.

С 1953 по 1961 гг. отдел стран Америки устанавливал связи с университетами, обществами дружбы, культурными центрами и лидерами мнений в большей степени, чтобы обозначить свое присутствие в регионе. Представители СОД в этих странах охотно шли на контакт, не всегда являясь его инициаторами. Чаще инициатива исходила от самих латиноамериканцев, так как в регион возрос интерес к СССР в целом. Однако после Кубинской революции ситуация изменилась. В структуре ОСА был выделен Отдел стран Латинской Америки, и его задачей стало максимально возможное расширение и углубление связей и контактов со странами ЛА. И здесь инициатива уже перешла к Советскому Союзу. Стали направляться и приниматься больше делегаций, остро встали вопросы финансового обеспечения, выросли объемы работы, что потребовало новых штатных единиц и открытия представительств в странах региона. Институциональные каналы взаимодействия никаких существенных изменений не претерпели, способы и методы остались теми же, что были в первый период, правда изменился характер взаимодействия, став более инициативным и заинтересованным со стороны СССР.

Также при создании в СССР обществ дружбы, стали тщательно отбирать кандидатуры на пост председателя общества, выбирая лидеров мнений очень популярных у населения личностей, чтобы они своим авторитетом привлекали людей в члены общества и гарантировали открытую и прозрачную работу обществ.

К примеру, первым председателем общества советско-кубинской дружбы стал Юрий Гагарин, и за 2 года работы общества количество его коллективных членов было больше 150. Причем данное общество имело только коллективное членство и вести переписку с кубинскими друзьями могли только те, кто являлся членом общества. Заявки в члены общества подавали крупнейшие промышленные и сельскохозяйственные предприятия, заводы, товарищества, университеты, больницы, школы всех союзных республик, крупных и мелких городов СССР. Гагарин лично отвечал на все запросы и поздравлял с принятием в члены общества. Также общество вело активную переписку с Кубинским университетом, который выполнял и функции общества дружбы кубы с СССР, организовывало и проводило мероприятия, посвященные культуре Кубы, ее революции, организовывало праздничные мероприятия, приуроченные к значимым для кубы датам, давало контакты кубинских граждан для переписки советским гражданам и наоборот. Деятельность данного общества курировал ОЛАС, который занимался также обеспечением Кубы русскоязычной литературы для изучения русского языка, переводами на испанский русской литературы и фильмов и т.д. То же самое отдел делал и для всех других обществ друж-

бы со странами ЛА. Однако после кубинской революции именно Куба была приоритетным направлением деятельности.

Таким образом, можно сделать вывод, что использование инструментов политического мифотворчества в сфере культурной дипломатии было не просто распространено, это было ключевое направление действий, которое реализовывалось посредством всех имеющихся институциональных ресурсов СССР как внутри государства, так и на территории самой Латинской Америки.

Библиографический список

1. Клементьева, Н.М. Развитие связей между СССР и рядом стран Латинской Америки в области культуры, 1965–1975 / Н.М. Клементьева. – М.: ВГБИЛ, 1983.
2. Кубышкин, А.И. Публичная дипломатия США: Учебное пособие для вузов / А.И. Кубышкин, Н.А. Цветкова. – М.: Аспект Пресс, 2013.
3. Шестов, Н.И. Политический миф теперь и прежде / Н.И. Шестов. – М.: Олма-Пресс. 2005.
4. ГАРФ, Ф. Р9576, оп. 8, д. 3.
5. ГАРФ, Ф. Р-9576, оп. 8, д. 17.

К содержанию

УДК 316.74:37 + 316.346.2-055.2

ГЕНДЕРНЫЕ РИСКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Н.В. Антонова

В статье проводится анализ гендерных рисков в современном российском обществе, отмечаются их особенности, на основании которых проводится подразделение рисков на институциональные и личностные. Основной акцент делается на рассмотрении последних – социально-экономических и политических рисков, с которыми сталкиваются женщины в повседневной жизни.

Ключевые слова: гендерный риск, женщины, гендерные роли, гендерные стереотипы, гендерная дискриминация.

Риск является одной из самых острых проблем в современном мире и понимается как ситуативная характеристика деятельности, состоящая в неопределенности ее исхода [6, с. 190]. В современных исследованиях большое внимание уделяется экономическим, политическим, правовым, военным и идеологическим рискам. На этом фоне гендерные риски отходят на

второй план. Однако согласно докладу Всемирного экономического форума, Россия занимает 75 место в рейтинге стран по гендерному равенству [11]. Это связано с низкими возможностями участия женщин в социально-экономической и политической сферах, что ведет к феминизации бедности и снижению общего уровня жизни населения. Поэтому проблема гендерных рисков заслуживает не меньшего внимания исследователей.

Ю.А. Зубок в изучении риска выделяет несколько теоретических направлений:

1) научно-когнитивный подход понимает риск как объективное явление, свойственное каждой ситуации, как следствие вероятностей и их последствий;

2) социально-конструктивистский подход рассматривает риск как результат экономических, политических, правовых и других дисфункций, формирующих контекст риска;

3) социокультурный подход представляет риск в качестве результата субъективного выбора индивидов и групп во всех сферах общества, обусловленного ценностными ориентациями и психологическими особенностями принимающих решения людей [6, с. 191];

Если рассматривать гендерные отношения через призму теории риска, то можно выявить следующие особенности возникновения гендерных рисков.

Гендерные риски неизменно присутствуют в самой природе гендерных отношений, в основе которых лежит полярность мужских и женских биологических характеристик, традиционных ролей и стереотипных свойств личности. Множество рисков, с которыми сталкиваются представители обоих полов, обусловлены несовершенством правовых законов и неэффективностью функционирования социальных институтов. И, наконец, риски являются закономерным следствием выборов, которые совершают в своей повседневной жизни мужчины и женщины.

Исходя из этого гендерные риски можно разделить на институциональные и личностные. Институциональные гендерные риски связаны с дисфункциональностью социальных институтов либо неэффективной институциональной средой в плане обеспечения гендерного равенства.

Личностные гендерные риски возникают в результате конфликта гендерной идентичности и ситуации неопределенности, в которой необходимость делать выбор связана с вероятностью выхода за рамки принятой гендерной роли, что может привести к состоянию гендерной маргинальности. Они являются прямым следствием институциональных рисков и станут предметом исследования в дальнейших работах.

Среди институциональных гендерных рисков, которые в наибольшей степени оказывают влияние на качество жизни женской гендерной общности, в данной статье рассмотрим социально-экономические и социально-

политические риски. Социально-экономические риски, главным образом, обусловлены необходимостью делать выбор между семьей и карьерой.

Сценарии решения этой дилеммы обычно заключаются в следующем:

1) приоритетом является карьера;

2) относительно сбалансированное совмещение семейных и профессиональных обязанностей;

3) приоритет отдается семье.

Рассмотрим первую модель – уклон в сторону профессиональной занятости. На рынке труда женщина сталкивается с большим количеством рисков, обусловленных, прежде всего, влиянием гендерных стереотипов. Это может быть вызвано, к примеру, жесткой конкуренцией со стороны мужчин, непризнанием ее профессиональных качеств коллегами, кадровой политикой руководства, ограничивающей профессиональный рост женщин и др. К тому же современный мир бизнеса ассоциируется больше с мужской манерой поведения и образом жизни, поэтому женщины вынуждены гораздо больше прилагать усилий, чтобы подтвердить свои деловые качества, чтобы их воспринимали как профессионалов.

Снизить риски женщинам в сфере бизнесе помогает трудолюбие, высокий образовательный потенциал, склонность к тщательной проверке информации, большая организованность, целеустремленность и последовательность, способность учитывать любые мелочи в работе, коммуникабельность, большая адаптация к изменившимся условиям, гибкость и большая демократичность в управлении коллективом. К тому же женщины-руководители более законопослушны, что позволяет им избежать правовых рисков во взаимодействии с местными властями [3].

Если говорить о направлениях, которые женщины выбирают для ведения бизнеса, то согласно данным организации «Российская академия бизнеса и предпринимательства», – это сервис, лёгкая и пищевая промышленность. Россия занимает первое место в мире среди женщин-руководителей, однако женщины преобладают в малом бизнесе и среди менеджеров среднего звена, в то время как в сфере крупного бизнеса они составляют меньшинство. При этом отмечается, что женщины чаще по сравнению с мужчинами сталкиваются с дискриминацией при устройстве на работу: в 80 % случаев на должность топ-менеджера работодатели предпочитают нанимать мужчин, и лишь для 20 % гендерный фактор не имеет значения. Выбор в пользу женщины осуществляется в традиционно «женских» сферах: бухгалтерия, набор персонала, маркетинг и реклама, и это, как правило, связано в большей степени со сложившимися в компании или отрасли традициями, нежели с личными предпочтениями работодателей [7].

Однако если для одних женщин профессиональные достижения занимают первое место в рейтинге жизненных ценностей, то для другой части женщин работа носит второстепенный характер – они предпочитают реа-

лизовывать себя в семье и не стремятся к более высоким должностям и заработной плате, тем самым реализуя второй возможный сценарий решения дилеммы «семья/работа».

Если во время обучения в вузе девушки могут строить планы о построении успешной карьеры, то с выходом на рынок труда и столкновением с реальными трудностями их амбиции и уверенность в своих силах ослабевают, и они сосредотачиваются на выполнении семейных обязанностей. Этому способствует и давление общественного мнения, в котором норматив «работающая мать» провозглашается обязательным и достижимым для всех женщин. Как отмечают исследователи [7], женщины отдают ему предпочтение даже в случае, если материальные возможности их семей позволили бы им выполнять только материнские роли. Однако совмещение семейных и профессиональных обязанностей также сопровождается рисками и, как следствие, напряженностью и конфликтами в повседневной заботе о детях. Это связано с отсутствием свободного времени, возможностей гибкого графика работы, наличием сверхурочной занятости. К тому же у работающих женщин по сравнению с работающими мужчинами объем трудовой нагрузки возрастает в два раза. Эффективное распределение ролей между супругами приводит к снижению рисков возникновения семейных конфликтов, но это во многом зависит от согласованности действий и поведения супругов и их ответственности за исполнение семейных ролей.

И, наконец, третий сценарий – это концентрация на выполнении исключительно семейных ролей, что также сопровождается определенными рисками, которые имеют уже личностный характер. Женщины с раннего детства усваивают то, что их роль заключается, прежде всего, в том, чтобы быть «хранительницей домашнего очага». Причем, чем более женщина идентифицирует себя с ролью домохозяйки, тем выше у нее стандарты выполнения домашней работы, а значит, тем больше времени она проводит за этим занятием. Вместе с тем, у таких женщин нередко возникают проблемы с планированием бюджета семьи и денежных трат, зачастую они подвергаются жесткому контролю со стороны мужа, что часто выражается в личностной неудовлетворенности, чувстве вины, депрессии и внутриличностных конфликтах. При этом наибольшую удовлетворенность браком демонстрируют домохозяйки, в чьих семьях обязанности по дому распределяются поровну, следом идут работающие женщины, состоящие в эгалитарных браках, в то время как работающие женщины, у которых в семье традиционное распределение обязанностей, и домохозяйки в традиционном патриархальном браке наименее удовлетворены брачно-семейными отношениями [1].

Далее рассмотрим институциональные риски в политической сфере.

Отсутствие в современном российском обществе институциональных механизмов продвижения женщин в политику и власть приводит к тому,

что их политическая карьера является, скорее, результатом стечения рисков и благоприятных обстоятельств, а не продуманной карьерной стратегии. Среди них достаточно низкий процент представителей гражданского общества, женских и молодежных организаций, и тема введения квот, как и обсуждение проблем гендерного неравенства в политике, пока не являются актуальными ни для их партийного руководства, ни для самих женщин-политиков [10, с. 47]. Однако проблема политического участия женщин заключается не только в их малом представительстве на государственных и муниципальных должностях в целом, а в их отсутствии на лидирующих позициях. Такая же ситуация складывается и в партиях, в региональных отделениях которых присутствуют достаточно много женщин, но депутатами федерального или регионального парламента из них становится лишь малый процент. Женщины, по сути, составляют всего лишь обслуживающий аппарат и обеспечивают процесс принятия мужчинами решений [8].

Принимавшие участие в исследовании О.В. Поповой [4] эксперты выявили следующие закономерности действия гендерного фактора в управленческой карьере:

– чем выше должность, тем меньше шансов у женщины ее получить и сохранить);

– женщины чаще выбирают социальную сферу, в которой много обязательств при ограничении возможностей карьерного роста;

– женщин приходят во власть преимущественно через общественные организации;

– женщинам приписывают более моральную, социально ориентированную мотивацию выбора политико-управленческой карьеры;

– в политике к женщинам относятся как к объектам, а не полноправным политическим деятелям.

В общественном мнении в отношении женского политического руководства также сохраняются консервативные установки: в качестве президента женщину видят лишь 33 % россиян, однако подавляющее большинство респондентов (89 %) ничего не имеют против женщин в должности министра образования, здравоохранения и соцобеспечения [2, 5]. По мнению Елены Михайловой, директора специальных программ ВЦИОМ, данные опроса отражают существующие в российском менталитете представления о гендерном распределении ролей: воспитание, создание комфортной среды, забота о здоровье – как в семье, так и стране – считаются традиционно женскими, в то время как обеспечение национальной безопасности, ответственность за принятие стратегических решений, защиту от внешних угроз россияне доверяют мужчинам [2]. Проблема заключается не только в патриархатном сознании мужчин, но и в том, что сами россиянки не поддерживают кандидатов-женщин и не пользуются своим правом быть избранными.

Таким образом, можно сделать вывод, что гендерные риски возникают, в основном, из-за сбоя в функционировании социальных институтов, которые не способны обеспечивать равенство прав и возможностей для мужчин и женщин. Институциональные риски являются причинами личностных рисков, которые, в свою очередь, приводят к состоянию гендерной маргинальности. Данную проблему смогла бы разрешить эффективная гендерная политика государства, однако, как отмечает З.А. Хоткина, социальную и семейную политику в России можно назвать демографической и пронаталистской, рассматривающей прирост населения как гарантию безопасности государства, поэтому рождение детей воспринимается как «главная функция и гражданский долг женщины». Культ «домашнего очага» как основная сфера самореализации женщин, по мнению автора, выгоден правительству, которое не в состоянии обеспечить необходимые социально-экономические условия для работающих матерей и потому стремится «свалить на женские плечи уход за детьми и пожилыми, а также работу по обслуживанию семьи», что «особенно тяжело отражается на женщинах, большинство из которых являются работающими матерями, а в каждой третьей семье с детьми – единственными кормильцами» [9]. Таким образом, социальная политика нашей страны направлена в большей степени не на интересы женщин, а на достижение демографических целей государства, а возможные риски, связанные с поведением женщин в социально-экономической и политической сферах, в расчет не принимаются.

Библиографический список

1. Андреева, Т.В. Психология современной семьи. Монография [Электронный ресурс] / Т.В. Андреева. – СПб.: Речь. – URL: http://www.med24info.com/books/psihologiya-sovremennoy-semi-monografiya-spb-rech-436-s-il/6-2-psihologicheskie-problem-domohozyaek-15099.html.

2. Женские лица российской политики. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3211 от 30.09.2016 [Электронный ресурс]. – URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115894.

3. Котоманова, О.В. Профессиональная карьера как путь личностного развития женщины / О.В. Котоманова // Вестник Бурятского государственного университета scholar. – 2013. – Вып. № 5. – С. 102–106.

4. Попова, О.В. Гендерные аспекты политической карьеры российской субфедеральной элиты: мнения экспертов / О.В. Попова // Женщина в российском обществе scholar. – 2013. – Вып. № 3 (68). – С. 21–30.

5. Россияне против женщины-президента. Данные опроса Левада-Центра от 03.03.2017 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.levada.ru/2017/03/03/rossiyane-protiv-zhenshhiny-prezidenta/.

6. Социология молодежи / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок; РАН. Институт социально-политических исследований. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 336 с.

7. Стрельник, Е.А. Практики сочетания матерями оплачиваемой работы и заботы о детях (опыт социологического анализа) / Е.А. Стрельник // Социологические исследования. – 2016. – № 8. – С. 64–70.

8. У политики не женское лицо? [Электронный ресурс]. – URL: http://www.nvspb.ru/stories/u-politiki-ne-jenskoe-lico-44582/?version=print.

9. Хоткина, З.А. Страна умниц: гендерные аспекты карьеры [Электронный ресурс] / З.А. Хоткина. – URL: http://polit.ru/article/2014/08/23/career/.

10. Чирикова, А.Е. Женщина во власти и бизнесе: сравнительный анализ российских и французских практик / А.Е. Чирикова // Сравнительная политика. – 2013. – № 2(12). – С. 29–49.

11. Global Gender Gap Index 2016 [Электронный ресурс]. – URL: http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2016/.

К содержанию

УДК 316.74:687 + 316.772

МОДА КАК СРЕДСТВО СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Э.М. Валеева

В статье анализируется феномен моды в качестве одного из основных элементов социокультурного и коммуникативного процессов. Мода, как и средства массовой информации, вербальное и невербальное повседневное общение, рассматривается как специфический коммуникативный канал, отражающий структуру актуальных культурных предпочтений и дискурсивные характеристики социальной среды.

Ключевые слова: мода, свойства моды, коммуникация, участники модной коммуникации, семиотика.

Мода как научный факт характеризует многие социальные процессы, которые находят проявление во внешних формах культуры, модных значениях, указывающих на ценности моды, которыми наделяются те или иные свойства объектов и событий. Моде, по определению, присуща тенденция к постоянному движению и инновациям. Поэтому она всегда отражает актуальное в определенный период общественное и культурное содержание, сущность которого раскрывается в его социокультурном и коммуникативном контексте.

Мода – один из способов передачи информации, который способствует созданию образов восприятия людьми друг друга и организации взаимодействия между ними. Коммуникативный аспект моды состоит в постоянной циркуляции специфических «сообщений», отправляемых посредством «распространителей» (издательства, типографии, рекламные деятели),

«производителей» (известные кутюрье, дизайнеры) итоговому адресату – «потребителям» (конечные участники модной коммуникации). Только на стадии потребления «условная» мода становится реальной [1, с. 71].

Скорость принятия и усвоения модных сообщений (моделей, товаров, услуг) неодинакова, в силу того, что наталкивается на человеческое сопротивление (новое принимается разными людьми с разной скоростью). С этой точки зрения потребителей можно разделить на следующие группы:

1. «Инноваторы» («пионеры», «экспериментаторы» и т.п.). Это самая малочисленная группа потребителей, прямо или косвенно связанная с производителями опытных образцов товаров и рискующие первыми их опробовать.

2. «Лидедры» («местные лидеры»). Их отличает особое внимание и уважение со стороны окружающих. Эта группа идет впереди большинства, но избегает опасного экспериментирования. Она отбирает у экспериментаторов те модели, которые имеют высокую вероятность вызвать общее одобрение или, по крайней мере, не станут причиной насмешек. Собственно только после усвоения ими новой модели потребления можно со значительной долей уверенности говорить, что это модная тенденция.

3. «Раннее большинство» («подражатели», «ранние последователи»). Это те, кто составляет массу «модных людей». Они используют новые модели потребления, лишь оказавшись в довольно большой «передовой» группе. Когда эта группа примет новую модель потребления, можно уже уверенно говорить о том, что данный товар стал объектом моды.

4. «Позднее большинство» («скептики», «консерваторы»). Для них характерна смесь консерватизма и стремление быть «как все». Поскольку большинство уже включило данный товар или модель поведения в свой арсенал, то консерваторам ничего не остается, как присоединиться к модной части потребителей. Однако они это делают не потому, что хотят быть модными, а потому, что не хотят быть «белыми воронами».

5. «Традиционалисты» («отстающие»). Для их потребления характерна ориентация, прежде всего, на традицию. «Традиционалисты» такие же смелые люди, как и «пионеры». Они не боятся быть отличными от большинства и оставаться самими собой, несмотря на окружающих. Их стиль потребления вытекает не из любви к прошлому, а из равнодушного отношения к моде.

Данная типология призвана способствовать упорядочению всей массы адресатов сообщений в процессе модной коммуникации.

Во взаимодействии участникам коммуникации необходимо узнавать друг друга и быть узнанными, увидеть и быть увиденными, представляться другому и знакомиться с ним. С этой точки зрения демонстративность имеет важное значение. «Встречают по одежке, провожают по уму» – гласит пословица. Демонстративность моды существенно способствует процессу коммуникации, когда последняя носит непродолжительный и неглу-

бокий характер. А такой тип коммуникации занимает значительное место в современную эпоху с ее динамизмом и множеством поверхностных контактов. Отсюда потребность в быстрой и адекватной оценке субъектов общения, с одной стороны, и быстрой экспрессивной демонстрации своего Я – с другой.

Как правило, одежда, относящаяся к группе невербальных средств модной коммуникации, содержит информацию о возрасте, социально-экономическом положении, групповой и профессиональной принадлежности, роде занятий, системе ценностей, уровне культурного развития личности. Это позволяет нам классифицировать человека, сформировать первое впечатление о нем и даже выбрать тип поведения с ним.

Процесс коммуникации состоит в осознанной или неосознанной передаче каких-либо сигналов. Коммуникация в обществе не может осуществляться без каких-либо знаковых средств. Мода не существует вне знаков, вне слова [2, с. 33]. Таким образом, акторы модного коммуникативного процесса отбирают одежду, которая, с их точки зрения, символизирует то, что они хотели бы сказать о себе: о своей половой принадлежности, о своих доходах, о настроении и т.д.

Кодируя личностную информацию посредством одежды, индивид должен уметь предугадать возможные варианты декодирования этой информации другими людьми. «Вы можете лгать на языке одежды, – пишет А. Лури, – так же, как вы можете это делать на английском, французском или латыни» [3, с. 53].

Одежда – это не просто «социальное Я» человека, это положительный, эмоционально окрашенный устойчивый образ личности, созданный для достижения определенных целей, сложившийся в сознании людей. Он вбирает в себя множество характеристик субъекта, стараясь именно через них продемонстрировать индивидуальность в процессе модной коммуникации.

Как было отмечено, в жизни человека процессы общения, коммуникации играют чрезвычайно важную роль. Коммуникация выступает неотъемлемой частью человеческой жизни. Только через общение человек может соотносить свое поведение с действиями других людей, образуя вместе с ними единый общественный организм – социум.

Мода является одним из важнейших каналов трансляции социокультурного опыта, в рамках которого происходит накопление и распределение образцов культуры в сознании индивидов, формирование индивидуальной культуры, позволяющей личности занять достойное место в обществе.

Библиографический список

1. Гофман, А.Б. Мода и люди: новая теория моды и модного поведения / А.Б. Гофман. – М.: Наука, 2004. – 292 с.

2. Барт, Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт; пер.с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зеленина. – М.: Наука, 2003. – 512 с.

3. Ильин, В.И. Поведение потребителей. Потребление как тест / В.И. Ильин. – Сыктывкап: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 1998. – 179 с.

К содержанию

УДК 378.14 + 316.74:37
ББК Ч448.02 + С561.9

ЗНАЧИМОСТЬ РАЗЛИЧНЫХ СТОРОН УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СТУДЕНТОВ[1]

В.Ю. Колчинская

Приводятся результаты исследования мнений студентов относительно значимости разных сторон обучения. Выявлена сравнительная значимость содержательных и организационных характеристик. Анализируются факторы оценивания.

Ключевые слова: требования к содержанию и организации учебного процесса, вторичная занятость студентов.

Одной из проблем организации учебного процесса является взаимопонимание студентов и преподавателей. Этого можно достичь только в том случае, если акценты, расставляемые университетом, совпадают с представлением студентов о важности различных сторон обучения.

Данной проблеме посвящено исследование, проведенное осенью 2016 года. Объект исследования – студенты ЮУрГУ дневного отделения. В исследовании приняли участие 357 студентов, метод отбора – гнездовой.

В ходе исследования были выделены следующие стороны образовательного процесса: содержание, организация, социально-психологические характеристики. В рамках каждой из сторон выделялись отдельные характеристики. Студентам предлагалось оценить значимость каждой из них по десятибалльной шкале. Рассмотрим более подробно первую из них.

В рамках содержания образовательного процесса анализировалась значимость четырех групп характеристик. Это, во-первых, собственно содержание преподаваемых дисциплин (к этой группе относятся интересное содержание занятий, нужность информации в будущей работе по специальности, навыки, необходимые для трудоустройства).

[1] Статья выполнена при поддержке Правительства РФ (Постановление № 211 от 16.03.2013 г.), соглашение № 02.A03.21.0011.

Таблица 1

Значимость содержания учебных дисциплин
в зависимости от курса обучения

Характеристики	В целом по массиву	Бакалавриат				Магистратура
		I курс	II курс	III курс	IV курс	
Нужность информации в будущей работе	8,594	9,012	8,756	8,280	8,678	8,000
Интересное содержание занятий	8,406	8,988	8,634	8,205	8,156	7,750
Навыки, необходимые для трудоустройства	8,249	8,866	7,902	8,008	8,389	6,833

Как видно из табл. 1, на первом месте по значимости из этих характеристик находится нужность информации в будущей работе по специальности, причем оценка ее важности снижается по мере обучения. На втором и третьем местах соответственно – интересное содержание занятий и навыки, необходимые для трудоустройства. Причем, если важность интересных занятий по мере обучения снижается, то необходимые для трудоустройства навыки, по всей видимости, актуализируются к концу учебы – их оценка повышается к IV курсу бакалавриата. Магистранты же оценивают все эти характеристики ниже, чем бакалавры. Это, по-видимому, связано с тем, что половина магистрантов уже работает на постоянной основе (среди бакалавров доля постоянно занятых колеблется от 6 % на первом курсе до 27 % на четвертом).

Вторая сторона образовательного процесса – характеристики качества преподавания (интересное изложение материала на лекциях, интересная работа на практических/лабораторных работах, доступность изложения материала, прозрачность требований на контрольных мероприятиях, высокие требования к знанию материала студентами, способность преподаватели «войти в положение» и облегчить сдачу зачета/экзамена, пунктуальность преподавателя, знание преподавателем предмета, объективность оценки знаний студентов, помощь студентам в понимании материала).

Обратимся к табл. 2. Здесь видно, что на первом месте – предметная компетентность преподавателя. Причем, ее высоко оценивают студенты независимо от курса обучения, разница в оценках статистически не значима. Следующие три характеристики касаются взаимодействия со студентами в процессе преподавания. Причем две из них касаются желания научить (помощь студентам в понимании материала) и самой способности это сделать (доступность изложения), а третья – качества оценивания знаний студента. Отношение студентов по курсу дифференцировано только по отношению к доступности изложения, она более важна для первого курса, чем для остальных.

За этими характеристиками следует формирование интереса во время занятий (это также более значимо для первого курса), и только следом идут характеристики работы преподавателя, облегчающие студентам процесс обучения (надо отметить, что только одну характеристику из этой группы – пунктуальность – выше остальных студентов оценили магистранты). На последнее место в этой группе студенты единодушно поставили высокие требования к знаниям студентов. Это не вызывает удивления, однако несколько противоречит единодушному желанию приобрести знания, необходимые в будущей работе по специальности (и тому факту, что 87 % студентов в будущем с той или иной степенью уверенности намереваются работать по специальности). Надо отметить, что среди тех, кто твердо решил работать по специальности, эта оценка все же выше, чем среди остальных и составляет в среднем 7,7 балла.

Таблица 2

Значимость характеристик качества преподавания
в зависимости от курса обучения

Характеристики	В целом по массиву	Бакалавриат				Магистратура
		I курс	II курс	III курс	IV курс	
Знание преподавателем предмета	9,157	9,756	9,390	8,621	9,267	9,333
Помощь студентам в понимании материала	8,810	9,195	9,220	8,356	8,878	9,250
Объективность оценки знаний студентов	8,566	8,927	8,707	8,212	8,722	8,333
Доступность изложения материала	8,218	8,512	8,488	7,947	8,322	7,500
Интересное изложение материала на лекциях	8,048	8,768	8,122	7,780	7,900	6,917
Интересная работа на практических/лабораторных работах	7,983	8,646	7,805	7,902	7,811	6,250
Прозрачность требований на контрольных мероприятиях	7,611	8,049	8,098	7,167	7,578	8,083
Пунктуальность преподавателя	7,496	7,756	7,659	6,985	7,778	8,667
Способность преподаватели «войти в положение» и облегчить сдачу зачета/экзамена	7,465	8,232	7,902	7,091	7,167	7,083
Высокие требования к знанию материала студентами	7,171	7,378	6,780	7,023	7,278	7,917

Третья группа характеристик отражает проведение практик (организация прохождения практик, содержание практик, место прохождения практик). Здесь самой важной считается их организация. Дифференциация мнений в зависимости от курса наблюдается только по отношению к содержанию практик – оно выше оценено первокурсниками (см. табл. 3).

Таблица 3

Значимость проведения практик в зависимости от курса обучения

Характеристики	В целом по массиву	Бакалавриат				Магистратура
		I курс	II курс	III курс	IV курс	
Организация прохождения практик	8,064	8,439	7,976	7,894	8,000	8,167
Содержание практик	7,905	8,317	7,537	7,879	7,989	6,000
Место прохождения практик	7,541	7,756	7,244	7,515	7,589	7,000

И наконец, четвертая группа характеристик содержания образовательного процесса – это организация научно-исследовательской работы студентов (организация научной работы на кафедре, информированность студентов о научной работе, возможность участия в научных мероприятиях (семинарах, конференциях, конкурсах), возможность публикация результатов научно-исследовательской работы, система поощрения за занятия научно-исследовательской работой).

Таблица 4

Значимость организации научно-исследовательской работы в зависимости от курса обучения

Характеристики	В целом по массиву	Бакалавриат				Магистратура
		I курс	II курс	III курс	IV курс	
Система поощрения за занятия НИРС	7,465	8,512	6,805	6,977	7,611	6,833
Возможность участия в научных мероприятиях	7,328	8,122	6,488	7,038	7,478	6,833
Возможность публикация результатов научно-исследовательской работы	7,014	7,841	6,390	6,727	7,122	5,833
Организация научной работы на кафедре	6,905	7,451	6,561	6,780	6,733	7,000
Информированность студентов о научной работе	6,860	7,598	6,195	6,576	6,900	6,917

Из табл. 4 видно, что самое важно для студентов здесь – система поощрения. То есть, можно предположить, что и основным мотивом научно-исследовательской работы для студентов станет возможность получения различного рода бонусов (например, повышенной стипендии). Сама возможность участия в мероприятиях и публикации результатов своей работы смещается на вторую – третью позиции. Причем, здесь мы видим картину, аналогичную предыдущим – интерес к данной характеристике падает по мере обучения.

Если же рассмотреть весь перечень характеристик в целом (табл. 5), то мы увидим, что на первые места выходят характеристики содержания обучения и возможности овладения знаниями, в середину списка смещаются возможности практического закрепления полученных в ходе изучения дисциплин знаний, и только в конце его находятся возможности заниматься научно-исследовательской работой.

Говоря о дифференциации мнений студентов в зависимости от направления обучения, отметим, что большая часть характеристик выше оценивается студентами технических направлений. Исключение составляют «знание преподавателем предмета» и «навыки, необходимые для трудоустройства». Значимость обеих этих характеристик выше оценивают студенты социально-гуманитарных направлений (см. табл. 5).

Таблица 5

Значимость характеристик содержания учебы в зависимости от направления

Характеристики	В целом по массиву	Технические	Социально-гуманитарные
Знание преподавателем предмета	9,157	9,303	8,975
Помощь студентам в понимании материала	8,810	9,010	8,560
Нужность информации в будущей работе по специальности	8,594	8,672	8,497
Объективность оценки знаний студентов	8,566	8,566	8,566
Интересное содержание занятий	8,406	8,465	8,333
Навыки, необходимые для трудоустройства	8,249	8,116	8,415
Доступность изложения материала	8,218	8,318	8,094
Организация прохождения практик	8,064	8,263	7,818
Интересное изложение материала на лекциях	8,048	8,157	7,912
Интересная работа на практических/лабораторных работах	7,983	8,247	7,654
Содержание практик	7,905	8,010	7,774
Прозрачность требований на контрольных мероприятиях	7,611	7,783	7,396
Место прохождения практик	7,541	7,727	7,308
Пунктуальность преподавателя	7,496	7,611	7,352
Способность преподаватели «войти в положение» и облегчить сдачу зачета/экзамена	7,465	7,889	6,937
Система поощрения за занятия научно-исследовательской работой	7,465	7,793	7,057
Возможность участия в научных мероприятиях (семинарах, конференциях, конкурсах)	7,328	7,475	7,145
Высокие требования к знанию материала студентами	7,171	7,258	7,063
Возможность публикация результатов научно-исследовательской работы	7,014	7,298	6,660
Организация научной работы на кафедре	6,905	7,227	6,503
Информированность студентов о научной работе	6,860	7,131	6,522

Говоря о других факторах, надо отметить, что возможность заниматься научно-исследовательской работой выше оценили студенты с высокой успеваемостью, что не вызывает удивления: обычно как высокая успеваемость, так и интерес к научной деятельности свойственен одним и тем же студентам.

Интересно рассмотреть, как отличаются оценки студентов, имеющих и не имеющих работу. Здесь проявляется следующая тенденция: студенты, имеющие постоянную работу, все характеристики оценивают ниже, чем работающие периодически и неработающие. Если же говорить о характере работы (здесь выделялось три группы: работающие по специальности, чья работа связана со специальностью, но не полностью ей соответствует и работающие в другой сфере), то здесь, как ни парадоксально, наблюдается более низкое оценивание всех характеристик учебы студентами, работающими по специальности. Исключение составляет пунктуальность преподавателей: именно она оказалась важна в большей степени для таких студентов. Это может свидетельствовать как о том, что работа по специальности позволяет лучше понимать изучаемый материал, что облегчает весь процесс обучения, так и о том, что реальная работа потребует не совсем тех знаний, умений и навыков, которые приобретаются в ходе получения образования.

Перейдем теперь к социально-психологической составляющей процесса обучения. Здесь были выделены следующие характеристики: наличие друзей в студенческой группе, взаимная поддержка однокурсников, взаимоотношения с преподавателями, взаимоотношения с кураторами, взаимоотношения с администрацией факультета, взаимоотношения с администрацией университета, признание успехов, достижений (меры поощрения).

Таблица 6

Значимость характеристик социально-психологического климата в зависимости от пола

Характеристики	В целом по массиву	Мужской	Женский
Взаимоотношения с преподавателями	8,504	8,204	8,768
Наличие друзей в студенческой группе	8,487	8,090	8,837
Взаимная поддержка однокурсников	8,317	8,234	8,389
Признание успехов, достижений	7,479	7,234	7,695
Взаимоотношения с администрацией факультета	6,860	6,988	6,747
Взаимоотношения с администрацией университета	6,244	6,347	6,153
Взаимоотношения с кураторами	5,964	5,790	6,116

Из табл. 6 видно, что на первый план выходят взаимоотношения с преподавателями и однокурсниками, причем все эти характеристики более

важны для девушек, чем для юношей. Взаимоотношения с администрацией важны в существенно меньшей степени. Другими факторами, дифференцирующими оценку значимости этих характеристик, являются курс (все они оценены выше первокурсниками), наличие работы (ниже оценка у студентов, имеющих постоянную работу) и характер работы (работающие по специальности придают всем этим характеристикам меньшее значение).

Что касается организационных характеристик, здесь были выделены следующие их группы: организация учебного процесса, обеспечение образовательного процесса, условия для самореализации, социально-бытовые условия, меры социальной поддержки. К первой относятся удобство расписания, своевременность информирования об изменениях в расписании, возможность сочетания занятий с вторичной занятостью, удобство получения дополнительного образования, предоставляемые возможности выбора вариативных дисциплин, удобство сдачи контрольных и зачетных мероприятий, возможность пересдачи задолженностей.

Ко второй группе отнесли наличие необходимой литературы в библиотеке, удобство работы с каталогом библиотеки, доступность литературы для работы, удобство графика работы библиотеки, доступ к полнотекстовым базам данных научной литературы, наличие необходимого для учебы оборудования, возможность работы с необходимым оборудованием во внеучебное время.

В качестве условий для самореализации рассматривались эффективная организация студенческого самоуправления, наличие интересующих коллективов, спортивных секций, доступность интересующих коллективов, спортивных секций (расписание работы, финансовая доступность).

К социально-бытовым условиям относятся режим работы пунктов питания, качество продуктов питания, стоимость обеда, возможность посещения пунктов питания в течение учебного дня, удобство мебели в аудиториях, температурный режим в аудиториях, доступность гардеробов, возможность получения места в общежитии, условия проживания в общежитии.

И, наконец, были выделены такие меры социальной поддержки как качество предоставляемой медицинской помощи, доступность медицинской помощи, осведомленность о наличии мер социальной поддержки, возможность получения мер социальной поддержки, соответствие предлагаемых мер социальной поддержки потребностям, справедливость распределения мер социальной поддержки.

При ранжировании этих характеристик по среднему баллу в ряду они располагаются вперемежку. На первый план выходят как бытовые характеристики (качество и доступность питания), так и организационные (организация сдачи контрольных и зачетных мероприятий и пересдачи задолженностей). Возможности же работы с литературой находятся в конце списка. Это может свидетельствовать как о неосведомленности студентов

о ряде возможностей (например, доступе к полнотекстовым базам научной литературы), так и о привычке работать с источниками, находящимися в свободном доступе в сети Интернет. Кроме того, это может быть следствием низких требований к работе с литературой в ходе самостоятельной работы студентов при изучении дисциплин.

Таким образом, анализ потребностей студентов в ходе получения образования позволяет как выделить наиболее значимые для них стороны образовательного процесса, что дает возможность учитывать их мнение в работе преподавателей и администрации университета, так и выдвинуть гипотезы о возможных проблемах в реализации образовательного процесса. Это ставит вопросы о качестве образовательной деятельности студентов, что требует дальнейшего исследования проблемы.

К содержанию

УДК 316.334.22 + 331.101/.102

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДА И СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

С.В. Одяков

В постиндустриальном обществе новые информационные технологии обусловливают появление нового, современного типа наемного работника и множество новаций в организации производства и непроизводственных отраслей деятельности. В связи с этим актуализируется разработка расширенной трактовки понятия «социально-трудовые отношения». Это и стало предметом данной статьи. Кроме того, в статье выявляются основные компоненты социально-трудовых отношений, а также факторы, влияющие на формирование новых требований к труду. Представленный в статье подход позволяет учесть более широкий социокультурный и институциональный контекст развертывания трудовых практик в современном обществе.

Ключевые слова: труд, социально-трудовые отношения, наемный работник, капитализм, информационная экономика.

Под трудовыми отношениями традиционно понимаются отношения между людьми, обусловленные социальными, правовыми и функциональными аспектами трудовой деятельности. Среди них отношения между работодателем и работником; между администрацией и профсоюзом; между начальником и подчиненным; между работниками, выполняющими смежные трудовые функции, работы и операции; между трудовыми коллективами.

Многоаспектность трудовых отношений обусловлена тем, что они, во-первых, являются частью общей системы человеческих отношений, во-вторых, складываются под влиянием факторов социальной среды, в-третьих, зависят от институциональных воздействий со стороны государственных и общественных органов и, в-четвертых, призваны обеспечить конструктивное разрешение возникающих конфликтов [1, с. 92].

В настоящее время можно говорить о большой работе, которая проведена отечественными исследователями по анализу содержания и истории социально-трудовых отношений в промышленности, как на общероссийском уровне, так и в региональном разрезе. При этом многие авторы предлагают различать широкое и узкое понимание трудовых отношений. Так, например, Б.Г. Тукумцев понимает под трудовыми отношениями отношения, которые связаны с трудовой деятельностью людей и возникают в обществе во всех сферах его жизнедеятельности на всех уровнях. В частности, это отношение общества к труду, отношения между участниками многообразных трудовых процессов и, наконец, отношение участников этих процессов к своему труду. Таким образом, в социологии трудовые отношения рассматриваются и как продукт социально-экономической системы общества, и как следствие субъективных представлений (конструкций) о трудовой деятельности, и как предпосылка определенного трудового поведения [2, с. 365].

М.А. Слюсарянский считал, что трудовые отношения – это понятие более широкое, нежели между сторонами трудового общения. Оно включает в себя социальные отношения, складывающиеся в процессе труда между его участниками. Сюда относятся отношения сотрудничества и соперничества, социальной ответственности и квалификационного неравенства, отношение к труду и, конечно, отношение собственности и найма.

Поэтому неслучайно, что между исследователями, использующими понятие «трудовые отношения» для характеристики социальной связи между работниками, возникают споры по поводу границ предмета этих отношений.

Между тем, имеющийся сегодня уровень знаний в этой области позволяет утверждать, что отношения между работодателями и работниками наемного труда складываются по поводу компенсаций за труд (1), условий труда (2), профессионально-должностных обязанностей (3), гарантий занятости (4) и порядка разрешения трудовых споров (5). То есть эти отношения имеют ограниченную предметную область. Не переставая быть трудовыми, они представляют собой особую группу социальных связей, порожденных наемным характером труда. Рассматривая их содержание, точнее их определить как социально-трудовые отношения. Можно встретить и другие наименования. Например, «договорные отношения». Но это не совсем точное определение, так как оно включает в себя более широкий круг

вопросов, связанных с договорным регулированием отношений субъектов (например, в области финансов или страхования). Зарубежные авторы используют варианты: «индустриальные отношения», «производственные отношения». Время покажет, какое из них окажется более удачным. Однако не вызывает сомнений тот факт, что отношения, возникающие по поводу найма работника, во избежание методологической путаницы, должны иметь свое название, подчеркивающее их специфику и позволяющее не путать их с остальной частью трудовых отношений. Пока не найдено окончательное решение этой проблемы, мы предпочитаем называть эти отношения социально-трудовыми [3, с. 13–14].

На наш взгляд, социологию интересуют не просто трудовые, а именно социально-трудовые отношения. В таком случае необходимо более четко провести различие между данными понятиями.

Как указывает Е.Г. Мамытов, термин «социально-трудовые отношения» есть синоним термина «трудовые отношения», но не в узком, а широком их понимании. Данная позиция основывается на том логическом суждении, что хотя в западной литературе трудовые отношения обычно сводятся к отношениям между работниками и работодателями на рынке труда, но такое толкование трудовых отношений не исчерпывает многообразия социально-экономических проблем труда. Методологически оправданным следует считать понимание того, что «социально-трудовые отношения» – новое название для уже применяющегося термина «трудовые отношения», но в более широком смысле [4, с. 14–15].

Необходимость рассмотрения трудовых отношений в более широком социальном контексте обусловлена рядом причин. Во-первых, наемная форма труда при капитализме, включая капитализм новейший, является господствующей, но все же не единственной. Существуют кооперативы, предприятия, находящиеся в собственности работников, семейные и просто частные, без использования наемного труда, предприятия. Если принять, что все эти хозяйствующие единицы функционируют внутри системы трудовых отношений, то в нее надлежит включить отношения между работниками как таковыми и ими же как сохозяевами, а также между теми и другими и государством.

Во-вторых, в сфере трудовых отношений явно выделяются и отношения самих наемных работников. В частности – на рынке труда, где они могут выступать в качестве конкурентов. Отношения конкуренции, состязательности могут возникать и в сфере производства, причем становиться предметом особой заботы работодателей. В рамках отношений с одним работодателем не исключена и организация работников в несколько профсоюзов, что усложняет отношения между носителями рабочей силы.

В-третьих, под воздействием объективных процессов «технико-экономического» обобществления, прежде всего в результате прогресса

разделения и кооперации труда в народнохозяйственных масштабах и на уровне предприятий, возникают, в частности, все новые отрасли и подотрасли, профессии и специальности, усложняются внутрипроизводственные взаимоотношения работников [5, с. 88–89].

Таким образом, все в обществе изменяется с развитием материально-технической базы (от индустриальной к постиндустриальной стадии), а соответственно изменяется и смысл, содержание понятия «наемный работник», поскольку изменяется его реальность, его бытие. Развивается информационная экономика, в основе которой лежат невещественные ресурсы и которая представляет собой конструктивную составляющую постиндустриальной экономики, реальное производство нового типа, а не формальную деятельность в области финансов и управления. Эта технологическая революция в сфере производства, основанная на информационных и телекоммуникационных, а также управленческих и финансовых технологиях, использует в качестве источника экономического развития творческий потенциал человека вместо природных ресурсов и капитала [6, с. 186].

Новые требования к труду со стороны информационных технологий обусловили новый, современный тип наемного работника и множество новаций в организации производства и непроизводственных отраслей деятельности. Собственник капитала (или собственники), бывший когда-то полновластным хозяином, сейчас делится властью (зачастую и прибылью, и самим владением капитала) с менеджером, роль которого (в целом системы управления) огромна. Велика и роль наемных работников – исполнителей, тех, которые создают продукт (в том числе информационный), непосредственно работают на результат. Как всего нового и эффективного, их мало, их не хватает; они сознают свою значимость и, так или иначе, способны предъявлять свои требования. Их профессионально-трудовые ресурсы: способности, образование, квалификация, – в настоящее время рассматриваются как особый вид капитала. Разные авторы называют его по-разному: человеческий капитал, трудовой капитал, интеллектуальный капитал.

Оплата труда наемных рабочих, в общем и целом, определяется стоимостью и ценой рабочей силы и принципом «распределения по труду», т.е. по качеству и количеству трудового результата. Но, что касается указанных выше наиболее современных наемных рабочих, здесь доплата им прибыли – весьма нередкое явление. Видимо, это форма (или одна из форм), в которой капитал реализуется для них самих. Таким образом, формируется цепочка видов капитала (собственности): капиталист – менеджер (наемный работник) – непосредственный исполнитель (наемный работник). При таком распределении капитала (собственности) прежняя сущность найма, состоящая в четком противостоянии собственника средств производства и наемного работника, их не имеющего, как-то смазывается, в содержании

этого отношения появляются новые черты. Кроме того, оплата труда новейших наемных работников (т.е. работающих на новых технологиях) вообще теряет ту качественно-количественную определенность, которая свойственна традиционным отрядам наемных работников: информационный продукт нельзя сосчитать так, как детали или что-либо другое вещественное [7, с. 71–72].

Произошедшие изменения привели к существенному сокращению доли производственных отраслей экономики – агарной и индустриальной. Так, в США доля занятых в сфере услуг составляла в 2006 г. 78,7 %. Уровень занятости в промышленности таких стран, как Великобритания, Швеция, Канада, Нидерланды, Бельгия, Дания, Франция, Швейцария в 2006 г. составлял около 20 %, в сельском хозяйстве – от 1,5 до 2 % (за исключением Дании – 3 % и Франции – 3,4 %). В Австрии, Финляндии, Германии, Италии, Японии уровень занятости в сфере услуг составлял в рассматриваемый период 65–69 %, в промышленности – 25–30 %, в сельском хозяйстве – 4–5 % (в Германии – 2,3 %). Таким образом, произошел переход наемной рабочей силы из производственных отраслей – первичного (сельского хозяйства) и вторичного (промышленности) секторов – в третичный сектор (сферу услуг), где широко используются информационно ёмкие технологии.

На сжатие сил наемного труда в развитых западных странах влияют и другие процессы. Это: изменение территориальной структуры размещения новых технологий; сегментация рынка труда; рост нестабильности занятости; появление раскола между работниками высокотехнологических и традиционных отраслей; ослабление взаимозависимости управляемых и управляющих; усиление роли неэкономических форм капитала; рост нерыночных слоев, взращенных государством всеобщего благосостояния.

В результате глобализации современные производства были перемещены из развитых стран Запада в развивающиеся страны. В этом состоит одна из причин того, что некоторые развивающиеся страны вышли на передовые экономические рубежи. Так, Китай стал второй экономикой мира после США, а Индия и Бразилия входят в число наиболее стремительно растущих экономик мира. Это не означает, что западные страны остаются без инновационного производства. Однако резкое сокращение обрабатывающей промышленности способствует перераспределению рабочей силы, занятой в производственном секторе экономики в пользу развивающихся стран.

Переход от массового (фордистского) производства к гибкому рабочему графику вызвал раскол наемной рабочей силы западных стран, характеризующийся появлением «двойных рынков труда» с их «первичными» и «вторичными» сегментами. Уже на этапе сегментации «внутреннего рынка труда» на «первичный» и «вторичный» происходит расщепление рабочей

силы. У работников первичных рынков труда высокие зарплаты, гарантированная занятость, карьерный рост. У работников вторичных рынков труда, наоборот, низкие зарплаты, слабая мобильность, нестабильная занятость (работающие неполный рабочий день или временно). Временная или неполная занятость предполагает работу по временному трудовому договору и работу без заключения трудового договора. На «внешнем рынке» заняты привлеченные со стороны (outsourcing), фрилансеры, т.е. группы внештатных работников, составляющих дополнительную рабочую силу. Они относятся к еще более социально незащищенной категории наемных работников.

Нестабильные формы занятости по-другому именуют «прекаризованной занятостью» (от англ. precarious – неустойчивый, шаткий) [8, с. 20]. Этот способ зарабатывать на жизнь З. Бауман называет занятостью «по-бразильски», когда люди соглашаются на краткосрочную работу без каких-либо оговоренных гарантий, без права на пенсию и компенсацию, но с большими шансами на увольнение [9, с. 94]. К. Маркс считал удлинение рабочего дня наемного работника фактором усиления его эксплуатации. «Прекаризованная занятость», наоборот, несет с собой сокращение рабочего времени [10, с. 42–44].

Видный теоретик М. Кастельс подчёркивает, что в новой экономике сохраняются и труд, и капитал, но и тот, и другой качественно трансформируются. При этом труд продолжает существовать и в виде характерного для предшествующих исторических эпох «родового» труда, связанного с решением конкретной задачи и потенциально заменимого машинами или другими представителями «родовой» рабочей силы. Однако основной источник производительности в новом обществе – инновации, знания и информация, поэтому непрерывное образование и самосовершенствование становятся ключевым качеством работника. Новая, основанная на знании информациональная экономика требует и новой формы труда – труда, способного к «перепрограммированию» в соответствии с бесконечно меняющимися задачами производства. Соответственно, возникают и два вида работников. Наряду с «родовой рабочей силой» возникают «новые производители» – создатели знания и обработчики информации, чей труд наиболее ценен, и принадлежность к которым прямо детерминируется наличием определённого образования, культуры, личностных качеств и т.д. Но инновация не совершается в изоляции, она – продукт и часть системы, в которой управление организациями, обработка знаний и информации, а также производство товаров и услуг переплетаются друг с другом. Поэтому «новые производители» образуют особый класс общества, который М. Кастельс называет «коллективным работником».

Не меньше изменяются и капиталисты. Разумеется, и в новом обществе сохраняются два «унаследованных» от прошлого, по его мнению, типа ка-

питалистов – держатели прав собственности (акционеры, собственники семейных предприятий и индивидуальные предприниматели) и топ-менеджеры, включая менеджеров государственных компаний, – носители властных полномочий. И в этом плане сохранение родовой рабочей силы предполагает и адекватные ей виды капиталистов. Однако наряду с ними, в единстве с возникновением «коллективного работника», возникает и новый тип капиталистов – «коллективный капиталист», который в значительной степени совпадает, с точки зрения Кастельса, с «коллективным работником» [11, с. 260–261].

«Новая система, – подчеркивает М. Кастельс, – характеризуется тенденцией возрастания социального неравенства и поляризации, а именно одновременного роста верхушки и дна социальной шкалы. Этот процесс является результатом трех явлений: 1) фундаментальной дифференциации между самопрограммируемым высокопроизводительным трудом и родовым заменимым трудом; 2) индивидуализации труда, которая подрывает его коллективную организацию, таким образом предоставляя слабейшие сегменты рабочей силы своей судьбе; 3) глобализации экономики и делегитимизации государства, постепенной гибели государства всеобщего благосостояния, лишающей спасательного круга тех людей, которые не могут преуспеть самостоятельно» [12, с. 499].

С утратой социальной поддержки, связанной с кризисом государства всеобщего благосостояния даже в богатых странах, «люди, которые не могут следовать требованиям времени и постоянно модернизировать свою квалификацию, выпадают из конкурентной борьбы, цепляются за свои позиции в ожидании следующего раунда «уменьшения размера» того самого сжимающегося среднего слоя, который был опорой развитых капиталистических обществ в течение индустриальной эры.

Таким образом, процесс социального исключения не только влияет на действительно обездоленных, но и на тех людей и на те социальные категории, что строили свою жизнь в постоянной борьбе за возможность избежать падения вниз, в мир … социально недееспособных людей» [12].

Трагический смысл последствий воцарения этой новой системы стратификации заключается в том, что новому миру будут нужны прежде всего представители «самопрограммируемого» труда и, в сравнительно небольшом количестве – «родовая рабочая сила», к которой относится подавляющее большинство человечества. Миллионы людей заведомо оказываются «социально исключёнными». Это те самые «лишние» люди, о которых говорил Э. Райт в своей критике Э. Соренсена, когда проводил различие между эксплуатацией и притеснением без эксплуатации [13, с. 1563]. В новом мире они не нужны даже как объект эксплуатации, им просто нет в нем места. Ни господствующие классы, ни общество в целом не нуждаются в людях, которые подвержены эксклюзии и не зависят от них – по крайней мере, в экономическом смысле.

В условиях роста вариативности жизненных судеб, их всевозрастающей индивидуализации нет жёсткой заданности социальной эксклюзии для отдельного человека – это всегда лишь больший или меньший риск. Однако в условиях действия тенденции все большей социальной поляризации за счёт размывания «нового среднего класса», разделяющегося на «коллективного» и «родового» работника, с одной стороны, и возрастания сегмента социально исключённых в связи с усложнением требований к рабочей силе, предполагающих особую эффективность социализации, с другой – шансы эти с каждым годом объективно уменьшаются для большинства членов общества [11, с. 261–262].

Библиографический список

1. Слезингер, Г.Э. Труд в условиях рыночной экономики / Г.Э. Слезингер. – М.: ИНФРА-М, 1996. – 336 с.

2. Социология труда: теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. В.А. Ядов. – СПб.: Наука, 2006. – 425 с.

3. Слюсарянский, М.А. Социально-трудовые отношения как предмет социологического исследования: региональный аспект / М.А. Слюсарянский // Бюллетень Пермской социологии. Исследования 2009–2010 гг. – Пермь, 2010. – С. 13–19.

4. Мамытов, Е.Г. Социально-трудовые отношения в российской экономике: состояние, тенденции развития, регулирование: автореф. дис. ... д-ра экон. наук / Е.Г. Мамытов. – М., 2008. – 59 с.

5. Мамытов, Е.Г. К определению содержания понятия «социально-трудовые отношения» / Е.Г. Мамытов // Российский экономический журнал. – 2007. – № 7–8. – С. 85–89.

6. Зарубина, Н.Н. Социология хозяйственной жизни: проблемный анализ в глобальной перспективе: Учеб. пособие для вузов / Н.Н. Зарубина. – М., 2006. – 392 с.

7. Шайдарова, Е.С. Наемный работник / Е.С. Шайдарова // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. – Пермь, ноябрь, 2006. – С. 70–72.

8. Наемный работник в современной России / Отв. ред. З.Т. Голенкова. – М.: Новый хронограф, 2015. – 368 с.

9. Козина, И.М. Работники заемного труда / И.М. Козина // Социологические исследования. – 2013. – № 5. – С. 19–31.

10. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман; Пер. с англ., под ред. В.Л. Иноземцева. – М: Логос, 2005. – 390 с.

11. Тихонова, Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность / Н.Е. Тихонова. – М.: Новый хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014. – 408 с.

12. Кастельс, М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ., под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606, [1] с.

13. Wright, E.O. Class, Exploitation, and Economic Rents: Reflections on Sorensen's «Sounder Basis». American Journal of Sociology. 2000. Vol. 105, No.6. Pp. 1559–1571.

К содержанию

УДК 316.74:792.01 + 792.01

ФУНКЦИИ ТЕАТРА КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА

А.С. Петрова

Рассмотрены общие, широко распространенные, а также, специфические, узконаправленные функции театра как социального института. Среди общих представлены следующие функции: информационная, социализирующая, воспитательная, внушающая, мировоззренческая, эстетическая, гедонистическая (рекреационная), функция организации досуга. Среди специфических – катартическая и идеологическая.

Ключевые слова: театр, социальный институт, функции театра, общие функции театра, специфические функции театра.

Социальные институты, удовлетворяя основные потребности общества и индивида, являются социокультурными образованиями, основанными на существующих в отдельно взятом обществе нормах, обычаях, традициях, ценностях. Каждый социальный институт, проходя процесс своего формирования в том или ином обществе, выстраивает систему взаимоотношений своих структурных элементов таким способом, что максимально возможным образом удовлетворяет функции подсистем общества, к жизни которых он имеет отношение. При этом, разные категории социальных субъектов, связанных с данным социальным институтом, функционируют в разных сферах жизни общества, что приводит к тому, что один и тот же социальный институт удовлетворяет совершенно различные потребности разных субъектов, вплоть до того, что мнение разных индивидов, относительно того, на удовлетворение каких потребностей направлена деятельность данного социального института, может быть диаметрально противоположным.

Примером таких неоднозначно воспринимаемых социальных институтов является социальный институт театра. Для одних социальных категорий – это сфера удовлетворения сугубо духовных потребностей, обеспечивающая почву для личностного роста, и не позволяющая расслабляться, релаксировать, поскольку, душа (духовная, интеллектуальная составляю-

щая личности) человеческая, развиваясь, отдыхать не может, вместо этого она вынуждена трудиться. Для других – напротив, театр – место рекреации, место, где можно отдохнуть, расслабиться, отвлечься от нагружающих разум дел. Значит, и функционал театра как социального института в представленных случаях лежит в совершенно различных сферах жизни общества, и удовлетворяет никоим образом не связанные друг другом потребности разных личностей.

Таким образом, задачей социологической науки является выявление особенностей восприятия данного социального института разными социальными группами с целью оценки возможности театра как социального института влиять на мнение общественности. Разные социальные объекты, оказываясь под воздействием театральных представлений, испытывают их влияние на себе. Но влияние это различно. Социологическое изучение этих процессов может помочь вырисовыванию образа влияния тетра на зрителя.

Среди функций театра можно выделить те, которые являются общими для большинства театральных организаций. Другие же весьма специфичны и имеют отношение к узкому кругу театральных организаций и видов театральных постановок. К общим функциям театра могут быть отнесены следующие: информационная, социализирующая, воспитательная, внушающая, мировоззренческая, эстетическая, гедонистическая (рекреационная), функция организации досуга.

Информационная (спектакль как сообщение) функция театра, которую также можно назвать познавательно-эвристической, заключается в передаче информации от группы к группе, от одного поколения другому поколению. Театр описывает труднодоступные для науки стороны жизни, раскрывает эстетическое многообразие мира. В некотором роде заменяет тот аспект развития личности, который может обеспечить церковь как социальный институт. Что имеет особенное значение в нашей стране, прошедший через семь десятков лет строительства коммунизма, отдаляющего советское общество от церкви. Личность в театре приобщается к культурному опыту человечества, развиваясь одновременно и эмоционально и рационально.

Социализирующая, воспитательная функция театра реализуется в виде обмена социально значимой информацией между поколениями, поддержании культурной непрерывности общества, формировании личности. Эстетически воздействуя на людей, театр позволяет обогатиться им чужим опытом, дает им возможность пользоваться этим опытом с тем, чтобы позволить им избежать совершения собственных ошибок. Театр дарит индивиду художественно организованный, обобщенный, осмысленный опыт.

Внушающая (близкая к воспитательной, но не идентичная ей функция театра; в отличие от длительного процесса воспитания, внушение – процесс краткосрочный) функция представляет собой внушение определенного строя мыслей, чувств у индивида, воздействие на психику, формирова-

ние социально-ожидаемого образа мышления. Формирование театром востребованного в обществе образа мышления позволяет индивиду легче адаптироваться в обществе.

Мировоззренческая функция театра реализовывается в выражении в художественной форме картины мира, в формировании мировоззрения личности. Театр, с одной стороны, преподносит индивиду принятые в обществе культурные образцы, с другой, заставляет его задуматься над увиденным со сцены, сформировать свой собственный взгляд на преподнесенную информацию. Эстетическая функция – ценностное ориентирование общества, конструирование иерархии явлений окружающего мира, а также ценностное ориентирование личности посредством формирования у нее эстетических вкусов.

Расширение эмоционального опыта – создание условий для эмоциональных переживаний зрителей, что обеспечивает разносторонность их развития. Театр обеспечивает индивиду возможность пережить состояния, недоступные или нежелательные в реальной жизни. Гедонистическая, рекреационная функция – формирование гармонически развитых членов общества, обеспечение условий для поддержания нормального психического состояния членов общества. Театр доставляет человеку эстетическое наслаждение, позволяет человеку восстановить моральные силы, дает возможность получить психологическую разрядку.

Организация досуга – функция, в рамках реализации которой осуществляется организация свободного времени людей, а также стимулируется развитие личности. Одна из функций, которая в значительной мере противоречиво воспринимается разными категориями лиц. Люди творческие, особенно, те, кто имеет отношение к созданию театральных постановок, зачастую не могут примириться с подходом к посещению театра в качестве места, где можно отдохнуть, развлечься, настаивая на том, что основная задача театра – развитие личности. А значит, в театр ходят не для того, чтобы релаксировать, а для того, чтобы работать над собой, чтобы духовно, нравственно расти. В то время как значительная часть зрителей в театр приходит именно отдохнуть.

Помимо общераспространенных, существует также ряд специфических функций театра, выполняемых далеко не каждой театральной организацией. Они служат удовлетворению потребностей лишь отдельных обществ, групп или личностей. Среди них катартическая и идеологическая.

В рамках реализации катартической функции театр дарит человеку возможность дать выход некоторым его чувствам и лучше понять себя, а также людей, которые его окружают. Импровизированная драматизация обеспечивает оздоровительный эффект не у зрителя (вторичный катарсис), а у творца – то есть актера, который играет драму и в то же время освобождается от нее. То есть, переживает на сцене столь желанные им, но недоступные в повседневной жизни состояния и эмоции [3].

Истоки идеологической функции театра уходят далеко в прошлое, поскольку историю свою театр начинает с религиозных поклонений божествам. Персонификация явлений природы в различных божествах требовала вести с ними диалог с помощью различных шаманских и религиозных обрядов. Тогда же возникает необходимость профессионализации искусства: чем лучше ведется диалог с богами, тем скорее достигается их благосклонность. Это становится базой для формирования исторически первой функции театра – идеологической [1]. В современном российском обществе данная функция не имеет былой актуальности, в противоположность ее популярности в советские времена, кода она играла главенствующую роль. Театральные актеры должны были нести в массы социалистическую идеологию, и не только со сцены родного театра. Они также часто выступали на производственных площадках. Постоянно занимались пропагандой государственной идеологии со сцены, путешествуя по провинции с командировками.

Во все времена театр оказывался нужен социуму. Но, поскольку общество неоднородно по своим предпочтениям, то люди выбирают разные виды театрального искусства. Собственно к ним (к видам) относится длинная линейка видов театрализованных представлений: драма, как таковая, театры для детей и подростков, опера, оперетта, театрализованные музыкальные шоу, балетные постановки, пантомимический театр, театр кукол во множестве своих видов, театр песни, уличный хэппининг и еще множество пограничных жанров [2].

Сложность функционирования такого социального института как театр заключается в том, что с одной стороны, – это творческий процесс, то есть продукт деятельности художника, с другой – часть материальной жизни общества, которая требует финансовых ресурсов для ее функционирования. То есть, люди искусства с одной стороны, живут культурной жизнью, создавая объекты нематериальной культуры для нравственного, морального, духовного развития общества, с другой стороны, помещены в рамки художественного творчества, задаваемые его «заказчиками», как государства, стремящегося проводить культурную политику, так и зрителей, или, как стало в последние годы принято их называть, «потребителями» культурных услуг. Все они по-разному воспринимают функции театра, для каждого он служит с целью удовлетворения именно его персональных потребностей (социальных, духовных, рекреационных, и прочих). Знание функционала социального института театра может позволить использовать его в качестве ресурса влияния на общественное сознание.

Библиографический список

1. Адрианова, Т.О. Социальные функции театра / Т.О. Адрианова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 35 (289). Философия. Социология. Культурология. Вып. 28. – С. 91–94.

2. Зуева, Е. Театр: зеркало с запоздалым отражением / Е. Зуева // Российское экспертное обозрение. – 2007. – № 6 (23). – С. 18–19.

3. Чапув, Г. Генезис и история психодраммы / Г. Чапув, Ч. Чапув. – URL: http://psychodrama.ru/books/katarticheskaya-vospitatelnaya-i-sociotehnicheskaya-funkcii-teatra#.U6pTQna2uqg.

К содержанию

УДК 316.35 + 177.7 +364.4-053.81

ВОЛОНТЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЛОДЕЖИ

Л.В. Русских

Приведены данные социологического исследования волонтерской деятельности студенческой молодежи. Определены основные мотивы безвозмездной социальной помощи нуждающимся слоям населения. Установлено, что половина волонтеров действует через добровольческую организацию, вдвое меньше волонтеров занимаются волонтерской деятельностью самостоятельно либо в составе неорганизованной группы.

Ключевые слова: волонтерство, мотивы волонтерской деятельности, добровольческая деятельность, безвозмездность, благотворительность.

На современном этапе развития российского общества ярко выраженной становится ориентация людей на экономические ценности. Россия провозгласила курс на системную модернизацию и инновационное развитие в качестве стратегической задачи на ближайшее десятилетие, но современное инновационное и социально ориентированное государство немыслимо без зрелого гражданского общества, одной из областей деятельности которого является волонтерство. Одним из пунктов «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» значится развитие социальных институтов и социальная политика, направленная на содействие развитию практики благотворительной деятельности граждан и организаций, а также распространению добровольческой деятельности (волонтерства).

Несмотря на открытие и создание благотворительных фондов и организаций, в России волонтерская деятельность не получила широкого распространения, а само волонтерство и добровольчество, как социальные явления, в отечественной социологии недостаточно изучены с теоретиче-

ской точки зрения. В основном преобладают работы, связанные с историей меценатства и благотворительности. За рубежом данная тематика разрабатывается более активно.

В самом общем виде под волонтерством понимают добровольное выполнение обязанностей по оказанию безвозмездной социальной помощи. Волонтеры – это люди, делающие что-либо по своей воле, по согласию, а не по принуждению. Они могут действовать либо неформально, работать бесплатно как в государственных, так и частных организациях медицинской, образовательной сферы, либо социального обеспечения, или являться членами добровольческих организаций. Волонтерство может быть организованным и неорганизованным, осуществляться в общественных и частных организациях, в группе и индивидуально. Неорганизованное волонтерство – это спонтанная и эпизодическая помощь друзьям или соседям, это преобладающая форма волонтерства во многих странах. Организованное волонтерство, как правило, более систематично и регулярно, оно осуществляется в некоммерческом, государственном и частном секторе.

Одним из наиболее изученных компонентов волонтерской деятельности является мотивация. В рамках исследований содержательной стороны мотивации, этого вопроса касались в своих работах К. Альдерфер, Д. Аткинсон, Ф. Герцберг, Д. Мак-Грегор, Д. Мак-Клелланд, в рамках процессуальных теорий – Д. Адамс, В. Врум, Э. Локке, Л. Портер и Э. Лоулер. Из отечественных исследователей следует отметить А.Г. Здравомыслова, В.А. Ядова, Н.А. Потапову, Н.В. Ходыреву, И. Левдер, Ю.Н. Давыдова, И.Б. Роднянскую. С.В. Михайлова видит успешность формирования мотивации добровольцев в том, что добровольческая деятельность представляет собой уникальную возможность для человека совместить удовлетворение своих личных потребностей с потребностями общества. Е.И. Холостова пишет: «Мотивы для вступления в ряды добровольцев могут быть самыми разными: убеждения нравственного и религиозного характера; потребность в общении, активности, реализации своих способностей, общественном признании; желание приобрести новую работу или профессию, добиться улучшения деятельности социального учреждения» [1]. Е. Неволина отмечает, что людей, которые начинают заниматься добровольческой, бескорыстной деятельностью, мотивируют те, или иные внешние (а также внутренние) стимулы. Она утверждает, что люди мотивированы к оказанию помощи, во-первых, когда видят, что другие «бросились» помогать, и во-вторых, когда они не спешат. Личностные влияния, например настроение, тоже имеет значение. Совершив какой-либо проступок, люди чаще желают оказать помощь, явно надеясь тем самым облегчить чувство вины [2].

Исследования мотивации российских добровольцев показывают, что главными мотивами, побуждающими к добровольческой деятельности, яв-

ляются: стремление к строительству более справедливого и свободного общества, энтузиазм, доброта и подвижничество граждан, стремление быть социально полезными другим людям, неравнодушное отношение к происходящему вокруг, желание реализовать себя и свои инициативы, желание решить проблемы других людей и собственные проблемы [3].

Одни исследователи рассматривают волонтерство преимущественно как способ выстраивать социальные отношения, другие – как одно из проявлений молодежной субкультуры, третьи – как феномен самореализации личности. Н.А. Потапова в своей работе, посвященной волонтерству, пишет: «Волонтеры это люди, привлекаемые к общественно полезным мероприятиям государственными структурами, специалистами или церковью, занятые добровольным и безвозмездным трудом, в свободное от основной деятельности время, направленным на пользу другим людям, организациям и обществу в целом» [4]. Рассматривая молодежную субкультуру, Н.Ф. Басов особое внимание уделяет той части субкультуры волонтеров, которая касается стимулов, мотивов волонтеров к работе на добровольческой основе, а также ценностных установок, отличий волонтеров от работников, которые вовлечены в иные формы оказания социальной помощи. Он приходит к выводу: «Молодежь – традиционно наиболее социально активная демографическая группа, которая может стать (и в частных случаях является сейчас) основой крупномасштабного волонтерского движения» [5]. Мы же полагаем, что студенчество не только является передовой частью молодежи, но и самой большой ее составляющей, учитывая тот факт, что высшее образование в России, вслед за европейскими странами, становится массовым. Вместе с тем данных о масштабах вовлеченности студентов в волонтерскую деятельность и о формах этой деятельности в отечественной социологической литературе немного.

В проекте Федерального закона «О добровольчестве (волонтерстве)» перечислен ряд основных принципов волонтерской деятельности, которые были предложены респондентам для ранжирования. Основными принципами волонтерской деятельности, по мнению студентов, стали безвозмездность и добровольность, а также принцип солидарности и добросовестности (54 % и 49 % соответственно). Третье место разделили между собой такие принципы, как свобода в определении целей, форм, видов направления добровольческой деятельности, равенство, независимо от пола, вероисповедания, национальности, гуманность, соблюдение прав и свобод человека. Большинство студентов понимает волонтерство как участие в организации и проведении культурных и общественных мероприятий, участие в оказании помощи социально незащищенным слоям населения, детям, участие в защите окружающей среды, благоустройстве территорий. Предполагаем, что данные ответы связаны с тем, что на Южном Урале в последние годы часто проходят соревнования культурного, межнацио-

нального, спортивного характера, поэтому для респондентов данный вид волонтерской направленности является наиболее узнаваемым и привычным. Исследование показало, что у студентов (как включенных в волонтерскую деятельность, так и не занимающихся волонтерством) не сформировано мнение о масштабах волонтерства в России. Тем не менее, большинство склонно считать, что оно набирает обороты. Волонтерская деятельность у 2/3 опрашиваемых нами студентов – волонтеров носит эпизодический характер, 1/3 осуществляет ее постоянно. Это связано с тем, что совмещать учебу и волонтерство на постоянной основе достаточно трудно, а также с тем, что многие волонтеры только «пробуют» себя и свои способности в этом деле, и не уверены до конца в том, стоит ли им этим заниматься.

Исследование зафиксировало, что практически половина волонтеров действуют через добровольческие организации, деятельность, которых непосредственно нацелена на повышение уровня общественно полезной добровольческой занятости граждан и эффективного использования добровольческих ресурсов при решении социальных проблем. Вдвое меньше волонтеров занимаются волонтерской деятельностью самостоятельно либо в составе неорганизованной группы. Это можно объяснить тем, что в добровольческой организации больше возможностей для реализации волонтерских порывов – руководители добровольческих организаций централизованно осуществляют деятельность, заботясь не только о тех, кому оказывается помощь, но и о самих волонтерах. Также в волонтерских организациях многие находят себе друзей, единомышленников. Молодым людям гораздо интереснее осуществлять какую-либо деятельность не в одиночку, а со своими соратниками.

Исследование показало, что волонтеры охотнее участвуют в сфере культуры (48 %), в спортивной сфере (42 %), в сфере социальной защиты населения (31 %) и в сфере образования (23 %). Наименее актуальной сферой волонтерской деятельности являются сферы предпринимательства, защиты прав человека и здравоохранения. Это связано с тем, что студенты – волонтеры больше заинтересованы в тех сферах, которые им ближе, которые являются наиболее интересными и значимыми для них. Сферы здравоохранения, предпринимательства и защиты прав человека представляются им скучными и неактуальными. Корреляционный анализ показал зависимость выбора сферы волонтерской деятельности от пола студентов. Девушки охотнее участвуют в сферах культуры и пропаганды здорового образа жизни, а юноши – в сфере науки и спорта.

По мнению половины опрашиваемых волонтеров, организацией волонтерских движений должны заниматься и государство, и общественные организации, но при этом они отмечают, что это не значит, что человек будет «сидеть на месте» и ждать, пока за него кто-то осуществит волонтерскую

деятельность. Более четверти опрошенных считают, что человек самостоятельно должен оказывать помощь другим людям. Волонтеры не должны полностью полагаться на силы государства и общественных организаций. Если каждый волонтер самостоятельно начнет помогать другим людям, то эффективность волонтерства в стране возрастет.

Волонтерская деятельность, как и любая другая, нуждается в определенных видах стимулирования. Некоторые из них требуют финансовых вложений со стороны организации, в которой работает волонтер, другие же абсолютно ничего не стоят. Так, И. Левдер отмечает: «Один из важных принципов управления волонтерами в различных учреждениях состоит в том, чтобы поощрять добровольца, поддерживать его. Это может быть как какое-то вербальное поощрение, так и материальное. Человек может работать на добровольных началах в той или иной организации, однако, не получая никакого вознаграждения, волонтер теряет мотивацию. Работать в качестве добровольца… совсем не значит не получать никакого вознаграждения» [6]. Некоторые специалисты выделяют практическое, информационное и привилегированное стимулирование работы волонтеров. Первое предполагает предоставление волонтерам возможности участия в образовательных программах организации, приобретения опыта работы в различных направлениях, а также дополнительных знаний, навыков, компетенций. Информационное стимулирование заключается в доступе к информационным источникам и материалам. Привилегированное стимулирование дает волонтерам возможность бесплатного посещения различных мероприятий, а также предоставляет скидки на услуги [7]. Исследование показало, что основными видами вознаграждения волонтерского труда являются питание и одежда с волонтерских мероприятий, – эти виды вознаграждения разделили между собой первое место. Бесплатное проживание во время волонтерской помощи и «неоплачиваемый» никаким образом труд волонтера заняли второе место. Респонденты считают это нормальным, так как волонтерство – априори помощь, которая осуществляется безвозмездно, поэтому максимум, чем могут «оплатить» организаторы и спонсоры волонтерских мероприятий труд волонтера – это дать волонтерам бесплатный ночлег, еду и одежду. На третьем месте «оплатой» волонтерского труда являются поход в кино и в театр. Менее 10 % ответили, что их труд вознаграждался деньгами.

Исследование показало, что все респонденты полностью согласны с тем, что волонтерство – дело благородное и все положительно относятся и к волонтерам, и к волонтерству в целом. Более 80% студентов, занятых волонтерской деятельностью, получают от нее удовлетворение, но при этом заниматься ею всю жизнь собирается только каждый пятый опрошенный. Большинство студентов понимают волонтерство как участие в организации и проведении культурных и общественных мероприятий, участие в

оказании помощи социально незащищенным слоям населения, детям, участие в защите окружающей среды, благоустройстве территорий. Основными мотивами волонтерской деятельности являются альтруистические мотивы – помощь другим, желание делиться своими эмоциями, желание вдохновлять и поднимать другим людям настроение. Пятая часть опрошенных считает, что главным мотивом является ощущение своей важности для других людей.

Респонденты считают, что волонтер обязательно должен быть активным, веселым, улыбчивым и стрессоустойчивым, а также уметь находить выход из сложной ситуации. Также волонтер должен заниматься всяким видом помощи, не боясь «измарать ручки» (помощь инвалидам, уход за пенсионерами). То есть респонденты считают, что не важно, есть ли у волонтера какие-то навыки, опыт в волонтерской деятельности, главное, чтобы волонтер умел создавать веселую атмосферу, желал делиться собой и своими эмоциями с другими. При этом больше половины волонтеров не стали бы заниматься волонтерской деятельностью в тюрьмах, помогая заключенным, а также лежачим больным и людям со скверным характером. Охотнее всего респонденты стали бы помогать детям в детских домах, и проявлять заботу о домашних животных.

Следует отметить, что все участники опроса понимают, что быть волонтером – значит работать бесплатно, безвозмездно, но каждый шестой не отказался бы от какого-либо вознаграждения (не обязательно материального). Понятно, что любая компенсация должна быть меньше, чем стоимость выполнения работы, так как волонтерство, по определению, должно приносить пользу людям, а не самим волонтерам, оно основано на принципе бескорыстности. Но исследование показало, что люди, которые занимаются добровольчеством, нуждаются в поощрении, как правило, в форме общественного признания и уважения.

Исследование показало, что все респонденты полностью согласны с тем, что волонтерство – дело благородное и все положительно относятся и к волонтерам, и к волонтерству в целом. Большинство студентов понимают волонтерство как участие в организации и проведении культурных и общественных мероприятий, участие в оказании помощи социально незащищенным слоям населения, детям, участие в защите окружающей среды, благоустройстве территорий. Основными принципами волонтерской деятельности являются безвозмездность и добровольность. Более 80 % студентов, занятых волонтерской деятельностью, получают от нее удовлетворение, но при этом заниматься ею всю жизнь собирается только каждый пятый опрошенный. Основными мотивами волонтерской деятельности являются альтруистические мотивы – помощь другим, желание делиться своими эмоциями, желание вдохновлять и поднимать другим людям настроение. Практически половина волонтеров действует через добровольче-

скую организацию, вдвое меньше волонтеров занимаются волонтерской деятельностью самостоятельно либо в составе неорганизованной группы. Исследование показало, что волонтеры охотнее участвуют в сфере культуры, в спортивной сфере, в сфере социальной защиты населения и в сфере образования. Волонтерский труд студентов, в отличие от труда волонтеров в других странах, практически никак не оплачивается.

Библиографический список

1. Холостова, Е.И. Волонтеры. Словарь-справочник по социальной работе издание / Е.И. Холостова – М.: Юрист, 1997. – 424 с.

2. Неволина, Е. Волонтеры не в фаворе: стимулы и препятствия к добровольческому труду / Е. Неволина // Вестник благотворительности. – 1999. – № 4. – С. 13–17.

3. Азарова, Е.С. Психологические детерминанты и эффекты добровольческой деятельности / Е.С. Азарова // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – С. 120–124.

4. Потапова, Н.А. Волонтерство как феномен самореализации личности в современных российских условиях / Н.А. Потапова – СПб.: Издательство РГПУ им. Герцена, 2004. – 294 с.

5. Басов, Н.Ф. Социальная работа с молодежью / Н.Ф. Басов – М.: Изд-во «Дашков и К», 2009. – 238 с.

6. Левдер, И.А. Добровольческое движение как одна из форм социального обслуживания / И.А. Левдер // Социальная работа / Е.Л. Шекова // Человек и труд. – 2003. – № 4. – С. 6; 2006. – № 2. – С. 35–38.

7. Шекова Е.Л. Добровольческие трудовые отношения: основные определения / Е.Л. Шекова // Человек и труд. – 2003. – № 4. – С. 6–7.

К содержанию

УДК 2-184.3
ББК Э3-420

ДИСКУРСЫ О ВЕРЕ И РЕЛИГИИ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «НАУКА И РЕЛИГИЯ» (1985–1991 гг.)

Е.Г. Сосновских

Предлагается анализ дискурсивных практик о вере и религии на страницах журнала «Наука и религия». Исследование материалов журнала позволило объяснить модели поведения акторов государственно-конфессиональных отношений, формировавшихся в период трансформации общественного сознания. В рамках представленного материала дискурс о вере является точкой пересечения дискурсов науки и религии. Новые подходы к позиционированию религии привели к формированию её положительного образа и способствовали их включению этого феномена в сознание масс.

Ключевые слова: дискурс; дискурсивные практики; модели поведения акторов, верующие, журнал, вера, религия.

Религия и наука представляют собой типы мировоззрения, один из которых в определенный период истории человечества выдвигается на первый план общественной жизни. Впервые проблема согласованности науки и религии была затронута в Античный период, хотя сами термины «наука» и «религия» понимались иначе и основной акцент был сделан на взаимоотношения логоса и мифа. В Средние века был сформирован иной подход, в рамках которого христианство рассматривалось как «сверхрациональное начало». Новое время ознаменовало поворот к позитивной науке, размежевание науки и религии было окончательно завершено. Таким образом, вся человеческая история – есть взаимодействие, а порой и борьба, этих мировоззренческих позиций.

Советская власть старалась вытеснить религию на периферию общественной жизни. Была развернута широкомасштабная антирелигиозная пропаганда, которая предполагала замену религии на атеизм в массовом сознании. Агностики и неверующие активно включались в атеистическую пропаганду, но большинство мероприятий не имели результата. Для понимания современного этапа взаимодействия науки и религии особую важность приобретает осмысление процессов перестройки, в рамках которых произошла трансформация общественного сознания.

Изучение данных процессов требует использования нового подхода, который позволит расширить понимание источников. С каждым годом все большую популярность приобретают исследования дискурсов. Предполагается, что тексты формируются говорящими или пишущими в определен-

ных социальных условиях (практиках, событиях). Дискурс является целостным, социально обусловленным образованием, при этом он не отделим от естественного языка. Анализ дискурсов подразумевает объяснение обусловленности высказываний, позволяет установить связь между социальными практиками и социально-историческим контекстом.

Особый интерес в рамках исследования дискурсов о науке и религии представляет научно-популярный журнал «Наука и религия». В нем представлены различные жанры публикаций – информационные (интервью, репортаж, сообщение), аналитические (статьи, корреспонденция, обзоры) и художественно-публицистические (очерк). Материалы отличает постоянное сравнение науки и религии, которое демонстрирует разницу мировоззрений относительно реалий окружающего мира. Коммуникативным кодом источника является официально-деловой стиль языка, что является результатом редакции текстов. Это затрудняет их анализ с точки зрения особенностей построения высказываний, не дает возможность оценить переживания коммуникаторов. Актуальность тем дискурса может быть измерена частотой появления текстов или высказываний на страницах журнала. Анализ публикаций дает возможность проследить и выявить особенности трансформации дискурсов науки и религии.

Можно выделить три вида дискурсов, представленных в журнале: атеизм (научный атеизм и атеистическая работа), религиоведение и наука. Дискурсы не имеют четких границ, формируя в точках пересечения новые тематики. Такой является дискурс о вере, который можно отнести ко всем перечисленным. Коммуникаторами выступают партийные работники и ученые. С середины перестройки в рамках немногочисленных писем – верующие. Реципиентами являются читатели журнала, аудитория разнородна по составу. Ситуации коммуникации обусловлены ситуациями чтения источника в соответствии с периодичностью выхода журнала.

В разрезе дискурсов, в журнале представлены модели поведения акторов государственно-конфессиональных отношений: «социально-пассивная» и «социально-активная» (верующие, партийные работники), «адаптивная» (трансформация сознания – новообращенные верующие, партийные работники «новой формации», религиозные организации). В периоды социальных перемен может наблюдаться синтетический тип мировоззрения, при котором одни компоненты еще не закончили своего существования, он формирует – «переходную» модель (те, кто не сформировал свое отношение к религии, «невоцерковлённые верующие»). Представленные модели сконструированы в рамках концепций социального действия, расширены с учетом дискурсивных практик и процессов изменения общественного сознания.

Ключевым элементом религии является религиозная вера, поэтому в журнале этому вопросу уделено значительное внимание. В одном из номе-

ров за 1985 год появилось несколько статей, посвященных трактовке понятия «вера» западными и отечественными религиоведами. По мнению религиоведа П. Джонсона, вера является необходимым свойством человека: «Очевидно, ***существует естественная тенденция верить. Каждый является верующим. Не все верят в одно и то же, но все верят во что-нибудь***». Отечественный философ Д. Угринович отреагировал на это высказывание следующим образом: «***Социальный смысл*** подобных высказываний состоит ***в том, чтобы затушевать различие между религиозной и нерелигиозной верой, представить всех людей религиозными.*** При этом некоторые ***религиоведы пытаются научное знание изобразить как особый тип веры, то есть замаскировать социально-психологические различия между знанием и верой.*** Так, американские социологи Д. Борэк и Р. Картис уверяют, что ***наука – это одна из систем верований, что в основе любых эмпирических знаний лежит вера*** и т.п.» [8]. В современном религиоведении в отношении индивида используются два понятия: верующий и религиозный человек, которые являются дискуссионными. Принимая точку зрения, описанную в текстах, в их выделении заключается принципиальный для исследования религии момент. Религиозный человек – включен (хотя бы формально) в религиозную группу, ведет религиозную деятельность, при этом уже априори является верующим. Понятие «верующий» может использоваться в отношении любого человека, принимающего «на веру» предлагаемые объяснения существующего мира: вера в НЛО, эзотерические течения и т.д. Следуя данной логике, вполне возможна вера в современные научные концепции, например, в существование экзопланет (сам факт их возможности, теорию, методики расчета их существования, компьютерное моделирование их облика и проч.), которые мы, возможно, никогда не увидим своими глазами. Однако во времена атеистической пропаганды такой подход к трактовке понятий «вера», «верующий» был исключен. Высказывание сконструировано в рамках модели активного поведения атеиста, который против любого упоминания религии или ее элементов.

Второй принципиальный момент – рамки научного познания и процесс научного поиска от зарождения идеи исследования до получения конкретных результатов. Что двигает исследователем от момента появления исследовательского замысла до установления научной истины? Именно об этом читаем в интервью с профессором Ю.Ф. Борунковым: «В современную эпоху, когда наука стала важнейшей производительной силой, ***механизм превращения знаний в деятельность чаще всего функционирует без участия веры. Особенно это относится к познанию законов природы и их производственному, практическому применению***» [8]. Таким образом, получается, что религиозная вера противоречит знанию, а безрелигиозная (научная) нет. Профессор разделяет «предмет веры» и «объект

веры», предмет может не совпадать с объектом. Знание – безусловное, а вера является иллюзорным, гипотетическим. Знание может не воздействовать на поведение человека, а вера, как эмоциональное восприятие мира, обязательно воздействует на человека и его поведение. Безрелигиозная вера несет в себе крупицы истины, это – лишь этап, она либо отмирает, либо превращается в знание. Религиозная вера означает «познание» божественной сущности.

Размышления на эту тему встречаем в интервью с В. Тендряковым: «Оказывается, ***каждому*** в той или иной степени ***присущи два вида веры: одна порождается нами*** самими ***в процессе мышления, другая привносится со стороны в процессе общения. Первую по праву можно назвать творческой верой, вторую – верой общения или бытовой,*** так как она цементирует быт, упрощая отношения друг с другом, делая их более оперативными. ***Творческая вера, как правило, преходяща, выполнив свою задачу, она умирает. И ее смерть плодотворна, через нее рождается знание… Бытовая вера вовсе не лишена стабильности. Мы можем всю жизнь неизменно верить в какие-то положения, передавать свою веру детям. Религию сердито упрекают в обмане, указывая на несовместимость религиозных догм с научными истинами, но не замечают, что она несет в себе и нравственный обман… Религиозная вера есть «признание чего-либо истинным с такою решительностью, которая превышает силу внешних фактических и формальнологических доказательств***» [6]. В этом случае также возможно провести параллели с размышлениями о вере научной и религиозной. Творческая вера есть научная вера в процессе поиска, а бытовая – религиозная, укоренившаяся в повседневных практиках. Высказывание в большей степени относится к активной модели поведения в духе научного атеизма, демонстрируется новый подход к трактовке веры с негативной оценкой веры религиозной.

Особый оттенок тема приобретает в контексте контрпропаганды теологии. Имея дело с религиозными текстами, она вырабатывала свою методологию и методику анализа источников, подкрепленную религиозными нормами. Поэтому результаты теологических исследований подвергались жесткой критике: «С тех пор как человек стал осознавать себя, он начал задаваться вопросом: что же такое окружающий его мир? ***Многие тысячелетия ответ на него стремились дать различные религиозные системы, рисовавшие превратную, неверную картину мироздания… Между тем развитие научного знания убедительно показывает: мир совсем не такой, каким его толкуют священные книги... Современные теологи, пытаясь как-то согласовать иллюзорные религиозные представления с научной картиной мира, стремятся все пока непонятное, таинственное в ней, непознанное истолковать как проявление сверхъестественного.*** Однако неумолимое ***развитие научного знания всегда дока-***

зывает: в природе все можно объяснить реальными причинами…есть еще немало людей, у которых представления о мире сформировались стихийно. В их сознании уживаются верные взгляды с неправильными, иногда даже с религиозными» [1]. В цитате четко прослеживаются две позиции. Первая касается псевдонаучности теологии, вторая – указывает на стихийность формирования сознания масс. Причем взгляды представлены автором как правильные, неправильные и религиозные, которые, совершенно не вписываются в атеистическую картину мира. Такая подача материала создает канву для трактовки теологической информации читателями журнала, формирует восприятие этой области исследований.

В период перестройки активно дискутировались вопросы не только о моральном облике религии, но и науки. Обсуждалась тема социальной нравственности, ответственности исследователей перед обществом. Проблемы цензуры религиоведческих исследований представлены в статье социолога Е. Кублицкой: «***… полученный эмпирический материал при отсутствии общего информационного центра не обобщался и не систематизировался…когда эмпирические данные не совпадали с идеологическими клише, …их решительно сбрасывали в корзины соответствующих канцелярий или укрывали броней сейфов…***» [4]. Цитата представляет собой описание будней советского ученого-религиоведа, чьи научные изыскания были загнаны в рамки марксистко-ленинской идеологии и подвергались жесткой цензуре. В особенности, это касалось результатов социологических исследований, оперировавших точной статистической информацией. Необходимо также учитывать, что в период перестройки гуманитарные науки переживали методический кризис, а религиоведение критиковалось за недостаточный учет потребностей общества в новых религиозных исследованиях. Социолог демонстрирует модель активного поведения на волне социальных перемен, что характерно для начала 1990-х годов.

Невзирая на значительные послабления со стороны государства, некоторые исследователи боялись прямо и открыто критиковать сложившиеся на тот момент подходы к анализу феномена религии и веры в советской науке. Взамен результатов своих исследований, они цитировали зарубежных исследователей, работы которых критиковали. Один из таких аналитических обзоров на западные исследования религии: «***Одним из наиболее примечательных явлений в последнее десятилетие стало возрождение религии, охватившее весь мир… 80-е годы могут войти в историю как десятилетие религиозного возрождения (последнее, что могло бы прийти в голову экспертам, предсказывающим специфику космического века)… Вопреки всеобщим ожиданиям, будто прогресс науки вызовет угасание религии, наука сама обращается к религии и принимает представление о сверхъестественном в форме явлений психики»*** [7]. Данное

высказывание принадлежит Д. Ханту автору работы «Взрыв культов» (1980 год). В своей книге он прогнозирует дальнейшее развитие религиозных верований. Цитата приведена в контексте информации о сайентологии – новом религиозном движении, которое считается экстремистским. Таким образом, автор хотел приписать совей цитате такой же негативный образ, как и у представленного религиозного течения. Высказывание демонстрирует, что в зарубежных исследованиях дискуссия о вере, связи науки и религии существовала уже давно.

Негативный оттенок имеет взаимодействие науки и религии на примере болезни: «***История этой болезни – один из наглядных примеров того, как религиозный фанатизм, темнота и невежество приводили людей к массовой гибели и как наука, постепенно разбираясь в причинах страшной инфекции, начала с ней и с суеверными о ней представлениями борьбу, увенчавшуюся успехом***» [3]. В этих словах видна не только критика религиозного мировоззрения, но и поведенческая модель пишущего – воинствующего атеиста. В том же ключе рассматривался спор ученых философов и математиков с теологами о вероятностях. Для ученых – они просто случай, для верующих и теологов – провидение. Верующий искренне полагает, что все события в его жизни не случайны [2]. В любом случае теология рассматривается как лженаука наравне с религиозными предрассудками.

В связи с тем, что воинствующий атеизм дискредитировал себя, а соответственно и атеистическую нравственность на страницах журнала был поднят вопрос о нравственности науки: «***Научно-технический прогресс не принесет счастья***, если не будет дополняться чрезвычайно глубокими изменениями в социальной, нравственной и культурной жизни человечества. ***Внутреннюю духовную жизнь людей, внутренние импульсы их активности трудней всего прогнозировать, но именно от этого зависит в конечном итоге и гибель, и спасение цивилизации***» [5]. Активно обсуждалась эта тема с середины 1980-х годов, особенно в контексте применения ядерного оружия и атомной энергетики, что, по-видимому, связано с катастрофой на Чернобыльской АЭС. Вице-президент АН СССР К.В. Фролов предложил, что возврат интереса к религии возник в результате создания атомного оружия: «Процесс познания нельзя остановить, но есть и такие грани, которые переходить не нужно» [9].

Анализ материалов журнала показал близость дискурсов, которая обусловлена наличием общих элементов мировоззрений. В рамках науки и религии таким компонентом является тема веры. Дискурс о научной вере представляется попыткой снизить градус критики религии за счет демонстрации близости мировоззрений.

Объектом научной веры выступают некие теоретические и практические доказательства истинности знаний об окружающем мире и человеке.

Они существуют в рамках определенных научных концепций и могут противоречить другим концепциям или парадигмам. Невозможность науки объяснить большинство явлений реальности приводит к тому, что человечество может «принимать на веру» положения, пока они полностью не будут доказаны. Религия также упорядочивает социальную реальность, предлагая другой набор доказательств, которые изложены в религиозных текстах, подкреплены существованием артефактов. Таким образом, и религия, и наука имеют поле взаимодействия, объясняют одни и те же реалии, опираясь на разные системы доказательств.

Тексты представлены разнообразными жанрами, коммуникаторами в которых выступают ученые двух типов поведения – активные агитаторы атеизма, который ещё присутствовал в общественной жизни, и активными новаторами, формировавшими дискурсы в соответствии с требованиями времени. Дискурсы отличает формальный коммуникативный стиль, что обусловлено спецификой источника.

Библиографический список

1. Ассовская, А. Иерархия вселенной / А. Ассовская // Наука и религия. – 1985. – № 5. – С. 29–32.
2. Габинский, Г. Покушение на чудо / Г. Габинский, В. Лобачёв // Наука и религия. – 1987. – № 1. – С. 12–16.
3. Грекова, Т. Заморская гостья / Т. Грекова, К. Токаревич // Наука и религия. – 1985. – № 1. – С. 43–44.
4. Кублицкая, Е. «Общество массового атеизма» глазами социолога / Е. Кублицкая // Наука и религия. – 1990. – № 1. – С. 34–35.
5. Сахаров, А.Д. Мир через полвека / А.Д. Сахаров // Наука и религия. – 1990. – № 5. – С. 3.
6. Тендряков, В. Нравственность и религия / В. Тендряков // Наука и религия. – 1987. – № 3. – С. 5–7.
7. Тимошин, Л. Сайентология: фантастику в бизнес / Л. Тимошин // Наука и религия. – 1985. – № 2. – С. 59–62.
8. Угринович, Д. Вера безрелигиозная и религиозная / Д. Угринович // Наука и религия. – 1985. – № 2. – С. 12–15.
9. Фролов, К.В. За гранью науки – наука… / К.В. Фролов // Наука и религия. –1988. – № 12. – С. 6–8.

К содержанию

УДК 316.3

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В «ОБЩЕСТВЕ РИСКА»

Е.И. Трошкин

Статья посвящена трансформации становления социальных проблем при переходе общества из индустриального в постиндустриальное состояние, в результате чего объективистская трактовка социальных проблем сменяется радикально конструктивистской.

Ключевые слова: общество риска, общество богатства, страх, социальные проблемы, постиндустриальное общество, постмодернизм, объективизм, субъективизм.

Социальные проблемы – это то, что реально есть в обществе. То, что возникает в самой жизни общества и из этой жизни, разрастается вширь и вглубь, потому со все большей настойчивостью стучится в сознание общества, пока раньше или позже, но неизбежно не становится фактом этого сознания, требуя своего осмысления и ответа на вопрос: «Что с ними делать?». С этими проблемами. Таково представление о социальных проблемах в обществе в классической объективистской социологии, которая чуть ли не от самих Конта и Спенсера через Дюркгейма, Парка, Мертона до Белла, Тоффлера и прочих классиков индустриальной и постиндустриальной общественной мысли. Исходя из этого, главная миссия самой социологии состоит как раз в том, чтобы первой вводить в поле общественного сознания эти самые общественные проблемы в качестве требующих внимания общества для последующего их разрешения и преодоления. Если социология этого не делает, то зачем она, если судить ее по «гамбургскому счету», нужна? И это представление вполне соответствует здравому смыслу, по крайней мере, в современном развитом мире, также как и в желающем туда попасть развивающемся. Как социологи, так и обычные граждане, когда говорят о социальных проблемах, обычно имеют в виду уровень преступности, распространение наркотиков, загрязнение окружающей среды, рост числа самоубийств и тому подобные объективно присущие обществу процессы, угрожающие его существованию. Чем более развито общество, тем раньше оно их осознает и начинает искать способы их преодоления или, как минимум, постановки их под контроль. Социологи – важнейшие участники данных процессов осознания и преодоления социальных проблем.

В самой социологии это до сих пор наиболее распространенное понимание социальных проблем со второй половины прошлого века подвергается принципиальной критике, в первую очередь, с точки зрения интеракционистских и конструктивистских концепций. На главную болевую точку

объективистского подхода первым указал Герберт Блумер: «Социологическое признание социальных проблем идет в кильватере общественного признания, меняя направление вместе с ветром общественной идентификации социальных проблем» [2, с. 34]. Дело здесь даже не в том, что социологи совсем не первые в процессе осознания проблем, хотя это и обидно, а в том, что и каким образом влияет на этот «ветер общественной идентификации». С точки зрения концепций интерпретативной социологии объективистский подход совершенно недостаточен, ибо говорит лишь об условиях для формирования социальных проблем и на этом останавливается. В том самом месте, которое и требует прояснения. Интерпретативная социология постаралась заполнить эту лакуну концепциями «определения ситуации», «наклеивания ярлыков», конструкционистским подходом, которые субъективируют процесс определения социальных проблем, делают его в некотором смысле случайным, в какой-то степени результатом произвола участников процесса определения, но при этом все-таки они полагают, что сам выбор опирается на объективные условия, что признанные обществом проблемы реально существуют, хотя может быть они и не самые важные в данный момент.

Постараемся сделать еще один шаг по пути субъективации определения социальных проблем, для чего обратимся к концепции «общества риска» Ульриха Бека. Это то же постиндустриальное общество, идущее на смену уже ставшему привычным, традиционным индустриальному, только под другим углом зрения. Он вовсе не считает это новое наступающее на нас общество полным отрицанием современности, завершением и опровержением модерна – постмодернистским концом истории – но переломом внутри самого модерна, естественным результатом развития индустриального общества: «…мы являемся свидетелями – субъектом и объектом – разлома *внутри* модерна, отделяющегося от контуров классического индустриального общества и обретающего новые очертания – очертания (индустриального) «общества риска» [1, с. 10]. То есть это тоже модерн, но другой – рефлексивный.

Согласно Ульриху Беку, он «очень другой», чреватый невиданными прежде опасностями, потому он и называет его «обществом риска», где знание и технологии по-прежнему доминантны, но они уже не обладают способностью всегда заранее предвидеть проблемы, которые сами порождают, настолько заранее, чтобы гарантировать устранение их опасных последствий. Постиндустриальное общество у него становится обществом страха, поскольку проблемы в нем обнаруживаются только учеными экспертами, обычным людям они непонятны и потому им остается только верить этим экспертам. Проблемы могут возникать теперь где угодно и когда угодно в быстро изменяющемся наукой и техникой мире. Вся окружающая реальность становится проблематичной, рискованной, и обычного челове-

ка окружают страхи. Ученые эксперты обнаруживают все новые риски, которые претендуют на внимание к ним общества как к требующим осознания и поисков разрешения их как социальных проблем. Сами по себе риски – это еще не социальные проблемы, таковыми они становятся только посредством признания их обществом. Социальные проблемы – это те риски, которые общество посчитает социальными проблемами. Потому риски толпятся в прихожей, стремясь прорваться в публичное пространство, где и происходит их номинирование в качестве социальных проблем. Это пространство для рисков – арена, где они сражаются за право занять место на пьедестале в качестве важнейших, требующих концентрации усилий общества для их осмысления и разрешения.

Теперь попробуем взглянуть на это пространство борьбы рисков за право считаться социальными проблемами под углом зрения радикально конструктивистской «концепция публичных арен» Хилгартнера и Боска, впервые опубликованной в конце 80-х годов прошлого века и в настоящее время ставшей весьма популярной. Авторы определяют социальные проблемы «как предполагаемое условие или предполагаемую ситуацию, на которое или которую «наклеивается ярлык» проблемы на аренах публичного дискурса и действия», кроме того «общественное внимание является дефицитным ресурсом, распределяемым посредством конкуренции в системе публичных арен» [3]. Объективистская трактовка социальных проблем совершенно неудовлетворительна потому что, во-первых, «популяция» потенциальных проблем, то есть предполагаемых ситуаций или условий, которые могли бы считаться проблемами, огромна»; во-вторых, «пропускная способность публичных арен слишком мала для того, чтобы принять все потенциальные социальные проблемы»; и, в-третьих, «число социальных проблем определяется не числом вредных или опасных условий, с которыми сталкивается общество, а пропускной способностью публичных арен» [3].

Третий пункт и есть самый важный, поскольку утверждает, что победителей всегда немного, по отношению к числу претендентов. Авторы описывают, какие действия должны предпринять претенденты на звание социальных проблем, чтобы быть номинированы в качестве таковых, и что должны делать, чтобы удержаться в этом звании. Потому что победители получают всё – всё внимание общества и, следовательно, все ресурсы, нужные для их решения. Получают всё, потому что признаны важнейшими для существования общества. Вместе с ними получают всё и все те, кто ими в той или иной степени занят: богатство, признание и даже, вполне возможно, славу спасителей человечества. То есть находиться около признанной социальной проблемы социально выгодно, поскольку получаешь заслуженное вознаграждение общества за достойную деятельность, а значит, чрезвычайно важно сторонникам её стремиться продвинуть её в центр внимания общества, расталкивая других претендентов.

В классическом индустриальном обществе – «обществе богатства» – опасность и насущность разрешения признанных проблем для основной части общества вполне очевидна. Например, проблема голода в странах третьего мира, исчерпания важнейших природных ресурсов, впервые заявленная представителями Римского клуба, кислотных дождей, уничтожающих леса и отравляющих водоемы, хотя для обоснования их важности необходимы эксперты, но опасные последствия их, растолкованные этими экспертами, понятны обычному человеку. Совсем не так с проблемами в постиндустриальном мире, в «обществе риска». Характер многих проблем и их последствия никак неочевидны для обычного даже образованного человека. К примеру, глобальное потепление: является ли оно результатом производственной деятельности человека или просто естественным изменением климата, от этой самой деятельности никак не зависящим? И есть ли оно вообще? Тут обычному человеку можно только выбрать тех экспертов, которым он поверит, также, как он это делал в обществе доиндустриальном. Или пресловутые продукты с ГМО: они действительно изменят нашу генетику так, что через несколько поколений мы станем черт на что похожи, а не на нормальных людей, или все это пустые страхи, рассчитанные на консервативного обывателя? В результате в Европе (и у нас), опасность распространения продуктов с ГМО признана проблемой, которая требует решения и на это затрачиваются усилия и средства, а в Штатах и Канаде люди спокойно их едят, совсем не беспокоясь, что у их потомков от этого хвосты вырастут.

Согласно концепции Хилгартнера и Боска, предполагаемые риски употребления продуктов с ГМО выиграли битву за признание их социальной проблемой на публичной арене в Европе, но никак не преуспели в Америке. При этом победа и поражение никак не зависят от реальной опасности употребления этих продуктов – это результат самой битвы.

Правила «концепции публичных арен», которым необходимо следовать, чтобы надеяться преуспеть в соревновании за признание обществом некоего претендента социальной проблемой, все являются они правилами технологическими, которые никак не связаны с объективным, реальным положением дел, на которое социальная проблема должна опираться и из которого должна вырастать. И вот в этом пространстве битвы за признание сторонники постиндустриальной картины мира, каковыми, безусловно, является и Бек, и Хилгартнер с Боском оказываются вместе с постмодернистами, для которых тексты до начавшегося сражения принципиально равноправны, а успех и неудача есть результат самого этого сражения, который есть игра.

Постиндустриальное общество – оно в идеале для тех, кто имеет знания, как минимум, на уровне «хорошо информированного гражданина»

(это согласно социальному распределению знания А. Шюца), но общество риска оно для всех, потому что даже эксперты – они эксперты в какой-то области, еще в некоторых обладают уровнем «хорошо информированного гражданина», но во все остальных, которых большинство, они на уровне «человека с улицы», то есть оценивают информацию на уровне «верю – не верю» (или даже «хочу верить – не хочу верить»), а на этом уровне постмодернистское равноправие текстов «рулит», и свою выделенность, особенность тексты доказывают в битвах на публичных аренах, где «рулит» опять же технология и случайность. Таким образом, получается, что концепция «общества риска», полагающая себя вариантом (и правильным, по мнению У. Бека) постиндустриальной концепции мирового устройства, на самом деле сущностно родственна скорее постмодернистской картине мира, и роль социологии в таком мире по сути технологическая – роль инструмента в борьбе за звание общепризнанной социальной проблемы.

Библиографический список

1. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну: монография / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 284 с.
2. Ясавеев, И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации / И.Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. – 200 с.
3. Хилгартнер, С. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен. Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия / С. Хилгартнер, Ч.Л. Боск; пер. с англ. И.Г. Ясавеев. – Казань: Издательство Казанского университета, 2000. – Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. – 01.12.2008. – URL: http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2008/2704.

К содержанию

УДК 316.6 + 32:316.3

КОРПОРАТИВИЗМ И НЕОКОРПОРАТИВИЗМ В ПОЛИТИКЕ

Н.Г. Хвесюк

В статье рассматриваются корпоративизм и неокорпоративизм как аналитические подходы изучения социально-политических взаимоотношений. Раскрываются пути оптимизации и развития политических отношений с учетом мирового опыта. Обосновывается значимость социально-экономических отношений в политической системе, необходимость гармонизации общественных, коллективных и личностных интересов путем участия в отношениях собственности.

Ключевые слова: корпоративизм, неокорпоративизм, политика, политические отношения, социальные отношения, корпорации, отношения собственности.

Понимание сущности социальных отношений с позиции корпоративизма как в социально-экономической, так и политической системе формируется с учетом опыта передовых корпораций мира. Транспонируя экономические результаты в политику. Эффективность деятельности корпоративных структур, измеряемая уровнем развития трудовых отношений в корпорациях, базируется на единстве учета функций владения, участия, самоуправления и управления; на мотивации социальной и экономической активности работников предприятий путем соответствующих стимулов, установок формированием общих ценностей в целях обеспечения социально-политической стабильности.

С позиции неокорпоративизма деятельность социальных общностей основывается на повышении экономико-политической роли государства, привлечении корпораций, ассоциаций, институтов гражданского общества к процессу принятия управленческих решений, развитии новых моделей социального управления и т.п. В этом случае в основе построения и оптимизации социальных отношений лежит процесс гармонизации частных, коллективных и общественных интересов, отношений между государством, бизнесом и гражданским обществом, внутри бизнеса, между различными стратами социальной структуры общества, между владельцами компаний и наемными работниками. Главным средством оптимизации является учет социальных законов, выступающих на практике как необходимость реализации принципов социальной справедливости, честной конкуренции, культурно-психологической идентичности в целях обеспечения порядка в стране и достатка большинства ее населения [1].

Корпоративизм, как вид социальных отношений, получил бурное развитие в России в условиях перехода на рыночные отношения и затрагивал

систему отношений не только экономических, но и политических. Корпоративизм выстраивает политическую систему на принципах взаимосвязи и взаимоответственности, вызванных общим интересом и обусловленных правом, традициями, политической культурой и нравственностью. Для достижения поставленных целей, особенно в сегодняшних условиях реализации масштабных реформ, программ в политической и социальной сферах, необходимо просчитывать с определенной долей вероятности мотивацию и векторы поведения правительства, Центробанка, политических и общественных организаций и движений, а главное – оппонентов, различных социальных страт и общества в целом, что позволяет учитывать все факторы деятельности, увеличивая ее эффективность политики и снижая возможные риски.

В результате процесса приватизации, проводимой в конце 90-х годов прошлого века, в экономике нашей страны были образованы десятки тысяч экономических субъектов на основе корпоративной собственности. Однако радикальное преобразование собственности не привело к формированию ни класса эффективных собственников, ни слоя высокопрофессиональных наемных управляющих. Собственность осталась сконцентрированной в руках узкого круга владельцев предприятий. Поэтому структура корпораций, как коллективных объединений, формируется чаще всего на принципах администрирования: все решения принимаются наблюдательным советом, и с помощью менеджмента спускаются на всеобщее собрание, которое вынуждено их принимать. В итоге заложенные корпоративизмом принципы социальной справедливости, прозрачности и подотчетности деятельности игнорируются.

Политические институты выстраивают деятельность преимущественно в парадигме субъект-объектных отношений при очевидном дефиците субъект-субъектных отношений. Такой подход возвращает социально-политические отношения к доминированию модели «начальник – подчиненный», присущей начальной стадии развития капитализма, где господствует эксплуатация рабочей силы. В итоге политические отношения начинают терять социализированный характер, приводят к нарастанию конфликтных ситуаций, тогда как это должны быть отношения социального партнерства, способствующие развитию социально-экономической активности как профессиональных политических деятелей, так и гражданское общество в целом.

Политическая система базируется на экономических отношениях, которые и определяют всеобщий вектор развития. Институциональное развитие корпораций выявляет ключевую проблему: участие работников в управлении отношениями собственности чаще всего носит формальный характер. Организационная форма ведения бизнеса не учитывает складывающиеся на предприятии корпоративные отношения. Не реализуется

фундаментальное условие развития социально ориентированной рыночной экономики: достижение единства личных, коллективных и общественных интересов, что создает серьезное противоречие между менеджерами и остальным персоналом, управляющими и подчиненными. В результате «верхи» получают выплаты, в сотни раз превышающие дивиденды «низов» – акционеров. Принцип социальной справедливости игнорируется, что создает опасную степень общественной напряженности. Уменьшение экономического, социального неравенства могло бы привести к существенным позитивным преобразованиям: интенсификации экономического роста, повышению эффективности деятельности и культуры корпораций, а следовательно – к гармонизации социальных отношений, снижению социальной напряженности в обществе.

Неокорпоративизм доказывает, что принципами оптимизации социальных отношений в политике выступают: единство де-юре и де-факто в развитии коллективных форм хозяйствования, принцип социальной справедливости, принцип единства личных, коллективных и общественных интересов, принцип социального партнерства, принцип ментальной идентичности, принцип единства материальных и моральных стимулов и др.

Неокорпоративизм путь к оптимизации социальных и политических отношений видит в структурной перестройке экономики, в частности, в повышении социальной роли государства, в трансформации рыночных отношений, в создании условий для развития социально ориентированного бизнеса.

Изучение мировой практики открывает иные пути развития политических отношений:

- ориентация в деятельности не только на экономический капитал, но и главное, – на интеллектуальный, информационный, духовный капитал;
- удовлетворение материальных и духовных потребностей, учет национальных, ментальных особенностей и общецивилизационных ценностей;
- установка на целостность массового и индивидуального сознания;
- преодоление существующего многократного разрыва в доходах между богатым меньшинством и бедным большинством при декларировании социального государства;
- де-факто используемый принцип единства самоуправления и управления, саморегулирования и регулирования, самоорганизации и организации;
- опора в планировании и прогнозировании политической деятельности на развитие массового сознания и духовности, формирования таких качеств, как чувство хозяина, сопричастность, взаимопомощь, взаимовыручка, взаимоответственность.

Обратившись к тезису, что политика – это концентрированное выражение экономики и на основании анализа системы управления российских компаний, можно сделать вывод, что управление корпорациями не соответствует устройству, которое существует в процветающих корпорациях мира (в Японии, США, Германии и других странах), особенно в плане развития социально ориентированной рыночной экономики. В целом Россия отстает от передовых стран Запада в развитии корпоративных форм управления собственностью, хотя имеет свой исторический опыт их использования. А это приводит к перекосам и в политике в целом.

В целях формирования эффективных политических отношений необходимо развитие социализированных корпоративных отношений и баланс между частной, корпоративной и государственной собственностью, между личной конкуренцией и социальной солидарностью общества. Тем самым возможно формирование такой системы политических отношений, такой уровень политической культуры, развитие которых гарантирует минимизацию и социальных, и политических конфликтов, так как будет поддерживаться достойный уровень жизни граждан. Важно формировать в массовом политическом сознании россиян чувство хозяина своей страны, сопереживающего за дела фирмы, за материальное и духовное благополучие наемных работников, социальное развитие государства и гражданского общества.

Размытость общественного идеала России не способствует формированию корпоративизма, сплоченности народов России вокруг единой цели. Объединяют общие дела в интересах большинства, а меньшинство подчиняется большинству, – это не только закон демократии, а способ выживания нации. На наш взгляд, Россия остро нуждается в государственной экономической идеологии, в формировании массового экономического сознания, включающего в себя личностно-корпоративные и общенациональные ценности, эволюцию «экономического человека» и «социологического человека», воплощение «информационного человека», но в целях реальной, а не виртуальной информационной экономики и политики.

Развитие корпоративных отношений в экономике, включающих мотивацию работников на соучастие в деятельности корпорации, является средством совершенствования и политических отношений, иначе срабатывают механизмы отчужденности и недоверия к властям. Для развития оптимальной модели реализации социальных отношений на предприятиях корпоративной собственности в России требуется переход от диссипативного состояния развития отечественных корпораций как институтов собственности на обновленную парадигму, основанную на приоритете порядка и справедливости, на выполнении государством функций креативного, хозяйствующего аттрактора. В этом состоит условие возможного перехода в руководстве отечественными компаниями с принципа личностно-командного построения корпоративных отношений на принцип демокра-

тической иерархии, когда любой руководитель является субъектом коллективной власти работников, акционеров.

Сегодня наше правительство настаивает на прозрачности деятельности государственных и коммерческих структур. Такая информационная открытость предполагает наличие честности в их деятельности. Насколько это возможно – покажет время. Однако времени остается все меньше. Дело в том, что «информационное время» [2] сегодня обгоняет время политическое и даже биологическое. Бесспорно, необходима ликвидация теневой экономики, обеспечение прозрачности деятельности корпоративных структур. Тем самым, они получат необходимый кредит доверия в народе.

В плане соблюдения нравственных законов в политике важно преодолеть двойственный характер ряда существующих постулатов, оправдывающих в сущности негативные нормы нравственного поведения, таких как: «разрешено все, что не запрещено законом», «дуракам закон не писан», «моя хата с краю», «я человек маленький, есть начальство», «рыба гниет с головы» и т.п. Но есть не меньше положительных норм нравственного поведения, непосредственно касающихся собственности и заложенных в такой кладовой мудрости народа, как пословицы и поговорки: «копейка рубль бережет», «без труда не вынешь рыбку из пруда», «семь раз отмерь, один раз отрежь» и т.п. Когда в политике перекос делается в негатив, тогда и разрушается совесть людей, а собственность обретает функцию алчного обогащения.

В научном аспекте значение нравственных законов сформулировала доктор экономических наук, профессор Е.Е. Румянцева. Работа ее так и называется «Нравственные законы экономики» [3]. Она выделяет восемь общих законов и четыре специфических. Обратим внимание на один всеобщий закон, который имеет прямое отношение к качеству и политических отношений. Е.Е. Румянцева пишет, что в основе развития любых институтов находится уровень нравственного развития того или иного общества. По мере повышения уровня нравственного развития происходит восхождение всех общественных институтов от их низких (искаженных и негативных) форм к высшим [3].

Неокорпоративизм диктует развитие политики и на локальном, и на глобальном уровнях:

- на уровне компании – эффективное социальное партнерство обеспечивает получение компанией максимальной прибыли при соблюдении интересов акционеров и всех заинтересованных лиц;
- на уровне государства – эффективные социальные отношения в корпорациях способствуют развитию частного сектора, фондового рынка и экономики в целом;
- на мировом уровне – эффективные отношения корпоративной собственности позволяют снизить риски наступления финансового кризиса при формировании структуры международного финансового рынка.

У государственных органов власти России есть существенный потенциал коррекции своей поддержки корпоративных форм организации производства. Это совершенствование законодательства и адаптация принятых законов к конкретным социально-экономическим условиям страны. Ибо стабильность нормативно-правовой среды, ее предсказуемость, невмешательство государства в сферу деятельности нормально работающих корпораций всецело относится к функциям государства по защите института собственности.

Развитие неокорпоративизма, укрепление и расширение слоя собственников, в свою очередь, определяют социально-политическую стабильность в обществе. Капитализация сама по себе не решает проблем цикличности развития рыночных отношений. Поэтому каждая страна может учитывать опыт других стран, но опираться должна в основном на собственный опыт, учитывающий всю совокупность особенностей конкретной страны. Каким бы совершенным не было бы законодательство, все зависит от полноты его исполнения субъектами экономики.

И в том случае, когда честность, прозрачность и подотчетность становятся основой политической деятельности, государство системообразующим грамотным субъектом экономических отношений, неокорпоративизм, как стратегия развития, позволяет сформировать такую систему политических отношений, в которой гармонизируются личные, коллективные и общественные интересы.[5]

Библиографический список

1. Двадцать лет глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. – М.: Весь мир, 2011 – 328 с.

2. Попов, В.Д. Культура управления в информационном обществе / В.Д. Попов. – М., 2012. – 208 с.

3. Румянцева, Е.Е. Нравственные законы экономики / Е.Е. Румянцева. – М., 2009.

4. Тейтельман, Н.Е. Собственность и ее социально-экономическое содержание / Н.Е. Тейтельман. – Самара, 1997. – 216 с.

5. Хвесюк, Н.Г. Корпоративное управление отношениями собственности: социологический анализ / Н.Г. Хвесюк. – М., 2012. – 322 с.

К содержанию

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ

УДК 659.44 + 070:659.4 + 316.77

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ИНТЕГРИРОВАННЫХ КОММУНИКАЦИЙ НА ПЛОЩАДКАХ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

И.М. Баштанар

В статье рассматривается специфика использования социальных медиа бизнес-структурами в процессе коммуникации со своими целевыми аудиториями. Рассмотрены форма и приемы и методы применения психологического воздействия на потребителей в социальных медиа.

Ключевые слова: интегрированные маркетинговые коммуникации, социальные медиа, психология воздействия.

Современный этап развития общества характеризуется активным проникновением новых информационных и коммуникационных технологий, что приводит к изменению используемых способов передачи информации и взаимодействия с потребителем. Социальные медиа одновременно являются новой средой общения и рынком потенциальных клиентов.

Интенсивное развитие интернета оказало влияние на изменения, происходящие в деятельности компаний, связанных с использованием средств интегрированных маркетинговых коммуникаций, и способов психологического воздействия на потребителя. Целью данной статьи является рассмотрение подходов российских и зарубежных исследователей при анализе особенностей развития интегрированных маркетинговых коммуникаций на площадках социальных медиа, и выделение психологических оснований их реализации.

В соответствии с определением Американской ассоциации рекламных агентств под «интегрированными маркетинговыми коммуникациями» понимается «концепция планирования маркетинговых коммуникаций, исходящая из необходимости оценки стратегической роли их отдельных направлений (реклама, стимулирование сбыта, паблик рилейшнз, продвижения в сети Интернет, спонсорства, прямого маркетинга и др.) и поиска их оптимального сочетания для обеспечения четкости, последовательности и максимизации воздействия коммуникативных программ посредством интеграции всех отдельных сообщений» [5, с. 8].

Таким образом, основной целью ИМК является создание и внедрение единого комплекса коммуникаций, направленных на удовлетворение персональных и общественных потребностей.

Концепция ИМК направлена на решение проблем, связанных со способами донесения маркетинговой информации до потребителя:

1. Создание системы коммуникативных посланий с использованием различных инструментов системы маркетинговых коммуникаций, не противоречащих друг другу, сочетающихся между собой и формирующий единый благоприятный образ коммуникатора («синергетический эффект»).

2. Поиск оптимальных комбинаций основных и синтетических средств системы маркетинговых коммуникаций, использование приемов и инструментов каждого из этих средств в отдельности.

Следовательно, наряду с основными средствами (реклама, связи с общественностью, стимулирование сбыта, прямой маркетинг) выделяется и группа синтетических коммуникационных средств. Е.В. Ромат к традиционным синтетическим средствам относит брендинг, участие в выставках и ярмарках, мерчендайзинг [7, с. 138]. С развитием информационно-коммуникационных технологий и социальных медиа формируются современные синтетические формы, такие как web-сайт и SociaiMediaMarketing.

Web-сайт (англ. site – место) – основа системы коммуникаций компании в интернете, формирования ее имиджа и продвижения продуктов и услуг. Под ним понимается место сосредоточения пользовательских файлов и информации, доступных через интернет [1, с. 271].

В. Хологоров отмечает, что web-сайты сегодня выступает инструментом ИКМ, выполняющим функции представительства компании в сети и может выступать в качестве [8, с. 178]:

– рекламной площадки, собственного медиаканала и информационного носителя, подконтрольного компании;

– торговой площадки, виртуального канала товародвижения;

– инструмента продвижения продукции и услуг компании;

– инструмента увеличения узнаваемости и лояльности к бренду, формирования образа компании как лидера рынка;

– инструмента внутреннего маркетинга (поиск и подбор персонала, формирование кадрового резерва);

– инструмента развития персонала и корпоративной культуры компании;

– клиентского сервиса (обратная связь с потребителями, консультирование, обучение);

– средство бизнес-аналитики и сбора маркетинговой информации (изучение поведения потребителей, статистика, опросы, комментарии, отзывы).

Следовательно, web-сайт компании выполняет функции комплекса ИМК. В зависимости от преследуемых целей и конкретных задач предприятия, модели бизнеса и специфики целевой аудитории будут использоваться определенные информационные блоки, коммуникативные инструменты и сервисные функции.

Social Media Marketing (в пер. с англ. – «присутствие в социальных медиа»), то он являются действенным инструментом для формирования лояльности потребителей в социальных медиа. Данное средство получило аббревиатуру SMM и представляет собой комплекс мероприятий, направленных на поддержание взаимоотношений с потребителями в социальных медиа (блоги, микроблоги, социальные сети) [4, с. 77].

Данный вид маркетинговых коммуникаций компании используют для налаживания контакта с потребителями и повышения лояльности. Продвижение в соцсетях позволяет осуществить выбор целевой аудиторию, площадки и способы коммуникации с потенциальными потребителями.

Социальные сети, отмечает Е.С. Пустовалова, являются удобными платформами «для создания сообществ лояльных пользователей. Они также являются отличным распространителем контента. Самой популярной стратегией для СМИ в социальных сетях является трансляция новостей. Главный критерий – материалы должны быть интересны аудитории настолько, что ей захочется поделиться этой информацией» [6, с. 76].

Современные компаниями рассматривают социальные медиа как площадки для продвижения своих брендов.

Психологически воздействуя на читателя, удерживая его внимание визуальными материалами. Именно визуальные материалы в социальных сетях несут большую информационную нагрузку. Медиаконтент социальных групп представлен не только текстом, но и аудио, видео, изображением, фото, а также опросами, и гиперссылками.

Психологическое воздействие – это социально-психологическая активность одних людей, осуществляемая в различных формах и различными средствами, направленная на других людей и их группы с целью изменения психологических характеристик, личности (ее взглядов, мнений, отношений, ценностных ориентации, настроений, мотивов, установок, а стереотипов поведения), групповых норм, общественного мнения или переживаний людей, опосредующих их деятельность и поведение [2, с. 103].

Компании, используя в социальных сетях различные методы, способы психологического, интеллектуального и эмоционального воздействия на пользователя знакомят его с новостью, направляют аудиторию для просмотра информации на основном сайте интернет-СМИ. При этом вызывая у потребителя желание, проявлять инициативу в формировании контента.

Группа интегрированных коммуникаций, таких как вирусные (неформальные) маркетинговые коммуникации. По мнению Е.А. Лунева, относится к направлению коммуникаций, и обозначается как «Word-of-mouth (с англ. «из уст в уста», сокращенно – WOM) и понимается как «технология распространения вирусного контента, основанная на привычке людей делиться с близкими интересной информацией» [3, с. 57]. Слухи и материалы, содержащиеся в информации и создаваемые коммуникатором, позволяют привлечь и удержать интерес потребителя.

При выборе инструмента коммуникаций с аудиторией главным критерием выступает наличие доверия к тому или иному источнику информации.

Реклама в социальных медиа, направлена на ее потребителя является навязчивой и нетактичной, она не просто привлекает внимание, но и служит для посетителя нервным раздражителем, заставляющим обязательно отреагировать на нее. Пульсируя и мелькая действием, происходящим на анимационной картинки, и являясь настойчивым раздражителем, не дающим возможности сосредоточиться, отвлекая его главной цели. Рекламодатель, учитывая психологические особенности зрительного восприятия, уверен в неизбежности отвлечения внимания посетителя на себя. Посетитель становится заложником рекламы, постоянно внедряющейся в его личное пространство, в сферу действий его визуального влияния. А, следовательно, как и любое визуальное и знаковое образование, рано или поздно, проникающее в подсознание человека.

Для привлечения внимания компании также задействует психологические средства художественной выразительности, характерные для ее графического дизайна, такие как цвет, композицию, контрасты, цветовые и смысловые элементы, стиль и пластичность. Визуально-информационный контент запускается с момента посещения им социальных медиа.

Реклама в социальных медиа привлекает компании данная ситуация связана с возможностями, которые недоступны традиционным формам рекламы. К таким возможностям относятся: создание презентаций продукта/услуги на уровне, который недоступен для другого средства массовой информации; адресность рекламного сообщения для нужной целевой группе, возможность в режиме реального времени не только видеть реакцию на него, но и управлять этой реакцией; во время проведения рекламных кампаний сводить к минимуму воздействия конкурентов.

Следовательно, на современном этапе развитие интегрированных коммуникаций в социальных медиа реализуется в трех направлениях – основные, синтетические и вирусные. С каждым днем компании вынуждены координировать работу своих каналов коммуникации, объединяя различные средства, методы и технологии. Это им дает возможность психологически воздействовать на аудиторию, строить конструктивные взаимоотношения с потребителями, вовлекая их в процессы коммуникации и таким образом развивать новые рынки.

Библиографический список

1. Интернет-технологии в связях с общественностью / И.А. Быков, Д.А. Мажоров, П.А, Слуцкий, О.Г. Филатова; отв. Ред. И.А. Быков, О.Г. Филатова. – СПб.: Роза мира, 2010. – 275 с.

2. Лебедев-Любимов, А. Психология рекламы / А. Лебедев-Любимов. – СПб.: Питер, 2005. – 368 с.

3. Лунева, Е.А. Тенденции развития технологий партизанского маркетинга / Е.А. Лунева // Сибирский торгово-экономический журнал. – 2015. – № 2 (21). – С. 56–58.

4. Маркетинг в социальных медиа. Интернет-маркетинговые коммуникации: учеб. пособие / под ред. Л.А. Данченок. – СПб.: Питер, 2013. – 288 с.

5. Музыкант, В.Л. Интегрированные маркетинговые коммуникации / В.Л. Музыкант. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 216 с.

6. Пустовалова, Е.С. Продвижение СМИ в социальных медиа / Е.С. Пустовалова // Ломоносов-2011: материалы Международной научной конференции. – М.: МГУ, 2011. – С. 76–77.

7. Ромат, Е.В. Реклама / Е.В. Ромат. – СПб.: Питер, 2002. – 544 с.

8. Холмогоров, В. Интернет-маркетинг / В. Холмогоров. – СПб.: Питер, 2002. – 272 с.

К содержанию

УДК 316.77 + 070

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КРАУДСОРСИНГА В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

М.Н. Булаева

В статье рассматривается феномен краудсорсинга, приводятся его определения и классификации. Рассматривается специфика применения технологии краудсорсинга в социальных медиа. Анализируются особенности организации и проведения краудпроектов, приводятся примеры.

Ключевые слова: журналистика, краудсорсинг, социальные медиа, интернет, коллективный разум.

Повсеместное проникновение интернета привело к появлению новых форм взаимодействия между людьми. Всемирная сеть позволяет организовать сотрудничество между людьми, независимо от их удаленности друг от друга. Интернет стал площадкой для обсуждения и решения различных проблем. И на сегодняшний день существует множество успешных проектов, которые созданы благодаря тому, что люди во Всемирной сети объединили свои ресурсы: знания, умения, творчество, финансы и т.п. Коллективный разум все более эффективен при решении самых разных задач. Этот феномен называется *краудсорсингом*.

Впервые этот термин употребили Джефф Хау и Марк Робинсон в статье в журнале «Wired» в 2006 году [1]. Под краудсорсингом они понимали

акт компании или учреждения по передаче некоторой функции, ранее выполнявшейся своими сотрудниками, внешнему исполнителю, являющемуся неопределенным (и обычно весьма многочисленным) сообществом людей в сети, в форме открытого призыва.

Современные исследователи выделяют разные виды краудсорсинговых процессов в зависимости от области их применения. Первую классификацию предложил сам автор термина «краудсорсинг» Джефф Хау [2]:

1. Crowd Creation (краудсоздание) – «коллективное творчество». Это некий проект, рассчитанный на благо всего общества, который создается множеством людей методом «мозгового штурма».

2. Crowd Wisdom (мудрость толпы) – «народная мудрость». Например, форум, где на основе множества различных взглядов и мнений в итоге проявляется «чистое знание».

3. Crowd Funding (краудфинансирование) – наиболее известное сегодня как «народное финансирование». Например, когда люди собирают средства на запись альбома музыкальной группы, издание книги, получая взамен экземпляр продукта. Есть и другие модели, которые даже предполагают выгоду для участников проекта.

4. Crowd Voting (краудголосование) – народное голосование: различные народные премии, рейтинги и прочее.

Немало классификаций краудсорсинга представлено в таких областях, как информационные системы, экономика, менеджмент. Однако, эти подходы часто фокусируются на узком и специфическом применении технологии.

Развитие краудсорсинга связано с ростом популярности социальных медиа, для которых характерно функционирование в интернете, интерактивность, мультимедийность, возможность создания и редактирования контента широким числом пользователей и взаимодействие между ними и т.п. Социальные медиа как продукт веб 2.0 «делают возможными интерактивное общение, которое выходит за рамки традиционных моделей «отправитель-получатель» [3, с. 48].

Исследователи А. Найдич и А. Прохоров отмечают, что социальные медиа более эмоциональны по сравнению с традиционными СМИ. Они меняют модель создания, нахождения и потребления контента, открывают новую эру генерирования новостей в режиме реального времени; меняют стратегии рекламодателей и владельцев брендов, создают новые возможности для участников рынка [4].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в основе социальных медиа, по сути, лежит принцип краудсорсинга: неограниченное число пользователей сами создают и распространяют контент. По такому принципу устроены социальные сети (Facebook, Twitter и т.п.), видео- и фотохостинги (You Tube, Flickr и т.п.) и различные ресурсы (Википедия), платформы (Ushahidi).

Краудсорсинг успешно применяют в журналистике. Коллективный разум задействован при поиске и проверке данных, анализе фактов, социологических опросах, модерации форумов и комментариев и т.п. Краудсорсинг активно применяют в редакциях The Guardian, Bellingcat, The New York Times, Life News, Россия 24 и др. Самый распространенный пример – использование труда «журналистов-любителей», которые предоставляют фотографии или заметки для публикации.

UGC (User generated content) – пользовательский контент – один из трендов в современных медиа. Эту практику, например, применяет CNN, предлагая пользователям присылать материалы в редакцию с помощью мобильного телефона. При этом компания не предлагает компенсацию за добровольно представленные сведения. Напротив, немецкая газета «Bild», выплачивает «читателям-журналистам» деньги за каждое опубликованное фото. В обзоре Института Пойнтера Д. Иглс дает определение краудсорсингу в журналистике как передаче задач, традиционно осуществляемой силами профессионального журналиста, широкой общественности [5].

В последнее десятилетие появляется все больше проектов, иллюстрирующих применение технологии краудсорсинга в социальных медиа. Популярность проектов основана, прежде всего, на том, что краудсорсинг реализуется в интернете. Это позволяет не только персонализировать сообщение, но и проследить за реакцией аудитории, контролировать процесс коммуникации, в то время как в традиционных медиа коммуникация, по сути, происходит обезличено.

Пример успешной кампании – крауд-проект Airbnb (онлайн-площадка объявлений краткосрочной аренды частного жилья по всему миру). В 2013 году компания предложила пользователям прислать свои видео о путешествиях. Были выбраны лучшие ролики, из которых впоследствии создали короткометражный фильм. Год спустя Airbnb запустила новый крауд-проект. На этот раз площадкой стала социальная сеть Instagram. Пользователи размещали короткое видео, сопровождая его хэштегом #AirbnbShorts. В видеоролике авторы сообщали о том, почему стоит посетить именно их город. Победитель конкурса выиграл поездку в Лондон на неделю и билет на кинофестиваль.

Опыт компании Airbnb иллюстрирует один из вариантов применения краудсорсинга в социальных медиа. Проект нацелен, в первую, очередь, на достижение маркетинговых целей. Компания не только провела рекламу своих услуг, но и создала сообщество преданных клиентов. Реализация проекта в популярной социальной сети повысила известность бренда, помогла привлечь новых потребителей. В данном случае удалось реализовать функции рекламы, PR, задействовать элементы прямого маркетинга: очевиден выход на конкретного потребителя, можно проследить его реакцию, действия (делится информацией с друзьями, ставит «лайк»).

При реализации крауд-проекта необходимо четко сформулировать цели и задачи, определить аудиторию и средства ее мотивации. Также следует заранее предусмотреть формы координации и контроля. Для успешной реализации краудсорсинговой кампании нужно курировать каждый этап ее реализации.

Особое значение нужно уделить площадке проекта. Он может быть реализован как на сайте компании, так и на специальных крауд-платформах, и в социальных сетях. По данным портала crowdsourcing.ru, в настоящее время в России реализуется 29 краудсорсинговых кампаний. Из них 27 – в сфере дизайна, в основном, участникам предлагают разработать логотип, фирменный стиль организации [6].

Наибольший охват аудитории возможен при реализации крауд-проекта в социальных сетях. Так, по данным сайта «Новый репортер» (http://newreporter.org) на июнь 2016 года самой популярной социальной сетью стал Facebook: в месяц здесь насчитывается в среднем 1,65 млрд активных пользователей. В Twitter – 310 млн активных пользователей ежемесячно, в Instagram – более 400 млн [7]. Именно поэтому социальные сети все чаще используются как площадка для проведения крауд-проектов.

Н.А. Ковалева выделяет следующие инструменты социальных сетей, применяемые в краудсорсинге:

– система рейтингов и оценок;
– облако тегов;
– профиль пользователя (краудсорсера);
– UGC-сайты – различный медиа-контент, который создается конечными пользователями;
– блоги (Blogger,Tumblr,WordPress);
– Вики (Wikia, Википедия);
– контекстная реклама (AdSense, iAd);
– купонные распродажи;
– имиджборды;
– пользовательские рецензии;
– краудфандинг (Kickstarter) [8, с. 165].

Реализация крауд-проекта в социальных медиа значительно расширяет круг участников и потенциальных клиентов: люди обсуждают идеи, делятся ими в друг с другом и т.п. Исследователь А.Ю. Горчева указывает на значимость такого взаимодействия, отмечая, что «главная функция краудсорсинга – открытая и постоянная сеть информационных связей по всей стране и за ее пределами. Этот коммуникативный обмен приобретает глобальный характер и эффективно влияет на улучшение работы многих организаций» [9, с. 65].

Таким образом, краудсорсинг – одна из эффективных и перспективных коммуникационных технологий. Краудсорсинг в социальных медиа повы-

шает результативность деятельности СМИ, так как в этом случае в процесс вовлекается активная часть аудитории, которая, будучи напрямую задействованной в проекте, способна сформировать сообщество постоянных читателей (зрителей, слушателей). Кроме того, повышается доверие аудитории к редакции, проводящей с ней совместную работу.

Библиографический список

1. Howe, J. The Rise of Crowdsourcing / J. Howe // Wired. – URL: http://www.wired.com/2006/06/crowds/.

2. Howe, J. Crowdsourcing: Why the Power of the Crowd Is Driving the Future of Business / J. Howe. – New York: Tree Rivers Press, 2009. – 288 p.

3. D'Andrea, A. CBM: An Integrated Crowd-sourcing Business Model / A. D'Andrea, F. Ferri, P. Grifoni // Journal of Contemporary Management – 2015. – V. 4. – № 2. – Pp. 47–58.

4. Найдич, А. Экосистема социальных медиа / А. Найдич, А. Прохоров. – URL: http://compress.ru/article.aspx?id=23658/.

5. Eagles, D. Crowdsourcing / D. Eagles // Poynter Institute. – URL: http://www.poynter.org/archived/webspeak/84517/crowdsourcing/.

6. Сайт «Crowdsourcing.ru». – URL: http://crowdsourcing.ru/.

7. Социальные сети: статистика к 2016 году. – URL: http://newreporter.org/2016/06/08/socialnye-seti-statistika-k-2016-godu/.

8. Ковалева, Н.А. Гуманитарные эффекты от использования инструментов социальных сетей в краудсорсинге / Н.А. Ковалева // Социальный компьютинг: основы, технологии развития, социально-гуманитарные эффекты: материалы Третьей Международной научно-практической конференции. – М.: Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, 2014. – С. 163–167.

9. Горчева, А.Ю. Краудсорсинг как маркетинговая технология / А.Ю. Горчева // Связи с общественностью и реклама в системе коммуникаций. Сборник научных трудов кафедры рекламы и связей с общественностью. Вып. 9 / под ред. проф. В.М. Горохова. – М.: Ф-т журналистики МГУ, 2014. – С. 65.

К содержанию

УДК 070.1 + 168.522 + 316. 74: 654. 197

ПРОДВИЖЕНИЕ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ПРОЕКТОВ НА ПЛОЩАДКАХ НОВЫХ МЕДИА

Е.Л. Дмитренко

В данной статье проанализирована эффективность PR-кампаний телевизионных проектов на площадках новых медиа и выявлено, что интернет сегодня является мощным каналом их продвижения. Благодаря взаимодействию с аудиторией в социальных медиа организаторам удается находить участников телепроектов, побуждать их к определенным, заранее спроектированным действиям, осуществлять обратную связь. Процесс интегрирования телевизионных проектов в интернет-среду и, конкретно, в социальные медиа интенсивно развивается и на сегодняшний день становится важнейшим условием функционирования телепроектов.

Ключевые слова: телевизионные проекты, продвижение, социальные медиа, взаимодействие с аудиторией, медийная составляющая, интернет-тексты.

Телевизионные проекты сегодня прочно обосновались в сетке вещания региональных и федеральных телеканалов, они имеют бюджеты, выигрышное эфирное время, пакеты промо-материалов, пользуются популярностью у аудитории. В большой степени эта популярность обусловлена общественной значимостью проектов, отсутствием между участниками национальных, возрастных, статусных и др. границ, а также наличием у организаторов обратной связи с аудиторией, интерактивностью, которую обеспечивает развитие информационно-коммуникационных технологий.

Телевизионные проекты, как «продукт» отечественного телевидения появились в процессе трансформации телевизионных жанров, размывания традиционных жанровых параметров, появления околожанровых форм, существования тележанров в условиях интернета.

Рассмотрим особенности и специфику продвижения телевизионных проектов «Помни меня», «Мегасубботник», «Ворота в будущее», «Спасибо, мама!» др., созданных компаниями ГТРК «Южный Урал» и «Интерсвязь» в Челябинске с 2010 по 2016 гг. на площадках новых медиа, но прежде обратимся к общенаучному понятию «проект», которое широко используется в философии, социологии, педагогике, теории экономики и управления, а также прочно вошло в профессиональную деятельность телевидения.

Слово «project» происходит от латинского projacere – продвигать что-то вперед (pro – заранее, jacere – продвигать, бросать вперед). Различные трактовки понятия «проект» мы можем увидеть в словарях В.И. Даля,

С.И. Ожегова, Д.Н. Ушакова, Т.Ф. Ефремовой, в Большом энциклопедическом словаре, у Ф. Бэгьюли, специалиста в сфере управления проектами, у российских ученых-практиков А.Г. Ивасенко, Я.И. Никоновой, М.В. Каркавина, авторов книг по управлению проектами, в руководстве по основам проектного управления Project Management Body of Knowledge Американского института проектного управления PMBoK, в документах английской Ассоциации проект-менеджеров, в немецком стандарте DIN 69901 (Германия) и др. источниках.

В публикациях, мы находим обобщения различных трактовок этого понятия и формулировку, что проект – это ограниченное по времени целенаправленное изменение отдельной системы с изначально четко определенными целями, достижение которых определяет завершение проекта, с установленными требованиями к срокам, результатам, риску, рамкам расходования средств и ресурсов и к организационной структуре.

Анализ комплекса различных определений, данных зарубежными и российскими учеными и практиками понятию «проект», показывает, что, несмотря на различия в формулировках, разные смысловые акценты и своеобразные функциональные особенности, все определения проекта, в том числе и в области телевидения, даны с опорой на три принципиально важных признака.

1. Наличие дат начала и завершения проекта.

У каждого проекта обязательно есть начало и конец, этим проектная деятельность отличается от операционной или, наоборот, рутинной деятельности предприятия.

2. Направленность проекта на достижение определенных целей.

Как правило, поводом для организации проекта является либо проблема, требующая решения, либо благоприятная ситуация, имеющая перспективу развития. Успешным считается проект, который с учетом ресурсных ограничений позволяет полностью реализовать поставленные цели.

3. Результат реализации проекта – создание уникального продукта или услуги.

В рамках нашего исследования, рассмотрев основные признаки проекта, мы приходим к выводу, что еще одним важным признаком общественно значимого телепроекта является взаимодействие с аудиторией.

Таким образом, телевизионный проект подразумевает под собой совокупность, комплекс задач и действий, имеющих следующие отличительные признаки: взаимосвязь задач и ресурсов, определенные сроки начала и окончания проекта, известную степень новизны и четкость конечных целей, условий реализации и взаимодействие с аудиторией.

Продвижение телепроектов в социальных медиа

Важнейшей задачей в продвижении телевизионных проектов является организация взаимодействия организаторов проекта с аудиторией в соци-

альных медиа, что подразумевает поиск участников проектов, их мотивацию и побуждение к определенным, заранее спроектированным действиям, обратную связь и именно социальные медиа являются очень перспективной средой для решения этих задач.

Социальное взаимодействие является обобщенным понятием, центральным для целого ряда социологических теорий, которые успешно применяются на современном телевидении. Сравнив понятия «социальное взаимодействие» и «социальная коммуникация», изучив теорию социального обмена и выявив, какие элементы телевизионного проекта (предмет, агенты, место обмена, процесс, правила) входят в структуру обмена, изучив понятие «общение», его составляющие, характеристики, потенциальные объекты в рамках телепроекта, мы научились различать формы социального взаимодействия (кооперация, конкуренция, конфликт) в процессе создания телепроекта и пришли к выводу, что социальное взаимодействие в рамках создания и реализации общественно значимых телевизионных проектов можно определить как систематические действия субъектов, направленные друг на друга и имеющие целью вызвать ответное ожидаемое поведение, которое предполагает возобновление общественно важного действия. Взаимодействие отдельных субъектов одновременно является и результатом, и условием реализации проекта. Именно *взаимодействие, в том числе в социальных медиа в рамках телепроектов, является обязательным каналом коммуникации, расширяет аудиторию проекта и число его участников.*

В ходе каждого проекта в социальных сетях «Вконтакте», «Одноклассники», «Facebook», «Insagram» создаются специальные группы, где публикуется информация о медийных мероприятиях проекта, новости, условия и итоги конкурсов и фотоконкурсов для участников проекта, фотографии и видео проекта, материалы средств массовой информации.

«Челябинский мегасубботник» [1]

«20 апреля в 11:00 в городском боре (памятник Курчатову) состоится ПРАЗДНИК ТРУДА – «ЧЕЛЯБИНСКИЙ МЕГАСУББОТНИК». Всем участникам за добросовестную уборку тут же гарантирован бесплатный МЕГАОБЕД и МЕГАКОНЦЕРТ».

«15 апреля в 12:00 впервые в истории Челябинска главную пешеходную улицу города – Кировку вымоют французским шампунем. Мегапенное шоу закончится мегафлэш-мобом под музыку лучших ди-джеев ночного клуба GarageUnderground.»

«Подведены итоги городского субботника, определена самая социально активная компания, вручены ноутбуки победителям фотоконкурса!»

Проект «Ворота в будущее» [2]

«Свадьба 12.12.12 – невесты у наковальни. 12 декабря 2012 года (12.12.12) – последняя «красивая» дата столетия. В этот день в 12 часов

21 минуту челябинские молодожёны примут участие в уникальном свадебном обряде, который состоится на месте строительства грандиозного сооружения «Ворота в Будущее» (пересечение ул. Кирова и ул. К. Маркса)».

Проект «Спасибо, мама!» [3]

«27 ноября – световое шоу для любимых мам! Челябинск станет первым городом в стране, жители которого масштабно отметят один из самых добрых и светлых праздников – День матери! В воскресенье, 27 ноября, в 18:00 на площади возле главного корпуса ЮУрГУ состоится красочное световое шоу. Вход свободный! Пригласите маму на это удивительное мероприятие и скажите ей главные слова: «Спасибо, мама!»

Взаимодействие с аудиторией с целью вовлечения ее в проект осуществляется с помощью *целого набора инструментов, имеющихся в социальных медиа*: платные «паблики», форумы, группы, сообщества. На специальных площадках «Встреча» или «Мероприятие» в Одноклассниках, Вконтакте, Facebook организаторы проектов устраивают голосование (приду на мероприятие, скорее не приду на мероприятие, не приду на мероприятие и др.), предварительно тестируя очередную акцию и составляя прогноз. Создавая форумы о проектах или проводя мониторинг существующих, модераторы следят за тем, чтобы первые отзывы были положительными, а в случае негативных комментариев работают с ними.

В качестве примера организации наиболее масштабного взаимодействия с аудиторией в интернет-среде, побуждения участников проекта к заранее спроектированным действиям и создания саморазвивающейся интернет-системы служит создание интернет-портала pomni.is74.ru в рамках общественно значимого телевизионного проекта «Помни меня». На этом интернет-ресурсе было размещено более 150 тысяч нигде ранее не опубликованных фотографий участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла и историй их подвига. Размещали фотографии своих героев и писали истории их подвигов жители Челябинской области и других регионов страны, а организаторы проекта всего лишь, осуществляли модерацию контента на сайте.

Пресс-релизы о телевизионных проектах, как инструмент продвижения

При подготовке телевизионных проектов особое место уделяется их медийной составляющей, в частности формированию информационной повестки, организации акций и мероприятий, направленных на масштабное информирование аудитории в рамках PR-кампаний проектов, взаимодействию со средствами массовой информации.

Для привлечения максимального числа СМИ организаторы проектов строго соблюдали два правила:

– создание представителям средств массовой информации максимально удобных условий для эффективной работы на мероприятиях и акциях в рамках проекта;

– разработка максимально интересных информационных поводов.

Написанию пресс- и пост-релизов во всех телепроектах уделяется особое внимание, авторы этих текстов используют яркие, образные, интригующие и иногда провокационные заголовки, подбирают интересные факты о проекте, любопытную статистику, компетентных спикеров. Все пресс-релизы тестируются на специальных фокус-группах, где выявляются сильные и слабые стороны текста, выясняется, какие заголовки запоминаются, а какие нет, анализируются ключевые слова, которые хорошо индексируют поисковые системы (Яндекс, Google, Rambler).

Особое внимание организаторов проектов к пресс-релизам спровоцировало явную *инфантильность журналистов*, а именно тексты написанные авторами проекта зачастую публиковались в интернет-СМИ дословно. Это касается заголовков, лид-абзцев и целых текстов. С одной стороны, полное или почти полное дублирование релизов способствовало продвижению проектов в сети, поскольку у аудитории создавалась единообразная картина происходящего и в текстах присутствовало минимальное искажение фактов, с другой стороны, процесс «журналистской лени» из проекта в проект прогрессировал, и многие СМИ совсем перестали выезжать на медийные события проектов, охотно публикуя тексты релизов, используя фото, видео и другие промо-материалы, которые предоставляли организаторы проектов.

Популярные заголовки пресс-релизов к медийным мероприятиям общественно значимых телепроектов в Челябинске, которые *дословно тиражировали интернет-СМИ:*

«Мегасубботник» апрель 2014 года: *«МИР. ТРУД. МАЗ: Парад коммунальной техники в Челябинске», «Беспрецедентным парадом мусоровозов откроют мегасубботник в Челябинске», «Керлинг-уборка – наводим чистоту, сжигаем колории», «От значка ГТО к медалям мегасубботника»*.

«Ворота в будущее» декабрь 2012 года: *«На Урале построят «Ворота в будущее», «В Челябинске построят точную копию знаменитых ворот народа майя», «Ворота в Будущее»: ритуал оживления золотого Бубна», «Строить челябинские «Ворота в будущее» доверили детям»*

«День рождения холодильника» июль-август 2016 года: *«Челябинцы отметят день рождения холодильника», Шок! На Южном Урале в разгар лета ожидаются сильные заморозки», «В центре Челябинска в августе поставят ледяную горку», «В Челябинске начался монтаж ледяной горки»*.

«Спасибо, мама!» ноябрь 2016 года: *«Караван верблюдов привёз рябину в Челябинск», «Материнство – это драйв: челябинские мамы с младенцами устроили улётный рябиновый флешмоб», «Словом «МАМА» озарятся*

окна ЮУрГУ», «Ирина Гехт: акцию челябинцев «Спасибо, Мама!» необходимо поддержать на федеральном уровне», «Челябинцы сказали: «Спасибо, МАМА!».

Интернет как эффективный канал продвижения телепроектов

Особую группу информационных материалов о подготовке и проведении общественно значимых телевизионных проектов в Челябинске составили интернет-публикации. В отличие от других видов СМИ интернет гарантированно *расширяет* количество пользователей, и эта тенденция прослеживается в рамках таких проектов. Например, среди проанализированных журналистских материалов патриотического ТВ-проекта «Помни меня» количество интернет-текстов о нем *примерно в 7 раз больше*, чем общее количество материалов на телевидении, радио и в газетах за этот период.

Таблица

Доминирование интернет-текстов о проекте «Помни меня», опубликованных в СМИ Челябинской области в период с 26.01. по 28.12.2015

Телевидение	57
Радиовещание	9
Печатные СМИ	23
Интернет-сайты	641
730 материалов	

Наиболее существенное *преобладание* интернет-материалов над другими видами наблюдается в СМИ, имеющими статус *муниципальных*. Это связано, в частности, с тем, что все интернет-ресурсы, где были опубликованы материалы о проекте «Помни меня» в городах и районах Челябинской области, являются *электронными версиями муниципальных газет* и зачастую единственными СМИ в населенном пункте. Так в период с 18.12. по 28.12.2015 из 210 публикаций о телепроекте «Помни меня» в муниципальных СМИ Челябинской области, 154 материала – вышли в интернет-версиях муниципальных газет.

На этих примерах видно, что интернет-тексты, посвященные телевизионным проектам, явно преобладают, однако актуализация нового типа коммуникаций *трансформирует и этот процесс*, а именно интернет-ориентированные версии материалов телепроектов в большинстве случаев являются публикациями в социальных сетях, а не на сайтах официальных СМИ. Так, по данным отдела мониторинга компании «Интерсвязь» о проекте «Спасибо, мама!», который проходил в Челябинске в ноябре 2016 года и был посвящен Дню матери, вышло *89 публикаций в СМИ и 550 в социальных сетях.*

Для оценки эффективности телепроектов его авторы регулярно прибегают к системному мониторингу интернета и социальных сетей. «Существуют бесплатные сервисы, такие как Socialmention, TweetDeck, SocialSeek, так и платные сервисы – HootsuitePro, YouScan, BuzzLook и т.д., которые предоставляют пользователям расширенные функции. Данные системы мониторинга позволяют отслеживать упоминания бренда в блогах, форумах, социальных сетях, исследуют рынки, изучают деятельность конкурентов [4].

Интеграция социальных сетей и СМИ, синтез профессиональной и любительской журналистики, способность социальных медиа формировать повестку дня активно использовались организаторами общественно значимых телепроектов для создания новых информационных поводов и эффективности PR-кампаний. Статистические данные о публикации 550-ти постов в социальных сетях легли в основу **пост-релиза** проекта «Спасибо, мама!», который назывался «Акция челябинцев «Спасибо, мама!» взорвала социальные сети» и эта новость снова привлекла как внимание СМИ, так и пользователей социальных сетей. **ИА Уралпресс:** *«Соцсети буквально переполнены фотографиями и видеозаписями с хештегомспасибомама* [5].

Газета «Горняцкая правда»: *«Взрыв в соцсетях: челябинцы сказали «Спасибо, мама!»* [6]

Новости mail.ru: *«Настоящий взрыв в социальных сетях произвела вчерашняя акция «Спасибо, мама!»* [7].

Твиттер, #спасибомама: *«за победой каждого Чемпиона, стоит его сильная Мама!», «хочется подойти к маме, обнять ее и поблагодарить за то, что воспитала меня именно так», «просыпаешься, а дома пахнет вкусными пирожками», «мамина пиццэ самая вкусная», «за силой каждого чемпиона стоит сильная мама», «как же приятно получать вкусные посылочки из дому», «мама, она святая!», «Спасибо всем мамам! И моей, и тем, которые вырастили и воспитали».*

Одноклассники: *«поздравляю всех с днем матери!!!», «это было Супер! Так здорово и трогательно. Даже колючий снег не помешал».*

Таким образом, можно сделать вывод, о том, что интернет сегодня является мощным каналом продвижения телевизионных проектов и площадкой для проведения PR-кампаний. Процесс интегрирования общественно значимых телевизионных проектов в интернет-среду и, конкретно, в социальные медиа интенсивно развивается и на сегодняшний день становится важнейшим условием функционирования телепроектов. Социальные медиа, позволяющие вовлекать в процесс подготовки и реализации телепроектов новых участников, получать эффективную обратную связь с телезрителями, составлять прогнозы результативности проекта, способствуют выполнению главной задачи, стоящей перед создателями общественно значимых телевизионных проектов – организации социального взаимодействия с аудиторией, играющего важное значение для развития общества.

Библиографический список

1. URL: https://vk.com/megachel2020/.
2. URL: https://vk.com/event46220760/.
3. URL: https://ok.ru/intersvyaz/topics/.
4. Кусина, О.А. Креативная экономика / О.А. Кусина. – 2013. – № 1(73). – С. 118–123.
5. URL: http://uralpress.ru/news/2016/11/28/akciya-chelyabincev-spasibo-mama-vzorvala-socialnye-seti/.
6. URL: http://www.gpkorkino.ru/news/newsitem/2016/11/28/vzryv-v-socsetyah-chelyabincy-skazali-spasibo-mama/.
7. URL: https://news.mail.ru/society/27938402/.

К содержанию

УДК 316.74:37 + 316.472.4

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЙ КАНАЛ КОММУНИКАЦИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

О.Н. Зайкова, Е.С. Золотова

В статье исследуется коммуникативный потенциал социальных медиа для улучшения взаимодействия образовательного учреждения с различными аудиториями. Для этого выявляется ряд преимуществ, которыми обладают социальные медиа перед другими каналами коммуникации, уточняются целевые аудитории учреждений, выявляются достоинства социальных медиа как особой технологии, позволяющей обеспечивать учебный процесс с учетом компетентностного подхода.

Ключевые слова: коммуникация, социальные медиа, социальные сети, интегрированные маркетинговые коммуникации, высшее профессиональное образование.

Развитие образовательной сферы, в особенности системы высшего профессионального образования, сегодня отличается обострением конкуренции на фоне сокращения количества потенциальных абитуриентов и ростом требований к качеству учебного процесса. Это стимулирует к внедрению маркетинговой деятельности в практику деятельности вузов. Основной задачей маркетинговой деятельности организации сферы образования является доведение до потенциального потребителя информации об учреждении, о предоставляемых услугах для получения максимального экономического эффекта [4, с. 63]. Важно подчеркнуть, что в сфере обра-

зования в отличие от коммерческих организаций получение прибыли не является главной задачей маркетинговой деятельности, существуют и нефинансовые цели, которые являются иногда важнее финансовых. Эти цели и задачи связаны с достижением так называемой «общественной выгоды». В любом случае при достижении и экономической прибыли, и общественно значимых целей применяется система маркетинговых коммуникаций.

Применение маркетинговых коммуникаций на площадках социальных медиа в сфере образования оказываются востребованным и перспективным. Однако социальные медиа остаются недостаточно исследованным и проработанным информационным инструментом. Следовательно, особую актуальность приобретает поиск наиболее значимых направлений применения социальных медиа для планирования и применения на их базе интегрированных коммуникаций в сфере образования. Всего за одно десятилетие социальные медиа произвели революцию в жизни многих людей и изменили основные принципы взаимодействия между людьми, принципы общения, передачи информации.

Наиболее популярными социальными сетями в настоящее время являются «Вконтакте», «Одноклассники», Facebook, Instagram, Twitter, Youtube, «Мой мир», Wikipedia, Livejournal, Rutube, Liveinternet и другие.

Использование социальных медиа в качестве особого канала передачи актуальной и значимой информации в системе высшего профессионального образования обладает целым рядом преимуществ перед другими видами сетевых технологий. Социальные медиа:

– являются привычной средой для учащихся и студентов;

– представляют разнообразные формы коммуникации для пользователей;

– обеспечивают однозначную идентификацию пользователей [см. 2, с. 212];

– являются независимыми ресурсами, открытыми для пользователей;

– представляют собой абсолютно бесплатный ресурс;

– значительно расширяют возможности предоставления информации и работы с ней;

– отличаются общедоступностью и открытостью;

– стирают временные рамки коммуникационного процесса, позволяя выстраивать занятия как в режиме online, так и асинхронно [1];

– позволяют осуществлять учебный процесс не дискретно, а непрерывно [3, с. 789];

– за счет формирования единого информационного пространства упрощают контроль над усвоением учебного материала [1];

– за счет огромного арсенала средств и форм коммуникации, площадок и участников позволяют обеспечивать синергетический эффект от использования запланированных и незапланированных сообщений.

При этом аудитория, с которой осуществляется коммуникация на базе социальных медиа с использованием интегрированных коммуникаций, может быть как внутренней, так и внешней. Среди достаточно крупных и однородных сегментов выделяются сотрудники, студенты / учащиеся и их родители, конкурирующие образовательные учреждения, потенциальные студенты / учащиеся и их родители, студенты других университетов, участвующие в конкурсах и мероприятиях университета, а также планирующие поступать в магистратуру, аспирантуру, выпускники университета, реальные и потенциальные работодатели, органы власти, контролирующие учреждения.

Анализ публикаций, касающихся реализации применения интегрированных коммуникаций на базе социальных медиа в системе образования, показывает следующее. Социальные медиа могут использоваться в качестве:

а) мобильного технологического ресурса;

б) управленческого ресурса;

в) рекламного ресурса;

д) являются инструментом обратной связи, то есть, по сути, мощным PR-инструментом;

е) педагогического ресурса;

ж) коммуникативный ресурс.

Находясь в поле социальной сети, студент оказывается готовым решать такие профессиональные задачи:

– в сфере организационно-управленческой деятельности имеет возможность участвовать в планировании и организации учебного процесса;

– в сфере проектной деятельности имеет возможность участвовать в создании проектов, участвовать в проектных командах;

– в сфере коммуникативной деятельности получает возможность участия в создании эффективной коммуникационной инфраструктуры организации, обеспечении внутренней и внешней коммуникации, в формировании и поддержании корпоративной культуры факультета и образовательного учреждения в целом.

Важно также подчеркнуть, что новые Федеральные государственные образовательные стандарты требуют формирования не только профессиональных, но и общих компетенций. А социальные сети, как отмечает Е.В. Шумакова, дают возможность для их формирования только в том случае, если образовательный процесс осуществляется профессионально-компетентностными педагогами, которые владеют в полной мере навыками общения в социальных медиа [6, с. 39]. Данная технология, на наш взгляд, обладает рядом существенных достоинств, которые позволяют решать с ее помощью важные образовательные задачи.

Во-первых, сами по себе социальные сети сегодня являются частью повседневной культуры досуга подавляющего большинства представителей современной российской молодежи. В связи с этим работа в них воспри-

нимается самими студентами не как «внешнее», «инородное» и «навязанное» преподавателями занятие, а как своего рода форма досуга. А это, в свою очередь, способствует возникновению у учащихся интереса к изучаемому предмету и, как следствие, детерминирует более полное, глубокое и всестороннее освоение его (предмета) содержания.

Во-вторых, использование социальных сетей в образовательном процессе усиливает коммуникацию между студентами и преподавателями, позволяя им оперативно решать неизбежно возникающие вопросы и разрешать проблемные ситуации, не дожидаясь встречи на аудиторном занятии или консультации.

В-третьих, работа в социальных сетях способствует формированию у учащихся устойчивого отношения к интернету не как к «кладези» бесхозных шпаргалок, контрольных и рефератов (а также дипломов и диссертаций), а как к важному и серьезному образовательному ресурсу, способному существенным образом обогатить процесс обучения по той или иной дисциплине [5].

Социальные медиа являются полифункциональным информационно-коммуникативным комплексом, на базе которого планируются и реализуются комплексы маркетинговых коммуникаций, сложные коммуникационные программы продвижения. В силу своей многозадачности и многоинструментальности социальные медиа являются особо востребованным PR-инструментом при планировании и корпоративного, и маркетингового PR; они позволяют эффективно реализовывать программы sales promotion и программы лояльности; также являются вспомогательным рекламным интрументом. Таким образом, применение социальных медиа в качестве информационной площадки в процессе использования интегрированных маркетинговых коммуникаций позволяет вузам достигать общественно значимых целей: помощи государству в формировании сообщества профессионалов, повышения уровня развития общества. Применение новых медиа в качестве информационной платформы помогает достигать единства целей между структурными подразделениями, осуществлять согласованные действия по управлению внутренними и внешними коммуникациями, повышать лояльность к университету со стороны целевых аудиторий, за счет открытости к внешней среде постоянно осуществлять мониторинг мнений и высказываний в адрес вуза и своевременно реагировать на них, что в целом позволяет формировать единое информационное пространство и планомерно управлять репутацией вуза в онлайн-среде.

Библиографический список

1. Коваленко, Г.А. Социальная сеть всемирной паутины интернет как потенциальных модель обучения (на примере социальной сети «ВКонтакте») / Г.А. Коваленко, Г.А. Хайретдинова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3. – С. 40–43.

2. Лыскова, В.Ю. Социальные сети: применение в образовании, формирование имиджа университета / В.Ю. Лыскова К.С. Вебер // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. – 2014. – № 2 (24). – С. 211–213.

3. Малышева, Н.А. Роль социальный сетей в модели дистанционного обучения студентов художественных специальностей / Н.А. Малышева // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2013. – № 86. – С. 789–798.

4. Матюхина, Т.В. Методические особенности оценки эффективности маркетинговых коммуникаций учреждений сферы образования / Т.В. Матюхина // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2011. – № 3. – С. 62–67.

5. Новиков, Д.В. Социальные сети как образовательный ресурс (опыт использования социальной сети «ВКонтакте» в процессе преподавания курса «Политология» / Д.В. Новиков // Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. – 2016. – № 1. – С. 83–89.

6. Шумакова, Е.В. Воспитательное пространство социальных сетей Интернета / Е.В. Шумакова // Профессиональное образование. Столица. – 2011. – № 6. – С. 39–40.

К содержанию

УДК 004.738.5 + 316.74:002 +005:004

ПЕРСОНАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

А.Ю. Исмаилов

В статье рассматривается вопрос об управлении зарезервированными данными в социальных медиа. Раскрываются понятия персонального управления, отложенной информации и даются практические рекомендации менеджмента информации в образовательной среде социальных медиа.

Ключевые слова: персональное управление, селфменеджмент, отложенная информация, образовательная среда, социальные медиа.

По смысловым конструкциям и своему содержанию менеджмент представляется понятием достаточно объемным. Его составными элементами являются: люди (кадровый менеджмент), деньги (финансовый менеджмент), материалы и оборудование, маркетинг (продвижение товара, продвижение собственного имени – промоушен), организационный менеджмент. Одним из основных изменений последних лет в теории и практике менеджмента выступает идея применить результаты исследовательской

работы к самой личности. Таким образом, личность (индивид) становится объектом менеджмента. Синонимичными, близкими по смыслу понятиями здесь выступают: персональный менеджмент, личностный менеджмент, селфменеджмент, самоменеджмент, индивидуальный менеджмент.

Отрефлексированные научные знания позволяют выделить пять основных функций менеджмента: планирование, организация, мотивация, контроль, координация. В ситуации, когда происходит совпадение субъекта и объекта управления, функции менеджмента можно представить в виде: персонального планирования, личностной организации, самомотивации, индивидуального контроля и я-координации.

Таким образом, селфменеджмент можно рассматривать как способ организации жизни личности. Зарубежная практика на сегодня представлена десятками концепций личностного развития. Например, в концепции Л. Зайверта селфменеджмент предстает как «...последовательное и целенаправленное использование испытанных методов работы в повседневной практике, для того чтобы оптимально и со смыслом использовать свое время» [2, с. 80]. Концепция А. Лакейна предлагает простые технологии управления временем, выстроенные в соответствии с управленческими функциями. Активно развивается теория и практика селфменеджмента в отечественной науке. Например, в работе Л.В. Шалагиновой, посвященной профессиональному росту личности, представлены процедуры формирования навыков тайм-менеджмента, принятия эффективных решений, управления поведением и т.д. [6]. Опуская в рамках статьи развернутую картину таких концепций, можно отметить, что все идеи отечественных и западных теоретиков и практиков самоменеджмента представлены как конкретные методы и способы саморазвития человека. Практических рекомендаций, принципов, правил, методик можно привести достаточное количество. Например, самые известные: 60:40, метод «Альпы»; анализ АБВ, принцип Парето, принцип Эйзенхауэра, самоуправление на основе биоритмов, скорочтение, техника pomodoro и т.д.

Практика селфменеджмента включает в себя различные аспекты жизни человека: оценка уровня личной организованности, определение личностных способностей, управление собственным здоровьем, психологические основы самоуправления, планирование и организация личного, свободного и профессионального времени и прочее другое.

Если говорить о феномене информации, то он стал объектом междисциплинарных исследований и изучается достаточно уже давно, еще до вступления большинства стран в информационную эпоху. В качестве классического произведения на эту тему, можно привести известное отечественное исследование прошлого столетия, посвященную методологическим аспектам работы с информацией [4]. Как объект научных изысканий тема информации остается популярной и по сегодняшний день [3].

Информация – не менее объемное понятие, чем менеджмент. Словарное определения ему может быть таким: (от лат. informatio – разъяснение – изложение), первоначальная – сведения, передаваемые людьми устным, письменным или другим способом (с помощью условных сигналов, технических средств и т.д.); с сер. XX в. общенаучное понятие, включающее обмен сведениями между людьми, человеком и автоматом, автоматом и автоматом; обмен сигналами в животном и растительном мире; передачу признаков от клетки к клетке, от организма к организму; одно из основных понятий кибернетики [1].

Классифицировать информацию можно по различным основаниям. В рамках заявленной темы, информацию можно поделить на сохраняемую (или отложенную) и не сохраняемую. Под отложенной информацией понимается такой вид информации, которая будет обладать следующими признаками: она (информация) по каким-либо причинам где-то сохраняется; она актуальна, или как минимум востребована в потенции; соответствующий субъект заинтересован в быстром нахождении такой информации.

Синонимичными, близкими по смыслу понятиями являются понятия «резервная информация», «зарезервированная информация», «резервируемая информация», «сохраненная информация». По аналогии с этим можно предложить также термины «сведения» и «данные» (резервные данные, отложенные сведения и т.д.).

Являясь вольным или невольным участником разнообразных социальных отношений, индивид погружен в работу с большими объемами сведений различного рода, будь то, служебная, коммерческая, персональная, государственная, врачебная и пр. При этом часть такой информации он должен помнить, уметь ее быстро находить и предоставлять по запросу, где-то хранить. В некоторых случаях последнее обстоятельство (помнить и хранить) становиться архиважным, приоритетным для человека по роду его деятельности. Навыки, знания и умения управлять этими процессами определяют ядро сразу нескольких общекультурных и профессиональных компетенций выпускников вузов и будущих специалистов.

Эффективная работа с отложенной информацией содержит в себе: самопланирование, самоорганизацию, самомотивацию, самоконтроль, самокоординацию в деятельности по управлению с резервируемыми данными, представленными в виде аудио и визуального контента.

Если с мотивирующим моментом более или менее все понятно (человек заинтересован в быстром и точном нахождении информации), а я-координация отвечает за эффективное взаимодействие указанных функций, то персональное планирование, личностная организация и индивидуальный контроль требует некоторых пояснений.

Ограниченность нашей памяти и узость нашего сознания обязывает, вынуждает современного человека, при обработке информации, использо-

вать различного рода приспособления: телефоны, смартфоны, планшетные компьютеры и прочие технологические инструменты. Концептуальный ряд при работе с данными представлен следующими положениями.

Концепция not paper предполагает полный, насколько это возможно, отказ от использования бумажных носителей информации. Концепция detachment предполагает независимость индивида от оборудования или носителя информации. Важно научиться использовать то, что в данный момент ближе и быстрее может заработать: телефон, смартфон, коммуникатор, планшет и прочее, а также необходимо научиться работать с любым кроссплатформенным программным обеспечением. Концепция inbox. Поступление и накопление информации для последующего ранжирования (например, полезная и ненужная) происходит за счет первоначального сосредоточения информации в одном месте, в идеале – в одной программе. Концепция cloud (облака) предполагает использование облачных решений в хранении и использовании информации. Еще одна концепция работы с отложенной информацией – «правило трех кликов» или правило навигации в процессе выуживания информации из сохраненного массива. Оно предполагает, что индивид находит информацию не более чем за три клика компьютерной мышкой. Сепарация. Персональное планирование и организация поступающей информации начинается с момента ее группирования, ранжирования. Поступающий контент, таким образом, группируется на: персонифицированную, образовательную и факультативную.

Персонифицированная информация есть информация, которая отождествляется с конкретным лицом или лицами. Образовательная информация может содержать различного рода учебный (образовательный) материал. Факультативная информация – собственно, вся дополнительная информация: объявление о мероприятии, расписание чего-либо и прочее.

Функция самоконтроля будет заключаться в соблюдении требований, которые вытекают из обозначенных концепций, а именно, упорядочивание информации, периодическое проведение ревизии с целью переноса устаревшей информации в архив и прочие действия.

Идеология и технология Web 2.0 позволяют сегодня отнести к социальным медиа огромное число, различных по своему функциональному назначению, интернет площадок. Социальные медиа это не только, ставшие традиционными, блоги или социальные сети, позиционирующие себя как социальные средства коммуникации и/или службы сетевого обмена. В самом понятии «социальные сети» можно провести различного рода градации. Сегодняшние мессенджеры – WhatsApp (более 1 млрд пользователей в 180 странах), Viber (800 млн пользователей), набирающий обороты Telegram (более 100 млн пользователей), преподносят себя как новые социальные сети, призванные во многом заменить, ставшими «традиционными», социальные сети первой волны – Одноклассники, ВКонтакте,

Фейсбук, Google+ и другие аналогичные сервисы. Данная тенденция наблюдается и в блогосфере, где, например, сервис Medium (от создателей Twitter) может рассматриваться в пику LiveJournal (ЖЖ).

Различные формы коммуникации предлагаются и теми интернет сервисами, которые изначально не находились в плоскости социального сетевого общения. Так, например, продуктами Evernote пользуется более 100 миллионов пользователей по всему миру. Учитывая данное обстоятельство, сервис запустил у себя интерактивную форму общения(чат). Разнообразные формы сетевого взаимодействия предлагает популярный сервис управления коллективными и индивидуальными проектами Trello, который имеет более 4,75 миллионов пользователей. Эти примеры, далеко не единичные, указывают на общую тенденцию стремления разнообразных веб площадок интегрироваться в сферу социального сетевого общения.

В самом широком смысле для самых широких слоев пользователей интернета социальные медиа все активнее воспринимаются как новая образовательная среда. В России с 2008 г., например, успешно работает социальная сеть Дневник.ру, миссия которой обозначена как «сделать образование более эффективным и доступным»[1]. Существуют также ряд проектов, в том числе и в России, реализующие идеи дистанционного образования. Уместным будет напоминание того факта, что миллиардная во всех смыслах (по количеству пользователей, по стоимости, по количеству создаваемого контента и пр.) социальная сеть Facebook первоначально создавалась для студентов Гарварда, а, например, использование Twitter в научных и образовательных целях, рассматривается как тренд научного дискурса последних лет [5; 7].

К преимуществам использования социальных медиа в качестве образовательной среды можно отнести: привычную среду обитания, создание собственного авторского контекста, совместная работа, множественность форм оперирования данными (сеть, блог, мессенджер, форум, страница, беседа, групповой чат, обратный канал и пр.), хорошо отслеживаемая активность участников, возможность проводить совместные исследования и иные проекты, непривязанность к пространственным и временным константам и т.д. На эту тему существует множество научных и популярных публикаций, в которых рассматривается опыт и даются конкретные практические рекомендации [8; 9].

Любой образовательный процесс подразумевает под собой работу с большим массивом информации. Социальные медиа как образовательная среда в этом смысле – не исключение. Это значит, что обучающийся (в самом широком смысле этого слова) неизбежно будет сталкиваться с про-

[1] URL: https://dnevnik.ru/.

блемой сохранения и оперирования данными, что в свою очередь означает необходимость решать вопрос, связанный с персональным управлением отложенной информацией.

Реализация персонального менеджмента отложенной информации в социальных медиа характеризуется спецификой социальных интернет площадок. Определенная трудность здесь заключается в разнообразии форм социальных медиа, например, блоги и их виды, социальные сети и их виды, различные форумы и пр. Однако, во всем этом многообразии, общей, тотальной задачей персонального управления остается выстраивание эффективной системы сохранения информации и оперирование ей.

Решение концептов not paper и deatachment представляется, в этом случае, задачами, не вызывающими никаких затруднений. Сегодняшний пользователь интернета – участник социальных медиа – обладатель стационарного и/или планшетного компьютера, смартфона или других гаджетов, знающий и работающий в операционных системах Windows, Linux, IOS, macOS, Android и пр.

Практическое воплощение концепта inbox заключается в выборе одного (двух) источника из перечня социальных медиа, как своеобразного центра эффективного сохранения и управления отложенной информацией. В данном случае это определяется такими факторами, как удобство использования, привычки пользователя, специализация сетевого ресурса, охват аудитории и прочее.

Интеграция с облачными сервисами (концепция cloud) происходит различными способами. Например, во многих браузерах, после установки соответствующих расширений, становиться доступным сохранение информации в облачные хранилища. Популярным решением здесь может служить расширение для Evernote. С этой же целью в аккаунте социальной сети может быть выстроена система ссылок, размещенная в одной обновляемой заметке и доступной по персональному запросу и по первому клику. Такая возможность с легкостью реализуется в социальной сети Фейсбук. Кроме этого, на сегодня существуют программные решения, обеспечивающие доступ с одного устройства ко всем популярным облачным сервисам хранения информации.

Мощным средством, помогающим построить персональную систему управления отложенными данными, служат хэштеги, выполняющие функцию индексирования. Хэштеги – нужный и полезный инструмент для работы в социальных медиа, облегчающий поиск информации по названию или содержанию, маркировке тем или групп обсуждений. Хэштеги (теги, метки) широко используются в популярных социальных медиа, в первую очередь, социальных сетях, таких как Twitter, Facebook, «ВКонтакте», Google+ и др.

Дальнейшая индивидуализация процесса управления отложенной информацией может проходить по таким каналам, как участие в различных социальных группах по интересам, подписка на страницы в социальных сетях, персональные запросы с высокой долей релевантности ответа на различных открытых площадках и другие алгоритмы.

Библиографический список

1. Информация // Большой энциклопедический словарь. – URL: http://www.vedu.ru/bigencdic/24156/.

2. Кадырова, С.В. Селфменеджмент : учебное пособие / С.В. Кадырова, Е.А. Немцева, Г.Л. Тульчинский. – СПб.: Лань, 2013. – 224 с.

3. Соколов, А.В. Философия информации / А.В. Соколов; Челяб. гос. акад. культуры и искусств, НОЦ Информационное общество. – Челябинск, 2011. – 454 с.

4. Урсул, А.Д. Информация. Методологические аспекты / А.Д. Урсул. – М.: Издательство наука, 1971. – 296 с.

5. Филлипс, Л. Фейсбук для преподавателей / Л. Филлипс, Д. Бейрд, Б.Дж. Фогг. – URL: https://goo.gl/l5xzdD.

6. Шалагинова, Л.В. Самоменеджмент. Практическое руководство / Л.В. Шалагинова. – СПб.: БХВ-Петербург, 2012. – 272 с.

7. Шалимов, А.Б. Социальные сети как современная образовательная среда / А.Б. Шалимов // Дискуссия. – URL: https://goo.gl/hU78K9.

8. 33 способа использования социальных сетей для совершенствования учебного процесса // Дневник.ру. – URL: https://goo.gl/wqH0mD.

9. 50 способов подключить Facebook к образовательному процессу. Советы для преподавателей // Zilion. – URL: https://goo.gl/QlInvi.

К содержанию

УДК 316.74:658.8 + 654.191
ББК Ч603.16

ПРИМЕНЕНИЕ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СЕГМЕНТЕ РАДИО

О.С. Лахтачева

В статье приведены особенности применения маркетинговых коммуникаций в сегменте радио (на примере студии «Радио ЮУрГУ»). Описаны тенденции интеграции радиовещательных технологий в пространство интернет-СМИ. Установлено, что использование радиостанциями всех возможных технологических платформ приводит к трансформациям в организации работы редакции, профессиональных компетенций журналистов, а также к разнообразию контента за счет использования всех мультимедийных платформ при его создании.

Ключевые слова: маркетинговые коммуникации, интеграция СМИ, радиовещание, Радио ЮУрГУ.

Современное радиовещание представляет собой не только передачу звукового контента при помощи радиоволн для большой аудитории, но в условиях интернетизации и конвергенции СМИ это также передача визуального и текстового контента посредством Всемирной информационной компьютерной сети. Такая интегрированная маркетинговая коммуникация значительно расширяет аудиторию радиостанции за счет привлечения интернет-пользователей и делает радио еще более оперативным средством массовой информации. Среди основных тенденций интеграции радиовещательных технологий в пространство интернет-СМИ: создание интернет-сайтов радиостанций: онлайн и оффлайн вещание; организация вещания радиостанций в пространстве соцсетей; информационное радиовещание на мобильных устройствах.

Университетская радиостанция, как и любая другая радиостанция регионального или федерального уровня, активно осваивает новые технологии и занимается производством не только аудиоконтента, но и мультимедийного продукта для сайтов и соцсетей. Так как преимуществом для радиожурналистов является создание аудоматериалов, то для студентов-радийщиков большое значение имеют знание и умение работать с технически оборудованием, предназначенным для записи и обработки звука. Специально для этого в учебной радиостудии Южно-Уральского государственного университета выделено четыре рабочих зоны. Среди которых лекционная зона для занятий со студентами и проведения «летучек» и «планерок», связанных с организацией радиовещания в лифтах главного корпуса ЮУрГУ; аппаратная звукозаписи, позволяющая записывать

и расшифровывать аудиоматериалы; монтажная зона и зона для работы на интернет-сайтах и в соцсетях.

Последняя, четвертая зона появилась сравнительно недавно (в 2013 г.). Желание аудитории слушать радиостанцию не только в лифте определило развитие университетского радиовещания в пространстве интернета. Сегодня эта зона ориентирована на работу на сайте «Радио ЮУрГУ», портале Newsroom Digital, других интернет-сайтах («Вся Россия», «ЮУрГУ-ТВ»), в соцсетях (VK и Instagram). Здесь проводится работа по созданию мультимедийных материалов, основным компонентом которых является главным образом аудиоматериал. В дальнейшем они распределяются, публикуются и трансформируются в зависимости от специфики информационного канала.

Особенностью работы радиожурналиста является производство аудиоматериалов с помощью звуков, музыки, голоса, интершумов, шумов и т.д. В связи с этим среди основных умений и навыков радиожурналистов можно назвать следующие:

1) владение навыками работы с текстами в соответствии с жанровой спецификой радиовещания;
2) владение навыками создания образа посредствам звуков;
3) владение навыками звукозаписи и обработки аудиоматериалов;
4) владение навыками монтажа;
5) владение навыками программирования и формирования сетки вещания радиостанции и др.

Универсализация журналистской профессии приводит к тому, что радиожурналист приобретает навыки смежных специализаций, в частности, компетенции интернет-журналистов. К ним можно отнести:

1) владение навыками работы с разными мультимедийными платформами (например, текст, фотографии, графика и др.);
2) владение навыками трансформации аудиоматериалов в материал для интернет-пространства;
3) владения навыками адаптации к языку различных видов СМИ;
4) владение навыками компьютерного программирования, создания сайтов и др.;
5) владение навыками SMM-продвижения контента;
6) владение навыками работы с интерактивными формами и др.

Универсальные компетенции, приобретенные будущими радиожурналистами в результате работе в интернет-пространстве, позволяют им быть конвергентными. Профессия радиожурналиста перестает быть узконаправленной. Теперь студент-журналист создает не только аудиоматериал по заданному информационному поводу, но и предлагает материалы по данной тематике для сайтов и соцсетей в соответствии с их спецификой. Таким образом, происходит контентная интеграция.

Сегодня радио ищет пути взаимодействия с мобильными устройствами. Помимо стандартных приложений, скачав которые можно слушать любимые радиостанции в прямом эфире, появляются другие варианты вещания. Так, например, оператор связи МТС предлагают услугу «МТС Радио», подключая которую владелец телефона или смартфона может слушать новости и музыку при исходящих звонках.

Радиовещание по-прежнему остается самым оперативным средством массовой информации и благодаря своей вездесущности имеет большие перспективы в своем развитии. Именно поэтому необходимо уделять особое внимание маркетинговым коммуникациям и интегрированным взаимоотношениям как внутри редакции, так и на структурно-содержательном уровне производства продукта.

К содержанию

УДК 316.7 + 002:004

ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ЖАНРОВ В АМЕРИКАНСКИХ И БРИТАНСКИХ СМИ

О.Ю. Харитонова

В статье рассмотрена специфика информационных жанров американских и британских СМИ, определены исторические особенности развития жанровой системы, выявлены часто встречаемые жанры, изучены основные принципы функционирования англосаксонской модели журналистики.

Ключевые слова: зарубежные СМИ, информационные жанры, англосаксонская модель журналистики, объективность.

Важную часть всех текстов современных периодических изданий занимают информационные и аналитические материалы. Среди наиболее примечательных черт отечественных и зарубежных СМИ является нацеленность не только на получение и трансляцию новостей, но и на их анализ, исследование, истолкование. Отечественных СМИ традиционно ориентированы на анализ процессов, явлений, ситуаций. В силу этого СМИ выработали достаточно эффективную систему аналитических жанров. Западные издания на первое место ставят информационные материалы. Оперативно доставленные сообщения о только что произошедших событиях, в которых не представлена точка зрения самого автора, высоко ценятся в западной журналистике.

СМИ Великобритании и США занимают достаточно сильную и устойчивую позицию во всем мире, пользуются авторитетом и оказывают влияние на журналистику во многих странах мира. Британская и американская журналистика, в силу исторических обстоятельств имеют много сходных черт, которые позволяют исследователям условно объединить их в одну модель «англосаксонскую» или «островную», для которой характерно: предпочтение «факту» как предельно отстраненному сообщению средств массовой информации общественно значимой новости; отсутствие особого внимания к системе жанров, считая это совершенно необязательным и весьма условным.

Часто трудно найти в текстах американских и британских СМИ признаки, по которым их можно отнести к тому или иному жанру. Нет четких правил о включении или не включении текста в ту или иную группу жанров. Жанр, по мнению британского профессора Кристин Гледхилл – это не дискретная система, состоящая из зафиксированного набора свойств. Это связано с тем, что многие жанры смешиваются и трансформируются. Специфику жанра легко определить интуитивно, но трудно выделить текст в отдельную группу. «Определенные черты, которые характеризуют тот или иной жанр обычно не уникальны: это их видимое родство, комбинации и функции, которые своеобразны» [1]. Иерархия жанров зависит от времени, из-за чего потребители тех или иных видов текста постоянно меняется, а материал уже выходит за рамки той группы текстов, к которой принадлежал ранее. Так, частое обращение к колумнистике и коротким новостным сообщениям сегодня обусловливается запросами аудитории.

В английской журналистике можно выделить ряд часто встречающихся информационных жанров:

– передовая статья (advanced article) – новости, выходящие на первую полосу;

– чисто информационная статья (article) – глубокий анализ предмета освещения, обобщение фактов, вскрытие закономерностей в развитии каких-либо явлений, ситуаций;

– хроника (brief news items) – короткая новость, состоящая из 2–3 предложений;

– репортаж (press reporting) – изложение актуального фактического материала, полученного с места происшествия. Преобладает прямая речь и диалоги;

– парламентский репортаж (parliamentary report) – репортаж о деятельности парламента, о событиях политической жизни, о решениях, принимаемых в парламенте;

– журналистское расследование (court proceeding) – разбор скандальных событий, криминальных историй, в задачу журналиста входит сбор и обработка соответствующих сведений и фактов отдельно от государственных органов и служб или же совместно с другими специалистами;

– информационное интервью (interview) – беседа между двумя и более людьми, при которой интервьюер задаёт вопросы своим собеседникам и получает от них ответы;

– колумнистика (columns) – в свою очередь делится на редакционные статьи (editorials) – информационные статьи редакционного коллектива, претендующие на большую или меньшую объективность, и экспертные статьи (Op-Ed – Opposite-Editorial) – комментарии известных лиц и экспертов по определенному вопросу;

– некролог (obituary) – небольшой рассказ о жизни покойного с выражениями скорби и словами прощания;

– обзорные статьи (round-up article) – экспертный анализ определенной отрасли или сегмента рынка.

Упрощенная схема американских газетных жанров принадлежит профессору университета штата Индиана Герберту Терри, хотя и не претендует на всеобъемлющий охват. Он выделяет следующие основные группы газетных текстов, используемые в американских изданиях:

– новости (News): жесткие (политика, власть, большой бизнес и т.п.) и мягкие (международные национальные, news brief, (что соответствует российской хронике или короткой информационной заметке), general news account (т.е. расширенная информация);

– художественная публицистика (feature), задача которой больше развлекать, чем информировать: news feature, что в некоторой степени соответствует расширенной информации или нашей информационной корреспонденции; news analysis (обзор новостей), review (обзор, обозрение);

– другие, куда входят редакционные материалы и комментарии, а также авторские колонки (политические, юмористические, стиль жизни и развлечения);

– сопутствующая информация: гороскопы, кроссворды, юмор, комиксы, погода и т.п. По мнению ряда исследователей, англосаксонская система жанров развита достаточно слабо. По сути, здесь отсутствуют художественно-публицистические тексты [2].

В своей работе британские и американские журналисты придерживаются определенных правил и установок, одной из которых является строгое разделение новости и комментария к ней. Более точно в отношении факта, как к основе информационного сообщения, высказался один из известных в Великобритании редакторов Чарлз Престуич Скотт («Манчестер Гардиан»): «Факты священны, комментарий свободен» [3].

Данные тезис сформировал определенное отношение к факту в британской журналистике – безличностное и отстраненное.

Объективность один главных критериев, при написании информационных и аналитических материалов. Достигается это требование соблюдением следующего правила: изложение факта как можно более отстраненно,

не пропуская через призму собственного «я», исключая личное восприятие, общественно-политические установки, предрассудки, а также и эмоциональную составляющую любого события.

В американской и британской практике объективность достигается путем сталкивания, как минимум двух противоположных позиций, мнений о событии или проблеме. Чем больше разных точек зрения, по мнению зарубежных исследователей, тем более полная, разносторонняя картина будет представлена читателю, слушателю, зрителю. Для того чтобы показать несостоятельность и в чем то даже ущемленность одностороннего изложения материала, британские журналисты часто прибегают к образному сравнению подобного рода подаче информации с птицей, у которой только одно крыло. Необходимо также цитировать первоисточник, разумеется не оставляя собственных комментариев, таким образом исключая эмоции и отделяя факты от мнений.

Достигнуть объективности можно путем объединения количественного и качественного аспектов действительности: с одной стороны – цифр и фактов, а с другой – оценочных суждений. «Сторонники фактов» должны объединиться со «сторонниками смысла», чтобы приблизиться к объективности.

Итак, объективность в информационных и аналитических жанрах должна соответствовать следующим критериям:

– опора на факты;

– стремление к точности и сбалансированности, дающее обеим сторонам возможность высказать свою точку зрения;

– эмоционально отстранённое освещение событий;

– отсутствует или слабовыраженная авторская позиция.

Журналист должен излагать факты с максимально нейтральной интонацией, отсутствием авторского «я» и интерпретации описываемого в тексте события. Комментарий же печатается на определенных страницах: в Европе – это «полоса-передовица», в Америке так называемая «редакторская полоса». Это объясняется и тем, что зарубежная журналистика больше направлена на информационно-аналитическую насыщенность своих газет.

Нейтрализация журналистских текстов относиться и политическим процессам и явлениям. В большинстве британских и американских изданий журналисты стараются не показывать собственных политических взглядов. Свою позицию по отношению к той или иной партии издание может проявить разве что во время предвыборных кампаний, делая это предельно корректно.

Данная установка связана с тем, что журналисты в США и Великобритании должны стоять на страже общественных интересов, публикуя факты и мнения, без которых невозможен сознательный выбор избирателей в де-

мократическом обществе. Подобная форма подачи информации обусловлена сложившейся традицией в журналистике англосаксонских стран, призванной оградить читателей от возможности непрофессионального толкования событий, волюнтаризма журналистов, откровенного манипулирования и пропаганды. Конечно, все вышеперечисленные правила и установки относятся, прежде всего, к качественным изданиям. Массовые издания стремятся к эмоциональному воздействию на читателя, поэтому их публикации строятся на других постулатах и правилах.

Информационные материалы американских и британских изданий, как правило, строятся по принципу «перевернутой пирамиды», когда все самое существенное раскрывается в начале сообщения, а «затем важность приводимых сведений постепенно уменьшается». В такой структуре всегда существует возможность для читателя в любой момент прервать чтение, при этом сама суть произошедшего факта или события, будет ясна.

В информационных материалах также должны содержаться социологические данные, статистики, биографические или исторические сведения. Любое крупное событие, описываемое в издании, комментируется различными экспертами, политическими деятелями, очевидцами.

Информационные жанры наиболее популярные и часто встречаемые в британских и американских средствах массовой информации. При этом стоит отметить, что классификация жанров их теоретическая разработанность представлена слабо, как в трудах американских, так и британских исследователей. Под жанрами чаще всего понимают группы текстов, сходные по форме и содержанию. Объединение текстов в группы жанров достаточно условно. В англосаксонской журналистской практике больше внимания уделяется практическим, а не теоретическим аспектам. В информационных жанрах характерно преобладание факта над комментарием, количество жанров, позволяющих выражать авторскую позицию, ограничено.

Библиографический список

1. Gledhill, C. Genre / C. Gledhill // In Pam Cook: The Cinema Book. – London: British Film Institute, 1985. –60 p.

2. Abate, T. Cause if you ain't Mass Media, you're Mini Media / Tom Abate. – URL: http://minimediaguy.org/2005/10/call_it_columnism.php. – 2010. – 12 сентября.

3. Душенко, К.В. Большой словарь цитат и крылатых выражений / К.В. Душенко. – М: Эксмо, 2011. – 234 с.

К содержанию

УДК 070:659.4 + 316.77

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Л.П. Шестеркина, Л.К. Лободенко

В статье рассматривается развитие социальных медиа как канала коммуникации. Понятие и классификация социальных медиа представлены с учетом их функционирования.

Ключевые слова: социальные медиа, интегрированные коммуникации, коммуникация.

В настоящее время социальные медиа становятся важным ежедневным ресурсом входа пользователей в Интернет и оперативным источником информации для них наряду с традиционными СМИ, поисковыми системами и др. Это происходит потому, что данный онлайн-ресурс функционирует как средство общения и распространения мнений, обеспечивающий бесплатный доступ к медиаконтенту, созданный «гражданской» журналистикой. При этом наблюдается, с одной стороны, рост популярности данных медиа, расширение охвата различных целевых групп и развитие форм их коммуникации, а с другой, недостаточная проработка данного вопроса с точки зрения теории медиа. В настоящей работе предпринята попытка углубить научное осмысление специфики развития социальных медиа на базе интегрированных коммуникаций.

Необходимо отметить, что общепринятая дефиниция понятия «социальные медиа» отсутствует. На наш взгляд, наиболее лаконичное и актуальное определение этого феномена принадлежит английскому социологу Д. Мёрти: «В широком смысле социальные медиа означают множество относительно недорогих, и широко доступных электронных инструментов, позволяющих любому человеку публиковать и получать информацию, сотрудничать и выстраивать отношения с другими людьми» [8, с. 7-8].

В 2010 г. профессоры Высшей школы коммерции (ESCP Europe) А.М. Каплан и М. Хенлейн определяют социальные медиа как «группу интернет-приложений, которые основываются на идеологических и технологических основах Web 2.0 и позволяют создавать пользовательский контент и обмениваться им» [7, с. 61].

При этом коллектив автор издания «Маркетинг в социальных сетях» также считает, что «социальные медиа – это сервисы, в основе которых лежит концепция Web 2.0, позволяющая пользователям создавать контент и обмениваться им с учетом их социальных связей [5, с. 16].

Ведущий российский исследователь традиционных и новых медиа Е.Л. Вартанова подчеркивает, что в основе понятия «социальные медиа» –

лежит принцип партиципарности [1, с. 77–78], когда процесс коммуникации осуществляется при равноправном участии пользователей и института медиа. Ответственность за размещение информационного материала несет сам пользователь, а сервис выполняет номинальные функции: служит площадкой для он-лайн доступа к информации, и ограничивает запрещенные законодательством материалы.

Таким образом, социальные медиа (англ. social media) представляют собой совокупность всех интернет-сервисов, которые на основе концепции Web 2.0 предоставляют пользователям возможность производить собственный медиаконтент и устанавливать коммуникации друг с другом.

Особое внимание при характеристике особенностей функционирования социальных медиа необходимо уделить специфике формирования их информационной повестки. В социальных медиа поток информации формируется «снизу», через неформальные каналы и отражает общественное мнение сообществ по тем или иным проблемам. Началом коммуникации является подача информации, или же тематический посыл, запрос в аудиторию веб-ресурса, после которого начинается публичное обсуждение. При этом в социальных медиа также выстраивается иерархия социальных коммуникационных ролей: «ведущие (модераторы)» – «последователи» – «поздние последователи». Однако это не застывшая система, так как любой пользователь может переключить роль ведущего на себя. В этой связи необходимо говорить о революционных изменениях в модели медиа: информационная «воронка» меняется на «трубу». «Воронка» – медиаконтент создается профессиональными журналистами, редактируется издателями, распространяется через СМИ. «Труба» – каждый пользователь может выступить в роли автора и распространять медиаконтент через систему социальных медиа.

Каждая социальная медиаплощадка может иметь различные уровни доступности, однако большинство из них заинтересованы: в большом количестве подписчиков, предоставляя возможность представления анонимных мнений. Регистрация участников форума, блога согласно правилам ресурса может иметь различную степень конфиденциальности, но основная масса требований к участнику необходима, прежде всего, для недопущения к процессу оставления комментариев роботов – комментаторов (ботов) и спам – программ.

Социальные медиа сегодня существуют в самых разных видах. Стремление исследователей выделить из общего массива социальных медиа отдельные группы свидетельствует о назревшей необходимости их классификации. Так, опираясь на анализ существующих практик функционирования социальных медиа и классификации, представленные в работах А.А. Градюшко [2, с. 70], А.А. Лежебокова и Е.А. Сергодеевой [4, с. 229–231] можно выделить следующие их виды:

1. Блог (микроблог) – веб-сайт, основное содержание которого составляют регулярно добавляемые текстовые записи или мультимедиа (LiveJournal, Blogger, Twitter, Qaiku и др.).

2. Службы обмена данными – сервисы предоставляющие пользователям услуги хранения, доставки и показа видео, фото, музыки (YouTube, Instagram, MySpace Music, Flickr, Picasa и др.).

3. Вики во всех формах – это веб-сайты, содержание которых пользователи могут самостоятельно изменять с помощью инструментов, предоставляемых самим сайтом (Wikipedia, PBworks, Wikimedia и др.).

4. Сетевые и онлайн-игры – компьютерные игры, использующие постоянное соединение с Интернет (Second Life, World of Worcraft, World of Tanks, War Thunder и др.).

5. Мессенджеры – веб-ресурсы, предполагающие моментальный, в реальном времени обмен информацией (Viber, WhatsApp, Telegram).

6. Доски объявлений, предоставляющие возможность публикации объявлений самого различного характера, а также искать необходимые товары, услуги и прочее посредством поисковых систем на данных сервисах.

7. Виртуальные службы знакомств – интернет-сервисы, предоставляющие пользователям Интернета услуги по виртуальному общению с другими пользователями, аналог реальных служб знакомств (LovePlanet.ru, Фотострана, Mamba и др.).

8. Электронная почта – это служба по пересылке сообщений, предоставляющая возможность хранения больших массивов информации, иногда выделяя под контент некоторый объем облачных хранилищ (Mail.ru, Gmail, Yandex и т.д.).

9. Социальные сети – это площадки, основанные на веб–сайтах, предоставляющие возможность организации взаимоотношений между различными субъектами социума («В Контакте», «Facebook», «Одноклассники» и др.). При этом Д. Байда и Н. Эллисон подчеркивают, что это «веб - сервисы, которые позволяют людям: во-первых, построить публичный или анонимный профиль в пределах некоторой системы, во-вторых, сформировать список других пользователей, с которыми они имеют связь, и в-третьих, просмотреть социальные связи, созданные другими в рамках системы» [6, с. 211].

Таким образом, современные социальные медиа включают различные интернет-сервисы, направленные на установление между пользователями коммуникации, обмена мультимедийными данными, организацию сотрудничества, совместных развлечений и т.д.

Дальнейшее рассмотрение специфики социальных медиа связано с процессом трансформации коммуникаций в них и интеграцией. В последнее время все более широкое распространение в научной и практической сфере получает понятие «интегрированные коммуникации». При этом

нельзя рассматривать как синонимы понятия «интегрированные коммуникации» и «интегрированные маркетинговые коммуникации». «Современные маркетинговые коммуникации представляют собой совокупность технологий и форм продвижения товаров и услуг, включающих в себя многочисленные инструменты» [3, с. 21].

Интегрированные коммуникации предстают в виде прикладного инструмента, а эффекты от его применения носят синергетический характер. Исходя из этих определений, можно выделить две ключевые характеристики понятия: эффект синергии и сугубо практическое применение интегрированных коммуникаций. Интегрированные коммуникации можно описать как набор практических инструментов, совместное использование которых дает коммуникационный эффект, превосходящий применение тех же инструментов по отдельности.

С точки зрения грамматического построения словосочетания, ключевым словом, несущим основную смысловую нагрузку, является понятие «коммуникация» (от англ. «communication»), которое множество значений. Это связано с многогранностью самого коммуникативного процесса и большим количеством подходов к данному феномену (с точки зрения, психологии, информатики, социологии и т.д.).

Термин имеет несколько значений: общение, связь, создание и распространение информации. Несмотря на различия в значениях все авторы определений трактуют коммуникацию как взаимодействие в процессе общения и передачи информации. Таким образом, коммуникацию можно представить как процесс обмена информацией между индивидами посредством общей для них знаковой системы.

Главным отличительным признаком функционирования социальных медиа является трансформация системы коммуникации, так как коммуникатор и реципиент могут меняться ролями, вовлекая все большее количество участников. Здесь коммуникативный процесс рассматривается как многосторонний, в результате создается сложная модель взаимодействия разных уровней – массовой коммуникации, групповой и межличностной коммуникации.

В социальных медиа разные уровни пользователей могут получать сообщения, ориентированные на массовую аудиторию, комментировать и высказывать свое мнение относительно действий коммуникатора, влияя, в конечном счете, на процессы восприятия аудиторией сообщения СМИ. Современные информационно-коммуникационные технологии позволяют пользователям более активно участвовать в коммуникативном процессе в рамках информационно-коммуникативного пространства.

Необходимо отметить, что в информационно-коммуникативном пространстве протекают встречные процессы. С одной стороны, интернет становится глобальной массовой сетью, с другой активно развивается новая

коммуникативная среда локальных интернет-сообществ, или сетевых сообществ. Пользователи все чаще становятся членами сообществ (форумов, групп в социальных сетях и т.д.). Интерактивность принципиально меняет коммуникативные стратегии и поведение пользователя в сети Интернет, и он из пассивного зрителя (читателя) превращается в соучастника коммуникативного процесса и соавтора медиатекстов.

Исходя из вышесказанного, следует, что сегодня социальные медиа получают все большее распространение в обществе, оказывая существенное влияние на изменения информационно-коммуникативного пространства и структуру коммуникаций. Результатом данных изменений является формирование новой коммуникативной парадигмы, связанной с феноменом интеграции различных типов коммуникации в едином информационно-коммуникативном пространстве. При этом постоянный технологический прогресс способствует появлению новых инструментов взаимодействия аудитории в социальных медиа и развитию коммуникативных практик.

Библиографический список

1. Вартанова, Е.Л. Финская модель на рубеже столетий: Информационное общество и СМИ Финляндии в европейской перспективе / Е.Л. Вартанова. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 287 с.

2. Градюшко, А.А. Социальные медиа как инструмент современной интернет-журналистики / А.А. Градюшко // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2012. – № 2. – С. 69–73.

3. Зундэ, В.В. Концепция формирования системы интегрированных маркетинговых коммуникаций: монография / В.В. Зундэ. – М.: Экон. науки, 2008. – 180 с.

4. Лежебоков, А.А. Социальные медиа как вид интернет-коммуникаций / А.А. Лежебоков, Е.А. Сергодеев // Новая наука: Современное состояние и пути развития: Международное научное периодическое издание по итогам Международной научно-практической конференции (30 октября 2016 г, Оренбург). Ч. 2. – Стерлитамак: АМИ, 2016. – С. 229–232.

5. Маркетинг в социальных медиа: Интернет-маркетинг коммуникации / под ред. Л.А. Данченок. – СПб.: Питер, 2013. – 288 с.

6. Boyd, D. Social Network Sites: Definition, History and Scholarship / D. Boyd, N. Ellison // Journal of Computer – Mediated Communication. – 2007. – Vol. 13. – № 1. – P. 210–230.

7. Kaplan, A.M. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of Social Media / A.M. Kaplan, M. Haenlein // Business Horizons. – 2010. – Vol. 53(1). – P. 59–68.

8. Murthy, D. Twitter: Social Communication In the Twitter Age / D. Murthy // Cambridge. – 2013. – P. 7–8.

К содержанию

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

УДК 94(470.4/.5)”1941/1945”
ББК Т3(2Р36)622-2

ИЗ ОПЫТА ПРИВЛЕЧЕНИЯ КОЛХОЗНОЙ ТОРГОВЛИ КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ИСТОЧНИКА ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СНАБЖЕНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ЦЕНТРОВ УРАЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ю.И. Будников

В центре внимания автора деятельность региональных властей Урала, руководителей уральских промышленных предприятий по привлечению колхозной торговли как децентрализованного источника продовольственного снабжения тружеников тыла, организации встречной торговли на колхозных рынках, оказанию материально-технической помощи колхозному крестьянству, осуществлявшему привоз на городские рынки. В заключении сделан вывод о том, что в тяжелейших условиях военного времени центральным и местным властям, руководителям уральских промышленных предприятий удалось обеспечить необходимым продовольствием тружеников оборонных предприятий, членов их семей. Немаловажную роль при этом сыграла колхозная торговля. Хозяйственная смекалка, предприимчивость позволили существенно разнообразить военный рацион питания рабочих и служащих. Это благотворно влияло на состояние их здоровья, повышало производственную активность. Ударным трудом во имя Великой Победы ответил уральский тыл.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Урал, продовольствие, децентрализованное продовольственное снабжение, колхозный рынок, привоз, встречная торговля.

Чрезвычайные условия Великой Отечественной войны потребовали изыскания и привлечения самого широкого круга дополнительных источников продовольствия. В зоне, временно оккупированной гитлеровскими войсками, находились 47 % посевных площадей, 45 % поголовья скота, до войны здесь производилось 38 % валовой продукции зерна, 84 % сахара. Из 10400 предприятий Наркомпищепрома СССР около 5500 оказались на оккупированной территории. Всего пищевая промышленность потеряла 50 % энергетического хозяйства и 40 % технологического оборудования. Временная оккупация врагом предприятий легкой и пищевой промышленности, эвакуация и перевод части заводов и фабрик этих отраслей на выполнение военных заказов привели к резкому снижению производства

важнейших видов пищевой продукции. Уже в первые месяцы войны производство продуктов питания уменьшилось почти вдвое, а по отдельным видам продовольствия еще больше. Резко сократились рыночные фонды продовольственных товаров. Во втором полугодии 1941 года рыночные фонды муки составили 70 % фондов второго полугодия 1940 года, крупы – 67 %, сахара – 34 %.

В целях увеличения продовольственных ресурсов ЦК ВКП(б) и Советское правительство потребовали от руководства областей Урала, принявшего из прифронтовой полосы сотни заводов и фабрик, миллионы эвакуированных рабочих, служащих, членов их семей, уделять внимание не только созданию подсобных хозяйств промышленных предприятий, укреплению и дальнейшему развитию огородничества трудящихся, но и проведению децентрализованных заготовок продуктов питания. В условиях военного времени, когда нельзя было рассчитывать только на централизованное продовольственное снабжение, ЦК ВКП(б) и СНК СССР обратили внимание всех партийных и советских организаций на острую необходимость изыскания дополнительных местных источников продовольствия. «Огромное значение для удовлетворения нужд населения, – писала «Правда», – имеет широкое использование местных продовольственных ресурсов. В условиях Отечественной войны всемерное расширение продовольственных ресурсов является прямой помощью фронту, помогает ковать победу над врагом» [1].

В довоенный период важную роль в снабжении трудящихся продуктами питания играла на Урале колхозная торговля. В годы войны привоз на рынок сократился, что привело к резкому повышению цен. Колхозная торговля сдерживалась снижением производства продуктов сельского хозяйства, острой нехваткой на селе рабочих рук и транспорта. Уральские партийные и советские организации приняли меры по увеличению привоза продовольствия на колхозные рынки. При этом они исходили из требования ЦК ВКП(б), указавшего в декабре 1941 года на опасность недооценки колхозной торговли, которая являлась важным источником улучшения продовольственного снабжения трудящихся [2, с. 42].

Пермский обком ВКП(б) и облисполком в декабре 1941 года направили в сельские районы области представительную бригаду партийных и советских работников в составе 30 человек. В ее задачу входили учет продовольственных резервов и возможностей колхозников продавать сельскохозяйственную продукцию на рынке, а также проведение агитационно-массовой работы и оказания помощи в организации привоза продуктов питания в город [3]. Бюро Свердловского обкома ВКП(б) 14 января 1942 года утвердило план мероприятий по усилению колхозной торговли на рынках [4, л. 9]. Подобные мероприятия 18 февраля 1942 года наметило бюро Челябинского областного комитета партии [5, л. 10(об.)–11(об.)].

В целях увеличения привоза сельскохозяйственных продуктов в города, уральские областные комитеты ВКП(б) обязали ГК, РК ВКП(б), горсоветы и райсоветы промышленных районов «организовать встречную торговлю товарами ширпотреба на колхозных рынках» [4, л. 9]. Облпромсоветам и облместпромам было предложено «немедленно сдать торговым организациям все наличие товаров ширпотреба, произведенных артелями, райпромкомбинатами и другими мастерскими». Продажа промышленных товаров через торговую сеть производилась, в первую очередь, колхозам и колхозникам, продавшим сельскохозяйственную продукцию по «минимально-сходным ценам», по представлению справок рыночных комитетов [5, л. 10(об.)–11].

Одним из главных препятствий для вывоза продуктов на рынки являлось отсутствие транспорта. Руководство уральских областей приняло энергичные меры в этом направлении. Решениями обкомов ВКП(б) управления Свердловской, Пермской и Южно-Уральской железных дорог были обязаны обеспечить беспрепятственный проезд колхозников, следовавших на рынки, организовать прицепку специальных вагонов-ледников для провоза скоропортящихся продуктов, восстановить курсирование пригородных поездов на ряде участков. Городским автотранспортным предприятиям было предложено максимально развернуть попутные перевозки сельского населения, колхозам выделить лошадей и поводы для доставки продовольствия на рынки [4, л. 9; 5, л. 11].

Оперативные меры способствовали успешному проведению весной 1942 года сельскохозяйственных ярмарок в промышленных центрах Урала. В Шадринске промартели передали в торговую сеть для организации встречной торговли большое количество швейных, гончарных, шорных, скобяных и других изделий на общую сумму в 200 тысяч рублей. На колхозном рынке открыли дополнительные магазины, ларьки, киоски, расширили торговые ряды, подготовили складские помещения и холодильные камеры. 22 и 29 марта 1942 года в Шадринске была организована встречная торговля, где колхозники продали 55,4 тонны различного продовольствия, причем 57 процентов реализованных в эти дни картофеля, овощей, мяса, молока, масла продавались по номинальным ценам [подсчитано по: 6, л. 21]. Этому способствовало то, что на 40 процентов суммы, вырученной колхозниками от продажи сельскохозяйственных продуктов по номинальным ценам, отпускались товары широкого потребления [6, л. 21]. Также организовано и эффективно прошла встречная торговля на колхозных рынках Свердловска, Челябинска, Перми, Магнитогорска, Златоуста, Копейска и других городов Урала. К примеру, в Челябинске с марта по июнь 1942 года на колхозных рынках было продано по минимальным ценам 3,5 тысячи тонн картофеля, овощей, мяса, масла, молока [7, л. 22].

Взамен труженикам сельского хозяйства реализовали промышленных товаров на 5810 тысяч рублей [7, л. 22].

Осенью 1942 года среди колхозников Урала началось движение за выделение из личных запасов хлеба и других продуктов для продажи рабочим по государственным ценам. Члены сельхозартелей «Красный партизан» и имени М.И. Калинина Пермской области на один из оборонных заводов направили 100 подвод с продовольствием. Колхозники Оханского района доставили труженикам Пермского завода имени Ф.Э. Дзержинского 80 тонн продуктов. По их примеру красные обозы с хлебом, мясом, овощами отправляли на предприятия и стройки другие колхозы. Так, 14 января 1943 года в Пермь прибыл «Красный обоз» из 100 подвод, в котором колхозники Кудымкарского района доставили рабочим моторостроительного завода более 1000 пудов различных продуктов. Вместе с глубокой благодарностью пермские моторостроители выразили уверенность, что почин кудымкарских колхозников будет подхвачен всеми районами округа, дополнительное питание поможет рабочим выполнить обязательства по выпуску боевого оружия, необходимого Красной Армии [8, с. 131].

Таким образом, в работе по изысканию дополнительных источников продовольственного обеспечения населения уральцы исходили из местных условий, решали проблему комплексно. За счёт привлечения разнообразных способов децентрализованного снабжения и изыскания дополнительных источников питания, в том числе и колхозной торговли, на Урале удалось решить сложную проблему удовлетворения в чрезвычайных условиях потребности населения в продовольствии. Хозяйственная смекалка, предприимчивость позволили существенно разнообразить военный рацион питания рабочих и служащих. Это оказало благотворное влияние на здоровье тружеников тыла, на их моральное состояние, что, в свою очередь, повышало производительность труда, способствовало быстрому освоению выпуска военной продукции.

Библиографический список

1. Правда. – 1941. – 19 июля.
2. Партийное строительство. – 1942. – № 1.
3. Звезда. – 1941. – 14 декабря.
4. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 13.
5. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 6. Д. 27.
6. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 6. Д. 96.
7. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 7. Д. 100.
8. Пермская областная организация КПСС. Хроника. – Пермь: Пермское кн. изд-во, 1983. – 270 с.

К содержанию

УДК 94(470)″1941/1945″ + 821.161.1-311.6

ПОВЕСТЬ «СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ХРОНИКА» П.А. САЖИНА КАК «МЕСТО ПАМЯТИ» О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ*

Н.С. Журавлева

Парадоксальность памяти состоит в том, что прошедшее присутствует в ней как явление современности. Память не только отражает пережитое, но и помогает автору при отборе событий. Именно память помогает корректировке изображаемого, придавая воссоздаваемой картине иллюзию объективности. Память о прошлом порождается той социальной группой, которую она сплачивает. Повесть П.А. Сажина «Севастопольская хроника» есть «место памяти» о Великой Отечественной войне участников сражений за Севастополь и их семей. Морские традиции, отношение к флоту, восприятие Севастополя как второй родины отличали эту группу.

Ключевые слова: Севастополь, «место памяти», Вторая героическая оборона, П.А. Сажин, «Севастопольская хроника», память о прошлом.

Дефиницией «место памяти» французский историк П. Нора обозначил «останки» духовной и материальной культуры, со временем и по воле людей ставшие символическими элементами наследия национальной идентичности. «Места памяти» не являются местами в географическом понимании слова: это люди, события, здания, книги, песни, любые предметы, «окруженные символической аурой», призванные «удерживать» в памяти представления общества о самом себе и своей истории. По мнению П. Нора, именно память сакрализирует воспоминания: «Места памяти состоят в остановке времени, в блокировании работы забытья, в фиксировании порядка вещей, в обессмерчивании смерти, в материализации нематериального. Места памяти не существуют вне их метаморфоз, вне переплетения и нагромождения их значений» [2, с. 40].

«Лингвистический поворот» второй половины XX столетия в гуманитарной науке породил устойчивый интерес к литературному тексту как историческому источнику. Сторонники «новой культурной истории» даже полагают, что у литературы больше возможностей раскрыть историческую истину, чем у самой истории. «Память знала только две формы легитимации: историческую и литературную. Сегодня границы стерлись» [2, с. 50].

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 15-01-00219.

Обращение к искусству слова оправдано отличиями массовых представлений о прошлом от профессиональных. Потребность понять прошлое на повседневном уровне нередко реализуется отнюдь не через академическую науку, а посредством бытовых форм культуры: генеалогия семьи, коллекционирование вещей, просмотр кинофильмов, чтение художественной литературы. Особенно это справедливо в отношении советского социума с высокой читательской потребностью вследствие провозглашения чтения еще в 1930-е гг. основной формой политического самообразования.

В этом плане интерес, как для историков, так и для филологов, представляет «Севастопольская хроника» писателя-мариниста Петра Александровича Сажина (1906–1991). Это самое массовое издание о Севастополе за весь советский период благодаря публикации в «Роман-газете» в 1977 г. тиражом 1 млн 600 тыс. экз. Своеобразие произведения проявляется в его полижанровости – переплетении документальной прозы, военных мемуаров и автобиографии. Все это отражало черты эпохи: социальные изменения после XX съезда КПСС привели к отказу от этикетных форм отражения действительности и способствовали «повороту к человеку». «Документальный взрыв» в литературе 1950–1960-х гг. стал попыткой осмыслить новую действительность» в условиях общественных сдвигов. Автор назвал произведение повестью с вероятным замыслом убедить читателя в правдивости описанных событий. При этом оно вписывается в жанровые рамки повести: эпичность, хроникальный сюжет, воспроизведение естественного течения жизни, раскрытие личности главного героя-участника на фоне событий. Исключением в этом списке выступает огромный объем текста (более 500 с.).

П.А. Сажин писал произведение с 1967 по 1972 гг., по собственному признанию, без использования документов. Его память питала поездка в 1968 г. в Севастополь: «Я раньше думал, что впечатления с годами теряют свежесть. Я не предполагал что, если бы сел писать о Севастополе даже позже чем через тридцать лет, то все, что достойно памяти, и тогда сохранилось бы в ней, как рыбка, вмерзшая в лед несколько тысячелетий тому назад» [3, с. 561]. В этом раскрывалось одно из ключевых свойств памяти: если факты могут стираться, то впечатления останутся навсегда.

В ткань повествования включены полные тексты писем читателей, отрывки из стихов, воспоминания собеседников, фронтовые дневники автора. Будучи военкором, он был вхож и в кабинеты к начальству, и общался с рядовыми, что повышает ценность записей. Повесть состоит из двух частей: первая часть насчитывает 16 рассказов, вторая – 22. Все они связаны между собой, хотя каждый можно читать по отдельности. Некоторые из них напоминают газетные очерки, но лишенные официальной риторики. Первая часть, преимущественно посвященная Севастополю, состоит из воспоминаний, навеянных визитами в этот город. Тогда как вторая часть,

воссозданная в основном благодаря дневникам, представляет панораму событий ключевых фронтов. Нарратив выглядит бессистемным, напоминая «поток сознания» автора, как будто записывающего за своей памятью. Оттого участие в знаменитом параде 7 ноября 1941 г. сплелось с описанием Москвы 1920-х гг. – началом его литературного пути. Для П.А. Сажина оба города – священны, между ними есть связь. Герой повести Синявин назвал Севастополь дальним подступом к Москве: «Немец-то как молодой лед на пруду: нажмешь-трещит. Вот сейчас рвется вражина к важнейшим центрам, и ежели не нажать на него здесь<…>» [3, с. 429]. В повести стерты границы между воспоминаниями о войне и Севастополем 1970-х гг. Взаимопроникая друг в друга, сюжеты нарушают пространство и время, минувшее сплетается с настоящим, что, по мнению историков направления «memory studies», отличает память о прошлом: она есть современность. «В отличие от истории, память – это всегда актуальный феномен переживаемая связь с вечным настоящим», – писал П. Нора [2, с. 20].

Обилие литературных приемов (эпитеты, метафоры, сравнения, аллюзии, олицетворения и др.) свидетельствует в пользу первичности художественной природы повести, а лишь затем – мемуарности. Так, антитеза «война-мир» раскрывается через описание идиллии в Севастополе накануне 22 июня 1941 г. Моряки мечтали в воскресенье провести время с близкими, а у кого не было семьи – «по-холостяцки развлечься»: концерты, «вино, смех, беспечность!». Даже образ моряков контрастирует с грядущими боевыми буднями, заполненными грязью и запахом человеческих страданий: «Загорелые, стройные, в сверкающих необычайной флотской белизной форменках, наутюженных брюках и начищенных ботинках» [3, с. 46]. Интерес автора к различным аспектам севастопольской тематики долгие годы сквозит в повести. Так, раскрывая значение города для немцев, П.А. Сажин обратился к мемуарам Э. фон Манштейна, который планировал его взять к 22 декабря 1941 г. в подарок фюреру к полугодовому юбилею нападения на СССР. Неслучайно после взятия Севастополя А. Гитлер наградил Э. фон Маштейна предельным воинским чином (генерал-фельдмаршал), а для солдат учредил железный знак «Крымский щит» с выштампованной на нем картой полуострова.

В целом, автор предстает человеком с широким кругозором, цитирует французских просветителей, пытаясь ставить философские вопросы, демонстрирует знание истории и литературы. В книге силен греческий компонент: первая глава так и называется «Возвращение на Итаку». Сравнивая себя с Одиссеем, который скитался много лет и возвратился домой, П.А. Сажин признает, что спустя 26 лет смог вернуться в Севастополь, благодаря событиям войны ставший его «второй родиной». Ведь для него, как и многих других защитников Севастополя, продержаться восемь месяцев в этом «кратере вулкана» означало второе рождение. «Греческие сле-

ды» проходят через всю повесть. Например, образ героев Севастополя раскрывается с помощью известной легенды: «Обсыпанные белой пылью, черные от ветров и ярости, они возникали из земли, словно войско Язона из высеянных им зубов дракона. Они умирали без стона, но не сдавали без боя ни одного сантиметра своей земли» [3, с. 128]. «Греческий дух» передался и артиллеристам, назвавшим коменданта береговой обороны Черноморского флота П.А. Моргунова «Зевсом-громовержцем». «Греческая нота» определялась артефактами античности Гераклейского полуострова, архитектурой крымских санаториев, а также каноном, заданным в романе-эпопее «Севастопольская страда» С.Н. Сергеевым-Ценским – уроженцем Тамбовщины, как и П.А. Сажин.

Автор не скрывал правду о тяжелых потерях в первые месяцы войны. В «Севастопольской хронике» мы являемся свидетелями гибели множества людей: «Солдаты творили подвиги, и каждый час умирали и рождались новые герои» [3, с. 534]. Героизм советских людей объяснялся не столько патриотизмом, сколько обычными человеческими эмоциями: «Усталость делает ничтожной страх смерти – люди проваливаются в сон<…>. И спят как мертвые даже тогда, когда кругом стоит ад от разрывов многотонных бомб и крупнокалиберных снарядов, а просыпаются внезапно при наступлении тишины» [3, с. 517]. Абсурдность войны даже проявилась в нарушении сенсорики: привычка слышать грохот вызывала беспокойство из-за тишины.

Как и многие литераторы военной тематики, П.А. Сажин передал трагичность момента с помощью огненных образов: нельзя забыть «<…> ни вулканического извержения артиллерийского огня, ни воя и разрывов бомб, ни пожаров, возникавших то тут, то там, причем горели даже абрикосовые и фисташковые деревья с наливающимися плодами, цветники в парках и трава на холмах. Пыль и дым плыли над городом с утренней зари и до вечера» [3, с. 513]. Показательно, что первое желание воинов-освободителей Севастополя в 1944 г. – напиться воды и смыть пыль. Другой константой войн XX века стал концепт металла. В Севастополе на один квадратный метр в среднем обрушилось полторы тонны металла! Под таким натиском избежать уничтожения города было невозможно: из 6000 основных зданий осталось лишь 209, наполовину разрушенных [3, с. 566]. Еще в 1946 г. автор предвосхитил «труд целой армии титанов» по его реконструкции. Первыми «возрождать легендарный город» приехали комсомолки Урала и Сибири, вооружившись задачами четвертой восстановительной пятилетки и стремлением выйти замуж. После призыва комсомольцев в 1936 г. на морскую службу Севастополь как база Черноморского флота превратился во второй по численности город в Крымской АССР. Акцентация на женский компонент восстановления отражает печальный факт – гибель основной массы мужского населения страны.

В этом плане Севастополю повезло больше многих других городов: привлекала романтика моря и солнца. Архитекторы в свою очередь постарались создать новый город как «архитектуру чудес». Парадный центр, возведенный из светлого инкерманского известняка, стилистически напоминал петербургские здания в духе классицизма, правда, уже с иной смысловой нагрузкой. Сталинский классицизм как «политика в камне» отражал державно-имперский дискурс, господствующий с середины 1930-х гг. В этом смысле Севастополь выступил проекцией будущего СССР – страны, стремительно возродившейся после войны и лидирующей в «мировой системе социализма». Правда, познакомиться с новым Севастополем автору удалось лишь в конце 1960-х гг. Еще из окон вагона его поразили «фантастические нагромождения огромных кубов» высотных домов, а «модерновая» гостиница «Украина» – наличием лифта. Изменения в облике также проявились в отказе от статуса «города за семью замками», превращении в место паломничества. П.А. Сажин насчитал четыре категории туристов: участники экскурсий, родственники погибших, отдыхающие и деловые командировочные.

«Дух времени» способствовал частичному рассекречиванию ранее табуированных тем. К примеру, без подробностей автор упомянул о 35 береговой батарее. Херсонесский мыс стал единственной надеждой, а для большинства защитников – и последним пристанищем: «После каждого налета самолетов на серой дорожной пыли ленточками растекалась кровь. Убитых оттаскивали в сторону – некому было заниматься погребением» [3, с. 531]. В казематах 35 батареи проходило заключительное заседание военного совета Севастопольского оборонительного района (СОР) накануне сдачи города. Здесь было принято решение по инициативе адмирала Ф.С. Октябрьского эвакуировать 200–300 ответственных работников и командиров на Кавказ. П.А. Сажин назвал это заседание самым коротким: уже через несколько минут адмирал покинул город на самолете. Автор не давал оценку события, в чем проявилась одна из ярких черт документальной прозы: самоустранение автора, предоставляющего читателю самому раскрывать смысл предлагаемых фактов.

Источником информации он назвал капитана третьего ранга, правда, не указав его фамилию, видимо, пытаясь уберечь от третирования. Капитан вспоминал об обещании руководства, что в тот же вечер 30 июня 1942 г. придут корабли и всех заберут. Однако для эвакуации из Севастополя, по его мнению, требовалось чудо: «Либо иметь сивку-бурку, вещую каурку, либо пригнать с Кавказа все надводные и подводные силы Черноморского флота» [3, с. 534]. Но никто так и не пришел на помощь. Капитану удалось спастись на рыбацком сейнере, пережившем за десять дней пути четыре вражеских налета. Подлинная трагедия случилась из-за отсутствия питьевой воды: одна столовая ложка в день не утоляла жажду, чрезмерно стра-

дали раненые, потому вода даже снилась. Не называя причин неудач советских войск при третьем штурме, автор признавал огромный дефицит снарядов. В иных батареях кроме «практических», т. е. болванок для практических стрельб, не осталось. Бойцы Приморской армии, встречая врагов врукопашную, надеялись, что Большая земля вскоре обеспечит их боеприпасами.

Освобождение Севастополя в 1944 г., согласно наблюдением П.А. Сажина, отличалось не меньшим кровопролитием, чем его оборона в 1941–1942 гг. Он зафиксировал изменения в облике города за 22 месяца оккупации Крыма: минные поля, колючая проволока, волчьи ямы и надолбы преграждали подходы к каждому обводу обороны. Несмотря на это, настроение «наследников будущей победы» – солдатов и моряков – накануне Крымской наступательной операции было приподнятым: они «точили матросские ножи – бебуты и бритвы, гладили форменки, растягивали на тарелках вымытые в бензине бескозырки, которые они хранили на дне своих вещмешком обходясь до поры до времени солдатскими пилотками» [3, с. 460]. Показательно, что в повести совсем не упомянуты знаменитые «десять сталинских ударов» и, в частности, «третий удар» по освобождению Крыма и Одессы – черта, характерная для художественной, научной и публицистической литературы 1940 – нач. 1950- х гг. Впрочем, акцентация на заслуги И.В. Сталина в Великой Победе также обошла повесть стороной. Все это отражало серьезные изменения в Советском Союзе, последующие за «оттепелью». Главные герой повести – человек, а не партия. И хотя без упоминания официальных структур не обошлось, все-таки «Севастопольская хроника» – история людей, рассказанная зачастую с юмором, вниманием к деталям и эмоциям. Он вспоминал старушку-почтальоншу, носившую письма на передовую, объяснявшую причины своего риска тем, что во многом от содержимого письма может зависеть боевой настрой. Победа признавалась общим вкладом: солдат, командующих, тыловых, военкоров, ученых. Последние, в частности, разрабатывали методы размагничивания кораблей. П.А. Сажину врезался в память И.В. Курчатов: в бушлате, брюках-клеш и нахлобученной на лоб ушанке он напоминал боцмана.

Приметой времени также стало отсутствие черно-белых красок в изображении образа врага. Так, отмечалось: «Многим немецким матерям н и к о г д а *(выдел. в тексте. – Н. Ж.)* не дождаться своих гансов и фрицев – они лягут во имя исполнения тактики фон Маштейна там же, где белеют кости англичан однорукого лорда Раглана, французы Сент-Аро и Пелисье и обманутые этими нациями в 1854 году доверчивые итальянцы» [3, с. 329]. Сочувствуя врагам, автор повторял прописную истину, что в войне заинтересованы лишь политики и генералы. Между тем неприятие к гитлеровцам, безусловно, присутствовало, например, во фразе: «Под убитыми еще кровь не спеклась, сухая севастопольская земля не приняла ее» [3,

с. 570]. Или при описании жалкого вида пленных немцев, грязных, трусливых настолько, что часть из них, боясь возмездия, предпочла самоубийство. В числе прочих подлость захватчиков раскрыта через их жестокое обращение с лошадьми, которые погибли от рук своих хозяев.

Публикация «Севастопольской хроники» в народной «Роман-газете» обеспечила читательский резонанс. Ответная реакция чаще исходила от участников описанных событий или их близких. Родственники обращались к автору с просьбой помочь найти могилу или восстановить хронологию. Один адресат благодарил за краткую возможность вновь очутиться в гуще тех «огненно-пороховых лет» и вспомнить молодость: «с плеч громада лет долой». Вообще несмотря на «стандартный натюрморт войны» повесть не оставляет горечи. Кажется, что автор с радостью возвращается к давно минувшим временам его юности, наполненными встречами с уникальными людьми, самопреодолением, радостью служения своей стране. Почти в каждой строчке, от описания морского быта до восхищения советским человеком, звучит ностальгия по прошлому. Это видно из автобиографической составляющей повести. Даже вскользь не упомянуты литературные достижения автора, почти ничего нет о семье, как будто его современность наполнена лишь событиями Великой Отечественной войны и Севастополем – своеобразным ключом, проводником в прошлое. Для П.А. Сажина память не только создавала образ прошлого, но и отстаивала этот образ перед лицом меняющейся реальности. Он писал, что в оборонявшемся Севастополе именно в «оживлении» прошлого они черпали силы. Возможно, именно эти черты отличали «Севастопольскую хронику» даже от лучших книг военной прозы, по мнению исследователя творчества писателя Т.В. Алексеевой. Она отмечала широту авторского взгляда на мир, объективность воззрений, необычайное сочетание героической и лирической стороны военных событий [1, с. 146].

Повесть П.А. Сажина также может претендовать на статус своеобразной энциклопедии, в том числе биографического справочника. В отличие от Ф.С. Октябрьского, о котором перечислялись лишь «сухие факты», персонажность генерала И.Е. Петрова оказалась в фокусе внимания. Симпатия автора подкреплялась письмами ветеранов войны. В частности, И.И. Бородулин назвал генерала И.Е. Петрова работоспособным и внимательным к подчинённым, блестящим организатором. Невольно рождается образ «отцов» обороны периода Крымской войны П.С. Нахимова и В.А. Корнилова, хотя прямых коннотаций с адмиралами нет. П.А. Сажин, как и другие авторы севастопольской тематики, не мог избежать параллелей с Крымской войной. В частности, его удручало то, что советское командование скупо представляло людей к наградам, в отличие от Первой обороны, когда один месяц службы в осажденном городе считался за год, и каждый участник независимо от степени участия награждался серебряной медалью. Армей-

ские командиры сравнивали июнь 1942 г. с августом 1855 г. Один из них капитан Семеко отмечал: и тогда, и сейчас город отстаивали русские с тем мужеством, которое будет поражать мир. В остальном же он видел разницу: в первую оборону город был связан с сушей, теперь же он напоминал остров [3, с. 439]. Тесная сцепка Первой и Второй оборон в культурной памяти советского общества во многом отражала усилия и «сверху», и «снизу». По мнению П. Нора, «память не существует без конструкции, это всегда результат деятельности, сознательной и бессознательной» [2, с. 27]. В условиях внешней угрозы государство использовало образцы российского имперского патриотизма. А коллективное сознание в условиях такой «пограничной ситуации», как война, обращалось к памяти о прошлом, стремилось укреплять новые социальные институты при помощи опоры на традиции. Все эти усилия неизбежным следствием имели мифологизацию событий. Не избежал этого и П.А. Сажин, хотя и попытался свести вымысел к минимуму, опираясь на фактологическое раскрытие исторических событий.

Таким образом, парадоксальность памяти состоит в том, что прошедшее присутствует в ней как явление современности. Память не только отражает пережитое, но и помогает автору при отборе событий. Со временем одни впечатления уступают место другим, в результате чего в сознании автора возникает некоторый образ прошлого. Именно память помогает корректировке изображаемого, придавая воссоздаваемой картине иллюзию объективности. Повесть П.А. Сажина «Севастопольская хроника» можно отнести к числу «мест памяти» о Великой Отечественной войне. Однако это «место памяти» определенной социальной группы – участников севастопольских сражений и их семей, о чем свидетельствуют письма-отзывы на книгу. Память о прошлом порождается той социальной группой, которую она сплачивает. П.А. Сажин – прежде всего, участник Второй обороны Севастополя, а затем – носитель прочих социальных ролей: журналист, писатель и пр. Автор подчеркивал, что эту группу сплачивали черноморские традиции. Рядовые и руководители города показаны через отношение к морю и историческим традициям флота. Для ветеранов войны образ Великой Победы ассоциировался с Севастополем, их «второй родиной». Между тем «Севастопольская хроника» есть личностная память пишущего о протекавшей на его глазах истории. По замечанию П. Нора, мемуары подразумевают «раздвоение человека на человека пера и человека действия, идентификацию индивидуального дискурса с дискурсом коллективным» [2, с. 45].

Библиографический список

1. Алексеева, Т.В. Проза Петра Сажина: автореф. дис. … канд. филол. наук / Т.В. Алексеева. – М., 2000.

2. Нора, П. Проблематика мест памяти / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок // Франция-память. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50.
3. Сажин, П. Севастопольская хроника: повесть / П. Сажин. – М.: Известия, 1982.

К содержанию

УДК 94(470.55)"1975/1985" + 378.4(470.55)(09)
ББК Т3(2Р-4Че)633-4

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ В 1975–1985 гг. (НА ПРИМЕРЕ ВУЗОВ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

П.А. Комлев

В статье рассматриваются основные направления партийного контроля в системе высшего образования на Урале и оценивается его результативность. Анализируются региональные особенности формирования интеллектуального потенциала в системе образования, выделяются показатели уровня его развития, проблемы формирования и способы их решения. Оценивается эффективность традиционных методов решения проблем, связанных с функционированием интеллектуального потенциала в вузах Челябинской области.

Ключевые слова: интеллектуальный потенциал, образование, вузы, аспирантура, кадры.

Изучение вопросов, связанных с историей регионального образования, позволяет выявить и обозначить основные тенденции развития интеллектуального потенциала Урала. В контексте задач данного исследования проблемы функционирования советской системы образования рассматриваются как важнейший элемент формирования интеллектуального потенциала региона.

При рассмотрении проблем формирования и функционирования интеллектуального потенциала в качестве определяющего выступает идеологический фактор. Необходимо выявить и обозначить реальную степень его влияния на интеллектуальную деятельность. В этом случае важен системный подход, чтобы в поисках оптимального решения одной из сторон проблемы не упустить из вида существования других показателей, что может повлиять на конечную эффективность решения проблемы в целом.

С 1990 г. для оценки развития стран в международной терминологии используется новый критерий - индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). К числу ведущих показателей, определяющих его уровень, относятся ожидаемая продолжительность жизни, уровень образования и индекс уровня жизни. Уровень развития интеллектуального потенциала может рассматриваться как характеристика социально-экономического развития региона. Урал как регион в рассматриваемый период демонстрирует значительное различие в распределении интеллектуальных ресурсов на региональном уровне. Это подтверждают оценки уровня интеллектуального потенциала в различных областях региона, относящиеся к данному периоду. В 1979 году в Свердловской области индекс составлял 0,733, в Челябинской – 0,741, и наименьший показатель был в Пермской области – 0,721 [1, с. 11].

Период с 1975 по 1985 гг. характеризовался дальнейшим развитием высшего образования на Урале. Появился целый ряд новых вузов: были открыты Пермский институт культуры (1975 г.), Челябинский государственный университет (1976 г.), Свердловский инженерно-педагогический институт. Действовала созданная в 1966 г. государственная система повышения квалификации профессорско-преподавательского состава. Для преподавателей общенаучных, общеинженерных и специальных дисциплин в рассматриваемый период создавались факультеты повышения квалификации. Вводилась также стажировка преподавателей на промышленных предприятиях и в НИИ [2, с. 106, 108].

XXV съезд КПСС высоко оценил работу партийных организаций по развитию системы высшего образования. В документах, принятых съездом, указывалось на необходимость дальнейшего совершенствования системы образования. Ставилась задача распространения передового опыта организации труда, внедрения в производство достижений науки и техники [4, с. 77].

Партийные организации Урала проводили значительную работу по реализации решений съездов партии и постановлений ЦК КПСС. Областные, городские, районные комитеты партии уделяли большое внимание руководству процессом формирования научного мировоззрения, повышения уровня подготовки и качества интеллектуального потенциала, рассматривая эту проблему как важное условие решения социально-экономических задач [3, с. 112].

Но одновременно, с середины 1970-х гг. стало отчетливо проявляться отставание высшей школы от требований научно-технической революции. Для решения этой проблемы партийным руководством была поставлена задача усиления связи вузов с производством. То, что в ходе десятой пятилетки ее решить не удалось, показывают дублирующиеся требования к системе образования в ходе XXVI съезда КПСС [5, с. 81].

Система высшего образования являлась одной из важнейших составных частей хозяйственного комплекса СССР, интеллектуального потенциала страны. В системе высшего образования Советского Союза на начало 1985 г. функционировало 867 вузов, в которых было занято свыше 0,5 млн научных и научно-педагогических работников, численность же всего коллектива высшей школы составляла 5,6 млн человек [10, с. 23].

За годы Советской власти в СССР сложилась определенная система работы с научно-педагогическими кадрами, основанная на применении государственных методов управления формированием и пополнением научно-педагогических коллективов высших учебных заведений и предполагающая централизованный и планомерный характер подготовки и организации использования научно-педагогических сил с учётом перспективных запросов высшего образования, потребностей экономики, науки и культуры [3, с. 58].

В середине 80-х гг. в высшей школе функционировало 63 НИИ, около 2 тыс. проблемных и отраслевых лабораторий, 38 КБ, 550 других научных учреждений. В них вели исследования более 100 тыс. научных работников. В ведущих вузах страны сосредоточено около 40 % докторских и свыше 50 % кандидатских специализированных советов по присуждению учёных степеней. Все более важное значение приобретает работа вузов по переподготовке специалистов, имеющих высшее образование, что в условиях НТР превращается в особую сферу деятельности высшей школы. К 70-м годам в системе высшей школы было создано 5 институтов, 80 филиалов, 101 факультет и более 800 курсов повышения квалификации, в которых ежедневно обучалось более 1 млн специалистов [11, с. 123].

Особое внимание в этот период уделялось количественному росту и качественному составу парторганизаций в сфере высшего образования. Партийный контроль в вузах Челябинской области осуществлялся по нескольким направлениям. Одним из приоритетных являлось идейно-воспитательная работа со студентами, рассмотрению которой отдел науки и учебных заведений челябинского обкома отводил много времени в рассматриваемый период. Так, в 1975 году, челябинский обком посвятил целое заседание рассмотрению и анализу работы партийной организации Челябинского государственного педагогического института по усилению коммунистического воспитания молодежи.

Следует учитывать, что в ЧГПИ к середине 1970-х гг. уже сложилась определенная система перспективного и текущего планирования работы по идейно-политическому воспитанию студентов. Системность и преемственность идеологического воздействия обеспечивалась «Перспективным планом воспитательной работы на весь период обучения студентов». Этот план в определенной степени отражал основные направления и формы работы партийной и общественных организаций, а также ректората института по коммунистическому воспитанию студенчества.

Челябинский обком отмечал, что практика такого перспективного планирования воспитательной работы может быть рекомендована всем вузам области. Данный план включал в себя несколько разделов, посвящённых идейно-политическому, эстетическому, военно-патриотическому и трудовому воспитанию студентов [6, л. 7].

Активное участие в работе по коммунистическому воспитанию студентов, проводимой в вузе, принимают кафедры общественных наук. Так, например, кафедра истории КПСС проводила воспитательную работу среди студентов физического, естественно-географического и филологического факультетов совместно с бюро ВЛКСМ. В этой работе применялись разнообразные методы: встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, передовиками производства и лучшими учителями, экскурсии студентов по революционным местам Челябинска, конкурсы рефератов и научных работ. В частности, в 1975 году был проведён подобный конкурс, посвящённый 30-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне [6, л. 12].

Идейно-политическому воспитанию студентов большое внимание уделялось и в других вузах Челябинской области. В Магнитогорском педагогическом институте провели значительную организаторскую работу для повышения идейно-теоретического уровня преподавания общественных наук, что соответствовало постановлению бюро челябинского обкома от 13 декабря 1974 года.

В течение 1974–1975 гг. деятельность кафедр общественных наук рассматривалась на ученом Совете института, Совете кафедр общественных наук, на партийном собрании и заседаниях партийного бюро. Вопрос «О роли кафедр общественных наук в формировании советского учителя» был обсужден в педагогических коллективах кафедр. Главные усилия были направлены, прежде всего, на укрепление кафедр общественных наук научно-педагогическими кадрами, на их расстановку и воспитании, на улучшении учебно-методической и исследовательской деятельности этих кафедр [7, л. 137].

Особенность воспитательной работы в вузах Челябинской области заключалась в том, что её результативность оценивалась по уровню качественной успеваемости студентов. Так, в Магнитогорском пединституте в весеннюю сессию 1975 года качественная успеваемость составила по истории КПСС – 79,9 % (в 1974 году – 77,5 %). По политэкономии, философии и научному коммунизму абсолютная и качественная успеваемость осталась на уровне 1973–1974 учебного года, исходя из чего, ректоратом был сделан вывод об успехе идейно-воспитательной работы со студентами института [7, л. 138].

Партийное руководство аспирантурой также оставалось в центре внимания руководства вузов Челябинской области. В ЧГПИ партком постоянно контролировал решение кадровых вопросов, в частности, вопросов, свя-

занных с подготовкой кадров через аспирантуру. В частности, 10 мая 1975 года партком рассмотрел вопрос: «О состоянии и мерах улучшения подготовки кадров высшей квалификации». В этом постановлении нашли отражения и вопросы, связанные с работой аспирантуры. В частности, в адрес научной части, деканатов, кафедр указывалось на необходимость повышения роли докторов наук в организации научной работы. Одним из приоритетных направлений было признано создание новых научных коллективов вуза с ними во главе [8, л. 18].

XXV съезд КПСС поставил задачи повышения качества подготовки специалистов, эффективности научных исследований. На съезде был признан важнейшим известный путь решения этих задач – рост научной квалификации кадров работников вуза, увеличения числа преподавателей и сотрудников с учеными степенями и званиями. При этом главным источником их роста оставалась аспирантура [4, с. 78].

В связи с этим, отдел науки и учебных заведений провёл специальное заседание 6 апреля 1977 года, посвящённое партийному руководству аспирантурой в Челябинском политехническом институте. На начало IX пятилетки ученые степени и звания в ЧПИ имели 27,5 % преподавателей, в 1977 году на 75-и кафедрах института из 1390 преподавателей 29 штатных докторов-профессоров (2,1 %) и 566 кандидатов наук – доцентов (40,7 %). При этом на выпускающих кафедрах был 61 % остепененных преподавателей, на общетехнических – 50 %, на кафедрах общественных наук – 41 % и на кафедрах физики и математики – 21 %.

В 1971–75 гг. аспирантами и сотрудниками института защищено 400 кандидатских диссертаций (при плане 340, что составляет 118 %). В 1976 г. в связи с проходившей перестройкой работы Советов по присуждению ученых степеней было защищено 30 диссертаций (при плане 70 – 43 %). Только в 1976 г. в аспирантуру ЧПИ было принято 62 человека, в т.ч. 42 с отрывом от производства (в дневную), улучшился подбор и подготовка кандидатов в аспирантуру. При этом 60 % зачисленных в нее уже имели опубликованные статьи или авторские свидетельства, более 90 % – полностью сданные экзамены кандидатского минимума. В 1970-х гг. в ЧПИ выполнялись годовые планы выпуска аспирантов. За 1971–75 гг. было подготовлено 427 аспирантов, из них 220 защитили диссертации и еще 40 готовы к защите. Таким образом, более 60 % успешно окончили аспирантуру, что было на 5 % выше среднего показателя по вузам страны [8, л. 11]. Но уже в 1976 году уровень защиты диссертаций в Челябинском политехническом институте резко снизился. В 1975 году в вузе было защищено 100 диссертаций (кандидатских и докторских), а в следующем – только 30 [8, л. 16]. Вместе с тем, отмечались многочисленные недостатки в работе аспирантуры вузов Челябинской области. В ЧГПИ среди них партком выделял недостаточное внимание некоторых кафедр к отбору целевиков и низкий

уровень педагогической подготовки аспирантов [8, л. 18]. В качестве метода решения этих проблем секретарь парткома Чернаков предлагал практиковать такую форму обучения, как предварительную 1–2 годичную стажировку будущих аспирантов-целевиков и добиваться конкурса среди них при поступлении [8, л. 20].

Проблемы с аспирантурой существовали в этот период и в ЧПИ. Отдел науки и учебных заведений выделял в качестве основных следующие: отсутствие на этих кафедрах необходимого резерва поступающих в аспирантуру, их недостаточно тщательный отбор и подготовку, несовершенную подготовку научной и материальной базы кафедр, отсутствие четкого руководства и контроля за работой аспирантов со стороны соответствующих руководителей, кафедр, факультетов. В результате партийным комитетом ЧПИ 22 февраля 1977 года по итогам рассмотрения на своем заседании вопроса «О работе аспирантуры и докторантуры по подготовке высококвалифицированных научно-педагогических кадров» была принята программа работы по повышению эффективности аспирантуры. Она предусматривала, в частности, закрепление в институте аттестованных кадров, повышение требовательности со стороны партбюро факультетов к руководителям аспирантов и самим аспирантам и соискателям, утверждение на партбюро предложений о приеме в аспирантуру, а так же характеристики соискателей в Советы по защите диссертаций [8, л. 15].

Недостаточная связь вузовской науки с производством оставалась одной из главных региональных особенностей формирования интеллектуального потенциала Урала. В каждом вузе Челябинской области контроль над внедрением научных разработок в производство осуществляли партком, ректорат, профсоюзная и комсомольская организации. Они проводили определенную работу, направленную на улучшение планирования и контроля за выполнением научно-исследовательских работ. К примеру, в ЧИМЭСХ к концу этого периода (1985 г.) приоритетными были признаны 2 научных разработки: комплексная защита от коррозии всей сельскохозяйственной техники с применением высокоэкономичных и эффективных ингибиторов, поточно-цикловое производство механизированных работ в сельском хозяйстве [9, л. 129–130]. В 1985 г. институт проводил внедрение своих разработок в 20 базовых хозяйствах Челябинской области, среди которых были совхозы: «Вперед», «Магнитный», «Митрофановский», «Березиновский», учхоз ЧИМЭСХ и другие. В институте появились новые формы организации НИР – научно-производственные объединения, мобильно-творческие группы для решения первоочередных вопросов развития сельского хозяйства области. Творческие группы состояли из сотрудников и студентов института, специалистов хозяйств, работников заводов и других предприятий [9, л. 130].

Однако хоздоговорные работы вузов с предприятиями области не решали, да и не могли решить проблему координации науки и производства.

Традиционные бюрократические методы, предлагавшиеся областным и вузовским руководством для укрепления связи науки с производством и внедрения научных разработок, оставляли эти вопросы на повестке дня. Требовалась перестройка всей системы, которую начало проводить новое руководство страны в 1985 году. Исследование проблем, касающихся управления и подготовки кадров в сфере образования позволяет сделать некоторые выводы о динамике развития и эффективности системы в целом. Динамика формирования и структура интеллектуального потенциала на Урале в 1975–1985 гг. показывает наличие определенных противоречий в его развитии. Специфика развития Урала как крупного промышленного центра состояла в том, что наука и образование региона были в основном ориентированы на производство и его отрасли, зачастую не учитывая других потребностей. С одной стороны, курс, взятый на активное внедрение достижений научно-технического прогресса в производство, с другой – сокращение числа научно-исследовательских лабораторий и конструкторских бюро, в которых эти изобретения могли бы разрабатываться, сокращение научных учреждений в сфере образования, плохо организованная система координации и управления кадрами. Все эти факторы были характерны для Урала в первую очередь как крупного промышленного центра с соответствующим уровнем и распределением финансирования.

Библиографический список

1. Балакина, Л.П. Интеллектуальные ресурсы – главная составляющая развития человеческого капитала: статья / Л.П. Балакина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Социально-гуманитарные науки». – 2006. – Вып. 7. – № 17. – С. 11–13.

2. Бастракова, М.С. Академия и сеть научных учреждений страны: статья / М.С. Бастракова // Вестник Академии наук СССР. – 1975. – № 9. – С. 102–113.

3. Голеусова, Л.П. Научно-техническая политика КПСС: некоторые итоги и проблемы исследования: монография / Л.П. Голеусова. – М.: Мысль, 1987. – 156 с.

4. Материалы XXV съезда КПСС: документ. – М.: Политиздат, 1976. – 256 с.

5. Материалы XXVI съезда КПСС: документ. – М.: Политиздат, 1981. – 223 с.

6. ОГАЧО. – Ф. 288. – Оп. 182. – Д. 288.

7. ОГАЧО. – Ф. 288. – Оп. 185. – Д. 163.

8. ОГАЧО. – Ф. 288. – Оп. 188. – Д. 253.

9. ОГАЧО. – Ф. 288. – Оп. 198. – Д. 156.

10. Научно-технический прогресс в СССР: Стат. сб.: статистический сборник. – М.: Финансы и статистика, 1990. – 270 с.

11. Научные кадры СССР: динамика и структура: сборник документов. – М.: Мысль, 1991. – 284 с.

К содержанию

УДК 94(470.55) + 329.7(470.55)

«КРЕПИМ ДЕЛО МИРА»: МЕСТНЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ МИРОТВОРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ЧЕЛЯБИНСКОГО АРХИВА)*

Т.В. Раева

В статье рассмотрена деятельность челябинских отделений Советского комитета защиты мира и Советского фонда мира. На основе архивного материала выявлены особенности функционирования этих организаций в рамках квазиобщественной модели советского движения за мир. Проанализированы миротворческие практики челябинских отделений и сделан вывод об их формальном и ритуализованном характере.

Ключевые слова: культурная дипломатия, советское миротворчество, Советский комитет защиты мира, Советский фонд мира.

Миролюбие являлось важной символической составляющей репрезентации СССР и советского народа в годы Холодной войны. Оно активно использовалось вовне как стратегия сдерживания противника в условиях недостатка военной и экономической мощи Советского Союза, формирования привлекательного образа страны-миротворца, продвижения социалистической идеологии. На «внутреннем фронте» оно работало как средство индоктринации и мобилизации населения, пространство легального выражения общественной активности. Институциональным организатором и транслятором «правильного» советского миролюбия выступал Советский комитет защиты мира (СКЗМ), созданный в августе 1949 г. Почти сразу Комитет приступил к формированию своих отделений в республиках, областях, городах и районах. Челябинский областной комитет защиты мира начал свою работу в 1950 г.

Вопреки декларируемому общественному характеру, СКЗМ действовал под контролем советских партийно-государственных органов. Модель руководства его структурами не предполагала спуска жестких директив из ЦК и регулярной отчетности. В ней сохранялось место для «низовой» инициативы, но действовало множество фильтров для отсечения нежелательной активности: управляемость СКЗМ обеспечивалась идеологической лояльностью актива организации и полной финансовой, материальной, технической и иной зависимостью от «Инстанции» (так в советских докумен-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10213).

тах именовали Политбюро (Президиум) ЦК ВКП(б)/КПСС). Все мероприятия, инициируемые Комитетом, требовали согласования и координации усилий многих органов, осуществляемых при посредничестве соответствующих отделов ЦК.

Связь СКЗМ с партийными органами внутри страны открыто признавалась. Более того, успех его миротворческой активности в СССР напрямую зависел от руководящего участия обкомов и горкомов. В выступлениях представителей местных комитетов защиты мира на заседаниях Пленумов, Бюро, региональных семинарах неизменно звучала мысль о необходимости идеологической, организационной помощи и контроля со стороны парторганизаций, при отсутствии которых невозможно было осуществить выпуск пропагандистских материалов, провести массовые мероприятия, а порой и просто заслужить доверие населения [2, л. 29; 3, л. 102; 5, л. 98].

Аффилиация Советского комитета защиты мира с партийно-государственными органами являлась веским основанием для его критики на международной арене как идеологического инструмента СССР. Попыткой преодолеть стигму прогосударственной организации стало создание в 1961 г. Советского фонда мира (СФМ), который должен был аккумулировать общественные денежные средства и финансово обеспечивать деятельность СКЗМ. Транслируемые на внешнюю и внутреннюю аудиторию идеологически маркированные послания подчеркивали сознательное и добровольное участие советских граждан в поддержании Фонда мира, доказывали искреннее миролюбие народа СССР.

СФМ мог создавать свои отделения на местах, однако в большинстве регионов продолжительное время его функции выполняли местные Комитеты защиты мира. В Челябинской области отдельная структура Фонда возникла только в 1971 г., но даже после этого сохранилась практика коллаборации отделений СФМ и СКЗМ, которые осуществляли совместную деятельность (включая делопроизводственную и руководство едиными городскими и районными группами) в рамках аналогичных задач обеих организаций. Кроме того, работа Фонда мира подтвердила невозможность осуществления сбора средств без активной пропаганды борьбы за мир.

Взаимодействие миротворческих организаций с парткомами на местах неизбежно размывало их управленческую вертикаль, обусловливая слабую связь центральных органов с местными. В корпусе сохранившейся в архиве делопроизводственной документации челябинских отделений СКЗМ и СФМ, охватывающей период с 1974 г. до 1991 г., отсутствовал блок директивных, распорядительных материалов от вышестоящих структур и, вообще, какие-либо документальные «следы» взаимодействия с ними, за исключением избрания делегатов на Всесоюзные конференции, отчетов об их поездках с упоминанием решений конференций и использования текстов журнала «Век XX и мир», печатного органа СКЗМ, где транслировал-

ся официальный советский дискурс о мире. Это обстоятельство отнюдь не свидетельствует о широкой самостоятельности местных акторов. Оно может быть связано с практикой работы региональных организаций, координирующих свою деятельность напрямую с обкомами или горкомами, минуя высшие руководящие органы Комитета защиты мира [4, л. 16]. Партийность членов актива местных отделений, вовлеченность их в работу других государственных и партийных структур также решали проблему организации миротворческой деятельности в области, замещая бюрократические связи личными контактами. Возникающая вследствие этого слабость внутренней структуры СКЗМ маскировалась риторикой о его общественном характере, призывами отказываться от «бумаг и штампов» в работе и опираться на искреннее миролюбие советских людей. Тем не менее, партийное руководство не всегда своевременно снабжало членов миротворческих организаций идеологическими выверенными рекомендациями, на что слабо владеющие риторическими навыками неосвобожденные работники местных отделений отвечали жалобами на отсутствие внутренней распорядительной документации, инструкций, планов работы [1, л. 108–109, 121, 123, 138], либо сложением с себя полномочий «борцов за мир». Качественное изменение в управлении делом мира в СССР произошло в нач. 1970-х гг., когда миротворческая деятельность стала бюрократической практикой, а недостающие нормативные и методические установки, пропагандистские материалы были выработаны и растиражированы [14].

Определенные официальным дискурсом и партийным руководством «пространства действий» советской миролюбивой общественности делали доступными для обычного советского человека две стратегии: подать свой голос «во имя мира» и помочь делу мира материально, перечисляя средства в СФМ или участвуя в повседневном труде [14]. Местным отделениям в этой модели отводились информационно-пропагандистская (разъяснение внешней и внутренней политики советского государства), воспитательная функции (в духе патриотизма и интернационализма) и задача привлечения населения к сбору средств в Фонд мира.

Подать свой голос в защиту мира советские люди могли, участвуя в митингах, сборе подписей, отправке писем с протестами против действий империалистов, в поддержку борцов за свободу и т.д. Эти формы демонстративного миролюбия канализировали легальную политическую активность советских граждан, служили средством индоктринации и практикой присвоения советского. Их частота и регулярность, численность участников акций рассматривались как количественное измерение эффективность миротворческого движения в СССР. Челябинские отделения в своих отчетах бодро рапортовали о сотнях проведенных митингов, собраний, лекций, выставок, тысячах участников акций за мир. При этом они держались в рамках формализованного перечня рекомендованных мероприятий, крайне

редко проявляя творческий подход в их проведении. Лишь отдельные сообщения рассказывали о необычных празднованиях, стилистика которых отсылала к символически насыщенному раннесоветскому периоду: публичном сжигании детьми игрушечного оружия, рабочими завода – макетов бомб в огне, взятом из доменной печи, проведении «Международного трибунала по обвинению империализма в преступлениях против человечества», в ходе которого происходило конструирование реальности через проигрывание «идеологически верных» сюжетов и фильтрацию воспоминаний иностранных участников акции [9, л. 11об.; 12, л. 17]. В к. 1970-х – нач. 1980-х гг. в дискурсивном обиходе советских миротворцев появились техники субъективации, сфокусированные на отдельном человеке, которые позволяли или вынуждали занимать позицию в отношении мира. Они реализовались в массовой патриотической молодежной акции «Я голосую за мир», школьных конкурсах «Письмо незнакомому другу», формат которых предполагал овладение актуальной риторикой и ее использование для обозначения своей позиции. Однако действительная ли субъективация становилась результатом применения этих техник или имитация в ответ на принуждение к политическому высказыванию судить сложно [10, л. 1об.; 14].

Формализация миротворческих практик, их виртуальный характер, широкое использование приемов навязывания политической активности, приводили к выхолащиванию и рутинизации борьбы за мир, особенно в позднесоветский период. В этом контексте для местных отделений значение приобретали усилия, направленные на расширение числа участников движения за мир и поддержание активной позиции лояльных акторов. Для этой цели использовалась созданная еще в первые годы существования СКЗМ система поощрений, основу которой составляло нематериальное символическое вознаграждение борцов за мир сувенирами, благодарностями, значками, медалями и т.д. Материальное поощрение не одобрялось, а в 1960-е гг. и вовсе было запрещено Правлением СФМ. Тем не менее, на конференциях, семинарах СКЗМ представители региональных отделений, не скрывая, сообщали о том, что действуют в обход существующих правил: награждают участников движения денежными премиями и поездками за рубеж. Поездки, по их утверждению, служили не только средством поощрения актива, но, прежде всего, поводом для проведения большой массовой работы среди населения, направленной на пропаганду идей мира, дружбы и добрососедских отношений, разоблачение происков империализма [1, л. 64–65]. Сложно говорить о том, насколько в этой мотивации присутствовали идеологически правильные убеждения советского борца за мир и корыстные устремления участников, но то, что последние имели место, не приходится сомневаться. Архивные свидетельства указывают на существование практики кулуарного распределения путевок среди «своих» и использования поездок за границу для личных целей [13, конверт 19].

Материальное участие в миротворческом движении для советского человека было опосредовано СФМ и его региональными отделениями, которые были призваны мотивировать жертвователей и мобилизовать финансовые ресурсы населения. Объем собранных ими на «дело мира» средств выступал одним из критериев эффективности советского миротворчества. Челябинское отделение СФМ довольно успешно справлялось с задачей пополнения фонда мира, внеся в 1974 г. более 1 млн руб., а к сер. 1980-х гг. увеличив свой вклад до 4 млн руб. Такие показатели отделению обеспечивали индивидуальные и коллективные жертвователи. Первые были представлены, в основном, пенсионерами, ветеранами, действовавшими под влиянием тяжелого личного опыта войны, сиротства, страха за будущее своих близких. Среди коллективных вкладчиков заметную роль играли религиозные организации, прежде всего РПЦ, которые внесли более 500 тыс. руб. в 1974 г. Для них участие в миротворческом движении было способом возвращения в пространство общественной активности, формой служения людям и демонстрации лояльности к власти. Такая позиция религиозных организаций отнюдь не исключала наличие давления со стороны Совета по делам религий, который обязывал общины отчислять в фонд мира не менее 30 % их дохода. Когда же в к. 1980-х гг. власти отказались от давления на религиозные организации, те существенно снизили отчисления в фонд мира [8, л. 227]. При этом если для внешней аудитории участие религиозных общин в миротворческом движении однозначно служило формированию позитивного образа СССР, то внутри страны оно не только вызывало тревогу в связи с возможным усилением позиций церкви в обществе, но и размывало идеологический постулат о пролетарской сознательности. Этим, вероятно, объясняется амбивалентная позиция руководства СКЗМ и СФМ в отношении финансового участия религиозных организаций в пополнении Фонда мира, включавшая как запрет на получение денег от церквей, недопущение церковной проповеди о мире, так и рекомендации поощрять их за участие в СФМ.

Если проблема недобровольного финансового участия церкви в миротворческом движении не очень беспокоила Фонд мира, то в отношении других коллективных благотворителей она признавалась опасной, дискредитирующей саму идею пожертвования. Однако постоянный конфликт между необходимостью увеличивать сборы в СФМ и добровольностью, чаще разрешался в пользу административного или коллективного давления. Иные стратегии, работающие на поддержание мотивации жертвователей, применялись миротворческими организациями с разной степенью активности. Персонализирующие техники, позволявшие наполнить риторические клише борьбы за мир смыслом и субъективной достоверностью, использовались довольно широко в виде вдохновляющих личных историй вкладчиков. Специально маркированные трудовые усилия «вахты мира»,

движение «равнение на подвиг», «за себя и за того парня», предполагавшие включение в состав коллективов «почетных членов» – героев войны и борцов за мир, не являющихся реальными работниками позволяли романтизировать и героизировать обычный труд, интерпретируя его как вклад в укрепление дела мира: «молодые люди сегодняшнего дня как бы сами берут оружие павших и продолжают сражаться за наше правое дело мира» [6, л. 38]. Мобилизуя и воодушевляя население на трудовые успехи и выполнение плана, Фонд мира конвертировал этот порыв во вполне конкретные взносы. Стратегии транспарентности, несмотря на постоянно звучащие предложения с мест публиковать отчетность СФМ, что позволило бы, с точки зрения представителей региональных организаций, повысить доверие потенциальных жертвователей к фонду, сделать перечисление средств осмысленным, почти не применялись: открытая публикация отчетов о собранных в Фонд мира средствах была запрещена вплоть до к. 1980-х гг., а заявления о расходовании средств в поддержку мира на деле оказывались идеологически маркированными сообщениями [14].

Деятельность челябинских отделений СКЗМ и СФМ, обеспечивающая коммуникацию советской и зарубежной общественности, была далеко не основной, в возможности ее организации они были крайне ограничены. Одним из немногих способов прямой коммуникации советских людей и иностранной общественности были туристические поездки. С нач. 1970-х гг. бюджет местных миротворческих организаций обязательно включал расходы на поездки заграницу в качестве поощрения за активное участие в борьбе за мир. По принятым нормативам на эти цели выделялось не более 20 % от общих расходов отделения. В 1974 г. в Челябинской области возможность побывать заграницей по линии СКЗМ получили 10 человек, в 1985 г. – 5 [7, л. 2; 11, л. 1–3]. Архивные материалы обходят абсолютным молчанием вопросы о том, кто эти люди, кем и в соответствие с какой процедурой они выдвинуты на это поощрение, какие страны они посещали. Нет документальных «следов» какой-либо работы с ними, осуществляемой представителями местного отделения перед выездом за рубеж. Вероятно, это связано с тем, что иные акторы курировали организацию таких туристических поездок, сама форма которых создавала возможности для осуществления контроля и координации действий отдельных членов групп за границей, кроме того, подобные поощрения получали активисты миротворческого движения, профессиональные пропагандисты, владеющие идеологически правильными поведенческими и риторическими навыками коммуникации с зарубежными аудиториями.

Еще одной возможностью непосредственного контакта челябинцев с иностранцами был приезд, в основном из стран «третьего мира», учащихся и работников (зимбабвийцев, кубинцев, вьетнамцев и др.), однако численность их в области была невелика, и они не попадали в фокус миротворче-

ских организаций. Лишь в 1987–1989 гг., когда активизировались международные обмены, совместные пробеги, походы и т.д., советские участники стали привлекаться активнее. В фонде челябинского областного комитета защиты мира имеются их отчеты о поездках, газетные интервью с участниками международных культурных обменов [13, конверт 1, 17], которые позволяют увидеть нарастающий диссонанс между инерционным официальным дискурсом Холодной войны, транслируемым миротворческими организациями в материалах для лекторов и довольно быстро меняющимися внешнеполитическим курсом государства, общественной атмосферой и отношением к зарубежным странам, требующими иной риторики и форм международной активности [12, л. 11–29].

Т.о., изучение деятельности челябинских отделений СКЗМ и СФМ показало, что они находились под руководящим контролем местных партийных органов. Их «миротворческие» усилия были направлены на мобилизацию символического и материального потенциала населения. Реализуемые местными отделениями практики миротворчества носили формальный и виртуализованный характер, предполагали использование техник мотивации и навязывания политической активности. В к. 1980-х гг. на фоне падения авторитета организаций, резкого сокращения собираемых ими средств, углубления социально-экономического кризиса в стране, челябинские отделения предприняли попытку переориентироваться на оказание помощи собственному населению и развитие международного гуманитарного сотрудничества.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9605. Оп. 1. Д. 51.
2. ГАРФ. Ф. 9605. Оп. 1. Д. 52.
3. ГАРФ. Ф. 9605. Оп. 1. Д. 95.
4. ГАРФ. Ф. 9605. Оп. 1. Д. 214а.
5. ГАРФ. Ф. 9605. Оп. 1. Д. 236.
6. ГАРФ. Ф. 9605. Оп. 1. Д. 229б.
7. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-398. Оп. 1. Д. 3.
8. ОГАЧО. Ф. П-398. Оп. 1. Д. 26.
9. ОГАЧО. Ф. П-398. Оп. 1. Д. 35а.
10. ОГАЧО. Ф. П-398. Оп. 1. Д. 44а.
11. ОГАЧО. Ф. П-398. Оп. 1. Д. 50.
12. ОГАЧО. Ф. П-398. Оп. 1. Д. 83.
13. ОГАЧО. Ф. П-398. Оп. 1. Д. 90.
14. Орлова, Г. «Трактор в поле дыр-дыр-дыр, / Все мы боремся за мир»: советское миролюбие в брежневскую эпоху / Г. Орлова // Неприкосновенный запас. – 2007. – № 4(54). – URL: http://magazines.russ.ru/nz/2007/54/or6.html.

К содержанию

УДК 94(470)"16"
ББК Т3(2)45-7

«ГОСУДАРЕВУ ДЕЛУ НЕ РАДЕЛИ, ПИЛИ И ГУЛЯЛИ…» (ЗАМЕТКИ О РУССКОЙ ТРУДОВОЙ КУЛЬТУРЕ XVII в.)

М.В. Сапронов

Рассматривается актуальная в современных условиях проблема антиномичности русской трудовой культуры, наличия в ней полярно противоположных элементов. В качестве объяснительной модели используется концепт «средней культуры», при помощи которого интерпретируются конкретные примеры трудовой деятельности населения России XVII в.

Ключевые слова: Русское государство в XVII в., трудовая культура, «средняя культура».

Нельзя выделить однозначно отрицательных или однозначно положительных черт российской культуры труда, все они имеют «теневую» сторону.

В.В. Карачаровский [8, с. 186]

20 июля 1645 г. из Аптекарского приказа в Приказ Большого дворца была направлена «память» о «присылке людей для сбора трав и кореньев», поскольку старые травники «Федка Устинов с товарыщи государеву делу не радели, пили и гуляли, трав и коренья привозили помалу» [7, Т. 3, с. 1]. Современный читатель воспримет это сообщение как банальную межведомственную переписку по кадровым вопросам. Но если разложить описанную ситуацию по полочкам, получится следующая картина. Неделю назад скончался долго болевший царь Михаил Фёдорович, и единственное на тот момент лечебное учреждение должно было находиться в состоянии «повышенной боеготовности», а к его сотрудникам предъявляться особые требования в плане соблюдения трудовой дисциплины. Аптекарский приказ сам по себе представлял в середине XVII в. закрытую структуру, врачевавшую исключительно монарха и его ближайшее окружение. Судьями (руководителями) его назначались не просто преданные государю, а чрезвычайно строгие и опытные члены Боярской думы [6, с. 78–79]. Именно на руках тогдашнего главы приказа Ф.И. Шереметева и умер первый представитель Романовых на русском троне [10, с. 229].

Как же могли Федька Устинов со товарищи потерять страх и, пребывая в таких жёстких условиях, «государеву делу не радеть, пить и гулять»? В поисках разгадки данного ребуса необходимо обратиться к такой важной составляющей менталитета любого народа, как трудовая культура.

Понимаемая как исторически сложившаяся, относительно устойчивая, воплощающая опыт предшествующих поколений людей система представлений о ценности труда, убеждения и установки, а также модели и нормы трудового поведения, – трудовая культура выступает как необходимый фактор развития человечества в целом. Национальная трудовая культура, в свою очередь, во многом определяет цивилизационные особенности её носителей, формируя в конечном счёте адаптационный потенциал конкретного общества и его подсистем, т.е. их способность приспосабливаться к вызовам окружающей среды. О.И. Шкаратан так формулирует актуальность изучения именно национальных трудовых этик: «В современной глобальной экономике новейшее международное разделение труда тесно взаимодействует с национальным разнообразием организационных форм и трудового поведения, имеющих различное институционально-культурное происхождение. *Развитие национальной экономико-отраслевой структуры, инкорпорированной в глобальную экономику, предполагает учет и использование этнокультурных особенностей человеческих ресурсов, особенно их инновационного потенциала. При этом все прежние (из индустриальной эпохи) критерии отбора перспективных типов работников и менеджеров во многом лишаются практического значения*» [20, с. 32–33; курсив мой. – М.С.]. Н. Кричевский в целях повышения эффективности современной российской экономики инициировал создание нового научного направления – ментальной экономики, призванной изучать в том числе и национальные особенности трудовой культуры [11].

Объектом данных заметок выступает трудовая деятельность жителей Русского государства XVII в., а предметом – особенности её осуществления в конкретных ситуациях. Автор не претендует на широкий охват всего спектра проблем, связанных с исследованием трудовой культуры, – мотивационных, ценностных, целеполагающих ориентиров работника. Наша цель куда скромнее: попытаться выявить характерные паттерны-образцы поведения людей при исполнении ими тех или иных обязанностей.

Самое интересное заключается в том, что эти паттерны уже давно идентифицированы предшествующей исследовательской мыслью. Но – парадокс: они настолько радикально оппозиционны, что могут ввергнуть неискушенного читателя в состояние когнитивного диссонанса. На одном полюсе располагаются сугубо негативные характеристики: природная лень русского народа, пьянство, безответственность, отсутствие инициативы и т.п. Основным источником подобным суждений выступают, как правило, иностранцы, имевшие непосредственный контакт с русскими, начиная со времён первых посольств и купеческих караванов в Московию. Примечательно, что с той поры ничего кардинально не изменилось. Уже в нашем веке известный американский менеджер, а затем журналист Майкл Бом

написал пару книжек, специально посвящённых негативным проявлениям современной трудовой культуры россиян [1, 5, 17].

На другом полюсе суждений об отечественной трудовой культуре последняя предстаёт исключительно в положительном свете. Трудолюбие, ответственность, негативное отношение к лентяям и пьяницам, – вот далеко не полный перечень истинных качеств русского работяги. Если не брать во внимание труды религиозных философов (к ним мы ещё вернёмся), то основными аргументами в пользу означенных характеристик выступают фольклор (едва ли ни единственная специальная работа о русском труде О. Платонова напоминает сборник пословиц и поговорок [15]) и ссылки на великие свершения и победы русского народа. В последнее время к этим аргументам добавилась широко растиражированная и весьма спорная концепция В. Мединского об «обиженных мстительных иностранцах» [12, 13].

Причём доводы как первой, так и второй сторон представляются вполне репрезентативными: ни от «незамыленного» взгляда иностранца, ни от сотен поговорок, прославляющих труд, ни от великих достижений российской цивилизации никуда не уйдёшь. Но как совместить «в одном флаконе» эти антиномии русской культуры труда? Они также уже давно зафиксированы исследователями. Вспомним хотя бы известное замечание В.О. Ключевского о том, что «ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но нигде в Европе, кажется, не найдём такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному постоянному труду, как в той же Великороссии» [9, Т. 1, с. 315].

Одним из вариантов объяснительной модели указанной антиномичности может выступить тезис о неразвитости у русских «средней области культуры», сформулированный Н.А. Бердяевым в начале XX в. и далее широко подхваченный отечественной гуманитаристикой. Пытаясь раскрыть тайну «русского духа» с его устремлённостью «к абсолютному во всём», Бердяев отмечает, что «для русских характерно какое-то бессилие, какая-то бездарность во всём относительном и среднем» [4, с. 25]. Не вдаваясь в подробности многочисленных «постбердяевских» интерпретаций концепта средней культуры, воспользуемся очень наглядным пояснением современных авторов: «Средняя область культуры – это та часть жизненного пространства, которая начинается за порогом собственного дома и заканчивается там, где начинает проявляться «государево» дело, задачи национального значения, сфера осуществления мессианских идей. Это всё то, что уже не имеет личного значения, но еще не приобрело значения национального. Это область «малых дел», элементарных бытовых запросов, отвечая на которые, Запад и достиг своей современной благоустроенности» [8, с. 168].

Иными словами, русский человек трудолюбив и не очень одновременно: всё дело в масштабе поля его деятельности, в специфике условий приложения собственных сил. В пределах своего личного пространства (дом, двор, хозяйство) он прилежно работает не покладая рук. Он свернёт горы, если Родина окажется в опасности и потребует от него самопожертвования. Здесь не возникают вопросы «Почему?» и «Зачем?» Между этими двумя мирами долженствования расположена своего рода нейтральная зона: она не чужая, не враждебная и даже в какой-то степени комфортная. Здесь присутствует свобода выбора стратегий поведения: «Могу копать – могу не копать». Именно в это зоне мы и попытаемся найти разгадку трудового нерадения Федьки Устинова со товарищи. Выполнение «государева дела», равно как и любая работа по найму применительно к XVII в. может быть отнесена к области «средней культуры»: работник вышел за пределы личного пространства, но ещё не дошёл до осознания общенациональной значимости своей деятельности. «Московский государственный человек XVII в.! – восклицал В.О. Ключевский, – Самое это выражение может показаться злоупотреблением современной политической терминологией… Ход государственных дел тогда направлялся заведенным порядком да государевой волей. Личный ум прятался за порядком, лицо служило только орудием государевой воли; но и порядок и самая эта воля подчинялись еще сильнейшему влиянию обычая, предания» [9, Т. 3, с. 314]. И тем не менее в недрах XVII столетия начинают появляться «государственные мужи», радеющие за интересы Отечества как за свои личные. Один из них – А.Л. Ордин-Нащокин – уже уйдя оклеветанным на покой, с прискорбием констатирует в письме царю Алексею Михайловичу: «На Москве, Государь, не радят о государственных делах – ей дурно!... Думные дьяки занимаются хитростью и кружечными делами» [16, с. 121]. А государь и без того в печали. Пишет своему любимому стольнику Афанасию Матюшкину: «Били челом нам... наших Тайных дел подьячие: по нашему указу дан им был для нашей службы даточный крестьянин Сидорко Семёнов, и в Полоцку де он напився пьян, и с телеги их растерял всю их рухлядь, и з службы збежал...» [18, с. 57]. Царь – понятное дело – указал найти Сидорку и доставить его в Москву, но нам интереснее другое: крестьянин, оказавшись в несвойственной ему области «средней культуры», пустился во все тяжкие, невзирая на статус работодателя.

Сталкивались с нерадением работников и высшие сановники. Боярин Б.И. Морозов – фактический глава «правительства» при Алексее Михайловиче – в 1652 г. отправил в одно из своих сёл 120 «деловых людей» (крестьян-отходников) для расчистки леса под пашню. Первые пару дней наёмники трудились прилежно, но потом запал куда-то улетучился. Приказчик Морозова шлёт хозяину жалобу за жалобой: «А севодни, в воскресенье, пошли на работу часу в другом дни. И приставы ими нарежают, и оне

не слушают. И я им многажды говорил, что оне приставов не слушают и, не спроси приставов, с работы ходят и будить себе до солнышнова всходу не велят. И они приставов и меня бранят и не слушают и нарежать собою не велят… А поделаны на Рышкове для деловых шалаши большие; и оне в шалашах ночевать не хотят, а говорят: мы де люди безодежные, а наймывали де нас, что де нам стоять в деревне. А в деревню ходить будет далеко… А таковых озорников в Павловском нихто не запомнит: приставов бранят матерны и обухами бить хотят и не слушают и, не отпросись у приставов, с работы ходят рано, а до сонца будить себя не велят… таких огурщиков в Павловском не бывало, и работать ленивы гораздо… А у них которые добрые не большие люди, которые не зерщики, их бранят, что оне поздно встают и рано с работы ходят» [3, с. 10, 12].

Обращает на себя внимание фраза *«таких огурщиков (лентяев) в Павловском не бывало»*. Пред нами столкновение двух сторон русской трудовой культуры, тех самых антиномий, о которых шла речь выше. Местные крестьяне, для которых прилежная работа была нормой, с удивлением смотрели на нерадение пришлых работников – тоже крестьян. Просто первые находились в области личного пространства, в то время как для вторых наёмный труд на «чужого дядю» (пусть и высокопоставленного) был ничем иным, как выходом в пространство «средней культуры», где можно поспать подольше и работать поменьше. Завершилась эта эпопея банально: «А деловым работать сево числа в суботу до завтрыка; и они работать не почали, пошли все к Москве» [3, с. 14].

Ещё один документ из переписки Морозова – личное послание боярина своему крестьянину, который «в нагрузку» выполнял обязанности таможенного головы, т.е. собирал пошлины за провоз товара через морозовские земли. Хозяйство у царского фаворита было большим, своего рода государством в государстве, и отправление тех или иных служб могло рассматриваться как «государево дело» в масштабах определённой территории. И здесь мы опять встречаемся с «нерадением»: «В нынешном во 168-м году ведомо мне учинилась, что ты пьешь, бражничаешь безобразно дома, не выходя, и в таможне не сидишь, и моим таможенным збором не радеешь, и прибыли ни в чем не ищешь, и всегда де пьян бываешь. И как к тебе ся моя грамота придет, и тебе б, Иван, от пьянства унятца, пить и бражничать перестать, и в таможне сидеть, и таможенным збором радеть. А что в селе Лыскове и в селе Мурашкине в таможне какой недабор учинитца, и тот таможенный недабор весь велю на тебе, Иване, доправить, и впредь моей милости за пьянства к себе не увидишь. Однолично бы тебе от пьянства унятца и радеть неоплошно» [3, с. 132–133].

Каков тон послания! Как будто отец журит нашкодившего ребёнка за очередную шалость. Скорее всего, подобные ситуации в XVII в. были настолько обыденным и «родным» явлением, что с ними даже не пытались

бороться, а ограничивались заурядным чтением нотаций. В XVII в. в России идёт становление промышленного производства: появляются первые мануфактуры, множатся предприятия по изготовлению поташа и селитры. В условиях отсутствия рынка профессиональной наёмной рабочей силы роль таковой выполняли те же самые крестьяне. Царь Михаил Фёдорович требует от местного воеводы разобраться с одним из таких: «целовалник, Покровского Девича монастыря крестьянин, Бориско Васильев бражничает, на селитренной варнице не живет, и которые люди к селитренному делу продают золу, и он покупает ту золу, и многим людем денег не дает, и, ссыпав золу, держат тех людей у варницы для своей безделной корысти долгое время, и научает на них Суздалцов таможенных откупщиков, и таможенные откупщики тех людей, которые продают золу, имают и в железа сажают...» [2, с. 459]. Великолепный знаток быта русского крестьянства XIX в. Г. Успенский приводит слова одного из своих героев по поводу только что описанной ситуации: «Все они (выборные) – народ ненадежный... Покуда живет крестьянством – ничего, а как выбрали в должность – чистая делается собака. Как присягу принял, точно в зверя оборачивается...» [19, с. 25]. Тот же герой негативно отзывается о работе своего собрата в погоне за рублём «на стороне», вне пределов личного крестьянского мирка: «Коли ежели ты крестьянин, так ты должен справляться так, чтобы... все было при доме. Это и есть крестьянство, а ежели, вот как ваш брат, начнет пахать да в пол-деле бросит да за рублевкой там... погонится... Тут одно только расстройство для хозяйства, а от этих рублевок... – только один вред» [19, с. 10–11].

Работники первых мануфактур XVII в., заведённых иностранцами с разрешения верховной власти, также часто проявляют нерадение и при первом удобном случае «срываются с катушек». Да так, что царь вынужден лично вмешиваться в ситуацию: «Били челом нам иноземцы Крестьян Марселис да Андрей Бутенант: …на медных их заводах мастеровые и работные люди пропиваются, и от пропойства их многия драки и воровства и убивства чинятся и с медных их заводов многие работные люди, покрадчи многия снасти, бегают и …их заводам чинятся великое разорение и убытки» [7, Т. 9, с. 90]. Правда, в описанном случае присутствует провоцирующий фактор – намеренный привоз на завод «всякого питья» из близлежащих кабаков. Но суть это не меняет: оказавшись в несвойственной для себя трудовой обстановке работники легко поддаются опасным соблазнам.

О непривередливости элементарных бытовых запросов, которые составляют область «средней культуры» и формируют соответствующее отношение к труду, свидетельствует быт московских ремесленников. Б*о*льшая часть таковых в XVII в. всеми правдами и неправдами принудительно была перемещена из провинции в столицу для несения «государева тягла». Будучи вырванными из привычной среды, эти «ремесленники, которым

немного требуется для их плохой жизни, тем легче могут трудами рук своих добыть себе в такой большой общине (как Москва) денег на пищу и чарку водки и пропитать себя и своих родных» [14, с. 190].

Итак, мы рассмотрели несколько примеров трудового поведения жителей Русского государства в XVII в. Во всех случаях присутствует схожая ситуация выполнения работы «на стороне», вне пределов личного хозяйственного пространства. Характер исполняемых обязанностей достаточно ответственен («государево дело»), равно как и высок статус работодателей (государь, высшие сановники). Казалось, что в означенной ситуации работники должны вести себя особенно прилежно, не допуская явных нарушений производственной дисциплины. Но приведённые примеры демонстрируют картину подчас жуткого нерадения во всех его самых негативных формах: пьянство, безответственность, саботаж. Именно о таких чертах русской трудовой культуры часто сообщают иностранцы в своих записках. В качестве объяснительной модели подобного отношения к труду мы привлекли тезис о характерной для русского народа низкой ценности «средней области культуры» – пространства, расположенного между сугубо личным и государственно-значимым полями долженствования. Это «ничейная», «мёртвая» зона, в которой резко возрастает вариативность (снижается «изотропность») проявления самых разнообразных – в том числе и негативных – стратегий трудового поведения. Мы не ставили целью попытку объяснить указанный феномен: этим уже давно занимаются русская религиозная философия, этнопсихология, социология. Данные заметки призваны конкретными историческими фактами подтвердить вынесенную в эпиграф мысль о неоднозначности и глубокой антиномичности русской трудовой культуры, актуальность дальнейшего исследования которой не вызывает никаких сомнений.

Библиографический список

1. Bohm, M. The Russian Specific: an Analysis of the Post-Soviet Work Culture and the Russian National Character Through the Eyes of an American Manager / Michael Bohm. – St. Petersburg: A. Golod Publishing, 2007. – 207 p.

2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. – Т. 3. – СПб.: Типография II Отделения С.Е.И.В. Канцелярии, 1836. – 496 с.

3. Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова / под ред. А.И. Яковлева. – Ч. II. – М.-Л.: АН СССР, 1945. – 210 с.

4. Бердяев, Н.А. Душа России / Н.А. Бердяев // Судьба России. – Репр. с изд. 1918 г. – М.: Философское об-во СССР, 1990. – 246 с.

5. Бом, М. Русская специфика. Путеводитель для эффективного управления русским коллективом. = Understanding the Russian Character. Guide for American Expatriates Managing a Russian Company / М. Бом. – СПб.: Изд-во А. Голода, 2003. – 94 с.

6. Герман, Ф.Л. Как лечились Московские цари (медико-исторический очерк) / Ф.Л. Герман. – Киев-Харьков: Издание книгопродавца Ф.А. Иогансона, 1895. – 158 с.

7. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией: в 12-и тт. – Т. 3. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1848. – 540 с.; Т. 9. – СПб.: Б.и., 1875. – 354 с.

8. Карачаровский, В.В. Русская культура труда и иностранное влияние / В.В. Карачаровский, О.И. Шкаратан, Г.А. Ястребов. – М.: Страна Оз, 2015. – 222 с.

9. Ключевский, В.О. Курс русской истории / В.О. Ключевский // Сочинения: в 9-и т. – Под ред. В.Л. Янина. – Т. 1. – М.: Мысль, 1987. – 430 с.; Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – 414 с.

10. Корсакова, В. Шереметев Фёдор Иванович / В. Корсакова // Русский биографический словарь: в 25-и тт. – Т. 23. – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1911. – С. 215–230.

11. Кричевский, Н.А. Наследие противоречий. Истоки русского экономического характера / Н.А. Кричевский. – М.: Дашков и К°, 2016. – 304 с.

12. Мединский, В.Р. О русском пьянстве, лени и жестокости / В.Р. Мединский. – М.: Олма медиа групп, 2008. – 560 с.

13. Мединский, В.Р. О том, кто и когда сочинял мифы о России / В.Р. Мединский. – М.: Олма медиа групп, 2010. – 240 с.

14. Олеарий, А. Описание путешествия в Московию / А. Олеарий; пер. с нем. А.М. Ловягина. – Смоленск: Русич, 2003. – 480 с.

15. Платонов, О.А. Русский труд / О.А. Платонов. – М.: Современник, 1991. – 335 с.

16. Прыжов, И.Г. История кабаков в России / И.Г. Прыжов. – СПб.: Изд-во М.О. Вольфа, 1868 – 324 с.

17. Плохая русская трудовая этика – миф или реальность? [Электронный ресурс]. – URL: http://www.finnews.ru/cur_an.php?idnws=17419/.

18. Собрание писем Царя Алексея Михайловича с приложением Уложения сокольничья пути, с пояснительною к нему заметкою С.Т. Аксакова, с портретом царя и снимками его почерка / Сост. П.Бартенев. – М.: Тип. В. Готье, 1856. – 260 с.

19. Успенский, Г.И. Крестьянин и крестьянский труд / Г.И. Успенский // Собрание сочинений: в 9-и т. – Т. 5. – М.: ГИХЛ, 1956. – С. 7–96.

20. Шкаратан, О.И. Русская культура труда и управления / О.И. Шкаратан // Общественные науки и современность. – 2003. – № 1. – С. 30–54.

К содержанию

УДК 94(477.75) «19»
ББК Т3(2)6-7

ОБРАЗ РЕВОЛЮЦИОННОГО СЕВАСТОПОЛЯ В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ СОВЕТСКОГО СОЦИУМА: ИНСТРУМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И НАИБОЛЕЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ*

И.В. Сибиряков

В центре внимания автора статьи анализ основных элементов механизма формирования образа революционного Севастополя в культурной памяти советского социума и те процессы трансформации этого образа, которые шли наиболее активно во второй половине XX в.

Ключевые слова: восстание, образ, память, революция, Севастополь.

Память о революции стала важнейшим элементом новой советской модели исторического прошлого страны. Формирование «правильных» с точки зрения лидеров партии большевиков, представлений о революционных событиях в России начала XX в., должно было сыграть ключевую роль не только в интеллектуально-нравственной легитимизации нового политического режима, но и в воспитании новых поколений советских людей. Абсолютное большинство представителей этих поколений, не только не участвовало в революционных событиях, но даже не имело опыта прямого интенсивного общения с настоящими «героями» революции. Именно поэтому системообразующую роль в сохранении образов революционного прошлого должна была сыграть «культурная» (Я. Ассман), а не коммуникативная память советского социума. По мере исчезновения поколения реальных революционеров процессы мифологизации российского революционного прошлого заметно ускорились. В культурной памяти советского социума усилиями интеллигенции стал стремительно формироваться круг людей, организаций, городов, имевших особые революционные заслуги, и таким образом, получивших особый статус в политической, социальной, культурной жизни страны. Конечно, совершенно особое место в этом круге среди советских городов занимал Ленинград («колыбель» российских революций, «город трех революций»). Не подлежали сомнению революционные заслуги Москвы, связанные в первую очередь с декабрьским вооруженным восстанием 1905г. А вот особый «революционный» статус остальных российских городов был менее очевиден. Для его утверждения в куль-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 15-01-00219.

турной памяти социума требовались существенные усилия, как со стороны творческой элиты, так и государственных структур. Одним из городов, чьи революционные заслуги в этот период были признаны не только идеологами партии большевиков, но и деятелями культуры, науки, искусства стал Севастополь. Главным событием, которое позволило «ввести» Севастополь в круг особых «революционных» городов России оказалось восстание на крейсере «Очаков» в ноябре 1905 г. под руководством П.П. Шмидта.

Примечательно, что фигура П.П. Шмидта вызвала огромный интерес со стороны самых разных политических сил еще в ходе самой революции. А полемика о его политических взглядах, нравственных качествах, революционных заслугах продолжается до сих пор. Знаковый характер образа П.П. Шмидта для истории первой российской революции признавали и его сторонники, и его противники. Статус единственного офицера черноморского флота, оказавшегося на стороне восставших матросов, провоцировал особое внимание к личности П.П. Шмидта со стороны журналистов, политиков, историков. Попытки официальных властей до 1917 г. дискредитировать П.П. Шмидта, создать образ психологически неуравновешенного и морально нечистоплотного человека, после свержения самодержавия вызвали мощную обратную реверсную волну идеализации этого образа. Образ мученика, который отдал свою жизнь во имя идеалов революции и при этом формально не принадлежал ни к одной из политических партий, дал его создателям возможность связать в единую конструкцию несколько очень важных в 1917 году тем (темы революции, флота, взаимодействия различных политических сил и организаций и т.д.).

Первую попытку использовать образ П.П. Шмидта в своих политических интересах предприняли те революционные силы, которые не поддерживали большевистский вариант революционных преобразований. Первый художественный фильм, посвященный П.П. Шмидту, «Жизнь и смерть лейтенанта Шмидта» вышел на экраны страны уже летом 1917 г. Сценарий фильма написали Я. Посельский и А. Разумный. Они же выступили в качестве режиссеров. Оператором фильма был А. Уинклер. Фильм был поставлен при содействии Севастопольского совета рабочих и солдатских депутатов. Фильм состоял из 4-х частей: жизнь лейтенанта Шмидта, восстание Черноморского флота, аресты и суд, казнь лейтенанта Шмидта [1]. В этом фильме в роли адвоката Зарудного впервые снялся Л.О. Утесов

В мае 1917 г. был запущен один из первых мемориальных проектов новой российской власти на юге страны. 9 мая 1917 г. в Севастополе были торжественно перезахоронены тела казненных участников ноябрьского восстания 1905 г. Поклониться жертвам «старого режима» вышло практически все население города. «Вдоль улиц строем стояли войска со знамёнами своих частей, красными и траурными флагами. Среди масс народа на Графской пристани останки расстрелянных моряков встречало всё духо-

венство города во главе с епископом Севастопольским Сильвестром (Братановским), викарием Таврической епархии. При входе крейсера (имевшего торжественно-траурную миссию) в Северную бухту с кораблей флота были произведены орудийные салюты. После того как «при чрезвычайно торжественной обстановке» гробы были перевезены с крейсера на берег, процессия двинулась с ними к собору. Её возглавил командующий Черноморским флотом адмирал А.В. Колчак с офицерами штаба. Манифестанты несли 200 венков, в том числе серебряных…».

Роль севастопольского духовенства в рассматриваемых событиях не ограничилась участием во встрече останков моряков-очаковцев. В связи с тем, что придание праха казнённых земле было отложено до прибытия их родственников, гробы с останками расстрелянных революционеров были помещены в городской Покровский собор для всеобщего поклонения. Там они находились больше недели. Военный и морской министр Керенский, совершая поездку на Юго-Западный фронт и посетив Севастополь 17 мая, торжественно возложил в соборе на гроб лейтенанта Шмидта венок и Георгиевский крест. Награждение (посмертное) офицерским орденом было произведено «за заслуги перед революцией».

Таким образом, церемониал перезахоронения останков моряков-очаковцев носил, – как справедливо заметил М.А. Бабкин, – ярко выраженный религиозный характер и напоминал перенесение святых мощей. В последний путь прах лейтенанта Шмидта провожали три архиерея и десятки священно- и церковнослужителей Очакова, Одессы и Севастополя [2].

В том же 1917 г. в Симферополе была опубликована брошюра Л.Я. Резникова «Лейтенант Шмидт», появление которой также свидетельствовало о стремлении самых разных политических сил, вступивших в борьбу за власть в России после свержения монархии, использовать героический образ П.П. Шмидта в своих интересах.

После окончания гражданской войны уже большевики проявили особый интерес к использованию образа П.П. Шмидта в своей идеологической работе. Новый мемориальный проект большевиков так же, как и предшествующие проекты 1917 г. начался с процедуры перезахоронения останков П.П. Шмидта. Еще Я. Ассман считал, что протоформой всякой культуры воспоминания является память живых о мертвых, поминовение последних [3].

14.11.1923 г. П.П. Шмидт с товарищами был перезахоронен в Севастополе на городском кладбище Коммунаров. Символический характер данной акции хорошо осознавался и современниками, и потомками. Новое место захоронения должно было четко символизировать желание новой власти «приватизировать» образ П.П. Шмидта и восполнить дефицит собственных героев революции, который все более ясно ощущался в стране в 20-е гг. XX в.

Новая могила П.П. Шмидта должна была стать «местом памяти» (П. Нора) нового советского социума, создав важную опорную точку для формирования новой историко-революционной культурной традиции.

Не случайно на могиле П.П. Шмидта и его товарищей в 1935 г. – к 30-летию ноябрьского вооруженного восстания – был открыт памятник, спроектированный и сооруженный на общественных началах. Автором проекта стал В.К. Ретлинг. Лаконичность художественного решения памятника сделала его понятным и с точки зрения смысловой нагрузки более доступным для различных групп населения страны, которые участвовали в процессе формирования советского образа революционного Севастополя.

Во время обороны Севастополя памятник был частично разрушен гитлеровцами. После освобождения города его удалось восстановить, но не совсем точно, так как в архивах города не нашлось его детализированного описания. К 50-летию Великого Октября памятник в очередной раз реставрировали и значительно приблизили к оригиналу. На памятнике были размещены барельефы – П.П. Шмидт и восставшие корабли в Севастопольской бухте и надпись: «Лейтенанту П. Шмидту, машинисту А. Гладкову, комендору Н. Антоненко, кондуктору С. Частнику. 1905 г.» [4].

В 1955 г. в Севастополе был установлен специальный памятник участникам Севастопольского вооруженного восстания в ноябре 1905 г. скульптора Н.А. Бедниченко и архитектора В.П. Петропавловского. Он был призван продемонстрировать стремление государства сохранить память о богатых революционных традициях города Севастополь, как для нового поколения горожан, так и для гостей города, поток которых в конце 50-х годов заметно вырос. Однако этот памятник, хотя и вошел в качестве обязательного элемента во многие туристические маршруты, особой признательности туристов и «гостей» города не завоевал.

В отличие от знаменитой Графской пристани, где после Великой Отечественной войны была установлена мемориальная доска со следующей надписью: «С этой пристани 27 ноября 1905 года лейтенант П.П. Шмидт отбыл на крейсер «Очаков», чтобы принять командование восставшими кораблями флота». Графская пристань с момента ее создания стала для Севастополя совершенно особым знаковым местом. Именно с ним были связаны наиболее важные события в жизни города. Пристань уже много лет является одним из наиболее узнаваемых символов Севастополя, как для жителей города, так и для многочисленных туристов. И появление на пристани мемориальной доски, посвященной событиям 1905 г. сыграло важную роль в формировании образа революционного Севастополя в культурной памяти советских людей. Благодаря таким символам для многих советских людей образ революционного Севастополя был неразрывно связан с образом П.П. Шмидта.

В разное время именем П.П. Шмидта были названы улицы в Бердянске, Мурманске, Нижнем Тагиле, Очакове, Севастополе и других городах СССР [5]. Коммеморативные практики такого рода доказали свою эффективность в советском социуме.

Важным элементом в механизме формирования революционного образа Севастополя стала публикация широкого круга документов так или иначе связанных с восстанием на крейсере «Очаков» и с судьбой П.П. Шмидта. Еще в 1922 г. в Москве был издан сборник документов «Лейтенант Шмидт: письма, воспоминания, документы» под редакцией В. Максакова. В 1923 г. свет увидели воспоминания сестры П.П. Шмидта (в 1925 г. они были переизданы). И в том, и в другом издании составители провели изъятие монархических высказываний П.П. Шмидта [6].

В 1925 г. появились сразу три работы, которые были построены на основе разнообразных источников, и включали в себя элементы полноценного научного исследования (И. Вороницын «Лейтенант Шмидт»; И.Л. Генкин «Лейтенант Шмидт и восстание на «Очакове»»; А.П. Платонов «Восстание на Черноморском флоте в 1905 г.»).

В том же году свет увидел сборник воспоминаний «Революционное движение в 1905 г.», где были опубликованы воспоминания и о восстании в Севастополе. Несколько сюжетов, связанных с этим восстанием, было отражено в публикациях журнала «Каторга и ссылка» в 1925–1926 гг. В 1926 г. в СССР были опубликованы воспоминания В.И. Карнаухова-Краухова «Красный лейтенант», а в Праге в этом же году вышли в свет воспоминания сына П.П. Шмидта Шмидта-Очаковского ««Красный адмирал». Воспоминания сына».

Сюжеты, посвященные «ноябрьскому восстанию» 1905 г. в Севастополе появились и на страницах советских школьных и вузовских учебников истории. Они позволяли показать логику развития революционного процесса в России начала XX в., расширить пантеон новых революционных героев, укрепить особый статус Севастополя в новом советском социалистическом пространстве.

В 1926–1927 гг. Б.Л. Пастернак опубликовал поэму «Лейтенант Шмидт» в журнале «Новый мир» [7]. Лейтенант П.П. Шмидт стал одним из героев повести К.Г. Паустовского «Черное море» [8]. Литературное осмысление образа П.П. Шмидта привело к возникновению дистанции между ноябрьским восстанием на крейсере «Очаков» и фигурой самого П.П. Шмидта. Теперь образ революционного города Севастополя все более жестко персонифицировался в образе П.П. Шмидта.

Вместе с тем процесс идеализации образа П.П. Шмидта был неожиданно для многих прерван в 1931 г., когда завершили работу над книгой «Золотой теленок» известные советские писатели И. Ильф и Е. Петров. В книге был использован образ «детей лейтенанта Шмидта», который сущест-

венно снижал позитивную эмоциональную составляющую в восприятии героического революционного образа самого П.П. Шмидта.

Но в конце 30-х годов процесс героизации фигуры П.П.Шмидта возобновился, что привело к созданию в 1938 г. первой в СССР оперы «Лейтенант Шмидт». Ее автором стал композитор Н.И. Платонов. Вторая опера с аналогичным названием созданная композитором Б.Л. Яровинским, будет представлена советскому зрителю в 1970 г. в Харькове [9].

После Великой Отечественной войны была предпринята попытка формирования более строго научного подхода к фигуре П.П. Шмидта в рамках развития новых концепций в отечественной исторической науке. Не случайно в 1956 г. в Москве был опубликован сборник документов «Революционное движение в Черноморском флоте в 1905–1907 гг.», а в следующем году там же был издан сборник «Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 г. Документы и материалы». Документы, часть из которых была введена в научный оборот впервые, дали возможность в первую очередь профессиональным исследователям, увидеть новые грани в личности П.П. Шмидта и в его политической деятельности.

Но в процесс формирования нового образа П.П. Шмидта в исторической памяти советского социума вновь неожиданно «вмешались» представители советской творческой интеллигенции. В художественном фильме «Доживём до понедельника», который вышел на экраны в 1968 г. судьба П.П. Шмидта стала предметом обсуждения на уроке истории, который вел один из главных героев картины – учитель И.С. Мельников. В том же 1968 г. на экраны страны вышел фильм «Золотой теленок», где так же использовался образ «детей лейтенанта Шмидта». В том же году на Центральной студии документальных фильмов в Москве завершились съемки документального фильма «Лейтенант Шмидт: документы, письма, воспоминания» режиссера Л.М. Кристи. А в 1969 г. на экраны вышел фильм «Почтовый роман», снятый на киностудии им. А. Довженко, режиссером Е.С. Матвеевым. Несмотря на стремление создателей этих фильмов (за исключением фильма «Золотой теленок») сформировать более сложный, чем прежде образ П.П. Шмидта, его прежняя жертвенная сущность осталась неизменной. Более того, она была закреплена в сознании многих групп населения талантом режиссеров и актеров, сыгравших в этих фильмах.

В 1972 г. завершил свою работу над полотном «Лейтенант Шмидт» художник В.Ф. Жемерикин [10]. Эта картину завершила создание советского визуального образа героя революции П.П. Шмидта.

Среди последних советских литературных произведений, посвященных П.П. Шмидту, можно назвать роман В. Долгия «Предназначение», который был издан в Калининграде в 1976 г. и роман М.Л. Попова «Красный адмирал», опубликованный в Киеве в 1988 г. [11].

Таким образом, именно с помощью образа героя революции П.П. Шмидта Севастополь был введен в круг советских городов с особыми революционными заслугами. Однако при попытке расширить перечень особых революционных достижений города советские ученые столкнулись с целым рядом серьезных проблем. Масштаб революционных событий в Севастополе в 1917 г. был не сопоставим с масштабом революционных сражений не только в Петрограде, но и во многих городах Поволжья, Урала и Сибири. Активность большевиков в Севастополе не привела к формированию даже небольшой группы героев революции с безупречной политической репутацией. А образ революционного города в исторической памяти советского социума после Великой Отечественной войны стал постепенно вытесняться образом города-героя, города-крепости, города-защитника южных границ страны.

Тем не менее, с помощью таких разнообразных инструментов, как кинематограф, литература, живопись, музыка, мемориальные практики представителям творческой советской интеллигенции удалось сформировать и сохранить образ революционного Севастополя неразрывно связанный с восстанием на крейсере «Очаков» и лейтенантом П.П. Шмидтом в культурной памяти советского социума.

Библиографический список

1. Режиссер «Разумный, Александр Ефимович». – URL: http://zharafilm.ru/directors/index.php?id=1243.

2. «…на глазах выступают чистые слезы радости, что мы дожили до дней свободы». – URL: https://cont.ws/@mzarezin1307/554081/.

3. Арнаутова, Ю.А. Культура воспоминания и история памяти / Ю.А. Арнаутова. – URL: http://ec-dejavu.net/c-2/Cultural_Memory.html/.

4. Маршрутом Славы. – URL: http://www.uhlib.ru/istorija/sevastopol/p4.php.

5. Шмидт, Петр Петрович // Крымология. – URL: http://krymology.info/index.php/%D0%A8%D0%BC%D0%B8%D0%B4%D1%82,_%D0%9F%D1%91%D1%82%D1%80_%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87.

6. Вороницын, И.П. Лейтенант Шмидт / И.П. Вороницын. – URL: http://davaiknam.ru/text/voronicin-i-p-lejtenant-shmidt-m-l-1925-page-8.

7. Пастернак, Б. Лейтенант Шмидт / Б. Пастернак. – URL: http://www.novymirjournal.ru/index.php/projects/history/190-pasternak-shmidt-1.

8. Паустовский, К.Г. Черное море / К.Г. Паустовский. – URL: http://fanread.ru/book/7617149/?page=8.

9. Шмидт, Петр Петрович // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A8%D0%BC%D0%B8%D0%B4%D1%82,_%D0%9F%D1%91%D1%82%D1%80_%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87.

10. Жемирикин, Вячеслав Федорович // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%96%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D0%BD,_%D0%92%D1%8F%D1%87%D0%B5%D1%81

%D0%BB%D0%B0%D0%B2_%D0%A4%D1%91%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87.

11. Попов, М.Я. Красный адмирал / М.Я. Попов. – URL: http://www.booksprice.ru/books/1548454.html.

К содержанию

УДК. 75.046.3+ 27-526.62

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИКОНОГРАФИИ НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ НА ПРИМЕРЕ ИКОНЫ «СОБОР ЧЕЛЯБИНСКИХ СВЯТЫХ»

Ю.Л. Косякина

Создание новой иконографии является сложным вопросом на протяжении всего генезиса иконописания, а в наше время особенно, когда Церковь прославляет всех святых в земле Российской просиявших. Канонизация новомучеников и исповедников XX в., осуществленная по решению Юбилейного Архиерейского Собора в 2000 г., является одним из важнейших событий в истории Русской Православной Церкви, потребовала от иконописцев особого труда и усилий. В современном иконописании Челябинска кроме стилистических особенностей, разнообразия техник исполнения, наметились тенденции и в разработке иконографии, главным образом новопрославленных святых. Сегодня мы являемся свидетелями создания образов святых новейшего времени, феномен мученичества которых еще до конца не осознан. В статье раскрываются принципы формирования новой иконографии собора новомучеников и исповедников российских, служение которых связано с Челябинской областью. Дается интерпретация иконографии, раскрывается художественный и символический смысл иконы.

Ключевые слова: икона, иконография, канонизация, новопрославленные святые, новомученики и исповедники Российские, иконописцы Челябинска.

Прошлое столетие ознаменовано жестокими гонениями на христиан не только в России, но и в других странах мира – Мексике, Греции, Албании, Китае, но нигде они не имели столь длительного и масштабного характера, как в России. «Великий сонм святых мучеников и исповедников Российских XX века как плод голгофских страданий принесла ко Христу Русская Православная Церковь» – словами патриарха Московского и Всея Руси

Алексия II открылся юбилейный Освященный Собор РПЦ в 2000 году, прославивший более тысячи в лике святых. Духовный подвиг новомучеников и исповедников XX века в России дал твердую основу церковной жизни наступившего столетия. Сегодня мы отчетливо видим, что тех, кого гнали и убивали за веру во Христа, вытесняли, хотели вычеркнуть из общества и из самой жизни, возвращаются к нам в ином качестве – в качестве небесных граждан [4, с. 12].

Прославление святых есть неотъемлемая и необходимая составляющая духовной жизни Церкви. Признание Церковью того или иного из ее усопших членов состоящим в сонме угодников Божиих называется канонизацией. Слово «канонизация» (лат. canonizatio – брать за правило), заимствованное из западного богословского языка, употребляется в Русской Церкви наряду с выражением «причтение» к лику святых («вмещение», «вчинение» в лик святых) [1, с. 346]. Канонизация всегда мыслилась церковным сознанием как факт проявления в Церкви святости Божией, действующей через облагодатствованного подвижника благочестия. Посему во все времена основным условием прославления было проявление подлинной освященности, святости праведника [2, с. 23].

В христианском мире почитание святых пришло на смену языческому идолопоклонству и культу героев. История зарождения началась в эпоху первых мучеников и продолжала развиваться по мере укрепления самой христианской Церкви. Людей, которые жили в духе святости и несли выдающееся служение в лице епископов, миссионеров, мучеников, монахов или монахинь с благодарностью чтили их память после смерти. Они становились святыми покровителями той местности, где трудились или приняли мученическую смерть, и откуда почитание распространялось на всю Церковь, их останки хранили как священные.

В русской Церкви святые различаются по характеру их церковного служения (мученики, святители, преподобные и др.) и по распространенности их почитания – местнохрамовые, местноепархиальные и общенациональные [3, с. 43], или общецерковные. Право канонизации местнохрамовых и местноепархиальных святых принадлежит правящему архиерею с ведома Патриарха всея Руси и может ограничиваться устным благословением на почитание местного подвижника, тогда когда право на канонизацию общецерковных святых принадлежит Патриарху всея Руси при участии Собора русских иерархов.

В истории канонизации святых РПЦ выделено несколько периодов: от Крещения Руси до макариевских Соборов; макариевские Соборы (1547 и 1549 гг.); от макариевских Соборов до учреждения Святейшего Синода; синодальный [9, с. 43], от синодального до настоящего времени – новейший период.

Сонм новомучеников Российских в XX веке самый яркий пример, самый существенный, если говорить о феномене мученичества. Сегодня это не вполне осознается современниками, но в XX веке в России просияло в несколько раз больше святых, чем за предыдущие 900 лет существования Русской Церкви, и больше, чем в любой другой Поместной Церкви, ведь помимо святых, канонизированных поименно, прославлены и безымянные святые [5]. За всю историю канонизаций впервые Русская поместная Церковь состоит на 2/3 из новомучеников – это серьезный факт, это сложный духовный процесс, который не вмещается в рамки рационального мышления.

Впервые написание иконы «Собор всех святых, в земле российской просиявших», замысел святителя Афанасия (Сахарова), был воплощен выдающимся иконописцем, реставратором, педагогом Марией Николаевной Соколовой (в монашестве – Иулианией) в 1930-е годы. Истоки этого образа восходят к иконографическим типам XVI столетия. Эта икона дала начало общецерковному почитанию новомучеников и исповедников Российских и совершенно уникальный опыт постижения святости. Она легла в основу иконы «Собора Владимирских святых» и Соборов святых других земель России, получив глубокое развитие в образе «Собора новомучеников и исповедников Российских явленных и не явленных», созданном богословами, церковными историками, иконоведами и ведущими иконописцами Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета [8, с. 19]. Богослов, литургист, составитель службы «Всем святым, в земле Российской просиявшим» Афанасий (Сахаров) оставил поистине духоносные слова из этой службы, не случайно полюбившиеся православному русскому народу: «Русь Святая, храни Веру Православную, в ней же тебе утверждение!».

Церковное искусство рубежа XX–XXI веков носит в большей степени стилизаторский характер, который основывается на выборе и подражании определенной стилистике [10, с. 189]. И создание новой иконографии является одной из ведущих тенденций в развитии традиции иконописания. Практика создания новых иконографий выявляет ряд типологических особенностей: устоявшаяся, вариативная, до конца не разработанная, иконография с недопустимыми формами, ложная иконография. Во многих храмах России можно увидеть образы царственных страстотерпцев, свт. Тихона Патриарха Московского, свт. Луки Крымского, свщмч. Петра Крутицкого и других святых, а также многочисленные примеры иконографии соборов местночтимых новомучеников и исповедников, чья иконография вариативная и до конца не разработанная.

Если традиционную иконографию может репродуцировать любой иконописец, то образ, который впервые создается, требует огромной ответственности не только от конкретного художника, но и от всей Церкви. В создании нового образа иконописец должен иметь большой практический и духовный опыт, и руководствоваться принципами иконичности, как и в написании любой другой иконы: каноничность (точное раскрытие бого-

словских истин иконописными средствами), «духоностность», т.е. наделенной духовным содержанием, побуждаемая к молитве и художественное достоинство.

Создавая литургический образ, иконописцу необходимо изучить биографические сведения, погрузиться в жизнь того или иного святого, житийные подробности, указывающие на внешний вид, регалии, атрибуты, но которых может и не быть. Фотографии мучеников показывают не только страдание, но и дух святости, который преображает лик, таким образом, задачей иконописца средствами живописи засвидетельствовать сияние вечной славы. В этом смысле Церковь поет о мучениках как о победоносных людях, которые побеждают смертию сметь своего шествия к победе Христа «Днесь радостно ликует Церковь русская»[1].

Любая создаваемая икона дает повод для размышления, а именно стилистика, колористические решения, технико-технологические, место, предназначенное для иконы и, что очень важно, соответствие иконописного лика реальному. Приведенные критерии говорят о сложности задач, которые должны решать сегодня иконописцы.

По благословению митрополита Челябинского и Златоустовского Феофана в 2013 году к празднованию 130-летия Челябинского кафедрального собора, как символа возрождения Церковной жизни на Южном Урале, иконописцами собора Ириной Власовой и Александром Савельевым впервые написана икона «Собор Челябинских Святых». Перед иконописцами встала непростая задача создать собирательный образ новомучеников и исповедников Российских, служение которых так или иначе связано с Челябинской областью. Создавая этот образ, они старались найти подобие лика каждого святого по разным источникам, от детальных проработок житийных описаний, фотографического материала напрямую зависел процесс формирования иконографии. Главным источником сведений послужило собрание жизнеописаний мучеников, исповедников и подвижников благочестия, начиная с 1917 года игумена Дамаскина (Орловского)[2]. За основу была взята древняя каноническая система живописи, стилистика иконы ориентирована на древнерусские традиции начала XVI века – эпохи становления Московского царства.

Композиция иконы выстроена в соответствии с традиционным типом соборной иконы, прославляющей в сонме местночтимых святых, в данном случае челябинских. Первый план включает, выстроенный из трех рядов святых угодников, стоящих на уступах горок, символизирующих Уральские горы, предстоящие во славе у престола Божия на фоне храма. Второй –

[1] Тропарь Собору новомучеников и исповедников российских, глас 4.

[2] Дамаскин (Орловский), игум. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. – Тверь: Булат, 1992–2002. – 7 кн.

поднимающийся над сонмом святых образ храма на золотом фоне, как образ Горнего Иерусалима, и как собирательный образ Церкви: «Приидите соберитеся, российстии собори, в пречестный храм Всенепорочныя Владычицы…»[3], вписанный в полукруг. Визуальное представление завершения полукруга объединяет эти два плана в круг, символизируя связь земного и небесного. Эта выстроенная круговая композиция идеально отражает Божественную вечность и полноту церковной соборности. Оба плана тем самым ритмически и композиционно связаны друг с другом, придавая особую выразительность.

Икона «Собор Челябинских Святых». Власова И., Савельев А. 2013. Сосновая доска, темпера. Музей Челябинского кафедрального собора

[3] Канон Похвале Пресвятой Богородицы, глас 4.

Центральным звеном всей композицией является икона Божией Матери Владимирская, расположенная в центре символического круга, как покровительница и заступница земли русской, что мы ощущаем сквозь века. Для усиления эклезиологического смысла с двух сторон от сферы изображены летящие ангелы как небесные покровители.

В работе над новой иконографией иконописцы ориентировались на традиционные иконографические типы – полнофигурные фронтальные и с трехчетвертным разворотом изображения святых, а также жесты, атрибуты святых, колористическая гамма, присущие средневековой иконе.

Центральной фигурой композиции является свмч. Петр (Полянский), митрополит Крутицкий, местоблюститель Патриаршего Престола, фронтально представленная фигура занимает доминирующее положение в композиции святых. Он стоит по оси главного купола храма как глава Церкви, в облачении патриаршей мантии и белом клобуке, надеваемые при особых случаях. Остальные фигуры изображены в трехчетвертном развороте, смиренно склоняя свои головы, при этом одновременно их взор обращен к митрополиту Петру, возглавителю Церкви, а не к зрителю. Фронтальность связана с необходимостью контакта между почитаемым изображением и молящимся зрителем, которая определяется самой прагматикой иконы [11, с. 277]. Ритмический строй многофигурной композиции подчиняется общей схеме, однако, фигура свщмч. Александра (Сидорова), представленная фронтально, несколько нарушает общий ритм композиции, смещая акцент ключевой фигуры свщмч. Петра Крутицкого.

Расположение фигур выстроено в иерархическом порядке: в первом ряду центральные фигуры – митрополиты в окружении местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Петра (Полянского). Свт. Иона Ханькоуский, свщмч. Дионисий Измаильский и свщмч. Сильвестр Омский, в облачениях характерных для митрополитов: саккос, омофор и митра. По своему положению в Церкви, подвижническому противостоянию безбожию они занимают главное место в сонме святых.

За ними возвышаются священномученики и преподобномученики, также мужественно защищавших паству – фактически основную часть русского народа. Они представлены в одеждах священнослужителей, верхняя одежда без рукавов – фелонь, или риза, символизирующая багряницу, в которую одели Иисуса Христа воины во время суда у Пилата. Преподобномученики и преподобноисповедники – это святые из числа монашествующих, выделяются в черных мантиях и клобуках, символизирующих одежды воинов – воинов Христовых. Непременным атрибутом всех мучеников (греч. martiros – свидетель, т.е. тот, кто засвидетельствовал свою веру в Господа Иисуса Христа своей кровью) является крест. За исключением троих – свт. Ионы Ханькоуского, прприсп. Иоанна Кевролетина и прп. Моисея Уфимского, умерших естественной смертью. В верхнем ряду слева

мученики, вставшие на защиту православной веры, миряне – Федор Чимкентский и Параскева Кочнева, в одеждах красных оттенков, как символа крови, пролитой за Христа.

Написание одежд и проработка фона, если необходимо, каких-либо атрибутов, – это те составляющие, которые должны нести информацию о святых, значимости и характере их деяний, места их служения. Трактовка одежд этого образа является особо индивидуализированной чертой: разнообразие орнаментики, детально проработанной, не имеющей повторения, широкий диапазон колористических оттенков, но при всех достоинствах – общем цветовом решении, замечательно найденном ритме складок одежды, прежде всего, бросается в глаза богатая орнаментика, которая отличается сочным колоритом.

Самым сложным является написание ликов, принцип перевода реального изображения, запечатленного на фотографии, т.е. портретное сходство должно перевестись в иконное изображение, изображение «среднерусского стиля». Таким образом, происходит столкновение двух типов видения – духовного и физического земного. Написание личного стало задачей Ирины Власовой, которая постаралась приблизить индивидуальные черты каждого, сделать их едва немечеными, чтобы каждый был узнаваем и выделялся из общего сонма.

Создание нового образа – это сложный процесс, требующий большого практического опыта, духовного опыта, богословской грамотности и, конечно, таланта. Задача перевода из реального изобразительного материала к каноническому виду и создания новой иконографии стояла перед иконописцами всех эпох, так как в истории Церкви число святых постоянно росло, динамика роста отчетливо видна на современном этапе канонизации.

Говорить об устоявшемся иконографическом решении еще рано, тем не менее, первый шаг, предпринятый иконописцами мастерской челябинского кафедрального собора, несомненно, представляет интерес. Не каждый иконописец может взяться за это непростое дело, взяв за основу установленные канонические формы, иконографические решения того или иного чина – мученика, праведника, страстотерпца и т.д. Иконописцы Челябинска имели опыт написания таких образов новомучеников и исповедников XX века, как свт. Лука Крымский, свщмч. Константин Меркушинский, св. Великая княгиня Елисавета Федоровна, иконография которых вариативная и до конца неразработанная, тогда как написание соборного образа Челябинских святых было первым опытом и художники постарались найти наиболее верное решение.

Тема новомучеников XX столетия вызывает особый интерес, особенно в год 100-летней годовщины, когда мы вспоминаем событие, связанное с убиением первых новомучеников и гонений на Русскую Церковь. Тысячи людей прошли через тюрьмы, лагеря ГУЛАГа, ссылку, многие пожертво-

вали жизнью, не отступив от своей веры, буквально исполнялась заповедь Христа: «отвергнись себя, и возьми крест свой и следуй за Мною» (Мф. 16:24). Такое состояние бесстрастия и святости могло быть уделом только элиты – немногих избранных [6, с. 62]. В отличие от раннехристианских времен, когда мученический подвиг был публичным, то наши новомученики явили такую же верность Христу в XX веке, но подвиг остался безвестным. И время узнать о них настало совсем недавно. Мы привыкли считать новомучениками и исповедниками только тех, кто прославлен Церковью, но мы забываем, что есть большое количество людей, которых можно назвать невыявленными святыми. Это те, которые Церковь не прославила в лике святых, но которые всей своей жизнью показали, ту частоту, ту приверженность высоким идеалам и ценностям, что можно было бы назвать их святыми людьми.

Освященный Архиерейский Собор РПЦ в феврале 2016 года «подтвердил важность работы по сохранению для современников памяти грядущих поколений, памяти о новомученическом и исповедническом подвиге известных и неизвестных по именам угодников Божиих» [7]. Исключительную значимость сегодня имеют труды, направленные на прославление и увековечивание их памяти. Иконописцы Челябинска, тем самым, вносят вклад не только в развитие русского искусства и культуры, но и по сохранению памяти новомучеников, помогая реконструировать историю РПЦ.

С другой стороны, написание икон новомученников и исповедников Российских сегодня не должно рифмоваться, становиться данью времени, желая «подыграть» канонизации, это должно стать востребованностью осмысления факта мученичества. Как может раскрыться то, что мы не востребовали? Очевидно, что любой факт, если он не вмонтирован в какой-либо контекст, остается закрытым, непонятным, непрочтенным. Икона «Собор Челябинских святых» – должна стать не только еще одной страницей в истории Челябинской епархии, но и внести в контекст то свидетельство подвига верности Христу, которое засвидетельствовало о жизни и дееспособности не только Церкви, но и самого человечества.

Библиографический список

1. Андроник (Трубачев), игумен. Канонизация святых в Русской Православной Церкви // Православная энциклопедия. – Т.: РПЦ. – С. 346.

2. Архимандрит Георгий (Тертышников). Критерии Канонизации местночтимых святых в Русской Православной Церкви // Альфа и Омега. – 1999. – № 3 (21).

3. Голубинский, Е. История канонизации святых в Русской Церкви / Е. Голубинский. – 2-е изд. – М., 1903. – С. 267.

4. Доненко, Н.Н. Наследники Царства / Н.Н. Доненко. – Симферополь: «Таврида», 2000. – С. 246.

5. Интервью с игуменом Дамаскиным (Орловским), членом Синодальной Комиссии по канонизации святых Русской Православной Церкви, автором собрания книг. – URL: http://www.pravoslavie.ru/29212.html/.

6. Концевич, И.М. Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси / И.М. Концевич. – М.: Никея, 2009. – С. 240.

7. Постановления Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви (2–3 февраля 2016 года). – URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/4367700.html.

8. Пострадавшие за веру и Церковь Христову 1917–1937 / сост. Л. Головкова, О. Хайлова. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. – С. 64.

9. Пострадавшие за веру и Церковь Христову 1917–1937 / сост. Л. Головкова, О. Хайлова. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. – С. 43.

10. Трапезникова, А.С. К вопросу о создании икон новопрославленных святых на рубеже XX–XXI веков / А.С. Трапезникова. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 6 (32): в 2 ч. Ч. I. – С. 189–191.

11. Успенский, Б.А. Семиотика искусства / Б.А. Успенский. – М., 1995. – С. 360.

К содержанию

УДК 783(470)

МНОГОЛЕТИЯ В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ ПЕВЧЕСКОГО КНИЖНО-РУКОПИСНОГО ИСКУССТВА

Н.П. Парфентьев, Н.В. Парфентьева

Древнерусское многолетие – торжественное песнопение-обращение к Богу с просьбой подать долгие лета жизни («многая лета») тому или иному высокому лицу, представителю духовной или светской власти. Многолетия являлись обязательной частью внебогослужебного обряда – чина «Заздравной чаши». Вместе с тем они исполнялись и в заключение различных церковных служб. Авторы обращаются к музыкальной истории Чина.

Ключевые слова: древнерусское музыкальное искусство, многолетия, авторское творчество, Строгановская школа мастеров.

Многолетствование глав государства и церкви было частью придворной и церковной обрядовой культуры древней Руси, истоки которой берут начало в византийской культуре провозглашения торжественных акклама-ций и полихроний в честь императора и патриарха. На Руси уже в XI в. за обедом в монастырской трапезной сначала полагалось «молвити» и поднять чашу во славу Христа, вторую, «егда же кончается обед», – в честь

Богородицы, а последнюю третью – в честь «осподаря» князя [4, с.206]. Позже в России многолетия также являлись обязательной частью внебогослужебного обряда – чина «Заздравной государевой чаши», совершавшегося во время праздничных «столов». Вместе с тем они исполнялись и в заключение различных церковных служб, молебнов. Многолетствование входило в особые чины Новолетия, Пещного действа, Страшного суда, Шествия на осляти и прочие. К XVII в. «царьская чаша говорится на всех пирех и именинах после праздничной или пред господиновою» [6, с. 146]. Это уже развернутое действо, предшествующее испитию заздравной чаши. Обычно первая чаша посвящалась Богородице или празднику, затем после особого «приливка» исполнялась чаша государева. В рукописных памятниках начинают выделять особый чин «За приливок о здравии государя» (мог быть озаглавлен по-разному), включающий исполнение нескольких песнопений, обращенных к Христу и Богородице с молением о даровании царю победы над врагами, и обязательное многолетие. Сложилось две традиции выпевания многолетия – речитативная и мелодически развитая, представленная главным образом разновидностями *демественного распева* [4, с. 204–215].

Демество как стилистически своеобразное проявление древнего церковно-певческого искусства сложилось в конце XV столетия, что совпадает с периодом завершения образования единого Российского государства и началом формирования торжественной придворной и церковной обрядности. Произведения Демества представляют собой яркое национально-самобытное явление в музыкальном искусстве России [25]. Со временем для демественного распева была создана особая система записи – демественная ключевая нотация (название происходит от сходства многих знаков по начертанию со знаменем «ключ» знаменного распева). Прежде всего, именно в этом торжественном стиле Демества и создавались певческие варианты различных многолетий (в честь великого князя и митрополита, а позже – царя и патриарха, членов царской семьи, местных архиереев, настоятелей монастырей).

Самый ранний нотированный образец многолетия известен по рукописи конца XV в. (рис. 1). Песнопение посвящено Ивану III (1462–1505). Оно отличается от более поздних отсутствием начального слова-определения «благоверному». Особенностью текстовой основы произведения является и включение двух продолжительных мелизматических вставок – «аненаек»: «Великому князю Ивану Васильевичи всея Руси дай Бог ему многа лета. И–на–ни <...> Умножи, Боже, лета. А–на–ни <...>» [19, л. 162]. Музыкальный текст отражает распев, выходящий за рамки знаменной системы. В пользу отнесения его к Деместву говорит: 1) отсутствие гласовой принадлежности, а также попевок, лиц и фит знаменного распева; 2) многочисленные внутрислоговые разводы; 3) наличие

тресветлых знамен, указывающих на высокую область звучания; 4) исполнение многолетий и в дальнейшем преимущественно демественным распевом.

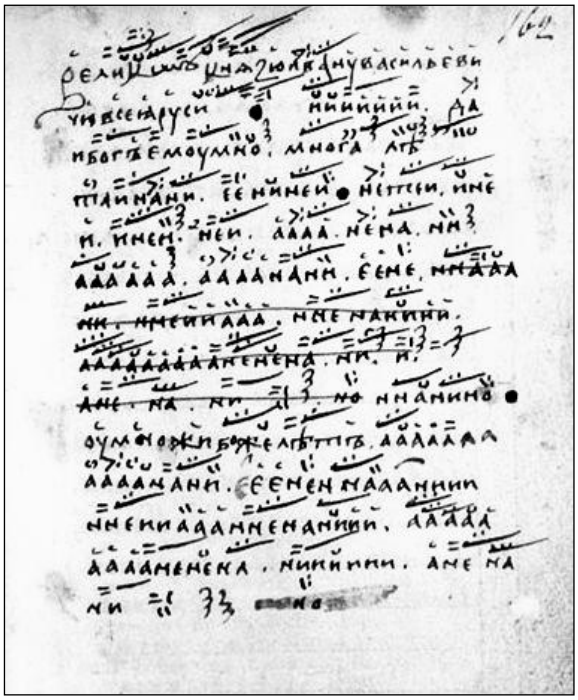


Рис. 1. Многолетие Ивану III. Конец XV в. [19, л. 162]

Следующий этап в музыкальном развитии многолетия – появление его в многоголосном варианте («триличное согласие»). Е.Л. Бурилиной найдено произведение середины XVI в., изложенное в виде трех партий – пути, верха и демества [24, л. 276–277]. Имеется еще один список подобного песнопения в честь Ивана Грозного; здесь же включено трехголосное «Исполаити деспота» архиепископу Казанскому и Свияжскому [20, л. 334–335, 355]. Все три музыкальные записи (голосовые партии) совпадают, представляют единый распев. Рукописи XVI столетия впервые также содержат многолетия в изложении демественной нотацией. Многоголосное исполнение этого песнопения позднее стало довольно устойчивой традицией в крупных хоровых коллективах (например, в среде придворных певчих дьяков). Так, в рукописях из библиотеки государевых певчих дьяков имеется «Многолетие большое, верхом» [10, л. 1], посвященное царю Борису Годунову (1598–1605). Об интереснейших вариантах многолетий говорит наличие партий «путь против демества» к песнопениям «триличного» и «четвероличного согласия» (многолетия к «Пещному действу», «меньшое царю и прочим», «светительское, глаголемое тройное»). Все это находим в сборнике из собрания царских певцов [9, л. 26 об.–27 об.].

Документальные источники показывают, что пение многолетия регулировалось специальными грамотами царя или патриарха в соответствии с важными событиями в жизни государства, царского и патриаршего дворов. Так, на основании указа от 29 сентября 1564 г. по случаю войны с Литвой российские церковные хоры «пели молебны по вся дни <...> о многолетном здравии и спасении» царя Ивана Васильевича, царицы Марии и царевичей Ивана и Федора [2, т. 1, с. 302]. Поставления глав государства и церкви, бракосочетания царей, крещение наследников-царевичей и т.д. способствовали развитию не только определенных обрядов, но и русской хоровой панегирической музыки. Так, в связи с восшествием на престол Бориса Годунова от имени патриарха Иова 15 марта 1598 г. духовным вла-

стям и хорам была дана подробная разработка Чина многолетствования в честь «Богом дарованного царя» и членов его семьи, патриарха, местных архиереев, «и с боляры, и с доброхоты, и с христолюбивым воинством, и со всеми православными християны». Чин должен был неоднократно исполняться за совершеним богослужений. В завершение после «молитвы заздравныя» в честь указанных лиц особо предписывалось с определением стиля распева: «дьяки ж поют *демественную*: Благоверному царю и великому князю Борису Феодоровичу всеа Русии дай Бог многая лета» [2, т. 2, с. 3–6]. Подобные распоряжения следовали местным светским и церковным властям и после воцарения и других государей.

В государстве и обществе придавалось большое значение многолетствованию царя как выражению ему преданности и благоговения. Нарушение чина считалось преступлением, оскорблением государя. Так, в челобитной соловецкого дьякона Мисаила на имя царя Алексея Михайловича спрашивалось, как быть со старцем Лаврентием, который отказался от заздравной государевой чаши и на допросе показал, что принял «завет» не пить хмельного. Грамотой от 30 января 1642 г. царь указал, что в подобных случаях чаши пить «не велеть и не годится» [2, т. 3, с. 455]. Но не всегда подобное дело завершалось так благополучно. Царской грамотой от 22 февраля 1643 г. Верхотурскому воеводе князю Н.Ф. Мещерскому предписывалось наказать Троицкого соборного священника Якова, затеявшего ссору с попом Климентием о правильности исполнения величания как за произнесение «непристойных речей» во время пения «над чашею» государевой заздравной [1, с. 381].

Рис. 2. Многолетствование царя во время коронации Ивана IV. Миниатюра XVI в.

Совершение Чина многолетия на местах способствовало развитию музыкального авторского творчества.

В 1605 г. в Усолье Вычегодском получили грамоту, предписывавшую пение в церквях о «многолетном здравии» Лжедмитрия [2, т. 2, с. 92]. Грамотой от 7 июня 1607 г. за подписью местного владыки протопопу строгановского усольского Благовещенского собора Луке «с братьею» указывалось совершать моления по случаю похода на Лжедмитрия II, а также петь многолетия царю Василию Шуйскому. Владыка требовал, чтобы по полу-

чении грамоты Лука «шел в соборную и апостольскую церковь <…> и, призвав игуменов, и попов, и дьяконов, и весь освященный собор, и приказных людей, и торговых и всяких людей, и всех православных хрестьян и молили», как им указано [2, т. 2, с. 164–165]. Вполне вероятно, что традиция создания усольскими мастерами собственных демественных распевов к многолетию было откликом на правительственные распоряжения.

Одни из песнопений давалась «большим демеством» в обычной знаменной нотации, другие – демественным «ключевым» знаменем Сравнение с распевами мастеров других регионов показывает, что черты различия в песнопениях превалируют над чертами общности настолько, что дают право считать усольские произведения самостоятельными и самобытными. Первый из распевов усольцев является пространным, с развитой, но сдержанной мелизматикой. Второй по протяженности уступает и может быть отнесен к типу малого демественного. Песнопения свидетельствует о том, что строгановские мастера в совершенстве владели сложной системой Демества, в том числе на уровне создания собственных творений [7, с. 112–115; 8, с. 183–187].

Многолетие, изложенное столповой нотацией, относится ко времени правления Михаила Романова (1613–1645). Кроме него можно назвать, по крайней мере, еще девять различных вариантов в честь этого царя, записанных, как обычно обозначено в рукописях, «большим демеством столповым» [3, л. 56 об.–57; 5, л. 301; 12, л. 445–446 об.; 13, л. 222–223; 14, л. 151–153; 15, л. 270 об.–271; 17, л. 194–194 об.; 22, л. 195–196 об.; 23, л. 190–192 об.]. Сопоставление данных списков показало, что они имеют единую текстовую и структурную основу, особенностью которой является наличие двух «аненаек», что все распевы соотносятся на уровне внутренней вариантности. То же наблюдается и по отношению к более ранним спискам, например, многолетие Лжедмитрию I [16, л. 218–220 об.], и более поздним, например, многолетие царю Алексею Михайловичу [11, л. 111–112; 18, л. 273–274; 21, л. 416–417]. Очевидно, что на протяжении XVII века существовал «типовой» большой демественный распев в столповой нотации. Будучи сложным, торжественным, звучащим в «соборах и великих церквях», он, скорее всего, появился в среде придворных и патриарших певчих дьяков. Именно на их долю выпадало исполнение многолетия в обрядах и церемониях государственного значения в присутствии царя и патриарха, именно они должны были демонстрировать особую красоту и масштабность величественного распева. Будет уместно предположить, что этот распев московского происхождения имел общероссийское значение. Однако в крупных музыкальных центрах из-за его необычайной сложности возникали и накапливались исполнительские особенности, не выходящие за рамки единой структуры музыкального произведения (внутренняя вариантность). Эти особенности придавали распеву самобытные черты, отражая певческую практику и традиции определенного певческого центра.

Библиографический список

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. – СПб., 1841. – Т. 3.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук. – СПб., 1836. – Т. 1–3.
3. БРАН. Тек. № 280.
4. Бурилина, Е.Л. Чин «За приливок о здравии государя» / Е.Л. Бурилина // Древнерусская литература: Источниковедение. – Л., 1984. – С. 204–215.
5. ГИМ. Синод. певч. № 99.
6. Голубцов, А. Чиновники Московского Успенского собора / А. Голубцов // ЧОИДР. 1907. – Кн. 4.
7. Парфентьев, Н.П. Многолетия в честь царя Михаила Романова в демественных распевах мастеров Усолькой (Строгановской) школы / Н.П. Парфентьев, Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Социально-гуманитарные науки». – 2013. – Вып. 2. – С. 112–115.
8. Парфентьев Н.П. Усольская (Строгановская) школа в русской музыке XVI–XVII вв. / Н.П. Парфентьев, Н.В. Парфентьева. – Челябинск, 1993.
9. РГАДА. Ф.188. № 1696.
10. РГАДА. Ф.188. № 1702.
11. РГАДА. Ф.381. № 28.
12. РГБ. Ф.37. № 93.
13. РГБ. Ф.37. № 102.
14. РГБ. Ф.37. № 138.
15. РГБ. Ф.37. № 355.
16. РГБ. Ф.178. № 875.
17. РГБ. Ф.228. № 36.
18. РГБ. Ф.272. № 30.
19. РГБ. Ф.304. № 408.
20. РГБ. Ф.354. № 140.
21. РГБ. Ф.354. № 144.
22. РНБ. Грузд. № 52.
23. РНБ. Кир.-Бел. № 639/896.
24. РНБ. Сол. № 690/763.
25. Шиндин, Б.А. Демественный роспев. Монодия и многоголосие / Б.А. Шиндин, И.Е. Ефремова. – Новосибирск, 1991.

К содержанию

УДК 94(470)«18» + 75.011(470)
ББК Т3(2)5-7 + Щ143(2)

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

А.В. Разуев

В статье рассмотрены экономические показатели работы русских художников в последней трети XIX в. Определены появившиеся благоприятные для художников факторы, а именно, рост населения страны, появление новых капиталов, мода на коллекционирование предметов искусства. Произведение искусства рассматривается обществом как предмет, обладающий символической ценностью, что порождает «арт-рынок» как часть художественного рынка. На примере успешного и в дореформенное время И.К. Айвазовского и художников нового поколения Г.И. Семирадского, В.В. Верещагина, И.Н. Крамского рассмотренный период представлен как один из самых плодотворных по художественным результатам и в отношении благосостояния творцов этих результатов.

Ключевые слова: арт-рынок, художественный рынок, история русского искусства, И.К. Айвазовский, Г.И. Семирадский, В.В. Верещагин, И.Н. Крамской.

Вопросы, связанные с экономической стороной искусства, обычно игнорировались советскими исследователями. Искусствознание в стране с государственной плановой экономикой не интересовалось товарно-денежными отношениями навсегда, казалось, ушедшей эпохи. При этом использовалось немало демагогии, чтобы соединить догмат, что «вступление человечества на путь буржуазного развития … создало крайне неблагоприятные условия для развития искусства» [1], с фактом, пожалуй, наивысшего в русской истории расцвета изобразительного искусства именно в эту эпоху. Современная Россия в последние 20 лет, как и во второй половине XIX в., проходит этап становления капиталистического общества и знание некоторых аспектов экономической истории способно как расширить наше понимание истории искусства, так и видеть перспективы развития художественного рынка.

Современные исследователи истории искусства уделяют экономическим аспектам значительно большее внимание. Опубликованы немало исследований об истории и текущем состоянии художественного рынка, в работах о художниках затрагиваются вопросы материальной стороны жизни. Например, о художнике дореформенной эпохи говорится, что тот «влачил жалкое существование … думал лишь о том, как снискать хлеб насущ-

ный, и зачастую просто погибал с голоду. Заказов было мало, а штатных мест еще меньше» [2]. Бурное развитие капиталистических отношений в России во второй половине XIX в. способствовало формированию художественного рынка, сопровождаемому появлением нового круга коллекционеров и иных покупателей произведений искусства. В этих условиях у художников появилась возможность обеспечить достойные условия жизни.

Так что же принес буржуазный этап пути развития России для изобразительного искусства? Был ли этот период наиболее благоприятным для художников? Данная статья ставит целью определить некоторые экономические показатели работы русских художников в последней трети XIX в.

Прежде чем характеризовать ситуацию обозначенного периода, затронем вопрос благосостояния художников предыдущей стадии развития государства. Как и в любой сфере человеческой деятельности, в искусстве были финансово успешные деятели и те, кто «влачил жалкое существование». Среди самых успешных мастеров прошлого следует назвать ректора Академии художеств В.К. Шебуева, профессоров К.П. Брюллова, Ф.А. Бруни и др. Их финансовый успех был основан на возможностях получения выгодных заказов – за счет широкой известности и близости ко двору императора. Размер годового дохода этих художников достигал десятков тысяч серебряных рублей (далее – тыс. сер. руб.). Значительно меньшие доходы имели художники, работавшие для менее известных и менее богатых заказчиков. Так, живописец А.А. Иванов, долгое время занимавший должность профессора Академии, трудясь без устали всю жизнь, оставил детям в наследство 6500 сер. руб. [3]. В 1843 г. Александр Иванов писал отцу: «Вы, батюшка, … имеете верных 2000 в год» [3]. В письме речь идет о 2 тыс. руб. ассигнациями, что соответствовало приблизительно 600 сер. руб. Отметим, что в Академии художеств в то время годовое жалование ректора составляло 1 тыс. сер. руб., а минимальную годовую сумму в размере 72 сер. руб. получал счетчик при казначее [4].

Появлению беднейшего слоя художников способствовала возможность получить бесплатное образование в Академии художеств, каждые три года набиравшей 60–75 казенных воспитанников. Уже в 1791 г. совет Академии констатировал, что большая часть выпускников, «не сделавшись совершенными художниками, хотя к тому и подавали они надежду, – находились в большой нужде и самой бедности, так что часто оставляли художества, … искали они пропитание свое в других должностях низких» [4]. Только устав Академии 1840 г. констатировал упразднение категории казенных учеников. С этого времени художествам учились преимущественно те, у кого были к этому способности и кто предполагал связать с искусством свою будущую деятельность. Однако здесь следует учесть, что в России с 1840-х гг. с ростом населения и развитием промышленности умножалось и число художественных школ и училищ, также выпускавших художников.

Во второй половине XIX в. число художников, а, следовательно, конкуренция среди них и благосостояние, должны были уже определяться не запросами государства, а потребностями общества в результатах художественного труда. Эти потребности существенно изменялись. С развитием фотографии уменьшалось количество заказываемых портретов. С развитием массовых способов изготовления икон приходило в упадок другое традиционное направление работы художников – иконопись. Примером такого массового способа с наиболее художественным результатом выступают своеобразные фабрики, массово производившие дешевые живописные иконы и широко использовавшие разделение труда, причем «никто из участвующих в такой коллективной работе, конечно, не имеет ни малейшего художественного образования» [5].

Благоприятными для художников факторами можно назвать рост населения страны, появление новых капиталов, моду на коллекционирование предметов искусства.

С ростом городского населения развивался художественный рынок – появлялись новые коллекционеры, основывались музеи, появлялись художественные галереи. Население империи без учета Финляндии и Польши возросло с 70 млн жителей в 1863 г. до 155 млн в 1913 г. [6]. Число жителей Москвы за этот период выросло с 460 тыс. до 1,76 млн, а Петербурга – с 540 тыс. до 2,12 млн человек. [6]. Как наиболее крупные города империи выделялись Рига, Киев и Одесса. Факторы увеличения численности населения городов и развитие сети железных дорог позволили, помимо прочего, осуществить идею передвижных выставок.

Значимыми факторами художественного рынка стали частное коллекционирование и музейная деятельность. «Начиная с 70-х годов XIX века Россия переживает музейный бум, продолжавшийся до начала XX века», за указанное время открылось около 80 музеев [7].

Экономический облик Российской империи в пореформенный период стремительно изменялся. К концу XIX в. крупные состояния складывались в сфере финансов, во внешней торговле и промышленности. В это время миллионными состояниями и годовыми доходами в сотни тысяч рублей обладали аристократические фамилии и кланы крупных предпринимателей. Экономическая ситуация давала возможности быстрого и легкого обогащения, что способствовало и увеличению благосостояния художников.

Общественное и экономическое развитие России привело к формированию взглядов на произведение искусства как на предмет, обладающий символической ценностью. Еще в XVIII в. аристократы подтверждали свой социальный статус наличием в доме картин, портретной галереи и вниманием к изящным искусствам. По мере приобщения российского общества к европейской культуре становился очевидным потенциал «символического присвоения» произведений искусства в виде бескорыстного наслажде-

ния его художественными, эстетическими, культурно-историческими гранями. Наибольшие возможности для такого «символического присвоения» предоставляли музеи и выставки.

В XIX в. важным стало не просто обладание художественными ценностями, но и престиж, и известность автора. Именно это обстоятельство, помимо таланта, обеспечило К.П. Брюллову поток заказов. Популярность творца «Последнего дня Помпеи» была такова, что граф Л.П. Витгенштейн писал ему в 1834 г.: «… прошу написать мне … картину, какую хотите, за которую назначаю Вам 25000 рублей» [8]. Именно такую сумму заплатил А.Н. Демидов за названное знаменитое полотно. Но следует сказать, что 25 тыс. руб. ассигнациями соответствовало 7 тыс. сер. руб., что при сравнении с ценами картин позднего времени было не очень большой суммой.

Уже при жизни «великого Карла» стало понятно, что картины известного художника могут быть перепроданы за более высокую цену. Но подобная торговая деятельность в аристократической среде считалась явлением скорее зазорным, чем нормальным. После реформ отношение общества к коммерческой деятельности изменилось, а кроме того, в число коллекционеров включилось купеческое сословие. Очевидно, что, начиная с этого времени, картины известных авторов «являются примером символических смешенных благ: получение владельцем картины полезности (престиж и авторитет) и возможности в будущем продать полотна по более высокой цене (получение инвестиционного дохода)» [9].

С момента признания предметов искусства носителями символических благ начинают складываться основы явления, именуемого в настоящее время «арт-рынком». Арт-рынок «имеет дело с символической продукцией и символическим обменом внутри системы потребления символических благ» [10]. «Арт-рынок» следует рассматривать как часть художественного рынка, подразумевающего систему «социокультурных и экономических отношений, связанных с товарооборотом произведений изобразительного искусства и оплатой услуг по исполнению художественных работ» [8]. Причем этой части художественного рынка по определению сопутствуют признание и финансовый успех.

Арт-рынок в России складывался в условиях, когда после реформ быстро богатеющий слой новых предпринимателей стал утверждать свой новый социальный статус с помощью, в том числе, приобретения произведений искусства. В это время конкуренцию работающим художникам составляли коллекции живописи, распродаваемые владельцами дворянских усадеб из-за перемен в общественном укладе государства. Данное обстоятельство, а также необходимость выделяться на фоне традиционной академической живописи и горячее желание следовать в своем творчестве за передовыми идеями современности, способствовали выработке концепции, например, искусства передвижников или совершенно независимого искусства В.В. Верещагина.

Но процветал и прежний подход к искусству. Дореформенная модель успеха, связанная с получением поддержки императора, членов его семьи и Академии художеств, в рассматриваемый период и сохранилась, и окрепла. В связи с этой моделью можно назвать имена И.К. Айвазовского и Г.И. Семирадского. В высшую ценовую категорию попали и картины некоторых из передвижников, оказавшихся в фокусе внимания света, например, И.Н. Крамского, И.Е. Репина, В.И. Сурикова.

И.К. Айвазовский (1817–1900) был одним из самых высокооплачиваемых художников своего времени. Кавалер многих отечественных и иностранных орденов, он в 1896 г. получил чин действительного тайного советника (II класс по табелю о рангах), обычно присуждаемый министрам или генерал-губернаторам. Долгая творческая биография и трудолюбие дали основание художнику утверждать, что его кисти принадлежат более 6 тысяч произведений. Благодаря исключительному мастерству его работ и покупкам императора, картины Айвазовского были высоки в цене и не только в России. В 1843 г. 26-летний художник писал: «А что более доказывает мой успех в Париже, это желание купцов картинных, которые просят у меня картины и платят большие суммы, а сами назначили им цены, за которые продают здесь Гюдена картины, одним словом, очень дорожат моими» [11].

Цены произведений художника-мариниста презентовали высший уровень цен российского арт-рынка. На академической выставке 1867 г. картина «Взрыв монастыря Аркадион», показанная в числе других тринадцати работ этого художника, была оценена в 5 тыс. руб. («цены на эти картины баснословные», – восклицал репортер «Санкт-Петербургского листка») [8]. За такую же цену в 1870 г. будущий император Александр III приобрел «Вид Константинополя». Этот темп продаж художник сохранил до конца жизни, так, в 1898 г. он писал о результатах выставки в г. Баку: «Вообще результат Бакинской выставки очень хорош, кроме 10 картин проданных, еще две большие картины по 5000 [руб.] посылаю Тагиеву … по заказу» [11].

Стоимость полотен, созданных Г.И. Семирадским (1843–1902), при достижении величины в десятки тысяч рублей становилась фактом чрезвычайным для художественного рынка. Художник, благодаря приобретенной европейской известности, в 1870-х гг. был привлечен к работам по украшению храма Христа Спасителя в Москве и заработал 51 тыс. руб. В 1889 г. император Александр III за 35 тыс. руб. [8] приобрел полотно «Фрина на празднике Посейдона в Элевсине», сделав одну из самых дорогостоящих покупок в истории русской живописи.

Другую модель успеха демонстрируют факты биографии В.В. Верещагина (1842–1904), не уступавшего И. Айвазовскому в плодовитости и успехе у публики. В творчестве живописец ориентировался не на пристра-

стия публики, а на собственные представления о социальной и исторической значимости содержания своих произведений. Можно сказать, что он работал на арт-рынок и не знал заранее – будут ли проданы картины.

Художнику посчастливилось сотрудничать с П.М. Третьяковым, который в 1874 г. целиком купил коллекцию из 121 картины и 122 рисунка «Туркестанского цикла» за огромную по меркам российского художественного рынка того времени сумму – 90 тыс. руб. Из «Индийского» и «Балканского» (посвященного эпизодам Русско-турецкой военной кампании) циклов коллекционер в 1880 г. на аукционе приобрел 53 картины, уплатив за них 60 тыс. руб. [8].

Более характерную траекторию трудовой деятельности художника пореформенной эпохи можно проследить на примере судьбы И.Н. Крамского, одного из основателей Товарищества передвижных художественных выставок (далее – ТПХВ). Крамской начал свой самостоятельный путь в искусстве в 1853 г. в качестве ретушера и акварелиста у фотографа на жаловании в 2,5 руб. в месяц [12]. Через 3 года его мастерство так возросло, что ежемесячное жалованье у столичного фотографа составляло от 100 до 300 руб. [12]. Заказов было так много, что Крамской делился работой со своими товарищами.

И в этой щедрости, и в других фактах своей биографии, Крамской следовал важнейшему жизненному убеждению: «… если есть, для чего в жизни работать, так это только для того смысла, который не оплачивается рублем (хотя рубль имеет значение, ох, какое значение! Я ли этого не знаю!? Но потому-то он и имеет такое роковое значение в жизни человека, что не все его презирают, и ставят его именно целью, а не наоборот…)» [12]. Другое его убеждение часто заставляло мастера идти наперекор жизненной логике и комфорту: «… человек выше обстоятельств! Человек сам создает себе обстоятельства!».

Самым главным в его жизни созданным обстоятельством стал в 1863 г. «бунт четырнадцати». Во времена реформ «бунтовщики» отказались следовать традиционному пути российского живописца. Вышедшие из Академии художники основали «Санкт-Петербургскую артель художников», вдохновителем и руководителем которой стал И.Н. Крамской. Шесть артельщиков, поселившиеся в совместно арендованной квартире с мастерскими, рассчитали, что совместная жизнь каждому будет обходиться в 25 сер. руб. ежемесячно [12], и были уверены в возможности достичь этого показателя. Это дает основание утверждать, что в столичном обществе сформировался устойчивый спрос на результаты деятельности профессиональных художников.

В 1865 г. Крамской принял предложение профессора исторической живописи Академии художеств А.Т. Маркова расписать главный купол Храма Христа Спасителя за 10 тыс. сер. руб. (впоследствии сумма была увели-

чена до 16–17 тыс. сер. руб.) [12]. Крамской привлек к работе товарищей по Артели Б.Б. Венига и Н.А. Кошелева, сделав тем самым заказ «совместно выполняемым», с отчислением 25 % от гонорара в кассу Артели. Несмотря на разную долю участия в работе, Крамской посчитал необходимым разделить вознаграждение на равные доли.

Деятельность ТПХВ позволила раскрыться организационному таланту Крамского и способствовала росту его финансового благополучия. У Крамского, благодаря установившимся связям и славе портретиста, для продажи на первой выставке ТПХВ был только этюд портрета. Значительные работы были уже оплачены: «Майская ночь» («Русалки») продана П.М. Третьякову за 1,5 тыс. руб. [12], портрет графа Ф.П. Литке написан по заказу членов Академии наук.

Благосостояние Крамского улучшалось, но он «сам создает себе обстоятельства», увеличивались и его расходы. И в 1879 г. он, как пишет о себе, «такой же нищий, как и тогда, когда жизнь начиналась». Эта тема продолжена в письме от 1880 г.: «Затем, женившись, я начал вечную историю борьбы из-за куска хлеба… Так дело тянется и теперь. Когда кончится мое (в сущности, каторжное) теперешнее положение и кто одолеет в борьбе – я не знаю и не предугадываю» [12]. Победителем вышел художник. М.В. Нестеров так описывал свой приход в 1882 г. в квартиру к Крамскому: «… все меня поражало своим великолепием, я мысленно говорил: «Так вот как живут настоящие художники» [13]. Так же характеризует положение дел мастера и И.Е. Репин: «Несмотря на громадные затраты на постройку мастерской и роскошной дачи, что стоило более 30 тыс. руб., средства Крамского были теперь в цветущем состоянии» [14].

На удовлетворение всех своих и семейных нужд художник неустанно зарабатывал 7–8 тыс. руб. в год. [12]. Для сравнения: годовое жалование ректора Академии художеств по штату 1883 г. составляло 2,4 тыс. руб., включая «столовые» деньги. Основной доход Крамскому приносили заказы на портреты, цена которых в последние годы жизни доходила до 5 тыс. руб.

Деятельность ТПХВ принесла результат не только Крамскому. Она способствовала росту популярности русского искусства, признанию обществом новых тем в искусстве и успеху многих своих членов. Можно сказать, что ТПХВ создало новую модель поведения в сфере искусства, новый институт арт-рынка и обеспечило шаг к благополучию многим своим экспонентам.

В статье рассмотрены экономические показатели работы русских художников в последней трети XIX в. Реформы 1860-х гг. вызвали перестройку экономических и общественных отношений в Российской империи, возникли новые благоприятные для художников факторы, среди которых можно назвать рост населения страны, появление новых капиталов,

моду на коллекционирование предметов искусства. В это время формируется взгляд на произведение искусства как на предмет, обладающий символической ценностью, что породило «арт-рынок» как часть художественного рынка. Активными участниками рынка являлись и успешные в дореформенное время художники типа И.К. Айвазовского, и художники нового поколения: представитель академического направления Г.И. Семирадский, независимый от любого направления В.В. Верещагин, представитель передвижников И.Н. Крамской. В целом рассмотренный период для русского изобразительного искусства был одним из самых плодотворных как по художественным результатам, так и в отношении благосостояния творцов этих результатов.

Библиографический список

1. Передвижники. Сборник статей. – М.: Искусство, 1976. – 127 с.

2. Экштут, С.А. Шайка передвижников. История одного творческого союза / С.А. Экштут. – М.: Дрофа, 2008. – 320 с.

3. Александр Андреевич Иванов: Его жизнь и переписка. 1806–1858 гг. Издал М. Боткин / М.П. Боткин. – СПб.: Типография М.Стасюлевича, 1880. – 477 с.

4. Кондаков, С.Н. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств 1764–1914: В 2 ч. / С.Н. Кондаков. – СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1914. – Ч. 1. – 351 с.

5. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И.Е. Андреевского. – СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – 1894. – Т. 12а. – II, 481, 960 с.

6. Рашин, А.Г. Население России за 100 лет (1813–1913) / А.Г. Рашин. – М.: Государственное статистическое издательство, 1956. – 352 с.

7. Ковтун, О.А. Семантика музейной вещи / О.А.Ковтун // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2014. – Т. 14. – № 3. – С. 51–53.

8. Северюхин, Д.Я. Старый художественный Петербург. Рынок и самоорганизация художников / Д.Я. Северюхин. – СПб.: Издательский дом «Міръ», 2008. – 536 с.

9. Сухарев, А.Н. Экономические основы функционирования символических благ / А.Н.Сухарев // Финансы и кредит. – 2015. –№ 3 (627). – С. 56–63.

10. Барабанов, Е. Искусство на рынке или рынок искусства / Е. Барабанов // Художественный журнал. – 2002. – № 46. – С. 12–18.

11. Айвазовский. Документы и материалы. – Ереван: Айастан, 1967. – 408 с.

12. Иван Николаевич Крамской: Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи 1837–1887. – СПб.: Типография А.С.Суворин, 1888. – XVIII, 750 с.

13. Нестеров, М.В. Дальние дни / М.В. Нестеров. – М.: Искусство, 1959. – 401 с.

14. Репин, И.Е. Далекое близкое / И.Е. Репин. – Л.: Художник РСФСР, 1986. – 488 с.

К содержанию

УДК 75.011(470.55) + 769.04(470.55)

О НАУЧНОЙ КОНЦЕПЦИИ ВЫСТАВКИ И СТРУКТУРЕ ЭКСПОЗИЦИИ «ИСКУССТВО ГРАФИКИ: ОТ РИСУНКА К ГРАВЮРЕ» ИЗ СОБРАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ ЮУрГУ

Г.С. Трифонова

Автор обращается к вопросам функционирования университетского художественного музея, рассматривая базисные научные основания его деятельности, цели и задачи на основе комплексного подхода к собирательской, выставочной деятельности, реализации исследования и публикации регионального искусства Южного Урала в контексте основных тенденций отечественного искусства второй половины XX – начала XXI века. Функции научного исследования, сохранения и изучения художественного наследия региона внутри общероссийского искусства рассматриваются через опыт реализации научной концепции выставки, посвященной уникальной и печатной графике южноуральских художников, определявших ее судьбы в течение более чем полвека. В статье отражена причинно-следственная связь между научной концепцией и структурой экспозиции данной выставки, выстроенной из пяти разделов, с заложенными в ней конкретными образовательными и дидактическими задачами университетского художественного музея, тесно связанными с сохранением и исследованием регионального художественного наследия.

Ключевые слова: Художественный музей ЮУрГУ, художественное наследие Южноуральского региона, творчество челябинских художников, уникальная графика, гравюра, техники гравюры, научная концепция выставки, структура экспозиции выставки.

При всей автономности и самостоятельности существования и развития наиважнейших сфер духовной и интеллектуальной деятельности – науки и искусства – есть в современной России территории, где обе сферы не только соприкасаются, но тесно переплетаются. Образовательное пространство Южно-Уральского государственного национального исследовательского университета являет собой такой пример: здесь лидирующие и старейшие факультеты и институты, связанные с инженерно-техническим профилем, соседствуют с гуманитарными и творческими – архитектурным, факультетом дизайна, направлением искусствоведения по изучению истории искусства. Благодаря этой ситуации в университете естественным образом родилась специфическая институция, которая своей деятельностью призвана эту интеграцию осуществлять и развертывать в тесном взаимодействии

сфер науки и искусства, образования и творчества, изучения, исследования и публикации художественной среды, истории искусства и современной художественной жизни, творчества художников и их произведений. Речь идет об учрежденном в июне 2016 года [1] в ЮУрГУ Художественном музее, коллекция которого начала формироваться с 2003 года; в том же 2003 году началась выставочная деятельность в Зале искусств.

Начало музея – глубоко значимый акт, наполненный смыслом. В его основе, в научной программе-концепции и повседневной деятельности отражается комплекс сущностных и специфических характеристик музея и музейного дела, обоснованность присутствия музея художественного профиля в пространстве данного университета (что давно уже является аксиомой для старейших и крупнейших университетов мира), а также реализация его потенциала как социокультурной институции, имеющей характер неисчерпаемой и бесконечной перспективы в глобальном масштабе, пока существует человечество и его культура, и в преломлении особенностей и специфики данного региона и конкретного университета. Вспомним высоко значимый пример о создании учебного музея Московского университета, из которого в 1912 году вырос знаменитый Цветаевский Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина в Москве. И кто знает, может, именно наш университетский музей, пока еще совсем скромный по числу произведений искусства в своем собрании, среди бедного музеями Южноуральского региона, будет способствовать в перспективе возникновению в Челябинске со временем нового художественного центра собирания и музеефикации памятников истории искусства Южного Урала.

В данном тексте речь идет об одной из важных и сущностных функций музея – выставочной деятельности и еще более конкретно: об опыте одной выставки, в концепции и экспозиции которой соединились, как нам кажется, (и это подтверждено практикой в период работы выставки) и реализовались цели и задачи музея в университетском пространстве. Назовем их: пробуждение широкого интереса к искусству, к одному из основополагающих его видов – графике; к природе графики, техникам, авторам; необходимое насыщение любознательности и интереса к тому, как рождается сложнейший вид искусства графики – гравюра и ее разнообразные техники. Это стало возможно благодаря непосредственному контакту с оригиналами – произведениями уральских мастеров, размещенными в определенной логической последовательности в экспозиции данной выставки. К слову сказать, именно выставки позволяют научному хранилищу произведений искусства становиться музеем.

В основе проекта выставочной деятельности Художественного музея ЮУрГУ лежит, во-первых, широкое привлечение и вовлечение в искусство и художественную культуру прежде всего студентов, а также школьников

через подлинные произведения, созданные художниками Южноуральского региона; во-вторых, встраивание потенциала его собрания в программы образовательной деятельности студентов творческих специальностей. Вместе с тем, в молодом и скромном пока еще по своей численности экспонатов собрании университетского Художественного музея, как в зерне, заложена и возвышается над прагматикой учебных задач обобщающая интегрирующая миссия музея собирать и сохранять, исследовать и публиковать художественное наследие и современное отечественное искусство, прежде всего – Южноуральского региона [2]. В этом направлении своей деятельности Художественный музей университета встраивается в единую музейную сеть региона, не теряя своей специфики быть учебным музеем с исследовательскими функциями. Выполняя эту функцию, он органически поднимается до функции репрезентации художественного наследия в доступном и возможном для него масштабе и форме [3]. Понятно, что и здесь рамки и ограничения могут быть отодвинуты в зависимости от понимания и участия в исполнении этих задач руководством и ученым сообществом университета. Задачи репрезентации отечественного искусства в его региональном варианте одновременно укрепляют позиции репрезентации ЮУрГУ среди университетов России и зарубежных.

Вышесказанное становится доказательной базой для обоснования научной концепции выставки «Искусство графики: от рисунка к гравюре». Эта третья выставка в Зале искусства, построенная в основном на собрании Художественного музея ЮУрГУ, и первая в его начавшейся истории выставка новых поступлений в собрание музея за 2013–2016 годы. Как видим, выставочная деятельность музея связана с комплектованием, изучением собственного собрания и публикацией его в экспозиции и в научных каталогах, то есть с основными функциями и принципами деятельности музея как специального социокультурного института.

Комплексная идея совместить в концепции данной выставки различные типы выставок: новых поступлений, публикации собрания в определенном ракурсе, и объединить дидактические задачи по раскрытию тем: что есть искусство графики и искусство гравюры и как оно рождается – с показом подлинных шедевров гравюры, созданных ведущими южноуральскими мастерами в 1960–1990-е годы, – делают выставку чрезвычайно насыщенной по охвату искусствоведческой проблематики. Отсюда насыщенность экспозиции внутренне связанными друг с другом темами, органически вытекающими одна из другой, и напряженная динамика графика движения зрителя по экспозиции.

Чтобы привести в единство всё обилие тем и ракурсов взгляда на искусство графики и искусство гравюры, нужен был четкий и строгий отбор из персональных коллекций собрания Художественного музея ЮУрГУ, которые возникли в последние три-четыре года по веянию неотвратимого

времени: после ухода художников из жизни, благодаря сотрудничеству Художественного музея ЮУрГУ, родственников художников, Челябинской организации Союза художников, искусствоведов, образовались три коллекции произведений челябинских художников-граверов Н.И. Черкасова (1919–2013), В.В. Бубнова (1930–2013) и Н.Я. Третьякова (1925–2014), которые составили знаменитую триаду челябинских граверов, известных своими гравюрами в советское время всей стране благодаря их активному участию на выставках. Искусству – живописи, рисунку, и главное – гравюре – они посвятили свои долгие творческие жизни и оставили произведения, наполненные энергией времени и творчества, мастерства и эксперимента, народного добродушного юмора, фольклора, суровости и таинственной силы объекта их творчества – Урала, и изысканного вкуса. Творчество каждого из них и в целом объединяется историко-временной стилевой общностью [4] и занимает особое место в истории уральской гравюры XX века, что еще предстоит выявить в научных исследованиях.

Монотипий тонкого графика и лирика М.И. Ткачева (1913–1994), не имевшего себе равных не только в Челябинске в цветных гравюрах – монотипиях [5] (парадоксальное сочетание: гравюры, существующие не в тираже, а в единственном экземпляре, как уникальная графика!), пока еще нет в университетском художественном собрании. Но без М.И. Ткачева невозможно представить искусство Челябинска, его граверов. Поэтому мы обратились к дочери художника М.М. Ткачевой, и благодаря ей на выставке можно любоваться цветными монотипиями этого художника, от которых исходит аромат цветов и фруктов, хрустальный звон замерзших на ветру березок, согрето золотом листвы осенних берез стынущее осеннее пространство околицы уральской деревни и вспаханного под зиму поля.

Творческий авторитет М.И. Ткачева был чрезвычайно высок в среде челябинских художников, и не только графиков. А для самого Михаила Ивановича еще более высоко в искусстве графике и в искусстве в целом стояла Валентина Николаевна Челинцова (1906–1981), чей универсальный талант находил претворение во всём, к чему она прикасалась – в рисунке и акварели, в живописи, оформлении книги, в скульптуре [6], в педагогической деятельности и в способности нести обобщение собственного творческого опыта и отечественного и мирового искусства в слове и в тексте (ее рукопись «О симфонизме в композиции картины» так и осталась не опубликованной). В собрании Художественного музея ЮУрГУ в период работы выставки появились два произведения В.Н. Челинцовой, подаренные автором с сердечными подписями-посвящениями Н.Я. Третьякову незадолго до ее отъезда из Челябинска на родину, в Саратов. Обе гравюры переданы художником Л.А. Серовой, занимающей ныне бывшую мастерскую Н.Я. Третьякова. В экспозиции нашей выставки два произведения – два офорта, портрет художницы Т.И. Эллинкриг и зимний пейзаж «Под

ветвями», с посвятительными надписями М.П. Мочаловой, архитектору и профессору ЮУрГУ, с которым она была связана полвека своей жизни и творческой деятельности. Дружба этих замечательных творческих личностей позволяет нам сегодня любоваться высочайшим артистизмом искусства гравюры, которым овладела В.Н. Челинцова в последние десятилетию своей жизни. Гравюры из семьи архитекторов М.П. Мочаловой и Б.В. Петрова для экспозиции нашей выставки представила их дочь Н.Б. Петрова.

В процессе работы выставки замысел контакта и обогащение восприятия современных студентов пространства и языка искусства графики через конкретные произведения реализовался целево и точно. Через сайт университета преподаватели и студенты специализаций дизайна, художественной обработки материалов, информатики, а также студенты бакалавриата направления «история искусств», на чьих глазах и с чьим участием выставка создавалась, обратились к выставленным произведениям – наброскам, рисункам с натуры, выполненным различными графическими материалами; листам, исполненным акварелью, темперой, гуашью, пастелью; к гравировальным доскам и пробным оттискам, к картонам гравюр и собственно листам гравюры, по ним выполненным; а также к гравюрам мастеров XX века разных поколений, живших и работавших в Челябинске и других городах Урала и Волги, исполненным в более чем десяти различных гравировальных техниках, которые теперь не увидишь у современных мастеров – столь трудоемка технология, требующая соединения артистизма и высокой ремесленной выучки в работе над печатной доской, выдержки и терпения в осуществлении замысла, требующего соединения таланта художника с подчас виртуозным владением техникой. И такие гравюры составляют большинство из выставленных в данной экспозиции.

Пространство Зала искусств вместило до чрезвычайности насыщенную экспозицию графики (более 80 листов). Тем не менее, выставка не воспринимается перегруженной, зритель не спеша идет от листа к листу, от рисунка к пробному оттиску, от гравюры к гравюре. Контрапункт экспозиции выстраивается исходя из научно обоснованной концепции выставки и продуманной структуры самой экспозиции. Этот метод построения экспозиции изнутри организует логику и последовательность осмотра и восприятия экспозиционных рядов.

Перед экспозиционером стояла задача выявить пространственную сущность искусства графики, ее символическую линейность, свободу и импровизационность, связь с живой реальностью и отлет к высоким обобщениям, прочность и монументальность почерка одних граверов и кружевную тонкость – других. И специфический язык, технологические особенности создания гравюр также необходимо было в экспозиции проявить. При этом, несмотря на то, что экспонируемые произведения датируются 1950–2010-ми годами, в экспозиции есть локализованное витриной пространст-

во, где можно увидеть историю искусства гравюры в мыслимой эволюции, от народной гравюры на дереве через вершину гравюры как искусства, на которую впервые возвел ее гений Альбрехт Дюрер, дальнейшие ее этапы на западе и в России, особенно расцвет гравюры в XX столетия. Книги и альбомы по истории гравюры, представленные сотрудниками научной библиотеки ЮУрГУ, не только отражают в изданиях отдельные яркие ее явления и памятники, но и все вместе приводят к глубокому пониманию роли гравюры как искусства в духовной и интеллектуальной эволюции человечества: гравюра подвигла к рождению книгопечатания в средние века и эпоху Возрождения; и от гравюры идет нить к современному информационному взрыву благодаря net-сетям. Гравюры науки, технологии и искусства рождают синтез, обновляющий мир и человека, его внутренний мир и жизнь, проектирующий новые открытия и перспективы.

В подтверждение положения о научной обоснованности концепции и структуры выставки «Искусство графики: от рисунка к гравюре» приведем расшифровку зонирования экспозиционных узлов внутри единого пространства экспозиции, позволяющего выстроить экспозицию как последовательность раскрытия темы, содержания, целей и задач выставки как научно-художественного послания в данном локальном пространстве университетского выставочного зала.

Итак, выставленные произведения и книжные издания условно объединены в следующие экспозиционные разделы:

1. Уникальная графика челябинских художников. Рисунок, акварель, гуашь, пастель, темпера. Здесь представлены наброски, натурные рисунки и этюды, композиционные работы в разных материалах и техниках Н.И. Черкасова, Н.Я. Третьякова, В.В. Бубнова, В.П. Меркулова, Н.А. Кудричева. Это центральная часть пространства Зала искусств, которую акцентируют две вертикали-«колонны» гравюр, исполненных в различных гравюрных техниках, контрастно обозначающих родство-различие уникальной и печатной графики.

2. Гравюра – печатная графика. Гравированные доски Н.Я. Третьякова и Н.И. Черкасова, рисунки инструментов, пробные оттиски. Раздел раскрывается на уникальном примере – на разрабатываемом в черно-белой и цветной линогравюре мотиве «Большой сосны» в 1955–2012 гг. Н.И. Черкасовым и вплоть до воплощения его в живописи – в картине того же названия.

3. Эту тему внутреннего рождения гравюры продолжает раздел экспозиции, где отчетливо выявлена работа над эскизом и конечный результат – оттиски гравюр в различных техниках. Этот раздел также дает совершенно уникальную возможность увидеть парные работы рисунка-эскиза, по сути – картона к гравюре, то есть завершенной, проработанной в карандаше композиции будущей гравюры, и продолжение работы над композицией, когда

подчас поиск не прекращается, несмотря на уже, казалось бы, законченный картон, гравюра шлифуется и совершенствуется в процессе доработки и завершения. Это произведения Н.Я. Третьякова и В.В. Бубнова, причем, исполненные в многообразных техниках: монотипии, картонографии, офорте, акватинте и меццо-тинто. Этот раздел раскрывает экспериментальный дух творчества челябинских граверов, их опыты освоения различных, подчас самых сложных техник. Эти группы произведений дают возможность увидеть обычно скрытый в пределах мастерской художника, по сути дела, никогда не публиковавшийся материал. В этом также особая раритетность нашей коллекции и экспозиции.

4. Следующий раздел посвящен публикации гравюр художников-граверов всех поколений, исполненных начиная с 1950-х и вплоть до начала 2010-х. Утонченность офорта и артистизм сухой иглы В.Н. Челинцовой, лирическая изысканность драматическая взволнованность монотипий М.И. Ткачева, В.В. Бубнова, классика линогравюры Н.И. Черкасова и К.В. Фокина, сложные техники на металле с травлением в произведениях Н.Я. Третьякова, П.П. Ходаева, О.А. Ходаевой, В. и О. Штукатуровых, Е.Э. Савочкиной; черно-белая торцовая ксилография А.В. Савочкина и цветная ксилография Н.Я. Третьякова с применением поиска и эксперимента.

5. Наконец, последний (а возможно, и самый первый) раздел экспозиции, посвященный книгам об искусстве гравюры. Этот раздел совершенно в духе выставки присутствует в ее экспозиции также двояко: книга как источник знаний и информации о видах гравюры и мастерах, по истории гравюры; книга как объект реализации и эволюции искусства гравюры, как пересечение духовных потребностей в фиксации и распространении знаний текстовым и визуальным образом и реального материального воплощения искусства гравюры в специфическом его виде – в искусстве книги.

Реализация научной концепции в реальной экспозиции по сути явилась фактом верификации замысла выставки с его многоуровневой историко-художественной проблематикой, что позволяет определить факт данной выставки как осуществление научного исследования в русле данного предметного поля (произведения искусства определенного периода, объединенные историко-художественной, научной и дидактико-образовательной проблематикой) в рамках современной науки.

В следовании основным принципам научной концепции экспозиции и в обосновании вытекающей их нее структуры экспозиции из вышеназванных разделов и в рамках выполнения целей и задач экспозиции был осуществлен каталог-путеводитель выставки «Искусство графики: от рисунка к гравюре», который, по сути, представляет собой публикацию концепции выставки, ее состава и структуры экспозиции, сопровождаемый репродуцирование в избранной в экспозиции последовательности и сопровожденный необходимым каталожно-справочным аппаратом.

В заключение, обобщая достижения уральских граверов ушедшего столетия и наступившего, восхищаясь их творческой мыслью, энергией, мастерством и готовностью к поискам, экспериментам и открытиям, обратимся к великому Дюреру, который осветил путь гравюры на далекую перспективу. Ведь и о наших современниках – челябинских художниках-граверах – мы можем сказать с восхищением то же самое: «Один может в течение одного дня набросать пером на половине листа бумаги или вырезать своим резцом из маленького куска дерева нечто более прекрасное и совершенное, нежели большое произведение иного, который делал его с величайшим усердием в течение целого года. И дар этот чудесен. Ибо бог нередко дарует одному человеку и такие способности учиться, и создать прекрасное, что подобное ему не найдешь ни в его время, ни задолго до него, и после него нескоро появится другой» [7].

Не избежим традиционной апелляции к классике и в случае с рассмотрением и анализом данной экспозиции. Выставка «Искусство графики…» несет в себе прежде всего просветительный, обучающий, дидактический характер, но в такой же степени она адресована интеллектуальной и художественной среде, зрителям, не утратившим потребность неспешного рассматривания и погружения в произведение искусства, позволяющего в результате этой духовной работы наполняться живительными силами жизни и духовного роста, что исключительно важно в современной жизни с ее убыстряющимся ритмом, пагубно действующим на способность углубленного осмысления и глубинных движений в сторону истины.

Данная выставка дает толчок к наблюдениям, анализу, обобщениям – самым различным научно-теоретическим и научно-художественным интенциям о художественной культуре, художественном наследии региона, в исследовании творчества отдельных художников и целых видов искусства. Толчком для них может служить исследование собрания произведений искусства Южноуральского региона молодого Художественного музея ЮУрГУ, чьи фонды растут как отражение процесса создания произведений искусства – источников и архивов челябинских художников, которые превращаются в художественном музее в собственно научные источники для всестороннего изучения искусства. Собрание источников представляют собой базис для проведения разнонаправленных и разномасштабных исследований в области истории, теории и методологии искусства. Уникальность художественной музейной институции, как таковой, внутри университета, открывающиеся возможности соединить предмет исследования с исследователем и получить наиболее верифицируемые результаты в соответствии с реальными условиями жизни и функционирования искусства, позволяют понять и оценить особые возможности изучения отечественного искусства в данной точке Уральского региона, которые предоставляет Художественный музей ЮУрГУ и его потенциальные возможности дальнейшего развития.

Библиографический список

1. О создании Художественного музея Южно-Уральского государственного университета. Приказ ректора А.Л. Шестакова от 27.06.2016 № 341.

2. Положение о Художественном музее Южно-Уральского государственного университета. Утверждено приказом ректора Южно-Уральского государственного университета от 20.07. 2016 № 384.

3. Искусство Южного Урала середины XX – начала XXI вв. Каталог собрания художественного музея ЮУрГУ. Живопись, графика, скульптура, декоративно-прикладное искусство, художественная фотография, актуальное искусство / авт. вст. ст.: Н.В. Парфентьева, Г.С. Трифонова; сост. и науч. ред. каталога Г.С. Трифонова. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. – 215 с.: ил.

4. Трифонова, Г.С. Образ и стиль времени в гравюре челябинских художников-шестидесятников / Г.С. Трифонова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2016. – Т. 16. – № 4. – С. 103–111.

5. Трифонова, Г.С. Михаил Иванович Ткачёв. Дорогами жизни и искусства: [рисунок, акварель, монотипия]: монография к 100-летию со дня рождения художника / Г.С. Трифонова. – Челябинск: Книга, 2013. (Серия «Искусство XX века. Художники Урала». – С. 26–165.

6. Валентина Челинцова: «Благословляю работу…». 110-летию со дня рождения В.Н. Челинцовой, 80-летию Челябинской организации Союза художников России. Художники. Современники. Мастера. Челинцова Валентина Николаевна (1906–1981), Ткачев Михаил Иванович (1913–1995), Черкасов Николай Иванович (1919–2013), Третьяков Николай Яковлевич (1925–2014), Бубнов Владимир Васильевич (1930–2013), Меркулов Виктор Петрович (1936–2010), Мочалова Мария Петровна (1922–2010), Соловьева Антонина Александровна (1935–2003). Рисунок, акварель, пастель, гуашь, темпера, гравюра, живопись: каталог выставки / авт. вст. статьи сост. кат. Г.С. Трифонова. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2016. – 80 с.: ил.

7. Дюрер, А. Дневники, письма, трактаты / А. Дюрер; пер. и вст. ст. Ц.Г. Нессельштраус. – Л.-М., 1957. – Т. 2. – С. 189.

К содержанию

УДК 94(470.5)«1950/1960» + 78.05 + 78.07

ГАСТРОЛИ В ПРОВИНЦИИ (ИСТОРИЯ ОТНОШЕНИЙ ГАСТРОЛЬБЮРО И УРАЛЬСКИХ ФИЛАРМОНИЙ В 1950–1960-е гг.)

Ю.В. Федотова

Рассмотрены взаимоотношения Челябинской, Свердловской, Пермской, Курганской и Оренбургской филармоний в 50–60 гг. XX века с центральной концертно-гастрольной организацией Гастрольбюро (Госконцерт, Росконцерт). Изучены основные действия по улучшению музыкального просвещения областей и показаны трудности, с которыми филармонии столкнулись в ходе организаций гастролей.

Ключевые слова: уральские филармонии, Гастрольбюро (Госконцерт, Росконцерт), организация гастролей.

Концертно-гастрольное направление в жизни советских филармоний всегда являлось одним из основных в их деятельности. Оно понималось как линия работы филармонии по приобщению к творчеству выдающихся и только начинающих исполнителей и коллективов в целях развития музыкального исполнительского искусства региона и страны в целом. В рамках этого же направления деятельности осуществлялось сотрудничество филармоний с другими концертными и творческими организациями страны. В данном исследовании изучены связи пяти уральских филармоний и центральной организации, отвечающей за организацию гастролей по стране, Гастрольбюро (Госконцерт, Росконцерт).

Концертно-гастрольная деятельность уральских филармоний осуществлялась не только собственными коллективами. Филармонии привлекали коллективы других концертных организаций в рамках творческого взаимообмена, делали заказы на тот или иной коллектив Всесоюзному концертно-эстрадному гастрольному объединению (Гастрольбюро СССР), начавшему свою деятельность еще в 1938 г. [1, с. 632] Оно отвечало за планомерную организацию гастролей по всей стране лучших музыкантов, артистов и коллективов. Это, безусловно, облегчало работу местным концертным организациям (филармониям, концертно-эстрадным бюро), которым приходилось только принимать гастролёров, направленных из центра. Однако столичные исполнители не спешили попасть с концертами в далёкую провинцию. Тогда периферийным филармониям приходилось устраивать концерты малоизвестных артистов (чаще артистов эстрадного жанра) с не всегда качественными в художественном плане программами.

Корреспонденция уральских филармоний с Гастрольбюро демонстрирует и положительные моменты их совместной деятельности, а также и недочеты в работе. Например, из объяснительной записки к финансовому отчету за 1956 г. Курганского областного концертно-эстрадного бюро следует, что финансовый дефицит бюро испытывала из-за крупных дорогостоящих ансамблей песни и пляски, хоров, прибывших по линии Гастрольбюро [2]. Столичные бригады требовали гостиницу, носильщиков и обедов в ресторане, что было проблематично устроить в сельской местности. А между тем филармония просила на гастроли отдельных артистов, концерты которых легче было бы и в финансовом, и в организационном плане устроить. В том же году Челябинская филармония информировала, что слушатели симфонических концертов не удовлетворены, так как Гастрольбюро практически не присылает крупных мастеров советского искусства – С. Лемешева, Д. Ойстраха, Э. Гилельс, И. Масленникову, М. Максакову и др. [3] Свердловская же филармония, наоборот, в связи с потоком известных артистов организовала в 1964 г. три абонемента симфонической музыки (по шесть концертов в каждом) с участием в ведущих концертных исполнителей – С. Рихтера, Д. Ойстраха, дирижеров-гастролеров и композиторов – А. Хачатуряна, Д. Кабалевского, Т. Хренникова [4]. Пермская филармония, отвечая на запрос Областного комитета радио и телевидения о возможности проведения выступлений гастролеров с концертами на телевидении, писала: «Мы зависим от далеко несовершенной организации “Гастрольбюро”. Несмотря на частую реорганизацию Гастрольбюро, наши не менее частые к ним претензии, рекламации, мы не можем добиться хотя бы элементарного порядка, то есть своевременного получения программ гастролёров. Реклама запаздывает, аннотации отсутствуют, не редко гастролёры с плана снимаются» [1].

После создания на базе Мосэстрады и Ленгосэстрады в 1957 г. Всероссийского гастрольно-концертного объединения (ВГКО), Гастрольбюро было реорганизовано в Государственное концертное объединение СССР (Госконцерт), теперь отвечавшего только за обеспечение коллективами концертные предприятия союзных республик и организацией конкурсов [6, с. 146]. Если раньше филармонии имели право и возможность самостоятельно заключать договора и получать концертные группы и отдельных артистов от других союзных республиканских концертных организаций (Укргосэстрада, Белгосэстрада и др.), то теперь прежние договорные отношения разрывались. Выбор за филармонии стало делать ВГКО [7]. Однако этот выбор не всегда был удачным. Например, в концертном сезоне 1962/1963 г. по линии ВГКО в Курганской области гастролировали эстрадные коллективы Львовской, Новосибирской, Молдавской, Узбекской, Калининградской и Дагестанской филармоний. Филармония отмечала, что не все эстрадные программы прошли на должном художественном уровне.

Вызвали неудовлетворение у публики Новосибирский передвижной цирк, Карельская эстрада, Дагестанские канатоходцы, Калининградский ансамбль цыган. Остальные филармонии предоставили эстрадные программы, в которых большое место занимала джазовая музыка или «джазовый исполнительский стиль» [8]. Пермская филармония в своих отчетах сообщала о серьёзных претензиях к «Росконцерту» (в 1964 г. ВГКО заменили Государственным концертно-гастрольным объединением «Росконцерт» [9]), который направляет слабых исполнителей. Неудобство вызывали и маршруты гастролеров, разработанные ВГКО. Например, Курганская филармония считала, что ВГКО планирует гастролеров без знания географического расположения городов (имеется в виду, вероятно, незнание железнодорожных ветвей). Гастролерам из Кургана было бы удобнее и дешевле добраться в Петропавловск, Омск, а их отправляли с пересадкой в Караганду [10].

Не вольны филармонии были и в самостоятельном выборе артистов, сроков их гастролей и разработке маршрутов собственных коллективов. Существовали списки, разрешающие взаимообмен с другими концертными организациями. Например, в 1960 г. обмен концертными исполнителями разрешался всем уральским филармониям. Однако даже в пределах уральского региона между собой они не все могли это осуществить. Пермская и Курганская филармонии могли сотрудничать только с двумя уральскими филармониями – Челябинской и Свердловской, причем между собой сотрудничество им не разрешалось; Оренбургская филармония – только с Челябинской. Челябинская филармония, вероятно, благодаря своему географическому местоположению получала разрешение на творческое общение с остальными четырьмя уральскими филармониями. Чаще всего филармонии ориентировались на близлежащие регионы: Оренбургская – на Башкирскую и Татарскую АССР, Куйбышевскую и Саратовскую области; Свердловская – на Тюменскую, Омскую и Новосибирскую области и Удмуртскую АССР и т.д. [11].

На страницах столичных газет общественностью, а также на уровне высших административных кругов довольно часто обсуждался вопрос пропаганды филармонического искусства областными и центральными организациями. «Росконцерту» предъявлялись следующие упреки: низкого качества реклама на гастрольные концерты (нужно отметить, что Госконцерт, а позже «Росконцерт» имели специальные отделы, занимающиеся выпуском афиш, плакатов и других изданий); Лауреаты международных конкурсов не имеют аннотационного материала; репертуар скрипачей, виолончелистов, пианистов мало контролируется, в связи с чем нередко в гастрольных концертах подряд звучат одни и те же произведения. «Росконцерт» практически не обращал внимания на художественные результаты гастролей, не изучал отклики на концерты гастролеров, не учи-

тывал запросы других концертных предприятий. Кроме этого, довольно редким явлением было выступление самих «периферийных» музыкантов в соседних областях, в других городах страны, а тем более в столице.

Коллегия Министерства культуры постановляла исправить «Росконцерту» названные ошибки, а также ввести в практику симфонические сезоны с предварительным устройством рабочих совещаний с главными дирижерами оркестров за полгода до начала сезона. Среди первых коллективов-гастролеров по данному абонементу был и симфонический оркестр Свердловской филармонии для Тюменской и Курганской областей. Еще одной задачей было восстановить систематический выпуск периодических справочников к Республиканскому гастрольно-концертному плану на филармонических исполнителей и художественные коллективы [12]. Также было решено проводить регулярные расширенные заседания Художественного совета «Росконцерта» с обсуждением вопросов о музыкально-филармонической работе концертных организаций. А филармониям предлагалось шире использовать опыт других концертных предприятий. Среди тех филармоний, которые накопили положительный опыт интересной и содержательной филармонической работы, назывались и уральские организации – Свердловская и Челябинская филармонии.

В дальнейшем при «Росконцерте» был создан Отдел творческой молодежи и формирования концертных организаций РСФСР [13]. Отдел занимался всесторонним анализом состояния работы концертных организаций РСФСР с творческой молодежью, обеспечением дальнейшего улучшения содержания, форм и методов её идейного воспитания и профессиональной деятельности, подготовкой на рассмотрение руководства «Росконцерта» и Министерства культуры РСФСР предложений по подбору и расстановке, повышению квалификации и поощрению кадров административного, художественно-руководящего и артистического состава филармоний РСФСР.

В заключение следует отметить, что стабильное гастрольно-концертное обслуживание городов и районов области было одной из важнейших задач функционирования советских филармоний. Уральские концертные организации в 1950–60-е годы с помощью центральных гастрольных организаций пытались расширить не только географический ареал для музыкального просвещения, но также улучшить качество этого обслуживания, приглашая известных мастеров искусства. Не всегда этот процесс протекал гладко, причинами этого становились несогласованность действий местных концертных организаций и Гастрольбюро (Госконцерт, Росконцерт), недостаток средств на организацию гастролей и технические трудности (транспорт, гостиницы) местных филармоний, а также часто низкий художественный уровень гастролеров. Однако следующее десятилетие

определенно явилось более активными в гастрольно-концертном отношении, чем предыдущее. По стране концертировали многие известные советские и зарубежные артисты, музыканты, что позволило филармониям устраивать не отдельные концерты, а абонементные циклы концертов мастеров камерной и симфонической музыки. Известности добились и некоторые уральские коллективы, которые стали активно гастролировать по соседним областям и всей стране с высокохудожественными программами.

Библиографический список

1. Культурная жизнь в СССР (1928–1941): Хроника / Сост. С.Н. Базанов и др. – М.: Наука, 1976. – 816 с.
2. ГАКО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 4. Л. 117–118.
3. ОГАЧО. Ф. Р-1605. Оп. 1. Д. 36. Л. 38.
4. ГАСО. Ф. Р-2078. Оп. 1. Д. 277. Л. 2.
5. ГАПО. Ф. Р-927. Оп. 1. Д. 467. Л. 8.
6. Музыкальный энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – 487 с.
7. ОГАЧО. Ф. Р-1605. Оп. 1. Д. 93. Л. 2.
8. ГАКО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 60. Л. 20–22.
9. ГАКО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 66. Л. 14.
10. ГАПО. Ф. Р-1003. Оп. 1. Д. 126. Л. 18; ГАКО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 4. Л. 103–104.
11. ГАКО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 27. Л. 60–61.
12. ГАКО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 198. Л. 68–70.
13. ГАКО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 198. Л. 32–34.

К содержанию

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)

К ВОПРОСУ О ГОРНОЙ СВОБОДЕ

В.М. Свистунов

Ко времени самостоятельного правления Петра I в Европейской России уже действовало несколько чугуноплавильных железоделательных чугунолитейных заводов (с 1632 г. – Городищенские на реке Тулице; с 1652 г. – Каширские на реке Скниге; с 1756 г. – заводы в Малоярославском уезде; с 1681 г. – Заонежские в Олонецком уезде). Все они принадлежали иностранцам (Андрей Виниус, Авраам Виниус, Тилеман Акема – голландцы; Андрей Бутенант фон Розенбуш – датчанин; Питер Марселис – голландец датского происхождения). В качестве квалифицированной рабочей силы на этих заводах использовался наемный труд иностранных рабочих (чехов, поляков, голландцев, датчан, шведов, англичан), которых заводовладельцы с разрешения московских царей приглашали и привозили из-за границы. При самом Петре I металлургические заводы также продолжали строиться и действовать в Карелии, на Урале. Тем не менее, вплоть до 1719 г. все вопросы, связанные со строительством и действием этих заводов, решались отдельными, не связанными между собой жалованными грамотами, именными и сенатскими указами. Пытливый ум царя-реформатора не позволил ему отгородиться от своих подданных непроницаемой стеной, состоящей из узкого круга особо доверенных лиц. Служба Преображенского приказа действовала так, что до царя рано или поздно, но доходили, как самые смелые проекты, направленные на преобразования экономической жизни страны, так и самые нелицеприятные доносы о поведении местных властей.

Ключевые слова: Берг-Привилегия 1719 г., Берг-Регламент 1739 г., Горная регалия, Горная свобода, Право первого.

Если непредвзято проанализировать политику московских царей по отношению к горнорудному делу, начиная с Михаила Федоровича и заканчивая Петром I, то все они стремились к тому, чтобы горное дело развивалось в России. Причем главным побудительным мотивом для них было стремление «… иметь собственные свои воинские орудия и снаряды, крайне нужные на отражение соседственных неприятелей и ради отвращения внутренних… мятежей. Ибо, не имея у себя собственного заведения рудного дела, а потому и своего изделия воинских орудий, принуждено было все то за великое иждивение доставать из чужих краев и когда и от собственных своих неприятелей» [2, л. 8 об.].

При этом активно использовался опыт европейских государств и их подданных, с той лишь разницей, что при Петре I иностранцы более не допускались до прав собственности на металлургические заводы на прежних основаниях. Оставшиеся у них заводы, под разными предлогами изымались в казну. Справедливости ради надо сказать, что эта практика использовалась и до, и после Петра I. Те же Городищенские заводы отнимались в казну в 1647 и 1662 гг., но тогда их вернули прежним владельцам [1]. Одной из причин, по которой иностранцы лишались прав собственности, являлось массовое нарушение ими пункта договора, относящегося к обучению русских учеников квалифицированному труду. Практически во всех жалованных грамотах XVII в., выданных иностранцам на владение заводами, прописывалось положение, что они обязуются обучать русских учеников всем тонкостям горного дела. Но метаморфоза заключалась в том, что подписывали эти грамоты одни – владельцы заводов. Другие же, их наемные иностранные мастера, получившие трудоустройство в России, были кровно заинтересованы в обратном положении – сохранять за собой рабочие места, а не передавать их через год-другой русским ученикам [1].

За более чем полувековой период работы Тульско-Каширских металлургических заводов в Подмосковье образовалась устойчивая прослойка отечественных квалифицированных кадров, но процесс-то обучения шел по принципу: «Не благодаря, а вопреки»! Тогда как царю-реформатору нужны были квалифицированные рабочие руки в несравнимо большем количестве чем, то, что мог дать Подмосковный промышленный район конца XVII в.

Особенно остро стояла необходимость в рудознатцах, способных вести поиск полезных ископаемых на всей территории России. Именно для этих целей в 1699–1701 гг. по указанию царя из Саксонии было выписано 11 мастеров. Василий Крамаренков по этому поводу отмечает, что «… в 1700 г. ноября 2 учредя особое… для горных дел правительство Рудный приказ, (Петр I) издал и указ, повелевая оным для пополнения… казны… сыскивать золотых, серебряных, медных и иных всяких руд. Вследствие чего… в 1799 г. … генерал Карлович, по прибытии… в Москву, вывез с собой из горных людей саксонских уроженцев, опытного мастера Блигера[1]… и с ним 6 человек… Сверх сих 7-ми человек в 1701г. для рудных дел велено быть мастерами 2-м человекам из греков Симону Григорьеву, Вельямону Леводианову и русскому Якову Власову. Из военного приказа в горные ученики прислано 5 человек, да из приказных… быть в учениках 2-м человекам. Коих и велено разослать для учения на Олонец, где… начинались строением Новопетровские Олонецкие заводы. В 702–704 гг. по именным

[1] Фамилия этого саксонца более известна в уральской историографии как Блиер Иоганн Фридрих.

же указам посланы в Саксонию для обучения рудосыскных дел… 10 человек, но из сих 10-и возвратились в Москву только 3 человека…

В том же 1701 г., опытный вышеупомянутый мастер Блигер, а с ним Иван Патрушев отправлен в Саксонию для призыва еще рудосыскных и плавильных мастеров. Вследствие чего они в том же году возвратясь, привезли с собою 4-х человек рудоискателей. Число их умножено еще… одним мастером из голландцев по имени… (не читается) и служившим в артиллерии, опытным и рудных дел мастером. А сверх тех для науки в… 1702 г. отдано было 11 человек рудопромышленнику Даниле Воронцову… уже учившемуся в Саксонии. Вышеозначенные все рудоискатели с 1700 г. разосланы были в разные города и уезды для осмотра и прииска руд…» [2, л. 9].

Эти-то саксонцы, два грека, трое русских, голландец, приданные им русские ученики и образовали первый штат рудоискателей при вновь учрежденном в Москве приказе Рудных дел, который действовал с 1700 по 1711 гг. За 10 лет упорной поисковой работы ими были найдены, как в Европейской России, так и на Урале, в Сибири надежные месторождения железа, меди, серебра. Но указом от 8 июня 1711 г. Рудный приказ был упразднен, а все текущие дела переданы в Сенат и губернаторам. Иностранцам же было предложено по их желанию отправиться в Сибирскую губернию. В заключении указ повелевал из жалованья Иоганна Блиера вычесть 50 рублей [5, с. 690–691].

В качестве ответной меры саксонец Блиер в 1712 г. и 1714 г. подал от себя два «Мемориала» самому государю. Где не столько жаловался на препятствия, которые чинили ему и его товарищам уездные власти при поиске руд, сколько предлагал выход из создавшейся порочной практики. Когда государевы чиновники на местах, являлись главными гонителями таких же государевых людей, занимавшихся поиском полезных ископаемых. Основной идеей Блиера, проходившей красной нитью через «Мемориалы», являлась идея централизации и независимости управления горной частью. В его первых строках он заявлял, что «… вместо Рудного приказа весьма нужно учредить Берг-коллегию…». «Все… обысканные рудные места… поручить в ведомство одной Берг-коллегии, – продолжал автор, – чтоб… один за все ответствовать мог». И самое главное: «… Определенному над горным управлением начальнику отдать все производство в полную власть… *Сему управителю не быть подчиненному у губернаторов и других разных начальников, но ведому быть единственно государю или Сенату.* И для того всем губернаторам и прочим начальникам подтвердить именными указами, дабы ему в управлении горных дел никакого препятствия чинено не было» [2, лл. 10об., 12об., 13].

По большому счету приказ Рудных дел являлся неким инородным органом в структуре российского государственного управления того периода,

так как законодательная сторона вопроса и в 1700 г., когда его учредили, и в 1715 г., когда его восстановили, не была решена. Это создавало порой его сотрудникам непреодолимые трудности в выполнении своих служебных обязанностей. Василий Крамаренков в «Выписках о горных делах…» так характеризует деятельность этого приказа: «… Рудоискатели принуждены были в одном месте просить об окладном… жалованье, в другом о кормовых дачах, в третьем об отправлении… к делу… и часто не получая долговременно просимых решений к немалому вреду рудного производства оставались в праздности…» [2, л. 8об.]. В связи с чем, Иоганн Блиер и предлагал заменить не дееспособный приказ Рудных дел на самостоятельную и независимою от произвола чиновников Берг-коллегию. С передачей же в 1711 г. текущих дел и штатных сотрудников Рудного приказа по губерниям, рудоискатели оказались не только в «праздности», но и порой без жалованья.

Доведенный до крайней степени возмущения рудопромышленник Василий Михайлович Лодыгин в 1715 г. передал государю вместе с описью найденных им рудников и откровенный донос на губернских и уездных чиновников, препятствующих не только поиску руд, но и строительству и действию заводов. В силу того, что донос отличался краткостью и емкостью изложения, да к тому же отражал общее настроение местных воевод и помещиков к горному делу в период с 1703 по 1715 гг., имеет смысл изложить этот документ по возможности полнее.

«1-е Что казны теряется напрасно на рудное дело много, а рудной приказ… не распространяется;

2-е Что хотя… в Тобольском уезде заведены были для плавки серебра заводы, но бывший тогда Тобольской воевода Трегубов по подкупу от крестьян того села, где заводы были, захватя бывших и тех рудах доносителей и за доносы, бив кнутом, разослал по разным местам в ссылку, а от чего завод впусте остался;

3-е Что на отданных ему обще с капралом гвардии Воронцовым приисканных между реками Дону и Хопра на речках Толычевой, Маяной и Шулейной рудных приисках из оброку на 30 лет заведены были ими заводы, но по насилию бывшего… коменданта Колычева не только приведен в опустошение, но и помянутый капрал, будучи им захвачен, был бит и 8-м недель содержался скован, а по выпуске, не имея… помощи, отстал от завода…;

4-е Доносил на Никиту и сына его Григория Демидовых, на Вахромея Меллера и на других заводчиков в неправом владении… заводами и… утайке пошлин;

5-е Изясняеся, что он находится у прииску руд с 1703 г. претерпел многие убытки нужд издержки от приказных мест, а указа никакого о себе не получил, *а от прииску руд без воли государя отстать не смеет*. Пред-

ставлял, дабы повелено было все те места, где руды и дорогие каменья найдены описать вновь и построить казенные заводы. А о не чинении препятствия в приисках рудных и о свободных доносах обнародовать указами, дополняя сие доношение показанием, что ***везде от начальников и помещиков чинится рудоискателям и доносителям великие препятствия и утеснения»*** [2, лл. 14об.–15об.].

При желании этот обличительный перечень можно продолжить. Важно другое! Как такое стало возможным? В чем подлинная причина повсеместного недовольства петровских государственных чиновников и землевладельцев политикой распространения рудного дела?

Анализ жалованных грамот XVII в., именных, сенатских указов начала XVIII в. выданных на строительство и действие металлургических заводов, свидетельствует, что вплоть до 1719 г. в России не было практически ни одного правительственного указа, который бы пытался хоть как-то решить главный вопрос горного права. Как известно, *вопрос об отношении права на недра к праву на поверхность земли является основой горного законодательства любого государства* [7]. Даже новаторский казалось бы «Мемориал» Иоганна Блиера 1712–1714 гг. хранил гробовое молчание по поводу права на земные недра! Они-то кому должны принадлежать? Но Петр I не был бы подлинным царем-реформатором, если бы «тихо прошел» мимо этого вопроса, или, что еще хуже, притворился, что не понимает его чрезвычайной важности.

Дело в том, что все без исключения горнопромышленники начала XVIII в. в России нуждались в том, чтобы такие направления их деятельности, как получение лесорудных участков, обеспечение металлургических заводов рабочей силой, использование частных капиталов в горной практике, законодательно подтверждались бы государством. Весьма важным обстоятельством являлось условие необратимости сделок с движимым и недвижимым имуществом, а это, как известно, могла гарантировать верховная власть. Для этих целей в ряде государств Европы и Северной Америки принимались специальные законодательные акты горного права, имеющие общегосударственный характер.

В России XVIII в. таковым первым актом общегосударственного значения и стала Берг-Привилегия от 10 декабря 1719 г. Привилегия содержала 17 параграфов, которые определяли политику русского правительства в горнорудной промышленности на протяжении почти двух десятков лет. В её преамбуле однозначно указывались главные причины на тот период неудовлетворительного развития горного дела в России. «Мы признаваем, – говорилось в указе, – что сему пренебрежению… причина была частию, что наши подданные рудокопным делам не разумели, частию же иждивению и трудов к оному приложити отважиться не хотели, опасаяся… те… рудокопные заводы, егда с них добрая прибыль будет, от них заво-

дчиков отняты б не были» [6, с. 760]. Здесь же объявлялось об учреждении Берг-коллегии и наделении её всей полнотой судебной власти над всеми участниками горного дела. Тем самым горнопромышленники ограждались от вмешательства в их дела государственных чиновников, в том числе губернаторов и воевод. В то же время, Берг-коллегия обязана была оказывать всестороннюю помощь промышленникам в строительстве заводов и «… добрым советом вспомоществовать». Также Берг-Привилегия провозглашала право свободной продажи железа, олова, свинца и других минералов, при обязательной продажи государству золота, серебра, меди и селитры. С целью привлечения квалифицированной рабочей силы Берг-Привилегия освобождала мастеровых от рекрутской повинности и подушного налога, гарантируя при этом, что «… за их работу исправную зарплату получать будут» [6, с. 760–762]. Шестнадцатый параграф Привилегии также гарантировал, но теперь уже самим горнозаводчикам, право наследования собственности на заводы[2], а семнадцатый параграф вводил в горное право понятие «общенародной пользы». Причём, согласно этому параграфу, лица утаившие сведения о полезных ископаемых и препятствующие их поиску и строительству заводов подлежали телесному наказанию, вплоть до смертной казни с конфискацией «всех имений» [6, с. 762].

Несмотря на значимость вышеперечисленных положений Берг-Привилегии 1719 г., наибольший интерес для заявленной темы представляют первый, шестой, седьмой и одиннадцатый параграфы. Именно они в данном законодательном акте решали главный вопрос горного права и декларировали свободу частного предпринимательства в главных отраслях России – черной и цветной металлургии.

Так как же Берг-Привилегия 1719 г. решала основной вопрос российского горного права? Не трудно предположить, что в пользу государства. Ее одиннадцатый параграф провозглашал государственную собственность на недра земли – *горную регалию*, что неизбежно обязывало горнопромышленников за использование земных недр платить в государственную казну «… десятую долю от прибытка» [6, с. 760]. Это положение и стало отправной точкой российского горного права, как минимум на 60 лет. Но, Петровские реформы конца 10-х XVIII в. тем и отличались от предыдущих попыток преобразований, что предоставляли российским частным промышленникам больше экономических свобод. Разумеется, интересы русских землевладельцев были учтены, но не в ущерб горнорудного дела! Если в первом параграфе Привилегии говорилось, что «… соизволяется всем, и каждому даётся воля, какого б чина и достоинства ни был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях искать, плавить, варить и

[2] В сочетании с указом от 1714 г. «О единонаследии…».

чистить всякие металлы…» [6, с. 761]. То в шестом параграфе декларировалось преимущественное право землевладельца перед искателем полезных ископаемых: «Помещики или владетели тех земель, в которых руды изобрящутся, имеют наперёд в сих позволение ко устроению тех заводов, когда заранее о том востребуют». Из седьмого параграфа следует особо выделить два положения: 1. «… Ежели владелец не имеет охоты сам строить…, то принужден будет терпеть, что другие в его землях руду и минералы искать и копать и переделывать будут…»; 2. «… те промышленники с той земли, на которой построят заводы, повинны заплатить тому владетелю от каждой руды или минерала, готово сделанного тридцать вторую долю от прибыли, без всякого удержания и за прочие места, которые для того завода потребны вновь, также и за надлежащие дрова и лес к строению платить деньгами должны» [6, с. 761]. Другими словами, искатель полезных ископаемых получал полную свободу действий только в том случае, если владелец земли отказывался от переработки полезных ископаемых. *Таким образом, в Берг-Привилегии 1719 г. горная свобода (экономическая свобода горного промысла, включая право разрабатывать ископаемые тому, кто их первым обнаружил) провозглашалась, но не носила безусловный характер.* Тем не менее, данный факт способствовал притоку частных капиталов в металлургическую отрасль, что и ускорило промышленное развитие России в 20–30-х гг. XVIII в.

Со смертью Петра I Берг-Привилегия 1719 г., вопреки утверждениям советской историографии, не только не утратила своего значения, но получила дальнейшее развитие. Берг-Регламент 1739 г., подтвердив ее основные принципы, провозгласил-таки преимущественное право рудоискателя на недра земли по отношению к землевладельцу (ст. 3). Благодаря чему на Южном Урале в кратчайшие сроки с 1744 по 1764 гг. и было построено 35 металлургических заводов.

Основные положения горной свободы, провозглашенные Берг-Привилегией 1719 г. и Берг-Регламент 1739 г. со всеми подзаконными актами были дезавуированы на Южном Урале указом от 13 июля 1776 г. [3, с. 603]. Манифест же Екатерины II от 28 июня 1782 г., путем передачи землевладельцам прав собственности на земные недра, окончательно отменил горную свободу в России [4, л. 1]. Ее дальнейшая судьба в российском государстве – это отдельная тема исследования.

В качестве заключения важно отметить, что период российской горной истории с 1632 по 1719 гг. идентичен периоду, наступившему после отмены в 1782 г. государственной собственности на недра земли в России. Общеизвестно, что землевладельцы самостоятельно распоряжаются своей землей и всем тем, что находится на её поверхности (леса, луга, реки, озёра, болота и т.п.). При отсутствии в государственном законодательстве акта горного права, который бы однозначно указывал, что недра являются

собственностью государства, то в этом случае, владелец поверхности земли или её распорядитель (губернаторы, воеводы и т.п.) имел возможность, разрешать или не разрешать кому-либо искать или тем более копать что-либо в его земельных владениях. К чему это привело хорошо видно из двух «Мемориалов» Блиера и доноса Лодыгина. С передачей прав на недра владельцам поверхности земли в законодательном порядке, свободный горный промысел становился в принципе невозможным.

Таким образом, отмена в 1782 г. государственной собственности на недра земли (горной регалии) не только возвращала экономическую жизнь российского государства в дореформенную и допетровскую эпоху, но и вводила, созданную в XVIII в. молодую металлургическую промышленность Урала в состояние стагнации.

Библиографический список

1. Гамель, И. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении / И. Гамель. – М., 1826. – 104 с.
2. ГАСО. – Ф. 101. – Оп. 1. – Д. 411.
3. Материалы по истории Башкирской АССР / сост.: Н.Ф. Демидова. – М. – Л., 1956. – Т. IV. – Ч. 2. – 667 с.
4. ОГАЧО. – Ф. Р-874. – Оп. 1. – Д. 71а.
5. ПСЗ. – СПб, 1830. – Т. IV.
6. ПСЗ. – СПб, 1830. – Т. V.
7. Штоф, А. Горное право. Сравнительное изложение горных законов действующих в России и в главнейших горнопромышленных государствах Западной Европы / А. Штоф. – СПб., 1892. – 628 с.

К содержанию

ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.98 + 159.9.07:621.31.08

ИССЛЕДОВАНИЕ СВЯЗИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТРЕССА И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ТРУДОМ РАБОТНИКОВ ЭЛЕКТРОСЕТЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

И.А. Шляпникова, А.С. Тимощенко

Приведены данные о результатах исследования связи профессионального стресса и удовлетворенности трудом работников электросетевой организации г. Челябинска. Наибольшее количество статистически значимых корреляционных связей установлено между показателями удовлетворенности трудом и показателем профессионального стресса «личная значимость».

Ключевые слова: профессиональный стресс, удовлетворенность трудом, электросетевая организация.

В современном мире происходит быстрое изменение рынка, динамичное развитие новых технологий, совершенствуется интеллектуальное, техническое развитие человечества, существует экономическая и политическая нестабильность. В связи с чем большинство организаций постоянно испытывает необходимость в адаптации к быстро меняющейся внешней и внутренней среде, что вызывает развитие различных форм стресса у персонала и приводит к уменьшению уровня удовлетворенности трудом [4].

Работа в электросетевой организации, также как в любой современной крупной развивающейся компании, связана с большим потоком информации, постоянными изменениями в законодательстве, необходимостью в адаптации к быстро меняющимся условиям [1].

В связи с тем, что электричество в современном мире занимает важное место в жизни каждого человека, работа в организации, связанной с подключением новых электросетевых объектов и обслуживаем существующих электрических сетей, налагает на работников большую ответственность за качество и скорость выполняемых профессиональных задач, за правильность принятия решений, уровень подготовки персонала и т.д.

В результате такой напряженной работы у персонала возникает развитие различных форм стресса, что приводит к уменьшению уровня удовлетворенности трудом. Происходит эмоциональное истощение у работников, появляется беспокойство, тревога, раздражительность, снижается оценка себя как специалиста, появляются психосоматические заболевания и т.д. [2].

В связи с этим целью нашего исследования было выявление значимых связей между уровнем профессионального стресса и удовлетворенности трудом у работников электросетевой организации.

В исследовании принимали участие сотрудники электросетевой организации г. Челябинска, в число которых входили женщины (30 человек) и мужчины (10 человек) в общем количестве 40 человек.

Для выявления особенностей профессионального стресса и удовлетворенности трудом у работников электросетевой организации использовались следующие методики: «Шкала психологического стресса PSM25» (шкала PSM25 Лемура – Тесье – Филлиона), «Шкала оценки стрессогенности ПТС на рабочем месте» (Н. Водопьянова, Е. Старченкова) [3], «Методика определения удовлетворенности трудом» (А.В. Батаршева) [5].

Для определения связи между уровнем профессионального стресса и удовлетворенности трудом использовался метод корреляционного анализа. Результаты представлены в табл. 1.

Таблица

Корреляционные связи между показателями профессионального стресса и удовлетворенности трудом

	интерес к работе	удовлетворенность достижениями в работе	удовлетворенность взаимоотношениями с сотрудниками	удовлетворенность взаимоотношениями с руководством	уровень притязаний в профессиональной деятельности	предпочтение выполняемой работы высокому заработку	удовлетворенность условиями труда	профессиональная ответственность
шкала психол. стресса PSM25	-.114	-.304	-.410**	-.357*	.129	-.101	-.087	-.033
повторяемость	-.158	-.408**	-.189	-.333*	.226	-.296	-.468**	.099
эмоциональная напряженность	-.182	-.020	-.499***	.057	.354*	.121	-.246	.343*
личная значимость	-.309*	-.428**	-.099	-.421**	.118	-.447**	-.511***	-.088
неконтролируемость	-.201	-.218	-.271	-.215	.310*	-.224	-.377*	.084
продуктивность	-.226	-.271	-.097	-.105	-.103	-.077	-.193	.152
неопределенность	-.118	-.419**	-.411**	-.214	.096	-.212	-.456**	-.029

Условные обозначения: *** – $p<0,001$, ** – $p<0,01$, * – $p<0,05$

В ячейках табл. 1 приведены коэффициенты корреляции между показателями профессионального стресса и удовлетворенности профессиональной деятельностью. Звездочками обозначен уровень значимости корреляционных связей.

Как видно из табл. 1, наибольшее количество статистически значимых корреляционных связей (5) наблюдается между показателями удовлетворенности трудом и показателем профессионального стресса – личная значимость (оценка полезности ситуации для будущего). Все указанные корреляционные связи отрицательные. Это говорит о том, что чем выше показатели стресса из-за нетактичного поведения (или несправедливого отношения) руководителя, тем ниже удовлетворенность профессиональной ситуацией, а именно люди менее проявляют интерес к работе ($r=-0,309$, $p<0,05$), снижается удовлетворенность достижениями в работе ($r=-0,428$, $p<0,01$), удовлетворенность взаимоотношениями с руководством ($r=-0,421$, $p<0,01$), значительно снижается удовлетворенность условиями труда ($r=-0,511$, $p<0,001$), увеличивается предпочтение выполняемой работы высокому заработку ($r=-0,447$, $p<0,01$).

Также видно из результатов исследования, что удовлетворенность условиями труда имеет много связей с профессиональным стрессом. Все указанные корреляционные связи отрицательные. Это говорит о том, что ситуация сверхурочной работы без дополнительного вознаграждения ($r=-0,468$, $p<0,01$), нетактичное поведение (или несправедливое отношение) руководителя ($r=-0,511$, $p<0,001$), необходимость делать работу за других без морального и материального вознаграждения ($r=-0,377$, $p<0,05$), грубость и несдержанность коллег (потребителей) ($r=-0,456$, $p<0,01$) связано со снижением уровня удовлетворенности условиями труда.

У интегрального показателя психической напряженности (PSM25) наблюдаются отрицательные корреляционные связи с показателями удовлетворенности взаимоотношениями с сотрудниками ($r=-0,410$, $p<0,01$), а также с руководством ($r=-0,357$, $p<0,05$). Это говорит о том, что состояние напряженности, взволнованности, постоянных переживаний, сильного возбуждения, связано не только с ухудшением физического состояния работников, но и с взаимоотношениями в коллективе и с руководством.

У показателя профессионального стресса – повторяемость (оценка временной характеристики ситуации) наблюдаются отрицательные корреляционные связи с показателями удовлетворенности достижениями в работе ($r=-0,408$, $p<0,01$), взаимоотношениями с руководством ($r=-0,333$, $p<0,05$) и условиями труда ($r=-0,468$, $p<0,01$). Это говорит о том, что ситуация сверхурочной работы без дополнительного вознаграждения связана с ухудшением взаимоотношений сотрудников с руководством, а также связано с отрицательным влиянием на субъективное мнение об условиях труда в организации и снижением удовлетворенности работников от достижений в труде.

У показателя профессионального стресса – эмоциональная напряженность (субъективная оценка внутренних ресурсов) наблюдаются положительные и отрицательные корреляционные связи с показателями удовлетворенности трудом. Это говорит о том, что увеличение эмоциональной напряженности связано с уменьшением удовлетворенности взаимоотношениями с сотрудниками ($r=-0,499$, $p<0,001$), а также с увеличением уровня притязаний в профессиональной деятельности ($r=0,354$, $p<0,05$) и профессиональной ответственности ($r=0,343$, $p<0,05$).

У показателя неконтролируемость (неопределенность собственных ресурсов управления ситуацией) также наблюдаются положительные и отрицательные корреляционные связи с показателями удовлетворенности трудом. Это говорит о том, что увеличение показателя стресса – неконтролируемость связано с уменьшением удовлетворенности условиями труда ($r=-0,377$, $p<0,05$), но при этом также связано с увеличением уровня притязаний в профессиональной деятельности ($r=0,310$, $p<0,05$).

При этом у показателя продуктивности (оценка внутренних ресурсов) отсутствуют значимые корреляционные связи с показателями удовлетворенности трудом. То есть, продуктивность деятельности, характеризующаяся отношением работников к сбоям в работе из-за трудностей взаимодействия (плохих коммуникаций) с другими подразделениями предприятия, не связана с удовлетворенностью трудом.

У показателя профессионального стресса – неопределенность (оценка открытости пространства ситуации) выявлены отрицательные корреляционные связи с показателями удовлетворенности достижениями в работе ($r=-0,419$, $p<0,01$), взаимоотношениями с сотрудниками ($r=-0,411$, $p<0,01$) и условиями труда ($r=-0,456$, $p<0,01$). Это говорит о том, что грубость и несдержанность коллег (потребителей) связаны с ухудшением взаимоотношений в коллективе, снижением удовлетворенности предоставляемыми в организации условиями труда, а также снижением уровня удовлетворенности сотрудников достижениями в работе.

Самые большие корреляционные коэффициенты с высокими уровнями значимости обнаружены между шкалами «эмоциональная напряженность» и «удовлетворенность взаимоотношениями с сотрудниками» ($r= -0,499$, $p<0,001$), а также между показателями личной значимости и удовлетворенности условиями труда ($r=-0,511$, $p<0,001$). Это свидетельствует о наиболее тесной связи данных показателей. То есть, увеличение эмоциональной напряженности, которая возникает при опоздании на работу сотрудников, отсутствии их на рабочем месте, частых отгулах, нетрезвом состоянии, связано с уменьшением удовлетворенности взаимоотношениями с ними. А также можно говорить о том, что удовлетворенность условиями труда имеет значимую связь с отношением руководства к сотрудникам, а именно: нетактичное поведение (или несправедливое отношение) руководства

связано со снижением удовлетворенности организацией труда на предприятии, ухудшением мнения сотрудников об условиях труда на своей работе.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что имеются значимые корреляционные связи между показателями профессионального стресса и удовлетворенности трудом работников электросетевой организации. При этом обнаружены отрицательные корреляционные связи между интегральным показателем психической напряженности (PSM25) и показателями удовлетворенности взаимоотношений с сотрудниками, руководством; между показателем стресса «повторяемость» и удовлетворенностью достижениями в работе, взаимоотношениями с руководством и условиями труда; между показателем «эмоциональная напряженность» и удовлетворенностью взаимоотношениями с сотрудниками; между показателем стресса «личная значимость» и показателями удовлетворенности: интерес к работе, достижения в работе, взаимоотношения с руководством, предпочтение выполняемой работы высокому заработку, удовлетворенность условиями труда; между показателем «неконтролируемость» и удовлетворенностью условиями труда; между показателем стресса «неопределенность» и показателями удовлетворенности достижениями в работе, взаимоотношениями с сотрудниками, условиями труда. Также обнаружены положительные корреляционные связи между показателем стресса «эмоциональная напряженность» и показателем уровень притязаний в профессиональной деятельности, а также профессиональной ответственностью; между показателем «неконтролируемость» и показателем удовлетворенности «уровень притязаний в профессиональной деятельности».

Результаты данного исследования можно применять при организации работы по психологическому сопровождению сотрудников электросетевой организации, при подборе персонала на занимаемые должности, при постановке профессиональных задач и при организации работы служб электросетевой организации.

Библиографический список

1. Егоршин, А.П. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности / А.П. Егоршин. – М.: Инфра-М, 2013. – 378 с.

2. Замфир, К. Удовлетворенность трудом. Мнение социолога / К. Замфир. – М.: Политиздат, 1983. – 141 с.

3. Водопьянова, Н.Е. Психодиагностика стресса / Н.Е. Водопьянова. – СПб.: Питер, 2009. – 336 с.

4. Кейт, К. Управление стрессом / К. Кейт. – М.: Эксмо-Пресс, 2006. – 34 с.

5. Фетискин, Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 490 с.

К содержанию

УДК 159.922.6 + 159.922.736.4

МОТИВАЦИОННО-ЛИЧНОСТНАЯ СФЕРА СТАРШЕКЛАССНИКОВ С РАЗЛИЧНЫМИ ЖИЗНЕННЫМИ УСТАНОВКАМИ

А.С. Мальцева

Статья посвящена исследованию особенностей согласованности мотивационно-личностной сферы у старшеклассников с установками на различные типы выбора жизненного пути: творческого, реалистического, ценностного, гедонистического. Актуальность данной тематики связана с проблемой поиска причин отказа от реализации творческих потенциалов личности в пользу иных, в том числе, прагматических ценностей.

Ключевые слова: ценности, установка, жизненный путь, личностный выбор, креативность.

В настоящее время актуальна проблематика готовности к инновационной деятельности, которая неразрывно связана с толерантностью к творческой личности, с ценностно-смысловыми ориентациями современной молодежи. Целью исследования стало изучение особенностей ценностных ориентаций школьников, как будущих потенциальных инноваторов; поиск в этой плоскости возможных причин отказа от инновационного, творческого потенциала личности.

Согласованность мотивационно-личностной сферы определялась по методике Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения ценности и доступности в различных жизненных сферах (УСЦД)». Данная методика позволяет выявить особенности иерархии ценностей личности по уровню их значимости, субъективного ощущения доступности, а также особенности соотношения «значимости» и «доступности» различных ценностей у старшеклассников [3].

Установки на различные типы выбора жизненного пути определялись с помощью опросника «Типологии личностного выбора жизненного пути», («ТЛВ»), разработанного В.Г. Грязевой-Добшинской, А.С. Мальцевой [2]. В исследовании приняли участие 66 учащихся общеобразовательной школы, которые на основе результатов опросника «ТЛВ» были разделены на 4 группы – учащиеся с установкой на творческий (творцы – 14 человек), реалистический (реалисты – 14 человек), ценностный («ценностники» – 16 человек) и гедонистический (гедонисты – 22 человека) типы выбора жизненного пути личности.

В статье последовательно будут описаны различия в «значимости», «доступности», соотношении «значимости» и «доступности» различных ценностей у старшеклассников с установками на разные типы выбора жизненного пути.

1. Особенности «значимости» различных ценностей у учащихся с установками на творческий, реалистический, ценностный и гедонистический типы выбора жизненного пути. В исследовании было выявлено, что существуют статистически значимые различия в предпочтениях ценностей школьниками с установками на разные типы выбора жизненного пути.

Такие ценности, как «Активная жизнь», «Интересная работа», «Красота природы и искусства», «Любовь» по результатам исследования оказались одинаково мало значимыми для всех школьников.

Для школьников с установкой на выбор *творческого* жизненного пути статистически наиболее значимыми являются ценности «познание нового» (от $\varphi^*=2,66$ до $\varphi^*=5,48$, при $p<0,01$), «свобода» (от $\varphi^*=1,81$, при $p<0,05$ до $\varphi^*=2,5$, при $p<0,01$), «творчество» (от $\varphi^*=2,5$ до $\varphi^*=3,22$, при $p<0,01$), которые можно назвать *ценностями самоактуализирующейся* личности. Для школьников с установкой на выбор *ценностного* жизненного пути статистически наиболее значимыми являются ценности «здоровье» (от $\varphi^*=2,1$ до $\varphi^*=2,86$, при $p<0,01$), «хорошие и верные друзья» ($\varphi^*=3,63$, при $p<0,01$), «уверенность в себе» (от $\varphi^*=1,87$, при $p<0,05$ до $\varphi^*=2,24$, при $p<0,01$), «семья» (от $\varphi^*=2,65$ до $\varphi^*=2,71$, при $p<0,01$), которые можно охарактеризовать как *витальные ценности, ценности социального принятия, самоуважения*. Подчеркнем, что у этой группы испытуемых сферы ценностей разнообразнее по сравнению с остальными группами.

Для школьников с установкой на выбор *реалистического* жизненного пути статистически наиболее значимыми являются ценности «материально обеспеченная жизнь» (от $\varphi^*=2,44$ до $\varphi^*=4,68$, при $p<0,01$), «хорошие и верные друзья» ($\varphi^*=3,27$, при $p<0,01$), которые можно охарактеризовать как *ценности статуса и социального принятия*. Для школьников с установкой на выбор *гедонистического* жизненного пути статистически наиболее значимыми являются ценности «здоровье» (от $\varphi^*=1,96$, при $p<0,05$ до $\varphi^*=3,06$, при $p<0,01$), «хорошие и верные друзья» ($\varphi^*=3,21$, при $p<0,01$), «семья» (от $\varphi^*=1,8$ до $\varphi^*=1,83$, при $p<0,05$), которые можно охарактеризовать как *витальные ценности, ценности социального принятия*.

В целом, субъекты с установками на разные типы выбора жизненного пути отличаются друг от друга по предпочитаемым ценностям. Причем, полученные в исследовании результаты согласуются с теоретическими представлениями об этих типах в концепции Ф.Е.Василюка.

2. Особенности «доступности» различных ценностей у учащихся с установками на творческий, реалистический, ценностный и гедонистический типы выбора жизненного пути. Прежде всего, необходимо отметить, что по показателю «Доступности» по сравнению с показателем «Ценности» выявлено значительно меньше различий в группах старшеклассников с установками на разные типы выбора жизненного пути.

Такие ценности, как «Здоровье», «Интересная работа», «Любовь (духовная и физическая)», «Семья (счастливая семейная жизнь)» по результатам исследования оказались одинаково малодоступными для всех школьников.

Для школьников с установкой на выбор *творческого* жизненного пути статистически *наиболее доступными* являются ценности: «познание нового» и «творчество». А *менее доступными* – ценности: «активная жизнь», «наличие хороших верных друзей» и «уверенность в себе».

Для школьников с установкой на выбор *реалистического* жизненного пути статистически *наиболее доступными* являются ценности: «активная жизнь» и «материальная обеспеченность», «уверенность в себе», «свобода». А *менее доступной* – ценность «познание нового».

Для школьников с установкой на выбор *ценностного* жизненного пути статистически *наиболее доступными* являются ценности: «активная жизнь», «красота природы», «уверенность в себе» «наличие хороших верных друзей». А *менее доступными* – ценности: «материальная обеспеченность», «познание нового» и «творчество».

Для школьников с установкой на выбор *гедонистического* жизненного пути не было выявлено статистически *наиболее доступных* ценностей. А статистически *менее доступными* для них являются ценности: «активная жизнь», «материальная обеспеченность».

3. Особенности соотношения «значимости» и «доступности» различных ценностей, как параметра согласованности в мотивационно-личностной сфере, у учащихся с установками на творческий, реалистический, ценностный и гедонистический типы выбора жизненного пути.

В случае, когда значимость ценности превышает ее доступность для учащихся, мы можем сделать вывод о существовании внутреннего *ценностного конфликта* («хочу, но не могу реализовать сейчас»). Это ценности, которые мотивируют деятельность, дают силу и энергию для преодоления различного рода препятствий.

У старшеклассников с установкой на выбор *творческого* жизненного пути конфликтными являются ценности «Любовь» и «Уверенность в себе». То есть эти учащиеся испытывают большую потребность в социальном эмоциональном принятии, поддержке, поощрении, но так или иначе не получают этого или получают недостаточно. В связи с этим мы можем предположить, что они более остро, чем другие старшеклассники, ощущают низкую толерантность «значимых других» по отношению к себе.

У старшеклассников с установкой на выбор *реалистического* жизненного пути конфликтной является ценность «Счастливая семейная жизнь». У старшеклассников с установкой на выбор *ценностного* жизненного пути конфликтными являются ценности «Дружба (наличие хороших верных

друзей)» и «Счастливая семейная жизнь». То есть для этих учащихся значимость этих ценностей выше их доступности в настоящий момент. Они испытывают потребности в любви, принятии, хотят чувствовать самодостаточность, уверенность. Но по каким-то причинам сейчас эти потребности фрустрированы и не могут быть удовлетворены.

В ситуации, когда ценность характеризуется более высокой доступностью по сравнению со значимостью, мы можем говорить о существовании *внутреннего вакуума*, опустошенности в отношении некой ценности («могу, но не хочу реализовывать сейчас»). Это ценности, обращение к которым скорее снижает мотивацию старшеклассников, из-за ее перенасыщения, слишком частого апеллирования к ней самим человеком или его окружающими.

У старшеклассников с установкой на выбор *творческого* жизненного пути внутренним вакуумом характеризуются ценности «Познание нового» и «Творчество». У старшеклассников с установкой на выбор *ценностного* жизненного пути внутренним вакуумом характеризуются ценности «Красота природы и искусства» и «Познание нового». У старшеклассников с установкой на выбор *гедонистического* жизненного пути внутренним вакуумом характеризуется ценность «Творчество». То есть для этих учащихся доступность указанных ценностей выше их значимости в настоящий момент. У них есть возможность познавать, творить и т.п., но это сейчас не интересует их, не вызывает радости, не побуждает к активности.

Поскольку в данном исследовании нас интересовали особенности мотивационно-личностной сферы у учащихся с установкой на выбор творческого жизненного пути, необходимо сделать акцент на то, что именно ценность творчества воспринимается старшеклассниками как доступная. При этом творчество не притягивает учащихся, не приносит положительных эмоций и не побуждает к реализации творческой деятельности. А сами учащиеся, имеющие творческий потенциал, нуждаются в социальном принятии, поддержке в большей степени, чем в возможности творческой самореализации. Подобные результаты были получены в ряде исследований. Например, в исследовании В.А. Глуховой выявлено влияние социометрического статуса и уровня персонализации учащихся на динамику интеллектуальных и творческих способностей [1].

На основе полученных результатов могут быть разработаны рекомендации для организации учебного процесса таким образом, чтобы творческая деятельность одновременно не вызывала отторжения у учащихся, а с другой стороны – позволяла реализации ценностей социального принятия, одобрения. Иными словами, образовательный процесс должен обладать ресурсом для индивидуализации и интеграции творческой личности в группе в процессе обучения.

Библиографический список

1. Глухова, В.А. Социально-психологическая интеграция одаренных учащихся в группе и развитие их интеллектуальных и творческих способностей: автореф. дис. … канд. психол. наук / В.А. Глухова. – Саратов, 2010. – 26 с.
2. Грязева-Добшинская, В.Г. «Типология личностного выбора жизненного пути»: описание методики и результаты психометрической проверки / В.Г. Грязева-Добшинская, А.С. Мальцева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Психология». – 2016. – Т. 9. – № 2. – С. 14–21.
3. Фанталова, Е.Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта / Е.Б. Фанталова. – Самара: Издательский дом БАХРАХ – М., 2001. – 128 с.

К содержанию

УДК 159.922.76-056.49

ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЯХ ПОДРОСТКОВ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Г.И. Захарова

Представлены результаты анализа особенностей детско-родительских отношений в семьях подростков с девиантным поведением и в семьях социально-адаптированных детей. Выявлено, что в семьях подростков с девиантным поведением доминируют нарушенные родительские отношения, а в семьях социально-адаптированных подростков преобладают благоприятные, гармоничные отношения. В воспитании подростков с девиантным поведением у родителей существуют разногласия, в семьях социально-адаптированных подростков наблюдается непротиворечивость отцовского и материнского воспитания.

Ключевые слова: дети подросткового возраста, девиантное поведение, социально-адаптированные подростки; типы родительского отношения; воспитательное воздействие родителей.

Проблема девиантного поведения подростков и состояния их семей очень актуальна в связи с тем, что подростковый возраст – один из важнейших и одновременно очень сложных периодов в становлении личности. Трудновоспитуемость подростка, несоблюдение им норм и правил, установленных в обществе, в науке рассматривается через явление, называемое «девиация».

Девиантное поведение – понятие, которое обозначает отклонения от принятых в данном конкретном историческом обществе норм межлично-

стных взаимоотношений, действий, высказываний и поступков. Некоторые из данных норм имеют абсолютные и однозначные критерии, записанные в законах и указах, другие – относительные, которые передаются в виде традиций, верований или семейных и общественных регламентаций. Девиантное поведение подростка и его последствия могут существенно повлиять на развитие и становление личности в подростковом возрасте [4, 7].

Важная особенность девиантного поведения подростков – единство механизмов формирования его различных проявлений. В большинстве случаев девиантная активность – это проявление собственного «Я» подростка. Такая направленность – результат всей предшествующей истории развития личности девианта, в течение которой оказался фрустрированным целый ряд социальных потребностей подростка: в положительной оценке значимых взрослых, в гармоничном общении, в поддержке и в автономии. В такой ситуации развития основной целью подростка становится избавление от отрицательных эмоциональных переживаний, вызванных психотравмирующими воздействиями (негативной оценкой значимых взрослых, тотальным контролем или отвержением родителей и т.п.). В результате при возникновении угрозы невротического срыва подросток инстинктивно ищет выход, и его пассивная позиция сменяется активными действиями во внешней среде. К таким внешним способам защиты от психотравмирующей ситуации относятся агрессивное поведение, употребление алкоголя суицид и другие формы девиантного поведения [7, 8].

Потребность проверить себя, почувствовать себя взрослым, испытать острые ощущения были свойственны подросткам всегда. В какие формы (просоциальные или антисоциальные) выливается реализация этих потребностей, зависит уже не от сущностных потребностей этого возраста, а от окружающих подростка условий, которые во многом создают взрослые, и прежде всего, родители и семья ребенка. Никакой другой социальный институт не может потенциально нанести столько вреда в воспитании детей, сколько может это сделать семья.

Современные отечественные и зарубежные психологи (А.Я Варга, В. Сатир, С. Минухин и др.) понимают семью как системное образование. Важнейшими интегральными характеристиками семейной системы являются её функции и структура. Наряду с такими важными функциями семьи как репродуктивная, хозяйственно-бытовая и др. для её благополучной жизнедеятельности большое значение имеют коммуникативная и эмоциональная функции [1, 5].

Эмоциональная функция семьи состоит в удовлетворении всеми членами семьи потребностей в уважении и признании своей личности, в эмоциональной поддержке, любви, психологической безопасности. Данная функция семьи обеспечивает эмоциональное равновесие ребенка и способствует сохранению его психического здоровья. Не менее значимой являет-

ся и коммуникативная функция семьи. Отношение к ребенку с первых дней его жизни как к субъекту и неповторимой личности; эффективное общение с ним является важным фактором успешного продвижения ребенка в психическом развитии.

Другой важной интегральной характеристикой семейной системы, как было отмечено выше, является её структура. Среди важных структурных элементов семейной системы можно выделить семейные роли, семейные подсистемы и границы семьи. Выполняемая семейная роль должна соответствовать возможностям индивида (взрослого и ребенка). Если требования роли непосильны, возникают нервно-психическое напряжение и тревога. Например, это может случиться с ребенком, исполняющим «роль родителя» в силу его отсутствия, или болезни, или как это часто происходит в алкогольной семье. Роль семейного «козла отпущения», которую часто выполняет ребенок, возникает потому, что вся семья, испытывающая конфликтные переживания, нуждается в «громоотводе» для разрядки своих негативных эмоций.

Границы семьи, понимаемые как правила, которые определяют, кто и как участвует во взаимодействии, регулируют отношения между семьей и социальным окружением, а также между различными семейными подсистемами: супружеской, родительской и детской. Так, четкие и гибкие границы облегчают коммуникации между родительской и детской подсистемами, позволяют членам семьи поддерживать друг друга, но при этом допускается и определенная их автономия.

Таким образом, семейную систему можно определить как группу людей, связанных общим местом проживания, совместным хозяйством, а главное – взаимоотношениями [1]. Благоприятные отношения в семейной системе во многом определяются отношениями между родителями и детьми. В отечественной и зарубежной психологии предприняты многочисленные попытки построить типологию родительского отношения к ребенку. Это известные классификации типов родительского отношения А.В. Петровского, А.Я. Варги, В.В. Столина, Е.Т. Соколовой, Н. Штирмана, С. Броди, Д. Бомринд и др. [5, 6].

Зарубежные и отечественные исследователи выделяют два главных измерения родительского отношения: родительскую теплоту и родительский контроль. Нарушение родительского отношения к подростку в рамках любого из этих измерений приводит к серьезным дефектам в развитии личности ребенка. Так, отсутствие родительского контроля в сочетании с излишним эмоциональным сосредоточением на подростке, беспрерывное подчеркивание несуществующих его достоинств формируют истерические черты характера подростка. Те же последствия вызывает безразличное отношение, эмоциональное отвержение ребенка. Чрезмерный контроль, подавление самостоятельности, предъявление слишком строгих нравственных требований, злоупотребление наказаниями ведут, с одной стороны,

к формированию у подростка жестокости, агрессивного поведения, а с другой – могут подтолкнуть его к покушению на самоубийство. Отсутствие эмоционального контакта, теплого отношения к подростку в сочетании с отсутствием конструктивного контроля и незнанием подростковых интересов, проблем приводит к бегству из дома, к бродяжничеству, во время которого совершаются серьезные проступки [8].

Под руководством и при непосредственном участии автора данной статьи выполнен ряд исследований, в которых изучался характер складывающихся между родителями и детьми отношений, исследовалось взаимодействие между ними в современной семье и влияние данного взаимодействия на психическое развитие ребенка [3]. В настоящей статье представлены результаты одного из таких исследований. *Цель исследования* – выявление особенностей детско-родительских отношений в семьях подростков с девиантной формой поведения.

Выборку исследования составили 40 подростков с девиантной формой поведения (1 группа) и 40 социально адаптированных подростков (2 группа) в возрасте14–15 лет, а также их родители (матери и отцы, соответственно 1 и 2 группы) – 130 человек (30 подростков воспитываются только матерью).

Методы и методики исследования

При проведении данного исследования были использованы психодиагностические методики и методы статистической обработки.

1. Методика для определения родительского отношения – опросник родительского отношения [6]. Результаты исследования по методике описываются по следующим 5 шкалам:

1) *принятие–отвержение*. Отражает интегральное эмоциональное отношение к ребенку: при принятии родитель уважает своего ребенка, одобряет его интересы, а при отвержении родитель не принимает ребенка во всех его проявлениях, испытывает к нему разные негативные чувства, не уважает его личность;

2) *кооперация* как стремление к сотрудничеству. При таком типе отношения родитель старается быть с ребенком на равных, поощряет инициативу и самостоятельность ребенка, доверяет ему;

3) *симбиоз* как характеристика меры ощущения родителем единства и целостности с ребёнком, стремления удовлетворить все потребности ребёнка, оградить его от жизненных трудностей;

4) *авторитарная гиперсоциализация*. При таком отношении родитель требует от ребёнка безоговорочного послушания и дисциплины, пристально следит за социальными достижениями ребёнка, за его мыслями и чувствами, стремится все взять под контроль;

5) *инфантилизация или* «м*аленький неудачник».* Отношение к ребенку как к маленькому неудачнику отражает стремление инфантилизировать ребенка, приписать ему личностную и социальную несостоятельность.

Тестовые нормы по шкалам приводятся в виде процентильных рангов тестовых баллов. Высокий процентильный ранг по соответствующим шкалам интерпретируется как отнесение к тому или иному типу родительского отношения к детям. По результатам методики выделяются два типа родительского отношения к ребенку: благоприятный и неблагоприятный. Благоприятный тип наблюдается при высоких баллах по шкале *«кооперация»*, средних баллах по шкале *«симбиоз»* и при низких баллах по шкалам «*принятие–отвержение», «авторитарная гиперсоциализация», «инфантилизация или маленький неудачник».*

Неблагоприятный тип отмечается при высоких баллах по следующим шкалам «*принятие–отвержение»* (высокий балл свидетельствует об отвержении ребенка), *«авторитарная гиперсоциализация» и «инфантилизация или маленький неудачник»,* при низком балле по шкале *«кооперация».* Высокий балл по шкале *«симбиоз»* также является неблагоприятным.

2. Методика «Подростки о родителях» для определения родительского отношения (с точки зрения подростков) [2]. Эта методика базируется на положении Е. Шафера о том, что воспитательное воздействие родителей (так как это описывают дети) можно охарактеризовать при помощи следующих шкал:

1) шкала позитивного интереса (POZ);
2) шкала директивности (DIR);
3) шкала враждебности (HOS);
4) шкала автономности (AVT);
5) шкала непоследовательности (NED).

Обсуждение результатов исследования

По первой методике по шкале «*принятие-отвержение»* у большинства отцов (75 %) и у матерей (65 %) 1 группы наблюдаются высокие значения, что свидетельствует об эмоциональном отвержении родителями своего ребенка или непринятии таким, какой он есть, и желании его переделать. По результатам тестирования родителей 2 группы по данной шкале только 20 % отцов и 10 % матерей отвергают своего ребенка или не принимают таким, какой он есть. Большинство родителей социально адаптированных подростков принимают своего ребенка. Родители уважают индивидуальность подростка, симпатизируют ему. Высокие значения по шкале *«кооперация»* свидетельствуют о заинтересованности родителей в делах и планах ребенка, о стремлении помогать ему во всем, о доверии к ребенку. У родителей 1 группы высокие значения по данной шкале наблюдаются только у 10 % отцов и у 35 % матерей. Исследуя результаты этой же шкалы у родителей 2 группы, мы наблюдаем у 75 % отцов и у 85 % матерей заинтересованность в делах и планах своего ребенка, стремление помогать ему во всем и доверие к подростку.

Исследователи выделяют симбиотический тип родительского отношения как патогенный, неблагоприятный для психического развития подростка. Однако только по высоким значениям по шкале *«симбиоз»* можно сделать вывод, что родитель стремится к симбиотическим отношениям с ребенком: ощущает себя единым целым с ним и стремится удовлетворить все потребности подростка. По данной шкале испытуемыми 1 и 2 групп были даны средние результаты, что можно интерпретировать как отражение межличностной дистанции в общении родителей с подростком.

Шкала «*авторитарная гиперсоциализация»* отражает форму и направление родительского контроля. Как показали результаты исследования, большинство родителей из 1 группы (80 % отцов и 65 % матерей) реализуют к подростку гиперсоциализирующее отношение, придерживаются авторитарного стиля воспитания: требуют от ребенка безоговорочного послушания, пристально следят за его социальными достижениями. Как показывает анализ результатов родителей 2 группы, только 30 % отцов и 20 % матерей придерживаются авторитарного и гиперсоциализирующего стиля воспитания.

В 1 группе по результатам родительского отношения по шкале «*инфантилизация или маленький неудачник»* можно наблюдать высокие значения у 80 % отцов и у 45 % матерей. Из этого можно заключить, что эта часть родителей склонна приписывать подростку личностную несостоятельность, ребенок для них представляется неприспособленным и неуспешным. Во второй группе высокие значения по данной шкале наблюдаются только у 30 % отцов и у 25 % матерей. Таким образом, лишь эта часть родителей 2 группы имеют склонность приписывать своему ребенку личностную несостоятельность, стараются контролировать и корректировать его действия. По результатам всех шкал опросника существуют значимые различия в отношении к детям у родителей 1 и 2 групп (при $p<0,01$ и $p<0,05$).

Представим результаты родительского отношения с точки зрения подростков, полученные по методике «Подростки о родителях». По шкале позитивного интереса (POZ) всего 30 % подростков 1 группы считают, что мать психологически их принимает. Это принятие подростки видят в относительно критическом подходе к ним. Психологическое принятие отцом, с точки зрения подростка, основано на доверии. По этой шкале только 20 % подростков считают, что отцы понимают их, и с отцами доминируют дружеские отношения. Большинство подростков 2 группы (90 %) полагают, что мать психологически их принимает, и они всегда могут рассчитывать на помощь со стороны матери. Также большинство подростков (75 %) данной группы склонны считать, что и отцы проявляют к ним позитивный интерес и понимают своих детей.

Часть подростков (25 %) 1 группы и 40 % подростков 2 группы считают, что по шкале директивности (DIR) отец проявляет свое стремление к лидерству путем завоевания авторитета, основанного на фактических достижениях. Его власть над сыном выражается, главным образом, в управлении и своевременной коррекции поведения ребенка, исключая деспотичность. Директивность матери по отношению к сыну подростки видят в навязывании чувства вины по отношению к ней, в её постоянных напоминаниях, что она жертвует всем ради сына. Так, по шкале директивности (DIR) видят свои отношения с матерью 40 % подростков 1 группы и 30 % детей 2 группы.

По шкале враждебности (HOS) 65 % мальчиков из 1 группы полагают, что их матери чрезмерно строги, агрессивны, стремятся подавить активность подростка. 80 % мальчиков 1 группы по шкале HOS склонны считать своего отца достаточно жестким и суровым человеком, проявляющим скептическое отношение к сыну и недовольство его поведением. Из 2 группы 20 % мальчиков считают, что их матери агрессивны, чрезмерно строги и 30 % подростков склонны считать своего отца властным, суровым.

По шкале автономности (AVT) 50 % детей 1 группы и 20 % подростков 2 группы считают, что мать не воспринимает ребенка как личность со своими чувствами и мыслями, подростки оценивают своих матерей как властных, отгороженных от сына эмоциональной холодностью. Из 1 группы 85 % подростков и 25 % детей 2 группы считают, что их отцы формально относятся к воспитанию, отцов не интересуют увлечения сына, учеба в школе и круг его знакомств.

По шкале непоследовательности (NED) 65 % подростков отмечают, что их матери используют резкую смену стилей воспитания; 90 % мальчиков видят отца как непредсказуемого человека, противоречивого и непоследовательного в способах воздействия и общения. Следующие значения наблюдаются по шкале NED у подростков 2 группы: 10 % детей считают, что их матери используют резкую смену стилей воспитания; 30 % отмечают, что тактику воспитания отцов сложно предсказать.

Выводы

1. В семьях подростков с девиантной формой поведения преобладают гиперсоциализирующий, авторитарный и отвергающий типы родительского отношения, которые являются патогенными, неблагоприятными для ребенка. В семьях социально-адаптированных подростков доминируют нормальные, не нарушенные отношения родителей с детьми.

2. Определяя с помощью статистического критерия – угловое преобразование Фишера – различия в детско-родительских отношениях в семьях подростков с девиантным поведением и в семьях социально адаптированных детей, следует отметить, что значимые различия в родительском отношении существуют (при $p < 0,01$; $p < 0,05$).

3. Исследуя с помощью U-критерия Манна – Уитни различия в воспитательном воздействии отцов и матерей в семьях подростков с девиантным поведением и в семьях социально-адаптированных подростков, можно заключить, что для подростков с девиантным поведением характерно противоречивое воспитательное воздействие со стороны родителей, разобщенность родительского взаимодействия. У социально-адаптированных подростков наблюдается согласованность и непротиворечивость отцовского и материнского воспитания.

Библиографический список

1. Варга, А.Я. Системная семейная психотерапия / А.Я. Варга. – СПб.: Речь, 2001. – 144 с.

2. Вассерман, Л.И. Психологическая методика «Подростки о родителях» и ее практическое применение / Л.И. Вассерман, И.А. Горьковая, Е.Е. Ромицына. – СПб.: «Фарминдекс», 2001. – 68 с.

3. Захарова, Г.И. О связи типа родительского отношения и особенностей нравственной сферы детей старшего дошкольного возраста / Г.И. Захарова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2012. – № 45 (304). – Вып. 19. – С. 60–63.

4. Карабанова, О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учеб. пособие / О.А. Карабанова. – М.: Гардарики, 2005. – 319 с.

5. Змановская, Е.В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения / Е.В. Змановская. – М.: Академия, 2004. – 288 с.

6. Минияров, В.М. Психология семейного воспитания: диагностико-коррекционный аспект: Методическое пособие / В.М. Минияров. – Рос. акад. образования, Моск. психол.-социал. ин-т; – М.; Воронеж: МОДЭК. – 2000. – 248 с.

7. Петрова, А.Б. Психологическая коррекция и профилактика агрессивных форм поведения несовершеннолетних с девиантным поведением: практическое руководство / А.Б. Петрова. – М.: Флинта: МПСИ, 2008. –152 с.

8. Целуйко, В.М. Психология неблагополучной семьи: книга для педагогов и родителей / В.М. Целуйко. – М.: Владос-пресс, 2003. – 272 с.

К содержанию

УДК 159.922.6 + 316.77

ОСОБЕННОСТИ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ

Н.В. Сиврикова

Представлено обобщение более 25 отечественных и зарубежных исследований особенностей медиапотребления представителей разных поколений. Сделан вывод о том, что возраст оказывает влияние на отношение к медиасреде и медиаконтенту.

Ключевые слова: медиапотребление, стиль медиапотребления, психология поколений, психология медиапотребления.

Проблема изучения современного общества не может быть решена без учета того факта, что это общество неоднородно. Именно поэтому в психологии так много работ посвящено анализу половозрастных особенностей личности. Объясняя различия между людьми разного возраста, исследователи приходят к выводу о том, что эти различия связаны с культурно-историческими изменениями, происходящими в обществе. Именно кардинальные изменения в культурно-историческом контексте становления и развития личности, приводят к формированию своеобразных черт поведения, отношения и представлений, характерных для больших общностей людей, которые принято называть «поколение» [14].

Современное общество все больше становится информационным. По мнению И.В. Лизуновой, последовательное внедрение технологических инноваций, мобильных, электронных мультимедийных средств коммуникации, цифровизация контента и медиа, конвергенция технологических устройств стремительно видоизменили отечественное медиапространство, привели к появлению новых медиа, ранее неизвестных практик их использования. Для обозначения особенностей практики использования средств массовой коммуникации автор использует термин медиапотребление [8].

Медиасреда в современной науке рассматривается, с одной стороны, как все набирающий фактор влияния, позволяющий формировать общественное мнение, менять установки, отношение и поведение людей, формировать человека нового типа. А с другой – как пространство, где проявляется в новой и малоизученной форме все многообразие личности и отдельных групп людей.

Существенную роль средств массовой коммуникации в формировании ментальности нового поколения в России [5], нашла свое отражение в вариантах названий этого поколения: поколение большого пальца [7], т.к. именно этим пальцем молодые люди наживают на кнопки смартфона; «цифровые аборигены» [5], т.к. это люди «живут» в социальных сетях и т.д.

В своей работе мы хотим обратиться к вопросу о том, каковы различия в практике медиапотребления у представителей разного поколения. Актуальность анализа различий в стиле медиапотребления у представителей разных поколений объясняется тем, что эти особенности объясняют и определяют различия в воздействии масс-медиа на представителей разных поколений. За последние 5 лет психологами было проведено множество исследований на эту тему. В своей работе мы постараемся обобщить результаты представленных исследований.

В современном мире складывается особые отношения человека к медиатехнологиям. Последние все чаще используются людьми в автоматическом режиме, не требуя осознания и глубокого размышления. Многие виды медиапотребления перешли в разряд привычек, которые запускаются внешними стимулами [21]. Телевизор в каждой комнате квартиры, радио в машине, экраны на площадях городов - это уже не технические средства, наполняющие жизнь разнообразными образами, а практически не рефлексируемая окружающая среда. Медиапотребление современного человека, реализуется в повторяемых, рутинных, привычных действиях. Медиасредства с одной стороны облегчают решение многих практических задач, а с другой – делают человека заложником коммуникационных технологий. В процессе освоения и использования этих технологий у человека формируется индивидуальный стиль медиапотребления.

Стилевые особенности медиапотребления проявляются через индивидуально выработанные поведенческие стереотипы, эмоциональные реакции и когнитивные навыки человека. А их изучение как в нашей стране, так и заграницей начинается с анализа повседневной практики потребления медиапродукции.

Исследователи сходятся во мнении, что современная молодежь все больше и больше вовлекается в медиапротстранство, перенося в виртуальный мир традиционные коммуникативные практики [4, 15, 23 и т.д.].

Причем иностранные публикации все больше внимания уделяют анализу психологических аспектов использования социальных сетей. Это объясняется тем, что участие в социальных сетях приобрело огромную популярность с помощью таких платформ, как Facebook, Instagram, Twitter, Snapchat, Tumblr и т.д. По данным опроса исследовательского центра Pew в 2015 году, 89 % подростков сообщили об использовании по крайней мере одного сайта социальной сети, 71 % подростков, сообщивших об использовании более одной социальной сети [16]. Подобные факты приводят к росту исследований поведения молодежи в социальной сети и его влияния на стиль жизни человека. В частности, было установлено, что использование Facebook негативно сказывается на самоощущении подростков [22, 25], а также искажает восприятие сексуального поведения сверстников и влияет на намерения подростков в отношении такого поведения [26]. В ча-

стности, в исследовании Sean D. Young и Alexander H. Jordan одних подростков просили оценить вероятность того, что их сверстники вступают в незащищенные сексуальные контакты, после просмотра откровенных фотографий этих сверстников на Facebook, а других без предварительного просмотра профилей сверстников. Оказалось, что те, кто давал оценку после просмотра фотографий в социальной сети выше оценивали вероятность вступления своих сверстников в сексуальные контакты без презерватива, а также чаще высказывали мнение, что сами готовы поступить также [26].

По данным отечественных исследований ежедневное потребление социальных сетей составляет от 68 % до 89 % школьников разного возраста [10]. Вместе с тем, эмпирических исследований, посвященных анализу влияния социальных сетей на поведение школьников, крайне мало.

Внимание исследователей привлекают и особенности игрового поведения в сети интернет. Ряд современных исследователей утверждают, что компьютерные игры оказывают положительный эффект на развитие когнитивной и эмоциональной сфер детей [20]. По результатам исследования интернет-аудитории студентов вузов Е.А Ерофеева делает вывод, что включение Интернета в сферу культурного пространства юношей и девушек не оказывает негативного эффекта на развитие личности [6]. Другие исследователи не разделяют данной точки зрения и считают, что интернет-зависимость (и в первую очередь игровая интернет-зависимость) становится существенной проблемой в обучении и развитии детей [6, 20]. Исследователями было установлено, что конкретные игровые жанры и мотивы для выбора игры даже после учета социально-демографических являются важными прогностическими переменными интернет-зависимости [17]. Также было выявлено, что пристрастие к компьютерным играм оказывает отрицательное влияние на школьную успеваемость [20]. Почти каждый пятый финн отмечает у себя снижение памяти или внимания, связанные с использованием компьютера во внерабочее время [24].

Таким образом, эмпирические исследования медиапотребления в основном концентрируются на негативных последствиях данного феномена для развития личности. В рамках данной статьи мы сконцентрировались на обобщении данных о возрастных аспектах медиапотребления.

Возрастные особенности медиапотребления

Необходимо заметить, что особенности медиапотребления существенным образом зависят от особенностей развития медиасреды, которая в России отличается тем, что в единый момент времени сочетает в себе элементы, характерные для различных этапов распространения технологий. Так, например, в России практически одновременно появились платное телевидение и доступ в Интернет – в отличие от большинства развитых зарубежных стран, где распространение этих предложений было разделено десятилетиями. С точки зрения С.Т. Шатской и др., этим можно объяснить

тот факт, что разные социальные группы в нашей стране имеют разные приоритеты [15]. Разница в отношении представителей разных поколений к медиасредствам может быть объяснена и тем, что глобальное расширение областей влияния информационных технологий в нашей стране началось в 80-х гг. Поэтому у представителей старшего поколения часто отмечается компьютерофобия [13].

По данным И.В. Абакумовой, Л.Ю. Крутелевой количество времени, уделяемого просмотру телевизионных передач, увеличивается в среднем на 1 час при переходе от возрастной группы 17–25 лет к группе 26–30-летних, а затем к группе 31–45-летних и к группе 45-летних (от менее 2 часов в сутки до более 4–5 часов), при этом в Интернете первая возрастная группа находится практически круглосуточно [1]. Следовательно, если старшее поколение успешно осваивает многоканальное телевидение, то молодежь тяготеет к Интернету [15].

Однако в научном дискурсе можно встретить данные, которые отчасти опровергают эти данные. Так, согласно данным И.В. Лизуновой [9], в информационных предпочтениях соотечественников, безусловно, доминирует телевидение, а онлайновые СМИ только выходят на второе место по использованию их в качестве источников информации. Интернет все активнее выступает в качестве дополнительного источника и средства распространения информации как у детей, так и у взрослых. По данным исследования Фонда «Общественное мнение», проведенного в мае 2015 года в 104 населенных пунктах 53 субъектов страны, ежедневно выходят в Сеть 49 % взрослого населения России или 57,1 млн [4]. Данные исследования «Телевидение глазами телезрителей – 2011» указывают, что уровень освоения и использования интернет-технологий пока несопоставим с традиционным телевидением: 31 % городского населения России (старше 15 лет) ежедневно пользуются Интернетом и 75 % – смотрят телевизор [11].

О том, что школьники, также как и взрослое поколение, предпочитают всем видам отдыха просмотр телепередач, говорят и результаты исследования, представленного Э.Р. Валеевой и Р.Я. Хамитовой [2]. По данным А.Ю. Образцовой, 46,5 % детей 7–8 классов и 91 % учащихся 10–11 классов обо всем интересном и важном для себя узнают из телеэфира [10]. И.А. Полуэтова указывает, что эмпирические исследования и простое включенное наблюдение за жизнью родных, друзей и знакомых свидетельствуют о том, что телепросмотр (неважно – как основное занятие или как фон) заполняет большую часть домашнего времяпрепровождения основной массы россиян [12].

С нашей точки зрения противоречивость данных, представленных в разных исследованиях, происходит из-за разницы в подходах к исследованию. Люди используют разные средства информации с разной целью: отдых, обучение, решение проблем, общение и т.д. В достижении одних це-

лей более эффективным оказывается телевидение, а в достижении других – интернет и социальные сети.

В целом тенденция к росту популярности именно интернет-технологий в медиапотреблении отмечается не только в нашей стране. Сравнивая особенности использования Интернета студентами, рожденными после 1980, и студентами, рожденными после 1993 гг., исследователи обнаружили, что представители второго поколения более позитивно относятся к Интернету, лучше идентифицируются себя в интернет-пространстве и испытывают меньше тревоги, связанной с интернет-потреблением [18]. Явная возрастная динамика повышения значимости Интернета от 16 к 21 году была выявлена в исследовании L.M. Semali [27]. О том, что студенты положительно оценивают использование социальных медиа в образовании, говорят и результаты исследования J. Mao [23] и R. T. Keating с соавторами [19].

Анализируя специфику предпочтений телевизионного и интернет контентов в возрастном аспекте, можно отметь, что молодые люди (17–25 лет) в основном смотрят развлекательные передачи и ток-шоу; люди в возрасте 26–30 лет занимают промежуточную позицию; 31–45-летние в большей степени ориентированы на просмотр сериалов и программ, еженедельно выходящих на телевидении (субботние новости, воскресные аналитические передачи), представители старшей группы в подавляющем большинстве смотрят телесериалы, новостные передачи и различные регулярные шоу программы (включая юмористические) [1].

Важно также отметить факт фонового просмотра телевизора, когда последний просто не выключается, а человек занимается другими делами и сознательно не концентрируется на воспринимаемой информации, который наблюдается в разных возрастных группах.

Рассматривая специфику предпочитаемых сайтов, можно отметить, что возрастная группа 17–25 лет в основном посещает такие сайты, как Twitter, Instagram, YouTube, Google+. Люди в возрасте 25–45 лет больше времени проводят в социальных сетях («В контакте», «Одноклассники», «Мой мир»), в то время как люди, которым больше 45 лет, – чаще заходят в Интернет «по деловым вопросам» (проверить почту, посмотреть новости, найти необходимую информацию и т.п.) [1].

В исследовании J.L. Sherry и др. было установлено, что от возраста ребенка зависят модели игрового поведения си предпочтение тех или иных жанров игр [28].

Таким образом, результаты отечественных и зарубежных исследований указывают на то, что выбор медиасредств и медиа контента зависит от возраста респондентов.

Выводы. Анализ результатов зарубежных и отечественных исследований показал, что возраст оказывает влияние на практику медиапотребления. У представителей разных поколений формируются свои особенности

поведения в медиасреде, предпочтения и мотивы медиапотребления. Прежде всего, различия касаются отношения к медиасреде. Чем моложе человек, тем более позитивно он воспринимает телевидение и интернет и тем меньше тревоги они у него вызывают.

Библиографический список

1. Абакумова, И.В. Влияние средств массовой коммуникации на ценностно-смысловые установки различных групп населения / И.В. Абакумова, Л.Ю. Крутелева // Сборник материалов по проблемам организации и оказания психологической помощи на различных этапах чрезвычайных ситуаций, в том числе радиационного характера / под общ. ред. Ю.С. Шойгу. – М.: Федеральное казенное учреждение «Центр экстренной психологической помощи министерства российской федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий», 2016. – С. 4–17.

2. Валеева, Э.Р. Гендерные и возрастные различия в образе жизни гимназистов г. Казани / Э.Р. Валеева, Р.Я. Хамитова // Казанский медицинский журнал. – 2005. – Т. 86. – № 4. – С. 313–316.

3. Ван, Ш. Исследование интернет-зависимости среди китайских игроков в онлайновые игры («исследование интернет-зависимости среди китайской молодежи») / Ш. Ван, А.И. Карпухина // Материалы межведомственной научно-практической конференции «Психологическая помощь социально незащищенным лицам с использованием дистанционных технологий (интернет-консультирование и дистанционное обучение)» / Под ред. Б.Б. Айсмонтаса, В.Ю. Меновщикова. – М.: МГППУ, 2011. – С. 194–196.

4. Глазков, А.А. Вовлеченность в виртуальную среду поколения Z / А.А. Глазков, В.В. Ермолаев, Е.Б. Пучкова, Ю.В. Суховершина // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 10-2. – С. 361–368.

5. Димухаметов, Р.С. Цифровые аборигены… какие они? / Р.С. Димухаметов // Здравоохранение, образование и безопасность. – 2016. – № 1 (5). – С. 88–96.

6. Ерофеева, Е.А. Медиаграмотность юношей и девушек на уровне интернета: гендерный подход / Е.А. Ерофеева // Грани познания. – 2010. – № 2 (7). – С. 26–27.

7. Лаврова, О.В. Текстовая культура и поколение «большого пальца» / О.В. Лаврова // Европейское обозрение общественных наук. – 2016. – Т. 3. – № 1. – С. 5–15.

8. Лизунова, И.В. Современное медиапотребление: модификации сущностных характеристик / И.В. Лизунова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 10 (72). – С. 120–124.

9. Лизунова, И.В. Чтение в структуре современного медиапотребления / И.В. Лизунова // Библиосфера. – 2012. – № 5. – С. 62–66.

10. Образцова, А.Ю. Особенности медиапотребления детей школьного возраста (на примере г. Углич) / А.Ю. Образцова // Медиаскоп. – 2014. – № 4. – С. 17.

11. Овчинская, Е.В. Телевизионные практики мужчин и женщин: эволюция, состояние, тенденции / Е.В. Овчинская // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 1. – С. 238–244.

12. Полуэхтова, И.А. Телевидение в общественном мнении и повседневной жизни россиян / И.А. Полуэхтова // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 2. – С. 166–172.

13. Сережкина, А.Е. Отношение к компьютеру и информационным технологиям как психолого-педагогическая проблема / А.Е. Сережкина // Вестник Казанского технологического университета. – 2012. – Т. 15. – № 23. – С. 231–236.

14. Сиврикова, Н.В. Проблемы изучения поколений в психологии / Н.В. Сиврикова // Культурно-историческая психология. – 2015. – Т. 11. – № 2. – С. 100–107.

15. Шатская, С.Т. Проблемы культуры медиопотребления молодого поколения в эпоху информатизации / С.Т. Шатская, М.Э. Извозчикова, А.В. Щербакова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 5-3. – С. 17–19.

16. Chandra A. Social networking sites and digital identity: The utility of provider-adolescent communication. The Brown University Child and Adolescent Behavior Letter, Vol. 32, Is. 3, March 2016, Pp. 1–7.

17. Floros G., Siomos K. Patterns of choices on video game genres and internet addiction. Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. August 2012, Vol. 15, No. 8: Pp. 417–424.

18. Joiner R. etc. Comparing first and second generation digital natives' internet use, internet anxiety, and internet identification. Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. July 2013, Vol. 16, No. 7: Pp. 549–552.

19. Keating R. T. etc. Demographic and psychosocial variables associated with good and bad perceptions of social media use. Computers in Human Behavior, Volume 57, April 2016, Pp. 93–98.

20. Kulikova T. I., Maliy D. V. The correlation between a passion for computer games and the school performance of younger schoolchildren // Psychology in Russia. 2015. № 3. Pp. 124–135.

21. LaRose R. The problem of media habits. Communication Theory, Vol. 20, Is. 2, May 2010, Pp. 194–222.

22. Levine L.E., Waite B.M., Bowman L.L. Electronic media use, reading, and academic distractibility in college youth. CyberPsychology & Behavior. August 2007, Vol. 10, No. 4: Pp. 560–566.

23. Mao J. Social media for learning: A mixed methods study on high school students' technology affordances and perspectives. Computers in Human Behavior, Volume 33, April 2014, Pp. 213–223.

24. Näsi M., Koivusilta L. Internet and everyday life: the perceived implications of internet use on memory and ability to concentrate. Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. February 2013, Vol. 16, No. 2: Pp. 88–93.

25. Obersta U. etc. Gender stereotypes in Facebook profiles: Are women more female online? Computers in Human Behavior, Vol. 60, July 2016, Pp. 559–564.

26. Sean D. Young, Jordan A. H., The influence of social networking photos on social norms and sexual health behaviors. Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. April 2013, Vol. 16, No. 4: Pp. 243–247.

27. Semali L.M. Literacy in Multimedia America. N. Y. – London: Falmer Press, 2000. Vol. 243.

28. Sherry J.L. etc. Development and genre preference: research for educational game design. Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. May 2013, Vol. 16, No. 5: Pp. 335–339.

К содержанию

УДК 159.9:656.13.08 + 351.81

ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

О.Н. Дунаева

Актуальность статьи обусловлена недостаточной эффективностью существующей системы обеспечения безопасности участников дорожного движения. Тенденции развития современного общества акцентируют внимание на совершенствовании данной системы и более интенсивном применении инноваций и социально-психологических технологий в повышении уровня правосознания граждан, отражающихся в повседневной практике поведения в дорожных ситуациях.

Ключевые слова: юридическая психология, безопасность участников дорожного движения, гендерные характеристики дорожного поведения, психологические установки рискованного/безопасного вождения, правосознание.

Безопасность дорожного движения является одной из самых актуальных проблем современной России. По социологическим опросам последних пяти лет самые высокие жизненные риски россияне связывают с возможностью попасть в дорожно-транспортное происшествие (в качестве водителя, пассажира или пешехода). Высокие темпы роста автомобилизации в стране, приток большого количества молодых малоопытных водителей, невысокий уровень дорожной инфраструктуры только усиливают проблему. Несмотря на ряд фундаментальных государственных решений, и последовательной реализации двух целевых Федеральных программ повышения безопасности дорожного движения (2006–2012 гг., 2013–2020 гг.), данная сфера общественных отношений остается одной из наиболее неблагополучных и требует консолидации усилий: государственных органов, общественных институтов, повышение уровня правосознания граждан.

Для современных цивилизованных стран мира, отношение к обеспечению безопасности дорожного движения является одной из важнейших сфер в жизни общества, требующей внимания всех граждан, полноценного правового урегулирования, высокотехничного управления, наведения и поддержание организационного порядка и призванной функционировать на высоком уровне социо-технической культуры. В настоящее время примерно половина граждан каждой развитой страны ежедневно становится участником дорожного движения, и поэтому все заинтересованы в нормальном и безопасном функционировании этой сферы. Бурная автомобилизация нашей страны, значительно усилившееся в последнее десятилетие XXI в., не сопровождалась изменением общественного и правового сознания граждан к вопросам безопасности дорожного движения. Совершенно очевидно и то что, проблема повышения уровня правосознания в этой сфере является только частью сформированного уровня правосознания граждан вообще. Это является одной из основных причин снижения дисциплины как водителей, так и пешеходов, провоцирующих опасные и аварийные ситуации, что приводит к ДТП и гибели людей, около 400–500 человек, в том числе и детей, ежедневно! (по данным сайта ГИБДД).

С позиций юридической психологии целесообразно обратить внимание на ряд важных, как масштабных, так и частных, факторов обеспечения безопасности дорожного движения. В сфере безопасности дорожного движения (как в любой другой общественной сфере) действует совокупность психологических факторов. Те, что относятся непосредственно к системе безопасности дорожного движения в России, во многом обусловлены общей психологической атмосферой в стране, состоянием общественного и правового порядка, общественной дисциплины, правосознания и правовой культуры населения, которая для значительной части граждан остается на уровне «правового нигилизма». Граждане, выступая участниками дорожного движения, вносят в него «вирусы» тех пробелов правовой психологии, правосознания, жизненных ценностных ориентации, которые сформировались у них как у членов общества.

Следует отметить, что научных исследований в отечественной психологии и виктимологии, посвященных изучению психологических особенностей поведения непосредственно участников дорожного движения (водителей, пешеходов, пассажиров), а также сотрудников ДПС осуществляющих с ними взаимодействие при выполнении контрольно-надзорной функции, явно недостаточно. Например: «Виктимологический анализ и профилактика дорожно-транспортных происшествий, совершаемых водителями частных легковых автомобилей» (М.П. Чичерина, 2000); «Социально-психологические условия предупреждения конфликтов в дорожном движении» (В.Э. Утлик, 2006); «Психология взаимодействия сотрудников ДПС ГИБДД с участниками дорожного движения» (А.В. Гайнули-

на, 2010), «Гендерные стереотипы Участников дорожного движения» (А.И. Кабалевская, 2012).

Основным действующим субъектом деятельности на дороге, является водитель автотранспорта, поэтому в первую очередь следует учитывать индивидуально-личностные качества в процессе формирования правовой культуры, стереотипов правомерного поведения у обучающихся в автошколах. Основной постулат психологической установки при подготовке водителей должен быть сосредоточен на «безопасное вождение в дорожном движении», а не на «безаварийном вождении», впервые был выявлен этот феномен французским исследователем безопасности дорожного движения К. Жерондо. Стоит пояснить, что с бытовой точки зрения между этими понятиями нет различий, а с научно-психологической точки зрения различия принципиальные, так как первое дает психологическую установку на «достижение» обеспечения безопасности участников дорожного движения, а второе – только на «избегание» аварий, что само по себе уже включает фактор риска. Таким образом, первое создает устойчивую психологическую установку на безопасность, то есть относится к базовым убеждениям и ценностям мировоззрения, является характеристикой правосознания, соответственно, имеет более широкий контекст применения в различных ситуациях, в то время как вторая установка, относится только к навыкам вождения, и имеет узко направленный характер – технически правильно действовать в аварийной ситуации.

В обеспечении безопасности участников дорожного движения многое зависит от правосознания водителя. Необходимо создать условия, для формирования общественно значимых стереотипов дорожно-транспортной культуры, социально-психологических установок на безопасное вождение, используя современные методы и средства, так как большинство обучающихся в автошколах является носителями обыденного правосознания на основе жизненного опыта, которое складывается под влиянием повседневного «правового и культурного нигилизма», отрицательных стереотипов «моделей» поведения на дороге, транслируемых СМИ.

В исследованиях известных правоведов (Б.В. Россинский, В.И. Майоров, А.В. Молчанов), неоднократно отмечалось, что на государственном уровне недостаточно используются превентивные, профилактические, пропагандистские ресурсы, стимулирования безопасности участников дорожного движения, что следует более интенсивно изучить и адаптировать, эффективный опыт зарубежных стран в этой сфере, например Германии и Японии. «Несомненно, что зарубежный опыт содержит много элементов, которые могут оказаться полезными в данной работе» [5, с. 41], так как безопасность дорожного движения относится к общемировым проблемам.

В современных исследованиях немецких экспертов отмечается, что наибольшее количество дорожно-транспортных происшествий начинаю-

щие водители совершают в первый год самостоятельного практического вождения. Следующий пик приходится на период между тремя и пятью годами после получения водительского удостоверения, обусловленный психологическим фактором «самоуспокоения», снижения активации внимания в процессе дорожного движения. Учитывая эту выявленную закономерность в Германии, уже более 10 лет (с 2005 г.) действует специальная федеральная программа под названием «SAFE-NET PLUS» – «Дальнейшее распространение опыта безопасного вождения среди начинающих водителей», которая показала очень высокий уровень эффективности и разработана как раз для водителей со стажем вождения 3–5 лет. Ее прохождение является для водителей добровольным, но так как она подкреплена «экономическими выгодами», то ее проходят практически все водители, таким образом, был ликвидирован «пик аварийности», обусловленный этими психологическими факторами. Суть программы заключается в том, что помимо совершенствования навыков вождения, важное место занимает выработка психологической устойчивости водителя перед всевозможными раздражителями, то есть упражнения на концентрацию внимания, психологические приемы нивелирования эмоциональной дезорганизации мышления в любой сложной дорожной ситуации, а также культура вождения. В программе предусмотрен ряд «психологически обоснованных» подкреплений формирования поведенческих навыков и установок на безопасное вождение и ряд экономически выгодных предложений (приобретение автомобиля на льготных условиях, снижение выплат за страхование, финансовое вознаграждение за безаварийное вождение и т.п.). Таким образом, молодой водитель из «источника повышенной опасности» превращается в уверенного профессионала.

Зарубежный опыт стран Европейского союза (ЕС) также подтверждает, что наиболее успешным является не только совершенствующаяся правовая регламентация безопасности дорожного движения, но прежде всего изменение отношения всех его участников к соблюдению правил безопасности, что ведет и к изменению реального поведения на дорогах и водителей и пешеходов.

Хаапсалуским колледжем Таллиннского университета по заказу Департамента шоссейных дорог Эстонии в 2012 г. было разработано методическое руководство для преподавателей автошкол на основе инновационных педагогических технологий, формирования компетенций водителя, в которых основной компетенцией является именно нацеленность на формирование психологической установки на безопасное вождение и повышение уровня правосознания. Результат – в Эстонии значительно снизилось количество ДТП среди стран прибалтийского региона.

Среди стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), самое низкое количество ДТП и нарушений Правил дорожного движения (ПДД) в Японии.

Главным опорным пунктом достижения эффективного результата, была планомерная и грамотно организованная работа с населением (через создание общественных групп БДД, работа в школах с детьми и родителями, местные сообщества).

В современных дорожных условиях, управление автомобилем предъявляет высокие требования к психике и когнитивной деятельности человека, к его знаниям, опыту, техническим навыкам, а так же психологической устойчивости. В крупных городах водители постоянно действуют в рискованных условиях «плотного потока», при этом им нужно контролировать безопасное управление автомобилем. Именно от водителей в большей степени зависит безопасность движения, а также жизнь и здоровье других участников дорожного движения (водителей, пассажиров, пешеходов).

Участники дорожного движения – это, не только субъекты правовых отношений, но прежде всего люди, мужчины и женщины. В настоящее время значительную долю водителей транспортных средств составляют женщины разного возраста. В этой связи интересны результаты исследования гендерных различий, отражающие проблематику в поддержании безопасности дорожного движения. Например, за мужчинами-водителями закреплен ряд негативных качеств: агрессивное и опасное вождение, частое нарушение правил дорожного движения, вождение в состоянии алкогольного и иного опьянения. Перечисленные характеристики вряд ли можно считать нормативными, с точки зрения ключевого критерия дорожного движения – безопасности. Статистика подтверждает, что мужчины действительно чаще, чем женщины, нарушают правила дорожного движения и попадают в дорожно-транспортные происшествия [4].

Существует несколько традиционных подходов к снижению аварийности, прежде всего усиление правовой ответственности, увеличение штрафных санкций; улучшение качества дорог; применение психолого-педагогических инноваций в процессе подготовки водителей, а также эффект «психологического присутствия контроля» в процессе дорожного движения («лежачий полицейский» для снижения скорости, камеры фото-видеофиксации нарушений правил дорожного движения). Однако рискованное/безопасное поведение российских водителей, как показывают современные исследования, не связано напрямую ни с одним из перечисленных факторов. С.В. Полякова отмечает: «На сегодняшний день основной причиной аварий на дорогах остается «человеческий фактор» (потребление алкоголя, превышение скорости и постоянное нарушение других правил ПДД и т.д.), все это создает дополнительное стрессовое напряжение для других участников дорожного движения, которое отрицательно отражается на качестве вождения» [6, с. 113].

По результатам русско-норвежского исследования (Норвегия относится к странам с низким уровнем аварийности), в России более легкомысленно

относятся к вопросам безопасности: «статистически достоверно» водители «чаще превышают скорость в городской черте, реже снижают скорость в плотно населенных районах и на пешеходных переходах, а также вблизи детских площадок, не используют детские автокресла, игнорируют ремни безопасности, пассажиры садятся в автомобиль с ненадежным водителем, и водители и пешеходы признаются в недостаточном знании правил дорожного движения» [2].

На первый план установки на рискованное и «опасное» вождение, как указывается в психологическом исследовании С.Е. Борисовой, выходят устойчивые отрицательные личностные водителей – правовой нигилизм, склонность к необоснованному риску, виктимная направленность поведения, легкомыслие, не умение предвидеть и просчитывать сложные ситуации, а прежде всего психологическая установка на нарушение Правил дорожного движения и пренебрежительное отношение к другим участникам дорожного движения [1].

Выявленные особенности указывают на два очень важных фактора, которые обсуждаются в научном психологическом сообществе и связаны: 1) с развитием личности и становлением социальной зрелости и ответственности в современных условиях [7]; 2) с перспективами психологии в решении задач российского общества, развитием технологий согласования социальных институтов, национального менталитета, повышение уровня правосознания граждан [3].

Тенденции современного развития общества, экономики, техники качественно изменяют дорожное движение и требуют постоянного совершенствования превентивных форм безопасности участников дорожного движения, профилактических мер и повышения уровня правосознания граждан, с применением инновационных социально-психологических технологий.

Библиографический список

1. Борисова, С.Е. Влияние психологических установок водителей на безопасность дорожного движения / С.Е. Борисова // Психология и право. – 2011. – № 4. – С. 3–12.

2. Гранская, В.Ю. Кросс-культурное сравнение отношения к безопасности, оценка риска и рискованного поведения на дорогах российских и норвежских водителей / В.Ю. Гранская // Вестник СПбГУ. Сер. 12. – 2012. – № 3. – С. 124.

3. Журавлев, А.Л.. Перспективы психологии в решении задач Российского общества. На пути к технологиям согласования социальных институтов и менталитета / А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич // Психологический журнал. – 2013. – Т. 34. № 6. – С. 5–25.

4. Кабалевская, А.И. Особенности гендерного поведения водителей / А.И. Кабалевская, А.И. Донцов // Вопросы психологии. – 2013. – № 4. – С. 69–79.

5. Майоров, В.И. О нормативно-правовом регулировании деятельности полиции / В.И. Майоров // Полицейское право. – 2005. – № 1 (1). – С. 41–43.

6. Полякова, С.В. Правовые и социально-психологические аспекты подготовки водителей как условия безопасности участников дорожного движения / С.В. Полякова // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики Материалы XII Международной научно-практической конференции: в 4 т. – Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева. 2015. – С. 111–118.

7. Солдатова, Е.Л. Связь эго-идентичности и личной зрелости / Е.Л. Солдатова, И.А. Шляпникова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2015. – Т. 8. 31. – С. 29–35.

К содержанию

УДК 159.964.2 + 159.9:61

РЕЗУЛЬТАТЫ МОНИТОРИНГОВОГО ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ МЧС РОССИИ

П.Н. Баринов

Приведены данные о результатах мониторингового психодиагностического исследования сотрудников МЧС России, определены группы личного состава нуждающихся в психопрофилактических и психокоррекционных мероприятиях, спланирована работа по профилактике неблагоприятных состояний.

Ключевые слова: психодиагностика, мониторинг, сотрудники, профилактика, коррекция.

Деятельность специалистов МЧС России сопряжена с действием различных стрессогенных факторов. Неопределенность складывающейся обстановки, постоянное ожидание опасности, необходимость непрерывного логического и психологического анализа быстроменяющихся ситуаций, напряженная работа внимания, работа с человеческим горем оказывают мощное и неоднозначное влияние на психику специалиста, требуют мобилизации всех его физических и психических возможностей для эффективного решения стоящих задач.

Высокая эмоциональная вовлеченность в общение с пострадавшими, неопределенность действий при развитии чрезвычайных ситуаций, высокая интенсивность работы и открытость при выполнении своих обязанностей – все это определяет высокий риск развития «психологического выгорания».

Как указывает доктор психологических наук Валерий Орел [1],в настоящее время среди ученых существует единая точка зрения на сущность психологического выгорания и его структуру. Три ключевые характеристики синдрома связывают с развитием эмоциональной истощенности, деперсонализации (цинизма) и редукцией профессиональных достижений.

Под эмоциональным истощением понимается чувство эмоциональной опустошенности и усталости, вызванные собственной профессиональной деятельностью. Деперсонализация предполагает циничное отношение к труду и объектам своего труда. Наконец редукция профессиональных достижений – возникновение у сотрудников чувства некомпетентности в своей профессиональной сфере, осознание неуспеха в ней.

Можно выделить пять ключевых групп симптомов, характерных для синдрома психологического выгорания:

1) физические симптомы (усталость, физическое утомление, истощение, бессонница, плохое общее состояние здоровья);

2) эмоциональные симптомы (недостаток эмоций, пессимизм, цинизм и черствость к работе и личной жизни, безразличие, ощущение беспомощности и безнадежности, агрессивность, раздражительность, тревога, чувство одиночества);

3) поведенческие симптомы (малая физическая активность, импульсивное эмоциональное поведение);

4) интеллектуальное состояние (падение интереса к новым методам и идеям в работе, к альтернативным подходам в решении проблем, предпочтение стандартных шаблонов, рутине, нежели творческому подходу);

5) социальные симптомы (низкая социальная активность, падение интереса к досугу, увлечениям, ограничение социальных контактов, ощущение изоляции, непонимания других и другими, ощущение недостатка поддержки со стороны семьи, друзей, коллег).

Таким образом, синдром психологического выгорания можно представить как синдром, развивающийся на фоне хронического стресса и ведущий к истощению эмоционально-энергетических и личностных ресурсов сотрудника. По существу психологическое выгорание – это дистресс или третья стадия общего адаптационного синдрома – стадия истощения (по Г. Селье).

Все это негативно сказывается на эффективности служебной деятельности и указывает на необходимость принятия комплекса мер по сохранению профессионального здоровья и долголетия сотрудников, в том числе актуализации психогигиенической и психопрофилактической работы с личным составом.

Для решения задач психогигиены и психопрофилактики высокую значимость имеет мониторинговое психодиагностическое исследование профессиональных контингентов (как для первичной оценки, так и для

оценки эффективности реализуемых психопрофилактических и психокоррекционных программ).

С целью выявления психологических последствий профессиональной деятельности в условиях стресса и совершенствования системы психологического обеспечения специалистов МЧС России нами проведено мониторинговое психодиагностическое исследование сотрудников отделов надзорной деятельности и профилактической работы Главного управления МЧС России по Челябинской области. В исследовании приняли участие 97 сотрудников, занимающих должности среднего и старшего начальствующего состава (71 мужчина и 26 женщин в возрасте от 25 до 45 лет).

Методы исследования

1. Методика «Установление закономерностей» предназначена для оценки качеств мышления: способности к анализу и сравнению, умению делать логические построения, легкости возникновения ассоциативных связей, установлении тождества и различия, скорости переключения с одного способа умственного действия на другой, а также для характеристики устойчивости внимания и оперативной памяти. Методика заимствована из практики авиационных врачей, составлена и апробирована Б.Л. Покровским в 1961 году.

2. Методика «Оперативная память» предназначена для оценки уровня развития оперативной памяти, применяется для изучения оперативной памяти в тех случаях, когда оперативная память несет основную функциональную нагрузку.

3. Методика диагностики эмоционального выгорания В.В. Бойко позволяет диагностировать ведущие симптомы «эмоционального выгорания» и определить, к какой фазе развития стресса они относятся: «напряжение», «резистенция», «истощение» [2].

4. Методика диагностики агрессивного поведения А. Басса и А. Дарки позволяет диагностировать «враждебность» как скрытно-вербальную реакцию, которой сопутствуют негативные чувства и негативные оценки людей и событий, и «агрессию» как ответ, содержащий стимулы, способные причинять вред другому существу.

5. «Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний» (К.К. Яхин, Д.М. Менделевич) применяется для выявления и оценки невротических состояний таких как: тревога, невротическая депрессия, астения, истерический тип реагирования, обсессивно-фобические нарушения, вегетативные нарушения.

6. Опросник посттравматического стресса И.О. Котенева (в модификации Т.Н. Гуренковой, О.Ю. Голубевой) позволяет диагностировать у сотрудника выраженность патопсихологической симптоматики.

Полученные результаты и их обсуждение

Проведен анализ с учетом распределения полученных диагностических данных по выделенным выше группам симптомов. По интеллектуальному

состоянию, где сотрудники со сниженным уровнем качеств мышления составляют 8 %, с уровнем оперативной памяти ниже среднего уровня 5 % (табл. 1).

Таблица 1

Результаты диагностики качеств мышления и оперативной памяти, %

Установление закономерностей			Оперативная память		
Ниже нормы	Норма	Высокий уровень	Ниже среднего	Средний уровень	Высокий уровень
8	34	58	5	26	69

По уровню выраженности форм агрессивности, где высокий уровень враждебности наблюдается у 3 % сотрудников (табл. 2). В данном случае под враждебностью понимается качество личности – склонность интенсивно и длительно, открыто или скрытым образом проявлять негативные чувства, эмоции к людям, которые воспринимаются как угроза, демонстрировать готовность и желание причинить им вред.

Таблица 2

Результаты диагностики уровня выраженности форм агрессивности, %

Уровень выраженности форм агрессивности	Уровень агрессивности			Уровень мотивационной агрессии			Уровень враждебности		
	низкий <19	средний 21±2	высокий >23	низкий <19	средний 21±2	высокий >23	низкий <6	средний 8±2	высокий >10
Количество человек, %	93	7	0	98	2	0	69	28	3

По фазам синдрома эмоционального выгорания (табл. 3). Первая стадия общего адаптационного синдрома «напряжение» по Г. Селье в стадии формирования диагностирована у 12 %, где наибольшую выраженность имеют симптом «тревога и депрессия». Вторая стадия общего адаптационного синдрома «резистенция» в стадии формирования диагностирована у 23 %, как сформировавшаяся – у 6 %, где наибольшую выраженность имеют симптомы «неадекватное избирательное эмоциональное реагирование», «эмоционально-нравственная дезорганизация» и «редукция профессиональных обязанностей». Третья стадия общего адаптационного синдрома «истощение» в стадии формирования диагностирована у 7 %, как сформировавшаяся – у 1 %, где наибольшую выраженность имеют симптомы «эмоциональный дефицит» и «эмоциональная отстраненность».

Таблица 3

Результаты диагностики «эмоционального выгорания», %

Фаза	Симптом	Не сложившийся симптом	Складывающийся симптом	Сложившийся симптом	Фаза не сформировалась	Стадия формирования	Сформировавшаяся фаза
Напряжение	Переживание психотравмирующих обстоятельств	89	4	7	88	12	0
	Неудовлетворенность собой	92	6	2			
	Загнанность в клетку	92	4	4			
	Тревога и депрессия	82	10	8			
Резистенция	Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование	39	32	29	71	23	6
	Эмоционально-нравственная дезорганизация	70	25	5			
	Расширение сферы экономии эмоций	93	3	4			
	Редукция профессиональных обязанностей	60	20	20			
Истощение	Эмоциональный дефицит	72	25	3	92	7	1
	Эмоциональная отстраненность	84	21	5			
	Личностная отстраненность	92	8	0			
	Психосоматические и психовегетативные нарушения	97	2	1			

По сформированным «невротическим состояниям» (табл. 4). Анализ выраженности невротических состояний в проведенном исследовании представлен следующим образом: у 2 % выявлены симптомы невротической депрессии, сопровождающейся ощущением неадекватности, чувством отчаяния, пессимизмом, уменьшением активности, эмоциональной насыщенности переживаний со стремлением удержать внешние проявления чувств. По 1 % астения, истерический тип реагирования и вегетативные нарушения.

По выраженности патопсихологической симптоматики (табл. 5), где высокая вероятность развития посттравматического стрессового расстройства выявлена у 3 % сотрудников: «повторное переживание травмы» и «симптомы гиперактивации» выявлены у 3 % сотрудников, «симптомы избегания» – у 4 %, и «дистресс и дезадаптация» – у 5 % сотрудников.

Таблица 4

Результаты диагностики «невротических состояний», %

Шкалы	Норма	Пограничное состояние	Клинические нарушения
	>+1,28	От -1,28 до +1,28	<-1,28
Тревога	98	2	0
Невротическая депрессия	96	2	2
Астения	98	1	1
Истерический тип реагирования	95	4	1
Обсессивно-фобические нарушения	97	3	0
Вегетативные нарушения	98	1	1

Таблица 5

Результаты диагностики выраженности патопсихологической симптоматики, %

Шкалы	Норма	Высокая вероятность развития ПТСР
Событие травмы	100	0
Повторное переживание травмы	97	3
Симптомы избегания	96	4
Симптомы гиперактивации	97	3
Дистресс и дезадаптация	95	5
Общий показатель ПТСР	97	3

Проявление обозначенных выше качеств у ряда сотрудников происходит в комплексе. Таким образом, одно качество усиливает проявление другого и заостряет особенности личности.

С целью планирования, организации и проведения дальнейшей психологической работы сотрудники распределены на три группы: I – условная норма – (80 % сотрудников), II – психологическая профилактика (20 % сотрудников), III – психологическая коррекция (0 %).

В рамках первой группы не требуется дополнительных психологических мероприятий за исключением плановой психопрофилактической работы. В рамках второй группы дополнительно проводятся два групповых психопрофилактических занятия (пропаганда здорового образа жизни, обеспечение функциональной надежности), индивидуальное консультирование по запросу, а также краткосрочные (однодневные) программы оперативного восстановления работоспособности на базе комнаты психоэмоциональной разгрузки.

В рамках третьей группы проводятся четыре групповых психопрофилактических занятия (пропаганда здорового образа жизни, обеспечение функциональной надежности, психическая саморегуляция, психотехнологии ресурсосбережения), индивидуальное консультирование по запросу и комплексные программы коррекции на базе комнат психоэмоциональной разгрузки (рассчитанные на 14 дней).

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Деятельность по профилактике профессионального стресса является одной из приоритетных задач работы психолога с профессиональными контингентами МЧС России.

2. Существует необходимость своевременного определения наличия и специфики психологических проблем сотрудников, связанных с профессиональной деятельностью в условиях стресса.

3. Существует необходимость разработки функциональной модели психологического обеспечения устойчивости к психологическому выгоранию профессиональных контингентов МЧС России.

Результаты исследования возможно использовать как на этапе профессионального психологического отбора, так и на этапах психологического сопровождения профессиональных контингентов МЧС России.

Библиографический список

1. Орел, Е.В. Структурно-функциональная организация и генезис психического выгорания: дис. … д-ра психол. наук / Е.В. Орел. – Ярославль, 2005.

2. Бойко, В.В. Психоэнергетика / В.В. Бойко. – СПб.: Питер, 2008. – 416 с.

К содержанию

УДК 159.937 + 159.9:77

К ВОПРОСУ О ВИЗУАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Н.Н. Апарин

В статье дается определение объекта и предмета визуальной психологии как психологической дисциплины. Из краткого исторического экскурса следует, что визуальная психология возникла на стыке «психологической фотографии» как одного из жанров фотоискусства, визуальной социологии, антропологии, культурологии, истории и таких отраслей психологии, как психология зрения, методология психологии, психология общения и др. Предметом анализа являются возможности фотографии как метода исследования и преобразования психики, взаимосвязь фотографии с эмпирическими и неэмпирическими методами психологии. Рассматриваются проблемы подготовки специалистов в области визуальной психологии.

Ключевые слова: объект и предмет визуальной психологии, фотография как метод психологического познания и преобразования, психология в фотографии, фотография в психологии, фотографичность наблюдения, познание индивидуальности с помощью фотосъемки, подготовка психолога-фотографа.

Объект и предмет визуальной психологии

Термин визуальный происходит от латинского visualis – зрительный, и означает производимый простым или вооруженным глазом (с помощью оптических приборов).

При таком понимании термина «визуальный» фотографирование не считается визуальным наблюдением. В то же время современные фото и видеокамеры – это сложнейшие оптические приборы, которые используются для изучения зрительно наблюдаемых объектов.

Известно, что психические явления как предмет психологии отличаются чувственной, и в том числе зрительной, недоступностью.

Они скрыты от прямого зрительного восприятия как «стороннего наблюдателя» (включенного или невключенного), так и субъекта – носителя психики. Для визуального психолога-фотографа объектом зрительного наблюдения являются не сами психические явления (процессы, состояния и свойства), а их видимые проявления в индивидуальном и групповом, вербальном и невербальном поведении.

Таким образом, термин визуальная психология в широком смысле слова – это психологически ориентированное визуальное наблюдение, а в узком значении – фотографирование, имеющее психологическую направленность.

Краткий экскурс в историю визуальной психологии

В современной визуальной психологии можно выделить два основных направления.

Во-первых, это отрасль психологии, объектом изучения которой является визуальность психических явлений.

Во-вторых, это «психологическая фотография» как один из жанров фотографического искусства. Истоки того и другого направления связаны с возникновением и развитием фотографии, социологии, антропологии и других областей знания и практики, использующих визуальные данные об исследуемых объектах.

Одной из предпосылок «психологической фотографии» являются дагеротипные портреты постановочного характера, выполненные в стиле пикториализма. Эти портреты содержали не только психологическую, но и социологическую информацию.

В конце XIX-го в начале XX-го веков фотографию начинают использовать для изучения физических типов людей в рамках конституциональных теорий темперамента и характера. Начиная с конца XIX века в русле так называемой «уличной фотографии» создаются портреты людей занятых работой, отображающие профессиональную направленность их личности.

В 80-е годы XIX-го века зарождается последовательное фотографирование движений, т.е. использование фотографии как праксиметрического приема. Серии снимков с минимальными временными интервалами, сделанные в то время являются прототипами методов изучения движений в психологии труда, спорта, хореографии и т.п.

В какой-то степени эти фотографические изображения предвосхитили использование видеосъемки с целью изучения невербальных аспектов общения.

Психологическая фотография тесно связана с семейной или домашней фотографией, которая зародилась в форме массовой любительской фотографии после изобретения простой ручной камеры.

Одним из источников психологической фотографии является репортерская фотография в прессе, появившаяся в середине XIX -го века. Она стала прообразом психологической фотожурналистики и фоторепортажа как краткой психологической истории.

Большой вклад в развитие визуальной психологии внесла французская школа «гуманитарной фотографии», главным предметом которой был французский национальный характер. Эти фотографии отображают проявление эмоций и чувств, социально-психологических особенностей жителей Парижа. В этой связи интерес представляют репортажные снимки американских фотографов, содержащих психологическую информацию о людях с психическими отклонениями, употребляющих наркотики, бездомных и т.п.

Индивидуальность в объективе

В соответствии с теорией индивидуальности Б.Г. Ананьева объектом психологически ориентированной фотографии могут быть особенности индивида, личности и субъекта деятельности. Создавая фотографические снимки можно получить визуальные данные о возрастно-половых, конституциональных и билатеральных особенностях человека, а через интерпретацию фотографических материалов углубить знания о его потенциальных возможностях.

Внешне наблюдаемые и запечатленные на фотографиях проявления тенденций, отношений, ценностей и мотивации могут дать новую информацию о человеке как личности. Изучение посредством фотографии структуры акций, действий и операций, регулируемых психическими процессами и функциями может быть источником новых фактов о человеке как субъекте той или иной деятельности.

Таким образом, комплексный подход к исследованию психики в рамках визуальной психологии может дать новую информацию о потенциях, тенденциях и акциях человека и тем самым создать целостное наглядное отображение его психических особенностей, его индивидуальности.

Метод наблюдения и фотография

Обсервационный метод в форме наблюдения и самонаблюдения является одним из основных методов сбора данных о видимых проявлениях психических явлений. «Объективное» или внешнее наблюдение отличается от житейского прежде всего наличием цели, плана и систематичности. Кроме того оно должно отвечать требованиям избирательности и полноты. Для технического осуществления последних двух требований в психологическом исследовании уже давно используется фотография. Фотография позволяет фиксировать видимое поведение независимо от его субъективной интерпретации. Возможности современной фототехники позволяют поднять на качественно более высокий уровень плановость и систематичность наблюдения за счет создания единообразных условий инструментального наблюдения за внешней стороной деятельности испытуемых или клиентов психолога.

Избирательный характер «объективного» наблюдения обеспечивается только в том случае, если психолог-фотограф в совершенстве владеет приемами выделения главного объекта съёмки, что позволяет планово отбирать исходный материал.

Для обеспечения относительной полноты инструментального зрительного наблюдения в пределах «рамки» фотографического образа психологу-фотографу необходимо знать и уметь использовать приёмы привлечения внимания к элементам поведения как главному объекту фотографирования.

Проблемы визуальной психологии

Проблемы визуальной психологии условно можно разделить на два больших класса.

Во-первых, это проблемы связанные с использованием фотографии как познавательного и преобразующего психологического метода.

Во-вторых, это проблемы психологии в фотографии.

К первому классу можно отнести следующие вопросы: специфика применения фотографии как познавательного метода в русле сравнительного, лонгитюдного и комплексного подходов к психологическому исследованию; взаимосвязь фотографии с другими познавательными методами; фотография как самостоятельный и дополнительный преобразующий метод и др.

Психологическая проблематика в фотографии связана с особенностями личности психолога-фотографа, психологическими аспектами фотосъемки, спецификой психологической интерпретации фотографического образа видимых проявлений психического, психологической стороной общения психолога-фотографа с испытуемым или клиентом и т.п.

Проблема подготовки специалистов в области визуальной психологии

Подготовка психологов-фотографов в любой форме должна включать изучение вопросов связанных с использованием как фотографии в психологии, так и психологии в фотографии. К числу таких вопросов можно отнести, во-первых, вопросы методологии: объект, предмет, методы, история визуальной психологии, ее взаимосвязь со смежными дисциплинами; основы профессиональной фотографии: теория и практика; фотография как метод психологического познания (метод сбора данных) и преобразования (метод консультирования и психотерапии); количественный и качественный анализ фотографий и их психологическая интерпретация; психология визуального восприятия; функции фотографии в психологических исследованиях; специфика использования фотографии в различных областях психологии: возрастной, дифференциальной, социальной, психодиагностике и т.д.; практикум по визуальной психологии и др.; во-вторых, вопросы психологии деятельности и личности психолога-фотографа; психологические аспекты фотосъемки в различных условиях: эксперимента, наблюдения, тренинга, консультирования и т.д.; психология общения психолога-фотографа с испытуемыми и клиентами.

Заключение. Визуальная психология как психологическая дисциплина имеет свой специфический предмет, который состоит в изучении тех проявлений психических процессов, свойств и состояний человека, которые доступны визуальному наблюдению. Проблематика визуальной психологии связана с использованием фотографии в психологической науке и практике, в частности, фотографии как источника «L», «Q» и «T – данных» о личности испытуемого или клиента. В целях разработки программы подготовки психологов – фотографов большой интерес представляет изучение психологии деятельности и личности профессионального фотографа. Решение этих проблем возможно лишь в рамках междисциплинарного

подхода к изучению видимых проявлений психики человека как индивида, личности и субъекта деятельности.

К содержанию

УДК 378.17 + 159.91 – 057.87

ФАКТОРЫ РИСКА ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ

Е.Н. Апарина

Приведены данные об основных факторах риска здоровья студентов, обучающихся в ЧО ВО РБИУ. Среди факторов риска прежде всего отмечается недостаток физической активности и занятий спортом, нерегулярное питание и наличие вредных привычек, связанных с курением и употреблением спиртных напитков.

Ключевые слова: студенческий возраст, вредные привычки, здоровые привычки, забота о здоровье, факторы, влияющие на здоровье, факторы риска здоровья, успешность деятельности.

Геронтологи утверждают, что если смолоду заложить хорошую основу здоровья, то долгая жизнь человека будет активной, а старость – без болезней. Молодые люди обычно считают себя невосприимчивыми к болезням. Однако опыт многих исследователей показывает, что это далеко не так. Уже к 20 годам формируются как вредные, так и здоровые привычки. Вредные привычки в питании, употребление спиртного, курение разрушают здоровье молодых людей и укорачивают жизнь [1].

Студенческий возраст характеризуется стилем жизни, исключающим заботу о собственном здоровье, поскольку такая ориентация традиционно приписывается старшему поколению и оценивается молодым человеком как «непривлекательная и скучная».

С другой стороны, именно в этот период формируется будущий профессионал, состояние здоровья которого непосредственно влияет на успешность деятельности, его профессиональное саморазвитие и будущее профессиональное долголетие [5].

На формирование здоровья студенческой молодежи влияет множество факторов, которые условно можно разделить на две группы. Первая группа – это объективные факторы, которые непосредственно связаны с учебным процессом (продолжительность учебного дня, учебная нагрузка, перерывы между занятиями и т.д.). Вторая группа факторов – субъективные, личностные характеристики (режим питания, двигательная активность, организация досуга, наличие или отсутствие вредных привычек и т.д.) [6].

Н.В. Бояркина и Н.А. Котова выделяют следующие факторы риска в образовательной среде: стрессовая педагогическая тактика, несоответствие методик и технологий обучения, несоблюдение физиологических и гигиенических требований к организации учебного процесса, недостаточная грамотность родителей и педагогов в вопросах сохранения здоровья, дефекты существующей системы физического воспитания, интенсификация учебного процесса, недостаточность медицинского контроля, отсутствие системной работы по формированию ценности здоровья и здорового образа жизни [1].

В укреплении и сохранении своего здоровья определяющую роль играет сам человек. С этим связано и его умение оценивать состояние своего здоровья. В то же время эффективность самооценки здоровья непосредственно зависит от знаний себя.

Несмотря на вышесказанное, интерес к собственному здоровью и здоровому образу жизни в студенческой среде присутствует.

Например, по данным исследований Я.В. Ушакова уровень интереса к информации о здоровом образе жизни и способах улучшения здоровья в студенческой среде достаточно высок. Большинство студентов в той или иной степени проявляют интерес к подобной информации: 40 % молодых очень интересует такая информация, 41 % – интересует в некоторой степени [6].

В связи с продолжающимся развитием организма студентов в период обучения, их организм более подвержен различным неблагоприятным воздействиям. Это приводит к срыву процесса адаптации и развитию целого ряда заболеваний. Рост заболеваемости студентов снижает эффективность учебного процесса, а в дальнейшем ограничивает их профессиональную деятельность. В то же время по данным исследования Я.В. Ушакова [6] чуть менее половины студентов предпочитают обращаться к врачу не чаще одного раза в год.

Исследования В.И. Павлова [4] показывают, что более половины студентов имеют высокий уровень тревожности, при этом для снятия хронического стресса, подавления тревожности, молодые люди достаточно легко прибегают к «приему алкоголя» (20 %), «курению» (35 %), «приему легких психотропных средств» (8,5 %). При этом большая часть опрошенных уверена в абсолютной безвредности пива, занимающего первое место в структуре употребляемых студентами алкогольных напитков.

Важным фактором формирования здоровья студентов является организация питания. Особенности питания студентов зависят как от объективных условий: организация питания в вузе, место жительства, материальный достаток в семье, занятость студента, но и во многом определяются самими студентами, являясь отражением их социальных установок [6].

В исследованиях Г.Н. Голубевой и А.Н. Голубева [2] студентам было предложено составить личную программу оздоровления. Анализ личных программ студентов показал, что в первую очередь студенты обращают внимание на свое питание, далее на физическую форму и двигательную активность, закаливание и средства снятия психоэмоционального напряжения.

Современный студент должен иметь хотя бы минимум знаний из области профилактической медицины и гигиены, чтобы он сознательно заботился о своем здоровье.

Актуальность проблемы привела к разработке кафедрой педагогики и психологии ЧОУ ВО РБИУ учебного элективного курса для студентов разных специальностей «Психология профессионального здоровья». Целью данного курса является показать студентам любой специальности важность здоровья и здорового образа жизни для успешности профессиональной деятельности и познакомить их с результатами оценки собственного здоровья.

Нами была разработана анкета, выявляющая основные факторы риска здоровья. Анкетирование проводилось в рамках элективного курса «Психология профессионального здоровья». В анкетировании приняли участие 28 студентов, обучавшихся на элективном курсе «Психология профессионального здоровья». Ответ на вопрос «Как Вы оцениваете собственное здоровье?» показал, что 10,7 % студентов «не задумывались над этим», 3,5 % студентов признались, что больны, 17,8 %, считают, что они «скорее не здоровы», 53,5 % считают себя скорее здоровыми, и только 14,3 % – абсолютно здоровыми.

Забота о своем здоровье предполагает посещение врача и консультирование у медицинских специалистов. По данным нашего анкетирования, при ответе на вопрос «Как часто Вы посещаете врача по состоянию здоровья?», 3,5 % студентов ответили «один раз в месяц», 25 % ответили "»один раз в несколько месяцев», 14,28 % – раз в полгода, 25% – «не чаще одного раза в год» и 32,14 % студентов вообще редко посещают врача.

Основная деятельность студентов по поддержанию своего здоровья связана с прогулками на свежем воздухе, это отметили 60,7 % респондентов, 53,5 % регулярно принимают витамины, 42,85 % студентов делают профилактические прививки, 39,3 % стараются регулярно и полноценно питаться, 28,57 % занимаются спортом и соблюдают режим дня.

По результатам нашего исследования больше половины студентов регулярно питаются (53,57 %), при этом предпочитают домашнюю еду питанию в общественных местах, таких 64,28 % респондентов. Предприятия общественного питания РБИУ (кафе-столовая и буфет) являются основным местом обеда студентов в учебные дни: 57,14 % питаются в кафе института, 46,42 % питаются в буфете института, 35,71 % пьют чай или кофе

из автомата, 32,14 % приносят с собой бутерброды или фрукты для перекуса между занятиями.

Конечно, каждый студент знает, какое губительное воздействие на организм оказывает употребление табака и спиртных напитков. Тем не менее, практика курения и употребления спиртных напитков довольно широко распространены в студенческой среде. Поэтому отношение студентов к курению и алкоголю важно при оценке факторов риска их здоровья. Результаты анкетирования показали, что большинство респондентов не курят – 64,28 %, но, к сожалению, 35,71 % опрошенных студентов отметили у себя такую вредную привычку.

Отношение к спиртным напиткам только у 7,14 % студентов отрицательное, они отметили, что не пробовали спиртного, к сожалению, 64,28 % студентов указали в анкете, что употребляют спиртные напитки, хоть и редко. Тревогу вызывает тот факт, что 10,71 % студентов употребляют спиртные напитки несколько раз в месяц, а 7,14 % – несколько раз в неделю.

Заключение. Наше исследование показало присутствие в студенческой среде факторов риска здоровья: недостатка физической активности и занятий спортом, нерегулярного, нерационального и несбалансированного питания и наличия вредных привычек, связанных с курением и употреблением спиртных напитков.

Распространенность основных факторов риска здоровья студентов требует определенных мер по поддержанию, сохранению и укреплению здоровья.

По мнению многих авторов, существующая система образования должна быть комплексной и учитывать биологические, психофизические, экономические, экологические факторы, а также социальные условия, влияющие на здоровье студенческой молодежи.

В современных социально-экономических условиях в связи с негативными тенденциями показателей, характеризующих здоровье студентов, в процессе учебы необходимо формировать в молодежной среде установки на здоровый образ жизни.

Библиографический список

1. Бояркина, Н.В. Формирование здорового образа жизни студентов медицинского колледжа / Н.В. Бояркина, Н.А. Коткова // Здоровье и образование в XXI веке. – 2011. – № 2, Т. 13. – С. 176–177.

2. Голубева, Г.Н. Внешние и внутренние факторы риска здоровья студентов / Г.Н. Голубева, А.И. Голубев // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 8. – С. 909–912.

3. Киколов, А.И. Обучение и здоровье: Метод. Пособие для студ. и препод. вузов / А.И. Киколов. – М.: Высш. шк., 1985.

4. Павлов, В.И. Формирование здорового образа жизни студенческой молодежи / В.И. Павлов // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2011. – № 3.

5. Психология здоровья: Учебник для вузов / Под ред. ГС. Никифорова. – СПб.: Питер, 2006. – 607 с.

6. Ушакова, Я.В. Здоровье студентов и факторы его формирования / Я.В. Ушакова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2007. – № 4. – С. 197–202.

К содержанию

УДК 159.922.76-056.34+159.922.767

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕПРИВАЦИИ И ЗАДЕРЖКИ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Н.В. Виноградова

Статья посвящена рассмотрению проблемы дифференциальной диагностики психической депривации и задержки психического развития у детей-сирот. Рассматривается возможность использования уровня развития сенсомоторных показателей в качестве объективных критериев дифференциальной диагностики.

Ключевые слова: психическая депривация, уровень психической депривации, задержка психического развития, психомоторика, дети-сироты, дошкольный возраст.

Сиротство, являясь социальным явлением, свойственно любому обществу независимо от социально-экономического развития, так как всегда существует определенная группа детей, которые в силу различных причин остаются вне семьи и требуют заботы со стороны государства.

Социальная ситуация развития детей-сирот отягощается наличием состояния психической депривации. Ограничение ресурсов, необходимых для развития, воздействие психогенных факторов оказывают негативное влияние на формирование и развитие детей-сирот, приводят к нарушению социальных и эмоциональных отношений детей-сирот со сверстниками, развивающимися в более благоприятных условиях [5, 12, 17].

Представления о структуре психологической депривации как некого единого относительно устойчивого образования основываются на данных теоретического анализа и эмпирических исследованиях отечественных и зарубежных ученых [5, 12, 17]. Проявления психической депривации могут

охватывать широкий диапазон изменений в развитии психики. Психическая депривация служит причиной иррегулярного развития личностной, когнитивной и соматической сфер ребенка [17].

Особую трудность представляет не только преодоление последствий психической депривации у детей-сирот, но и диагностика данного явления. Как правило, при поступлении детей в государственные учреждения их психологическое обследования сводится к использованию отдельных психологических тестов, наблюдений, экспертных оценок. Специалисты различных профилей и педагоги наблюдают у вновь поступивших детей апатичность, эмоциональную невыразительность, аутичность, пониженную любознательность, отставания в развитии речи, несформированность самостоятельности как свойства личности. Многим детям выставляют нарушения интеллекта или задержку психического развития.

Задержка психического развития психогенного происхождения характерна для детей, не имеющих каких-либо отклонений со стороны функционирования центральной нервной системы или соматической сферы, но воспитывающихся в неблагоприятных для психического развития условиях. Задержка психического развития психогенного происхождения может наблюдаться у детей, воспитывающихся не только вне семьи, но и проживающих в семье, поскольку определяющее значение в психическом развитии ребенка принадлежит матери [7, 11].

Психологические исследования показывают, что у детей с психогенной формой ЗПР не наблюдается грубых нарушений предпосылок интеллекта: внимание, память, работоспособность, зрительно-пространственные функции остаются относительно сохранными. Главным системообразующим фактором является снижение мотивации учебной деятельности, что в значительной степени тормозит их познавательную активность и снижает интеллектуальную продуктивность [6, 9].

Психическая депривация – выраженное ущемление жизненно важных психических потребностей. Социальный генез этой аномалии развития не исключает ее патологического характера. Как известно, при раннем возникновении и длительном действии психотравмирующего фактора могут возникнуть стойкие сдвиги нервно-психической сферы ребенка, обусловливающие патологическое развитие его личности. Специфика последствий психической депривации во многом зависит от возрастного этапа развития ребенка, который протекал в неблагоприятных социокультурных условиях.

В период младенчества можно наблюдать сенсорную (стимульную) депривацию. В этом возрасте эмоциональное и сенсорное стимулирование буквально вызывает формирование психических новообразований. Ребенок, недополучивший сенсорных стимулов в младенчестве, не отличается пластичностью и живостью мыслительных операций. У таких детей будет довольно низкой познавательная активность.

Самостоятельным вариантом либо продолжением предыдущего может быть когнитивная депривация. В раннем и дошкольном детстве ребенок испытывает потребность в стимулах для развития предпосылок интеллектуальной деятельности: восприятия, внимания, памяти, речи, мышления. Для их реализации необходима соответствующая социокультурная среда, в которой сосредоточены разнообразные предметы, объекты, явления и действия взрослых. Дети, выросшие в условиях острого недостатка стимулов для когнитивного развития, отличаются бедностью словаря, нарушениями грамматического строя речи, скудостью представлений. Для них характерны трудности концентрации внимания, запоминания, фрагментарность восприятия, ослабление психической активности.

Исследования и данные, полученные в ходе исследования структуры психической депривации, в качестве основных причин ее возникновения указывают недостаточное удовлетворение аффективных, сенсорных и двигательных потребностей детей [12, 17]. Однако удовлетворение только аффективных потребностей ребенка не достаточно для его нормального развития. Обедненность окружающей среды, в которой ребенок не получает достаточного количества внешних стимулов, а также ограничение двигательной активности оказывают губительное влияние на формирование соответствующих структур головного мозга.

Как было сказано выше, специфика последствий психической депривации зависит от возрастного этапа развития ребенка, который протекал в неблагоприятных социокультурных условиях. В преддошкольный период интенсивно развиваются психомоторные функции. И.М. Сеченов указывал, что в психомоторной организации человека объективируются все формы психического отражения, и двигательный анализатор выступает как интегратор всех анализаторных систем человека, выполняет основную гносеологическую и праксеологическую функцию [14].

Особенности развития психомоторики детей-сирот демонстрируют яркую картину уровня психической депривации, поскольку психомоторные функции выступают в качестве основных коррелятов развития познавательной активности ребенка и выявляют нарушения характерные для депривационного дизонтогенеза. Для диагностики уровня депривации необходимо получить дифференцированную картину уровня психомоторного развития ребенка.

Цель исследования – выявить особенности развития психомоторики детей-сирот и детей с ЗПР, воспитывающихся в семьях.

В исследовании приняли участие 120 детей дошкольного возраста. Первую группу составили дети дошкольного возраста находящихся на государственном обеспечении в Муниципальном казенном Учреждении Социального Обслуживания «социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних Курчатовского района» (МКУСО «СРЦдН») г. Челябинска. Общее количество детей 80 человек. Средний возраст детей составил

6,35±0,05 лет. В период с 2008–20013 гг. Вторую группу составили дети дошкольного возраста, воспитывающиеся в семьях, посещающие Муниципальное Бюджетное Дошкольное Образовательное Учреждение (МБДОУ) № 240 и № 428 г. Челябинска. Средний возраст в группе составил 6,35±0,05 лет. Общее количество детей вошедших в контрольную группу 40 человек.

Методы и методики исследования. Были сформулированы критерии диагностики нарушений психомоторного развития, которые позволяют произвести качественный анализ структуры дефекта: 1) состояние общей моторки; 2) кинестетическая организация движений (кинестетический праксис); 3) динамическая организация двигательного акта (динамический праксис); 4) зрительно-пространственная организация движений (пространственный праксис); 5) слухомоторная и зрительно-моторная координация. Данные психомоторные показатели могут стать основой для проведения дифференцированной диагностики психической депривации и задержки психического развития. Были использованы следующие методики: 1) «Исследование движений и действий» (Н.Ю. Борякова); 2) «Адаптированное нейропсихологическое исследование (Э.Г. Симерицкая, И.А. Скворцов, Л.И. Московичюте); 3) «Графические пробы» (Л.Н. Блинова); 4) «Кубики Кооса, субтест № 9» Дж. Векслера; 5) Компьютерное тестирование нейродинамических свойств «НС-Тест 2003» (Д.А. Марокко, Т.В. Попова, Ю.И. Корюкалов).

Результаты исследования. Нейропсихологическое исследование особенностей развития психомоторики у детей-сирот и детей с ЗПР, воспитывающихся в семьях, представлены в табл.

Таблица

Среднегрупповые показатели психомоторного развития детей-сирот и детей с ЗПР, воспитывающихся в семьях

Показатели	(M±m)		t-критерий
	Дети-сироты (группа 1,2)	Дети, воспитывающиеся в семьях (группа 3)	
общая моторика	2,4±0,12	3,8±0,06	-8,9***
кинестетический праксис	1,93±0,8	3,43±0,12	-9,9***
динамический праксис	2,1±0,1	3,63±0,01	-9,6***
пространственный праксис	2,63±0,11	4,53±0,12	-10,5***
слухомоторная координация	2,58±0,13	3,7±0,07	-6,07***
зрительно-моторная реакция	1302,9±0,8	975,9±0,9	-7,54*
сенсомоторная реакция	1063,9±0,2	702,7±0,9	-6,56*

Прим.: группа 1 – дети-сироты с глубоким уровнем депривации; группа 2 – дети-сироты с умеренным уровнем депривации; группа 3 – дети, воспи-

тывающиеся в семьях; * – достоверность различий между группами при ρ≤0,05; ** – достоверность различий при ρ≤0,001; *** – достоверность различий при ρ≤0,0001.

В группе детей, воспитывающихся в семьях, более высокий уровень развития общих моторных навыков в сравнении с группой детей-сирот (t= -8,9 при ρ≤0,0001). Дошкольники, воспитывающихся в семьях, способны синхронно и точно выполнять движения, темп выполнения движений соответствует возрастным показателям нормы (M=3,8±0,06). В группе детей-сирот уровень развития общей моторики ниже (M=2,4±0,12). Установлены трудности в запоминании последовательности выполнения заданий, замедленный или ускоренный темп выполнения заданий, снижение синхронности и точности выполнения движений.

Сопоставление результатов исследования развития кинестетического праксиса между совокупной выборкой детей-сирот (M=1,93±0,8) и выборкой детей, воспитывающихся в семьях (M=3,43±0,12), показал, что у дошкольников группы 3 более высокий уровень развития кинестетического праксиса (t= -9,9 при ρ≤0,0001). В группе дошкольников из семей установлен более высокий уровень дифференциации и координации движений пальцев рук, способность синхронно выполнять движения обеими руками, и осуществлять контроль за своими действиями, нормальный темп выполнения заданий. У 25 % детей из семей отмечаются некоторые нарушения кинестетического праксиса: затруднения в переносе поз при отсутствии зрительного образца, инертность движений, снижение точности запоминания двигательных программ. У детей-сирот выявлены нарушения в формировании кинестетического праксиса: некоординированные движения, трудности нахождения отдельных поз, переключения с одного движения на другое, при этом отмечаются персеверации и повышенный тонус мышц.

Было установлено, что в группе детей-сирот уровень развития динамического праксиса ниже, чем в группе детей, воспитывающихся в семьях (t= -9,6 при ρ≤0,0001). Сравнительный анализ результатов исследования показал, что у детей, воспитывающихся в семьях, не выявлены грубые нарушения динамического праксиса (M=3,63±0,01). Развитие динамической организации двигательного акта у 81 % детей из семей (n=51) соответствует возрастной норме. Дошкольники справляются с заданием самостоятельно, воспроизводят графический образец с незначительными искажениями, сформирована координация в системе «глаз–рука», зрительный контроль достаточен. В группе детей-сирот (M=2,1±0,1) наблюдаются нарушения симметрии, величины и ритма рисунка, утрата топологической схемы в конце графического ряда, а также снижение зрительного контроля и некоординированность движений в системе «глаз–рука».

Выявлен низкий уровень развития пространственного праксиса в группе детей-сирот (t= -10,5 при ρ≤0,0001). У детей, воспитывающихся в семь-

ях, не выявлены грубые нарушения пространственного праксиса (M=4,53±0,12). Дети хорошо справляются с заданием, анализируют условия выполнения задания, ориентируется на образец, задания выполняет методом целенаправленных проб. Темп деятельности высокий. Ошибки практически не совершаются. Для детей-сирот с депривационным дизонтогенезом (M=2,63±0,11) развития характерны низкий уровень соотнесения пространственного расположения элементов или отсутствие ориентировки на образец, сниженный зрительный контроль, замедленный темп выполнения задания, большое количество ошибок.

При исследовании слухомоторной координации было зафиксировано значительное снижение в развитии данной функции у детей-сирот ($t= - 6,07$ при $\rho\leq0,0001$). Уровень развития слухомоторной координации у дошкольников, воспитывающихся в семьях (M=3,7±0,07), соответствует возрастной норме и значительно превышает уровень развития детей-сирот (M=2,58±0,13).

У детей-сирот более низкий функциональный уровень нервной системы, по сравнению с детьми, воспитывающимися в семьях, что проявляется более длительным временем сенсомоторных реакций на оптические ($t=7,54$ при $\rho\leq0,05$) и акустические ($t=6,56$ при $\rho\leq0,05$) раздражители. Основываясь на показателях времени сенсомоторных реакций, делаем вывод, что у детей-сирот, по сравнению с дошкольниками, воспитывающимися в семьях, возбудимость ЦНС на слуховые раздражители снижена почти на 50,0 %, на зрительные – на 33,5 %, на дифференцировочные (с выбором и различения) – соответственно на 50,6 % и 25,9 %, в режиме статической и динамической помехи – на 67,6 % и 39,7 % (соответственно). У детей-сирот с депривационным развитием на дифференцировку оптических раздражителей затрачивается значительно более длительное время, чем у дошкольников, воспитывающихся в семьях.

Таким образом, результаты исследования позволяют прийти к выводу, что у детей-сирот с депривационным дизонтогенезом развития более низкий уровень развития психомоторики в сравнении с детьми, имеющими задержку психического развития. Недостаточное удовлетворение значимой потребности в двигательной активности и сенсорных впечатлениях лежит в основе формирования нарушений психомоторных и нейродинамических функций, находящихся в стадии интенсивного развития и наибольшей уязвимости в раннем и дошкольном детстве. Особенности психомоторного развития могут служить объективным критерием дифференциальной диагностики психической депривации и задержки психического развития.

Библиографический список

1. Блинова, Л.Н. Диагностика и коррекция в образовании детей с задержкой психического развития: Учеб. пособие. / Л.Н. Блинова. – М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 2001. – 136 с.

2. Борякова, Н.Ю. Ступеньки развития. Ранняя диагностика и коррекция задержки психического развития у детей. Учебно-методическое пособие / Н.Ю. Борякова. – М.: Гном-Пресс, 2002. – 64 с.

3. Ивженко, Е.В. Оценка влияния факторов микросоциальной среды на состояние здоровья детей интернатных учреждений / Е.В. Ивженко, Н.П. Сетко // Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции «Здоровье и безопасность жизнедеятельности молодежи: проблемы и пути решения». – Уфа, 2008. – С. 171–174.

4. Киселев, С.Ю. Взаимосвязь интеллекта и показателей сенсомоторного теста у детей старшего дошкольного возраста / С.Ю. Киселев, В.И. Лупандин, И.Е. Ткачук // Вопросы психологии. – 2000. – № 4. – С. 38–44.

5. Лангмейер, Й. Психическая депривация в детском возрасте / Й. Лангмейер. – Прага: Медицинское издательство Авиценум, 1984. – 334 с.

6. Лебединский, В.В. Нарушения психического развития у детей: Учебное пособие / В.В. Лебединский. – М.: Издательство Московского университета, 1985. – 278 с.

7. Макарова, О.А. Аспектный анализ задержки психического развития в отечественной психологии / О.А. Макарова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2013. – № S1. – С. 16–20. – URL: http://e-koncept.ru/2013/13504.htm.

8. Макарова, И.В. Влияние особенностей развития психомоторики на успешность начального обучения / И.В. Макарова. – М.: «ЧаРо», 2000. – 169 с.

9. Мамайчук, И.И. Психокоррекционные технологии для детей с проблемами в развитии / И.И. Мамайчук. – СПб.: Речь, 2004. – 400 с.

10. Марковская, И.Ф. Типы регуляторных нарушений при задержке психического развития. Нейропсихологический подход / И.Ф. Марковская // Альманах Института коррекционной педагогики. – 2005. – № 9. – С. 45–48.

11. Ненашева, А.В. Проблемы в понятии «задержки» в развитии детей / А.В. Ненашева // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Образование, здравоохранение, физкультура и спорт». – 2003. – Вып. 2. – № 5 (21). – С. 60–62.

12. Прихожан, А.М. Психология сиротства / А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых. – СПб.: Питер, 2007. – 416 с.

13. Семенович, А.В. Нейропсихологическая диагностика и коррекция в детском возрасте: учеб. пособие для высш. учебных заведений / А.В. Семенович. – М.: Изд-во «Академия», 2002. – 232 с.

14. Сеченов, И.М. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1 / И.М. Сеченов. – М.: Изд-во «Директ-Медиа», 2010. – 460 с.

15. Симкин, М.Ф. Особенности социальной адаптации детей-сирот с ЗПР в условиях детского дома-школы / М.Ф. Симкин, Е.В. Янко // Образовательный портал. – Кемерово: Кемер. госуд. универ., 2009. – С. 47–52.

16. Сиротюк, А.Л. Нейропсихологическое и психофизиологическое сопровождение обучения / А.Л. Сиротюк. – М.: «Сфера», 2003. – 228 с.

17. Ярославцева, И.В. Депривированный подросток: личностные и психофизиологические особенности развития: дис. … д-ра психол. наук / И.В. Ярославцева. – Иркутск, 2003. – 361 с.

К содержанию

УДК 159.923 + 159.964.2

ДИАГНОСТИКА ПРОЦЕССОВ ЭМПАТИИ И РЕФЛЕКСИИ В ОБЩЕНИИ

Г.Г. Горелова, Г.В. Мануйлов

В данной работе предполагалось решение задачи подбора батареи тестов для эмпирического исследования процессов эмпатии и рефлексии, присутствующих в межличностном общении. Новизна подхода к решению этой задачи диктовалась двумя обстоятельствами: во-первых, особенностью нашего концептуального рассмотрения эмпатии и рефлексии как высших психических процессов, проявляющихся на интра- и интериндивидном уровнях сознания личности, и, во-вторых, типологической особенностью субъектов общения, ибо речь идет об общении в условиях медицинской деятельности.

Ключевые слова: эмпатия, рефлексия, высшие психические процессы личности, общение, диагностика.

Общение, изначально будучи предметом социальной психологии, рассматривалось как специфическая форма взаимодействия людей. На первый план выходил межличностный – интериндивидный контекст общения, в то время как на внутриличностные процессы, собственно и порождающие качество диалога в зависимости от характеристик партнеров, не обращалось столь пристального внимания. Между тем, в общей психологии первостепенное значение начинает приобретать изучение роли общения в психическом развитии индивида, формировании индивидуального сознания, особенно анализ того, какое влияние общение оказывает на психические процессы, состояния и свойства личности [1].

Понимание эмпатии как познавательного процесса находим у К. Роджерса. Он полагал, что эмпатия является процессом, включающим наряду с чувствительностью к состоянию другого осмысление и когнитивное переструктурирование материала эмоциональных явлений.

Согласно теории о высших психических функциях Л.С. Выготского, эмпатия опосредуется развитием интеллекта, в том числе и эмоционального [2], что указывает на его важную роль в формировании эмпатии на различных этапах онтогенеза. Включив интеллектуальную составляющую в структуру эмпатии, мы углубляемся в ее анализ на интраиндивидном уровне. Когнитивный компонент является предпосылкой возникновения эмпатии, поскольку заключается в умении идентифицировать эмоциональные состояния других людей и отделять одно эмоциональное состояние от другого.

Роль эмпатии заключается в предоставлении особого, основанного на вчувствовании способа получения, обработки и проверки достоверности информации, мотивируя личность на её получение с целью усиления собственной вовлеченности в процесс общения и действуя в качестве обратной связи на уже собранную информацию. На интериндивидном уровне эмпатия выступает как регулятор взаимодействия, обеспечивая оценки и прогноз наиболее адекватных способов поведения в соответствии с эмоциональным состоянием личности.

Интраиндивидный уровень эмпатии целесообразно исследовать с применением методики И.М. Юсупова «Диагностика уровня поликоммуникативной эмпатии» [3]. Методика направлена на получение количественных показателей эмпатии и ее уровня. Единая метрическая униполярная шкала интервалов позволяет, пользуясь ключом-дешифратором, получить характеристику эмпатии на основании данных, которые представляют все диагностические шкалы и дают характеристику отдельных составляющих эмпатии**.** При изучении эмпатии субъектов врачебной деятельности информативны такие шкалы, как эмпатия с незнакомыми людьми, стариками и детьми. Диагностируемые по данной методике очень высокий и высокий уровни эмпатийности, согласно описаниям уровневых характеристик эмпатии автором методики, могут свидетельствовать об эмоциональном выгорании врача. Низкий и очень низкий уровни эмпатии означают профессиональную непригодность к работе с людьми. Нормальный уровень эмпатийности в интерпретации автора не может быть отнесен к норме, поскольку не предполагает и не учитывает наличия достаточного уровня ни эмоционального, ни тем более когнитивного интеллекта.

Следовательно, при интерпретации результатов по этому тесту необходимо их коррелировать с данными по другим возможным методикам и интеллектуальным шкалам, к которым можно отнести, например, Калифорнийский психологический опросник.

Калифорнийский психологический опросник (англ. California Psychological Inventory, сокр. CPI) представляет собой многомерный личностный опросник, созданный на основе MMPI, но в меньшей степени ориентированный на клинические и в большей – на социально-психологические аспекты личности. Первая версия создана Г. Гаухом (H.G. Gough) в 1951 году. Вторая версия была выпущена в 1956 году и содержала 480 утверждений. Нынешняя версия датируется 1987 годом и содержит 462 утверждения (CPI-462). Опросник переведён, адаптирован и стандартизирован на русском языке Н.В. Тарабриной (Институт психологии РАН) и Н.А. Графининой (Центр психологии и психотерапии) [4].

Из опросника могут быть извлечены показатели 20-и основных шкал, в том числе тех, которые имеют непосредственное отношение к предмету и концепции нашего исследования: общительность (Sy), социальное присут-

ствие (Sp), самопринятие (Sa), эмпатия (Em), самоконтроль (Sc), толерантность (To), интеллектуальная эффективность (Ie), психологический склад ума (Py), гибкость (Fx).

Авторы последней версии считают, что подобно MMPI, на основе большой базы утверждений данного опросника возможно создание дополнительных шкал, отражающих те или иные специфические черты личности.

Основные шкалы группируются в несколько категорий, где мы находим: вопросы, ответы на которые свидетельствуют о степени уравновешенности, уверенности в себе, общительности, принятии самого себя; задания, выявляющие такие качества, как приспособляемость, зрелость, терпимость. С помощью вопросов другой категории определяется интеллектуальность и интуиция.

Объективизации выводов способствует предусмотренный в методике перевод сырых баллов в Т-баллы. Данная методика предназначена для комплексной индивидуальной психологической диагностики.

На интрериндивидном уровне эмпатия личности проявляется в межличностном поведении, которое может быть изучено с помощью методики «Опросник межличностных отношений» [3]. Опросник межличностных отношений (ОМО) является русскоязычной версией широко известного за рубежом опросника FIRO (Fundamental Interpersonal Reiations Orientation), разработанного американским психологом В. Шутцем. Автор предлагаемой версии А.А. Рукавишников. Опросник направлен на диагностику различных аспектов межличностных отношений, а также на изучение коммуникативных особенностей личности.

Опросник ОМО основан на постулатах трехмерной теории межличностных отношений В. Шутца. Важнейшей идеей данной теории является положение о том, что каждый индивид имеет характерный способ социальной ориентации по отношению к другим людям, и эта ориентация определяет его межличностное поведение. Опросник предназначен для оценки поведения человека в трёх основных областях межличностных потребностей: «включения» (I), контроля» (C) и «аффекта» (A). Внутри каждой области принимают во внимание два направления межличностного поведения: выраженное поведение индивида (e), т.е. мнение индивида об интенсивности собственного поведения в данной области; и поведение, требуемое индивидом от окружающих (w), интенсивность которого является оптимальной для него. Опросник состоит из шести шкал, каждая из которых содержит утверждение, девятикратно повторяющееся с некоторыми изменениями. Всего в опроснике содержатся 54 утверждения, каждое из которых требует от тестируемого, чтобы он выбрал один из ответов в рамках шестибальной оценочной шкалы. В результате оценивания ответов психолог получает баллы по шести основным шкалам: Ie, Iw. Ce, Cw, Ae,

Aw, на основе которых затем составляется характеристика особенностей межличностного поведения тестируемого. Опросник можно предъявлять как индивидуально, так и в группе.

Рефлексия в теоретическом, концептуальном понимании выступает как механизм, который связывает смыслы личности и ту сторону мышления субъекта, которую А.Н. Леонтьев называл операционально-предметной [5]. В практическом смысле рефлексия нацелена на переосмысление собственного поведения субъекта в процессе общения и совместной деятельности. В ходе взаимного отражения участников общения рефлексия является своеобразной обратной связью, которая способствует формированию и стратегии поведения субъектов общения, и коррекции их понимания особенностей внутреннего мира друг друга.

Эти два контекста рефлексии, присутствующие и в медицинской деятельности, общении врача с пациентом, могут быть изучены на основе методики М. Гранта «Уровень выраженности и направленности рефлексии» [6].

Методика предназначена для оценки уровня выраженности рефлексивности разной направленности – ауторефлексии (рефлексия собственных переживаний, анализ своих внутренних желаний, мотивов, целей) и социорефлексии (осознание переживаний других людей).

В общепсихологическом контексте интраиндивидный уровень рефлексии исследуется методикой «Дифференциальный тип рефлексии». Этот опросник – авторская психодиагностическая методика, разработанная с целью диагностики типа рефлексии как устойчивой личностной черты. Разработана Д.А, Леонтьевым, Е.М. Лаптевой, Е.Н. Осиным и А.Ж. Салиховой в 2009 году [7].

Методика валидизирована на основе изучения факторной структуры и надёжности рефлексии, её конвергентной и дискриминантной валидности и связи с саморегуляцией.

Сосредоточенности исследований рефлексии лишь на внешнем интенциональном объекте деятельности (что обозначается термином «арефлексия») авторы противопоставляют три качественно различных процесса:

1) интроспекция (самокопание), связанная с сосредоточенностью на собственном состоянии, собственных переживаниях;

2) системная рефлексия, связанная с самодистанцированием и взглядом на себя со стороны, позволяющая охватить одновременно полюс субъекта и полюс объекта;

3) квазирефлексия, направленная на объект, не имеющий отношения к актуальной жизненной ситуации и связанная с отрывом от актуальной ситуации бытия в мире.

Системная рефлексия оказывается наиболее объемной и многогранной, хотя ее осуществление достаточно сложно, именно она позволяет видеть и

саму ситуацию взаимодействия во всех ее аспектах, включая и полюс субъекта, и полюс объекта, так и альтернативные возможности. И действительно, для того чтобы успешно решать какую-то задачу, надо видеть максимальное количество ее элементов.

Авторы отмечают, что методика «Дифференциальный тип рефлексии» может быть рекомендована как надежный и валидный исследовательский и диагностический инструмент широкого спектра применения.

Заключение. Итак, рассмотренная батарея методик для изучения эмпатии и рефлексии как высших психических процессов, проявляющихся в общении, охватывает все уровни их анализа – от интериндивидного, как это реализовывалось традиционно, до углубленного интраиндивидного уровня, раскрывающего механизмы проявления этих процессов во внутриличностном плане.

Библиографический список

1. Ломов, Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. – М.: Наука, 1984. – 444 с.

2. Выготский, Л.С. История развития высших психических функций / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1983. – 368 с.

3. Фетискин, Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 490 с.

4. Тарабрина, Н.В. Новый вариант Калифорнийского психологического опросника / Н.В. Тарабрина, Н.А. Графинина // Методики анализа контроля трудовой деятельности и функционального состояния. – 1993.

5. Леонтьев, А.Н. Проблемы развития психики / А.Н. Леонтьев. – М.: Наука, 1972. – 576 с.

6. Карпов, А.А. Основные тенденции развития современного метакогнитивизма: методические указания / А.А. Карпов. – Ярославль: ЯрГУ, 2015. – 72 с.

7. Леонтьев, Д.А. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике / Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин // Психология. – 2014. – № 11(4). – С. 110–135.

К содержанию

УДК 159.922.24 + 159.922.25

ЧЕЛОВЕК И СРЕДА: ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ МЕХАНИЗМОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

С.В. Морозова

В данной статье рассматривались теоретические концепции средового подхода, тенденции, положившие начало средовой психологии, Описаны методы исследования среды. Объясняются механизмы взаимодействия человека и среды: проблема целостности чувственного отражения (Б.Г. Ананьев); механизм формирования целостного образа (экологическая оптика Дж. Гибсона), теория сенсорно-тонического поля восприятия Вернера-Вапнера. В статье особое внимание уделяется изучению жизненного пространства К. Левина.

Ключевые слова: среда, средовой подход, средовая психология, когнитивные карты, целостность перцептивной системы, сенсорно-тоническое поле восприятия, психологическая среда, психологическая экология.

Актуальность в психологическом изучении среды и человека, их взаимосвязи является неоспоримым в настоящее время. Психологические исследования начала XX века сводились в основном восприятие эпизодических объектов в лабораторных условиях, тогда как воздействия среды на человека не изучалось. Предметный мир был настолько привычным атрибутом, что в исследование не было актуальным. Есть объективные трудности, препятствующие изучению среды, – во-первых, само воздействие среды переживается и осознается только в первое время, когда среда воспринимается как новая. Дальше человек адаптируется к ней, привыкает и практически не замечает. Но, тем не менее, на бессознательном уровне она продолжает воздействовать. Во-вторых – эффект влияния среды становится ощутимым после длительного пребывания в ней. В-третьих – испытуемый и наблюдатель находятся в одних и тех же средовых условиях, наблюдатель не может посмотреть на среду со стороны, и вследствие этого у него отсутствует возможность выработки объективных критериев оценки среды.

Во второй половине XX века в классической психологии появились новые веяния. Традиционная психология изучала психические процессы, демонстрируя своим испытуемым в лабораторных условиях вырванные из естественной ситуации отдельные объекты. Неспособность классической психологии дать удовлетворительное объяснение таким психическим феноменам, как опережающее восприятие значения признаков, наличие различий в индивидуальных образах, несмотря на то, что субъекты воспри-

нимают одну и ту же реальность, константность восприятия, обобщенность, побудила психологов перейти к эковалидным исследованиям, то есть исследованиям реального человека в реальном мире. Уно Найссер (1967) в работе, посвященной психологии познания, предложил рассматривать любой процесс как форму активности, разворачивающейся во времени. Сама активность управляется схемами. Восприятие, с точки зрения У. Найссера, есть действие, которое управляется схемами, направляющими исследовательскую активность. Схемы не даются субъекту изначально, они возникают в процессе перцептивного научения. В реальном мире нет чистого единичного процесса восприятия, а есть целостная реакция организма на средовые воздействия, учитывающая прошлый опыт субъекта. Вновь приобрели актуальность работы Б.Г. Ананьева (1977) о сенсомоторном единстве человека [1]. В настоящее время интерес к среде позволяет по-новому взглянуть на проблему теоретической психологии, процессы восприятия, механизмы, объясняющие поведение реального человека в реальном мире.

Определение *понятия среды* зависит от теоретических концепций. Определение среды раскрывает суть научного подхода. Н. Теймур (1982) в своей монографии привел порядка сорока определений понятия среды, в которых подчеркиваются те или иные аспекты проблемы. Все определения можно свести к следующим основным идеям: среда – это мы, в данном определении авторы подчеркивают тот момент, что исследователи изучают средовые факторы, которые создаются самим человеком и на которые человек может оказывать влияние. Типичным для данной группы определений является определение, данное Р. Соммером (1969): «Все люди строят, создают, моделируют формы среды: мы и есть среда». Среда – это то, что нас окружает, все, что не мы, условия, которые влияют на нас. Определение данного типа ближе к биологическому пониманию формирующей роли среды. Среда – это некоторое соотношение между нами и окружением. Среда – это элемент сверхсистемы. «Среда – открытая система, связанная с сверхсистемой. Между ними существует обмен материей, энергией и информацией» (Вильден).

Д. Ватсон (D. Watson) выделил пять классов определений, данных среде:

1) среда как процесс;
2) среда как поле активности человека;
3) среда как поле семантики;
4) среда как ресурс;
5) среда как способ стратификации общества.

В ряде исследований, посвященных среде, обсуждается проблема детерминизма и семь вариантов взаимодействия между человеком и средой, и, видимо, следует считать, что все они имеют место быть в различных ситуациях (Н. Теймур, 1982):

1. СЧ – средовой детерминизм – однонаправленная причинно-следственная детерминация.

2. ЧС – человек формирует среду.

3. СЧ, СЧ – оба способа детерминации существуют одновременно.

4. СЧ – взаимопричинная детерминация – происходит взаимодействие между средой и человеком или интерференция. Возможные формы: уравновешивающая детерминация (гомеостаз), неустойчивое равновесие.

5. СЧ – взаимодействие носит характер борьбы.

6. С+Ч – среда и человек представляют единую систему.

7. Случайная детерминация. Предыдущее событие никак не влияет на последующее, но общий результат может быть предсказан по законам вероятности [7].

Исследователи в средовой психологии придерживаются различных взглядов на причинно-следственные отношения. Р. Баркер (1968), основоположник школы экологической психологии, придерживается взглядов жесткого детерминизма. Ч. Меркер (1975) утверждает: «Поведение само по себе не может быть определено вне контекста среды». Психологи-когнитивисты предпочитают обращать внимание на внутренние условия или прошлый опыт человека, который определяет способ реагирования. Часто эта виртуальная реальность не дана нам явно, и поведение человека может казаться окружающим случайным. Однако поскольку человек все время находится во взаимодействии со стимулами среды, то можно говорить о взаимопричинной детерминации.

Физический мир мало изменчив, и его влияние на человека практически не осознается. То есть мы имеем дело с постоянно действующим фактором, наличие которого мы просто не замечаем в силу его константности. Естественно, что в психологии до недавнего времени господствовал антропоцентрический подход, предполагающий, что все поведение человека обусловлено внутренними причинами. Средовой подход (W.H. Ittelson, H.M. Proshansky, J.J. Gibson, A. Mehrabian, E. Hall, R.G. Barker и др.) к исследованиям психических явлений рассматривает человека в постоянном взаимодействии с окружающим жизненным пространством [6]: Во-первых, с*редовой подход возвращает психологию к реальному человеку в реальном мире*, интегрировано изучая весь его опыт взаимодействия с окружающим миром. Во-вторых, с*редовой подход позволяет преодолеть антропоцентрический подход*, который отрывает человека от его окружения, тем самым искажая истинные процессы, происходящие в организме. Эксперименты по сенсорной депривации, в которых человека лишали возможности воспринимать стимулы окружающей среды, показывают, что психика практически не может существовать без внешнего стимулирования. Н. Миллер (1967), анализируя эксперименты, пришел к выводу, что для каждого организма существует оптимальная для него информационная сложность

среды обитания. *В-третьих, одной из насущных проблем человечества является проблема искусственной среды*, т.е. проблема роли самого человеческого фактора с точки зрения выживания человека как вида. Искусственная среда, первоначально создаваемая рукотворно, самим человеком, несла след его индивидуальности, неповторимости, его переживаний, постепенно превращается в серийный, унифицированный, мертвый мир.

Средовая психология напрямую ставит вопрос о поле взаимодействия человек-окружающий мир. Официальная психологическая наука с недоверием относится к проблеме поля и поэтому предпочитает ее не замечать. Однако невозможно отрицать сам факт того, что человек является физическим телом с соответствующими гравитационными, электрическими, магнитными, вибрационными и т.д. полями, которые, так или иначе, взаимодействуют с полями окружающего физического мира. *Дж. Гибсон в экологической оптике* рассматривает процесс восприятия как процесс резонанса полей человека и воспринимаемой им среды. Современные высокие технологии, используемые человеком, создают угрозу экологической катастрофы, предотвратить которую можно, только сформировав в обществе представление об экологической этике, создав систему просвещения, которая включает, в том числе и понятие ответственности за использование непроверенных технологий [5, 7].

Важным принципом в средовой психологии является то, что человек живет не в фиксированной среде, адаптируясь к ней, а изменяет ее (Т. Нийт, 1980). В. Иттельсон, Х. Прошански, Л. Ривлин и Г. Винкель (1974) считают, что побудительным мотивом средовых исследований явилось ощущение утраты качества среды: «мы открываем свою среду, поскольку возникла угроза ее потерять». Предметом исследования становится роль человека в создании своей среды. В теоретическом плане основное внимание уделяется исследованию процесса восприятия. В. Иттельсон (1969) считает, что важно сместить акценты при исследовании процесса восприятия. В. Иттельсон, Х. Прошански, Л. Ривлин и Г. Винкель (1974) рассматривают роль культурных норм в восприятия естественной среды в различные исторические времена, а также особое внимание уделяют анализу психологических концепций бихевиоризма, фрейдизма, гештальт-психологии, теории поля К. Левина и Р. Баркера с точки зрения их применимости для решения проблем психологии среды [7].

Новые концепции в физике и математике стимулировали становление гештальт-психологии, а она в свою очередь нашла свое отражение *в теории К. Левина.* Так, например он рассматривал одно из положений: «Образ мира, явления (иными словами – “гештальт”) создается не путем синтеза отдельных элементов, отдельных ощущений. Он возникает сразу как целостный феномен, а именно гештальт не является суммой частей, а представляет собой целостную структуру, целостную систему» [6].

Как и ряд других исследователей личности, К. Левин считал, что человек – это сложное энергетическое поле, динамическая система потребностей и напряжений, которая определяет и направляет восприятие и действия. Теория поля (field theory) изначально была определена К. Левином, прежде всего, как «метод анализа причинных отношений и построения научных конструкций» и нацелена на объяснение поведения относительно так называемой «ситуации», в которой оно возникает. Поле определяется как «совокупность (целостность) сосуществующих фактов, которые рассматриваются как взаимозависимые». К. Левин предлагает для систематического рассмотрения факторов окружающей среды, включая ее пространственно-физические аспекты рассмотреть следующее направления:

Во-первых, свойства человека: с одной стороны, отделенность от остального мира, с другой стороны, включенность в него. Такое положение не расходится со здравым смыслом, поскольку кожа и одежда представляют видимые границы, отделяющие человека от большого мира, частью которого он является. Во-вторых, человек, будучи частью мира, находится в пространстве и в постоянном взаимодействии с психологической окружающей средой. Под этим термином К. Левин понимает воспринимаемую человеком действительность. События в психологической среде также могут вызывать изменения в физическом мире. Событие, прежде чем повлиять на человека или испытать его влияние, должно стать фактом психологической среды, которая, таким образом, представляет собой буферную зону между человеком и непсихологической средой. Психологическую среду нужно рассматривать как часть единого интегрированного поля – жизненного пространства, другая часть которого – человек [2]. В-третьих, «жизненное пространство» включает в себя все множество реальных и нереальных, актуальных, прошлых и будущих событий, которые находятся в психологической среде индивида в данный момент времени [6].

Таким образом, поведение *(B)* можно рассматривать как функцию от жизненного пространства *(L):*

$$B=f(L)^*.$$

(*от англ. behaviour – поведение и life – жизнь).

Граница между жизненным пространством и внешним миром также обладает свойством *проницаемости.* Проницаемость границ также означает, что события среды могут влиять на человека, представлено в уравнение теории Курта Левина:

$$B=f(PxE),$$

среды *(E)* и определяет поведение *{B* – Behaviour) как функцию (*f* – function) от произведения человека *(P* – Person) и окружающей среды *(E* – Environment).

К. Левин считал, что при проведении психологического исследования сначала необходимо установить природу событий, существующих на границе жизненного пространства. В процессе изучения среды К. Левин определил три наиболее значимые области в психологическом исследовании: 1) «жизненное пространство» (life space), то есть исследование совокупности человека и психологической окружающей среды; 2) исследование множества процессов в физическом или социальном мире, которые влияют на жизненное пространство человека в данный момент времени; 3) исследование границ (boundary zone) жизненного пространства.

Новизна позиции К. Левина в том, что, с одной стороны, он указывал на преимущество воспринимаемой среды, определяя как психологическую окружающую среду, над физической объективной окружающей средой; а с другой – поддерживал равный интерес к окружающей среде и ее характеристикам. Психологическая экология, по К. Левину, рассматривает и физическую, и социальную окружающие среды как существенные факторы для объяснения психологической окружающей среды. В положениях психологической экологии К. Левин, предлагал форму психологического исследования, способного использовать и объединять информацию непсихологической природы для понимания психологических явлений. Хотя идеи Левина не были приняты большинством психологов до 1970-х гг., с самого начала его теория представляла особый интерес для психологов, работающих в области взаимодействия с окружающей средой. Многие из его учеников и последователей со временем стали авторитетными фигурами в психологии. Среди них были Роджер Баркер, Леон Фестингер, Ури Бронфенбреннер [6, 7].

В нашей стране работы, посвященные изучению целостной среды, впервые появились в рамках архитектуры в 1920–1930-х гг. Восприятие архитектуры стало областью отдельных исследований и основывалось на интересе к этой теме советских архитекторов и психологов, изучалось влияние формы, света, цвета и структуры на восприятие архитектурных объектов. Так, задачей исследователей во главе с Б.Г. Ананьевым в 1941 г. в Ленинграде была разработка военного камуфляжа зданий Ленинграда и изменение образов зданий в восприятии вражеского наблюдателя.

Б.Г. Ананьев (1977) в своем труде «Сенсорно-перцептивная организация человека» дал подробный исторический анализ развития идей, объясняющих «целостность чувственного отражения человеком объективной действительности». Первые попытки, как описывает Б.Г. Ананьев, были сделаны физиологами. Физиологи, исходили из постулата, что целостный перцептивный образ складывается в результате работы отдельных рецепторов, дальше исследования шли в нескольких направлениях. Так, исследование механизмов формирования связей между рецепторными системами, исследование ассоциаций ощущений (временных связей) были разра-

ботаны И.М. Сеченовым и в дальнейшем успешно развивались в исследованиях отечественных ученых И.П. Павлова, В.М. Бехтерева, Б.Г. Ананьева и др. [1, 7].

Попытки физиологического объяснения целостности перцептивной системы, однако, не давали ответа на вопрос, а где же, собственно говоря, находится образ. В своей работе Б.Г. Ананьев ограничился рассмотрением в основном физиологических концепций целостности, но эта же проблема рассматривалась и в различных психологических школах. Безусловно, вопрос о целостности чувственного мира, которому Б.Г. Ананьев посвятил многие свои работы, еще не решен, и вполне возможны и другие направления поисков объяснения парадоксов психофизического и психофизиологического параллелизма [1].

Проблема целостности стала основной проблемой гештальт-психологов. Согласно их представлениям, кора головного мозга представляет собой субстрат, в котором возникают физические поля (пространственное распределение электрической активности), изоморфные физическому полю воспринимаемых объектов. То есть анализатором является сам субстрат коры головного мозга. Гештальтисты ввели в психологию понятие поля, но они исключили из рассмотрения сложную рецепторную систему.

Дж. Гибсон (1950, 1988) разработал теорию, объясняющую механизм формирования целостного образа, и назвал ее ***экологической оптикой***. Дж. Гибсон говорит о наличии двух зрительных систем: 1) зрительного поля наблюдателя – оно связано с развитием культуры и формированием установки наблюдателя; 2) зрительного мира с установкой человека на действие. Восприятие зрительного мира происходит непосредственно, а не опосредованно через рецепторы и ассоциативные системы головного мозга. Механизм непосредственного восприятия – резонанс с предметной средой, человек реагирует на изменения в предметной среде. В гибсоновской теории появляются два новых очень интересных момента: первый момент – идея наличия непосредственной связи человек-среда, когда причиной действия могут быть не анализаторные системы, а резонанс с предметным миром, второй момент – признание наличия двух систем: непосредственного резонанса и опосредованного наблюдения [7].

Интерес для понимания средовой психологии представляют взгляды С. Вапнера и Х. Вернера (1952, 1957, 1965, 1967, 1975), создавших ***теорию сенсорно-тонического поля восприятия,*** которая рассматривает особенности восприятия человеком окружающего мира как результат культурно-исторического развития. По мере развития человечества способность к дифференциации субъекта от объекта возрастает. Человек начинает отделять себя от окружающего мира, увеличивается разрыв между «Я» и миром, меняется атрибуция эмоций, мыслей. Авторы предположили, что су-

ществует механизм, обеспечивающий обобщенную реакцию организма на любой стимул. Любая перцепция сопровождается тонической реакцией организма на стимул, а именно если процесс восприятия не сводится только к формированию некоего образа, а сопровождается мускульным напряжением, изменением тонуса всего организма, что связано с эмоциями и действиями. На уровне тонической реакции создает такой феномен, как синестезия, когда стимул, действуя на определенный орган чувств, дает добавочное ощущение, не свойственное данной сенсорной системе.

Х. Вернер и С. Вапнер (1965) поставили ряд экспериментов, в которых продемонстрировали наличие связи между тонусом человека и стимулами среды. В результате эксперимента, С. Вапнером и Х. Вернером были определены следующие моменты: во-первых, существование витального чувства или тона организма, как некой базы для сенсорного обобщения и синестезии; во-вторых, наличие сенсорно-тонического поля восприятия, а именно соответствия между тонусом организма и стимулами среды; в-третьих, развитие в онтогенезе способности к дифференциации стимулов среды тела, переход от синкретичного восприятия к артикулированному. Таким образом, исследователи ввели новый вид рецепции – витальное чувство, базовую с их точки зрения рецепторную систему, которая определяет целостность чувственного образа. Если гештальт-психологи рассматривали действие физического поля только на уровне коры головного мозга, то авторы теории сенсорно-тонического поля восприятия распространили действие поля на уровень всего организма [7].

Средовая психология благодаря усилиям американских психологов стала рассматривать человека и среду как единую систему взаимодействия. Во-первых, можно говорить о выявлении третьего фактора, помимо субъекта и объекта рассматривается еще и поле как фактор, формирующий систему субъект-объект. Во-вторых, характер этого поля строго научно неопределен. Можно говорить не только об известных и описанных в физике полях, свойственных человеку, но и о полях, к изучению которых физики еще только пытаются подойти и которые еще не имеют общепринятых наименований. В работах психологов упоминаются пси-поля или информационные поля, помогающие им описать некоторые феномены, не поддающиеся объяснению. В-третьих, сама искусственная среда является носителем не только физических полей, но и той семантики, которую внес в нее человек. В-четвертых, рассматриваются две системы полей: поля взаимодействия, возникающие между субъектами или субъектом и объектами, и общее поле, под влиянием которого находятся и субъект, и объект одновременно. В-пятых, в ряде исследований допускается наличие двух систем восприятия – в основе одной лежит материальный субстрат рецепторных систем и физиологические механизмы восприятия, материальным суб-

стратом другой системы является физическое тело субъекта, и работает она в соответствии с законами физики.

При раннем теоретическом изучении объекты и предметный мир рассматривались как объекты вне человека, воздействующие на него, то в средовой психологии человек и среда испытывают воздействие одного и того же общего поля. Рассмотренные теории позволяют говорить о некоторых тенденциях в исследовании человека и среды и попытках психологического объяснения механизмов взаимодействия.

Таким образом, представленные концепции среды отечественными и зарубежными исследователями имеют глубокий уровень проработки, но на сегодняшний день они недостаточно изучены. «Человек» и «среда» – взаимосвязанные и взаимозависимые части динамической системы, которая может быть рассмотрена лишь в целостности. Говоря о взаимосвязи человека и среды, У. Иттельсон (1977) указывал: «Нельзя быть предметом окружающей среды, можно только быть участником… окружающая среда окружает, окутывает, охватывает, и ничто и никто не может быть изолировано и определено как стоящее вне ее» [6, 7].

Библиографический список

1. Ананьев, Б.Г. Психология и проблемы человекознания: Избранные психологические труды / Б.Г. Ананьев; под ред. А.А. Бодалева. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НОДЭК, 2005. – 438 с.

2. Гештальтпсихология и социально-когнитивная теория личности / К. Левин, А. Бандура. – СПб.: Прайм ЕВРОЗНАК, 2007. – 125 с.

3. Смолова, Л.В. Введение в психологию взаимодействия с окружающей средой / Л.В. Смолова. – СПб.: Речь, 2008. – 384 с.

4. Степанов, А.И. Архитектура и психология: учебное пособие для вузов / А.И. Степанов, Г.И. Иванова, Н.Н. Нечаев. – М.: Стройиздат, 1993. – 295 с.

5. Черноушек, М. Психология жизненной среды / М. Черноушек. – М.; пер. с чешского И.И. Попа. – М.: Мысль, 1989. – 174 с.

6. Фрейджер, Р. Личность: теории, эксперименты, упражнения / Р. Фрейджер, Дж. Фейдимен. – СПб.: Прайм ЕВРОЗНАК, 2001. – 864 с.

7. Штейнбах, Х.Э. Психология жизненного пространства / Х.Э. Штейнбах, В.И. Еленский. – СПб.: Речь, 2004. – 239 с.

К содержанию

УДК 378.03+159.943-057.87

ЭМПАТИЯ В СТРУКТУРЕ КОМПЕТЕНЦИЙ СПЕЦИАЛИСТОВ СЕРВИСНЫХ ПРОФЕССИЙ

З.А. Шакурова, Л.П. Паршукова

В работе более детально изучаются характеристики эмпатии студентов в процессе обучения в университете, выявление конкретных ее (компетентности) характеристик, важных для специалиста данной сферы. В эксперименте приняли участие студенты 3 курса специальностей «Социально-культурный сервис и туризм» ЮУрГУ г. Челябинска. Результаты первичной диагностики студентов свидетельствуют о низком уровне развития эмпатических способностей и рефлексии, о наличии эмоциональных барьеров. Все это говорит о низкой эмпатийной компетентности и необходимости ее формирования у будущих специалистов. Приведён корреляционный анализ показателей эмпатии с коммуникативными компетенциями.

Ключевые слова: эмпатия, эмпатические способности, коммуникативные компетенции, рефлексия.

Спрос на высококвалифицированных специалистов сервиса очень высок. Требования, предъявляемые к современному работнику сервисных предприятий, предполагают, прежде всего, высокий профессионализм и компетентность в умение общаться с людьми, строить профессиональное взаимодействие на основе знаний их индивидуально-психологических особенностей, потребностей, мотивов поведения. Л.Р. Правдина в своей статье «Психология сервиса» [3] отмечает, что сервисное обслуживание – это работа по удовлетворению чьих-нибудь нужд. Установление эффективной коммуникации с клиентом зависит от способностей и навыков работника сервиса, которые представляют собой набор личностных характеристик сотрудника, обеспечивающих ему расположение людей и сотрудничество с ними. В число характеристик входят следующие способности: разбираться в психологических особенностях других людей и верно реагировать на них; противостоять сильным отрицательным воздействиям, вызывающим высокую психическую напряженность; проявлять эмоциональную сдержанность в отношениях с людьми; вселять в людей веру в успех; заряжать своей энергией других людей. Эффективность работы любого сервисного предприятия во многом зависит от того, как организована ситуация общения клиента с тем, кто продает услугу – возникают понимание, доверие, благоприятное впечатление или досада и неприятие. Усиление роли общения в современном деловом взаимодействии подчеркивает и Е.В. Сидоренко [5]: «Все более распространенными становятся идеи о том,

что маркетинг должен совершаться индивидуально, один на один с клиентом, что предполагает отношение к каждому клиенту как к уникальному индивидууму». А для этого менеджеру необходимо человеколюбие, терпимость, отзывчивость, доброта, понимание, и, наконец, эмпатия. В большинстве исследований она рассматривается как условие, необходимое для успешного осуществления процесса межличностного взаимодействия. «Секрет успешных отношений между людьми заключается в использовании эмпатии, в ее конструктивном, положительном, дружеском, созидающем значении» [2]. В межличностной коммуникации эмпатия – это средство вежливости, ненавязчивая помощь клиенту в формулировании своей потребности.

Эмпатия составляет ядро коммуникации, способствует сбалансированности межличностных отношений, социальной адекватности поведения человека. Эмпатийный потенциал личности можно формировать, развивать и регулировать. Следовательно, для профессий, в основе которых лежит деятельность с другими людьми, формирование эмпатических способностей является обязательным условием профессиональной подготовки.

В.В. Бойко [1] отмечает, что необходимость в эмпатии возникает в тех случаях, когда надо выявить, понять, предвосхитить индивидуальные особенности другого и затем воздействовать на него в нужном направлении. Он различает рациональное, эмоциональное и интуитивное отражение в эмпатии. *Рациональная эмпатия* основана на мыслительных процессах: аналогии, сравнении и др.; она предполагает активную переработку информации о партнере, реализуется через сопричастность и внимание к нему. *Эмоциональная эмпатия* включает отражение как позитивного, так и негативного состояния другого человека, реализуется с помощью эмоционального опыта, задействует механизмы проекции и идентификации. *Интуитивная эмпатия* предполагает интуитивность как средство отражения другого человека; она способствует переработке информации о партнере по общению на бессознательном уровне, помогает предсказать его аффективные реакции. В.В. Бойко отмечает, что проявлению достоверной эмпатии могут препятствовать различные обстоятельства, связанные как с эмпатирующей стороной, так и с эмпатируемой. Эффективность эмпатии снижается, если человек старается избегать личных контактов, ведет себя отстраненно и безразлично, убедил себя спокойно относиться к переживаниям и проблемам окружающих. Такая позиция ограничивает диапазон эмоциональной отзывчивости и эмпатийного восприятия. И напротив, различные каналы эмпатии действуют активнее и надежнее, если эмпатирующий демонстрирует готовность и желание понять чувства и проблемы другого человека. Речь идет об *установках, способствующих или препятствующих эмпатии*, которые соответственно, облегчают или затрудняют действие всех эмпатийных каналов. Еще одной предпосылкой истинной

эмпатии является неподдельный искренний интерес к партнеру по общению, стремление создавать атмосферу открытости, доверительности, задушевности. В.В. Бойко считает это важным коммуникативным свойством человека и называет *проникающей способностью в эмпатии.* Такое отношение человека к партнерам по взаимодействию способствует информационно-энергетическому обмену между ними, в то время как атмосфера напряженности, неестественности, подозрительности препятствует эмпатийному постижению. Однако, эмпатия может дать искаженное представление о чувствах и намерениях другой личности, если эмпатирующий необоснованно проецирует на партнера свои качества – эмоциональный опыт, недостатки, привычки и т.д. Поэтому, как отмечает В.В. Бойко, необходимо учитывать еще одно непременное условие успешной эмпатии – *идентификацию*. Это умение понять другого на основе сопереживаний, постановки себя на место партнера. В основе идентификации лежит легкость, подвижность и гибкость эмоций [1].

Целью нашей работы является более детальное изучение эмпатийной компетентности студентов в процессе обучения в университете, выявление конкретных ее (компетентности) характеристик, важных для специалиста данной сферы. Причем, особое внимание уделяется чувственной, эмоциональной сфере человека и способности ее регулировать. Поэтому успешному специалисту важно обладать высоким уровнем эмоциональной саморегуляции, способностью осознавать свое эмоциональное состояние в каждый момент общения, гибкостью поведения. Всё перечисленное выше объясняет выбор методик исследования. Были выбраны методики, определяющие уровень эмпатических способностей, «помех» в установлении эмоциональных контактов, уровень личностного адаптивного потенциала и его составляющих: поведенческой регуляции, коммуникативного потенциала и стремления соответствовать морально-нравственным нормам группы [4].

В нашем исследовании поставлены две задачи: 1) выявить уровень сформированности эмпатийных характеристик у студентов к началу занятий по данным дисциплинам; 2) определить, какие составляющие эмпатии наиболее связаны с коммуникативными компетенциями. Исследование эмпатийных характеристик проходило в процессе специально организованных занятий в рамках учебных дисциплин «Психологический практикум», «Психодиагностика». Занятия, направленные на развитие эмпатийного и коммуникативного потенциала, проходили в активной форме и включали в себя обсуждения, дискуссии, ролевые и деловые игры, связанные со спецификой различных видов деятельности туристического бизнеса. В эксперименте приняли участие студенты 3 курса специальностей «Социально-культурный сервис и туризм» (всего 303 человека) факультета «Сервис и туризм» Южно-Уральского государственного университета г. Челябинска.

Результаты первичной диагностики показывают, что до начала занятий по абсолютному большинству показателей наблюдается уровень ниже среднего, либо средний.

Суммарный показатель эмпатических способностей у 73,6 % студентов находится на низком уровне. Столь же высок и уровень эмоциональных помех общения – 60,6 % участников эксперимента сообщают о наличии эмоциональных барьеров в общении.

На основе перечисленных шести видов эмпатии можно определить общий уровень эмпатии, который изменяется в пределах от 0 до 36 баллов (табл. 1): 30 баллов и выше – очень высокий уровень эмпатии; 22–29 баллов – средний уровень; 15–21 – заниженный, менее 14 баллов – очень низкий уровень эмпатии.

Таблица 1

Уровень развития эмпатийных способностей
у студентов сервисных профессий

Фактор	Среднее значение	Стандартное отклонение
Рациональный канал эмпатии	3,05	1,25
Эмоциональный канал эмпатии	2,90	1,44
Интуитивный канал эмпатии	3,00	1,37
Установки, способствующие эмпатии	3,50	1,36
Проникающая способность в эмпатии	3,11	1,12
Идентификация в эмпатии	3,13	1,44
Суммарный показатель эмпатии	18,62	4,33

Анализ результатов показал, что у данных студентов наиболее высоким является показатель «Установки, способствующие эмпатии», а наименьшее значение имеет «Эмоциональный канал эмпатии». Это говорит о среднем уровне готовности студентов оказывать поддержку и сочувствие другим, но слабом желании делать это, т.е. студенты не испытывают особых затруднений, препятствий в проявлении эмпатии, однако, потребности эмоционально сблизиться с окружающими не испытывают тоже. Суммарный показатель эмпатических способностей относится к заниженному уровню.

Таким образом, результаты первичной диагностики студентов свидетельствуют о низком уровне развития эмпатических способностей и рефлексии, о наличии эмоциональных барьеров. Все это говорит о низкой эмпатийной компетентности и необходимости ее формирования у будущих специалистов.

Какова роль эмпатии в коммуникативных компетенциях, можно проследить на основе корреляционного анализа, представленного в табл. 2.

Таблица 2

Взаимосвязь показателей эмпатии с коммуникативными особенностями (жирным шрифтом выделены значимые корреляции на p<0,05)

№	Показатели	Рацион. канал эмпатии	Эмоц. канал эмпатии	Интуит. канал эмпатии	Установки на эмпатию	Проник. спос-ть в эмпатии	Идентификация в эмпатии	Суммар. показатель эмпатии
		17	18	19	20	21	22	23
1	Поведенческая регуляция	-0,04	**-0,27**	**-0,14**	**-0,14**	**0,22**	-0,06	**-0,16**
2	Коммуникатив. способности	0,01	-0,02	0,05	**0,16**	**0,15**	**0,15**	**0,15**
3	Моральная нормативность	-0,03	**0,15**	-0,02	**0,16**	**0,13**	0,04	**0,13**
4	Личностный адаптивный потенциал	-0,07	**-0,19**	**-0,15**	-0,08	**0,16**	-0,03	**-0,13**
5	Зависимость	-0,01	**0,18**	-0,08	0,10	-0,09	0,05	0,05
6	Независимость	**0,25**	-0,04	-0,01	0,10	-0,03	**0,13**	**0,13**
7	Общительность	**0,14**	0,04	**0,13**	**0,18**	0,02	0,10	**0,20**
8	Необщительность	0,00	-0,09	0,08	**-0,18**	-0,15	-0,10	**-0,13**
9	Принятие борьбы	**0,13**	0,05	0,04	0,08	**-0,13**	0,09	0,09
10	Избегание борьбы	0,02	**0,15**	0,06	-0,02	**-0,15**	-0,06	0,01
11	Неумение управлять эмоциями	0,06	**0,29**	0,11	0,09	**-0,21**	-0,01	0,12
12	Неадекватное проявление эмоций	0,10	**0,25**	**0,14**	**0,17**	0,03	**0,29**	**0,32**
13	Негибкость эмоций	0,00	0,00	-0,07	-0,09	**-0,18**	**-0,23**	**-0,17**
14	Доминирование негативных эмоций	**0,20**	0,00	**0,15**	0,00	**-0,16**	0,02	0,07
15	Нежелание сближаться	-0,03	-0,02	0,07	**-0,14**	**-0,14**	-0,11	-0,11
16	Суммарный показатель	0,12	**0,19**	**0,14**	0,02	**-0,24**	-0,02	0,08
	Количество значимых корреляций	4,00	8,00	6,00	7,00	11,00	4,00	9,00

Как видно из табл. 2, эмпатийные способности связаны со всеми коммуникативными характеристиками поведения студентов. Наибольшее количество связей (11 из 16) наблюдается с проникающей способностью в эмпатии, то есть неподдельный искренний интерес к партнеру по общению, стремление создавать атмосферу открытости, доверительности, задушевности является обязательным компонентом эффективной поведенческой регуляции в группе, коммуникативных способностей, личностного адаптивного потенциала, фактором умения управлять своими негативными эмоциями. Наиболее автономными эмпатическими способностями являются рациональный канал и идентификация в эмпатии, у них наименьшее количество связей с коммуникативными характеристиками (по 4 корреляции).

Однако недостаточно развитая рациональная эмпатия, как трудности в активной переработке информации о партнере, отсутствие сопричастности и внимания к нему, может проявляться в необщительности, в доминировании негативных эмоций в общении с партнерами. А слабая идентификация в общении, что проявляется в неумении понять другого на основе сопереживаний, постановки себя на место партнера, будет способствовать неадекватному проявлению эмоций, препятствовать эффективности профессиональной деятельности специалистов сервисных профессий.

Таким образом, нами экспериментально установлено, что эмпатия составляет ядро коммуникации, способствует сбалансированности межличностных отношений, социальной адекватности поведения человека, является важной составляющей коммуникативных компетенций специалистов сервисных профессий. Однако у студентов, выбравших данную профессиональную сферу деятельности, явно недостаточно развиты данные способности. Поэтому формирование эмпатических способностей является обязательным условием профессиональной подготовки студентов.

Библиографический список

1. Бойко, В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других / В.В. Бойко. – М.: Информационно-издательский дом «Филинъ», 1996. – 472 с.

2. Елеференко, И.О. Эмпатия как основание коммуникации / И.О. Елеференко // Культурная жизнь Юга России. – 2010. – № 4 (38). – С. 33–36.

3. Правдина, Л.Р. Психология сервиса / Л.Р. Правдина // Психология в вузе / ред. А.Г. Лидерс, В.Г. Колесников. – 2006. – № 4. – С. 67–84.

4. Райгородский, Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие / Д.Я. Райгородский. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ», 1998 – 672 с.

5. Сидоренко, Е.В. Тренинг коммуникативной компетентности в деловом взаимодействии / Е.В. Сидоренко. – СПб.: Речь, 2002. – 207 с.

К содержанию

ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 81'232
ББК Ш100.4

МЕТОД НЕЗАКОНЧЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Е.С. Баландина

В статье представлен анализ традиционного образа семьи на основе словарных дефиниций, зафиксированных в различных русскоязычных словарях. Современное восприятие исследуемого стимульного слова и его пересечение с традиционным представлением о семейном укладе было проанализировано на основе результатов, собранные с помощью метода незаконченных предложений. Все представленные определения, полученные от современных молодых людей, были разбиты нами на группы, что позволило наглядно проследить основные закономерности существования данного социального института в современном обществе.

Ключевые слова: языковое сознание, семья, метод незаконченных предложений, словарные дефиниции.

Семья является уникальным социальным институтом, посредником между индивидуумом и обществом, транслятором фундаментальных ценностей от поколения к поколению. В ней заключен мощный потенциал воздействия на процессы общественного развития, воспроизводства рабочей силы, становления гражданских отношений. Результаты исследовательского проекта «Томская инициатива» доказывают, что среди базовых ценностей наиболее значимыми для людей являются «здоровье», «безопасность» и, конечно, «семья» [1]. Любое явление находит своё отражение в языке, в том числе и представленные ценности. Лексические ресурсы языка являются одной из самых ярких форм представления языкового сознания [2].

Согласно толковому словарю русского языка под редакцией Т.Ф. Ефремовой [3], толковому словарю С.И. Ожегова [4] семья имеет следующие определения:

- Семья

1) Группа близких родственников (муж, жена, родители, дети), живущих вместе;

2) (*перен.*) род, поколение [3].

- Семья

1) группа живущих вместе родственников (муж и жена, родители с детьми);

2) единство, объединение людей, сплоченных общими интересами [4].

В соответствии со словарными дефинициями исследуемого слова мы можем судить о том, что в российских семьях сохраняются близкие и теплые отношения между родственниками, а сама семья в русской лингвокультуре тесно вплетена в систему родственных отношений. Изучив синонимический ряд, представленный в Словаре русских синонимов: ***семья*** – это семейство, род, фамилия, дом, династия, домашний очаг, – мы можем сделать вывод, что в сознании русского человека семья, род, родственники, народ отражают специфику миропонимания, идею развития общества. Не случайно в русском языке существует огромное количество пословиц, отражающих особую роль семьи и родственников в жизни любого человека: *Русский человек без родни не живет; Семья сильна, когда над ней крыша одна; Когда нет семьи, так и дома нет; Вся семья вместе, так и душа на месте; В своей семье всяк сам большой*. Более того, такие слова, как *родные, близкие, домочадцы, домашние*, чаще всего употребляются во множественном числе, и в их семантической структуре присутствуют компоненты «совместное проживание» и «положительное эмоциональное восприятие».

Несмотря на то, что толковый словарь отражает индивидуальные знания уникального ученого – носителя языка, которые не только отражают с некоторым неизбежным запаздыванием закономерности современного словоупотребления, и развития общества [5], уже сегодня в современных словарях мы можем наблюдать некоторые изменения в трактовке данного понятия. Большой энциклопедический словарь [6], определяя ***семью*** как основанное на браке или на кровно-родственных отношениях объединение людей, связанное хозяйственно бытовой общностью и взаимной ответственностью, вместе с тем имеет следующее дополнение к общему толкованию: индустриализация разрушает связь семьи с домашним производством, оставляя у нее из экономических функций лишь организацию быта. Социологи отмечают, что в настоящее время институт семьи в России претерпевает значительные изменения. В условиях городского окружения все реже сохраняется семья, состоящая из трех уровней (старшее поколение, их дети и внуки), а молодые люди чаще отдают предпочтение работе, оставляя семье второстепенное место в жизни [7].

Однако наше исследование, проведенное на основе метода незаконченных предложений, показало, что семья, родительский дом и сегодня занимают важную роль в жизни современных молодых людей. Привлекательность данного метода заключается в том, что он дает возможность получить глубокие и разносторонние сведения о фактах и их оценках по инте-

ресующим исследователя вопросам [8]. Метод незаконченных предложений состоит в том, что студентам было предложено закончить следующие предложения: *семья – это…; жена – это….; муж – это ….* Полученные дефиниции мы условно разделили на следующие группы:

Семья

- Определения, отражающие статус семьи в обществе – *ячейка общества (2); важнейшая ячейка общества; «крепость»; социальная единица общества; жизнь; социальная структура, основанная (по глупости) на любви; семья (1);*
- **Определения, объясняющие численную и кровную соотнесенность членов семьи –** *группа людей, связанная кровными отношениями; толпа родственников в одной квартире; группа людей с околородственными связями; группа людей, связанная кровным родством, проживающая вместе; люди, проживающие вместе или имеющие близкие родственные связи; группа людей, проживающая вместе; родители и все ближайшие родственники; родственные и близкие взаимоотношения между людьми; совокупность лиц, объединенная кровными узами; 2 человека (в основном мужчина и женщина) и их дети (если имеются); трое в доме; люди с одинаковыми генами; сообщество людей, объединенных кровными узами; совокупность родственников; крепкое образование общества, родители и дети; близкие люди, окружающие вас, связанные родством; несколько человек, живущих в одной квартире, родственники (1).*
- **Определения, указывающие на характер межличностных взаимоотношений –** *те люди, которые должны помогать друг другу; группа людей, которые любят друг друга и живут в гармонии; когда все друг друга любят и уважают; люди, готовые тебя воспринимать таким, какой ты есть; самые близкие люди, которые заботятся друг о друге, доверяют, понимают; люди, которые дают поддержку, заботу, несут ответственность за тебя и твое будущее; люди родные, которым ты всегда важен, которые сделают все для твоего блага; ответственность перед другими ее членами; самое родное, то к чему должен стремиться каждый; родные люди; место, где тебя поймут и поддержат; группа людей, заботящихся друг о друге; то, что дало тебе особые взгляды на жизнь; группа людей объединенных общими интересами; самые близкие люди; надежда и опора; родные люди; все в моей жизни; взаимная любовь; самые родные люди (1).*

Жена

- Статусная соотнесенность – *женщина, которую очень трудно подобрать (найти), пара мужа; часть семьи; часть тебя; человек, у которого есть муж; женщина, вышедшая замуж; человек, на которой женится мужчина; вторая половинка мужа; женщина, которая приняла кольцо; женщина, с которой мужчина связывает свою жизнь; человек, зарегист-*

рированный в ЗАГСе; человек, состоящий в браке; женщина в сожительстве с мужчиной; избранница мужа с целью создания семьи; жена; мать моих детей; домохозяйка; человек женского пола; женщина, разрушающая материальную основу всей семьи; человек, с которым предстоит прожить всю жизнь; женщина; шея, которая крутить головой, т.е. мужем; ярлык (1).

- Эмоциональная составляющая – *самая лучшая женщина на земле; тот человек, ради которого муж должен жить красиво!; любимый человек, с которым сочетались браком; любимый человек; приближенная сердцу мужа; любовь и опора в семье; любимый человек, которому мужчина доверяет, с кем хочет провести всю жизнь и хочет, чтоб она родила ему детей (1).*
- Функциональные обязанности – *хранительница очага (2); хранительница очага, главная опора для мужчины; та, кто обеспечивает уют и отдых для семьи; хранитель домашнего очага; женщина, которая воспитывает детей; женщина, поддерживающая домашние заботы и смотрящая за детьми; женщина, любящая своего мужа, готовая ради него на все; человек, который всегда на стороне мужа и всегда поддерживает его (1).*

Муж

- Определения, отражающие статус образа – *глава семьи (4); опора семьи (2); ярлык; мужчина, зарегистрированный в браке; парень, с которым я живу; от которого девушка хочет иметь детей; подкаблучник; повзрослевший жених; молодой человек, ставший мужчиной; человек в сожительстве с женщиной; человек, который женится; муж; мужчина, с которым связана брачными узами; человек, связавший себя узами брака; человек, за которого выходит замуж женщина; человек, у которого есть жена; часть семьи; пара жены; избранник семьи, с целью создания семьи; вторая половинка жены; мужчина, который подарил кольцо; отец твоих детей; один из зарегистрировавшихся в ЗАГСе и обменявшийся кольцами (1).*
- Определения, иллюстрирующие функциональные обязанности образа а) по отношению к родственникам *женившийся мужчина, который несет ответственной за обеспечение жены и воспитание детей; тот, кто защищает свою семьи и заботиться о ней (1);* б) в плане материального обеспечения семьи – *добытчик (2); бюджетный распределитель; материальная основа; добытчик еды; добытчик денег в семье; партнер жены, который должен зарабатывать деньги (1);*
- Определения, высвечивающие эмоциональную составляющую образа – *человек, который любит свою жену и делает для нее все; мужчина, который любит свою жену и готов ради нее на все; человек, который тебя любит; любимый человек, с которым женщина связала свою жизнь;*

любимый человек, с который сочетались браком; второй любимый человек в жизни после мамы (1).

Представленные свободные дефиниции иллюстрируют ту модель восприятия, которая сложилась в языковом сознании носителей русской культуры. На примере основных компонентов, выделенных респондентами, мы сделали вывод, что образ *семьи* связан со значимой социальной структурой общества, ассоциирующейся с крепостью и жизнью в целом, в которую входят люди, объединенные кровными родственными связями, проживающие на одном территориальном пространстве. Обобщая свое представление о семье в одном лаконичном предложении, около половины студентов (21 определение) подчеркивают значимость характера межличностный взаимоотношений, которые, по их мнению, должны быть основаны на взаимной любви, поддержке, заботе, ответственности друг за друга, защите, доверии, взаимопомощи.

Необходимо отметить, что в группе определений, отражающих статус образов муж – жена, студенты обращались к классической интерпретации слова, свойственной 1 значению толкования в словарных статьях: муж – *мужчина, по отношению к женщине, состоящей с ним браке, супруг*; жена – *женщина, по отношению к мужчине, состоящим с ним в браке*. Среди определений эмоционального характера также происходит описание через образ жены/мужа и те основные чувства, которые они могут испытывать друг к другу. Объяснение этому лежит в традиционной модели ассоциативного реагирования, при которой один из терминов родства расшифровывается через образ-оппозит. Вместе с тем помимо классических дефиниций студенты раскрывают и основные функциональные обязанности жены/мужа по отношению к семье, на примере которых высвечивается мужская доминанта построения взаимоотношений между супругами, т.е. классическое восприятие образов, зафиксированных в разнообразных паремиях, функционирующих в русском языке [9, 10].

Библиографический список

1. Выговская, Д.Г. Отражение содержания общечеловеческой ценности «безопасность» в языковом сознании носителей русской культуры / Д.Г. Выговская: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Челябинск, 2014. – 24 с.

2. Чиркова, О.И. Способы изучения нравственных ценностей / О.И. Чиркова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2012. – № 15. – С. 140–141.

3. Толковый словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой. – URL: http://www.slovopedia.com/15/192-0.html.

4. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 24 изд., испр. – М.: ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2005. – 934 с.

5. Битюцких, К.В. Отражение корпоративной культуры военных в языковом сознании курсантов / К.В. Битюцких: дис. … канд. филол. наук. – Челябинск, 2015. – 338 с.

6. Большой энциклопедический словарь. – URL: http://www.slovopedia.com/2/192-0.html.

7. Вишневский, А.Г. Эволюция российской семьи / А.Г. Вишневский // Экология и жизнь. – 2008. – № 7. – С. 4–11.

8. Ненахова, Е.А. Опрос как метод исследования языкового сознания / Е.А. Ненахова // Наука ЮУрГУ. Материалы 66-й научной конференции. Секция социально-гуманитарных наук. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2014. – С. 1251–1253.

9. Деткова, В.А. Образ мужчины в русских и английских паремиях семантической группы «Семейные отношения» как объект описания в двуязычном словаре / В.А. Деткова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 3 (45). – С. 108–110.

10. Деткова, В.А. Отражение гендерной ментальности в русских и английских паремиях семантической группы «Семейные отношения» / В.А. Деткова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2013. – № 7. – С. 168–176.

К содержанию

УДК 378.016:811 + 378.022 + 811.111-11
ББК Ч448.046 + Ш143.21-9

ОСНОВА И ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ CASE STUDY

Т.И. Белик

Рассматривается использование методики Case study при обучении иностранному языку. Доказана эффективность использования данного метода, так как увеличивается мотивация студентов говорить на иностранном языке, развиваются умения и навыки работать в группе.

Ключевые слова: обсуждение, анализ информации, оценка, групповая работа, разговорные навыки, творчество.

Главная задача современного образования состоит в том, чтобы подготовить квалифицированного специалиста, который будет конкурентноспособным на рынке труда, привить ему такие умения, навыки, которые позволят ему самостоятельно анализировать полученную из разных источников информацию и, использовав свои знания, сделать правильные выводы. Он должен уметь обсудить эту информацию на иностранном языке и при-

нять решение по профессиональной проблеме. Это значит, что на современном этапе цель обучения не в овладении готовыми решениями, а в правильном использовании полученных знаний. Главная цель высшего образования – формирование профессиональной компетентности.

Любой студент имеет определенные способности, именно преподаватель поможет раскрыть эти способности. Университет должен развивать познавательные интересы студента, прививать ему ключевые компетенции, необходимые для дальнейшего самообразования. Планировать и строить урок иностранного языка нужно так, чтобы можно было заинтересовать студента и, погрузив его в творческий процесс, заставить его вольно или невольно начать заниматься иностранным языком.

В современной методике преподавания иностранных языков все чаще используются новые методы обучения, которые влияют на желание студентов учить иностранный язык. Одной из таких методик является методика Case study, при которой студентами анализируется реальная ситуация, взятая из жизни. Case study используется для того, чтобы подтолкнуть студента к обсуждению данной ситуации, проанализировав ее, сделать необходимые выводы. При этом сама проблема не имеет однозначных решений. Преподаватель имеет возможность увидеть, способен ли студент мыслить нестандартно, креативен ли он, может ли он оригинально решить данную проблему, и при принятии группового решения, может ли он подхватить чужую мысль, развить ее и использовать на практике. Более того, обучающие кейсы развивают аналитические, исследовательские, разговорные навыки, вырабатывают умения анализировать ситуацию на английском языке. Кейс метод учит студента действовать и брать на себя ответственность за принятые решения. Так как главные виды деятельности на занятиях по иностранному языку – чтение, говорение, письмо и аудирование, Case study может быть успешно использован: он помогает развивать у студентов навыки работы в коллективе, совместного обсуждения задачи и принятия решения, он также прорабатывает и закрепляет теоретический материал, формирует практические навыки. Этот метод помогает активно усваивать знания.

Case study развивает практические навыки: умение использовать на практике теоретические знания, методы и принципы; творческие навыки; коммуникативные навыки: умение вести дискуссию, убеждать своего партнера, используя все имеющиеся средства, обсуждать в группах определенные темы, отстаивать свою точку зрения, уметь оценивать поведение людей, уметь слушать, поддерживать своего собеседника, уметь обсудить имеющуюся информацию на иностранном языке. Пока идет обсуждение предложенной проблемы студент незаметно запоминает материал, учится выражать свои мысли на английском языке, он более уверен в своих знаниях. Все это повышает эффективность усвоения материала, развивает творческие способности студента, развивает личность студента и расширяет его кругозор.

Многие ученые убеждены, и это подтверждает практика, что студенты лучше запоминают материал, когда они творчески участвуют в обучении. Метод Case study – способ активного вовлечения студентов в процесс обучения в технических вузах. Важно отметить, что кейс – это не проблема, так как проблема, как правило, обычно имеет единственное решение. В то время как человек, анализирующий ситуацию в данном кейсе, может выбрать одно или несколько многовариантных решений, каждое из таких решений может быть подтверждено закономерными доказательствами.

Задача преподавателя на таких занятиях огромна. Он начинает и заканчивает обсуждение, руководит беседой, задавая наводящие вопросы, он следит за активностью студентов, убеждает их принять участие в обсуждение кейса, делит студентов на небольшие группы, поддерживает творческий настрой на уроке, следит за временем. Преподаватель должен быть достаточно эмоциональным во время обсуждения, не допускать ссор, создавая одновременно обстановку партнерства и конкуренции. Преподаватель должен следить за тем, чтобы студенты не «утонули» в обилии полученной информации при анализе кейса, он направляет беседу так, чтобы были найдены способы решения ситуации. Лучше всего задавать вопросы, на которые нельзя дать единственный ответ, на который можно дать несколько ответов, или начать с простого вопроса, на который легко ответить. Если студент недостаточно ясно выразил свою мысль, преподаватель может помочь ему, спросив «Do we understand correctly you mean...» Задавая определенные вопросы, преподаватель может подбодрить одного студента, показать свое неодобрение другому студенту. Ни один студент, даже самый слабый, не будет обделен вниманием.

Чтобы Case study был успешно использован, преподаватель должен очень хорошо знать своих студентов. В самом начале использования данного метода он сам дает определенному студенту определенную роль, учитывая его языковые навыки, умение вести диалог: этот студент, например, может взять роль делового партнера, а этот – представителя данной компании. Когда же студенты освоят данный метод, они сами могут выбрать интересующие их роли, тем самым развивая свое умение и навыки общения.

Очень важно, чтобы студенты доверяли своему преподавателю и друг другу, иначе они никогда не будут принимать участия в дискуссии. Должны быть выработаны определенные правила поведения, которые будут для всех едины. В самом начале следует подчеркнуть, что никого в группе никогда не будут высмеивать за заданные вопросы, даже если эти вопросы будут очень наивными, приветствуется равное участие всех членов команды в выработке совместного решения. Студенты должны понять, что никто не ждет о них «правильного ответа», что они свободны выдвигать самые невероятные гипотезы.

Профессор David Garvin рассматривает и оценивает работу студентов по нескольким пунктам. Во-первых, он слушает, что сказано, как это соотносится с темой кейса. Во-вторых, рассматривается, как это было представлено, были ли эмоции, иногда речь произносится «бесцветным» голосом, иногда с напором, именно этот напор часто «заводит» всю группу. В-третьих, нет ли противоречия в высказываниях, что осталось недосказанным. В-четвертых, слышат ли, понимают ли собеседники друг друга, как они развивают мысль своего партнера.

Вот пример занятия, на котором используется метод Case study.

Цель – отработать навыки ведения переговоров на английском языке, закрепление лексики, грамматики (Reported speech).

Уровень студентов владения английским языком – upper-intermediate.

Тема – Applying for a job.

Лексика – flexi-time job, a nine-to-five job, do shift work, be in charge of, be responsible for, involve doing paper work, do overtime, establish a good rapport, not to talk shop, a pecking-order, do a share job, have to clock in and clock out, meet a deadline, think about knocking off, be stuck behind the desk, stuck in a rut, be fired, make redundant, have a fresh challenge, be promote.

На первом уроке студентам раздается текст о правилах поступления на работу, который все читают и разбирают, затем разбираются правила написания заявления и резюме (Application letter and Resume), повторяются правила написания делового письма (Business letter). Студентам предложено следующее объявление IT компании, которая ищет амбициозных людей, желающих работать в данной компании:

Ambitious Achievers
Up to $30K basic

Money motivated, eager, looking to work in a dynamic, fast-moving industry?

We are looking for ambitious, dynamic sales professionals with the talent and drive to develop a rewarding career within the IT industry. You will work in close-knit team, maintaining and developing relationships with a diverse range of clients. Ideally you will possess some previous IT sales experience and a good knowledge of computers. Most importantly you will have a strong desire to succeed. If you fit this description and are seeking a lucrative career in IT sales, then call Graham Keen on 01986745322.

Обсуждается, кто хотел бы работать в данной компании и почему, что привлекает, какие у претендентов (applicants) есть качества и образование, которые могли бы заинтересовать эту компанию. Как правило, большинство студентов готовы попробовать свои силы. Студентов просят дома написать заявление (Application letter) и резюме (Resume).

Чтобы студенты смогли пройти интервью с работодателем, они должны знать, как вести себя во время интервью. Поэтому на следующем уроке им

показывают видеофильм «Interview Dos and Don’ts ». Что надеть, как говорить, нужно ли пожать руку, как отвечать на поставленные вопросы, можно ли самому задавать вопросы работодателю, о чем следует и о чем не следует говорить на интервью. Это и многие другие вопросы анализируются в этом фильме. После этого отрабатывается необходимая лексика и грамматика (косвенные вопросы). В конце этого занятия группа студентов делится на подгруппы, каждая из которых состоит из четырех человек. Два – представители данной компании, два – кандидаты на данную должность. Студентов просят дома составить интервью с работодателем.

На третьем занятии интервью проигрывается. Кандидаты приходят в данную компанию и по одному проходят интервью. Во время интервью они показывают представителям данной компании свое заявление и резюме, которые тщательно изучаются работодателем. Желательно, задавая вопросы, использовать косвенную речь, так вопрос звучит вежливо. Например, Can you tell me what your educational background is? или May I ask you what my job involves? I’d like to know if there is a pecking-order in your company?

После этого представители фирмы обсуждают каждого из кандидатов и выбирают лучшего, затем кандидатам объясняют, кого выбрали и почему. В это время остальные студенты группы внимательно слушают и после объяснения, данного представителями фирмы, соглашаются со сделанным выбором (I can’t but agree because...) или предлагают свою кандидатуру, объясняя, почему она больше подходит данной компании (I for one think that…). На следующем занятии роли у студентов меняются: тот, кто был представителем компании, становится претендентом на должность и наоборот. Таким образом, все студенты учатся принимать решение и отстаивать свою точку зрения. Дома студентов просят написать a summary of the case.

Итак, использование Case study помогает вовлечь студентов в изучение иностранного языка, делает занятие интересным, познавательным.

Библиографический список

1. Гейхман, Л.К. Дистанционное образование в свете интерактивного подхода / Л.К. Гейхман // Матер.II Международ. Науч.-практ. Конф. (Пермь, 6–8 февраля 2007 г.). – Пермь: Изд-во ПГТУ, 2006. – С. 25–32.

2. Ситуационный анализ или анатомия кейс-метода / Под ред. Ю.П. Сурмина. – Киев: Центр инноваций и развития, 2010. – 286 с.

3. Шрайбер, Е.Г. Ролевая игра «Судебный процесс» как способ реализации профессионально-ориентированного образования на основе интеграции юридического факультета и факультета журналистики / Е.Г. Шрайбер, В.С. Колмакова // Наука ЮУрГУ. Материалы 68-й научной конференции. Секция социально-гуманитарных наук. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. – С. 628–635.

4. Колегова, И.А. Геймификация образовательного процесса при обучении иностранному языку будущего медиаспециалиста / И.А. Колегова, В.С. Колмакова // Наука ЮУрГУ, материалы 68-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2016.

5. Кравчеко, М.П. Использование кейсовой методики (case study) в преподавании делового иностранного языка студентам неязыковых специальностей [Электронный ресурс] / М.П. Кравченко. – URL: www.kgau.ru/img/konferenc/2010/g32/doc.

6. Learning in Action: A Guide to Putting the Learning Organization to Work by David A. Garvin 9781591391906: Human Resources Books @ Amazon.com. … Harvard Business School professor *David* A. *Garvin's Learning* in *Action* ... 20. 3.9 out of *5* stars … – URL: https://www.amazon.com/Learning-Action-Guide-Putting Organization/dp/1591391903#reader_1591391903.

7. Garvin, D. (2004). Participant-centered learning and the case method: A Case study teacher in action. Harvard Business School. – URL: http://Garvin,2014/ multimedia/pcl/pcl_1/start.html. .

К содержанию

УДК 81’23 + 81’27

ОТРАЖЕНИЕ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СРЕДНЕГО ПОКОЛЕНИЯ (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)

К.В. Битюцких

В статье предпринята попытка проанализировать содержание базовых ценностей в языковом сознании представителей среднего поколения мужского и женского пола. Материалом для исследования послужили результаты, полученных в ходе применения метода свободных дефиниций и свободного ассоциативного эксперимента.

Ключевые слова: психолингвистика, свободный ассоциативный эксперимент, базовые ценности, языковое сознание, гендер, среднее поколение.

В настоящее время исследование базовых ценностей является наиболее важным и актуальным направлением в современной психолингвистике. Изучением базовых ценностей занимаются представители разных гуманитарных направлений, поскольку ценности выступают моделирующим фактором поведения людей в обществе. Е.Ф. Тарасов отмечает, что «вскрытие содержания ОЦ (общечеловеческих ценностей) у разных поколений носителей русской культуры необходимо для восстановления (корректировки)

социализационной деятельности общества по целенаправленному формированию культурной и этической идентичности членов российского суперэтноса» [6].

Исследованию данной проблемы посвящены труды многих современных лингвистов. Так, например, в работе О.И. Чирковой была установлена межпоколенная специфика образов «независимость» и «деньги» в языковом сознании русских [7]. В другом исследовании указанный автор выявил, что для представителей старшего и младшего поколений «в качестве ценностей выступают одни и те же понятия. Например, и для старшего, и для младшего поколений важны *любовь, дружба, здоровье* (своё собственное и близких людей), *свобода, вера* и *творчество*. Эти совпадения свидетельствуют о том, что у представителей одной культуры (пусть даже они воспитывались в разное время, в разных политических и идеологических условиях) одна «центральная зона» культуры, некий общий неосознаваемый стержень, который является основой этничности» [7].

В исследовании базовой ценности «безопасность» в языковом сознании трех поколений Д.Г. Выговская приходит к выводу том, что «безопасность – это защищенность, которая представителям всех возрастов видится одинаково, но все-таки дом и все, что с ним связано гораздо важнее для старшего поколения россиян. Для представителей среднего поколения безопасность - это достаток, уверенность и стабильность, но в тоже время движение вперед. Для старшего поколения - это семья, дом, отсутствие опасности и дисциплина. Также интересным представляется то, что только поколение 40-летних рассматривает ценность «безопасность» не только в рамках отдельно взятой личности, но и страны в целом, в масштабах всего государства» [4].

В одной из своих последних Д.Г. Выговская продолжила исследование базовой ценности «безопасность», но с другого ракурса, и выделил стратегии осмысления понятия «экстремизм», используемые представителям трех поколений россиян: стратегия отказа, характерная для реципиентов старшего поколения (реакции: не знаю значения, не понимаю, что-то новое, ммм); оптимальная стратегия сорокалетних – определение предложенного стимула (нелюбовь к другим, ненависть к людям, направление в группировках, вызывающие противодействие против общества) либо указание понятий, связанных со стимулом (терроризм, террор, взрыв, вакхабизм, вахабит, вахабиты, военные действия); стратегия, свойственная молодому поколению, не желающему признать свою неосведомленность, а именно стратегия подмены предложенного стимул «экстремизм» известным понятием «экстрим» (парашют; скалолаз; экстрим; кайф; адреналин)» [5].

По итогам исследования группы ученых «Томская инициатива» из общечеловеческих ценностей были выделены 38 ценностей, названных базовыми для носителей русской культуры [1]. В рамках нашего исследования

все ценности, содержащиеся в списке вышеупомянутых ученых, были включены в стимульный список для свободного ассоциативного эксперимента. Все ценности были распределены по двум категориям «Личностные ценности» и «Государственные ценности». Первая категория – это ценности, которые важны для респондентов как для индивидов, вторая категория – это те ценности, которые важны для них как для граждан своего государства, своей страны. Все анализируемые в данной статье данные были собраны в период 2013–2014 гг. в ходе экспериментов, проведенных студентами при выполнении выпускных квалификационных работ[1].

В качестве респондентов выступили представители среднего поколения различных профессий из города Челябинска. В эксперименте приняло участие 90 человек, мужского и женского пола в равном соотношении. Выбор респондентов этой возрастной категории связан с тем, что их социализация происходила на фоне глубоких перемен в экономике, политике и социальной жизни России 80–90-х годов XX века. Мы предполагаем, что этот исторический период мог оказать влияние на языковое сознание индивидов. Более того, данный возрастной этап (35–45 лет), с одной стороны, принято считать периодом расцвета в карьере, семейной жизни, в творческих достижениях, периодом достижения личностной зрелости и реализации своих возможностей; с другой – рассматривать как время наибольшей тревоги, депрессии, кризисов и стрессов.

В рамках данной статьи представим некоторые результаты анализа содержания базовых ценностей в языковом сознании представителей среднего поколения. По данным свободного ассоциативного эксперимента и эксперимента методом свободных дефиниций, российский мужчина 35–45 лет ассоциирует **здоровье,** прежде всего, с состоянием, когда «ничего не болит» (70 % дефиниций), мужчины подчеркивают ценность здоровья, что подтверждается второй по частотности в ассоциативном поле реакцией-словом «важно». Для респондентов-мужчин «здоровье» – это «физкультура», «спорт», «бег» (33 % дефиниций). У респондентов-женщин «здоровье» ассоциируется со спортом в 10 % анкет (свободный ассоциативный эксперимент и метод свободных дефиниций). Чаще всего в анкетах женщины описывали «здоровье» как «нормальное состояние тела» (43 % дефиниций). В анкетах свободного ассоциативного эксперимента ядерными реакциями респондентов – женщин на слово «здоровье» оказались слова «жизнь», «счастье», «дар».

Семья в языковом сознании мужчин по данным свободного ассоциативного эксперимента вызывает такие образы, как «дети», «дом», «жена», «мама», «счастье», «основа», «очаг». Во второй анкете (метод свободных

[1] Ассоциативные поля были сформированы на основании результатов эксперимента, проведенного в 2013–2014 году студентом 5 курса факультета лингвистики ЮУрГУ Е.В. Пеговой.

дефиниций) семья для мужчины – это «смысл жизни» (36,6 %), «ячейка общества» (10 %), «близкие люди» (30 %), «дети» (6 %). В языковом сознании женщин (свободный ассоциативный эксперимент) на слово-стимул семья были получены следующие реакции «дом», «дружная», «ребенок».

Подобные результаты были также получены в исследовании образа семьи в языковом сознании русских, проведенного в 2011 году Е.С. Баландиной. Указанный автор отмечает, что, несмотря на то, что уже в конце XX в. женщина-жена работала наравне с мужчиной, в языковом сознании опрашиваемых людей ее образ ассоциировался исключительно с семьей и домом [2]. Интерес представляют также выводы, к которым пришел указанный автор на основе анализа образа одного из членов семьи – бабушки, в языковом сознании носителей русской культуры: «Русская бабушка уже не чувствует себя бабушкой, в том смысле данного слова, к которому мы все привыкли с детства. Она не только вяжет, печет пироги, смотрит телевизор и спит, она начала следить за своей внешностью, стремится хорошо выглядеть, занимается спортом, любит путешествовать и отдыхать. Несмотря на то, что в настоящее время образ бабушки XX века, закрепленный в русском языковом сознании до сих пор превалирует, динамика изменения данного образа неизбежна в связи с быстро меняющимся современным обществом» [3].

Смысл жизни как базовая ценность респонденты женского пола определяли, как «то, для чего мы живем» (20 %), «почему мы живем» (16 %), «цель» (16 %), «причина жизни» (16 %). Анализ результатов ассоциативного эксперимента выявил, что «любовь» и «дети» являются наиболее частотными реакциями респондентов-женщин. Результаты ассоциативного эксперимента и эксперимента методом свободных дефиниций совпали у респондентов мужчин. 63,3 % из них определили «смысл жизни» как «создание семьи».

Самая частотная реакция на стимул «смысл жизни» у мужчин – «семья». Базовая ценность **удовольствие** представлена различными образами в сознании двух категорий респондентов. Большая часть женщин (43 %) давали абстрактные дефиниции этой ценности, определяя ее через такие понятия как «отдых», «работа», «наслаждение», «радость». В сознании респондентов мужского поля удовольствие ассоциировалось с более конкретными понятиями «секс», «рыбалка», «поесть», «баня». Респонденты-женщины определяли **образование** через синонимичные понятия «обучение», «учеба», «получение знаний» (83 %). Для респондентов-мужчин «образование» является «средством развития», «роста», «источник успеха в будущем» (60 %). Различно также понимание ценности **успех**. Ядерные реакции в ассоциативном поле женщин представлены реакциями «удача», «карьера», «достижение», «радость». В ассоциативном поле мужчин ядерной является реакция «труд», на периферии поля имеются также реакции «признание», «значимость», «награда».

Необходимо отметить, что респонденты-женщины более тщательно отнеслись к формулировке определений. В среднем их толкования в 1,5 раза длиннее аналогичных объяснений у мужчин-респондентов. Респонденты-женщины значительно реже прибегали к такой стратегии реагирования на слово-стимул, как отказ от реакции. Возможно, это объясняется стремлением соблюдать респондентами женского поля правила поведения в рамках своих гендерных ролей, предписанных обществом. Женщины пытаются соответствовать модели поведения, которая проявляется в следовании правилам, покорности, послушности.

В ассоциативных полях женщин число различных (неповторяющихся) реакций гораздо выше, чем у мужчин, что позволяет предположить меньшую стереотипность образов языкового сознания респондентов женского поля. Анализ результатов, полученных в ходе сбора свободных дефиниций, выявил, что респонденты-мужчины, в отличие от женщин, не стремились вспомнить и записать словарное толкование слова, они пытались дать оценку этому слову-ценности. В качестве примеров показательны следующие ответы респондентов-мужчин **равенство** – это «невозможно», «неосуществимо», «глупость», «миф», «не существующее в природе существование двух одинаковых» и т.д. В ассоциативном эксперименте также было много оценочных реакций, выражающих мнение респондента. Например, на стимул **духовность** были получены реакции «что это???!!??», «чушь», «сложно»; на стимул **вера** – «все, что остается у неудачников»; на стимул **равенство** – «когда муж с женой не дерутся», на стимул **дружба** – «мне не нужна», «бесполезная трата времени», «необходима», «обремененность чужими проблемами», «не существует»; на стимул **любовь** – «зло», «химия», «приходит неожиданно». В этих примерах выражен субъективизм, подчеркивание собственного пути. Таким образом, мужчины давали часто субъективные оценки, индивидуальные трактовки, идущие в разрез с общепринятыми.

Итак, выявленные сходства и различия между мужчинами и женщинами в восприятии действительности и отношении к основным общечеловеческим ценностям во многом определяются гендерными особенностями личности. Однако стоит отметить, что при оценке «государственных» ценностей между мужскими и женскими реакциями было больше совпадений, чем при оценке «личностных» ценностей, таких как «семья», «любовь», «смысл жизни» и т.д.

Библиографический список

1. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / под ред. А.В. Рябова, Е.Ш. Курбангалеевой. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. – 448 с.

2. Баландина, Е.С. Динамика образа семьи в языковом сознании носителей разных культур: автореф. … канд. филол. наук / Е.С. Баландина. – Екатеринбург, 2013. – 23 с.

3. Баландина, Е.С. «Европеизация» образа бабушки в русском языковом сознании / Е.С. Баландина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2011. – № 22. – С. 82–87.

4. Выговская, Д.Г. Динамика изменений ценностных ориентаций Россиян (на примере исследования общечеловеческой ценности «безопасность») / Д.Г. Выговская // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2013. – № 2. – С. 83–88.

5. Выговская, Д.Г. Экстремизм в языковом сознании различных поколений россиян / Д.Г. Выговская // Языки. Культуры. Перевод. – 2015. – № 1. – С. 66–73.

6. Тарасов, Е.Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей / Е.Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. – 2012. – № 15. – С. 8–17.

7. Чиркова, О.И. Межпоколенная специфика образов «независимость» и «деньги» в языковом сознании русских / О.И. Чиркова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. – 2013. – № 2 (293). – С. 157–162.

К содержанию

УДК 378.016:81 + 81’27
ББК Ч448.026

СЛОВЕСНЫЕ ИГРЫ КАК ФОРМА АУДИТОРНОЙ РАБОТЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Г.Ф. Бороненко, Л.Л. Жаринова

В статье рассматривается использование словесных игр в качестве формы аудиторной работы при обучении иностранному языку, способствующей развитию навыков спонтанной речи, расширению словарного запаса и формированию иных языковых компетенций у учащихся. Статья описывает три словесные игры («шляпа», «контакт», «игра в “П”») и объясняет полезный эффект, достигаемый в результате использования каждой из них на практических занятиях по иностранному языку.

Ключевые слова: словесные игры, игровые методы в образовании, методика преподавания, иностранный язык, формирование компетенций.

Игра – важнейший вид человеческой деятельности: по мнению нидерландского культуролога, Й. Хёйзинги, вся человеческая культура вырастает из игры [1]. Не в последнюю очередь фундаментальное значение игры

заключается в том, что с её помощью человек формирует интеллектуальные компетенции различной сложности. Выдающийся отечественный психолог Д.Б. Эльконин характеризовал игру как «деятельность, в которой происходит формирование предпосылок к переходу умственных действий на новый, более высокий этап» – в игре создаётся зона ближайшего развития интеллекта [2]. Данные эволюционных психологов подтверждают, что игра – это инструмент, обеспечивающий гибкость человеческого интеллекта и его способность к постоянному совершенствованию: эта форма деятельности появилась у людей и других животных в тот момент, когда их поведение начало отличаться достаточной сложностью, то есть когда потребовалось «вариативное приспособление к изменчивым условиям существования» [3].

Поэтому неудивительно, что игровые методы широко применялись в образовании во все времена – имманентный педагогический потенциал игры был замечен ещё в античности [4]: с помощью игры возможно «вызвать живой интерес к учебному материалу, а также всему процессу в целом» [13]. До сих пор игра является одним из наиболее эффективных инструментов, позволяющих осуществлять сдвиг мотива на цель.

Сдвиг мотива на цель – это важный психологический механизм, объясняющий действенность применения игровых методов в обучении. Согласно определению А.Н. Леонтьева, этот механизм помогает наделить «действия, которые раньше служили для достижения целей, подчиненных какому-то определенному мотиву», самостоятельным значением. В результате «вспомогательные цели, на которые данные действия были направлены, приобретают статус самостоятельного полноценного мотива» [5]. Для иллюстрации представим такую ситуацию: чтобы сформировать определенную учебную компетенцию (цель), учащимся предлагается на занятиях сыграть в некую игру. Если игра оказывается интересной, у учащихся появляется желание добиться успеха в игре (мотив), что приводит к активному вовлечению в учебный процесс: чтобы хорошо сыграть, необходимо уверенно владеть определенными компетенциями; чтобы ими владеть, их нужно сформировать. В конечном итоге стремление формировать компетенции становится либо более сильным, либо столь же важным мотивом, что и стремление добиться победы в игре.

В педагогической практике применяются различные игровые методы, выбираемые в зависимости от специфики формируемых компетенций: учащимся предлагаются комбинаторные, аналитические, ассоциативные, контекстные, творческие и языковые игры [6]. Существуют деловые, организационные, интеллектуальные и другие виды игр, применяемых в образовании, – в последнее время геймификация занимает все более важное место среди методов, применяемых в современном образовании [7].

При обучении языку, в том числе иностранному, особенно полезными являются языковые, или словесные игры – командные или индивидуаль-

ные игры, направленные на манипуляции со словами по правилам. Подобная деятельность, организованная должным образом, служит весьма эффективным инструментом при решении одной из важнейших задач, которые стоят перед преподавателями прикладных лингвистических дисциплин, – развитии вербального интеллекта у обучающихся. Словесные игры создают психологическую готовность учащихся к речевому общению, тренируют их «в выборе нужного речевого варианта, что является подготовкой к ситуативной спонтанности речи» [8]. Кроме того, они помогают формировать и более фундаментальные компетенции, позволяющие в дальнейшем более уверенно использовать изучаемый язык: как пишет Е.Я. Гик, словесные игры позволяют «глубже проникнуть в тонкости языка, разобраться в структуре словообразования и лучше понять законы […] языка» [9].

Согласно недавнему исследованию [10], хорошая словесная игра, пригодная для использования в обучении, должна удовлетворять следующим четырём критериям:

1. Для проведения игры либо не требуется никакой подготовки, либо требуется минимальная подготовка.
2. Игра проста для понимания, но в ходе игры участники решают определенные интеллектуальные задачи.
3. На проведение игры не уходит много времени.
4. Игра увлекает участников, но не настолько сильно, чтобы ими нельзя было управлять.

Далее мы представим три популярные словесные игры, которые удовлетворяют этим критериям и которые можно применять в аудиторной работе при обучении иностранному языку, и опишем полезный эффект, оказываемый вовлечением обучающихся в каждую из них.

«Шляпа» – командная соревновательная игра, в ходе которой нужно за ограниченное время объяснить партнёру максимальное количество слов.

Подготовка. Минимальное количество играющих – 4 человека (число должно быть чётным); для игры понадобятся – ручки, бумага и любая непрозрачная ёмкость, например, шляпа, шапка или сумка.

Все играющие получают по заранее оговоренному количеству листочков бумаги (например, по 6 на человека): на каждом из листочков играющий записывает по одному слову – это должно быть существительное, имя нарицательное, в единственном числе. Листочки с записанными на них словами складываются в «шляпу» и тщательно перемешиваются.

Формирование команд. Играющие делятся на команды по два человека путем жеребьевки: например, если играющих четверо, то берутся четыре листочка бумаги, на двух записываются цифра «1», на других двух – цифра «2». Листочки помещаются в «шляпу», перемешиваются. Играющие, вытянувшие листочки с одинаковыми цифрами, образуют команду.

Ход игры. «Шляпа» передается между играющими по часовой стрелке. Когда играющий получает «шляпу», засекается заранее оговоренное время, например, 20 секунд. Играющий вытаскивает из «шляпы» листочек и объясняет значение записанного на нём слова партнеру по команде. При объяснении нельзя использовать слова, однокоренные тому, что записано на листочке.

Как только партнер правильно назвал слово, играющий достает из «шляпы» следующий листочек и объясняет слово, написанное на нем. Если слово не удалось объяснить за отведенное время, листочек с этим словом возвращается в «шляпу». По окончании 20 секунд «шляпа» передается следующему играющему, по часовой стрелке: в качестве объясняющего и разгадывающего успевают побыть оба участника каждой из команд.

Завершение игры, определение результатов. Игра заканчивается, когда в «шляпе» заканчиваются слова. Побеждает та команда, участники которой объяснили друг другу как можно больше слов.

Полезный эффект использования игры «шляпа» на практических занятиях по иностранному языку проявляется следующим образом:

– *У обучающихся увеличивается словарный запас*. Во-первых, благодаря ограничению на использование однокоренных слов при объяснении загаданного слова играющим приходится использовать либо синонимы, либо созвучные слова. Во-вторых, стремление победить в игре будет проявляться и в загадывании «сложных» слов: вне игры учащиеся будут обращать внимание на необычные слова с тем, чтобы загадать их в следующей игре.

– *У обучающихся улучшаются навыки говорения, в первую очередь качество, беглость и скорость устной речи.* Поскольку в игре существует ограничение по времени, для достижения высокого результата нужно успеть многое сказать за отведенный промежуток времени – причем так, чтобы это высказывание понял партнер по команде. То есть это ограничение помогает играющим преодолевать боязнь говорения, связанную с определёнными психологическими комплексами [18], – а это преодоление, как известно, является важнейшим фактором при развитии навыков устной речи. Кроме того, игра позволяет отработать владение устойчивыми словесными комплексами, которые активизируются при устной коммуникации в силу ограниченных возможностей контроля и корректировки высказываний [14], а уверенное владение этими комплексами, как известно, обеспечивает экономную реализацию важных номинативных, экспрессивных и стилистических функций [15]. Помимо этого, необходимость говорить быстро будет помогать пропускать этап «перевода» с внутренней речи на родном языке на внешнюю речь на иностранном языке – то есть будет развиваться внутренняя речь на иностранном языке, что является залогом успешного овладения языком.

– *У обучающихся развивается ассоциативное мышление на иностранном языке.* Поскольку однокоренные слова запрещены к использованию, а словарные определения сложны для спонтанного воспроизведения и понимания, играющим придётся прибегать к контекстуальным и образным определениям загаданного слова.

«Контакт» – словесная игра, в которой играющие отгадывают загаданное «водящим» слово.

Подготовка. Минимальное количество играющих – три человека. Определяется «водящий» – игрок, который загадывает слово: имя существительное, имя нарицательное, в единственном числе.

Ход игры. «Водящий» говорит, на какую букву начинается загаданное им слово. Играющие «проверяют» разные слова, начинающиеся на эту букву: предлагают их определения таким образом, чтобы их поняли другие игроки, но не понял «водящий».

Например, загадано слово «игра». «Водящий» говорит, что загадал слово на букву «и». Один из играющих хочет проверить слово «идея» и говорит «А это не то, что появляется, когда зажигается лампочка?». Если «водящий» понимает, о чём идёт речь, он говорит: «Нет, это не идея». Если этого не происходит и если другой играющий понимает, о чем говорит первый, то поднимает большой палец и говорит «контакт» или «есть контакт». После этого оба играющих считают хором до 5 и одновременно называют слово. Если они оба назвали одно и то же слово, «водящий» открывает следующую букву загаданного им слова. Например, он говорит, что вторая букве в его слове – «г», то есть слово начинается с буквосочетания «иг». Дальше играющие дают определения для слов, которые начинаются на это буквосочетание. Если же играющие назвали разные слова или если водящий успел догадаться до конца счёта и сказать «Нет, это не идея», он букву не открывает, и играющим нужно предпринимать дальнейшие попытки.

То есть цель играющих – постепенно «открывать» все буквы в слове, давая определения к другим словам, начинающихся на первую букву загаданного слова, затем на первые две, первые три и так далее. При этом это нужно делать так, чтобы можно было установить «контакт» с другими играющими и чтобы «водящий» не успел догадаться, о каком слове идет речь. Цель «водящего» – быстро понимать, о каких словах говорят играющие и как можно дольше не давать им отгадать загаданное им слово.

Завершение игры. Следующим «водящим» становится тот, кто предложил определение, приведшее к «контакту», после которого была открыта последняя буква в загаданном слове. Игра завершается в любой момент, по желанию играющих.

Полезный эффект использования игры «контакт» на практических занятиях по иностранному языку проявляется следующим образом:

– *У обучающихся развивается ассоциативное, «латеральное» мышление на иностранном языке.* Поскольку в игре нужно давать не самые очевидные, но всё-таки доступные определения, которые не будут прямолинейными, но будут содержать всю необходимую информацию, играющим придется прибегать к ассоциациям, метафорам, одному из «фундаментальных приемов познания и концептуализации действительности» [22], и сравнениям, связанным с загаданным словом.

– *У обучающихся развивается словарный запас.* Активное использование различных слов, пропущенных через определенные ассоциативные ряды, будет способствовать более успешному закреплению той или иной лексемы в активном словарном запасе обучающихся.

– *Обучающиеся приучаются визуализировать слово, что способствует более успешному запоминанию правильного его написания.* Поскольку в игре «контакт» слово отгадывается побуквенно, играющие будут лучше запоминать правописание той или иной лексемы.

«Игра в “П”» – словесная игра: загаданные слова объясняются с использованием только тех слов, которые начинаются на букву «П» или иную заранее оговоренную букву.

Подготовка. Минимальное количество играющих – 4. Один из игроков загадывает слово и сообщает его «водящему».

Ход игры. «Водящий» объясняет это слово остальным играющим, используя только слова, начинающиеся на букву «П» (или любую другую букву по договоренности играющих). При объяснении нельзя использовать слова, однокоренные загаданному слову.

Например, загадано слово «игра». «Водящий» может объяснять примерно так: «процесс, приятный, полезный, покер, поло». Если играющие «идут» в правильном направлении, водящий может говорить слова вроде «правильно». Если идут в неверном направлении – «плохо».

Завершение игры. После того, как слово угадано, «водящий» загадывает новое слово и сообщает его тому игроку, который угадал загаданное до этого слово. Игра завершается в любой момент, по желанию играющих.

Полезный эффект использования «Игры в “П”» на практических занятиях по иностранному языку проявляется следующим образом:

– *У обучающихся развивается словарный запас.* Это основное преимущество этой игры: поскольку играющий вынужден в ходе объяснения изъясняться не полноценными синтаксическими конструкциями, а простыми перечислениями слов, начинающихся на заданную букву, использование этой игры позволяет сосредоточиться именно на расширении вокабуляра обучающихся. Играющий не боится ошибиться при построении предложения, а думает лишь о подборе слов на нужную букву. При этом неизбежно играющим придётся «искать» слова из самых разных стилисти-

ческих регистров и языковых пластов, что, безусловно, будет положительно сказываться на развитии словарного запаса.

– *У обучающихся развивается ассоциативное мышление на иностранном языке.* Поскольку в игре существует строгое ограничение на подбор слов, начинающихся на определенную букву, играющий будет вынужден «искать» слова, относящиеся к загаданному слову не прямо, а косвенно.

Таким образом, все вышеописанные словесные игры развивают культуру речи на иностранном языке, ассоциативное мышление, спонтанность, беглость и скорость устной речи и, что немаловажно, они расширяют активный словарный запас. Как писал психолог С.Л. Рубинштейн, для полноценного овладения новым словом, «необходимо, чтобы оно было не просто выучено, а в процессе употребления, удовлетворяя реальным потребностям говорящего, включалось в его жизнь и деятельность» [11]. Словесная игра, как форма деятельности, отличается от других форм аудиторной работы на занятиях по иностранному языку большей эмоциональностью и спонтанностью реакций, поэтому она позволяет отрабатывать включение новых слов в ситуациях, максимально приближенных к «жизни и деятельности» обучающихся. Кроме того, как и драматические техники, словесные игры оказывают холистический эффект на персональное развитие учащихся [19]. Также проблемные ситуации из этих игр можно разбирать как примеры коммуникативных неудач, которые могут случаться по разным причинам [20].

Кроме того, учащиеся могут начать играть в эти игры и самостоятельно, вне занятий. То есть преимущество словесных игр не только в том, что они решают проблему «эффективной организации учебного процесса на занятии» [21], но и в том, что они могут быть и формой внеаудиторной работы при изучении иностранного языка, которая в современном мире должна быть основой образовательного процесса [16], но потенциал которой при этом используется недостаточно полно [17].

Библиографический список

1. Хёйзинга, Й. Homo Ludens. Человек играющий / Й. Хёйзинга, пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 416 с.
2. Эльконин, Д.Б. Психология игры / Д.Б. Эльконин. – М.: Владос, 1999. – 360 с.
3. Головин, С.Ю. Словарь практического психолога / С.Ю. Головин. – Минск: Харвест, 1998. – Т. 1. – 707 с.
4. Репринцева, Е.А. Педагогика игры: теория, история, практика / А.Е. Репринцева. – Курск: Изд-во Курск. Гос. ун-та, 2005. – 421 с.
5. Леонтьев, А.Н. Деятельность, сознание, личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 352 с.
6. Петрановская, Л.В. Игры на уроках русского языка / Л.В. Петрановская – М.: МИРОС-МАИК, 2000. – 144 с.

7. Варенина, Л.П. Геймификация в образовании / Л.П. Варенина // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – №. 6–2. – С. 314–317.

8. Букичева, О.А. Дидактические игры на уроках английского языка в начальной школе / О.А. Букичева // Иностранные языки в школе. – 2011. – № 6. – С. 46–49.

9. Гик, Е.Я. Занимательные математические игры / Е.Я. Гик. – М.: Знание, 1987. – 160 с.

10. Savitri A.S. The use of language games to improve the students' speaking ability of class VII A of SMP Ma'aruf Terradu Muntilan in the academic year of 2012/2013: dis. / A.S. Savitri. – Universitas Negeri Yogyakarta, 2013.

11. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Издательский дом «Питер», 1999. – 720 с.

12. Ганкин, Л. Словесные игры / Л. Ганкин // Arzamas [Электронный ресурс]. – URL: http://arzamas.academy/materials/1211.

13. Кочкина, Д.В. Роль игры при формировании общечеловеческих ценностей / Д.В. Кочкина // Наука ЮУрГУ. Материалы 67-й научной конференции. Секции экономики, управления и права. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2015. – С. 1096–1098.

14. Скрипичникова, Н.С. Речевые клише фольклорного характера в устном профессиональном общении / Н.С. Скрипичникова, Е.И. Голованова // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. – Т. 6. – Красноярск: СФУ, 2015. – С. 78–86.

15. Скрипичникова, Н.С. Устойчивые словесные комплексы в составе профессиолекта / Н.С. Скрипичникова // Вестник ЧелГУ. Филология. Искусствоведение. – 2013. – № 31 (322). – Вып. 84. – С. 133–135.

16. Полетаева, Н.А. Развитие индивидуальных познавательных стратегий студентов-магистров ЮУрГУ как фактор повышения качества их подготовки по иностранному языку / Н.А. Полетаева // Наука ЮУрГУ. Материалы 67-й научно-практической конференции. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2015. – С. 1170–1175.

17. Овинова, Л.Н. Влияние внеаудиторной работы на повышение качества иноязычного образования в университете / Л.Н. Овинова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2016. – Т. 8. – № 3. – С. 62–70.

18. Белкина, О.В. Особенности применения коммуникативного подхода при обучении иностранному языку взрослых слушателей / О.В. Белкина, И.Н. Дмитрусенко, Е.В. Кравцова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2014. – № 4. – Т. 6. – С. 79–83.

19. Шрайбер, Е.Г. Drama techniques in teaching English as a second language to university students / Е.Г. Шрайбер, Е.Н. Ярославова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование, педагогические науки». – 2016. – № 1. – С. 59–65.

20. Передриенко, Т.Ю. Аббревиация и коммуникативная неудача / Т.Ю. Передриенко // Приволжский научный вестник. – 2015. – № 3-2 (43). – С. 18–20.

21. Шапкина, Е.В. К вопросу о путях повышения эффективности обучения английскому языку как основе развития международного сотрудничества / Е.В. Шапкина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2016. – Т. 8. – № 2. – С. 48–55.

22. Хабирова, Е.И. Когнитивная сущность метафоры cloud/облако в терминосфере интернет-технологий / Е.И. Хабирова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2015. – Т. 12. – № 1. – С. 53–58.

К содержанию

УДК 378.026.7 + 378.14.03

САМОРЕАЛИЗАЦИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Т.А. Бояльская

Очевидная необходимость формирования в образовательном процессе личности не просто готовой к самореализации, а готовой осуществлять самореализацию в образовательном процессе в соответствии с нормами морали и нравственностью. В образовательном процессе важно сформировать личность готовую осуществлять самореализацию не стихийно и часто по наитию, а именно с позиции системности, от чего напрямую будет зависеть успех этого вида деятельности. Состав готовности к самореализации в образовательном процессе представлен характеристиками образованности в виде системы, элементы которой взаимодействуют и влияют друг на друга.

Ключевые слова: самореализация, готовность к самореализации, мораль, нравственность, образовательный процесс.

С одной стороны, в законе «Об образовании в РФ» и других документах наряду с задачами обучения, поставлены задачи воспитания и развития личности обучающихся. Современные проблемы экономики, активная конкуренция между различными организациями и даже государствами напрямую актуализировали необходимость развития таких качеств личности как самореализация [3]. Говоря другими словами, одной из задач образования является становление личности готовой осуществлять самореализацию.

В связи с этим, становится актуальным выявление способностей, склонностей обучаемых, а также имеющихся психических характеристик, которые непосредственно влияют на образовательный процесс и неотделимы от процесса самореализации личности.

С другой стороны, Проект Министерства Образования Науки РФ «Стратегия развития воспитания в РФ (2015–2025 гг.)» декларирует, что: «Идеальная цель воспитания отражается в принимаемом обществом нравственном идеале» [15].

Поэтому одной из важнейших задач высшего профессионального образования является воспитание личности, «обладающей высокой нравственностью» и «высокими нравственными принципами». Таким образом, очевидно прослеживается необходимость формирования в образовательном процессе личность не просто готовую к самореализации, а готовую осуществлять самореализацию непосредственно в соответствии с нормами морали и нравственностью.

Таким образом, задачей данного исследования будет являться уточнение понятий: самореализация, готовность к самореализации и готовность к самореализации в аспекте образованности, в соответствии с задачей воспитания личности, «обладающей высокой нравственностью» и «высокими нравственными принципами» [15].

Так как в данный момент, в образовательном процессе происходит выдвижение на передний план личности. А в любой своей деятельности, и в образовательном процессе в частности, любая личность выражает себя, свои стремления в соответствии задатками, внутренними резервами, которыми наделила ее природа, то есть самореализуется.

Часто самореализация носит стихийный характер и не имеет признаков системности. Тогда как в образовательном процессе важно сформировать личность готовую осуществлять самореализацию именно с позиции системности, от чего напрямую будет зависеть успех этого вида деятельности.

Проанализируем, что же понимается под готовностью к самореализации в социально приемлемых условиях соответствующей деятельности. Ясно, что цель этой деятельности состоит в том, чтобы добиться таких успехов в собственной социализации, которые предвосхищены (потенциально обеспечены) природоопределенными сущностными свойствами. Однако, говоря о самореализации нельзя забывать и о нормах морали и нравственности.

Поэтому необходимо рассмотреть понятия «мораль» и «нравственность» и в дальнейшем уточнить понятия «самореализация» и «готовность к самореализации» именно с этой позиции.

Нравственность является внутренней установкой человека – в отличие от морали, которая (наряду с законом) является только внешним требованием к поведению индивида [7].

Согласно исследованиям «нравственность – это интегративное качество личности, базирующееся на усвоенных этических знаниях, характеризующееся направленностью на постоянное духовное самосовершенствование личности, которое реализуется в ценностном отношении личности к себе и к окружающей действительности и проявляется в ее деятельности и поведении в опоре на чувство совести, как внутреннего нравственного регулятора» [8, 14].

Опираясь на определение Г.Н. Серикова, под самореализацией в образовательном процессе мы будем понимать деятельность, направленную на

претворение в действительность лично значимых замыслов, обусловливаемых ценностными ориентациями человека в соответствии с нормами морали и нравственности [10, 11, 12].

В философии понятие готовность рассматривается как мировоззрение и как один из компонентов мировоззрения. В данном случае правомерно говорить о готовности как уже сложившемся мировоззрении. Г.Н Сериков, выделяет компоненты готовности к самореализации:

– эмоциональное отношение к себе и своему положению в мире;
– интеллектуальная просвещенность в человекознании;
– личный опыт самоуправления;
– физическое и духовное здоровье человека [12].

В данном случае, в соответствии с целью нашего исследования хотелось бы акцентировать внимание, на то, что интеллектуальную просвещенность в человекознании мы будем рассматривать в совокупности с понятиями о нормах морали и нравственности.

В образовательном процессе, направленном на становление готовности к самореализации, происходит присвоение образованности. Г.Н. Сериков трактует «образованность как внутреннее свойство человека, которое приобретается под воздействием системы педагогических условий и зависит от внутриличностных предпосылок». Он выделяет четыре признака образованности, которые интерпретирует как характеристики образованности. Это осведомленность, сознательность, действенность и умелость [12].

В связи с главной целью нашего исследования мы будем рассматривать характеристики образованности также совокупности с понятиями о нормах морали и нравственности.

Поэтому под составляющими готовности студента к самореализации будем теперь понимать следующее.

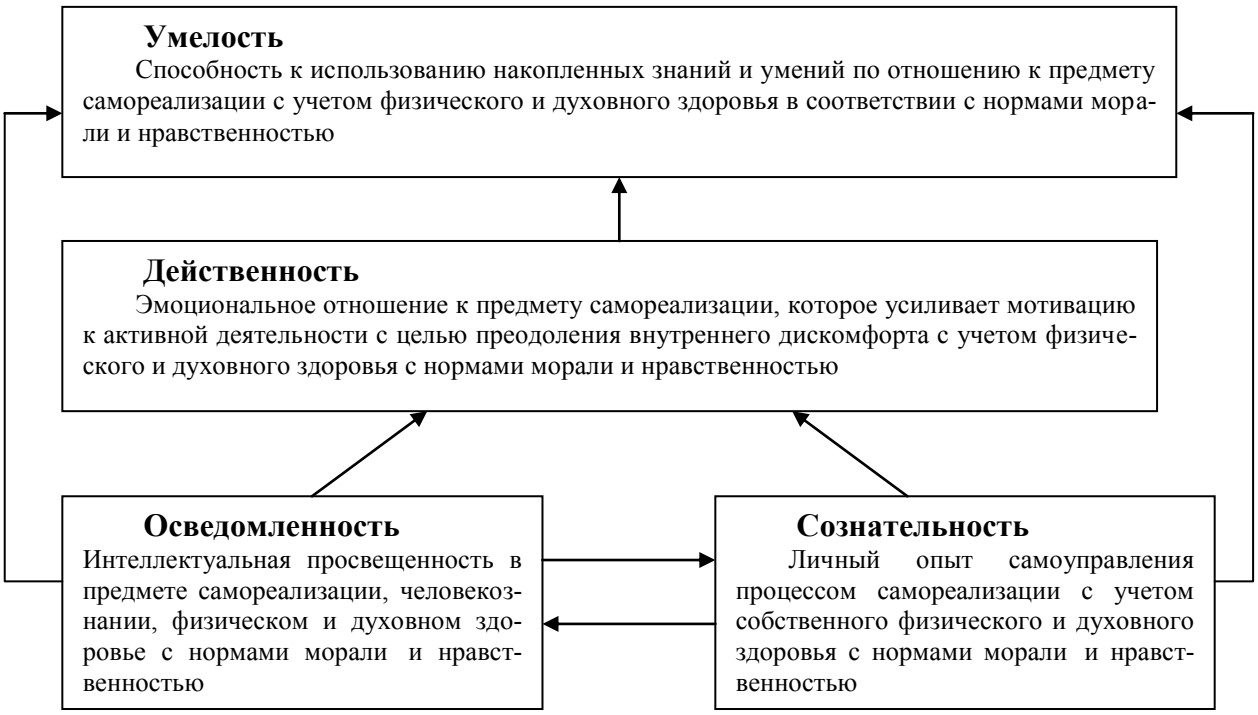
Осведомленность – характеризует воспроизведение студентами той части накопленного опыта в человекознании, необходимого для самореализации в соответствии с нормами морали и нравственности.

Сознательность – мера воздействия накопленного социального опыта, посредством личного опыта самоуправления, направленная на самореализацию в соответствии с нормами морали и нравственности.

Действенность – мера воздействия осведомленности и сознательности посредством эмоционального отношения к себе и своему положению в мире, направленная на самореализацию в соответствии с нормами морали и нравственностью.

Умелость – способность студентов к использованию приобретенных знаний, умений и навыков самореализации в различных социальных условиях, посредством образованности в соответствии с нормами морали и нравственности.

В соответствии с вышеперечисленным модель готовности к самореализации можно представить следующим образом (рис.).



Модель готовности к самореализации

Состав готовности к самореализации в образовательном процессе представлен характеристиками образованности и на этом основании структура готовности повторяет структуру образованности: в основании образованности лежат осведомленность и сознательность, которые являются основой готовности к самореализации и обуславливают действенность как потребность к деятельности, в процессе которой зарождается и развивается умелость (рис.). Все элементы системы взаимодействуют и влияют друг на друга (например, введение нового материала, касающегося процесса самореализации или человекознания влияет на опыт самоуправления процессом самореализации (сознательность), что активизирует вовлеченность в практическую реализацию и повысит умелость).

Таким образом, процесс становления готовности к самореализации в образовательном процессе будет осуществляться в соответствии с требованиями закона «Об образовании в РФ», если:

– образовательный процесс будет направлен на становление готовности к самореализации;

– становление готовности к самореализации будет осуществляться не только в соответствии с природоопределенными сущностными свойствами, но и в соответствии с нормами морали и нравственности;

– становление готовности к самореализации будет рассматриваться как один из аспектов образованности становление готовности к самореализации будет осуществляться на основе системного подхода.

Библиографический список

1. Аверьянов, А.Н. Системное познание мира: Методологические проблемы / А.Н. Аверьянов. – М.: Политиздат, 1985. – 94 с.

2. Гершунский, Б.С. Педагогическая прогностика: методология, теория, практика / Б.С. Гершунский. – Киев: Вища. Шк. Изд-во при Киев. гос. ун-те, 1986. – 200 с.

3. Котлярова, Н.Г. Активные и интерактивные методы и формы развития инновационной личности студентов в образовательном процессе / Н.Г. Котлярова // Человекоориентированное управление сбережением личных энергоресурсов участников образования: материалы Международной научно-практической конференции 14 октября 2014 г. / под ред. И.О. Котляровой, К.С. Бурова. – Челябинск: Изд-во Цицеро, 2014. – 269 с.

4. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание, Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.

5. Лихачев, Б.Т. Педагогика. Курс лекций: Учеб. пособие для студентов пед. учебн. заведений и слушателей ИПК и ФПК / Б.Т. Лихачев. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 1999. – 523 с.

6. Овинова, Л.Н. Использование технологии воспитания нравственности студентов в образовательно-досуговом процессе как фактор повышения качества подготовки студентов по иностранному языку / Л.Н. Овинова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2010. – № 3 (179). – Вып. 7. – С. 89–94.

7. Овинова, Л.Н. Отражение задач воспитания нравственности студентов в общекультурных компетенциях ФГОС ВПО: анализ и выводы / Л.Н. Овинова, Е.Г. Шрайбер // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2015. – Т. 7. – № 2. – С.74–83.

8. Овинова, Л.Н. Нравственность как педагогическое понятие / Л.Н. Овинова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование, здравоохранение, физическая культура». – 2006. – Вып. 9. – № 16 (71). – С. 18–23.

9. Психолого-дидактический справочник преподавателя высшей школы / П.И. Пидкасистый и др. – М.: Педагогическое общество России, 1999. – 354 с.

10. Сериков, Г.Н. Образование и развитие человека / Г.Н. Сериков. – М.: Мнемозина, 2002. – 416 с.

11. Сериков, Г.Н. Образование: аспекты системного отражения / Г.Н. Сериков. – Курган: Изд-во «Зауралье», 19997. – 464 с.

12. Сериков, Г.Н. Системный анализ понятия «Готовность к самореализации человеком своих сущностных свойств» / Г.Н. Сериков // Вопросы взаимосвязи образования и самообразования студентов. – Челябинск: ЮУрГУ, 1998. – Вып. 3. – С. 18.

13. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1987. – 590 с.

14. Шрайбер, Е.Г. Воспитание профессионально значимых личностных качеств будущих юристов в вузе: автореф. дис. … канд. пед. наук / Е.Г. Шрайбер. – Челябинск, 2009. – 24 с.

15. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. – URL: http://www.google.ru/url?url=http://www.edu.ru/files/discussion/v14_01_15.doc&rct=j&q=&esrc=s&sa=U&ei=_fEGVerII6H6ywPTiICQDw&ved=0CBgQFjAB&sig2=gmcCt7Xe29w4qCkbA8bD-g&usg=AFQjCNE5pIpVLyiweh5QxmOplQiAO-m32w.

16. Титаренко, А.И. Нравственные проблемы развития личности / А.И. Титаренко. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 144 с.

17. Ушинский, К.Д. Три элемента школы / К.Д. Ушинский // Пед. соч.: в 6 т. – М.: 1989–1990. – 527 с.

18. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования (ФГОС ВПО). – URL: http://www.fgosvo.ru/.

19. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001. – 719 с.

20. Шрейдер, Ю.А. Лекции по этике / Ю.А. Шрейдер. – М.: Моск. ин-т развития образоват. системы, 1994. – 134 с.

21. Ярославова, Е.Н. Построение личного образовательного пространства как средство саморазвития будущих профессионалов в иноязычном образовании / Е.Н. Ярославова, М.Г. Федотова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2015. – Т. 7. – № 2. – С. 66–73.

К содержанию

УДК 378.014.242

CERTIFICATION MODELS FOR THE ACADEMIC STAFF IN ENGLISH LANGUAGE PROFICIENCY

K.N. Volchenkova

Internationalization of higher education requires both new skills to develop for the academic staff and new ways to certify professors in English language proficiency. The paper describes different approaches to certify the academia. The author highlights the benefits and drawbacks of the approaches and offers a blended one for the academic staff of South Ural State University.

Keywords: internationalization, EMI (English Medium Instruction), IELTS (International English Language Testing System), TOEPAS (Test of Oral English Proficiency for the Academic Staff).

The internationalization of higher education aims to raise the quality of the education process, to enhance the academic mobility of the faculty, to foster interest to Russian higher education in foreign students, graduates, postgraduates, and renowned researchers [1, 2, 3]. One of the competitive advantages of Rus-

sian university in the 21st century is the level of English language proficiency of the academic staff. However, the level of English language proficiency of the South Ural State University (SUSU) academic staff is insufficient, which is the main obstacle of educational program implementation for international students at the Master's and Doctoral levels [4, 5].

Searching for the solution of the problem the SUSU administration initiated a module, multi-level programme of additional linguistic training «Lingva» within the 5-100 Initiative projects where the academia are offered to increase the level of proficiency in English and to prepare for international certification. Moreover, the SUSU Project Office of the 5-100 Initiative has introduced the certificate in English proficiency as one of the indicators of department performance. Therefore, one of the KPIs for SUSU departments is the number of employees who have confirmed their level of proficiency in English (B2+ and above) according to CEFR (Common European Framework Reference).

Hence, the university is on the way of creating conditions to improve the English language proficiency. Currently three approaches to the academic staff certification are under study: International English Language Testing System (IELTS), English-medium Instruction (EMI), Test of Oral English Proficiency of Academic Staff (TOEPAS).

IELTS

Preparation for passing IELTS is a new direction for the university. Currently the results of IELTS exam are used to evaluate the proficiency in English for both students and the academic staff. Thus, the training courses to prepare for IELTS are offered for both categories.

IELTS exam enables to determine the level and skills of English language for people whose mother tongue is not English. This evaluation system was developed by three examination chambers: Cambridge English, British Council and IELTS Australia. There are three versions of the test: Academic IELTS, General IELTS and Survival IELTS. At SUSU the students and staff are prepared for the Academic version of the exam as it allows developing the abilities of the foreign-language speech necessary for study at university (understanding of lectures, participation in seminars, critical reading skills) where the instruction is in English.

The results of the test (Overall Score Band) are valid for two years from the date of receipt. The standard 9-point scale for assessing English language skills in the IELTS system is as follows:

9.0 Expert user – fluent in the language, demonstrates absolute understanding in any situation;

8.0 Very good user – fully fluent in the language, except for some inaccuracies, in certain uncharacteristic situations may show a lack of understanding, and is able to argue in detail his position;

7.0 Good user – speaks the language well, despite some inaccuracies and misunderstandings. In general, he demonstrates a good knowledge of the language and a clear detailed understanding;

6.0 Competent user – basically speaks the language well, despite possible inaccuracies, inconsistencies and misunderstandings.

The first group of the academic staff began preparing for the IELTS exam in January 2016 under the guidance of Tony Brian, a teacher from the United Kingdom. In September 2016, another group of teachers, young scientists, and graduate students was offered the course. The first IELTS exam was held on December 3, 2016. 10 teachers of our university passed the test with high results. They received scores within Bands from 6.0. to 8.0.

Though IELTS test has its advantages (it tests 4 skills: speaking, writing listening, reading; it is standardized) it is not tailored for the needs of the academic staff. Academic IELTS is aimed to test the academic study skills of future-to-be international students checking their abilities of notetaking, understanding lectures, reading huge amount of information for critical evaluation but this test does not assess the oral abilities of a lecturer and the sub-skills he has to master to deliver lectures, seminars in Lingua Franca. The sub-skills to be tested differ dramatically from those IELTS offers to check. They are giving definitions and instructions, presenting evidence, managing interaction, influencing audience, managing subjectivity etc. So, IELTS is a temporary decision for the academic staff evaluation and the administration should look for another valid test in the long-term.

The other approaches introduced into the practice of higher education lately and are under study by leading scientists and practitioners are EMI and TOEPAS.

English Medium Instruction

Two processes, namely, globalization and internationalization, cause the appearance of EMI at universities. As universities are becoming international institutions, EMI in higher education is becoming more common all over the world [6, 7]. Within this internationalization process, universities have become marketable and corporate entities [8, 9].

SUSU has about1500 international students and it has expanded courses to offer degrees only through the medium of English. There is lack of research about EMI efficiency at Russian universities as EMI is at the initial stage of development, though foreign researchers have studied both the challenges it causes and the factors influencing its efficiency.

Byun et al. [10] conducted research at Korea University and presented findings relevant to EMI in Korean higher education. They concluded that, for the EMI implementation to be a success, three areas need to be addressed:

1) the students' and the instructors' language proficiencies;

2) the varying demands of different academic subjects;

3) a facilitative body which can support this implementation.

They state that without consideration of the above-mentioned factors, the implementation of EMI can have negative side effects.

The first place in the list is given to the students' and instructors' language proficiencies. There is much evidence that the instructor's language proficiency influences both the academic excellence of students and their attitude to the subject taught [11].

The problem for Russian higher education is that EMI skills are not taught at pedagogical universities and the technical specialists that deliver lectures in English lack these skills, moreover, they do not even realize that there is a number of techniques used to make the content of the lecture more comprehensible for the students to facilitate learning. So, the decision here is to introduce the training course as part of the programme of continuous professional development scheme and find the adequate evaluation procedure to assess the level of proficiency at the end of the course.

Cambridge English Language Assessment Association offers the EMI course for lecturers. It is specifically designed for use by higher education institutions and help improve teaching quality by ensuring faculty are confident working in English. It is aimed to develop teachers' awareness of students' language issues and explore different methodological approaches to instruction in a foreign language.

The content of the EMI course presented in the Table below has been taken from the website of the Association [12]. It covers most of the issues the teachers encounter in the classroom and may serve as a useful tool to equip the teachers with necessary skills and language instruction materials. The only drawback is its price and the university can not afford to train 150 lecturers working at the programmes delivered in English. The option is to train a group of teachers and then disseminate the hands-on experience through seminars and through composing a similar training course for in-house training.

To develop the in-house EMI course is one of the tasks being solved by the teachers working at additional linguistic training programme «Lingva».

Another question arises here is how to assess the results of the course as the tutors are not native speakers and they do not «feel» the language. The answer is a highly formalized procedure developed specifically to evaluate the lecturer's oral proficiency. An assessment procedure that could be used to certify the English language skills of university lecturers teaching at EMI programmes. Currently, the internationally accepted assessment procedure is the test developed by the professors of the University of Copenhagen, called TOEPAS used as a quality management tool that would ensure that the level of English of teaching staff in the EMI programmes would not negatively affect the quality of the teaching.

Table

English Medium Instruction (EMI) Course content

1. Language for lectures	• Different lecture styles • Introducing a lecture • Signposting and cohesion in lectures • Concluding a lecture.
2. Language for seminars	• Structuring seminars • Giving step-by-step guidance • Using questions to guide students • Answering students' questions.
3. 3. Language for small groups and practical sessions	• Explaining procedures • Setting up groups • Monitoring groups and practical sessions • Ending a group discussion or practical session.
4. Language for tutorials and supervision	• Setting goals and expectations • Advising students on strengths and weaknesses • Problems and solutions • Focusing on the individual student.
5. Language for online communication	• Online communication skills • Writing emails • Managing group communication • Responding to online communication.
6. Language for evaluation and feedback	• Giving constructive feedback • Giving targeted feedback • Distinguishing between necessity and suggestion • Organisation of feedback.
7. Language for developing and extending professional roles	• Preparing for academic interviews • Writing a conference proposal • Engaging in peer mentoring • Networking in social situations.
8. Language for fulfilling professional responsibilities	• Different students' characteristics and needs • Institutional conventions • Institutional differences • Relationships within university settings.

TOEPAS

Language testing for both academic and administrative staff in non-Anglophone countries is presently on the rise. The overall purpose of the test is to certify the lecturers' English language skills by assessing whether they have the necessary skills to cope with the communicative demands of teaching at the EMI programmes. More specifically, the test aims to assess whether the teachers have an adequate level of oral proficiency for lecturing and interacting with graduate students in a university setting. Moreover, when teachers do not have

sufficient English language skills to pass the certification, the test provides some diagnostic information about the kind of language training they need to be able to teach at these programmes [13].

The test results can assist the heads of study boards, heads of departments and deans in determining who can and cannot teach on the EMI programmes. In addition, the test results provide information for the administration about the type of language training or support teachers need to be able to teach on the EMI programmes. The test results also provide the test takers themselves with a tool for getting specific feedback on their speaking skills for teaching in English.

The test takers are primarily associate professors and full professors who are experts in their field of expertise and they have a wide variety of different EFL learning backgrounds.

Much research has been done to develop the test and validate. Nowadays, the TOEPAS procedure includes:

1) lecturing to students on the basis of visual aids without a manuscript;
2) interacting with students in the classroom about the content;
3) answering the questions on the lecture's materials.

During each certification session, three lecturers are assessed. First, the lecturers engage in a brief warming-up discussion about their professional background and interests. Following this discussion, each lecturer delivers a 20 minutes mini-lecture/presentation pertaining to his or her own field of research. The mini-lecture should be planned in advance, and visual aids (e.g. white board, PowerPoint) may be used during the mini-lecture. Following the mini-lecture, the speaker is asked to answer questions from the other participants about the lecture [14].

As part of the certification process, in addition to an overall result on the test, TOEPAS examinees receive extensive oral and written feedback, as well as a digital video copy of their performance. This detailed feedback linked to the video recording provides a solid description of lecturers' oral English competence, which can serve as the basis for further competence development.

In Copenhagen researchers continue to refine the TOEPAS and investigate how to best utilize this linguistic proficiency assessment tool to meet the needs of the universities internationalization process.

TOEPAS suits perfectly to test the professor's skills and abilities to lecture in English as it is developed specifically for this purpose.

Conclusion

The need to certify the lecturers' English language proficiency is objective reality caused by the processes of globalization and the necessity to market education services worldwide as the international students want to follow the best education practices and study conditions.

To ensure the high quality of EMI programmes both the training and highly formalized procedure of certification is needed. Besides, to enter the EMI

course the academic staff should have fluent English to meet the requirements and to comprehend the course content.

So, to meet the international standards of higher education the authors offer to use all three practices in preparing SUSU staff for teaching international students and delivering classes in English. As the entrance level to the EMI course the professors should pass IELTS for 6.5 Band and above which is equal to the Upper-Intermediate/Advanced levels. Then they take the EMI course and follow the mock TOEPAS procedure to get assessed and to receive feedback for further professional development.

Further research is needed to realize the idea and make it true. We need to study the professors' specific needs to make the course tailored; to conduct an attitudinal study to the concept of EMI at SUSU university; to develop the EMI course and evaluate the results.

References

1. Volchenkova, K.N. Development of foreign language communicative competence of the SUSU academic staff: andragogical approach / K.N. Volchenkova, O.A. Tolstykh // SUSU Bulletin. Series: «Education. Pedagogy». – 2013. – V. 5, № 4. – Pp. 23–28.

2. Zhezhera, E. Research communication skills for academic staff: lessons of experience / E. Zhezhera *// INTED2017 Proceedings.* – Pp. 4421–4429.

3. Leskina, Yu.A. Trends in the development of the scientific and innovative potential of the university teacher / Yu.A. Leskina // The World of Science, Culture, Education. – 2016. – № 2 (57). – Pp. 217–219.

4. Semashko, L.A. Features of professional language training of international graduate students / L.A. Semashko // Science of South Ural State University. Materials of the 67th scientific conference. – Chelyabinsk: SUSU, 2015. – Pp. 1078–1085.

5. Tsytovich, M.V. Pedagogical assistance to «Lingva» program participants professional writing skills formation at the elementary stage of language training / M.V. Tsytovich // SUSU Bulletin. Series: «Education. Pedagogy». – 2016. – V. 8. – № 2. – Pp. 41–47.

6. Altbach, P.G. Globalization and the University: Myths and Realities in an Unequal World / P.G. Altbach // The NEA 2005 Almanac of Higher Education – 2005. – Pp. 63–74.

7. Altbach, P.G. Globalization and the university: Realities in an unequal world. / P.G. Altbach // In International handbook of higher education Dordrecht. The Netherlands: Springer Netherlands, 2007. – Pp. 121–139.

8. Altbach, P.G., Trends in global higher education: Tracking an academic revolution / P.G. Altbach, L. Reisberg, L.E. Rumbley // A Report Prepared for the UNESCO 2009 World Conference on Higher Education. Paris, France: UNESCO, 2009.

9. Mok, K.H. Questing for internationalization of universities in Asia: Critical reflections / K.H. Mock // Journal of Studies in International Education, 2009. – 11(3-4), Pp. 433–454.

10. Byun, K. English-medium teaching in Korean higher education: policy debates and reality. / K. Byun, H. Chu, M. Kim, I. Park, S.Kim, J.Jung // Higher Education, 2011. – 62(4), Pp. 431–449.

11. Kang, S.Y. Student beliefs and attitudes about English medium instruction: Report of questionnaire study / S.Y. Kang, S.H. Park // Yonsei Review of Educational Research, 2004, 17(1). – Pp. 33–53.

12. EMI course description [Электронный ресурс]. – URL: http://www.admissionstestingservice.org/language-skills-for-lecturers/.

13. Dimova, S. Lecturers' English Proficiency and University Language Polices for Quality Assurance. In Integrating Content and Language in Higher Education: From Theory to Practice. Selected Papers from the 2013 ICLHE Conference / S. Dimova, J. Kling // Wilkinson, R. & Walsh, M.L. (eds.). – Frankfurt: Peter Language International Academic Publishers, 2015. – Pp. 50–65.

14. Kling, J. The test of oral English for academic staff (TOEPAS): Validation of standards and scoring procedures / J. Kling, S. Dimova // In Knapp A., Aguado K. (Eds). Fremdsprachen in Studium und Lehre – Chancen und Herausforderungen für den Wissenserwerb (Foreign Languages in Higher Education). – Frankfurt/Main: Peter Language International Academic Publishers, 2015. – Pp. 247–268.

К содержанию

УДК 378.14.014.13 + 378.042

МЕТОД ПРОЕКТОВ КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ФИЗИЧЕСКИМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ В УСЛОВИЯХ ВУЗА

Е.Г. Долгополова

В статье дается определение понятия «инклюзивное образование», описывается его принципиальное отличие от интегрированного образования, приведена классификация метода проектов, его сущность, структура и функции, описаны преимущества использования различных типов проектов для социализации студентов с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: инклюзивное образование, метод проектов, социализация, обучающиеся с ограниченными возможностями здоровья.

В соответствии с законом Российской Федерации «Об образовании» «профессиональными образовательными организациями и образовательными организациями высшего образования, а также организациями, осуществляющими образовательную деятельность по основным программам

профессионального обучения, должны быть созданы специальные условия для получения образования обучающимися с ограниченными возможностями здоровья» [8]. Кроме того, в данном законе говорится о необходимости адаптирования образовательных программ, а также о применении специальных педагогических подходов и методов обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья [8].

Таким образом, задача образования заключается в том, чтобы создать условия для развития потенциала личности, простор для творческих проявлений, обеспечить такой уровень образования, который мог бы послужить основой для профессиональной и личностной самореализации [10].

В Южно-Уральском государственном университете на базе Института спорта, туризма и сервиса проводится обучение специалистов по направлениям подготовки 49.03.02 «Физическая культура лиц с отклонениями в состоянии здоровья» и 44.04.01 «Педагогическое образование» специализация «Педагогическая и психофизиологическая коррекция лиц с отклонениями в состоянии здоровья». Иностранный язык входит в перечень обязательных дисциплин по данным направлениям подготовки. Однако современные реалии обнаруживают ряд противоречий между государственным и социальным заказом на обучение лиц с ограниченными возможностями здоровья и отсутствием разработанных учебно-методических пособий, методов и подходов в обучении лиц с особыми образовательными потребностями. Важно также отметить необходимость обеспечения благоприятных условий для социальной адаптации студентов с ограниченными возможностями здоровья в условиях вуза.

Практика обучения лиц с особыми образовательными потребностями имеет многовековую историю. Однако цели, задачи, подходы и модели такого образования претерпели существенные изменения. А.С. Выготский в 20-х годах прошлого века посвятил свои работы проблемам интегрированного образования, заостряя внимание на том, что необходимо создать такую образовательную систему, при которой люди с ограниченными возможностями здоровья не будут исключены из общества людей с нормальным развитием. Подобные идеи развивались и в других странах мира, обретая законодательную, социальную и финансовую основу.

Однако Саламанская декларация (ЮНЕСКО,1994) о мерах социальной поддержки способствовала замещению понятия «интеграция» понятием «inclusion», которое определяет не только новую образовательную парадигму, но и место человека в современном обществе. Сравнительная характеристика понятий «интегрированное образование» и «инклюзивное образование» указывает на то, что инклюзивное образование в большей степени ориентировано на личность обучаемого и обеспечивает условия для раскрытия его возможностей, в то время как интегрированное образование способствует адаптации обучаемого с особыми образовательными

потребностями к жизни в обществе, но не создает необходимые условия для обучения, вынуждая приспосабливаться к процессу обучения лиц с нормальным развитием.

В современной науке инклюзивный подход в образовании довольно полно изучен, определены понятия «лицо с ограниченными возможностями здоровья», «интеграция», «инклюзивное образование», цели, задачи образования, сформулированы принципы и подходы, разработаны модели инклюзивного образования.

В зарубежной практике в основу инклюзивного образования легли экзистенциональный и социально-феноменологический подходы (A. Blushke, H. Joy, L. Hadson, R. Deborah, P. Donald). С точки зрения педагогики данные подходы применены в работах T. Tomasa, K. Mollenhauer, E. Hoffman.

Данное явление рассматривалось также в рамках антропологического подхода (Л.С. Выготский, И.Е. Аверина, М.Л. Семенович), аксиологического подхода (В.П. Зинченко, М.Н. Реут, Н.М. Назарова, Д.И. Фельдштейн, Л.В. Коломийченко) и философского подхода (И.И. Лошакова, Л.Г. Ионин, Н.М. Назарова, Н.Н. Малофеев и др.).

Под инклюзивным образованием мы будем понимать «обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей» [8].

Система высшего образования реализует ряд важных функций: профессионально-экономическую, социальную, культурно-гуманистическую и политико-идеологическую. Рассматривая принципы инклюзивного образования, сформулированные Питером Миттлером (ценность человека не зависит от его способностей и достижений; каждый человек способен чувствовать и думать; каждый человек имеет право на общение и на то, чтобы быть услышанным; все люди нуждаются в друг друге; подлинное образование может осуществляться только в контексте реальных взаимоотношений; все люди нуждаются в поддержке и дружбе ровесников; для всех обучающихся достижение прогресса скорее может быть в том, что они могут делать, чем в том, что не могут; разнообразие усиливает все стороны жизни человека), особое значение приобретает социальная функция образования.

Метод проектов, на наш взгляд, является одним из наиболее эффективных методов, способствующих социализации студентов с ограниченными возможностями здоровья в условиях вуза и отвечающий интегративной цели обучения иностранным языкам, а именно формированию способности и готовности студентов осуществлять иноязычное межкультурное и межличностное общение [2]. Данный метод входит в парадигму личностно-ориентированного обучения, освященного в работах отечественных и зарубежных ученых (Ch. Bühler, C. Rogers, A. Maslow, И.С. Якиманская и др.),

и тесно связан с теорией и практикой проблемного обучения (J. Dewey, W. Kilpatrick, М.И. Махмутов, В. Оконь). Концепция метода проектов изложена в работах Е.С. Полат, D.L. Fried-Booth, S. Haines, T. Hutchinson.

Метод проектов можно классифицировать следующим образом. По логике передачи и восприятия он относится к дедуктивным методам, по степени самостоятельности мышления характеризуется как проблемно-поисковый, по степени управления учебной работой служит в большей степени для организации самостоятельной работы студентов, по источнику передачи и восприятия учебной деятельности может классифицироваться как наглядно-практический метод.

Метод проектов основывается на личностно-деятельностном подходе и ориентирован на развитие критического мышления, познавательного потенциала (состоящего из общей эрудиции, психологических свойств личности, связанных с познавательной деятельностью, индивидуальных характеристик, ценностно-эмоциональных показателей, объемом и вариативностью общеучебных умений [9]) и творческих способностей студентов, а также на формироване таких навыков, как умение работать в команде, аргументировать свою точку зрения и проявлять толерантность.

Сущность метода проектов заключается в его прагматической направленности на получение осязаемого, применимого в реальной практической деятельности и полученного в ходе работы над теоретически и/или практически значимой проблемой результата. Групповые проекты подразумевают тесное взаимодействие и сотрудничество всех участников проекта, реализацию их личных способностей. Функции в рамках проекта распределяются в соответствии с возможностями и способностями каждого участника, позволяя им реализовать свои таланты и компенсировать слабые стороны достижениями других членов проекта.

В проектной методике реализуются следующие функции: исследовательская, аналитическая, прогностическая, преобразующая и нормализующая [7], которые определяют доминирующие виды деятельности. К основным видам деятельности относятся: исследовательская (на основе имеющихся противоречий формулируется проблема, цели и задачи исследования, определяется предмет, объект исследования и выдвигаются гипотезы), поисковая (поиск информации необходимой для разработки темы, подтверждения или опровержения гипотез), творческая (оформление и презентация результатов, полученных в ходе работы над проектом), ролевая (распределение задач между участниками проекта), прикладная (реализация полученного результата на практике).

Реализация метода проектов осуществляется в тесной взаимосвязи с другими методами личностно ориентированного подхода. Среди них нужно особенно отметить обучение в сотрудничестве, методы дискуссии и мозгового штурма, ролевые игры и «портфель» студента. При разработке

групповых проектов эффективно применяется метод обучения в сотрудничестве (Student Team Learning), где результат достигается благодаря тесному взаимодействию всех членов команды. В рамках данной методики формулируются групповые цели (team goals), а коллективный успех зависит от результатов каждого члена группы. Основополагающими принципами данной методики являются: получение одной оценки (team rewards) всеми членами группы за выполнение общей задачи, индивидуальная ответственность (individual accountability) каждого студента за успешность совместной деятельности и предоставление равных возможностей каждому члену группы [11].

Для интерпретации фактов и информации, полученной на поисковом этапе работы над проектом, формулировании выводов и обсуждения результатов проекта успешно применяются методы дискуссии и мозгового штурма. Применение данных методов способствует формированию коммуникативной и дискуссионной культуры, ценностных ориентиров, толерантности, повышает мотивацию и активность участников проекта, а также развивает критическое мышление.

Ролевая игра в ходе работы над проектом выполняет ряд функций, например, может выступать примером оформления результатов проекта и способствовать формированию общечеловеческих ценностей. Ценностное самоопределение тесно связано с профессиональным самоопределением. В основе профессионального самоопределения лежат профессионально сообразные общечеловеческие ценности. Ролевая игра имитирует профессиональную ситуацию и способствует проявлению и закреплению общечеловеческих ценностей [6], к которым в частности относятся толерантное отношение и готовность к сотрудничеству со всеми членами общества.

Формирование способностей студентов к рефлексии является значимым результатом любой познавательной деятельности. В этой связи метод «портфеля студента» может выступать как инструмент оценки собственных достижений и возможностей.

Статус национального научно-исследовательского вуза ЮУрГУ обуславливает необходимость проведения научных исследований студентов, расширение взаимодействия и сотрудничества в этой сфере деятельности. Участие студентов с ограниченными возможностями здоровья в научных профессионально-деловых проектах будет не только способствовать их социализации, развитию профессиональных компетенций, будущей профессиональной и научной самореализации, но и формированию инклюзивной культуры в обществе.

Научный профессионально-деловой проект – это «технология, применение которой направлено на развитие компетенций профессионального общения студентов при выполнении ими самостоятельно планируемой и реализуемой на иностранном языке научно-исследовательской работы, которая должна завершиться практическим результатом в устной и (или)

письменной форме по теме, связанной с направлением будущей профессиональной деятельности» [3]. Проект включает в себя три компонента: интерактивный (обеспечивает обратную связь с адресатом), коммуникативный (включает в себя вербальные и невербальные средства) и перцептивный [3].

Применение информационно-коммуникативных технологий также способствует социализации студентов с ограниченными возможностями здоровья. Информационно-коммуникативные технологии обучения, включающие в себя любые формы аудиовизуальной информации, предоставляют разнообразные виды деятельности по сбору и обработки информации и составляют основу веб-проектов [1, 2]. Такие проекты расширяют возможности вовлечения обучаемых с ограниченными возможностями здоровья, так как позволяют выбирать наиболее удобное время и форму работы.

Для участия в международных проектах и конференциях большое значение приобретает социокультурная компетенция, способствующая социализации личности в мультикультурном обществе и формируемая посредством изучения иностранного языка. В этой связи целью обучения иностранным языкам становится не овладение набором конкретных умений и знаниями о культуре страны изучаемого языка, а формирование такой языковой личности, которая будет способна к активной и продуктивной деятельности в глобальном мультикультурном социуме [4].

Метод проектов как средство социализации студентов с ограниченными возможностями здоровья обладает целым рядом очевидных преимуществ. Благодаря своей многофункциональности этот метод способствует формированию разнообразных навыков и умений и может использоваться как для самостоятельной, так и для групповой работы.

При реализации данного метода в процессе обучения интегрированы все аспекты языковой подготовки: чтение, письмо, аудирование и говорение. Кроме того, в работе над проектом и презентации результатов задействовано большое количество студентов, что дает дополнительную возможность для совершенствования коммуникативных навыков.

Работа над групповыми проектами способствует развитию межличностных взаимоотношений, взаимопомощи, сотрудничеству, формированию толерантности и инклюзивной культуры общества.

Использование данного метода также способствует повышению автономии обучения, так как студенты чувствуют большую ответственность за свои результаты, учитывая, что успех всей группы напрямую зависит и от их личных достижений.

Однако решение поставленных перед вузом задач в области инклюзивного образования требует введения существенных изменений в образовательный процесс. Необходимо разработать учебно-методические пособия для студентов с ограниченными возможностями здоровья, которые адаптируют общую программу обучения к их нуждам и физическим возможно-

стям, использовать технические средства в процессе обучения, вводить инновационные методы обучения для повышения эффективности образовательного процесса, обеспечить благоприятные условия для социальной адаптации студентов с ограниченными возможностями здоровья в условиях вуза, разработать рекомендации для преподавателей и организовать тесное сотрудничество со специалистами в области коррекционной педагогики и психологии, обеспечить индивидуальный подход к каждому студенту и возможность учиться по индивидуальному графику обучения.

Библиографический список

1. Белкина, О.В. Использование ИКТ при обучении иностранному языку на базе социального сервиса ВЕБ 2.0 / О.В. Белкина// Иностранные языки и новые образовательные технологии. Материалы IV Международной научно-практической конференции. – Пермь: Изд. Пермского государственного технического университета, 2011. – С. 21–25.

2. Брайан, А. Blended learning: concept, models, implications for higher education / А. Брайан, К.Н. Волченкова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2016. – Т. 8. – № 2. – С. 24–30.

3. Ковалёва, О.И. Использование проектных технологий при обучении иностранному языку в неязыковых вузах / О.И. Ковалёва // Наука ЮУрГУ: материалы 65-й научной конференции. Секция гуманитарных наук. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. – С. 340–344.

4. Колегова, И.А. Особенности содержания понятия компетенции профессионального общения студента при работе над научным профессионально-деловым проектом на иностранном языке / И.А. Колегова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2015. – Вып. 4. – Т. 7. – С. 52–59.

5. Колова, С.М. Теоретические аспекты проблемы формирования социокультурной компетенции будущего профессионала / С.М. Колова // Иностранные языки в профессиональной подготовке и самореализации специалистов высшей квалификации: коллективная монография / под ред. Е.Н. Ярославовой. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2012. – С. 70–90.

6. Кузьмина, Н.Н. Педагогическое творчество при формировании общечеловеческих ценностей / Н.Н. Кузьмина // Наука ЮУрГУ. Материалы 66-й научной конференции. Секция социально-гуманитарных наук. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2014. – С. 1624–1626.

7. Полат, Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студ. пед. вузов и системы повыш. квалиф. пед. кадров / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева, А.Е. Петров. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 272 с.

8. Федеральный закон Российской Федерации от 29декабря 2012г. № 273-ФЗ (ред. 2017 г.).

9. Юртаева, Ю.А. Оценка развития образовательного потенциала студентов вуза / Ю.А. Юртаева // Наука ЮУрГУ. Материалы 66-й научной конференции. Секция социально-гуманитарных наук. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2014. – С. 1643–1647.

10. Ярославова, Е.Н. Инновационная образовательная среда как условие самореализации будущих профессионалов в непрерывном иноязычном образовании / Е.Н. Ярославова // Иностранные языки в профессиональной подготовке и самореализации специалистов высшей квалификации: коллективная монография / под ред. Е.Н. Ярославовой. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2012. – С. 294–347.

11. Fried-Booth, Diana L. Project work. Resource books for teacher / Series ed. Alan Maley. 2-nd ed. Oxford University Press, 2002. – 127p.

К содержанию

УДК 316.77 + 378.014.242

EMI КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГОВ В АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ

Е.В. Евсина

Анализируются актуальные вопросы организации обучения иностранных студентов в российских вузах. Обозначены основные проблемы межкультурной адаптации студентов при получении кросс-граничных образовательных услуг. Освещены подходы в организации повышения межкультурной коммуникативной компетенции профессорско-преподавательского состава вузов как основного средства адаптации студентов-иностранцев в образовательном процессе.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, англоязычная компетентность, межкультурная адаптация.

Несмотря на объективные трудности, связанные со сложившейся политической и социально-экономической обстановкой, российское высшее образование продолжает сохранять стабильное положение в мировой образовательной системе. Присоединение России к Болонскому процессу дает новый импульс модернизации высшего профессионального образования, открывает дополнительные возможности для участия российских вузов в проектах, финансируемых Европейской комиссией, а студентам и преподавателям высших учебных заведений позволяет участвовать в академических обменах с университетами европейских стран. В вузы России по-прежнему стремятся иностранные граждане, чтобы получить профессии врача, инженера, архитектора, экономиста и т.д. Российское выс-

шее образование не потеряло былого авторитета и все так же остается привлекательным для иностранцев.

Общение с иностранцами становится реальностью, а столкновение с представителями иной культуры входит в нашу повседневную жизнь. Все чаще высшие учебные заведения осуществляют обмен студентами, преподаватели организуют совместные проекты и проходят стажировку за рубежом, участвуя в межкультурной коммуникации и диалоге культур. Межкультурная компетенция формируется в процессе обучения иноязычному общению с учетом культурных и ментальных различий носителей языка и является необходимым условием для успешного диалога культур.

Страны, участницы Болонского процесса, видят одной из важнейших компонент развития высшего образования движение к сопоставимости национальных систем высшего образования. Как фактор повышения качества и эффективности высшего образования обозначается академическая мобильность, в том числе кросс-граничное получение образовательных услуг [1]. Зачастую, классическая система преподавания в российском вузе оказывается недостаточно гибкой в обучении иностранных студентов. Присутствуют такие проблемы как: языковой барьер, сложности межнациональной коммуникации, разный уровень базового образования, разница интересов и потребностей иностранных студентов и пр.

Использование инновационных систем обучения иностранцев отчасти решает проблемы повышения уровня подготовки студентов. Новый подход к обучению предполагает фундаментальность образования, творческое начало, профессионализм, личностный и акмеологический подходы, синтез двух культур (технической и гуманитарной), использование новейших технологий.

Однако остро встает проблема иноязычной коммуникативной компетенции профессорско-преподавательского состава вузов (ППС).

О признании необходимости владения иностранными языками ППС в современных условиях и способах решения этих проблем пишет К.Н. Волченкова [2, 3, 4]. В 2006 году в Южно-Уральском государственном университете под патронажем ректората, деканов и заведующих кафедрами стартовала программа лингвистической поддержки научных и образовательных кадров «Лингва». Глобальной целью программы была интеграция ЮУрГУ в общеевропейское научно-исследовательское и образовательное пространство, а именно расширение возможностей ППС в области повышения квалификации, участие в международных конференциях и конкурсах грантов, повышение профессиональной академической мобильности, качества научных исследований и образовательной деятельности [5, 12].

О важности непрерывного профессионального самообразования как факторе повышения эффективности образовательного процесса пишут И.О. Котлярова и Г.Н. Сериков: «Готовность работника к профессиональ-

ному самообразованию – это динамическое состояние интегрирования способностей и энергоресурсов работника (личностные аспекты энергоресурсов, знаниевый энергоресурс, способности пользования источниками информации и электронными технологиями, организационно-управленческие способности), позволяющих ему решать задачи профессионального роста» [8].

Наиболее успешными методами в подготовке ППС видятся развивающие технологии в рамках компетентностного подхода: когнитивно ориентированные (диалогические методы обучения, семинары-дискуссии, проблемное обучение, когнитивное инструктирование, взаимопосещения, когнитивные карты, инструментально-логический тренинг, тренинг рефлексии и др.); деятельностно ориентированные (метод проектов, имитационно-игровое моделирование, организационно-деятельностные игры, контекстность обучения и др.) и личностно ориентированные (интерактивные и имитационные игры, тренинги развития, развивающая психодиагностика и др.) [6, 7, 11].

Что касается содержания образования, не забывая о необходимости учитывать особенности адаптации иностранных студентов различных национальных культур к реальному образовательному процессу вуза, важно применять диверсифицированный подход в создании образовательных программ для расширения целевой аудитории потребителей и взаимовыгодной пользы, как для вуза, так и для иностранного студента [10].

Большую пользу в адаптации оказывает и внеаудиторное взаимодействие: мероприятия различного уровня – конференции, фестивали, конкурсы, соревнования и пр. Об эффективности межкультурного диалога целесообразно говорить лишь в том случае, если будут преодолены соответствующие стереотипы и предрассудки путем заимствования и использования одной культурой артефактов другой. С целью ознакомления студентов с российской действительностью и культурными ценностями России целесообразно организовать экскурсии в музеи, выездные экскурсии по культурным и историческим памятным местам, культпоходы в театры, спортивно-развлекательные центры, посещение библиотек, проведение тематических вечеров [9].

При этом участие ППС вузов в таких мероприятиях становится явлением социально-педагогического характера, что переводит простую англоязычную компетентность педагогов в разряд межкультурной. Это позволяет партнерам по межкультурной коммуникации осуществлять совместную деятельность, создавать общие культурные ценности, формировать единое социокультурное пространство, в котором могут взаимодействовать представители различных культур и этносов. На эффективность данного взаимодействия, несомненно, влияет определенный уровень сформированности у педагогов межкультурной коммуникативной компетентности.

Таким образом, адаптация студентов-иностранцев к образовательной среде российского вуза – это комплексное явление. Межкультурная коммуникативная компетентность ППС вузов в данной ситуации является важнейшим фактором эффективности образовательного процесса, обеспечивающая решение проблемы адаптации иностранных студентов во всей комплексности и широте. Успешность процесса адаптации обеспечивает адекватное взаимодействие иностранных студентов с социокультурной и интеллектуальной средой вуза, психоэмоциональную стабильность, формирование новых качеств личности и социального статуса, освоение новых социальных ролей, приобретение новых ценностей, осмысление значимости традиций будущей профессии и привлекательность российского высшего образования.

Библиографический список

1. Байденко, В.И. Болонский процесс: структурная реформа высшего образования Европы / В.И. Байденко. – М.: Исследоват. центр проблем качества подготовки специалистов: Рос. новый ун-т, 2002. – 128 с.
2. Волченкова, К.Н. Развитие иноязычной коммуникативной компетентности профессорско-преподавательского состава ЮУрГУ: андрагогический подход / К.Н. Волченкова, О.А. Толстых // Вестник ЮУрГУ. – 2013. – Т. 5. – № 4. – С. 25–28.
3. Волченкова, К.Н. Исследование управления дополнительным лингвистическим образованием преподавателей в НИУ / К.Н. Волченкова, В.Н. Каточков, И.О. Котлярова // Вестник ЮУрГУ. – 2014. – Т. 6. – № 2. – С. 18–23.
4. Волченкова, К.Н. Педагогическая модель содействия развитию иноязычной коммуникативной компетентности профессорско-преподавательского состава университета как ресурса межнародной деятельности / К.Н. Волченкова, Т.А. Карелина // Вестник ЮУрГУ. – 2014. – Т. 6. – № 4. – С. 72–78.
5. Волченкова, К.Н. Андрагогический подход в формировании иноязычной коммуникативной компетентности профессорско-преподавательского состава для реализации международной деятельности / К.Н. Волченкова // Вестник ЮУрГУ. – 2015. – Т. 7. – № 4. – С. 18–25.
6. Волченкова, К.Н. Взаимопосещение занятий как инструмент профессионального развития преподавателя и способ повышения качества образовательного процесса / К.Н. Волченкова // Вестник ЮУрГУ. – 2016. – Т. 8. – № 3. – С. 39–43.
7. Котлярова, И.О. Инновационные системы повышения квалификации / И.О. Котлярова. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2008. – 320 с.
8. Котлярова, И.О. Дополнительное образование через всю жизнь: развитие личных ресурсов человека: моногр. / И.О. Котлярова, С.Г. Сериков. – Челябинск: Изд-во «Уральская академия», 2011. – 178 с.
9. Кривцова, И.О. Социокультурная адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза (на примере Воронежской государственной медицинской академии им. Н.Н. Бурденко) / И.О. Кривцова // Фундаментальные исследования. – 2011. – № 8 (Ч. 2). – С. 284–288.

10. Рахимов, Т.Р. Особенности организации обучения иностранных студентов в российском вузе и направление его развития / Т.Р. Рахимов // Язык и культура. – 2010. – № 4. – С. 123–136.

11. Сериков, Г.Н. Готовность работника к профессиональному самообразованию: научное понятие, личный энергоресурс, измерение / Г.Н. Сериков, В.Н. Крысанова // Вестник ЮУрГУ. – 2013. – Т. 5. – № 3. – С. 34–41.

12. Хомутова, Т.Н. Программа лингвистической поддержки научных и образовательных проектов «Лингва» / Т.Н. Хомутова // Актуальные вопросы современного университетского образования: материалы IX Рос.-Америк. науч.-практ. конф., 15–17 мая 2006 г. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. – С. 296–300.

К содержанию

УДК 378.014 +378.03:005

О СУЩНОСТИ ПОНЯТИЯ «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БУДУЩЕГО МЕНЕДЖЕРА»

Р.З. Елсакова

Анализируется актуальность проблемы формирования профессиональной культуры будущего менеджера. Рассматриваются подходы к трактовке понятия «профессиональная культура будущего менеджера». Приводится авторская интерпретация данного термина. Исследуется вопрос о структуре изучаемого феномена.

Ключевые слова: культура, менеджер, профессиональная культура, профессионализм, профессиональная культура будущего менеджера.

Развитие российской экономики по инновационному пути актуализировало проблему подготовки управленческих кадров в соответствии со стратегическими задачами государства и обусловило потребность общества в менеджерах, обладающих высоким уровнем профессионализма и культуры управленческого труда.

Сложившиеся общественно-экономические предпосылки фиксируют социальный заказ высшей школе на формирование профессиональной культуры будущих менеджеров и поиск эффективных механизмов развития данного вида культуры в вузе.

Анализируя нормативно-правовые документы в области образования и социально-экономического развития страны (Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», «Стратегия инно-

вационного развития Российской Федерации на период до 2020 года», Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки «Менеджмент» (квалификация (степень) «бакалавр»)), мы пришли к выводу, что государством осознается актуальность проблемы формирования профессиональной культуры будущих менеджеров и необходимость принятия мер по ее решению. Однако хаотичное рассредоточение идей по разным документам говорит об отсутствии генеральной стратегии по работе в этом направлении, но вместе с тем формулирует заказ на формирование менеджера, обладающего высоким уровнем сформированности профессиональной культуры, и задает поиск эффективных образовательных мер, способствующих развитию данного вида культуры, в том числе используя возможности компетентностного подхода, ресурсы междисциплинарной интеграции [12] и образовательной среды [13].

Решение проблемы формирования профессиональной культуры будущих менеджеров необходимо начать с раскрытия понятия «профессиональная культура менеджера». Ученые (А.А. Голубев, Л.И. Евенко, Ю.В. Кузнецов, В.И. Подлесных, В.А. Розанова и др.), работавшие над этим вопросом, сходятся во мнении, что профессия менеджера требует разносторонних знаний в самых различных областях, но при этом каждый ученый выделяет какой-либо определяющий, с его точки зрения, аспект.

Так, Я.И. Войтальянова акцентирует внимание на личностной составляющей и определяет феномен профессиональной культуры как «обобщенный показатель его личностно-профессиональной компетентности в области менеджмента, определяющий наиболее приоритетные способы осуществления профессиональной деятельности, отражающий его гуманистическую направленность и проявляющийся во внутреннем (культура мышления, эмоциональная культура, культура рефлексии) и внешнем (культура общения, культура проявления эмоций, культура поведения, культура профессиональной деятельности, культура внешнего вида) планах, определяя отношение специалиста к профессиональной деятельности на основе осознания ее значимости как государственной, общественной, личностной ценности» [3, с. 75–76].

А.В. Беребердин выделяет информационную составляющую профессиональной культуры менеджера и под профессиональной культурой менеджера понимает «личностные качества, а также знания, умения и навыки осуществлять деятельность по руководству людьми в самых разнообразных организациях, добиваться поставленных целей, используя труд, профессиональное образование, интеллект, мотивы поведения других людей» [2, с. 30].

А.И. Пирогов, к примеру, рассматривая вопрос о профессиональной культуре менеджера, отождествляет данный феномен с явлением управ-

ленческой культуры и характеризует последнюю как процесс и результат социальной среды, обеспечивающей оптимально благоприятные условия труда, индивидуального развития и самореализации всех членов трудового коллектива [10, с. 109].

На наш взгляд, управленческая культура является составной частью профессиональной культуры, поскольку описывает совокупность способностей, знаний, умений, мастерства, опыта менеджера решать организационно-управленческие задачи. Но профессия менеджера, помимо реализации организационно-управленческой функции, включает функцию установления межличностных отношений в общении, т.е. коммуникативной функции, работу в информационных системах, т.е. информационную функцию и т.д. В таком случае профессиональная культура менеджера вбирает в себя не только управленческую, но и коммуникативную, информационную и другие виды культуры, а соответственно, является более широким понятием.

Современные исследователи проблем подготовки управленческих кадров своеобразие профессии менеджера в современных условиях видят в инновационном характере его деятельности, в преобладании в нем организационно-управленческих и когнитивных функций. «Менеджер призван обеспечивать органически взаимосвязанное функционирование технологических процессов в единстве их человеческой и технической составляющих. Он отвечает за темп и эффективность любого производства, за удовлетворенность своим трудом его участников, за ориентацию продуктов и услуг на потребности людей» [5, с. 15]. Особенность менеджмента как профессии исследователи видят в том, что менеджеры находятся в фокусе социальных, экономических и производственно-технологических процессов своего предприятия или отрасли, знают о своем деле все и обладают высокой социальной ответственностью (А.Н. Силин, А.М. Лялин).

Итак, изучение работ специалистов в области управления и подготовки управленческих кадров, всесторонне освещающих различные аспекты профессиональной деятельности менеджера, позволяет нарисовать общую картину, отражающую специфику данной профессии и выделить ее ключевые особенности, которые будут положены нами в основу уточнения понятия профессиональной культуры будущих менеджеров. В первую очередь, менеджер – специалист, областью профессиональной деятельности которого является обеспечение эффективного управления организацией. В компетенцию менеджера входит решение организационно-управленческих и информационно-аналитических задач. Помимо технической составляющей основу деятельности менеджера составляет профессиональное общение во всем его разнообразии [4]: ведение переговоров, решение конфликтов, деловая переписка и др. В то же время менеджер является носителем и активным транслятором культурных норм и ценностей, на которые он ориентируется в своей профессиональной деятельности. Поэтому для

формирования профессиональной культуры будущего менеджера важно создать установку на овладение принятыми в деловой среде эталонными ценностями, общекультурными, этическими и поведенческими нормами. Другими словами, в рамках своей профессиональной деятельности к менеджеру предъявляются высокие требования, находящие свое воплощение в его когнитивных, функциональных и нравственных характеристиках.

Ввиду недостаточной изученности проблемы формирования профессиональной культуры будущих менеджеров, а также ввиду специфики реализации данного процесса на основе междисциплинарной интеграции, мы столкнулись с необходимостью расширения понятийно-категориального аппарата изучаемой проблемы. В связи с этим, опираясь на имеющиеся в науке подходы к профессиональной культуре, а также учитывая специфические особенности управленческой деятельности, мы уточнили понятие ***профессиональная культура будущего менеджера***, которое трактуется как интегративное личностное образование, включающее систему общекультурных компетенций, профессионально-личностных качеств и ценностных ориентаций, позволяющие успешно решать организационно-управленческие, информационно-аналитические и коммуникативные задачи согласно принятым в управленческой среде нормам, традициям и образцам поведения.

Нередко термин «профессионализм» используют для оценки профессиональной культуры специалиста. Вместе с тем между этими понятиями имеется существенная разница. Тогда как понятие «профессионализм» [1] раскрывает преимущественно технологическую сторону любой деятельности и выступает как ее итог или критерий, понятие «профессиональная культура» включает содержательную область профессионализма и отражает способ деятельности и сам процесс приобретения профессионализма.

Далее перейдем к исследованию вопроса о структуре профессиональной культуры будущих менеджеров.

Существующие теоретические подходы к определению структуры профессиональной культуры будущего специалиста определены спецификой профессиональной деятельности той или иной категории работников. В зависимости от контекста исследователи включают в структуру исследуемого феномена различные компоненты, во многом определяемые позицией автора.

Анализируя сделанные в области структуры профессиональной культуры менеджера исследования, мы пришли к выводу, что чаще всего в ней выделяют инвариантный компонент, в который обычно входят профессионально значимые знания, умения, навыки и качества личности менеджера, и вариативный компонент, в который входят разнообразные способности, ценности, установки, опыт и т.д.

Однако подобный компонентный состав профессиональной культуры будущего менеджера нас не вполне устраивает. Поскольку императив ком-

петентностного подхода [9] как ведущей стратегии профессионального образования нацеливает не на усвоение готовых знаний и повышение информированности специалиста в той или иной области, а освоение навыков и способностей к решению прикладных задач в области профессиональной деятельности.

Опираясь на культурологически-компетентностную теорию развития личности (А.А. Деркач, Д.С. Ермаков, Э.Ф. Зеер, Е.В. Ткаченко, Ю.В. Шаронин), а также на сформулированные в отечественной психологии положения, относительно того, что: компетентность человека имеет вектор культурологического развития (Е.В. Бондаревская, А.Г. Гостев); основу профессионализма составляет целостная социально-профессиональная компетентность (И.А. Зимняя), в структуре профессиональной культуры будущего менеджера мы выделяем три компонента: компетентностный (в который входят такие общекультурные компетенции, как коммуникативная, социокультурная [6], информационная), профессионально-личностный (включает профессионально-значимые качества личности) и ценностно-смысловой (включает ценностные ориентации [7]).

Коммуникативная компетенция включает умение логически верно, аргументировано и ясно строить устную и письменную речь (ОК-6); способность осуществлять деловое общение [8]: публичные выступления, переговоры [11], проведение совещаний, деловую переписку, электронные коммуникации (ОК-19); владеть одним из иностранных языков на уровне, обеспечивающем эффективную профессиональную деятельность (ОК-14).

Социокультурная компетенция включает знание ценностей мировой культуры и готовность опираться на них в своем личностном и общекультурном развитии (ОК-1), способность анализировать социально значимые проблемы и процессы (ОК-13), осознание социальной значимости своей будущей профессии (ОК-12).

Информационная компетенция подразумевает понимание роли и значения информации и информационных технологий в развитии современного общества и экономических знаний (ОК-16); способность к восприятию, обобщению и анализу информации (ОК-5); владение основными методами, способами и средствами получения, хранения и переработки информации, навыками работы с компьютером как средством управления информацией (ОК-17); способность работать с информацией в глобальных компьютерных сетях и корпоративных информационных системах (ОК-18).

Профессионально-личностный компонент включает ответственность за принятые решения (ОК-8), стремление к личностному и профессиональному саморазвитию (ОК-10), умением критически оценивать личные достоинства и недостатки (ОК-11), обладание мотивацией к выполнению профессиональной деятельности (ОК-12).

Ценностно-смысловой компонент представлен системой ценностных ориентаций личности менеджера, сводимых к необходимости кооперации

с коллегами и работе в коллективе (ОК-7); способности придерживаться этических ценностей и здорового образа жизни (ОК-22). В нашей работе мы оперируем понятием «ценностные ориентации», поскольку в отличие от понятия «ценности», они регулируют поведение и определяют отношение личности к окружающему миру (А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов), тогда как ценности характеризуют значимость объектов для человека (Г. Риккерт).

Содержательное наполнение выделенных компонентов профессиональной культуры будущего менеджера было определено на основании требований к результатам освоения основных образовательных программ бакалавриата, приведенных разработчиками ФГОС ВПО третьего поколения по направлению «Менеджмент». Поскольку формирование профессиональной культуры будущих менеджеров мы осуществляем на основе междисциплинарной интеграции дисциплин гуманитарного, социального и естественнонаучного циклов, наполнение компетентностного компонента будут составлять общекультурные компетенции, т.к. согласно требованиям к структуре ООП бакалавриата, именно данные дисциплины обеспечивают формирование общекультурных компетенций.

Библиографический список

1. Акопян, О.В. Характеристика профессионализма в генетическом аспекте / О.В. Акопян, Е.В. Ананьина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2016. – Т. 8, № 3. – С. 89–92.

2. Беребердин, А.В. Формирование информационно-профессиональной культуры будущего менеджера: дис. … канд. пед.наук / А.В. Беребердин. – Челябинск, 2006. – 177 с.

3. Войтальянова, Я.И. Формирование профессиональной культуры будущего менеджера в процессе его профессиональной подготовки: дис. … канд. пед. наук / Я.И. Войтальянова. – Красноярск, 2007. – 202 с.

4. Горелова, А.В. Формирование навыков стратегического решения коммуникативных задач у будущих менеджеров / А.В. Горелова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2014. – Т. 6, № 1. – С. 109–114.

5. Звонников, В.И. Какой менеджмент нам нужен? / В.И. Звонников // Высшее образование сегодня. – 2009. – № 11. – С. 12–19.

6. Колова, С.М. Формирование социокультурной компетенции будущих профессионалов. Теоретические аспекты / С.М. Колова // Иностранные языки в профессиональной подготовке и самореализации специалистов высшей школы / под. ред. Е.Н. Ярославовой. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2012. – С. 70–90.

7. Кочкина, Д.В. Ценности и ценностные ориентации в профессиональном образовании / Д.В. Кочкина // Наука ЮУрГУ. Материалы 63-й научной конференции в 3 т. Секции экономики, управления и права. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2011. – Т. 1. – С. 206–209.

8. Кузьмина, Н.Н. Педагогические средства развития готовности студентов к деловому общению / Н.Н. Кузьмина, М.Г. Кузьмин // Наука ЮУрГУ: материа-

лы 67-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2015. – С. 1103–1107.

9. Пантелеева, М.В. Компетентностный подход в образовании: российский и зарубежный опыт / М.В. Пантелеева, А.С. Сухристина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2016. – Т. 8, № 4. – С. 100–104.

10. Пирогов, А.И. Формирование профессиональной культуры специалиста в вузе: монография / А.И. Пирогов. – М.: МОСУ, 2003. – 167 с.

11. Султанбекова, Р.З. Переговорная культура будущего менеджер / Р.З. Султанбекова // Высшее образование в России. – 2009. – № 12. – С. 135–137.

12. Трофимова, Е.А. Межпредметные связи в процессе образования бакалавров / Е.А. Трофимова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2012. – № 26. – С. 149–151.

13. Ярославова, Е.Н. Инновационная образовательная среда как условие самореализации будущих профессионалов в непрерывном иноязычном образовании / Е.Н. Ярославова // Иностранные языки в профессиональной подготовке и самореализации специалистов высшей квалификации: коллективная монография / под ред. Е.Н. Ярославовой. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2012. – С. 294–347.

К содержанию

УДК 378.03 + 378.017

ТЕАТРАЛИЗОВАННОЕ МЕРОПРИЯТИЕ КАК СПОСОБ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СПОСОБСТВУЮЩИЙ ТВОРЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ)

А.Р. Ермилова, Е.М. Кирякова

Приведены особенности формирования личности студентов в рамках участия в театральном проекте. Определены качественные ценности развития творческой личности. Сформулировано положительное влияние театральных проектов на раскрытие творческого потенциала и развитие коммуникативных и лингвистических компетенций студентов.

Ключевые слова: творчество, умственная деятельность, самоактуализация, театральная деятельность, нравственное воспитание.

Одной из целей современного образования является всестороннее развитие личности, в том числе творческое развитие. Творчество – процесс деятельности, создающий качественно новые материальные и духовные ценности или итог создания объективно нового. Творчество является выс-

шей формой человеческой жизнедеятельности, оно свидетельствует о способности человека нестандартно мыслить, выходя за рамки привычной умственной деятельности. Таким образом, творчество есть реализация уникальности человеческой личности. Многие ученые рассматривают творчество через различные аспекты. Психолог С. Криппнер утверждает, что термин «творчество» включает в себя несколько аспектов: психологический механизм, процесс, результат, способность. К. Роджерс выделил три особенности переживания творческого акта:

1) инсайтность;

2) чувство своей отъединённости от других и уникальность;

3) желание вступить в коммуникацию, если не с реальной, то хотя бы с воображаемой аудиторией.

А. Маслоу утверждает, что творчество способствует самоактуализации. Он приводит следующие личностные характеристики самоактуализирующихся людей:

– реалистическое восприятие действительности;

– принятие себя и других;

– спонтанность и естественность;

– центрированность на своей жизненной цели;

– потребность в уединении;

– независимость от культурных и социальных стереотипов, шаблонов, ожиданий;

– свежесть восприятия;

– пиковые переживания (духовный опыт);

– сопричастность другим (эмпатия);

– способность к глубоким межличностным отношениям;

– философское чувство юмора;

– открытость неизвестному;

– ориентация в будущее;

– способность выдержать хаос, сомнение, неопределённость [5].

Развитие личности в театрализованной деятельности направлено на раскрытие творческого потенциала; развитие коммуникативных способностей; психических процессов, даёт возможность легче социализироваться. Помимо этого, театрализованное мероприятие прививает интерес к культуре и литературе страны изучаемого языка, театру, толерантность [2].

Театр является одним из самых демократичных и доступных видов искусства, он позволяет решить многие актуальные проблемы современной педагогики и психологии, связанные с нравственным воспитанием; развитием коммуникативных качеств личности (обучением вербальным и невербальным видам общения); созданием положительного эмоционального настроя, снятием напряжённости, решением конфликтных ситуаций.

Студенческий театр – это отдельный вид проектной учебно-воспитательной деятельности в рамках университета, имеющий определенные этапы подготовки и требующий особых методов и приемов. Многие современные ученые приводят различные классификации этапов проектной деятельности.

Этапы работы над проектом (по В.В. Николиной):

1. Ценностно-ориентированный (осознание мотива и цели деятельности, определение замысла проекта).

2. Конструктивный (собственно проектирование).

3. Оценочно-рефлексивный (самооценка деятельности).

4. Презентативный (защита проекта).

Л.Л. Розанов называет следующие этапы проектной деятельности:

1. Организационно-подготовительный (выбор темы; определение задач проекта; поиск проблемы; составление предварительного плана; определение участников, методов, приемов исследования; овладение терминологией).

2. Поисково-исследовательский (разработка программы исследования; сбор и изучение необходимой информации; непосредственное исследование на основе применения методов наблюдения, эксперимента, анализа и синтеза).

3. Отчетно-оформительский (составление названия исследовательского проекта; изложение проекта).

4. Информационно-презентативный (защита проекта; самооценка и оценка проектов).

В зарубежной методической литературе можно найти различные подходы к проектной деятельности. Д.Л. Фрайд-Бус говорит о трех стадиях работы над проектом:

1) планирование;

2) реализация проекта;

3) создание конечного продукта.

Разнообразные классификации этапов проектной деятельности отличаются друг от друга довольно незначительно. Работая над проектом в рамках высшего учебного заведения со студентами неязыковых специальностей, целесообразно выделить четыре основных этапа: планирование, выполнение проекта, презентация, оценивание (студентами и преподавателем) [3].

Применимо к театрализованному мероприятию, можно определить следующие этапы работы над проектом:

1. Планирование заключается в выборе литературного произведения на изучаемом языке, чтение и обсуждение произведения, выделение основной идеи и мотивация студентов на выполнение проекта.

2. Выполнение проекта состоит в решении конкретных практических вопросов по его реализации: написание сценария для выступления, проработка сценария и подбор актеров, распределение и заучивание ролей, работа над фонетикой и интонацией, работа с костюмами и реквизитом для мероприятия, поиск оригинальных решений и режиссерских идей, источниками которых являются преподаватели и студенты, проведение репетиций. В процессе проработки сценария и ролей, репетиций и выступление на сцене в совокупности открывают огромные возможности для изучения и отработки новых слов и выражений. Во время репетиционного процесса происходит естественное взаимодействие разных видов речевой деятельности. На этом этапе участники проекта не только совершают акты речевой деятельности – говорение, аудирование и перевод, но и должны учитывать специфику изучаемого языка и сценической речи. Одновременно с этим, студенты усваивают не только новую лексику, произношение и интонацию, но и применяют свои знания культуры и традиций страны изучаемого языка. Немаловажным навыком является практика публичного выступления.

3. Презентация проекта в данном случае подразумевает подготовку и проведение мероприятия в виде театрального фестиваля, который является конечным продуктом творческой деятельности.

4. Оценивание проекта невозможно свести к процедуре обычного оценивания преподавателем работы на занятиях, поскольку это массовое мероприятие, которое оценивают другие учащиеся и преподаватели, не принимавшие участие в подготовке проекта, а также является итогом серьёзной подготовительной работы. Неотъемлемой частью данного этапа является самооценивание. Оно предполагает оценку проведенной работы и ее результатов самими участниками проекта, обсуждение трудностей, удачных и неудачных аспектов работы.

Театральный проект на отделении английского языка на кафедре иностранных языков Южно-Уральского Государственного факультета осуществляется в течение четырех лет. За период с 2014 по 2017 гг. было проведено 4 проекта. Основной целью этих проектов является подготовка и проведение ежегодного фестиваля театральных миниатюр. Группа преподавателей подбирает определенное количество студентов, желающих принять участие в совместном творческом проекте. Состав студентов ежегодно обновляется. Состав участников всей творческой группы из года в год примерно одинаково – включая преподавателей, актеров, художников-оформителей – приблизительно 40 человек. Ежегодное проведение театрального фестиваля осуществляется благодаря согласованной работе всех участников проекта – преподавателей, студентов и администрации университета. Творческая идея и реализация проекта осуществляется преподавателями и студентами, а администрация поддерживает деятельность теат-

ра, предоставляя возможность репетиций и проведение театрального фестиваля на площадке студенческого студии-театра «Манекен».

Репертуар театральных фестивалей разнообразен. На суд зрителей представляются пьесы авторов классической и современной английской литературы. Весной 2015 года был поставлен отрывок из комедии У. Шекспира «Двенадцатая ночь, или что угодно» (Twelfth Night or What You Will). Проникновенное произведение классика английской драмы, наполненное тонким юмором и неожиданной концовкой, привело в восторг зрителей фестиваля. Следующей весной в 2016 году преподавателями кафедры иностранных языков и студентами была представлена мини-пьеса по мотивам одноименного произведения классика английского детектива А. Дойля «Пестрая Лента» (The Adventure of Speckled Band). Пьеса получилась камерная, интригующая, со специфическим английским юмором.

Участие в театральном проекте ведёт к совершенствованию языковых знаний студентов, развитию коммуникативных умений, вхождению в контекст иноязычной культуры. Это проявляется в становлении произносительных навыков, росте продуктивного словарного запаса, развитии умения монологического высказывания и интерактивного речевого взаимодействия. Прочность приобретённых навыков и умений обеспечивается единством речевой и сценической деятельности. Большое значение для совершенствования коммуникативной компетенции имеет речевая практика на фестивале, общение на английском языке, просмотр и обсуждение фильмов и телеспектаклей на языке [4].

Главной целью при обучении иностранным языкам в рамках высшей школы является формирование и совершенствование коммуникативных компетенций [1].

Театральная деятельность, как никакая другая позволяет демонстрировать речевые навыки и умения на практике, совершенствовать лексические и грамматические умения, навыки аудирования. Следует также отметить отработку и применение речевых клише и фраз. В процессе работы над пьесой и ролями, студенты получают возможность использовать язык в реальном действии. Театральная языковая деятельность – это идеальная форма обучения диалогическому общению [4].

Наша практика проведения театральных студенческих фестивалей показывает, что подобные постановки являются неоспоримым фактором повышения качества обучению иностранному языку. Любая пьеса на иностранном языке помогает преодолеть языковой барьер, помочь студенту тренировать навыки публичных выступлений. Как и в любом виде деятельности, в театральной постановке крайне важен положительный эмоциональный настрой всех участников. Преподавателям, в свою очередь, легче донести до студентов творческие идеи и разработки посредством внеурочного общения во время репетиций и подготовки к спектаклю.

Принцип прочности усвоения языка подразумевает тот факт, что студенты не только приобретают навыки и умения, но и совершенствуют их. И по нашему мнению, этот принцип находит широкое применение в театрально-учебной деятельности.

Ценным достижением театральной деятельности является формирование коллектива единомышленников, объединённых общей созидательной, творческой идеей. Работа в проекте помогает становлению таких значимых для всех участников качеств как умение работать в команде, ответственность за успех общего дела, самодисциплина, умение принимать решения, справляться с возникающими трудностями. Театр развивает способность чувствовать состояние других людей через вживание в образ героя, проживание его жизни, анализировать характеры персонажей, чувствовать время и эпоху. Участие преподавателя в подобных проектах дает ему возможность понять своих учеников, что является важным условием в воспитании и формировании творческой личности. Таким образом, личностное, творческое и познавательное развитие студентов неязыковых специальностей существенно определяется характером организации их внеаудиторной деятельности. Театральная деятельность на иностранном языке создает благоприятные условия для формирования всесторонне-развитой личности и помогает преподавателям привить и сохранить в студентах интерес к изучаемому языку.

Библиографический список

1. Колегова, И.А. Pedagogical support in developing students' professional communicative competence within the framework of a scientific professional project in foreign language / И.А. Колегова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2016. – Вып. 2. – Т. 8. – С. 31–41.

2. Полат, Е.С. Метод проектов на уроках иностранного языка / Е.С. Полат // Иностранные языки в школе. – 2000. – №№ 2, 3.

3. Полякова, Т.Н. Развитие гуманитарной культуры учащихся средствами школьного театра / Т.Н. Полякова. – М., 2006.

4. Шрайбер, Е.Г. Drama techniques in teaching English as a second language to university students / Е.Г. Шрайбер, Е.Н. Ярославова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование, педагогические науки». – 2016. – Т. 8, № 1. – С. 59–65.

5. Fried-Booth D.L. Project Work, Oxford: Oxford University Press, 2002.

К содержанию

УДК 378.014.242 + 378.016:811.111

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ОДНОУРОВНЕВЫХ СМЕШАННЫХ ГРУППАХ РОССИЙСКИХ И ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ БАКАЛАВРИАТА

Е.М. Истомина

В статье идет речь об особенностях организации обучения английскому языку в смешанных группах бакалавриата, состоящих из российских и иностранных студентов неязыковых специальностей с целью разработки педагогических технологии, которые могут способствовать усовершенствованию данного вида деятельности. Важным фактором, влияющим на эффективность образовательного процесса в смешанных группах и поддающимся регулированию со стороны вуза, является фактор особенностей его педагогической системы. Кроме того значительное влияние оказывают национально-психологические особенности студентов, следовательно, их необходимо принимать во внимание при разработке образовательных программ и организации процесса обучения в смешанных группах.

Ключевые слова: смешанная группа, прямой метод обучения, смешанное обучение, коммуникативный метод, культурные различия.

В настоящее время перед российскими вузами поставлена цель занять прочную позицию в международном образовательном пространстве. В рамках «Стратегии 2020» поставлена задача вывести не менее пяти вузов в Топ-100 по основным международным рейтингам (THE или QS). В настоящее время в программу повышения конкурентоспособности российских вузов входит 21 российский университет. С октября 2015 года ЮУрГУ также находится в этой группе. Поскольку одним из оценочных критериев расчета рейтинга служит отношение количества иностранных студентов к общей численности обучающихся, доля иностранных студентов, обучающихся в ЮУрГУ на основных образовательных программах (с учетом студентов из стран СНГ), к 2020 должна достичь 18 %. На сегодняшний день в вузе на различных специальностях обучается около **2000** иностранных студентов из **37** стран мира [4]. Таким образом, студенты ЮУрГУ стали обучаться и общаться в мультилингвальной среде.

Поскольку языком обучения университетов Российской Федерации является русский язык, а студенты обязаны изучать английский язык в качестве первого или даже второго иностранного языка, студенты - иностранцы проходят обучение в условиях, как минимум, триязычия, а не двуязычия, как большинство российских студентов. Имеет место, следовательно,

и взаимопроникновение нескольких культур. В таких условиях возникает необходимость формирования у студентов ряда значимых компетенций (лингвистической, социокультурной, коммуникативной) и разработка эффективных для формирования вышеуказанных компетенций педагогических технологий [2].

Целью статьи является анализ особенностей организации обучения английскому языку в смешанных одноуровневых (в ЮУрГУ применяется технология разноуровнего обучения английскому языку) группах бакалавриата, состоящих из российских и иностранных студентов неязыковых специальностей, на примере ЮУрГУ для разработки педагогических технологии, которые могут способствовать усовершенствованию данного вида деятельности.

В рамках этой цели можно выделить следующие задачи: 1) проанализировать факторы, влияющие на эффективность процесса обучения английскому языку в смешанных одноуровневых группах; 2) рассмотреть особенности организации в них процесса обучения; 3) разработать эффективные педагогические технологии для усовершенствования процесса обучения.

На сегодняшний день наиболее распространенными методами обучения иностранному языку являются прямой метод обучения и обучение с опорой на родной язык учащихся или на уже знакомый им иностранный язык. В группах, где присутствуют и российские, и иностранные студенты, изучавшие в школе английский язык, обучение английскому языку ведется прямым методом. Для этого английскими авторами создано множество учебно-методических комплексов, где вместо общепринятой лингвистической терминологии применяются новые грамматические «термины-пояснения» понятные без перевода: «простое прошедшее», «прилагательное» (для обозначения причастия), «-ing форма» (без различия причастия и герундия) и т.п.

Но лишь малая часть таких комплексов ориентирована на овладение «академическим английским», который необходим студентам университетов для последующей научно-практической деятельности. Четырехуровневая программа Touchstone, используемая в ЮУрГУ, предназначена для того, чтобы при успешном ее окончании студенты могли свободно применять английский язык не только в личном и профессиональном общении, но и имели возможность продолжить свое обучение на международных магистерских программах как в российских, так и в зарубежных университетах. Программа представляет собой разноуровневые модули для смешанного обучения на основе коммуникативного подхода, где сочетаются мультимедийные занятия, занятия с преподавателем онлайн и имеет место постоянный мониторинг прогресса обучения. Особенностями коммуникативного подхода в обучении иностранному языку являются речевая на-

правленность, вариативность, адаптивность, гибкость, индивидуализация процесса обучения и другие [1].

Использование прямого метода, уровневого смешанного обучения с применением коммуникативного подхода на занятиях английского языка значительно снижают уровень стресса, связанного прежде всего с языковым барьером у иностранных студентов: ведь теперь они находятся в одинаковых условиях с российскими студентами. Поэтому одна из главных задач преподавателя – использовать английскую речь (устную и письменную) в процессе обучения постоянно. Со временем учащиеся привыкают воспринимать ее и говорить только на английском языке в течение занятия.

Российские студенты, которые зачастую в парной работе или работе в малых группах невольно переходят на русский язык, потому что это проще и быстрее для них, не имеют такой возможности, если в группе работает иностранец, и им приходится говорить только на английском, что существенно способствует улучшению их навыков говорения. К тому же обучение в смешанных группах с иностранными студентами позволяет осознать важность изучения иностранных языков. Стоит, однако, отметить, что монолингвальный метод обучения довольно плохо работает в группах с низким уровнем знания английского языка или в группах начинающих, так как разъяснение элементарных грамматических конструкций или правил занимает много времени и соответственно замедляет процесс обучения.

Использование коммуникативного метода в обучении на аудиторных занятиях усиливает взаимодействие между учащимися в группе, и они прогрессируют быстрее за счет регулярного осуществления взаимоконтроля и взаимообучения. Однако могут встречаться учащиеся из стран, где традиционным на занятиях является информационно - рецептивный метод, при котором знания предлагаются в «готовом» виде, и роль учащихся сводится к пассивному восприятию. Для них коммуникативный метод является абсолютно новым и кажется не работающим: они привыкли много трудиться над заучиванием материала, невзирая на то, что эффективность этого метода не высока. Здесь преподавателю следует проявить терпение и постараться осуществить постепенный переход к коммуникативному методу, вовлекая таких студентов в групповую, а затем и в парную работу.

В смешанных группах следует брать во внимание еще на одну очень важную особенность, а именно культурные различия между учащимися из разных стран. Сюда включаем традиции и обычаи, религиозные воззрения и даже язык жестов [3]. Поэтому преподавателю следует особенно тщательно подходить к подбору тем для обсуждений и брать во внимание тот факт, что иногда даже его жесты могут быть неверно восприняты иностранными студентами. Таким образом, преподавателю следует учитывать культурные различия при разработке плана урока и организации процесса обучения.

В то же время эту особенность можно очень эффективно использовать при обучении групп с достаточно высоким уровнем языковой подготовки: люди из других стран по-другому смотрят на те или иные события и явления, а это бескрайнее пространство для активных дискуссий и совместных проектов.

Итак, в случае со смешанными группами, т.е. когда преподаватель и учащиеся не имеют одного общего рабочего языка, единственным возможным и наиболее эффективным методом является прямой коммуникативный метод обучения. Проанализировав факторы, влияющие на процесс обучения в таких группах, были определены особенности организации обучения английскому языку для разработки педагогических технологии, которые могут способствовать усовершенствованию данного вида деятельности.

Наблюдения показали, что общение и обучение совместно с зарубежными сверстниками служит лучшей мотивацией для изучения английского языка, формирует у учащихся лингвистическую, социокультурную и коммуникативную компетенции. Совместное обучение русских и иностранных студентов мотивирует их на качественное изучение английского языка, погружая всех в настоящую академическую среду. В свою очередь регулярная реальная языковая практика в университете открывает новые возможности для успешного академического и карьерного роста студентов. Иностранные студенты при этом имеют прекрасную возможность для практики русского языка.

Библиографический список

1. Белкина, О.В. Особенности применения коммуникативного подхода при обучении иностранному языку взрослых слушателей / О.В. Белкина, И.Н. Дмитрусенко, Е.В. Кравцова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2014. – № 4. – Т. 6. – С. 79–83.

2. Воевода, Е.В. О роли и месте русского языка в преподавании иностранных языков в МГИМО / Е.В. Воевода // I Международная научно-методическая конференция «Русский язык – посредник в диалоге культур»: Сб. статей. 19–20 февраля 2009 г. – М.: МГИМО-Университет, 2009. – С. 349–359.

3. PANAJOTU, Kosztasz: Teaching English in multinational classes. In AARMS 2007, Vol., Iss. 1. – URL: http://www.susu.ru/ru/university/project-5-100/about.

К содержанию

УДК 378.016:81’271 + 316.77 + 81’271

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ДЕЛОВОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ У СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «ГОСТИНИЧНОЕ ДЕЛО»

О.И. Ковалёва, Н.У. Кондакова

В данной статье описываются основные компоненты межкультурной коммуникации, структура и цели курса «Деловой иностранный язык», особенности моделей мировых культур, также приводятся способы формирования навыков межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, деловой иностранный язык, вербальное общение, невербальное общение, навыки коммуникации.

В соответствии с государственным образовательным стандартом студенты направления подготовки 43.03.03 «Гостиничное дело» изучают предмет «Деловой иностранный язык». Помимо первого иностранного языка, у студентов данного направления подготовки программой предусмотрено изучение второго иностранного языка. Содержание этого курса также предусматривает изучение некоторых аспектов межкультурного общения. Согласно стандарту, по окончании освоения данной дисциплины учащиеся должны овладеть общей компетенцией ОК-5 «способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия».

При этом учащиеся должны знать: лексический минимум для осуществления профессиональной деятельности с использованием первого и второго иностранного языка, грамматические навыки, обеспечивающие коммуникацию общего характера, основные грамматические явления, характерные для профессиональной речи; правила речевого этикета; уметь: использовать знание первого и второго иностранного языка в профессиональной деятельности; использовать знания культуры и обычаев других стран и народов, конфессий при решении задач речевой коммуникации разной сложности; владеть: способностью к деловым коммуникациям в профессиональной деятельности на первом и втором иностранном языке [1].

В соответствии с этим, мы видим, что помимо владения языком, наши выпускники должны обучаться межкультурной коммуникации.

Под межкультурной коммуникацией мы будем понимать адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам [2].

«Анализируя современные тенденции в обучении иностранному языку как иностранному, необходимо отметить, что профессиональное владение языком невозможно без кросс-культурного аспекта, так как любой язык изучается в контексте определенных культур, национального менталитета, специфически национальной картины мира, что и обеспечивает эффективность межкультурного общения» [5].

Явлению межкультурной коммуникации посвящено достаточное количество трудов российских и зарубежных лингвистов, таких как Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, С.Г. Тер-Минасова, Lauring, Jakob и других.

По нашему мнению, основными компонентами межкультурной коммуникации являются: 1) языковая компетенция; 2) коммуникативная компетенция; 3) культурная компетенция.

Языковая компетенция – это выбор языковых средств, соответствующих коммуникативной ситуации, умение применять предыдущий опыт в новых ситуациях общения.

Коммуникативная компетенция – приёмы и стратегии, необходимые для эффективного общения. Составными элементами являются следующие умения: интерпретировать специфические для данной культуры сигналы готовности собеседника начать коммуникацию или нежелание общаться; определить долю говорения и слушания в зависимости от ситуации и культурных норм среды общения; направить беседу в нужном направлении; сохранять принятую для данной культуры коммуникативную дистанцию. Большое внимание должно также уделяться невербальным формам общения, главными из которых являются жесты, мимика и позы. Знание и правильное использование этой формы общения очень важно для многих культур.

Культурная компетенция – восприятие ценностных установок, психологической и социальной идентичности, характерных для культурной среды общения. Этот компонент межкультурной коммуникации предполагает умение извлечь нужную информацию из различных источников (фильмы, политические события, книги) и распределить их с точки зрения коммуникативной ситуации [4].

Хотелось бы сказать о существующей модели мировых культур, предложенной Ричардом Д. Льюисом. Все мировые культуры он разделил на три группы (моноактивные, полиактивные, реактивные) на основе определенных факторов (географическое положение, история, язык, религия), выделил в них общие черты и предложил коммуникантам на основе этих общих черт построить алгоритм достижения взаимопонимания.

Моноактивные (linear-active) культуры – это культуры, в которых принято планировать свою жизнь, составлять расписание, организовывать деятельность в определенной последовательности, заниматься только одним делом в данный момент. К этой группе Р. Льюис относит немцев, датчан, шведов, швейцарцев.

Полиактивные (multi-active) культуры – это культуры, в которых принято много дел делать сразу, планировать очередность дел по степени привлекательности, значимости на конкретный момент. К этой группе относятся общительные, подвижные народы, такие как итальянцы, латиноамериканцы и др.

Реактивные (reactive-active) культуры (Р. Льюис называет их слушающими) – это культуры, придающие наибольшее значение вежливости и уважению. Представители этой культуры – китайцы, японцы, финны [6].

Мы считаем, что необходимо учитывать эту классификацию при подготовке наших студентов к общению с иностранными собеседниками.

Одним из предметов, формирующих навыки межкультурной коммуникации, является курс делового иностранного языка.

Курс делового иностранного языка ставит перед собой следующие задачи:

1. Развитие профессионально-коммуникативных навыков в иностранном языке, совершенствование умений монологического высказывания и диалогической речи (обмен информацией, участие в переговорах, ведение презентаций и т.д.) в рамках делового общения; курс охватывает основные деловые и коммерческие термины, которые большинство профессионалов используют в своей работе.

2. Развитие умений устанавливать и поддерживать контакт в устной форме с деловыми партнерами и собеседниками, сообщать, запрашивать, информацию в зависимости от задач общения.

3. Развитие умений устанавливать и поддерживать контакт в письменной форме – написание резюме, аннотации, ведение деловой переписки и документации и т.д.

4. Развитие и совершенствование всех видов чтения оригинальной профессиональной литературы разных жанров, развитие аналитических умений отбирать публикации для изучения и обзора информации по теме.

5. Развитие и совершенствование умения понимать информацию аудио текста по профессиональной тематике, осуществлять смысловую обработку поступающей информации в зависимости от целевой установки.

6. Формирование умений самостоятельной работы по овладению деловым иностранным языком.

Для студентов направления подготовки 43.03.03 «Гостиничное дело» формирование навыков межкультурной коммуникации актуально ещё и с точки зрения их профессиональной деятельности. Данные навыки формируются и на основе междисциплинарного общения. География, экономика, русский язык и культура речи, этикет – предметы-партнеры, которые по-

могают формировать навыки межкультурной коммуникации. Говоря о деловом иностранном языке, важно отметить, что кроме традиционных форм работы по лингвострановедческому и социокультурному аспектам – работа с текстом, эссе, рефераты, праздники и вечера, – студенты вовлечены в инновационные формы работы – интерактивные занятия, видеоконференции, проектные задания.

Студенты принимают участие в таких мероприятиях как «Театральный сезон», где они выступают в роли актёров и режиссёров. Большую популярность получило мероприятие «Карнавалы Мира». Студенты из разных регионов России и других стран готовят представление о стране, её особенностях и традициях. По инициативе выпускающей кафедры были подготовлены и проведены видео лекции преподавателей из Сербии, где обсуждался ряд вопросов развития туризма и гостиничной индустрии в Европе и России [3].

В целом, специалистов гостиничного дела можно разделить на две большие категории: тех, кто работает непосредственно на первой линии, сотрудники Reception и другие, а также служащих, которые обслуживают административно-хозяйственные службы. Отсюда и вытекает необходимость уровня владения языком. Если для сотрудника административно-хозяйственной службы будет достаточно уметь поприветствовать гостя или извиниться за беспокойство, то для сотрудников «первой линии» нужно знать ряд терминов и уметь: обратиться и проконсультировать гостя, ответить на запрос, сделать объявление, уметь разрешить спорную ситуацию, правильно обслужить клиента с жалобой. Таким образом, речь идет о вербальной форме общения.

Курс делового иностранного языка для студентов направления подготовки «Гостиничное дело» состоит из следующих тем:

– индустрия гостеприимства;
– виды размещений;
– сети отелей;
– структура отеля;
– обзор профессий в индустрии гостеприимства;
– реклама и продвижение в индустрии гостеприимства;
– деловая корреспонденция и телефонные переговоры.

Студенты погружаются в широкий поток терминов по своей профессиональной направленности. Так, при изучении одного из блоков темы «Виды размещений», обучающиеся знакомятся с терминологией по приветствию гостя, его регистрации, ознакомления гостя с отелем, заселением, отъездом гостя.

При изучении темы «Обзор профессий в индустрии гостеприимства» студентам предлагается составить пакет необходимой документации для устройства на работу, составить и разыграть процесс собеседования, изучить должностные обязанности для разных профессий.

Изучая тему «Структура отеля» студенты должны рассмотреть структуру и функциональное назначение предприятий, работающих в сфере размещения туристов: сети гостиниц, работающих под единым брендом, индивидуальные предприятия – небольшие семейные отели. Итогом изучения данной темы могут быть разного рода презентации бизнес-плана собственных предприятий, с чётким указанием формы собственности, оборотом средств, количеством работающих сотрудников и лучшим управленческим решением.

Работа по теме «Деловая корреспонденция» даёт возможность научиться ведению деловой переписки, а также изучить виды писем, такие как: письмо-запрос, письмо-требование, письмо-заказ, письмо-отчёт и т.д., что в свою очередь тоже является формой работы, которая формирует межкультурную компетенции [4].

Большую роль в формировании межкультурной компетенции на уроках делового иностранного языка играют ролевые игры. Как правило, студенты второго курса заинтересованы в практической деятельности по своей специальности и с воодушевлением выполняют все профессионально-ориентированные задания, поставленные перед ними на уроке иностранного языка. Они являются представителями предприятий, объединены общим делом и каждый выполняет свои функции. Например, игра «Selection of a qualified hotel manager»: студентам рекомендуется обсудить требования к специалистам в этой области, наладить деловые контакты, заинтересовать людей для работы в индустрии гостеприимства.

Необходимо отметить, что количества часов, выделенных на аудиторную работу, недостаточно, поэтому изучение страноведческого материала целесообразно выносить на самостоятельную работу. «Грамотная организация и контроль данного вида деятельности позволяет лучше понять культуру страны изучаемого языка и повышает мотивацию» [3].

Говоря о методике преподавания делового иностранного языка, важное место занимают интерактивные формы обучения. На практических занятиях это – компьютерная симуляция, разбор конкретных ситуаций, тренинг навыков владения терминологией, online тестирование лексико-грамматических навыков. Но самое главное при обучении деловому иностранному языку это тренинг социального взаимодействия как в своей, так и в другой культуре.

Таким образом, иностранный язык является одним из основных предметов, формирующих навыки межкультурной и профессионально-деловой компетенции, обладает многочисленными ресурсами по формированию навыков делового общения.

Библиографический список

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 43.03.03 Гостиничное дело от 12.01.2016.

2. Верещагин, Е.М. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М., 1990. – С. 26.

3. Долгополова, Е.Г. Самостоятельная работа студентов как средство повышения эффективности обучения иностранным языкам на туристских специальностях / Е.Г. Долгополова, Н.У. Кондакова // Язык и культура: сб. статей. – Челябинск, 2015. – С. 156–160.

4. Ковалёва, О.И. Ресурсы иностранного языка в формировании навыков делового общения у студентов неязыковых вузов // О.И. Ковалёва // Наука ЮУрГУ. Материалы 68-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2016. – С. 340–344.

5. Колова, С.М. К вопросу введения кросс-культурного компонента при обучении иностранным языкам в вузе как способа трансляции менталитета и культуры стран изучаемого языка / С.М. Колова // Язык и культура: сб. статей. – Челябинск, 2015. – С. 193–196.

6. Сахарчук, Е.С. Психология делового общения в туризме и гостеприимстве: учебное пособие / Е.С. Сахарчук. – М.: Федеральное агентство по туризму, 2014. – С. 93–99.

К содержанию

УДК 81'271.2 + 378.016:81

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ПРЕПОДАВАНИИ КУРСА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ИНОСТРАННЫМ СТУДЕНТАМ (НА ОПЫТЕ РАБОТЫ СО СТУДЕНТАМИ ИЗ ИРАКА)

С.М. Колова, О.В. Белкина

В статье рассматриваются страноведческая компетенция и понятие мультикультурной среды, рассматривается социокультурное образование, а также обосновывается необходимость их формирования в процессе преподавания иностранных языков в неязыковом вузе.

Ключевые слова: страноведческая компетентность, социокультурное образование, культурно-языковая личность, мультикультурное образование, социокультурная адаптации, культура педагогического общения.

Интернационализация современного высшего образования актуализирует проблему адаптации иностранных студентов к действительности, к самому высшему учебному заведению и тесно связана с формированием социокультурной компетенции в процессе обучения иностранным языкам.

В настоящее время тезис о неотделимости изучения иностранного языка от ознакомления с культурой страны изучаемого языка, ее историей, социокультурными традициями, особенностями национального видения мира народом-носителем является общепризнанным в методике преподавания при подготовке будущих специалистов. Задачи, стоящие перед современным обществом, вызвали к жизни новый социальный заказ нашей страны: готовить в стенах высшей школы специалистов, студентов из других стран, способных успешно решать сложные проблемы современности.

В условиях нарастания процессов мировой интеграции и взаимовлияния культур перед высшей школой стоит задача повышения духовного потенциала будущих специалистов различных областей, которые должны быть не только специалистами в выбранной области, но и владеть знаниями и умениями, необходимыми для участия в процессе коммуникации с носителями других культур, как в современной отечественных, так и зарубежных исследованиях развернута дискуссия о специфике культурологического подхода к образованию, взаимодействия культуры и образования на современном этапе, вводится понятие **мультикультурного** образования социокультурной среды. Ни один из элементов образовательного процесса, ни его содержание, ни результаты не свободны от культурного влияния. Сегодня нужно осознать, что на процессы преподавания и учения влияют наиболее существенные ценности, убеждения и установки, а также доминирующие коммуникативные типы и лингвистические образцы культуры. [2] В современной методике **социокультурное образование** *рассматривается как процесс, благодаря которому каждый индивидуум может научиться жить более обеспеченно и действовать более эффективно, увеличивая свой личностный кругозор и воспитывая в себе толерантность к разноречивым культурным образцам, тем самым, формируя новое и уникальное отношение к жизни.* Первостепенная потребность дать будущим специалистам такое образование, чтобы они смогли, осознано действовать в более чем одной культурной среде. Здесь одинаково важна ориентация на уважение и толерантность к другим, открытости к различию в людях [1].

Одна из самых простых и удобных моделей, предназначенных для анализа специфики иноязычной культуры, была предложена Х. Хамерли. В своем исследовании мы ориентируемся на элементы, которые выделяются в данной модели. Исследователь выделяет:

– информационную (или фактическую) культуру (знания по истории, географии, общие сведения, которыми обладает типичный представитель общества);

– поведенческую культуру (особенности взаимоотношений в обществе, нормы, ценности, разговорные формулы, язык телодвижений);

– традиционную культуру с «большой буквы» (художественные ценности) [3].

Введение социокультурных компонентов в содержание учебного материала обеспечивает целенаправленное поэтапное построение системы формирования вторичной культурно-языковой личности, максимально открытой к межкультурному взаимодействию [4].

Описанные выше и подобные им модели могут служить хорошей основой для приобщения будущих специалистов к иной картине мира. Разрабатывая социокультурологический курс для студентов различных специальностей Южно-Уральского Государственного факультета, мы старались выбрать самые необходимые, так называемые функциональные фоновые знания, учитывая все вышеперечисленные критерии, с целью формирования страноведческой компетенции в рамках социокультурной компетентности. В настоящее время в Южно-Уральском Государственном университете обучается огромное количество иностранных студентов. Нам представилась возможность работать со студентами-лингвистами из Ирака. Поскольку у нас есть многолетний опыт работы с российскими студентам, то мы попытались сравнить и понять, с какими трудностями и особенностями сталкиваются студенты из восточных стран в процессе преподавания курса межкультурной коммуникации, в чем особенности работы в подобных группах, и найти возможные пути решения целью прохождения курса и с последующей возможной адаптацией к абсолютно другой, не имеющей ничего похожего на их родную действительность. Занятия (особенно первые) проходили в форме беседы, после чего выяснилось, что студенты с востока труднее всего привыкают к следующему:

– чужой социальной и социокультурной среде;
– отсутствию родных, близких, друзей;
– другому климату;
– новому питанию, воде;
– особому (на их взгляд) отношению окружающих.

Несмотря на все усилия в изучении русского языка (они все проходят обязательные курсы), попытки постижения русской культуры, очевидным является тот факт, что им крайне сложно интегрироваться в русскую действительность.

Во время занятий по межкультурной коммуникации, нам удалось выяснить, что практически все студенты достаточно долго приспосабливались к социокультурной и учебной среде, для студентов с восточным менталитетом оказалось самым непреодолимым барьером усвоение основных норм интернационального коллектива.

Самый главный вывод, который мы сделали в процессе преподавания межкультурной коммуникации, это необходимость поддержания высокой культуры общения преподавателя, являющаяся многокомпонентным образованием. Преподаватель сам должен сам обладать высокой культурой речи, культурой мышления, культурой восприятия студентов как партнеров

по общению, визуальной культурой, эмоциональной культурой, культурой взаимодействия и нравственной культурой общения. Каждая подструктура общения преподавателя со студентами как российскими, так и иностранными, включает в себя особые знания, умения, навыки, отношение к ним, проявляющееся в интересе к каждой подструктуре общения.

Чтобы повысить культуру общения с иностранными студентами, необходимо овладеть техникой педагогического общения, которая включает в себя: стиль поведения преподавателя. Наиболее предпочтительным является «интегративный» стиль (учет интересов студентов, помощь в решении проблем, поддержка инициативы, отсутствие боязни признать свою некомпетентность в чем-то и т.д.), для которого характерно:

– поведение студентов становится более активным, социальным, саморегулируемым;

– обучение коммуникативным умениям, которые включают приемы установления и поддержания контакта с аудиторией или отдельными студентами;

– умение оценить собственное эмоциональное состояние и состояние студентов; преодоление стрессовых состояний;

– установление положительных, благоприятных отношений со студентами; умение сдерживать собственные чувства и понимать такие чувства студентов в период адаптации, как страх, неуверенность;

– постановка голоса преподавателя и управление мимикой и жестами;

– выбор оптимального стиля педагогического общения в соответствии с вашим типом коммуникативности.

При этом важно знать, к какому типу людей вы относите себя (вы замкнуты, некоммуникабельны, неразговорчивы, общительны, коммуникабельны, любознательны, весьма общительны, говорливы, многословны).

Таким образом, по результатам нашего исследования, при работе со студентами из Ирака, при формировании у них навыков социокультурной компетенции, мы считаем необходимым учитывать национальные и психологические особенности студентов, их менталитет. Преподаватель, являясь носителем и представителем культуры как своей, так и иностранной, должен стараться вырабатывать свой индивидуальный стиль поведения, который бы мотивировал студентов к творческой, постоянной и, по возможности, креативной учебной деятельности.

Библиографический список

1. Астафурова, Т.Н. Стратегии коммуникативного поведения в профессионально-значимых ситуациях межкультурного общения (лингвистический и дидактический аспекты): автореф. дис. … д-ра пед. наук / Т.Н. Астафурова. – М., 1997. – 217 с.

2. Верещагин, Е.М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Индрик, 2005. – 1038 с.

3. Колова, С.М. Реализация социокультурного компонента содержания иноязычного образования будущего профессионала средствами информационно-коммуникационных технологий / С.М. Колова, Е.Н. Ярославова // Вопросы прикладной лингвистики. – 2014. – Вып. 2 (14). – С. 32–41.

4. Халеева, И.И. Некоторые проблемы обучения межкультурной коммуникации на основе когнитивного подхода / И.И. Халеева // Психолингвистика и межкультурные взаимоотношения: Тезисы докладов 10 Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – Москва: 3–6 июня, 2001. – М., 2001. – С. 310–312.

К содержанию

УДК 81'367.7

INFLECTIONAL MORPHEMES IN STANDARD ENGLISH AND KURDISH: A CONTRASTIVE STUDY

S.M. Kolova, R.M. Hameed

The present article is an attempt to deal with inflectional morphemes. The research is about the contrastive study between Kurdish and English morphemes. This article is largely a theoretical study between English and Kurdish languages in inflectional morphemes. Then the method used here is analytical and descriptive approach describing the data using the principles of contrastive linguistics to show the similarity and dissimilarity between them in morphology, in particular in inflectional morphemes.

Keywords: morpheme, inflection, morphology, prefix, suffix.

This article presents the approaches of inflectional morphology. It sheds some light on some definitions of morphology, morpheme, inflectional and the differences and similarities between inflectional morphemes. Morphology can be defined as a major of linguistics which deals with the internal structure of words. Morphology is one of the most attracting and interesting parts for linguists and morphologists as well and tempts and encourages them to study and investigate morphology and also there is no language in the world that can develop without knowing very well established word formation values. Not only linguistics, but also teachers and psychologists are interested in morphology and they are eager the ways how the speakers use it so as to increase their lexical capacity. Inflectional Morphemes having bound grammatical morphemes are

called inflectional morphemes, and also its types and categories are explained. They never change the syntactic category of the words or morphemes to which they are connected. They are always connecting to complete words. The major syntactic categories that are marked by inflections are nouns, verbs, adjectives and adverbs.

Most second language learners encounter various problems trying to acquire the second or target language, particularly, in non-native environment. The major influence is usually that of the mother-tongue interference and the sociolinguistic / sociocultural environment where the speaker/learner lives.

Another problem arises in Kurdish is that some morphological affixes can change the whole meaning added to the lexeme, such as the prefix “ba”, which means “in” in Kurdish, can change the meaning when added to the word “roz” day becoming “baroz” everyday.

As far as inflections are concerned, Kurdish language is not an easy system in case of inflections. Thus, it could be difficult to use the inflections compared with English. In Kurdish, the verb is suffixed to the suffix “krt” referring to the past tense inflection, without changing the verb form, such as:

Mn eshaka tawawa akam. – I will finish my work.

English morphology format presupposes due to Aronoff and Fudeman [1]: that the term morphology was generally recognized by German poet, novelist, writer and philosopher Johann Wolfgang Von Goethe, in the nineteenth century which was used normally in biology. It was derived from Greek, morph' means 'shape' form. This term in biology is used to denote the study of formula and construction of organisms and through geology is known as the study of the pattern and making progress and advancing of land forms. Regarding to linguistics, morphology is a branch of linguistic, that contracts with words, their structure and the way of words are made.

Within the framework of Kurdish morphology the term morphology in Kurdish language comes from the Greek language and consists of morph which means shape, and logos which means science. The term of morphology has defined by different linguists many times, but the accepted definition is made by Kareem: morphology is an investigation which is dealing with word in the state of forming and shifting.

The term morphology in Kurdish language comes from the Greek language and consists of morph which means shape, and logos that denotes science. The term of morphology has defined by different linguists many times, but the accepted definition is made by Kareem "morphology is an investigation which is dealing with word in the state of forming and shifting"

As for English morpheme, Yule [3] states that “the definition of a morpheme is minimum unit of meaning or grammatical function. Units of grammatical function include forms used to indicate past tense or plural”.

Brinton [2] says that morpheme is defined as the smallest meaning unit in a language, and isn't equal to a word but can be smallest unit such as the phoneme, the morpheme indicate either a class of form or an abstract from particular shapes of language. A morpheme can be subdivided into smaller meaningful units because it isn't internally separate.

Morpheme is the smallest meaningful part in the language, it consists of phoneme or more than one which has a grammatical function in a language, excluding and changing any phoneme or dividing it, the original meaning or the rule is disturbed.

As for English inflections, Crystal [3] believes that inflection can be defined as a term used in morphology to denote one of the main processes of the word-formation which is inflectional morphology. Inflectional morphology refers to grammatical relationships, such as plural, past, and possession. A word inflects for past, plural etc. e.g., *play, plays, played* constitutes a single paradigm.

Huddleston and Pullum [4] define inflection as the difference in the forms of a lexeme. For instance *car* and *cars* are unlike inflectional shapes of the same lexeme CAR. Similarly, *big, bigger, biggest* are inflectional forms of the lexeme BIG. These differences are grammatical. They are covered under a single dictionary entry and there is no exact mentioning of the word-forms in the dictionary.

As far as inflections are concerned the inflectional morphemes in Kurdish language are limited and less than derivational ones. The researchers give a deep report about inflection in Kurdish and the function of them as well. The term of inflectional morpheme has been defined by linguists. Inflectional morphemes have grammatical functions aimed at organizing the relations between words.

Some grammarians believe that inflections are attached to words and base, and don't change the category of the word. For instance, when (tr and trin) which is in English (more and most) are added to adjective without changing the class word. It is till remaining as an adjective and used in the position an adjective. For example, English possesses "er" for compare two things and also "est" for more than two things. And Kurdish has "tr" for compare two things and "trin" for more than two. For example:

Old – older– oldest, pir – pirtr – pirtrin.

The dissimilarity is in Kurdish language which does not have (more and most) whereas English has them when the words are than two syllables.

Inflectional morphemes have the grammatical function such as Kur==kuran, boy==boys. But those morphemes which change include prefix and suffix that word formation change the part of speech for example: yasa==yasdanar, law==lawyer.

The two nouns morphemes in English (s) and (a) in Kurdish are used to indicate plurality and they are similar to each other. Both morphemes emerge at the end of nouns in two languages, for example, cat – cats, Kur – kuran. And also

Kurdish possesses another group to show plurality which is dissimilar to the English language and English does not have this group such as (at, hat, chat. Gal, aha) baxat – gardens, Dihat – villages.

Possessive nouns in English use two morphemes ("s and s') to show singular or plurality possessiveness which is dissimilar to the Kurdish language which only has …y…. to demonstrate possessiveness. For instance, the girl's book for singular and the girls' book for plural and in Kurdish only uses …y….for example, (kiliely dargaka) which mean in English (door key) to possessive for both singular and plural.

There is another dissimilarity between the two languages regarding the past simple, Kurdish has the morpheme (s, h, I, t) to show the past simple when the verb is active and pronounced are added to the last of the verb, but when it is passive, the morphemes (I) is appears following (r) ed and which is different from English because English has (ed) and some exceptions to illustrate:

Active: xwardn=xward, froshtn=frosht, shkan=shka.

Passive: Froshtn=froshra, xwardn=xwra, kre=kra.

For English: play= played, go=went.

Another difference between two languages are two morphemes (da) which is used with past continuous and comes before the verb and in English (ing) is added to the verb and comes at the end. Where as:

Kurdish: chw – dachw, went – was going.

English: eat – eating.

In fact, the rational purpose behind this article is to identify the similarity and dissimilarity in the two languages (inflectional morphemes). Thus, each language has its own principles to demonstrate grammatical functions which are sometimes, in some cases, similar or dissimilar to each other. In this article, the researchers studied morpheme and inflectional morpheme in Kurdish and English language proven with examples in distinguishing in both languages.

References

1. Aronoff, M. What is Morphology. Second edition / M. Aronoff, K. Fudeman. – United Kingdom: Blackwell Publishing, LTD, 2011. – 280 p.

2. Brinton, L.J. The Structure of Modern English / L.J. Brinton. – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2000. – 426 p.

3. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language, 2nd ed. / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 496 p.

4. Huddleston, R. A Student's Introduction to English Grammar / R. Huddleston, G.K. Pullum. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 309 p.

К содержанию

УДК 378.014.242+174-057.87

ЭТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ ПЕДАГОГА С ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ-АСПИРАНТАМИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА

Е.Г. Короткова

Обозначены некоторые проблемы иностранных студентов-аспирантов при их социальной и культурной интеграции в образовательном пространстве Российской Федерации. Сформулировано определение этики профессионального общения педагога с иностранными студентами-аспирантами. Представлен ряд документов, разработанных на федеральном уровне, содержащих нормы общения педагога с обучаемыми в вузе.

Ключевые слова: этика профессионального общения педагога, образовательный процесс вуза, иностранные студенты-аспиранты.

Проблема межкультурного общения обсуждается учеными на протяжении последних десятилетий в различных сферах общественной жизни: политической, культурной, образовательной и других. Причиной этому стали процессы глобализации, миграции, международной интеграции. В сфере российского высшего образования данная проблема приобрела особую актуальность еще в 2003 году, когда Россия подписала Болонский договор и вступила в единое пространство высшего образования Европы. С тех пор обострилось решение вопроса этики профессионального общения педагога с иностранными коллегами и обучаемыми.

На сегодняшний день обсуждение вопросов компетенции педагога в области этики профессионального общения, рассматриваемой нами как элемент более общего понятия «компетенция профессионального общения педагога», приобрело новое звучание.

С каждым годом возрастает процент иностранных студентов-аспирантов из Китая, Таджикистана, Ирака и из других стран в крупных вузах нашей страны. Вместе с тем, выявляются и некоторые проблемы при их социальной и культурной интеграции в образовательном пространстве Российской Федерации: в области русского языка, истории и культуры России, основ законодательства Российской Федерации. Некоторые из этих проблем решаются благодаря тому, что в вузах функционируют кафедры «Русский язык как иностранный», которые помогают студентам-аспирантам овладеть русским языком для успешного проведения ими научных исследований и защиты кандидатских диссертаций. Несмотря на это и в связи с тем, что по прибытии в Россию иностранные студенты-аспиранты первого года обучения имеют разный уровень владения рус-

ским языком, они испытывают трудности в общении с преподавателями вуза. Педагоги же в свою очередь сталкиваются с проблемой эффективной организации образовательного процесса [10]. Проведенный опрос среди студентов-аспирантов Южно-Уральского государственного университета первого года обучения (Таджикистан, Ирак) показал, что языковой барьер препятствует пониманию иностранными студентами-аспирантами педагогов (перцептивный компонент общения), передачи своих мыслей (коммуникативный компонент общения), получению ожидаемой реакции от педагога (интерактивный компонент общения). Также они отметили, что, к сожалению, в университете есть такие педагоги, которые их оскорбляют за «незнание» русского языка и открыто проявляют ксенофобию.

Опрос иностранных студентов-аспирантов показал, что в наше время все же отсутствует толерантность у некоторых педагогов в общении с иностранными студентами-аспирантами и понимание того, что этим они отталкивают иностранных обучаемых, которые, на самом деле, влияют на международный рейтинг вуза и привлекательность вуза для иностранных студентов. Таким образом, необходимо решать проблемы, связанные с этикой профессионального общения педагога с иностранными студентами-аспирантами, опираясь на:

- Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [9];
- государственную подпрограмму Российской Федерации «Социально-культурная адаптация и интеграция мигрантов в Российской Федерации»", реализуемую с января 2017 года в рамках программы «Реализация государственной национальной политики», необходимо создание условий для успешной социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в российское общество [7];
- рекомендации Министерства образования и науки РФ органам государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере образования по организации мероприятий, направленных на разработку, принятие и применение Кодекса профессиональной этики педагогическим сообществом [4].

В основу нашего понимания этики профессионального общения педагога мы кладем определение этики С.И. Ожегова (философское учение о морали, её развитии, принципах, нормах и роли в обществе; совокупность норм поведения), предпосылки и принципы гуманно ориентированного образования Г.Н. Серикова (учет природосообразности участников образования, ориентация на их самореализацию своих сущностных свойств, сохранение социально и лично ценной уникальности развивающегося личного, специальное педагогическое содействие, субъектная компетенция, учет естественных возможностей каждого участника образования), а также понятие профессионального общения [5, 8].

Итак, этика профессионального общения педагога – это совокупность норм поведения педагога при исполнении им трудовых функций, следование которым направлено на организацию и оптимизацию сотрудничества с обучаемыми, и связанно с исполнением соответствующих профессиональных компетенций в рамках профессионального стандарта педагога и компетенции профессионального общения (интерактивный, перцептивный, коммуникативный компонент) [1].

Одним из важных компонентов этики профессионального общения педагога с иностранными студентами-аспирантами является перцептивный, который отражает нормы восприятия иностранного студента-аспиранта педагогом. В данном аспекте важен учет природосообразности данной категории обучаемых: геополитические и культурные особенности их страны, национального менталитета [4]. Причем, исходя из этических правил поведения педагогических работников при выполнении ими трудовых обязанностей, педагог призван проявлять терпимость и уважение к обычаям и традициям народов России и других государств, учитывать культурные и иные особенности различных этнических, социальных групп и конфессий. В случае намеренного или ненамеренного проявления неуважения иностранного студента-аспиранта к российской культуре, задача педагога состоит в том, чтобы спокойным и выдержанным тоном разъяснить особенности поведения принятые в российской культуре в конкретной ситуации, проявить интерес к традициям страны иностранного студента-аспиранта, позволить обучаемому самому сделать соответствующие выводы.

В коммуникативном аспекте, согласно модельному кодексу этики, педагог не допускает угроз, оскорбительных выражений или реплик, любого вида высказываний и действий дискриминационного характера по признакам расы, национальности, языка, гражданства, религиозных предпочтений [4]. Отсюда следует, что для исполнения педагогом своих трудовых функций при общении с иностранными студентами-аспирантами, педагогу необходимо быть осведомленным о строгих табу на конкретные вербальные и невербальные средства общения в иноязычной культуре [2].

Интерактивная составляющая этики профессионального общения педагога также связана со знанием национальных особенностей той или иной культуры педагогом и предполагает получения педагогом ожидаемой от иностранного студента-аспиранта реакции.

Очевидно, что на данный момент проблема этики профессионального общения педагога с иностранными студентами-аспирантами требует особого внимания и является одним из актуальных направлений внутреннего повышения квалификации [3] и переподготовки кадров в современном университете.

Библиографический список

1. Короткова, Е.Г. Профессиональное общение выпускников вузов как педагогическое понятие / Е.Г. Короткова // Иностранные языки в профессиональной подготовке и самореализации специалистов высшей квалификации: монография / под ред. Е.Н. Ярославовой. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2012. – С. 90–131.

2. Короткова, Е.Г. Сопровождение речи невербальными средствами общения при взаимодействии с иноязычным партнером в ситуации знакомства с ним / Е.Г. Короткова // Традиции и инновации в преподавании иностранного языка: материалы международной научно-практической конференции / науч. ред. О.Ю. Макарова; сост.: З.И. Павицкая. – Казань: КГМУ, 2010. – С. 187–192.

3. Котлярова, И.О. Актуальные направления повышения квалификации и переподготовки профессорско-преподавательского состава университета / И.О. Котлярова // Университет XXI века в системе непрерывного образования: материалы Международной научно-практической конференции 1–2 октября 2015 г. / под ред. И.О. Котляровой, К.С. Бурова. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. – С. 35–38.

4. Модельный кодекс профессиональной этики педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность. – URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70490592/#ixzz4e8BAvVQL.

5. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 53 000 слов / С.И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство «Мир и образование», 2008. – 1200 с.

6. Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. N 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Реализация государственной национальной политики”». – URL: http://ivo.garant.ru/#/document/71580894/paragraph/1:0.

7. Постановление Правительства РФ от 29.12.2016 N 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Реализация государственной национальной политики”». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753/a9ff9ebad7bc7917eb64ab872967ff1561faef39/.

8. Сериков, Г.Н. Образование и развитие человека / Г.Н. Сериков. – М.: Мнемозина, 2002. – 416 с.

9. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273 – ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». – URL: http://base.garant.ru/70291362/.

10. Шапкина, Е.В. К вопросу о путях повышения эффективности обучения английскому языку студентов как основе развития международного сотрудничества вуза / Е.В. Шапкина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2016. – Т. 8, № 2. – С. 48–55.

К содержанию

УДК 378.147 + 378.02:004

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Д.В. Кочкина

Изменения, произошедшие в современном мире, диктуют настоятельную необходимость в пересмотре традиционного подхода к образованию и воспитанию. Социальные и экономические условия требуют достаточно высокого уровня владения иностранными языками. Внедрение разного рода инновационных компьютерных технологий в образовательный процесс может помочь мотивировать учащихся и повысить качество знаний.

Ключевые слова: инновации, компьютерные технологии, иностранные языки, методы обучения, коммуникация.

Мои ученики будут узнавать новое не от меня;
они будут открывать это новое сами.
Моя главная задача помочь им раскрыться,
развить собственные идеи.

И.Г. Песталоцци

В современных реалиях, когда широкое распространение получили высокие информационные технологии и произошли изменения в отношении к воспитанию, развитию и обучению требуется пересмотр основных направлений образовательной политики, реформирование и модернизация образовательных систем. Образовательные институты должны помочь молодежи максимально быстро и безболезненно влиться в условия жизни современного общества. На сегодняшний день в профессиональную деятельность учебных заведений должно быть заложено широкий круг инноваций, включающих в себя смену образовательных траекторий и парадигм, модернизацию содержания образования, оптимизацию образовательного процесса.

Педагогические инновации способствуют внедрять в образовательный процесс положительные изменения, качественно улучшающие не только составляющие компоненты, но и образовательную систему в целом. Современный динамично развивающийся мир выдвигает ряд соответствующих требований к выпускникам учебных заведений. Традиционные педагогические подходы не позволили бы им быть в полной мере проявить себя активными членами общества и реализовать себя в нем [1]. Педагоги осознают настоятельную необходимость во внедрении передовых инновационных образовательных технологий различного характера, направленности и значимости в учебных - воспитательных процессах с целью увели-

чения результативности обучения в условиях современного мира. Идеи о необходимости внедрения подобного рода инноваций представлены в публикациях О.В. Белкиной [2], Л.Л. Жариновой [3], Н.Н. Кузьминой [4], Ю.А. Лескиной [5], Е.В. Шапкиной [6].

Современный мир высоких инноваций, в котором отчетливо наблюдается тенденция к стиранию экономических, культурных и географических границ, диктует обстоятельную необходимость в интернационализации воспитательной деятельность и образования, а как следствие также в изучении иностранных языков. Хорошие знания иностранных языков позволяет не только идти в ногу со временем, но и дает возможность интегрироваться в глобальном мире различного рода инноваций и информации. Широкое распространение сети Интернет, развитие новейших мобильных технологий привело к появлению качественно других, более совершенных систем общественных коммуникаций. Привычные и традиционные методы обучения иностранным языкам, такие как чтение, выполнение однотипных лексико-грамматических упражнений, перевод текстов, в современном мире теряют свою актуальность и не могут удовлетворять высоким требованиям и стандартам в настоящее время. Перед педагогами возникла задача разработки более новых и инновационным методам преподавания иностранных языков. Применение новых и передовых форм и методов информационных технологий способствует решению данной задачи.

Широкое применение интернет-ресурсов и различных компьютерных технологий помогает сформировать и развить необходимые навыки коммуникативной культуры, быстро, увлекательно и качественно помочь овладеть иностранным языком. В то же время информационные образовательные технологии позволяют повысить интерес студентов к изучению иностранных языков, развить творческое мышление, активизировать мыслительную и самостоятельную деятельность. Традиционная образовательная модель не предполагает активной вовлеченности студента в образовательные процессы, не дает ему полной свободы в самовыражении, зачастую перегружено избыточной информацией. При инновационном образовании преподаватель выполняет роль наставника (тьютора), что позволяет учащимся анализировать поступающую информацию, саморазвиваться и самосовершенствоваться.

Применение современных компьютерных технологий, организация онлайн семинаров, видеоконференций, вебинаров, создание мультимедийных кабинетов, использования глобальных и локальных мировых сетей можно назвать оптимальным вариантами внедрения новых инноваций в систему высшего профессионального образования и практику обучения иностранным языкам [7].

Нельзя не согласиться, что глобальная сеть Интернет является колоссальной базой данных, информационные возможности которой способны

содействовать решению большого спектра задач. Какое бы не было наше отношение к Интернету, нельзя отрицать тот факт, что всемирная сеть интегрировалась в современные реалии и стала неотъемлемой частью жизнедеятельности человека.

Теперь перейдем к такому вопросу, как использование ресурсов глобальной сети Интернет при обучении иностранным языкам. Развитие навыков коммуникативной культуры и овладение иностранным языком в современных реалиях подразумевает симуляцию реальных жизненных ситуаций, которые бы стимулировали изучение материала и вырабатывали адекватное поведение, связанное с различными речевыми ситуациями в условиях ограниченного времени. Многие преподаватели и студенты по достоинству оценили преимущества использования ресурсов сети Интернет и активно пользуются его услугами в своей образовательной деятельности.

На занятиях по изучению иностранного языка мною используются такой образовательный Интернет ресурс, как виртуальная среда для обучения Edmodo. Edmodo это социальная сеть, предназначенная именно для участников, включенных в образовательный процесс: преподавателей, студентов, их родителей. В 2013 году Edmodo был включен в список «лучших приложений для преподавателя». Эта сеть позволяет преподавателям обмениваться контентом, распределять задания между учениками, управлять общением с учащимися и их родителями. На основе данной платформы можно взаимодействовать со студентами и коллегами следующим образом:

- отправлять удаленные задания, т.е. прикреплять файлы к объявленным заданиям. У студентов есть возможность исправить свои ответы, преподаватель может дополнить или сократить объем задания в зависимости от того, какую работу выполнил тот или иной учащийся;
- создавать цифровые библиотеки с помощью гиперссылок;
- организовывать опросы (своеобразная неофициальная обратная связь с учащимися);
- создавать и проводить викторины (есть возможность прикреплять файлы и ссылки для каждого вопроса (ответа), можно разместить документ; студенты могут сразу увидеть количество набранных баллов);
- создавать учебные группы (например, временные группы учащихся, работающих над одним проектом);
- создавать календари событий и заданий (эта функция помогает четко планировать свое время);
- загружать аудио и видео файлы, что помогает разнообразить задания;
- взаимодействовать и общаться с коллегами, членами профессиональных групп для обмена информацией, опытом, идеями и стратегиями;

Интерфейс этой среды сделан на английском языке, что мотивирует учащихся к расширению своих языковых горизонтов. Выполняя задания в Edmodo, студенты пропускают через себя большие объемы информации, если необходимо прослушивают аудио-файлы, знакомятся и прорабатывают дополнительный учебный материал. Данные задания можно использовать в качестве подготовительного этапа к аудиторному занятию, что позволяет студентам на практике применять свои знания и умения, в том числе и навыки. Это одна из форм организации познавательно-исследовательской деятельности, позволяющая повысить уровень мотивации к изучению иностранных языков.

Работа в системе Edmodo дает возможность учащимся наиболее качественно проработать учебный материал. Студенты могут ознакомиться со всей необходимой информацией в любое удобное для них время, в том числе и дома. Подготовить вопросы, при желании поделиться дополнительной информацией, попросить помощи у других учащихся. Таким образом у преподавателя появляется возможность за меньшее время и более доходчиво изложить материал и высвободить больше времени для необходимой речевой практики. В значительной степени упрощается контролирование учебной деятельности, а также организация индивидуальной и групповой работы. Различные электронные устройства и Интернет являются неотъемлемой частью жизни современной молодежи, поэтому организация работы в Edmodo позволяет стимулировать заинтересовать учащихся, повысить их мотивацию к изучению иностранных языков и практическому применению и внедрению полученных знаний, научить творчески подходить к процессу обучения.

Таким образом, современные занятия по иностранному языку трудно представить без использования инновационных современных технологий. Их использование расширяет рамки учебно-образовательного процесса, повышает его практическую направленность, позволяет более полно реализовать и применить на практике целый комплекс методических, педагогических и психологических принципов. Применение компьютерных образовательных программ в процессе изучения иностранных языков повышает эффективность решения коммуникативных задач, развивает разные виды речевой деятельности учащихся, формирует устойчивую мотивацию к иноязычной деятельности учащихся во время занятия.

В XXI веке общество предъявляет все более высокие стандарты к практическому владению иностранными языками в повседневном общении и профессиональной сфере бизнеса. Объемы информации растут, и часто рутинные способы ее передачи, хранения и обработки являются мало эффективными для обучения. Использование информационных технологий раскрывает огромные возможности компьютера, как средства персонального обучения. Применение инновационных педагогических технологий в

учебно-воспитательном процессе способствует: расширению общекультурного кругозора учащихся; развитию их интеллектуальных способностей, исследовательских и организационных навыков и умений, творческих качеств, коммуникативных приемов, ораторских способностей.

Использование инновационных компьютерных технологий и Интернет-ресурсов на занятиях иностранным языком актуально на сегодняшний день в современном мире т.к. образовательный процесс должен быть увлекательным, интересным и идти в ногу со временем, непрерывно повышая качество знаний, умений и навыков при обучении.

Библиографический список

1. Панюшкина, О.А. Некоторые особенности преподавания иностранного языка с использованием информационных технологий в современных условиях / О.А. Панюшкина // Обучение и воспитание: методики и практика 2013/2014 учебного года. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции (г. Новосибирск, 2 октября 2013 г.). – Новосибирск: ЦРНС, 2013. – С. 79–85.

2. Белкина, О.В. Особенности применения коммуникативного подхода при обучении иностранному языку взрослых слушателей / О.В. Белкина, И.Н. Дмитрусенко, Е.В. Кравцова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2014. – № 4. – Т. 6. – С. 79–83.

3. Жаринова, Л.Л. Современные технологии при организации самостоятельной работы на уроках английского языка / Л.Л. Жаринова // Наука ЮУрГУ. Материалы 67-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук.– Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2015. – С. 1053–1059.

4. Кузьмина, Н.Н. Активные методы обучения в высшей школе / Н.Н. Кузьмина // Современные тенденции развития инновационной экономики: сборник статей участников Международной заочной научно-практической конференции (24–25 октября 2013 г.). – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2013. – С. 228–232.

5. Лескина, Ю.А. Тенденции развития научно-инновационного потенциала преподавателя вуза / Ю.А. Лескина // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 2 (57). – С. 217–219.

6. Шапкина, Е.В. К вопросу о путях повышения эффективности обучения английскому языку как основе развития международного сотрудничества / Е.В. Шапкина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2016. – Т. 8. – № 2. – С. 48–55.

7. Изжанов, Е.А. Инновационные технологии на уроках английского языка / Е.А. Изжанов // Инновационные технологии в науке и образовании: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 18 дек. 2015 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – № 4 (4). – С. 158–162.

К содержанию

УДК 37.014”731” + 378.046”731”

НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Н.Н. Кузьмина

В данной статье рассматриваются основные реалии, влияющие на непрерывное образование, описываются задачи, стоящие перед образованием.

Ключевые слова: непрерывное образование, формальное образование, профессиональное обучение.

Идея непрерывного образования стала центральной темой в работе ЮНЕСКО после публикации доклада «Учиться жить» (ЮНЕСКО, 1972). В докладе указывалось, что обучение на протяжении всей жизни должно быть ключевым или организующим принципом политики в области образования и что создание общества знаний должно стать основной стратегией для содействия непрерывному обучению человека и общества.

Доклад Делора «Образование: сокрытое сокровище» (ЮНЕСКО, 1996), построенный на этих двух идеях, расширяет их в свете задач, стоящих перед отдельными людьми и мировым сообществом в двадцать первом веке. Для комиссии Делора непрерывное обучение предполагает приобретение знаний, навыков и ценностей на протяжении всей жизни; непрерывный процесс, опирающийся на четыре столпа образования: учиться жить, учиться познавать, учиться делать и учиться сосуществовать. Таким образом, термин смещает акцент от формального образования в рамках школы или колледжа к обучению тому, как продолжать учиться на протяжении всей жизни.

Гамбургская декларация (ЮНЕСКО, 1997) обосновывает свою позицию на новое виденье образования, в котором обучение становится действительно непрерывным на том основании, что оно приносит пользу, как отдельным лицам, так и всему обществу. Непрерывное обучение является важным, поскольку оно помогает развивать самостоятельность и чувство ответственности людей и сообществ; укрепляет потенциал для борьбы с преобразованиями, происходящими в экономике, в области культуры и в общественной жизни; содействуют сосуществованию, толерантности, осведомленности и творческому участию граждан в их сообществах: одним словом, позволяет людям и сообществам взять под контроль свою судьбу и судьбу общества для того, чтобы противостоять будущим вызовам [2].

Принятие принципа непрерывного обучения правительствами, корпорациями и сообществами означает, что люди могут рассчитывать на поддержку в их стремлении приобретать современные знания и навыки, для

их повседневной жизни и работы в любое время и в любом месте, когда возникает такая потребность. Это не только облегчает личностное развитие обучающихся, но и увеличивает шансы их трудоустройства, социальную мобильность, а также возможность с пользой принимать участие в деятельности, направленной на улучшение качества жизни в обществе [3]. В Гонконге, например, правительство стремилось к разработке лестницы непрерывного обучения. В этом отношении, "ключевым событием стало создание в 2004 году квалификационных рамок, предоставляющих обучающимся четко сформулированную иерархию для формирования динамично развивающейся, гибкой и отзывчивой среды, которая бы содействовала обучению на протяжении всей жизни» (Комиссия по университетским грантам 2010) [9].

В экономике знаний, не может быть никаких сомнений в том, что для человека продолжать учиться, будь то путём формальных или неформальных средств, является залогом получения работы и стабильного дохода. Чем длительней процесс формального образования и профессионального обучения, который находит свое отражение в уровне квалификации и навыках, тем выше доход и вероятность трудоустройства. Как показывает практика, основная причина, по которой образованные люди получают высокие доходы, заключается в том, что они имеют более высокий уровень знаний и навыков. Таким образом, более высокая квалификация способствует приобретению еще больших навыков [7].

Перспективы непрерывного обучения выходят за рамки формального образования и профессионального обучения и включают в себя развитие навыков. Последние используются для описания разнообразных способов для лиц, ищущих работу или уже работающих и продолжающих учиться и приобретать навыки и компетенции, влияющие на их занятость и доходы. Адамс отмечает, что измерение и отслеживание навыков, приобретенных на более поздних этапах жизненного цикла затруднительно, учитывая разницу в компетенциях, необходимых работодателям, разнообразие способов, в которых навыки и умения постоянно приобретаются и изменяются, а также уровень и качество подготовки, которые им уделяются. Безусловно, достоверных и сопоставимых статистических данных в рамках отрасли обучения найти трудно [6].

Удовлетворение потребностей в обучении всех молодых людей и взрослых ключевая задача образования для всех, которая должна быть выполнена. Это застрагивает обучение грамоте и счёту и общие умения (например, урегулирование возникающих проблем, умение работать в команде, а также жизненно необходимые навыки) и более специфические (например, навыки получения средств к существованию, навыки, касающиеся области здравоохранения, маркетинга) и профессионально-технические, которые, как правило, приобретаются в более формальной обстановке [5].

В то время как существует довольно значительная масса исследований о пользе образования для частных лиц, многое еще предстоит сделать, чтобы прояснить пользу обществу, вытекающую из инвестирования в различные формы непрерывного образования и обучения [4]. Исследования, безусловно, предполагают, что человеческий капитал является ключевым фактором экономического развития: страны, инвестирующие главным образом в развитие их человеческого капитала, обладают наиболее быстрым и устойчивым экономическим ростом, и высоким качеством жизни.

Социальные выгоды от образования и профессионального обучения, как правило, измеряются «социальной внутренней нормой прибыли», то есть, как сумма частных и общественных благ. Учитывая ограниченность используемых национальных данных и международных показателей, оценка доступна только для небольшого числа стран. Обучение на протяжении всей жизни приводит к улучшению человеческого капитала и производительности труда, а это, в свою очередь, является основным фактором экономического развития.

Для того чтобы быть успешными в глобальной экономике знаний, общественные и частные организации, а также промышленные отрасли нуждаются в передовых работниках. Знания растут в геометрической прогрессии: работодателям требуются менеджеры и сотрудники, которые способны творчески решать проблемы, новаторы, которые постоянно обновляют свои знания и опыт, размышляя над тем, что можно сделать для повышения производительности, стремящиеся обладать современными знаниями в своей области, и хорошие командные игроки. Успешные организации принимают всерьёз концепцию непрерывного обучения для их сотрудников и организации [8].

Всемирные конференции ЮНЕСКО, касающиеся высшего образования в 1998 году и 2009 году призвали к переориентации высшего образования в свете задач, стоящих перед нами в двадцать первом веке, и в то же время в подтверждение своей приверженности к основным ценностям и функциям высшего образования, в частности, настаивали на том, что его миссия должна звучать как «внесенный вклад в устойчивое развитие и совершенствование общества в целом необходимо сохранять, укреплять и расширять» (ЮНЕСКО, 1998). Благодаря их исследовательской и преподавательской деятельности, они могут помочь как разработчикам политики, так простым служащим, лучше понять, что необходимо предпринять, для борьбы с бедностью и содействию устойчивому развитию. В наших высших учебных заведениях для будущих педагогов и тех, кто уже участвует в трудовой деятельности, необходимо постоянное обновление их знаний и базовых навыков [1]. Кроме того, они играют (или должны играть) важную роль в диалоге и действиях необходимых для перехода от существующей фрагментированной и порой неблагополучной формальной системы обра-

зования к такой, которая принимает принципы непрерывного образования серьезно и пересматривает образование и обучение, внося свой вклад в поддержание устойчивого развития.

Библиографический список

1. Волченкова, К.Н. Peer observation as a tool for teacher's professional development and the way to increase the quality of education process / К.Н. Волченкова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2016. – Т. 8. – № 3. – С. 39–44.

2. Колегова, И.А. Профессиональная коммуникативная компетентность выпускника факультета журналистики, ее структура и содержание / И.А. Колегова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2010. – Вып. 8. – № 12 (188). – С. 117–124.

3. Кочкина, Д.В. Ценности и ценностные ориентации в профессиональном образовании / Д.В. Кочкина // Наука ЮУрГУ. Материалы 63-й научной конференции в 3 т. Секции экономики, управления и права. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2011. – Т. 1. – С. 206–209.

4. Кузьмина, Н.Н. Активные методы обучения в высшей школе / Н.Н. Кузьмина // Современные тенденции развития инновационной экономики: сборник статей участников Международной заочной научно-практической конференции (24–25 октября 2013 г.). – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2013. – С. 228–232.

5. Лескина, Ю.А. Организация проблемного обучения в процессе профессиональной подготовки в вузе / Ю.А. Лескина // Наука ЮУрГУ. Материалы 68-й научной конференции. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2016. – С. 507–512.

6. Adams A. The role of skills development in overcoming social disadvantage (contribution to 2012 EFA Global Monitoring Report, UNESCO). – 2010.

7. Maclean R. International handbook of education for the changing world of work: Bridging academic and vocational training / R. Maclean & D. Wilson (Eds.). – Dordrecht: Springer, 2009.

8. Ordonez V. Seeking a new education paradigm for teaching and learning to meet the changing needs of education for all and skills development for work and life / V. Ordonez & R. Maclean. – Dordrecht: Springer, 2006.

9. Power C.N. Lifelong Learning: Meaning, Challenges, and Opportunities / C.N. Power, R. Maclean // Skills Development for Inclusive and Sustainable Growth in Developing Asia-Pacific. Vol. 19. – London: Springer, 2013. – Pp. 29–43.

К содержанию

УДК 378.011.31-051 + 378.046”731”

РАЗВИТИЕ НАУЧНО-ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА В АСПЕКТЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ю.А. Лескина

Современные квалификационные требования к преподавателю высшей школы актуализируют проблему развития научно-инновационного потенциала преподавателя вуза. В данной статье обосновывается, что повышение уровня профессионализма преподавателя неразрывно связано с развитием его научно-инновационного потенциала. С учетом особенностей профессиональной деятельности преподавателя, выявлены составляющие компоненты научно-инновационного потенциала: научно-инновационные знания, ценностные ориентации, личностные качества и профессиональные способности. Выделены и обоснованы движущие силы развития научно-инновационного потенциала преподавателя вуза.

Ключевые слова: развитие, научно-инновационный потенциал, преподаватель вуза.

Очевиден тот факт, что в современных условиях мирового экономического и общественного развития одной из наиболее значимых глобальных проблем следует считать непрерывность образования [1, с. 36–38]. Специалисту любого уровня и сферы деятельности необходимо «непрерывно» обучаться и развиваться на протяжении всей жизни для сохранения и повышения уровня профессионализма, для раскрытия и развития личного потенциала, самосовершенствования и постоянного роста как личности [2]. Подобная необходимость приобретает все большую актуальность и в сфере образования.

Современные направления в развитии высшей школы, а также постоянно обновляемые квалификационные требования к преподавателю вуза выдвигают на первый план вопросы постоянного повышения уровня профессионализма преподавателя вуза. Данной проблеме в научно-педагогической литературе посвящены работы многих ученых [3, 4 и др.]. Существующие на практике тенденции в высшей школе, а также анализ работ, посвященных особенностям профессиональной деятельности преподавателей, позволяют сделать вывод о том, что профессиональная деятельность преподавателя реализуется в следующих аспектах: педагогической, организаторской, методической, научной и инновационной видах деятельности. В этой связи, одним из приоритетных направлений исследований выступает проблема развития научно-инновационного потенциала преподавателя вуза.

В научно-педагогической литературе структура научно-инновационного потенциала преподавателя вуза представлена четырьмя основными компонентами: научно-инновационные знания, ценностные ориентации, личностные качества и профессиональные способности преподавателя [5]. Остановимся подробнее на сущностных характеристиках указанных структурных компонентов.

Научно-инновационные знания. Всякие знания выступают результатом определённой целенаправленной деятельности. Поэтому не случаен тот факт, что знать – это значит всегда выполнять какую-нибудь деятельность или же какие-то действия, которые связаны с этими знаниями. Другими словами, знания тесно связаны с деятельностью, в результате которой они закрепляются и усваиваются. В научно-инновационной деятельности преподавателя очень часто происходят неординарные, творческие решения педагогических задач, поэтому приобретенные раньше знания тоже требуют постоянного обновления. Это значит, что для преподавателя абсолютно недостаточно знать только непосредственно свою читаемую дисциплину, а ему нужны еще и знания в методической, инновационной и научной видах деятельности. С точки зрения нашего исследования, понятие «научно-инновационные знания» следует понимать в контексте термина «компетентность». Другими словами, знания выступают основой компетентности.

Ценностные ориентации. Данный компонент структуры инновационного потенциала является результатом перевода ценностей человека во внутренний план. Для преподавателя ценностные ориентации выступают некой общей линией, определяющей его профессиональную деятельность. Выбор профессиональных задач, планов и траектории профессионального развития преподаватель осуществляет на основе существующих обстоятельств и, конечно, с учетом своих возможностей. Кроме того, преподаватель обязан всегда оценивать и сопоставлять себя с другими людьми с учетом прошлого, настоящего и будущего.

Личностные качества – это важный фактор, который существенно влияет на реализацию научно-инновационной деятельности. Если предположить, что научно-инновационная деятельность может быть высшим фактором саморазвития личности, то можно проследить следующие тенденции: научно-инновационный потенциал личности непосредственно влияет на личностное развитие преподавателя, усиливая его личностную составляющую; расширяет систему ценностей; актуализирует ценностные ориентации, способствует духовно-нравственному саморазвитию; создает возможность получения признания в профессиональном сообществе.

Профессиональные способности. К вопросу способностей обращались многие исследователи. Среди них и С.Л. Рубинштейн. В своих работах он определял способности как пригодность к определенной деятельности, где основным показателем является легкость усвоения новой деятельности и

возможность широкого переноса усвоенных индивидом способов действия с одной деятельности на другую. Анализируя его точку зрения, можно заключить, что способности не эквивалентны совокупности знаний, умений и навыков, а обусловлены их взаимоотношениями. Данное положение однозначно свидетельствует о том, что развитие профессиональных способностей преподавателя вуза возможно лишь в аспекте осуществления им профессиональной деятельности. Другими словами, овладение знаниями, умениями и навыками способствует развитию профессиональных способностей преподавателя.

С точки зрения нашего исследования, значимым моментом является выделение и обоснование движущих сил развития научно-инновационного потенциала преподавателя вуза.

В профессиональной педагогике профессиональное развитие определяется как рост, становление профессионально-значимых качеств, профессиональных умений и знаний, активное качественное преобразование личностью своего внутреннего мира, что, в свою очередь, приводит к новому строю, способу жизнедеятельности, творческой самореализации в профессии [6].

В связи с этим, развитие научно-инновационного потенциала преподавателя вуза можно определить как постепенный и целенаправленный процесс качественного преобразования целостной системы профессиональных способностей и ресурсных личностных качеств, нацеленных на результативное осуществление научно-инновационной деятельности.

Следовательно, развитие научно-инновационного потенциала преподавателя вуза является сложным процессом, характеризующимся поступательным и направленным характером качественных изменений в структуре наличных способностей и ресурсных возможностей, обусловленных разрешением их диалектического противоречия. С учетом вышесказанного, рассмотрим далее основные движущие факторы развития научно-инновационного потенциала преподавателя вуза.

Во-первых, это сам характер реализации научно-инновационной деятельности в реальной практике функционирования вуза. Как правило, использование традиционных форм и методов научной и инновационной деятельности в большинстве своем носит репродуктивный характер, в то время как современные социально-экономические условия диктуют применение индивидуально-личностных форм деятельности, которые бы ориентировали преподавателя на развитие личной педагогической системы, на внесение инноваций в разных видах профессиональной деятельности, на стремление к переосмыслению «собственного» педагогического опыта.

Во-вторых, это «приверженность» преподавателя в силу привычки, опыта и т.д. к использованию известных, проверенных годами форм, методов и приемов ведения научной и инновационной деятельности. Безуслов-

но, подобная ситуация отнюдь не способствует развитию научно-инновационного потенциал и, конечно, требует определенного разрешения данного противоречия.

В-третьих, это соотношение, существующее на практике между научной и педагогической деятельностью. Если рассматривать личностную самореализацию преподавателя с учетом его научной и педагогической деятельности, то нельзя не заметить существенных различий в результатах как по характеру, так и по содержанию и способам достижения. Поэтому разрешение данного противоречия собственно и указывает на\ необходимость развития научно-инновационного потенциала преподавателя вуза.

И, наконец, в-четвертых, это недостаточно высокое владение преподавателями знаниями в области подготовки и осуществления научных исследований. Действительно, как показывает практика, преподаватели в рамках осуществления научных исследований ориентированы на рецептурность и упрощенность инновационных действий. Очевидно, что преодоление данного противоречия обуславливает необходимость изучения преподавателями характерных особенностей научно-инновационной деятельности, с учетом методики ее осуществления в системе высшей школы.

Таким образом, выделенные выше факторы позволяют лучше понять психолого-педагогический механизм развития научно-инновационного преподавателя вуза.

Библиографический список

1. Чорная, А.Д. Непрерывное образование как основоположное условие развития современного общества / А.Д. Чорная // Проблемы и перспективы развития образования: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Пермь, январь 2013 г.). – Пермь: Меркурий, 2013. – С. 36–38.

2. Ярославова, Е.Н. Концепция непрерывного профессионально-ориентированного иноязычного образования как условие самореализации будущего специалиста высшей квалификации: монография / Е.Н. Ярославова, М.Г. Федотова. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2010. – 316 с.

3. Волченкова, К.Н. Андрагогический подход в формировании иноязычной коммуникативной компетентности профессорско-преподавательского состава для реализации международной деятельности / К.Н. Волченкова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2015. – № 4, Т. 7. – С. 18–25.

4. Кузьмина, Н.Н. Университеты как центры инновационного развития / Н.Н. Кузьмина // Научная дискуссия: актуальные научные проблемы XXI века. Юбилейный сборник научных трудов молодых ученых и студентов Международного факультета ЮУрГУ, посвященный 20-летию факультета. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2016. – С. 116–119.

5. Лескина, Ю.А. Тенденции развития научно-инновационного потенциала преподавателя вуза / Ю.А. Лескина // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – 2 (57). – С. 217–220.

6. Маркова, С.М. Профессиональная педагогика в понятиях и терминах: учеб. пособие / С.М. Маркова. – Н. Новгород: ВГИПУ, 2007. – 154 с.

К содержанию

УДК 378.026.5:811.111 + 378.026.7:004.738.5

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

В.В. Метелева

Проведен анализ достоинств и недостатков использования интернет-ресурсов при обучении английскому языку в вузе. Рассмотрен принцип работы двух распространенных интернет-ресурсов для самостоятельной работы студентов.

Ключевые слова: интернет-ресурсы, самостоятельная работа, обучение английскому языку.

Современное общество требует новых подходов и форм от процесса обучения английскому языку. Развитие информационных и компьютерных технологий и неограниченный доступ в Интернет предоставляют преподавателю огромные возможности для решения задачи модернизации образования.

Но количества часов, отведенных на предмет, недостаточно для полной проработки изучаемого материала и на первое место выходит самостоятельная работа студентов. «Самостоятельная работа студентов – это работа, выполняемая в рамках образовательного процесса под руководством и контролем со стороны преподавателя. Самостоятельная работа является высшей формой учебной деятельности, которая граничит с понятием самообразование» [1]. Предполагается, что организация самостоятельной деятельности студентов должна быть нацелена, во-первых, на повышение качества обучения иностранному языку, во-вторых, на развитие профессионально значимых качеств личности, творческих способностей, самостоятельности и активности. Успешный результат применения самостоятельной работы в рамках изучения иностранного языка во многом зависит от выбора правильных форм организации самостоятельной работы. В этой ситуации незаменимыми помощниками выступают интернет-ресурсы.

Самым большим преимуществом Интернета является практически неограниченный доступ к ресурсам на английском языке: электронным справочникам, словарям, энциклопедиям, телепередачам, средствам создания

собственных наглядных материалов, видеороликам, социальным сетям, онлайн-курсам, позволяющим подготовиться к сдаче экзаменов или повысить свою педагогическую квалификацию и т.д.

Иностранный язык – это учебный предмет, «который в силу своей специфики, а именно, создание искусственной языковой среды (для обучающихся) из-за отсутствия естественной, предполагает наиболее гибкое и широкое использование различных технических средств обучения» [2]. Поэтому не удивительно, что в преподавании английского языка новые возможности, открываемые техническими достижениями, нашли самое разнообразное применение. Использование технологий позволяет сделать процесс обучения мобильным, дифференцированным, индивидуальным и интерактивным.

Следует, однако, отметить, что «использование Интернета на занятиях и вне занятий не должно представлять собой самоцель. Для того чтобы правильно определить место и роль Интернета в обучении языку, прежде всего необходимо найти для себя четкие ответы на вопросы: для кого, для чего, когда, в каком объеме он должен использоваться» [3]. Найти ответы на эти вопросы необходимо на этапе подготовки к занятиям.

Кроме того, использование интернет-ресурсов подразумевает предварительный анализ содержания данных ресурсов, т.к. не все из них имеют учебное предназначение. Анализировать ресурсы необходимо исходя из:

- актуальности информации;
- языковой сложности материала;
- источника информации (достоверность, надежность, аргументированность);
- исторической сложности материала (упоминание исторических фактов, незнание которых влияет на понимание материала и последующую работу с ним);
- психолого-физиологических особенностей информации (соответствия возрастным и психологическим особенностям, значимости для воспитания и развития) [4].

При использовании интернет-ресурсов необходимо постоянно проверять их актуальность. Существует практика ограничивать доступ к содержимому ресурса посредством подписки и назначением определенной ежемесячной (или годовой) оплаты. Это может случиться в любой момент, даже с сайтом до этого работавшим в свободном доступе в течение нескольких лет.

Каждый год в Интернете появляются топ-чарты лучших интернет-ресурсов, которые помогут сориентироваться в многообразии сайтов, приложений и возможностей. Среди подобных топ-чартов следует выделить Technology For Teachers – 35 web 2.0 tools for teachers (http://www.useoftechnology.com/web-2-0-tools-for-teachers/); Top Tools For

Learning 2016 (http://c4lpt.co.uk/top100tools/); 10 of the Best Web 2.0 Tools for Teachers (https://www.fractuslearning.com/2013/02/01/web-2-0-tools-for-teachers/). Данные чарты составляются на базе опросов преподавателей, широко использующих интернет-ресурсы в своей работе. Рассмотрим некоторые их этих ресурсов, постоянно возглавляющие данные топ-чарты.

TED.com – Technology Entertainment Design – это проект, посвященный «Идеям, достойным распространения» (Ideas Worth Spreading). Основанная в 1984 году как некоммерческая организация TED впоследствии стала крупнейшим центром интеллектуальных конференций, на которых выступают люди разных профессий и статусов: от ученых и писателей до бывших президентов, и где обсуждается самый широкий спектр проблем: от загрязнения окружающей среды до высоких технологий. *Ежегодная Конференция TED предлагает ведущим мировым мыслителям и деятелям выступить в течение 18 минут. Затем их речи выкладываются в бесплатном доступе на сайте* **TED.com.** *Также у проекта есть свой канал на Youtube (*https://www.youtube.com/user/TEDtalksDirector*).*

На главной странице сайта размещаются несколько новых видеороликов, уже набравших популярность среди пользователей. Преподаватель может задать тему, которая интересует его на данный момент (например, environment), и на главной странице появятся видео близкие этой тематике. Или в строке поиска ввести имя спикера, идеи которого преподаватель планирует обсудить со студентами. Хотя изначально подразумевалось, что лекции длятся 18 минут, сейчас можно найти и более короткие варианты (например, 6 минут) для владеющих английским языком на уровне А1.

После выбора определенного ролика (рис. 1) можно увидеть сколько раз его посмотрели, сколько раз поделились в социальных сетях, на скольких языках предложены субтитры к этому видео, добавить его в список своих любимых роликов (кнопка Add to list), скачать себе на устройство (кнопка Download) или проголосовать за него (кнопка Rate). Также можно выбрать режим просмотра: с субтитрами или без них, если с субтитрами, то на каком языке они будут.

Данный ресурс незаменим для самостоятельной работы, т.к. дома студенты могут отработать лексику или фонетику, попытаться записать себя на диктофон и сравнить свое произношение со спикером, послушать людей говорящих с различными акцентами или написать свое мнение в комментариях под лекцией.

Ресурс Englishexercises (http://www.englishexercises.org/) – это сайт, дающий возможность отрабатывать грамматику и лексику. Преподаватель может выбрать определенные страницы с упражнениями, воспользовавшись навигацией главной страницы (рис. 2). В правой колонке предлагаются грамматические темы, в левой колонке – темы для работы с вокабуляром. При подборе упражнений можно задать уровень (elementary, inter-

mediate, advanced) и возраст. Для работы со студентами последний пункт не подходит, т.к. последний предлагаемый вариант – это 14+.

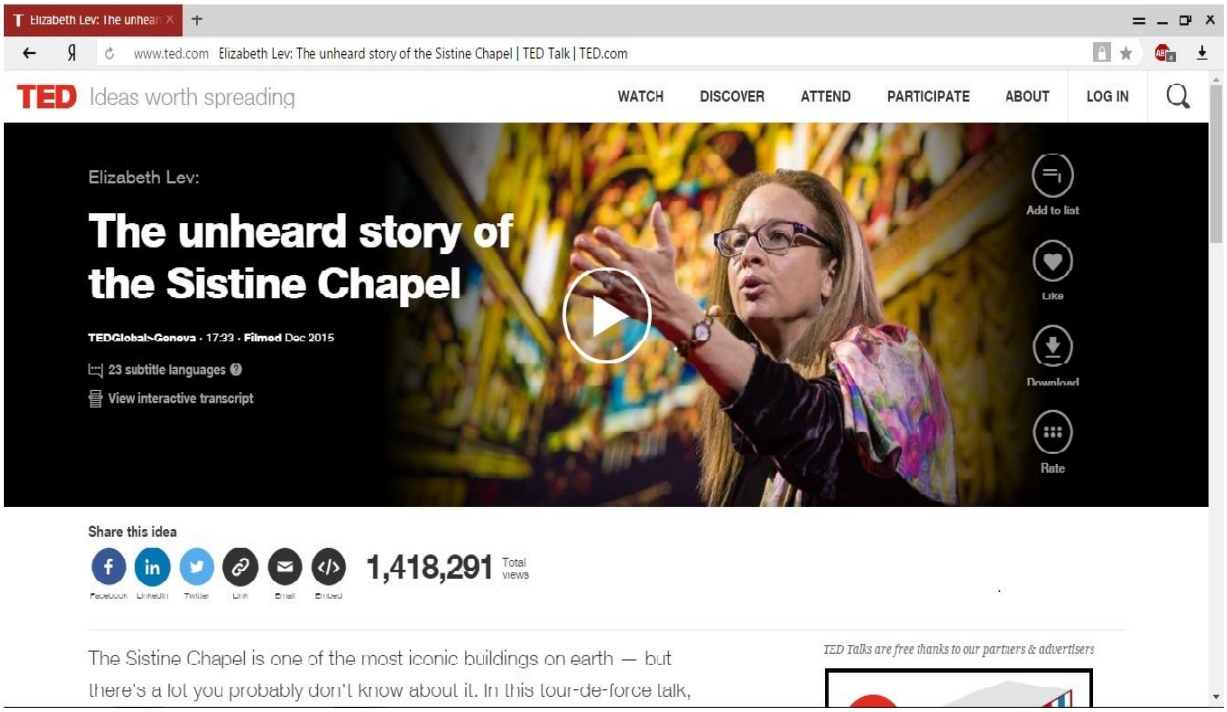


Рис. 1. Страница с выбранной лекцией

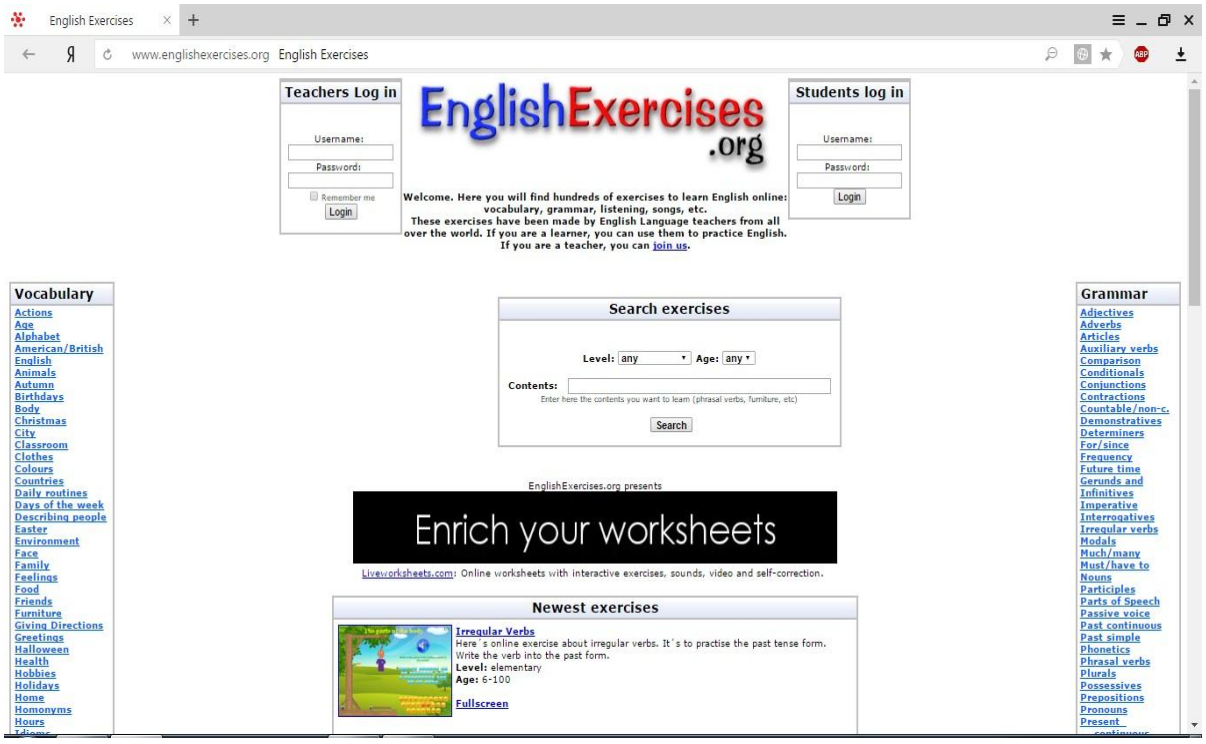


Рис. 2. Главная страница сайта с навигацией

После выбора необходимых упражнений студенты получают ссылку на страницу и начинают работу с материалом. Варианты предложенных заданий могут быть самыми разнообразными – выберите правильный ответ (из выпадающего списка), напишите свой вариант ответа, прослушайте аудиоотрывок или посмотрите видео и отметьте темы, обсуждаемые спикерами. Выполнив все задания, студент нажимает кнопку «Done» и ресурс проверяет работу и выставляет оценку по 10-балльной шкале, отмечая неправильно выполненные предложения или задания. Если не удается самому исправить свой ответ, то можно нажать кнопку «Show answers», и система покажет правильный ответ.

Преподаватель также может доверить студентам самостоятельно выбрать задания, соответствующие изучаемой тематике. Это позволит им закрепить полученные знания и умения.

Данный ресурс позволяет каждому работать в своем темпе и с учетом уровня знания иностранного языка.

Самостоятельная работа студентов является особой формой учебной деятельности. Она требует от преподавателя предварительного объяснения и обучения методам и приемам этой работы. При правильной организации самостоятельная работа повышает мотивацию к изучению языка, а «использование интернет-ресурсов создает богатые дидактические возможности для совершенствования подготовки студентов вузов» [5].

Библиографический список

1. Пичкова, Л.С. Организация самостоятельной работы студентов как фактор формирования профессионально значимых компетенций / Л.С. Пичкова // Пути повышения конкурентоспособности экономики России в условиях глобализации. Материалы конференции. МГИМО (У) МИД РФ. – М.: МГИМО-Университет, 2008.

2. Соболева, А.В. Использование мультимедийных технологий в обучении иностранным языкам / А.В. Соболева // Педагогика: традиции и инновации: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, декабрь 2013 г.). – Челябинск: Два комсомольца, 2013. – С. 119–123.

3. Подопригорова, Л.А. Использование Интернета в обучении иностранным языкам / Л.А. Подопригорова // ИЯШ. – 2003. – № 5.

4. Еренчинова, Е.Б. Использование сети Интернет при обучении иностранному языку / Е.Б. Еренчинова // Инновационные педагогические технологии: материалы Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2014 г.). – Казань: Бук, 2014. – С. 325–327.

5. Моисеева, М.В. Интернет в гуманитарном образовании: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / М.В. Моисеева, А.Е. Петров, Е.С. Полат. – М.: Владос, 2001. – 272 с.

К содержанию

УДК 81-13 + 81’33

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОЙ АСИММЕТРИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Е.А. Немирова

Статья посвящена изучению проблемы языковой асимметрии в когнитивной лингвистике. В статье определено понятие фрейма, рассмотрены вопросы соотношения языка и действительности, а также процесс согласования фрейма с конкретной ситуацией.

Ключевые слова: язык, языковая асимметрия, информационный тезаурус, внутренняя и поверхностная структура высказывания, фрейм, терминал.

Проблема соотношения языка и действительности, отражения мира в языковой системе, волновала ученых разных лингвистических направлений и на протяжении уже длительного времени считается одним из основных вопросов языкознания.

С новой силой заговорили об языковой асимметрии, когда язык стали рассматривать как инструмент познания действительности. Проблема познания человеком окружающего мира всегда волновала ученых, работающих в различных областях знаний: психолингвистики, когнитологии, психологии, теории информации. Основным пунктом в их исследовании стал вопрос, каким образом человеку, обладающему относительно ограниченными возможностями, оказывается под силу не только получать, но и перерабатывать и преобразовывать огромный объем значений в ограниченные промежутки времени [1].

Исследуя проблему получения, переработки, хранения, извлечения и использования знаний, можно предположить одновременно существование неких форм их выражения в виде определенных структур сознания. Когнитология (наука, изучающая процессы получения, переработки, хранения и использования знаний) связывает в единый узел все проблемы, имеющие отношение к формированию и функционированию этих структур, используя лингвистку как науку, позволяющую использовать простой и естественный доступ к этим знаниям – через язык. Лингвистика, таким образом, ищет средства, которые позволили бы фиксировать содержательную сторону речевых произведений.

Один из основоположников когнитологии Г. Харман полагал, что основным инструментом в когнитивной науке является язык. Частично это происходит по тому, что язык отражает познание, выступая инструментом его изучения. К тому же язык воздействует на познание, так как оказывает влияние на порождение человеком понятия и мысли. Нет за-

гадки более трудной, чем тайна сознания, познание же тесно связано именно с этим психическим образованием.

Следующей же по своей мощности загадкой является значение, и как оно попадает в голову, сказать сегодня не может ни один ученый. Познание мира происходит посредством неких представлений о нем, неких репрезентаций.

Существует множество точек зрения на проблему соотношения структуры сознания и структуры языка. Так, С.Д. Кацнельсон утверждает, что в мозгу человека сознание и язык образуют две автономные области, каждая из которых обладает своей памятью. Эта память хранит относящиеся к ней знания. Для извлечения же необходимых в конкретный момент фрагментов знаний используются так называемые средства активации этих знаний.

Другими словами, есть сознание, совокупность знаний об окружающем мире, которыми овладел индивид, и есть внутренний лексикон, в котором сосредоточены его знания о языке, и это представляет собой два разных механизма мозга, в которых структуры знаний разных объектов (мира и языка) разведены и представлены по-разному.

Но существует и другое мнение, согласно которому знания об окружающем на мире опосредованы знаниями о языке, и никаких существенных различий между ними нет. Специфические человеческие знания включают в системы концептов и связи между этими системами, а также правила, позволяющие использовать эти системы для оптимального решения задачи в конкретной ситуации, и правила для вербальной формы, записываемой или включенной в коммуникативный акт [4].

Таким образом, за каждым словом стоит значительный пласт знаний, включающий в себя знания о концептах объектов, событий и их последовательности, а также ситуаций.

Данное понимание проблемы представления знаний отражает тенденцию, существующую в когнитивной науке, которая подчеркивает, что знания о мире и знания о языке тесным образом переплетены, что информация, извлеченная из памяти, остается «вросшей» в схемы памяти, новая информация интегрируется с уже известными фактами. А.А. Залевская в своей работе «Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности» называет полный объем энциклопедических и языковых знаний, хранимых памятью человека, единой информационной базой человека или его информационным тезаурусом [2].

Эта база включает в себя знания о событиях, фактах, явлениях, аналогиях, об отношениях между ними, эмоциональными впечатлениями, а также накладывает на имеющиеся знания выработанную в социуме норм [5].

Наиболее полно проблема информационного тезауруса, пласта знаний, стоящего за каждым словом, была рассмотрена учеными, занимающимися теорией фреймов. Теория фреймов была впервые предложена научному

обществу в публикации 1974 года. Ее основоположник – известный американский специалист в области искусственного интеллекта Марвин Минский.

Минский строил свои исследовании на идеях Ф. Барлетта. Согласно его теории запоминание может быть упрощено благодаря тому, что существует особая схема событий. Слова же, которые при употреблении выстраиваются в цепочку, входят в привычные действия даже легче чем образы.

Теория фреймов, которая изучает когнитивные основы речевой деятельности, занимается вопросом о соотношении языка и действительности, который в наши дни является одним из фундаментальных вопросов языкознания. Общеизвестно, что высказывание не может являться точным отражением ситуации. Оно не должно включать в себя все элементы описываемого отрезка действительности. Высказывание отражает лишь наиболее значимые в данный момент элементы. Остальные же элементы ситуации могут опускаться в виду их ясности. Однако отбор элементов ситуации, переводимый в поверхностный уровень, подчиняется определенным тенденциям, свойственным данному языку.

М. Минский пишет, что человек, сталкиваясь с необходимостью познать новую для себя ситуацию или же переосмыслить уже привычные вещи, выбирает из своей памяти определенную структуру данных. Для другой ситуации эта структура будет иной. Такую структуру данных (образ) М. Минский и назвал фреймом. Таким образом, фрейм – это структура данных для представления стереотипной ситуации [3].

С каждым фреймом ассоциированы разные виды информации. Один из них указывает на способ использования фрейма, другой вид на то, что может повлечь за собой его выполнение, а третий – на действия, которые необходимо предпринять при условии, что ожидания не подтвердятся. Таким образом, фрейм можно представить в виде цепочки, состоящей из узлов и связей между ними. Каждый из этих узлов может быть, а может и не быть задан в явном виде.

Незаданные в явном виде узлы Минский называет «терминалом» [3].

Процесс этого согласования контролируется информацией и знанием идей. В том случае, когда фрейм невозможно согласовать с реальностью, т.е. не получается найти задания для терминалов, согласующихся с условиями маркера, осуществляется обращение к сети поиска информации, с помощью которой и происходит соединения между собой систем фреймов. Данная сеть позволяет определить другие способы представления знаний о фактах, аналогиях и другой информации, которая может быть использована для согласования с реальностью.

Таким образом, при формировании структуры фрейма мы заполняем ее элементами, которые ассоциируются с исходным понятием, но в этой структуре необязательно будут отражены не все эти элементы.

Библиографический список

1. Залевская, А.А. Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности / А.А. Залевская // Исследование речевого мышления в психолингвистике: научное издание / Т.В. Ахутина [и др.]; ред. Е.Ф. Тарасов; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1985. – С. 150–170.
2. Кацнельсон, С.Д. Речемыслительные процессы / С.Д. Кацнельсон // Вопросы языкознания. – 1984. – № 4. – С. 87–90.
3. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М.: Энергия, 1979. – 230 с.
4. Фурсова, И.Н. Когнитивный подход в переводоведении / И.Н.Фурсова // «Lingua-mobilis», ЧелГУ. – Челябинск, 2013. – С. 66–73.
5. Хабирова, Е.И. Типы знания в структуре единиц языка профессиональной коммуникации / Е.И. Хабирова // Когнитивные исследования языка. – 2015. – Т. 22. – С. 127–130.

К содержанию

УДК 378.014 + 81’42

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОМУ ПИСЬМУ: ОПЫТ РАБОТЫ ЦЕНТРА АКАДЕМИЧЕСКОГО ПИСЬМА НИУ ЮУрГУ

Е.А. Ненахова

В статье рассматривается опыт обучения академическому письму в НИУ ЮУрГУ. Автором анализируются основные задачи, цели и результаты обучения. Обсуждаются основные проблемы и трудности, связанные с реализацией задачи повышения публикационной активности сотрудников университета. Автор дает описание основных курсов, предлагаемых Офисом академического письма НИУ ЮУрГУ.

Ключевые слова: академическое письмо, проект 5-100, научная статья, публикационная активность.

Вопрос повышения конкурентоспособности на мировом рынке особо остро стоит перед самыми передовыми Вузами страны. Поэтому вполне обоснованно стремление НИУ ЮУрГУ участвовать в программе 5-100.

На сайте Министерства образования мы находим следующее описание программы повышения конкурентоспособности вузов на международной арене. «Эта программа предназначена для университетов с многолетней историей и международной известностью, перед которыми стоит непро-

стая задача – соответствовать современным темпам мирового развития, не теряя при этом славных академических традиций. Проект повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров призван способствовать наращиванию научно-исследовательского потенциала российских университетов, укреплению их конкурентных позиций на глобальном рынке образовательных услуг». [1]

Южно-Уральский Государственный Университет начал участвовать в программе 5-100 в 2016 году. Офис академического письма начал свою работу в октябре 2016 года. Основной целью работы офиса стало увеличение публикационной активности профессорско-преподавательского состава университета. В соответствии с требованиями дорожной карты, задача мероприятия 2.1.2 – создать офис академического письма для развития навыков публикационной активности и профессиональных коммуникаций. Количество публикаций в базе данных Scopus на 1 НПР работника (за 5 полных лет) к концу проекта должно составить 3,1.

Такая задача решается офисом в нескольких направлениях: консультирование, перевод и образование. Все блоки офиса позволяют сотрудникам университета продвигать свои научные достижения на международной арене. Особую роль играет именно образовательный блок, который позволяет сотрудникам университета повысить свою грамотность в области международных стандартов написания научной статьи, повысить уровень английского языка в области грамматики и научной лексики, попрактиковать вычитку и пруфридинг (proofreading) с учетом синтаксических и стилистических особенностей английского языка.

Программы подготовки Офиса академического письма

В отличие от курсов, существующих в других центрах академического письма, мы зачисляем сотрудников, обладающих даже невысоким уровнем владения английским языком A1-A2 (по шкале CEFR). Для каждого уровня разработан свой курс.

Занятия проводятся как очно, так и дистанционно. Часть часов курсов отводится на самостоятельную работу, цель которой отработать знания, полученные на занятиях по академическому письму, а именно написания статьи на русском языке с учетом требований международных стандартов; написание части статьи (аннотации и введения) на английском языке для начальных уровней и всей статьи для высоких уровней. Также часть часов отводится на чтение статей на английском языке, которое является неотъемлемой частью процесса написания статьи на английском языке. На занятиях практикуются различные виды заданий: индивидуальная работа, работа в парах и малых группах, дискуссия, мозговой штурм. [3] Активно применяется слушание аутентичных аудио файлов и работа с посткастами. Также слушателям демонстрируются видео файлы.

Необходимо отметить, что после успешного прохождения каждого из курсов, слушатели получают удостоверение о повышении квалификации, что является показателем его профессионального роста.

В табл. представлены курсы, которые предлагает Офис академического письма Южно-Уральского Государственного Университета, а также содержание курса, формируемые знания, умения и навыки, и предполагаемый результат.

Таблица

Курсы, предлагаемые Офисом академического письма ЮУрГУ

Уровень	Программа	Часы	Содержание курса	Формируемые знания, навыки и умения	Ожидаемый результат
93	Английский язык: вводный курс написания научной статьи.	36	1. Основы академического письма. 2. Научный стиль. 3. Синтаксические особенности научного стиля.	1. Знать особенности научных стилей. 2. Знать особенности структуры научной статьи (IMRaD). 3. Знать основные стилистические и синтаксические особенности англоязычной статьи. 4. Уметь логически выстраивать части статьи.	Написать статью на русском языке, в соответствии с международными стандартами.
A2-B1 (pre-intermediate, intermediate)	Английский язык: основы академической грамотности. Грамматика, лексика.	72	1. Времена английского языка. 2. Структура IMRaD и грамматические особенности каждой части. 3. Артикли. 4. Наречия. 5. Условные предложения. 6. Неличные формы глагола. 7. Научная лексика.	1. Знать грамматические правила и уметь их применять при написании статьи. 2. Знать структуру статьи IMRaD. 3. Знать клише и уметь их применять.	Написать аннотацию и введение к научной статье на английском языке.

Окончание табл.

Уровень	Программа	Часы	Содержание курса	Формируемые знания, навыки и умения	Ожидаемый результат
Все уровни	Английский язык: наукометрические базы данных.	36	1. Использование академических баз данных. 2. Определение ключевой информации в англоязычной статье.	1. Уметь работать с наукометрическими базами данных Scopus, Web of Science. 2. Уметь применять стандартизированные систем структуры: MLA (Modern Language Association), Гарвардская система, Оксфордская, APA – American Psychology Association и др.	Практика работы с базами.
B1-B2 (intermediate, upper-intermediate)	Английский язык: научная статья.	72	1. Процесс написания статьи. 2. Научные жанры. 3. Структура научной статьи.	1. Курс ведется на английском языке, поэтому отрабатываются разговорные, грамматические и лексические навыки.	Статья на английском языке, готовая к изданию в международном журнале.
B2 – C1 (upper-intermediate, advanced)	Английский язык: подготовка тьюторов.	36	1. Роль тьютора и стратегия его деятельности. 2. Редактирование и вычитка. 3. Практические трудности работы тьютора.	1. Уметь выполнять должностные обязанности и роль тьютора в офисе академического письма; 2. Уметь применять различные стратегии работы тьютора; 3. Уметь редактировать статью на английском языке.	Выполнение обязанностей тьютора.
B1-C1 (intermediate, upper intermediate, advanced)	Английский язык: публикационная стратегия.	36	1. Что такое публикационная стратегия. 2. Практикум. Выбор журнала. 3. Увеличение уровня цитируемости.	1. Уметь работать с аутентическими статьям по своей научной тематике. 2. Знать как построить свою публикационную стратегию.	Повышение публикационной активности.

Заключение. Офис академического письма активно реализует поставленные перед ним задачи. В первый семестр 87 сотрудников университета прошли обучение по программам: Английский язык: вводный курс написания научной статьи, Английский язык: наукометрические базы данных, Английский язык: научная статья и Английский язык: подготовка тьюторов. После окончания курсов 10 тьюторов активно сотрудничают с авторами, помогая им в подготовке их статей к публикации.

В этом семестре к 4 существующим курсам добавился курс: Английский язык: основы академической грамотности. Грамматика, лексика. В настоящее время 70 человек обучается на курсах Офиса академического письма [2].

На последнем ученом совете Южно-Уральского Государственного Университета было отмечено значительное увеличения количества статей, опубликованных в международных журналах, и была отмечена заслуга Офиса академического письма в достижение этих целей.

Мы продолжим работать в сложившемся формате, а также в течение 2017 года будут добавлены еще два курса, которые сделают акцент на специализированную лексику.

Достигнутые результаты позволяют с уверенностью говорить о важности подобной программы повышения квалификации и вселяют уверенность на то, что университет сможет достичь поставленные перед ним задачи.

Библиографический список

1. URL: http://5top100.ru/about/more-about.
2. Чернышева, М.А. Офис академического письма Южно-Уральского государственного университета: задачи, структура, функционирование / М.А. Чернышева, Е.А. Ненахова, Е.В. Донова // Высшее образование в России. – 2017.
3. Volchenkova K. A center of academic writing: which model to choose at South Ural State University? / K. Volchenkova, T. Bryan, L. Shestakova // EDULEARN16 Proceeding. – Pp. 299–307.

К содержанию

УДК 378.016: 81 + 378.02

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ CLIL-ТЕХНОЛОГИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

Л.Н. Овинова

В статье обосновывается актуальность использования интегрированного подхода изучения содержания предмета и иностранного языка в вузе, рассматриваются преимущества и недостатки этой методологии, возможности прикладной реализации этой технологии при обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей в вузе.

Ключевые слова: CLIL-технология, интеграция, профессионально ориентированное обучение иностранному языку.

Основная цель обучения иностранному языку в вузе заключается в подготовке такого специалиста, практическое владение иностранным языком которого позволило бы ему участвовать в инновационных проектах, работать с иностранной литературой, общаться с коллегами на конференциях, дискуссиях и семинарах различного уровня, слушать лекции разнообразной тематики, составлять научные доклады, деловые письма зарубежным партнерам, выполнять письменные и устные переводы рефератов и аннотаций научных статей, представленных на иностранном языке.

Естественно, что при таких высоких требованиях к профессионально-практическому владению ИЯ (иностранным языком), предъявляемых к будущему специалисту, все более актуальным становится вопрос о том, что сложившаяся система требует дополнений, создания альтернативных возможностей для молодых специалистов в овладении иностранным языком с целью их успешной интеграции в мировое научно-техническое пространство [2, 8, 12, 13]. Возникает необходимость разработки современных эффективных методик и технологий обучения студентов технических специальностей ИЯ.

Профессионально ориентированное обучение иностранному языку предполагает необходимость освоения новых методов преподавания, которые в полной мере отвечали бы новым требованиям подготовки специалистов разных профилей, владеющих иностранным языком на качественно новом уровне. В этой связи стоит обратиться к такому понятию, как CLIL (Content and Language Integrated Learning), что в отечественной методике носит название предметно-ориентированное интегрированное обучение.

Анализ литературных источников показал, что впервые этот термин был предложен Дэвидом Маршем свыше 20 лет назад и по своей сущностной характеристике этот вид преподавания характеризовал такие учебные ситуации, когда дисциплины или их отдельные разделы преподаются на

иностранном языке. Интересным и значимым в этом случае являлось то, что достигалась двуединая цель обучения иностранному языку. Во-первых, это изучение собственно учебного предмета, а во-вторых, это погружение в иноязычную среду [17, 20].

Достоинством и практической ценностью трудов Д.Марша можно считать усовершенствование им этой методики: уже в начале 2001 года сущность методики была истолкована следующим образом: «CLIL рассматривает изучение иностранного языка как инструмента для изучения других предметов». Отметим, что постепенно эта методика стала использоваться все шире, и в настоящее время широко известна в Европейских странах. Она направлена на формирование у субъекта обучения потребности в получении новых знаний и плодотворной учёбе, направляя его сознание на переосмысление и дальнейшее развитие своих способностей в коммуникации, в том числе на родном языке [5].

За последний период в педагогике появилось много новых работ, отражающих использование предметно-языкового интегрированного обучения. В частности, в работах К.С. Григорьевой, О.М. Коченковой, А.Е. Крашенинниковой, Т.А. Лалетиной, Л.Л. Салеховой [4, 6, 7, 9, 11] обсуждаются вопросы эффективности применения CLIL-методов в учебных процессах высшей школы.

Остановимся более подробно на преимуществах и недостатках этой методологии, а также возможностях, которые открываются при соответствующем внедрении CLIL в процесс обучения. Будем рассматривать возможности прикладной реализации этой технологии при обучении английскому языку студентов неязыковых специальностей в вузе.

При правильном использовании CLIL-технологии, посредством неродного языка, формируются прочные знания в трёх наиболее важных направлениях:

– фундаментальные знания, включающие в себя тезаурус самого предмета, изучаемой дисциплины, навыки использования ИКТ и междисциплинарные знания;

– знание и формирование толерантности (формирование профессиональных навыков и навыков жизнедеятельности в межкультурном пространстве, этической и эмоциональной осведомленности, культурной компетенции) [1];

– метазнания (креативность и инновация, решение проблем и критическое мышление, сотрудничество и общение).

Здесь следует подчеркнуть особую важность развития креативности и навыков критического мышления, которые являются движущими силами в ускорении процесса обучения с использованием CLIL. Также не стоит забывать, что творческая деятельность часто формируется в процессе командной работы, что автоматически требует формирования и этих навы-

ков. Процесс освоения иностранного языка сам по себе является достаточно сложным, монотонным и утомительным и любой момент новизны, нарушающий его привычное течение, будет усложнять восприятие лексических форм и правил общения. Однако положительным моментом можно считать те практические усилия, которые приходится прикладывать при формировании новых знаний.

Зарубежные учёные выявили, что нейроны студентов, которые обучаются с использованием CLIL-технологии, приходят в большее возбуждение благодаря стрессовой (в хорошем смысле) ситуации, которая складывается ввиду преподавания дисциплины на неродном языке, вследствие чего возникают более крепкие связи между нейронами, что приводит к их пластичности, результатами которой будет формирование умений критического мышления, навыков быстрой адаптации к новой ситуации. Также отмечено формирование более гибкого сознания, которое постоянно стремится к обучению и развитию, способствуя готовности к межкультурному взаимодействию, быстрому решению различных проблем языковых коммуникаций, возникающих в различных ситуациях [14, 15, 16, 18, 19].

Таким образом, одна из главных задач CLIL-технологии – это поддержка образования и самообразования обучаемого. На наш взгляд, CLIL-методика, которая могла бы быть эффективной при ее правильной интеграции в процесс подготовки конкурентоспособного специалиста. Беря за основу общеизвестные в вузе факты, что каждый студент является широко образованной личностью, но продемонстрировать свой интеллект он может чаще всего только на родном языке, считаем, что, попадая в ситуации общения на иностранном языке, студенты оказываются неспособны показать свои знания в профессиональных и специальных областях. Это происходит ввиду того, что большинству из них требуется сначала осознать предмет разговора на родном языке, затем найти эквиваленты слов и смысловых контентов на иностранном в имеющемся у них тезаурусе и только затем приступить к диалогу. Поэтому профилизация преподавания иностранных языков на основе предметно-ориентированного обучения позволит отойти от привычных контекстов обучения по строго ограниченной базовой тематике (Family, Museum, Internet…) и обратиться к коммуникативным ситуациям, типичным для будущего профессионального роста.

Проведение занятий в формате методики CLIL предполагает, с одной стороны, повышенные требования к преподавателю иностранного языка, которому необходимо привлекать к подготовке или проведению занятий коллег с других предметных кафедр. С другой стороны, занятия требуют использования разнообразных коммуникационных форм как подачи материала, так и организации работы, подбора учебного материала и разработки заданий к нему.

Таким образом, перед преподавателем вуза, планирующим внедрять в учебном процессе технологию CLIL, поставлены частные цели, особенности решения которых рассмотрены ниже:

• во-первых, особые требования по подбору материала: его уровень сложности должен быть несколько ниже, чем существующий тезаурус студентов по изучаемому предмету на родном языке. Следовательно, при составлении оценочных тестов должен быть осуществлен такой подбор текстового материала, который будет сопровождаться достаточным количеством заданий для его понимания и полного усвоения;

• во-вторых, задания по обработке текстовой информации должны быть акцентированы на предметное содержание. Это позволит вовлекать студентов в процесс не только смыслового понимания, но и взаимной проверки новых знаний с последующим обсуждением главной мысли текста;

• в-третьих, задания, составляемые для использования CLIL-технологии, должны показывать наличие в них особенностей лингвистических форм, и позволять отрабатывать навыки их конфигурирования употребления при коммуникационном взаимодействии. Также требуется разнообразить виды оценочного тестирования, чаще привлекая процесс самотестирования и самопроверки собственного тезауруса, фиксируя динамику роста знаний.

• в-четвертых, все задания должны быть комплексными и стимулировать обучаемых к самостоятельной и творческой деятельности посредством совмещения коммуникативных задач с упражнениями устного и письменного общения на иностранном языке; CLIL-преподаватель, являясь промоутером иностранного языка, несет ответственность не только за свою дисциплину, но и за качество иноязычной коммуникации, посредством которой он обучает своему предмету. Насколько грамотно будет осуществляться диалог на иностранном языке, настолько же грамотно этот иностранный язык будут осваивать обучающиеся.

Таким образом, можно назвать следующие роли CLIL-преподавателя:

– стратег, который разрабатывает план;

– человек, который использует иностранный язык для общения;

– промоутер иностранного языка;

– человек, поддерживающий и обеспечивающий преподаваемую дисциплину содержательным контентом;

– оформитель и разработчик учебно-методического материала для дисциплины;

– человек, который осуществляет контроль и оценку полученных знаний, умений и навыков обучающихся;

– член команды, методологический новатор.

Конечно же, каждый квалифицированный специалист, каким обычно является преподаватель высших учебных заведений, обладает широким ас-

сортиментом педагогических коммуникаций по передаче знаний и приемов освоения иностранного языка. Тем не менее, вопрос практической готовности применения знаний в сфере профессионального общения на иностранном языке после окончания обучения в высшей школе остается открытым и продолжает свою дискуссию на страницах журналов и в публичных выступлениях [3, 10]. Поиск эффективных методов углубления и погружения в сферу иноязычных коммуникаций активно продолжается.

Таким образом, с одной стороны, внедрение CLIL-технологии будет бесспорно шагом вперед со стороны вуза, обеспечивающим себе конкурентоспособность за счет увеличения тесноты интеграции с зарубежными партнерами, а с другой – существующие риски требуют тщательного планирования, организации и мониторинга процесса внедрения вышеописанной технологии в учебную среду вуза.

Библиографический список

1. Белкина, О.В. Межкультурная коммуникация: традиции и инновации / О.В. Белкина, С.Ю. Галанова, И.В. Ставцева, Л.К. Гейхман // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: сборник материалов II Международной научной конференции, Челябинск, 4–5 апреля 2013 г. / под. ред. В.Г. Будыкиной. – Челябинск: Энциклопедия, 2013. – Т. 1. – С. 273–277.

2. Брайан, А. Blended learning: concept, models, implications for higher education / А. Брайан, К.Н. Волченкова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2016. – Т. 8. – № 2. –С. 24–30.

3. Волченкова, К.Н. Развитие иноязычной коммуникативной компетенции профессорско-преподавательского состава ЮУрГУ: андрагогический подход / К.Н. Волченкова, О.А. Толстых // Вестник ЮУрГУ. Серия: «Образование. Педагогические науки». – 2013. – Т. 5. – № 4. – С. 23–28.

4. Глухова, Л.В. Методология управления трансформацией организации в самообучающуюся систему / Л.В. Глухова, С.А. Гудкова, С.Д. Сыротюк. – Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 2012. – 148 с.

5. Гудкова, С.А. Методика системной адаптации конкурентоспособных специалистов автопрома к международному сотрудничеству в условиях глобализации. Экономика и управление: новые вызовы и перспективы / С.А. Гудкова // Сборник статей IV Междунар. науч.-практ. конф. Тольятти: ПВГУС, 2013. – С. 261–263.

6. Коченкова, О.М. Возможности профилизации преподавания иностранных языков с помощью применения элементов методики CLIL / О.М. Коченкова. – URL: www.kochenkova.ru/publ.

7. Крашенинникова, А.Е. К вопросу об использовании предметно-языкового интегрированного обучения CLIL / А.Е. Крашенинникова. – URL: www.rusnauka.com/3_ANR_2013/Pedagogica/5_126661.doc.htm.

8. Кузьмина, Н.Н. Университеты как центры инновационного развития / Н.Н. Кузьмина // Научная дискуссия: актуальные научные проблемы XXI века. Юбилейный сборник научных трудов молодых ученых и студентов Междуна-

родного факультета ЮУрГУ, посвященный 20-летию факультета. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2016. – С. 116–119.

9. Лалетина, Т.А. Интегрированный подход и использование предметно-языковой интеграции при обучении иностранному языку / Т.А. Лалетина. – URL: www.conf.sfukras.ru/uploads.

10. Лескина. Ю.А. Основные аспекты моделирования процесса развития научно-инновационного потенциала преподавателя / Ю.А. Лескина // Современные проблемы науки и образования. – 2016. – № 4. – С. 176. – URL: http://www.sccience-education.ru/article/view?id=25002/.

11. Салехова, Л.Л. Content and Language Integrated Learning как основа формирования профессиональной иноязычной компетенции студентов технических вузов / Л.Л. Салехова, К.С. Григорьева // Иностранный язык для профессиональных целей: традиции и инновации: сб. ст. II заоч. Республ. Симпозиума. – Казань: КФУ, 2013. – С. 89–94.

12. Шапкина, Е.В. К вопросу о путях повышения эффективности обучения английскому языку как основе развития международного сотрудничества / Е.В. Шапкина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2016. – Т. 8. – № 2. – С. 48–55.

13. Ярославова, Е.Н. Инновационная образовательная среда как условие самореализации будущих профессионалов в непрерывном иноязычном образовании / Е.Н. Ярославова // Иностранные языки в профессиональной подготовке и самореализации специалистов высшей квалификации: коллективная монография / под ред. Е.Н. Ярославовой. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2012. – С. 294–347.

14. CLIL History: The causes of the Second World War. – URL: www.teachingenglish.org.uk/article/clil-history-causes-secondworld-war.

15. CLIL PSHE Heathy living. – URL: www.teachingenglish.org.uk/article/clil-history-causes-second-world-war.

16. CLIL Citizenship: Recycling. – URL: www.teachingenglish.org.uk/article/clil-history-causes-second-world-war.

17. Coyle D. Content and Language Integrated Learning Motivating Learners and Teachers. – URL: www.blocs.xtec.cat/clilpractiques1/files/2008/11/slrcoyle.pdf.

18. Grieveson M., Superfine W. The CLIL Resource Pack. USA: Delta Publishing, 2012. 148 p.

19. Keith Kelly – Ingredients for successful CLIL. – URL: www.teachingenglish.org.uk/article/clil-history-causes-secondworld-war.

20. Maljers A., Marsh D., Coyle D., Hartiala A.K., Marsland B., Pérez-Vidal C., Wolff D. The CLIL Compendium. – URL: www.clilcompendium.com.

К содержанию

УДК 378.014:001.895 + 378.016:811.111

РАЗРАБОТКА СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО МОНИТОРИНГА В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ЮУрГУ

Т.Ю. Передриенко, Е.Н. Ярославова, С.Н. Маловечко

В статье представлен подход к созданию системы мониторинга деятельности студентов в рамках реализации инновационной модели обучения английскому языку в ЮУрГУ. Предлагаемая система мониторинга является действенным инструментом управления образовательным процессом, поскольку позволяет непрерывно оценивать и прогнозировать качество обучения.

Ключевые слова: система мониторинга, английский язык, контроль, прогнозирование, образовательный процесс.

Проектирование инновационной модели обучения английскому языку в рамках реализации задач М 8.1. 3 «Внедрить углублённую языковую подготовку в бакалавриате» потребовало обновления всех компонентов системы обучения иностранным языкам: целевого, содержательного процессуального и контрольно-оценочного. При этом мы считаем принципиально важным разработать и внедрить научно-обоснованную систему образовательного мониторинга как одного из аспектов обеспечения качества обучения и его результативности.

Мониторинг (лат. monitor – предостерегающий) является инструментом управления образовательным процессом, который обеспечивает эффективное функционирование системы. В педагогике мониторинг рассматривается как система организации, сбора, хранения, обработки и распространения информации о деятельности педагогической системы, обеспечивающая непрерывное слежение за ее состоянием и прогнозирование развития. Таким образом, мониторинг представляет специально организованное, целенаправленное, непрерывное отслеживание функционирования и развития образовательной системы и/или ее отдельных элементов в целях своевременного принятия адекватных управленческих решений на основе анализа собранной информации и педагогического прогноза [2, 3].

Мониторинг включает разработку технологии отбора и сбора информации, осуществление её анализа, классификацию; создание единой базы данных; выявление основных тенденций развития образовательной системы; создание прогнозов; определение критериев стандартизации системы; принятие управленческих решений [4].

Для получения объективной информации о результатах обучения иностранному языку в рамках реализации инновационной модели в ЮУрГУ была разработана система мониторинга. На основе изучения и анализа

имеющегося опыта по системам образовательного мониторинга спроектированы и апробированы различные формы оценки достижений студентов и преподавателей (рис. 1).

Цель: повысить качество обучения иностранным языкам			
Этапы мониторинга	**Объекты мониторинга**	**Субъекты мониторинга**	**Методы мониторинга**
Входной мониторинг уровня владения языком (Cambridge University Placement Test), анкетирование **Распределение студентов в уровневые группы** (Индивидуальное собеседование с преподавателем) ⬇ **Текущий мониторинг** - Written and Oral Tests – 12 раз в учебном году (1раз в 3 недели) - Ket (Key English Test) / Pet (Preliminary English Test) – Подтверждение уровня знаний – 2 раза в год ⬇ **Итоговый внутренний мониторинг** Mock IELTS (проводится на базе кафедры) ⬇ **Итоговый внешний мониторинг** Международная сертификация IELTS	**Уровень иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся** **Учебные материалы (**оценка качества и эффективности учебных материалов**).** **Технологии (**оценка качества /применимости учебных технологий**)**	**Обучающиеся (**оценка качества образовательных достижений обучающихся**);** **Преподаватели (**оценка качества образовательного процесса по достижениям студентов**)**	Наблюдение Анкетирование Тестирование Моделирование
Принятие управленческих решений			

Рис. 1. Схема образовательного мониторинга в рамках инновационной модели обучения иностранному языку на кафедре иностранных языков

Субъектами мониторинга являются все участники образовательного процесса: и преподаватели, и студенты, так как система позволяет отслеживать качество образовательных достижений обучающихся и качество образовательного процесса.

Организация системы мониторинга потребовала решения следующих задач:

- были определены ближайшие и перспективные цели мониторинга;
- определен уровень компетентности и готовности преподавателей работать в данной системе;
- разработана и опробована единая методика проведения мониторинга;
- проведены обучающие семинары и мастер-классы по знакомству с системой мониторинга;
- использованы компьютерные технологии, что позволило сократить время на сбор, обработку и анализ результатов и при этом повысило их информативность;
- сформирована единая база данных.

Система мониторинга, разработанная координаторами проекта М 8.1.3, имеет следующие характеристики:

- системность, что позволяет проследить динамику развития знаний, умений и навыков у студентов;
- пролонгированный характер (система мониторинга будет проводиться в течение 4 лет (2016–2020 гг.) для мониторинга успехов студентов в период всего периода обучения);
- сравнительный характер, что позволяет сопоставить результаты различных групп, в различный период времени;
- диагностический характер на основании чего можно осуществлять прогнозирование успешности обучения.

Материалы, используемые для мониторинга, были подобраны и разработаны координаторами проекта на основе лучших зарубежных практик. Российский проект 5-100, полноправным участником которого является Южно-Уральский государственный университет, дал старт внесению кардинальных изменений в систему иноязычной подготовки в вузах с ориентацией на международные стандарты оценки деятельности, как педагогов, так и студентов [5]. Признанными научными школами по теории и практике мониторинга считаются ETS (США), Cambridge and Oxford Universities и другие.

Исследованиями в области методики доказано, что тестирование может применяться в качестве основного метода педагогического измерения в системе уровневого мониторинга, что объективирует и оптимизирует процесс мониторинга сформированности иноязычной коммуникативной и других профессионально значимых компетенций обучающихся [1, 6]. Для входного и промежуточного тестирования были выбраны материалы издательства Cambridge University Press. Данные материалы позволяют за ограниченный промежуток времени проверить большой объем материала у большой группы обучающихся, с их помощью возможен мониторинг на начальном этапе с целью оценки результатов предварительной подготовки.

Материалы обладают высокой валидностью, мониторинг показал, что уровень знаний студентов был определен с точностью 84 %, поскольку на промежуточном тестировании такой процент студентов подтвердил свой уровень знаний. Дальнейший мониторинг и контроль позволят еще точнее систематизировать полученную информацию, анализировать ее и вырабатывать рекомендации и управленческие решения процессом обучения.

Для изучения удовлетворенности студентов предлагаемыми материалами преподавателями кафедры был проведен опрос по уровневому (входному) тестированию. Проведенное исследование выявило отношение студентов к различным критериям оценки уровневых тестов. Наиболее важным критерием для студентов является четкость инструкций (для 76 % очень важно и 16 % важно). Объективность (62 % очень важно и 24 % важно), полнота проверки языковых способностей обучаемых (58 % очень важно и 32 % важно) также были высоко оценены [7].

В рамках инновационного подхода к организации иноязычной подготовке будущих профессионалов в Южно-Уральском государственном университете планируется мониторинг готовности студентов не только к внутренней оценке полученных знаний, но и к внешней. Внутренняя оценка знаний студентов проходит через проведение экзаменов по формату KET и PET, внешняя оценка будет включать прохождение сертификации IELTS. Так, к 2019 году планируется сдача международного экзамена IELTS 5 % бакалавров, к 2020 – 10 % [7].

Для кафедры иностранных языков основными принципами мониторинга являются систематичность в проведении исследований и наблюдений, а также доступность и открытость в получении информации. Именно поэтому на вводном занятии преподаватели знакомят студентов с системой мониторинга и контрольными точками данной системы, что способствует формированию у обучающихся сознательности и мотивации в освоении знаний.

Все данные вносятся в единую базу, которая постоянное обновляется (рис. 2). Кроме этого для качественной оценки успеваемости студентов была разработана также программа «Дневник преподавателя», которая предназначена для автоматизации ведения учета успеваемости студента преподавателями, а также позволяет оперативно получать данные о набранных баллах в ходе учебного процесса по предметам курса (рис. 3). Программа состоит из серверной части и клиентского модуля. Серверная часть – это база данных, в которой хранится вся информация от преподавателей. Клиентский модуль работает в четырех режимах: преподаватель, методист, староста группы и студент. Вход в систему осуществляется по индивидуальному логину и паролю.

Каждый режим работы клиентского модуля отображает только ту часть информации, к которой допущен клиент. Преподаватель имеет право просматривать и вносить изменения только в свои группы и дисциплины.

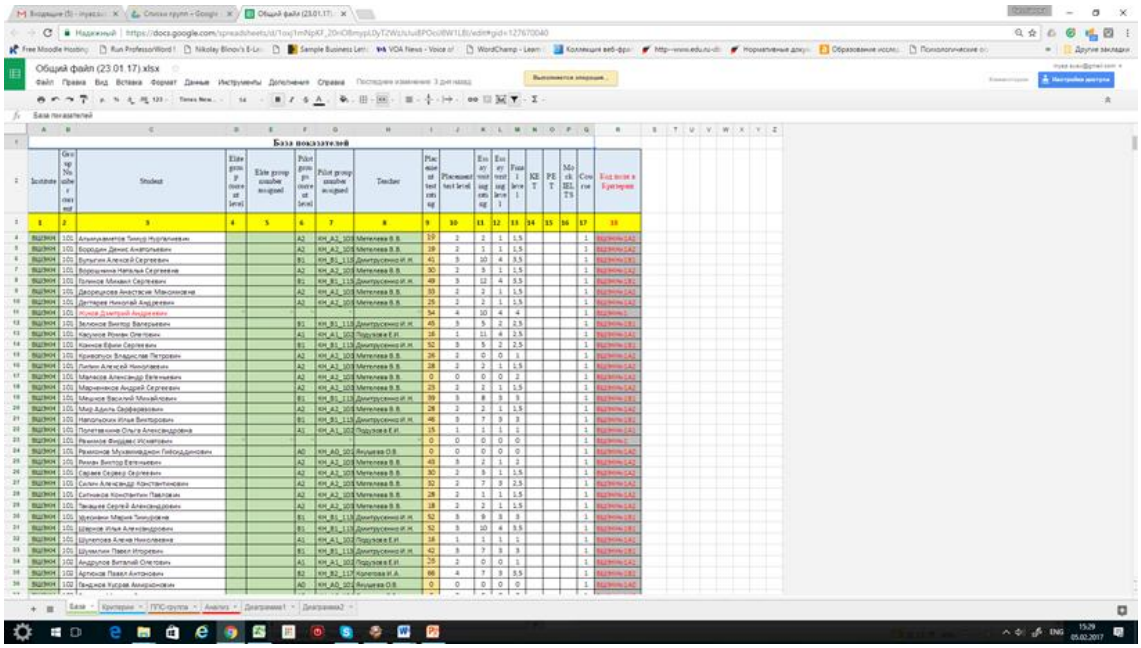


Рис. 2. Базы данных

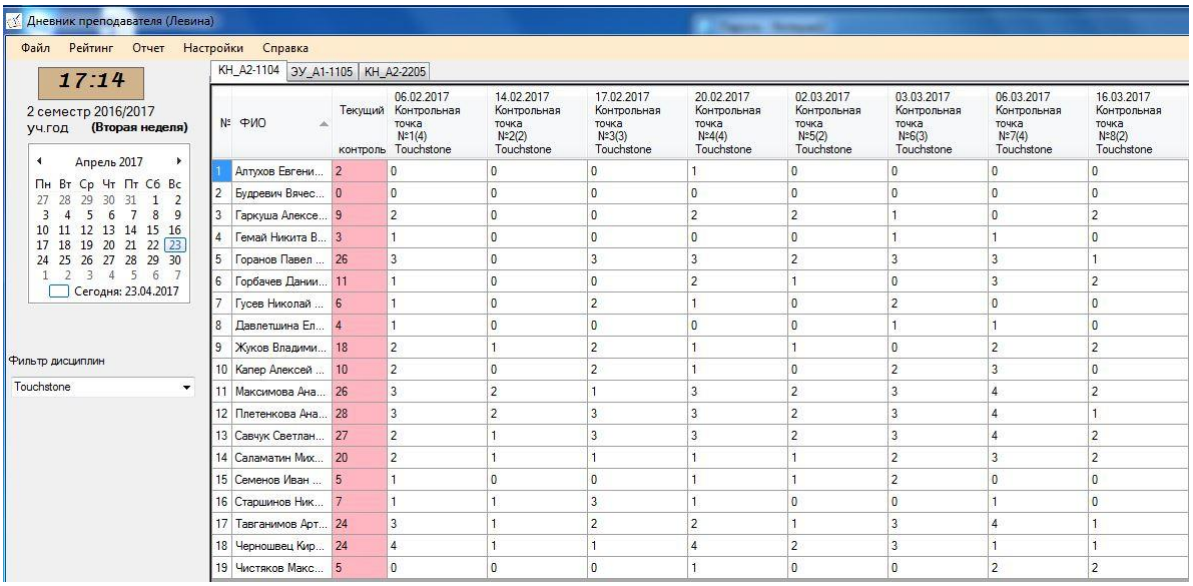


Рис. 3. Дневник преподавателя

Клиентский модуль преподавателя позволяет выполнять следующие функции:

- вести учет успеваемости студентов по группам и читаемым дисциплинам в текущем семестре;
- просматривать оценки, выставленные другими преподавателями по читаемым дисциплинам (ведущие практики или лекции по дисциплине);
- просматривать успеваемость студентов за предыдущие семестры;
- контролировать посещаемость занятий студентов за все семестры;

- осуществлять импорт и экспорт данных в серверную часть программы (базу данных на сервере);
- проводить экспресс анализ (рейтинг) успеваемости студентов в течение всего семестра;
- выстраивать рейтинги успеваемости студентов по дисциплине по группам или на курс в целом;
- автоматически формировать аттестационные, зачетные и экзаменационные ведомости, с учетом набранных баллов с переводом их в пятибалльную оценку.

Методист может просматривать всю информацию по всем курсам и дисциплинам, по каждому студенту, выполнять переводы студентов между группами или удалять при отчислении. Староста группы может вносить данные по посещаемости студентами группы занятий и передавать данные для утверждения преподавателям, ведущим дисциплины. Студент имеет возможность только просматривать свои баллы по дисциплинам и задолженности по предметам (рис. 4).

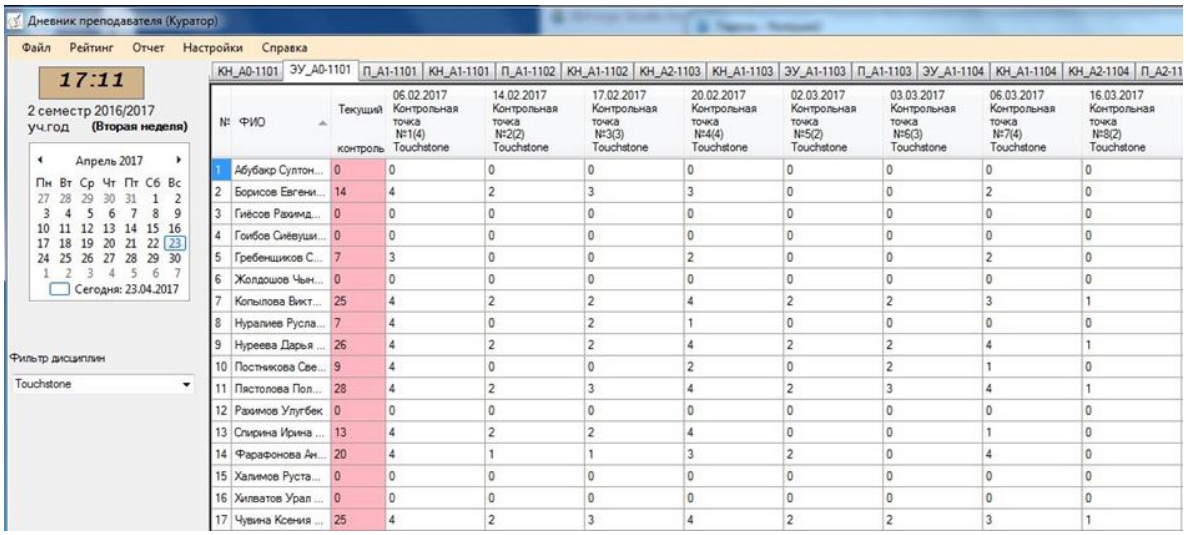


Рис. 4. Дневник группы

Учет набранных баллов студентов ведется в программе «Дневник преподавателя» в ходе текущего контроля, рубежного контроля и итогового контроля. Общее количество баллов за семестр равно 100.

В ходе текущего контроля, предназначенного для учета успеваемости в течение всего семестра до начала сессии студент может набрать 80 баллов. Преподаватель начисляет баллы за каждую контрольную точку (К.Т.), назначенные для данной дисциплины. Каждая контрольная точка имеет свой вес (максимальное количество баллов).

Для проведения рубежного контроля (аттестация), проводимого с целью промежуточного анализа успеваемости студента, преподаватель в ус-

тановленные сроки аттестации с помощью программы выставляет оценки за аттестацию. Программа автоматически суммирует все баллы, выставленные студенту до даты проведения аттестации, а также переводит сумму баллов в пятибалльную систему. Расчет оценок осуществляется в соответствии с таблицей (посещаемость в аттестацию не учитывается) (рис. 5).

Итоговый контроль – это экзамен или зачет, за которые начисляются 20 баллов. По итогам посещаемости занятий студент может получить дополнительные баллы в конце семестра.

Набранные баллы автоматически суммируются в конце семестра и переводятся в пятибалльную систему для заполнения экзаменационной ведомости. Ведомость формируется автоматически и имеет более расширенные данные, которые отображают в специальных графах итоговую информацию о начисленных баллах за все виды контроля и итоговую оценку.

Для анализа успеваемости в программе предусмотрено построение рейтингов студентов по группе, курсам или по всем курсам дисциплин с сохранением результата в отдельном файле в формате PDF (рис. 5).

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОСИИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Рейтинг

Дисциплина: Touchstone

№	ФИО	Группа	Посещаемость	Баллы	Всего
1	Гайфулин Никита Маратович	КН_А2-2205	0	31	31
2	Алдохин Никита Сергеевич	КН_А2-2205	0	29	29
3	Плетенкова Анастасия	КН_А2-1104	0	28	28
4	Савчук Светлана Павловна	КН_А2-1104	0	27	27
5	Давидюк Дарья Сергеевна	ЭУ_А1-1105	0	26	26
6	Максимова Анастасия Игоревна	КН_А2-1104	0	26	26
7	Волкова Анастасия Андреевна	КН_А2-2205	0	26	26
8	Евстифеева Кристина Владимировна	ЭУ_А1-1105	0	26	26
9	Горанов Павел Сергеевич	КН_А2-1104	0	26	26
10	Каракулов Владимир Николаевич	КН_А2-2205	0	25	25
11	Черношвец Кирилл Викторович	КН_А2-1104	0	24	24

Рис. 5. Рейтинги студентов

Особенностями программы являются:

- возможность автономной работы без доступа к Интернет;
- работа в программе с любого носителя информации;

- программа не требует инсталляции;
- возможность работать со всеми версиями операционных систем.

Созданию системы мониторинга было уделено большое внимание, так как без специального инструмента контроля и анализа невозможна дальнейшая эффективная работа по повышению качества образования. Практическая ценность разработанной системы состоит в том, что накопленные показатели понятны, поддаются количественным измерениям, представлены в динамике, позволяют оценить эффективность обучения.

Библиографический список

1. Денисова, И.А. Уровневый мониторинг в процессе обучения иностранному языку студентов-лингвистов (на материале английского языка): автореф. дис. … канд. пед. наук / И.А. Денисова. – Пятигорск, 2011 – 25 с.

2. Котлярова, И.О. Систематизация критериев качества университетского образования / И.О. Котлярова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование, здравоохранение, физическая культура». – 2005. – Вып. 6. – № 15 (55). – С. 29–36.

3. Котлярова, И.О. Измерение и оценивание отношений субъектов муниципального управления на результативно-предвосхищающей стадии проектирования целевых программ / И.О. Котлярова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2013. – Т. 5, № 3. – С. 8–11.

4. Майоров, А.Н. Мониторинг в образовании / А.Н. Майоров. – СПб.: Образование – культура, 1998. – С. 334.

5. Ярославова, Е.Н. Инновационный подход к организации иноязычной подготовки будущего профессионала в университете / Е.Н. Ярославова, М.Г. Федотова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2017. – Т. 14, № 1. – С. 62–68.

6. Ярославова, Е.Н. Сформированность профессионально-ориентированной иноязычной коммуникативной компетентности как объект педагогического контроля / Е.Н. Ярославова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2013. – Т. 5, № 3. – С. 54–58.

7. Peredrienko, T., Istomina, E. Placement test validation: ways of improvement // Proceedings of the 11th International Technology, Education and Development Conference. – Spain, 2017.

К содержанию

УДК 316.472.4 + 378.026.5 + 004.735.5

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ОНЛАЙН ТЕХНОЛОГИЙ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ПРИ СМЕШАННОМ ОБУЧЕНИИ

Е.И. Подузова

Рассмотрены современные интернет-технологии при смешанном обучении, а также результаты их применения. Проведен анализ эффективности обучения слушателей курса при использовании инновационных онлайн технологий и социальных сетей для организации их самостоятельной работы и эффективного оценивания. Приведены данные анкетирования обучающихся об их мнении о смешанном обучении, после чего проведена рефлексия результатов проекта.

Ключевые слова: смешанное обучение, инновационные методики, онлайн технологии, социальные сети, интернет-ресурсы, самостоятельная работа студентов (СРС).

Введение

Во всём мире известна и привычна традиционная модель обучения, подразумевающая преподавание в классной комнате. Такой процесс обучения включает в себя непосредственно работу в классе, в котором задействованы учитель и ученики. Но с появлением мультимедийных технологий, таких как компьютер и интернет сеть, их развитием и внедрением в учебный процесс традиционная модель обучения значительно подверглась изменениям и реструктуризации. Информационное общество значительно шагнуло вперед, что дало толчок к развитию во всех сферах нашей жизни, не оставив в стороне и сферу образования. Теперь трудно представить, что учитель или преподаватель может обойтись без информационных технологий, не прибегнув на своих занятиях либо при подготовке к ним к интернет-ресурсам, где хранится огромное количество полезной информации от методических пособий до обучающих видео. Что более важно, сегодня практически невозможно представить студента или ученика, который обходится в учебе без компьютера и интернет сети. Нынешнее поколение обучающихся, можно сказать, выросло на информационных технологиях, которые зарождались и эволюционировали на их глазах, что привело к неизбежному пересмотрению системы образования в целом и к появлению новых инновационных методик, в частности. Сегодня существует большое количество таких методик преподавания, которые задействуют различные мультимедийные устройства и интернет ресурсы. Одна из них представляет собой смешанное обучение (Blended learning).

1. Понятие «смешанное обучение»

Термин «смешанное обучение» можно встретить во многих научных работах, наиболее распространенные из них авторов Эллисон Розетт, Ре-

бекки Воган Фрази, Пурнима Валиатан, Роджера Шанк и других. Большинство ученых описывает смешанное обучение как использование аудиторного и электронного обучения.

По мнению Эллисон Розетт и Ребекки Воган Фрази, смешанное обучение объединяет в себе противоположные на первый взгляд подходы – формальное и неформальное, общение «лицом к лицу» (face-to-face) и общение «онлайн» (online) [1].

Пурнима Валиатан характеризует смешанное обучение решениями, в которых комбинируются различные способы доставки учебного содержания, такие как курсы, основанные на Веб-технологиях, EPSS и методики управления знаниями. Он также использует термин для описания обучения, состоящего из различных видов учебных мероприятий, таких как очное обучение (face-to-face), онлайн электронное обучение (live elearning) и самообучение на рабочем месте (selfpaced learning) [2].

Анализируя вышеперечисленные формулировки термина «смешанное обучение», можно найти три общих факта, характеризующих его:

– аудиторное обучение, основанное на общении «лицом к лицу» (face-to-face);

– электронное обучение, основанное на общении «онлайн» (live elearning);

– самостоятельное обучение (selfpaced learning).

2. Инновационные онлайн технологии и их применение

Существует несколько моделей «смешанного обучения», такие как «перевёрнутый класс (flipped classroom), ротация станций (station rotation model), гибкая модель (flexy model) и другие. Мнения о том, как такое обучение должно реализовываться, расходятся. Но в одном ученые сходятся – наряду с очными занятиями в аудитории или классной комнате необходимы занятия онлайн, подразумевающие наличие виртуального класса, где студенты или ученики могут самостоятельно заниматься в удобное для них время. Помимо виртуального класса, важно применение информационных технологий, включающих работу с аудио и видео материалами, электронные конференции и обсуждения, а также общение онлайн как между студентами внутри группы, так и с преподавателем заочно.

В нашем эксперименте при обучении английскому языку студентов первого курса Политехнического Института и первого, второго курсов Высшей Школы Электроники и Компьютерных Наук Южно-Уральского Государственного Университета (ЮУрГУ) использовались такие инновационные онлайн технологии, как обучающие интернет платформы на сайте Кембриджского Университета www.cambridgelms.org и www.edmodo.com, а также созданная преподавателем группа в социальной сети «Вконтате» по электронному адресу www.vk.com.

На базе данных платформ студентам предлагалось достаточное количество грамматических упражнений, заданий на основе видео и аудио ресурсов, презентаций с объяснением теоретического материала, обучающих игр, письменных и даже устных заданий. В общей группе социальной сети «Вконтакте» осуществлялась самостоятельная работа студентов (СРС), заключающаяся в написании и обсуждении блогов на английском языке на заданную преподавателем тематику и по чётко сформулированной модели. Также в группе освещались данные о текущих предметных баллах студентов и обсуждались административные вопросы, что позволяло участникам всегда быть на связи с преподавателем вне аудитории и получать необходимую онлайн поддержку. Материалы групп можно посмотреть по следующим гиперссылкам https://vk.com/club104938280, https://vk.com/tsa1ke, https://vk.com/club128713801.

3. Обсуждение результатов

Результаты различных моделей «смешанного обучения», реализовываемых на практике, зависят от поставленных целей и их адаптирования, а также насколько успешно преодолены препятствия во время их реализации. По словам К.Н. Волченковой, более одной цели совместимо с конкретной моделью обучения, в то время как реализация цели не гарантирована последней [3].

В нашем проекте использования инновационных онлайн технологий и социальных сетей при смешанном обучении были поставлены следующие цели:

– эффективная организация самостоятельной работы студентов (СРС) онлайн;

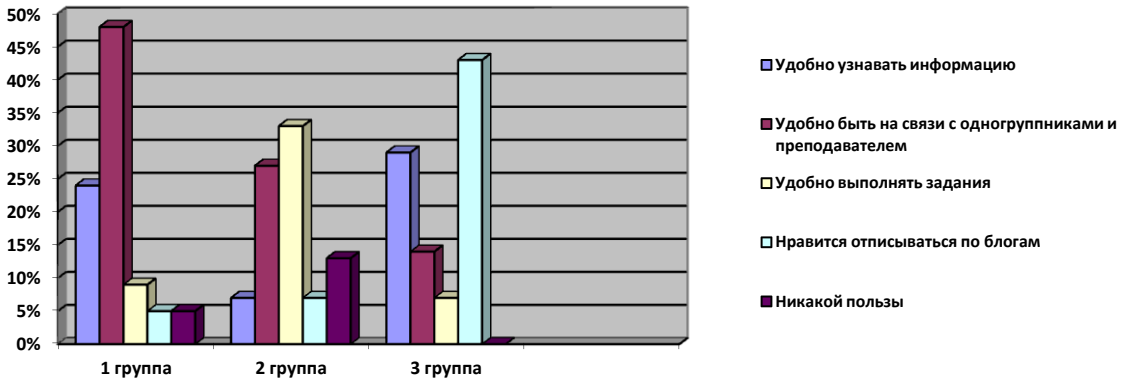
– насыщение курса обучения мультимедийными информационными технологиями;

– создание онлайн поддержки обучающихся.

Для объективного оценивания результатов проделанной работы было проведено анкетирование среди слушателей первого курса Политехнического Института и первого, второго курсов Высшей Школы Электроники и Компьютерных Наук Южно-Уральского Государственного Университета (ЮУрГУ). В анкетировании было задано два вопроса – насколько студенты удовлетворены работой с обучающей платформой и как использование социальной сети «Вконтакте» помогает им лично в учебном процессе.

На первый вопрос участники группы из предложенных вариантов «Полностью удовлетворён», «Скорее удовлетворён, чем нет» и «Совершенно неудовлетворён» выбрали в большинстве своём (71 %) вариант «Полностью удовлетворён», меньшинство группы (3 %) остались совершенно неудовлетворенны работой на онлайн платформе и 26 % опрошенных были скорее удовлетворены, чем нет.

На второй вопрос, где обсуждалось, как использование социальных сетей помогает студентам в процессе обучения, было предложено пять вариантов ответа: «Удобно узнавать информацию», «Удобно быть на связи с одногруппниками и преподавателем», «Удобно выполнять задания», «Нравится отписываться по блогам» и вариант «Никакой пользы»». Соотношение пропорций ответов на второй вопрос вы можете видеть на графике ниже (рис.).



Оценивание использования социальной сети «Вконтакте» в обучении студентами

Диаграмма отметок студентов

Заключение

По результатам опроса студентов данных групп очевидно, что большинство осталось удовлетворенными внедрением инновационных онлайн технологий в обучение и использованием социальных сетей при этом. Многие отметили удобство быть на связи с преподавателем и одногруппниками, а также желание выполнять самостоятельное письменное задание в виде блогов в социальной сети «Вконтате». Эти данные позволяют констатировать факт достижения поставленных целей в начале курса. Очевидно, что СРС студентов была организована эффективно, исходя из их желания выполнять предложенные задания, а также мы видим, что онлайн поддержка студентов была реализована в полной мере.

Тем не менее, остались открытые вопросы и проект требует доработки, так как до 10 % опрошенных не нашли никакой пользы от использования инновационных онлайн технологий и социальных сетей при смешанном обучении.

Библиографический список

1. Rossett A.,Vaughan F., Blended learning CEO Epic Group plc, 52 Old Steine, Brighton BN11NH, 2003. – URL: http://www.obs.ru/interest/publ/?thread=57.

2. Purnima V. Blended Learning Models//: Published August 2002. P.1. – URL: http://www.learningcircuits.org/2002/aug2002/valiathan.html.

3. Брайан, А. Blended learning: concept, models, implications for higher education / А. Брайан, К.Н. Волченкова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2016. – Т. 8. № 2. – С. 24–30.

К содержанию

УДК 811.111-26 + 378.02

КРИТЕРИИ ОТБОРА ТЕКСТОВ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-МАГИСТРОВ НА ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЯХ ЮУрГУ

Н.А. Полетаева

Статья посвящена проблеме содержания и отбора текстов для обучения профессионально-ориентированному чтению студентов-магистров технических направлений подготовки. Характеризуется роль чтения иноязычных текстов по специальности в условиях межкультурной профессиональной коммуникации, перечисляются основополагающие признаки текстов, реализующих задачи профессионально ориентированного чтения и предлагаются критерии их отбора.

Ключевые слова: профессионально-ориентированное чтение, компетентностный подход, текстовый материал, языковая подготовка, критерии отбора.

Современные условия жизни общества, характеризующиеся значительными социально-экономическими изменениями, расширением внешнеэкономических связей и активным обменом информацией, ставят новые задачи по подготовке магистров со знанием английского языка в различных профессиональных областях. Поэтому особую значимость приобретает иноязычная подготовка кадров высшей квалификации в системе магистратуры [1]. В настоящее время никто не подвергает сомнению целесообразность изучения иностранного языка студентами разных специальностей, так как владение иностранным языком выступает необходимым условием для успешной карьеры в разнообразных сферах человеческой деятельности.

Переосмысление цели и содержания обучения иностранным языкам на технических специальностях вуза во многом обусловлено глобальными измерениями в политической, социально-экономической и культурной жизни России. Особую актуальность приобретает расширение контактов

между странами, которое способствует обмену информацией между носителями различных культур не только в сфере повседневной жизни, но и в вопросах их профессиональной деятельности. Данное обстоятельство выдвигает на передний план профессионально-ориентированное чтение при обучении английскому языку студентов–магистров на технических специальностях вуза как источник получения новой информации.

Компетентностная модель обучения иностранному языку открывает новые возможности для повышения качества подготовки специалистов в области иностранных языков с одной стороны и создание условий для развития творческих способностей, конкурентности и мобильности обучения.

Современные преобразования высшей школы требуют изучения иностранного языка как знакового средства общения, что предполагает освоение лингвообразовательных, культурных ценностей и смыслов, которые способствуют приобретению и реализации социально значимых личностных качеств будущего инженера [2, с. 22].

Именно ресурсы компетентностного подхода дают возможность решить задачу конкурентоспособности выпускника вуза на рынке труда, создав ему условия для профессионального роста, мобильности и успеха. Овладение профессионально-ориентированной коммуникативной компетентностью является одновременно и целью и результатом обучения иностранным языкам в вузе, которое направлено на формирование готовности будущего специалиста к сложной речевой деятельности, обусловленной его профессиональными возможностями и потребностями [3].

Обучение информационному поиску и чтению научно-технических текстов по определенной отрасли знаний требует решения ряда первостепенных задач, среди которых можно выделить отбор и определение тематики текстового материала.

При определении текста мы исходим из того, что текст это:

1) продукт речевой деятельности, результат говорения или письма;

2) единица коммуникации, которой человек пользуется в процессе речевой деятельности;

3) существует в аудио, видео или письменном формате, включая формулы, графики и схемы;

4) включает реалии изучаемого языка [4, с. 303].

При отборе текстов для обучения профессионально-ориентированному чтению, в первую очередь, надо опираться на смысловое содержание текстов, их связь с непосредственной будущей специальностью студентов-магистров, вызывая тем самым их интерес к прочтению данного материала и желание овладеть терминологией для лучшего понимания [5].

Не всегда просто подобрать текст для обсуждения его на занятии. Удачно подобранный текст максимально стимулирует языковую деятельность студентов, поэтому он должен соответствовать определённым тре-

бованиям: он должен нести информацию, должен быть интересен студентам, должен являться образцом для развития и совершенствования навыков и умений устной и письменной речи, отправной точкой для самостоятельных высказываний. В данной статье мы будем рассматривать учебное пособие по английскому языку для магистрантов технических направлений подготовки [6].

Раздел II «Engineering knowledge and skills» содержит 5 текстов, объеденных одной общей темой, которая на наш взгляд, является важной и интересной для будущих инженеров. Тематика текстов в этом разделе отражает качества инженера, его профессиональные умения, необходимые для решения технических задач, а также способности, которые обеспечивают успех профессиональной деятельности специалиста. Все тексты снабжены дотекстовыми и послетекстовыми упражнениями, которые дают студенту возможность построить собственное высказывание по данной теме.

При отборе или создании текстового материала для обучения профессионально-ориентированному чтению на технических специальностях вуза нужно учесть ряд обязательных критериев:

1) коммуникативные и когнитивные интересы студентов-магистров;

2) соответствие уровню их языкового и речевого опыта в родном и иностранном языках;

3) содержательную сторону текстов с точки зрения их информационной насыщенности;

4) релевантные признаки текстов, подходящих для профессионально ориентированного чтения: целостность; смысловая законченность; завершенность; соответствие адаптированных текстов характеристикам оригинальных текстов; языковая доступность; содержание, мотивирующее студентов; информационная насыщенность; величина текста [7].

Учитывая данные параметры при отборе текстов, следует также принимать во внимание, что целью чтения студентов технических специальностей выступает не столько языковой материал, сколько информация, содержащаяся в них.

На основе анализа различной литературы по данной проблеме рассмотрим факторы, обусловливающие отбор текстового материала, без учета которых невозможно построить процесс обучения профессионально-ориентированному языку.

1. Профессиональная направленность текстов. Как мы уже говорили ранее, данный фактор очень важен при обучении языку специальности. Тексты должны включать в себя элементарные понятия, термины, факты, которые понадобятся студентам-магистрам в их профессиональной деятельности. Так, например, пятый раздел упомянутого выше пособия «Engineering» знакомит студентов с их будущей специальностью инженера-механика. Раздел состоит из трех частей, где будущие инженеры знако-

мятся с отраслями техники, в общем, и машиностроении в частности. Студентам вводятся такие термины, как: mechanical engineering, applied mechanics, branches of engineering, steam engine, machine-tool, internal combustion engine. В текстах дана информация из истории появления данных понятий. Приводятся определения этих терминов разных авторов и студентам предлагается дать собственное определение того или иного понятия, обосновав свой ответ.

2. Степень сложности материала и уровень языковой подготовки студентов. К сожалению, студенты не всегда обладают высоким уровнем владения иностранным языком после школы, поэтому на начальном этапе текст не должен быть перегружен сложными грамматическими конструкциями и профессиональной лексикой. От соблюдения этого критерия зависит возможность понимания и перевода профессионально-ориентированных текстов, а также возможность практики устной речи. Преподавателю иностранного языка следует научить студентов-магистров обходить языковые трудности, которые не препятствуют правильной интерпретации текста.

На практических занятиях по иностранному языку необходимо выработать у студентов навыки и умения чтения с различной глубиной понимания в зависимости от целей чтения, что предполагает овладение студентами различными стратегиями чтения: просмотровым, ознакомительным и изучающим.

Тексты для обучения должны иметь соответствующую степень трудности, оригинальность, определенную степень насыщенности терминологической лексикой. При отборе литературы преподаватель должен подготовить комплекс аудиторных и внеаудиторных упражнений с нарастающими трудностями. Такой подход позволит студенту перейти от запоминания отдельных слов-понятий, готовых речевых образцов к самостоятельному их конструированию и комбинированию, а в дальнейшем и к спонтанному их применению в речи и высказыванию по заданной теме.

3. Актуальность и новизна содержания текста помогает создать условия для организации дополнительных стимулов, которые способствуют активизации познавательной деятельности студентов при чтении. Если говорить о тематике учебных текстов, то необходимо, чтобы она была однородной, т.е. при варьировании отдельных мелких тем они входили в объединяющие их тематические группы. В то же время тексты должны знакомить будущего инженера-механика с одним и тем же предметом с разных сторон. Это означает, что внутри данной однородной тематики могут быть представлены тексты разного содержания. Так, в вышеупомянутом пособии в разделе 4 «Technology» даны шесть текстов: Text A «Technology», Text B «Definition and usage of the term technology», Text C «Science, engineering and technology», Text D «Effect of technology on our lives», Text E

«Positive effects of technology on society», Text F «The negative effects of technology in our world». Все тексты снабжены дотекстовыми и послетекстовыми упражнениями, которые позволяют студенту-магистру построить высказывание о роли технологии в нашем современном мире согласно заданному плану:

– technology and innovation;
– the revolution in technology;
– the role of computer and Internet;
– the positive effects of technology on society;
– the negative effects of technology;
– new advancements in technology.

4. Одним из важных факторов отбора учебного материала является аутентичность текстов. Аутентичность означает, что текст является реальным продуктом речевой деятельности носителей языка и не адаптирован, согласно уровню студентов.

В отбираемых текстах должны быть сохранены такие свойства, как связность, цельность, информативная насыщенность, соответствие логико-композиционной и логико-смысловой особенностям, свойственным жанрам оригинальных текстов, в нашем случае – научных и производственно-технических стилей речи. Отсутствие аутентичных материалов приводит к таким последствиям, как непонимание речи на слух в бытовых, а также рабочих ситуациях, в деловой переписке и к значительному количеству затруднительных ситуаций. Также не будем забывать, что технические специальности, такие как прикладная механика и пожарная безопасность, имеют дело с большим количеством технической документации, неправильное толкование которой может привести к непониманию информации.

5. Преемственность в организации текстового материала. Тексты должны быть построены таким образом, чтобы последующие тексты и упражнения опирались на предыдущие, чтобы они повторяли и развивали дальше ранее изученный материал с целью успешного формирования, закрепления и совершенствования речевых умений и навыков; информация должна поступать по принципу «от простого – к сложному». Например, знакомство со специальностью мы начинаем с чтения научно-популярных текстов. Они знакомят студентов-магистров с профессией инженера, с качествами и умениями, которыми он должен обладать, с основными достижениями в области науки (Unit III «Science and scientist»), в области техники (Unit IV «Technology»). Только потом студенты переходят к чтению узкопрофильных текстов по изучаемой специальности. В нашем случае Unit V «Engineering», где подобраны тексты с учетом узкой специальности студентов, которые содержат не только общенаучную, но и узкоспециальную терминологию.

6. Речевая направленность текстового материала: с первых уроков стоит неуклонно наращивать удельный вес упражнений, предназначенных для формирования и развития речевых умений на основе отобранных текстов.

7. Материал страноведческого и социокультурного характера. В нашем случае, это могут быть некоторые факты из биографии знаменитых создателей двигателя внутреннего сгорания и станков или просто актуальные факты развития машиностроения в России и за рубежом.

8. Критерий функционально-стилистической и жанровой соотнесенности позволяет расширить тематику текстов. Что касается различных отраслей машиностроения, то данный критерий означает включение такой литературы как инструкции, справочники по различным образцам техники, описания производственных процессов и технологий.

9. Учет межпредметных связей, которые обеспечивают взаимодействие специальности с другими науками и техническими отраслями знаний. Изучая различные области машиностроения, нельзя обойтись без знания физики, математики, прикладной механики и термодинамики.

Таким образом, следует отметить, что проблема отбора и содержания текстов при обучении профессионально-ориентированному чтению на технических специальностях вуза занимает одно из центральных мест. Тщательно структурированный материал, который отвечает всем требованиям и критериям отбора, дает возможность:

1) повысить уровень всех видов речевой деятельности, включая чтение и перевод текстов по специальности;

2) мотивирует студентов-магистров на самостоятельное изучение некоторых вопросов, касающихся актуальных сторон будущей специальности в сети интернет, либо в других источниках информации;

3) расширить лексический запас студентов;

4) понять значение незнакомых слов из контекста, используя языковую догадку;

5) развивать различные стратегии изучения иностранного языка;

6) повысить культуру человека.

Кроме того, нельзя отрицать и воспитательный характер чтения: чтение повышает культуру человека, заставляя его задуматься над различными проблемами и аспектами нашей жизни. Как говорил Рей Брэдбери: «Не обязательно сжигать книги, чтобы разрушить культуру. Достаточно заставить людей прекратить читать».

Библиографический список

1. Семашко, Л.А. Оптимизация системы обучения иностранному языку магистров технических специальностей / Л.А. Семашко // Материалы региональной научно-методической конференции «Актуальные проблемы содействия процессу подготовки специалиста в системе профессионального образования». – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2011. – С. 1292–1297.

2. Афанасьева, О.Ю. Текстовая образовательная среда как фактор формирования профессиональной компетентности учителя иностранного языка / О.Ю. Афанасьева, М.Г.Федотова // Материалы третьей международной заочной научно-практической конференции. – Челябинск: ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», РАНХиГС, Челябинский филиал, 2015. – С. 21–27.

3. Ярославова, Е.Н. Концепция непрерывного профессионально-ориентированного иноязычного образования как условие самореализации будущего специалиста высшей квалификации: монография / Е.Н. Ярославова, М.Г. Федотова. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010. – 316 с.

4. Азимов, Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.

5. Полетаева, Н.А. Технология работы с текстом на занятиях по английскому языку магистрантов технических направлений подготовки ЮУрГУ / Н.А. Полетаева // Материалы 68-й научно-практической конференции Наука ЮУрГУ. Секции социально-гуманитарных наук. – Челябинск: Изд. ЮУрГУ, 2016. – С. 647–655.

6. Полетаева, Н.А. Английский язык: учебное пособие для магистрантов технических направлений подготовки / Н.А. Полетаева, под ред. Е.Н. Ярославовой. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. – 157 с.

7. Фоломкина, С.К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе / С.К. Фоломкина. – М.: Высшая школа, 2005 – 256 с.

К содержанию

УДК 81′234 + 004.415 + 159.9:61

НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ: БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ

Т.В. Пригарина

В статье затрагиваются вопросы возникновения нейролингвистического программирования (НЛП), объясняется значение составляющих этого словосочетания, даётся определение данного понятия, а также рассматриваются его основные положения и базовые постулаты.

Ключевые слова: НЛП, процесс коммуникации, стратегии успеха, субъективный опыт, психотерапия, сознательное и бессознательное.

Человек, будучи социальным существом, вынужден общаться с другими людьми. При этом каждый бессознательно заинтересован в достижении тех целей и задач, ради которых он вступает в процесс коммуникации.

Достичь эти цели, а также установить доверительные взаимоотношения и прийти к соглашению, которое устроит обе стороны, помогает нейролингвистическое программирование, основные идеи и постулаты которого являются предметом данной статьи.

История возникновения нейролингвистического программирования (НЛП) достаточно любопытна.

НЛП возникло в начале 1970-х и стало плодом сотрудничества Джона Гриндера, который был тогда ассистентом профессора лингвистики в университете Калифорнии в Санта Крузе, и Ричарда Бэндлера – студента психологии в том же университете. Они вместе изучали действия трех выдающихся психотерапевтов: Фрица Перлза, новатора психотерапии и основоположника школы терапии, известной под названием гештальт-терапии, Вирджинии Сатир, необыкновенного семейного терапевта, которой удавалось разрешать такие трудные семейные взаимоотношения, которые многие другие семейные психотерапевты находили неприступными, и, наконец, Милтона Эриксона, всемирно известного гипнотерапевта. Записывая блистательные сеансы на видеоплёнку, а затем тщательно анализируя каждый шаг живого, реального и тем не менее кажущегося магическим взаимодействия, Дж. Гриндер и Р. Бэндлер обратили внимание на то, *что* делали талантливые психотерапевты и *как* происходили изменения в людях. Теоретические постулаты психотерапевтических подходов уходили при этом на второй план. В фокусе анализа был процесс позитивного изменения обратившегося за помощью человека.

Документально представив процесс изменения во взаимодействии между психотерапевтом и клиентом, Дж. Гриндер и Р. Бэндлер сумели выделить в нём структурные элементы, позволяющие ответить на вопросы: «Как добиться успешных изменений?», «Как изменить взаимоотношения к лучшему?» и вообще «Как стать исключительным?». В центре внимания при этом оказывается сам процесс взаимодействия, который приводит к совершенным результатам [1].

Исследуя, какое влияние способы коммуникации оказывают на межличностные взаимоотношения, основатели НЛП не ставили своей целью создать какую-то уникальную теорию или изобрести абсолютно новую терапевтическую технику. Они хотели разработать модель исключительно успешного поведения, которую можно было бы воспроизводить и использовать. На основе длительных и тщательных наблюдений были получены операциональные схемы, сложным образом связанные с математикой, физикой, нейрофизиологией и лингвистикой. Однако сами по себе схемы успешного взаимодействия и изменения коммуникации оказались не только удивительно эффективными, но и достаточно простыми.

Сам по себе термин «НЛП» громоздкое словосочетание, за которым скрываются три простые идеи. Часть «Нейро» отражает фундаментальную

идею о том, что поведение берёт начало в неврологических процессах видения, слушания, восприятия запаха, вкуса, прикосновения и ощущения. Человек воспринимает мир через пять своих органов чувств, он извлекает «смысл» из информации и затем руководствуется им. Наша неврология включает в себя не только невидимые мыслительные процессы, но и наши видимые физиологические реакции на идеи и события. Оно является отражением другого на физическом уровне. Тело и разум образуют неразделимое единство, человеческое существо.

«Лингвистическая часть показывает, что в НЛП применяются структуры, создающие и трансформирующие лингвистику, и большое значение имеет то, что говорится и как говорится. Кроме того, язык является средством структурирования и выражения наших мыслей, которые играют огромную роль в формировании нужных нам программ.

Программирование указывает на то, что метод во многом имеет общие элементы с программированием: зная, какая программа вводится, мы можем предположить тот результат, который получим после запуска подобной программы.

Следует особо отметить, что в отличие от других психологических дисциплин, НЛП редко интересуется *содержанием* человеческого опыта. НЛП уделяется основное внимание *организации* этого метода – тому, как человек строит свой опыт; какие процессы лежат в основе данного построения; и как этим всем можно управлять. Именно в связи с этим «классики» НЛП часто предлагают рассматривать использование этой науки как своеобразный образовательный процесс: *переобучение мозга* [2].

В теоретическом плане НЛП определяется как многомерная модель структуры и функции человеческого опыта. НЛП описывает на одном уровне динамическое взаимодействие нервной системы, физиологии, языка и поведенческого программирования, т.е. тех основных компонентов, которые создают субъективный опыт [2].

В практическом аспекте НЛП – это искусство и наука о личном мастерстве. Это практическое руководство, позволяющее добиться тех результатов, к которым мы стремимся в этом мире. Это описание того, что создаёт различия между выдающимся и обычным, выдающимися и обычными людьми. И это система приёмов, техник и технологий, позволяющая использовать колоссальные возможности человеческого Разума [3].

НЛП можно определить как метод выявления и создания стратегии успеха, как умение трансформировать поведение и личность человека так, чтобы тот стал успешным и адекватным в собственной жизни. В основе НЛП лежит извечная идея психотерапии о том, что изменения собственного состояния возможны; при этом они опираются на сознательные действия, приводящие к бессознательным результатам. Это способ расширить горизонты и границы человеческой жизни.

Дух НЛП составляют его основные положения: гармония и согласованность; гибкость; выбор; открытость и толерантность; ориентированность на результат; точность и позитивное видение мира [4]. Познакомимся с ними поближе.

Гармония и согласованность. Гармония (в НЛП используется слово «конгруэнтность» – от латинского слова «congruens» – встретиться и прийти к соглашению») – это состояние соответствия между элементами системы, проявляющееся в согласованном сочетании вербальных и невербальных действий. Если внешнее поведение, внутренние процессы и внутренние состояния соответствуют друг другу, мы говорим, что человек действует гармонично, конгруэнтно. Гармония является результатом особого процесса – согласованного взаимодействия действий, мыслей и эмоций. Итак, в соответствие с идеей системного подхода человек и его коммуникация – это гармонично функционирующая система согласованных элементов.

Гибкость – второе важное положение НЛП. Суть этого положения можно выразить так: если то, что вы делаете, не работает, сделайте что-нибудь по-другому. Здесь уместно определение, данное Эйнштейном: «Безумие – это проделывать то же самое снова и снова, но каждый раз ожидать иного результата». Вы должны приспосабливаться. Должны действовать на основании информации, приходящей к вам в межличностных отношениях или бизнесе.

Выбор – третья составляющая НЛП, непосредственно связана с понятием гибкости и побуждает нас думать в терминах альтернатив и искать разнообразные варианты решения проблем. В НЛП не осуждают ни человека, ни его поведение, а утверждают: что бы он ни сделал в данный момент – это его лучший выбор, часто единственно возможный. В соответствии с положениями НЛП чем больше выбор, тем удачнее жизнь. Лучший выбор – это то, что у меня получается в данный момент.

Открытость и толерантность – лежат в умении слушать и понимать другого. НЛП учит выходить из собственной модели мира и наблюдать, что делают и говорят другие. Только отбрасывая предрассудки и априорные суждения, мы можем понять модель мира собеседника. Любознательность живёт рядом с открытостью и толерантностью. При этом подчёркивается одна важная деталь: понимать – это ещё не значит соглашаться.

Ориентированность на результат. Считая прагматический аспект важной ценностью, НЛП ставит во главу угла достижение результатов и оперирует конкретными и реальными терминами цели. Можно бесконечно говорить о том, что мы намереваемся сделать. В конечном итоге всех интересует лишь получаемый результат.

Точность. Вместо того, чтобы оставаться в атмосфере неясности, в НЛП стремятся к точности. Услышав: «Я скоро к Вам зайду», обяза-

тельно спросят: «Когда именно?». Точность в НЛП связана с постижением секретов языка.

Позитивное видение мира. Утверждение «в каждом из нас имеются все необходимые ресурсы» не только вселяет доверие и оптимизм, но и развивает позитивное видение себя и других. Такая позиция ведёт нас к открытости, принятию другого, любви. Это позитивная ориентация намного шире, чем простое противопоставление оптимизма пессимизму, потому что ведёт к созиданию и творчеству [4].

Эти основные положения отражены в базовых постулатах или аксиомах НЛП. Они имеют, скорее всего, вероятностную, чем теоретическую природу. Но в них философия НЛП и его дух. Некоторые постулаты заимствованы из других наук, теорий и техник и удачно дополняют модель НЛП.

Итак, к аксиомам НЛП относятся следующие постулаты:

1. Смысл коммуникации – в ответной реакции собеседника.
2. Карта реальности – это не сама реальность.
3. Язык – лишь вторичное представление опыта.
4. Невербальный язык – самый правдивый источник информации.
5. Поведение – это ещё не сам человек.
6. Каждый выбирает и делает лучшее из того, на что он способен.
7. Человек способен к адаптации.
8. Поведение изменяется в соответствии с контекстом.
9. Каждое действие имеет позитивное намерение и поэтому полезно и значимо.
10. Тело и разум – единая кибернетическая система.
11. Чем больше у человека выборов, тем более он свободен.
12. У каждого есть ресурсы для изменения.
13. Всё, что возможно для других, возможно и для меня.
14. Взгляните на неудачу как на обратную связь [5].

К сожалению, узкие рамки статьи не дают возможность рассмотреть подробно все постулаты. Из приведённых постулатов ясно следует, что НЛП – инструмент очень практичный и прагматичный. Это набор моделей, умений и технологий для того, чтобы мыслить и действовать эффективно в этом мире. С помощью НЛП можно изменить свою жизнь, добиваться того, что прежде казалось невозможным или совершить огромный скачок в личностном росте. В этом ценность НЛП.

Библиографический список

1. Бэндлер, Р. Нейролингвистическое программирование и структура гипноза / Р. Бэндлер, Дж. Гриндер. – СПб.: Петербург-XXI век, 1995. – 317 с.
2. Ковалёв, С.В. Основы нейролингвистического программирования: Учебное пособие / С.В. Ковалёв. – М.: Флинта, 2009. – 85 с.
3. О` Коннор, Дж. Введение в НЛП / Дж. О` Коннор, Дж. Сеймор. – Челябинск: Версия, 1997. – 105 с.

4. Горянина, В.А. Преображение жизненных ситуаций. Эффективные психосоциальные технологии / В.А. Горянина, И.К. Масалков. – М.: Совершенство, 2009. – 400 с.

5. Горянина, В.А. Психосоциологические методы социальной инженерии. Часть 2. Нейролингвистическое программирование: модели и инструменты взаимодействия / В.А. Горянина, И.К. Масалков. – М. Совершенство, 2005. – 82 с.

К содержанию

УДК 81’322.4

ЭВОЛЮЦИЯ СРЕДСТВ И СФЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНОГО ПЕРЕВОДА В СОВРЕМЕННОЙ ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЕ

С.В. Саночкина

Машинный автоматический перевод развивается очень стремительно и пользуется широкой популярностью в современном виртуальном обществе. Компьютерные программы и средства перевода эволюционируют с развитием вычислительной техники. Но в последнее время отношение к переводу в обществе значительно изменилось, снизились требования к качеству перевода и перед переводом стоят новые задачи: удовлетворять массовые потребности в общении и информации с минимальными затратами времени и средств.

Ключевые слова: машинный компьютерный перевод, качество перевода, виртуальная среда, соответствия, системы.

Исследование области машинного (автоматического) перевода как части компьютерной лингвистики началось в 1950–1960-х годах. Вначале предполагаемой целью был автоматический перевод всех видов документов на уровне качества равного лучшим переводам, сделанным человеком. Но вскоре стало очевидно, что эта цель не достижима. Если результат машинного перевода нужно было опубликовать в любой форме, требовалось редактирование человеком. В то же время было обнаружено, что для многих целей «сырой» (неотредактированный) машинный перевод может быть полезен тем, кто хочет получить общее представление о содержании текста на незнакомом языке как можно быстрее.

Как показывает обширная практика профессионального письменного перевода, машинный перевод является прикладным инструментом при выполнении переводов человеком. Многие годы машинный перевод при уча-

стии человека был экономичным выбором для многонациональных корпораций и других многоязычных учреждений (например, для ЕС).

К преимуществам машинного перевода можно отнести следующие:

- высокая скорость. За несколько секунд вы получаете перевод многостраничного текста. Это позволяет быстро понять смысл текста, а если система настроена на перевод текстов этой тематики, требуется минимальная редакторская правка;
- низкая стоимость в сравнении с оплатой постраничного перевода профессиональным переводчикам;
- доступ к услуге. Программа-переводчик всегда под рукой, а обращение в переводческое бюро во многих случаях связано с дополнительными затратами времени и сил;
- конфиденциальность. Как правило, личную переписку и финансовые дела стараются держать в тайне. В этом случае машинный перевод незаменим;
- универсальность. Любой переводчик всегда имеет специализацию, т.е. переводит тексты по той теме, которой он хорошо владеет. Система машинного перевода выгодно отличается тем, что она универсальна. Нужно только грамотно подключить специализированный словарь по соответствующей тематике. Пополнение специализированных словарей новейшими терминами значительно опережает аналогичные печатные словари;
- единообразие стиля и используемой терминологии. Перевод, выданный системой машинного перевода, гораздо легче править, поскольку он выдержан в одном стиле. Если в тексте, какой-либо часто встречающийся термин переведен неправильно, то все эти ошибки можно исправить простой автозаменой [3];
- перевод информации в Интернете. Именно эта потребность обусловила рост интереса к системам машинного перевода в мире.

За последние годы точность перевода существенно выросла за счет применения продвинутых методов машинного обучения, развития параллельного вычисления на графических процессорах и появления большого количества баз данных с текстами на разных языках, которые могут служить в качестве обучающей выборки [2].

Популярные системы машинного перевода можно разделить на традиционные, основанные на переводе отдельных фраз, и на более новые, основанные на нейронных сетях, учитывающих не только типичное значение фразы, но и ее контекст. Нейронные сети, которые используются в последнем случае, чаще всего относятся к классу рекуррентных, их основным отличием является то, что их ответ зависит не только от поступающих на вход данных, но и от предыдущего состояния сети. Это позволяет системам «помнить» о том, что они «видели» раньше, и учитывать это при выборе того или иного ответа. Именно это позволяет системе понимать, что

при переводе фразы «тугой лук» второе слово не следует трактовать как onion – на это намекает первое слово исходной фразы, которое должно изменить состояние нейросети. При этом программисты не обязаны заранее указывать или даже знать правила сочетаемости слов друг с другом, этому нейросеть учится самостоятельно на базе готовых текстов. Ярким примером подобной нейросети является распространённый в современной электронной среде переводчик Google Translate. Кроме того, крупнейшими подобными системами машинного перевода, являются Abbyy Compreno и Яндекс. Перевод. Каждая из этих систем продолжает активно развиваться, совершенствуясь и увеличивая качество перевода.

Эти системы на основе грамматических правил производят анализ текста, который используется в процессе перевода. Перевод производится на основе встроенных словарей для данной языковой пары, а также грамматик, охватывающих семантические, морфологические, синтаксические закономерности обоих языков. На основе всех этих данных исходный текст последовательно, предложение за предложением, преобразуется в текст на требуемом языке. Основной принцип работы таких систем – связь структур исходного и конечного текстов. Преимуществами систем на основе грамматических правил являются грамматическая и синтаксическая точность, стабильность результата, возможность настройки на специфическую предметную область. К недостаткам систем на основе грамматических правил относят необходимость создания, поддержки и обновления лингвистических баз данных, трудоемкость создания такой системы, а так же ее высокая стоимость.

Статистические системы при своей работе используют статистический анализ. В систему загружается двуязычный корпус текстов (содержащий большое количество текста на исходном языке и его «ручной» перевод на требуемый язык), после чего система анализирует статистику межъязыковых соответствий, синтаксических конструкций и т.д. Система является самообучаемой – при выборе варианта перевода она опирается на полученную ранее статистику. Чем больший словарь внутри языковой пары и чем точнее он составлен, тем лучше результат статистического машинного перевода. С каждым новым переведенным текстом улучшается качество последующих переводов. Статистические системы отличаются быстротой настройки и легкостью добавления новых направлений перевода. Среди недостатков наиболее значительными являются наличие многочисленных грамматических ошибок и нестабильность перевода [1].

Так как такие системы предназначены для массового использования, то качество перевода неизбежно страдает. Входные тексты часто содержат высокий процент нетехнической, разговорной лексики, которая для систем машинного перевода всегда была наиболее проблематична. Качество, как правило, не устраивает профессиональных переводчиков (хотя некоторые

используют текст перевода в качестве заготовки), но такое качество приемлемо для отдельных «случайных» пользователей, например, при вольном переводе иностранных текстов на родной язык, или для общения с другими людьми на незнакомом языке, для перевода веб-страниц и электронной почты. Аудитория, охваченная современными средствами коммуникации (такими как Facebook, Twitter, социальные сети и поисковые системы Google, Yandex и т.д.), активно пользуется быстрым «сырым» компьютерным переводом для реализации своих ежедневных потребностей в общении и информации.

С другой стороны, доступность автоматизированного перевода низкого качества в Интернете и коммерческое автономное программное обеспечение могут также способствовать увеличению спроса на перевод более высокого качества, выполненный человеком-профессионалом, особенно у тех, кто не имеет опыта перевода. Некоторые провайдеры онлайн-перевода уже предоставляют дополнительные услуги человеческого перевода (например, постредактирование или полный перевод). В настоящее время они используются главным образом организациями, не имеющими свои услуги по переводу. Но в будущем следует ожидать более широкого применения такого рода услуг.

На данный момент «чистых» систем машинного или компьютерного перевода (коммерческих, онлайн или иных) становится все меньше. Напротив, появляется больше компьютерных инструментов и приложений, где автоматический перевод является лишь одним из компонентов – это относится в частности к специализированным системам для конкретных пользователей и конкретных областей. Комплексное программное обеспечение для автоматического перевода стало нормой, доступной для всех, кто имеет компьютер (настольный компьютер, ноутбук, сетевой компьютер и т.д.), а также другое оборудование, подключенное к сети (телевизоры, мобильные телефоны, портативные устройства и т.д.). Скорее всего, программное обеспечение больше не будет приобретаться для автономных компьютеров (будь то ПК или клиент-сервер), но будет доступно в Интернете в случае необходимости. Автоматический перевод стал повседневной и существенной частью глобального информационного общества. А появление новых технологий программирования и очередных поколений вычислительной техники обязательно будет способствовать дальнейшему развитию теории и практики компьютерного перевода в виртуальной среде.

Библиографический список

1. Андреева, А.Д. Обзор систем машинного перевода / А.Д. Андреева, И.Л. Меньшиков, А.А. Мокрушин // Молодой ученый. – 2013. – № 12. – С. 64–66.

2. Шапкина, Е.В. Особенности перевода научной статьи / Е.В. Шапкина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2015. – Т. 12. – № 2. – С. 10–14.

3. URL: www.studopedia.ru/11_2136_kompyuterniy-perevod.html.

К содержанию

УДК 378.016:811.111 + 378.04:004.738.5

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ В ЮЖНО-УРАЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Ю.С. Серяпина

В статье рассматриваются вопросы, связанные с низкой мотивацией студентов. Анализируются причины данного явления. Приводятся примеры решения данной проблемы в Южно-Уральском государственном университете. Особое внимание уделяется технологии смешанного обучения.

Ключевые слова: мотивация, обучение иностранному языку, компетенция, смешанное обучение, онлайн обучение.

В настоящее время происходит трансформация высшего образования: вводятся новые образовательные стандарты, заключаются международные соглашения, происходит интернационализация высшего образования, что приводит к созданию иных критериев качества образования. Кроме того, все больше приходится прибегать к мотивации студентов к обучению, потому как современные технологии поиска информации позволяют обучающимся считать, что нет необходимости уделять много времени глубокому изучению предметов. В результате чего появилась необходимость усовершенствовать образовательные технологии, используя современные методы и средства передачи знаний.

Обучение иностранному языку в вузе является неотъемлемой частью всего процесса обучения. Более того, благодаря интернационализации высшего образования, иностранному языку стало отводиться больше внимания, чем прежде. К сожалению, студенты технических специальностей не всегда владеют иностранным языком на должном уровне. При этом одной из общекультурных компетенций, которыми должны обладать выпускники высших учебных заведений, является владение каким-либо иностранным языком на уровне, обеспечивающем эффективную профессиональную деятельность. Эта компетенция входит в перечень обязательных требований к освоению основных образовательных программ, обозначенных в ФГОС ВПО всех направлений подготовки, включая инженерно-

технические. Иностранный язык влияет на содержание и формирование концептуальных основ многих специальных дисциплин. Как предмет, способствующий приобретению необходимых профессиональных качеств, иностранный язык в интеграции со специальными дисциплинами улучшает качество профессиональной подготовки обучаемых. Через иностранный язык идет уточнение терминологических и концептуальных дифференцировок, терминологического и концептуального содержания профессионально-релевантных дисциплин, что способствует развитию профессионального интеллекта, общению специалистов в профессиональной сфере [3].

Как и в любой деятельности, при обучении студентов иностранному языку возникает ряд проблем. Однако благодаря программе 5-100 в Южно-Уральском государственном университете эти проблемы успешно решаются, и далее мы рассмотрим как.

Первая проблема, с которой сталкиваются преподаватели вузов, это низкий уровень владения языка студентами, поступающими на технические специальности. Это значит, что они не имеют достаточных знаний и навыков, необходимых для полноценной иноязычной компетенции. Следует при этом отметить, что корни этой проблемы уходят на уровень школ, где не всегда уделяется должное внимание изучению иностранных языков. В 2015 году в Южно-Уральском государственном университете на Приборостроительном и Энергетическом факультетах, а также на факультете Экономикb и Управления был запущен проект по разделению студентов на группы, в зависимости от уровня владения английским языком, что позволило обучаемым изучать язык в более комфортных для них условиях, потому как программа подстроена под каждый конкретный уровень. Преподаватели, в свою очередь, получили возможность подбирать материал, легко усвояемый всей группой, а не нацеленный на среднего студента, когда слабые не успевают, а сильные не развиваются.

Далее, по программе вуза на иностранный язык. как правило. отводится всего 4 часа (два занятия в неделю) в первом семестре, а начиная со второго семестра, сокращается до 3 часов в неделю, что недостаточно для освоения материала. На втором курсе студенты заканчивают изучение иностранного языка, что приводит к тому, что уровень знаний выпускника падает в силу естественных процессов работы памяти, а именно забыванию из-за отсутствия тренировки. Благодаря программе 5-100 в Южно-Уральском государственном университете в 2016 году начался эксперимент в Политехническом институте, в Высшей школе электроники и компьютерных наук, а также в Высшей школе экономики и управления, где количество часов было увеличено до 5 в неделю и дисциплина иностранный язык изучается на протяжении 4 лет. Из опыта других вузов России,

это хорошая практика, которая имеет положительный результат при проверке знаний выпускника по окончанию вуза.

Наконец, в последние годы низкая мотивация студентов к обучению стала огромным препятствием для преподавателя. Как правило, большинство обучаемых считают, что иностранный язык не пригодится им в будущем, потому что они будут жить и работать в своей стране. Такая позиция усложняет работу преподавателя, понимающего, что отсутствие умения осуществлять иноязычное взаимодействие уменьшает шансы выпускника на получение достойного места работы, а это приводит к неудовлетворенности качеством образования. Далее следует подчеркнуть низкую замотивированность в школе, отсутствие желания справляться с трудностями, что связано со слаборазвитыми базовыми учебными компетенциями. Основной причиной является доступность информации в любое время и в любом месте. Школьники не видят смысла заучивать материал, потому что «в интернете можно найти все», а значит, теряется связь между разделами и предметами, а в результате появляются трудности в освоении более сложного материала, при отсутствии базовых знаний. Следует также отметить, что немаловажным фактором является личность преподавателя, проявляющего небольшой интерес к своей дисциплине, недостаточно креативного и не уделяющего внимания уровню подготовки студентов, что приводит к тому, что материал для занятий не соответствует их уровню, а также интересам и будущей профессии.

Рассматривая вопрос мотивации студентов к изучению иностранных языков, следует обратиться к понятию мотивации. Мотивация – это результат внутренних стремлений человека, его интересов, а также осознания необходимости изучения предмета. Таким образом, у студента должно быть основание, способное побудить к познанию, изучению иностранного языка.

Как известно, мотивы могут быть внутренними (познавательными) и внешними (социальными). Внутренняя мотивация вызвана самим процессом обучения, студенты увлечены развитием умений и навыков, связанных с иноязычным общением. Обучаемые осознают цель изучения языка, понимают необходимость владения высоким уровнем языка для своего профессионального роста. Что касается внешней мотивации, то здесь основными причинами являются желание сделать приятное родителям, успешно сдать зачет/экзамен, получить похвалу или признание преподавателя/одногруппника [2].

Концепция смешанного обучения (blended learning), которая успешно реализуется в Южно-Уральском государственном университете, решает многие проблемы, связанные с низкой мотивацией студентов. Во-первых, реализуемый пилотный проект предполагает деление обучаемых на группы в зависимости от уровня подготовки, а значит, предлагаемый материал

содержит преодолимый уровень сложности, что благотворно сказывается на процессе обучения. Студенты успевают освоить новый материал, а значит, не возникает отрицательных эмоций по отношению к предмету. Во-вторых, благополучно решается вопрос о соответствии материала уровню подготовки студента. Учебники подбираются в зависимости от уровня знаний обучаемых, таким образом, находясь в окружении людей со схожим уровнем знаний, не возникает боязни задавать вопросы по изучаемому материалу, выглядеть глупее остальных и говорить хуже и менее грамотно, все находятся на одном уровне и познают новое вместе. В-третьих, осуществляется индивидуальный подход к обучению. Благодаря Интернет-ресурсам обучаемый может тренировать сложный именно для него материал, то есть уделять большее внимание тем разделам и блокам, которые вызывают трудности на каждом последующем этапе изучения иностранного языка.

Смешанное обучение – это сочетание традиционных форм аудиторного обучения с элементами электронного обучения, в котором используются специальные информационные технологии, такие как компьютерная графика, аудио и видео, интерактивные элементы и т.п. В Южно-Уральском государственном университете смешанное обучение реализуется посредством создания образовательной информационной среды, в которой студенты работают как в классе, так и дома. При этом происходит постоянное совершенствование методов обучения и профессиональных знаний профессорско-преподавательского состава.

Стакер и Хорн выделяют четыре основные модели смешанного обучения:

1) the rotation model (модель «Чередование»), в которой студенты чередуют обучение в Интернете и привычные методы работы в классе/аудитории. Самым интересным вариантом данной модели является «flipped classroom» (класс наоборот), когда студент осваивает материал, привычно выдаваемый преподавателем, самостоятельно дома в удобное для него время, а урок используется для разъяснения непонятных моментов и отработки навыка.

2) the flex model (гибкая модель), в которой учащиеся работают в основном в режиме онлайн в соответствии с индивидуальным графиком, при этом они могут встречаться с учителем / преподавателем мере необходимости;

3) the self-blend model (модель «Смешай сам»), когда студенты самостоятельно дополняют свое традиционное обучение дополнительными онлайн-курсами любого иного учебного заведения;

4) the enriched virtual model (расширенная модель виртуального обучения), в которой обучающийся сам выбирает, что он будет изучать онлайн, а что непосредственно с учителем в аудитории [1].

В Южно-Уральском государственном университете на уроках английского языка преподаватели широко используют первую модель смешанного обучения – модель «Чередование». Для Российской системы образования эта модель на данном этапе развития высшего образования является самой приемлемой, потому как привыкшие к работе в классе ученики еще не могут в полной мере самостоятельно и без контроля преподавателя выстраивать свою программу и планировать сроки сдачи. Эта модель прошла успешную адаптацию на площадке Южно-Уральского государственного университета: студенты с большим оптимизмом приняли идею выполнения домашних заданий онлайн, потому как эта среда им ближе, в отличие от печатных пособий, и консультацию преподавателя можно получить так же в электронном виде, не дожидаясь аудиторного занятия. Так же эффективной является модель «класс наоборот», потому как преподаватель уже не тратит время на объяснение грамматических явлений, а тренирует их, при этом акцентируя внимание на типичных ошибках и трудностях. Следует отметить, что и работа студентов меняется: разбирая то или иное грамматическое явление, они обмениваются информацией, отвечают на появившиеся вопросы, пытаются самостоятельно разораться в изучаемом материале, а преподаватель лишь резюмирует ответы.

Смешанное обучение открывает новые возможности в области преподавания:

1) у студентов всегда есть доступ к нужному материалу в онлайн режиме, что дает определенную свободу обучающимся. Вся информация по изучаемому материалу прикреплена к соответствующему уроку, таким образом, студент может просмотреть объяснение грамматического материала столько раз, сколько необходимо для понимания, проделывать грамматические упражнения в различных вариациях, при этом ошибки выдаются автоматически. Фонетические упражнения предлагаются в эффективной форме: обучаемый может записывать свой голос и прослушивать себя, таким образом, оттачивая произношение и интонацию. Видеоматериал с заданиями также может быть просмотрен нужное количество раз;

2) онлайн тестирование. Студент может проделывать проверочные работы несколько раз онлайн, что позволяет сразу же увидеть результат и просмотреть ошибки, а затем пройти тест еще раз с учетом предыдущего опыта;

3) получение дополнительных источников, которые точно соответствуют пройденной теме;

4) игровой компонент. Лексический и грамматический материал можно тренировать с помощью онлайн игр, что, безусловно, мотивирует обучаемых. Игры имеют разный уровень сложности и временные ограничения. Сегодня мы обучаем «цифровое поколение», студентов, которые привыкли к компьютерным играм, поэтому игра как нельзя лучше мотивирует на

достижение результата. Обучаемые стремятся пройти уровень за уровнем, понимая при этом, что провал связан с недоученностью того или иного лексического или грамматического материала, что в свою очередь заставляет их возвращаться к «проваленным» темам ради достижения высоких результатов в игре;

5) форумы, чаты, Wiki, благодаря которым обучающиеся могут общаться и реализовывать совместные проекты вне стен университета, а также в любое время выходить на связь с преподавателем, задавать вопросы и получать ответы, не дожидаясь аудиторных занятий. Данный вид деятельности мотивирует студентов, потому как очень близок к их повседневной жизни, которая неразрывно связана с цифровыми технологиями;

6) аудиторные занятия, являющиеся традиционным способом обучения, благодаря которому студенты лично могут обсудить интересующие их вопросы, отработать практические навыки;

7) онлайн проекты, позволяющие совершенствовать умение работы в сети Интернет, анализировать информацию, работать в команде. Исследовательского интернет-проекты используются в процессе обучения иностранному языку в Южно-Уральском государственном университете. Цель проекта – создать благоприятную среду, предоставляющую возможности для включения обучающихся в исследовательскую деятельность. Такая среда позволит сформировать должный уровень мотивации, структурировать предметные знания, активизировать навыки поиска информации в различных источниках и ее последующего анализа, продемонстрировать способность к эффективному решению конкретных задач, исходя из направления, выбранного самими обучающимися; усовершенствовать умения координировать индивидуальную и групповую работу и, в конечном итоге, проявить творческую активность и самостоятельность [1].

Из опыта работы в группах, занимающих в рамках смешанного обучения, уместно будет отметить, что развиваются навыки самостоятельной работы: самостоятельное освоение материала, самостоятельное выполнение заданий, самостоятельная работа по итогам контрольных онлайн мероприятий. Также большим плюсом являются фиксированные сроки выполнения заданий. Как известно, проблема с затягиванием сдачи работ является очень острой в студенческой среде. Благодаря онлайн расписанию, все виды работ прописываются вместе со сроками сдачи. В программе стоит точная дата и время сдачи, после чего система автоматически перестает зачитывать работы, то есть они считаются невыполненными. Фиксированные сроки, безусловно, дисциплинирует студентов, а выработанная привычка делать вовремя поможет им в будущем, когда они устроятся на работу. Далее, хотелось бы сказать об оценке успеваемости студентов. При смешанном обучении заводится электронный журнал, напрямую связанный с заданиями как аудиторными, так и теми, которые выполняются он-

лайн. В журнал вносятся баллы, присвоенные каждому заданию, если задание не выполнено в срок, то система не принимает работу на проверку и выставляется 0 баллов. Контрольные работы и работа на уроке оцениваются также баллами. Подсчет баллов происходит на протяжении всего семестра, а значит, студент всегда знает, сколько баллов он уже набрал и какие виды работ необходимо сделать, чтобы достичь хорошего результата, получить зачет или экзамен. Студент может набирать дополнительные баллы за дополнительные задания. В конце семестра баллы переводятся в оценку, привычную для студента. Такая система оценивания помогает, во-первых, избежать субъективного критерия, на который так часто ссылаются студенты, а во-вторых, возлагает ответственность за учебу и успеваемость на самого обучаемого.

Внедрение смешанной системы обучения очень трудоемкий процесс, требующий не только физических и временных затрат от преподавателя, но и денежных вложений вуза. Тем не менее, Российское высшее образование нуждается в модернизации, а смешанное обучение имеет ряд неоспоримых преимуществ: предлагает студентам альтернативный способ получения информации, позволяет обучаемым находиться в интерактивной образовательной среде, которая им ближе, а значит интереснее, делает обучение более наглядным, развивает навыки самостоятельного обучения и самоконтроля.

Библиографический список

1. Брайан, А. Смешанное обучение: понятие, модели, применение в высшем образовании / А. Брайан, К.Н. Волченкова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2016. – Т. 8. – № 2. – С. 24–30.

2. Лазарева, М.В. Роль мотивации в обучении иностранному языку в неязыковом вузе / М.В. Лазарева // Вестник ФГОУ ВО МГАУ. – 2008. – № 6. – С. 51–54.

3. Хмарова, Л.И. Развитие профессиональной иноязычной компетенции студентов неязыковых специальностей / Л.И. Хмарова, Л.А. Семашко, Ж.В. Путина // Вестник ЮУрГУ. Серия: «Образование. Педагогические науки». – 2014. – № 1. – С. 96–101.

4. Ярославова, Е.Н. Формирование готовности выпускника национального исследовательского университета к инновационной деятельности в процессе иноязычной подготовки / Е.Н. Ярославова, О.В. Белкина // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2016. – № 2. – С. 92–102.

К содержанию

УДК 371.011 + 378.011

ИДЕЯ СОБЫТИЙНОСТИ И ПРАКТИКА

А.С. Скоробогатова

В статье рассматривается явление образовательной событийности, предлагается собственное определение этому явлению, приводятся характеристики этого феномена, на опыте и материале проведения олимпиады по иностранным языкам.

Ключевые слова: событийность, образовательная событийность, характеристики образовательной событийности.

Можно ли считать каждое занятие событием? Для этого необходимо понять, зачем и с какой целью студенты ходят на занятие: как на праздник, как на вечеринку, как на работу или как в клуб? И по этим признакам можно строить типологию занятия.

Но такое занятие невозможно при патерналистском отношении (отношении покровительства более сильного и главного над слабым и маленьким или подчиненным) к студенту, при недопущении у него собственной позиции, собственного пространства интересов, независимого от интересов, приписанных ему педагогами и родителями. Сама по себе установка на участие может быть достаточно конструктивной, если предметом заботы становятся индивидуальные образовательные траектории, жизненный выбор, конкурентоспособность (не набор качеств, делающих человека востребованным товаром на рынке труда, а именно желание и способность конкурировать).

Иначе говоря, предметом педагогической ответственности должен стать не только контроль, но и организация пространства свободы студента и педагогического коллектива. Подобный поворот возможен, если высшее учебное заведение от идеологии, оберегающей студента от осознания действительных проблем современного мира, перейдёт к идеологии, понимающей проблемы как вызовы, мобилизующие человека и задающую энергетику деятельности. Сам по себе преподаватель может стать вызовом – педагогом, с которым хочется спорить и который сам готов спорить. Для этого, в первую очередь, предмет в университетской программе должен быть понят и принят не как догма, а как проблема. Кроме того, это преподаватель, которому действительно есть что сказать – человек, приходящий в университет из действительного взрослого мира, в котором возможны и происходят события, а не человек, сообщающий известную информацию. Преподаватель, который мог бы противопоставить себя модным виртуальным мирам массовых зрелищ, позиционировать себя, прежде всего, как человека деятельного, добавив к содержанию образования практичность.

Понятие практичности, чрезвычайно важное для нашего понимания нового содержания образования [1], включает в себя:

1. Целостность, на фоне которой человек может осуществить субъектную деятельность. Это значит, что студент может в каждый фрагмент времени восстановить, зачем он выполняет то или иное действие, понимает смысл задач, заданий, а не машинально выполнять их, следуя определенному алгоритму, может из каждого фрагмента восстановить структуру предмета. Если студент структуру предмета схватывает, то даже если он что-то пропустил, у него не возникает проблем, он сам достроит необходимые элементы. Со структурой предмета работают, например, хорошие репетиторы – почему же это невозможно делать в университете? Можно предложить студентам, например, такое задание: нарисовать всю математику (или физику, или английский язык) на одном листе, используя методику «mind map» или «ментальная карта», которая представляет собой интеллект-карты, инструмент, позволяющий: эффективно структурировать и обрабатывать информацию; мыслить, используя весь свой творческий и интеллектуальный потенциал. Интеллект-карты – очень полезный и действенный инструмент для решения таких задач, как проведение презентаций, принятие решений, планирование своего времени, запоминание больших объемов информации, проведение мозговых штурмов, самоанализ, разработка сложных проектов, собственное обучение, развитие, и многих других.

2. Деятельное отношение к предмету; разворачивание содержания как целостной деятельности, а не механической совокупности процедур и правил.

3. Принцип самоопределения: практика – это не выполнение предметного действия, но удержание его смыслов, целей и контекстов. Вход в практику и есть самоопределение; практичный предмет университетской программы должен вводить студента в практику, например, иноязычного мышления, конструирования, аналитики, художественного творения. По-видимому, это невозможно по отношению к каждому участнику образовательного процесса, но может существовать в особых, добровольных для студента пространствах, в форме образовательных погружений, факультативов, кружков, олимпиадного движения.

Важно понимать, что практика разворачивается через события и встречи [2]. События, понимаемые, прежде всего, как осуществление идеальной формы и встречи студента, входящего в практику, с её носителем. Понимание событийности возникло на основе известных философских идей, которые имеют собственную длительную историю. В наши же дни пик интереса к проблеме событийности стал результатом осознания противоречий между преобладающими формальными механизмами управления, тенденциями развития личности и нацеленностью сферы образования на открытость, инновационность и вариативность. Проблемы обеспечения событийности в образовательной и педагогической деятельности становятся

все более актуальными, они напрямую связаны с созданием необходимых условий для раскрепощения человека в образовании.

Так что же такое событийность? Поработав со словарями и проанализировав все предложенные термины, можно выделить определенные характеристики, присутствующие во всех определениях в разных областях наук, и предложить обобщенное определение термину событие. Таким образом, событийность – это значительное явление общенаучной или личной жизни, которое воздействует на окружающих своей уникальностью и неповторимостью и которое вносит определенные изменения в жизнь тех, кто принимает в этом событии участие [3, 4].

Это определение, на наш взгляд, можно применить и в области педагогики, поскольку каждое образовательное событие должно быть значимым и для студентов, и для организаторов, оно должно нести за собой изменения важные для всех участников того или иного мероприятия.

Условия обеспечения событийности условно можно разделить на два вида: внешние, по отношению к вузу, и внутренние, создающиеся укладом самой университетской жизни и событийным горизонтом обучения.

Внешние условия обусловлены культурой социального управления, стилем управленческого общения, а также социально-экономическими условиями существования Университетов в конкретном социокультурном пространстве. К сожалению, на внешние условия вуз пока может влиять мало, но это зависит от того, насколько вуз может стать активным в социуме и деятельности общества, в связи с последними изменениями и реструктуризацией нашего университета у нас есть все шансы каким-либо образом повлиять на внешние условия.

Внутренние условия обусловлены культурой образования (обучения, воспитания, самообразования, дополнительного образования) и культурой университетской жизнедеятельности. Здесь университет и мы преподаватели в частности, можем в полной мере влиять на выстраивание собственных норм взаимодействия студентов и педагогов, обеспечить инновационные, продуктивные, творческие и открытые формы университетского уклада жизни - создающие естественную среду событийности в образовании.

Нам интересно то, в чем проявляется образовательная событийность, каковы ее характеристики и признаки. Являясь одним из членов методической комиссии и организаторов внутривузовской олимпиады «Прометей» по иностранным языкам, которая проводится уже на протяжении нескольких лет на основании проанализированных материалов можно выделить основные характерные особенности.

Первая характеристика заключается в том, что образовательное событие является своего рода изменением, которое происходит с человеком, принимающим участие в том или ином мероприятии. По мнению многих участников олимпиады, они поняли важность и значимость иностранных

языков в наше время; осознали, что сделали правильный выбор вуза и направления; поняли, что олимпиадное движение, а именно олимпиада по иностранным языкам, предоставляет им возможность реализовать свои знания и умения в определенных областях, не только профессионально значимых. Некоторые отмечают то, что участие в подобного рода событиях, меняет их представление о возможностях совместной деятельности, которая происходит во втором, очном туре, когда мы, организаторы, предлагаем конкурсантам решить определенные задачи коллективно за небольшой отрезок времени.

Некоторые студенты делились своими впечатлениями и говорили, что совместная деятельность сплотила их, хотя до этого момента они были незнакомы и являлись по сути дела, соперниками, она дала им удовольствие от общения, и они увидели результат их общей работы.

Вторая характеристика проявляется в том, что образовательное событие является пространством, местом, где рождаются новые, многообразные переживания. Беседуя со студентами, принявшими участие в нашей олимпиаде, мы услышали следующее: «… получила положительные эмоции от всего, что происходило; здорово! что есть такие мероприятия; сильно нервничал, но потом успокоился и стало интересно» и т.д.

Третью характеристику можно выделить из того, что образовательное событие – это то место, которое характеризуется определенными связями, имеющими отношение к общению между участниками и в целом. Эта характеристика перекликается с первой, выделенной нами характеристикой, но на наш взгляд, она более конкретна. По словам студентов, наша олимпиада дала им более широкие возможности общения не только с преподавателями, но и со студентами других факультетов, имеющих схожие интересы и т.д.

Последняя, четвертая характеристика заключается в том, что олимпиада, как образовательное событие, есть накопление инновационного опыта не только для организаторов, но и для студентов, которые имеют возможность принять участие в конкурсе дважды, так как олимпиада «Прометей» по иностранным языкам проводится для студентов неязыковых специальностей 1 и 2 курсов.

Практическая значимость данной статьи заключается в том, что предложено обобщенное определение понятию образовательная событийность, на примере собственного опыта проанализированы основные характерные ее признаки.

Библиографический список

1. Попов, А.А. Философия открытого образования: социально-антропологические основания и институционально-технологические возможности / А.А. Попов. – Томск, 2008. – С. 230.

2. Белкина, О.В. Особенности применения коммуникативного подхода при обучении иностранному языку взрослых слушателей / О.В. Белкина, И.Н. Дмитрусенко, Е.В. Кравцова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2014. – № 4. – Т. 6. – С. 79–83.

3. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / под ред. Л.И. Скорцова. – М.: ООО Издательский дом Оникс 21 век, 2004.

4. Большой словарь иноязычных слов. 35 тыс. слов / под ред. А.Н. Булыко. – М.: «Мартин», 2004.

К содержанию

УДК 81’27

ЭКСПРЕССИВНО-ОЦЕНОЧНЫЕ СВОЙСТВА УСТОЙЧИВЫХ СЛОВЕСНЫХ КОМПЛЕКСОВ В УСТНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Н.С. Скрипичникова

В статье рассматривается понятие «устойчивый словесный комплекс» применительно к сфере устной профессиональной коммуникации и анализируется экспрессивно-оценочные свойства устойчивых единиц. Автор характеризует их функционирование на примере профессиолекта сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: устойчивый словесный комплекс, профессиональная коммуникация, профессиолект.

Разговорно-обиходные устойчивые словесные комплексы составляют ядро профессиолекта. Главной функцией данных УСК является оценочно-экспрессивная функция. Они многообразно используются в информативных, императивных и оценочных речевых жанрах (по классификации Т.В. Шмелевой) [11].

Наш материал позволяет распределить разговорно-обиходные УСК по двум основным группам: общеупотребительные и профессионально-маркированные. Профессионально-маркированные УСК возникли непосредственно в профессиональной среде как новые единицы либо являются модификацией или трансформацией общеизвестных единиц (пословиц, поговорок, этикетных формул, крылатых выражений и фразеологизмов).

Включение в профессиолект общеупотребительных единиц – без изменения их грамматической структуры и состава компонентов – обусловлено

тем, что семантика и функционирование этих УСК адаптированы к условиям профессиональной среды, актуализируются в типичных профессиональных ситуациях.

Профессиональные разговорно-обиходные УСК характеризуются не только эмоционально-экспрессивной составляющей, но и экономией языковых и временных ресурсов. Так, например, устойчивая языковая форма *На выезд! У нас двойная мокруха!* позволяет сократить время объяснения сотрудникам причину сбора и кратко подготовить их к тому, какое именно преступление предстоит расследовать. В нашем сознании такие УСК хранятся в готовом виде, соотносятся с конкретными образами и понятиями. Таким образом, возникший в сознании образ позволяет быть готовым к последовательным действиям в процессе решения профессиональных задач и, в конечном итоге, существенно сэкономить время.

В профессиолекте сотрудников правоохранительных органов нами зафиксированы следующие общеупотребительные ФЕ: *попасть впросак, бить баклуши, собаку съесть, с бухты-барахты, из рук вон, как пить дать, была не была* (фразеологические сращения); *зайти в тупик, бить ключом, плыть по течению, держать камень за пазухой, брать в свои руки, прикусить язык, получить по шее* (фразеологические единства); *потупить взор, щекотливый вопрос* (фразеологические сочетания).

Наряду с этим в профессиолекте активно употребляются специализированные, профессионально-маркированные фразеологизмы: *(со)стряпать дело, повесить убийство, взять с поличным, списать глухаря, брать хату* (фразеологические сращения); *повязать вора, завалить бандита, увести машину, штабная крыса, честь мундира* (фразеологические единства); *злачное место, поголовные аресты, свежие отпечатки* (фразеологические сочетания). В данных единицах заключено знание о профессиональных объектах и ситуациях. По своим стилистическим особенностям они принадлежат к профессионализмам или профессиональным жаргонизмам.

Заметную часть фразеологизмов составляют перифразы: *железные браслеты* (наручники), *однорукий бандит* (игровой автомат), *мокрое дело* (убийство) и т.д., которые мы относим к фразеологическим единствам. Также к фразеологическим единствам мы относим устойчивые сравнения, гиперболы и литоты.

Фразеологические выражения в составе профессиолекта чаще всего имеют характер типизированной реакции на ту или иную ситуацию. Сравните, например: *Снова здорово!* (эмоциональный отклик на повторяющуюся негативно оцениваемую ситуацию); *Скромненько, но со вкусом; Техника на грани фантастики; Тепло, светло и мухи не кусают!* (оценочные реакции на тот или иной объект); *Секрет фирмы (*речевая формула отказа от прямого ответа); *Без бутылки не разобраться* (констатация сложности проблемы).

Большинство профессионально-маркированных УСК разговорно-обиходного типа образуются на основе различных жаргонизмов и профессионализмов. Например, путем добавления глагола, существительного или прилагательного к жаргонизму, в зависимости от грамматического статуса исходного элемента.

Один и тот же глагол может участвовать в образовании нескольких УСК. Так, например, УСК *загрузить по полной* (досконально порыться в прошлом и вменить человеку все преступления, которые он совершал, а не только то, по которому его задержали; иногда и те, которые он не совершал) и *загрузить как баржу утюгами* (вменить обвиняемому наибольшее количество эпизодов по наиболее тяжким статьям уголовного кодекса) имеют в своем составе один и тот же базовый компонент. Кроме того, некоторые УСК могут образовывать синонимические ряды, например: *загрузить как баржу утюгами – загрузить как слона индийского.*

Глагол *забить* встречается в нескольких разговорно-обиходных УСК: *забить в корки* (завербовать; син. *закатать в корки*), *забить магазин* (зарядить огнестрельное оружие), *забить по «сотке»* (задержать по ст. 122 УПК РФ) и др. В каждом из подобных УСК глагол *забить* репрезентирует различную семантику. Так, в обороте *забить магазин* глагольный компонент может интерпретироваться двояко: и в прямом значении «ударом внедрить некий объект вглубь чего-либо», и в переносном «плотно наполнить», в то время как в УСК *забить в корки* и *забить по «сотке»* – только в переносном значении. Причем в УСК *забить по «сотке»* реализуется значение, близкое к глаголу *зарезервировать*, т.е. посадить преступника в камеру заранее, чтобы было время найти доказательства и предъявить их ему.

Глагольные УСК разговорно-обиходного типа включают в свой состав преимущественно переходные глаголы совершенного вида (около 76 % от общего количества). Семантика подобных глаголов указывает на определенные ментальные предпочтения: ориентацию на завершенность, результативность действия. В связи с этим примечателен тот факт, что глаголы совершенного вида употребляются лишь в двух временных формах: прошедшем или будущем («промежуточный» характер настоящего времени исключается).

Вторыми по частотности употребления являются УСК, восходящие к фольклору и приспособленные к определенным ситуациям общения профессионалов: паремии, народно-разговорные этикетные формулы, рифмованные подхваты, или так называемые «отклички».

Паремии следует отличать от фразеологических единиц на основе их стилистических и прагматических функций. УСК фольклорного происхождения в профессиональной речи выступают прагматически обусловленными единицами. Их основными функциями являются привлечение вни-

мания, компрессия информации, акцентирование значимых ее элементов, смысловая и эмоционально-оценочная выразительность сообщения.

Важно отметить, что паремии служат, прежде всего, для оформления типизированных ситуаций, как обыденных, так и профессиональных. Данные устойчивые словесные комплексы являются своего рода косвенными высказываниями, поскольку выражают непрямой смысл.

Паремии существуют в языковом сознании в готовом виде, как языковые клише, воспроизводимые без изменений в соответствующих коммуникативных ситуациях. Один и тот же фольклорный словесный комплекс может быть использован неограниченное количество раз одними и теми же людьми, что говорит о том, что данные единицы являются вербализованными формами социокультурных моделей поведения, восприятия или оценки.

Важной функцией фольклорных УСК является их способность к обобщению, тем самым с их помощью акцентируется внимание на важных моментах коммуникации, усиливается смысл и эмоционально-оценочный компонент всего сообщения.

Поговорка в профессиональной коммуникации – это краткое устойчивое образное выражение, не являющееся законченным высказыванием и часто носящее юмористический характер.

Мы выделяем несколько категорий поговорок, функционирующих в профессиолекте сотрудников правоохранительных органов, основываясь на классификации М.А. Рыбниковой, положившей в ее основу смысловой принцип [12].

В соответствии с собранным в ходе исследования материалом и выражаемыми в нем оценками, мы выделяем следующие категории поговорок.

1. Оценка действий (качество):

– *делать из мухи слона* (прим.: Да он всегда так, делает из мухи слона, а в результате дело пустое);

– *ломать комедию* (прим.: Прекрати ломать комедию! Здесь ценителей нет!);

– *прыгнуть выше головы* (прим.: Да не пытайся ты прыгнуть выше головы – ты еще недостаточно опытен, чтобы стать руководителем отдела);

– *просиживать штаны* (прим.: Эй, хорош штаны просиживать, пора за дело браться).

Оценка профессиональной деятельности является неотъемлемой частью профессиональной коммуникации. Такие выражения, как *бить баклуши, через пень колоду, делать спустя рукава, из рук вон плохо* или *просиживать штаны,* носят резко отрицательную оценочную коннотацию, а выражения типа *дело мастера боится, (прошло) как по маслу,* наоборот, свидетельствуют об успешном завершении дела или о высокопрофессиональной работе.

2. Оценка человека (его личностных и профессиональных качеств, психофизиологического состояния). Подобные поговорки составляют примерно 25 % от общего числа УСК. Среди самых ярких примеров отметим следующие:

– *без мыла в ж..у влезет* (прим.: Это такой скользкий тип, что без мыла в ж…у влезет);

– *мал, да удал* (прим.: А быстро он тут все разобрал. Да уж, мал да удал);

– *с (кем-либо) шутки плохи* (прим.: С ним шутки плохи. Давай осторожней!);

– *вот старая гвардия была!* (прим.: Вот старая гвардия была, таких спецов уж и не делают больше…);

– *у него рука набита* (прим.: Обратись к К., у него рука набита на таких делах).

Оценка личностных качеств человека вербализируется наравне с его профессиональными качествами, навыками и умениями. Представленные УСК описывают профессиональные навыки как с негативной стороны, так и с положительной.

Так, например, поговорка *Вот старая гвардия была* объективирует уважительное отношение к опыту наставников и офицеров: *Вот гвардия была, было у кого учиться*. Наличие большого опыта в своем деле констатирует также поговорка *У него рука набита*. Отметим двойственность употребления данной поговорки: с ее помощью в профессиональной коммуникации может быть выражена как негативная оценка: «У этого парня *рука набита* таких вот жуликов от суда отмазывать», так и положительная: «Тут нужна *набитая рука*… Обратись-ка к оперу из соседнего района».

Необходимо отметить также исключительно негативно окрашенные устойчивые единицы типа *свадебный генерал*: «Наш новый начальник ходит важный, каждой ерундой интересуется, делает вид, что что-то понимает, но при этом задает наиглупейшие вопросы, короче – типичный *свадебный генерал*».

Более стилистически сниженным примером УСК с отрицательной оценкой является поговорка *Без мыла в ж…у влезет.* В ней эксплицирована мысль о докучливом, назойливом человеке, который с помощью лести или обмана добивается расположения, внимания, доверия. Данная грубовульгарная единица является трансформацией старой поговорки *Без мыла в душу лезть (влезть)*.

3. Оценка отношений (профессиональных, бытовых, личных):

– *яйца курицу не учат* (прим.: Дожили, яйца курицу учить будут!...);

– *не учи ученого* (прим.: Не учи ученого, поди-ка чайку принеси лучше);

– *нашла коса на камень* (прим.: Посмотри, как сцепились. Нашла коса на камень, щас весь отдел разнесут);

– *два сапога пара* (прим.: Ну вы два сапога пара, Ну ты-то опытный следак, чего повелся-то как мальчишка….);

– *рука руку моет* (прим.: Ну ты ж понимаешь…. Рука руку моет).

Оценка взаимоотношений – один из важных этапов профессиональной коммуникации. В процессе профессиональной деятельности возникает множество как стандартных, так и нестандартных ситуаций, от которых зависит не только эффективность коммуникации, но и результаты работы специалиста и всего коллектива в целом.

Как значимые типы профессиональных взаимоотношений мы выделили следующие: «учитель – ученик» (вариант: «мастер – подмастерье»), «специалист – специалист», «специалист – неспециалист», «начальник – подчиненный». Будучи активным участником профессиональной коммуникации в той или иной роли, профессионал будет выбирать соответствующее языковые средства. Так, например, устойчивый словесный комплекс *Яйца курицу не учат* вполне возможен в диалоге между «мастером» и «подмастерьем» или в разговоре между двумя специалистами, но едва ли возможен в коммуникации «начальник – подчиненный» либо «специалист – неспециалист».

Приведем фрагмент записанного нами диалога следователя и студента, проходящего практику: *Дожили! Яйца курицу учить будут!!! Иди в архив, подыми дела за последние 5 лет со схожими эпизодами*. Использованный устойчивый словесный комплекс передает явно снисходительное отношение специалиста, выступающего наставником практиканта.

Стоит отметить значительный ряд паремий, акцентирующих внимание на значимости знаний и опыта: н*е учи ученого; яйца курицу не учат; не учи, как жить; век живи – век учись; ученье – свет; дурака учить* и т.д.

4. Оценка явлений, ситуаций. Данный вид оценки выражают следующие единицы: *ложка дегтя в бочке меда; лиха беда начало; чудеса в решете; Земля круглая / вертится; после дождичка в четверг; вилами по воде писано; нет дыма без огня; первый блин комам* и т.д.

Одной из важных функций УСК выступает эмоционально-оценочная коннотация тех или иных явлений, вербализируемых широким спектром разноуровневых языковых единиц. Однако категория оценки говорит не только о двухполюсных отношениях к тому или иному явлению: однозначно плохо или хорошо. Мнение может выражаться в соответствии с оценочной шкалой при отсутствии четких границ между ее делениями, а также степени оценки каким-то конкретным количеством.

Категория оценки имеет важную отличительную характеристику, взаимодействие субъективного понимания и объективных факторов – это всегда тесное переплетение субъективного и объективного, даже если нет

четкой субъективизации оценки. В основе оценочной шкалы заложены стереотипы и базовые концепты, ориентируясь на которые, коммуниканты принимают решение об оценке того или иного объекта с точки зрения его признаков.

Как уже отмечалось выше, категория оценки выражается широким спектром языковых единиц, но, пожалуй, самыми частотными выступают УСК, в частности, поговорки.

Важно отметить, что, оценивая сложившуюся ситуацию, или явление, человек не всегда сообщает о своем видении прямо. Так, например, выражение: *Земля, она, Вася, круглая, еще встретимся!* объективирует крайнее недовольство коммуниканта, но при этом прямые оценки и угрозы не используются. Главная мысль, заключенная в данной поговорке: сегодня обидел ты, а завтра могут обидеть тебя, так сохраняется баланс отношений в мире.

Использование поговорки *вилами по воде писано* в профессиолекте сотрудников правоохранительных органов может быть мотивировано тем, что собранные доказательства и улики не всегда являются достаточными для передачи дела в суд и соответственно наказания преступника. Часто такое выражение свидетельствует о плохой оценке проведенной работы, поскольку хорошая работа подтверждается задержанием подозреваемых и дальнейшим их осуждением за совершенные преступления.

Не все выявленные нами поговорки имеют ярко выраженную негативно-оценочную коннотацию. Так, например, поговорка *чудеса в решете* может быть интерпретирована двояко. Основной контекст поговорки – ирония, которая часто выражается посредством недоговоренностей или преувеличений. Используя поговорку, говорящий наполняет ее эмоцией, экспрессией.

Обычно поговорки состоят из двух-трех слов, реже являются более развернутыми словосочетаниями. Довольно часто поговорки становятся основой для возникновения пословиц (или наоборот – выступают «осколком» забытой, утраченной языком пословицы).

Библиографический список

1. Ахраменко, К.В. Профессиональный фольклор военных штурманов / К.В. Ахраменко // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты: науч. журнал. – 2013. – № 4 (13). – С. 123–127.

2. Выговская, Д.Г. Отражение общечеловеческой ценности «безопасность» в сознании различных поколений россиян / Д.Г. Выговская // Вопросы Психолингвистики. – 2013. – № 2 (18). – С. 196–201.

3. Ненахова, Е.А. Исследование образа профессионала в языковом сознании дошкольников с учетов возрастных и гендерных особенностей / Е.А. Ненахова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2013. – Т. 10. – № 2. – С. 109–110.

4. Передриенко, Т.Ю. Вербализация оценки в экономической терминосистеме / Т.Ю. Передриенко // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке. – Екатеринбург, 2016. – С. 558–565.

5. Хабирова, Е.И. Профессионально маркированные фразеологические единицы в составе языка профессиональной коммуникации / Е.И. Хабирова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 4 (041). – С. 133–137.

6. Хабирова, Е.И. Типы знания в структуре единиц языка профессиональной коммуникации / Е.И. Хабирова // Когнитивные исследования языка. – 2015. – Т. 22. – С. 127–130.

7. Скрипичникова, Н.С. Профессиолект сотрудников правоохранительных органов (состав единиц и специфика их содержания) / Н.С. Скрипичникова // Труды молодых ученых Воронежского гос. ун-та. – 2012. – Вып. 1–2. – С. 177–180.

8. Скрипичникова, Н.С. Термин и понятие «профессиолект» в системе социальных вариантов языка / Н.С. Скрипичникова // Наука 23 и образование в XXI веке: сб. науч. тр. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. (Россия, Тамбов, 30 сентября 2013 г.). – Тамбов, 2013. – С. 118–119.

9. Скрипичникова, Н.С. Устная профессиональная лексика полицейских: оценки и знания в устойчивых языковых единицах / Н.С. Скрипичникова // Челябинский гуманитарий. – 2013. – № 4 (25). – С. 42–46.

10. Скрипичникова, Н.С. Устойчивые словесные комплексы в профессиональной речи / Н. С. Скрипичникова // Теоретические и прикладные аспекты речевой деятельности. – 2014. – № 2 (9). – С. 61–65.

11. Шмелева, Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелева // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 88–98.

12. Рыбникова, М.А. Русские пословицы и поговорки / М.А. Рыбникова. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 229 с.

К содержанию

УДК 81′23 + 316.485

ПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА В РАЗЛИЧНЫХ НАУКАХ

А.Д. Стеценко

Статья посвящена предыстории возникновения и генезису теории социальных конфликтов. Описаны основные теории в таких науках как психология, философия и социология. На основе анализа материала выявлены предпосылки возникновения такой самостоятельной науки, как конфликтология.

Ключевые слова: социальный конфликт, психология, социология, философия, социальная философия, конфликтология.

Наличие конфликтов в человеческом обществе – это объективный факт, заложенный в человека ходом эволюции. Многие ученые воспринимают историю человечества как бесконечную цепь сменяющих друг друга конфликтов, и борьбы с ними. В связи с разнообразием определений термина «социальный конфликт» возникает необходимость его конкретизации в данной статье. Проанализировав определения различных авторов, за основу взято определение С.Ю. Головина из «Словарь практического психолога»: Конфликт – столкновение противоположно направленных целей, интересов, позиций, мнений или взглядов оппонентов или субъектов взаимодействия [3]. Будучи весьма сложным социальным и психологическим явлением, успешность его изучения во многом зависит от качества исходных методологических и теоретических предпосылок. Еще задолго до официального рождения социологии существовали теории, рассматривающие общество в качестве организованного конфликта, борьбы между индивидами и социальными группами, между различными социальными слоями общества, между разными странами, религиями, поколениями, полами.

Онтологическое обоснование неизбежности и необходимости социальных противоречий и конфликтов дается, например, в философии Г. Гегеля. Он рассматривает историю как внутренне закономерный процесс трансформации мирового духа. Этот процесс диалектичен по своей природе, предполагает единство и борьбу противоположных начал. Внешней манифестацией этой закономерности выступают социальные противоречия, войны, революции. Но за этими, казалось бы, не связанными между собой событиями и стоят законы развития Духа [2].

В конце XIX в. Герберт Спенсер сделал вывод о том, что общество отбирает в процессе естественного отбора лучших из лучших. Он считал, что выживание наиболее приспособленных индивидов, естественный отбор, является основным законом развития не только живой природы, но и общества. Агрессивность человека является естественно заданной, обуслов-

ленной его природой, поэтому борьба за существование является основой социальных отношений. Отсюда проистекают и многочисленные конфликты: от межличностных до социальных.

Современник Спенсера, Карл Маркс, сформулировал иной взгляд на данную проблему. Он предположил, что социальное поведение может быть лучшим образом объяснено как процесс конфликта. Маркс сосредоточил внимание на борьбе различных классов в обществе. Однако конфликтная парадигма не ограничивается экономическим анализом. Карл Маркс, также как и Ж.-Ж. Руссо, утверждают, что человек есть существо рациональное, а всплески агрессии и жестокости возникают как вынужденная реакция на жизненные обстоятельства. По их мнению, человеческое сознание и психика формируются прижизненно под влиянием конкретных социальных условий. Они считают, что реформы и совершенствование социальных институтов приведут с неизбежностью к уничтожению конфликтов и войн.

Другие утверждают изначальную иррациональную природу человека, для которого насилие и агрессия являются природными и естественными. Следуя установкам Т. Гоббса, развитым в трудах Ф. Ницше и З. Фрейда, сторонники этой концепции рассматривают агрессивные проявления в поведении человека не как патологию и отклонение в его природе, а как естественное состояние, диктуемое его природой. По их мнению, именно поэтому, стремясь к вечному и последнему миру, человечество неизбежно возвращается к войне. Томас Гоббс в своих воззрениях допускает большой элемент конфликта во всех социальных отношениях, он не сомневается в том, что «человек человеку волк», а в обществе естественным состоянием является «война всех против всех» [2].

В рамках психологии условно выделяются два этапа изучения природы социального конфликта: начало XX в. – 50-е гг. и конец 50-х гг. – наше время. В первой половине века конфликт не выделялся как самостоятельный объект изучения. Психологов интересовали причины и последствия этого явления. В целом можно утверждать, что в период с 50-х до середины 70-х годов психологические исследования конфликта носили фрагментарный характер. Отсутствовали обобщающие работы, необходимые для формирования методологической и теоретической базы изучения конфликта. Однако во второй половине 70-х годов появляются работы, в которых предприняты попытки теоретического осмысления накопившегося эмпирического материала. Предложена понятийная схема психологического анализа конфликта. К середине 80-х годов сформировалось три подхода к изучению конфликта: организационный, деятельностный и личностный.

На рубеже 80–90-х годов стала осознаваться необходимость междисциплинарного изучения конфликта. Психоаналитический подход связан, прежде всего, с именем австрийского психолога З. Фрейда, создавшего од-

ну из первых концепций человеческой конфликтности. Несмотря на то, что З. Фрейд занимался преимущественно внутриличностными конфликтами, его заслугой является указание на необходимость поиска причин межличностных конфликтов в сфере бессознательного. Американские психологи К. Хорни, Э. Фромм, Г. Салливен расширили понимание природы конфликта, попытались внести в нее социальный контекст. Так, К. Хорни основной причиной конфликтов между индивидом и его окружением считала недостаток доброжелательности со стороны близких людей, в первую очередь родителей. По мнению Э. Фромма, конфликты возникают из-за невозможности реализовать в обществе личностные стремления и потребности [4].

В социологии общая концепция социального конфликта стала складываться в конце XIX – начале XX вв. в работах немецких ученых Макса Вебера и Георга Зиммеля. Они доказали, что конфликты являются обязательной частью социальной жизни. Существенный вклад в создание основ социологии конфликтов внес немецкий философ и социолог Г. Зиммель, который ввел термин «социальный конфликт». С его точки зрения, социальные конфликты в обществе неизбежны и неотвратимы. В своем фундаментальном труде «Социальная дифференциация» Г. Зиммель обстоятельно проанализировал «чистые формы» социализации, весь процесс усвоения человеком определенной системы знаний, норм и ценностей. По мнению философа, социальное – это прежде всего межличностные отношения, где конфликт хотя и является одной из форм разногласия, но в то же время выступает интегрирующей силой, которая объединяет противостоящих, способствует стабилизации общества [6].

В середине XX века теория позитивно-функционального конфликта стала основой книги Льюиса Козера «Функции социального конфликта», в которой автор обосновал и положительную роль конфликта. По мнению Козера, борьба между группами способствует разряжению напряжения, выходу негативных эмоций, люди больше узнают друг друга, конфликт выполняет тестирующую функцию. Однако для этого конфликт должен быть управляем [5].

В начале 60-х годов американский социолог Кеннет Боулдинг предпринял попытку создать универсальное учение о конфликте – «общую теорию конфликта». Первоначальную предпосылку появления конфликта он усматривал в природе человека, в его извечном стремлении к борьбе. Ученый выделил две модели конфликта – статическую и динамическую. Статическая модель подвергает анализу все стороны конфликта и отношения между ними. Динамическая модель рассматривает конфликт через изучение интересов сторон [1].

Генезис теории социальных конфликтов показывает, что проблема социального конфликта носит ярко выраженный междисциплинарный харак-

тер. Таким образом, классическая философия рассматривала социальный конфликт в связи с философскими категориями «противоречий и борьбы», «добра и зла», а также как всеобщее свойство не только социального, но и природного бытия. Однако специфика социальных конфликтов в целом не исследовалась, давалось лишь описание отдельных видов социальных конфликтов. В современной науке изучение конфликтов постепенно выделилось из двух фундаментальных наук социологии и психологии в отдельную область научного знания, которую называют «конфликтология». Тесная взаимосвязь конфликтологии с социологией и психологией обусловлена тем, что она рассматривает конфликт как социально-психологический феномен, как результат противоречивости функционирования психики человека, как форму социального взаимодействия людей. Следует сделать вывод, что анализ теоретического материала в сравнительно-историческом развитии помог выявить понимание природы социального конфликта и является основой для возникновения такой науки, как конфликтология.

Библиографический список

1. Анцупов, А.Я. Конфликтология. Учебник для вузов / А.Я. Анцупов. – 6-е изд. – СПб.: Питер, 2015. – 66 с.

2. Черепанова, Е.С. Философия конфликта. Учебное пособие / Е.С. Черепанова. – Екатеринбург: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Уральский государственный университет им. А.М. Горького», 2007. – С. 4–47.

3. Головин, С.Ю. Словарь практического психолога / С.Ю. Головин. – Минск: Харвест, 1998. – 141 с.

4. Емельянов, С.М. Практикум по психологии / С.М. Емельянов. – СПб.: Питер, 2009. – 384 с.

5. Козер, Л. Функции социального конфликта / Л. Козер. – М.: «Идея-Пресс», 2000. – 22 с.

6. Зиммель, Г. Конфликт современной культуры / Г. Зиммель. – Птг: Начатки знаний, 1923. – 11 с.

К содержанию

УДК 37.016:81

О ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ ЛЮДЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

М.Г. Цепель

Автором поднимаются вопросы вовлечения лиц старшего возраста в образовательное пространство современного общества. Рассматриваются возможности реализации индивидуальных траекторий лиц старшего возраста в образовательном процессе. В статье подчеркивается, что главным в организации преподавания иностранных языков лицам старшего возраста является личностный подход с учетом когнитивных способностей и индивидуальных психологических особенностей данной возрастной категории, определяющих индивидуальную образовательную траекторию.

Ключевые слова: индивидуальная образовательная траектория, когнитивные способности, личностный подход, непрерывное иноязычное образование, самореализация, долговременная память, кратковременная память, мотивация.

Современный человек старшего возраста должен уметь быстро реагировать на социальные, политические и экономические изменения в жизни общества, что возможно при условии непрерывного образования и самосовершенствования. Непрерывное иноязычное образование рассматривается как «пространство, где создаются возможности не только в приобретении личностью лингво-профессиональных знаний, умений и навыков, новых качеств, но и формируются ценности, отношения и потребность в развитии стремления к самосовершенствованию и самореализации, представляя процесс приращения творческого, лингвистического и коммуникативного потенциалов в течение всей жизни, что делает его высокоинтеллектуальным и продуктивным» [12]. Поэтому, в сфере высшего образования наибольшую актуальность имеют инновации, направленные на формирование такой личности, которая переориентирована на приоритет самообучения.

Рассмотрим вопрос вовлечения лиц старшего возраста в инновационное образовательное пространство современного общества на примере слушателей языковых курсов, организованных для этнических немцев на базе кафедры иностранных языков ЮУрГУ при поддержке Гёте-института (Германия). Многие слушатели - люди старшего возраста, которые нацелены на изучение иностранного языка. Это тренировка для мозга, которая помогает сохранить ясность ума и способность к обучению. Это новые эмоции, преодоление трудностей и сомнений по поводу своих способно-

стей, возможности коммуникации с родственниками заграницей. Процесс изучения иностранного языка в разновозрастной группе курсов с преобладанием лиц старшей возрастной категории проходит довольно интенсивно, интересно, на высоком уровне мотивации. Однако приходится принимать во внимание, что «современными дидактическими концепциями обучения иностранному языку признается, что без учета особенностей развития личности на разных возрастных этапах, вне анализа мыслительных способностей невозможно построение методически грамотного и психолингвистически обоснованного учебного процесса. Выбор методов и приемов обучения иностранному языку напрямую зависит от возрастной принадлежности обучаемых» [6]. Поэтому при подготовке к занятиям со слушателями учитывается, что «обучение иноязычному общению, особенно взрослых слушателей, является сложным и трудоемким процессом, так как в речи обучающегося должны присутствовать элементы соответствующего текстового жанра» [2].

Специфика обучения иностранному языку подразумевает большой объем самостоятельной учебной деятельности. Необходим при этом учёт индивидуально-психологических особенностей обучающихся, требуется их активность и сознательность для формирования и развития необходимых навыков и умений. Эта дисциплина даёт широкие возможности для реализации личностно-ориентированного подхода и создания необходимых условий для самовыражения и саморазвития личности слушателей. Задача обучения на курсах иностранных языков – сформировать у слушателей базовый уровень владения языком во всех сферах общения, т.е. развить коммуникативную компетенцию. Слушатели должны овладеть соответствующим языковым материалом в четырёх видах речевой деятельности: говорении, аудировании, чтении и письме. Эти требования являются необходимым минимумом, который в полной мере не учитывает индивидуальные психологические и возрастные особенности и уровень подготовленности конкретных обучающихся. Кроме того, в условиях ограниченного количества часов они должны освоить довольно большой объём учебного материала. Оптимизировать процесс обучения предлагается путём организации внеаудиторной самостоятельной работы с учётом способностей, потребностей, уровня обученности, а также возрастных и связанных с ними когнитивных способностей всех слушателей. В этой связи эффективным средством видится процесс реализации индивидуальной образовательной траектории.

Индивидуальная образовательная траектория понимается как «индивидуальный стиль образовательной деятельности, последовательность образовательных шагов, соответствующих уровню развития учащегося, его возможностям, интересам, реализуемая и координируемая преподавателем» [8]. Речь идет не только об отборе индивидуального содержания об-

разования, но и о возможности выбора обучающимися своего стиля обучения, оптимального темпа и ритма, диагностики и оценки результатов. При этом необходимым условием является учет индивидуальных особенностей и характера обучения. Каждому слушателю предоставляется возможность создания собственной образовательной траектории освоения иностранного языка. Задача обучения состоит в обеспечении индивидуальной зоны творческого развития взрослого человека, позволяющей ему на каждом этапе создавать образовательную продукцию, опираясь на свои индивидуальные качества и способности.

«Индивидуальные психологические особенности обучающегося во многом определяют его индивидуальную образовательную траекторию» [7]. Такими особенностями являются: уровень (аналитические способности для генерации новых знаний); учебная мотивация (переживания по поводу (не)достижения учебных целей); самооценка. Самоуправляемое образование взрослого человека тесно связано с индивидуальными когнитивными особенностями. Рассмотрим некоторые когнитивные способности людей старшего возраста, которые играют важную роль в освоении иностранного языка и в возможности реализации индивидуальных образовательных траекторий: скорость познавательной деятельности, память и интеллект (мудрость). Многочисленные исследования показали, что в пожилом возрасте ослабевают интеллектуальные функции, увеличивается время реакции и обработки информации. Однако пожилые люди выполняют задания более точно и аккуратно, но медленнее. Конечно, когнитивная обработка информации становится менее эффективной, но ухудшение это преувеличено. Восприятие информации и формирование знаний состоит из трех этапов: сенсорный (определяется значимость информации); информационный синтез; отбор и концентрирование информации в кратковременной памяти, а затем в долговременной памяти. Любой преподаватель, обучающий людей в возрасте, сталкивается с проблемой запоминания у своих подопечных. Конечно, имеются определённые изменения памяти, которая непосредственно связана с обработкой информации, но не всё так однозначно. Люди старшего возраста могут запомнить меньшее количество сенсорной информации. Причина в плохой работе зрительной или слуховой систем. Но они научились компенсировать это, уделяя больше времени рассматриванию объектов, дольше прислушиваясь к звукам. Существенных различий между кратковременной памятью у пожилых и молодых людей нет. Что касается долговременной памяти, то пожилые люди запоминают меньшее количество иностранных слов. Исследования памяти людей в возрасте показали, что существует третичная память, которая содержит отдаленную информацию, т.е. пожилые люди точно описывают яркие события своего детства или юности. Таким образом, «существует немного возрастных различий сенсорной, кратковременной и третичной памяти.

Исключение составляет лишь долговременная память. Пожилые люди могут плохо справляться с запоминанием, если предложенное задание требует непривычной и давно не используемой ими техники организации или воспроизведения материала» [5]. Но в дальнейшем, после обучения стратегиям организации и запоминания, показатели тестирования людей старшего возраста улучшаются. Кроме того, память пожилых людей работает избирательно. Интересный и важный для них материал они запоминают легче. Результаты исследований М.Э. Елютиной и Э.Е.Чекановой показали, что пожилые люди «имеют хорошую организацию памяти, способность к верным суждениям относительно неопределенных жизненных ситуаций» [5]. При реализации индивидуальных образовательных траекторий нужно помнить, что многое зависит от особенностей эмоционально-мотивационной системы индивида. У слушателей в возрасте потребность в самосовершенствовании и самореализации очень высока. И во многом им это удаётся благодаря такой когнитивной способности, как мудрость. «Мудрость – это экспертная система знаний, ориентированная на «практическую сторону жизни» и позволяющая выносить взвешенные суждения, давать полезные советы по жизненно важным вопросам. Мудрость – это когнитивное качество, в основе которого лежит интеллект, определяемый культурными традициями и связанный с опытом и личностью» [3].

Рассмотренные выше индивидуальные когнитивные особенности людей старшего поколения тесно связаны и во многом определяют самоуправляемое образование взрослого человека, что является индивидуальным стилем образовательной деятельности и необходимым условием реализации индивидуальной образовательной траектории. Основные элементы индивидуальной образовательной деятельности слушателей – это смысл деятельности (зачем я это делаю); постановка личной цели (предвосхищающий результат); план деятельности; реализация плана; рефлексия (осознание собственной деятельности); оценка; корректировка или переопределение целей. Многолетние наблюдения на курсах за процессом освоения иностранного языка людьми молодого и старшего возрастов показывают, что слушатели старшего поколения имеют ряд положительных особенностей: умение абстрагироваться и использовать большой жизненный опыт, конкретные ожидания от процесса обучения, а именно умение общаться с носителями языка, например, с детьми и внуками, проживающими в Германии. Слушатели старшего возраста умеют применять методы, прошедшие проверку временем, они уже выработали собственные стратегии обучения, они более самостоятельны и дисциплинированны. Такие слушатели знают, что учеба должна быть интуитивно понятой и для этого нужен творческий подход. Умение видеть, ставить цель и самостоятельно добиваться ее, разумно расходуя свои силы – преимущества возрастных обучающихся.

С другой стороны, взрослые имеют ряд особенностей, которые делают обучение и реализацию индивидуальных образовательных траекторий проблематичным, а именно: могут «критически относиться к методам обучения, беспокоиться и быть неуверенным из-за предыдущих неудач, а также волноваться из-за уменьшающихся с возрастом способностей. Некоторые испытывают психологический стресс, дискомфорт из-за новой обстановки, необходимости адаптироваться к новым условиям и требованиям. Взрослые особо чувствительны к отклонениям от нормы языка и пытаются понять систему правил» [1]. Взрослые не любят ролевые игры и составление рассказов из-за их практичности и опыта. Они также не всегда с удовольствием делают тренировочные грамматические упражнения, иногда избегают подготовки домашнего задания, жалуясь на нехватку времени, загруженность, семейные обязанности. Слушание и спонтанное говорение нравятся всем взрослым обучающимся.

Всё это необходимо учитывать преподавателю при осуществлении личностно-ориентированного подхода и создавать атмосферу психологического комфорта, при котором слушатели всех возрастов осознают самоценность и личную значимость в ходе реализации индивидуальных образовательных траекторий. Условием достижения целей и задач личностно-ориентированного обучения является сохранение индивидуальных особенностей, уникальности, разноуровневости и разноплановости слушателей. Для этого применяются следующие способы: а) индивидуальные задания на курсах, б) организация парной и групповой работы, в) предложение составить план занятия для себя, г) выбрать содержание своего домашнего задания, д) определить тему творческой работы, е) выбрать объём своего домашнего задания, ж) выбрать направление и форму участия в проекте, з) выбрать аспект для самостоятельного изучения, и) предложить тему для выступления на занятии, к) определить индивидуальную образовательную программу на обозримый период времени.

Организация обучения по индивидуальной траектории требует особой методики и технологии. Решать эту задачу в современной дидактике предлагается обычно двумя противоположными способами, каждый из которых именуют индивидуальным подходом. Первый способ – дифференциация обучения, согласно которой к каждому слушателю предлагается подходить индивидуально, дифференцируя изучаемый им материал по степени сложности, направленности. Для этого обучающихся обычно делят на группы по типу: способные, средние, отстающие. Второй способ предполагает, что собственный путь образования выстраивается для каждого слушателя применительно к каждой изучаемой им образовательной области, т.е. теме. Другими словами, каждому предоставляется возможность создания собственной образовательной траектории освоения иностранного языка, построение которой подчинено следующим принципам: осознанность пер-

спективы и возможность участия в собственном образовании, гибкость и динамичность образовательной системы, индивидуализация и творческая составляющая при работе с преподавателем-наставником. «Индивидуальная траектория предполагает следующие технологические рамки: гибкость сроков изучения дисциплины, минимально допустимый образовательный стандарт и варианты его расширения, виртуальные тренинговые системы, модульное обучение, чередование различных форм работы и аттестации» [11]. Если учесть индивидуально-ориентированную модель обучения, можно выделить несколько фаз реализации индивидуальной образовательной траектории:

1) диагностическая. Подготовительный этап, где ведущая роль отводится преподавателю, который помогает слушателям ориентироваться в учебном материале и выбрать оптимальную для него форму работы, при этом приобретаются базовые навыки;

2) целеполагающая. Активное сотрудничество с педагогом. Учащийся создает индивидуальную траекторию в виде графика с указанием желаемого уровня владения иностранным языком по окончании курса. Совместно с преподавателем прогнозируются результаты, определяются временные рамки, выбираются алгоритм самостоятельной работы и формы взаимодействия с наставником;

3) мотивирующая. Фаза активной деятельности слушателя, когда он сотрудничает с преподавателем, посещая занятия, отчитывается о проделанной за определенный период времени работе. В зависимости от результатов, преподаватель корректирует образовательную траекторию. При этом, в качестве мотивирующих инструментов могут быть использованы такие приемы, как подготовка доклада или презентации на языке, выступление на конференции, участие в совместном проекте, участие в торжественных и праздничных мероприятиях;

4) экспериментально-познавательная. Период последовательной самостоятельной реализации индивидуального образовательного маршрута путем выполнения индивидуальных заданий с использованием различных технологий и ресурсов. Взаимодействие с преподавателем осуществляется в форме групповых занятий интерактивного характера (ролевые игры, кейсы, проекты, симуляция коммуникативных ситуаций);

5) контролирующая. «Контроль и оценка выполнения заданий и степень реализации индивидуальной образовательной траектории осуществляется как преподавателем, так и обучающимся, что способствует развитию самоконтроля и адекватного восприятия личных достижений. В процессе анализа проделанной работы выявляются типичные ошибки, анализируются причины неудач и успехов» [9].

Таким образом, индивидуальная образовательная траектория является активной формой обучения, где инициатива принадлежит как преподава-

телю, который скорее выполняет роль наставника и коллеги, так и самому слушателю, создающему персональный образовательный маршрут.

Во всех перечисленных фазах реализации индивидуальной образовательной траектории возможно участие людей старшего возраста, хоть оно и осуществляется с переменным успехом. Важно, что данный подход позволяет слушателям курсов приобретать знания и развивать необходимые навыки как самостоятельно, так и в рамках образовательной программы. «Современный подход, основанный на комбинировании этих двух способов получения знаний, предполагает создание особой образовательной культуры на основе использования особой формы образовательной деятельности. Данные формы работы способствуют развитию творческого потенциала обучаемого, его личных и профессиональных качеств, необходимых в современных условиях жизни и профессиональной деятельности при доминировании индивидуального подхода в обучении» [4].

Проанализировав имеющиеся научные данные и резюмируя изложенное, отметим, что возможность слушателей старшего возраста участвовать, отслеживать и корректировать свои успехи в освоении иностранного языка в совокупности с разработкой индивидуальной образовательной траектории оказывает положительное влияние на них, являясь эмоциональным и мотивирующим инструментом для приобретения знаний и формирования лингвистических и коммуникативных компетенций. При реализации индивидуальной траектории самостоятельная интеллектуальная деятельность является основой образовательного процесса на фоне традиционного подхода. «Индивидуальный темп и объем учебной работы активизируют познавательную деятельность, совершенствуют абстрактную и аналитическую деятельность, мотивируют активную творческую работу, что способствует реализации индивидуальной образовательной траектории» [10].

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что при обучении иностранным языкам лиц старшего возраста возможна реализация индивидуальных образовательных траекторий. Главным при этом является личностный подход с учетом когнитивных способностей и индивидуальных психологических особенностей данной возрастной категории, определяющих индивидуальную образовательную траекторию.

Библиографический список

1. Белицкая, Л.М. Некоторые психологические особенности обучения иностранному языку взрослой аудитории / Л.М. Белицкая, И.Л. Васильева, А.В. Неруш // Запорожский государственный медицинский университет – доклад Психология и социология. – Общая психология. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rusnauka.com/1_NIO_2008/Psihologia/25879.doc.htm.

2. Белкина, О.В. Особенности применения коммуникативного подхода при обучении иностранному языку взрослых слушателей / О.В. Белкина, И.Н. Дмит-

русенко, Е.В. Кравцова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2014. – № 4. – Т. 6. – С. 79–83.

3. Бокум, Д. Психология развития / Д. Бокум, Г. Крайг. – 9-е изд. – СПб.: Питер, 2005. – 940 с.

4. Гончарова, Е.В. Организация индивидуальной образовательной траектории обучения бакалавров / Е.В.Гончарова, Р.М. Чумичева // Вестник Нижневартовского государственного гуманитарного университета. – 2012. – № 2. – С. 83–89.

5. Елютина, М.Э. Социальная геронтология / М.Э. Елютина, Э.Е. Чеканова. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 157 с.

6. Жежера, Е.А. Иноязычное образование взрослых в контексте непрерывного образования: проблемы и перспективы / Е.А. Жежера // Наука ЮУрГУ. Материалы 65-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2013. – С. 308–311.

7. Зайцев, А.Б. Индивидуально-психологические факторы успешности обучения современных студентов / А.Б. Зайцев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Психология». – 2013. – № 2. – Т. 6. – С. 65–71.

8. Казакова, Е.И. Образовательная программа – маршрут ученика: Ч. 1 / Е.И. Казакова; под ред. А.П. Тряпициной, Е.И. Казаковой. – СПб.: Издательство «ЮИПК», 1998. – С. 9–32.

9. Кемерова, Н.С. Проектирование индивидуальной траектории обучения иностранному языку в техническом вузе / Н.С. Кемерова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – № 2. – С. 53–57.

10. Климинская, С.Л. Когнитивно-прагматические аспекты формирования вторичной языковой профессиональной личности / С.Л. Климинская // Профессиональная коммуникация в поликультурном пространстве: вопросы исследования и обучения. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. – С. 42–52.

11. Строганова, А.Н. Модель индивидуально-ориентированного обучения студентов в вузе / А.Н. Строганова // Человек и образование. – 2011. – № 3. – С. 75–78.

12. Ярославова, Е.Н. К вопросу о формировании личной образовательной среды обучающихся в непрерывном иноязычном образовании / Е.Н. Ярославова // Коммуникация в современном поликультурном мире: диалог культур: Сборник научно-практических трудов. – М.: Pearson, 2014. – Вып.2. – С. 577–590.

К содержанию

УДК 378.016 + 811.111

TEACHING A FOREIGN LANGUAGE TO ADULTS

A.D. Chuvashova

Theories about adult learning are predicated on the assumption that adults learn differently from children and adolescents. The belief is that these differences should be taken into consideration when structuring learning environments for adults. Age of the learners, existing knowledge level, motivation, social conditions, determination and student situation are factors that are different from younger learners and that must, therefore, be considered when developing a language program for adults.

Keywords: teaching foreign languages, andragogy, methods of teaching, adult learning, learning environment.

Teaching foreign languages has a long history. Throughout centuries methods of teaching and instruction have been changed excluding and complementing one another. But the ideas of such prominent scholars as Ya.A. Komenskiy, I.G. Pestalozzi, A. Disterveg about the complex nature of the educational process have been studied and valued. Thus, according to these principals, the educational process presupposes a few necessary and equally important components: 1) someone who is studying; 2) subject or field which is being studied; 3) teacher who is in charge of the process; 4) learning environment including the place, time, etc. These components are essential, the efficiency of teaching itself depends on them. Researchers in the field of teaching foreign languages emphasize the equal importance of a high-level competence in a language of teachers and taking into account peculiarities of a teaching subject along with any individual peculiarities of students.

Age characteristics and peculiarities of a student are studied in developmental psychology. Pedagogical psychology and developmental psychology go hand in hand. Problems of pedagogical psychology are studied and considered according to age peculiarities of a person. Contributions to the development of pedagogical psychology have been numerous. Among them, there are works of K.D. Ushinsky, P.F. Kapterev, L.S. Vygotsky, P.L. Blonsky and other prominent scholars and psychologists. Individual peculiarities of students define methods and ways of teaching. One of such peculiarities is presented by age characteristics of learners. So, in order to create the productive education environment that encourages professional self-development in foreign language education many factors should be taken into consideration [1].

Teaching adults certainly differs from teaching children. There are particular things that need to be taken into consideration when dealing with such category of learners. First, it is necessary to understand how adults learn in general and

how they act within the educational process. In general, they tend to bring more life experience, and they ultimately have more to give to one another and to their teacher. The role of a teacher is very important and continuous pedagogical education is necessary [2].

Teaching adults is performed on the basis of particular principals and methods. Andragogy studies methods and principals of adult education. From the Greek, "*andr-*", meaning "*man*", and "*agogus*", meaning "*leader of*", it literally means "*leader of man*", whereas "pedagogy" literally means "leading children". But in general, pedagogy means the study of teaching methods.

The term "Andragogy" was introduced by a German scientist Alexander Kapp in 1833. Andragogy became a theory of adult education. There are several definitions of andragogy:

1. Scientific approach to the process of teaching adults throughout life.
2. Theoretical and practical approach based on the humanistic theory of learning.
3. Particular methods of teaching. Andragogy ("man-leading") is distinguished from pedagogy ("child-leading") [3].

Adult education is a difficult task for teachers. Processes of perception, memory, and thinking are different in comparison with a young learner. In addition, an adult has a well-established mental model, life experience, occupation, etc., which causes difficulties in teaching adults when a teacher needs not only to "instill" the new, but also to "delete" the old [4].

How can we define 'adult' when we talk about adult education? An adult is a fully developed and mature human being.

In 1970 Malcolm S. Knowles created a fundamental work "The modern practice of adult education. From Pedagogy to Andragogy". According to Knowles, there are two definitions of an adult:

1) Who behaves as an adult – who performs adult roles? (a social definition). Applying the first criterion, a person is adult to the extent that individual is performing social roles typically assigned by our culture: responsible citizen, spouse, parent, etc.

2) Whose self-concept is that of an adult? (a psychological definition). Applying the second criterion, a person is adult to the extent that individual perceives herself or himself to be essentially responsible for her or his own life [5].

The process of adult learning or adult education brings together into a discreet social system all the individuals, institutions, and associations concerned with the education of adults and perceives them as working toward the common goals of improving the methods and materials of adult learning [5].

The quality of education process depends on many factors. One of the factors is teacher's competence formed and improved during the professional life of a specialist [6]. The competence and professionalism of a teacher are very important. Pedagogical competence of a teacher is presented by a set of profes-

sional skills and features that a teacher should have. These types of competence are mainly personal competence (responsibility, creativity, ability to solve problems) and professional competence (knowledge, communication, management, etc.) [7].

According to Knowles, an adult educator performs several functions:

– Diagnostic function;
– Planning function;
– Motivational function;
– Methodological function;
– Resource function;
– Evaluative function.

Characteristics of adult learners according to **andragogy** which are different from the assumptions about child learners (pedagogy):

1. Self-concept

As a person matures his/her self concept moves from one of being a dependent personality toward one of being a self-directed human being. Adult programs need to be designed to accept viewpoints from people in different life stages and with different value sets.

2. Adult learner experience

As a person matures he/she accumulates a growing reservoir of experience that becomes an increasing resource for learning. Adults seek out learning experiences in order to deal with some life-changing events. Adults need to be able to integrate new ideas with what they already know if they are going to use the new information. Information that conflicts with what is already believed to be true, and thus forces a reevaluation of the old material, is integrated and accepted more slowly. New knowledge needs to be integrated with previous knowledge. Adults need more time to integrate new knowledge.

3. Readiness to learn

As a person matures his/her readiness to learn becomes oriented increasingly to the developmental tasks of his/her social roles. Adults prefer self-directed and self-designed learning programs.

4. Orientation to learning

As a person matures his/her time perspective changes from one of postponed application of knowledge to immediacy of application, and accordingly his/her orientation toward learning shifts from one of subject-centeredness to one of problem centeredness [8].

5. Motivation to learn

As a person matures the motivation to learn is internal [9]. The learning environment must be physically and psychologically comfortable. Adults can learn well and much from a dialogue with respected peers. The key role of a teacher is control. The teacher must balance the presentation of new material, debate, and discussion. Adult learners expect to be assessed, but adult learners need assess-

ment not just for evaluation but also for motivation and feedback. Assessment for adult learners can also be empowering and can lead to a richer, deeper learning experience [10]. The learner is involved in identifying what he wants to learn, in making plans for the program, and in evaluating the program. In order for these conditions to occur, the role of the "teacher" must be more that of process facilitator rather than content expert [11].

On the basis of these characteristics, we can study how adult learners are different from young ones. The most common peculiarities of teaching a foreign language to adults are communicativeness, flexibility, and individualization in teaching process [12].

There are differences and similarities between adult and young learners**.** For adults, learning a new language can be painfully slow and often a frustrating experience. There is a whole new set of rules to learn, let alone thousands of new words and expressions. As it has been mentioned before, adults do not learn the same way that children do [13]. Adult learners are comfortable with abstract thought patterns. They like to call on their life experience. Adults have developed methods of learning that work best for them. They have better discipline than children. Their brains are fully developed and they have better motivation. On the other hand, adult learners have a number of characteristics which can make learning and teaching problematic: adult learners can be critical of teaching methods, anxious and worried because of the previous failure. More often that young learners, adults face certain linguistic problems as persistent deviations from the second language learner norm and language transfer, which is negative influence of their mother tongue on their ability to progress in a foreign language without involving their first language. Adults tend to understand the rules of a language rather than just 'doing it' as young children would [14].

According to Russian scholars, in the process of mastering a second language a secondary linguistic persona is being formed. Under the term "secondary linguistic persona" N.D. Galskova understands the total amount of human capabilities in the production of speech in the context of authentic communication with people of other cultures. This totality is the purpose and result of mastering a foreign language. The process of the formation of "secondary linguistic persona" is complicated especially when teaching adults [15].

Conclusion. Thus, individual peculiarities of students define methods and ways of teaching. One of such peculiarities is presented by age characteristics of learners. The main psychological and linguistic features of adult learning a foreign language are presented by difficulties during studying and teaching a foreign language. The process of teaching a foreign language to adults needs to meet not only communicative, cognitive expectations of learners, but also personal ones. Adults want their learning of a foreign language to be problem-oriented and personalized.

References

1. Yaroslavova E.N. Creating Personal learning space as a means of future professional self-development in foreign language education / E.N. Yaroslavova, M.G. Fedotova // Bulletin of the South Ural State University. Ser. Education. Educational Sciences. – 2015, vol. 7, no. 2, pp. 66–73.

2. Revin I.A. Results of the academic staff advanced training programs / I.A. Revin, I.V. Chervonaya // Bulletin of the South Ural State University. Ser. Education. Educational Sciences. – 2016, vol. 8, no. 3, pp. 112–116.

3. Knowles M.S. The modern practice of adult education / M.S. Knowles. – New York: Association press, 1978.

4. Kolesnikova I.A. Bases of andragogy / I.A. Kolesnikova. – M.: “Academy”, 2003. – P. 240.

5. Knowles M.S. The modern practice of adult education. From Pedagogy to Andragogy / M.S. Knowles. – New York: Cambridge, 1980. – pp. 24.

6. Volchenkova K.N. Peer Observation as a Tool for Teacher’s Professional Development and the Way to Increase the Quality of the Education Process / K.N. Volchenkova // Bulletin of the South Ural State University. Ser. Education. Educational Sciences. – 2016, vol. 8, no. 3, pp. 39–43.

7. Procházka M., M. Authority, Competences and Professional Functions of the Acdemic Staff / M. Procházka, M. Vítečková // Bulletin of the South Ural State University. Ser. Education. Educational Sciences. – 2016, vol. 8, no. 1, pp. 29–33.

8. Burge L. Beyond andragogy: some explorations for distance learning / L. Burge // International Journal of E-Learning and Distance Education. – Canada, 1988, vol. 3, no. 1, pp. 5–23.

9. Volchenkova, K. Maturity of the academic staff as a motivational factor to develop their proficiency in English / K. Volchenkova, S. Aliukov, I. Kotlyarova // *INTED2016 Proceedings*. – Pp. 6325–6335.

10. Beaman R. The unquiet … even loud andragogy! Alternative assessments for adult learners / R. Beaman // Innovative higher education. – The USA, 1998, vol. 23, no.1, pp. 47–59.

11. Volchenkova K.N. An andragogical approach to forming faculty communication competence in foreign language for international activities // K.N. Volchenkova // Bulletin of the South Ural State University. Ser. Education. Educational Sciences. – 2015, vol. 7, no. 4, pp. 18–25.

12. Belkina O.V. Peculiarities of communicative approach application in teaching English to adults / O.V. Belkina, I.N. Dmitrusenko, E.V. Kravtsova // Bulletin of the South Ural State University. Ser. Education. Educational Sciences. – 2014, vol. 6, no. 4, pp. 79–84.

13. Zhezhera E. Research communication skills for academic staff: lessons of experience / E. Zhezhera // *INTED2017 Proceedings*. – P. 4421–4429.

14. Taylor R. Teaching English as a foreign language to adults / R. Taylor. – The USA, 2014.

15. Galskova N.D. Modern methods of teaching foreign languages: textbook for teachers, third edition updated and revised / N.D. Galskova. – M.: Arkti, 2005.

К содержанию

УДК 378.02:81 + 378.018.4

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ CLIL-ТЕХНОЛОГИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Е.Г. Шрайбер

В статье рассматриваются и теоретически обосновываются предпосылки возникновения и использования интегрированного подхода к изучению содержания предмета и иностранного языка.

Ключевые слова: CLIL, инновационная технология, билингвальность, полилингвальность, интегрированное обучение.

Content and Language Intergrated Learning (CLIL) (Интегрированное изучение содержания предмета и языка) – это подход в обучении, сосредоточенный в двух направлениях: использование изучаемого языка для изучения и преподавания предметного содержания, и иностранного языка одновременно [4, 6].

CLIL не является новой формой изучения иностранного языка или предмета – это инновационная технология, сочетающая в себе множество методик, осуществленных до появления CLIL. В числе таких методик (приведены на английском языке) [11]:

- CBI – Content-based instruction;
- CBLI – Content-based language instruction;
- CBLT – Content-based language teaching;
- Dual-focused language education;
- LAC – Language across the curriculum;
- TFL – Teaching through a foreign language;
- TBE – Transitional bilingual education;
- WAC – Writing across curriculum.

Несмотря на то, что термин «CLIL» появился относительно недавно (в 1994 году), он не является совершенно новым явлением в обучении иностранным языкам. Люди жили в многоязычных обществах и тысячи лет назад. Билингвальность, а в некоторых случаях и полилингвальность таких групп людей являлась средством выживания. Билингвальное обучение ранее всего появилось в странах с несколькими государственными языками. Например, в Люксембурге дети учили немецкий с начальной школы и французский – со среднего звена. Всё это стартовало задолго до введения стандартов билингвального обучения в 1843 году, по которому французский вводился уже в начальной школе.

Принцип изучения иностранного языка через предметное содержание был освещён двумя выдающимися педагогами Центральной Европы. Пер-

вый из них – известный педагог чешского происхождения Ян Амос Каменский, который подчёркивал важность эффективного обучения иностранным языкам [3].

Следующий педагог, о котором необходимо упомянуть – Маттиас Бел (словацкого происхождения). Он был учителем и директором в двух грамматических школах, расположенных в многоязычном регионе с действующими немецким, венгерским, словацким и чешским языками, где он стремился облегчить изучение иностранных языков. Его девиз: «Учи словам для познания реальности и мира вокруг».

До 1970 года необходимость создания программ с интеграцией изучения языка и содержания имела предпосылки географического, демографического и экономического характера. По большей мере такие программы использовались в специфических лингвистических регионах (на границах стран или в больших городах). Цель их применения – помочь детям овладеть иностранным языком путём живого общения с носителями языка, с опорой на инструкции билингвального характера.

Одной из первых стран, где начали применять билингвальные программы, является Канада. Примерно в 1965 году группа англо-говорящих родителей, проживавших на территории Квебека, сочла необходимым создать обучающую программу для детских садов, которая бы дала возможность их детям: 1) научиться говорить, читать и писать на французском; 2) достигать адекватных результатов по учебным предметам (по английскому языку в том числе); 3) ценить и уважать культуру франко- и англоговорящих канадцев [5, с. 496]. Они обратились к властям с просьбой решения данной проблемы. Как результат в школах Квебека появились программы изучения иностранного языка путем погружения студентов в языковую среду. По собственному желанию англоговорящие школьники изучали предметы на французском (математику, географию) вместе с франкоговорящими детьми.

В 1970–1980-х гг. термин «погружение в языковую среду» стал употребляться как синоним билингвального обучения. Впоследствии программы языкового погружения, которые были разработаны для обучения учебным предметам и неродным языкам, получили распространение по всей Канаде, Америке и в других странах. С 1960-х по 1998 гг. около 300 тысяч канадских детей приняли участие в программах данного типа [8, с. 56]. К 2007 году в общеобразовательных школах США существовало 317 билингвальных программ языкового погружения, которые предоставляли обучение на 10 языках.

В 1966 году в Англии возник другой способ изучения иностранных языков: так называемый LAC (Language Across the curriculum) – использование межпредметных связей при изучении иностранного языка. Идея создания технологии родилась у учителей общеобразовательной школы, ко-

торые стали задумываться о том, насколько важна роль дискуссий на уроках английского языка. Всё началось с обсуждения того, как мысль формулируется в языке, какие функции выполняет язык в обществе, как люди овладевают иностранным языком [10, с. 173]. Исследователи пришли к выводу, что учащимся необходимо быть более вовлеченными в исследование языка, с которым они сталкиваются и который они изучают в школе. Первые шаги к разработке LAC строились на экспериментах и упорядочивании теории. Идея LAC оказалась весьма последовательной и логичной, что привело к быстрому её распространению в Англии, Австралии и Канаде. В США подход использовался только частично: для развития навыков письма (WAC). В качестве метода интеграции одновременного изучения контента и языка в США используется предметно-ориентированный подход (CBI – Content-Based Instruction) и билингвальные программы обучения.

Успех вышеперечисленных программ интегрированного обучения привлёк внимание европейцев, заинтересованных в развитии языковой политики. В 1978 году Европейская комиссия выдвинула предложение о том, что обучение в школе должно проходить на нескольких языках [8, с. 51].

В 1983 году Европейский парламент издал распоряжение о продвижении новой программы для улучшения качества преподавания иностранных языков. Программа стала быстро распространяться, некоторые школы с государственным обеспечением стали преподавать предметы на иностранном языке. Примеру последовали и страны Европейского союза, внедрив программы интегрированного обучения предметам посредством иностранного языка.

Предпосылками появления различных технологий интегрированного обучения (в том числе и CLIL) послужили различные факторы: исторического, социологического, образовательного характера. Однако попытка скопировать канадскую модель языкового погружения на европейскую модель CLIL не увенчалась успехом. Предположительно, это можно аргументировать тем, что европейские преподаватели не учли культурологических и языковых различий между Европой и Канадой.

Программы языкового погружения не приживались в таких странах как Словакия, где было необходимо увеличить использование родного языка, который играл весьма важную роль в образовании. Количество предметов, изучаемых на иностранном языке в Европе, заметно отличалось от количества изучаемых предметов в Канаде. Именно поэтому CLIL является «упрощённой» версией билингвального обучения.

Акроним CLIL создан Дэвидом Маршем, одним исследователей, работающих в сфере полилингвизма и билингвального обучения в университете Финляндии Ювяскюля, в 1994 году. Марш имеет огромный жизненный опыт, связанный с полилингвизмом: родился в Австралии, получил образование в Британии и построил карьеру в Финляндии. Канадские програм-

мы языкового погружения, а также британские программы LAC стали основой для создания технологии CLIL. Исконная идея технологии состояла в том, чтобы внедрить изучение предметов через иностранный язык. По словам Марша, необходимость утверждения CLIL в Европе в течение 1994 года была обусловлена развитием политической и образовательной сферы.

Политической двигательной силой было мнение о том, что социальная мобильность в Евросоюзе требовала высокого уровня компетенции по иностранному языку. В образовательной сфере целью являлось создание и внедрение существующих методов преподавания (на примере Канады), чтобы воспитать более компетентных студентов [1, 2]. В течение 1990-х гг. акроним CLIL стал самым используемым термином в Европе для обозначения программ интеграции обучения иностранному языку и предметному содержанию. В 2005 году Дэвид Марш предложил обозначить CLIL как общий термин для различных методологий двустороннего характера, в которых внимание уделялось тематическому содержанию и изучаемому языку [7, с. 48–49].

В 2006 году «Эвридика» сообщила, что в большинстве стран Европейского союза доступно обучение по технологии CLIL. К 2007 году CLIL начал применяться в 20 европейских странах. Данная информация содержалась в работе Мальерса, Марша и Вольфа «Windows on CLIL». Большая часть методик, обсуждаемых в работе, осуществлялись в школах среднего звена, и только часть из них – в школах начального образования (в Австрии, Финляндии, Венгрии и Испании) [7, с. 51].

В течение последнего десятилетия исследования CLIL, по большей мере сфокусированные на лингвистической стороне технологии, быстро ускорились благодаря исследователям различных дисциплин: лингвистам, педагогам, психологам, неврологам и др. Также к целям изучения двустороннего обучения (языку и предметному содержанию) добавилось исследование стратегий изучения и умственных навыков студентов [9]. На данный момент во многих университетах Европы действуют курсы подготовки преподавателей для преподавания по CLIL. Также создана европейская рамка квалификации для преподавателей, которые уже практикуют данную технологию в обучении.

Библиографический список

1. Брайан, А. Blended learning: concept, models, implications for higher education / А. Брайан, К.Н. Волченкова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2016. – Т. 8. – № 2. – С. 24–30.

2. Лескина, Ю.А. Организация проблемного обучения в процессе профессиональной подготовки в вузе / Ю.А. Лескина // Наука ЮУрГУ. Материалы 68-й научной конференции. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2016. – С. 507–512.

3. Прохазка, М. Ян Амос Коменский как вдохновитель развития социально-педагогического мышления / М. Прохазка // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2015. – Т. 7, № 3. – С. 22–27.

4. Baïdak N., Mínguez, M. L. G. (Coordination) & Oberheidt, S. (2005). Content and Language Integrated Learning (CLIL) at School in Europe. Brussel.

5. Baker C. & Jones, S. P. (1998). Encyclopedia of Bilingualism and Bilingual Education. Clevendon: Multilingual Matters.

6. Coyle D., Hood, P. & Marsh, D. (2010). CLIL: Content and Language Intergrated Learning. Cambridge: CUP.

7. Kovacs J. (2014). CLIL – Early competence in two languages. The world at their feet: Children's early Competence in Two Languages through Education (p. 15–97). Budapest: Eötvös József Könyvkiadó.

8. Marsh D. (2002). CLIL/EMILE – The European Dimension: Actions, Trends & Foresight Potential. Brussels: European Commission.

9. Mehisto P., Marsh D. & Frigols M. J. (2008). Uncovering CLIL. Content and Language Intergrated Learning in Bilingual and Multilingual Education. Oxford: Macmillan Education.

10. Parker R. (1978). The Language Across the curriculum Movement: A Brief Overview and Bibliography. College Composition and Communication (p. 173–177).

11. Richards J. C. & Rogers, T. S. (2014). Approaches and methods in Teaching. Cambridge: CUP.

К содержанию

УДК 378.018.4:81

РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА С ПОМОЩЬЮ ТЕХНОЛОГИИ «ПЕРЕВЕРНУТЫЙ КЛАСС»

К.С. Большакова

В статье рассматривается определение технологии «перевернутый класс», её преимущества и недостатки, а также варианты применения этой технологии в процессе изучения иностранного языка в вузе.

Ключевые слова: перевернутый класс, языковая компетентность, индивидуализация образования, LMS Moodle.

Использование технологий – неотъемлемый элемент образования XXI века. Технологические достижения в значительной мере изменили как способы получения информации, так и методы преподавания. Более того, преподаватели во всем мире чувствуют острую необходимость менять привычные формы обучения и интегрировать технологии в процесс обра-

зования. Технологии открывают огромное разнообразие возможностей и позволяют переоценить эффективность сложившейся методики преподавания. Кроме этого, они открывают новые горизонты для удовлетворения познавательных потребностей студентов, способствуют повышению мотивации и вовлечению студентов в учебный процесс. Одним из самых эффективных технологических достижений для изучения иностранного языка является видео. Сначала видео использовалось как вид задания в ходе аудиторных занятий, что позволяло более глубоко и эффективно развивать навыки аудирования и говорения, имитируя интонацию и невербальные способы передачи информации, используемые носителями языка. В дальнейшем же, видео стало использоваться для составления видео-лекций, что позволило перевести процесс изучения иностранных языков на новый уровень. С помощью современных технологий можно создавать, монтировать, редактировать и распространять видео, выполняющие различные задачи обучения иностранному языку. Использование видео-лекций послужило основой появления новой технологии в образовании XXI века – технологии «перевернутый класс».

Технология «перевернутый класс» была изобретена Джонатаном Бергманом и Аароном Сэмсом в 2000 году для работы с отстающими учащимися. Чтобы помочь им наверстать материал, педагоги создавали презентации в Power Point, сопровождающиеся аудиозаписями, на смену которым пришли авторские видеоролики. Вскоре стало понятно, что такой подход предварительной подачи материала высвобождает большое количество времени на аудиторных занятиях, что позволяет использовать это время на другие виды заданий, требующих руководства и контроля со стороны педагога. В своей книге Д. Бергман и А. Сэмс отмечали: «То, что традиционно выполняется в классе, теперь выполняется дома, а то, что традиционно выполнялось дома, теперь выполняется в классе». [1, с. 23] Другими словами, последовательность изменилась на противоположную. Однако не стоит воспринимать технологию «перевернутый класс» только как видеолекции, используемые для введения теоретического материала. Основной акцент в применении этой технологии делается на активизацию методов обучения в ходе аудиторного занятия: время, сэкономленное на презентации материала, распределяется на другие виды заданий, способствующие развитию языковой компетентности студентов. Преподаватель получает возможность не только организовать большее число различных упражнений на отработку материала, но и разнообразить парную и групповую работу студентов, организовать интерактивное обсуждение и различные ролевые игры.

Основное отличие традиционной модели обучения от модели «перевернутого класса» заключается в следующем. При традиционном подходе от 50 % до 75 % времени аудиторного занятия по иностранному языку отводится на изучение теоретического материала, и от 25 % до 50 % – на выполнение заданий на закрепление изученного материала, в дальнейшем от-

работка изученного материала продолжается в ходе самостоятельной работы студента дома. При применении технологии «перевернутый класс» изучение теоретического материала происходит в ходе самостоятельной работы дома, при этом выполняется и ряд заданий на закрепление полученных знаний, в ходе же аудиторной работы на занятии 25 % времени отводится на актуализацию изученной теории и 75 % – на отработку нового материала и усовершенствование языковых навыков студентов. Таким образом, можно выделить два основных преимущества применения технологии «перевернутый класс». Во-первых, освобождается время, которое на аудиторном занятии эффективнее потратить на развитие продуктивных навыков, а не на введение теоретического материала. Во-вторых, изучение теории в ходе самостоятельной работы дома позволяет студентам работать в индивидуальном темпе, повторно просматривать более сложные моменты, что снижает напряжение и увеличивает усвояемость теоретического материала. Проделав первые упражнения на закрепление дома, студент может подготовить дополнительные вопросы к наиболее сложным аспектам теории, чтобы более глубоко разобраться в теме.

Технология «перевернутый класс» также обусловлена изменением роли преподавателя в современном образовании. Её регулярное применение качественно улучшает процесс обучения и позволяет привлечь внимание «студентов-миллениалов» [2, с. 49]. В основе традиционной модели обучения находится преподаватель, в то время как в основе технологии «перевернутый класс» – студент. Эта технология позволяет осуществлять индивидуальный подход к обучению и соответствует принципам конструктивизма, так как ответственность за эффективность обучения принимает на себя студент. Индивидуальный подход проявляется как на этапе самостоятельной работы студентов с материалами, так и в ходе аудиторной работы, когда время, освободившееся от объяснения материала преподавателем, используется для активизации материала, организации различных видов парной, групповой и исследовательской работы. Роль преподавателя меняется – вместо ментора и руководителя он становится наблюдателем и генератором, что значительно повышает мотивацию студентов и способствует эффективному развитию знаний, умений и навыков студентов.

Особую ценность технология «перевернутый класс» приобретает на занятиях по иностранному языку. Основной целью обучения студентов иностранному языку в вузе является развитие у них языковой компетентности, под которой понимается способность применять знания о языковых единицах и явлениях в практике устной и письменной речи.

Очевидно, что важнейшим аспектом в процессе формирования языковой компетентности является развитие навыков говорения на иностранном языке, что может быть достигнуто только в ходе регулярного и продолжительного по времени общения на иностранном языке в парах, груп-

пах, а также продуцирования неподготовленного монологического высказывания на иностранном языке.

В настоящее время технология «перевернутого класса» активно используется в университетах США для обучения инженерным, естественным, экономическим, социальным и гуманитарным дисциплинам. Мы считаем целесообразным использовать её для развития языковой компетентности студентов в процессе изучения иностранного языка в ВУЗе, и первые шаги по применению технологии «перевернутый класс» предпринимаются нами в курсах, разработанных преподавателями кафедры «Международные отношения и зарубежное регионоведение» на платформе Moodle, являющейся одной из наиболее популярных в мире LMS, и размещенных в закрытой сети «Электронный ЮУрГУ 2.0». Отметим, что LMS (Learning Management System) – это система дистанционного обучения, предоставляющая доступ к учебным материалам и позволяющая организовать обратную связь.

Источниками материалов для авторского курса могут служить как созданные лично преподавателем видео, аудио и текстовые файлы, так и готовые материалы по теме, взятые из проверенных источников. Так как Интернет развивается гигантскими темпами, разнообразие материалов для изучения иностранного языка в наше время поражает воображение. Потратив определенное время на подбор материалов на различные лексические и грамматические темы, преподаватель может составить уникальный курс, направленный на удовлетворение потребностей в обучении конкретной группы студентов, либо же, наоборот, создать универсальный курс, подходящий для любых студентов соответствующего языкового уровня. И поскольку дистанционное образование становится все популярнее, умение создавать такие курсы становится неотъемлемой компетенцией современного преподавателя иностранного языка. Помимо теоретического материала, многие LMS системы позволяют создавать интерактивные упражнения, тесты и различные типы заданий для первичной активизации изученного материала. Хочется, тем не менее, отметить важность аудиторной работы в ходе изучения иностранного языка. В отличие от большинства других предметов, владение иностранным языком определяется, прежде всего, развитием языковой компетентности, иными словами, студенты изучают иностранный язык, чтобы говорить на нем. А иного способа научиться говорить на иностранном языке, кроме как регулярного и систематического отработки навыков говорения не существует. Именно поэтому технология «перевернутый класс приобретает такую ценность: в условиях сокращения аудиторных часов на изучение иностранного языка применение технологии позволяет по максимуму использовать время занятий для развития языковой компетентности. При использовании этой технологии студенты приходят на занятие подготовленными, что позволяет снизить напряже-

ние в ходе коммуникации, организовать более свободное и эффективное взаимодействие преподавателя со студентами.

Одним из минусов модели перевернутого класса называют невозможность оперативно задать вопрос преподавателю и разъяснить для себя непонятный момент, однако стоит отметить, что дополнительные возможности использования LMS позволяют отправить вопрос преподавателю как на почту, так и в другие источники, и таким образом, получить ответ на свой вопрос достаточно оперативно. Помимо этого, в системе предусматривается возможность обсудить возникшие вопросы с другими студентами, что способствует становлению системы взаимопомощи, сплачиванию студентов, а также лучшему усвоению теории, так как известно, что в процессе объяснения сложных моментов другим, студенты более глубоко и качественно усваивают материал.

Некоторые критики модели перевернутого класса обвиняют её в ослаблении роли преподавателя, на самом деле, все происходит ровно наоборот. Важность роли преподавателя повышается, так как он становится проводником для группы студентов, обеспечивающим индивидуальный подход и организующим более качественное развитие языковой компетентности студентов.

Обновленный стандарт для студентов, опубликованный в 2016 году, содержит множество требований, которые реализуются при применении технологии «перевернутый класс» в процессе обучения иностранному языку в вузе. Приведем примеры некоторых таких требований:

– студенты должны использовать в процессе обучения технологические инструменты, а также «персонализировать учебное пространство для углубления знаний»;

– студенты должны понимать специфику обучения в цифровом мире и действовать только безопасными и законными методами;

– при изучении материала студенты должны мыслить критически;

– важно не только изучить существующие материалы, но и уметь решать проблемы «путем создания новых решений».

Самым важным аспектом в новых требованиях, выдвигаемых к процессу обучения студентов, нам видится именно индивидуализация. Необходимость в ней обусловлена изменяющейся структурой не только образования, но и общества в целом.

Конечно, при всех перечисленных плюсах, внедрение технологии перевернутого класса в процесс изучения иностранного языка в вузе не обходится без ряда сложных моментов. Основной проблемой является значительное увеличение объема работы преподавателя в ходе подготовительного периода. Необходимо пересмотреть учебную программу дисциплины и разделить весь изучаемый материал на то, что переводится в «перевернутый класс» и то, что остается на аудиторные занятия. После этого подго-

товка материалов для использования студентами дома занимает большое количество времени и требует от преподавателя качественной профессиональной компетентности. В процессе разработки курса преподаватель записывает аудио и видео-файлы, готовит текстовые файлы, содержащие теоретический материал, создаёт тесты и задания для отработки теоретического материала и систему оценки знаний студентов в ходе изучения курса. Для этого от преподавателя требуется предварительно освоить современные методы создания аудио и видео-файлов, интерактивных упражнений, а также изучить и освоить все возможности системы, на платформе которой создается курс.

Таким образом, трудоемкость этой проблемы имеет две составные части – методическую и технологическую. Технологические затруднения можно преодолеть, проходя повышение квалификации, позволяющее в короткое время освоить технологические инструменты на высоком уровне. Также облегчить задачу преподавателя можно использованием готовых качественных материалов по различным темам. В таком случае, задача преподавателя состоит в тщательном подборе, адаптации готовых материалов под нужды конкретной категории студентов и их конвертация для размещения в системе LMS. Если нужных материалов не нашлось среди готовых видео-лекций, одним из самых удобных инструментов для введения новой темы являются презентации, созданные в Power Point. Вместе с презентацией можно загрузить аудиофайл с комментариями информации, представленной на слайдах. Возможности же создания тестов в LMS системе Moodle очень обширны и не вызывают сложностей в применении после их досконального изучения.

Также в процессе применения технологии перевернутый класс видится необходимым изучить отношение студентов к новым методам работы. Для этого был проведен письменный опрос студентов, занимающихся по курсу «Английский язык для специальности международные отношения уровень Upper Intermediate» в 2015–2016 и 2016–2017 годах, всего 28 респондентов. Студентам предлагалось письменно ответить на вопрос, видят ли они преимущества в таком виде работы и, если да, то какие. Наиболее популярными ответами стали: возможность пересматривать видео и перечитывать теоретический материал (отметили 64 % студентов), возможность изучать теорию в удобное время (52 %), возможность изучить материал более углубленно (34 %) и возможность больше общаться на занятии (28 %). Таким образом, можно сделать вывод, что студенты осознают и верно интерпретируют преимущества применения технологии перевернутый класс.

Проведенные другими авторами опросы показали, что большинство студентов предпочтут перевернутый класс традиционному подходу, также показательным является улучшение успеваемости студентов при использовании технологии перевернутый класс [3].

Таким образом, эффективность технологии перевернутый класс не вызывает сомнений, и предвидя будущее за новыми технологиями, преподаватели должны научиться использовать их многообразие.

Библиографический список

1. Bergmann, J. Flip your classroom: Reach every student in every class every day / J. Bergmann, A. Sams. – Eugene, OR: ISTE, 2012. – 112 p.

2. Roehl, A. The flipped classroom: An opportunity to engage millennial students through active learning strategies / A. Roehl, S.L. Reddy, G.J. Shannon. – Journal of Family and Consumer Sciences. – 2013. – 105(2). – Pp. 44–49.

3. Basal, A. The implementation of a flipped classroom in foreign language teaching / A. Basal. – Turkish Online Journal of Distance Education– TOJDE. – October 2015. – ISSN 1302-6488, Vol. 16, N. 4, Art. 3.

К содержанию

УДК 81’374

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМАХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В.Г. Будыкина

В статье рассматривается проблема лексических параллелей – лингвокультурного феномена, более известного в российской науке и практике перевода как «ложные друзья переводчика»; описываются некоторые подходы к его изучению, а также приводятся данные по истории термина. Исследование выполнено на примере терминов высшего образования и сопряженной лексики; в статье приводятся примеры полных, неполных и ложных параллелей, в том числе лексических параллелей-словосочетаний. Особое внимание автор акцентирует на необходимости уточнения методологии лексикографического описания лексических параллелей в общих и специальных словарях, а также учета частеречной принадлежности при классифицировании лексических параллелей.

Ключевые слова: лексические параллели, ложные друзья переводчика, терминология образования, лексические параллели в терминологии высшего образования, англо-русский словарь терминов высшего образования.

Среди проблем теории и практики перевода все более актуальной становится проблема эквивалентности перевода лексических единиц двух и (или) более сравниваемых языков, которые могут совпадать в плане выра-

жения, но при этом совпадать/не совпадать/совпадать частично в плане содержания. Вслед за В.В. Дубичинским, мы называем этот феномен лексическими параллелями (ЛП) [5, с. 85]. Данный лингвокультурологический феномен достаточно широко изучен российскими и зарубежными учеными, которые, однако, не пришли к единому мнению относительно используемой терминологии. В специальной литературе можно встретить такие параллельно существующие термины как «ложные (подлинные) друзья переводчика», «интернационализмы», «межъязыковые паронимы», «интеронимы», «межъязыковые омонимы», «false cognates», «non cognates» и т.д. В ряде статей мы уже освещали основные вопросы, связанные с именованием, происхождением и особенностями лексикографического описания лексических параллелей, а также, анализом некоторых лексических параллелей, существующих в терминологии образования и сопряженной лексике [2, 3].

Первые упоминания термина «ложные друзья переводчика» появились в середине XVIII века в работах Э. Мовильона и А. Портитора. В 1928 году М. Кёсслером и Ж. Дерокиньи был опубликован словарь французско-английских и англо-французских ложных друзей переводчика “Les faux-amis ou les trahisions du vocabulaire anglais” [6]. В немецком и английском языках существовали и более узкие трактовки данного языкового феномена: *irrefuhrende Fremdworter* и *misleading words of foreign origin*, которые относили к этой группе лишь слова иностранного происхождения. В отечественной лингвистике серьезный интерес к данной проблеме возник во второй половине XX века. Разработкой проблемы и составлением словарей с целью фиксации и описания таких языковых единиц занимались такие ученые, как В.В. Дубичинский, В.В. Акуленко, К.Г.М. Готлиб, В.Л. Муравьев, А.В. Зинкевич, М.П. Кочерган и т.д.

Обращает на себя внимание и тот факт, что данные термины применялись и к отдельным лексемам, и достаточно редко к словосочетаниям, в том время как Е.В. Пивоварова предлагает также выделять ложные друзья-лексемы и ложные друзья-фразеологизмы, состоящие из двух или более лексем [7].

Итак, В.В. Дубичинский под лексическими параллелями понимает сходные по внешней форме (устной и/или письменной) лексические единицы двух синхронически сопоставляемых языков с частичным или полным несовпадением/совпадением значений [5, с. 85]. Внешнесходные слова двух синхронически сравниваемых языков с полностью совпадающими значениями предлагается называть *полными лексическим параллелями*, а слова, у которых совпадают одни и не совпадают другие значения – *неполными лексическими параллелями*. «Совпадающие значения внешне сходных лексических единиц двух языков мы называем интерсемемами, а значения, отражающие национально-культурное своеобразие лексики – идиосемемами [5, с. 85]. От самого распространенного термина среди па-

раллельно существующих терминов перечисленных выше, В.В. Дубичинский предлагает отказаться «из-за его графической громоздкости и несомненной метафоричности, что зачастую нежелательно для терминологической лексики [5, с. 88].

Целью данного исследования является выделение и описание лексических параллелей в паре «английский-русский», выборка которых производилась из Англо-русского словаря терминов высшего образования (на примере высшего образования в США) (American-Focused Dictionary of Higher Education), составленного автором данной статьи и вышедшего в изданиях «Флинта» и «Наука» (г. Москва) в 2017 году [1].

Итак, для проведения исследования были отобраны лексемы и словосочетания из английского и русского языков, схожие по внешней форме. Часть лексем и словосочетаний оказались полными лексическими параллелями. К ним мы отнесли следующие лексемы: аккредитация – accreditation, программа – program, аннотация – annotation, критерий – criteria, аудит – audit, аксиома – axiom, концепт – concept, дидактика – didactics, президент – president, процесс – process и т.д.

Для нашего исследования, однако, наибольший интерес представляют лексемы и словосочетания, являющиеся неполными лексическими параллелями. К ним мы отнесли следующие пары: «академик – academic», «артикль – article», «кабинет – cabinet», «каникулы – canicular», «мастер – master», «инструктор – instructor», «интерн – intern», «департамент – department», «аспирант – aspirant», «аудитория – auditorium», «класс – class», «курс/курсы – course», «кредит – credit», «диссертация – dissertation», «факультет – faculty», «проспект – prospect», «кандидат – candidate», «принципал – principal», «профессор – professor», «рекорд – record», «симуляция – simulation», «специалист – specialist», «ректор – rector», «школяр – scholar», «стипендия – stipend», «тезис – thesis» и т.д. Проанализируем некоторые из пар с целью выявления неполных/ложных лексических параллелей.

Итак, лексема *симуляция* имеет в русском языке следующие значения (используем принципы лексикографического описания лексических параллелей и графического оформления, предложенные В.В. Дубичинским для словарного проекта «Русско-немецкий словарь лексических параллелей» и используем Толковый словарь Ожегова [8], а также Новый большой англо-русский словарь под редакцией Ю.Д. Апресяна и др. [4].

СИМУЛЯЦИ/Я, -и, ж:

1. притворство, ложное утверждение или изображение чего-н. с целью ввести в обман, в заблуждение: *злостная симуляция.*

Simulation, n.

[ˌsɪmjʊˈleɪʃən]

1.=1;

2*. симуляция болезни, особенно психической: he was not ill, it was a simulation;

3*. подделка, имитация (о предмете): simulation fur;
4*. моделирование, воспроизведение: simulation of fire.

Таким образом, проанализированные лексемы являются неполными лексическими параллелями, а лексема *simulation* обладает тремя несовпадающими значениями, одно из которых является довольно употребительной в образовательной среде. Так, игра-тренажер/моделирующая игра (*simulation game*) интегрирована во многие программы обучения прежде всего в высших и средне-специальных заведениях. Это максимально приближенная к реальности имитация процессов управления и принятия решений. Студенты управляют компанией, выбирают стратегические цели для её развития, принимают пошаговые тактические решения, выстраивают взаимоотношения с клиентами, персоналом, акционерами, членами одного коллектива и т.д. Использование моделирующих игр более распространено в европейской и американской системах образования в связи с тем, что, в отличие от российского образования, эти системы более практико-ориентированы и имеют более прикладной характер. В последние годы в этом значении начал использоваться термин *бизнес-симуляция* – калька с английского *business-simulation.* Однако в большинстве современных словарей *симуляция* по-прежнему не переводится во взаимосвязи с обучение, бизнес-тренажерами.

Проанализируем еще одну пару лексем:

СПЕЦИАЛИСТ, -а, м.
1. Работник в области какой-н. определенной специальности: узкий специалист, специалист по сосудистой хирургии;
2.*квалификация, приобретаемая студентом после освоения специальной программы обучения.

Specialist, n.
[ˈspɛʃ(ə)lɪst]
1.=1;
2*. воен. младший специалист, младший сержант.

Данные лексемы также являются неполными ЛП. В английском и русском языках обнаруживаются две интерсемемы и две идеолексы. Русская лексема *специалист* имеет значение специалиста как квалификации, присваиваемой после окончания учебного курса в высшем учебном заведении продолжительностью, как правило, пять лет и получившей наибольшее распространение в российской системе высшего образования XX века. Данное значение отсутствует у его английского коррелята, т.к. данное значение является идиосемемой в чистом виде, т.к. в большинстве стран мира такая квалификация отсутствовала на протяжении всей истории высшего образования.

Приведем еще несколько примеров неполных ЛП. Лексема *элементарный* в русском языке означает: «относящийся к элементам; начальный, относящийся к основам чего-либо; простейший; упрощенный, поверхностный». В английском языке лексема *elementary* обозначает элементарный, простой, простейший, первичный, первоначальный, начальный. Однако стоит отметить, что данные лексемы, как правило являющиеся переводными эквивалентами друг друга, в редких случаях могут переводиться другими способами. Так, начальная ступень школьного образования в Великобритании называется *elementary school*, что переводится на русский не *элементарная школа*, а *начальная школа*. Таким образом, лексемы «элементарный – elementary» также являются неполными ЛП.

Заключение. Стоит также отметить, что существует несколько классификаций ложных друзей переводчика/ЛП, разработанных К.Г.М. Готлибом, Р.А. Будаговым и В.В. Дубичинским. В данных классификациях не учитывается принадлежность ЛП к той или иной части речи, в связи с чем считаем необходимым при анализе и классификации внешнесхожих лексических единиц учитывать частеречную принадлежность рассматриваемых лексических параллелей, а также включать соответствующие пометы в словари ЛП, а также в общие словари при описании ЛП. Кроме того, мы предлагаем вносить в указанные выше словари ЛП-словосочетания, перевод и использование которых может вызывать сложности у неносителей языка. В качестве примера проанализируем два словосочетания «курсовая работа – course work», перевод которых вызывают несомненную трудность у российских студентов, в чем мы неоднократно убеждались лично в ходе преподавания английского языка в вузах РФ. Устоявшимся убеждением является то, что лексемы из анализируемой пары считаются полными ЛП, в то время как в действительности они являются ложными ЛП и course work/coursework (в английском языке некоторые словосочетания, например, образованные по схеме «прилагательное+существительное» могут писаться слитно) необходимо переводить как учебная работа, выполняемая в ходе освоения программы обучения (в течение 3–4-х лет, если речь идет о бакалавриате или 1–3-х лет – о магистратуре). Данная лексема не имеет никакого отношения к понятию курсовой работы – одного из видов самостоятельной работы студента, представляющего собой научное исследование по конкретной теме в письменной форме.

Таким образом, полученные нами результаты могут непосредственно использоваться для совершенствования теории ЛП, что позволит избежать ошибок при переводе и иноязычной коммуникации путем учета национально-культурного своеобразия лексем и словосочетаний, внесут свой вклад в развитие методологии лексикографического описания внешнесхожих лексем в различных языках.

Библиографический список

1. Будыкина, В.Г. Англо-русский словарь терминов высшего образования (на примере высшего образования в США) / В.Г. Будыкина. – М.: Издательство «ФЛИНТА», издательство «Наука». 2017. – 390 с.

2. Будыкина, В.Г. Лексические параллели в терминологии образования и сопряженной лексике / В.Г. Будыкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 12-1 (30). – С. 56–58.

3. Будыкина, В.Г. Ложные лексические параллели как проблема лексикографии (на примере терминологии высшего образования) / В.Г. Будыкина // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2013. – № 31 (322). – Вып. 84. – С. 78–80.

4. Новый большой англо-русский словарь. В 3 т. / Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова, А.В. Петрова и др. – 3-е изд., стер. – М., 1999.

5. Дубичинский, В.В. О новом лексикографическом проекте – русско-немецком словаре лексических параллелей / В.В. Дубичинский // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Л.Г. Бабенко, 28–30 сент. 2016 г., Екатеринбург, Россия. – М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. – С. 84–92.

6. Koessler M., Derocquigny J. Les faux amis ou les pifeges du vocabalaire anglais. Conseils aux traducteurs Paris, 1928. – 387 p.

7. URL: http://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2013_10_35.pdf/.

8. URL: http://slovarozhegova.ru/.

К содержанию

УДК 37.04:811.111 + 37.02:81

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

К.Ю. Гужаковская, Е.Е. Щелканова

Рассмотрены методические особенности обучения английскому языку взрослых слушателей на примере конкретных упражнений. Выделены основные сложности обучения данной категории слушателей. Отмечена необходимость применения коммуникативного подхода и эффективность использования профессионально-ориентированного компонента.

Ключевые слова: профессионально-ориентированный компонент, коммуникативный подход, обучение взрослых.

Сложно переоценить важность иностранного языка в современном мире, кроме того, свои требования диктуют и процессы глобализации. Сегодня владение иностранным языком – это атрибут успешного человека, его конкурентноспособное преимущество. Говоря об иностранном языке, прежде всего, имеют в виду английский язык, являющийся языком международного общения, бизнеса, массовых коммуникаций, поп-культуры и т.п. Английский изучают буквально с пеленок, многие сдают международные экзамены на знание языка, специалисты в разных профессиональных областях осваивают необходимый им языковой минимум, люди зрелого возраста активно посещают языковые курсы. Все это создает предпосылки для возникновения единого языкового пространства.

Проблема создания единой языковой среды особенно актуальна для современных вузов. Проект 5-100 подразумевает выход вузов-участников на международный уровень, что требует овладения английским языком не только участниками образовательного процесса, но и вспомогательным персоналом. Так, например, в ЮУрГУ уже не один год существует программа обучения английскому языку ППС, в рамках которой преподаватели не только изучают общий курс языка, но и овладевают основами академического письма на английском языке, необходимого для написания научных статей в журналы, входящие в списки научного цитирования Web of Science и Scopus. С этого года Центром социокультурной адаптации запущена программа для вспомогательного персонала вуза, в которой участвуют работники общежития, библиотеки, сотрудники отдела кадров, служба охраны, медицинский персонал Центра здоровья.

В данной статье будут рассмотрены методические особенности обучения взрослых слушателей, принадлежащих к следующим профессиональным группам: сотрудники общежития, библиотеки и отдела кадров.

Обучение иностранному языку предполагает наличие индивидуального подхода не только к каждому конкретному обучающемуся, но и к отдельно взятой категории слушателей, что обуславливает определенные методические особенности. Несмотря на то, что существует многообразие методов обучения иностранному языку, преподаватель в процессе работы может сталкиваться с вновь возникающими трудностями.

При работе с вспомогательным персоналом, в первую очередь, следует учитывать специфику аудитории, возраст слушателей и их профессиональные интересы, что определяет формат и содержание занятий. Урок иностранного языка в его классическом варианте не соответствует ожиданиям этой категории студентов. Они, прежде всего, ориентированы на конкретный результат, который может быть достигнут в краткосрочной перспективе. Также следует отметить и другого рода препятствия, возникающие в процессе обучения. Так, например, взрослые студенты не имеют достаточно свободного времени для занятий и качественной самостоятельной подготовки ввиду высокой занятости на рабочем месте. Кроме того, при обучении данной категории акцент должен быть сделан на введение и активное использование профессиональной лексики, освоить которую достаточно сложно на уровне владения языком ниже Intermediate. В силу того, что для каждой профессиональной группы вводится свой профессиональный компонент, возникает необходимость в наличии уникального пособия. Такого пособия, учитывающего все особенности, на данный момент не существует. Аналогичные программы функционируют лишь в одном российском вузе – Томском государственном университете.

Программа интенсивного курса английского языка для профессиональных целей направлена на формирование таких языковых компетенций, как говорение и понимание (аудирование и чтение) с акцентом на развитие устной речи, включающей в себя постановку правильного произношения, освоение современной лексики и изучение основных правил грамматики английского языка на начальном этапе.

Все вышесказанное определяет методические особенности обучения взрослых иностранному языку, в частности английскому.

Такой вид обучения имеет все предпосылки для применения коммуникативного подхода, который представляет собой реализацию такого способа обучения, при котором осуществляется упорядоченное, систематизированное и взаимосоотнесенное обучение иностранному языку как средству общения в условиях моделируемой на учебных занятиях речевой деятельности – неотъемлемой и составной части общей (экстралингвистической) деятельности [1].

Обучение говорению, осуществляемое в рамках коммуникативного профессионально-ориентированного подхода, прежде всего, нацелено на приобретение навыка ведения беседы на профессиональную тему и умения применять полученный навык разговорной речи в реальной ситуации об-

щения. В развитии данных умений и навыков наиболее эффективными являются следующие виды упражнений: ролевая игра, имитационные модели, интервью, информационный пробел и т.п. Так, например, на занятиях с сотрудниками научной библиотеки возможно «проведение» виртуальной экскурсии для иностранных студентов и преподавателей с использованием цветной карты библиотеки в качестве вспомогательного средства. С сотрудниками отдела кадров – разыгрывание диалогов с «преподавателями-иностранцами», цель которых – доступно объяснить процедуру сбора документов, необходимых для трудоустройства. С сотрудниками общежития – «проведение» мини-собрания для «иностранных студентов», заселяющихся в общежитие.

Навык говорения невозможно приобрести без освоения минимальной грамматической базы, которая также должна быть, на наш взгляд, профессионально-ориентированной. Времена группы Simple, время Present Continuous, в некоторых случаях время Present Perfect представляют собой усеченную парадигму времен английского языка, позволяющую осуществлять коммуникацию. Для реализации профессионального компонента к данному набору времен необходимо добавить основные модальные глаголы (may, can, should, must), повелительное наклонение, конструкцию there is / there are. В обучении грамматике могут быть применены отдельные аспекты уникальной методики «Полиглот», автором которой является Дмитрий Петров, упор в которой сделан на освоение грамматических структур, чаще всего встречающихся в разговорной речи [2]. Так, все времена группы Simple вводятся одновременно на основе таблицы, а затем идет более детальная их отработка с актуализацией изученного вокабуляра, в нашем случае, профессионально-ориентированного. Например, использование упражнения «Снежный ком» помогает довести до автоматизма грамматическую конструкцию и одновременно применить в речи изученную лексику. Автор серии учебников по грамматике английского языка Бетти Азар умело интегрирует коммуникативный подход в традиционную систему обучения грамматике, предлагая многообразие упражнений, предполагающих работу в паре, мини-группе, таких как: информационный пробел, интервью, рассказ по картинкам и т.п. [3].

Наращивание вокабуляра должно идти параллельно с другими аспектами изучения языка. Несмотря на то, что речь идет о профессионально-ориентированном курсе, не стоит недооценивать важность изучения базовой лексики, куда относятся числительные, названия стран, месяцев, дней недели, профессии, частотные глаголы и т.п. Общение с иностранцем подразумевает наличие так называемого «small talk» на общие темы. Но на первый план следует выносить вокабуляр, имеющий профессиональный компонент, который лучше всего прослеживается в освоении именно данного аспекта языка и варьируется в зависимости от профессиональной принадлежности студентов. Для сотрудников общежитий предлагаются

следующие лексические темы: «Структура общежития», «Заселение в общежитие», «Правила внутреннего распорядка общежития», «Типичные проблемы». Для сотрудников библиотеки – «Структура библиотеки», «Жанры литературы», «Структура книги», «Функции библиотеки», «Обязанности читателя». Для сотрудников отдела кадров – «Виды документов», «Наименования подразделений университета и иных учреждений», «Процедура трудоустройства». Изучение каждой темы предполагает составление подробного глоссария, который в дальнейшем отрабатывается в процессе моделирования речевых ситуаций, а также через переводные упражнения.

Методические особенности обучения английскому языку взрослых слушателей, имеющих профессионально-ориентированную направленность, во многом определяются психологическими особенностями данной категории студентов. Учитывая тот факт, что обучение ведется без отрыва от основной деятельности, требует высокой концентрации и умения организовывать свою самостоятельную работу, преподавателю необходимо постоянно поддерживать интерес аудитории к изучению языка, мотивировать слушателей, создавать ситуацию успеха, грамотно координировать работу в аудитории, указывая, в первую очередь, на достижения, а не на ошибки и привносить развлекательный элемент в виде игровых заданий, описанных выше, а также сюжетных текстов и аудиозаписей, направленных на расширение знаний о стране изучаемого языка. Например, вниманию студентов могут быть предложены тексты о традициях и стереотипах британской культуры, после ознакомления с которыми они выполняют задание на сравнение двух культур, закрепляя пройденную грамматику и лексику.

Учет всех специфических особенностей рассматриваемой категории студентов и применение коммуникативного подхода позволяет эффективно организовать учебный процесс в целом и каждое занятие в отдельности, благодаря чему взрослые слушатели, принадлежащие к разным профессиональным группам, самостоятельно могут отслеживать свой прогресс и применять полученные знания на практике параллельно с процессом обучения.

Библиографический список

1. Маслыко, Е.А. Настольная книга преподавателя иностранного языка: Справ. пособие / Е.А. Маслыко, П.К. Бабинская, А.Ф. Будько, С.И. Петрова. – Мн.: Выш. шк., 2000. – 522 с.

2. Петров, Д.Ю. Английский язык. Базовый тренинг / Д.Ю. Петров – М.: Центр Дмитрия Петрова, 2016. – 288 с.

3. Azar, Betty Schrampfer. Basic English Grammar / Betty Schrampfer Azar, Stacy A. Hagen. – Pearson ESL, 2005. – 536 p.

К содержанию

УДК 378.014 + 378.02

МЕДИАОБРАЗОВАННОСТЬ И МЕДИАГРАМОТНОСТЬ. СХОДСТВА И ОТЛИЧИЯ

Е.С. Гуняшова

Статья посвящена вопросам медиаобразования, рассматриваются ключевые слова в данной области и их определения. Автор также рассматривает роль медиаобразования в современном образовании студентов высших учебных заведений.

Ключевые слова: медиаобразование, медиаграмотность, медиаобразованность, изучение медиа.

Медиаобразование связано со всеми видами медиа (печатными и графическими, звуковыми, экранными и т.д.) и различными технологиями. Оно дает возможность людям понять, как массовая коммуникация используется в их социумах, овладеть способностями использования медиа в коммуникации с другими людьми. Оно также обеспечивает человеку знание того как, во-первых, анализировать, критически осмысливать и создавать медиатексты. Во-вторых, определять источники медиатекстов, их политические, социальные, коммерческие или культурные интересы, их контекст. В-третьих, интерпретировать медиатексты и ценности, распространяемые медиа. В-четвертых, отбирать соответствующие медиа для создания и распространения своих собственных медиатекстов и обретения заинтересованной в них аудитории. И наконец, в-пятых, получить возможность свободного доступа к медиа, как для восприятия, так и для продукции. Медиаобразование является частью основных прав каждого гражданина любой страны мира на свободу самовыражения и права на информацию и является инструментом поддержки демократии. Медиаобразование рекомендуется к внедрению в национальные учебные планы всех государств, в систему дополнительного, неформального и «пожизненного» образования [4].

Медиапедагоги используют сегодня термины медиаобразование, изучение медиа, медиаграмотность и медиаобразованность почти взаимозаменяемо. Наше предпочтение – использование термина «медиобразование» как широкого отражения всего, что происходит в медиаориентированной аудитории. Медиаграмотность – результат медиаобразования или изучения медиа. Чем больше вы изучаете медиа (с помощью медиа), тем более вы медиаграмотны, то есть медиаграмотность – это способности экспериментирования, анализа и создания медиатекстов [1].

Медиаграмотность выступает за то, чтобы человек был активным и медиаграмотным, обладающим развитой способностью к восприятию, созданию, анализу, оценке медиатекстов, к пониманию социокультурного и по-

литического контекста функционирования медиа в современном мире, кодовых и репрезентационных систем, используемых медиа [1]. Жизнь такого человека в обществе и мире связана с гражданской ответственностью. Медиаграмотность – это движение, призванное помочь людям понимать, создавать и оценивать культурную значимость аудиовизуальных и печатных текстов [4]. Медиаграмотный индивидуум, которым должен иметь возможность стать каждый человек, способен анализировать, оценивать и создавать печатные и электронные медиатексты

Изучив различные подходы к медиаобразованию, мы пришли к выводу, что медиаграмотность (media literacy) – это термин, который широко применяется зарубежными учеными. Российские исследователи данной области предпочитают термин медиаобразованность. Так, Н.В. Змановская под медиаобразованностью понимает совокупность систематизированных медиа-знаний, медиа-умений, ценностного отношения к медиаобразованию [3]. А.А. Журин определяет медиаобразованность как значимое в современных условиях качество личности, которое принципиально влияет на источники развития педагогической позиции, на выбор стратегии и тактики деятельности [2].

В нашем исследовании термин медиаобразованность студента вуза понимается как значимое качество личности, состоящие из определенных медиа знаний, медиа умений, отношений к медиа, позволяющих личности полноценно функционировать в медиатизированном обществе, использовать широкий спектр медиа в учебной и не учебной деятельности. Определение понятия медиаобразованность сформулировано нами в результате анализа теоретико-методологических положений медиаобразования и коммуникативно-тезаурусного подхода.

Еще один термин, широко используемый в медиаобразовании это изучение медиа – основной путь практического освоения медиасредств. Изучение медиа (media studies) менее нормативно, чем медиаобразование, это, может быть, более наглядный подход к медиа. Изучение медиа фокусируется на приобретении знаний о медиа, медиаобразование на развитии восприятия и критического понимания медиа, а медиаграмотность включает основы изучения медиа и медиаобразования, чтобы развить способности студента к полноценной жизни в обществе [4].

Медиаграмотность и изучение медиа часто включают критический анализ медиа, но не практическое создание медиатекстов, в то время, как медиаобразование обычно охватывает все эти стороны.

Медиаобразование предусматривает методику проведения занятий, основанную на проблемных, эвристических, игровых и др. продуктивных формах обучения, развивающих индивидуальность учащегося, самостоятельность его мышления, стимулирующих его способности через непосредственное вовлечение в творческую деятельность, восприятие, интер-

претацию и анализ структуры медиатекста, усвоение знаний о медиакультуре. При этом медиаобразование, сочетая в себе лекционные и практические занятия, представляет собой своеобразное включение учащихся в процесс создания произведений медиакультуры, то есть погружает аудиторию во внутреннюю лабораторию основных медиапрофессий, что возможно как в автономном варианте, так и в процессе интеграции в традиционные учебные предметы. Для того чтобы школьники и студенты были медиаграмотными, они должны изучать не только то, как сконструированы те или иные медиатексты, но также и то, как эти тексты выражают различные политические, идеологические, экономические, социокультурные интересы.

Медиа формируют мир, в котором мы живем, и поэтому для студентов становится все более и более важным понять социальные инфраструктуры. Медиаобразование (media education) исследует медиа в пределах социополитической структуры через анализ и производство. Это включает обучение студентов пониманию процесса производства и распространения информации, роста медиапромышленности, развития коммерческих медиа-агентств, роли рекламы, оценки аудиторией печатных и аудиовизуальных текстов.

Современные исследователи медиаобразования считают, что сегодня термины медиаобразованность и медиаграмотность почти невозможно и не нужно разделять. В настоящее время они взаимозаменяемы, и нет смысла пробовать устанавливать теоретические различия. Они являются или дополняющими друг друга, или говорящими о том же самом различными способами. Нам кажется невозможным договориться об очень точных определениях в такой широкой области.

Библиографический список

1. Ахметова, Д.З. Преподаватель вуза и инновационные технологии / Д.З. Ахметова, Л.И. Гурье // Высшее образование в России. – 2001. – № 4. – 211 с.

2. Журин, А.А. Интеграция медиаобразования с курсом химии средней общеобразовательной школы / А.А. Журин // Медиаобразование. – 2005. – № 2. – 110 с.

3. Змановская, Н.В. Медиаобразованность студентов вуза – будущих учителей: критерии сформированности / Н.З. Змановская // Вопросы педагогического образования: Межвузовский сборник статей. – Иркутск: ИПКРО, 2003. – Вып. 14. – С. 133–139.

4. Федоров, А.В. Медиаобразование и медиаграмотность: мнения экспертов / А.В. Федоров // Образовательные технологии XXI века / ред. С.И. Гудилина, К.М. Тихомирова, Д.Т. Рудакова. – М.: Изд-во Ин-та содержания и методов обучения Российской Академии образования, 2004. – 396 с.

К содержанию

УДК 378.016:81

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕТОДА УЧЕБНЫХ ПРОЕКТОВ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

Ю.А. Дудина

Статья посвящена проблеме использования учебных проектов в обучении иностранному языку.

Ключевые слова: проект, целеполагание, проблемность, языковая личность, личностно-деятельностный подход, интерактивное обучение.

Несмотря на большое разнообразие способов изучения иностранного языка, в общем и целом они сводятся к следующему: для наиболее успешного и быстрого его освоения, для создания собственного представления о жизни, работе, быте и культуре в стране изучаемого языка, необходимо постоянное общение в своей учебной группе и сотрудничество на международном уровне.

В процессе общения с другими людьми учащиеся вынуждены постоянно учитывать чужую точку зрения, прогнозировать возможные результаты, корректировать и даже изменять свою позицию, учиться у своих партнеров и вместе с ними.

Для такой совместной работы особенно хорошо подходит метод учебных проектов. Этот метод позволяет поставить в центр обучения иностранному языку личность обучаемого, его интересы.

В данной статье мы попытаемся описать возможные варианты и этапы работы над проектом.

Варианты использования этого метода зависят только от фантазии педагогов и обучаемых. Проекты могут быть продолжительными и короткими, внутренними и международными. Разнообразие по длительности практически безгранично. Это может быть мини-проект, рассчитанный на один урок, он может продолжаться несколько дней, недель или месяцев. В проекте могут участвовать члены учебной группы, студенты курса, факультета, а может быть, это будет межвузовский или международный проект. Это может быть один проект, над которым будет работать вся команда, возможно, группа будет разделена на несколько команд, каждая из которых будет создавать свой вариант или это будут совершенно разные по тематике проекты. Возможен вариант разделения большого проекта на более мелкие составляющие, работа над каждой частью будет продолжаться достаточно долго.

В настоящее время все популярнее становится проведение совместных интернет-проектов, участниками которых становятся учащиеся и студенты из разных стран. В любом случае иностранный язык является средством, основой для общения, решения совместных проблем, а не единственной целью обучения. Осуществляя такие проекты, обучаемые могут общаться как с носителями иностранного языка, так и с такими же учащимися, только из другой страны.

Кроме того, участвуя в проекте, обучаемый может выступать в разных ролях. Он может быть не только самим собой, но и исполнять какую-либо роль, например, роль исследователя, менеджера по продажам и т.д.

Параметры проектной работы, ее тематику определяет чаще всего преподаватель. В высшей школе темы связаны с будущей профессиональной деятельностью обучаемых, носят значимый общественно-политический характер, а сам иностранный язык находится за пределами основной темы. Такой подход позволяет активизировать мыслительную деятельность обучаемых, постоянно использовать полученные из других учебных курсов знания для решения поставленных задач. При этом целью преподавателя иностранного языка является доведение до сознания обучаемых, какова роль иностранного языка в решении поставленных профессиональных проблем.

Так что же такое учебный проект?

Для обучаемого учебный проект – возможность самостоятельно сделать что-то интересное самому или в группе. Максимально проявляя свои способности, он может реализовать свои собственные задумки, использовать свои знания и умения и предъявить полученный результат публично.

Конечно, проект носит учебный характер, но задачи, которые ставит педагог, закамуфлированы для обучаемого. Каковы же эти задачи?

Во-первых, вся работа над проектом носит деятельностный характер. Все участники проекта сначала работают над формулировкой его цели и задач, т.е. занимаются мыслительной деятельностью. Кроме того, все свои идеи они обсуждают вместе, таким образом, их деятельность имеет коммуникативный характер. Далее, в процессе работы они должны получить какой-то конкретный результат, т.е. их деятельность является практической. Результаты работы над проектом представляются затем в группе, следовательно, деятельность обучаемых является презентационной.

Работа над проектом носит групповой характер. Во всякой группе участникам приходится распределять роли, учитывая способности и пожелания друг друга. Успех команды зависит от результатов работы каждого участника и его умения подчиниться требованиям коллектива.

Всякая ли проблема может побудить обучаемого к действиям? Нет, преподаватель задает только основную тему. Обучаемые в процессе обсуждения цели своего проекта должны переформулировать ее, определить

для себя ее общественную и практическую значимость. Лежащая в основе проекта проблема должна быть актуальной для каждого участника группы.

Деятельность в учебном проекте подчинена определенной логике, которая реализуется в последовательности ее этапов:

- предъявление проекта обучаемым (сообщение темы или проблемы);
- формулирование цели и задач самими обучаемыми;
- организация группы;
- распределение ролей в группе;
- выбор методов;
- планирование работы;
- ее осуществление;
- презентация результатов [1].

Для педагога важен не только результат проекта, но процесс деятельности, осуществление поиска и взаимодействия. В процессе поиска обучаемые самостоятельно принимают решения, ищут информацию, анализируют ее, делают выводы, задают новые вопросы. Т.е. они сами видят, что любая проблема может иметь не одно решение, выбор его зависит только от участников проекта и поэтому они несут за него ответственность, доказывают его правильность.

Презентация конечного продукта позволяет участникам проекта еще раз вернуться к началу, к принятию концепции проекта, вспомнить, какие предложении были внесены, почему было выбрано то или иное решение. Таким образом, они учатся анализировать свою деятельность, проводить работу над ошибками.

Учебный проект с точки зрения преподавателя – это интегративное дидактическое средство развития, обучения и воспитания, которое позволяет вырабатывать и развивать специфические умения и навыки проектирования, а именно учить:

- проблематизации (рассмотрению проблемного поля и выделению подпроблем, формулированию ведущей проблемы и постановке задачи, вытекающей из этой проблемы);
- целеполаганию и планированию деятельности;
- самоанализу и рефлексии (самоанализу успешности и результативности решения проблемы проекта);
- презентации (самопредъявлению) хода работы над проектом и полученных результатов;
- умению готовить материал для проведения презентации в наглядной форме, используя для этого специально подготовленный продукт проектирования;
- поиску нужной информации, вычленению и усвоению необходимого знания из информационного поля;
- практическому применению знаний, умений и навыков в различных, в том числе нетиповых, ситуациях;

- выбору, освоению и использованию адекватной технологии изготовления продукта проектирования;
- проведению исследования (анализу, синтезу, выдвижению гипотезы, детализации и обобщению).

Используя метод проектов в преподавании иностранного языка, преподаватель получает возможность придать дополнительную коммуникативность процессу обучения. Обучаемые, работая над проектом, заняты решением проблемы, общением со своими партнерами, ищут и находят доводы для отстаивания своей точки зрения, поэтому они отвлекаются от боязни совершить грамматическую ошибку, преодолевают свой страх общения на иностранном языке. В процессе подготовки проекта они могут общаться на родном языке, но представлять результаты они должны только на иностранном. Значит, им придется активизировать свой словарный запас, продумывать каждую фразу своей презентации, чтобы речь была не только грамматически правильной, но и образной и понятной членам всей учебной группы. Положительный результат работы над проектом дает обучаемым возможность гордиться своими результатами, активно общаться на языке, искать новых партнеров для иноязычного общения. Поиск необходимой информации на иноязычных интернет-сайтах позволяет расширять свой языковой запас, прививает интерес и привычку к постоянному чтению сообщений, расширяет кругозор. Получаемая информация требует от пользователей дополнительного анализа и осмысления, выработки своего мнения. Обсуждение подобных вопросов, поиск истины воспитывают в обучаемых толерантность, уважение к чужому мнению, способность воспринимать и оценивать критику и похвалу.

Метод учебного проекта является отличным дидактическим средством обучения, который дает возможность дать схему решения различных проблем, возникающих в жизни каждого человека. При этом у него формируется активная жизненная позиция, умение прогнозировать последствия различных решений, делать оптимальный выбор лучшего из них, готовность принять ответственность за принятые им решения. Этот метод дает возможность развивать самостоятельную творческую личность, способную найти свое место и утвердиться в жизни и обществе.

Библиографический список

1. Картель, Е.В. Сущностная характеристика проектной методики и эффективность ее использования в обучении иностранному языку / Е.В. Картель // Вестник Академии российских энциклопедий. – 2004. – № 2. – С. 91–96.

К содержанию

УДК 327 + 316.77 + 070:32

ТАКТИКА ОСКОРБЛЕНИЯ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ КОНФРОНТАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ В НОВОСТНЫХ ЖАНРАХ

Н.Н. Кошкарова

Статья посвящена анализу оскорбления как реализации конфронтационной стратегии в новостных жанрах. Рассматривается арсенал средств, который репрезентирует тактику оскорбления в межкультурном политическом пространстве.

Ключевые слова: оскорбление, конфронтационная стратегия, новостные жанры, межкультурное политическое пространство, политическая коммуникация.

Прагмалингвистический анализ новостных жанров в силу информационного разнообразия последних дает возможность определить номенклатуру речевых стратегий и тактик, релевантных для исследуемой категории (новостные жанры) при функционировании в межкультурном политическом пространстве. Последнее определяется нами как «область взаимодействия субъекта, объекта и наблюдателя, представляющих разные национально-культурные сообщества, с непременной вербализацией средствами языка, реализацией в текстах тех или иных жанров политической коммуникации и различной модальностью как следствия напряжённого или толерантного отношения коммуникантов друг к другу» [2, с. 75–76]. В своих предыдущих работах мы отмечали, что «новости обладают достаточно сильным конфликтогенным потенциалом и соответственно реализуют конфронтационную стратегию и релевантные этой стратегии тактики: обвинение, угроза, оскорбление, критика, осуждение, упрек» [1,с. 150].

Исходя из этого, основной стратегий в новостных жанрах можно считать конфронтационную, а способами реализации этой стратегии тактики, в которых заложен отрицательно-оценочный прагматический потенциал. К ним следует отнести тактики обвинения, угрозы, оскорбления, критики осуждения, упрека. Анализ речевого материала показывает, что арсенал речевых тактик при их функционировании в новостных жанрах может быть дополнен побудительными тактиками, к которым считаем целесообразным отнести тактики призыва, требования, просьбы, предупреждения, предложения, рекомендации.

В настоящем исследовании нашей целью является анализ тактики оскорбления как частного случая реализации конфронтационной стратегии. Особый набор языковых средств, репрезентирующих оскорбление в межкультурном политическом пространстве, манифестирует враждебное отношение к другому государству или человеку. Перечислим некоторые из них:

А. Ярлыки:

Президент США Барак Обама заявил, что Северная Корея является слабым ***«государством-изгоем»****, передает Agence France-Presse. «Наращивание Пхеньяном ядерного вооружения ведет лишь к большей изоляции», – сказала Обама* (26 апреля 2014 г., электронный ресурс: http://www.gazeta.ru/politics/news/2014/04/26/n_6111225.shtml).

Б. Риторические негативно-оценочные определения:

Исполняющий обязанности главы МИД Украины Андрей Дещица воспринимается в России как ***«отрезанный ломоть».*** *«Глядя на него, вспоминается хорошее выражение: не умеешь петь, не пей», – сказал глава МИД России Сергей Лавров российским журналистам в понедельник в Белграде. До этого премьер-министр Дмитрий Медведев* ***назвал неадекватными*** *действия главы МИД Украины Андрея Дещицы у посольства России в Киеве, а его высказывания –* ***«параноидальными»****. 14 июня Андрей Дещица приезжал к посольству России в Киеве, у которого бесчинствовали националисты. По сообщению ряда украинских СМИ, Дещица в выступлении перед погромщиками позволил себе нецензурные оскорбления в адрес президента Владимира Путина. В воскресенье в интервью радиостанции «Эхо Москвы» Дещица утверждал, что его эскапады в адрес российского руководства имели единственную цель – снизить напряженную ситуацию у здания посольства, которое, по его утверждению, погромщики собирались поджечь* (16 июня 2014 г., электронный ресурс: http://www.interfax.ru/world/381154).

В. Риторические сравнения:

«Вы съездите в Брюссель. Я там был давно – лет 20 назад – там было красиво, все было красиво. А теперь жить там – все равно, что в ***гадюшнике****», – сказал Трамп в эфире телеканала Fox News, беседуя с ведущей на тему проблемы мигрантов в Европе, передает Интерфакс* (28 января 2016 г., электронный ресурс: http://www.vz.ru/news/2016/1/28/791129.html).

Г. Сопоставления с негативно оцениваемым объектом:

Сенатор-республиканец Джон Маккейн в интервью CNN призвал власти США к фундаментальной переоценке отношений с Россией. «Больше никаких перезагрузок. Мы больше не будем просить Путина вести гибкую политику – надо относиться к нему такому, какой он есть», – подчеркнул сенатор. При этом Маккейн уточнил, что пересмотр отношений необязательно приведет к новой «холодной войне». Кроме того, сенатор призвал США нанести удар по российскому экспорту нефти в ответ на действия в Крыму. ***«Россия – это автозаправка, маскирующаяся под страну. Это клептократия, это коррупция****. Это нация, которая в действительности зависит только от нефти и газа», – уверен сенатор* (16 марта 2014 г., электронный ресурс: http://www.gazeta.ru/politics/news).

Д. имплицитные оскорбления, когда «языковые средства подбираются таким образом, чтобы вызвать у адресата негативные чувства и эмоции по отношению к объекту» [3, с. 462]:

Постпред США при ООН Саманта Пауэр назвала незаконной аннексию Крыма Россией и призвала Совбез не оставить эти действия без последствий. «Национальный и международный статус Крыма остается неизменным. ***Вор может украсть вещь, но он не становится ее собственником****», – сказала она на заседании СБ ООН по Украине. Саманта Пауэр подчеркнула, что действия России в Крыму «неправильны с точки зрения закона, истории, политики, а также опасны». «Мы должны занять единую позицию и не признавать (присоединение Крыма к России) и не оставить без последствий это незаконное действие. Делая это, мы должны послать четкий сигнал о том, что случившееся в Крыму не может повториться в других частях Украины», – подчеркнула Пауэр* (19 марта 2014 г., электронный ресурс: http://zn.ua/POLITICS/samanta-pauer-nazvala-rossiyu-vorom-141509).

Таким образом, набор языковых средств, используемых для реализации оскорбления в межкультурном политическом пространстве, достаточно обширен: все рассмотренные вербализаторы иллокутивного акта оскорбления и соответствующей ему тактики носят деструктивный характер. Средства массовой информации в данном случае выступают лишь ретранслятором тех настроений и отношений, который существует между акторами политической коммуникации. Корректная лингвистическая интерпретация тех или иных действий субъектов межкультурного политического пространства требует понимания того факта, что описанные в настоящем исследовании случаи реализации оскорбления реализуются в совокупности и интенциональном единстве, и иногда очень сложно провести грань между той или иной формой оскорбительного действия.

Библиографический список

1. Кошкарова, Н.Н. Новостные жанры: реализация моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса / Н.Н. Кошкарова // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2015. – Т. 14. – Вып. 6. – С. 146–150.

2. Кошкарова, Н.Н. Конфликтный и кооперативный типы русскоязычного дискурса в межкультурном политическом пространстве: дис. … д-ра филол. наук / Н.Н. Кошкарова. – Екатеринбург, 2015. – 441 с.

3. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта, 2011. – 480 с.

К содержанию

УДК 101.1:316 + 37.014

РЕАЛЬНОСТЬ БЕЗ ДОВЕРИЯ: СИМУЛЯКРЫ В ОБРАЗОВАНИИ

Е.Г. Прилукова, Н.С. Хомутова

Конец прошлого и начало настоящего столетия ознаменовались формированием новой реальности – виртуальной сопровождающейся визуализацией мира и доминированием глаза в его восприятии. Изменения в обществе сказались на изменении в системе образования, когда особую значимость приобрели формы дистанционного обучения и контроля за качеством получаемого знания. В значительной степени это привело к утрате фундаментальности знания, что ставит на повестку дня поиск новых вариантов освоения интеллектуального фундамента.

Ключевые слова: образование, массмедиа, человек, реальность, медиаобраз, симулякр.

Конец XX – начало XXI столетий «покорило» мир чередой качественных изменений, одним из них стало формирование глобальной или тотальной коммуникации, в пространстве которой происходит мгновенный обмен информацией и формируется совершенно иная – медиа – реальность со своими специфическими характеристиками, заключающими в себе определенную «тайну». Кроме того, эта реальность сегодня один из наиболее эффективных инструментов «мягкой власти» («soft power»).

Эти изменения потребовали применения постнеклассической парадигмы для осмысления ситуации, формирующейся в обществе и образовании, как важнейшем его системном компоненте, потому что именно в недрах образования закладывается и «взращивается» человек. Причем результаты этого роста видны не сразу – они перспективно отдалены как линия горизонта, которую невозможно достичь, ее лишь можно постичь.

Сегодня мы оказались там, к чему так долго стремились – в мире вечных перемен, где все происходит «здесь и сейчас». Образование оказалось не только подверженным воздействию симулякров, но и само начинает их продуцировать в виде универсального специалиста с высшим образованием [7].

Взяв на вооружение образцы и стандарты западной образовательной модели путем их механического копирования, Россия получила образовательные услуги и высокую степень коммерциализации сферы образования. Так сегодня получающие образование люди ориентированы на успех «сейчас», который, по их мнению, возможен только благодаря наличию диплома, но не знаний, полученных в процессе кропотливой и серьезной работы [4]. Фундаментальность образования как важнейшая его характеристика

утратила свое значение. Учебный процесс стал сориентирован не на понимание и умение применять знания в практической деятельности, а на значительно упростившийся поиск информации и ее воспроизведение. В результате сегодняшний выпускник оказывается малознакомым с реальной жизнью, а о науке и производстве у него вообще весьма смутные представления [3]. Как следствие, доминирование кратковременной памяти и замедление когнитивных процессов.

Российская образовательная система, отказавшись от прежней – советской привела к ситуации, когда внутри нее самой проросла «этнокультурная, языковая, экономическая и социальная разобщенность», ведущая к конфликтности разных систем ценностей и педагогических норм» [6, с. 26–27]. Отмечается в настоящее время серьезный кризис гуманитарности в целом, даже социально-гуманитарное знание в престижных базах научного цитирования получило название «social sciences and art» («социальные науки и искусство»), куда попала педагогика. Поэтому критика сложившейся ситуации в образовании должна рассматриваться не как тотальное отрицание накопленного опыта, а как возможность поиска новых идей развития общества и человека на основе синтезе традиции и новации. Весь мир убежден в том, что советское образование. Опыт нашей страны перенимали и перенимают мировые лидеры: США, Великобритания, Финляндия, Япония и Китай. Еще в 50-х гг. XX столетия Запад, согласно выводам Комиссии американского Конгресса, изучавшей феномен русских, если Америка не овладеет русским методом образования молодёжи, ей придётся овладевать русским языком [8], а в начале 90-х гг. сотрудники и консультанты Всемирного банка при поддержке Фонда Дж. Сороса, правительств Великобритании, Финляндии, Франции, Японии и Нидерландов отмечали, что «система образования России характеризуется многими достижениями…» [8]. Уникальность, неповторимость специалиста профессионала или Мастера, способного понять мир были главной целью образования.

К сожалению, в советской системе образования не было уделено внимания организации образования взрослых или так называемого «старшего поколения», признание важности которого сегодня ни у кого не вызывает сомнений. Сегодня в условиях интеграции мира образование «взрослых» становится своеобразным приложением к качеству работника – дешевле «доработать» имеющегося сотрудника, чем научить заново новичка. Именно в этом кроется причина в устремленности ВТО к созданию максимальных условий либерализации сферы продажи образовательных услуг и, прежде всего, по линии их доставки потребителю. Такой формой доставки и стало дистанционное образование. Хорошо это или плохо – не может быть однозначной оценки. У дистанционного формата, безусловно, есть свои плюсы и минусы и именно на одном из наиболее ярких примеров последних нам бы хотелось остановиться несколько подробнее. Таковыми

являются необходимость в образности подаваемого материала и утрата фундаментальности в его содержании, в том числе и ценностных ориентиров.

Дистанционный формат обучения имеет свои специфические характеристики, т.к. он осуществляется в реальности медиа средств и предполагает несколько иные формы подачи материала – визуальные. Они должны быть, с одной стороны, информативные, с другой – привлекательные.

Дистанционное образование, как и вся социокультурная система, оказалось в «тисках» образов медиа, выступающих основным поставщиком описания и моделирования картины реальности [1].

Обусловлено это тем, что ее образы невероятно притягательны, поскольку благодаря им человек обретает качественно новые формы телесности – получает переживания такой силы и яркости, которые невозможно соотнести с чем-либо в человеческом существовании. Происходит «понуждение без принуждения», человек уверен в своей правоте. Он и только он властелин мира, в котором царят ценность информации и применение информационно-коммуникационных технологий во всех сферах. Мир стал *оче-виден*, *про-зрачен* и *при-зрачен*. Повсеместно начинают господствовать симулякры или образы, созданные новыми, ранее неизвестными, электронной техникой и информационно-коммуникационными технологиями.

Термин симулякр впервые был употреблен Платоном и пришел к нам из его латинских переводов как синоним «эйдоса» (мира идей, творящих реальный мир). Это мир, которого нет (лат. *simulacrum и simulo* – «изображение и делать вид, притворяться»), копия того, чего нет на самом деле, но он *оче-виден*.

Глаз стал основным поставщиком информации, что доказано в естествознании [2, 5] и подкреплено народной мудростью (всем нам хорошо известно изречение, что лучше один раз увидеть, что 100 раз услышать). Образы начинают управлять нами, потому что они:

– предстают как первичный источник знаний и информации, что позволяет осмысливать мир не логическими средствами, а средствами непосредственного видения; человек получает возможность «схватить» не только то, что он знает и представляет, но и то, что он видит (получение информации другим путем требует определенных усилий, например для чтения нужно знать алфавит и правила чтения; для звука – осуществлять представление при помощи воображения; образу ничего этого не нужно – сюжет предстает весь и мозг отключается);

– зрелищные и яркие легко воспринимаются, что дало возможность психологам определить их как «прямое попадание в мозг», ибо заключение в себе одновременно цвета, света и звука имеет специфическое воздействие на психику человека – к глазу подключаются другие органы чувств и мозг перегружается и с человеком можно делать все, что угодно;

– становятся *поставщиками стандартов поведения и мышления*;

– человек оказывается в плену иллюзии *само-видения*, что доказывает богатая панорама и сюжеты образов; цифровые технологии дают возможность изменять «картинку» незаметно для глаза, корректируя ее содержание в нужном направлении.

В результате восприятия образов их богатая панорама порождает модель реальности – мы видим не ее, а ее образы.

Обусловлено это тем, что у каждого человека в течение жизни складывается определенная картина мира или ментальная модель, состоящая из множества образов. Эта модель мира есть не что иное, как образы объектов, сформировавшиеся в процессе прохождения жизненного пути человека, образов, взятых из социокультурной среды и сформировавшихся в результате обучения. Это сложное многослойное пространство символов, знаков, представлений, смыслов, каждый из которых по отдельности и в комбинации имеет свое значение и эмоциональную окраску. Человеческий глаз не воспринимает такой объем информации, с которым встречается, но мозг его это делает, при этом «оседание» информации идет не на сознательном уровне, а бессознательном, и может проявиться в любой момент для воспринимающего. Фактически происходит репрезентация или иными словами представление представляемого и форма поднимается над содержанием. Тем не менее, орган обрабатывающий и осмысляющий реальность мозг и информация «схваченная» глазом «встречается» в нем с информацией, поступающей от других органов чувств и с тем, что в нем уже накоплено.

Тем не менее, образы – результат деятельности человека, созданы в соответствии с правилами цифровых технологий и теми, кто их создает, и теми, кто ими владеет. Наше всевидящее око – наш глаз нас обманывает. Хотя образы нам и позволяют узнать и «прожить» жизнь многих, но понять и осознать ее не дают.

Наряду с визуализацией информации изменяется существенно и организация самого учебного процесса – он становится более комфортным (удобное время, организация рабочего места обучающегося, индивидуальность, нет фигуры проверяющего и т.п.). Однако возникает вопрос, а кто обучается – сам ли нуждающийся в образовании или его двойник. Мы производим образованные симулякры. Качество профессионала стало утраченным.

Библиографический список

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; пер. с нем. – М.: Медиум, 1995. – 322 с.

2. Грегори, Р. Разумный глаз / Р. Грегори; пер. с нем. – М.: «Мир», 1972. – 209 с.

3. Жилина, В.А. Парадигма коммуникативного аспекта образования / В.А. Жилина // Философия образования. – 2009. – № 3. – С. 189–196.

4. Клячко, Т.Л. Образование в России: основные проблемы и возможные решения / Т.Л. Клячко. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. – 48 с.

5. Марков, А. Эволюция человека. В 2 кн. Кн. 1: Обезьяны, кости, гены / А. Марков. – М.: Астрель: CORPUS, 2012. – 512 с.

6. Огурцов, А.П. Образы образования. XX век / А.П. Огурцов, В.В. Платонов. – СПб.: РХГИ, 2004. – 520 с.

7. Прилукова, Е.Г. Время симуляции ценностей / Е.Г. Прилукова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2015. – № 3. – С. 133–136.

8. Хагуров, Т.А. Образование на всю жизнь? / Т.А. Хагуров // Народное образование. – 2012. – № 1. – С. 63–68.

К содержанию

УДК 378.016:004 + 002:004

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СЛУШАТЕЛЕЙ ИНФОРМАТИКЕ НА ПОДГОТОВИТЕЛЬНОМ ОТДЕЛЕНИИ ЮУрГУ

Е.Ю. Алексеева

В работе рассматривается специфика преподавания дисциплины «Информатика» иностранным слушателям. Обозначены модели учебного процесса, которые способствуют скорейшему погружению слушателей в русскоязычную среду для изучения дисциплины «Информатика».

Ключевые слова: информатика, иностранные студенты, тесты, учебная программа, модель, моделирование.

Введение. Международное сотрудничество в современном высшем образовании и развитие академической мобильности студентов увеличили приток иностранных граждан, желающих получить образование в России. Этап довузовской подготовки необходим иностранным студентам для продолжения учебы по любой образовательной программе. Прибывающие на обучение в РФ иностранные граждане не владеют русским языком, хотя им предстоит получить образование на русском языке в группах и потоках совместно с российскими студентами.

Завершение предвузовской подготовки должно позволить иностранному студенту продолжить обучение на русском языке в высшем учебном заведении России по направлению, соответствующему профилю предвузовской подготовки.

Курс информатики на подготовительном отделении Института международного образования ЮУрГУ ориентирован на усвоение иностранными студентами материала обязательного минимума, что позволяет сформировать необходимую базу знаний, обеспечивающую возможность изучения не только вузовского курса информатики, но и других естественнонаучных дисциплин (математики, экономики).

Учебная программа данного курса составлена на основе Госстандарта[1] и учитывает требования преемственности в обучении на этапе предвузовской подготовки.

Министерством образования РФ сформулированы общие требования к языковым знаниям и речевым умениям студентов по общеобразовательным дисциплинам, в том числе по учебной дисциплине «Информатика». Слушатель должен владеть языком предмета как средством получения учебной информации. Слушатель должен уметь – прочитать учебно-научный текст по предмету и понять его содержание, отдельные факты, положения, логические и причинно-следственные связи между ними. Применительно к аудированию – понять на слух основное содержание и отдельные факты, положения и связи между ними в учебном материале (лекции) по предмету. Применительно к разговорной речи: отвечать на вопросы по изученной теме; передать содержание прочитанного или прослушанного учебно-научного текста с опорой на план, вопросы, наглядность (графики, схемы, таблицы и т.д.); построить собственное высказывание по изученной теме. Применительно к письму – записать (законспектировать) учебно-научный текст, предъявленный в устной или письменной форме с использованием принятых сокращений и символики.

В этой связи является актуальным использование процессов моделирования в обучающих программах для иностранных студентов в российских вузах для эффективного их обучения как будущих специалистов.

Успешное обучение информатики на русском языке способствует быстрому включению иностранных слушателей в учебный процесс.

Методологические основы процесса обучения. Поскольку учебная дисциплина «Информатика» проводится на подготовительном отделении в конце первого – начале второго семестра обучения, то занятия по курсу начинаются с изучения вводно-предметного курса «Информатики» с учетом языковой подготовки учащихся:

---

[1] Образовательная программа предвузовского обучения иностранных студентов. Министерство общего и профессионального образования Российской Федерации. М., 1997 (Утверждена Координационным советом центров предвузовской подготовки иностранных студентов Минобразования Российской Федерации); Требования к минимуму содержания и уровня подготовки выпускников факультетов и отделений предвузовского обучения иностранных граждан (отраслевой стандарт). Утв. Приказом Минобразования России от 08.05.97 № 866.

1) объяснение и закрепление лексических единиц, наиболее часто употребляемых в текстах по курсу «Информатика»;

2) овладение необходимыми грамматическими конструкциями, с которыми студенты ещё не познакомились на уроках по нейтральному стилю речи.

При отборе методов и организационных форм обучения курса «Информатика» иностранными слушателями необходимо учитывать субъективные психологические характеристики слушателей.

Также при обучении информатике используются все известные методы организации и осуществления учебно-познавательной деятельности, а именно: общедидактические методы обучения.

Под деятельностью преподавателя на занятиях по информатике мы будем понимать умение смоделировать и реализовать учебный процесс. Этап моделирования включает проектировочный, а этап реализации – организационный, коммуникативный и экспертный. Действительно, преподаватель должен уметь осуществлять экспертную оценку качества программного продукта учебного назначения для эффективного его использования в учебном процессе. Умение организовать самостоятельную индивидуальную, групповую и коллективную деятельность (организационный компонент) предполагает умение подготовить компьютерные средства к работе, подобрать задачи.

Например, нам надо подобрать комплекс средств по теме «Системы счисления» в курсе информатики. Для этого определим цель и задачи изучения данной темы. Эта тема вводная при изучении устройства ЭВМ, но имеет самостоятельное значение в связи с курсом математики для иностранных слушателей. В курсе математики используется только десятичная система счисления, в то время исторически существовали различные системы счисления, некоторые из которых дошли до нас (двенадцатеричная – число месяцев в году; шестидесятеричная – секунды и минуты и т.п.). Поэтому целью обучения можно поставить не только умение переводить числа из двоичной системы счисления в десятичную и наоборот, но и сообщение исторических сведений о различных системах счисления, перевод чисел из систем с различным основанием. Следует иметь в виду, что учащиеся обладают определенными знаниями по теме, не осознавая этого. Действительно, все знают, что в году 12 месяцев, а в сутках 24 часа. Но почему именно 12 и два раза по 12? Можно организовать изложение материала в форме проблемного обучения, увлекая учащихся беседой. Такое изложение предполагает не только продуманную постановку вопросов, но и демонстрацию рисунков исторического содержания. Следовательно, на первом этапе занятия нам понадобится проектор и соответствующие рисунки. Показать приемы перевода из одной системы счисления в другую преподаватель должен сам, поскольку подобные задачи учащиеся возмож-

но никогда раньше не решали. Для организации деятельности учащихся по закреплению приобретенных умений можно использовать программы по теме «Двоичные системы счисления», которые часто встречаются в пакетах прикладных программ учебного назначения. Такие программы, как правило, содержат встроенную технологию обучения и предполагают прохождение двух этапов: обучение и контроль. Преимущество использования подобных программ – индивидуализация процесса закрепления учебного материала и контроль за усвоением знаний. Целесообразно предварительно закрепить полученные знания, работая со всей группой. Контроль за усвоением знаний можно также провести с помощью обучающей программы.

Следует обратить внимание на то, что наиболее важную роль играют носители информации: рисунки, программа и пр. То есть, разработка комплекса начинается с определения содержательной его части, а уже затем подбираются технические средства обучения.

Например, для китайских студентов приоритет в обучение отдается чтению и письму. Зрительная информация усваивается лучше, чем информация на слух Активное использование таблиц, схем и графиков успешно воспринимается слушателями.

Следует отметить, что перед преподавателем, работающим с китайскими студентами, возникают сложности по изложению курса информатики.

Речь идет, прежде всего, о трудностях в изучении информатики на русском языке, которые влекут за собой снижение успеваемости и по другим дисциплинам, а также мешают нормальной адаптации учащихся к новым условиям жизни и обучения.

В китайском языке каждое слово имеет определённое место в предложении: подлежащее → сказуемое → дополнение. Этот порядок слов сохраняется и в вопросительном предложении.

Исходя из того, что в китайском языке отсутствует форма словообразования и словоизменения, что затрудняет осознание грамматического значения слова по его официальным признакам даже при чтении, необходимо при обучении информатике использовать так называемый «морфемный подход». Мы предполагаем, что нужно давать иностранным слушателям русские термины по информатике не изолированно, а в сочетаниях и предложениях, т.е. чтобы они (слушатели) слышали словоформы и по формальным признакам могли определить их грамматическое значение и синтаксическую роль в предложении.

Итак, порядок слов является одним из важнейших факторов, определяющих правильность построения и адекватность восприятия русского текста по информатике в зависимости от смысла всего контекста. Интересным случаем, создающим большую трудность иностранным слушателям, является употребление глаголов. Русские глаголы богаты и сложны в употреблении. Они могут быть употреблены с префиксами и без них. По-

этому при обучении информатике используем задания, в которых предлагается иностранным слушателям построить глаголы от существительных по терминам по информатике.

Специфика преподавания информатики. Мы полагаем, что преподавание дисциплины «Информатика» для иностранных слушателей требует реализации различной подготовки, под которой будем понимать разный охват содержания учебного материала и разную глубину изложения. Удобно выделить три уровня подготовки по каждому разделу информатики, в дальнейшем такую дифференциацию будем называть «уровневой».

Кроме того, рассматривая уровневую подготовку иностранных слушателей, выделяем следующие направления: гуманитарную, экономическую, техническую. Это приводит к мысли о том, что содержание обучения по информатике должно быть направлено на поддержку предпрофессиональной подготовки по основным направлениям. Такую дифференциацию будем называть профильной.

Тогда можно определить прогнозируемое (примерное) содержание обучения иностранных слушателей различных профилей. Курс должен содержать совокупность основных разделов информатики, уровень изложения каждого из которых определяется в соответствии с профилем предпрофессиональной подготовки.

Средством обучения может стать уровневый учебник. Зная технологию работы с ним, преподаватель будет иметь удобный инструмент моделирования содержания обучения информатике, сможет спрогнозировать количество учебных часов для реализации курса информатики по любому профилю с минимальными затратами. Важно при написании уровневого учебника учесть не только традиции педагогической науки в области создания учебников, но и отразить решение ряда психолого-педагогических проблем, способствующих активизации познавательной деятельности иностранных слушателей.

Иностранцы с уважением относятся к новой культуре, но сохраняют свои традиции, быт и привычки. В курсе информатики в рамках национального компонента можно включать задания, основанные на национальных мотивах или использующие международные данные по экономике. Например, при изучении графических редакторов можно дать задание с использованием национальных орнаментов и флагов, при изучении языков программирования (в разделе знакомства с графическими примитивами) – написать программу, изображающую национальный орнамент на экране, при изучении электронных таблиц или баз данных – предлагать для решения задачи, в основе которых лежат реальные данные по экономике в разных странах.

Тематически курс состоит из трех частей: первая часть, состоящая из двух занятий, посвящена устройству компьютера, вторая часть, состоящая

из шести занятий, посвящена основам программирования, третья часть – посвящена основам работы в программах Microsoft Office.

Важным моментом в организации учебного процесса по информатике является тестовый контроль знаний. Использование современных технологий тестирования, как компьютерных, так и традиционных, дает возможность оценить уровень знаний иностранных студентов по отдельным темам курса информатики и позволяет, в случае необходимости, оперативно корректировать график учебного процесса.

При составлении тестов по информатике необходимо учитывать их соответствие источникам информации, которыми пользуются иностранные студенты при подготовке к тестированию, а именно, конспекту и/или учебнику. Важным критерием качества тестов для иностранных студентов является их однозначность – формулировка задания, используемые лексические единицы, терминология, графические обозначения и иллюстрации должны быть однозначно им понятны.

Для тестирования иностранных студентов предвузовской подготовки нами используются четыре основных типа тестовых заданий [1]:

1) тесты с выбором одного ответа из нескольких предложенных;
2) тесты с открытым ответом;
3) тесты на установление соответствия;
4) тесты на установление правильной последовательности.

Более сложными для иностранных студентов являются тесты на установление правильной последовательности. Например, студентам при выполнении теста по теме «Измерение информации» предлагается расположить единицы измерения информации в порядке их возрастания.

Опыт создания и использования тестов по информатике для иностранных студентов показал, что они должны быть краткими и понятными студентам. Студентам должна быть известна используемая лексика и синтаксические конструкции. Не рекомендуется использовать многосложные синтаксические конструкции.

С точки зрения управления учебным процессом все обучающие системы можно разделить на два класса.

К первому классу относятся обучающие системы, в которых управление процессом обучения возложено на пользователя. Обучающие системы данного класса отличаются между собой функциональностью, свойствами, способами их реализации и делятся на следующие подклассы:

Ко второму классу относятся обучающие системы, самостоятельно управляющие учебным процессом. В отличие от систем первого класса, в данных системах ответы и действия обучаемого влияют на дальнейший ход процесса обучения. Степень управления учебным процессом напрямую зависит от степени адаптации системы под конкретного обучаемого,

поэтому обучающие системы данного класса разделяются на подклассы по степени их адаптивности и способами реализации адаптации.

Следует также различать и методы обучения, которые применяются в обучающих программах.

1. Объяснительно-иллюстративный метод. Слушатели получают знания в «готовом» виде. Воспринимая и осмысливая факты, оценки, выводы, они остаются в рамках репродуктивного (воспроизводящего) мышления. В данный метод находит самое широкое применение для передачи большого массива информации.

2. Репродуктивный метод. К нему относят применение изученного на основе образца или правила. Деятельность слушателей имеет алгоритмический характер, т.е. выполняется по инструкциям, предписаниям, правилам.

3. Метод проблемного изложения. Используя самые различные источники и средства, преподаватель, прежде чем излагать материал, ставит проблему, формулирует познавательную задачу, а затем, раскрывая систему доказательств, сравнивая точки зрения, различные подходы, показывает способ решения поставленной задачи.

4. Частично-поисковый или эвристический метод. Заключается в организации активного поиска решения выдвинутых в обучении (или самостоятельно сформулированных) познавательных задач либо под руководством педагога, либо на основе эвристических программ и указаний.

5. Исследовательский метод. После анализа материала, постановки проблем и задач слушатели самостоятельно изучают литературу, источники, ведут наблюдения и измерения, выполняют действия поискового характера.

Следует отметить, что ни одна из рассмотренных методик не свободна от недостатков. Следует исходить из того, что «чистых» методов обучения не бывает. По одной и той же теме: «Знакомство с ЭВМ» или «Изучение графического редактора» занятия в разных профильных группах будут проводиться совершенно по-разному.

Различными будут не только задания, но и формы проведения занятий, поведение преподавателя на занятиях.

Основные содержательные линии курса охватывают следующие группы вопросов:

1) вопросы, связанные с пониманием сущности информационных процессов, информационными основами процессов управления в системах различной природы; вопросы, охватывающие представления о передаче информации, канале передачи информации, количестве информации;

2) способы представления информации, методы и средства формализованного описания действий исполнителя; вопросы, связанные с выбором

исполнителя для решения задачи, анализом его свойств, возможностей и эффективности его применения для решения данной задачи;

3) вопросы, связанные с методом формализации, моделирования реальных объектов и явлений для их исследования с помощью компьютера, проведения компьютерного эксперимента;

4) этапы решения задач на ЭВМ, использование программного обеспечения разного типа для решения задач, представление о современных информационных технологиях, основанных на использовании компьютера.

Заключение. Посредством преподавания информатики иностранным слушателям возможно построить разные модели процесса обучения, позволяющие повысить не только уровень освоения информатики, но и помочь освоение русского языка как иностранного. Это позволит облегчить период адаптации иностранных студентов к учебному процессу в высшей школе России. Моделирование учебных процессов по информатике следует рассматривать как комплексную педагогическую программу, успешность которой определяется множественными параметрами и критериями, позволяющими улучшить качество обучения иностранных.

Библиографический список

1. Балыхина, Т.М. Основы теории тестов и практика тестирования (в аспекте русского языка как иностранного) / Т.М. Балыхина. – 2-е изд., стер. – М.: Рус.яз. Курсы. 2006. – 240 с.

К содержанию

УДК 811.161.1'34 + 81'42 + 811.161.1'36

ФОНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ СЛОВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ[1]

Я.Л. Березовская, О.И. Шарафутдинова

Рассматривается специфика изучения грамматических форм слов русского языка в фонетическом аспекте. Любая грамматическая форма слова имеет звуковую оболочку. Зачастую сложности распознавания форм слов связаны с несовпадением традиционного способа подачи грамматического материала (правила, таблицы, алгоритмы) и спецификой их продуцирования и восприятия в устной речи. На основе анализа практического опыта в статье приводятся примеры такого несовпадения, систематизация и учет подобных трудностей способствуют оптимизации обучения русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, грамматика, грамматическая форма слова, фонетика, типичные ошибки.

Русский язык – язык флективного типа – характеризуется активными процессами словообразования и формообразования. Грамматические формы слова служат для выражения грамматического значения и определяются принадлежностью слова к той или иной части речи. При изучении русского языка как иностранного особое внимание уделяется грамматике, поскольку система взаимосвязанных грамматических форм отражает наиболее общие связи и отношения между предметами и явлениями объективной реальности [4]. Для иностранцев, изучающих русский язык, многообразие форм создает целый ряд трудностей, поскольку одна лексема реализуется в разных грамматических вариантах, количество которых зависит от набора морфологических характеристик слова.

Любая грамматическая форма имеет фонетическую оболочку, обучение иностранцев только графическому облику слова не имеет смысла, т.к. методика преподавания иностранного языка вообще и русского как иностранного предполагает формирование навыков и устной, и письменной речи. Особенности русской орфографии, использование разных принципов в ее основе (морфологического, фонетического, традиционного) приводит к целому ряду дополнительных трудностей и ошибок в устной и письменной речи иностранцев, изучающих русский язык.

[1] Работа выполнялась при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках проекта «Разработка роботизированной диалоговой системы для изучения русского языка различными целевыми аудиториями с последующим использованием в действующей системе электронной поддержки изучения русского языка и дистанционного образования на русском» по Соглашению № 09.Y70.25.0165 от 07 декабря 2016 г.

В современной лингвистике и лингводидактике наблюдается постоянный интерес к лингвистической ошибке – как в области порождения речи (в этой связи см., например, [2]), так и в практическом аспекте – выработка методических приемов и технологий, обеспечивающих создание нормативных высказываний. Типы ошибок, специфика их возникновения изучалась на материале речи и русскоязычных, и иноязычных учащихся [3], [5]. Постоянно в научный оборот вводится новый эмпирический материал, предпринимаются попытки систематизировать ошибки, объяснить причины их возникновения, выработать эффективные устранения (см., например, [1]).

Фонетический аспект изучения грамматических форм слов имеет особое значение на начальном этапе обучения языку, хотя не теряет своей актуальности и в дальнейшем. Рассмотрим типичные вопросы русской грамматики, обусловленные спецификой фонетического облика формы слова.

1. Изучение грамматических показателей рода (элементарный уровень). Графическое обозначение среднего рода в методике обучения РКИ не совпадает с дескриптивным академическим подходом к языку: окончание -О выделяется в словах окнО, молокО и в неизменяемых словах метрО, кинО, что противоречит языковым реалиям. Однако такой подход продуктивен при обучении иностранцев на элементарном уровне, поскольку способствует пониманию целого ряда грамматических свойств русского языка. Сложности возникают в тех случаях, когда несовпадение произношения и написания приводит к возникновению редуцированного звука в заударной позиции, например, в словах кресл[ъ], фот[ъ] и т.п. Результаты проверочных работ и устных опросов иностранцев демонстрируют ошибки в 30 % случаев при написании данного слова и определении рода. Другой вариант – гиперкоррекция, когда иностранец произносит кресл[о], фот[о], подчеркивая формальный показатель рода.

2. Изучение родовых окончаний прилагательного: красив[ъйь] девушка и красив[ъйь] пальто (элементарный уровень).

3. Изучение грамматической формы осложняется фонематическим принципом русской орфографии, который заключается в том, что фонетические позиционные чередования не отражаются на письме: дру[к], расска[с], горо[т] (элементарный уровень). Иностранец в такой ситуации вынужден дифференцировать и распознавать те явления орфографии, которые не различаются фонетически.

4. Изучение падежных окончаний прилагательного: нов[ъвъ] учебника, в нов[ъ]м здании (базовый уровень).

5. Изучение падежных форм окончаний существительного и прилагательного: красивую девушку[ю], интересную книгу[ю]. Употребление падежных форм прилагательных на базовом уровне владения русским язы-

ком как иностранным приводит к «наложению» уже освоенного материала по имени существительному.

6. Изучение личных окончаний глаголов: говору[ю], ср.: пишу. Указанная проблема также связана с отсутствием ряда мягких согласных в некоторых языках и стремлением спроецировать новый грамматический материал на изученный ранее.

Ошибочное употребление личных окончаний глаголов в форме 3 лица множественного числа (мне нрав[и]тся этот галстук, мне нрав[и]тся эти брюки) связано не только с неразличением форм существительных единственного и множественного числа, но и с произношением звука [’а] в заударной позиции.

Таким образом, при изучении русского языка как иностранного на элементарном и базовом уровнях необходимо применять комплексный подход при обучении навыкам письма и говорения. Следует помнить о соотношении графического и звукового облика слов, учитывать принципы русской орфографии, несовпадение количества букв и звуков в русском языке во избежание наложения фонетических и произносительных норм на грамматические правила. Рассмотренные ошибки свидетельствуют о том, что иностранцы, изучающие русский язык, различают письменную форму слов, но не соотносят ее с графическим написанием.

Библиографический список

1. Вараксина, В.А. Речевые ошибки иностранных студентов и причины их возникновения / В.А. Вараксина // Язык и текст: электронный журнал. – 2014. – № 1. – С. 63–70. – URL: http://psyjournals.ru/files/67285/yazik_i_text_varaksina.pdf.

2. Залевская, А.А. Речевая ошибка как инструмент научного исследования / А.А. Залевская // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 9. – С. 6–22.

3. Рогозная, Н.Н. Лингвистический атлас нарушений в русской речи иностранцев / Н.Н. Рогозная. – Иркутск: Иркутская областная типографиях № 1, 2001. – 332 с.

4. Флаксман, А.А. Немецкий язык как отражение ментальности его носителей: дис. … канд. филол. наук / А.А. Флаксман. – Нижний Новгород, 2005. – 172 с.

5. Цейтлин, С.Н. Грамматические ошибки в освоении русского языка как первого и второго / С.Н. Цейтлин // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 9. – С. 43–53.

К содержанию

УДК 811.161.1 +378.016:811.161.1

ИННОВАЦИИ В МЕТОДАХ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Т.А. Мацура

В статье показаны инновационные методы преподавания русского языка как иностранного. Автор рассматривает возможность применения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и интерактивности в процессе обучение русскому языку как иностранному. Приведены основные методы интерактивного обучения.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, информационно-коммуникационные технологии, интерактивность, методы интерактивного обучения, взаимодействие участников процесса обучения.

Сегодня, в век компьютерных технологий, современное общество привыкло, что результаты научно-технического прогресса, в виде различных гаджетов, неотступно сопровождают человека во всех сферах жизни. Не исключением стала и сфера образования, которая претерпевает значительные изменения, связанные с переходом на новые формы обучения. На сегодняшний день компьютерные технологии позволяют активно применять инновационные методы в образовании, в том числе и в преподавании иностранного языка, в частности русского языка как иностранного. Столь широкому распространению инноваций в сфере образования способствовало то, что большинство компьютерных обучающих программ являются мультимедийными. То есть программа способна самостоятельно воспринимать, воспроизводить, а также перерабатывать полученную информацию самого разнообразного характера, для получения поставленной цели [5, с. 143].

По мнению специалистов, применение интерактивных технологий, или как их называет профессор Э.Г. Азимов «информационно-коммуникационные технологии» (ИКТ) [1, с. 45–46], в профессиональном образовании «повышает эффективность обучения и способствует воспитанию самостоятельной личности, а также направлены на подготовку высококвалифицированных специалистов, которые получили фундаментальные и прикладные знания» [5, с. 143].

К основным информационно-коммуникационным технологиям, в сфере обучения русского языка как иностранного, по мнению ученых, можно отнести:

- Интернет-ресурсы, справочно-информационные источники (онлайн-переводчики, словари), электронные библиотеки, электронные периодические издания, электронные коллекции (коллекции аудио-, фото-, видеофайлов);

- коммуникативные ресурсы (информационно-коммуникационные веб-порталы и веб-сайты, предоставляющие иностранным обучающимся интернет-услуги для общения в режиме онлайн с носителями русского языка; коммуникационные/социальные сервисы);
- технологии, основанные на применении компьютера (презентации, демонстрации);
- электронные учебники, интерактивные обучающие пособия (тренажеры);
- виртуальные среды (виртуальный музей, виртуальный класс, виртуальное путешествие), универсальные обучающие среды и инструменты для создания учебных материалов, электронные базы данных [1, с. 45–46; 3; 5, с. 143].

Использование различных информационных ресурсов в учебном процессе позволяет создавать «специальное электронное (виртуальное) образовательное пространство» [1, с. 46], что в значительной мере повышает эффективность обучения русскому языку как иностранному. Повышение качество образования достигается благодаря:

- увеличению объема полезной информации, за счет использования разнообразных ресурсов сети Интернет, как источника неограниченного количества данных (звуковые, текстовые и видеоматериалы на разных языках);
- возможности создавать и анализировать одновременно несколько вариантов работы, а также ускорению и упрощению процессов обработки данных;
- сокращению сроков и трудоемкости разработки учебного материала для занятия.

Использование информационно-коммуникационных технологий при обучении русскому языку как иностранному создает специализированную среду, которая интегрирует в себе целый комплекс коммуникационных и пользовательских сервисов, справочно-информационных и учебно-методических средств. В целом, использование ИКТ дает преподавателям РКИ и иностранным студентам возможности максимального использования различных справочных, информационных и обучающих ресурсов в процессе обучения, создавая благоприятные условия для изучения и освоения иностранного языка.

Вмести с тем, при использовании того или иного информационного образовательного ресурса, необходимо учитывать особенности пользователей. Вне зависимости от выбора способа и метода изучения иностранного языка необходимо, чтобы обучаемый постоянно общался в своей учебной группе на изучаемом языке, сотрудничал с преподавателем. Специалисты называют такой вид обучения интерактивным, и отмечают, что благодаря взаимодействию студента-инофона с учебной средой, язык усваива-

ется успешнее и быстрее, так как «учебная среда служит источником усваиваемого опыта» [2, с. 83].

Интерактивность явление в современной методике преподавания русского языка как иностранно сравнительно новое и относится к инновационным. Впервые термин «интерактивность» возник в социальной психологии и социологии. Основоположником был американский философ Дж. Мид, который рассматривал развитие и жизнедеятельность личности, созидание человеком своего «Я» через ситуации общения и взаимодействия с другими людьми, с обществом. Идеи американского философа нашли отражение в различных видах психологии (общей, возрастной, педагогической), что, в свою очередь, повлияло и на современную практику воспитания и преподавания [4, с. 91]. Вследствие этого, специалисты указывают на то, что интерактивность – это обмен информацией или взаимодействие, основанное на психологических принципах взаимоотношений между всеми участниками образовательного процесса.

При обучении иностранному языку главная задача преподавателя – найти такие методы и способы обучения, при которых процесс освоения языка будет носить практический, то есть коммуникативный характер. Применение метода интерактивности позволяет преподавателю достичь данной задачи, то есть создать в аудитории комфортные условия, при которых студент будет чувствовать себя успешным, интеллектуально самостоятельным, что делает процесс обучения более продуктивным. Интерактивность позволяет учитывать в процессе преподавания РКИ разные уровни подготовки студентов, а также позволяет группировать языковой материал, основываясь на сходных или различных критериях, главных или периферийных явления внутри самой системы русского языка, что позволяет учащимся анализировать события, высказывать свое мнение и аргументировать его.

Согласно исследованиям ученых, в интерактивном методе следует выделять три уровня:

- неинтерактивное взаимодействие – посылаемое сообщение не связано с предыдущими сообщениями;
- реактивное взаимодействие – посылаемое сообщение связано только с одним предыдущим сообщением;
- диалоговое (интерактивное) взаимодействие – посылаемое сообщение связано с множеством предыдущих сообщений и с отношениями между ними [4, с. 91].

При интерактивном обучении характерны следующие методы:

- эвристическая беседа;
- «мозговой штурм»;
- дискуссия;
- презентация;

- кейс-метод – анализ преподавателем и студентами деловых задач и ситуаций, взятых из реальной практики;
- тренинги;
- метод «Модерации» – «заставляет» людей действовать в одной команде для разработки в кратчайшие сроки конкретных реализуемых предложений, нацеленных на решение проблемы [4, с. 94].

Таким образом, интерактивные методы, как правило, предполагают моделирование реальных жизненных ситуаций, совместное решение проблем, ролевые игры, и, в зависимости от уровня сложности, могут применяться на разных этапах обучения, что способствует смене режима деятельности на занятии: переход от дискуссии к игре или работе в малых группа. Так на продвинутом уровне обучения наиболее эффективным будет применения метода имитации модели деловой игры, а на начальном этапе – метод презентации. Вмести с тем, использование игровых технологий в интерактивном обучении должно быть дозированным и обоснованным.

Также некоторые специалисты выделяют несколько специальных условий для успешной организации интерактивного обучения:

- доверительные, позитивные отношения между учителем и учащимися;
- демократический стиль общения;
- сотрудничество в процессе обучения между учителем и учащимися, учащимися между собой;
- опора на личный опыт, включение в учебный процесс ярких примеров, фактов, образов;
- многообразие форм и методов представления информации, форм деятельности учащихся, их мобильность;
- включение внешней и внутренней мотивации деятельности учащихся [4, с. 93].

Таким образом, согласно Н.А. Виноградовой, интерактивное обучение «позволяет реализовать субъектно-субъектный подход» в организации взаимодействий и способствует «формированию активно-познавательной позиции учащихся», что соответствует актуальным задачам современного процесса образования и воспитания [4, с. 93].

В настоящее время термин «интерактивное обучение» наиболее часто употребляется в связке с термином «информационно-коммуникационные технологии», так как подразумевает в процессе обучения использование современных информационных технологий, ресурсов сети Интернет. Одним из ярких примеров симбиоза выше названных явлений, является дистанционное обучение.

Таким образом, согласно результатам исследований отечественных педагогов и психологов, применение в процессе обучения интерактивности,

позволяет решать сразу несколько учебно-познавательных, коммуникативно-развивающих и социально-ориентированных задач: установление эмоционального контакта между всеми участниками диалога, выработка навыка работы в команде, умение прислушиваться к мнению других членов группы, обмен опытом между товарищами, воспитание волевой сферы личности [4, с. 95]. Все это способствует тому, что обучаемый является активным участником, а не наблюдателем процесса, что, в свою очередь, положительно влияет на повышение как внутренней, так и внешней мотивации ученика к изучению иностранного языка, а также способствует большей продуктивности самого процесса обучения.

Библиографический список

1. Азимов, Э.Г. Информационно-коммуникационные технологии в обучении РКИ: состояние и перспективы / Э.Г. Азимов // Русский язык за рубежом. – 2011. – № 6. – С. 45–55.

2. Азимов, Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – М.: ИКАР, 2009. – 448 с.

3. Богомолов, А.Н. Интернет-среда в обучении русскому языку как иностранному [Электронный ресурс] / А.Н. Богомолов // Pandia. – URL: http://pandia.ru/text/77/305/24137.php.

4. Комарова, И.В. Интерактивные образовательные взаимодействия подростков / И.В. Комарова // Вестник ОГУ: сб. статей. – 2012. – № 2 (138). – С. 90–96.

5. Мартиросян, Н.В. О некоторых инновационных технологиях в преподавании РКИ / Н.В. Мартиросян // Материалы международной научно-технической конференции Ассоциации автомобильных инженеров (ААИ) «Автомобиле и тракторостроение в России: приоритеты и подготовка кадров» посвященной 145-летию МГТУ «МАМИ». Кн. 12. – М.: МГТУ «МАМИ», 2010. – 537 с.

К содержанию

УДК 378.031.4

МОДЕЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ МАГИСТРОВ

Ю.В. Подповетная

Для повышения уровня конкурентоспособности будущего магистра необходима культурная основа. В статье обосновано, что формирование культурной основы достигается с помощью развития профессиональной культуры, которая включает профессионально-проектную и научно-методическую культуры. Данные модели представлены как важное качество магистра инженерной специальности и выявлены структурные компоненты с учетом профессиональной деятельности будущих специалистов. Недостаточность для решения данной проблемы существующих педагогических моделей, поставила задачу разработки двух основных моделей: модели, обеспечивающей целенаправленное развитие профессионально-проектной культуры и модели развития научно-методической культуры магистра инженерного направления.

Ключевые слова: магистр, инженерное образование, профессиональная культура, моделирование.

Современная практика показывает, что для повышения уровня конкурентоспособности магистра инженерной специальности необходима культурная основа его профессиональной деятельности. Сегодня профессионал в любой сфере для обеспечения конкурентоспособности развивает профессиональные способности, знания, умения, навыки и опыт на основе достаточного уровня профессиональной культуры. Кроме того, в основу новой концепции российского образования, связанной с формированием конкурентоспособной и развитой личности, положен принцип получения знаний, приобретения умений и навыков в контексте единой общечеловеческой культуры [1, 2, 5]. Данные условия определяют важность и актуальность проблемы развития профессиональной культуры как основы будущей профессиональной деятельности магистра инженерной специальности [3, 6].

Анализ научной литературы помог установить, что профессиональная культура, и в частности проектная, научно-методическая, как профессиональная характеристика личности магистра – это определенный путь реализации его профессиональной карьеры.

Обучение проектной деятельности в подготовке магистров играет важную роль в их профессиональном становлении. Проектирование – это практический инструмент коммуникационной деятельности [4, 7]. Профессионально-проектная культура магистра представляется авторами статьи как комплексная конструкция личности, состоящая из интегративной системы социальных, профессиональных и личностных характеристик, основывающихся на развитии взаимосвязанных и взаимообусловленных со-

ставляющих (ценностный, познавательный, прагматический, поведенческий), которые, в свою очередь, формируются на основе ценностных ориентаций на профессиональное самосовершенствование и выступают некоторым императивом профессиональной компетентности магистра инженерной специальности (табл.).

Таблица

Структура и содержание профессионально-проектной культуры магистра инженерной специальности

Компоненты	**Содержание**
Ценностный	1) понимание ценности человеческой жизни; 2) проявление терпимости к партнерам по общению, стремление к взаимопониманию; 3) знание о ценностях профессионально-проектной культуры (ППК) как ее основы, способствующее организации профессиональной деятельности; 4) осознание значимости ценностей ППК для профессионального становления; 5) интеллектуальные умения; 6) вежливость, тактичность, правдивость, справедливость.
Познавательный	1) владение системой знаний о природе, законах, механизмах, гуманистических способах деятельности, его культурных формах; знание норм и правил исследования, проектирования, оценки эффективности; 2) готовность самостоятельно пополнять свои знания о профессиональной деятельности, культуре и ее видах, профессионально-проектной культуре и ее основных компонентах; 3) умение установить контакт с собеседником, поддерживать коммуникативное взаимодействие; 4) проявление эмпатии к собеседнику; 5) аттрактивность в общении, способность вызвать симпатию и доверие.
Прагматический	1) умение ориентироваться в коммуникативной, этикетной ситуации; 2) умение анализировать, планировать, реализовывать; 3) умение проектировать деловую коммуникацию; 4) умение ориентироваться в нестандартных ситуациях; 5) владеть навыками медиапланирования и бюджетного планирования; 6) умение использовать кинетические средства общения; 7) умение анализировать и оценивать профессиональную деятельность и ее результаты; 8) знание технологий, способов и приемов практической деятельности и использование инструментария в решении профессиональных задач.

Окончание табл.

Компоненты	**Содержание**
Поведенческий	1) умение преобразовать ценности профессионально-проектной культуры, интерпретировать социально-значимый опыт; 2) сформированность индивидуального профессионального стиля деятельности, способность к творчеству; 3) сформированность организационных навыков; 4) способность к ассертивному поведению; 5) сформированность потребности к созиданию, саморазвитию, самосовершенствованию в профессии, к внедрению инноваций в профессиональную сферу.

Анализ работ многих исследователей показал, что магистры, органично сочетающие научную и педагогическую деятельность способны излагать учебную информацию в обобщенном и систематизированном виде, сочетать образную и вербальную форму ее предъявления, анализировать и предвидеть затруднения студентов [5; 8]. Мы убеждены в том, что педагогическая деятельность магистра будет неполноценной, если в учебной работе со студентами не в полной мере будут использованы такие возможности, которые направлены на достижение более высоких результатов образовательной деятельности, в частности, результаты, полученные в научной и научно-исследовательской работе. Иными словами, эффективность педагогической деятельности магистра определенным образом зависит от того, насколько полно обеспечивается интеграция научной деятельности с методической и инновационной видами деятельности. Позиция авторов состоит в том, что механизм такой интеграции заключается в целенаправленном развитии научно-методической культуры магистра инженерной специальности.

Содержание понятия «научно-методическая культура магистра инженерной специальности» основывается на диалектики единства общего (профессиональной культуры специалиста в общем, как достаточно сложного понятия) и специального (которое определяется особенностями научно-методической деятельности магистра инженерной специальности). Структурные составляющие научно-методической культуры магистра инженерной специальности представлены на рис. 1.

В теории и практике профессионального образования магистров инженерных специальностей на сегодняшний день накоплен большой опыт формирования как профессиональной, так и проектной культуры. Однако проблема развития профессионально-проектной и научно-методической культуры магистров инженерных специальностей будущего магистра пока исследована недостаточно. Невозможность использования для решения данной проблемы существующих педагогических моделей, поставила за-

дачу разработки двух основных моделей: модели, обеспечивающей целенаправленное развитие профессионально-проектной культуры и модели развития научно-методической культуры магистров инженерных специальностей.

Методологическим ориентиром исследования процесса развития профессионально-проектной культуры магистров инженерных специальностей стали основные положения таких подходов как системный, деятельностно-культурологический, комплексный, аксиологический и профессиологический. Интеграция указанных подходов позволила построить модель развития профессионально-проектной культуры магистров инженерных специальностей. Разработанная модель развития профессионально-проектной культуры (ППК) магистров инженерных специальностей состоит из четырех блоков, взаимосвязанных между собой: мотивационно-целевым, содержательно-организационным, процессуально-методическим и оценочно-результативным (рис. 2).

Рис. 1. Структурные компоненты
научно-методической культуры Магистра
1, 2, 3 – научно-методическая культура магистра
1 – профессиональное самосознание; 2 – творческое мышление;
3 – научно-методические умения

Специфика данной модели заключается в профессиологической направленности, технологической и дидактической последовательности, в интеграции названных блоков, взаимодействии их между собой и устремленности к достижению запланированных уровней.

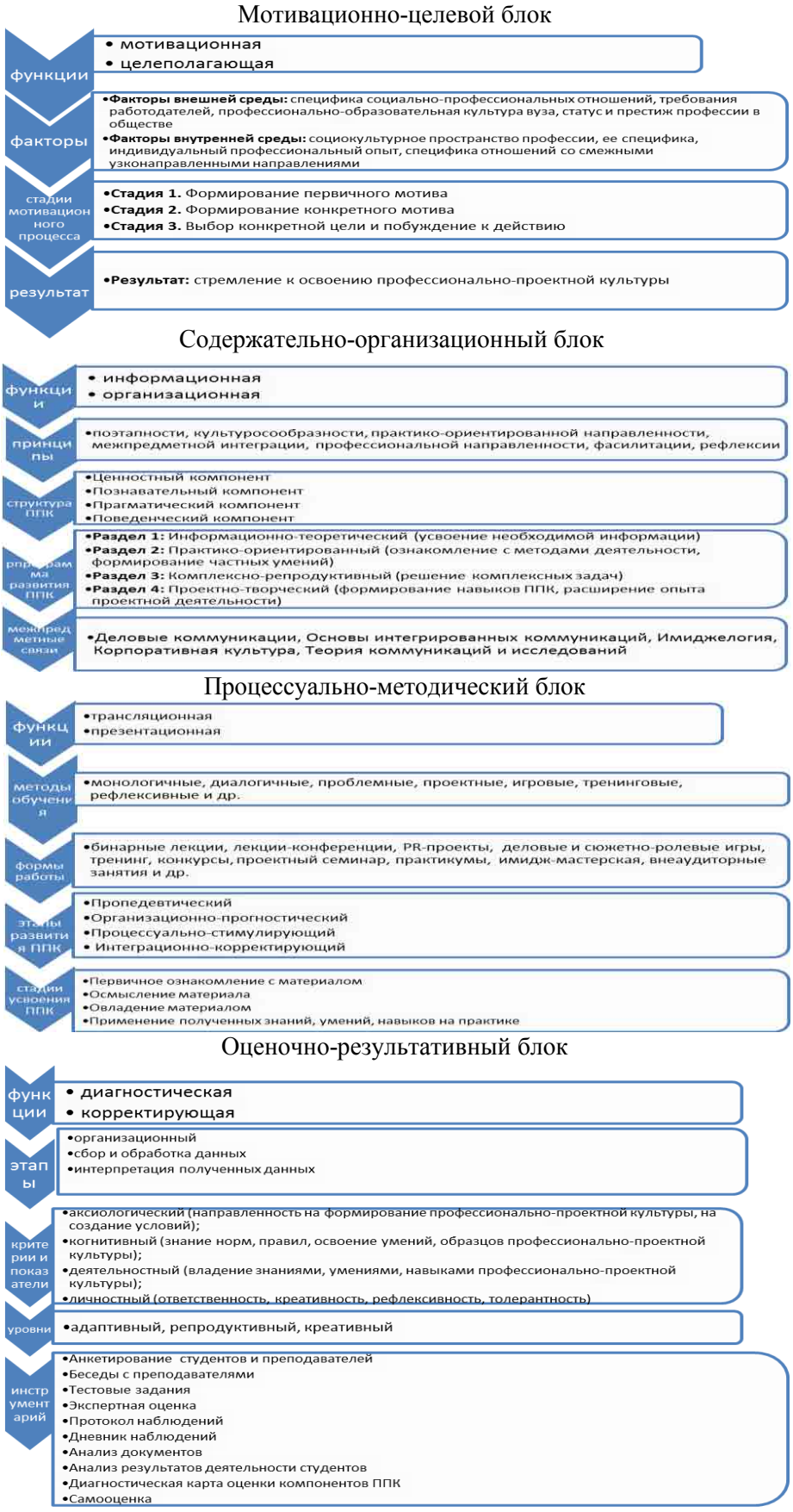


Рис. 2. Блоки модели развития профессионально-проектной культуры магистра инженерной специальности

Относительно модели развития научно-методической культуры магистра инженерной специальности, то она в свою очередь ориентирована на развитие профессионального самосознания, творческого мышления и научно-методических умений будущих магистров. Модель включает следующие основные блоки: теоретико-методологический, перспективно-целевой, содержательно-смысловой, организационно-деятельностный и интегративно-оценочный. Кратко дадим характеристику каждого из блоков модели.

В частности, теоретико-методологический блок модели основывается на двух основных составляющих: методологические подходы и психолого-педагогические теории и концепции. В данном блоке синтезируются онтологические представления о сущности и специфике реализации процесса развития научно-методической культуры магистра инженерной специальности. Также определяются позиции и научные взгляды на процесс восхождения личности к культуре. Данный элемент включает: теории личности и ее развития в деятельности; теории профессионально-личностного развития и саморазвития; концепции личностного и профессионального развития в непрерывном образовании и др.

Перспективно-целевой блок модели определяет некую стратегию и вектор направленности процесса развития научно-методической культуры магистра инженерной специальности. Практика показывает, что цель определяет состояние объекта в будущем, т.е. именно такое состояние, к которому стремятся субъекты данной деятельности, а ожидаемый результат – это развитие научно-методической культуры магистра инженерной специальности.

Содержательно-смысловой блок модели отражает смысловое наполнение основных направлений подготовки магистра к эффективному осуществлению методической, инновационной и научной деятельности. Данный блок модели представлен образовательной программой дополнительного профессионального образования, которая нацелена на обеспечение устойчивого роста научно-методической культуры будущего магистра.

Организационно-деятельностный блок представлен несколькими компонентами: процессуальным, организационным и методическим. Процессуальный компонент отражает процесса развития научно-методической культуры магистра инженерной специальности. Организационный компонент определяет педагогические условия, которые образуют «комфортную» среду для эффективного осуществления процесса развития научно-методической культуры магистра инженерной специальности (рис. 3).

Рис. 3. Модель развития научно-методической культуры магистра

Методический компонент представлен формами, методами и средствами развития научно-методической культуры магистра. Выбор форм, направленных на реализацию цели проектируемой модели определяется поэтапным включением магистра в процесс развития научно-методической культуры. Отметим, что в обучении магистров целесообразно использовать партисипативные методы [6]. Под средствами понимаем материальные или идеальные объекты, которые будут использоваться для обеспечения включения формируемых характеристик в систему личностных характеристик магистра инженерной специальности. При этом целесообразно выделить общедидактические, технологические и нормативно-методические средства.

С целью оценки степени соответствия достигнутых результатов желаемым, а также для установления обратной связи, в модель включен интегративно-оценочный блок. Данный блок наряду с критериями развития научно-методической культуры магистра инженерной специальности, включает также уровни, необходимые для соотнесения результатов в процессе достижения магистром поставленной цели.

В заключении отметим, что актуальность проблемы развития профессионально-проектной и научно-методической культуры у будущих магистров инженерных специальностей связана с тем, что магистратура – это завершающее звено полного цикла высшего образования, рассчитанное не на массовую подготовку специалистов, а на подготовку интеллектуальной, научной и научно-педагогической элиты общества. Степень магистра предусматривает более глубокое освоение теории по выбранному профилю и подготовку к научно-исследовательской деятельности по выбранному направлению. Одной из ведущих целей магистратуры является подготовка ответственных, инициативных и активных субъектов коммуникации, сотрудничества и сотворчества, с высоким уровнем развития профессиональной культуры. Поэтому в свете новых реалий должна быть переосмыслена система подготовки магистров инженерных специальностей и сделан акцент на развитии профессионально-проектной и научно-методической культуры.

Библиографический список

1. Каплина, С.Е. Профессиональная культура как ценностная основа формирования профессионально-мобильной личности инженера / С.Е. Каплина // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 1. – С. 59–67.

2. Липская, Л.А. Современный человек и мир образования: представления и социокультурная реальность / Л.А. Липская, В.И. Липский // Социум и власть. – 2015. – № 2(52). – С. 122–126.

3. Малыгина, О.А. Этапы формирования ориентировочной основы профессиональной мобильности бакалавров и магистров в техническом университете / О.А. Малыгина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2011. – № 142. – С. 111–118.

4. Новикова, Т.Д. Проектные технологии на уроках и внеурочной деятельности / Т.Д. Новикова // Народное образование. – 2000. – 336 с.

5. Плотникова, О.А. Моделирование и алгоритм формирования профессиональной культуры будущего бакалавра по направлению «Реклама и связи с общественностью / О.А. Плотникова, Л.М. Семенова // St. Louis. – 2013. – С. 15–19.

6. Федотова, А.Д. Контекстно-модульный подход как основа проектирования основных образовательных программ подготовки магистров / А.Д. Федотова // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Профессиональное образование, теория и методика обучения. – 2014. – № 6. – С. 76–84.

7. Филимонюк, Л.А. Формирование проектной культуры педагога в процессе профессиональной подготовки: дис. … д-ра пед. наук / Л.А. Филимонюк. – Ставрополь, 2008. – 425 с.

8. Чуракова, М.В. Развитие научно-методической компетенции преподавателя учреждения среднего профессионального образования: дис. … канд. пед. наук / М.В. Чуракова. – Челябинск, 2010. – 190 с.

К содержанию

УДК 378.014.242

ЭКОНОМЕТРИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Ю.В. Подповетная, А.Д. Подповетный

Представлено применение эконометрических моделей при осуществлении прогнозирования результатов образовательной деятельности иностранных студентов. Учитывая цель прогнозирования, получены научно обоснованные варианты тенденций развития образовательного процесса иностранных студентов в процессе обучения в российских университетах. Пристальное внимание уделено выявлению характеристик качества и изучению ошибок эконометрического прогнозирования результатов образовательной деятельности иностранных студентов, влияющих на степень неопределенности рассматриваемого процесса.

Ключевые слова: образовательные процессы, эконометрическая модель, прогнозирование.

На сегодняшний день при подготовке иностранных студентов в российских университетах практически постоянно встает вопрос о прогнозировании результатов образовательной деятельности. Поэтому важной задачей в сложившихся условиях становится разработка и использование надежных мето-

дов прогнозирования динамики и структуры факторов, определяющих уровень подготовки и образовательной деятельности иностранных студентов.

В целях устранения неблагоприятных тенденций и для повышения стабильности в достижении результатов образовательной деятельности иностранных студентов в процессе обучения в российских университетах необходимо сосредоточить основное внимание на прогнозировании различных аспектов данной деятельности. Прогнозирование образовательной деятельности иностранных студентов в процессе обучения в российских университетах определенным образом связано с изучением степени влияния динамики изменения показателей и условий среды, накладывающих определенное влияние на результаты соответствующей деятельности.

Учитывая, что на основе прогнозов осуществляется предвидение и принимаются управленческие решения, цель прогнозирования – получить научно обоснованные варианты тенденций развития (изменения) управляемого объекта (показателей его состояния) во времени и пространстве. Прогнозирование образовательной деятельности иностранных студентов в процессе обучения в российских университетах может базироваться на различных аспектах. В частности, имеет место прогнозирование на основе анализа экономико-математической модели на чувствительность изменения оптимального решения к возможным изменениям внешних условий, т.е. динамики реальной жизни. Особое место занимает эконометрическая модель, которая является средством анализа и прогнозирования определенных образовательных процессов на основе истинных статистических данных.

Важно отметить, что эконометрические модели достаточно широко применяются в экономике, бизнесе, общественных науках, исследовании экономической активности населения, а также в исследовании образовательных процессов. Эконометрические модели в данном аспекте используются для более широкого осознания сущности образовательной деятельности иностранных студентов в процессе обучения в российских университетах. Модель, построенная и верифицированная посредством изучаемых значений объясняющих переменных, может быть использована для прогнозирования значений зависимой переменной в будущем или для других значений объясняющих переменных.

Прогнозирование является одним из основных аспектов практического применения эконометрических моделей. Начало эконометрическим прогнозам было положено в начале XX в., а в дальнейшем данные исследования сформировались в достаточно самостоятельное направление. В современных условиях наблюдается тенденция составлять прогнозы практически для любых процессов. Несомненно, важной сферой применения эконометрического прогнозирования являются и образовательный процесс университета, а в частности, образовательной деятельности иностранных студентов в процессе обучения в российских университетах.

Эконометрическое прогнозирование представляет собой определенную последовательность получения на основе эконометрических моделей соответствующих характеристик зависимого процесса *y*, которые относятся к моментам времени *T*+l, *T*+2,..., т.е. следующими за моментом времени *T*. Следует отметить, что применение именно эконометрических прогнозов в исследованиях образовательных процессов в значительной степени обусловлено относительной простотой процедур разработки таких прогнозов. Кроме того, немаловажное значение имеет ясность и определенность использования их результатов в практике прогнозирования результатов образовательной деятельности иностранных студентов в процессе обучения в российских университетах.

Остановимся подробнее на особенностях эконометрического прогнозирования. Рассмотрим эконометрическую модель с известными оценками коэффициентов $a_0, a_1, ...$: $y_t = f_t(a, x) + e_t$.

Для данной эконометрической модели на интервале (1; *T*) определение прогнозов $\widehat{y}_{T+1}, \widehat{y}_{T+2}, ...$ осуществляется путем подстановки в уравнение значений независимых переменных x_i, i=1, 2, ... , n и фактической ошибки e_{T+1}, e_{T+2}, ... соответствующих прогнозным моментам *T*+l, *T*+2, ... Если в исследуемом процессе момент *T*+1 относится к «будущему», то прогнозные моменты могут быть заранее точно неизвестны. В этом случае их значения целесообразно определять по результатам других прогнозных моделей или разработок. Кроме того, возможно выдвижение гипотез, отражающих характер развития независимых переменных. В тех случаях, когда ошибка эконометрической модели удовлетворяет стандартным для нее предположениям, в частности, равенство нулю математического ожидания, отсутствие автокорреляционных связей и т.д., то точечный прогноз определяется следующим образом:

$$\hat{y}_{T+1} = M\left[\sum_{i=1}^{n} a_i \cdot x_{i,T+1} + \hat{e}_{T+1}\right] = M\left[\sum_{i=1}^{n} a_i \cdot x_{i,T+1}\right] + M\left[\hat{e}_{T+1}\right] =$$

$$= M\left[\sum_{i=1}^{n} a_i \cdot x_{i,T+1}\right] = a_0 + a_1 \cdot x_{1,T+1} + ... + a_n \cdot x_{n,T+1}.$$

Основное различие заключается в том, что в период времени от *T* до T_1 значения независимых факторов эконометрической модели известны точно, а начиная с момента T_1 и в последующем они определяются на основе сформулированных гипотез, т.е. предположений. В такой ситуации значения $\hat{y}_{T+1}, \hat{y}_{T+2}, ..., \hat{y}_{T_1}$ являются безусловными прогнозами, а $\hat{y}_{T_1+1}, \hat{y}_{T_1+2}, ...$ – условными.

Кроме определения безусловного или условного прогнозов, важную роль играет процедура верификации при разработке прогнозов. Не оста-

навливаясь подробно на рассмотрение данного аспекта, отметим, что верификация представляет собой определение и непосредственное обоснование достоверности полученного прогноза, а также оценку уровня его точности и качества. В процессе верификации осуществляется выявление (или, в некоторых случаях, невыявление) так называемой систематической ошибки при описании тенденций развития рассматриваемых процессов, в рассматриваемом аспекте – образовательной деятельности иностранных студентов в процессе обучения в российских университетах. Важно отметить, что появление систематической ошибки при подборе и определении «прогнозного фона» образовательного процесса чаще всего приводит к тому, что прогнозные значения $\hat{y}_{T+1}, \hat{y}_{T+2}, \ldots$, определенные на основе эконометрической модели, будут существенным образом отличаться от реальной тенденции развития исследуемого процесса.

Говоря о достаточной достоверности прогнозной эконометрической модели, необходимо учитывать, что она не является гарантией обоснованности выполненных эконометрических прогнозов. Данное утверждение связано с тем, что при рассмотрении образовательных процессов в будущем периоде времени тенденция развития исследуемых процессов, а также их структуры и существующие взаимосвязи могут определенным образом меняться. В этой ситуации даже «идеальная» эконометрическая модель, чаще всего, не учитывает возникающие изменения. Очевидно, что это связано с основаниями ее построения, которые учитывают информацию, отражающую характер образовательной деятельности иностранных студентов в процессе обучения в российских университетах.

Важным аспектом при эконометрическом прогнозировании образовательных процессов является вопрос о максимально допустимой глубине прогнозного периода. Очевидно, что величина прогнозного периода непосредственно связана с таким понятием, как инерционность рассматриваемого процесса. Другими словами, чем устойчивее взаимосвязи исследуемого процесса, чем стабильнее ситуация в обществе, в экономике в целом, тем больше может быть глубина прогнозного периода. Все это говорит о необходимости учитывать множество факторов при разработке прогнозов образовательной деятельности иностранных студентов в процессе обучения в российских университетах.

Проведенный анализ научных исследований и публикаций, направленных на изучение эконометрических прогнозов показал, что многофакторные эконометрические модели имеют место при разработке краткосрочных и, в некоторых случаях, среднесрочных прогнозов. Данное ограничение вытекает из того, что для большинства реальных социально-экономических процессов такие прогнозы разрабатываются на 5–10 временных точек. Если классифицировать факторы относительно сферы образования, то их

можно разделить на три основные группы: неуправляемые; управляемые; частично управляемые. Поясним перечисленные группы факторов.

При составлении прогноза образовательной деятельности иностранных студентов в процессе обучения в российских университетах и формировании эконометрической модели образовательного процесса на основе, так называемых, неуправляемых факторов (к ним относится, например, состояние мировой экономики), то и сам исследуемый процесс является неуправляемым. В таком случае прогнозная эконометрическая модель может только приспособиться к тенденциям развития прогнозируемого процесса образовательной деятельности иностранных студентов в процессе обучения в российских университетах, а также учесть соответствующие неуправляемые факторы при определении и обосновании применяемых мер для соответствующего объекта. Если составление прогноза и формирование эконометрической модели осуществляется на основе управляемых факторов, то данное обстоятельство позволяет сформировать наиболее рациональную, «оптимальную» для образовательной деятельности иностранных студентов в процессе обучения в российских университетах тенденцию развития процесса в прогнозном периоде. И третий случай, который рассматривает частично управляемые факторы, т.е. факторы, которые допускают возможность регулирования образовательной деятельности иностранных студентов в процессе обучения в российских университетах, но в прогнозном периоде существующие возможности являются ограниченными. Чаще всего это ограничения, которые обусловлены финансовыми, экономическими, политическими и другими ограничениями.

Заметим, что в случае последних двух видов факторов (управляемых и частично управляемых) эконометрические модели настолько эффективны в плане получения прогноза, что могут предоставить всю необходимую информацию относительно исследуемого процесса. В частности, показатель эффективности целесообразно определять на основе коэффициента эластичности переменной y по факторам x_i.

При формальном подходе к получению эконометрического прогноза расчет выполняется на основе методов математической статистики и предполагает оценку дисперсии ошибки прогноза. Ошибка эконометрического прогноза определяется как разность между фактическим значением рассматриваемого показателя y_{T+k} в некоторый момент времени $T+k$ в будущем $\hat{y}_{T+k}$, $k=1,2,\ldots$: $\Delta y_{T+k} = y_{T+k} - \hat{y}_{T+k}$. Ошибка прогноза обладает следующими свойствами: 1) несмещенности, т.е. $M[\Delta y_{\text{Т}+k}] = M[y_{\text{Т}+k} - \hat{y}_{\text{Т}+k}] = 0$; 2) эффективности, т. е. $\sigma^2[\Delta y_{\text{Т}+k}] = M[\varepsilon_{\text{Т}+k}]^2 = \sigma^2[\hat{y}_{\text{Т}+k}]$.

Обратим внимание, что первостепенной проблемой является оценка дисперсии вычисленного прогнозного значения $\hat{y}_{\text{Т}+k}$ исследуемого образовательного процесса. В общем случае такая оценка может быть получена,

основываясь на информации, характеризующей степень неопределенности рассматриваемого процесса.

В практической деятельности чаще всего используют два возможных варианта неопределенности в отношении прогнозного фона. Первый вариант предполагает рассматривать прогнозный фон как некоторый набор детерминированных показателей, т.е. в данном случае предполагается, что значения независимых переменных определены точно с нулевой ошибкой. Второй вариант основывается на том, что в большинстве случаев прогнозный фон не является детерминированным. Действительно, для рассмотренных в эконометрической литературе моделей авторегрессии, детерминированный эндогенный прогнозный фон существует и определен при разработке прогноза на момент времени T+1. В таких случаях необходимо оценивать соответствующие характеристики ошибки их прогнозов.

Таким образом, применение эконометрических моделей при осуществлении прогнозирования образовательной деятельности иностранных студентов в процессе обучения в российских университетах имеет ряд особенностей. Учитывая, что цель прогнозирования – получить научно обоснованные варианты тенденций развития образовательных процессов во времени и пространстве, данные особенности связаны со следующими основными аспектами. Во-первых, это рассмотрение безусловного или условного прогнозов. Во-вторых, использование процедуры верификации при разработке прогнозов. Кроме того, пристальное внимание необходимо уделять выявлению характеристик качества эконометрического прогнозирования образовательных процессов. Особое значение имеют ошибки эконометрического прогнозирования, характеризующие степень неопределенности рассматриваемого процесса.

Библиографический список

1. Бабешко, Л.О. Основы эконометрического моделирования: учеб. пособие / Л.О. Бабешко. – 4-е изд. – М.: КомКнига, 2010. – 432 с.

2. Габова, Ю.А. Применение моделей временных рядов в прогнозировании деятельности организации / Ю.А. Габова, Ю.В. Подповетная // Современное общество: научный взгляд молодых: сборник статей и тезисов докладов XI международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов, 2015. – С. 190–193.

3. Кремер, Н.Ш. Эконометрика: учебник для студентов вузов / Н.Ш. Кремер, Б.А. Путко; под ред. Н.Ш. Кремера. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 328 с.

4. Подповетная, Ю.В. Использование эконометрических моделей в прогнозировании процессов экономики торговли / Ю.В. Подповетная, М.В. Булгакова // Вестник Южно-Уральского профессионального института. – 2013. – № 11. – С. 89–95.

К содержанию

УДК 378.016:811.161.1 + 378.014.242

РОЛЕВАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Т.Н. Хламова

Иностранные студенты часто затрудняются использовать русский язык в качестве средства общения. Эффективным способом повысить заинтересованность студентов в практике языка можно назвать творческие задания. В статье рассматривается разновидность таких заданий, а именно – игра, которая является симуляцией реальных жизненных ситуаций в рамках урока.

Ключевые слова: речевая деятельность, ролевая игра, коммуникативная компетенция, русский язык как иностранный.

Решение коммуникативных задач является главной и конечной целью изучения иностранного языка. Часто учащийся не может совершенствовать свои коммуникативные умения по ряду причин: отсутствие языковой среды, личностные особенности (интроверсия, стеснительность) и – пожалуй, самая распространённая причина – отсутствие потребности общаться на иностранном языке. Задача преподавателя – решить проблему мотивированности речи в рамках урока [1], симулируя ситуации, встречающиеся в реальной жизни.

Выбранная форма развития коммуникативной компетенции совершенствует мыслительную деятельность на иностранном языке, активизирует спонтанную речь. Нельзя не согласиться с тем, что совместные творческие задания стимулируют применение полученных знаний на практике. Игры помогают обрести опыт пользования языком, а не только его изучения.

Традиционно в педагогике выделяют 5 модификаций деловых игр [2]: имитационные, операционные, ролевые, инсценировка, психодрама и социодрама. В данной статье рассматриваются ролевые игры.

Ролевая игра опирается на три компонента [3]: роли, исходная ситуация и действия играющих. Распределяя роли, преподаватель учитывает возможности обучающихся (языковые и личностные). Грамотное распределение обеспечивает комфортный климат в коллективе, образует единую команду, раскрепощает всех участников. Далее преподаватель озвучивает исходную ситуацию, которая запускает механизм игры. Правило данного компонента: простота и ясность для всех участников игры. Однако задание должно бросать вызов, пробуждать в команде чувство азарта. После чего следуют действия самих обучающихся. В процессе игры преподаватель максимально дистанцируется от группы, полностью оставляя право ведения беседы за учениками.

После окончания игры рекомендуется провести ещё один этап. Речь идет об анализе игры, так как важной частью завершения урока является рефлексия. Стоит отметить, что в процессе проведения игры не может применяться классическая система оценки знаний во избежание скованности и пассивности учащихся.

В статье представлены сценарии двух ролевых игр, которые автор апробировал на своих занятиях русского языка как иностранного в интернациональной группе на элементарном и базовом уровнях владения языком.

Ток-шоу. Аудитория, в которой проводятся занятия – это съемочная площадка телевизионного шоу.

1. Преподаватель распределяет роли ведущего, приглашенного гостя, суфлера. На эти роли желательно выбрать активных студентов с достаточно беглой речью для элементарного уровня владения русским языком как иностранным. Остальные члены группы тоже принимают активное участие в ходе игры.

2. Преподаватель зачитывает студентам исходную ситуацию: «Вы зрители популярного ток-шоу. Ваша главная задача – задавать вопросы приглашенному гостю, внимательно слушать ответы и выстраивать полилог».

3. Далее в дело вступает ведущий, реплики которого уже являются импровизацией. В нашем случае ведущим был студент-билингв (родные языки – арабский и русский), который самостоятельно открыл телешоу и представил гостя программы – известного кругосветного путешественника, побывавшего на всех континентах.

4. Зрители начинают интервьюировать героя программы. Примечательно, что аудитория в процессе игры была крайне активной, а вопросы не заставляли себя ждать, что говорит о достижении главной цели игры – состоявшейся коммуникации участников на заданную тему с элементарным уровнем владения русским языком как иностранным.

Рассмотрим часть вопросов студентов в роли зрителей ток-шоу:

- Сколько Вам лет?
- Почему Вы решили путешествовать?
- В каких странах Вы были? Где Вам понравилось больше всего?
- Вы путешествуете один или с семьёй?
- Расскажите смешную или страшную историю о путешествии.
- Где самая вкусная еда? Почему?
- Где самые красивые женщины? Где самые добрые люди?
- Вы нашли друга в другой стране? Расскажите о нём.

Ответы были самыми разнообразными и комичными, как и вопросы. Ход общения во время игры положительно сказался на развитии коммуникативной компетенции, ведь, как известно, эмоция является мощным стимулом усвоения знаний. В рамках одного урока в интернациональной группе студенты менялись ролями, что обеспечило динамичность процесса игры.

Увидеть будущее. Учащиеся работают в парах «клиент – предсказатель».

1. Преподаватель озвучивает игровую легенду: «Один из вас видит будущее, а другой – хочет его узнать. Вы можете задавать любые вопросы в будущем времени. Подсказки Вы можете увидеть на доске (на экране)».

2. Преподаватель предварительно составляет и презентует список примерных тем для вопросов ясновидящему: любовь и семья, здоровье, карьера, политика и обстановка в стране или в мире, учеба и экзамены, путешествия.

3. Ясновидящий в ходе диалога с клиентом дает развернутые ответы, используя свой словарный запас и опираясь на знания, полученные в рамках изучения грамматики русского языка (формы простого и составного будущего времени, падежи и т.д.)

Во время игры преподаватель отстраненно наблюдает за процессом, делает заметки для дальнейшего анализа хода игры. Важно дать обратную связь участникам после окончания выполнения задания:

- положительная оценка актерских и речевых способностей студентов;
- анализ типичных грамматических и речевых ошибок;
- ответы на вопросы студентов;
- обмен мнениями студентов, рассказами о курьезных случаях во время выполнения задания.

Эффект игры основан на таком механизме памяти как непроизвольное запоминание [4]. Обучающиеся без целенаправленных усилий запоминают пройденный материал. Существует взаимосвязь процесса запоминания и самой игры, которая успешно создает эмоциональный фон, способствующий автоматизации языковых, речевых и, главное, коммуникативных навыков.

Очень важно осознавать место коммуникативных игр в лингводидактике. Это не мимолетный способ сменить вид деятельности в процессе выполнения привычных упражнений из учебника, цель которого – переключиться и отдохнуть во время урока. Проведение игровых форм урока можно с уверенностью назвать кульминационной деятельностью в обучении языку, поскольку это область, где учащиеся максимально используют полученные знания [5]. Окунаясь в мир придуманной игры, студент овладевает продуктивным видом речевой деятельности, раскрывает свои способности общения на иностранном языке с новой стороны и, как следствие, может использовать русский язык не только в аудитории, но и в реальной жизни.

Библиографический список

1. Акишина, А.А. Учимся учить. Для преподавателя русского языка как иностранного / А.А. Акишина, О.Е. Каган. – 7-е изд. – М.: Русский язык. Курсы, 2010. – 256 с.

2. Столяренко, Л.Д. Педагогика в вопросах и ответах / Л.Д. Столяренко. – М.: Проспект, 2017. – 160 с.
3. Колесова, Д.В. Игра слов: во что и как играть на уроке русского языка / Д.В. Колесова, А.А. Харитонов. – СПб.: Златоуст, 2011. – 152 с.
4. Игнаткина, И.В. Игровые технологии в обучении иностранным языкам / И.В. Игнаткина // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 8. – С. 54–55.
5. Азарина, Л.Е. Игры на уроках РКИ / Л.Е. Азарина // Вестник ЦМО МГУ. – 2009. – № 3. – С. 102–109.

К содержанию

УДК 81'271.1 + 378.016:81'27

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД ПРИ ОБУЧЕНИИ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

О.М. Силкина

В статье рассматривается результативность коммуникативного подхода при обучении письменной речи студентов языковых специальностей. Разграничиваются понятия письма и письменной речи, исследуются трудности, возникающие при обучении письменной речи на иностранном языке, приводится основная теоретическая информация о коммуникативном подходе. На основе анализа различных видов заданий и этапов занятия с применением коммуникативного подхода делается вывод о том, что применение элементов коммуникативного подхода позволяет разрешить большинство сложностей, связанных с процессом обучения письменной речи и является эффективным.

Ключевые слова: письменная речь, коммуникативный подход, иностранный язык.

Письменная речь – одна из составляющих иноязычной коммуникативной компетенции, формирование которой традиционно является основной целью обучения иностранным языкам. Важность письменной речи неоспорима: она позволяет сохранять языковые и фактические знания, учит мыслить, стимулирует говорение, аудирование, чтение на иностранном языке. Более того, в последнее время значимость письма в обучении иностранному языку повышается. Кроме того что письменная речь способствует развитию других умений и, следовательно, повышает эффективность обуче-

ния, она приобретает все большую практическую значимость. В современный период глобализации и широкого распространения компьютерных технологий становится легко создать такую среду, в которой обучающийся, даже находясь вдали от носителя языка, может напрямую контактировать с ним посредством письменной речи через internet, e-mail, социальные сети и другие современные средства коммуникации.

Прежде всего, следует разграничить понятия письма и письменной речи. Под письмом понимается графическая система, одна из форм плана выражения. В то время как письменная речь – это процесс выражения мыслей в графической форме. Таким образом, обучение письму это формирование умения пользоваться графической и орфографической системами языка для записи отдельных слов, словосочетаний, предложений, фиксировать устную речь с помощью графических знаков. А обучение письменной речи это овладение учащимися умением сочетать слова в письменной форме для выражения своих мыслей в соответствии с потребностями общения, осуществлять общение средствами конкретного языка в письменной форме [1].

В статье мы говорим именно о письменной речи как продуктивном виде речевой деятельности. Для студентов лингвистов, чья будущая профессиональная деятельность связана с коммуникацией на иностранном языке, важно научиться правильно и логично выражать мысли в письменной форме, т.е. сформировать письменную коммуникативную компетенцию. Следовательно, письменная речь в данной ситуации выступает не средством, а целью обучения [4].

Письменная речь является достаточно сложным для студентов видом деятельности, а формирование письменной коммуникативной компетенции соответственно сложной задачей для преподавателя. Прежде чем пытаться найти решение, которое позволит снять трудности и повысить эффективность обучения, следует рассмотреть основные проблемы, возникающие при обучении письменной речи.

Зарубежные и российские педагоги, анализируя свой опыт обучения письменной речи, выделяют ряд сложностей, с которыми сталкиваются студенты в процессе овладения данным видом деятельности. Предложенные классификации во многом схожи и пересекаются. Возьмем за основу список проблемных ситуаций, составленный Реджиной Г. Ричардс, поскольку он представляется нам наиболее полным и всеохватывающим [6]. В целом, все упомянутые ею трудности можно разделить на три группы:

1) психологические сложности (восприятие письма как сложного и трудоемкого вида речевой деятельности, проблемы мотивации, отсутствие интереса к процессу письма, отсутствие идей);

2) сложности структурирования письменного текста и логичного изложения материала (необходимость первоначального продумывания

структуры текста, подбор аргументов и подходящей лексики, которая соответствует цели и ситуации);

3) языковые сложности (орфографические, грамматические ошибки).

Анализ распространенных трудностей, с которыми сталкиваются студенты при овладении письменной речью, дает возможность преподавателю подобрать наиболее удачный подход и методы обучения, позволяющие облегчить работу педагога, повысить мотивацию студента и сделать процесс обучения более эффективным.

Рассмотрим подробно каждый комплекс сложностей и попытаемся определить, какая стратегия преподавателя будет наилучшим образом способствовать их решению. Затем, попытаемся выстроить учебный процесс согласно полученным выводам и проанализируем результаты.

Прежде всего, следует отметить класс психологических сложностей освоения письменной речи. А.А. Миролюбов утверждает, что «включая в себя все те нервно-мозговые связи, которые необходимы для владения устной речью, письменная речь требует образования целого ряда дополнительных ассоциаций». Дело в том, что письменная речь осуществляется не только при помощи слухо-речедвигательных связей (которые являются основными в производстве устной речи), но также при помощи зрительно-слуховых и речедвигательно-моторно-графических. Таким образом, в процессе письма включается большое количество анализаторов, что уже само по себе делает его трудозатратным процессом [3].

Кроме того, этот процесс усложняется условиями, в которых происходит. Имеется в виду то, что ситуация протекания письменной речи не является общей для автора письменного высказывания и адресата. В результате отсутствуют стимуляция и контроль со стороны, которые характерны для устной речи. Как следствие, снижается мотивация и интерес к письму.

Более того, очень часто задания носят абстрактный характер, т.е. студент пишет текст, не имея определенной практической цели и не представляя будущего читателя своего произведения.

Для снятия сложностей подобного типа необходимо заинтересовать студента, создать условия письма, которые будут стимулировать его воображение и речевую деятельность.

Вторая группа сложностей связана со структурированием письменного текста и логичным изложением материала. Письменная речь имеет коммуникативную функцию, следовательно, она должна быть максимально понятной для адресата. Связного изложения идей, логичности и последовательности в речи можно достичь путем упреждения, т.е. представления о том, о чем будет письменное высказывание еще до момента его составления. Общий замысел всего текста, который включает в себя свернутое общее содержание, появляется в сознании пишущего при формулировке темы. Тема же, в свою очередь, может быть сформулирована при четком по-

нимании мотива и цели письменного высказывания [3]. Таким образом, выбор темы и ее обсуждение являются важным этапом производства письменного высказывания, позволяющим в деталях продумать содержание последнего.

Кроме того, для логичного и последовательного изложения идей необходимо понимание мыслительного процесса адресата. В данном случае анализ готовых текстов позволяет проследить ход развития мыслей, пути их детализации, способы аргументации.

Также следует отметить, что в письменной речи нет возможности воспользоваться вспомогательными средствами, такими как жесты, интонация, мимика. Следовательно, большее значение имеет выбор лексики, который в письменной речи выполняет ту же функцию, что и вспомогательные средства в устной (передача отношения говорящего, эмоциональное наполнение). Отбор слов зависит от словарного запаса студента, от умения правильно его применять при решении конкретной коммуникативной задачи [3]. Следовательно, необходимо работать с лексикой в плане подбора ключевых слов, выражений, типовых фраз для каждого пункта текста.

Что касается третьей группы сложностей, то, как было отмечено, они связаны с уровнем владения языком. К сожалению, в настоящее время студенты-лингвисты, особенно младших курсов, когда уже начинается обучение письменной речи, не владеют иностранным языком в достаточной степени, чтобы избежать орфографических и грамматических ошибок. Конечно, эта проблема не только письменной речи, но и любого другого аспекта основного курса иностранного языка. Очевидно, что она решается комплексно, т.е. соответствующая работа ведется в том числе и на таких предметах, как основной курс, аудирование, в большей степени грамматика. Основной целью письменной речи является развитие умения логично и связно мыслить и строить свои высказывания. Тем не менее, орфография и грамматическая правильность речи имеют большое значение, поскольку письмо фиксирует ошибки. Следовательно, возрастает ценность обратной связи с разбором ошибок, анализа наиболее частотных ошибок и подбора комплекса упражнений, направленных на их предотвращение.

Можно предположить, что на сегодняшний день одним из наиболее выигрышных подходов к обучению в целом, и к обучению письменной речи в частности, является коммуникативный подход. Процесс обучения, построенный на коммуникативной основе, ориентирован на личность, учитывает непосредственную деятельность учеников, их опыт, интересы склонности, что способствует повышению эффективности обучения и увеличивает мотивацию студентов.

В России коммуникативный подход имеет достаточно долгую историю. Его изучением занимались Г.А. Китайгородская, Е.И. Пассов, Р.П. Мильруд, В.П. Кузовлев и другие педагоги. Ценность и результативность ком-

муникативного подхода уже не подвергаются сомнению. Вопрос, который мы ставим в статье и пытаемся решить, заключается в том, каким образом коммуникативный подход можно применять на занятиях по практике письменной речи, достигая при этом наибольшей эффективности и оптимизации процесса обучения и решая при этом основные сложности преподавания письменной речи.

Коммуникативный подход – это стратегия, «моделирующая общение, направленная на создание психологической и языковой готовности к общению, на сознательное осмысление материала и способов действий с ним, а также на осознание требований к эффективности высказывания» [5]. Таким образом, в качестве своей цели коммуникативный подход рассматривает преподавание коммуникативной компетентности, т.е. умения использовать язык для конструктивного общения. Коммуникативный подход к обучению иностранному языку предполагает:

1) принцип коммуникативной направленности (умение использования иностранного языка в реальных жизненных ситуациях, использование на занятиях ролевых игр, проектов и т.п.);

2) принцип ситуативности (воссоздание на занятии реальных жизненных ситуаций);

3) взаимосвязанное обучение различным формам письменного и устного общения;

4) личностно-ориентированное обучение (выражение учащимся своего мнения, рассказ о себе, обсуждение актуальных для учащихся вопросов);

5) аутентичные учебные материалы (использование оригинальных неадаптированных текстов) [2].

При осуществлении коммуникативного подхода на занятиях часто используется работа в парах или группах, что способствует проявлению творческих способностей и активному взаимодействию студентов.

Мы попробовали применить коммуникативный подход при обучении студентов языковых специальностей такому аспекту английского языка как письменная речь. Далее в статье приводятся описания различных этапов занятия с использованием коммуникативной методики и даются примеры заданий, которые выполняли студенты. Для эксперимента была выбрана группа первого курса факультета лингвистики Южно Уральского Государственного Университета. В качестве основного учебного материала для курса письменной речи был взят учебник CUP Final Draft Level 1. Курс посвящен изучению различных типов абзацев.

Очень важным этапом обучения письменной речи является этап **анализа уже готовых письменных текстов**. Такой анализ позволяет учащимся понять, каким образом выстраивается логичное высказывание, как можно добиться последовательности изложения, связности текста, убедительности и наибольшей выразительности. Студентам даются следующие вопросы для размышления:

1. Какова основная мысль текста?
2. В каком предложении выражена основная мысль?
3. Каким образом автор аргументирует свою мысль?
4. Что способствует связности текста?
5. Чем автор завершает текст?

Обсуждение происходит в парах или группах. Студенты делятся своими идеями друг с другом, преподаватель подводит учащихся к правильным ответам, поддерживает обсуждение. Большинство текстов для разбора взято из учебника CUP Final Draft Level 1. Тексты являются аутентичными, что соответствует требованиям коммуникативного подхода.

Приступая к этапу создания письменного произведения, студенту необходимо понимать, что основная цель письменной речи – это ясно и логично донести до читателя свою мысль. Таким образом, цель имеет коммуникативные характеристики. Студентам необходимо **определить цель** своего письменного высказывания, им может быть предложено доказать свою позицию по определенному вопросу, прорекламировать товар, написать жалобу. Имея конкретную коммуникативную цель, легче представить себе реакцию читателя и понять, что требуется от письменного сообщения. При этом цель студента, т.е. то, чего он добивается своим письменным высказыванием, или то, о чем он пишет, должно быть ему близко и хорошо знакомо. В таком случае, снимется дополнительное напряжение, возникающее у учащегося при необходимости составления письменного высказывания. Кроме того, есть большая вероятность повышения мотивации студентов, поскольку они имеют возможность изложить свои личные мысли, проблемы, переживания. Студентам также предлагается **представить читателя** своего текста для воссоздания конкретной жизненной ситуации. Например, студент может представить, что пишет жалобу в администрацию о проблемах общественного транспорта, или агитирует одногруппников поехать на базу отдыха, описывая свой опыт пребывания там. Таким образом, повышается мотивация, появляется больше идей, реализуется творческий потенциал.

Тема занятия определяется преподавателем и выбирается одна для всей группы. В этом случае студентам проще определиться с основной мыслью своего произведения. Кроме того, существует возможность совместного обсуждения темы. На этапе, который носит название **brainstorming**, студенты учатся интерпретировать тему, рассматривают ее под различными углами, пытаются найти то, что интересует их в рамках заданной темы. Учащиеся делятся своими идеями, заимствуют их друг у друга, наводят друг друга на новые мысли.

К примеру, в рамках заданной темы «Health», может быть выбрано несколько подтем:

1. Healthcare problems in Russia.
2. An accident that saved my life.

3. State and private hospitals.

Таким образом, студент имеет возможность писать о том, что затрагивает его личные интересы, не отходя от общей темы занятия.

Следующим важным моментом является **составление плана**. План необходим, поскольку помогает организовать мысли, продумать будущий текст. План подлежит обсуждению в группе, что помогает избежать ошибок в логическом построении высказывания.

Неотъемлемым моментом подготовки к составлению письменного текста является **работа с лексикой**, которая подразумевает отработку распространенных академических выражений, типовых фраз, литературных и научных синонимов некоторых общеупотребительных слов, слов-связок. Этот этап способствует расширению словарного запаса студентов, переводу некоторых академических фраз в активный словарный запас. Как следствие, язык письменных высказываний становится более литературным и грамотным. На каждом занятии выбирается несколько лексических структур, которые отрабатываются в ходе выполнения упражнений, использования в речи. Например:

Smoking cigarettes is bad for your heath. There is **improvement** in your health when you stop smoking. Improvement means

a) something that gives someone problems.

b) something that is better or makes something better.

Do not look at a computer screen late at night. The screens **produce** light which makes it difficult to sleep. Produce means

a) turn off

b) make

Студентам также предлагается использовать новые слова и выражения в своих предложениях, перевести эти предложения на русский и английский языки.

Кроме того, на подготовительном этапе студенты тренируются составлять различные структурные части текста (topic sentence, supporting points, concluding sentence).

Примеры упражнений:

1. Choose the best topic sentence for the given paragraph.
2. Write the supporting points for the given topic sentence.
3. Write the concluding sentence for the given paragraph.

На этапе **письма** каждый студент работает индивидуально, в своем темпе, что позволяет учесть индивидуальные особенности студентов.

Перед сдачей готового текста на проверку преподавателю проводится работа под названием **peer editing**. Peer editing предполагает, что студенты обмениваются черновиками своих произведений, читают их, находят достоинства и недостатки, делают замечания. В обоих случаях, когда студент читает чью-то работу и когда читают его произведение, он получает по-

лезный опыт. Взгляд со стороны помогает обратить внимание на ошибки, в то же время, знакомясь с чужим изложением мыслей, студент может почерпнуть новые идеи, лексику, способы аргументации.

Проверка преподавателем предполагает указание студенту на его ошибки с последующим их разбором. Кроме того, целесообразным является определение наиболее частотных ошибок и работа над их исправлением.

Таким образом, основными этапами работы при обучении письменной речи в рамках коммуникативного подхода являются:

1) определение цели письма, аудитории;
2) brainstorming;
3) составление плана;
4) отработка лексики, структуры текста;
5) письмо;
6) peer editing;
7) проверка преподавателем;
8) работа над ошибками.

Следуя принципам коммуникативного подхода, преподавателю удается снять основные трудности психологического характера и сложности структурирования письменного текста и логического изложения материала, а также сложности языкового характера. Кроме того, отмечается позитивное отношение студентов к подобным занятиям. Согласно опросу, студенты находят подобную форму работы более интересной и мотивирующей. Этапы отработки лексики и структур текста отмечаются как имеющие особенно положительное влияние на формирование языковых навыков. Таким образом, можно считать, что элементы коммуникативного подхода с успехом применимы на занятиях практики письменной речи.

Библиографический список

1. Ботева, Е.Г. Развитие умений письменной речи на английском языке в современной школе / Е.Г. Ботева. – URL: http://festival.1september.ru/articles/614799/.

2. Веретенникова, С. Коммуникативный подход в обучении иностранным языкам / С. Веретенникова. – URL: https://lingvomaster.org/kommunikativnyj-metod.

3. Кондратьева, М.Я. Трудности в овладению письменной речью на английском языке на старшем этапе обучения. – http://novainfo.ru/article/1574

4. Кудряшова, О.В. Английский язык. Формирование коммуникативной компетенции в письменной речи: учебное пособие / О.В. Кудряшова. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2008. – 103 с.

5. Пассов, Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению / Е.И. Пассов. – М.: Русский язык. 1989.

6. Richards, R.G. Understanding why students avoid writing. – URL: http://www.ldonline.org/article/5892/.

К содержанию

УДК 81’42 + 81-112 + 81’27

МАНИПУЛЯТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОГНОЗА (ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ НА МАТЕРИАЛЕ СМИ)[1]

О.А. Солопова, М.И. Подгорнов

Настоящая статья посвящена исследованию прогностического политического текста как средства манипуляции и влияния на общественное сознание. Рассмотрена сущность политического прогноза, определены его черты. Приведен анализ контекстов из отечественного, американского и британского современных политических дискурсов о будущем России. Установлено, что конституирующим элементом содержательно-смыслового пространства прогноза, реализующим функцию воздействия на адресата, является политическая метафора.

Ключевые слова: лингвополитическая прогностика, политический дискурс, будущее, прогностический политический текст, метафора.

Политический дискурс и СМИ прочно связаны друг с другом и взаимообусловлены. СМИ в современных реалиях являются полноправным институтом политической системы, таким как парламент и общественные организации. Дискурс не может нормально функционировать и давать ответы на ключевые вопросы без участия такого института как общественно-политические СМИ, которые способны задавать как общественно-политические настроения, так и политический дискурс вокруг событий настоящих и будущих. СМИ часто воспроизводят и даже создают, моделируют политический дискурс вокруг определенной проблемы в политических текстах, внедряя ее в публичное пространство, стимулируя ее обсуждение между людьми даже на бытовом уровне.

Политический текст любого жанра не только базируется на предшествующем опыте говорящего и слушающего, он обусловлен планируемыми действиями, возможностью или невозможностью этих действий. Тексты, диагностирующие политическое настоящее, как правило, рассматривают альтернативные рецепты преодоления сложившейся ситуации в будущем. Тексты, репрезентирующие политическое прошлое, эксплицитно или имплицитно предлагают образцы или анти-образцы развития настоящей ситуации и ее вероятных будущих состояний. Именно предвидение будущего задает определенную структуру политического времени. Кроме того, власть как базовая категория политики и политического дискурса напря-

[1] Исследование выполнено за счет гранта фонда В. Потанина. Заявка № ГК170000768.

мую соотносится с моделью будущего (категорией прогностичности [1]), посредством которой государственные и общественные институты осуществляют свою саморепрезентацию и легитимацию (настоящее), конструируют и продвигают те или иные образы реальности (будущее), чтобы регулировать в свою пользу ход внутриполитической борьбы, внешнеполитических отношений и контролировать процесс давления различных социальных и политических групп как внутри страны, так и за ее пределами. То есть борьба за власть, составляющая суть политического дискурса, и власть как его базовая интенция часто определяются моделями будущего, продвигаемыми в жизнь отдельными политиками или групповыми агентами политики. Именно такие модели позволяют создавать языковую реальность будущего, интерпретировать ее, манипулировать и контролировать коллективное сознание.

Формирование модели будущего в политическом дискурсе представлено спектром прогностических рефлексий и обусловлено воздействием множества специфических факторов. В.Н. Ярская утверждает, что «в системе предвидения функционируют альтернативные, но дополняющие друг друга характеристики – логическое и внелогическое, сознательное и бессознательное, интенсивное и экстенсивное, субъективное и объективное, темпоральное и атемпоральное» [2]. С одной стороны, конструирование модели будущего привязано к текущей ситации, включает историко-генетические уровни, формы функционирования государства в настоящем, т.е. темпоральные характеристики (темпоральное). С другой стороны, оно связано с элиминацией временной характеристики, то есть атемпоральностью, безразлично к направлению времени, не приурочено к какому-либо временному модусу, включает в себя инверсию времени в качестве возможности экстраполяции выводимой закономерности на все временные сферы бытия (атемпоральное). Прогнозы, связанные с экстраполяцией известной закономерности на будущее состояние государственной системы и содержащие временное ограничение, носят экстенсивный характер (новое прогнозируемое состояние государства укладывается в рамки существующих и существовавших тенденций). Интенсивные прогнозы связаны с качественно новым состоянием государственной системы, отличным от прошлого и настоящего (экстенсивное и интенсивное). Модели будущего *должны* опираться на *объективные* закономерности и тенденции общественно-политического развития, которое обусловлено системой государственного устройства, его пространственной локализацией и т.д. (объективное, логическое). Тем не менее, доминирование рационального начала не исключает фактор адресата и осложнения прогностического текста дополнительными нюансами эмоционально-оценочной или эстетической природы. Эмоциональная оценка прогноза и бессознательная работа с запасом имеющейся в распоряжении автора информации синтезируют прогности-

ческую интуицию, преобразующую скрытую информацию в открытую, осознанную (бессознательное и сознательное). Кроме того, аксиологическая нагруженность, имплицитно или актуализированно содержащаяся в образах будущего, всегда сознательна, дискурсивна, инкарнирована в конкретную ситуацию. Это отчетливо проявляется благодаря использованию определенных лингвистических средств (одним из которых является политическая метафора), с помощью которых смысл прогностического текста выстраивается в более сложное целое, чем этого требует предметно-логическое содержание прогноза. То есть прогноз имеет субъективное измерение, в него включен человек как «автор прогноза» (субъективное, внелогическое). Автор прогностического текста строит и организует свой прогноз на основе реализации целевых установок субъектов власти собственного государства, на основе собственной точки зрения на экстралингвистическую действительность настоящего (субъективность прогноза и субъектоцентричность дискурса).

Таким образом, любой прогноз всегда выстроен в рамках заданного идеологического фрейма, и, как правило, фиксирует одну из предельных альтернатив настоящих тенденций (абсолютный «плюс» и абсолютный «минус»). Прием редукции модели политического мира [3] и будущего как неотъемлемой его составляющей позволяет сужать мир будущего до черно-белого варианта, где условными полюсами редукции, «крайними» альтернативами развития являются мрачное и светлое будущее. Такая «двухценностная ориентация» (two valued orientation) эффективна при моделировании общественно-политической ситуации в темпоральном аспекте.

Цель любого политического прогноза, как любого другого внушения и манипуляции, вызвать вполне определенные реакции и действия. Само предсказание будущего развития страны можно отнести к имплицитным средствам реализации манипулятивного вектора политического дискурса. Адресатная направленность прогноза, его устремленность из дискурсивного пространства вовне, к имплицированному (термин В.З. Демьянкова) или реальному реципиенту, направлена на привлечение его внимания. Автор конструирует прогностический текст так, чтобы он вписывался во «вселенную» мнений и оценок имплицированных адресатов, чтобы они могли опознать в нем «свою» собственную картину мира, особую модель со своими законами течения времени, представлениями об истории и о будущем, ценностными ориентирами, составляющими ядро идентичности, которые выступают как основа аргументации в пользу светлой или мрачной альтернативы будущего. Либо моделирует отличный от «своего» «чуждый» мир, построенный на анти-ценностях и предлагающий анти-образцы.

Способы репрезентации манипулятивной функции политического прогноза можно выявить как на уровне анализа отдельного прогностического текста / контекста так и в ходе междискурсивного и диахронического ана-

лиза. В фокусе внимания настоящей статьи – прогностический потенциал политической метафоры, который реализуется при моделировании одной из альтернатив будущего (выбор конкретной метафорической модели, в рамках которой репрезентируется будущее, акцентирование, текстовая поддержка домминантной метафоры с помощью иных лингвистических средств и др.). Одной из доминантных моделей, в рамах которой репрезентируется будущее России, является морбиальная метафорика. В качестве иллюстративных примеров приведем анализ отдельных контекстов из современных политических дискурсов России, США и Великобритании: *The erosion of a nation can easily proceed hand-in-hand with the cancerous bloat of its government: just look at the suffocation of Russia under the dead hand of the Soviet state* / The American Conservative, 02.06.2003 (US). В данном контексте Россия представляется неспособной грамотно использовать нажитые ресурсы и исторический опыт. Правительство сравнивается с раковой опухолью, разросшейся до таких размеров, что способно утянуть за собой в могилу всю страну. Советское государство принимает на себя облик давно ушедшего мертвеца, который, тем не менее, не перестает влиять на современную Россию и продолжает ее «душить» (*just look at the suffocation of Russia under the dead hand of the Soviet state)*. Прошлое государства растворяется в настоящем и продолжает влиять на его будущее, на что указывает употребление модального глагола can в значении «вероятности, обусловленной обстоятельствами» (possibility due to circumstances). Выбор метафор – *эрозия нации, злокачественная опухоль правительства, Россия, извивающаяся и задыхающаяся в безжизненных руках советского государства* – указывает на невозможность дальнейшего развития, отсутствие у страны будущего. Использование метафор данной модели направлено на сгущение красок при оценке настоящего, что наталкивает на понимание описываемой общественно-политической ситуации как однозначно отрицательной, создает необходимый контекст для того, чтобы у адресата сформировалось представление о недопустимости положения вещей в настоящем страны, что, безусловно, влияет на будущее положение дел.

Морбиальная метафорика помогает диагностировать рецидивы многочисленных заболеваний страны и прописать лечение не только физических, но и психических, духовных недугов России – ущемленной гордости, эмоциональной неуравновешенности, раненого эго, комплексов, паранойи, впадения в детства (слабоумия) и иных заболеваний: *The Russians, they say, are reacting out of injured pride. Impulsive, emotionally unstable, and often paranoid, the Russians are lashing out at their neighbors in an attempt to cauterize the wounds of recent history and rekindle their lost sense of grandeur. Although Washington's psychologists all attribute Russia's conduct to its leaders' complexes, they differ in their exact diagnoses. Some see Russia's resistance to U.S. policies as childish rebellion. Others attribute Russia's recalci-*

trance to a wounded ego. Another common diagnosis is paranoia. Each of these diagnoses implies a particular treatment / Foreign Affairs, 23.02.2011 (US). В приведенном контексте Россия представляется неугомонным, плохо воспитанным ребенком, который набрасывается на своих соседей в желании забыть свое прошлое, сделать воспоминания о нем менее болезненным, компенсировать комплексы, появившиеся в связи с утратой международного влияния несуществующей уже страны. Следует отметить, что именно США выступают в качестве опытного лекаря, психиатра, психотерепевта, задача которого состоит в том, чтобы утихомирить, присмирить и подлечить разбушевавшееся дитя, поскольку сама Россия не в состоянии справиться со своими проблемами. История России, по мнению американских аналитиков, является кровоточащей раной, до сих доставляющей нестерпимую боль государству и его народу и являющейся главной причиной физических и психических недугов современной России, что нацеливает на интерпретацию ее вероятного будущего в однозначно негативном ключе. Развертывание модели в контексте, востребованность единиц слота «Психические заболевания» репрезентируют ситуацию настоящего как неблагополучную, критическую, указывая на невозможность дальнейшего развития, на отсутствие у страны будущего.

Рассмотрим контекст из британского политического дискурса, в котором стертая метафора болезни, получая контекстуальную поддержку грамматических средств, работает на создание образа мрачного будущего: *The weakened Russia that will be Mr. Putin's legacy will then also lose the Northern Caucasus and the Volga region to their growing Muslim populations. The remaining Russian lands would then have no other choice but to attach themselves to Ukraine, which should by then have become a successful member of the European Union* / The Times, 25.09.2011 (GB). Ослабевшая Россия именуется «наследием» В.В. Путина, по мнению автора статьи, именно он будет виноват в том, что Россия потеряет часть своих территорий и будет вынуждена присоединиться к Украине. В качестве способа аргументации своей оценки автор использует «построение» прогноза-диагноза, версии, демонстрирующей возможные изменения, характер их влияния на будущее положение дел. В данном случае речь идет о прогнозируемых последствиях, поэтому помимо ядерных для темпорального поля будущего в английском языке видовременных форм Future Simple (will be, will lose) активизируются другие средства выражения гипотетичности: косвенные наклонения и модальные глаголы. Не имея самостоятельной темпоральной характеристики, формы косвенных наклонений способны включаться во временной план будущего, обозначенный другими средствами (в приведенном примере настоящая видовременная форма условного наклонения включена в план будущего, заданный в абсолютном начале контекста формами будущего простого). Употребление модального глагола should в

значении «вероятного, правдоподобного, ожидаемого действия в будущем» (something naturally expected) в сочетании с перфектной формой инфинитива, акцентирующей идею завершенности действия к определенному моменту, способствует восприятию прогнозируемой ситуации как предрешенной, фатальной, ситуации, на которую невозможно либо крайне сложно повлиять (*The remaining Russian lands would then have no other choice but to attach themselves to Ukraine, which should by then have become a successful member of the European Union).* Обстоятельства времени, употребляющиеся на необычном для них месте в предложении (*would then have no other choice, should by then have become)*, получают добавочную смысловую и экспрессивную нагрузку, также указывая на завершенность действия к определенному моменту в будущем, задавая конкретные временные рамки и акцентируя предрешенность событий «мрачного» будущего России.

Проиллюстрируем особенности моделирования будущего России в рамках морбиальной метафорики на примере отечественного политического дискурса: *Стабильность без реформ, стабильность нефтяной иглы для современной России подобна сифилису для человека. Если болезнь не лечить, больной просто гниет изнутри: сначала незаметно, а потом проваливается нос, и становится ясно, что болезнь победила. То же самое грозит и России. История знает примеры подобного «гниения» целых государств и народов* / KM.ru, 05.10.2011. В приведенном для иллюстрации контексте стабильность современной России сравнивается с социально значимой болезнью, угрожающей не только здоровью народа, но и жизни, признаки которой проявляются не сразу, что делает данное заболевание еще более опасным. Многочисленные прогрессирующие поражения и серьезные нарушения внутренних органов и систем государственного организма влекут за собой необратимые изменения. При неполноценном и несвоевременном лечении развивается более тяжелая форма болезни, «гниение» систем трудно поддается лечению и приводит к «инвалидности» государства или летальному исходу, к прекращению существования. Тот факт, что истории известны подобные случаи «гниения», только усугубляет представление адресата о том, насколько мрачным для России может быть будущее. Показательна в данном контексте метафора «нефтяной иглы». Государство сравнивается с подсаженным «на иглу» наркоманом, настолько запустившим болезнь, что не может выйти из проблемной ситуации легко, быстро и без дальнейшего ущерба для собственного здоровья. Использование отрицательно нагруженных метафор модели моделирует возможность опасного развития событий, несовместимого с нормальным функционированием государственного организма, настраивая адресата на мрачное будущее, уготованное России.

Таким образом, прогностическая метафора, включает рефлексивное отображение действительности: прошлых и настоящих событий, реальных и фантастических будущих состояний. Метафора отражает внутренние конфликты, сомнения, переживания и ожидания как адресанта, так и адресата. Прогностическая метафора содержит определенное закодированное послание, которое, если будет воспринято сознанием верно, способно изменить существующую действительность и оказать влияние на дальнейший ход событий. Метафора, организующая прогностический текст, способна не просто воздействовать на сознание реципиента, но и взаимодействовать с ним. Поскольку именно метафора выступает связующим, конституирующим элементом содержательно-смыслового пространства прогноза, она реализует функцию воздействия на имплицированного адресата, управляя его вниманием и втягивая адресата в дискурсивное пространство прогностического текста, навязывая ему требующуюся интерпретацию событий настоящего и будущего.

Библиографический список

1. Солопова, О.А. Лингвополитическая прогностика: сопоставительное исследование моделей будущего России в политических дискурсах России, США и Великобритании XIX в. (1855–1881) и XXI в. (2000–2014): дис. … д-ра филол. наук / О.А. Солопова. – Екатеринбург, 2016. – 606 с.

2. Ярская, В.Н. Время в эволюции культуры / В.Н. Ярская // Философские очерки; под ред. А.Г. Спиркина. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989. – 152 с.

3. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – 5-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

4. Демьянков, В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В.З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – 2002. – № 3. – С. 32–43.

К содержанию

УДК 81’271 + 81’33

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ВЛИЯНИЯ ГЕНДЕРНОГО ФАКТОРА

Л.Е. Логвина, А.А. Хомутова

В статье рассматривается понятие «гендер» и особенности его влияния на просодию речи мужчин и женщин. Кратко описываются предыдущие гендерные исследования.

Ключевые слова: гендерная лингвистика; гендер; гендерные различия; просодические особенности.

Половая дифференциация – одно из универсальных явлений, являющихся объектом исследования всех наук о человеке. Она встречается во всех сферах человеческого знания и культуры. Ранее считалось, что половая дифференциация никак не связана с языком, поэтому в лингвистике ей не уделяли большого внимания. Однако в последнее время появились работы, предоставившие богатую основу для создания теоретической модели мужского и женского поведения, притом, что многие вопросы до сих пор вызывают сомнения и нуждаются в дополнительном изучении.

Таким образом, в лингвистике появилось новое направление – гендерная лингвистика. В сферу задач гендерной лингвистики входит рассмотрение проявления пола в языке, изучение вопросов представления мужчин и женщин в процессе коммуникации, определение языковых механизмов функционирования гендерных отношений. Тем самым гендерная лингвистика помогает осознать сущность явлений, происходящих в языке и обществе.

Гендер – это социальный пол, сочетание стереотипов и моделей поведения, предложенных обществом для представителей обоих полов [1].

Концепт гендер был привнесен в понятийный аппарат науки в конце 60-х – начале 70-х годов XX века и использовался вначале в истории, социологии и психологии, а в дальнейшем был признан и лингвистикой. Возросшее внимание к прагматическому аспекту языкознания и изменениям, которые произошли в разделении мужских и женских ролей в обществе, объясняет изучение связи языка с полом.

К понятию гендер, следовательно, обращались при обозначении психологических, социальных, культурных аспектов «женского» по сравнению с «мужским», «при выделении всего, что участвует в формировании черт, стереотипов, норм, ролей, характерных и требуемых для тех, кого общество определяет как женщин и мужчин» [11].

Являясь одной из центральных характеристик личности, гендерный фактор определяет природный пол человека и его социальные качества и определенным образом влияет в течение всей жизни человека на осознание

своей индивидуальности, а также на определение говорящего субъекта другими членами социума. Другими словами, гендер идентифицирует поведение человека в обществе и то, как его воспринимают другие люди.

Рассматривая гендер в качестве объекта лингвистических исследований, следует отметить, что насчитывается множество различных теорий и мнений, объясняющих наличие гендерных различий. Например, согласно теории «дефицитности» [10], в отличие от мужской речи, женская считается «дефицитной», малоэффективной по причине тактичного, спокойного и учтивого речевого поведения женщин, что служит подтверждением, укоренившимся в обществе мнениям, что они слабые, нерешительные, беззащитные и некомпетентные. В соответствии с теорией «доминантности» [14], языковые различия являются следствием неравного доступа женщин к власти и их неодинаковыми возможностями в обществе. Теория «дифферентности» [12] утверждает, что женщины и мужчины пользуются разными вариантами языка, потому что их воспитывают в непохожих друг на друга однополых группах.

На протяжении нескольких лет лингвисты не могут прийти к единому мнению: одни считают, что между мужской и женской речью нет принципиальных отличий, другие утверждают, что речь мужчин и женщин отличают определенные особенности.

Отечественные и зарубежные лингвисты [2, 3, 10, 15 и др.] выделяют следующие характерные особенности женской речи:

1) на сегментном уровне: более четкая артикуляция, обращение к полным фонетическим формам, растяжка гласных и др.;

2) на сверхсегментном уровне: превалирование учтивых, деликатных интонационных контуров, восходящих вопросительных тонов, реализованных в более узком диапазоне, более плавное окончание фраз, большее число пауз и их непоследовательное распределение в речи, пониженная громкость, более быстрый темп и др.

Целый ряд отечественных и зарубежных авторов в основном считают женскую речь более правильной и нормативной по сравнению с мужской, что касается и ее фонетического оформления, например, P. Trudgill объясняет факт обращения женщин к большему количеству престижных стандартных форм, нежели мужчин, следующим образом: женщины гораздо сильнее обеспокоены публичным признанием их социального статуса, чем мужчины, по причине их более уязвимого положения в обществе и менее развитой сетью социальных контактов. Статус женщины в обществе обычно ниже, чем у мужчины, к тому же женщины в некоторой степени зависят от представителей сильного пола. У мужчин в приоритете профессия, в то время как для женщин первостепенное значение имеет то, как они выглядят, а речь – ключевая и непременная составляющая внешнего облика. Следовательно, женщины больше осознают необходимость в безошибоч-

ном построении речи для подчеркивания своего социального статуса, нежели мужчины [15].

Что касается вопроса о просодическом своеобразии речи в результате влияния гендерного фактора, необходимо выделить характерные особенности частотного компонента и его параметров. В частности, по мнению Т. И. Шевченко, у детей только к 10 годам наблюдается гендерное различие в величине среднего уровня частоты основного тона (ЧОТ): у мальчиков он на 25 % ниже, чем у девочек. Статистика показывает, что у девочек-подростков понижение голоса проявляется в возрасте 13–14 лет, т.е. до 15 лет, затем происходит постепенное понижение средней ЧОТ. Что касается противоположного пола, наиболее существенные изменения можно наблюдать немного позднее, в возрасте от 14 до 18 лет, в дальнейшем менее заметные изменения в том же направлении протекают до старости [7].

Относительно гендерной специфики среднего уровня ЧОТ, важно заметить, что на слуховом уровне женский голос по сравнению с мужским воспринимается как более высокий. Теоретически это объясняется тем, что у мужчин обычно голосовые связки длиннее и толще, чем у женщин, в свою очередь у женщин меньше длина голосового тракта. Статистика, основанная на результатах исследования русской речи, показывает, что, как правило, мужчины говорят в пределах большой и малой октав (85–200 Гц), а женщины – в пределах малой и первой октав (160–340 Гц) [5].

Что касается немецкой речи, статистически было установлено, что для мужчин в возрасте от 20 до 80 лет средние значения ЧОТ равны 110–130 Гц, а для женщин в тех же возрастных границах – 200–230 Гц. Итак, одно из отличий мужских и женских голосов в том, что среднее значение ЧОТ у женщин обычно в два раза выше, чем у мужчин [5].

В научной литературе касательно высотно-диапазональных характеристик существует разногласие с общепризнанным мнением о том, что диапазон голоса у женщин шире, чем у мужчин. Большинство авторов убеждено в том, что, в отличие от мужчин, высотный уровень в речи женщин выше, а диапазон уже. Для эмфатического усиления в обеих группах наблюдается повышение высотного уровня и расширение диапазона, однако мужчины больше используют первый способ, а женщины – второй. В итоге, так как тоны в речи женщин, как и весь мелодический контур, реализуются в сравнительно узком диапазоне, женщины проигрывают мужчинам в крутизне тонов. Поэтому мужская речь звучит убедительнее, категоричнее. Это впечатление отчасти достигается за счет темпа и паузации: в мужской речи темп немного медленнее, преимущественно благодаря удлинению пауз и синтагм. Длительность синтагм у женщин более короткая, что влечет за собой увеличение количества синтагм и пауз, при этом общая длительность пауз меньше, чем у мужчин. Вместе с тем, почти не наблюдается отличий между женщинами и мужчинами по средней длительности слога (муж. – 210, жен. – 216), которая служит основным показателем темпа речи [6].

Однако во всех имеющихся на данный момент исследованиях можно найти исключительно малое количество данных о гендерных различиях в интонационном оформлении высказывания. К примеру, в результате одной из экспериментальных работ на материале чтения, в ходе которой была изучена речь 25 человек, было обнаружено существенное увеличение количества нисходящих конструкций в речи некоторых женщин в возрастной группе от 40 до 80 лет, что характерно для мужской группы высокого социального статуса. J. Pellowe и V. Jones пришли к схожим результатам, проанализировав терминальные тоны в речи жителей г. Ньюкасла [13]. В итоге D. Davy пришел к выводу, что с возрастом и мужчины, и женщины намного меньше используют восходящие тоны по сравнению с нисходящими, при этом эта тенденция характерна для женщин в большей степени (уменьшение на 14 % против 8 %) [6].

Важно заметить, что во многом мелодика женской речи отличается от мужской. Например, это касается терминальных тонов: мужчины больше используют простые нисходящие тоны, а женщины – нисходящие тоны с предшествующим или последующим подъемом. Для мужской речи характерны основные, базовые типы шкал (нисходящая, скользящая, восходящая). Однако женской речи присущи вариативность, использование компонентов разных типов шкал (скользящая + ровная, нисходящая с нарушенной постепенностью + скользящая и т. п.), что создает впечатление большего разнообразия из-за неровности мелодического рисунка. Это объясняет одно из общепринятых мнений об эмоциональности женской речи, обнаруживающейся в тонких различиях мелодических реализаций [6]. Вывод о многообразии контрастов и эмоций в женской речи, характерном употреблении большого числа комбинированных тонов помимо разных типов шкал, также подкрепляется результатами современных гендерных исследований, например, выполненных на материале австралийского варианта английского языка [4].

Что касается американских женщин, в плане интонации главное отличие их речи от мужской в том, что они больше прибегают к интонационным образцам, ассоциирующимся с передачей удивления и вежливости [9]. Им также присуще употребление восходящего тона в утвердительных предложениях, что служит демонстрацией их некатегоричности и нерешительности [10]. Существует мнение, что присутствие вокализаций типа «мм», «ээ», которые чаще всего встречаются в женской речи, подразумевает «Я с Вами согласна», хотя в мужской они значат «Я Вас слушаю». Тоже касается невербальных средств коммуникации (мимики и кинесики), выражающих характерную для женщин уступчивость и упрямство, агрессивность для мужчин. По мнению социолингвистов, причиной подобного распределения ролей служит действие основного принципа – власти и влияния в обществе [16]. Согласно наблюдениям ученых, отношения превосходства/ подчиненности являются ключевым видом социальных отноше-

ний, воздействующих на речевое поведение и интонацию говорящих в англоязычном обществе [8]. Таким образом, негласный речевой этикет диктует женщине социальную роль подчиненности, уступчивости, зависимости. Традиции, воспитание, социальный уклад общества поддерживает эту роль, несмотря на возмущение передовой части общественности и на наличие эмансипированных женщин [6].

R. Lakoff, в свою очередь, объясняет использование женщинами незавершенных расчлененных вопросов их неуверенностью [10]. Чаще всего они употребляются либо для запроса или подтверждения информации, либо для смягчения вопроса, либо для высказывания сочувствия собеседнику.

Сегодня активно развивается такое направление в лингвистике как гендерная лингвистика. Учеными был сделан вывод, что гендер – научное понятие, определяющее социально-культурные функции пола. Оно позволяет отличать эти функции от биологических.

Проанализировав ряд научных работ, мы пришли к заключению, что гендер определенным образом влияет на просодические характеристики мужской и женской речи, тем самым различия их. Существующие отличия мужской речи от женской объясняются, главным образом, сложившимся социальным положением мужчин и женщин в обществе, где женщинам приписывается подчинительная роль, обязывающая их действовать в соответствии с ней.

Библиографический список

1. Антология гендерных исследований. Сб. пер. / Сост. и ком. Е.И. Гаповой и А.Р. Усмановой. – Минск: Пропилеи, 2000. – 300 с.

2. Горошко, Е.И. Особенности мужского и женского вербального поведения: дис. … канд. филол. наук / Е.И. Горошко. – М., 1996. – 181 с.

3. Григорян, А.А. Состояние и перспективы гендерной лингвистики на западе в конце XX начале XXI веков: дис. … канд. филол. наук / А.А. Григорян. – Иваново: ИвГУ, 2004. – 292 с.

4. Егорова, О.А. Интонационные особенности женской разговорной речи (на материале австралийского варианта английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук / О.А. Егорова. – Иваново, ИвГУ, 2008. – 22 с.

5. Потапова, Р.К. Язык, речь, личность / Р.К. Потапова, В.В. Потапов. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 496 с.

6. Шевченко, Т.И. Идентификация мужских и женских голосов в процессе коммуникации / Т.И. Шевченко // Просодия устного текста / МГПИИЯ им. М. Тореза. – М., 1987. – № 298. – С. 115–123.

7. Шевченко, Т.И. Социальная дифференциация английского произношения: монография / Т.И. Шевченко. – М.: Высшая школа, 1990. – 142 с.

8. Шевченко, Т.И. Социолингвистическая обусловленность эмоциональной интонации (на материале современной английской драмы) / Т.И. Шевченко // Вопросы фоностилистики / МГПИИЯ им. М. Тореза. – М., 1980. – № 152. – С. 178–187.

9. Brend, R. Male-Female Intonation Patterns in American English // In Thorne, B., Henley, N. (eds.) Language and Sex: Difference and Dominance. – Rowley, Mass: Newberry House Publishers, Inc., 1975. – P. 84–87.

10. Lakoff, R. Language and Woman's Place / R. Lakoff // Language in Society. – No. 2 (1). – Cambridge: Cambridge Journals, 1975. – P. 36, 45–80.

11. Lakoff, R. Language and Women's Place. Text and commentaries. Revised and expanded edition / R. Lakoff. – Oxford: University Press, 2004. – 309 p.

12. Maltz, D.N. A cultural approach to male-female miscommunication. Edited by John J. Gumperz / D.N. Maltz, R.A. Borker. – Cambridge : Cambridge University Press, 1982. – P. 196–216.

13. Pellowe, J. & Jones, V. On Intonational Variability in Tyneside Speech // In Trudgill P. (ed.) Sociolinguistic Patterns in British English. – Cambridge: Cambridge University Press, 1978. – P. 111–113.

14. Thorne, B. Language and Sex: Difference and Dominance / B. Thorne, N. Henley. – Rowley, Mass.: Newbury House, 1975. – 311 p.

15. Trudgill, P. Dialects In Contact / P. Trudgill. – New York: Basil Blackwell, 1986.

16. Wardhaugh, R. An Introduction to Sociolinguistics / R. Wardhaugh. – Oxford: Basil Blackwell, 1986. – 384 p.

К содержанию

УДК 811.131.1'367
ББК Ш147.31-36

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ПОНЯТИЙНОГО ПОЛЯ «ПРИРОДА» (НА МАТЕРИАЛЕ ИТАЛЬЯНСКОГО ГАЗЕТНОГО ТЕКСТА)

Н.В. Шатрович

На материале оригинальной авторской картотеки рассматриваются фразеологические единицы понятийной сферы «природа» в итальянском газетном тексте, приводится их лингвокультурологический анализ и особенности внутренней формы, рассматривается связь фразеологизмов и языковой картины мира с точки зрения взаимосвязи языка и культуры.

Ключевые слова: фразеологизм, языковая картина мира, внутренняя форма фразеологизма, лингвокультурная специфика.

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и концептуализации мира, а понятия, отраженные в нем, складываются в определенную систему взглядов, своего рода философию присущую каж-

дому конкретному этносу. Язык отражает и сохраняет реальный и культурный мир своего речевого коллектива. Язык, являясь частью культуры различных народов, подчеркивает их самобытность и отражает различные стороны жизни и влияет, таким образом, на формирование, специфичной, присущей только данному этносу картины мира.

Картина мира – это целостный глобальный образ мира, который лежит в основе мировосприятия и мировидения человека, отражает основные сущностные характеристики мира в понимании его носителей, является результатом мыслительно-интерпретативной деятельности человека, и отражает особенности восприятия этносом фактов окружающей реальности

Национально-культурная семантика присутствует на всех уровнях языка: и в морфологии, и в синтаксисе, не исключая и фонетики. Однако наиболее ярко она проявляется в так называемых строевых единицах языка, т.е. в тех единицах, которые непосредственно и прямо отражают внеязыковую действительность, называют предметы и явления окружа-ющего нас мира. К числу строевых единиц языка принадлежат слова, фразеологизмы и языковые афоризмы (пословицы, поговорки и крылатые выражения). Строевые единицы языка, являясь результатом длительного развития, фиксируют и передают от одного поколения к другому общественный опыт, поэтому они важны не только как средство коммуникации, но и как источники различных общественно значимых сведений [1]. Можно утверждать, что национально – культурная семантика языка – это продукт истории, включающий в себя также прошлое культуры. И чем богаче история народа, тем ярче и содержательнее строевые единицы языка.

Фразеология – одно из самых ярких и действующих средств языка. Метафоричность, эмоциональность, экспрессивность – все эти свойства фразеологических единиц придают речи образность и выразительность.

Журналисты обращаются к фразеологическим богатствам родного языка как к неисчерпаемому источнику речевой экспрессии. Сама природа фразеологизмов, владеющих явной образностью, стилевой окраской, создает предпосылки для их использования в экспрессивной и до этого всего в художественной и публицистической речи.

Фразеологический корпус языка рассматривается как важный источник информации о культуре этноса. Это обусловлено новым взглядом на фразеологизм как языковой знак, передающий информацию, хранящий и воспроизводящий культурные установки народа [1]. Кроме того, опыт современных исследований в области фразеологии показывает, что невозможно адекватно интерпретировать смысловое содержание фразеологизмов вне культурологического представления языка как духовной реальности [3].

Культурно-национальная специфика языка отражается и через взаимодействие языка, который выступает как транслятор культурной информации, и культуры, которая представляет собой историческую память народа.

В связи с этим в языке появляются единицы, которые приобретают символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты деятельности человеческого сознания – архетипического и прототипического, закрепленные в мифах, легендах, ритуалах и обрядах [2].

Для проведения исследования нами было отобрано 50 фразеологических единиц, вербализующих концепт «природа», которые закрепились в языковой картине мира Италии. Проанализировав данные языковые единицы, мы выделили как понятия, характеризующие природу в целом (вода, воздух, солнце, река, море, дым и т.д.), так и разнообразные зоонимы и орнитонимы, закрепленные в языковой картине мира Италии и вербализующие мировидение итальянского этноса.

Так, понятие **вода (acqua)** входит в состав многих фразеологических единиц: *avere dell'acqua alla gola* (быть в безвыходном положении, а досл.иметь воду в горле), *ogni acqua lo bagna* (на него все беды сыплются, а досл. каждая вода его омывает), *acqua passata* (дела минувшие, а досл. прошедшая вода), *andare in acqua* (поглупеть, а досл. уйти в воду), *essere un'acqua cheta* (быть себе на уме, а досл. быть спокойной водой). С водой связаны скорее отрицательные лингвокультурные коннотации, вероятным объяснением для сего является тот факт, что Италия является полуостровом и омывается водой, а также на природный горный ландшафт страны предполагает таяние снегов на вершинах гор, в связи с чем часты наводнения, приводящие к человеческим жертвам. С другой стороны, исторически Италия зависела от моря и от навигации, которые обеспечивали итальянским морским республикам (Генуе, Венеции, Амальфи) процветание и развитие торговли. Вследствие чего отводы зависела не только финансовая сторона жизни, но и само существование республик. Поэтому вода являлась важнейшим элементом жизни этноса, что нашло свое отражение в итальянской лингвокультуре.

Говоря о зависимости Италии от моря, нельзя не упомянуть помимо воды еще одно понятие, относящееся к природе – **ветер (vento)**. Данная лексема входит в состав таких ФЕ, как *chiamare vento in mare* (вселять тревогу, а досл. звать ветер в море), *sparare a quattro venti* (кричать на всех перекрестках, а досл. стрелять на четырех ветрах), *buttare al vento* (растрачивать впустую, а досл. бросать на ветер), *essere pieno di vento*(быть пустым, тщеславным человеком, а дорсл. быть полным ветра), *farsi vento* (бездельничать, а досл. делать себе ветер), *seminare il vento* (заниматься бесполезной, пустой работой, а досл. сеять ветер) – *Il Governo ha seminato vento e oggi raccoglie tempesta avendo organizzato il referendum …*

Поскольку Италия всегда была страной, тесно связанной с морем географически, культурно, финансово и коммерчески, само понятие **море (mare)** также входит в состав ряда фразеологизмов, подчеркивая значи-

мость данного понятия для лингвокультуры итальянского этноса. Так фразеологические единицы *mettersi in mare senza biscotti* (начинать серьезной дело без подготовки, а досл. отправляться в море без бисквитов), *essere un alto mare* (быть далеко от цели, а досл. быть в открытом море), *buttare a mare* (выбрасывать прочь, а досл. выбрасывать в море), *promettere mari e monti* (давать большие обещания, а досл. обещать моря и горы) – *chi vorrebbe buttare a mare senza sfumature il diritto dell'autore…* В итальянской лингвокультуре море представлялось не только как источник богатства и благополучия, но и как опаснейшая стихия, способная забрать жизни множества людей, если они не знают, как с ней обращаться или относятся к этой стихии без должного почтения.

Говоря о компонентах понятийного поля «природа», нельзя не упомянуть о лексеме **«воздух» – aria**, который входит в состав многих фразеологических единиц, демонстрируя, что воздух является важнейшим элементом для жизни всех живых существ, что и было отражено и закреплено в итальянской языковой картине мира. Такие ФЕ, как *è solo l'aria fritta* (это пустые разговоры, а досл. это только жареный воздух), *darsi aria ai denti* (говорить без толку, а досл. пускать воздух в зубы), *capire l'aria che tira* (чуять, понимать, а досл. понимать воздух, который дует), *saltare in aria* (разозлиться, а досл. прыгнуть в воздух), *buttare all'aria* (устроить беспорядок, а досл. бросить в воздух). Интересно проанализировать ФЕ *capire l'aria che tira*, который дает отсылку на животных, чующих по движению воздуха опасность или приближение врага, что еще раз подтверждает значимость понятийного поля «природа», закрепившегося в языковой картине мира итальянского этноса на многих уровнях.

Проводя культурологический анализ фразеологизмов с целью выявления закодированной в них лингвокультурной информации, мы раскрываем культурную значимость их сущности. Эта информация должная содержать сведения о концептуализированных сущностях, которые принадлежат культуре как таковой, но только в тех ее формах, которые воплощены в «языке» фразеологического знака языка, а одной из наиболее значимых составляющих подобной информации является культурно-родословная история языковых знаков [4].

Помимо таких лексем, как «воздух», «вода», «солнце», «море» и т.д., характеризующих окружающий мир в целом, понятийное поле природы включает в себя наименования птиц – орнитонимы и животных – зоонимы, которые также отражают мировосприятие и мировидение этноса, поскольку связаны с человеком и его непосредственным окружением. Т.к. основным признаком фразеологии является метафоричность, образность, можно отметить, что фразеологизм возникает в языке не для называния предметов, признаков, действий, а для образно-эмоциональной их свойства. Появляется фразеологизм в итоге метафорического переноса, переосмысления значений свободных словосочетаний. Внутреннее содержание фразео-

логизмов отражает разнообразные стороны жизни людей: благоразумное или напротив глупое поведение, успех или неудачу, а также отношения между людьми: их жизненные впечатления и чувства, зачастую во фразеологизмах отражаются черты характера, которые представители этноса приписывают тем или иным животным, перенесенные на характер человека или на ситуацию, в которой они могут проявляться: например, *fare la fine del topo* (плохо кончить, а досл. окончить свою жизнь, как мышь), *pecora nera* (паршивая овца, а досл. черная овца), *cavallo di battaglia* (любимый конёк, а досл. боевой конь), calcio d'asino (предательский удар, а досл. удар осла), *giro di boa* (резкий поворот в действиях, а досл. поворот удава) … *è uno di mquesti argomenti ciclici che poi tentano di scommparire fino al nuovo giro di boa*…

Для многих культур характерно двоякое восприятие птиц – с одной стороны они видятся как предвестницы смерти, несущие в дом несчастье (особенно это касается воронов, грифов и поверья, по которому птица, залетевшая в дом, несет смерть), а с другой стороны, рассматриваются как воплощение свободы и полета души [5]. В итальянской лингвокультуре наименования птиц также входят в состав некоторых употребительных фразеологизмов, которые отражают культуроспецифичность мировоспри-ятия этносом окружающей его действительности: *andare a caccia dei merli* (искать простаков, а досл. идти на охоту за черными дроздами), *corvo del malaugurio* (предвестник несчастья, а досл. ворон дурного знака), *non essere acquil*a (звёзд с неба не хватать, а досл. не быть орлом), *specchietto per le allodole* (слепой пример для подражания, а досл. зеркало для жаворонков), *cacciare i passeri* (гнать грустные мысли, а досл. гнать воробьев) ….*non sono state scelte come specchietto per le allodole ma per la coerenza con cui vivono la quotidianità*... Стоит заметить, что все фразеологические единицы ссылаются на характер той или иной птицы, который был отмечен итальянским этносом и закреплен в языке. Так, например, дрозды отличаются легким, дружелюбным и общительным характером, что позволило провести параллели с простаками, которых легко обмануть, воробьи, будучи городскими птицами, вынужденными проводить зиму в холоде и голоде, вербализуются как печальные и несчастные создания, орел во многих лингвокультурах, в т.ч. итальянской, является символом свободы и независимости.

Таким образом, мы может отметить, что газетный текст Италии обладает в некоторой степени своей образно-художественной стороной, и в нем встречаются фразеологические единицы, отражающие основополагающие культурно-социальные ценности, значимые для данного этноса и языковую картину мира, характерную для итальянского народа. Как один из видов человеческой деятельности, язык оказывается составной частью культуры, определяемой как совокупность результатов человеческой деятельности в разных сферах жизни человека: производственной, общественной, духовной.

Библиографический список

1. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания сознания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1.
2. Лихачев, Д.С. О филологии: сб. / Д.С. Лихачев. – М.: Высшая школа, 1989. – 208 с.
3. Постовалова, В.И. Фразеология в контексте культуры: Сб. ст. / В.И. Постовалова / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания и др.; Отв. ред. В.Н. Телия; Проблем. группа «Общая фразеология». – М.: Языки русской культуры, 1999. – 333 с.
4. Телия, В.Н. Культурно-языковая компетенция / В.И. Телия // Культурно-языковые слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. – М.. Языки славянской культуры, 2004. – 338 с.
5. Черникова, Е.М. Зоонимы и орнитонимы в составе фразеологизмов как способ отражения лингвокультурной информации (на материале французского и итальянского газетного текста) / Е.М. Черникова, Н.В. Шатрович // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2010. – № 21 (197). – С. 46–48.

К содержанию

УДК 316.77 + 378-057.175:811

О МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Е.В. Серебренникова

В статье говорится об актуальности изучения основ межкультурной коммуникации. Также рассматривается понятие «межкультурная компетентность» и ее роль в обучении языку иностранных студентов. Кроме этого описываются основные особенности поликультурной среды.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, межкультурная компетентность, поликультурная среда, иностранные студенты.

На современном этапе развития общества проблема взаимопонимания в процессе межкультурного общения приобретает особую значимость. В последнее время наблюдается расширение общественно-политических, социально-экономических и культурных связей между народами, рост прямых и опосредованных контактов с представителями других этносов в различных сферах жизни, а также увеличивается интенсивность миграционных процессов в мире в целом. Вследствие этих изменений, в образова-

тельной среде возрастает актуальность изучения такой дисциплины как межкультурная коммуникация и важность знания ее основ в преподавании иностранного языка. Безусловно, эти знания помогают успешно организовать межкультурное взаимодействие представителей разных культур в рамках определенной ситуации, в том числе и в учебном процессе.

Важно отметить, что после присоединения России к зоне европейского образования (Болонское соглашение, 2003 г.) студенческая аудитория существенно изменилась. Возможности обучения расширились во многом за счет открытости самого образовательного пространства. Как следствие этого, все больше студентов – иностранцев приезжают учиться в Россию и выбирают английский в качестве второго иностранного языка. В связи с этим особый интерес вызывает методика преподавания иностранного языка в поликультурной среде, когда необходимо учитывать культурные различия обучаемых, их нормы и ценности. В этой ситуации возникает вопрос о межкультурной компетентности преподавателя иностранного языка.

Прежде всего, следует определить такие понятия как «компетенция» и «компетентность». Многие ученые полагают, что эти понятия равнозначны. В нашем понимании, компетенция – это набор знаний, умений и профессиональных навыков, которыми должен обладать педагог. Компетентность, в свою очередь, определяется как способность использовать эти умения и навыки в процессе того или иного вида деятельности [4]. Если говорить о межкультурной компетентности, то мы рассматриваем ее как комплекс знаний особенностей других культур и умение применить эти знания в условиях межкультурного взаимодействия для достижения поставленной цели [3]. Межкультурная компетентность преподавателя иностранных языков это способность организовать успешное обучение зарубежных студентов с учетом их культурных реалий, национально-этнических взглядов и мировоззрений. Целью этого обучения является не только получение знаний, но и построение конструктивного диалога с его участниками. Этот диалог должен быть основан на взаимопонимании и уважении норм и ценностей чужой культуры. Именно от этого зависит эффективность всего учебного процесса.

Поликультурная среда является одним из факторов, который определяет выбор методов преподавания и способов организации работы, а также стратегий поведения самого преподавателя. Межкультурная компетентность формируется в условиях поликультурной среды, поэтому важно рассмотреть ее основные особенности. Мы выделяем следующие особенности: языковые и культурные. Языковые особенности связаны, прежде всего, с языковой подготовкой зарубежных студентов, а именно, с их слабым знанием русского языка. Языковой барьер, который возникает в таких условиях, приводит не только к невозможности достичь понимания, но и ор-

ганизовать сам процесс работы. В таком случае, преподавателю приходится искать наиболее оптимальный способ взаимодействия с группой, исключая опору на родной язык. Эта задача является одной из самых сложных и требует большого опыта и высокого уровня профессиональной компетентности.

Культурные особенности этой среды заключаются в том, что преподавателю приходиться работать с представителями другой культуры и это может привести к определенному ряду трудностей. Например, незнание культурных особенностей и этнических мировоззрений зарубежных студентов может повлечь за собой возникновение межкультурных конфликтов. Мы считаем, чтобы избежать этого при подготовке и проведении занятий в таких группах следует обратить внимание на следующие организационные моменты.

Во-первых, выбор средств невербальной коммуникации. Жесты, мимика, одежда и другие невербальные средства коммуникации различны в разных культурах. Преподавателю нужно внимательно выбирать и правильно использовать эти средства в зависимости от ситуации и условий межкультурного взаимодействия. Например, когда студент из Китая опускает глаза при устном ответе, то это может свидетельствовать о незнании материала или неуверенности студента в своих знаниях. На самом деле, в китайской культуре прямой взгляд на собеседника означает проявление нетактичности, отсутствие уважения и почтения к преподавателю [2].

Во-вторых, выбор формы работы с аудиторией. Преподаватель иностранного языка традиционно работает в небольших группах, где количество студентов составляет 12–15 человек. Таким образом, он чаще использует фронтальный режим работы, а значит, является лидером малой группы. Нужно отметить, что такой выбор должен происходить с учетом социокультурных представлений студентов. Некоторые иностранцы в силу своих культурных норм легко воспринимают авторитарного руководителя, подчиняясь твердым правилам и жесткой структуре. Другие, наоборот, готовы к взаимодействию только с тем преподавателем, который демонстрирует демократический стиль поведения и использует на занятии индивидуальный подход [2].

В-третьих, выбор стратегии поведения в конфликтных ситуациях. Конфликты в условиях межкультурной коммуникации возникают чаще всего по причине неправильного толкования или полного незнания культурных особенностей иностранного собеседника. Также одной из причин конфликтов может быть различие индивидуальных психологических особенностей участников коммуникации. В таких ситуациях преподавателю необходимо правильно оценить ошибки обеих сторон и найти оптимальное решение возникшего конфликта, которое не повлияет на ход образовательного процесса. Для этого ему следует развивать такие качества, как толе-

рантность, доброжелательность, эмпатия, коммуникабельность, умение поставить себя на место другого и другие. Также в решении конфликтных ситуаций поможет знание основных общественных норм поведения и морали в той культуре, к которой относятся студенты.

Рассмотрев вышеперечисленные особенности, можно сделать вывод, что при подготовке к занятиям в поликультурных группах больше внимания следует уделять именно вопросам этнокультурной грамотности, которая состоит в приобретении знаний об основных традициях и обычаях, нормах и ценностях в той стране, из которой приехали студенты.

Следует отметить, что в данных условиях параллельно с обучением идет процесс адаптации студентов к новой среде. В такой ситуации требуется определенная педагогическая помощь, так как очень важно создать основу для сохранения культурной идентификации иностранных студентов и минимизировать отрицательное восприятие новой культуры. Для этого на занятиях преподаватель может использовать следующие приемы:

1) совместная форма работы, поскольку она способна реализовать механизм обратной связи и повысить культурную сензитивность участников межкультурного взаимодействия [1];

2) создание на занятии позитивной эмоциональной среды, которая будет способствовать преодолению стресса и интеграции студентов в другую культуру [1];

3) чтение текстов страноведческого характера, содержащих информацию о культурных реалиях, традициях и обычаях в России. Такой вид работы помогает иностранным студентам лучше понять ментальность русского народа и уклад его жизни.

Задачей преподавателя на этом этапе является не только познакомить студентов с русской культурой, но и оказать им содействие в установлении связей с новым обществом. Правильно организованный учебный процесс помогает студентам избежать автономности и усвоить социокультурные особенности русскоязычной среды [1].

Итак, в нашей статье мы рассмотрели такое понятие как межкультурная компетентность преподавателя и ее составляющие, которые заключаются в знаниях и умениях организовать учебный процесс в поликультурной среде. Поликультурная среда отличается своими особенностями и определяет выбор методов обучения. На наш взгляд, в современных условиях образовательного процесса межкультурная компетентность является важным составляющим компонентом профессиональной компетентности преподавателя иностранного языка. Межкультурная компетентность является основой для организации обучения иностранных студентов, поэтому очень важно ее целенаправленно формировать [3].

Библиографический список

1. Гребенникова, И.А. Педагогические условия сохранения культурной идентификации иностранного студента / И.А. Гребенникова // Высшее образование сегодня. – 2009. – № 7. – С. 32–34.

2. Кичибекова, М.В. Межкультурная компетентность преподавателя в классе EFL: применить нельзя освоить / М.В. Кичибекова // Педагогика: традиции и инновации: материалы VI Международной научной конференции. – Челябинск: Два комсомольца, 2015. – С. 245–247.

3. Корнилова, М.В. Формирование межкультурной компетентности: опыт тренинга / М.В. Корнилова // Высшее образование в России. – 2012. – № 3. – С. 151–154.

4. Равен, Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация / Дж. Равен. – М., 2002. – 350 с.

К содержанию

ИНСТИТУТ СПОРТА, ТУРИЗМА И СЕРВИСА

УДК 338.48-4 + 338.483
ББК У433 + Ч518.14(0)

ПОНЯТИЕ БЕЗОПАСНЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ В РЕГИОНАЛЬНОМ ТУРИЗМЕ

Т.Н. Третьякова

В статье рассматриваются виды рисков, классификация опасных и чрезвычайных ситуаций независимо от вида туризма.

Ключевые слова: опасность и угрозы в туризме, безопасность в туризме, чрезвычайные ситуации в туризме, безопасность путешествий.

Обеспечение безопасности туристов является главным условием организации путешествий.

Существует множество подходов к определению понятия безопасности в различных исследованиях.

Анализ литературы позволил нам выделить наиболее существенные (см. табл.).

Таблица

Контент-анализ понятия безопасности

Автор/Источник	Определение
ФЗ РФ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [1]	Под безопасностью путешествия понимаются личная безопасность туристов, сохранность их имущества и ненанесение ущерба окружающей природной среде при совершении путешествий.
ФЗ РФ «О безопасности» [2]	Безопасность – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.
Э.А. Арустамов [3]	Безопасность – состояние объекта защиты, при котором воздействие на него всех потоков вещества, энергии и информации не превышает максимально допустимых значений.
А.П. Бгатов [4]	Безопасность – это состояние объекта, в котором он либо не подвергается негативному воздействию, либо успешно противостоит такому воздействию, продолжая нормально функционировать.
Е.О. Бондаренко [5]	Безопасность – это такое существование государства, общества и личности, которое позволяет сохранить накопленные ценности.

Окончание табл.

Автор/Источник	Определение
С.Ф. Гребенников [6]	Безопасность – состояние деятельности, при котором с определенной вероятностью исключено проявление опасностей или отсутствие чрезмерной опасности.
В.И. Даль [7]	Безопасность отсутствие опасности; сохранность, надежность.
Т.Ф. Ефремова [8]	Безопасность 1. Не грозящий опасностью. // Не причиняющий вреда; безвредный. 2. Находящийся вне опасности, не подвергающийся ей.
И.В. Зорин, В.А. Квартальнов [9]	Безопасность – один из главных критериев в туристском обслуживании, основной параметр оценки качества категорийных туристских маршрутов.
М.М. Маринин [10]	К вопросам безопасности относятся и другие проблемы – эпидемии, ВИЧ-инфекции, криминогенные ситуации и преступность, распространение наркотиков, проституция, вандализм и иные формы насилия, пиратство, военные осложнения и перевороты, терроризм, а также рассмотрение всех возможных рисков, связанных с туристами, местными жителями, турфирмами и индустрией туризма в целом.
С.И. Ожегов [11]	Безопасность, состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности.
В.И. Якунин [12]	Под безопасностью в ее фундаментальном, наиболее общем смысле следует понимать такие условия существования любого рассматриваемого объекта (включая состояние объекта как его имманентную характеристику), при которых его свойства не подвергаются нежелательным изменениям (т.е. причинению вреда и нанесению ущерба), что точнее, нежелательные изменения минимизируются.
Е.И. Тамм [13]	Обеспечение безопасности предусматривает выполнение обширного комплекса работ и мероприятий в общей системе организации, подготовки и проведения туристских походов, путешествий, соревнований.

В статье 14 Федерального закона от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» раскрывается понятие безопасности туризма, определяются основные меры, направленные на ее обеспечение [1]. Обеспечение безопасности является одним из стратегических направлений государственного регулирования туризма. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением

Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, туризм рассматривается как экономически выгодная и прежде всего экологически безопасная отрасль национальной экономики [14].

Таким образом, главной задачей туризма является всемерное содействие оказанию гражданам качественных и безопасных туристских услуг, обеспечение безопасности личности, общества, государства, а также охрана окружающей среды от угроз безопасности, связанных с негативными сторонами и последствиями развития туризма.

Безопасность представляет собой сохранность, отсутствие опасности, состояние защищенности, надежности и т.п.

Понятие безопасности рассматривается в научной и учебной литературе в разных контекстах: в правовом, социологическом, психологическом и т.д. А.П. Бгатов определяет безопасность как, «состояние объекта, в котором он либо не подвергается негативному воздействию, либо успешно противостоит такому воздействию, продолжая нормально функционировать» [4, с. 6.]. Н. Ахтырская определяет безопасность, «как неотъемлемое свойство (атрибут) социальной системы, состоящее в способности к обеспечению на основе осознанной, целенаправленной деятельности такого порядка взаимосвязей, при котором дезорганизующее воздействие внешней среды и внутренних противоречий на ее жизненно важные интересы ограничивается пределами, отвечающими потребностям данной системы и ее элементов в устойчивом развитии» [15].

Е.Л. Писаревский подчеркивает, что «создание универсального определения понятия «безопасность» представляет сложную задачу» [16, с. 34].

В контексте ФЗ «О безопасности» безопасность туризма является одним из видов безопасности, предусмотренных российским законодательством [2, ст. 1].

Обеспечение безопасности туризма предполагает создание и поддержания необходимого уровня защищенности соответствующих объектов безопасности: туристы (экскурсанты); имущество туристов (экскурсантов); окружающая среда; общество (материальные и духовные ценности); государство.

В 2009 году был утвержден ГОСТ Р 50644–2009, в котором безопасность туристов (экскурсантов) распространялась на жизнь, здоровье, личную неприкосновенность туриста (экскурсанта), включая физическое (телесное) и психическое (моральное) состояние, а также частную жизнь (п. 4.2).

Однако в настоящее время этот ГОСТ отменен и взамен него введены другие ГОСТы, распространяющиеся только на сферу активного туризма [17] и транспортную безопасность [18]. Имущество туристов, как предмет безопасности, предполагает обеспечение сохранности отдельных вещей или их совокупности, в том числе предметов туристского снаряжения и

инвентаря, багажа, предметов личного обихода и других предметов, которые используются и (или) приобретены туристом (экскурсантом) во время путешествия.

Рассматривая окружающую среду, как предмет безопасности туризма, соотнесем наши интересы с законодательством в отношении окружающей среды. В соответствии с ФЗ «Об охране окружающей среды» окружающая среда представляет собой совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов [19, ст. 1].

В данном законе определены основные элементы окружающей среды:

– природная среда – совокупность компонентов природной среды (земля, недра, почвы, поверхностные и подземные воды, атмосферный воздух, растительный, животный мир и иные организмы, а также озоновый слой атмосферы и околоземное космическое пространство, обеспечивающие в совокупности благоприятные условия для существования жизни на Земле), природных и природно-антропогенных объектов. Под природными объектами, в свою очередь, понимаются естественная экологическая система, природный ландшафт и составляющие их элементы, сохранившие свои природные свойства;

– природно-антропогенный объект – природный объект, измененный в результате хозяйственной и иной деятельности, и (или) объект, созданный человеком, обладающий свойствами природного объекта и имеющий рекреационное и защитное значение;

– антропогенный объект – объект, созданный человеком для обеспечения его социальных потребностей и не обладающий свойствами природных объектов.

Основной задачей обеспечения безопасности окружающей среды является ненанесение ей ущерба при совершении путешествий.

Определяя государство и общество, как объект безопасности туризма, законодательство выделяет безопасность материальных и духовных ценностей.

Материальные ценности общества – это совокупность объектов антропогенного и (или) природно-антропогенного происхождения, созданных и (или) преобразованных человеком; финансовые, производственные и иные ресурсы, иное имущество, находящееся в государственной, муниципальной или частной собственности, а также нераспределенное имущество. К материальным ценностям общества относят различные архитектурные и культурно-исторические памятники.

Духовные ценности общества являются результатом отношений между людьми, их объединений по поводу культурных благ и представляют собой нравственные и эстетические императивы (требования), выработанные человеческой культурой. К духовным ценностям относятся

самобытность, национальные традиции и обычаи, произведения культуры и искусства и т.д.

Объектами безопасности государства выступают его основные компоненты: конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность. Безопасность государства в рамках национальной безопасности подразумевает обеспечение конституционных прав, свобод, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, оборону, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации.

Таким образом, меры безопасности туризма, по смыслу комментируемой статьи, можно сгруппировать на основе выделения отдельных объектов безопасности в сфере туризма (их интересов):

– меры охраны жизни, здоровья и имущества туристов (меры личной безопасности туристов);

– меры охраны материальных и духовных ценностей общества, окружающей среды (безопасность общества);

– меры обеспечения государственной безопасности (безопасность государства) [20, с. 140].

Обобщив вышеизложенное, можно сделать вывод, что под безопасностью путешествия понимается личная безопасность туристов, сохранность их имущества и ненанесение ущерба окружающей среде при совершении путешествий. Безопасность напрямую зависит от политики государства, от мер, принимаемых фирмами – турагентами, туроператорами, а также от действий самого туриста.

Библиографический список

1. Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 г. № 132-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/.

2. Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546.

3. Арустамов, Э.А. Безопасность жизнедеятельности / Э.А. Арустамов. – М.: Маркетинг, 1998. – 243 с.

4. Бгатов, А.П. Безопасность в туризме / А.П. Бгатов. – М.: Форум, 2007. – 176 с.

5. Бондаренко, Е.О. О соотношении национальной и международной безопасности / Е.О. Бондаренко // Ломоносовские чтения. – М., 2003. – Т. 2. – С. 15–17.

6. Гребенников, С.Ф. Безопасность жизнедеятельности: учебное пособие / С.Ф. Гребенников. – СПб.: Лань, 2001. – 302 с.

7. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка (современное написание слов) / В.И. Даль. – М.: Цитадель, 1998. – 769 с.

8. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – 699 с.

9. Зорин, И.В. Энциклопедия туризма: Справочник / И.В. Зорин, В.А. Квартальнов. – М.: Финансы и статистика, 2000. – 360 с.

10. Маринин, М.М. Туристские формальности и безопасность в туризме / М.М. Маринин. – М.: Финансы и статистика, 2003. – 144 с.

11. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; РАН. – М.: Азбуковник, 1999. – 939 с.

12. Проблемы формирования государственной политики транспортной безопасности / В.И. Якунин, С.С. Сулакшин, А.В. Головистикова и др. – М.: Наука, 2006. – 432 с.

13. Энциклопедия туриста / Редкол.: Е.И. Тамм (гл. ред.), А.Х. Абуков, Ю.Н. Александров и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. – 607 с.

14. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 10.02.2017) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/.

15. Ахтырская, Н. Безопасность как объект социального моделирования [Электронный ресурс] / Н. Ахтырская. – URL: http://www.crime-research.ru/articles/Akhtirsk0603/.

16. Писаревский, Е.Л. Безопасность туризма. Правовое обеспечение: учеб.-метод. пособие. В 3 кн. / Е.Л. Писаревская. – М., 2007. – Кн. I. Основы безопасности туризма.

17. ГОСТ Р 54601-2011. Национальный стандарт Российской Федерации. Туристские услуги. Безопасность активных видов туризма. Общие положения (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 08.12.2011 г. № 735-ст) [Электронный ресурс]. – URL: http://files.stroyinf.ru/Data2/1/4293791/4293791049.htm/.

18. ГОСТ Р 51709-2001. Государственный стандарт Российской Федерации. Автотранспортные средства. Требования безопасности к техническому состоянию и методы проверки (утв. Постановлением Госстандарта России от 01.02.2001 г. №47-ст) (ред. от 28.03.2006) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135713/.

19. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 г. №7-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/.

20. Писаревский, Е.Л. Туризм и обеспечение его безопасности: административно-правовой аспект: монография / Е.Л. Писаревский. – М.: Юрист, 2011. – 495 с.

К содержанию

УДК 338.483(470.55)
ББК У433(2Р-4Че)

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТУРИСТСКОГО КЛАСТЕРА «СИНЕГОРЬЕ»

Т.В. Бай, О.В. Котлярова

В статье раскрывается проблематика развития приоритетных направлений туристского кластера «Синегорье», который создается на территории Челябинской области в рамках Федеральной целевой программы «Развитие въездного и внутреннего туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)». Целью статьи является определение структуры туристского кластера, и изучение условий, тенденций и динамики развития его на территории Челябинской области. С учетом региональных условий авторы предлагают основные приоритетные направления развития туристского кластера на территории административных районов Челябинской области, и входящих в его на основе формирования инфраструктуры и системы продвижения туристских продуктов.

Ключевые слова: туристский кластер, развитие туристских регионов, классификация кластеров, ФЦП, туристская инфраструктура.

В России принята и результативно реализуется Федеральная целевая программа (ФЦП) «Развитие въездного и внутреннего туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)». Главная цель которой – повышение конкурентоспособности туристского рынка [1].

По состоянию на февраль 2016 года в данной программе участвуют 95 объектов кластерного типа, расположенных на территории 51 субъекта Российской Федерации, в том числе и Челябинская область.

Развитие туристской сферы в Челябинской области на сегодняшний день является одним из приоритетных направлений. Об объемах и динамике внутреннего туристского потока можно судить по количеству граждан, принятых в коллективных средствах размещения Челябинской области. Услугами КСР Челябинской области в 2015 году воспользовались более 850 тысяч человек. Регион посетили более 320 000 экскурсантов. По экспертной оценке, доля туризма в ВРП региона уже составляет 3 % [2].

Министерством культуры региона подготовлен проект по развитию внутреннего туризма под единым названием туристский кластер «Синегорье», который успешно прошел защиту в федеральном агентстве по туризму, получив 88 баллов из 100 возможных. По результатам оценки интегрального показателя кластер «Синегорье» характеризуется как кластер со средним организационным потенциалом, имеющий в своей основе отдель-

ные элементы финансовой устойчивости для потенциальных потребителей. При этом стоит отметить, что кластер – это не статичная и крайне подвижная форма развития туристской отрасли и включение нового объекта в проект кластера представляется возможным практически на любом этапе реализации [3].

Основным условием включения в туристический кластер было намерение инвестора вкладывать средства в строительство объектов туриндустрии.

В список вошли объекты туристической отрасли на территории 12 муниципальных образований, среди которых города Чебаркуль, Миасс, Златоуст, Сатка, Кыштым и другие. Привлекательность данных муниципальных образований для туристов определяется наличием туристских ресурсов и имеющихся объектов туристской инфраструктуры. Проекты, включенные в перечень, предполагают как развитие широко известных туристических достопримечательностей Южного Урала, так и строительство новых.

Для исследования объектов туристской инфраструктуры, определяющей формирование и использование развития туристского кластера «Синегорье» на территории Челябинской области нами обобщены статистические данные по административным районам. На данной территории в последние годы происходят следующие процессы. Во-первых, увеличиваются объемы реализации туристских услуг за счет активного развития туризма в Златоустовском, Миасском и Саткинском городских округах. Во-вторых, происходит рост числа туристских субъектов горнозаводской зоны, что характеризует высокую конкурентную среду. Вместе с тем, большинство туристских фирм в своей деятельности выполняют посреднические функции по реализации услуг выездного туризма. В-третьих, рынок средств размещения развивается нестабильно, что подтверждается анализом рынка средств размещения.

Рынок услуг общественного питания горнозаводского кластера представлен сетью предприятий и характеризуется слабой динамикой. Дополнительно для исследования предприятий питания, как субъектов туристского рынка необходимо проанализировать показатели производства продукции сельского хозяйства. Полученные данные позволят оценить, насколько предлагаемый туристский кластер сможет обеспечить себя местной качественной продукцией с минимальными транспортными затратами в цене продовольствия.

Давая общую оценку состояния транспортной инфраструктуры, можно сделать вывод, что этот элемент характеризуется низким качеством подвижного состава и подъездных путей. В региональном туристском кластере большую роль играет Златоустовский городской округ, выполняющий роль транспортного узла, обеспечивающего его конкурентные преимуще-

ства в реализации функций концентрации и распределения туристов по всей территории туристского кластера «Синегорье».

К сожалению, основная часть туристской инфраструктуры Челябинской области не полностью соответствует современным требованиям и нуждается в модернизации. Этот вывод подтверждается анализом объектов туристического кластера. В регионе расположено более 400 коллективных средств размещения, в том числе 140 специализированных средств размещения, различной ценовой категории, вместимости и с различным уровнем сервиса [2]. При этом наблюдается устойчивая тенденция роста числа коллективных средств размещения.

К основным проблемам туристской инфраструктуры относятся:

– несоответствие уровня сервиса общепринятым стандартам и ожиданиям туристов, преимущественно из-за недостаточного объема инвестиций в официально зарегистрированные объекты размещения;

– существование большого рынка сдачи индивидуального жилья в аренду для отдыхающих;

– низкое качество размещения в большинстве объектов.

Учитывая имеющийся на сегодняшний день туристский поток и стремление к его увеличению, можно сказать о недостаточном количестве коллективных средств размещения высокого и среднего уровня. В связи с чем, одной из целей создания туристического кластера является увеличение количества КСР, что будет выполнено в ходе реализации большинства инвестиционных проектов, вошедших в кластер.

Одной из задач реализации проекта туристического кластера на территории Челябинской области является развитие обеспечивающей инфраструктуры. В целом качество автомобильных дорог в Челябинской области можно оценить, как удовлетворительное, что, тем не менее, не исключает наличие проблем. К наиболее слабо развитым объектам обеспечивающей туристкой инфраструктуры Челябинской области относятся объекты придорожного сервиса, а также неудовлетворительное состояние подъездных путей для туристских автобусов. Можно сказать, что в настоящее время наблюдается недостаточное количество предприятий общественного питания вдоль автомобильных дорог, низкий уровень сервиса и качества предоставляемых услуг, недостаточное количество санитарных сооружений и стоянок для рейсовых и туристических автобусов.

Поэтому наличие комфортных объектов придорожного сервиса является очень важным фактором, сдерживающим развитие туристского потока.

В целях улучшения качества транспортных коммуникаций на строительство, реконструкцию и ремонт автомобильных дорог ежегодно выделяется финансирование из средств областного бюджета.

Кроме того, разработка проекта кластера позволит провести сети инженерной инфраструктуры (газопровод, водопровод, водоотведение, ЛЭП, автодороги) к отдельным объектам туристской инфраструктуры.

Также проект туристического кластера «Синегорье» позволяет решить одну из актуальнейших задач, связанную с продвижением и популяризацией туристских ресурсов Челябинской области на российском рынке туристских услуг.

Ежегодно региональные делегации принимают участие в конгрессно-выставочных мероприятиях в сфере туризма. Только в 2016 году специалисты регионального министерства культуры, центров развития туризма, представители бизнес-сообщества приняли участие в 18 мероприятиях различного уровня, среди которых есть такие известные международные выставки как Интурмаркет (г. Москва) и Expo-travel (г. Екатеринбург).

Для информационного сопровождения туристской деятельности в 2015 году был разработан единый информационный туристический портал Челябинской области, который содержит уникальную информацию о ресурсном многообразии региона, программы туристских и экскурсионных маршрутов по региону, базы данных объектов туристкой инфраструктуры, в том числе коллективных средств размещения, предприятий питания, объектов туристского показа.

Портал является не только Интернет-площадкой, направленной на формирование туристского бренда Челябинской области и продвижения региональных туристских ресурсов на внутреннем и международном рынках, но и площадкой для взаимодействия представителей туристского бизнес сообщества.

Таким образом, прогноз развития туристской отрасли Челябинской области с учетом вклада инвестиционного проекта включает развитие базовых приоритетных направлений туризма.

Культурно-познавательный туризм в рамках кластера представлен проектами Историко-этнографического комплекса «Крепость при озере Чебаркуль» и реконструкцией объекта культурного наследия («Арсенал») в городе Златоуст. Принят проект строительства промышленно-туристического комплекс «ОружейникЪ ПАРК».

Рекреационный туризм планируется к развитию в ходе реализации проектов развития национального парка спорта и туризма «Тургояк» и создания рекреационной зоны на берегу озера Куяш.

Спортивный туризм в области представлен в основном действующими горнолыжными центрами. На сегодняшний день на территории области функционируют 16 горнолыжных центров, которые отвечают высоким европейским стандартам и пользуются большой популярностью, как среди российских, так и среди иностранных туристов. Проекты горнолыжных центров «Солнечная долина» (г. Миасс) и «Евразия» (г. Куса), а также СТК «Провинция» в г. Кыштым являются ярким примером применения механизмов государственно-частного партнерства, где владельцами создаваемых туристических объектов выступают непосредственные инициаторы

проектов, организующие строительство и реконструкцию, а региональные власти собственником только обеспечивающей инфраструктуры.

Также, особое внимание в рамках года Экологии уделяется развитию экологического туризма. Тематика Года экологии была определена президентом РФ как «Год особо охраняемых природных территорий (ООПТ)», а таковых на территории области 223, из них 3 федерального значения. В проект туристического кластера входят особо охраняемые территории с учетом экономического и социального развития такие как Парк птиц «Таганай» и Национальный парк «Таганай», Национальный парк «Зюраткуль», Серпиевский заказник и другие.

Помимо вышеперечисленных перспективных направлений туризма в регионе можно отметить развитие деловоготуризма. Уже в настоящее время в Челябинской области ежегодно проводится более 90 мероприятий делового характера международного, регионального и местного уровня.

Кроме того, анализ сопутствующих туристскому кластеру отраслей и внешних условий выявил, что на территории региона функционируют организации и предприятия, способные поддержать ее развитие туристской сферы: торговые центры, медицинские учреждения, финансовые институты, предприятия связи и бытового обслуживания, производители сувениров и снаряжения.

Разнообразие проектов, входящих в туристический кластер «Синегорье» позволяет создать ряд экскурсионных программ на его территории. Для жителей Челябинской области и гостей региона сформирован образ отдыха: разработаны программы зимних и летних туров, дополняющиеся в летний сезон сплавами и туристскими маршрутами в долинах рек Ай и Юрюзань; зимний период особенно связан с активизацией деятельности городских горнолыжных центров.

Все экскурсионные программы по туристскому кластеру «Синегорье» войдут в общий каталог экскурсионных программ по туристическому кластеру «Синегорье», а также будут размещены на портале www.visitural.info.

В заключение хотелось бы отметить, что у региональной туристической отрасли есть огромный нереализованный потенциал и при условии комплексного подхода к развитию туризма с участием администрации региона, руководства муниципальных образований и, конечно, туристического бизнеса, туризм в Челябинской области сможет дать весьма ощутимый социально-экономический эффект уже в ближайшие годы.

Библиографический список

1. Постановление Правительства Российской Федерации № 644 от 02.08.2011 г. «О федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» // СПП «Гарант».

2. Челябинская область. 2015: статистический справочник / Челябинскстат. – Челябинск, 2016. – 58 с.

3. Афанасьев, О.Е. Типология туристских кластеров, включенных в ФЦП «Развитие въездного и внутреннего туризма в Российской Федерации» / О.В. Афанасьев // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2016. – Т. 10. – № 1. – С. 37–46.

К содержанию

УДК 338.48-53:379.822
ББК Ч518.1(2Р-4Че)

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Н.П. Тарханова

В статье рассмотрено понятие этнографического туризма, виды объектов этнографического туризма, объекты в Челябинской области, которые можно использовать для целей этнографического туризма, проблемы развития этнографического туризма

Ключевые слова: этнографический туризм, этнографические объекты, народные промыслы, музеи, тур.

Разрабатывая программы развития, очень многие территории стали обращать внимание на такую сферу деятельности как туризм. В 2013 году Министерством культуры Российской Федерации был разработан проект «Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года». В частности, было указано, что традиционные ремесла и народные промыслы, могут быть использованы в познавательном туризме. Данное положение важно не только с экономических позиций, но и для целей патриотического воспитания, в том числе и для укрепления единства нации.

Туризм позволяет привлечь посетителей за счет разнообразных объектов и видов деятельности, которые удовлетворяют духовные потребности разных народов. Современный турист искушен с точки зрения туров, и проблема состоит в том, чтобы предложить нечто способное заинтересовать. В век когда, мир становится одинаковым, национальный колорит – это то, что может сделать территорию привлекательной для туризма. Однако нужно найти точку притяжения туриста.

Что может быть привлекательно? В этнографии объектов много – это могут быть разнообразные культовые сооружения, поселения, музеи быта,

фольклор, народные промыслы, этнографические музеи с разнообразными бытовыми объектами, все то, что содержит информацию о национальной идентификации в самых разнообразных сферах.

В настоящее время отсутствуют сколько-нибудь четкие дефиниции понятия этнографический туризм. Например, М.Б. Биржаков отмечает, что это часть культурного туризма, который направлен на знакомство с отдельными народами и их изучение с целью культурного или языкового обмена[1].

Малова применяет термин этнический туризм и отмечает, что это посещение исторической родины или мест рождения родственников [3]. В.И. Бутузов использует термин этнокультурный туризм и включает в него этнографический, антропологический, этнический, ностальгический туризм [2]. Безусловно, что, как и в других видах туризма, существуют его разновидности, связанные с разнообразием объектов, используемых данным видом туризма и занятиями туристов в том или ином туре.

В Челябинской области одним из интересных в этнографическом плане является Нагайбакский район, где проживают крещеные татары – нагайбаки. Именно они, возвращаясь после войны 1812 года, в честь славных побед основали на юге территории Челябинской области ряд населенных пунктов, дав им звучные названия Париж, Фершампенуаз, Варна.

Современная территория Нагайбакского района издавна привлекала разные народы. Например, Уба Тау – крупнейший курган сарматской культуры. Всего на территории района достоверно описано 186 археологических и 10 этнографических объектов, относящихся к гунно-сарматской культуре. В районе имеются такие музеи как Нагайбакский районный историко-краеведческий в с. Фершампенуаз, музей истории с. Париж, Кассельский музей национальных культур. Эти музеи знакомят с самобытной культурой нагайбаков, с историей казачества. Также с нагайбакской культурой можно ознакомиться в с. Попово, что расположено в Чебаркульском районе [4].

По другим районам области также хотелось бы обратить внимание на многочисленные музеи, которые, к большому сожалению, пока не нашли широкого применения в этнографическом и других видах туризма.

Единственный в области музей казачьего быта располагается в с. Травники в Чебаркульском районе не случайно. Это старинное казачье село ведет свою историю с 1768 года. В музее представлены разнообразные предметы быта (утюги, кухонная утварь, традиционная одежда, полотенца, ткацкий станок и многое другое). Кроме того, в центре можно ознакомиться и с традиционными русскими ремеслами: резьбой по дереву, ткачеству.

Варненский краеведческий музей им. В.И. Савина знакомит с крестьянским бытом и историей местных казаков.

В Верхнеуральском краеведческом музее также можно ознакомиться с историей казачества. Кроме того город интересен сохранившейся типично купеческой застройкой.

Еще один объект – «ГАРДАРИКА древнерусский музей», представляет собой реконструкцию поселения восточных славян IX–XII веков. Периодически организуются исторические реконструкции, привлекающие любителей анимации.

Музей художественного литья в городе Касли знакомит с историей этого ремесла. Здесь же можно ознакомиться с историей старообрядчества.

Кизильский историко-краеведческий музей также имеет экспозицию, посвященную быту казаков Оренбургского войска. Представлены воссозданные объекты типичного казачьего быта.

Народные промыслы Челябинской области привлекают внимание искушенных туристов в силу необычности изделий, например, валенки, по-старинному пимы. Мастер классы пимокатов можно посетить в ряде небольших сел, а также берестяные мастер классы, мастер классы по изготовлению горшечных изделий и пр. Кузнечных дел мастера также активно проводят мастер классы. Фабрика «Оружейник», расположенная в городе Златоусте, знакомит с производством холодного оружия и одновременно организует мастер классы.

Безусловно, перечень можно было бы продолжить, так как объектов, способных привлечь туристов множество. Мы не ставили задачей показать все достопримечательности, имеющиеся на территории области. Однако хотелось бы обратить внимание на одну общую особенность. Объекты этнографического наследия использовать сложно в силу их точечного распространения, подчас удаленности от основной массы потребителей турпродукта, сложности в организации показа и учета мотивированности туристов. Выход из создавшейся ситуации видится в проведении мастер классов, разнообразных анимационных программ, что позволило бы наполнить программы новым содержанием и расширить линейку туров. Кроме того, необходима четкая сегментация потенциальных потребителей для формирования туров, способных удовлетворить нужды клиентов разных или сходных сегментов.

Библиографический список

1. Биржаков, М.Б. Введение в туризм: учеб. пособие / М.Б. Биржаков. – СПб: Издательский дом «Герда», 2007. – 576 с.

2. Бутузов, А.Г. Состояние и перспективы развития этнокультурного туризма в Российской Федерации / А.Г. Бутузов // Сервис в России и за рубежом. – 2009. – № 4. – С. 78–80.

3. Малова, Н.А. Этнический туризм: проблемы, тенденции, перспективы / Н.А. Малова // Туризм и культурное наследие: Межвузовский сборник науч-

ных трудов. Вып. 1 [Электронный ресурс]. – URL: http://tourlib.net/statti_tourism/malova.htm.

4. Музеи Челябинской области // Ураловед [Электронный ресурс]. – URL: https://uraloved.ru/muzei-urala/muzei-chelyabinskoj-oblasti/.

К содержанию

УДК 338.48-52 + 378.016:338.48
ББК Ч518.113 + Ч448.02

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ ИНСТРУКТОРА ПО ТУРИЗМУ: НОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ

И.А. Фрейнкина

В статье раскрываются требования законодательства для подготовки инструкторов детского и юношеского туризма и способы их реализации во время профессиональной подготовки в высшей школе.

Ключевые слова: инструктор по туризму, спортивный туризм, рекреация и спортивно-оздоровительный туризм, профессиональная подготовка.

В соответствии с Положением о системе подготовки кадров по спортивному туризму в Российской Федерации [1], подготовка кадров для спортивного туризма ведется в четырех направлениях:

− направление А дисциплина маршрут (организаторы спортивного туризма (СТ); участники и руководители спортивных походов I–VI категории сложности, а также степенных и некатегорийных походов (далее н/к); инструктора детско-юношеского туризма (ДЮТ); инструктора СТ-тренеры СТ 2 категории; старшие инструктора СТ-тренеры СТ 1 категории; инструктора международного класса СТ-тренеры СТ высшей категории по виду туризма);

− направление Б инструктора-проводники спортивного туризма (младшие туристы-проводники; инструкторы-проводники СТ без категории (И-П б/к); инструкторы-проводники СТ 1 категории (И-П 1 к.); инструкторы-проводники СТ 2 категории (И-П 2 к.); инструкторы-проводники СТ 3 категории (И-П 3к.); инструкторы-проводники СТ 4 категории (И-П 4 кат.); инструкторы-проводники СТ 5 категории (И-П 5 кат.); инструкторы-проводники СТ международного класса (И-П 6 кат.);

− направление В судьи дисциплины «маршрут» (юные спортивные судьи; судьи 3 категории; судьи 2 категории; судьи 1 категории; судьи Всероссийской категории);

− направление Г руководители и организаторы молодежного туризма (организаторы молодёжного туризма; старшие организаторы молодёжного туризма; ведущие организаторы молодёжного туризма).

Подготовка кадров спортивного туризма по направлению «А» базируется на 4 основных принципах.

Во-первых, по видам подготовки – это шестиуровневая система (начальный, базовый, специализированный, высший, повышения квалификации и высшая категория) блочного обучения (участники и руководители СП – инструкторы (тренеры) СТ – инструкторы-проводники СТ) с учетом опыта и желания слушателей, а также квалификации инструкторско-преподавательского состава. Программа обучения в школе подготовки туристских кадров специализированного (СУ) и высшего(ВУ) уровней включает отдельные блоки инструкторской (тренерской) подготовки.

Подготовка кадров на каждом уровне, включает обучение и контроль полученных знаний (в форме зачетов и экзаменов).

На пятом уровне – «Переподготовка» (повышение квалификации), обучение проводится в виде сокращённого семинара с учебно-тренировочным походом. Его цель – повышение спортивного мастерства и поддержание спортивного уровня участников и руководителей походов, ранее окончивших школы СУ (или ВУ) с учебно-тренировочным походом минимальной категории сложности для данного уровня подготовки или же если они более трёх лет не участвовали в спортивных походах, сложность которых соответствует ранее имевшемуся у них опыту. Например, слушатель закончил школу СУ и ходил участником (руководителем) в походы не выше 3 категории сложности (к.с.) или пропустил 2–3 сезона или больше. В этом случае ему рекомендуется пройти обучение на таком семинаре, и он может при этом участвовать в учебно-тренировочном походе 4 к.с.

Переподготовка кадров спортивного туризма может проводиться и в виде раздельных семинаров по «блокам»с набором общего объема за 3 года (с участием за это время минимум в двух спортивных походах или учебно-тренировочных походах соответствующей категории сложности) и сдачей экзаменов за весь курс переподготовки;

Шестой уровень – «Высшая категория» даёт возможность старшим инструкторам спортивного туризма и инструкторам-проводникам 5 категории самостоятельно повышать свой уровень путём неоднократной организации и руководства как учебных мероприятий, так и туров высшей категории сложности для выполнения нормативов инструктора спортивного туризма международного класса(тренера спортивного туризма высшей ка-

тегории) или инструктора-проводника спортивного туризма международного класса. Эти звания присваиваются ЦКПК ФСТР по совокупности.

Каждый слушатель, заканчивающий 3–4 уровни обучения, имеет возможность (в зависимости от желания, способностей и опыта) аттестоваться на инструктора (тренера) спортивного туризма или инструктора-проводника соответствующей категории. Перед аттестацией необходимо повысить свою спортивную подготовку до нормативного уровня и пройти стажировку.

Во-вторых, по содержанию учебных программ – это единый, дифференцированный по виду туризма и уровню обучения объем знаний, навыков и умений, необходимый для качественной подготовки кадров спортивного туризма и дальнейшей работы, включая профессиональную;

В-третьих, по механизму выпуска слушателей всех уровней обучения – это дифференцированный принцип аттестации кадров, в основе которого заложен учет их способностей, спортивного опыта и уровня усвоенных знаний;

В-четвертых, по непрерывности обучения – обеспечение совместимости программ различных уровней и возможности продолжения обучения по программам более высокого уровня.

Проанализировав другие нормативные документы [1, 2, 3] по подготовке кадров для спортивного туризма, мы пришли к выводу, что для работы в сфере спортивного туризма существует отдельное образовательное пространство, регулируемое Федерацией спортивного туризма России.

Учебные планы и программы по подготовке кадров для спортивного туризма разрабатываются туристско-спортивными объединениями (ТСО), турклубами, центрами детско-юношеского туризма и т.д. Положения об этих школах, их учебные программы и планы утверждаются Центральной комиссией по подготовке кадров Федерации спортивного туризма России. Нормативные требования и программы по подготовке и переподготовке кадров детско-юношеского туризма (ДЮТ) и школьного туризма, разрабатываются и утверждаются в соответствующих официальных системах и не должны противоречить системе подготовки кадров в спортивном туризме.

По согласованию с полномочной ТСО, подготовка кадров спортивного туризма может производиться в государственных (например, образовательных учреждениях высшего, среднего профессионального и дополнительного образования), общественных и частных организациях, развивающих спортивный туризм и являющихся в обязательном порядке коллективными членами ТСО. Взаимоотношения между такими организациями и ТСО строится на договорной основе, с обязательным соблюдением требований настоящего документа. При организации школ по подготовке кадров спортивного туризма вне структур спортивного туризма, государственные, общественные и иные организации должны согласовать утвержде-

ние такой школы с полномочным региональным объединением Федерации спортивного туризма России.

При подготовке кадров спортивного туризма в государственных учебных заведениях блок «Специальная подготовка», должен быть согласован с Федерацией спортивного туризма России до утверждения данной программы в Министерстве образования РФ.

Подготовка в объеме начального, базового и специализированного уровней, при выполнении соответствующих требований, может производиться в центрах детско-юношеского туризма, спортивных школах, «лицейских классах» или при других формах туристской подготовки учащихся имеющих соответствующие полномочия. В этом случае программы курса этих уровней могут входить составными частями в программы обучения наряду с другими дисциплинами, при этом минимальный объем тем начального или базового уровней должен соответствовать примерным учебным планам и программам курса «Спортивный туризм».

На основании вышеизложенного возникает вопрос – на каких должностях может работать бакалавр туризма, закончивший обучение по направлениям «Туризм», «Рекреация и спортивно-оздоровительный туризм»? Если мы будет говорить именно о спортивном туризме, то для работы в сфере спортивного туризма на должностях: руководитель похода выходного дня; организатор спортивного туризма; инструктор-проводник спортивного туризма без категории; организатор молодежного туризма и др., выпускнику придется окончить школу подготовки туристских кадров начального уровня и сходить учебно-тренировочный поход. Данная норма будет действовать для тех выпускников, которые ранее не занимались спортивным туризмом и не имеют документов об окончании школы подготовки спортивных кадров начального, базового или высшего уровня.

Таким образом, перед высшими учебными заведениями, реализующими направления «Туризм», «Рекреация и спортивно-оздоровительный туризм», возникает потребность в сотрудничестве с Федерацией спортивного туризма России и организациями, занимающимися подготовкой кадров для спортивного туризма.

В связи с этим для повышения конкурентоспособности выпускника необходимо включить в учебный план в виде факультатива дисциплину «Организатор спортивного туризма» или «Инструктор детско-юношеского туризма», который будет проводиться совместно с Федерацией спортивного туризма России на условиях договора о сотрудничестве (минимальное количество – 72 часа).

Таким образом, к особенностям подготовки инструктора по туризму относятся: необходимость занятий в школе подготовки туристских кадров (через Федерацию спортивного туризма России); необходимость участия в учебно-тренировочном походе; необходимость повышения квалификации

для работающих инструкторов по туризму; необходимость включения в учебный план высших учебных заведений, реализующих направления «Туризм», «Рекреация и спортивно-оздоровительный туризм» факультатива «Организатор спортивного туризма».

Библиографический список

1. Положение о системе подготовки кадров по спортивному туризму в Российской Федерации по группе дисциплин «маршрут» [Электронный ресурс]. – URL: http://sporttur74.ru/normative_document/index.php.

2. Приказ Министерства общего и профессионального образования РФ № 69 от 23 марта 1998 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://sporttur74.ru/normative_document/index.php/.

3. Методические рекомендации по повышению квалификации специалистов в области детского туризма [Электронный ресурс]. – URL: http://sporttur74.ru/normative_document/index.php.

К содержанию

УДК 338.486(470.55)
ББК У433(2Р-4Че)

ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ КАК ТУРИСТСКИЙ РЕГИОН

Ю.А. Сыромятникова

Актуальность работы заключена в анализе состояния развития внутреннего и въездного туризма на территории Челябинской области. Цель данной работы исследовать Челябинскую область как территорию развития туризма, определить основные тенденции продвижения территории на современном туристском рынке.

Ключевые слова: туризм, виды туризма, туристский регион, Челябинская область, въездной туризм, внутренний туризм.

На сегодняшний день туризм является одной из самых высокодоходных отраслей мировой экономики. Темпы развития туризма в странах и регионах мира достигают 25–30 %. Несмотря на достаточно хорошую теоретико-методологическую разработанность понятийно-терминологического аппарата туризма, имеется определенный круг понятий и терминов, недостаточно проработанных в отечественной и зарубежной науке. К одному из таких понятий относится и понятие «туристский регион».

Понятие «туристский регион» введен в оборот отечественной науки сравнительно недавно. В зарубежной литературе данное понятие широко

применяется в научных и практических целях. В отечественной науке о туризме оно находится в стадии разработки, и его трактовка варьируется у каждого автора.

Единства в трактовке термина «регион» на сегодняшний день не существует, однако анализ большинства определений этого понятия позволяет выявить несколько общих признаков, присущих региону. Во-первых, это территориальный или географический признак, согласно которому, под регионом подразумевается определенная территория с четко очерченными границами. Во-вторых, признак «принадлежности», согласно которому регион, несмотря на географическую обособленность, обозначается как часть некой большей территории (например, страны или макрорегиона), с которой он неразрывно связан. В-третьих, признак «уникальности» («исключительности»), который позволяет отличать регионы друг от друга на основании наличия в каждом из них неких специфических особенностей (культурных, исторических, демографических, экономических и проч.). В-четвертых, признак «комплексности», то есть выделения в рамках территории региона различных взаимосвязанных отраслей производства, объектов инфраструктуры и социально-экономических процессов, образующих некий региональный производственно-экономический комплекс [1].

Всемирная туристская организация (ВТО) определяет туристский регион как территорию, которая располагает большой частью специализированных сооружений и услуг, необходимых для организации отдыха, учебного процесса или оздоровления. При этом для того, чтобы действительно рассматриваться в качестве туристского региона, территория должна отвечать следующим основным требованиям:

– наличие необходимых для принятия туристов услуг надлежащего качества (доставка (транспорт) до региона и обратно, обеспечение условий проживания (средства размещения) и питания (предприятия общественного питания));

– наличие достопримечательностей и объектов туристского показа;

– наличие информационных систем и свободного доступа к ним.

Челябинская область расположена в южной части Урала. По территории области проходит разделение Европы и Азии, поэтому некоторые города области находятся в Европе, а некоторые – в Азии, а Магнитогорск – в обеих частях света сразу. Площадь Челябинской области составляет 88 529 кв. км, население – 3,5 млн человек (2016 год).

Челябинская область относится к числу наиболее промышленно и сельско-хозяйственно развитых регионов России с относительно высоким уровнем жизни населения. Основные недостатки слабое развитие транспортной инфраструктуры, затрудняющей сообщение между отдельными частями области, дефицит водных ресурсов, а также неблагоприятная экологическая обстановка в ряде крупных городов области (Челябинск, Магнитогорск, Златоуст и др.).

В Челябинской области активно развивается индустрия туризма.

В последние годы благодаря активной деятельности Министерства культуры и Центра развития туризма Челябинской области по разработке и продвижению туристского кластера «Синегорье», Челябинская область стала привлекательной для туристов из других регионов России. С каждым годом поток туристов, в том числе и иностранных, увеличивается.

В настоящий момент туризм в Челябинской области – одно из самых динамично развивающихся направлений. За 2015 год туристический поток на Южный Урал составил более 2 млн человек, количество размещенных в регионе туристов превысило 800 тыс. Сегодня туристов и гостей региона готовы принять свыше 400 коллективных средств размещения (центров, баз отдыха, гостиниц, и пр.) и, по данным официальной статистики, число забронированных ночей в 2015 году превысило 3,5 млн [3].

Челябинская область – один из самых разнообразных регионов Урала.

Благодаря своему богатому природному и культурному потенциалу, туристско-рекреационным ресурсам Челябинская область имеет все основания для развития многочисленных перспективных видов туризма.

Спортивный туризм в России может стать одним из главных видов туристской деятельности, в ряде регионов создать основу для устойчивого развития экономики. Спортивные туры – это туры для занятия непрофессиональным спортом: пешеходным, конным, лыжным, горным, велосипедным, подводным плаванием и другими водными видами спорта, рыбалкой, охотой и др., а также с целью участия и присутствия на спортивных соревнованиях.

Протяженность территории, многообразие ландшафтов и климатических зон, обилие природных достопримечательностей создали предпосылки для развития на Южном Урале спортивного туризма: пешеходного, лыжного, водного, велосипедного, горного, конного и спелеотуризма. Наличие гор открывает возможности для всех видов горного туризма (альпинизма, спелеотуризма, пеших походов, горнолыжного туризма).

Катание на лыжах в Челябинской области является одним из наиболее массовых видов активного отдыха, поскольку большая часть территории находится под снежным покровом несколько месяцев в году.

Горнолыжные центры Челябинской области привлекают отдыхающих не только красотой уральских гор и чистым воздухом, но и развитой инфраструктурой, наличием горнолыжных трасс разной степени сложности. Наиболее популярными являются: «Абзаково», «Металлург-Магнитогорск», «Солнечная долина», «Евразия», «Аджигардак» и др.

Также на территории Южного Урала большое распространение получил спелеотуризм. В области насчитывается более 450 пещер. Наиболее популярные направления: Сикияз-Тамакский пещерный комплекс, Игнатьевская пещера, Сугомакская пещера, Карстовая пещера Кургазакская.

Активную роль в развитии спортивного туризма играет региональная федерация спортивного туризма Челябинской области. В более чем 100 клубах и секциях спортивного туризма сегодня занимается около 7 тыс. южноуральцев. В регионе сегодня проводится порядка 20 областных соревнований в год. В 2015 году общее количество участников областных соревнований по спортивному туризму достигло 2 тыс. [3].

Туристские фирмы предлагают конные, пешеходный и водные маршруты. По горной северо-западной части Челябинской области организуются сплавы по рекам Юрюзань, Ай, Сим, Урал.

Туры оздоровительного характера с отдыхом или лечением на курорте, являются массовым и популярным направлением туризма. Челябинская область обладает мощным рекреационным потенциалом, способствующим развитию санаторно-курортного дела. В Челябинской области большое количество здравниц и санаториев. Наиболее известные из них: «Дальняя дача», «Кисегач», «Увильды», «Урал». Дома и базы отдыха на озерах богаты бальнеологическими ресурсами. В области действует развитая система санаторно-курортного обслуживания. Есть несколько курортов федерального значения, например, курорт Кисегач, курорты Увильды и санаторий «Урал», куда на отдых и лечения на Южный Урал едут гости со всех уголков нашей страны, ближнего и дальнего зарубежья.

Санаторий «Увильды» – одна из ведущих здравниц на Южном Урале, расположен на юго-восточном берегу озера Увильды. Озеро Увильды – это памятник природы общефедерального значения. Международная лимнологическая ассоциация отнесла его к числу ценнейших водоёмов мира.

Рекреационный потенциал в Челябинской области представлен как благоприятными климатическими условиями для развития оздоровительного туризма (вторая зона ультрафиолетового излучения – благоприятная), так и наличием в области лечебных природных факторов, способствующих развитию курортного дела (минеральные воды, лечебные сапропели, радон).

Многие туристские фирмы г. Челябинска предлагают экологические туры в пределах области, наиболее популярными объектами являются: национальные парки «Зюраткуль» и «Таганай», Игнатьевская пещера, оз. Тургояк, ос. Святой Веры, природно-исторический комплекс «Пороги», Сикияз-Тамакский пещерный комплекс на р. Ай, Аркаим и др.

Челябинская область является одним из тех регионов России, которые обладают большими возможностями для развития экологического туризма, на территории области представлены разнообразные природные ландшафты, неповторимые памятники природы, археологии и культуры. Челябинская область располагает обширной сетью особо охраняемых природных территорий, в области находятся 6 особо охраняемых природных территорий федерального значения: Ильменский государственный заповедник,

Южно-Уральский государственный заповедник, национальные парки «Таганай» и «Зюраткуль», курорты Увильды и Кисегач, а также 23 заказника и 137 памятников природы областного значения.

Национальный парк «Таганай» учрежден в 1991 г. для сохранения одного из красивейших уголков Южного Урала – Таганайского горного массива. В парке сохранились почти нетронутые человеком многие ценные природные комплексы – горные тундры и луга, подгольцовые редколесья, реликтовые таежные леса [4].

В парке получили распространение разнообразные виды туризма, наиболее распространенными являются пеший, горный, экологический, научный и др.

По территории парка проложены экологические тропы такие, как «В центр гранатовой короны» (геологическая, по копям и рудникам); «К Монблану» (природно-оздоровительная); «К подножию Рифея» (обзорная); «На вершину Дальнего Таганая» (ботанико-экологическая); «Тропа первопроходцев» (историко-краеведческий маршрут); «По грани Европы и Азии» (учебно-экологическая).

На территории парка находится музей природы, расположенный в здании Таганайского лесничества, он служит визитной карточкой парка. Музей состоит из двух залов: биологического и минералогического. Экспозиция музея дает представление о природных достопримечательностях парка, знакомит с разнообразием растительного и животного мира. В музее можно узнать об истории освоения природных кладовых края в прошлые века.

Национальный парк «Зюраткуль» создан в 1993г. для сохранения одного из самых красивых и высокогорных озер Урала –З юраткуль. В переводе с башкирского «Юрак-куль» означает «Сердце-озеро». Благодаря своему положению на границе двух континентов – Европы и Азии, на стыке двух природных зон – таежной и лесостепной, наличию самого высокогорного озера Урала и самых высоких горных хребтов Челябинской области, парк обладает уникальными природными объектами, живописными горно-таежными ландшафтами, богатым животным и растительным миром [4].

Среди наиболее интересных природных объектов парка центральное место занимает одно из красивейших озер Урала – оз. Зюраткуль, являющееся уникальным природным объектом. К природным объектам парка относятся также р. Калагаза, Большой и Малый Березяк, скалы Зюраткульские Столбы, Вязовая роща. Кроме официальных памятников природы, на территории парка есть еще целый комплекс природных достопримечательностей: горно-тундровое плато на хр. Нургуш; скальный останец Гребешокна р. Большой Березяк в юго-восточной части парка; скалы Медведи на хр. Зюраткуль; живописные скальные останцы на хр. Лукаш, Сука, Нургуш; артезианский источник «Фонтан» высотой около 7 м в верховьях

р. Малая Сатка между хр. Сука и Уван; родник «Кипящий ключ» в верховье р. Большая Калагаза; реликтовые ельники на хр. Нургуш и Лукаш [4].

В национальном парке разработаны более 10 туристических и экскурсионных маршрутов, как по территории парка, так и по прилегающим горным хребтам Зюраткуль, Иремель, Зигальга и др. Маршруты и экскурсии в основном пешие или лыжные, два маршрута – водные (по р. Большой Березяк и Большая Сатка). В последнее время становятся популярными велосипедные маршруты по старым лесным дорогам.

Экскурсии в основном проходят в районе оз. Зюраткуль и включают такие объекты, как хребет Зюраткуль, Лукаш, скальный комплекс Зюраткульские столбы. Наиболее популярные виды туризма – пеший, горный, водный.

По территории национального парка «Зюраткуль» пролегают многочисленные экологические маршруты, а также проложена экологическая тропа, она ведет от п. Зюраткуль на хр. Зюраткуль, общая протяженность тропы составляет 6 км. Экологическая тропа оборудована беседками, информационными стендами, картами-схемами.

Посетители парка могут размещаться на базах отдыха, в туристических приютах в п. Зюраткуль, Сибирка, Тюлюк и лесных домиках, на территории парка или в непосредственной близости от его границ. В пос. Зюраткуль находятся комфортабельные базы отдыха и туристические приюты, предлагающие широкий спектр услуг.

В Челябинской области также развит познавательный туризм. Познавательные туры – это туры с экскурсионной программой: посещение музеев, осмотр достопримечательностей, участие в культурных мероприятиях. Главным историческим центром Челябинской области является историко-культурный заповедник «Аркаим». Он представляет собой музейный комплекс под открытым небом, включающий в себя как полноценные реконструкции, так и классический музей с витринами и археологическими находками. Существующие сегодня в заповеднике «Аркаим» экспозиции отражают три направления, представленные в неразрывном единстве: история природы, древние культуры (археология), традиционные культуры (этнография). Основной стержень экспозиции – духовное и материальное освоение человеком природы Южного Урала на протяжении тысячелетий. Аркаим – это один из самых посещаемых объектов Челябинской области [5].

На Южном Урале большое количество исторических и природных памятников. Основные направления это туры по городам области Челябинск, Миасс, Златоуст, Кыштым, Касли и др. Челябинская область славится своими промыслами и ремеслами: каслинское и кусинское чугунное литье, златоустовская булатная сталь и гравюра на стали, изделия из камня.

Культурно-познавательный туризм представлен на туристском рынке области, в основном, в качестве однодневных экскурсионных программ, основными направлениями которых являются, в первую очередь, историко-культурный заповедник «Аркаим», исторические центры, такие как Миасс, Златоуст, Касли, Кыштым, Челябинск, в меньшей степени представлены Верхнеуральск, Троицк и Магнитогорск, так же представлены экскурсионные программы в Сатку, с посещением историко-природного комплекса «Пороги» и НП «Зюраткуль».

Основными объектами, представляющими интерес для познавательного тура в г. Миасс являются музей Ильменского заповедника, краеведческий музей, оз. Тургояк и остров Св. Веры. Рассмотрев экскурсионные программы в г. Златоуст, можно отметить, что основными экскурсионными объектами являются краеведческий музей и Башня-колокольня Иоанна Златоуста. Также существует возможность посетить действующую оружейную фабрику и посмотреть, как изготавливается и украшается оружие.

Для г. Касли турфирмы г. Челябинска предлагают однодневную экскурсионную программу «Есть на Урале городок Касли». Программа включает знакомство с каслинским литьем в архитектуре города, заводом и музеем каслинского литья, домом-музеем Чиркина. Турфирма «Уральские сказы» реализует тур с экскурсионной программой «В край легенд и сказов» г. Кыштым, включающий обзорную экскурсию по городу, прогулку по саду Демидовской усадьбы, посещение пещеры Сугомак, восхождение на гору.

Другой вариант экскурсионной программы «В краю мастеров» включает посещение г. Касли (музей каслинского литья), г. Кыштыма (Музей-усадьба Демидовых, Собор Рождества Христова, Сугомакская пещера).

Также на рынке представлены двухдневные туры с посещением Троицка, Магнитогорска и Верхнеуральска.

Тур «Богатства земли Уральской» включает посещение самого крупного в России Коркинского угольного разреза, г. Южноуральск, храмов г. Троицк, золотоносных месторождений г. Пласт, крупнейшего в мире Коелгинского мраморного разреза, аквапарка и горнолыжного центра в г. Магнитогорск.

Второй двухдневный тур «Вдоль Уральского хребта» включает посещение единственного в России музея режиссера С.А. Герасимова, краеведческого музея г. Учалы, старейшего города области г. Верхнеуральска и, как и в первой программе, аквапарка и горнолыжного центра в г. Магнитогорск.

Турфирмы города также предлагают познавательный тур в г. Троицк «Крепость на торговом пути», где можно будет познакомиться с купеческой архитектурой города, Свято-Троицким Собором, Пассажем братьев Яушевых, гостиницей Башкирова и реализует экскурсии в г. Магнито-

горск, включающие обзорную экскурсию по городу, музей Магнитогорского металлургического комбината, музей боевой техники, лимонарий.

Таким образом, культурно-познавательный туризм в Челябинской области в основном связан с организацией туров и экскурсионных программ, включающих посещение культурно-исторических центров области. Также стоит отметить ограниченное число туристических фирм, занимающихся организацией познавательных туров по Челябинской области. Из общего числа рассмотренных турфирм только около 10 % предприятий предлагают познавательные туры по Челябинской области. Самым популярным направлением культурно-познавательного туризма в области является посещение историко-культурного заповедника «Аркаим», исторических городов, таких как Миасс, Златоуст, Касли, Кыштым, Верхнеуральск, Троицк, Магнитогорск.

Религиозный туризм Челябинской области слабо развит. Религиозные туры – это туры с паломническими целями, участие в религиозных мероприятиях, маршруты с посещением святых мест.

Челябинская область – одна из крупнейших промышленных областей России. Но промышленный туризм – явление для Челябинской области пока редкое. Отечественных предприятий, которые используют современные технологии и готовых впустить в производственные цеха любопытствующих, крайне мало. Но такой вид туризма является перспективным направлением.

По мнению Федерального агентства по туризму Российской Федерации Челябинская область может стать центром развития промышленного туризма.

В Саткинском районе расположены знаменитые «Пороги» – памятник истории и культуры, старейшая в России гидроэлектростанция (созданная в 1910 г.), а также первый в стране электроферросплавный завод. Интересными для туристов могут быть и кыштымские заводы Демидовых, сыгравшие выдающуюся роль в развитии горнозаводской промышленности на Урале, Коркинский разрез – один из самых глубоких в мире по добыче угля открытым способом, Коелгинский карьер, где с 1926 г. ведется разработка белого мрамора; златоустовская гравюра.

Популярностью у гостей г. Челябинск пользуется объект «Высота 239» – цех по производству труб большого диаметра Челябинского трубопрокатного завода, является первым в мире цехом, где реализована белая металлургия. Для цеха применимы такие выражения как: максимальный уровень автоматизации, инновации, высокотехнологичность, экологичность, чистота и высокая квалификация работников. «Высота 239» – это одна из индустриальных визитных карточек города Челябинска.

Туристский регион должен отвечать потребностям туристов, поскольку он является соответствующей конкурентной единицей. Когда турист вы-

бирает цель своего путешествия, он сравнивает между собой различные места и те услуги, которые там имеются, и выбирает из них то, что ему лучше подходит. Тот продукт, который турист заказывает и покупает, состоит из услуг, предлагаемых в данном месте (туристском регионе). Таким образом, туристский регион является своеобразным продуктом, свойства которого каждым туристом (или группой туристов) воспринимаются и потребляются по-своему, исходя из аттрактивности территории, удаленности от места жительства, личностно-психологических качеств и других факторов. Качество региона как производителя туристических услуг измеряется тем, насколько хорошо этот регион может приспособить свои услуги к потребностям потребителей.

Библиографический список

1. Шимин, Н.А. Новый поход к трактовке понятия «туристский регион» [Электронный ресурс] / Н.А. Шимин // УЭкС. – 2010. – № 24. – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/novyy-pohod-k-traktovke-ponyatiya-turistskiy-region.

2. Зорин, И.В. Энциклопедия туризма: справочное издание / И.В. Зорин, В.А. Квартальнов. – М.: Финансы и статистика, 2000. – 428 с.

3. Челябинская область ожидает 22-процентного роста турпотока в 2016 году [Электронный ресурс]. – URL: https://dostup1.ru/society/Chelyabinskaya-oblast-ozhidaet-22-protsentnogo-rosta-turpotoka-v-2016-godu_91442.html.

4. Национальные парки России. Урал и Сибирь / под ред. И.А. Кусый, М.И. Шишкина, Е.Р. Руковишникова. – М.: Вокруг света, 2007. – 203 с.

5. Челябинский государственный историко-культурный заповедник «Аркаим». Официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: http://www.arkaim-center.ru/.

К содержанию

УДК 614.213 + 616-08
ББК С561.6

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕДИЦИНСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

А.В. Дерябин

Рассмотрено состояние системы медицинской реабилитации региона. Приведены положения концепции развития здравоохранения региона по направлению медицинская реабилитация. Выполнен анализ исполнения государственного заказа по медицинской реабилитации населения исполнителями. Выявлена проблемные места в реализации концепции здравоохранения по направлению медицинская реабилитация населения.

Ключевые слова: медицинская реабилитация, концепция развития, санаторно-курортная система, государственные гарантии, регион, система реабилитации.

Актуальность развития медицинской реабилитации населения не вызывает сомнений в связи с ее эффективностью в повышении медико-биологических и социально-экономических показателей уровня здоровья как отдельного человека, так и общества в целом [4, 5]. Поэтому внимание к медицинской реабилитации населения со стороны государства на федеральном и региональном уровне вполне обосновано[3, 6].

Для удовлетворения потребностей населения в медицинских услугах, отвечающих современным требованиям, путем модернизации и развития системы здравоохранения, ее адаптация к изменяющимся правовым, социально-экономическим и демографическим условиям была разработана Концепция развития здравоохранения Челябинской области до 2020 года далее (Концепция) [3]. Концепция включает в себя десять крупных направлений, определяющих векторы приложения усилий и ресурсов для формирования эффективной системы регионального здравоохранения. Одним из этих направлений определено: развитие медицинской реабилитации населения и совершенствование системы санаторно-курортного лечения, в том числе детей.

Основными целями этого направления являются:

– обеспечение доступности и повышение качества помощи по медицинской реабилитации в условиях трехуровневой системы оказания медицинской помощи населению Челябинской области;

– увеличение продолжительности активного периода жизни населения.

Для достижения обозначенных целей предусматривается решение следующих задач:

– разработка и внедрение новых организационных моделей, а также поддержка и развитие инфраструктуры системы медицинской реабилитации;

– разработка и внедрение новых организационных моделей, а также поддержка и развитие инфраструктуры системы санаторно-курортного лечения;

– укрепление материально-технической базы и переоснащение государственных учреждений здравоохранения Челябинской области (поликлиники, стационарные отделения, санаторно-курортные медицинские организации);

– внедрение в государственных учреждениях здравоохранения Челябинской области эффективных технологий медицинской реабилитации больных с сосудистыми, соматическими, неврологическими заболеваниями и заболеваниями опорно-двигательного аппарата, в том числе внедрение современных программно-компьютерных технологий;

– подготовка медицинских кадров для обеспечения медицинской реабилитации;

– создание и ведение реестра медицинских организаций Челябинской области, оказывающих медицинскую реабилитацию и санаторно-курортное лечение.

В Концепции [3] было отмечено, что на момент разработки отсутствовал системный подход в организации реабилитационной помощи населению, наблюдался дефицит коечного фонда для оказания помощи по медицинской реабилитации как взрослых, так и детей, наблюдался дефицит амбулаторной формы оказания реабилитационной помощи, что послужило причиной не возможности в полной мере обеспечить потребность в данных медицинских услугах. Таким образом, обосновывалась необходимость создания, реабилитационной помощи вновь в современном и эффективном виде в соответствии с Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [1].

Этим Федеральным законом введено понятие медицинской реабилитации как «комплекса мероприятий медицинского и психологического характера, направленных на полное или частичное восстановление нарушенных и (или) компенсацию утраченных функций пораженного органа либо системы организма, поддержание функций организма в процессе завершения острого патологического процесса или обострения хронического патологического процесса в организме, а также на предупреждение, раннюю диагностику и коррекцию возможных нарушений функций поврежденных органов либо систем организма, предупреждение и снижение степени возможной инвалидности, улучшение качества жизни, сохранение работоспособности пациента и его социальную интеграцию в общество».

Медицинская реабилитация должна осуществляться в соответствии с принципами обоснованности, этапности, преемственности и непрерывно-

сти, независимо от сроков заболевания при условиях стабильности клинического состояния пациента и наличия реабилитационного потенциала, когда риск осложнений не превышает реабилитационного потенциала.

Планируется создание системы по формированию, активному сохранению, восстановлению и укреплению здоровья населения Российской Федерации, реализации потенциала здоровья для ведения полноценной производственной, социальной и личной жизни, по снижению темпов старения, преждевременной смертности, заболеваемости, инвалидизации населения, по увеличению средней продолжительности и качества жизни, а также улучшению демографической ситуации в стране.

Планируемая в Челябинской области трехуровневая система реабилитации представлена следующим образом:

1 уровень – медицинские организации муниципальных образований Челябинской области, оказывающие первичную медико-санитарную помощь на амбулаторно-поликлиническом этапе;

2 уровень – медицинские организации управленческих медицинских округов, в составе которых организованы межмуниципальные специализированные отделения;

3 уровень – учреждения регионального уровня.

Первоочередными мероприятиями для достижения поставленных задач являются:

– открытие новых подразделений, оказывающих реабилитационную помощь в амбулаторно-поликлинических условиях, в медицинских организациях 1 уровня;

– подготовка квалифицированных кадров для оказания медицинской реабилитации в амбулаторно-поликлинических и стационарных учреждениях;

– открытие специализированных межмуниципальных реабилитационных отделений на базе многопрофильных медицинских организаций Челябинской области 2 уровня;

– создание к 2018 году регионального многопрофильного реабилитационного центра в учреждении 3 уровня на базе ГБУЗ «Челябинская областная клиническая больница» (строительство нового или реконструкция существующего здания – корпус N 6);

– дооснащение оборудованием отделений (кабинетов) реабилитации, внедрение эффективных диагностических, реабилитационных технологий, в том числе современных программно-компьютерных технологий;

– модернизация материально-технической базы санаторно-курортных медицинских организаций Челябинской области.

Концепция [3] предусматривает, что помощь по медицинской реабилитации оказывается в зависимости от тяжести состояния пациента в 3 этапа:

I этап: реабилитационная помощь осуществляется в остром периоде заболевания или травмы в блоках реанимации и интенсивной терапии по профилю основного заболевания при наличии подтвержденной обследованиями перспективы восстановления функций (реабилитационного потенциала);

II этап: организация медицинской реабилитационной помощи в раннем восстановительном периоде проводится в специализированных отделениях многопрофильных стационаров или реабилитационных центров;

III этап: медицинская реабилитация осуществляется в амбулаторно-поликлинических учреждениях здравоохранения, фельдшерско-акушерских пунктах, санаторно-курортных учреждениях, а также выездными бригадами на дому.

Этапы оказания реабилитационной помощи населению Челябинской области представлены на схеме (см. рис. 1).

После первого этапа медицинской реабилитации, 30 % пациентов, получивших лечение на специализированных койках, нуждается в проведении реабилитации на II этапе, а 50 % пациентов нуждается в проведении реабилитации в амбулаторно-поликлиническом звене, что составляет III этап медицинской реабилитации. После II этапа 50 % пациентов нуждаются в продолжении реабилитации на амбулаторно-поликлиническом звене III этапа медицинской реабилитации и 15 % – в санаторно-курортных организациях.

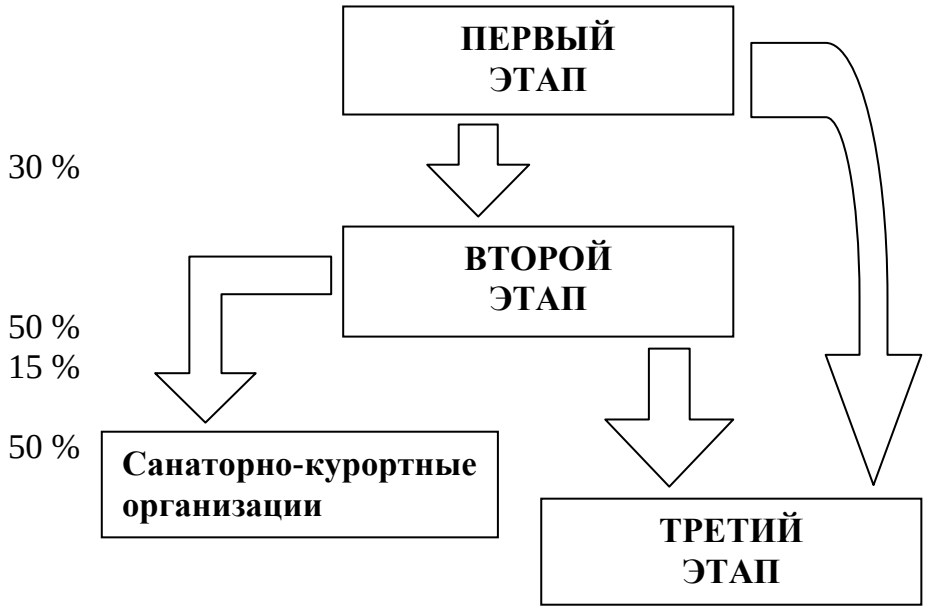


Рис. 1. Трехэтапная система оказания помощи населению по медицинской реабилитации в регионе

Планируемая поэтапная структура подразделений, оказывающих реабилитационную помощь взрослому населению, представлена следующим образом.

I этап – реабилитационная помощь осуществляется в остром периоде заболевания или травмы в блоках реанимации и интенсивной терапии медицинских организаций по профилю основного заболевания при наличии подтвержденной обследованиями перспективы восстановления функций (реабилитационного потенциала).

Концепцией было предусмотрено, что в целях обеспечения медицинской помощи и реабилитационных мероприятий больным с сосудистыми заболеваниями в регионе создаются 8 центров, в том числе 2 региональных сосудистых центра (Государственное бюджетное учреждение здравоохранения (далее именуется – ГБУЗ) «Челябинская областная клиническая больница» и ГБУЗ «Областная клиническая больница № 3» – учреждения 3 уровня) и 6 первичных сосудистых отделений (муниципальное бюджетное учреждение здравоохранения (далее именуется – МБУЗ) «Городская клиническая больница № 1» г. Челябинска, МБУЗ «Городская клиническая больница № 8» г. Челябинска, муниципальное учреждение здравоохранения (далее именуется – МУЗ) «Городская больница № 3» г. Магнитогорска, МБУЗ «Городская больница № 3» г. Миасса, МБУЗ «Центральная районная больница г. Троицка и Троицкого муниципального района», МБУЗ «Городская больница № 3» г. Златоуста – учреждения 2 уровня) общей мощностью 300 коек неврологического и 226 коек кардиологического профиля, в отделениях реанимации и интенсивной терапии которых осуществляется медицинская реабилитация I этапа.

Для больных онкологического профиля специализированная помощь оказывается на 815 специализированных койках (преимущественно в ГБУЗ «Челябинский областной клинический онкологический диспансер», ГБУЗ «Областной онкологический диспансер № 2», ГБУЗ «Областной онкологический диспансер № 3» – учреждения 3 уровня).

Для пациентов травматологического профиля и ортопедического профиля специализированная помощь оказывается на 918 койках и на 197 койках соответственно, в том числе: в травматологическом центре 1 уровня (в ГБУЗ «Челябинская областная клиническая больница» – учреждение 3 уровня) и 7 травматологических центрах 2 уровня (в ГБУЗ «Областная клиническая больница № 3», МБУЗ «Городская клиническая больница № 9» г. Челябинска, муниципальном медицинском лечебно-профилактическом учреждении (далее именуется – ММЛПУ) «Кыштымская центральная городская больница им. А.П. Силаева», муниципальном бюджетном лечебно-профилактическом учреждении здравоохранения (далее именуется – МБЛПУЗ) «Городская больница № 3» г. Златоуста, МУЗ «Саткинская Центральная районная больница», МБУЗ «Центральная районная больница

г. Троицка и Троицкого муниципального района», МУЗ «Южноуральская центральная городская больница» – учреждения 2 уровня).

Реабилитационная помощь I этапа для пациентов указанных профилей проводится в условиях отделений реанимации и интенсивной терапии профильных учреждений.

II этап – организация медицинской реабилитационной помощи в раннем восстановительном периоде заболевания или травмы, в позднем реабилитационном периоде, периоде остаточных явлений течения заболевания, при хроническом течении заболевания вне обострения проводится в стационарных условиях медицинских организаций.

В настоящее время для взрослого населения, проживающего на территории Челябинской области, оказание специализированной помощи по медицинской реабилитации осуществляется в следующих медицинских организациях:

– в ГБУЗ «Областная клиническая больница № 3», где создано реабилитационное отделение для больных с острыми нарушениями мозгового кровообращения на 30 коек;

– на базе МБУЗ «Городская клиническая больница № 6» г. Челябинска функционирует отделение на 37 коек для реабилитации кардиологических больных, перенесших острый инфаркт миокарда;

– на базе МБУЗ «Городская клиническая больница № 2» г. Челябинска функционирует отделение на 25 коек для пациентов кардиологического профиля, в том числе после хирургического лечения в федеральном государственном бюджетном учреждении (далее именуется – ФГБУ) «Федеральный центр сердечно-сосудистой хирургии» Министерства здравоохранения Российской Федерации (г. Челябинск);

– на базе муниципального бюджетного лечебно-профилактического учреждения (далее именуется – МБЛПУ) «Городская больница № 1» Еманжелинского муниципального района Челябинской области функционирует отделение на 22 койки для лечения пациентов после травм и заболеваний спинного мозга, с заболеваниями периферической нервной системы.

III этап проводится в ранний и поздний реабилитационные периоды, период остаточных явлений течения заболевания, при хроническом течении заболевания вне обострения в отделениях (кабинетах) реабилитации, физиотерапии, лечебной физкультуры, рефлексотерапии, мануальной терапии, психотерапии, медицинской психологии, кабинетах логопеда (учителя-дефектолога), специалистов по профилю оказываемой помощи медицинских организаций, оказывающих медицинскую помощь в амбулаторных условиях, а также выездными бригадами на дому при наличии подтвержденной результатами обследования перспективы восстановления функций (реабилитационного потенциала), в фельдшерско-акушерских пунктах, санаторно-курортных учреждениях.

Во всех медицинских организациях амбулаторно-поликлинического звена на территории Челябинской области функционируют кабинеты физиотерапии, лечебной физкультуры, массажа, психотерапии, рефлексотерапии, оказывающие реабилитационную помощь взрослому населению.

III этап реабилитации – санаторно-курортное лечение.

На момент составления Концепции санаторно-курортная помощь взрослому населению, проживающему на территории Челябинской области за счет средств областного бюджета, осуществлялась в следующих санаторно-курортных организациях:

– ГБУЗ «Челябинский областной центр реабилитации»;

– Государственное унитарное предприятие (далее именуется – ГУП) «Пансионат с лечением «Карагайский бор»;

– ГУП «Санаторий Еловое»;

– ГУП санаторий «Сосновая горка»;

– ГУП «Магнитогорская бальнеогрязелечебница с курортной поликлиникой»;

– в рамках частно-государственного партнерства – общество с ограниченной ответственностью «Санаторий «Кисегач».

В настоящее время услуги по медицинской реабилитации в рамках территориальной программы государственных гарантий оказания бесплатной медицинской помощи оказывают только два учреждения:

– ГБУЗ «Челябинский областной центр реабилитации»;

– Государственное унитарное предприятие (далее именуется – ГУП) «Пансионат с лечением «Карагайский бор».

Остальные либо обанкрочены, либо не имеют возможностей для организации медицинской реабилитации в соответствии с существующими требованиями.

Общая структура II этапа реабилитации соответственно профилю должна была представлена следующим образом:

Травматологический профиль: общее количество реабилитационных коек для травматологических больных составит 150, что соответствует общей потребности Челябинской области из расчета 15 коек на 600 тыс. населения, из них:

– к 2016 г. на базе МБЛПУ «Городская больница № 1» Еманжелинского муниципального района Челябинской области расширение коечного фонда до 30 коек для лечения больных с травмами и заболеваниями спинного мозга и периферической нервной системы;

– к 2016–2017 гг. на базе МУЗ «Городская больница № 2» г. Магнитогорска открытие отделения реабилитации, в составе которого предусмотрены 30 коек травматологического профиля;

– к 2016–2017 гг. на базе ММЛПУ «Кыштымская центральная городская больница им. А.П. Силаева» создание реабилитационного отделения на 30 коек;

– к 2018 г. открытие межрегионального многопрофильного реабилитационного центра на базе ГБУЗ «Челябинская областная клиническая больница», в составе которого предусмотрены 60 коек травматологического профиля;

Неврологический профиль: общее количество реабилитационных коек для неврологических больных составит 180, что соответствует общей потребности Челябинской области исходя из заболеваемости, из них:

– к 2015 г. открытие в МБУЗ «Ордена Трудового Красного Знамени городская клиническая больница № 1» г. Челябинска отделения на 30 коек;

– в 2013 г. в ГБУЗ «Областная клиническая больница № 3» открытие реабилитационного отделения для больных с острыми нарушениями мозгового кровообращения на 30 коек;

– к2016–2017 гг. на базе МУЗ «Городская больница № 2» г. Магнитогорска открытие отделения реабилитации, в составе которого предусмотрены 30 коек неврологического профиля;

– к 2015 г. на базе МБУЗ «Городская больница № 2» г. Миасса открытие отделения реабилитации, в составе которого предусмотрены 30 коек неврологического профиля;

– к 2018 г. открытие межрегионального многопрофильного реабилитационного центра на базе ГБУЗ «Челябинская областная клиническая больница», в составе которого предусмотрены 60 коек неврологического профиля;

Соматический профиль: общее количество реабилитационных коек для соматических больных составит 180, что соответствует общей потребности Челябинской области исходя из заболеваемости, из них:

– на базе МБУЗ «Городская клиническая больница № 2» г. Челябинска увеличение числа коек кардиологического профиля до 30;

– к 2016 году на базе Автономной некоммерческой организации «Медико-санитарная часть администрации г. Магнитогорска» и открытого акционерного общества «Магнитогорский металлургический комбинат» открытие отделения реабилитации, в составе которого предусмотрены 30 коек кардиологического профиля;

– к 2017–2018 гг. на базе МУЗ «Саткинская Центральная районная больница» планируется организовать реабилитационное отделение на 30 коек для больных соматического профиля;

– к 2016 г. на базе МБУЗ «Центральная районная больница г. Троицка и Троицкого муниципального района» открытие отделения реабилитации на 30 коек соматического профиля;

– к 2018 г. открытие межрегионального многопрофильного реабилитационного центра на базе ГБУЗ «Челябинская областная клиническая больница», в составе которого будут предусмотрены 60 коек соматического профиля;

Онкологический профиль: общее количество реабилитационных коек для больных составит 75, что соответствует общей потребности Челябинской области исходя из структуры заболеваемости и имеющегося коечного фонда учреждений здравоохранения, из них:

– к 2016 г. на базе ГБУЗ «Челябинский областной клинический онкологический диспансер» дополнительное открытие 40 коек онкологического профиля;

– к 2016 году на базе ГБУЗ «Областной онкологический диспансер № 2» дополнительное открытие 20 коек онкологического профиля;

– к 2016 году на базе ГБУЗ «Областной онкологический диспансер № 3» дополнительное открытие 20 коек онкологического профиля.

В настоящее время планы далеки от реализации. Например, из 30 коек травматологического профиля и 30 коек неврологического профиля, предусмотренных к открытию реабилитационного отделения на базе МУЗ «Городская больница № 2» г. Магнитогорска, открыто только 12 коек смешанного профиля. Первые пациенты по медицинской реабилитации в рамках территориальной программы государственных гарантий оказания бесплатной медицинской помощи появились в МАУЗ «Городская больница № 2» г. Магнитогорска (правопреемница МУЗ «Городская больница № 2») только во втором полугодии 2016 г.

В таблице представлены данные в койко-днях по исполнению муниципального заказа по медицинской реабилитации медицинскими организациями региона за первое полугодие 2016 г.в рамках территориальной программы государственных гарантий оказания бесплатной медицинской помощи (табл. 1). Из этой таблицы видно, что к первому полугодию 2016 г. отсутствуют девять медицинских организаций, запланированных Концепцией в качестве исполнителей государственного заказа по оказанию медицинской реабилитации населению, не считая потерянных санаторно-курортных организаций.

Из табл. 1 видно, что по итогам работы за первое полугодие произошло не исполнение государственного заказа по оказанию медицинской реабилитации населению – вместо 50 % по факту 35,2 %.

По итогам заседания межведомственной комиссии по распределению объемов бесплатной медицинской помощи в рамках территориальной программы государственных гарантий в июле 2016 г. были частично изменены плановые задания для исполнителей государственного заказа по оказанию медицинской реабилитации населению (табл. 2).

Во втором полугодии добавилось два исполнителя государственного заказа по оказанию медицинской реабилитации населению: МАУЗ «Городская больница № 2» г. Магнитогорска и ФГБУН Уральский НПЦ радиационной медицины ФМБА России г. Челябинск.

Таблица 1

Исполнение муниципального заказа по медицинской реабилитации медицинскими организациями региона за 1-е полугодие 2016 года

ЛПУ	План на 2016 год	Январь–май 2016			июнь 2016			% за полугодие 2016 год
		план	факт	%	план	факт	%	
ГУП ЧО Пансионат с леч. «Карагайский бор» г. Верхнеуральск	12 600	5250	20	0,4	6238	922	14,8	7,5
ГБУЗ «Городская больница № 1» г. Еманжелинск	6000	2750	2148	78,1	1052	414	39,4	42,7
АНО «Центральная медико-санитарная часть» г. Магнитогорск	3701	1525	1120	73,4	720	388	53,9	40,7
ГАУЗ «Областной центр восстановит. медицины и реабил. «Огонек» г. Челябинск	2734	1114	968	86,9	378	615	162,7	57,9
ГБУЗ «Областная клинич. больница № 3» г. Челябинск	25 647	10 673	8390	78,6	4425	1958	44,2	40,3
МБУЗ «Городская клинич. больница № 2» г. Челябинск	17 928	7753	3239	41,8	6123	912	14,9	23,2
МБУЗ «Городская клинич. больница № 6» г. Челябинск	9960	4323	4281	99,0	922	730	79,2	50,3
НУЗ «Дорожная клинич. больница на ст. Челябинск»	4295	1778	1216	68,4	914	268	29,3	34,6
ООО МЦ «МЕДЕОР» г. Челябинск	2988	1241	488	39,3	1051	154	14,7	21,5
ГБУЗ «Челябинская областная клинич. больница»	4815	2009	0,0	0,0	2408	0,0	0,0	0,0
ГБУЗ «Челябинский областной центр реабилитации»	45836	19239	16428	85,4	6448	3932	61,0	44,4
ГБУЗ «Челябинский ОКТГ для ветеранов войн»	1660	697	0,0	0,0	830	0,0	0,0	0,0
Итого	**138164**	**5352**	**38298**	**65,6**	**31509**	**10293**	**32,7**	**35,2**

Таблица 2

Исполнение муниципального заказа по медицинской реабилитации медицинскими организациями региона за 7 месяцев 2016 года

ЛПУ	План на 2016 год	Январь–июнь 2016			июль 2016			% за 7 мес. 2016 год
		план	факт	%	план	факт	%	
ГУП ЧО Пансионат с леч. «Карагайский бор» г. Верхнеуральск	12 600	6258	942	15,1	6387	316	4,9	10,0
ГБУЗ «Городская больница № 1» г. Еманжелинск	6000	3200	2562	80,1	1138	567	49,8	52,2
АНО «Центральная медико-санитарная часть» г. Магнитогорск	3701	1840	1508	82,0	631	407	64,5	51,7
МАУЗ «Городская больница № 2» г. Магнитогорск	1660	232	0,0	0,0	464	0,0	0,0	0,0
ГАУЗ «Областной центр восстановит. медицины и реабил. «Огонек» г. Челябинск	2734	**1346**	**1362**	**101,2**	**453**	**557**	**123**	**70,2**
ГБУЗ «Областная клинич. больница № 3» г. Челябинск	26 139	12 880	10 348	80,3	4738	1753	37,0	46,3
МБУЗ «Городская клинич. больница № 2» г. Челябинск	17 928	9362	4151	44,3	6690	699	10,4	27,1
МБУЗ «Городская клинич. больница № 6» г. Челябинск	9960	5203	5011	96,3	1038	990	95,4	60,3
НУЗ «Дорожная клинич. больница на ст. Челябинск»	4295	2130	1484	69,7	1016	308	30,3	41,7
ООО МЦ «МЕДЕОР» г. Челябинск	2656	1410	642	45,5	951	420	44,2	40,0
ФГБУН Уральский НПЦ радиационной медицины ФМБА России Челябинск	2274	315	0	0,0	647		0,0	0,0
ГБУЗ «Челябинская областная клинич. больница»	1495	747	0	0,0	880		0,0	0,0
ГБУЗ «Челябинский областной центр реабилитации»	44 388	22 689	20 360	89,7	6072	4046	66,6	55,0
ГБУЗ «Челябинский ОКТГ для ветеранов войн»	1660	830	0	0,0	979		0,0	0,0
Итого	**137 490**	**68 442**	**48 370**	**70,7**	**32 084**	**10 063**	**31,4**	**42,5**

Анализ исполнения объемов медицинской помощи по реабилитации в условиях круглосуточного стационара, приведенный в табл. 1, 2 показал:

1) медицинская реабилитация сосредоточена в основном в г. Челябинск (84 %), на юг области приходится только 11,7 % от всех запланированных объемов, в том числе на г. Магнитогорск 2,7 %;

2) по итогам исполнения объемов медицинской помощи по реабилитации за полугодие, запланированные объемы были скорректированы: на сегодняшний день доля г. Челябинска составляет – 82,6 %, доля г. Магнитогорска – 3,9 %;

3) произошло общее снижение плана по медицинской реабилитации в условиях круглосуточного стационара на 674 койко-дня;

4) общее невыполнение плана по исполнению объемов медицинской помощи по реабилитации за 7 месяцев составляет 22 021 койко-день (за полугодие составило 20 072 койко-дня).

Завершить совершенствование организации медицинской реабилитации III этапа предполагалось к 2015–2017 гг. с открытием новых подразделений, оказывающих реабилитационную помощь в медицинских организациях 1 уровня, оказывающих помощь в амбулаторно-поликлинических условиях, с дооснащением оборудованием отделений (кабинетов) реабилитации, внедрением эффективных диагностических, реабилитационных технологий, в том числе современных программно-компьютерных технологий; в соответствии с Порядком организации медицинской реабилитации, утвержденным приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Однако, в настоящее время оказание медицинской реабилитации населению в амбулаторно-поликлинических условиях, находится даже в более плачевном состоянии, чем в условиях круглосуточного стационара. Фактически оказание медицинской реабилитации населению в амбулаторно-поликлинических условиях проводится только в МАУЗ «Городская больница № 2» г. Магнитогорска на базе имущественного комплекса бывшей ГУП «Магнитогорская бальнеогрязелечебница с курортной поликлиникой». Хотя оказание медицинской реабилитации населению в амбулаторно-поликлинических условиях более выгодно и в экономическом и социальном аспекте. При одинаковых объемах финансирования число пролеченных в условиях дневного стационара превышает число пролеченных в условиях круглосуточного стационара в 3–4 раза.

Библиографический список

1. Федеральныйзакон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

2. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 29.12.2012 г. № 1705н «О Порядке организации медицинской реабилитации».

3. Распоряжение Правительства Челябинской области от 31.10.2013 № 296-рп (ред. от 02.10.2015) «Об утверждении Концепции развития здравоохранения Челябинской области до 2020 года».

4. Криворучко, В.И. Санаторно-курортная сфера: расширение функциональной роли в социально-экономическом развитии: монография / В.И. Криворучко, В.Р. Иванченко, Б.Т. Ковеза. – Сочи, 2015. – 158 с.

5. Разумов, А.Н. Охрана здоровья здоровых в условиях трудовой деятельности / А.Н. Разумов // Курортные ведомости. – 2009. – № 5. – С. 4–6.

6. Меньщиков, А.А. Перспективы развития санаторно-курортного лечения и медицинской реабилитации на региональном уровне / А.А. Меньщиков, А.В. Дерябин, А.П. Рыжий, А.Э. Черепанов // Теория и методика профессионально-практической подготовки специалистов сервиса и туризма: сборник научных статей под. ред. Т.Н.Третьяковой. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2012. – 204 с.

К содержанию

УДК 338.483
ББК У433 + Ч518.1(2)113

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ОЦЕНКИ ТУРИСТСКИХ РЕСУРСОВ И ТЕРРИТОРИЙ

И.А. Горбунова

В данной статье предлагается концепция и методические подходы к созданию комплексной модели оценки туристских ресурсов региона.

Ключевые слова: туристские ресурсы, кадастр туристских ресурсов, районирование, рейтинговая оценка, туристская территория, региональный рекреационный потенциал (РРП), аттрактивные свойства, матрица оценки рекреационного потенциала.

Развитие сферы туризма и его становление как одной из важных отраслей экономики многих стран вызывает необходимость оценивания туристского потенциала конкретных территорий и стран. Поскольку «туризм» как научное направление сформировалось сравнительно недавно, нередко возникают терминологические проблемы. Одна из них связана с терминами «туристский», «рекреационный» и «туристско-рекреационный», смысловые различия между которыми весьма расплывчаты. Не менее проблематичным является вопрос относительно понятий «туристский ресурс» и «туристский потенциал».

В настоящее время одной из наиболее актуальных проблем развития туристской индустрии в нашей стране является и разработка системы комплексной оценки туристских ресурсов и территорий. Она рассматривалась на протяжении длительного периода времени и в основном в рамках плановой экономики страны. Наибольший интерес представляют подходы, предложенные И.В. Зориным, Ю.С. Путриком, В.В. Свешниковым, а также исследования специалистов географического факультета МГУ Н.С. Мироненко, А.Ю. Александровой [4].

Но в данных концепциях можно выделить такой недостаток, как концентрация внимания при проведении оценки на отдельных составляющих туристского потенциала и пренебрежении другими (например, недостаточное внимание уделяется экономическим факторам при повышенном интересе к рекреационно-географическим). В то же время для устойчивого развития туризма в туристских регионах необходимо проведение комплексной оценки туристских ресурсов, которая учитывала бы все значимые факторы, влияющие на рекреационный потенциал территорий.

Анализ регионального и муниципального туристского законодательства показывает, что проблема оценки туристских ресурсов и их классификации актуальна и на этом уровне. В то же время ни в одном из региональных законов не содержится каких-либо четких указаний на методики проведения оценки [2].

Разрабатываемая методология предполагает проведение комплексной оценки различных по своим свойствам характеристик и наиболее целесообразно применять балльную рейтинговую шкалу оценки, позволяющую сопоставить эти характеристики.

Рейтинговая оценка туристских ресурсов – оценка различных свойств, качественных и количественных параметров туристско-рекреационных ресурсов региона в условных баллах, присваиваемых каждой характеристике, которые впоследствии формируют итоговый рейтинг всех туристских территорий [1].

Предлагаемая методика оценки включает 4 базовые категории оценки:

– наиболее перспективные – наиболее высококачественные, высокоразвитые, благоприятные для развития туризма ресурсы и территории для первоочередного освоения;

– благоприятные – высококачественные, благоприятные для развития туризма ресурсы и территории, не обладающие статусом федерального значения, но значительные по количеству или имеющие региональный, межрегиональный статус;

– относительно благоприятные – ресурсы и территории, интенсивное туристское использование которых возможно, но имеющие ряд негативных (репеллентных) свойств, которые снижают их привлекательность или обладают незначительными количественными и качественными характеристиками;

– неблагоприятные – малоперспективные ресурсы и территории, которые не обладают высокими количественными и качественными характеристиками [5].

При этом для оценки применяется десятибалльная шкала, а оценки подразделяются по категориям в соответствии с таблицей (табл. 1).

Таблица 1

Шкала комплексной балльной оценки
туристско-рекреационных ресурсов и территорий

№ категории	Наименование категории оценки	Балльная оценка
1	Наиболее благоприятные	9–10
2	Благоприятные	6–8,9
3	Относительно благоприятные	4–5,9
4	Неблагоприятные	0–3,9

Так как целями оценки туристско-рекреационных ресурсов, в том числе, являются районирование и классификация туристских территорий, а впоследствии составление регионального кадастра туристских ресурсов, то необходимо проводить рейтинговую оценку не отдельных туристских ресурсов, а комплексную оценку территорий в соответствии с существующим административно-территориальным делением региона. Таким образом, целесообразно использовать при оценке понятие регионального рекреационного потенциала (РРП).

Региональный рекреационный потенциал (РРП) – это комплекс экологических, ландшафтных, социальных, инфраструктурных и других количественных и качественных характеристик, влияющих на развитие рекреации и туризма в существующих и перспективных туристско-рекреационных регионах [4].

Все факторы, которые влияют на оценку регионального рекреационного потенциала, привлекательность территории для развития туризма и рекреации, можно разделить на несколько категорий:

Экологический потенциал, включающий следующие основные компоненты:

– экологическая оценка состояния земельных ресурсов;
– экологическая оценка состояния лесных ресурсов;
– экологическая оценка состояния атмосферного воздуха;
– экологическая оценка состояния водных ресурсов;
– оценка радиационного загрязнения.

Ландшафтный потенциал:

– оценка количественных и качественных характеристик рельефа;
– оценка количественных и качественных характеристик водных ресурсов;
– оценка количественных и качественных характеристик растительного и животного мира;

– оценка количественных и качественных характеристик особо охраняемых природных территорий (ООПТ);

– оценка количественных и качественных характеристик природных лечебных ресурсов.

Культурный потенциал:

– оценка историко-культурных объектов;

– оценка социально-культурных объектов;

Инфраструктурный потенциал:

– оценка транспортной инфраструктуры;

– оценка инфраструктуры связи;

– оценка средств размещения, в том числе специализированных;

– оценка безопасности;

– оценка организаторов туризма, торговли, общественного питания.

При этом при проведении оценки учитываются аттрактивные и репеллентные свойства, влияющие на оценочную величину (табл. 2).

Таблица 2

Факторы, влияющие на региональный рекреационный потенциал

Оцениваемый компонент	Факторы, влияющие на оценку
ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ	
Земельные ресурсы	Доля нарушенных и деформированных земель, в общей площади земельного фонда, доля переувлажненных, заболоченных, эрозионных, загрязненных земель
Лесные ресурсы	Показатель лесистости территорий, доля лесов по различным группам, доля лесов, пораженных различными болезнями
Атмосферный воздух	Объем выбросов вредных веществ, доля проб с превышением предельно допустимых концентраций в общем объеме отобранных проб
Водные ресурсы	Объем сбросов вредных веществ, доля проб с превышением предельно допустимых концентраций в общем объеме отобранных проб
Радиационное загрязнение	Доля площадей, находящихся в зоне радиационного загрязнения, уровень радиационного загрязнения на различных территориях
ЛАНДШАФТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ	
Рельеф	Аттрактивные свойства рельефа, его информационная насыщенность природными объектами, рекреационная ёмкость, обозримость и внушительность объектов, выразительность и т.п.
Водные ресурсы	Выразительность и аттрактивность отдельных водных объектов, насыщенность ландшафта водными объектами, их размер и разнообразие и т.п.

Окончание табл. 2

Оцениваемый компонент	Факторы, влияющие на оценку
Ресурсы растительного и животного мира	Пространственное разнообразие растительного и животного мира, количество редких видов флоры и фауны на территории, количественная оценка растительных и животных ресурсов для развития охоты, рыбной ловли, сбора грибов и ягод и т.п.
Особо охраняемые природные территории	Доля площади ООПТ в общей площади территорий, статус ООПТ
Природные лечебные ресурсы	Разнообразие природных целебных ресурсов, их качественное состояние и количественные запасы, их доступность в целях рекреации
КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ	
Историко-культурные объекты	Количество, ценность и информативность памятников истории и культуры, памятных мест
Социально-культурные объекты	Количество и разнообразие библиотек, театров, спортивных сооружений, кинотеатров и других мест культурного и развлекательного досуга населения
ИНФРАСТРУКТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ	
Транспортная инфраструктура	Протяженность дорожной сети с твердым покрытием, статус автодорог региона (федеральный, региональный, местный), эксплуатационная длина железнодорожных линий, связи с другими регионами, наличие аэропортов различного значения и воздушного сообщения как внутрироссийского, так и международного, наличие и протяженность судоходных рек и каналов
Инфраструктура связи	Широта охвата телефонной связью населенных пунктов, доля цифровой телефонии, развитие сети Интернет и наличие пунктов доступа в Интернет, Интернет-провайдеров, предоставляющих услуги, широта охвата и качество сотовой связи.
Средства размещения, в том числе специализированные	Число гостиничных предприятий, их номерной фонд и единовременная вместимость, качественные характеристики гостиничного фонда (количество гостиниц со статусом 3 звезды и выше). Число санаторно-курортных организаций, организаций отдыха и туристских баз, их загруженность, вместимость и качественный статус.
Безопасность	Количество природных и техногенных чрезвычайных ситуаций на территории региона, уровень преступности и др.
Организаторы туризма, торговля и общественное питание	Количество и уровень организаций общественного питания, уровень цен, количество и величина туристских фирм, предприятий торговли.

По всем компонентам РРП формируются рейтинговые оценки. При этом, если оценка по одному из компонентов включает несколько составляющих, то рассчитывается среднее значение, которое и является итоговой рейтинговой оценкой по данному компоненту РРП. Далее оценки по четырем компонентам формируют итоговую оценочную матрицу (табл. 3). При этом по всем туристско-рекреационным районам рассчитываются средние значения оценки, исходя из которых территорию относят к одной из предложенных ранее оценочных категорий [2].

Так как оценка территорий проводилась на основании существующего административно-территориального деления, то границы туристско-рекреационных районов совпадают с административными границами региона.

Таблица 3

Итоговая матрица оценки рекреационного потенциала

Туристско-рекреационный район	Экологический потенциал	Ландшафтный потенциал	Культурный потенциал	Инфраструктурный потенциал	Итого	Средняя оценка	Категория территории
Район 1							
Район 2							
Район 3							
…..							
Район 11							

На основе рейтинговой оценки, во взаимодействии и взаимозависимости с ее процедурой и результатами необходимо провести классификацию и районирование туристских ресурсов и территорий по ряду определенных признаков: по типам туристского природопользования, по роли объектов для развития туризма, видам туристских ресурсов, возможностям рекреационного использования [3].

Результаты классификации и комплексной оценки туристских ресурсов в дальнейшем используются для проведения районирования территорий, на основе которого формируются многофакторные карты туристских ресурсов регионов и страны в целом с выделением территорий, различных по степени благоприятности для развития туризма и рекреации [6].

Библиографический список

1. Кусков, А.С. Рекреационная география: учеб.-метод. пособие / А.С. Кусков, В.Л. Голубева, Т.Н. Одинцова. – М.: Флинта: МПСИ, 2005. – 493 с.

2. Саранча, М.А. Методологические проблемы интегральной оценки туристско-рекреационного потенциала территории / М.А. Саранча // Вестник Удмуртского университета. Серия «Биология. Науки о земле». – 2011. – Вып. 1. – С. 118–127.

3. Третьякова, Т.Н. Историко-культурное наследие региона. В 2 ч. / Т.Н. Третьякова, С.В. Федорова, М.С. Локтева. – Челябинск: УралГУФК, 2007. – Ч. 2. – 496 с.

4. Третьякова, Т.Н. Краеведение в региональном туризме: учебное пособие. В 2 ч. / Т.Н. Третьякова. – Челябинск: ФГОУ ВПО УралГУФК, 2010. –Ч. 1. – 520 с.

5. Оценка рекреационного потенциала Севера России / А.В. Евсеев, Т.М. Красовская, Н.С. Мироненко и др. – Смоленск, 1996.

6. Андреева, М.А. География Челябинской области: монография / М.А. Андреева, А.С. Маркова. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. – 320 с.

К содержанию

УДК 338.484 + 338.48-6:502/504
ББК У433.5 + У518.113

РАЗВИТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА НА УРАЛЕ В УСЛОВИЯХ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

М.Н. Малыженко

Экологический туризм сегодня является одним из наиболее востребованных направлений. В современном мире достаточно остро встает проблема охраны природы и ее ресурсов, а экологический туризм в этом смысле способствует сохранению природных памятников, формированию бережного отношения к природным ресурсам. Экологический туризм на Урале – достаточно новое направлением туристской деятельности и имеет огромный потенциал.

Ключевые слова: экология, экологический туризм, национальные парки, заповедники, заказники, природные ресурсы.

Появление и развитие экологического туризма, обусловлено стремлением человека свести к минимуму изменения окружающей среды. Экологический туризм – особый сектор туристской сферы, направленный в первую очередь на общение с природой, познание ее объектов и явлений, активный отдых. При этом традиционные развлечения, комфорт отходят на второй план.

Потребность в общении с природой у человека была всегда. Но если в первые периоды истории девственная природа была неотъемлемым элементом его жизни, то в последующем она постепенно редуцировалась, теряя свою первозданность. Современный человек, все более отдаляясь от природы, все же стремится замедлить, а иногда и остановить неизбежный процесс техногенеза. Поэтому именно во второй половине двадцатого столетия одновременно с формированием общества потребления и проявлением глобальных экологических проблем возникает экологический туризм [1].

Основная цель экологического туризма – гармонизация отношений между экономической выгодой, получаемой от рекреации, экологической безопасностью природных территорий, используемых для отдыха, и удовлетворением потребности людей в общении с природой. В последнее время экологический туризм рассматривается мировым сообществом как одна из форм устойчивого, неистощительного природопользования [2].

Южный Урал находится на территории двух федеральных округов Российской Федерации – Приволжского и Уральского, трёх субъектов федерации: Башкортостана, Оренбургской и Челябинской областей. Горы Южного Урала представляют собой остатки старой горной системы, охватывавшей наряду со всей территорией современной Челябинской области значительную прилегающую часть современного Башкортостана и территории к востоку от региона. Также горная система Южного Урала охватывает Оренбургскую и Курганскую области РФ, а также часть Казахстана.

К достопримечательностям Южного Урала относятся: НП Таганай; Озеро Тургояк; Озеро Увильды; гора Большой Иремель, вершина Южного Урала; Пещера Шульганташ (Капова); Зилимский спелеорайон; хребет Инзерские Зубчатки, хребет Нары, территория Южно-Уральского государственного природного заповедника; гора Большой Нургуш; Урочище Пороги; Аркаим, страна городов (открытые археологами в конце 80-х годов укрепленные поселения древних ариев); Зюраткуль (самое высокогорное озеро на Южном Урале, вода в озере одна из самых пресных в мире, вокруг озера находятся хребты Зюраткуль, Нургуш, Москаль и гора Лукаш); Сикияз-Тамакский пещерный град (в настоящее время очень популярен у туристов, сплавляющихся по реке Ай); Карстовые озера-родники Красный ключ, Сарва, а также карстовые родники Кипун и Тюба; Янгантау (Горелая гора); Ильменские горы; Серпиевский пещерный град (в двух из трех пещер обнаружены рисунки древних людей); река Белая (в свое время сплав по Белой был общесоюзным водным маршрутом); хребет Уреньга (типичный среднегорный хребет Южного Урала с гольцами, горной тайгой и тундрой); Сычинское верховое болото на хребте Машак (самое большое верховое болото на Южном Урале, вода в нем находится в непрерывном движении); хребет Ялангас; река Юрюзань (идеальнейшее место для семейного сплава); река Ай (на Ае – лунной реке, в ее среднем течении со-

средоточенно великое множество всего, красивейшие и разнообразные скалы-притесы, многочисленные пещеры: Аверкиева яма, Сикияз-Тамакский пещерный град.); Мурадымовское ущелье (протяженное ущелье, образованное рекой Большой Ик, излюбленная часть Башкирии для отдыха жителей ее юга) и другие.

По данным Министерства по физической культуре, спорту и туризму Челябинской области, Челябинская область является одним из тех регионов России, которые обладают большими возможностями для развития экологического туризма, на территории области представлены разнообразные природные ландшафты, неповторимые памятники природы, археологии и культуры. Челябинская область располагает обширной сетью особо охраняемых природных территорий, в области находятся 6 особо охраняемых природных территорий федерального значения: Ильменский государственный заповедник, Южно-Уральский государственный заповедник, национальные парки «Таганай» и «Зюраткуль», курорты Увильды и Кисегач, а также 23 заказника и 137 памятников природы областного значения.

Многие туристские фирмы г. Челябинска предлагают экологические туры в пределах области, наиболее популярными объектами являются: Игнатьевская пещера, оз. Тургояк, ос. Святой Веры, природно-исторический комплекс «Пороги», Сикияз-Тамакский пещерный комплекс на реке Ай, Аркаим, национальные парки «Зюраткуль» и «Таганай» и пр.

Охарактеризуем названные объекты экологического туризма более подробно.

Одним из наиболее популярных объектов экологического туризма является Игнатьевская пещера. Она расположена на правом берегу р. Сим в 7 км вниз по течению от д. Серпиевка Катав-Ивановского района. Является вместилищем картинной галереи древних людей эпохи палеолита. В 1949 г. по рекомендации археолога К.В. Сальникова объявлена памятником археологии, в 1961 г. объявлена памятником природы областного значения. В 1995 г. пещера включена в «перечень объектов исторического и культурного наследия федерального значения».

Еще одним популярным объектом экологического туризма является урочище Пороги – это природно-исторический комплекс, одно из живописнейших мест Уральского региона, находится рядом с п. Пороги (Саткинский район Челябинской области). В поселке практически без изменений сохранился заводской комплекс начала XX в. – гидроэлектростанция, построенная около ста лет назад на р. Большая Сатка, электрометаллургический завод «Пороги», который первый в России стал производить феррохром. Пороги – это единственный на всем Урале завод, который без серьезных изменений действует с дореволюционных пор [3, с. 98].

Многие туристские агентства г. Челябинска предлагают туры выходного дня, включающие урочище Пороги. На Порогах сотрудники предлагают

проведение экскурсии с посещением гидроэлектростанции, плотины и завода, в п. Пороги есть возможность разместиться в комфортабельном трехзвездочном отеле.

К объектам экологического туризма по Челябинской области, пользующегося спросом у туристов, относится озеро Тургояк и остров Святой Веры. Тургояк – одно из уникальных творений природы в Челябинской области. Озеро лежит на высоте 320 м над уровнем моря, у подножия Ильменского хребта. Тургояк включен в список 100 ценных водоемов земного шара. Тургояк является одним из самых привлекательных мест Южного Урала, которое часто называют «младшим братом Байкала».

Остров Святой Веры – самый большой из шести островов озера Тургояк, где в своё время находился старообрядческий скит. Название острова связано с легендой об отшельнице, проживавшей на одиноком острове, окружённом водами Тургояка, в начале XIX в. Старообрядцы почитали ее еще при жизни, а после смерти причислили к рангу святых. На острове сохранились древние объекты мегалиты – крупные культовые сооружения, сложенные из массивных камней, аналогичные знаменитым мегалитам Западной Европы, Ближнего Востока и дольменам Кавказа [4, с. 24].

Экскурсии, предлагаемые туристскими агентствами, включают в себя прогулки на катере или яхте по озеру Тургояк и посещение острова Святой Веры. Присутствие на острове Святой Веры самостоятельно без экскурсовода запрещено.

Среди видов экологического туризма выделяют водный туризм, представляющий собой сплавы по рекам. На территории Челябинской области большое количество рек, по которым осуществляются сплавы. Туристические фирмы г. Челябинска предлагают сплавы по реке Ай, это река пользуется большой популярностью среди любителей сплавов, т.к. в ее долине находится большое количество достопримечательностей.

В переводе с башкирского языка «ай» означает «лунная, светлая, красивая». Река берет начало в 40 км от г. Златоуста, протекая по территории Челябинской области и Республики Башкортостан, она впадает в реку Уфу. Сплав по реке Ай проходит по самым живописным местам Южного Урала, долина реки включает в себя многочисленные памятники природы, скалы, притесы, карстовые родники, пещеры, археологические стоянки. К достопримечательностям реки относят: Карстовую арку, пещеры Кургазакского лога, скала «Чертов палец», «Черные скалы», пещера Сквозная, Сикияз-Тамакский пещерный комплекс [5, с. 135].

Карстовая арка находится на правом берегу реки Ай у поселка Новая Пристань, здесь много причудливых скал в виде разрушенных крепостных сооружений, с темными глазницами пещерных гротов, столбообразных останцев с глубокими расщелинами. Карстовая арка – реликт древней пещеры, разрушенной временем и рекой, высота ее свода достигает 15 м.

Пещеры Кургазакского лога расположены в 3–4 км к северо-западу от п. Покровка на левом берегу р. Ай. Здесь имеются как горизонтальные, так и вертикальные пещеры-шахты. Среди них пещера Кургазакская, её длина составляет 357 м, а глубина – 18 м, Студенческая длинной 40 м и глубиной 8 м, пещера Большая Покровская яма длиной 62 м, глубиной 47 м, Малая Покровская яма длинной 92 м, глубиной 35 м.

Скала «Чертов палец» находится в 1 км ниже от с. Петропавловское (Кусинский район) по течению р. Ай. Высота скалы достигает до 80 м над уровнем реки, с нее открывается живописный вид на долину р. Ай.

Пещера Сквозная расположена в скалах правого берега р. Ай в 2 км ниже д. Сикияз-Тамак на высоте 70 м от уровня реки. Представляет собой сквозную подземную полость длиной 43,5 м. Во входном вестибюле этой пещеры вскрыт культурный слой, содержащий в себе археологический материал: кости, керамику, кремниевые отщепы и орудия труда.

Этот удивительный комплекс представляет собой компактно расположенный пещерный ансамбль-город, вместивший в себя 43 различных по размерам и формам карстовые полости. Среди них пещеры и гроты, скальные навесы, карстовые арки и мосты, погребенные и полупогребенные пещеры.

В 15 пещерах и гротах были обнаружены следы пребывания древних людей. В дальнем зале пещеры Сысоева (Сквозная Сикияз-Тамакская) археологи обнаружили подземное святилище с черепами пещерных медведей, место, где древние уральцы поклонялись древним богам и духам. Сикияз-Тамакский пещерный комплекс является одной из самых значимых достопримечательностей, расположенных на р. Ай [6, с. 194].

Еще одним популярным объектом экологического туризма является историко-архитектурный комплекс Аркаим. Аркаим объединяет в одной географической точке два интересных туристу сюжета. Во-первых, археологический музей-заповедник, во-вторых, священные места нескольких современных религий (солнцепоклонников, шаманистов и т.п.). На территории комплекса есть три горы: Поклонная, Шаманка и гора Любви. Экскурсионная программа музея-заповедника «Аркаим» включает в себя: музей «Человек и Природа», поселение Аркаим, музей «Курган Темир», музей «Казачья усадьба», музей «Исторический парк», музей «Жилище каменного века», музей древних технологий.

Инфраструктура Аркаима представляет собой: парковку, палаточный лагерь, вагончики, столовую, умывальники с водопроводной водой, освещенную территорию, мусорные бочки, продуктовый киоск [7, с. 20].

На территориях национальных парков «Таганай» и «Зюраткуль» расположены памятники природы, представляющий интерес туристов.

По территории Национального парка «Таганай» проложены экологические тропы такие как: «В центр гранатовой короны» (геологическая, по

копям и рудникам); «К Монблану» (природно-оздоровительная); «К подножию Рифея» (обзорная); «На вершину Дальнего Таганая» (ботанико-экологическая); «Тропа первопроходцев» (историко-краеведческий маршрут); «По грани Европы и Азии» (учебно-экологическая).

На территории парка находится музей природы, расположенный в здании Таганайского лесничества, он служит визитной карточкой парка. Музей состоит из двух залов: биологического и минералогического. Экспозиция музея дает представление о природных достопримечательностях парка, знакомит с разнообразием растительного и животного мира. В музее можно узнать об истории освоения природных кладовых края в прошлые века [8, с. 137].

Среди наиболее интересных природных объектов Национального парка «Зюраткуль» центральное место занимает одно из красивейших озер Урала – озеро Зюраткуль, являющееся уникальным природным объектом. К природным объектам парка относятся также река Калагаза, Большой и Малый Березяк, скалы Зюраткульские Столбы, Вязовая роща. Кроме официальных памятников природы, на территории парка есть еще целый комплекс природных достопримечательностей: горно-тундровое плато на хр. Нургуш; скальный останец Гребешок на р. Большой Березяк в юго-восточной части парка; скалы Медведи на хребте Зюраткуль; живописные скальные останцы на хр. Лукаш, Сука, Нургуш; артезианский источник «Фонтан» высотой около 7 м в верховьях р. Малая Сатка между хр. Сука и Уван; родник «Кипящий ключ» в верховье р. Большая Калагаза; реликтовые ельники на хр. Нургуш и Лукаш [8, с. 53].

Также следует отметить, что в течение 2017 года Министерство экологии России планирует сформировать в Челябинской области новую особо охраняемую природную территорию – национальный парк «Зигальга». Хребет Зигальга – один из самых протяжённых на Южном Урале, располагается на левом берегу реки Юрюзань. Наивысшие точки – Большой Шелом (1427 м), Третий Шелом (1293 м) и Мёрзлый Утёс (1237 м). Южная оконечность Зигальги находится на территории Южно-Уральского государственного природного заповедника. Кроме того, в России будут созданы еще 5 национальных парков – «Сенгилеевские горы» (Ульяновская область), «Ладожские шхеры» (Карелия), «Хибины» (Мурманская область), «Кодар» (Забайкальский край), «Ленские столбы» (Якутия), а также два заповедника и два заказника [9].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что особо охраняемые природные территории обладают огромным потенциалом для развития экологического туризма. По их территориям проложены многочисленные туристские тропы, оборудованы места стоянок, есть предприятия размещения. В процессе подобных туров проводятся семинары по экологии, встречи с общественностью и другие мероприятия.

Библиографический список

1. Косолапов, А.Б. Теория и практика экологического туризма: учеб. пособие / А. Б. Косолапов. – М.: КНОРУС, 2005. – 240 с.

2. Квартальнов, В.А. Теория и практика туризма: учебник / В.А. Квартальнов. – М.: Финансы и статистика, 2003. – 672 с.

3. Моисеев, А.П. Памятники природы Челябинской области / А.П. Моисеев, М.Е. Николаева. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1994. – 135 с.

4. Третьякова, Т.Н. Особо охраняемые территории Челябинской области как объекты экологического туризма / Т.Н. Третьякова, М.С. Локтева. – Челябинск: Изд-во УралГАФК, 2003. – 57 с.

5. Андреева, М.А. Природа Челябинской области / М.А. Андреева, В.А. Бакунин, З.Ф. Кривопалова, И.Н. Коршунков, А.С. Матвеев. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2001. – 269 с.

6. Левит, В.И. Южный Урал: География, экология, природопользование / В.И. Левит. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 2001. – 246 с.

7. Бегичева, В. Аркаим, солнце ариев / В. Бегичева // Наука и религия. – 2006. – № 2. – С. 20–22.

8. Национальные парки России. Урал и Сибирь / под ред. И.А. Кусый, М.И. Шишкина, Е.Р. Руковишникова. – М.: Вокруг света, 2007. – 203 с.

9. Официальный сайт Министерства природный ресурсов и экологии Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mnr.gov.ru.

К содержанию

УДК 338.48-53(470.55) + 338.483(470.55)
ББК Ч518.1(2Р-4Че) + У433.1(2Р-4Че)

ОЦЕНКА ПРИРОДНОГО ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА САТКИНСКОГО РАЙОНА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

О.В. Максимова

В статье рассматривается природный туристско-рекреационный потенциал Саткинского района Челябинской области с целью выявление перспектив развития природоориентированных форм туризма в регионе. Представлен медико-биологический и психолого-эстетический типы оценивания природного потенциала территории.

Ключевые слова: туристско-рекреационный потенциал, оценка природного потенциала, методология оценки, объекты потенциала.

Под туристским потенциалом понимается вся совокупность природных, культурно-исторических и социально-экономических предпосылок для организации туристской деятельности на определенной территории. Туристским потенциалом часто называют и отношение между фактической и предельно возможной численностью туристов, определяемой исходя из наличия туристских ресурсов. Но, по мнению ряда специалистов, это неверная точка зрения. Потенциал – это наличие на определенной территории возможностей, резервов, которые могут быть при определенных условиях использованы для достижения намеченной цели – развития туризма.

Туристско-рекреационный потенциал включает два понятия, которые неразрывны и взаимодополняющие. Рекреационный потенциал как естественную составляющую и туристический потенциал – культурно-историческое наследие – как антропогенную составляющую, а также определенные ландшафтные комплексы, где происходит туристическая деятельность, отдельные природные или антропогенные туристические объекты посещения – музеи, памятники культуры, архитектуры, археологии, традиции населения, народные промыслы и т.д. Например, для спортивно-оздоровительных видов туризма, туристско-рекреационные ресурсы являются единственным особым понятием – естественная составляющая выступает как рекреационный ресурс и как туристский. С другой стороны – инфраструктура в местах расположения рекреационных ресурсов (минеральных вод, особенно комфортных климатических территорий) является своего рода туристским ресурсом или производственными мощностями в сфере туризма и рекреации.

Изучению понятия туристско-рекреационных ресурсов посвящены работы таких ученых, как Т.В. Николаенко, В.А. Квартальнова и И.В. Зорина и др. Исследованием оценки туристско-рекреационного потенциала занимались такие ученые, как К.С. Ситкова, Р.И. Хабенков, В.П. Чижова, М.Г. Божко и др.

По мнению автора книги «Рекреационная география» Д.В. Николаенко: «Рекреационный потенциал – совокупность природных и социокультурных предпосылок для организации рекреационной деятельности на определенной территории» [4].

И.В. Зорин и В.А. Квартальной под рекреационным потенциалом понимают отношение между фактической и предельно возможной численностью туристов, которая определяется, исходя из наличия рекреационных ресурсов. Однако Л.С. Кусков считает данное определение не совсем верным, т.к. оно подразумевает лишь природные рекреационные ресурсы и не берет во внимание культурно-исторические.

Таким образом, туристско-рекреационный потенциал (ТРП) территории включает в себя следующие составляющие: природные (ландшафтные), историко-культурные и спортивно-оздоровительные ресурсы того или иного региона (субъекта федерации, муниципального образования в его составе). Успешное развитие туристской сферы невозможно без тщательного учета ресурсных возможностей каждого района, входящего в данный регион.

Саткинский район обладает бесспорными конкурентными преимуществами для развития индустрии туризма. Именно он рекордсмен в Челябинской области по количеству памятников природы, истории, культуры. Это и национальный природный парк «Зюраткуль», заводской комплекс «Пороги», Иструтский мужской монастырь, природный комплекс «Айская долина» и Сикияз-Тамакский пещерный комплекс.

Существуют следующие типы оценивания природных ресурсов региона: медико-биологический и психолого-эстетический. В данной работе приводится методика медико-биологического типа оценки природного туристско-рекреационного потенциала территории Саткинского района. Этот тип оценивания отражает воздействие природных факторов на организм человека, их комфортность. Ведущую роль при этом играет оценка рекреационных климатических ресурсов. При психолого-эстетической оценке исследуется эмоциональное воздействие отличительных черт природного ландшафта или его компонентов на человека.

Природные рекреационные ресурсы в работе оценивались по трехбалльной системе пофакторно-интегральным способом (3 балла – благоприятный ресурс; 2 балла – относительно благоприятный ресурс; 1 балл – неблагоприятный ресурс). Основной критерий оценки – степень благоприятности компонентов ландшафта, условий биоклимата, объектов или фак-

торов для различных видом природоориентированного туризма (лечебно-оздоровительного, спортивного, экологического, охотничьего и рыболовного).

Для характеристики биоклиматических условий использовались климатическая, физическая карты, данные метеорологических справочников, описания из энциклопедий и путеводителей, а также таблицы и карты-схемы [3].

Саткинский район – муниципальное образование в Челябинской области Российской Федерации. Образован 4 ноября 1926 года. Административный центр района – город Сатка (год основания 1758) расположен в 190 км к западу от областного центра Челябинска, на западном склоне Уральских гор, недалеко от географической границы между Европой и Азией

Население – 81,010 тыс. чел (на 1.01.2016 г.). В районе проживают русские (77 %), татары (14 %), башкиры (5 %), украинцы (1,4 %), а также другие национальности. На территории района находятся 34 населенных пункта, объединенных в 5 городских и 2 сельских поселений. Городские поселения: Бакальское, Бердяушское, Межевое, Саткинское, Сулеинское. Сельские поселения: Айлинское, Романовское.

Общая площадь Саткинского района составляет 241 207 га. Площадь застроенной территории – 1674 га. Площадь земель лесного фонда195 999 га.

Саткинский район расположен в северо-западной части Челябинской области. На востоке граничит со Златоустовским городским округом, на севере – с Кусинским, на юге – с Катав-Ивановским районами, на западе – с Дуванским районом республики Башкортостан. Форма территории района представляет собой неправильный многоугольник, несколько вытянутый в меридиальном направлении с севера на юг. Его протяженность – 60 км, в поперечнике – 45 км. Географические координаты Саткинского района – 58°40' –59°22' восточной долготы и 54°43' – 50°20' северной широты по Гринвичу [7].

На формирование климата Саткинского района огромное влияние оказывает его географическое положение, сложный горный рельеф.

Располагаясь на значительном удалении от океанов, район имеет умеренно-континентальный климат с холодной и продолжительной зимой и теплым летом. Вегетационный период более короткий: 130 дней против 169.

На территории района абсолютный максимум температур равен +18 °С, абсолютный минимум – -53 °С. Амплитуда температур равна 91 °С. Самым теплым месяцем является июль, а самым холодным – январь. Наблюдается зимняя температурная инверсия – с повышением местности повышается температура.

В горных территориях района сильная пересеченность рельефа, большая разница в высотах создают разнообразные климатические условия. Средняя температура июля +16,6 °С, января – -16 °С. Годовая сумма осадков 730 мм, что значительно больше, чем на более низких плато и в долинах рек; число дней с осадками за год – 173. Высота снегового покрова в горных районах до 80 см. Относительная влажность воздуха достигает максимума в ноябре (82 %), а минимума – в мае (60 %). Преобладают ветры юго-западного направления.

С понижением местности происходит уменьшение осадков. Среднегодовое количество осадков равно 652 мм. Подавляющая доля годовой суммы приходится на теплую часть года (апрель–октябрь). За это время выпадает 84 % осадков годовой суммы, из них 60 % падает на летние месяцы. Самым дождливым и грозовым месяцем является июль. Зимой осадки незначительны и колеблются в пределах от 13 до 20 мм. Характерен устойчивый снежный покров 60–70 см продолжительностью до 200 дней. Годовой дефицит влажности невелик, для теплого периода – в пределах 1,2–4,4 мм, для холодного – 0,2–0,9 мм.

На климат области существенно влияют Уральские горы, вызывающие возмущения воздушных масс при пересечении хребта. Особенности рельефа обуславливают наличие хорошо выраженной широтной зональности в Зауралье и вертикальной поясности в горах. Среднегодовая температура воздуха – 2,2 °С. Относительная влажность воздуха – 69,2 %. Средняя скорость ветра – 3,2 м/с. По результатам исследования в Саткинском районе режим контрастной изменчивости погоды относительно благоприятен для рекреационной деятельности (табл. 1).

Таблица 1

Пофакторно-интегральная оценка режима контрастной изменчивости погоды

Пофакторная оценка	Характеристика (в соответствии с картами-схемами)	Оценка в баллах
Лето	Умеренная	2
Зима	Умеренная	2
Интегральная оценка		2

Воздействие природных факторов определялось в баллах по шести направлениям, результаты оценки представлены в таблице (табл. 2). Среднее значение составляет 2,1 балла, что соответствует тому, что медико-биологический тип природных ресурсов района близок к благоприятному.

Преобладающий рельеф местности – горный (восточная окраина Уфимского плато, западные отроги Уральского хребта). Уральские горы возникли примерно 300 миллионов лет назад. В систему хребта Нургуш

входит одна из самых высоких вершин Саткинского района и Челябинской области – гора Большой Нургуш (1406 м). Нургуш вытянут на 50 км. Его средняя высота – 1200 м.

Таблица 2

Оценка воздействия природных факторов на организм человека

№ п/п	Наименование фактора	Интегральная оценка режима
1	Режим солнечной радиации	2,3
2	Атмосферная циркуляция	2
3	Ветровой режим	2
4	Термический режим	1,8
5	Режим влажности	2,5
6	Режим осадков	2
	Интегральная оценка биоклимата	2,1

Значительные горных цепей расположено в восточной части района: хребет Зюраткуль (1184 м), Москаль 1048 м), Большая Сука (1198 м), Уван (1222 м), Уреньга (1136 м), Шуйда (950 м). Общая длина Уреньги – 65 км.

В западной части района возвышаются более низкие горные хребты – Макарушкин (930 м), Сулея (728 м), Жукатау (642 м), Чулков (717 м), кряж Туйтюбе, а также множество более мелких гор, холмов. В долине реки Ай, возле бывшей деревни Сакияз-Тамак, находится самая низкая отметка Саткинского района – 245 м над уровнем моря.

Гидрографическая сеть территории Саткинского района представлена реками Ай, Юрюзань, их притоками, малыми реками, ручьями, водохранилищами, озером Зюраткуль.

В Саткинском районе расположено всего одно озеро – Зюраткуль. Это единственное на Урале озеро, расположенное на высокой отметке – 724 м над уровнем моря. Зюраткуль – самое высокогорное озеро в европейской части России. Его водосборная площадь – 215 кв.км. В озеро впадают множество речек, ручьев, ключей. Самые значительные из них – Большой, Малый, Девятый кылы, Батуев и Черный ключи. Вытекает из озера одна река – Большая (Озерная) Сатка. Площадь озера составляет 13,0 кв.км. Объем воды – 79 млн куб.м. Наибольшая глубина водоема – 8 м, средняя – 4,5 м. Длина озера – 7 км. Береговая линия вытянута на 26 км. Вода в озере чистая, прозрачная, пригодная для питья. По чистоте она не уступает водам Тургояка и даже Байкала. Поэтому Зюраткуль является питьевым резервуаром Сатки.

Зюраткуль – памятник природы республиканского и союзного значения, а 1991 году Советом Министров РСФСР принято решение о создании национального природного парка «Зюраткуль».

Все реки Саткинского района относятся к бассейну Волги. Они впадают в реки Ай и Юрюзань, которые являются притоками реки Уфимки. Ай – самая крупная река Саткинского района. По территории района она течет на участке длиной 83 км. Наиболее значительными притоками Ая являются реки Сатка, Иструть, Шулемка, Бия, Ищелька, Каменка, Уллуир, Сикияз, Винокурный и Безымянный ключи. За последние годы исчезли Коротаевский и Межевой ключи, карстовые источники «Шумиха», «Кургазак» и Алексеевский. Решением Саткинского горисполкома от 12 августа 1991 года долина реки Ай объявлена памятником природы.

Саткинский район находится в горно-лесной зоне на северо-западе Челябинской области. Территория района расположена в полосе хребтов западной части Южного Урала, на границе со Средним Уралом, в бассейне рек Ая, Юрюзани и их притоков. По межгорным долинам проходят русла рек, порою окаймленные высокими отвесными скалами, иногда возвышающимися до 100 м.

Почвообразовательные процессы в горно-лесной зоне зависят от большой залесенности, горного рельефа, влажного и прохладного климата. Четко прослеживается вертикальная поясность в распространении почв.

Верхние части гор заняты либо каменными россыпями, либо тундровой растительностью с горно-тундровыми почвами. Ниже расположены высокогорные луга с горно-луговыми почвами. На склонах хребтов и сопок распространены щебенчатые и дресвяные оподзоленные суглинистые и супесчаные почвы – основной почвенный фон зоны.

В верхней части лесного пояса представлены травяные редкостойные леса с горно-луговыми оподзоленными почвами. Под хвойными и смешанными лесами преобладают горные серые и темно-серые лесные почвы.

Ландшафт – подзона елово-пихтовых лесов с примесью сосны, лиственницы и лиственных пород. В северо-западной части района вдоль границы с Республикой Башкортостан полосой тянется Месягутовский лесостепной остров. Он простирается по южным отрогам кряжа Туйтюбе в окрестностях с. Айлина, дер. Алексеевка и Петромихайловка.

Растительный мир горной части Саткинского района относится к району темнохвойных лесов, субальпийских лугов и высокогорной растительности. В лесах здеб6сь преобладают пихта и ель, а высокогорье предполагает зональность по высоте, т.е. чрезвычайное разнообразие зеленого мира. В гольцовой зоне встречаются довольно редкие для Южного Урала карликовые березы и арктические ивы, на моховых болотах возле первого Нургушского перевала – растение заполярных тундр морошка. Обычные для горных вершин брусника, водяника (шикша), голубика, черника, можжевельник, родиола розовая (золотой корень). В районе горы Большой Нургуш встречаются редкие растения: астра альпийская, горец живородящий, качим уральский (уральский эдельвейс), лаготис уральский. Около 70 рас-

тений (в т. ч. 13 эндемиков: горькуша уральская, крестовник Игошиной, ястребинка иремельская и др.) внесены в Красную книгу РФ. В 6 км от бывшего кордона Олимпиева расположена вязовая роща – ботанический памятник природы, самый восточный участок ареала горного вяза (ильма) на европейской части России. Большой интерес представляют чистые по составу лиственные леса паркового типа, протянувшиеся длинной (более 15 км) узкой лентой по западному склону хребет Уреньга. Возраст их превышает 200 лет.

Всего в районе покрыто лесом 163 тыс. га (лесистость территории 68 % – один из самых высоких показателей по Уралу). Широколиственных лесов нет, есть лишь небольшие участки дубрав и зарослей клена. В основном преобладают темнохвойные (пихтово-еловые) леса, но в них достаточно много березы и лиственницы. В высокогорной части Саткинского района расположен национальный парк «Зюраткуль.

Психолого-эмоциональное воздействие черт природного ландшафта определялось в баллах по трем направлениям, результаты оценки представлены в таблице (табл. 3). Среднее значение составляет 2,6 балла, что соответствует тому, что психолого-эстетический тип природных ресурсов района близок к благоприятному.

Таблица 3

Оценка психолого-эмоционального воздействия
черт природного ландшафта на человека

№ п/п	Наименование фактора	Интегральная оценка в баллах
1	Характеристика рельефа	2,5
2	Характеристика водных объектов	2,8
3	Рекреационная оценка почвенно-растительного покрова	2,5
	Интегральная оценка ландшафта	2,6

Выявленный природный потенциал рассматриваемого Саткинского района показал, что его данные равны показателю 2,35 балла (с учетом среднеарифметической интегральной оценки биоклимата и интегральной оценки ландшафта).

Таким образом, исследование показало, что движущим направлением развития рекреационного туризма района являются природно-климатические условия региона, а также наличие ресурсов.

При анализе природного туристско-рекреационного потенциала Саткинского района Челябинской области были получены следующие результаты: территория района благоприятна для развития природоориенти-

рованных форм туризма (лечебно-оздоровительного, спортивного, экологического, охотничьего и рыболовного).

Следует акцентировать внимание на развитие круглогодичного активного туризма. Летом – это сплавы, походы, пещеры, рыбалка, охота, вездеходы. Любителей экстрима ждут скалы. Зимой – снегоходы, квадрациклы, а также охота и рыбалка, пещеры. Необходимо развивать разнопрофильную туристскую инфраструктуру (предприятия питания, размещения, транспортные, досуговые) с привлечением малого и среднего бизнеса.

Район является уникальным конгломератом природного, культурно-исторического и индустриального наследия. С одной стороны – это мощный промышленный узел. С другой стороны – это значительные по площади экологически чистые участки территории. Туризм избран в качестве приоритетного направления лёгкой диверсификации экономики в соответствии со стратегией развития района до 2020 года. Сейчас инвестиции по этому проекту направлены на развитие трех основных рекреационных зон – «Зюраткуль», «Пороги» и «Сатка». Реализация этой идеи даст району до пяти тысяч рабочих мест, что в свою очередь поможет привлечь инвестиции на сумму около 2,9 миллиарда рублей, а также значительно увеличить поток туристов и денежных поступлений в бюджет района

Библиографический список

1. Биржаков, М.Б. Введение в туризм / М.Б. Биржаков. – СПб.: «Издательский дом Герда», 2008. – 576 с.

2. Зорин, И.В. Энциклопедия туризма: Справочник / И.В. Зорин. – М.: Финансы и статистика, 2003. – 368 с.

3. Котлярова, О.В. Теория и методология рекреационной географии / О.В. Котлярова. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2012. – 76 с.

4. Николаенко, Д.В. Рекреационная география: учеб. пособие / Д.В. Николаенко. – М.: ВЛАДОС, 2003. – 279 с.

5. Челябинская область. Атлас / под ред. проф. В.В. Латюшина. – Челябинск: АБРИС, 2014. – 12 с.

6. Инвестиционный паспорт Саткинского муниципального района Челябинской области [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gosbook.ru/node/42927/.

7. Саткинский муниципальный район [Электронный ресурс]. – URL: www.ravmin74.ru/administrativnoe-delenie/satkinskiy_rayon.

К содержанию

УДК 338.48-52:796.9
ББК Ч518.113 + У433.5

ОСНОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ГОРНОЛЫЖНОМ ТУРИЗМЕ

Н.А. Гердт, И.В. Пызина

Актуальность рассматриваемой в статье проблемы обусловлена высоким спросом на горнолыжные туристические туры как простого обывателя, так и спортсменов-профессионалов. Стремительное развитие горнолыжного туризма, формирование специфических предложений для горнолыжников и сноубордистов, и соответственно, необходимость соблюдения личной техники безопасности, требуют постоянных исследований в этой сфере туриндустрии и выработки соответствующих рекомендаций.

Ключевые слова: безопасность, правила поведения на горнолыжных курортах.

На горнолыжных курортах провести отпуск или выходные дни готовы многие граждане России. Туристические агентства предлагают для любителей зимнего отдыха широкий выбор предложений, где заснеженные горы поразят красотой туристов, а специализированные центры предоставят великолепную возможность любителям лыж и сноубордов провести время с пользой для здоровья, катаясь на подготовленных склонах разной сложности.

Современный горнолыжный центр включает гостиничные комплексы, систему маятниковых, канатно-кресельных и буксировочных дорог – подъемников, трассы спусков разной протяженности и сложности, учебные склоны, службу трасс и контрольно спасательную службу, спортивные организации и сооружения, магазины, пункты проката спортинвентаря, горнолыжные школы.

Один из основных аспектов любого вида отдыха – его безопасность. Поэтому, оказавшись на горнолыжном курорте, необходимо уделять особое внимание данному аспекту. Люди хотят отдыхать и быть уверенными, что с их здоровьем ничего не случится. Однако каждому следует отдавать себе отчет в том, что горнолыжный курорт – это территория повышенного риска, и для того чтобы время прошло приятно и без каких-либо эксцессов, следует соблюдать элементарные нормы безопасности.

Под безопасностью туризма понимается безопасность туристов, сохранность их имущества, а также ненанесение ущерба при совершении путешествий окружающей среде, материальным и духовным ценностям общества, безопасности государства [1, ст. 14].

Горные лыжи и сноуборд всегда связаны с риском. Существуют правила Международной лыжной федерации, которые применяются ко всем лыжникам и сноубордистам, их обязан знать каждый спортсмен, уважать и соблюдать. В случае если он не делает этого, то его поведение при несчастном случае может рассматриваться как нарушение гражданского и уголовного законодательства [5].

Соблюдая правила техники безопасности, отдыхающие предотвращают возможность получения травм. Поклонникам экстремального спорта следует быть внимательными и осторожными на склонах: без освоения определённых навыков нельзя выходить на сложные трассы, которые выбирают профессиональные горнолыжники, новичкам подойдут простые, пологие спуски, во время манёвров на лыжах в горах не следует игнорировать знаки, предостерегающие туристов от опасностей.

Горнолыжный туризм весьма травмоопасен. Травмоопасность – это состояние, характеризующееся повышенным риском получения туристом травм [2].

В первую очередь путешественникам стоит позаботиться об оформлении медицинской страховки. Страховая премия при этом в разы больше, так риски многократно увеличены – ведь в горах могут возникнуть чрезвычайные ситуации. Также нарушение установленных практикой норм пользования трассами, в конечном счете, непременно отразится на увеличении травматизма, обусловленного спецификой горнолыжного спорта.

В случае отказа от заключения договора добровольного страхования расходы на оказание медицинской помощи в экстренной и неотложной формах в стране или месте временного пребывания несет сам турист, а расходы на возвращение тела (останков) несут лица, заинтересованные в возвращении тела (останков), о чем туроператор (турагент) обязан разъяснить туристу под личную подпись [4].

При выборе склонов и проектировании горнолыжных трасс организаторам данного вида отдыха нужно тщательно рассчитать их пропускную способность и емкость – основополагающие параметры для удовлетворения требований безопасного катания, как и при планировании строительства канатных дорог и гостиниц.

Каждый горнолыжный центр обязан обеспечить минимум требований для организации безопасного катания на склонах в соответствии с принятыми международными нормами. У нижних станций подъемников горнолыжники должны быть информированы о степени трудности трасс, которые ожидают их наверху. По сложности трассы маркируются знаками следующих цветов (по возрастании. степени трудности): зеленый, синий, красный, черный [6].

На трассах должно быть гарантировано безопасное катание путем устранения опасных мест или их ограждения. Граница окончания безопас-

ного катания должна иметь четкий, хорошо видимый в любых погодных условиях, ориентир.

Для предупреждения о плохо заметных препятствиях (опасностях) на трассе или около них необходимо устанавливать предупредительные знаки. Нумеровать трассы следует по порядку – слева направо, начиная от долины вверх. Каждая трасса должна иметь свои дистанционные марки. Это облегчает ориентировку туристов и организацию поисковых работ в случае вероятных чрезвычайных ситуаций.

Не только трассы, но и всевозможные лыжные тропинки, пути подъезда к подъемникам, трассам, кафе, гостиницам должны быть удобны и приведены в безопасное состояние. Необходимо тщательно планировать серпантины спусков по крутым склонам: полки должны быть достаточно пологими и не слишком узкими, чтобы на них легко можно было тормозить, разъезжаться и делать повороты.

В России разработан и утвержден государственный отраслевой стандарт, определяющий требования к деятельности горнолыжных комплексов [3].

ГОСТ впервые был апробирован в зимнем сезоне 2015–2016 на площадках ВТРК «Архыз» и ВТРК «Эльбрус». По итогам тестового внедрения положения стандарта были доработаны. С 1 января 2017 года национальный стандарт действует на всей территории РФ и рекомендован к учету при организации деятельности отечественных горнолыжных комплексов.

Цель нового стандарта – закрепить основные правила создания и эксплуатации современного горнолыжного комплекса, предоставляющего услуги всесезонного отдыха различным категориям туристов [7].

Большое внимание при разработке ГОСТа уделено требованиям к организации безопасного пребывания посетителей на территории курорта в целом и горнолыжных склонах в частности, от оценки метеоусловий в зоне катания до контроля уровня квалификации службы спасения на трассах. Таким образом, для туристов соответствие того или иного российского горнолыжного курорта требованиям стандарта станет гарантией их безопасного отдыха и высокого качества оказываемых услуг.

Стандарт устанавливает типовые пакеты базовых услуг горнолыжных комплексов, определяет технические и организационные условия оказания каждого вида услуг, включая требования к безопасности. В нем также закреплены общие требования к формированию структуры управления, подготовке производственной деятельности по оказанию услуг, ведению экономической, маркетинговой, коммерческой и операционной деятельности горнолыжного комплекса.

В настоящее время в России стандартизация туристских услуг, предоставляемых горнолыжными комплексами, является добровольной инициативой. Однако, учитывая закрепленные в ГОСТе жизненно важные прави-

ла по обеспечению безопасного пребывания туристов, соблюдение требований к деятельности горнолыжных комплексов должно стать нормой для всех отечественных зон отдыха.

Новшество принятого стандарта в том, что он учитывает предложения, представленные профессиональным сообществом. Это очень объемный документ, и он включает требования как к самим комплексам, так и к эксплуатации объектов, к информированию туристов, требования безопасности, правила поведения для посетителей и многое другое.

Существование обновленного стандарта дает потребителю возможность оценивать качество, уровень инфраструктуры.

Согласно международной классификации трассы горнолыжного курорта делятся:

«зеленая» – трассы для начинающих;

«синяя» – трассы низкой степени сложности;

«красная» – трассы среднего уровня сложности.

Выбрав трассу, необходимо учитывать качество снежного покрова и количество лыжников. При спуске должна держаться определённая дистанция между участниками спортивного действия, чтобы минимизировать возможность столкновения. Ни в коем случае нельзя останавливаться на склоне, тем самым, создавая помехи другим лыжникам.

Те, кто неуверенно чувствует себя на лыжах, не должны выбирать сложные спуски. Лучше всего начинать катание с участием опытных инструкторов. На всех горнолыжных курортах имеется целый штат специалистов, которые окажут туристам любую практическую и теоретическую помощь. Всем желающим они дадут первые уроки катания. Для профессионалов проводятся мастер-классы, на которых опытные спортсмены могут узнать много нового и усовершенствовать свои навыки.

Освоение техники катания предполагает изучение правильного падения. Для этого следует выполнять специальные упражнения. С целью избежания серьёзных травм при падении необходимо группироваться. Неопытные горнолыжники на курортах должны пользоваться услугами профессиональных инструкторов, проводящих занятия по технике безопасности. Соблюдая все необходимые правила, адекватно оценивая свои возможности и способности, туристы избегают в горах массу неприятностей и приятно и весело проводят время.

Формирование здорового образа жизни и растущий спрос на горнолыжный отдых позволяют прогнозировать развитие горнолыжного туризма. Потенциальное увеличение количества россиян, увлекающихся зимними видами отдыха оценивается в 2,5 миллиона человек ежегодно. В числе главных точек притяжения горнолыжников эксперты называют Кавказ и Урал [8].

Безопасность туристов является главной задачей не только туристических агентств, предоставляющих услуги, не только организаторов горнолыжных курортов, но и самих потребителей данного вида услуг.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 24.11.1996 №132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) (ред. от 28.12.2016) // СПП «Гарант».

2. ГОСТ Р 50644-2009. Требования по обеспечению безопасности туристов. Туристские услуги. Требования по обеспечению безопасности туристов и экскурсантов. Введен 01.07.2011. – М.: Изд-во стандартов, 2011. – 12 с.

3. ГОСТР55881-2016. Туристские услуги. Общие требования к деятельности горнолыжных комплексов. Введен 01.01.2017. – М.: Изд-во стандартов, 2016. – 59 с.

4. Федеральное агентство по туризму. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: http://www.russiatourism.ru.

5. Библиотека международной спортивной информации [Электронный ресурс]. – URL: http://bmsi.ru.

6. Портал о горнолыжном отдыхе [Электронный ресурс]. – URL: http://www.nedoma.ru/.

7. Утвержден новый ГОСТ деятельности горнолыжных комплексов в России [Электронный ресурс]. – URL: http://profi.travel/news/24473/details.

8. Все новости туризма – TravelRussianNews [Электронный ресурс]. – URL: http://www.trn-news.ru/.

К содержанию

УДК 378.016:811.111 + 338.48:811.111’27
ББК Ч448.02

ДИАЛОГОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ И ОЦЕНИВАНИЯ НАВЫКОВ УСТНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ У ОБУЧАЮЩИХСЯ СПО ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ТУРИЗМ»

Д.В. Иванова

Рассматриваются возможности диалоговых технологий для развития и оценивания владения устными формами иноязычного профессионального общения. Приведен личный опыт организации занятия с использованием диалоговых технологий у обучающихся специальности «Туризм».

Ключевые слова: диалоговые технологии, профессиональное общение, коммуникативная компетентность.

В настоящее время на рынке труда отмечается новая тенденция: работодатели в большей мере заинтересованы в том, чтобы выпускники профессиональных образовательных организаций были готовы действовать самостоятельно и активно, принимать решения в различных ситуациях, гибко адаптироваться к стремительно развивающимся условиям современной жизни. Поэтому одной из основных задач обучения является создание условий для самостоятельного приобретения и осмысления знаний. При этом основная задача преподавателя смещается от традиционного преподнесения знаний обучающимся в сторону мотивации и формирования умений учиться самостоятельно.

В процессе обучения английскому языку наиболее эффективное восприятие и усвоение учебного материала происходит в результате межличностного познавательного общения, следовательно, на первый план выдвигается развитие *коммуникативной компетентности*, что предполагает активное общение, включающее в себя коммуникацию, интеракцию, перцепцию, единство которых делает успешным сотрудничество участников образовательных отношений (рис. 1).

При формировании коммуникативной компетентности целесообразно использовать диалоговую технологию, которая относится к технологиям личностно ориентированного обучения. В её основе лежат познавательная деятельность и межсубъектное взаимодействие участников образовательного процесса, реализуемые прежде всего в диалоге [1].

Важнейшими компонентами диалоговой технологии являются проблемность, общение, сотрудничество, на основе чего организуется дифференцированный подход к обучающимся. Это способствует саморазвитию и

самореализации обучающихся, формированию коммуникативной компетентности и культуры. В процессе диалога происходит развитие самостоятельности и критичности мышления, инициативы и собственной позиции обучающихся, стремления обсудить и решить поставленную перед ними проблему.

Рис. 1. Структура общения

В ходе диалога обучающиеся оказываются вовлечёнными в процесс познания, каждый вносит свой индивидуальный вклад, идёт обмен знаниями, идеями, способами деятельности. Причём происходит это в атмосфере доброжелательности и взаимной поддержки, что не только позволяет получать новое знание, но и развивает саму познавательную деятельность, приводит её на более высокий уровень кооперации и сотрудничества.

С целью оценки навыков устного профессионального общения на английском языке у студентов специальности «Туризм» было проведено бинарное учебное занятие с элементами игровых технологий на тему «Чрезвычайные ситуации за рубежом».

Для оценивания знаний, умений и компетенций была составлена программа деятельности, включающая 5 основных этапов.

1. Диагностика освоения лексического минимума по теме «Преступления и преступники».

2. Решение ситуационной задачи «В отделении полиции».

2.2.1. Подготовка диалогов в соответствии с коммуникативной задачей.

2.2.2. Разыгрывание диалогов; заполнение формы «Описание подозреваемого».

3. Экспертная оценка тестирования, заполнение Диагностической карты.

4. Организация самооценки сформированности общих и академических компетенций.

5. Организация рефлексии занятия.

При этом перед преподавателем ставились следующие задачи:

– сформулировать проблему и цели занятия;

– создать необходимую мотивацию, т.е. изложить проблему, показать ее значимость;

– установить регламент времени;

– сформулировать правила ведения диалога, основное из которых – выступить должен каждый;

– создать доброжелательную атмосферу, а также положительный эмоциональный фон, так как основой любого активного метода обучения является бесконфликтность.

Успешность диалогического взаимодействия зависит от конкретной ситуации, т. к. вне ситуации невозможно существование диалога. Кроме того, каждая ситуация неповторима, в этом и заключается суть говорения. Ситуативность базируется на понятии о том, что успешность диалогического взаимодействия прямо зависит от заданной ситуации и понимания учащимися речевой задачи общения [2].

На продуктивном этапе занятия студентам было предложено разыграть диалог между туристом и полицейским в Нью-Йорке по функциональным ситуациям. Приведём некоторые их них:

1. Imagine that you were the witness of theft in the hotel (Представьте, что вы стали свидетелем кражи в отеле).
2. Imagine that you were the witness of child’s kidnapping by the woman (Представьте, что вы стали свидетелем того, как женщина похищает ребёнка).
3. Imagine that you were the witness of setting off bomb in the supermarket not far from Manhattan Business Center in New York (Представьте, что вы стали свидетелем установки взрывного устройства в супермаркете недалеко от Бизнес-центра Манхэттен в Нью-Йорке).

В диалоге нужно было отразить ответы на основные вопросы:

1. Что произошло? (назвать преступление, согласно задаче).
2. Где произошло событие? (в задаче указано).
3. Во сколько произошло событие? (придумать).
4. Как выглядел преступник? (пол, раса, рост, возраст; лицо, волосы, глаза, рот, губы, щеки, нос, подбородок, телосложение).
5. Во что был одет преступник? (придумать по возможности: название и цвет одежды).

При составлении диалогов студенты могли воспользоваться полезными фразами и клише (фрагмент представлен в табл. 1) и примерным диалогом (табл. 2).

Во время диалога партнер-полицейский и все остальные слушатели отмечали в форме «Описание подозреваемого» (рис. 2) все детали, которые слышали, а затем сдавали экспертам на проверку.

Таблица 1

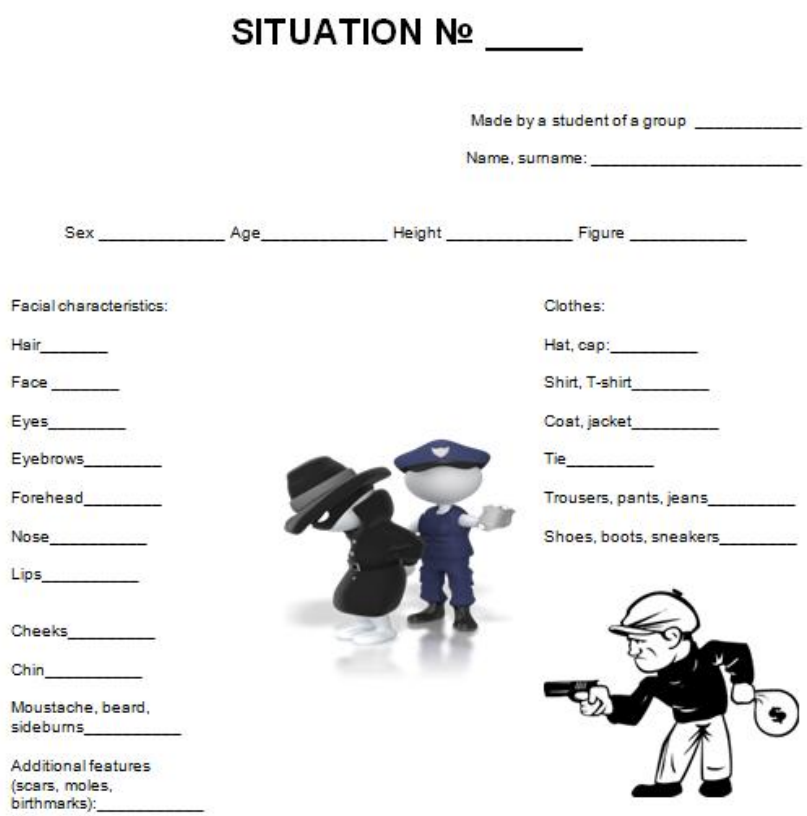
Полезные фразы и клише

What time has this event happened?	В какое время произошло это событие?
Where has this event happened?	Где произошло это событие?
What does the criminal look like?	Как выглядит преступник?
How would you describe his/her physical appearance?	Как вы могли бы описать его/ее внешность?
In your opinion, **how** old is he/she?	На ваш взгляд, сколько ему/ей лет?
He has a **scar** on his forehead.	У него **шрам** на лбу
He has a **birthmark** on his head	У него **родимое пятно** на голове
He has a **mole** on the right/left cheek	У него **родинка** на правой/левой щеке
He is about180 centimeters tall.	Он ростом около 180 см.
His/her lips are **…**	**full** – полные; **thick** – толстые; **thin** – тонкие

Таблица 2

Примерный диалог (с переводом)

Оригинал на английском языке	**Перевод на русский язык**
1 – Good afternoon, I would like to report a theft	Добрый день. Я хотел бы заявить о краже
2 – Good afternoon, can you tell me what's happened?	Добрый день. Скажите, пожалуйста, что произошло?
1 – I think I was pickpocketed. When I was in the store, somebody stole my wallet.	Я думаю, меня обокрали. Когда я был в магазине, кто-то украл мой бумажник
2 – Could you describe the person who has stolen your purse?	Вы можете описать человека, который его украл?
1 – Of course! This was a slim man, about 6 feet (180 centimeters) tall with short brown hair. His features were regular. He was freckled. He must be twentyish.	Конечно. Это был стройный молодой человек, ростом около 6 футов (180 см), с короткими коричневыми волосами. Черты его лица правильные. У него были веснушки. Ему на вид 20 лет.
2 – Were there any specific features in his appearance?	Были какие-то особенные черты в его внешности?
1 – Just a moment…Oh! He had a mole on the left cheek.	Минутку… А, да. У него была родинка на левой щеке.
2 – What was in your wallet?	Что было в вашем бумажнике
1 – A credit card, 20000 rubles and my driving license.	Кредитная карта, 20000 рублей и мои водительские права
2 – What time has it happened?	В какое время это произошло?
1 – About 2 p.m.	Около 2 часов дня
2 – Were there any witnesses?	Были какие-то свидетели?
1 – I don't think so.	Не думаю
2 – Could you fill in this form and give your phone's number?	Пожалуйста, заполните следующую форму и сообщите свой номер телефона
1 – Certainly, it's 234-57-46.	Конечно. 234-57-46
2 – Okay. If something is known, we'll contact immediately with you.	Если будет какая-либо информация, мы обязательно свяжемся с вами.


SITUATION № _____

Made by a student of a group _____

Name, surname: _____

Sex _____ Age_____ Height _____ Figure _____

Facial characteristics:

Hair_____

Face _____

Eyes_____

Eyebrows_____

Forehead_____

Nose_____

Lips_____

Cheeks_____

Chin_____

Moustache, beard, sideburns_____

Additional features (scars, moles, birthmarks):_____

Clothes:

Hat, cap:_____

Shirt, T-shirt_____

Coat, jacket_____

Tie_____

Trousers, pants, jeans_____

Shoes, boots, sneakers_____

Рис. 2. Форма «Описание подозреваемого»

При анализе занятия были сделаны выводы: 70 % обучающихся отмечают, что во время занятия слушали своих товарищей, 51 % отметили, что стали внимательнее, многое запомнили, много думали, 83 % обучающихся отметили, что время на занятии прошло быстро и очень понравилось работать в парах, 20 % научились преодолевать языковый и психологический барьер.

Как мы видим, изучая предмет в ходе диалога, обучающиеся развиваются интеллектуально, учатся совместной работе в кругу сверстников, развиваются познавательно, социально, эмоционально. Наблюдая работу в парах, можно отметить, что обучающиеся разного интеллектуального уровня и способностей могут друг друга слушать, исправлять ошибки, высказывать свои идеи, анализировать изученный материал, делать выводы. Более сильные учащиеся помогают слабым ученикам, которые берут пример с сильных учеников, они равноправны в своих действиях. Причем происходит это в атмосфере доброжелательности и взаимной поддержки, что позволяет получать новые знания, развивает познавательную деятельность, ведет к взаимопониманию, взаимодействию.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что диалог на занятиях по английскому языку – это особая коммуникативная атмосфера, которая помогает обучающимся развивать свои интеллектуальные и эмоциональ-

ные свойства личности, это способ отношений, это форма взаимодействия, позволяющая искать истину вместе. В диалоге проявляются важнейшие формы человеческих отношений, такие как взаимоуважение, взаимообогащение, сопереживание, сотворчество. Главная дидактическая ценность диалоговой технологии общения состоит в том, что она позволяет управлять познавательной деятельностью студентов в учебно-воспитательном процессе в ходе формирования у них новых понятий, а также формирует будущих специалистов с новым типом мышления, активных, творческих, способных мыслить самостоятельно, смелых в принятии решений, стремящихся к самообразованию.

Библиографический список

1. Абрамов, В.И. Диалоговые технологии как средство формирования коммуникативной компетентности учащихся / В.И. Абрамов // Социальная сеть работников образования [Электронный ресурс]. – URL: http://nsportal.ru/shkola/obshchepedagogicheskie-tekhnologii/library/2013/12/12/dialogovye-tekhnologii-kak-sredstvo.

2. Истомин, А.А. Аспекты диалогического взаимодействия на уроке английского языка [Электронный ресурс] / А.А. Истомин // Вестник ТГУ. – 2013. – № 8 (124). – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/aspekty-dialogicheskogo-vzaimodeystviya-na-uroke-angliyskogo-yazyka.

К содержанию

УДК 378.016:338.48:004
ББК Ч448.02

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ СПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ТУРИЗМ» НА ПРИМЕРЕ ДИСЦИПЛИНЫ «ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

А.В. Самсонова

Рассмотрены возможности применения различных педагогических технологий и средств ИКТ при подготовке обучающихся специальности «Туризм». Представлен личный опыт использования диагностических технологий, технологии активного обучения, проектной технологии, технологии портфолио на примере дисциплины «Информационно-коммуникационные технологии в профессиональной деятельности».

Ключевые слова: педагогическая технология, диагностические технологии, активные методы обучения, проектные технологии, портфолио, информационно-коммуникационные технологии.

В настоящее время деятельность туроператоров и других сотрудников туристических фирм при работе с клиентами по формированию, продвижению и реализации турпродукта осуществляется с комплексным использованием средств ИКТ, т.е. взаимосвязанным, совокупным использованием специализированных программных комплексов, информационных и информационно-поисковых систем, ресурсов Интернет.

Исходя из вышесказанного, представляется достаточно актуальным и обоснованным комплексное использование средств ИКТ и применение различных педагогических технологий для формирования у обучающихся специальности «Туризм» навыков продвижения и реализации туристского продукта при изучении дисциплины «Информационно-коммуникационные технологии в профессиональной деятельности».

В отечественной педагогической литературе в понимании и употреблении термина «педагогическая технология» существуют разночтения [2]. Под ней, в частности, понимают:

– проект определенной педагогической системы, реализуемой на практике (В.П. Беспалько) [1];

– упорядоченная совокупность действий, операций и процедур, инструментально обеспечивающих получение диагностируемого и прогнозируемого результата в изменившихся условиях образовательного процесса (В.А. Сластенин) [3].

Педагогическая технология – это такое построение деятельности учителя, в котором входящие в него действия представлены в определенной последовательности и предполагают достижения прогнозируемого результата.

Выбор технологий обучения преподаватель осуществляет, руководствуясь, прежде всего, своим педагогическим опытом, уровнем владения педагогическим инструментарием, требованиями ФГОС СПО.

На сегодняшний день можно перечислить огромное количество применяемых современных педагогических технологий. Рассмотрим некоторые технологии, которые реализуются в рамках преподавания дисциплины «Информационно-коммуникационные технологии в профессиональной деятельности».

Диагностические технологии. Для осуществления эффективной профессиональной деятельности преподавателю необходима достоверная информация, касающаяся различных сторон жизнедеятельности обучающихся. Как правило, преподавателю приходится пользоваться различными видами диагностики, приспосабливая их к конкретным задачам своей профессиональной деятельности.

Данная технология применяется для проверки усвоения знаний на занятиях, посвященных стартовой диагностике обучающихся, и на точках рубежного контроля.

Так, на вводном занятии студентам предлагается следующее задание: используя логические рассуждения, постройте таблицу (табл. 1), исключая минусом и плюсом предложенные варианты (7 баллов):

Сергей, Валера, Алексей, Виктор заказали путевки в Египет, Турцию, Грецию и Таиланд. Известно, что: Валера заказал не в Египет и Грецию; в Турцию поедет парень, который общается с Алексеем и с парнем, который поедет в Грецию; Виктор не летит в Турцию и Таиланд; Сергей знает Виктора и парня полетевшего в Египет.

Таблица 1

Кто полетит в Таиланд?

	Египет	Турция	Греция	Таиланд
Сергей	–	–	–	+
Валера	–	+	–	–
Алексей	+	–	–	–
Виктор	–	–	+	–

Данное задание помогает диагностировать уровень умений студентов получать, обрабатывать, передавать информацию, каким-либо образом связанную с будущей профессиональной деятельностью студентов.

Приведем примеры заданий для самостоятельного выполнения на контрольном занятии (точке рубежного контроля).

Задание: Выполните практическое задание за компьютером (MS Word, MS Excel). На диске в личной папке создайте папку ТРК № 1. Сохраните документы, согласно заданию.

1. Создайте документ MSWord и сохраните под именем СХЕМА. Составьте при помощи автофигур схемы, предложенные по образцу (рис. 1).

Рис. 1. Схема

2. Создайте документ MS Excel и сохраните под именем «Диаграммы». Создайте на основе предложенных диаграмм таблицы с данными и, используя данные таблиц, постройте диаграммы (по образцу и другого типа). Построить диаграмму динамики показателей туристических прибытий по регионам по образцу (рис. 2) и представьте собственную.

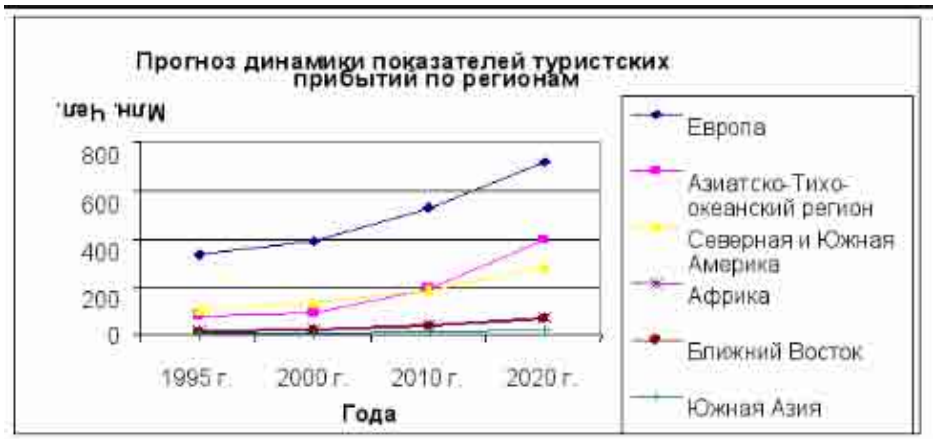


Рис. 2. Динамика показателей туристических прибытий по регионам

Технология активного обучения. Активные методы обучения – это методы, побуждающие учащихся к активной мыслительной и практической деятельности в процессе овладения учебным материалом. Активное обучение предполагает использование такой системы методов, которая направлена на самостоятельное овладение учащимися знаниями и умениями в процессе активной мыслительной и практической деятельности. Классификация активных методов обучения представлена в табл. 2.

Таблица 2

Классификация активных методов обучения

Неимитационные	Имитационные	
	Неигровые	Игровые
– проблемное обучение – лабораторная работа – практическое занятие – эвристическая лекция – тематическая дискуссия – программированное обучение – научно-практическая конференция	– анализ конкретных ситуаций – имитационное упражнение – действия по инструкции – разбор документации	– деловая игра – разыгрывание ролей – игровое проектирование

Рассмотрим пример занятия с использованием неимитационного активного метода обучения – практическое занятие «Комплексное использование возможностей MSWord для создания текстовых документов».

Обучающимся предлагается задание – создайте рекламу турагентства-размером 10x15 см и 12x15 см. Используйте для создания с вкладки «Вставка» раздел «Иллюстрации» (Автофигуры, Рисунок из файла), раздел «Текст» (WordArt). Образец рекламы турагентства представлен на рис. 3.

Рис. 3. Реклама туристического агентства «Мир туризма»

Другой фрагмент практического занятия, где применяется неимитационный активный метод обучения, с целью смоделировать рабочие ситуации, возникающие в туристических организациях: практическое занятие «Построение графиков, поверхностей и диаграмм в электронных таблицах».

Задание 1: Создайте в табличном процессоре Microsoft Excel таблицу «Динамика прибытия туристов». Произведите форматирование ячеек и данных в ячейках, произведите расчет по формулам данных по образцу (рис. 4).

п/п №	Страна	Прибытие (млн. чел.)		+/-	Доля рынка
		2014	2015	%	
1	Франция	70,0	71,4	?	10,7
2	Испания	47,7	52,0	?	7,3
3	США	46,4	47,0	?	7,1
4	Италия	34,8	35,8	?	5,3
5	Китай	25,1	27,0	?	3,8
6	Великобритания	25,7	25,7	?	3,9
7	Мексика	19,8	20,2	?	3
8	Канада	18,8	19,6	?	2,9
9	Польша	18,8	17,9	?	2,9
10	Австрия	17,4	17,6	?	2,6
11	Германия	16,5	17,1	?	2,5
12	Российская Федерация	15,8	16,4	?	2,4
13	Чехия	16,3	16,0	?	2,5
14	Венгрия	15,0	12,9	?	2,3
15	Португалия	11,3	11,6	?	1,7

Рис. 4. Динамика прибытия туристов

Задание 2: Постройте диаграмму по количеству людей, прибывших из разных стран за 2014–2015 гг. Виддиаграммы: Гистограмма. Тип диаграммы: Объемная диаграмма с группировкой (рис. 5).

Рис. 5. Количество людей, прибывших из разных стран

Задание 3: Создайте в табличном процессоре Microsoft Excel таблицы «Расходы в туризме» и «Рейтинг рекламы туристического бизнеса» на основе предложенных диаграмм и постройте соответствующие диаграммы. Произведите форматирование ячеек и данных в ячейках, диаграмм по образцу (рис. 6, рис. 7).

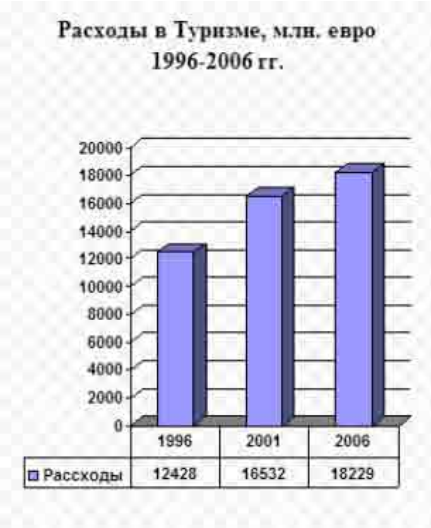


Рис. 6. Расходы в туризме

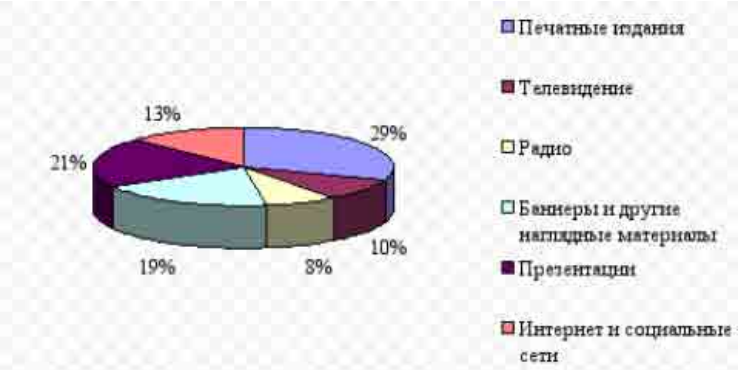


Рис. 7. Рейтинг рекламы туристического бизнеса

Проектные технологии. Теоретико-методологические основы проектных технологий подробно освещены в работах В.П. Беспалько, В.М. Монахова, Е.С. Полат, Г.К. Селевко и др. В основе проектной технологии лежит умение студента ориентироваться в информационном пространстве и самостоятельно конструировать свои профессионально-прикладные и практико-ориентированные знания. При выполнении проекта деятельность студентов может быть индивидуальной, парной или групповой. Работа выполняется в течение определенного отрезка времени и направлена на решение конкретной учебно-профессиональной проблемы.

Приведем пример задания, связанного с созданием творческих мини-проектов, в рамках практического занятия «Выполнение базовых операций над изображениями, слоями в растровом редакторе Adobe Photoshop».

Задание: создать коллаж (коллаж – это изображение, построенное из кусочков других изображений):

1. Коллаж «Туризм: водные пейзажи», выполненный с помощью прямоугольного выделения (сохранить в личной папке – папка практическая работа № 20 – файл «водные пейзажи 1»).

2. Коллаж «Туризм: водные пейзажи», выполненный с помощью кругового выделения (сохранить в личной папке – папка практическая работа № 20 – файл «водные пейзажи 2»).

3. Коллаж «Туризм: горные пейзажи», выполненный с помощью прямоугольного выделения (сохранить в личной папке – папка практическая работа № 20 – файл «горные пейзажи 1»).

4. Коллаж «Туризм: горные пейзажи», выполненный с помощью кругового выделения (сохранить в личной папке – папка практическая работа № 20 – файл «горные пейзажи 2»).

Примеры коллажей представлены на рис. 8, рис. 9.

Рис. 8. Коллаж «Туризм: природные пейзажи»,
выполненный с помощью прямоугольного выделения

Рис. 9. Коллаж «Туризм: горы»,
выполненный с помощью прямоугольного выделения

При разработке данных мини-проектов обучающиеся приобретают практический опыт работы в программе Adobe Photoshop по конструированию рекламных коллажей, связанных непосредственно с будущей профессиональной деятельностью.

Технология портфолио. Выделяют следующие типы портфолио: портфолио документов, портфолио работ, портфолио отзывов о достижениях обучающегося. Данная технология реализуется при проведении итогового контроля по дисциплине в форме дифференцированного зачета.

Портфолио персональных учебных достижений по дисциплине «Информационно-коммуникационные технологии в профессиональной деятельности» должно включать: отчеты о выполнении практических работ по дисциплине, электронный вариант практических работ и презентацию, содержащую краткий перечень и содержание практических работ.

Обобщив вышесказанное, можно сказать, что профессионально-ориентированное обучение студентов в рамках дисциплины «Информационно-коммуникационные технологии в профессиональной деятельности» можно осуществлять за счет использования диагностических технологий, технологии активного обучения, проектной технологии, технологии портфолио. По нашему мнению, предлагаемые технологии являются достаточно эффективными, так как они способствуют развитию умения анализировать информацию, самостоятельно добывать знания из различных источников, выбирать оптимальные пути решения проблемы, что весьма важно для становления конкурентоспособного специалиста.

Библиографический список

1. Беспалько, В.П. Слагаемые педагогической технологии / В.П. Беспалько. – М.: Педагогика,1989. – 192 с.
2. Жукова, Г.С. Технологии профессионально-ориентированного обучения: учеб. пособие / Г.С. Жукова, Н.И. Никитина, Е.В. Комарова. – М.: Издательство РГСУ, 2012. – 165 с.
3. Педагогическая технология: программа учебного курса / под ред. В.А. Сластенина. – М.: Прометей, 1991.

К содержанию

УДК 378.17 + 796.88.012

ТЕХНОЛОГИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ТЯЖЕЛОАТЛЕТОВ

Р.В. Хоменко, Е.В. Антропова

Под технологией индивидуализации подготовки тяжелоатлетов следует понимать применение тренировочных, соревновательных воздействий и обеспечивающих их факторов, построенных по строго определенным правилам, последовательное выполнение которых приводит к достижению максимальных результатов в тяжелой атлетике.

Ключевые слова: технология, модель, индивидуализация, управление, спортивная подготовка.

Многолетняя концепция спортивной подготовки предполагает подготовку спортсменов от новичка до мастера спорта международного класса как единого процесса. Подготовка спортсмена высокой квалификации – сложный, многолетний процесс.

Планирование годичного цикла тренировки занимающихся определяется:

1) задачами, поставленными в годичном цикле;

2) закономерностями развития и становления спортивной формы;

3) календарным планом спортивно-массовых мероприятий.

Структура годичного цикла подготовки разрабатывается на основе комплексного планирования основных количественных и качественных показателей тренировочного процесса, средств и методов контроля и восстановления. Структура представляет собой конкретно выраженную и четкую организационно-методическую концепцию построения тренировки на определенном этапе подготовки.

На начальном этапе (начальная подготовка):

1) развитие функциональных возможностей сердечно-сосудистой и дыхательной систем организма детей;

2) всестороннее физическое развитие;

3) развитие специальных физических качеств тяжелоатлетов;

4) обучение технике выполнения соревновательных упражнений (рывка и толчка);

5) обучение технике выполнения силовых упражнений из средств тяжелой атлетики;

6) участие в различных соревнованиях по общей физической подготовке, включая и с отягощениями;

7) тщательный врачебно-педагогический контроль и самоконтроль.

На тренировочном этапе (этапе спортивной специализации):

1) повышение уровня общей и специальной физической, технической, тактической и психологической подготовки;

2) приобретение опыта и достижение стабильности выступления на официальных спортивных соревнованиях по виду спорта тяжелая атлетика;

3) формирование спортивной мотивации;

4) укрепление здоровья спортсменов.

На этапе совершенствования спортивного мастерства:

1) повышение функциональных возможностей организма спортсменов;

2) совершенствование общих и специальных физических качеств, технической, тактической и психологической подготовки;

3) стабильность демонстрации высоких спортивных результатов на региональных и всероссийских официальных спортивных соревнованиях;

4) поддержание высокого уровня спортивной мотивации;

5) сохранение здоровья спортсменов.

На этапе высшего спортивного мастерства:

1) достижение результатов уровня спортивных сборных команд Российской Федерации;

2) повышение стабильности демонстрации высоких спортивных результатов во всероссийских и международных официальных спортивных соревнованиях.

Современные взгляды на основы построения спортивной тренировки связаны с признанием трех уровней в ее структуре:

1. Уровень микроструктуры – это структура отдельного тренировочного занятия и малых циклов (микроциклов), состоящих из нескольких занятий.

2. Уровень мезоструктуры – структура средних циклов тренировки (мезоциклов), включающих относительно законченный ряд микроциклов.

3. Уровень макроструктуры – структура длительных тренировочных циклов (макроциклов) типа полугодичных, годичных и многолетних.

Многолетняя тренировочная нагрузка в тяжелой атлетике делится на два этапа. На первом этапе длительностью в среднем от 6 до 8 лет происходит приспособление организма спортсмена к растущему объему и интенсивности нагрузки, что является ведущим фактором в программе спортивных достижений. Практика показала, что если спортсмен стремится выделять «ударные» годы по объему нагрузки для создания, так называемого фундамента будущих результатов, то это, как правило, приводит к снижению темпов прогресса или к задержке роста спортивно-технического мастерства. Первоочередной задачей всегда будет определение оптимального среднетренировочного веса для достижения планируемого результата, исходя из индивидуального коэффициента интенсивности. Учитывая практический опыт и имеющиеся сведения, можно рекомендовать три основных варианта ежегодного прироста объема нагрузки на 6-летний период (при исходном годовом объеме 7000 подъемов штанги (ПШ)): при 10 % прирост составит 7700, 8470, 9320, 10250, 11 370 и 12 510 ПШ; при 20 % – 8400, 10080, 12000, 14400, 17360 и 20820 ПШ; при 30 % – 9100, 11830,

15380, 20000, 26000 и 33800 ПШ. Естественно, что в практике в зависимости от индивидуальных особенностей атлетов могут встречаться и комбинированные варианты прироста объема тренировочной нагрузки. Например, в первые годы тренировки приросты больше, а в последующие – меньше.

Второй этап многолетнего тренировочного процесса характеризуется относительной стабилизацией годового объема тренировочной нагрузки и постоянным приростом интенсивности. На этом этапе между интенсивностью и результатом в сумме двоеборья обнаружена прямая связь, в то время как между объемом и результатом такой связи нет. Величина оптимального уровня объема строго индивидуальна. Оптимальный уровень объема и интенсивности тренировочной работы по годам подготовки – лишь исходные предпосылки для спортивно-технического совершенствования в многолетнем плане подготовки. Объективные предпосылки становятся реальной возможностью лишь при рациональном построении тренировочного процесса.

Непосредственное управление процессом подготовки на этапе высшего спортивного мастерства осуществляется тренером в рамках спортивно-педагогической деятельности. На основе опыта, интуиции и теоретико-методических знаний тренер разрабатывает стратегию и план подготовки спортсмена, определяет средства подготовки и восстановления, их распределение по основным параметрам, последовательности включения и т.д. При этом необходима объективная информация о последствиях воздействия данных средств на организм спортсмена, об эффективных системах обучения движениям, техническим приемам, тактическому мышлению, о знаниях закономерностей формирования спортивного мастерства.

Оптимизация индивидуализированного управления спортивной подготовкой предполагает выделение и реализацию следующих звеньев [2, 3, 4, 5].

1. Формирование модели-прогноза, включающей исходный и планируемый индивидуальный уровень спортивного мастерства; это группа предпосылок индивидуализированного.

2. Разработка программ спортивной подготовки с учетом начального, промежуточного и конечного индивидуальных уровней подготовленности и соревновательной деятельности. Это модель – решение, которое включает, с одной стороны, функционирование организма спортсменов, обусловленное родовым опытом, а с другой стороны – поведение спортсменов, определяемое преимущественно структурой, содержанием, величиной, длительностью, направленностью и условиями выполнения двигательной деятельности. Принципиально важно, что у спортсменов высокой квалификации наибольший эффект наблюдается при включении нагрузок, ориентированных на максимальное развитие индивидуальных задатков и способностей, при непременном устранении явных диспропорций в структуре подготовленности.

3. Разработка и организация системы комплексного контроля путем оценки результатов подготовки по промежуточным и конечным модельным характеристикам острых, срочных, устойчивых и долговременных реакций адаптации, отражающих формирование запланированных тренировочных эффектов и уровней спортивного мастерства.

Это модель – программа поведения спортсменов и их состояния, которая в той или иной степени корректируется на основе обратной связи меняющихся параметров двигательной деятельности и состояния с контрольно-измерительной и управляющей аппаратурой.

Модели прогноза, решения и программы целесообразно реализовать в двух контурах управления [2, 3].

В первом контуре (контуре саморегуляции) выполняется управление острыми и срочными адаптационными реакциями за счет выявления и регулирования величины и направленности изменения гомеостазиса и двигательной деятельности, характеризующих способность к мобилизации и использованию функциональных резервов организма при включении конкретных тренировочных и соревновательных нагрузок.

Первый контур управления – это контур «оперативной» адаптационной информации, контур реакции живой системы (организма) на каждый единичный акт воздействия с целью сохранения устойчивости в данный момент.

В первом контуре осуществляется оперативное управление, ставящее своей целью оптимизацию реакций организма, режима нагрузок и отдыха, характеристик двигательных действий при выполнении отдельных упражнений и их комплексов, программ отдельных тренировочных занятий, в отдельных соревновательных стартах, схватках, поединках и т.п. [3, 5].

Данный вид управления связан с использованием показателей, составляющих арсенал средств оперативного контроля, сопоставлением полученных данных с заданными и выработкой на этой основе путей коррекции тренировочной и соревновательной деятельности.

Становление и функционирование замкнутого контура определяет необходимые условия для дальнейшего совершенствования организма, поскольку гомеостазис обеспечивает возможность многократных воздействий среды (задаваемых нагрузок), способность сохранения и накопления полезных следов этих воздействий в структуре организма и – в итоге – постепенных изменений этой структуры.

Второй контур управления – это контур «структурной» адаптационной информации как контур отбора и запоминания множества «полезных следов» воздействия, контур накопления разнообразия, его формирования в определенную структуру. Иначе говоря, контур развития и совершенствования [1, 2, 5].

Во втором контуре осуществляется этапное и текущее управление.

Индивидуализированное управление спортивной подготовкой предполагает систему операций по эффективному применению тренировочных, соревновательных воздействий и обеспечивающих их факторов, построенных по строго определенным правилам, последовательное выполнение которых приводит к достижению максимальных индивидуальных результатов в спортивной дисциплине, являющейся предметом специализации (рис.).

Индивидуализированное управление спортивной подготовкой

Факторами формирования (достижения) выступают задаваемые нагрузки и условия их выполнения, рассматривающиеся в качестве причинных характеристик при системном представлении процесса становления спортивного мастерства. Разработана и апробирована программа контроля тренировочных и соревновательных нагрузок, предполагающая регистрацию и оценку величины (объема и интенсивности), специализированности, направленности, вариативности и особенностей размещения в различных структурных образованиях процесса спортивной подготовки.

В качестве факторов обеспечения и реализации (которые рассматриваются в качестве следственных характеристик) процесса становления спортивного мастерства были определены соответственно состояние здоровья, морфофункциональные особенности организма, иммунный статус, метаболизм, психическое состояние и уровень проявления основных двигательных качеств, ведущих параметров движений, структуры соревновательной деятельности. Достижение запланированного уровня соревновательной деятельности осуществляется за счет факторов формирования (задаваемые нагрузки и условия их выполнения), критериев обеспечения (общий компонент подготовленности) и реализации (специальный компонент подготовленности) мастерства спортсменов высокой квалификации. При этом одни и те же критерии обеспечения и реализации спортивного мастерства в различных дисциплинах (соразмерность в специальной физической подготовленности, эффективность энергообеспечения, резистентность к стрессовым воздействиям, интенсивность восстановительных процессов) отражает неодинаковые по уровню своего проявления параметры подготовленности. Последнее свидетельствует о различных механизмах формирования, обеспечения и реализации специфических компонентов работоспособности спортсменов высокой квалификации в различных дисциплинах (дистанциях, весовых категориях и т.д.). Данные компоненты определяют способность к максимальной функциональной и двигательной активности при выполнении соревновательных (конкретные дисциплины) и предельных специфических (ориентированных на подготовку к данным дисциплинам) тренировочных нагрузок в условиях значительного изменения внутренней среды организма.

Факторы и критерии достижения (формирования, обеспечения и реализации) предполагают разработку обобщенных (характерных для вида спорта в целом), групповых (отражающих специфику требований к высокому уровню результативности в конкретных дисциплинах) и индивидуальных (опирающихся на индивидуальные возможности и особенности отдельных спортсменов относительно различных дисциплин) моделей.

Принципиально важным является взаимодействие, взаимовлияние всех составляющих процесса спортивной подготовки.

Библиографический список

1. Абдеев, Р.Ф. Философия информационной цивилизации / Р.Ф. Абдеев. – М.: ВЛАДОС, 1994. – 336 с.

2. Исаев, А.П. Индивидуализация спортивной подготовки: состояние, проблемы и перспективные решения / А.П. Исаев, В.В. Рыбаков, В.В. Эрлих. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2016. – 531 с.

3. Платонов, В.Н. Система подготовки спортсменов в олимпийском спорте. Общая теория и ее практические приложения / В.Н. Платонов. – М.: Советский спорт, 2005. – 820 с.

4. Рыбаков, В.В. Управление спортивной подготовкой: теоретико-методологические обоснования / В.В. Рыбаков, А.В. Уфимцев, А.И. Федоров, М.Н. Ахмедзанов. – М.: СпортАкадемПресс; Челябинск: ЧелГУ; ЧГНОЦ УрО РАО, 2003. – 480 с.

5. Хоменко, Р.В. Теоретико-фактологические аспекты индивидуализации спортивной подготовки / Р.В. Хоменко, Е.В. Антропова, И.В. Мартыненко, Е. В. Иванов // Наследие крупных спортивных событий как фактор социально-культурного и экономического развития региона Международная научно-практическая конференция. – 2013. – С. 389–391.

6. Хоменко, Р.В. Контуры управления индивидуализацией спортивной подготовки / Р.В. Хоменко, Е.В. Антропова // Современные стратегии развития физической культуры, спорта и оздоровительных технологий Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию ЮУрГУ и 65-летию кафедры физического воспитания. – Челябинск, 2013. – С. 272–280.

К содержанию

УДК 796.92.012

МОРФОМЕТРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЫЖНИКОВ-ГОНЩИКОВ С РАЗЛИЧНОЙ СПОРТИВНОЙ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬЮ

А.С. Бахарева, Д.Х. Кинзягулова, А.С. Кулешов

На основе анализа морфометрических данных показан уровень физической работоспособности спортсменов. Определены основные источники энергообеспечения в зависимости от спортивной результативности. Установлено, что тело спортсмена подвергается энергетическому дефициту, который влияет на функциональное и метаболическое состояние организма при воздействии больших тренировочных нагрузок.

Ключевые слова: лыжники-гонщики, энергообеспечение, жировая ткань, мышечная ткань, физическая работоспособность.

В современных лыжных гонках подготовленность спортсменов во многом унифицирована и в большинстве случаев они обладают схожим уровнем физического развития, хорошим функциональным состоянием.

Синергия компонентов энергообеспечения намного эффективнее, чем наличие витаминов, минералов и ферментов [1]. Современная техника лыжных ходов, особенно техника в спринте, высокоэффективна, но крайне энергозатратна и требует отличной физической подготовки [2].

Анализ зарубежной литературы показал, что доли аэробного и анаэробного обеспечения в спринте равны 75 % и 25 %, а в дистанционных программах – 90 % и 10 % соответственно. В тоже время при преодолении подъемов у спринтеров анаэробные механизмы энергообеспечения достигают до 40 %, а у дистанционщиков – до 10–20 % [3].

Ученый Копенгагенского университета (Дания) Б. Салтин отмечает, что тенденции последних лет в лыжных гонках – это повышенное внимание к увеличению функциональных возможностей мышц рук, что позволило приблизить максимальное потребление кислорода (МПК) верхней части тела в отдельных упражнениях к общему МПК [4].

Исследование ученых Норвежского университета науки и технологий показало, что различные физиологические лабораторные переменные относительно одинаково коррелируют с уровнем результативности спринтерских и стайерских лыжных гонок. Абсолютные значения МПК демонстрируемые элитными спринтерами и лыжниками, специализирующимися на длинных дистанциях, похожи, но последние имеют более низкую массу тела [5].

В связи с вышесказанным анализ морфометрических характеристик и состава тела лыжников-гонщиков позволит определить потенциальные возможности организма спортсмена в периодах подготовки.

Контингент исследования составили лыжники-гонщики мужского состава в возрасте 21–23 года. Первую группу (1-я группа) составили спортсмены с высокой спортивной результативностью (n=10); вторую группу (2-я группа) – с меньшей спортивной результативностью (n=10). Формирование групп проходило с учетом результатов прошедшего сезона по рейтингу ФЛГР.

Для достижения поставленной цели в работе использовались инструментальные методы и методы математической статистики. Обследование проводилось в течение одного макроцикла на подготовительном и соревновательном периодах подготовки. На основе биоэлектрического импеданса с помощью анализатора Tanita BC-418MA (регистрационное удостоверение ФС № 2005/806 от 6.06.2005 г.) были получены параметры состава тела.

Полученные материалы исследования с помощью пакета программ Statistica 10.0, SPSS 17 на базовой основе ключевых методов были подвергнуты статистической обработке общепринятыми методами вариационной статистики с определением средней арифметической вариационного ряда (M), ошибки среднего арифметического (m). Определение достоверности различий (p) проводилось при помощи критерия Стьюдента (t).

Результаты исследования, представленные в табл. 1, показывают, что индекс массы тела в обеих группах находился в референтных границах нормального пищевого статуса. Масса жировой ткани в 1-й группе к соревновательному периоду увеличилась на 5,96 % (p >0,05), когда во 2-й группе спортсменов наблюдалось достоверное повышение показателя на

16,47 % (p <0,05). Процент мышечной массы преобладал у лидеров (на 5,13 %, p >0,05 на подготовительном периоде и на 4,83 %, p >0,05 – соревновательном). Увеличение массы мышечной ткани в теле спортсменов у двух групп к периоду стартов носило характер тенденции. Анализ жировой ткани у спортсменов указал на обратную связь содержаний водного и жирового обмена от перехода к соревновательному периоду.

Таблица 1

Показатели состава тела лыжников-гонщиков в периодах подготовки (M±m)

Группа	Общая вода (%)	ИМТ (усл.ед.)	Масса жировой ткани в теле (кг)	% жировой ткани в теле	Масса мышечной ткани в теле (кг)	% мышечной ткани в теле
подготовительный период						
1	64,10±4,76	22,00±1,84	6,04±1,27	8,66 ±1,21	36,23±4,44	51,73±2,04
2	62,62±3,57	22,29±2,31	5,95±2,14	8,08±2,82	34,61±3,61	46,60±0,96
p	> 0,05	> 0,05	> 0,05	> 0,05	> 0,05	< 0,05
соревновательный период						
1	58,15±4,57	22,85±1,26	6,40±0,85	8,90±1,59	38,16±3,36	52,31±1,39
2	61,60±3,88	22,76±1,17	6,93±0,72	9,43±0,25	35,64±1,44	47,48±1,25
p	> 0,05	> 0,05	> 0,05	> 0,05	< 0,05	< 0,05
различия (p) между периодами						
1	< 0,05	> 0,05	> 0,05	> 0,05	> 0,05	> 0,05
2	> 0,05	> 0,05	< 0,05	< 0,05	> 0,05	> 0,05

В табл. 2 приводятся результаты анализа показателей работоспособности лыжников-гонщиков, которые определялись методом велоэргоспирометрии.

Таблица 2

Показатели физической работоспособности лыжников-гонщиков в периодах подготовки по тесту PWC_{170} (M±m)

Группа	PWC_{170} (Вт/кг)	PWC_{170} (Вт)	Максимальная нагрузка (Вт)	Время работы (мин, с)	Время восстановления (мин, с)
подготовительный период					
1	6,15±0,83	426,57±33,81	723,14±36,66	15,07±0,97	4,25±0,65
2	3,74±0,51	268,51±33,27	330,00±42,16	12,00±1,44	3,31±1,41
p	< 0,01	< 0,01	< 0,01	< 0,05	< 0,05
соревновательный период					
1	6,18±0,61	447,43±36,10	776,71±32,39	16,24±0,87	3,23±0,15
2	4,56±1,30	334,63±82,80	397,43±161,35	15,32±6,76	3,12±1,52
p	< 0,01	< 0,01	< 0,01	> 0,05	> 0,05
различия (p) между периодами					
1	> 0,05	> 0,05	> 0,05	> 0,05	< 0,05
2	> 0,05	> 0,05	> 0,05	< 0,05	> 0,05

Показатель PWC_{170} относительно массы тела преобладал в группе лидеров как на подготовительном, так на соревновательных периодах (на 60,81 %, $p < 0,01$ и на 73,78 % $p < 0,01$ соответственно). Время восстановления, которое характеризуется снижением показателей ЧСС и АД до исходных значений, в группе лидеров к соревновательному периоду уменьшилось на 1 минуту 2 секунды ($p < 0,05$), когда во 2-й группе снижение время восстановления было на правах тенденции.

Заключение. При оценке развития мышечной (ММ) и жировой (ЖМ) масс нами использовались нормативы, разработанные в лаборатории спортивной антропологии ФГБУ ФНЦ ВНИФК:

– ММ – высокая – выше 54 %; средняя – 52–54 %; ниже среднего – 51,9–50,0 %; низкая – 49,9–48 %; очень низкая – 47,9–46,0%; очень и очень низкая – менее 46 %;

– ЖМ – низкая – менее 11 % (менее 8 % для мужчин); средняя – 11–13,9 % (8–10 %); выше среднего – 14,0–15,9 % (10,1–12,0%), высокая 16–19,9 % (12,1–16,0 %); очень высокая – 20,0–25,0 % (16,1–20,0 %), очень и очень высокая – выше 25 %.

Нами установлено, что морфологический статус лидеров в период стартов характеризуется средней мышечной и средней жировой массами. Морфологический статус спортсменов 2-й группы определялся уровнем ниже средней мышечной и средней жировой массами. Низкие значения мышечного компонента у спортсменов с меньшей спортивной результативности обусловило угнетение процессов синтеза белка, недостаток энергетических ресурсов в организме спортсмена, утомление и недостаток силовой подготовленности. Анализ жировой ткани и общей воды в теле спортсменов указал на обратную связь их содержания в периодах подготовки. Увеличение жирового компонента у лидеров к соревновательному периоду не имело достоверных различий и косвенно можно предположить о снижении активности процессов липолиза. Выраженное увеличение жирового компонента у лыжников 2-й группы в период стартов свидетельствует о сниженной активности не только жирового обмена, но и сниженном общим энергетическом потенциале, сниженным уровнем общей выносливости и низкой готовности организма к выполнению интенсивной физической нагрузки (сниженный уровень мощности анаэробного порога).

Высокий уровень физической работоспособности у 1-й группы в сравнении со спортсменами 2-й группы наблюдался на фоне повышения как мощностных, так и экономизационных возможностей систем энергообеспечения.

Библиографический список

1. Bakhareva, A.S., Isaev, A.P., Erlikh, V.V. Effective long term adaptation and metabolic state regulation of ski-racers. Pedagogics Psychology of Physical Training and Sports. – 2016. – V. 20 (3). – P.: 4–10.

2. Бахарева, А.С. Оценка состояния механизмов энергообеспечения у лыжников-гонщиков на подготовительном этапе по результатам корреляционного анализа / А.С. Бахарева, А.С. Аминов // Материалы VI Всероссийского конкурса молодых ученых, посвященного 90-летию со дня рождения академика В.П. Макеева «Итоги диссертационных исследований». – М.: РАН, 2014. – Т. 2 – С. 28–37.

3. Sandbakk, O. A Reappraisal of Success Factors for Olympic Cross-Country Skiing / O. Sandbakk, H. Holmberg // International Journal of Sports Physiology and Performance. – 2014. – № 9. – P. 117-121.

4. Saltin B. Success in cc skiing: no longer just a question of a high aerobic capacity / B. Saltin // 6 International Congress on Science and Skiing 2013, St.Christoph a. Arlberg. – Austria. – P. 14.

5. Колыхматов, В.И. Динамика интенсивности соревновательной деятельности спортсменов высокой квалификации в лыжном спринте / В.И. Колыхматов, Ю.М. Каминский, А.И. Головачев // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2014. – № 8 (114). – С. 83–88.

К содержанию

УДК 378-057.175:796 + 159.944

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ ПЕДАГОГА ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ В ПЕРИОД ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

А.С. Хафизова, А.Е. Черепов

Синдром профессионального эмоционального выгорания в последнее время все чаще указывается в качестве причин, снижающих качество педагогического труда и, как следствие, эффективность процесса образования. Учителя физической культуры подвержены профессиональному выгоранию не меньше других представителей педагогического труда. В работе исследованы количественные и качественные показатели выгорания учителей физической культуры. Авторами предложены ключевые направления работы по профилактике и нивелированию эмоционального выгорания педагогов.

Ключевые слова: педагоги физической культуры, профессиональное эмоциональное выгорание.

Введение. В последние 20 лет специфический вид профессионального заболевания педагогов – синдром «эмоционального выгорания» привлекает интерес многих исследователей. В настоящее время эмоциональное выгорание представляется, как механизм психологической защиты, вырабо-

танный личностью в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на психотравмирующие воздействия [4].

Феномен «выгорания» является острым кризисным состоянием, выражается физической и «душевной» усталостью, утратой веры в свои силы и, как следствие, невозможностью продолжать эффективную профессиональную деятельность.

В соответствии с подходом американских психологов Maslach и Jackson (1986) синдром выгорания представляет собой трехмерный конструкт [5]:

– эмоциональное истощение проявляется в подавленном настроении, равнодушии, эмоциональном перенасыщении, хронической усталости, снижении креативности;

– деперсонализацию можно охарактеризовать как деформацию отношений с другими людьми; это может быть, как повышение зависимости от других, так и, наоборот, повышение негативизма и циничности по отношению к учащимся, коллегам;

– редукцию профессиональных достижений, которая проявляется в виде недооценки или даже негативной оценки себя, своих профессиональных достижений, служебных достоинств и перспектив, может приводить к ограничению своих возможностей и обязанностей по отношению к другим людям.

Эмоциональное выгорание – представляет собой не только проблему для конкретной личности, но и для общества в целом. Исследования последних лет по проблематике выгорания, научно обоснованные технологии его профилактики и коррекции продолжают оставаться недостаточно разработанными [1]. Эмоциональное выгорание отражается на всех аспектах жизнедеятельности, включая профессиональную сферу, и является барьером для самореализации личности. Таким образом, вследствие высокой стрессогенности деятельности педагогов, проблема «выгорания» очень актуальна.

Цель работы – выявить наличие проявлений синдрома профессионального выгорания (СПВ) у педагогов физической культуры с разным профессиональным стажем в период адаптации в общеобразовательном учреждении, определить факторы его стабилизации.

Методы исследования. Для выявления подверженности педагогов синдрому профессионального выгорания авторами была использована методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко [2]. Согласно данной методике в самом процессе выгорания выделяются 3 основные фазы и 12 составляющих их симптомов. Первая фаза – это фаза напряжения, на которой педагог переживает различные стрессовые ситуации, испытывая при этом чувства тревоги, депрессии, безвыходности и неудовлетворенности собой. Во второй фазе педагог начинает сопротивляться стрессу, но делает это с помощью уменьшения своих профессиональных

обязанностей и эмоциональной отстраненности от работы. Название третьей фазы – истощение, на этой стадии у педагога появляются эмоциональный дефицит, деперсонализация и целый спектр психосоматических и психовегетативных дисфункциональных признаков.

Выборку составили 198 учителей школ Челябинской области проходивших повышение квалификации в ЧИППКРО, из них 86 мужчин и 112 женщин. Из них учителей со стажем педагогической работы до 5 лет – 32 человека; до 10 лет – 22 человека, до 20 лет – 42 человека, до 25 лет – 44 человека, более 25 лет – 58 человек. Анализ данных позволяет утверждать, что выбранная группа испытуемых отражает общую ситуацию в системе образования – это так называемая проблема «старения кадров»: 55 % респондентов составляет возрастная группа старше 45 лет, чей педагогический стаж составляет не менее 20 лет.

Результаты исследования показали, что из 198 респондентов риску развития СПВ подвержен каждый пятый или 21 % опрошенных. Если добавить к этому количеству и тех, кто находится в пограничном состоянии, то тогда цифра поднимается до 29 %.

Хотя имеющийся материал позволяет сделать вывод о том, что симптомы эмоционального выгорания чаще проявляются у респондентов старшей возрастной группы, в то же время данные симптомы СПВ обнаруживаются и в других возрастных группах (даже при стаже до 5 лет).

Анализируя развитие синдрома эмоционального выгорания, было выявлено, что наиболее сформированной является фаза «Напряжения» – сформировалась у 30 % педагогов. Далее следует фаза «Резистенции» – сформирована у 34 % педагогов. И наименее сформированной оказалась последняя фаза в развитии синдрома – «Истощения» – у 15 % педагогов (табл. 1).

Таблица 1

Данные исследования качественного показателя профессионального выгорания учителей школ г. Челябинска

Фазы	Этапы формирования		
	Не сформировалась	Формируется	Сформировалась
Напряжение	50	20	30
Резистенция	42	24	34
Истощение	53	32	15

Наглядно показано, что у многих учителей школ формируются или уже сформированы фазы резистенции и истощения. Т.е. процесс выгорания развивается достаточно давно. Если же оценить общий показатель целиком, то картина получится еще печальнее.

Таблица 2

Данные исследования количественного показателя профессионального выгорания учителей школ г. Челябинска

Общий показатель выгорания	Количество учителей, %
до 20 %	82
до 40 %	60
до 70 %	56

Анализируя факторы риска развития профессионального выгорания, можно систематизировать подходы к его профилактике. Факторы группируются в два больших блока: особенности профессиональной деятельности и индивидуальные характеристики учителей. Первый блок находится в компетенции руководства школы. Здесь и адекватное распределение нагрузки по времени дня, стимулирование деятельности педагога (как материальное, так и моральное), создание оптимальных рабочих условий (количество учеников в классе в первую очередь), дружественной обстановки в коллективе. Второй блок необходимо отнести к деятельности школьных психологов. От них требуется длительная и кропотливая работа по оказанию помощи взрослому человеку, работа, исключающая оценку его деятельности. Индивидуальная работа предшествует групповой, которая заключается в просветительских семинарах, профилактических тренингах с целью развития навыков стрессоустойчивости, управления временем, планирования деятельности, эффективного взаимодействия, коммуникативной компетентности, совладания с негативными эмоциями. Предполагается, что синдром профессионального выгорания может быть обратим на любой стадии развития, но наиболее успешно его преодоление проходит на начальной стадии его развития.

Таким образом можно определить основные направления профилактической деятельности: разрядка психоэмоционального напряжения, развитие творческого потенциала и активизация личностных ресурсов специалистов. Работа осуществляется в форме психологического тренинга, посредством психологических методов и технологий и обеспечивается достижение следующих результатов:

1. Приобретение новых знаний по проблеме профессионального выгорания.
2. Актуализация и мобилизация личностных ресурсов.
3. Снижение психоэмоционального напряжения.
4. Развитие коммуникативной компетентности.
5. Формирование навыков конструктивного решения конфликтов в профессиональной среде.
6. Обогащение навыками совладания со стрессом и саморегуляции эмоционального состояния.

К настоящему времени описаны и разработаны основные принципы и подходы к методу, направленному на оптимальный выбор в условиях многофакторного влияния – методу психолого-педагогического сопровождения. Сопровождение – это способ включения индивида в процесс взаимодействия с целью создания условий для саморазвития, самодвижения в деятельности всех субъектов взаимодействия [1, 3].

Разработку системы психолого-педагогического сопровождения необходимо осуществлять в несколько этапов: концептуальное обоснование психолого-педагогического сопровождения; разработка программы психологической поддержки; конструирование психотехнологий сопровождения.

Выводы. Результаты исследования показывают, что у многих учителей физической культуры школ присутствует синдром профессионального выгорания, при этом у достаточного количества формируются или уже сформированы фазы резистенции и истощения.

К основным направлениям психолого-педагогического сопровождения развития профессиональной компетентности педагога относятся: психологическая профилактика, развивающая психодиагностика, психологическое консультирование, педагогическое просвещение и образование.

Психологическая профилактика – содействие полноценному социальному развитию педагога, предупреждение возможных кризисов, личностных и межличностных конфликтов, включая выработку рекомендаций по улучшению условий самореализации, с учетом формирующихся социально-экономических отношений, оказывающих воздействие на условия образовательной среды. Сущность психопрофилактики состоит в создании условий для предотвращения ситуаций, факторов, вызывающих психологические напряжения, стрессы и травмы, а также повышение психологической толерантности (невосприимчивости) к ним у педагога.

Развивающая психодиагностика заключается в том, что, интерпретируя результаты диагностики индивидуально-психологических характеристик и сообщая их педагогу, происходит актуализация имеющихся у него психологических знаний, а также развивается его психологическая компетентность. А поскольку индивидуальные показатели диагностики имеют большую субъективную значимость для педагога, то объяснение сущности диагностируемых психологических характеристик приобретает особую личностную значимость. Психологические знания не столько усваиваются, сколько присваиваются, происходит формирование аутокомпетентности, которые становятся фактором самореализации профессионально-психологического потенциала учителя.

Психологическое консультирование – это оказание помощи педагогу в самопознании, формировании адекватной самооценки и адаптации к реальным жизненным условиям, формировании ценностно-мотивационной

сферы, преодолении кризисных ситуаций, профессиональных деструкций и достижений эмоциональной устойчивости, способствующей непрерывному личностному и профессиональному росту и саморазвитию.

Библиографический список

1. Водопьянова, Н.Е. Позитивное самоотношение как фактор устойчивости к профессиональному выгоранию учителей / Н.Е. Водопьянова, А.Н. Густелева // Вестн. С.-Петерб. ун-та. – Сер. 12. – 2010. – Вып. 3. – С. 165–171.

2. Зеер, Э.Ф. Личностно-ориентированные технологии профессионального развития специалистов / Э.Ф. Зеер, О.Н. Шахматова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. проф.-пед. ун-та, 1999. – 245 с.

3. Зеер, Э.Ф. Психология профессионального развития / Э.Ф. Зеер. – М.: Академия, 2009. – 240 с.

4. Freudenberger, H.J. Staff burnout / H.J. Freudenberger // Journal of Social Issues. – 1974. – 30. – Pp. 159–165.

5. Maslach, C. Patterns of burnout among a national sample of public contact workers / C. Maslach, S.E. Jackson // Journal of Health & Human Resources Administration. – 1984. – 7. – Pp. 189–212.

К содержанию

УДК 796.352.01

АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРАКТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СПОРТСМЕНОВ-ГОЛЬФИСТОВ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Э.Ф. Баймухаметова, А.В. Ненашева

По результатам проведенного анализа теоретических и практических исследований спортсменов-гольфистов в России и за рубежом установлено, что на данный момент единичны исследования в отечественной литературе, в то время как за рубежом активно обсуждается данная тема.

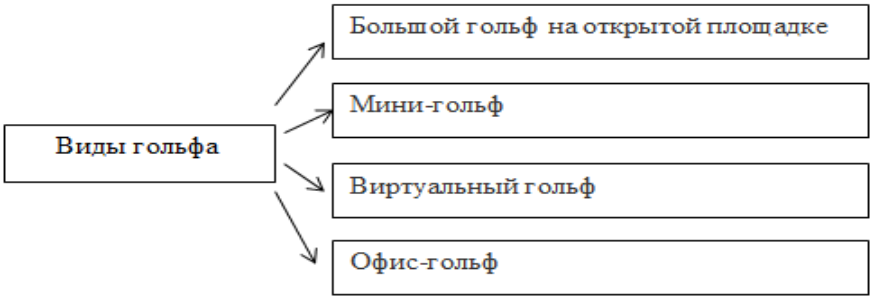
Ключевые слова: гольф, виды гольфа, спортсмены-гольфисты.

Гольф является наиболее доступным видом спорта, а малые формы гольфа представляются наиболее предпочтительными видами двигательной активности и спортивной рекреации практически для всех основных групп населения в мире (дошкольники, учащиеся, студенты, трудящиеся, лица пенсионного возраста, инвалиды и лица с ослабленным здоровьем). Игра не требует специальной физической подготовки, что исключает воз-

растные ограничения и объединяет людей разных физических возможностей для спорта, отдыха, дружеского и семейного общения, а разнообразные системы фор и гандикапов позволяют соревноваться людям разного уровня подготовленности, в том числе и с ограниченными возможностями здоровья [12].

Гольф прошел многовековую историю развития. Общепризнанно, что гольф в его современном виде сложился в Шотландии: современная терминология, инвентарь, подходы к строительству полей для гольфа, гольф-клубы, правила и регламентация игры, существующие в настоящее время – все это наследие первоначального развития гольфа в Шотландии [11].

Гольф прошел длительный путь развития, в процессе которого сформировались несколько его видов (рис.):



Классификация видов гольфа

Гольф как вид спорта относится к классу индивидуальных спортивных игр. Игра в гольф происходит без контактного противодействия сопернику. Примерами таких видов спорта могут быть теннис, стрельба, боулинг, керлинг, шахматы и т.п.

Цель игры в гольф – послать с площадки (стартовой зоны) мяч в лунку ударом, либо серией ударов клюшкой в соответствии с правилами. Количество ударов, затраченных для поражения определенного количества лунок (как правило, 18-ти), обычно является критерием для определения победителя соревнований по гольфу. В свою очередь, количество ударов, совершенных игроками в соревнованиях по гольфу, опосредованно характеризует проявление его моторных, координационных, психических и интеллектуальных качеств [13].

Таким образом, гольф – это вид спорта, в котором по определенным правилам в большей степени развиваются скоростно-силовые качества, специфические координационные способности и аэробная выносливость.

По мнению Ж.А. Колисниченко [10], физические упражнения на открытом воздухе могут стать также эффективной профилактикой многих заболеваний, факт давно известный, но вот о том, что гольф в ряду этих упражнений может занимать весьма почетное место, ранее наука не сооб-

щала. Кроме того, немаловажным остается и тот факт, что гольф предполагает низкий порог физической интенсивности, а следовательно, он доступен не только взрослым, но и детям и подросткам, а также людям со слабым здоровьем или физически слаборазвитыми. Так, прогулки в течение трех раундов на 18-луночном поле приблизительно каждую неделю являются вполне достаточной физической нагрузкой для поддержания хорошей физической формы и состояния здоровья. Благодаря гольфу может быть решена проблема гиподинамии, которая в последнее время становится очень актуальной для большинства людей.

В ряде своих работ А.Н. Корольков [4–9] рассматривал спортсменов-гольфистов с точки зрения педагогики, психологии и физиологии. Он занимался изучением и оценкой общей физической подготовленности и игроков в гольф разных возрастных групп с помощью центроидного метода, применением различных тестов: тест на силу, гибкость, скоростных качеств, выносливости и координационной способности. Также исследовал спектральные характеристики работоспособности в гольфе с использованием преобразования Фурье, занимался повышением результативности в гольфе с помощью метода сенсорной изоляции, стимулирования динамических церебральных систем, методами комплексного анализа результатов соревновательной деятельности спортсменов-гольфистов. В области педагогики им были затронуты темы оценки влияния мотиваций на спортивные результаты, педагогических принципов обучения гольфу и мини-гольфу и психологические факторы, отличающие игроков в гольф от спортсменов других специализаций.

Другие ученые, такие как Т.Г. Селиванова, В.Б. Кирилов, Н.Г.Полянин, Е.Е. Карасев и И.П. Лепкович проводили свои исследования в области психологии, педагогики и биомеханики. Т.Г.Селиванова, В.Б. Кириллов, Н.Г. Полянин проводили анализ соревновательной деятельности в гольфе. В том числе В.Б. Кириллов [3] в своих исследованиях анализировал методологические аспекты обучения, например, обучение технике удара и биомеханическое обоснование построения точностных двигательных действий в гольфе.

А.Р. Аймалетдинов [1] в научных трудах проводил оценку влияния мотивации на спортивные результаты спортсменов-гольфистов, а Е.Е. Карасев [2] в ряде своих научных работ рассматривал психологические особенности личности спортсменов индивидуально-игровых видов физкультурно-спортивной деятельности (на примере гольфа).

Таким образом, при анализе теоретических и практических исследований спортсменов-гольфистов в России было выявлено, что данный вид спорта слабо изучен отечественной наукой. В том числе физиология – как область знания почти не исследуема.

Что касательно зарубежных стран, то с самого начала развития данного вида спорта, он стал привлекать внимание научных исследователей и ученых. Физиология, восстановительная медицина, история, экономика, педагогика, адаптационные процессы, биомеханика, психология и технические науки – это лишь часть областей наук, интересующая ученых западных стран.

Ряд своих работ K. Dijkstra, C. MacMahon, M. Misirlisoy [16] базировали на психологии и психофизиологических процессах гольфистов. Они отмечали важность психологического состояния и влияние психофизиологических компонентов, таких как память, мышление, зрительной реакции на тренировочный процесс и соревновательную результативность. B.K. Doan, R.U. Newton, Y.H. Kwon, W.J. Kraemer [17] изучали влияние физической подготовленности на работоспособность в период тренировок и соревнований у гольфистов разных возрастных категорий и спортивного мастерства. Влияние мышечной активности (мышечного каркаса) во время удара на результативность в игре спортсменов рассматривали в своих исследованиях A. McHardy, H. Pollard [19].

Большое количество научных работ J. Avela, H. Kyrolainen, P.V. Komi [14, 15] посвятили изучению влияния статического растяжения (стретчинг) на нервную активность и его воздействие на другие системы организма, такие как система кровообращения и костно-мышечную систему.

Ряд ученых-исследователей зарубежья B.L. Franco, G.R. Sinorelli, G.S. Trajano, C.G. De Oliverira [18] проводили исследование, направленное на оценку воздействия различных упражнений на выносливость мышц у гольфистов разных возрастных категорий и спортивного мастерства.

R.O. Pore, R.D. Herbert, J.D. Kirwan, B.J. Graham [20] основывали свои научные работы на изучении спортивных травм и их предотвращении у спортсменов различных видов спорта, в том числе у гольфистов. Их труды направлены на исследование специальных физических упражнения для предотвращения и профилактики спортивных травм нижних конечностей игроков в гольф. Также ученые разработали специальный комплекс для посттравматического периода гольфистов, базирующихся на упражнениях на растяжку (стретчинг).

Анализ отечественной и зарубежной научно-методической литературы показывает, что в настоящее время практически отсутствуют какие-либо исследования по изучению влияния гольфа на функциональное состояние, опорно-двигательный аппарат, функции равновесия, системы управления движениями спортсменов.

Библиографический список

1. Аймалетдинов, А.Р. Оценки влияния мотиваций на спортивные результаты юных игроков в мини-гольф / А.Р. Аймалетдинов, А.Н. Корольков // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – М., 2010. – С. 36–40.

2. Карасев, Е.Е. Психологические особенности личности спортсменов индивидуально-игровых видов физкультурно-спортивной деятельности (на примере гольфа и тенниса) / Е.Е. Карасев, Н.В. Афанасьев // Современный олимпийский спорт и спорт для всех: 7 Междунар. науч.конгр. – М., 2003. – 244 с.

3. Кириллов, В.Б. Биомеханическое обоснование построения точностных двигательных действий на основе антиципации предметной среды: на примере мини-гольфа / В.Б. Кириллов. – М., 2007. – 122 с.

4. Корольков, А.Н. Закономерности формирования двигательного навыка у юных игроков в мини-гольф / А.Н. Корольков // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – М., 2011. – С. 36–37.

5. Корольков, А.Н. Педагогические принципы обучения гольфу и мини-гольфу в школьном возрасте / А.Н. Корольков, В.А. Фесенко // Научно-практический форум «Оздоровление нации средствами физической культуры и спорта». – Самара, 2012. – С. 119–126.

6. Корольков, А.Н. Психологические факторы, отличающие игроков в гольф от спортсменов других специализаций / А.Н. Корольков // Международная научно-практическая конференция. – Смоленск, 2012. – С. 70–73.

7. Корольков, А.Н. Центроидный метод главных компонентов для оценки общей физической подготовленности игроков в гольф / А.Н. Корольков // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – М., 2012. – С. 30–32.

8. Корольков, А.Н. Оптимизация комплекса тестов общей физической подготовленности игроков в гольф / А.Н. Корольков // Материалы научной конференции профессорско-преподавательского и научного состава РГУФКСМиТ. – М.: РГУФКСМиТ, 2012. – С. 96–99.

9. Корольков, А.Н. Оценка общей физической подготовленности с помощью центроидного метода главных компонентов для многих переменных / А.Н. Корольков // Вестник спортивной науки. – М., 2013. – С. 15–19.

10. Обучение игре в гольф с использованием SNAG – оборудования на уроках физической культуры: методические рекомендации для учителей физической культуры / Нар. укр. акад., [каф. физ. воспитания и спорта; сост. Ж.А. Колисниченко]. – Харьков: Изд-во НУА, 2015. – 40 с.

11. Программа развития гольфа в Российской Федерации до 2020 года / Отв. за вып. А.В. Вдовин. – М., 2013. – 115 с.

12. Программа по физической культуре для общеобразовательных организаций на основе гольфа / Спец. Д.С. Жеребко, к.т.н. А.Н. Корольков, К.К. Сокол и др. – М., 2014. – 77 с.

13. Примерная программа спортивной подготовки для детско-юношеских спортивных школ, специализированных детско-юношеских школ олимпийского резерва, училищ олимпийского резерва: гольф. – М.: Советский спорт, 2014. – 127 с.

14. Avela, J. Neural and mechanical responses of the triceps surae muscle group after 1 h of repeated fast passive stretches / J. Avela, T. Finni, T. Liikavainio, E. Niemela, P. Komi. – Appl Physiol 96, 2004. – Pp. 2325–2332.

15. Avela, J. Altered reflex sensitivity after repeated and prolonged passive muscle stretching / J. Avela, H. Kyrolainen, P. Komi. – Appl Physiol 86, 1999. – Pp. 1283–1291.

16. Dijkstra, K. The effects of golf expertise and presentation modality on memory for golf and everyday items / K. Dijkstra, C. MacMahon, M. Misirlisoy. – Acta Psychol, 2008. – Pp. 298–303.

17. Doan, B.K. Effects of physical conditioning on intercollegiate golfer performance / B.K. Doan, R.U. Newton, Y. Kwon, W.J. Kraemer. – Strength Cond Res 20, 2006. – Pp. 62–72.

18. Franco, B.L. Acute effects of different stretching exercises on muscular endurance / B.L. Franco, G.R. Sinorelli, G.S Trajano, C.G. De Oliverira. – Strength Cond Res, 2008. – Pp. 1832–1837.

19. McHardy, A. Muscle activity during the golf swing / A. McHardy, H. Pollard. – Br J Sports Med, 2010. – Pp. 799–804.

20. Pope, R.P. A randomized trial of preexercise stretching for prevention of lower-limb injury / R.P. Pope, R.D. Herbert, J.D. Kirwan, B.J. Graham. – Medicine Science in Sports Exercise, 2000. – Pp. 271–277.

К содержанию

УДК 378.17 + 355.233.22

РЕЗУЛЬТАТЫ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ФАКУЛЬТЕТА ВОЕННОГО ОБУЧЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ОБРАЗОВАНИИ

Е.А. Черепов, Р.Г. Шайхетдинов, А.С. Хафизова

В основу исследования положена идея о необходимости разносторонней индивидуализированной специальной физической подготовки при обучении студентов факультета военного обучения классического университета. Компетентностная парадигма современного высшего образования позволяет авторам применить данный методологический подход, в том числе и к результатам образования на факультете военного обучения. Авторы обосновали новое понимание и предложили оригинальную структуру военно-прикладной физкультурной компетентности студентов факультета военного обучения ЮУрГУ (НИУ).

Ключевые слова: студенты классического университета, факультет военного обучения, военно-прикладные физкультурные компетенции, военно-прикладная подготовка.

Введение. В федеральных государственных стандартах высшего профессионального образования третьего поколения (ФГОС ВПО) впервые заданы не только требования к обязательному минимуму содержания образования (дидактические единицы базовой части циклов), но и к резуль-

татам освоения основных образовательных программ (ООП) подготовки выпускников высшей школы, выраженных в виде компетенций [14].

Задачей данной научной статьи является определение сущности структуры военно-прикладной физкультурной компетентности студентов военного факультета гражданских вузов.

Для того чтобы сформулировать определение понятия «военно-прикладная физкультурная компетентность», в начале рассмотрим характеристику понятий «компетентность» и «компетенция».

Анализ литературы, посвященный вопросам компетентностного подхода в образовании, показывает, что понятия «компетенция» и «компетентность» часто используются в одном контексте и однозначного определения не имеют. Многие исследователи отмечают многосторонний, разноплановый и системный характер этих понятий, в то же время, указывая на их целостность [6, 13].

Авторы, исследующие проблемное поле компетентностного подхода, едины во мнении, что компетентность шире, чем компетенция. Она включает, наряду с когнитивно-знаниевым, еще и мотивационный, отношенческий и регулятивный компоненты. Другими словами, компетентность представляет собой не просто совокупность умений, знаний, навыков, но также подразумевает процесс освоения социальных норм, ценностных ориентиров, способность их реализации в своей деятельности, а также отношение к своей профессии как к ценности.

Например, И.А. Зимняя [3] отмечает, что компетентность – это личностно-обусловленная социально-профессиональная жизнедеятельность человека, а «компетенция – это некоторые внутренние потенциальные, сокрытые психологические новообразования (знания, представления, программы действий, системы ценностей …), которые затем выявляются в компетентностях человека как актуальных, деятельностных проявлениях…» [4].

А.В. Хуторской определяет компетентность как совокупность личностных качеств человека (ценностно-смысловых ориентаций, знаний, умений и навыков, способностей), обусловленных опытом его деятельности в определённой социально и личностно-значимой сфере [15].

В отношении содержания понятия «компетенция» исследователи акцентируют те аспекты составляющих его деятельности, которые позволяют ему успешно справляться с решением профессиональных проблем и понимают компетенцию как способность реализовывать на практике свою компетентность [2]; рассматривают компетенцию как интегральное личностное качество человека, проявляющееся в общей способности и готовности к деятельности, основанной на знаниях и опыте [11], а также как «стремления и способность (готовность) реализовать свой потенциал (знания, умения, опыт, личностные качества и др.) для успешной творческой (продуктивной) деятельности…. и необходимости ее постоянного совершенствования» [12].

Итак, «компетентность» является структурным понятием, включающим в себя совокупность компонентов, определяется как интегративное качество личности и имеет деятельностную характеристику.

Очевидно, что понятие «военно-прикладная физкультурная компетентность» будет являться видовым определением по отношению к обобщающему понятию «компетентность». Для дальнейшего уточнения формулировки рассмотрим далее качественную характеристику военной «прикладности» физической культуры.

В словаре С.И. Ожегова «прикладной» – имеющий практическое значение, применяемый на практике [9]. Под «прикладностью» физической культуры подразумевается факт ее пригодности и полезности в деле подготовки индивида к жизненной практике и оптимизации его дееспособности применительно к требованиям избранной основной деятельности.

В отечественной системе физического воспитания принцип прикладности получил развернутое программно-нормативное воплощение в комплексе «ГТО» и в других установочных положениях. Прикладная ориентация здесь предполагает прежде всего общую физическую подготовку, и тем самым создает универсальные предпосылки готовности к самым разнообразным видам двигательной деятельности.

Более узкое понимание «прикладности» физической культуры – использование тех ее факторов, которые пригодны в процессе специальной подготовки к избранной профессиональной деятельности, что явилось основанием для выделения особого раздела физической культуры – «профессионально-прикладной физической культуры» [1]. Таким образом, термин «прикладность» здесь подчеркивает сугубо утилитарную профилированность части физической культуры применительно к деятельности (профессии) [10].

В настоящее время профессионально-прикладная физическая подготовка (ППФП) как направление физической культуры представлена в государственных программах для высших и средних специальных учебных заведений и профессионально-технических училищ.

Наиболее широко физическое воспитание с прикладной направленностью проводится в военных учебных заведениях и в армии, где подчеркивается ее специфическая направленность. Основу такой направленности составляет действенность факторов физической культуры (физических упражнений и других) в качестве средств интегративного увеличения функциональных возможностей организма для обеспечения физической подготовленности к военно-служебной деятельности [1].

При этом речь идет не столько о прямом «переносе» формируемых двигательных навыков на сферу военно-профессионального труда, сколько о решении задач более широкого спектра:

– воспитание профессионально важных для военной деятельности волевых и других психических качеств;

– повышение и поддержание работоспособности, функциональной устойчивости организма к неблагоприятному воздействию факторов специфических условий военной деятельности;

– выполнение служебных и общественных функций по внедрению физической культуры и спорта в коллективе...» [5];

– привитие интереса и привычки к самостоятельным знаниям;

– содействие в формировании интереса к осваиваемой военной профессии...» [8];

– сообщение студентам знаний, необходимых для успешного применения приобретаемых умений, навыков и качеств в будущей военной деятельности...» [7].

Таким образом, формулировка понятия «военно-прикладной физкультурной компетентности» включает в себя личностную интегративную характеристику будущего офицера, которая проявляется в осознании смысла и значимости военной деятельности, способности к самостоятельной регуляции своего психо-физического здоровья, а также готовности использовать теоретические знания, умения, навыки и приобретенный опыт в области физической культуры в будущей военной деятельности.

Определяя понятие военно-прикладной физкультурной компетентности выпускника ФВО классического университета авторы исходили из того, что данная компетентность должна, во-первых, признаваться значимым интегративным результатом образования выпускника, будущего офицера, во-вторых, формироваться в процессе военно-прикладной подготовки студента, а также создания благоприятных условий для интериоризации им ценностей физической культуры и формирования позитивного личностного отношения как к процессу, так и к результату военной деятельности.

В этой связи в военно-прикладной физкультурной компетентности студента нами были выделены структурно-логические компоненты.

Когнитивный компонент компетенций в сфере физического воспитания предполагает получение и деятельностное использование студентом совокупности знаний в области теоретических основ физической культуры, рационального построения системы занятий физическими упражнениями, здорового образа жизни и способность к самооценке достижений в области физической культуры и техники военно-прикладных навыков.

Функционально-адаптационный компонент (деятельностный**)** предполагает совокупность способности к самостоятельным и групповым тренировочным занятиям с учетом систематичности, цикличности, волнообразности и других принципов спортивной тренировки; построения системы рационального и полноценного питания, а также применения различных восстановительных процедур после тренировочных нагрузок; соблюдения здорового образа жизни.

Спортивный компонент (мотивационно-ценностный**)** представлен системой ценностных ориентаций, жизненных установок, правил и принципов

поведения не только в профессиональной деятельности, но и в области физической культуры и здорового образа жизни. Его ресурсом являются знания в сфере мотивации поведения личности и групп в области физической культуры; знания мотивационных схем, стимулов, факторов физической культуры личности в соотношении общечеловеческих, общепрофессиональных и личностных ценностей; умение оценки и выбора приоритетов в профессиональной деятельности и личностном поведении на основе принятой системы ценностей, включающей физическую культуру.

Структура военно-прикладной физкультурной компетентности выпускника ФВО классического университета

Личностно-психологический компонент (личностный) включает проектировочные, прогностические и конструктивные умения, позволяющие сохранять здоровье, обеспечивать высокие физические кондиции и активную жизнедеятельность, повышать спортивное мастерство, эффективно осуществлять профессиональную деятельность, использовать профессионально-прикладную физическую подготовку, саморегуляцию и регуляцию в будущей профессиональной деятельности с использованием разнообразных средств физической культуры.

Выводы. Таким образом, структура профессионально-прикладной физкультурной компетентности выпускника факультета военного обучения классического университета представляется когнитивным, функционально-адаптационным (деятельностным), спортивным (мотивационно-ценностным), личностно-психологическим (личностным) компонентом.

Констатирующие показатели уровня сформированности этой компетентности у студентов факультета военного обучения Южно-Уральского государственного университета обуславливают необходимость скорейшего поиска эффективных средств, методов и условий, позволяющих обеспечить в процессе обучения будущих офицеров реализацию положений метапредметного, компетентностного и личностно-ориентированного методологических подходов.

Библиографический список

1. Введение в теорию физической культуры: Учеб. пос. для ин-тов физ. культ. / под ред. Л.П. Матвеева. – М.: ФиС, 1983.

2. Зеер, Э.Ф. Психология профессионального развития: учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / Э.Ф. Зеер. – М.: Академия, 2006. – 240 с.

3. Зимняя, И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (теоретико-методологический подход) / И.А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2006. – № 8. – С. 21–26.

4. Зимняя, И.А. Формирование и оценка сформированности социальных компетентностей у студентов вузов при освоении нового поколения ООП ВПО: образовательный модуль / И.А. Зимняя. – М.: ИЦ ПК ПС, 2010. – 42 с.

5. Ильинич, В.И. Физическое воспитание / В.И. Ильинич; под ред. В.А. Головина, В.А. Маслякова, А.В. Коробкова и др. – М.: Высшая школа, 1983. – С. 318–342.

6. Исаева, Т.Е. Становление компетентностного подхода в ведущих зарубежных странах / Т.Е. Исаева, А.Н. Рубаник // Ростовский государственный университет путей сообщения [Электронный ресурс]. – URL: http://www.t21.rgups.ru/doc2011/1/04.doc.

7. Кабачков, В.А. Профессиональная направленность физического воспитания в ПТУ / В.А. Кабачков, С.А. Полиевский. – М.: Высшая школа, 1991.

8. Леонова, Л.А. / Педагогические и физиолого-гигиенические основы профессионально-прикладной физической подготовки старших школьников / Л.А. Леонова, В.П. Полянский // Теор. и практ. физ. культ. – 1989. – № 3.

9. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1989. – 750 с.

10. Педагогика профессиональной деятельности / Е.П. Белозерцев, А.Д. Гонеев, А.Г. Пашков и др.; под ред. В.А. Сластенина. – М.: Издат. центр «Академия», 2004. – 368 с.

11. Субетто, А.И. Онтология и эпистемология компетентностного подхода, классификация и квалиметрия компетенций / А.И. Субетто. – СПб. – М.: Исследоват. центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. – 72 с.

12. Татур, Ю.Г. Проектирование образовательного процесса в вузе / Ю.Г. Татур. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. – 97 с.

13. Трофименко, М.П. Компетентностный подход – методологическая основа современного образования / М.П. Трофименко, Л.А. Ибрагимова, Г.А. Петрова // Вестник Нижневартовского государственного гуманитарного университета. Серия «Психологические и педагогические науки». – 2010. – Вып. 1. – С. 57–66.

14. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». – URL: https://rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html.

15. Хуторской, А.В. Современная дидактика: Учебник для вузов / А.В. Хуторской. – СПб.: Питер, 2001. – С. 54.

К содержанию

УДК 378.17 + 796.56-057.87

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДИКИ НАЧАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ СПОРТИВНОМУ ОРИЕНТИРОВАНИЮ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Е.Ю. Савиных, Е.В. Задорина

В статье представлены предложенные изменения в методике подготовки студентов, начинающих заниматься спортивным ориентированием на занятиях по физической культуре.

Ключевые слова: спортивное ориентирование, определение расстояния, определение направления, начинающие.

Проблема развития физической культуры и спорта достаточно актуальна на фоне сохранения и укрепления здоровья студентов. Программы практических занятий по физической культуре в вузах направлены на формирование и развитие здорового образа жизни и диктуют разнообразие специализаций, одной из таких специализаций является спортивное ориентирование [2].

Соревновательная и тренировочная деятельность в спортивном ориентировании является сочетанием физических нагрузок, основанных на передвижении по пересеченной местности по различному грунту и формам рельефа, совместно с мыслительной деятельностью (выбор варианта движения, чтение карты, определение расстояния и направления, контроль за выполнением этих действий при движении на местности и т.д.).

В процессе регулярных занятий спортивным ориентированием развиваются такие жизненные навыки как межличностное общение, самоуправление, самоанализ и самоконтроль, критическое мышление, укрепляется чувства уверенности в себе, ответственности и способности принимать ответственные решения в режиме ограниченного периода времени [1].

Процесс обучения и совершенствования умений и навыков в спортивном ориентировании связан с уровнями развития интеллектуальных способностей и физической подготовленности, а также дальнейшему развитию психических процессов, физической подготовленности и успеваемости студентов [4].

Эффективность учебно-тренировочных занятий спортивным ориентированием в большинстве случаев зависит от желания понять и усвоить теоретические и практические знания, которые основаны на понимании условных знаков, умения чтения карты на оптимальной скорости при передвижении на местности, умения находить контрольные пункты [6].

В процессе спортивной подготовки в ориентировании необходимо совершенствовать не только понимание условных знаков спортивного ориентирования и умение пользоваться картой, но и развитие специфических способностей – это правильное восприятие расстояния и направления [3, 5].

Начальный этап в спортивном ориентировании – это ориентирование по линейным ориентирам, но даже этот вид ориентирования не всем дается легко и быстро. Ежегодное тестирование студентов, начинающих заниматься спортивным ориентированием в начале сентября показывает, что примерно 86 % всех начинающих, при нахождении длины прямого короткого отрезка на карте, допускают погрешность более 20 %. А это ведет неправильному определению расстояния, которое нужно преодолеть на местности, а погрешность расстояния на местности ведет к тому, что студент теряется, не уходя с линейного ориентира, и соответственно знание условных знаков не переходит в умение ориентироваться на местности. Для совершенствования этого навыка рекомендуется определять отрезки различной длины перед каждым практическим занятием с разным масштабом карты вместе с разбором варианта по линейным ориентирам.

Движение по направлению также является элементом технической подготовки. Развитие этого навыка совершенствуется в сочетании с контролем расстояния. Использование компаса не всегда бывает нужным, а чаще всего компас отсутствует у начинающих. Поэтому предлагается обучение оп-

ределения сторон света по солнцу в сочетании с линейными ориентирами, что дает достаточно просто и быстро сориентировать карту. Совместно с этим техническим приемом используются два основных правила: 1) большого пальца, которое позволяет начинающему четко представлять, где обучаемый находился в ближайшем будущем и куда может вернуться при потере ориентировки; 2) правило поворота карты при изменении направления.

Для определения уровня развития навыков ориентирования студенты, начинающие заниматься спортивным ориентированием на занятиях по физической культуре участвуют в Спартакиаде ЮУрГУ среди институтов, высших школ и факультетов, ежегодно проходящей в конце сентября или начале октября. Соревнования проходят в парковой зоне около 500 метров от Дворца спорта ЮУрГУ. Учитывая возможности всех категорий студентов от начинающих до высоких разрядов в спортивном ориентировании, и каждый мог показать результат и попасть в зачет команды, применяется система по выбору с ограничением по времени. Чтобы уравновесить результаты девушек и юношей, у девушек контрольное время составляет 25 минут, у юношей – 20 минут. Номера контрольных пунктов не указываются на карте, указываются только баллы, из которых будет складываться результат участника. Контрольные пункты располагаются друг от друга не ближе 250 метров и на разных ориентирах, чтобы могли быть однозначно определены. Отметка карандашная (зачеркивание данного контрольного пункта), для того чтобы каждый участник (особенно начинающий) четко представлял, на каком контрольном пункте он отмечается. Итоговый результат участника – это сумма баллов правильно отмеченных контрольных пунктов, причем за каждую полную и неполную минуту опоздания вычитается один балл (до нуля). Начинающим рекомендуется укладываться в контрольное время и планировать дистанцию в пределах 2–3 км по линейным ориентирам с заходом в лесной массив только для взятия контрольного пункта с определением расстояния и направления от привязки с линейного ориентира (поворот или перекресток дороги). Соревнования по спортивному ориентированию в такой доступной форме повышают интерес к занятиям физической культурой.

Таким образом, предложенная методика позволяет в короткий срок обучить начальным навыкам ориентирования на местности и повысить интерес к занятиям по физической культуре, а также ведет дальнейшему развитию психических процессов и физической подготовленности.

Библиографический список

1. Чеснокова, Е. Н. Формирование жизненных навыков подростков в процессе занятий спортивным ориентированием / Е.Н. Чеснокова // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2012. – № 28. – С. 1111–1113.

2. Близневская, В.С. Оздоровительно-развивающая роль занятий спортивным ориентированием в студенческой среде / В.С. Близневская // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2006. – № 292-I. – С. 178–183.

3. Скрипченко, И.Т. Развитие точности восприятия расстояния в спортивном ориентировании / И.Т. Скрипченко, Ж.Л. Козина // ППМБПФВС. – 2009. – № 4. – С. 117–121.

4. Суханова, М.Г. Умения и навыки в спортивной деятельности как критерий воспитания физических и интеллектуальных способностей / М.Г.Суханова // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт. – 2013. – № 1. – С. 252–258.

5. Должко, Ф.Н. Методика развития технических навыков у спортсменов-ориентировщиков (на примере движения по направлению) / Ф.Н. Должко, И.Т. Скрипченко, Н.Е. Шип, А.С. Лидо // ППМБПФВС. – 2009. – № 4. – С. 38–40.

6. Зиновьев, Н.А. Особенности организации занятий по спортивному ориентированию со студентами / Н.А. Зиновьев // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. – 2010. – № 1. – С. 229–230.

К содержанию

УДК 37.013.42 + 373.3.016

ФОРМИРОВАНИЕ БЛАГОПРИЯТНОГО СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ В РАМКАХ ВНЕКЛАССНОЙ РАБОТЫ

Е.А. Черепов, К.Б. Киекпаева

Произведено исследование социально-психологического климата в коллективе учащихся младших классов, выявлены сильные и слабые стороны существования коллектива, проведена методика, помогающая определить и наладить межличностные отношения.

Ключевые слова: социально-психологический климат, младший школьный возраст, коллектив.

Взаимоотношения важны в любом возрасте. Но младший школьный возраст особо предрасположен к формированию коммуникативных качеств. Большая роль в жизни каждого человека предоставлена школьным годам, классу, эмоционально-психологическому климату в группе. Существуют коллективы, в которых находишься с отличным настроением, с ощущением радости, работа и учеба в них вызывает вдохновение, постоянный творческий поиск. А есть такие, в которых общение хочется свести к минимуму.

Наука объясняет социально-психологический климат, как качественную сторону межличностных отношений, проявляющуюся в виде совокупности психологических условий, способствующих или препятствующих продуктивной деятельности. Из определения становится ясно, что психологический климат в классе может быть положительным и отрицательным, а также формируется благодаря различным факторам [4].

Хорошо, когда в классе между детьми дружеские отношения, взаимопонимание и взаимопомощь. Дети в этом случае с удовольствием ходят в школу, посещают школьные мероприятия, становятся «легче на подъем» при выполнении домашних заданий. Но когда в коллективе враждебное настроение, отрицательное отношение друг к другу – то стоит задуматься из-за чего. И в этом должен разобраться не только классный руководитель или родители, но и школьный психолог. Специалист должен провести исследования, тестирования и выявить причину отрицательного социально-психологического климата в классе. После выявления – необходима работа над проблемой.

К сожалению, в школах работа психолога ограничена работой с проблемными детьми, либо отсутствует вовсе. Хотя каждый участник коллектива должен получать какую-либо психологическую помощь. Психолог должен проводить с классами различные тренинги и игры на сплочение коллектива, на выявление лидера или лидеров и других социальных ролей. Полученные данные нужно анализировать и обсуждать с родителями, чтобы они тоже принимали участие в жизни детского коллектива.

Помимо проведения различных тренингов и игр, особое внимание следует уделить физической активности. Физические упражнения благоприятно влияют на эмоциональное состояние учащихся. Выделяется гормон «счастья» – эндорфины и человек чувствует себя прекрасно, в приподнятом и дружелюбном настроении. Это положительно влияет на коллектив, потому что, когда все представители коллектива открыты для общения, приветливы и отзывчивы – формируется благоприятный социально-психологический климат. Очень важно сохранить это состояние и закрепить положительный опыт [3].

В последнее время, как поясняет статистика, у множества школьников в режиме дня отмечается дефицит времени и малая двигательная активность, объясняющая появление серьезных изменений в организме. Повышенная учебная нагрузка дома и в школе приводит к снижению общей двигательной активности школьников почти на 50 %. Напряженная умственная деятельность вызывает значительную перегрузку, создает большое нервно-психическое напряжение, сокращает мышечные усилия, пагубно сказывается на физическом развитии и здоровье учеников. Только хорошо организованная физическая деятельность позволит восполнить недостаточность движений в режиме дня у детей младшего школьного возраста [1].

В задачи внеклассной работы входит:

– помощь в выполнении стоящих перед школой учебно-воспитательных проблем;

– укрепление здоровья, закаливание организма, обеспечение разностороннего физического развития учащихся;

– углубление и расширение знаний, умений и навыков, получаемых учащимися на уроках физической культуры;

– воспитание и развитие организаторских навыков у младших школьников;

– организация здорового отдыха учащихся;

– привитие интереса и любви к постоянным занятиям физической культурой и спортом у детей начальных классов.

Внеклассная работа проводится во внеурочное время в виде занятий по легкой атлетике, туризму – в секциях, группах, командах. Основным содержанием внеклассных занятий с детьми является материал учебной программы по физической культуре, используемый с целью совершенствования умений и навыков учащихся в выполнении различных упражнений, как в обычных условиях, так и в усложнённых, в частности на местности. Дополнительный материал берется из журналов «Физическая культура в школе» и соответствующей литературы. Значительнее место отводится общеразвивающим упражнениям без предметов и с предметами, упражнениям на гимнастических скамейках и стенке, со скакалками, в равновесии, лазанье, прыжках. Разучиваются комбинации вольных упражнений и пирамиды для выступлений на пионерских сборах, утренниках, праздниках. Самое большое место во внеклассной работе занимают игры. При этом программный материал по играм значительно расширяется за счет дополнительных игр, близких по своему содержанию к программным. Особое внимание при проведении внеклассных занятий, в том числе и игр, уделяется соответствию используемого материала, изучаемому на уроках учебному материалу, чтобы сочетание учебных и внеклассных занятий способствовало совершенствованию двигательных умений и навыков детей. Чтобы добиться массового охвата учащихся внеклассной работой, используются самые различные формы организации и проведения занятий с детьми с учетом их возраста, состояния здоровья и физической подготовленности. Основными формами являются: походы, занятия в группах общей физической подготовки, спортивные соревнования, физкультурные праздники, занятия в спортивных секциях [2].

Общее руководство работой коллектива физической культуры возлагается на учителя физической культуры.

На общем собрании членов коллектива выбирается совет, который организует и проводит всю работу по плану, утвержденному директором школы. Во всех классах школы избираются физкультурные организаторы.

Они работают под руководством классных руководителей, организуя учеников своего класса для участия в различных физкультурно-массовых и спортивных мероприятиях, проводимых школой.

Для проведения практической работы с учащимися организуются секции. В первую очередь создается секция общей физической подготовки, работающая весь учебный год. Основой занятий секции общей физической подготовки является учебная программа. На занятиях секции совершенствуются умения и навыки, в выполнении упражнений, усложненных условиями местности, иной расстановкой снарядов, введением новых элементов. В секцию общей физической подготовки следует привлекать как можно больше учащихся, в том числе и тех, которые несколько отстают в физическом развитии от своих сверстников.

В учебных группах секции 15–20 человек. Комплектование групп производится с учетом возраста и физической подготовленности учащихся. В период подготовки к соревнованиям создаются команды. Количество участников зависит от условий соревнований. Участники команд не прекращают занятий в секции. Кроме того, с участниками команд могут проводиться дополнительные занятия (тренировки).

Занятия учебных групп проводятся один или два раза в неделю, в свободное от уроков время, по расписанию. В каждой учебной группе избираются старосты, а в командах – капитаны. Старосты и капитаны напоминают учащимся о занятиях, учитывают посещаемость, помогают совету коллектива и руководителям групп в их работе. Обязательными условиями для создания секций по видам спорта являются: наличие мест для занятий, необходимый инвентарь, а главное – квалифицированное руководство. Руководители спортивных секций должны хорошо знать избранный вид спорта, методику проведения занятий, особенности занятий с детьми. Разносторонняя общая физическая подготовка – это основа успехов в любых видах спорта, поэтому на занятиях всех секций значительное внимание уделяется играм, легкой атлетике. Кроме организации практических занятий, Совет физической культуры вместе с учителями, привлекает учащихся к работе по устройству новой спортивной площадки, организует изготовление простейшего инвентаря, проводит спортивные соревнования, физкультурные праздники, выступления на утренниках, помогает врачу и учителям в пропаганде физической культуры и спорта среди учащихся и родителей и т.д.

Для организации физической активности используют различные формы внеклассной работы. Это помогает разнообразить спортивную деятельность и удержать заинтересованность школьников. «Часы игр» проводятся во внеурочное время, а также в каникулярный период. В хорошую погоду осенью и зимой, а также в летнее время игры проводятся на открытом воздухе, лишь в ненастную, ветреную и холодную погоду они проводятся

в закрытом помещении, где температурные условия для игр на воздухе те же, что и для занятий другими упражнениями. Игры всегда должны подходить по возрасту и подготовленности играющим, быть доступными для мальчиков и девочек, простыми и легко объяснимыми, захватывающими и увлекательными. Комплекс игр составляется так, чтобы в нем были игры с различным содержанием и нагрузкой, а также интенсивностью.

Спортивные соревнования являются одной из самых интересных, увлекательных форм внеклассной работы по физическому воспитанию в начальной школе. Они содействуют привлечению учащихся к систематическим занятиям физическими упражнениями дома и в коллективе, повышают физическую подготовленность учащихся, сплачивают детский коллектив. С учащимися начальных классов школы могут проводиться соревнования по спортивным играм, легкой атлетике.

В программу соревнований по играм включаются подвижные игры из школьной учебной программы и игры, которые были хорошо разучены на внеклассных занятиях. Программа любых соревнований разрабатывается с учетом физической подготовленности учащихся.

Соревнования по подвижным играм при наличии соответствующих условий можно проводить в любое время года. Спортивные соревнования в школе могут проводиться в классе между командами, а в школе между классами. Внутри класса соревнование организуется и проводится учителем и активом класса. Им помогает коллектив спортивных тренеров и учителей физкультуры, а также родители.

Спортивные секции создаются для учащихся, желающих заниматься определенным видом спорта. Основные задачи секций:

– приобщить школьников к систематическим занятиям спортом;

– содействовать их спортивному совершенствованию в избранном виде спорта;

– готовить их к участию во внешкольных соревнованиях;

– содействовать приобретению знаний и навыков инструкторской работы и судейства соревнований.

В секции приглашаются школьники основной медицинской группы, получившие допуск врача к занятиям. Проведение конкурсного отбора нежелательно, так как это противоречит основным задачам внеклассной работы. В секции учащиеся распределяются по группам с учетом возраста, пола, уровня спортивной подготовленности. Согласно существующему положению дети допускаются к спортивным занятиям.

Также существуют и другие формы внеурочных занятий по физической культуре: дни здоровья, дни физкультуры, экскурсии и походы выходного дня, утренняя гимнастика и спортивные праздники [5].

Для проведения диагностики межличностных отношений в группе школьников была использована методика выявления социометрического статуса личности и структуры межличностных связей в группе – метод социометрии.

Социометрия – это система некоторых приемов, которые дают возможность выяснить количественное определение предпочтений, безразличного отношения или неприятий, которые получают испытуемые в процессе межличностного общения и взаимодействия. Испытуемым предлагается выбрать определенное количество людей, с которыми нравится или не нравится общаться. Количество выбора при этом ограничено. Опрашиваемый также устанавливает последовательность своего выбора, следуя порядку предпочтения.

Исходя из данных матрицы, можно определить величину социометрического статуса любого члена группы. Она равна сумме полученных данным членом группы выборов, деленной на число членов без одного:

$$C = \frac{\sum_{i=1}^{N} (R_{i+} + R_{i-})}{N-1},$$

где R_{i+} – положительные выборы, полученные i-членом,

R_{i-} – отрицательные.

Обработка результатов социометрического изучения детской группы осуществляется следующим образом: в заготовленных социометрических таблицах фиксируются выборы детей. Потом осуществляется подсчет выборов, полученных каждым ребенком и взаимных выборов, которые подсчитываются и записываются.

Результаты эксперимента оформляются графически в виде карт групповой дифференциации. Вначале чертим четыре концентрические окружности, делим их диаметром пополам. Справа располагаются мальчики, слева – девочки. Мальчики изображены в виде треугольников, девочки в виде кружков. Размещение детей на социограмме соответствует числу полученных ими выборов. Так, в центральной окружности будут находиться дети «звезды», в следующей за ней «предпочитаемые», далее – «принятые» и в последней окружности «изолированные».

Потом, соединив линиями выборы детей, можно увидеть характер связей, особенности половых дифференцировок, взаимных симпатий и антипатий.

Статус ребенка определяется числом полученных им выборов. Дети могут быть отнесены в зависимости от этого к одной из 4-х статусных категорий:

1 – «звезды»;

2 – «предпочитаемые»;

3 – «принятые»;

4 – «изолированные».

1 и 2 статусная группа являются благоприятными. Исходя из этого, мы можем знать, насколько благоприятен статус каждого ребенка в группе. Иными словами, насколько ребенок желанен в системе межличностных отношений, испытывают ли к нему дети симпатию или нет. В зависимости от этого можно говорить об эмоциональном климате группы для каждого воспитанника.

Результаты отношений испытуемых друг к другу изображаются на социограмме в виде схемы, которая наглядно показывает суть структуры общения данной группы. Социограмма также показывает картину эмоциональных тяготений внутри группы, для обнаружения которой путем наблюдения потребовалось бы длительное время.

Библиографический список

1. Антропова, М.В. Образование и здоровье школьников: метод. рекомендации / М.В. Антропова. – М.: Форум, 1998. – 132 с.

2. Пирогова, Е.А. Влияние физических упражнений на работоспособность и здоровье человека / Е.А. Пирогова, Л.Я. Иващенко, Н.П. Страпко. – Киев: Здоров`я, 1986. – 152 с.

3. Поташник, М.М. Программы развития школ: новый уровень осмысления / М.М. Поташник // Народное образование. – 2007. – № 8. – С. 79–85.

4. Савельева, Д.В. Психологическое консультирование педагогов по проблеме создания благоприятного психологического климата в коллективе младших школьников / Д.В. Савельева // Наука и здоровье. – 2016. – С. 105–106. – URL: http://elibrary.ru/item.asp?id=27426055.

5. Черепов, Е.А. Система спортизированного физического воспитания в здоровьеформирующем образовательном пространстве школы: монография / Е.А. Черепов. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. – 309 с.

К содержанию

ФАКУЛЬТЕТ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ, ПРАВА В г. МИАСС

УДК 378.17

ИССЛЕДОВАНИЕ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ЗДОРОВЬЕ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА

И.В. Пичугина

Приведены данные о результатах исследования, проведенного среди студентов филиала ЮУрГУ в г. Миассе по проблеме сформированности компетентности студентов университета к сбережению ресурсов здоровья человека.

Ключевые слова: здоровье, здоровьесбережение, здоровый образ жизни, профессиональная компетентность, сбережение ресурсов здоровья человека.

Охрану здоровья подрастающего поколения можно назвать приоритетным направлением деятельности всего общества, поскольку лишь здоровые молодые люди в состоянии должным образом усваивать полученные знания и в будущем способны заниматься производительно-полезным трудом.

Сейчас усилия системы образования сконцентрировались именно на влиянии школы и учреждений профессионального образования на здоровье учащихся, возможностях организовать качественное обучение, развитие и воспитание подрастающего поколения без ущерба для физического и психологического здоровья [3].

Проблема формирования, сохранения и укрепления здоровья населения является одной из приоритетных задач государства, признается фактором национальной безопасности, стабильности и благополучия общества. В Концепции развития Здравоохранения РФ до 2020 года отмечается, что, в целях обеспечения устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, приоритетом государственной политики является сохранение и укрепление здоровья населения на основе формирования здорового образа жизни, а первоочередной задачей концепции – создание условий, возможностей и мотивации населения для ведения здорового образа жизни [9].

Важнейшей целью образования, в том числе и системы высшего профессионального образования, безусловно, является достижение студентами определенного уровня образованности. В сфере образования предпринимаются определенные меры для выполнения государственного заказа на образованность людей. В основном они сводятся к включению новых образовательных дисциплин в учебные планы, что ведет к перегрузке сту-

дентов соответствующей информацией. Кроме того, они уже не могут усвоить на высоком уровне предлагаемые им аспекты социального опыта. Как следствие возникает снижение качества образованности. Кроме того, растущие нагрузки делают реальной угрозу переутомления, последствием которого может быть ухудшение здоровья [6].

В рамках проекта 5-100 Южно-Уральский государственный университет в области наук о человеке основным направлением развития выбрал исследования молекулярных механизмов развития хронического эмоционального стресса. Они представляют значительный интерес для общества в связи с широким распространением хронического стресса в современном мире и отсутствием эффективных средств его устранения.

В рамках данного направления работы университета становится актуальной проблема формирования готовности студентов университета к здоровьесбережению [7].

Отношение студентов к своему здоровью, по мнению большинства исследователей, является основой здоровьесбережения, так как через мотивацию этого отношения можно осуществлять ценностно-ориентировочную деятельность по сохранению и укреплению личного здоровья. Одновременно изучение этого отношения необходимо для совершенствования образовательного процесса и системы воспитания в профессиональных учреждениях, а также выбора и внедрения соответствующей здоровьесберегающей системы в целом [1].

В связи с конкуренцией на рынке труда работодателю выгоднее принимать на работу людей, обладающих достаточно высоким уровнем здоровья, физической подготовленности, а также устойчивой психикой. Такие люди способны к быстрому повышению своей профессиональной квалификации, конкурентноспособны непосредственно в процессе своей профессиональной деятельности. Другими словами, здоровьесбережение для них может стать одним из факторов профессионального роста и продвижения. Поэтому считаем, что одной из важнейших задач высшего профессионального образования является способствование осознанию студентами необходимости бережного отношения к здоровью, активизации деятельности по его поддержанию и укреплению, а также создание условий для освоения ими знаний и умений в области здорового образа жизни [2].

По результатам проведенного исследования в филиале Южно-Уральского государственного университета в г. Миассе среди студентов-первокурсников университета (диагностика социальных ценностей личности и анкетирование), большинство отмечают на первом месте профессиональные и материальные ценности, и лишь единицы отдают предпочтение здоровью, несмотря на то, что все остальное достижимо только при условии хорошего здоровья [4].

Для комплексного изучения системы формирования здорового образа жизни и определения приоритетных управляемых социальных факторов, влияющих на здоровье студентов университета, нами была разработана специальная анкета «Исследование представлений о здоровом образе жизни». В ходе исследования были изучены факторы образа жизни, определен рейтинг здоровья в шкале жизненных ценностей у студентов университета, проведен анализ состояния здоровья студентов. В целях получения наиболее достоверной информации анкетирование проводилось анонимно [3].

Анализ анкетных данных по вопросу сформированности компетентности студентов университета к сбережению ресурсов здоровья человека показал, что с понятием «здоровый образ жизни» знакомы все студенты, однако относятся они к нему по-разному. Только 64 % респондентов придерживаются принципов здорового образа жизни. Здоровый образ жизни у них ассоциируется с разными понятиями. Для большинства из них это, прежде всего, регулярные занятия спортом (85 %) и соблюдение режима питания (75 %), а также отсутствие вредных привычек.

63 % респондентов считает для себя необходимым придерживаться принципов ЗОЖ, 17 % – «частично», 10 % – дали отрицательный ответ. К сожалению, 10 % опрошенных отметили, что «данная проблема их не волнует».

28 % участников опроса поставили здоровье на первую позицию, 40 % считают, что здоровье стоит на втором месте после семьи или образования, 28 % определили здоровье на третье, четвертое или пятое место. Незначительная часть участников опроса (4 %) отвела здоровью позицию с 8 по 12. Анкетирование студентов первых курсов по вопросам сформированности вредных привычек показало, что употребляли спиртные напитки, когда-либо – 76 %, пробовали курить – 88 %, однако стойкую привычку к курению отмечают 27 % опрошенных. В результате опроса выявлено, что большую часть респондентов окружают курильщики: курят друг, подруга, брат, отец, мать (46 %), 54 % респондентов отмечают, что никто из близкого окружения не курит.

Анкетирование студентов вторых и третьих курсов по вопросам сформированности вредных привычек показало, что употребляли спиртные напитки, когда-либо – 92 %, пробовали курить – 60 %, однако стойкую привычку к курению отмечают 37 % опрошенных. Лишь 9,8 % опрошенных считают, что употребление алкогольных напитков «абсолютно недопустимо», 8 % респондентов пробовали наркотики хотя бы раз.

Анализ анкетных данных показал, что 72 % респондентов тратят на приготовление домашних заданий в среднем 2–3 часа, 15 % – 3–4 часа в день, 13 % – более 4-х часов в день. Таким образом, у студентов университета суммарная учебная нагрузка составляет 9–12 часов в день.

Продолжительность ночного сна в среднем составляет 7,5 часов, причем студенты обычно поздно ложатся спать и рано встают. Как следствие,

ночью плохо спят 75 % студентов, не высыпаются – 70 %, отмечают сонливость днем – 85 %. В результате хронического недосыпания снижаются когнитивные способности студентов и за время учебы выявляется хроническое утомление у 80 % опрошенных. Итак, из суточного фонда времени большинство студентов университета (53 %) на основной вид восстановительного отдыха – ночной сон выделяют в среднем 7–8 часов в день, 30 % респондентов спят 6–7 часов, 17 % – 5–6 часов, восполняя дефицит сна в воскресные дни, когда они спят 9–12 часов.

Следует отметить, что у студентов третьих курсов отмечено незначительное снижение продолжительности сна по сравнению со студентами первых курсов. Сравнительный анализ структуры отдыха студентов университета показал, что прогулки на свежем воздухе присутствуют у 80% студентов и составляют в среднем 2,80±1,32 час, продолжительность прогулок юношей значительно превышает их продолжительность у девушек в 1,3 раза. В среднем на ежедневный просмотр телевизионных передач студенты университета отводят 1,77±1,19 часа. Следует отметить, что 21 % респондентов отводят данному занятию более 4 часов. Анализ анкеты показал, что читают книги 64 % респондентов, в среднем на данное занятие отводят 1,15±0,66 часа. Ежедневно посещают кружки и секции лишь 27 % опрошенных студентов.

Соблюдение режима дня, правильная система питания – все это отражается на работоспособности, успеваемости и, главное, на здоровье студентов университета. Так на вопрос анкеты: «Как часто вы обращаетесь к врачу?» студенты ответили следующим образом: 1–2 раза в год – 31 %; 2–3 раза в год – 32 %; каждый месяц – 8 %, 7 % студентов отметили, что болеют преимущественно зимой и 16 % – осенью, 6 % – дали отрицательный ответ [5].

Результаты исследования показали, что в режиме дня у большинства студентов питание организованно нерационально в основном за счет кратности приема пищи. Основная часть студентов имеет трехразовое питание, при этом горячий обед в середине дня присутствует только у 35 % опрошенных. Дневной рацион питания студентов отличается однообразием, имеет место значительное потребление кондитерских и хлебобулочных изделий, сладостей, весьма значителен вклад картофеля и овощей. Лишь 15 % респондентов считают, что в их дневном рационе присутствуют все необходимые продукты питания.

Вопросы анкеты позволили выяснить особенности проведения досуга и увлечения студентов. Общение с друзьями занимает первую позицию в приоритетах молодежи, на это указали 86 % опрошенных (46 % – студенты 2–3 курсов). Наибольшая доля респондентов отметила пассивные формы проведения свободного времени, среди которых чаще упоминается чтение книг, газет, журналов (36 %), просмотр телепередач или видеофильмов (41 %), игра на компьютере (30 %, юноши – 50 %), и прослушивание аудиозаписей (56 %).

Активный отдых чаще выражается в посещении дискотек, кафе, баров. У студентов, проживающих в сельской местности, встречаются такие формы проведения свободного времени, как занятие домашним хозяйством (10 %) и работа на приусадебном участке (8 %). В последнее время прибавилось много причин, по которым студенты приобретают вредные привычки и в первую очередь – это стремление снять стресс, связанный с учебой. Причина стресса – большие нагрузки и учебная работа в условиях дефицита времени. На вопрос «Ощущаете ли Вы дефицит времени?» 46 % респондентов дали положительный ответ.

Духовное благополучие, одна из составляющих здоровья человека, также не находится на оптимальном уровне. Об этом свидетельствует отсутствие высоких духовных запросов, недостаток общей культуры, преобладание в списке предпочтений студентов образцов низкопробной массовой литературы, попсы, примитивных развлекательных телепередач на ТВ. Наличие увлечений служит хорошим психологическим барьером против вредных привычек. 53 % респондентов имеют какие-либо увлечения (хобби). К сожалению, только 38 % опрошенных студентов 2–3 курсов имеют какие-либо увлечения (хобби).

На вопрос «Занимаетесь ли Вы спортом?» только 64 % респондентов дали положительный ответ. Остальные 36 % склонны, видимо, полагать, что здоровый образ жизни не связан с активными формами деятельности, такими как физическая культура и спорт. Проведенное исследование выявило и другие психологические и социальные факторы, неблагоприятно влияющие на здоровье студентов: в университете 35 % студентов из неполных семей, (32 % – без отца, 3 % – без матери), 3 % сирот, 6,8 % студентов из многодетных семей

Анализ анкетных данных показал, что для студентов университета характерен достаточно низкий уровень медицинской активности. На вопрос «Обращаетесь ли Вы к врачу при первых признаках заболевания?» студенты представили следующие ответы: всегда – 14 %, иногда – 71 %, никогда – 16 %. 66 % респондентов ответили, что лечатся самостоятельно или при помощи родителей, 14 % сразу обращаются к врачу, 4 % не обращают внимания на болезнь, пока не станет хуже, 17 % обращаются к врачу, когда другими способами вылечиться не удается. Разницы в ответах юношей и девушек нет.

Данное исследование показало, что у 54 % респондентов довольно часто возникают различные конфликты: с родителями – у 15 % респондентов, с преподавателями – у 7 % и с ровесниками 33 % респондентов. Анонимной помощью специалиста по поддержке подростков в критических ситуациях хотели бы воспользоваться 10 % опрошенных. Телефоном доверия хотели бы воспользоваться 18 % респондентов, 16 % опрошенных хотели бы воспользоваться телефоном доверия, по которому от-

вечали опытные специалисты; 1,7 % – ровесники. Это говорит о психологических проблемах студентов университета.

Анализ результатов проведенного исследования показал, что значительная часть студентов осознает жизненную важность здоровья, однако при этом не имеет серьезной мотивации к здоровой жизнедеятельности, т.е. наблюдается существенный разрыв между «теорией» и «практикой»; ведет неорганизованный образ жизни и не умеет рационально построить свою жизнедеятельность; слабо представляет себе пути и средства формирования здоровья и поддержания высокого уровня умственной работоспособности.

Следует также отметить, что от первого к последнему курсу увеличивается подверженность студентов воздействию следующих факторов риска: возрастающие учебные нагрузки, стрессовые ситуации, рост употребления алкоголя, табакокурения [6].

Следующим этапом исследования было проведение самооценки состояния здоровья (по В.П. Войтенко). 64 % опрошенных оценили свое здоровье как «очень хорошее», 36 % – как «среднее». Низкий уровень здоровья не отметил ни один из респондентов [8].

Одной из форм реализации данной подготовки, на наш взгляд, является использование в образовательном процессе университета здоровьесберегающих педагогических технологий. Включение в содержание профессионального образования различных здоровьесберегающих педагогических технологий способствует, с одной стороны, сохранению и укреплению здоровья самих студентов, а с другой стороны, направлено на овладение ими знаниями, умениями, навыками в области здоровьесбережения, с целью их дальнейшей реализации в профессиональной деятельности [9].

Библиографический список

1. Волкова, М.А. Здоровье студентов как параметр качества образовательного процесса / М.А. Волкова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование, здравоохранение, физическая культура. – 2010. – № 3 (179). – С. 70–78.

2. Волкова, М.А. Организационно-массовые мероприятия, стимулирующие развитие научно-исследовательской работы студентов / М.А. Волкова, М.Ю. Попов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. – 2015. – Т. 7. – № 2. – С. 83–90.

3. Гулякин, Д.В. Формирование социально-информационной культуры студентов технического вуза: теоретико-методологические аспекты. Монография / Д.В. Гулякин. – Краснодар: Кубанский государственный технологический университет, 2014. – 158 с.

4. Гулякин, Д.В. Сущностные характеристики социально-информационной культуры студента технического вуза аспекты / Д.В. Гулякин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016. – № 1 (105). – С. 4–7.

5. Пичугина, И.В. Здоровьесбережение как средство повышения эффективности обучения студентов вуза / И.В. Пичугина // Наука ЮУрГУ. Материалы 65-й Научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. – С. 171–174.

6. Пичугина, И.В. Использование современных педагогических технологий при изучении дисциплин психолого-педагогического блока / И.В. Пичугина // Наука XXI ВЕКА: проблемы, поиски, решения. Материалы XXXIX науч.-практ. конф. – Миасс: Геотур, 2015. – С. 351–356.

7. Пичугина, И.В. Организация работы по сохранению и укреплению здоровья студентов университета с целью подготовки к будущей профессиональной деятельности / И.В. Пичугина // Социально-экономические, институционально-правовые и культурно-исторические компоненты развития муниципальных образований. Сб. трудов XII науч.-прак. конф., 2015. – С. 255–258.

8. Пичугина, И.В. Формирование профессиональных компетенций в процессе изучения дисциплины «Деловое общение» / И.В. Пичугина // Наука ЮУрГУ. Материалы 66-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2014. – С. 1524–1528.

9. Пичугина, И.В. Актуальные проблемы туристического бизнеса в современных условиях / И.В. Пичугина // Наука ЮУрГУ. Материалы 67-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. – С. 1825–1830.

К содержанию

УДК 316.356.2 + 378.18.065

КРИЗИС СЕМЬИ И ЦЕННОСТИ СЕМЬИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

Ф.Н. Садриева

В статье рассматриваются проблемы кризиса современной семьи и особенности ценностей семьи в представлениях студенческой молодежи.

Ключевые слова: социология семьи, кризис семьи, разводы, рыночные качества, сожительство.

Заявления исследователей о кризисе семьи не является чем-то новым в современную эпоху. О кризисе семьи говорили и в конце восемнадцатого и в начале девятнадцатого веков. Не зря же социология семьи возникла в 50-е годы XIX века, через двадцать лет после социологии О. Конта. В те времена семья тоже не была стабильной и гармоничной. Например, двести лет назад браки заключались для удовлетворения имущественных и се-

мейных потребностей, а не по любви. Тирания мужей, жестокое обращение с детьми, браки без любви, – были характерны для семьи того времени.

Массовый переезд семей из сельской местности в городские условия с развитием промышленности, капиталистических отношений добавил еще проблемы семье. Как писал Р. Парк, крестьянин, который приезжает в город, чтобы работать и жить там, несомненно, освобождается от контроля обычаев своих предков, но вместе с тем его больше не поддерживает коллективная мудрость крестьянской общины. Он теперь сам по себе. Каждый человек в городе в той или иной степени – сам по себе. И как следствие, пересаженный в город человек до такой степени становится проблемой для самого себя и для общества, как никогда раньше [1]. Так в больших городах риск разводов становится более высоким, чем в малых или сельской местности, так как люди менее подвержены общественному контролю, хотя, казалось бы, увеличивается количество социальных связей.

В постиндустриальном обществе семья видоизменяется, растет количество одиноких людей, семья становится малочисленной. Современная инфраструктура позволяет пожилым людям самостоятельно вести хозяйство, нежелание молодежи вступать в брак способствуют быстрому увеличению численности несемейных людей. В целом число неженатых и незамужних растет по мере повышения уровня образования, что особенно касается женщин. Однако говорить об упадке семьи нельзя. Семья меняет форму, но остается важной общественной единицей.

Исследователи социологии семьи выделяют самую серьезную проблему современной семьи, как рост количества разводов. В прошлые века общественное мнение осуждало разводы, право на развод имели лишь мужья, тогда как женам отводилась сугубо «созерцательная» роль. Средневековые законы, по которым измена мужа вообще не давала повода для развода, тогда как измена жены каралась сурово: неверных жен забивали камнями, сжигали на кострах, топили в реках, выгоняли из дому.

В царской России любой развод был возможен только в духовных учреждениях. В действительности число фактических, но не оформленных разводов было гораздо больше. После революции развод можно было получить в органах ЗАГС немедленно после подачи заявления хотя бы одним из супругов. При И.В. Сталине разводы стали вновь резко ограничены. Развестись можно было только через суд, причем районные народные суды такого права не имели, разводящимся официально надо было давать объявление в газету. При Н.С. Хрущёве процедура развода смягчилась и упростилась [2].

Наряду с упрощением разводов урбанизация образа жизни, миграция населения, индустриализация страны, эмансипация женщин привели к тому, что примерно с 40-х годов прошлого века женщины чаще инициируют разводы. Некоторые ученые пришли к выводу, что современных женщин

брак просто угнетает. Вступая в официальные отношения, женщины понимают, что мужья до сих пор считают, что домашняя работа – женский удел, даже в том случае, когда его вторая половина более успешна в карьере, материально независима. Изменились также ролевые функции, многие мужские функции сейчас забрали женщины, они лучше ориентируются в окружающей действительности.

Исследователь Н.М. Римашевская считает, что проблема развода и судьбы семьи в переломный момент жизни общества приобретает необычайно серьезное значение. В последние годы в нашей стране растет число разводов при одновременном сокращении заключаемых браков, а внебрачная рождаемость приводит к увеличению количества неполных семей. По расчетам демографов, около половины мужчин и женщин в течение жизни расторгают брак: в среднем распадается два из каждых пяти зарегистрированных браков. Более 30 % разводов приходится на молодые семьи, просуществовавшие менее 5 лет [3].

Изменения происходят и в семейных ценностях, которыми руководствуются современные молодые люди. Результаты многочисленных исследований по стране, а также исследования студентов филиала ЮУрГУ в г. Миассе свидетельствуют, что семейные ценности, такие, как создание прочной, счастливой юридически оформленной семьи, воспитание детей, занимают прочные лидирующие позиции в структуре ценностных ориентаций молодых россиян наряду с такой ценностью, как создание материального достатка. Студенты в рамках курса «Методы социологических исследований» проводили опрос своих родителей, родственников и друзей, что дает нам возможность сравнивать ответы студентов и более старшего поколения.

Среди главных условий создания семьи у молодежи является взаимная любовь супругов и лишь затем так называемые материальные факторы – наличие отдельного жилья и приемлемого уровня доходов, позволяющих молодым семьям жить отдельно от родителей. Так, согласно нашим исследованиям большинство девушек 70,7 % и юношей 56,6 % одним из важнейших условий, предшествующих браку, считают завершение образования. Вторым по значимости важным условием, предшествующим браку, респонденты называют наличие работы, где будут хорошо платить молодые люди – 30,8 %, девушки – 25,9 %. Наличие жилья, карьера, независимость от родителей являются важными условиями, предшествующими браку в представлениях большинства студенческой молодежи. Хотя были и такие ответы: «Я приложу все усилия, чтобы выйти замуж в студенчестве. Моя мама долго не могла выйти замуж, будучи распределенной в деревню, где не было нормальных женихов. Она считает, что у меня есть возможность выбирать и устроить личную жизнь в студенческие годы».

«Если бы Вы вступили в брак, могли бы Вы принять финансовую помощь от своих родителей?» 73,7 % опрошенных девушек согласны принять помощь родителей, 44,8 % молодых людей не против принять родительскую помощь. В то же время 28,6 % юношей не согласны принимать материальную помощь от своих родителей. Вероятно, что это противоречило бы их стремлению быть главным в семье. Многие примут от родителей любую нематериальную помощь, например, помощь бабушки или мамы по уходу за ребенком.

Если сравнивать два поколения, то более прагматичными являются современные молодые люди. По нашим исследованиям 67,2 % опрошенных студентов указали на «уровень доходов», в то время родители 43,6 %. Родители указали на согласованность семейных и личных жизненных планов, хорошие отношения с окружением партнера, единый социальный статус, взаимопонимание и т.д.

В вопросах воспитания детей 54,7 % ответивших студентов наиболее важным считают воспитание честности, доброты, отзывчивости. 52 % считают важным дать хорошее образование, 37 %, сформировать целеустремленность, деловые способности, «хватку», ловко устраивать свои дела, 32 % сформировать ответственность, организованность, самодисциплину и т.д.

Исследователи давно отмечают, что современная молодежь обращает внимание на формирование в своих детях «рыночных» качеств, практичности, даже существует опасность усиления прагматической тенденции в воспитании при переходе к рыночным условиям. По нашим исследованиям студенты отметили на необходимость воспитания в своих детях таких качеств, как формирование целеустремленности, деловых качеств, «хватки», как уже отмечали выше 37 %, в то время как 28,2 % поколение родителей обратили внимание на эти черты. Наличие нужных знакомств, круга общения отмечают 15 % опрошенной молодежи и 6,2 % старшее поколение.

Социологические исследования, проведенные в конце XX и в начале XXI веков, показывают, что такая форма брака, как сожительство, с каждым годом все активнее распространяется среди молодежи, в том числе и студенческой молодежи: около 60 % опрошенных студентов допускают возможность сексуальных внебрачных отношений, если между партнерами установились «тесные духовные отношения» [4].

Распространение сожительства объясняется тем, что смягчились нормы общественного мнения; наблюдается ранее психофизиологическое развитие молодежи; нет особых ограничений в средствах массовой информации; в большинстве семей отсутствует сексуальное воспитание; Студенты, состоящие в свободном браке считают, что добрачное сожительство является лучшей формой приспособления друг к другу, успешно готовит будущих супругов к браку, есть возможность узнать друг друга в быту. Исследователи Б.Ф. Кваша, В.Б. Спицнадель считают, что добрачные связи – это «скорее бесконтрольность чувств, нравственная нечистоплотность, мо-

ральная беспринципность» [5] в то же время И.С. Кон наряду с отрицательными сторонами фактического брака отмечает и его положительные моменты: данные отношения в какой-то мере позволяют приобрести начальный опыт совместной жизни, такие отношения выгоднее ранних браков, которые в основной массе своей через 5–7 лет распадаются. Какие бы там не находили положительные стороны и оправдания подобной жизни свободный брак ассоциируется обманом, воровством, распущенностью, безответственностью. Какой семейной жизни подобное поведение подготовит? Какими будут граждане, прошедшие такую школу жизни? Как сформировать чувство семейного долга, семейных традиций и установок супружеской и семейной верности?

На вопрос о том, по какой причине студенты не оформляют официально свои брачные отношения, нами были получены следующие ответы: отсутствие средств на содержание семьи, а также неготовность к ответственности, налагаемой браком.

Отрадно, что у молодежи семья остается одной из важнейших жизненных целей, обязательной частью жизненной стратегии молодых людей. Но все же другие ценности, особенно поощряемая родителями ориентация на образование, интересную работу, карьеру, преобладают над семейными не только у юношей, но и у девушек [6].

Таким образом, у современной молодежи прагматические ценностные установки и ориентации. Объясняется это тем, что она живет в принципиально новых экономических условиях и, соответственно, сталкивается с другими социальными проблемами.

В заключении следует сказать, что молодежь не отказывается от ценностей семьи, но сначала карьера для достижения материального благополучия и независимости от родителей.

Библиографический список

1. URL: http://les-urbanistes.blogspot.ru/2008/10/blog-post.html.

2. Черных, И.А. «Крылатый эрос» и промфинплан / И.А. Черных // Социс. – 1993. – № 8.

3. URL: http://www.studfiles.ru/preview/1458446/page:2.

4. Полутин, С.В. Молодежь в системе социального воспроизводства: социологический анализ / С.В. Полутин. – Саранск: Изд-во Мордовского Университета, 2000.

5. Кваша, Б.Ф. Ценностные основы семьи / Б.Ф. Кваша, В.Б. Спицнадель, Н.И. Минко. – СПб.: Изд-во СПб. юридического института МВД России, 1997.

6. Орлова, И.Б. Демографическое благополучие России / И.Б. Орлова // Межрегиональная общественная организация содействия демографическим реформам «Мобилизация и развитие». – М., 2001.

К содержанию

УДК 94(470+571)"1918/1920"

РОЛЬ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА В «БЕЛОМ ТЕРРОРЕ» ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1920 гг.)

Д.В. Салдугеев

Рассматривается понятие «белый террор», определены причины, масштабы и его последствия. Показано участие частей Чехословацкого корпуса в «белом терроре» периода Гражданской войны в России.

Ключевые слова: Гражданская война, Белое движение, Чехословацкий корпус, террор, «белый террор».

В 1918 г. на территории бывшей Российской империи разгорелась полномасштабная Гражданская война, в ходе которой столкнулись интересы всех политических партий, классов и социальных групп. Она сопровождалась ожесточенной борьбой за власть, в результате которой победу одержала партия большевиков во главе с В.И. Лениным.

В ходе борьбы за власть противоборствующие стороны стали повсеместно прибегать к террору, как средству устрашения своих противников. Военный энциклопедический словарь дает такое объяснение этому явлению. Террор – политика устрашения и подавления классовых и политических противников всеми средствами, вплоть до физического уничтожения [1].

В свою очередь «белый террор» – термин, достаточно обобщенный, включающий в себя явления, происходившие под различными «политическими вывесками», как собственно белого движения, так и в целом антибольшевистского сопротивления, включая правосоциалистические режимы «демократической контрреволюции» лета-осени 1918 г. Сами эти режимы, например КОМУЧ (Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания), несмотря на преобладание «социалистического элемента» в руководстве, опирались в своей практической деятельности на добровольческие белые военные формирования, зачастую даже утверждаясь при прямом участии офицерского подполья. Таким образом, в основе антибольшевистского террора даже социалистических правительств часто лежал белый террор. Разница между «правосоциалистическими» и «белыми» режимами тем более не принципиальна, т.к. белые режимы нельзя однозначно противопоставлять «народным эсеровским режимам» в вопросе выбора будущей формы правления. Следует также добавить, что масштаб террора «эсеровских» государственных формирований был отнюдь не связан с их политической риторикой. Так, в Поволжье в период «эсеровского» государственного строительства летом-осенью 1918 г. жертвами антибольшевистского террора стали не менее 5 тыс. человек.

Трудно определить какая из сторон конфликта первой начала применять террор против своих противников, но оправдать его применение нельзя даже с военной точки зрения. Так командующий американским экспедиционным корпусом в Сибири генерал В. Гревс писал: «Солдаты Семенова и Колмыкова, находясь под защитой японских войск, наводняли страну подобно диким животным, убивали и грабили народ, тогда как японцы при желании могли бы в любой момент прекратить эти убийства». Гревс с горечью констатировал, что кровавые бесчинства сподвижников адмирала Колчака «являлись богатейшей почвой, какую только можно было подготовить для большевизма. Жестокости были такого рода, что они, несомненно, будут вспоминаться и пересказываться среди русского народа через 50 лет после их свершения» [2].

Осуществляли террор против красноармейцев, сторонников советской власти и мирного населения России также и части Чехословацкого корпуса. Следует отметить, что Чехословацкие вооруженные подразделения на территории России стали создаваться в самом начале Первой мировой войны. К сентябрю 1917 г. численность чехословацких вооруженных формирований составила более 15 тыс. человек. 26 сентября начальник Штаба Верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Духонин дал разрешение на формирование Чехословацкого корпуса, в который вошли 1-я, 2-я стрелковые дивизии и запасная стрелковая бригада. Во всех частях корпуса вводился французский военный дисциплинарный устав и устанавливался русский «командный язык» [3]. С 15 января 1918 г. Корпус официально становится подразделением вооруженных сил Франции. Вскоре последовал приказ французского Генерального штаба, по которому Чехословацкий корпус отправлялся в Европу, чтобы участвовать в военных действиях на Западном фронте. Корпус должен был проследовать по Транссибирской магистрали до Владивостока и далее морским путем в Европу [4].

Но этот приказ не был выполнен, так как весной 1918 г. чехословаки начали вооруженную борьбу против советской власти, которая в свою очередь способствовала консолидации небольшевистских сил и началу Гражданской войны в России. Большевистское руководство было обеспокоено присутствием в России вооружённых иностранных частей и приняло меры по их разоружению, но процесс разоружения частей Корпуса, вызвал недовольство у легионеров, также сыграла свою роль и антибольшевистская агитация, которую вели в чехословацких частях противники советской власти. В результате части Корпуса вынуждены были прекратить продвижение во Владивосток и начать вооруженную борьбу против советской власти, которая, в свою очередь, ускорила начало Гражданской войны в России.

Летом 1918 г. чехословацкие части уже вели ожесточенные бои с подразделениями Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) в Поволжье,

на Урале и в Сибири. В первых же боях обе стороны конфликта продемонстрировали жестокость по отношению к своим противникам. Так 1 июня 1918 г. после боя под Миасским заводом чехословаки расстреляли захваченных в плен красногвардейцев, а Фёдор Горелов (17 лет) был повешен из-за того, что грубил конвоирам, грозил отомстить за убитых в бою товарищей [5].

Аналогичная ситуация наблюдалась и в других городах и населенных пунктах Урала. Так, например, в Челябинске после захвата города чехословаками число арестованных сторонников советской власти достигло такой цифры, что тюрьма, рассчитанная на 1000 мест, оказалась переполненной. В результате начавшегося «белого террора» были зверски убиты советские служащие Колющенко, Могильников, Тряскин, их просто зарубили без суда и следствия [6].

Также факты «белого террора» наблюдалась и при занятии чехословаками города Троицка. Вот как описывает действия чешских частей очевидец тех событий С. Моравский: «Около пяти часов утра 18 июня 1918 года город Троицк был в руках чехословаков. Тот час же начались массовые убийства оставшихся коммунистов, красноармейцев и сочувствующих Советской власти. Толпа торговцев, интеллигентов и попов ходила с чехословаками по улицам и указывала на коммунистов и совработников, которых чехи тут же убивали. Около 7 часов утра в день занятия города я был в городе и от мельницы к гостинице Башкирова, не далее чем в одной версте, насчитал около 50 трупов замученных, изуродованных и ограбленных. Убийства продолжались два дня, и по данным штабс-капитана Москвичёва офицера гарнизона, число замученных насчитывалось не менее тысячи человек» [7]. Фотоснимки, сделанные в этот период Гражданской войны, красноречиво свидетельствуют, что чехословацкие солдаты охотно позировали на фоне повешенных или расстрелянных красноармейцев и сторонников советской власти.

Под прикрытием чехословацких штыков были созданы правительства «демократической контрреволюции» в Поволжье (КОМУЧ) и в Сибири (Временное Сибирское правительство (ВСП). Образовавшиеся правительства тесно сотрудничали с частями Чехословацкого корпуса в военной и социально-экономической сфере. Так КОМУЧ передал чехословацким военным полномочия по охране правопорядка в Самаре и функции контрразведки, которую возглавил комендант Самары капитан Карел Ребенда. Следует отметить, что чехословаки с населением Самары особо не церемонились. Как свидетельствуют материалы архивов уже 8 июня 1918 г., то есть сразу же после захвата города чехословаки расстреляли 100 красноармейцев и 50 рабочих, проявивших сочувствие советской власти. Затем число убитых чехословаками возросло до 300 человек [8]. Также были проведены массовые аресты, в результате которых к 15 июню 1918 г. в тюрьмах ока-

залось 1680 человек, а к началу августа их число превысило 2 тысячи. Репрессии против мирного населения в Самаре и в других населенных пунктах губернии продолжались все лето 1918 г. Так, 6 июля в Самаре в ходе расправы над участниками собрания железнодорожников было расстреляно 20 человек. Социально-экономическая политика Самарского правительства вскоре стала вызывать недовольство у населения. Особенно были недовольны крестьяне, выступавшие против начавшейся мобилизации в Народную армию. Но все акции протеста жестоко подавлялись. Только в июле 1918 г. было убито более 500 человек, восставших против власти КОМУЧа.

22 июля чехословацкие части захватили Симбирск, в котором за короткое время было расстреляно около 400 человек, в основном красноармейцев, работников советских учреждений, а также сочувствующих советской власти. Еще большего масштаба «белый террор» наблюдался в Казани, которую чехословаки захватили в августе, где менее чем за месяц было убито, повешено и расстреляно в общей сложности более тысячи человек.

Следует сказать, что в основном чехословаки осуществляли террор в отношении красноармейцев и коммунистов, непосредственно принимающих участие в военных действиях или осуществляющих репрессии против мирного населения посредством красного террора и прочих репрессивных мер. Тем не менее, страдало от чехословацкого террора и мирное население. Так, например, 1 августа 1918 г. на станции Обшаровка чехословацким патрулем были расстреляны два китайца в виду отсутствия у них документов [9].

К осени 1918 г. ситуация на Восточном фронте стала меняться в пользу советской власти. Красная армия оправилась от поражений и перешла в решительное контрнаступление. 10 сентября части РККА освободили Казань. Подразделения Народной армии и чехословацкие части уже не располагали достаточными силами, чтобы остановить это наступление. Кроме того, 11 ноября завершилась Первая мировая война, а после распада Австро-Венгрии была образована независимая Чехословацкая республика. Эти обстоятельства вызвали брожение в чехословацких частях, солдаты отказывались воевать и стали требовать скорейшего возвращения на родину. Чтобы сохранить боеспособность Корпуса, командование Антанты принимает решение отвести чехословацкие подразделения в тыл. По соглашению с правительством адмирала А.В. Колчака частям Чехословацкого войска в России (так с февраля 1919 г стал именоваться Чехословацкий корпус) было поручено обеспечить безопасность железных дорог в Сибири и в первую очередь защитить Транссибирскую магистраль.

Но перемещение чехословацких частей в тыл не означало прекращение для них боевых действий. Многочисленные отряды партизан, которые ак-

тивно действовали вдоль железной дороги, вынуждали чехословаков по-прежнему вести боевые действия, прибегая к карательным акциям и террору, которые вызывали недовольство и восстанавливали местное население против них.

К примеру, начальник охраны железнодорожного участка Новониколаевск-Ачинск, полковник Р. Крейчи в своем приказе обязал должностных лиц волостного и сельского управления составлять списки заложников по числу деревень и сел в данной волости и содержать этих заложников под стражей. «В случае крушения поездов и нападения на служащих и караулы – подлежат выдаче карательному отряду и если в течение трёх дней не будут выяснены и выданы виновники, то в первый раз заложники расстреливаются через одного, дома лиц, ушедших с бандами, невзирая на оставшиеся семьи, сжигаются, а во второй раз число подлежащих расстрелу заложников увеличивается в несколько раз, подозрительные деревни сжигаются целиком» [10].

Но, несмотря на карательные меры и жестокость наказания за проведение диверсий на железной дороге, в течение апреля 1919 г. партизанами было подготовлено и осуществлено 10 крупных железнодорожных катастроф, не говоря о бесчисленных нападениях на поезда и станции и о диверсиях на железнодорожных путях. Также партизаны стремились вести пропаганду среди солдат войска и отправляли чехословакам такие сообщения: «Если будете с нами, мы вам поможем вернуться на родину, если будете против нас, все погибнете в негостеприимной Сибири» [11]. Стремясь запугать местное население, чехословаки жестоко расправлялись с жителями сибирских городов и населенных пунктов, буквально стирая их с лица земли. Так в Енисейске за симпатии к большевикам было убито более 700 человек – почти десятая часть его жителей. При подавлении восстания узников Александровской пересыльной тюрьмы в сентябре 1919 г. чехословаки убили более 600 человек в течении трёх дней. Также принимали участие чехословаки и в массовых экзекуциях местного населения, проводимых правительством Верховного правителя России. В опубликованной в «Правде» статье «Что такое колчаковщина?» говорилось: «Есть в Сибири целые волости, где нет ни одного непоротого, и один земский начальник недавно хвастался: «В моей губернии все южные уезды перепороты». По всей необъятной Сибири, из конца в конец, несется оглушительный свист казачьей нагайки и миллионноголосый исступленный стон разоренного, перепоротого крестьянства». Неслучайно генерал К.В. Сахаров с гневом отмечает, что «имя чех стало в Сибири ругательством» [12].

По мере ухудшения положения правительства адмирала Колчака, ухудшалось положение и самого Чехословацкого войска в России. Чехословаки не желали больше сотрудничать с Верховным правителем и стремились дистанцироваться от политики, проводимой колчаковцами. Имен-

но эту цель преследовал и меморандум, опубликованный ими 13 ноября 1919 г.: «Под защитой чехословацких штыков, местные русские военные органы позволяют себе действия, перед которыми ужаснётся весь цивилизованный мир. Выжигание деревень, избиение мирных русских граждан целыми сотнями, расстрелы без суда представителей демократии по простому подозрению в политической неблагонадёжности – составляет обычное явление, и ответственность за всё перед судом народа всего мира ложится на нас. Почему мы, имея военную силу, не воспротивились этому беззаконию. Такая наша пассивность является прямым следствием принципа нашего нейтралитета и невмешательства во внутренние русские дела. Мы сами не видим иного выхода из этого положения, как лишь в немедленном возвращении домой» [13].

Спустя несколько дней после опубликования данного меморандума был издан приказ, согласно которому приостанавливалась всякая отправка эшелонов колчаковской армии, кроме того предписывалось принять меры, для того, чтобы не пропускать составы с войсками адмирала Колчака восточнее ст. Тайга до того времени, пока не будут эвакуированы все чехословацкие части.

С середины января и до первых чисел февраля 1920 г. проходили ожесточенные бои между чехословаками и частями Красной Армии у Канска и Нижнеудинска. Понеся существенные потери у Нижнеудинска 4 февраля 1920 г., чехословацкое командование было вынуждено пойти на перемирие, в результате которого 7 февраля было подписано Куйтунское мирное соглашение между чехословацкой делегацией и командованием Красной Армии. Статьи соглашения обеспечивали скорейший выезд чехословаков на родину, при соблюдении ими ряда условий.

2 сентября 1920 г. от причала Владивостокского порта отошел морской транспорт, на борту которого находилось последнее подразделение Чехословацкого войска, сыгравшего особую роль в «белом терроре» в годы Гражданской войны на территории России.

Точное число жертв «белого террора» не установлено, однако есть мнение, что политика «белого террора» вызвала такое недовольство у населения, что, совместно с другими факторами, явилась одной из причин поражения Белого движения в Гражданской войне.

Более того, генерал А.И. Деникин в своих «Очерках русской смуты» прямо утверждает, что именно «белый террор» опорочил «белую идею» и оттолкнул крестьян от белых. Слепая ярость к «быдлу», посмевшему поднять руку на своих господ, толкала белых на бессудные расстрелы десятков тысяч рядовых красноармейцев – рабочих и крестьян. Неслучайно один из организаторов и идеологов Белого движения В.В. Шульгин после победы большевиков в Гражданской войне отмечал, что: «Начали белое дело почти святые, закончили белое дело почти бандиты».

Библиографический список

1. Военный энциклопедический словарь. – М.: Воениздат, 1983. – С. 736.
2. Гревс, В. Американская авантюра в Сибири / В. Гревс. – М., 1932. – С. 238.
3. Недбайло, Б.Н. Чехословацкий корпус в России (1914–1920 гг.): Историческое исследование: дис. … канд. ист. наук / Б.Н. Недбайло. – М., 2004. – С. 41.
4. Цветков, В. Мятеж: Чехословацкий корпус на полях Гражданской войны / В. Цветков // Родина. – 2001. – № 6. – С. 57.
5. Миасский завод и его окрестности в 1917–1919 гг.: Сборник документов и материалов / Сост.: Вл.В. Мандрыгин, В.Вл. Мандрыгин, Е.В. Сумина. – Челябинск, 2005. – С. 101.
6. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 596. Оп. 1. Д. 287. Л. 2.
7. Моравский, С. Восстание чехословаков в Сибири / С. Моравский // Пролетарская революция. – 1922. – № 8. – С. 25.
8. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 3500. Д.223. Л. 21–22.
9. СОГАСПИ. Ф. 3500. Д.223. Л. 24.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 200. Оп. 1. Д.366. Л.45.
11. Драгомирецкий, В.С. Чехословаки в России 1914–1920 гг. / В.С. Драгомирецкий. – Париж; Прага, 1928. – С. 94.
12. Сахаров, К.В. Чешские легионы в Сибири. (Чешское предательство) / К.В. Сахаров. – Берлин, 1930. – С. 136.
13. ОГАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 320. Л. 70.

К содержанию

УДК 81’25

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОШИБОК ПРИ ПЕРЕВОДЕ

В.В. Сиреканян

Цель данной статьи: попытаться понять, почему в процессе обучения второму иностранному языку выявляются разнообразные ошибки и в некоторых случаях у разных ученых классификации подобных ошибок расходятся. Многие ученые утверждают, что родной язык играет важную роль в процессе обучения не только в начале, но и на более высоких уровнях компетентности, в то время как другие отрицают влияние родного языка, (L1). Проводились множественные исследования по этому вопросу, и многие лингвисты пытались выяснить, существует ли связь между теоретическими основами и практическими интерпретациями данных ошибок в процессе обучения иностранному языку и переводе с одного (иностранного) языка на родной и наоборот. Результаты исследований показали континуум (постоянство) и важность роли L1. Другая возможная причина этого несоответствия была найдена в методе, используемом для классификации ошибок. И, наконец, возможной причиной могли быть методологические трудности, касающиеся надежности и достоверности данных.

Ключевые слова: ошибки, второй язык, приобретение второго языка, роль родного языка при обучении.

В статье рассматривается влияние родного языка L1 в процессе обучения на разных языковых уровнях и на различных уровнях обучения и анализ результатов этих исследований на основании ошибок, допущенных учащимися L2.

При изучении второму иностранному языку (L2) обучающие и обучаемые обратили внимание на влияние родного языка (L1) на скорость и качество усвоения нового языка (L2). Является ли это влияние важным или незначительным? Этот вопрос влияния, оказываемого L1 в изучении второго языка (L2), целенаправленно изучался через ошибки. Интерпретация этих ошибок породила такие понятия, как перевод (позитивный, негативный), межъязыковые отношения, стратегии обучения, различные теории и подходы или модели. Как можно принимать тот факт, что одни и те же данные, являющиеся ошибками, могут привести к различным толкованиям? Могут ли фундаментальные теории, лежащие в основе этих исследований, дать ответ? Может ли методология, используемая для классификации ошибок, быть возможной причиной этого несоответствия? Может надежность и достоверность данных быть частью этого разнообразия?

Ошибки при изучении второго языка

Характер и причины ошибок, допущенных изучающими L2, были широко изучены в области прикладной лингвистики. Некоторые лингвисты (Corder, 1967; Landriault, 1980) использовали термин «ошибки» как разные понятия: слово *errors* в значении заблуждение или оплошность, а *mistakes* как проступок, погрешность, отклонение. Они считали, что ошибка связана с физическими условиями или психологическими, и ошибка *mistakes* является результатом преходящей компетентности в L2, и выделили три типа ошибок:

1) предварительно-систематические (обучаемый не знает правила в L2);

2) систематические (обучаемый знает правила в L2, но он не применяет их должным образом);

3) постсистематические (обучаемый знает правила, но из-за недостатка внимания или памяти не использует их).

Анализ ошибок в L2 в большей степени связан с лингвистическим аспектам языка, тем не менее, важно рассмотреть процесс обучения посредством понятий, которые попадают под психологические и лингвистические теории.

L2 представляет собой сложное явление, в основном изучается в рамках двух психологических теорий: поведенческих и когнитивных. Рационалистический взгляд на обучение и язык тесно связан с основными принципами и убеждениями когнитивной психологии.

Согласно теории бихевиоризма (behaviourism обучения языка), изучение языка является формированием привычек, а ошибки обусловлены привычками уже сформированными в L1. Такое поведение мешает в процессе формирования привычки в L2. Со стороны обучаемых были мнения исключить постоянные привычки, поступающие из L1. С другой стороны, когнитивная модель утверждает, что вся деятельность, направленная на обучение, является интеграцией новых знаний. Интерпретация информации осуществляется с помощью различных умственных операций, а затем это хранится в нашей памяти. Предварительные знания «вмешивается» в интерпретацию и строится новое знание.

С другой точки зрения, врожденное знание, которое мы имеем, состоит из принципов, лежащих в основе системы (свойства, применяемые ко всем языкам), и то, что мы узнаем, является значением параметров (свойств применительно к конкретным языкам). Для некоторых исследователей, принципы **общей (**универсальной**) грамматики** Universal Grammar (UG) влияет на L2. Следовательно, надо понять, в какой степени обучающиеся имеют доступ к принципам и параметрам UG.

Языковая способность состоит из разнообразных грамматических навыков и богатого лексикона. При усвоении языковой способности наблюдаются три гипотезы:

1. Недоступность UG: принципы и параметры, действующие в L1, больше не доступны в процессе обучения L2.

2. Частичная доступность UG: учащиеся использовали параметры L1 в самом начале в процессе обучения L2.

3. Общая доступность UG: учащиеся L2 имели доступ к тем же когнитивным устройствам, которые есть в L1.

Как показано выше, на основе UG исследователи делают акцент на языке измерения L2. Обучение второму языку (или приобретение второго языка) понимается по-разному в зависимости от основной теории. Поэтому сейчас важно рассмотреть природу и причины возникновения ошибок в изучении второго языка.

Ошибки являются результатом неправильной интерпретации понятий в L2. Таким образом, следующий этап исследований – определить источник этих ошибок.

Meriö [6] разработал теорию прямого и косвенного вмешательства. В теории прямого вмешательства ошибки могут быть отнесены непосредственно к L1; в косвенной интерференции ошибки также могут быть отнесены к L1 через заимствованный перевод. Arabski (1979) показал, что более половины ошибок, совершенных изучающими английский язык L2, совершаются на трех уровнях:

1) начинающий – beginners;

2) промежуточный – intermediate;

3) продвинутый – advanced, можно отнести к L1.

Результаты этих исследований иллюстрируют, что на втором и третьем году обучения при передаче грамматических структур и правил студенты университетского уровня английского языка показали значительное число ошибок, поступающих от их родного языка, то есть ошибок возникли от влияния L1.

Еще одним важным понятием, связанным с L2 и используемым для объяснения ошибок, допущенных учащимися, является межнациональное (Interethnic) общения (IL).

Анализ исследований по ошибкам

Эти исследования были выбраны в соответствии со следующими критериями:

– ошибки, допущенные учащимися L2;

– соотношение между ошибками в L1 / L2;

– и ошибки во внутриязыковых явлениях, присутствующих в L2.

Большинство исследований были завершены на трех уровнях: начальный, средний и продвинутый.

Теоретические основы были разделены на две категории:

1) подтвержденные влиянию L1;

2) не подтвержденные влиянию L1.

Первая категория – оперативные познавательные основы, которые касались различных когнитивных стратегий и привели к частичному влиянию на L1. А теоретические основы второй категории связаны с порядком приобретения универсальных последовательностей для основных лингвистических структур. Результаты этой категории показывают на не влияние или частичное влияние на L1.

И наконец, возможной причиной могли быть методологические трудности, касающиеся надежности и достоверности данных.

Было бы интересно проанализировать ошибки, допущенные учащимися при изучении L2, имеющими хорошее знание теоретической основы родного языка, и обратить особое внимание на методологические соображения, касающиеся управления триангуляции данными.

Необходимы дополнительные исследования, чтобы лучше понять процесс обучения L2 и найти способы, чтобы помочь преподавателям и студентам лучше справляться с процессом преподавания и изучения английского языка как второго языка в новой системе образования.

Библиографический список

1. Adjémian K. On The Nature of Interlanguage Systems.*Language Learning,26*(2), 297-320. doi:10.1111/j.1467-1770.1976.tb00279x,1976.

2. Андерсон, Дж.П. Когнитивная психология и ее последствия / Дж.П. Андерсон. – Нью-Йорк: W.H. Freeman. 1985.

3. Будашевский, В.Г. Проблемы обучения иностранному языку и поиск рациональных технологий их решения / В.Г. Будашевский, В.В. Сиреканян. – Екатеринбург, 2004.

4. Corder, S.P. A Role for the Mother Tongue. In S. Gass& L. Selinker (Eds.), *Language Transfer in Language Learning*. Rowley, Mass: Newbury House, 1983.

5. Майзель, Дж. Об определении стадии развития в естественном приобретения второго языка / Дж. Майзель, X. Clahsen, M. Pienemann // Исследования, проведенные в приобретении второго языка. – 1981. – № 3. – С. 109–135.

6. Meriö, К. Психолингвистическое анализ и оценка ошибок интерференции / К. Meriö // Ирал. – 1978. – 16 (1). – С. 27–44.

7. Sirekanyan V.V. Foreign Language Teaching Using a New (Mind-Map) Technology. International Conference on Language, Psychology, Culture and Education: Conference Proceedings, February 28th, 2017, Malmö, Sweden: Scientific public organization “Professional science”, 2017. 396 p.

8. Хомский, Н. Размышления о языке / Н. Хомский. – Лондон: Храм Смит, 1976.

9. Хокинс, П. Второй язык. Синтаксис / П. Хокинс. – Oxford: Blackwell. 2001.

К содержанию

ФАКУЛЬТЕТ СЕРВИСА, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА В г. ЗЛАТОУСТ

УДК 94(470.55)«1920/1939»

ИСТОЧНИКИ ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА В 1920–1930-е гг.

В.А. Журавлева

В статье анализируются основные виды источников изучения городского населения Урала в 1920–1930-е гг. Автор приходит к выводу, что источниковая база исследования обширна и репрезентативна, позволяет всесторонне изучить поставленную проблему.

Ключевые слова: городское население Урала, исторический источник, законодательно-нормативный документ, делопроизводственная документация, статистический документ, периодическая печать.

Историко-демографическое исследование городского населения Урала в 1920–1930-е гг. основывается на комплексном использовании широкого круга источников, что позволяет более детально изучить объект за счет привлечения данных из разных источников и перепроверки их. Источниковая база включает в себя опубликованные и неопубликованные источники, которые в соответствии с видовым принципом классификации делятся на законодательно-нормативные документы, делопроизводственную документацию, статистические документы и периодическую печать.

Неопубликованные материалы содержат новую информацию и хранятся в федеральных и региональных архивах.

Важную группу источников составляют законодательно-нормативные документы. К ним относятся законодательные акты Советского государства. Они представлены в следующих публикациях: «Декреты Советской власти», «Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР» (СЗ СССР), «Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР» (СУ РСФСР), «Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР 1938–1944 гг.». Фронтальное изучение законов и постановлений ВЦИК и СНК РСФСР, а с декабря 1922 г. – ЦИК (с декабря 1936 г. – Верховного Совета СССР) и СНК СССР позволило реконструировать государственно-правовое регулирование социальных и демографических процессов в стране и на Урале в исследуемый период. Большое значение для исследования имеют решения Наркомата здравоохранения РСФСР, собранные в сборнике «Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народно-

го хозяйства СССР 1925–1940» [1]. Они позволяют определить основные направления и конкретные меры демографической политики в сфере воспроизводства городского населения. Сборник «Советская власть и раскрепощение женщины» содержит декреты и постановления по охране материнства и является важнейшим источником для анализа мероприятий Советского правительства в этом направлении [2].

В основе законодательной и практической деятельности Советского государства в 1920-е и особенно 1930-е гг. лежали решения партийных съездов и ЦК ВКП (б), совместных постановлений ЦК ВКП (б) и СНК СССР. Они носили директивный характер и определяли курс деятельности государственных и хозяйственных органов, для их реализации принимались нормативные акты страны. В этом отношении особое значение имеют решения XVI съезда ВКП (б) и постановление ЦК ВКП (б) «О работе Уралмета» от 15 мая 1930 г., определившие стратегию развития региона, ставшей основой его урбанизации. Партийные решения содержатся в изданиях: «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», «Справочник партийного работника» и др.

Делопроизводственная документация в основном представлена следующими разновидностями: организационная документация (положения, правила, обязательства и проч.), распорядительная документация (решения, резолюции, приказы, инструкции, циркуляры, распоряжения, предписания и проч.), организационно-распорядительная или протокольная документация (протоколы и стенограммы заседаний руководящих работников областного и городского значения, собраний и совещаний, съездов и проч.), текущая деловая переписка (официальные письма, докладные записки и проч.), отчетные документы (отчеты, объяснительные и аналитические записки, демографо-статистические сводки, конъюнктурные обзоры, информационные сообщения, доклады). Делопроизводственная документация содержит огромный массив данных о демографической ситуации, здравоохранении, городском хозяйстве, быте местного и приезжего населения. Данный вид исторического источника позволяет определить направления деятельности областных и городских органов власти по решению проблем народонаселения. В 1920-е гг. было принято публиковать отчеты местных властей и материалы к ним [3, 4, 5, 6 и др.]. В 1930-е гг. это делалось крайне редко и только на уровне областных итогов [7, 8]. В рассматриваемый период накануне переписей издавались всевозможные инструкции и информационные письма [9, 10 и др.], которые дают возможность изучить ход подготовки к ним. Часть делопроизводственной документации рассматриваемого периода вошла в региональные сборники документов и материалов, которые стали публиковать с 1960-х гг. [11, 12, 13, 14 и др.].

Особую ценность в исследовательском плане имеют статистические документы, позволяющие определить основные тенденции социально-

демографического развития страны и региона. К ним относятся статистические материалы ЦСУ СССР, ЦУНХУ и УНХУ РСФСР, статистических учреждений и органов народнохозяйственного учета Урала. В первую очередь это результаты Всероссийской переписи населения 1920 г., Всесоюзной городской переписи 1923 г., Всесоюзных переписей 1926, 1937 и 1939 гг. [15, 16, 17, 18, 19, 20 и др.]. В целом ряде статистических сборников изучаемого периода, как общесоюзных [21, 22] и общероссийских [23], так и региональных [24, 25, 26, 27, 28 и др.], приведены данные переписей и текущей статистики по различным аспектам народонаселения, в том числе численности населения, его половозрастном и национальном составе, сословно-классовой принадлежности, естественном и механическом движении, количестве лечебно-профилактических учреждений, учебных заведений, состоянии городского хозяйства. В 1932 г. был опубликован статистический отчет «Магнитострой в цифрах» с данными переписи горожан, состоявшейся в Магнитогорске в 1931 г. Обилие статистических сборников, издававшихся на Урале в 1920-е гг. не только в губернских городах, а позже в областном центре, но и в отдельных городах края свидетельствовало о публикаторской активности местных статистических органов. Подобное положение не характерно для следующего десятилетия. Более того, представленный в немногочисленных статистических сборниках 1930-х гг. демографический материал уже не был таким разнообразным и сводился только к численности населения и количеству объектов здравоохранения, народного образования и городского хозяйства.

Среди уральских статистических сборников исследуемого периода особое значение имеют «Уральский статистический ежегодник» в двух выпусках [29, 30] и «Уральское хозяйство в цифрах», которое издавалось в течение шести лет [31, 32, 33, 34, 35]. Эти сборники имели специальный раздел «Территория и население», в котором публиковались итоги переписей, ежегодные данные о численности населения, в том числе городского, его естественном и механическом движении, смертности горожан по основным причинам смерти и возрастным группам, главным причинам детской смертности, браках и разводах на Урале. Все демографические сведения печатались в основном в абсолютном выражении. Такое единообразие в подаче статистической информации позволяет определить динамику демографических процессов, протекавших в регионе в 1926–1932 гг. Однако последний выпуск Уральского хозяйства в цифрах за 1931–1932 гг. уже не содержит прежнего объема сведений о населении Уральской области. В частности, под прямым влиянием политических изменений в стране исчезли данные о естественном и миграционном движении горожан.

Разнообразная и ценная информация о воспроизводстве населения, в том числе и на Урале, содержится в статистических сборниках «Естественное движение населения», издававшихся в СССР и РСФСР во второй половине 1920-х гг. [36, 37, 38] На Урале медицинская статистика, в том

числе сведения о рождаемости, смертности и заболеваемости горожан, сети лечебно-профилактических учреждений, их штатах, представлена в ежегодных статистических изданиях, подготовленных Уральским областным отделом здравоохранения [39, 40, 41, 42, 43]. В 1930-е гг. в регионе статистические сборники с такой тематикой уже не публиковались.

Статистический материалы позволили провести сравнительный анализ развития жителей уральских городов и аналогичных поселений в целом СССР и РСФСР, а также других регионов.

Ценным источником явилась периодическая печать. Она дает богатый материал, главным образом, фактического порядка. Материалы центральных («Большевик», «Вестник статистики», «Гигиена и эпидемиология», «Партийное строительство», «Партработник», «План», «Плановое хозяйство», «Проблемы экономики», «Проект и стандарт», «Северная Азия», «Советская медицина», «Статистическое обозрение») и региональных («Журнал Шадринского общества краеведения», «Медработник Урала», «Округ», «Пермский медицинский журнал», «Ударница Урала», «Уральский медицинский журнал», «Уральский техник», «Хозяйство Урала», «Экономика») журналов и бюллетеней («Бюллетень бюро переписи населения Свердловского облУНХУ», «Бюллетень Госплана РСФСР», «Бюллетень Уральского областного статистического управления», «Губерния в цифрах»), дополняя архивные документы, позволяют полнее осветить развитие городского населения Урала в 1920–1930-е гг.

Большое значение имеет местная периодическая печать. Газеты «Уральский рабочий», «Красный Курган», «Магнитогорский рабочий», «Пролетарская мысль» и другие городские газеты освещали ход подготовки и проведения переписей населения, проблемы быта горожан, жилищно-коммунальное и социально-культурное строительство городов. Материалы этих газет публиковались, как правило, по горячим следам событий, носили оперативный характер, отражая повседневную жизнь человека, поэтому не всегда глубоко анализировали их, а в ряде случаев давали односторонние оценки фактам. Все это учитывалось при проведении исследования.

Таким образом, источниковая база исследования городского населения Урала в 1920–1930-е гг. обширна и вполне репрезентативна. Изучение всей совокупности названных выше источников позволяет всесторонне исследовать развитие городского населения Урала в обозначенный период.

Библиографический список

1. Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР 1925–1940: сб. док. и мат-лов / сост. Л.И. Завалищенко, П.И. Гусев, П.П. Ковалев, М.К. Кузьмин, А.А. Маслова, Н.А. Молчанова и др. – М.: Медицина, 1973. – 328 с.

2. Советская власть и раскрепощение женщины: сб. декретов и постановлений РСФСР. – М.: Госиздат, 1921. – 64 с.

3. Отчет Екатеринбургского губернского Экономсовещания Совету Труда и Обороны № 1 (июль–сентябрь). – Екатеринбург: Тип. «Гранит», 1921. – 74 с.

4. Отчет Красноуфимского уездного Экономического Совещания Екатеринбургскому Губэкономсовещанию № 2. – Красноуфимск: Изд. Красноуф. уэкономсовещания, 1922. – 48 с.

5. Материалы о деятельности Челябинского губернского исполнительного комитета к 6-му губернскому съезду Советов (декабрь 1922 г.). – Челябинск: Б. и, 1922. – 119 с.

6. Материалы к отчету Пермского окружного исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов за 1927 и 1928 год. – Пермь: Окрисполком, 1929. – 71 с.

7. Четыре года борьбы за социализм: материалы к отчету Свердловского областного исполнительного комитета. – Свердловск: Изд. Свердоблисполкома, 1934. – 192 с.

8. Итоги хозяйственного и культурного строительства Челябинской области (II съезд Советов Челябинской области). – Челябинск: Изд. Челябоблплана, 1936. – 72 с.

9. Всеобщая перепись населения 1920 года. Демографическо-профессиональная и сельскохозяйственная с учетом промышленных предприятий. – М.: Тип. Воздвиженка, 1920. – 63 с.

10. Всесоюзная перепись населения 1937 года. Информационное письмо № 5. – Челябинск: Изд. облУНХУ, 1936. – 26 с.

11. Челябинская губерния в период военного коммунизма (июль 1919–декабрь 1920 гг.): док. и матер. / ред.-сост. С.Н. Корнеенков. – Челябинск: Кн. изд-во, 1960. – 706 с.

12. Из истории Свердловской области, 1917–1975: сб. док. и матер. / отв. сост. М.И. Туровец. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. – 416 с.

13. Челябинская область. 1917–1945 гг.: сб. док. и матер. / под ред. П.Г. Агарышева. – Челябинск: Юж-Урал. кн. изд-во, 1998. – 304 с.

14. Пермская область накануне Великой Отечественной войны: сб. док. / сост. В.Г. Светлаков. – Пермь: Изд-во «Пушка», 2005. – 288 с.

15. Труды ЦСУ. Т. 1. Вып. 1. – М., 1920. – 24 с.; Вып. 3. – М., 1921. – 19 с.

16. Труды ЦСУ СССР. Т. XX. Ч. II. Вып. 1. – М., 1924. – 535 с.; Вып. 3. – М., 1925. – 391 с.; Вып. 4. – М., 1925. – 122 с.

17. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. IV. Отд. 1. – М.: Изд. ЦСУ Союза ССР, 1928. – 423 с.; Т. IX. – М.: Изд. ЦСУ Союза ССР, 1929. – 228 с.; Т. XXXVIII. – М.: Изд. Планхозгиза 1930. – 289 с.

18. Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги: сб. док. и мат. / сост. В.Б. Жиромская и Ю.А. Поляков. – М.: РОССПЭН, 2007. – 320 с.

19. Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. – М.: Наука, 1992. – 256 с.

20. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Уральский регион: сб. мат. / сост. В.П. Мотревич. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002. – 372 с.

21. Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. – М.: ЦУНХУ Госплана СССР–В/О «Союзоргучет», 1936. – 496 с.

22. Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.): стат. сб. – М.; Л.: Госпланиздат, 1939. – 206 с.

23. Итоги развития народного хозяйства и культурного строительства РСФСР за годы второй пятилетки. – М.; Л.: Госпланиздат, 1939. – 168 с.

24. Статистический сборник Челябинской губернии за 1920–1923 гг. / под ред. К.И. Клименко. – Челябинск: Челябгубстатбюро, 1923. – 396 с.

25. Пермский округ Уральской области 1926 г.: стат. справочник. – Пермь: Изд. Пермского окрстатбюро, 1926. – 346 с.

26. Социалистическое строительство Урала за 15 лет (основные показатели). – Свердловск: Б. и., 1932. – 57 с.

27. Свердловская область в цифрах. 1935: кратк. стат. справочник. – Свердловск: Изд. СвердоблУНХУ, 1936. – 301 с.

28. Челябинская область (кратк. стат.-эконом. справочник). – Челябинск: Изд-во «Челябинский рабочий», 1941. – 74 с.

29. Уральский статистический ежегодник на 1923 г. / под ред. В.С. Немчинова, П.Ф. Неволина. – Екатеринбург: Изд. УралоблЭКОСО, 1923. – 500 с.

30. Уральский статистический ежегодник, 1923–24 г. / под ред. В.С. Немчинова, П.Ф. Неволина. – Свердловск: Изд. Уралоблисполкома, 1925. – 611 с.

31. Уральское хозяйство в цифрах. 1926 г.: кратк. стат. справочник. – Свердловск: Изд. Уралоблстатуправления, 1926. – 393 с.

32. Уральское хозяйство в цифрах. 1927 г.: кратк. стат. справочник. – Свердловск: Изд. Уралоблстатуправления, 1927. – 514 с.

33. Уральское хозяйство в цифрах. 1928 г.: кратк. стат. справочник. – Свердловск: Изд. Уралоблстатуправления, 1928. – 571 с.

34. Уральское хозяйство в цифрах. 1929 г.: кратк. стат. справочник. – Свердловск: Изд. Уралоблстатотдела, 1929. – 587 с.

35. Уральское хозяйство в цифрах. 1931–1932 гг. – Свердловск: Изд. УралУНХУ, 1933. – 388 с.

36. Естественное движение населения Союза ССР, 1923–1925. – М.: Изд. ЦСУ СССР, 1928. – 112 с.

37. Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. – М.: Изд. ЦСУ РСФСР, 1928. – 131 с.

38. Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. – М.: ЦСУ СССР, 1929. – 179 с.

39. Здравоохранение Уральской области за 1925 г. – Свердловск: Изд. Отд. Здравоохранения Уралоблисполкома, 1926. – Вып. II. – 109 с.

40. Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. – Свердловск: Изд. Уралоблздравотдела, 1928. – Вып. III. – 169 с.

41. Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1927 год. – Свердловск: Изд. Уралоблздравотдела, 1929. – 80 с.

42. Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1928 год. – Свердловск: Изд. Уралоблздравотдела, 1929. – 122 с.

43. Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1929 год. – Свердловск: Изд. Уралоблздравотдела, 1931. – 160 с.

К содержанию

УДК 331.1(470.55) + 331.5(470.55)

ПРОБЛЕМЫ РЫНКА ТРУДА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

В.В. Панков, А.Д. Бараб

Выявлены негативные тенденции, сложившиеся на рынке труда Челябинской области. Проанализированы возможные пути нейтрализации дефицита рабочей силы.

Ключевые слова: безработица, демографическая структура, дефицит рабочей силы, трудовая миграция.

Существующие проблемы на рынке труда связаны с наличием диспропорций между основными параметрами. Диспропорции на рынке труда вызываются несоответствием параметров спроса на труд и предложения труда. Параметры предложения рабочей силы на рынке труда определяются, прежде всего, демографическими факторами. Челябинская область последние 26 лет показывает отрицательный рост численности населения: на 01.01.2017 г. – 3,523 млн человек, на 01.01.1990 г. – 3,701 млн человек.

Изменяется средний возраст населения Челябинской области, доля населения в трудоспособном возрасте уменьшилась за последние 10 лет – на 5 % [5, с. 142] (см. табл. 1), что совпадает с тенденцией в российской экономике в целом, при этом доля трудоспособного населения в нашем регионе меньше, чем в РФ, а доля старше трудоспособного возраста выше, в РФ.

Таблица 1

Трудоспособное население

	Население в трудоспособном возрасте						Население старше трудоспособного возраста					
	2005	2011	2012	2013	2014	2015	2005	2011	2012	2013	2014	2015
Челябинская область	62,7	60,7	59,9	59,0	58,1	57,2	20,7	22,8	23,2	23,6	24,0	24,5
Российская Федерация	63,0	61,5	60,9	60,1	59,3	58,4	20,5	22,3	22,6	23,1	23,5	24,0

Как показывают следующие данные, с 2011 года региональные показатели Челябинской области превышают показатели РФ по уровню участия в рабочей силе (см. табл. 2).

Вышеприведённые показатели отражают сложившуюся тенденцию к возникновению дефицита рабочей силы. Преодоление последствий недостатка рабочей силы достижимо различными способами. Возможно замещение трудовых ресурсов более эффективным производственным обору-

дованием, автоматизацией производства, что позволит повысить производительность труда. Такое решение потребует значительного роста инвестиций, но данные статистики сигнализируют о сокращении чистых инвестиций в 2015 г. на 18% [1, с.157].

Таблица 2

Уровень участия в рабочей силе

Регионы	Уровень участия в рабочей силе					
Период, годы	2005	2011	2012	2013	2014	2015
Челябинская область	65,2	68,9	70,0	70,5	70,4	70,4
Российская Федерация	66,0	67,7	68,3	68,7	68,5	68,9

Другим способом может быть усиление интенсивности использования существующего объёма трудовых ресурсов: увеличение продолжительности рабочего дня, изменение пенсионного возраста в сторону увеличения, инвестиции в человеческий капитал (качественное медицинское обслуживание, современное образование). Данный способ предполагает использование мер с одной стороны - не вызывающих оптимизма у населения, с другой - требующих серьёзного увеличения бюджетных расходов (что затруднено в условиях продолжающегося кризиса).

Третьим способом решения назревающей проблемы дефицита трудовых ресурсов является трудовая миграция из стран ближнего зарубежья. Недостатки данного способа очевидны: значительная доля мигрантов заняты низкоквалифицированным трудом, снижая тем самым и без того невысокие расценки.

Статистика миграционных потоков выявляет неэквивалентность качества притока-оттока рабочей силы: уезжают руководители и специалисты, приезжают рабочие (см. табл. 3). [2, с.65].

Таблица 3

Профессионально-квалификационный состав международной трудовой миграции в России, 2015 год, в % к итогу

Профессионально-квалификационный состав	Иностранные граждане, работающие в России	Российские граждане, выехавшие на работу за границу
руководители	3,6	22,6
специалисты	9,9	30,8
рабочие	81,6	36,4
другие	4,9	10,2

Анализируя показатели миграционного прироста (см. табл. 4), приходим к выводу о непривлекательности в глазах мигрантов Челябинской области.

Таблица 4

Коэффициенты миграционного прироста на 10 000 человек населения

Регионы	Коэффициенты миграционного прироста на 10 000 человек населения						
Период, годы	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Челябинская область	-12	-8	19	13	12	16	15
Российская Федерация	20	19	22	21	21	19	18

Общая численность населения РФ и Челябинской области имеет тенденцию к уменьшению, что отражается на численности учащихся в системе общего образования. Логично было бы предположить, что данная тенденция проявит себя пропорционально в показателях количества студентов СПО и ВПО. Однако практика (см. рис. 1) демонстрирует, что численность выпускников СПО за период с 2005 по 2015 уменьшилась вдвое, а численность выпускников ВПО за тот же период увеличилась.

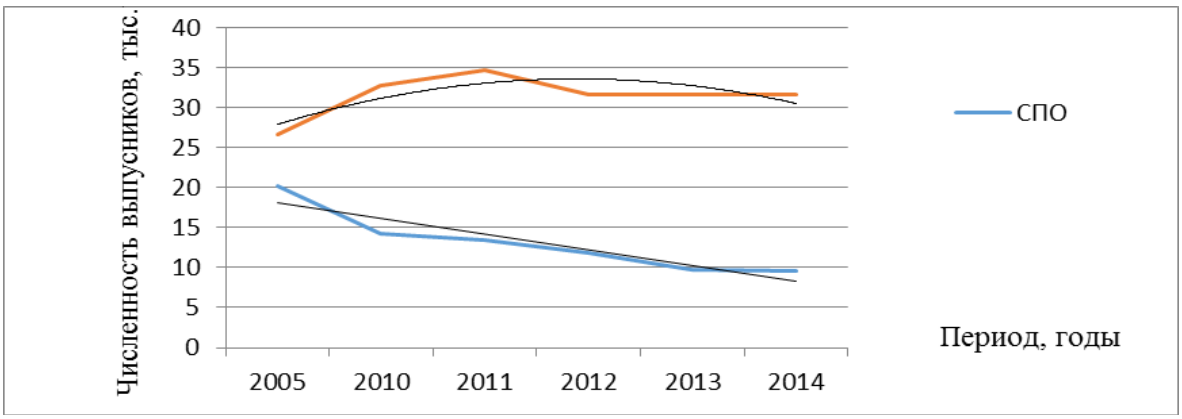


Рис. 1. Численность выпускников
учреждений ВПО и СПО Челябинской области

Вместе с тем рынок труда Челябинской области демонстрирует спрос на рабочую силу преимущественно, на рабочие специальности (по данным ЦЗН Челябинской области) [4]. Специфика классификации вакансий Центра занятости, не позволяет разделить чётко носителей ВПО и СПО, но при детальном рассмотрении можно выделить среди вакансий служащих на 19.12. 2016 только около 50 % вакансий связанных с ВПО.

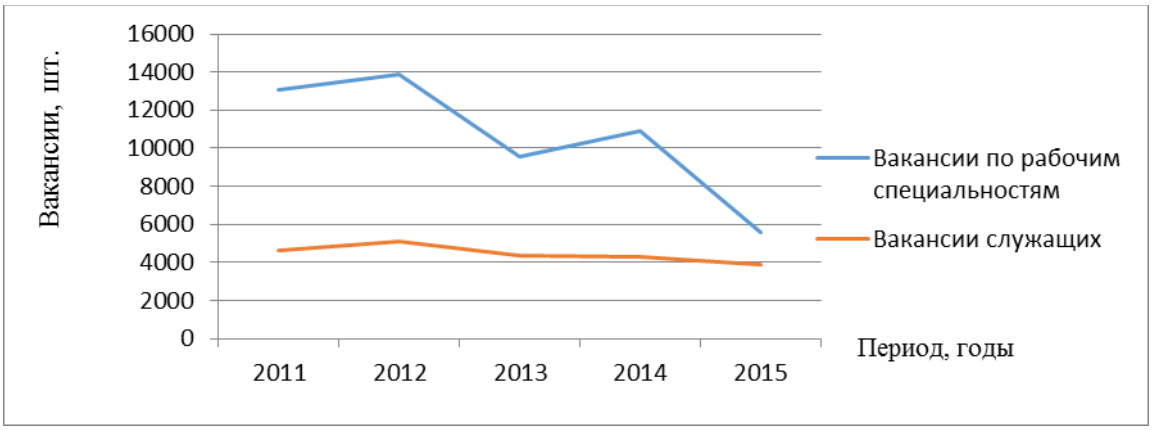


Рис. 2. Вакансии ЦЗН Челябинской области

Решение назревающих проблем регионального рынка труда является одной из прерогатив органов государственной власти, соглашаясь с И.А. Савельевым [6, с. 26] по вопросу актуализации социальных установок субъектов управленческой деятельности, считаем необходимым отметить отсутствие единого подхода на уровне субъектов РФ к решению проблем рынка труда.

Библиографический список

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Р32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 1266 с.

2. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год / под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2015. – 260 с.

3. Об итогах социально-экономического развития Челябинской области в 2015 году: материалы к заседанию администрации Челябинской области. – Челябинск, 2015. – 21 с.

4. Официальный сайт Главного управления по труду и занятости населения Челябинской области. – URL: http://szn74.ru/Upload/files/rp_19.12.2016.doc.

5. Панков, В.В. К вопросу о проблемах рынка труда Челябинской области / В.В. Панков, О.Н. Бычкова // Наука ЮУрГУ. Материалы 68-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2016. – С. 1473–1477.

6. Савельев, И.А. К вопросу о формировании и актуализации социальных установок субъектов управленческой деятельности / И.А. Савельев // Социум и власть. – М.: РАНХиГС, Челябинский филиал, 2015. – N 1. – С. 23–28.

К содержанию

УДК 343.137.5 + 343.144- 053.6

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

И.В. Семенченко, Ю.В. Лежнёва

В статье раскрываются особенности поведения следователя при допросе несовершеннолетних. Целью исследования является изучение психологических приемов, навыков, опыта при допросе несовершеннолетних. Применение психологии позволит следователям эффективнее раскрывать преступления и выявлять поводы преступности среди подростков.

Ключевые слова: допрос, несовершеннолетние, психология, преступление, следователь, раскрытие преступности.

Ежегодно свыше 90 тысяч несовершеннолетних становятся жертвами преступлений. Процесс расследования с участием несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля особенно сложен и требует специальных знаний в области педагогики, детской психологии. Одним из самых распространенных следственных действий является допрос, в ходе которого следователь получает ценную информацию, позволяющую выдвигать версии по делу, планировать расследование. Допрос несовершеннолетних имеет специфику, связанную, прежде всего, с их возрастными особенностями.

Практика показывает, что знание психологических особенностей подростков способствует правильному решению задач расследования преступлений и перевоспитания несовершеннолетних преступников.

При допросе несовершеннолетних наряду с общими закономерностями, характерными для этого следственного действия, следует учитывать ряд особенностей, связанных с возрастом несовершеннолетних.

Практика показывает, что каждому допросу несовершеннолетнего должна предшествовать тщательная подготовка. Здесь важно выяснить, какие люди окружают несовершеннолетнего, в каких условиях он живет, с кем дружит, как он работает или учится [1, с. 23].

УПК РФ предъявляет к допросу несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля дополнительные требования. Так, согласно ст. 191 УПК РФ допрос потерпевшего в возрасте до 14 лет, а по усмотрению следователя в возрасте от 14 до 18 лет должен проводиться с участием педагога. При допросе несовершеннолетнего потерпевшего также вправе присутствовать законный представитель. Следует отметить, что не всегда тактически правильно привлекать к участию в допросе несовершеннолетнего родителей или лиц, их заменяющих, т.к. ребенок может опасаться наказания, стесняться близких ему людей. Потерпевшие, не достигшие 16 лет, не преду-

преждаются об ответственности за отказ и за дачу заведомо ложных показаний, им указывается на необходимость говорить правду.

Для того чтобы в показаниях не было искажений, а) допрос должен производиться в благоприятной обстановке (в том месте, где ребенок чувствует себя спокойно, уютно, в необходимых случаях – в присутствии педагога, родителей, психолога); б) вопросы должны быть особенно тщательно продуманы, наводящие вопросы, которые из-за внушаемости ребенка или подростка могут изменить показания, надо исключить, как этого требует ч. 2 ст. 189 УПК РФ; в) вопросы, предлагаемые несовершеннолетнему, и его ответы должны быть максимально точно зафиксированы в протоколе (это, впрочем, касается любого допроса).

Во время допроса несовершеннолетнего потерпевшего следователь не должен избирать угрожающий тон, демонстрировать превосходство, властные полномочия, однако и неестественная суетливость, слащавость может вызвать у допрашиваемого недоверие. Следователь должен обладать навыками активного слушания, проявлять интерес к личности собеседника, ведь допрос с точки зрения уголовного процесса и криминалистики – это следственное действие, а с позиции психологии – общение двух людей. Поэтому здесь применимы такие приемы налаживания психологического контакта, как проявление эмпатии, сопереживания, создание благоприятной для общения атмосферы (исключающей шум, появление посторонних лиц, телефонные звонки и пр.). Важно уметь использовать и невербальные способы налаживания информационного взаимодействия: следить за жестикуляцией, мимикой. Если допрашиваемый не желает идти на контакт, проявляет недоверие к следователю, ведет себя вызывающе, не следует применять запугивание, повышать голос. В этом случае следователю необходимо сохранять выдержку и суметь разъяснить потерпевшему важность его показаний для успешного расследования и раскрытия преступления. Потерпевший должен увидеть в следователе союзника, а не равнодушного чиновника.

Необходимо учитывать, что вопросы, задаваемые следователем, несовершеннолетний слышит не впервые. Обычно до того как дело дойдет до следственных органов, многие лица: родители, педагоги, соседи, друзья спрашивают потерпевшего о происшедшем, излагают свои версии случившегося (нередко убеждая несовершеннолетнего в своей правоте), и следователь получает уже искаженную информацию [2, с. 20].

Наибольшую ценность представляет свободный рассказ потерпевшего о событии, запись его должна быть по возможности дословной, и она должна сохранить характер и стиль высказываний несовершеннолетнего. Малолетние потерпевшие зачастую вкладывают в отдельные слова и понятия совершенно иной смысл, чем обычно им придается. Так, малолетняя потерпевшая рассказала, что у лица, совершившего на нее посягательство,

на руке был «нарисован» тигр. На руке Н., изобличенного позднее в совершении этого преступления, была татуировка танка. Для выяснения причины возникшего противоречия при повторном допросе следователь показал девочке фотографию татуировки с руки Н. и попросил сказать, что изображено на снимке. Девочка ответила, что это тигр, как ей говорил папа. Отец девочки позже пояснил, что когда он водил дочь на площадь, где стояла трофейная военная техника, он показал ей на танк и объяснил, что этот танк – «тигр».

В случаях, когда потерпевший пережил сильную психотравмирующую ситуацию, психотерапевты рекомендуют использовать такой прием, как ведение рассказа от «третьего лица»: вместо местоимений «я», «мне» употреблять местоимения «он», «ему». Таким образом, жертва описывает случившееся как бы с позиции стороннего наблюдателя. Этот прием целесообразно использовать при допросе потерпевших от сексуальных посягательств, привлекая в качестве специалиста психолога или психотерапевта.

Наибольшую общественную опасность по делам несовершеннолетних представляют групповые и многоэпизодные преступления. Следователю при расследовании данных преступлений важно выделить организатора – «главаря» преступной группировки. Мы должны знать, что несовершеннолетние по самым разным причинам стараются скрыть действительных организаторов таких группировок и нередко их вину берут на себя.

От выбора места и обстановки во многом зависит успешность проводимого допроса. С допрашиваемым недопустимо панибратское поведение, необходимо дать понять несовершеннолетнему, что он попал в очень серьезную жизненную ситуацию и что от его правдивости и честности зависит его будущее. Обстановка допроса не должна быть и запугивающей: между допрашиваемым и следователем должны быть серьезные, подчеркивающие важность происходящего отношения.

Расспрашивая несовершеннолетнего об условиях жизни семьи, об учебе в школе, о работе, об отношении членов семьи и друзей к нему и т.д., следователю нужно вести допрос тактично, помня, что несовершеннолетние, особенно из неблагополучных семей, стыдятся поведения в семье близких и не всегда в связи с этим дают правдивые показания. Нарушение этого требования может привести к потере психологического контакта, а соответственно и к затруднению при допросе. В случае признания вины несовершеннолетним должны выясняться обстоятельства, объективно свидетельствующие о совершенном допрашиваемым преступлении. Определяя в групповом преступлении роль каждого из соучастников, следует позаботиться о доказательствах, которые могли бы объективно осветить поведение всех членов группы. Важно знать судьбу добытых преступным путем предметов и орудий преступления, если они применялись, а также рассказывал ли кому-нибудь о случившемся допрашиваемый.

Допрос несовершеннолетних имеет свои особенности, диктуемые свойствами психологии и развития несовершеннолетних. При допросе обвиняемого необходимо установить с ним психологический контакт, не снимая в полной мере напряжения с подростка. Допрос должен касаться не только обстоятельств преступления, но и условий его жизни и воспитания, ближайшего окружения, потребностей и интересов. Важно нейтрализовать представления о «круговой поруке» и нежелании дать показания на соучастников. Предъявление обвинения должно стать для подростка особо значимым событием, он должен понять полноту ответственности за содеянное, и психологически осознать свои поступки. Для этого в бесконфликтной ситуации желательна детализация обстоятельств совершенного преступления и роли каждого участника, получение объяснений подростка по делу, выяснение обстоятельств, предшествующих преступлению, установление мотивов и цели преступления [3, с. 73].

При допросе в конфликтных ситуациях, когда несовершеннолетний отрицает свою причастность желательно также в простой и доступной для понимания подростка форме предъявлять ему собранные доказательства, разъясняя их значение. Допустимо применять легенду для опровержения ложных показаний обвиняемого, если есть точные доказательства его лжи, а также применять психологический эффект внезапности. Необходимо также разъяснять важность чистосердечного раскаяния.

Библиографический список

1. Кузнецова, С.В. Тактика допроса несовершеннолетних / С.В. Кузнецова. – М.: Экзамен, 2004. – 323 с.

2. Образцов, В.А. Допрос потерпевшего и свидетеля на предварительном следствии / В.А. Образцов, С.Н. Богомолова. – М.: Омега-Л, 2003. – 108 с.

3. Баев, О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика: Научно-практическое пособие / О.Я. Баев. – М.: Экзамен, 2003. – 98 с.

К содержанию

УДК 81’234 + 343.91:323.28 + 81’37

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ТЕКСТА

А.Ю. Серебрякова

В данной статье речь идет о семантике текста экстремистского характера. Особое внимание уделяется лингвистическим признакам экстремистского текста, главным из которых является наличие оппозиции «враг – друг». Автор демонстрирует признаки экстремистского текста на примере работ немецких философов. Данная статья предназначена для аспирантов, занимающихся изучением вопросов типологии текста и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: экстремизм, вербальность, участники оппозиции.

Одной из основных трудностей, с которыми сталкиваются авторы, исследуя текст на предмет экстремизма, является то, что нет четкого и научного определения понятия *экстремизм.* Соответственно, нет и точного представления о том, что следует понимать под «экстремистским текстом». Под это понятие попадает целый ряд совершенно разных высказываний. Разными могут быть сами объекты «вражды» (начиная с национальностей, и заканчивая социальными группами). Авторами высказываний могут быть как известные в политике и искусстве люди, так и анонимные участники различных форумов. Неоднородность проявляется и в общественной оценке преступности этих деяний. Неудивительно, что «словесный» экстремизм, в отличие от других «словесных» преступлений и правонарушений, не имеет чётко выраженных собственных признаков и регулярно смешивается с другими юридическими понятиями. Очень трудно определить состав преступления и выявить связь с реальными действиями, когда речь идет об экстремистском тексте [1, с. 307]. Мы в свою очередь попытаемся выявить лингвистические признаки экстремистского текста с целью пресечения попыток разжечь ненависть с помощью слов.

Экстремистский текст как таковой представляет опасность именно в силу своего содержания. Так, потенциально опасными будут различного рода тексты, посвященные вопросам взаимоотношений различных народов, рас, социальных групп, этносов, конфессий, которые можно понимать как деятельность человека во времени, направленную на какого-то социального или личного адресата и содержащую в себе этическую оценку [3, с. 85].

В интернете опасность экстремистских текстов еще более усиливается из-за их виртуального характера, публичности, дистантности общения и анонимности. Так как у составителей этих текстов в социальных сетях снижена вероятность социального ущерба и присутствует чувство безнаказанности, продукты такого общения становятся потенциально конфликтными и несут на себе отпечаток разрушения речевой, юридической и этической нормативности.

В списке действий, которые закон определяет как экстремистские, особое место занимают действия, осуществляемые именно в процессе коммуникации. К ним относятся: возбуждение социальной, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека в зависимости от его принадлежности к определенной расе, от его вероисповедания, от его родного языка; публичные призывы, которые провоцируют рознь, ненависть и насилие, публичное оправдание терроризма [2, с. 68].

Экстремистский текст, как и любой другой, обладает определенными уровнями знаковой организации: синтактикой, семантикой и прагматикой. Под синтактикой принято понимать соотношение знаков разных систем в текстовом пространстве, а также временной последовательности. Семантика представляет собой соотношение материальной стороны знаков с содержанием текста, а прагматика, в свою очередь, осуществляет связь текста с его коммуникативными установками. Наша задача заключается в том, чтобы выявить лингвистические признаки экстремизма и обратить особое внимание на семиотику экстремистского текста.

Семантический уровень каждого экстремистского текста организуется оппозицией, основанной на каком-то контрасте с негативной окраской. Для таких текстов характерен так называемый язык вражды (от англ. hate speech). Именно он подчеркивает идею противопоставления на уровне идентификации («свой – чужой») и на уровне реакции («хороший – плохой»). Оценка содержания экстремистского текста заключается в выявлении участников оппозиции, так называемых актантов, и целого ряда их предикатов. Набор типичных актантов достаточно ограничен. Прежде всего, это «националист» и его «идеологический враг». К актанту «националист» относятся слова *патриот, русский, скинхед*. Для актанта «идеологический враг» характерны слова *анархист, антифашист, мигрант*. Данные актанты имеют ряд типичных предикатов, которые отражены в табл. 1.

Семантический уровень исследуемого экстремистского текста характеризуется главным образом контрастностью. Она обычно выражается в обозначении участников оппозиции. Это облегчает восприятие и уточняет образы «враг – друг». Разнообразие образа врага, являющегося основополагающим в тексте экстремистского характера, очень велико. Проблема раз-

личения по принципу «свой – чужой» существует перед человеком с древнейших времен. Как считает большинство современных ученых, сам процесс конструирования образа врага является наиболее важным и значимым механизмом формирования любой социальной группы. Общество способно сплотиться и укрепить свою идентичность в виде целостной «мы – группы» именно «по отношению к образу внешнего врага, обычно выступающего как «они – группа» [3, с. 85].

Таблица 1

Типичные предикаты к актантам
«националист» и «идеологический враг»

погибает от рук идеологических врагов	идеологический враг националиста захватывает «белый мир»
одобряет националистическую идеологию	не приемлет националистическую идеологию
готовится к борьбе с идеологическими врагами	совершает преступления в отношении русских и их родственников
не принимает толерантность	одобряет толерантность
занимается спортом, не употребляет алкогольные напитки	имеет вредные привычки

Контрастность обычно выражается в противопоставлении на уровне дихотомии «свой – чужой» и на уровне реакции «хороший – плохой», что вместе образует единый образ «враг – друг», о котором уже говорилось выше. С помощью этих технологий формируется образ врага, который в последствие становится сильнейшим орудием манипуляции, так называемым пропагандистским мифом.

Интересно исследовать тексты Ф. Ницше с точки зрения их семантики. Как уже говорилось выше, семантический уровень любого экстремистского текста характеризуется главным образом контрастностью, которая облегчает восприятие и сводится к обозначению участников оппозиции и уточнению образов «свой – чужой». Главными актантами данной оппозиции в текстах Ф. Ницше являются понятия «человек» и «сверхчеловек». Нам показалось важным проследить, как работают эти актанты в работе Ф. Ницше «Так говорил Заратустра», и с помощью каких сравнений и метафор эти актанты поддерживаются, образуя единый оценочный образ «свой – чужой» [6, с. 20].

Вариативность образов «человека» и «сверхчеловека» в экстремистских текстах Ницше достаточно широка. Возьмем конкретные предложения из работы Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» и продемонстрируем все типичные предикаты с помощью табл. 2.

Таблица 2

Типичные предикаты к актантам «человек» и «сверхчеловек»

hören (слушать)	schreien (кричать)
sich an sein Werk machen (заниматься своим делом)	lachen uber j-n (смеяться над кем-нибудь)
schenken (дарить)	geizig sein (быть жадным)
nach Wissen begehren (жаждать знаний)	müde sein seines Guten (устать)
Schätze bringen (приносить дары)	annehmen (принимать дары)
Lieder Machen, singen (петь песни)	schlafen (спать)
Mitleiden (сочувствовать к-л.)	misstraurisch sein (не доверять к-л.)
geben (давать) [5, с. 20].	betteln (просить) [4, с. 23].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что основными лингвистическими признаками экстремистского текста являются его контрастность, неоднородность понятий при определении объектов вражды, наличие оппозиции «враг – друг», главными актантами которой могут быть в зависимости от текста понятия «националист» и «идеологический враг» или «человек» и «сверхчеловек», как мы видим в текстах Ницше. Данные актанты в свою очередь могут иметь ряд типичных предикатов, которые еще более усиливают данное противопоставление.

Библиографический список

1. Баранов, А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика / А.Н. Баранов. – М.: Наука, 2007. – 592 с.

2. Ворошилова, М.Б. Черная чума: номинации врага в экстремистском тексте / М.Б. Ворошилова // Юрислингвистика. – 2012. – № 1 (12). – С. 67–72.

3. Голиков, Л.М. Семиотика экстремистского текста / Л.М. Голиков // Юрислингвистика. – 2012. – № 1 (12). – С. 83–87.

4. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше; пер. Ю. Антоновского. – СПб.: Азбука. Азбука-Аттикус. 2011. – 461 с.

5. Nietzsche, F. Also sprach Zaratustra / F. Nietzsche. – М.: Каро, 2013. – 448 с.

6. Серебрякова, А.Ю. Признаки экстремистского текста в работах немецких философов / А.Ю. Серебрякова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Лингвистика». – 2016. – Т. 13. – № 3. – С. 18–21.

К содержанию

УДК 81-23+811.111-115 + 811.111’37

К ВОПРОСУ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ФЕНОМЕНА «ГОРОДСКАЯ ЛЕГЕНДА» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Г.Ш. Хакимова, М.Е. Осипова

В статье производится концептуальный анализ феномена «городская легенда» на материале английского языка. Исследование концепта реализуется на основе семантического анализа (дефинитивный вариант) лексикографических данных. Выявлены ядерные и периферийные компоненты понятийного содержания исследуемого концепта.

Ключевые слова: концепт, городская легенда, коммуникация, информация, семантический признак, дефиниция.

Различные элементы неформальной коммуникации в силу своей многогранности являются средоточием интересов многих наук. Представляя собой междисциплинарный объект научного анализа, они серьезно разрабатываются в рамках социологии, психологии, социальной истории, теории коммуникации, социальной антропологии, филологии и др. К сожалению, они являются объектом недостаточного внимания со стороны языковедов. Предметом нашей статьи является феномен городской легенды, существующий в рамках англоязычной культуры.

Понятийный статус данного коммуникативного явления в настоящее время далек от окончательного разрешения. При анализе различных трактовок выявляется их серьезно выраженная противоречивость. В рамках филологии городская легенда чаще всего рассматривается с позиций фольклористики как современный устный и письменный жанр несказочной прозы. Однако такого рода нарративы также не имеют универсального жанрового определения, что явствует из наличия ряда номинаций, используемых для их обозначения: *urban legend, popular legend, urban myth, urban tale, contemporary legend, modern morality tales* (ср. с аналогичными терминами отечественных фольклористов: *городской суеверный рассказ, современная легенда, современный мифологический рассказ, мигрирующая легенда* и пр.). В нашей работе мы пользуемся термином *городская легенда,* традиционно употребляемым для обозначения исследуемого коммуникативного явления.

Исследуемый феномен обладает характером многомерного конструкта, что обусловливает необходимость его комплексного исследования с привлечением потенциала лингвистической науки. Объективная модель исследуемого предмета может быть построена с использованием различных исследовательских процедур, в том числе раскрывающих когнитивный потенциал подобного рода сообщений посредством выяснения их места в

языковой и дискурсной картине мира лингвокультурного сообщества. Цель данной статьи – реконструировать образ городской легенды в обыденном сознании посредством интерпретации лексикографического материала на основе семантического анализа в дефинитивном варианте, который, несомненно, будет способствовать раскрытию специфики понятийной (базовой) части исследуемого концепта, актуальной для английского этнокультурного сознания.

Согласно лексикографическим источникам, базовый набор вербальных средств индексации концепта «городская легенда» в английском языке представлен языковыми единицами: *urban legend*, *urban myth*. С целью выявления понятийного ядра исследуемого концепта приведем дефиниции вербализующих его единиц из авторитетных словарей:

urban legend (ср.: *занимательная история; выдумка, выдаваемая за правду; (городская) байка*):

1) a purportedly true, typically sensational, incident or phenomenon about which various secondhand accounts or anecdotes widely circulate: urban legends are characteristically untrue or unverifiable [13];

2) an apocryphal story involving incidents of the recent past, often including elements of humor and horror that spreads quickly and is popularly believed to be true [11];

3) a widely circulated story that is untrue or apocryphal, often having elements of humor or horror [9];

4) myths about anything and everything that barely have a shred of truth in them, yet seem to take on a persistent life of their own [6];

5) (or *urban myth*) a story about an unusual event which happened recently that a lot of people believe, although it is probably not true [10];

6) a story about an unusual event or occurrence that many people believe is true but that is not true; an often lurid story or anecdote that is based on hearsay and widely circulated as true called also *urban myth* [12];

7) a modern story of obscure origin and with little or no supporting evidence that spreads spontaneously in varying forms and often has elements of humor, moralizing, or horror [7].

urban myth (ср.: обывательский миф, выдумки):

1) = *urban legend*, a strange or surprising story which many people believe, but which is not actually true; a story, esp one with a shocking or amusing ending, related as having actually happened, usu. to someone vaguely connected with the teller [5];

2) a widely circulated story, often believed to be true by the teller, but usually distorted, exaggerated or fabricated for sensational effect, and often having elements of humor or horror [9];

3) a story or statement that is not true but is often repeated, and believed by many to be true [4];

4) a humorous or horrific story or piece of information circulated as though true, especially one purporting to involve someone vaguely related or known to the teller [8].

Компонентный анализ приведенных данных свидетельствует о том, что семантизация концепта в приведенных номинациях осуществляется на основе категоризации по следующим признакам: 1) функционально-коммуникативный статус передаваемого, 2) сюжетно-текстовая организация, 3) тематический спектр, 4) источник происхождения сведений, 5) степень достоверности, 6) степень верифицируемости, 7) масштаб распространения информации, 8) характер воспроизводимости, 9) прагматический эффект сообщаемого.

На основе предложенной параметризации ядерными семантическими элементами дефиниций концепта *urban legend* выявлены следующие:

1) «рассказ, повествование» (*accounts or anecdotes, story, myths, story or piece of information*);

2) «сюжет, основанный на событии, эпизоде, часто недавно произошедшем » (*an incident or phenomenon; involving incidents of the recent past; about an unusual event which happened recently; about an unusual event or occurrence; a story with an ending, related as having actually happened*);

3) «смешной, страшный или необъяснимый случай» (*various accounts or anecdotes; often including elements of humor and horror; having elements of humor or horror, about an unusual event; an often lurid story or anecdote; often has elements of humor, or horror; a strange or surprising story; often having elements of humor or horror; a humorous or horrific story or piece of information*);

4) «неустановленность (анонимность) источника сведений» (*secondhand accounts, based on hearsay, obscure origin, vaguely connected with the teller*);

5) «сомнительная достоверность передаваемых сведений при высокой степени доверия со стороны их реципиентов» (*purportedly true; characteristically untrue; popularly believed to be true; believed to be true; untrue or apocryphal; barely have a shred of truth in them; probably not true; that a lot of people believe, although it is probably not true; that many people believe is true but that is not true; which many people believe, but which is not actually true; circulated as true; usually distorted, exaggerated, fabricated; that is not true but is often believed by many to be true; circulated as though true*);

6) «крайне низкая степень верифицируемости (подтверждённости) предаваемых сведений» (*characteristically unverifiable; based on hearsay; with little or no supporting evidence; related as having actually happened, usu. to someone vaguely connected with the teller; purporting to involve someone vaguely related or known to the teller*);

7) «широкая циркулируемость информации» (*widely circulate, a widely circulated story, widely circulated, story or piece of information circulated*);

8) «самовоспроизводство сведений» (*take on a persistent life of their own, spreads spontaneously, spreads quickly, often repeated*);

9) «удивляющий или шокирующий эмоциональный эффект, испытываемый получателем сведений» (*typically sensational, one with a shocking or amusing ending, for sensational effect*).

Помимо указанных доминантных квалификационных компонентов смысла с учетом выделенных параметров, одна из приведенных дефиниций понятия «городская легенда» эксплицирует ряд периферийных семантических признаков, расширяя концептуальное поле рассматриваемого коммуникативного явления. Прежде всего на основе временного параметра выделяется спорадическое конститутивное свойство «современный жанр коммуникации» (a modern story [8]). Кроме того, категоризация указанного явления включает квалификационный признак «трансформация сведений в процессе распространения», на основе которого четко вычленяется характеристика «вариативность сюжета повествования» (*spreads in varying forms* [8]). Наконец, это же толкование вводит факультативный критерий, тематизирующий социальную функцию современных легенд, актуализируя в семантическом наполнении исследуемого концепта сему «дидактический, поучительный характер передаваемых историй» (*has elements of moralizing* [8]).

Подводя итог выделенным в ходе лексикографического анализа категориальным характеристикам концепта «городская легенда», приходим к заключению, что в рамках полевого подхода он представляет собой совокупность ядерных и периферийных признаков. На основе прототипических черт данный феномен предстает как *неподтвержденное сообщение неустановленного происхождения и сомнительной достоверности, но пользующееся доверием у аудитории, обладающее свойством самовоспроизводства, широко циркулируемое в виде нарратива с сюжетом, построенным на основе недавнего события, не связанного с рассказчиком и представляющего собой смешной, страшный или необъяснимый случай, транслируемый с целью эмоционального воздействия на адресата (его удивления или шокирования).* Конститутивные элементы понятийного ядра изучаемого английского концепта дополняются рядом дополнительных семантических признаков, означающих, что обыденное сознание приписывает ему также черты информации, циркулирующей в современном обществе, подвергаемой различного рода искажениям в процессе распространения и реализующей прескриптивные функции в социуме.

Данная статья ни в коей мере не претендует на исчерпывающий анализ исследуемого концепта. Проникновению в его глубины будет способствовать контрастивный анализ концептов коммуникативных явлений, смежных с городской легендой. В частности, сравнивая объемы концептуальных полей городской легенды и слуха, предварительно можно отметить,

что они во многом совпадают (лексикографический анализ концепта слуха см. в [1, 2, 3]). В обыденном коллективном сознании городские легенды и слухи предстают как взаимосвязанные элементы неформальной коммуникации, относящиеся к категории неподтвержденных сведений. Однако вопрос соотношения указанных феноменов и степени их смежности остается, на наш взгляд, открытым. Подробное сравнение их концептуальных характеристик, возможно, прольет свет на сложную природу современной межличностной коммуникации.

Библиографический список

1. Хакимова, Г.Ш. Концепт «слух» в фокусе лексикографического анализа. Ч. 1 / Г.Ш. Хакимова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2016. – Т. 13, № 2. – С. 29–36.

2. Хакимова, Г.Ш. Концепт «слух» в фокусе лексикографического анализа. Ч. 2 / Г.Ш. Хакимова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2016. – Т. 13, № 3. – С. 38–46.

3. Хакимова, Г.Ш. Об одном фрагменте репрезентации концепта слух в английском языке / Г.Ш. Хакимова // Наука ЮУрГУ. Материалы 68-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук. – Челябинск: Издательский Центр ЮУрГУ, 2016. – С. 1492–1497.

4. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/.

5. Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english.

6. Computer Desktop Encyclopedia [Электронный ресурс]. – URL: http://www.yourdictionary.com/.

7. Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: http://www.dictionary.com/.

8. English Oxford Living Dictionaries [Электронный ресурс]. – URL: https://en.oxforddictionaries.com/.

9. English Wiktionary [Электронный ресурс]. – URL: http://yourdictionary.com/.

10. Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ldoceonline.com/dictionary/.

11. The American Heritage Dictionary of the English Language [Электронный ресурс]. – URL: http://americanheritage.yourdictionary.com/.

12. The Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/.

13. Webster's New World College Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: http://www.yourdictionary.com/.

К содержанию

ФИЛИАЛ В г. САТКА

УДК 811.161.1(470.5)

КАТАСТРОФИЧЕСКАЯ БЕЗГРАМОТНОСТЬ: ИСТОКИ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ЕЁ РЕШЕНИЯ

Ю.П. Васильева

Проанализирована проблема грамотности современного россиянина. Определено понятие «грамотность» и «безграмотность». Выявлены основные причины безграмотности. Предложены рекомендации, для тех, кто хочет стать грамотным человеком.

Ключевые слова: грамотность, безграмотность, проблема, литература, чтение.

По итогам «Тотального диктанта», проведенного в 2016 г, грамотных южноуральцев – только 2 % (по данным ГТРК «Южный Урал»). Из русскоязычных участников (их было почти две тыс.) – пятерку получили 20 человек, а из иностранных (которых было 90) – 15. По России статистика ещё печальнее – всего к мероприятию подключились 146 тыс. жителей самых разных городов. Отличных работ среди них– 1 %.

Грамотность современного россиянина оставляет желать лучшего. Это обнаруживается не только при мониторинге учебных учреждений, результатах «тотального диктанта», но и вообще везде, где приходится наблюдать людей, обучавшихся письму последнее время.

Если под понятием «грамотность» подразумевать «умение читать и писать», то в этом смысле всё относительно благополучно: для всех категорий граждан РФ действует закон об обязательном среднем образовании, которое государство гарантирует бесплатно. Беспокойство вызывает «правописная грамотность». И проблема заключается не в том, что она в упадке, а в том, что стало заметно ее отсутствие. Ещё 10–15 лет назад свою безграмотность никто не афишировал. Сегодня сфера публичной письменной речи расширена интернетом, где каждый может высказаться совершенно свободно, не боясь получить «опять двойку». Вся эта информация легко доступна для наблюдения, отсюда и ощущение катастрофической безграмотности россиян.

Конечно, проблема эта существовала и в прежние времена. А.С. Пушкин:

Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.

«Вопрос о поднятии грамотности, – писал маститый филолог Лев Владимирович Щерба в 30-е гг. XX века, – всегда стоял на очереди». Но надо откровенно признать, что сейчас он приобрел совершенно необычную остроту и дошел до размеров общественного бедствия.

В научной литературе имеется достаточное количество работ, посвящённых теме формирования орфографической грамотности. Теоретические положения психологических исследований в области русского языка представлены в трудах К.А. Славской, С.А. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева и др. Важными являются работы Л.В. Щербы, А.Б. Шапиро, А.И. Гвоздева, Д.П. Ушакова, Р.И. Аванесова.

История вопроса ликвидации безграмотности в России связана с Петром I и его реформой кириллического алфавита, Александром II и его указом об организации и развитии дела народного образования.

Увеличению темпов роста грамотности в царской России способствовали революционные события в стране. Если в 1900 г. в системе Министерства народного просвещения России имелось 36 820 школ, в которых обучалось 2592 тысячи школьников, то в 1914 г. таких школ было уже 80 801 с 5942 тысячами учащимися.

Ликвидацией безграмотности в РСФСР занимался Народный комиссариат просвещения внешкольного отдела под началом Н.К. Крупской. Способствовала этому и реформа «О введении нового правописания» [2].

К 1926 г. СССР занимал 19-е место среди стран Европы по уровню грамотности, уступая таким странам, как Португалия и Турция. К 1936 г. было обучено около 40 млн неграмотных. К концу 1930-х гг. неграмотность утратила характер острой социальной проблемы. По данным переписи 1939 г., грамотность лиц в возрасте от 16 до 50 лет приближалась к 90 %. К началу 40-х гг. задача ликвидации неграмотности была, в основном, решена. К началу 1950-х гг. – практически утратила характер острой проблемы. И вот спустя несколько десятилетий на просторах России снова бушует безграмотность…

Сразу определимся с понятиями «грамотность» и «безграмотность», используемыми в нашем исследовании. Грамотность – степень владения человеком навыками письма и чтения на родном языке, отсутствие грамматических и стилистических ошибок, соответствие нормам литературного языка [1].

Следовательно, под безграмотностью мы будем понимать оценочную характеристику общего развития человека, выражающаяся в неумении правильно писать и правильно говорить, допускать в письменной и устной речи грамматические и стилистические ошибки.

В середине девяностых годов прошлого века ситуацию безграмотности активно обсуждали, сейчас о ней не говорят так громко, потому что к ней уже привыкли. Среди неравнодушных по-прежнему остаются лингвисты,

учителя, психологи и социологи. По их мнению, основными причинами безграмотности являются следующие.

1. Школа, в ней проблема языка стоит как нельзя остро. Фактически наше непосредственное знакомство с правилами и нормами родного языка начинается со школьной парты. И именно от учителя зависит, будут ли ученики писать без ошибок и научатся ли они выражать свои мысли. К сожалению, сегодня в школах физически не хватает учителей, поэтому проверка их компетенции ограничивается только наличием диплома.

Многие эксперты-филологи полагают, что даже при хороших преподавателях количество часов, выделенных на русский язык в школе, недостаточно. Поэтому необходимо либо расширить «сетку занятий», либо заменить русским языком менее полезные уроки.

Не улучшает ситуацию и обязательный ЕГЭ, который подразумевает выполнение тестовых заданий, а значит, изучение правил, а не получение комплексных знаний о стилистике, грамматике.

2. Следующей причиной считают отсутствие привычки к чтению. Причем не читают не только дети и подростки, а все вообще. Или читают, но не то.

3. Еще одна причина связана с тем, что государство перестало культивировать грамотность, и лингвистический процесс пошел своим чередом, как во всех странах, где коренное население не обращает внимания на то, как выражается, а лишь использует слова как средство выражения мыслей. Вообще специалисты утверждают, что для носителей языка характерна небрежность по отношению к родной речи. Отношение к языку можно сравнить с отношением к здоровью – его начинают ценить, когда теряют.

4. Стыдно ли сегодня быть безграмотным? Пожалуй, что нет. Чтобы в этом убедиться, достаточно открыть любой блог или форум – доказательство налицо.

Компьютер – область свободы. Свободы от цензуры, но порой и от грамматических правил. Никогда прежде перед нашими глазами не проходило такое количество безграмотных текстов. Они пишутся и тиражируются пачками на просторах Интернета, тем самым постепенно откладываются и усваиваются в нашей голове.

5. Виртуальная безграмотность, по мнению некоторых учёных-лингвистов, явление столь масштабное, что заслуживает отдельного направления – эргативной лингвистики (намеренно ошибочное написание слов).

Интернет – пространство населено вполне обычными людьми, которые не всегда владеют абсолютным безошибочным письмом. Они эксплуатируют язык (как владелец машины – автомобиль, как каждый из нас электроприборы), не вникая в тонкости его устройства. Но хочется напомнить, что язык – не бездушная машина, а существенная часть национальной культуры, а значит, относиться к нему нужно бережно и уважительно.

6. С.А. Золотарев, анализируя ошибки, допускаемые школьниками, приходит к заключению, что многие из них являются результатом распущенности. И с этим надо, безусловно, согласиться. Хорошая тетрадь, грамотное письмо, четкий почерк возможны лишь при большой внутренней дисциплине и подтянутости.

Великие мастера слова говорили о языке как национальном достоянии. Они верили в большое будущее народа, в его возможности и в бесконечное развитие великого нашего языка. Оправдываем ли мы, соотечественники великих русских писателей, их надежды? Увы! Разрушается целостность и чистота литературных норм письменной и устной речи, а мы подчас не просто свидетели этого разрушения. Мы участники этого разрушения… И из уст уже нашего современника, Дмитрия Сергеевич Лихачёва, звучат страшные слова: **«Слово надо спасать!»** От кого? От нас… Мы, носители великого языка, сегодня пребываем в плачевном состоянии.

8 сентября во всём мире отмечают Международный день грамотности. 2007 год был объявлен в России годом русского языка. С 2004 г. проводится ежегодный «Тотальный диктант», который представляет с собой проверку знаний родного языка.

Кадровики крупных компаний всё чаще проводят **аттестации сотрудников**, а **при приёме на работу** предлагают написать что-нибудь под диктовку. Оно и понятно, нельзя терпеть неграмотных чиновников, секретарей, менеджеров, служащих и т.д., и т.п. Менее грамотных, конечно, не будут удалять со службы, а вот принимать на службу и при прочих равных условиях отдавать предпочтение во всяких обстоятельствах уже начинают более грамотному во многих организациях и компаниях.

Говоря о методах ликвидации безграмотности в России, особо следует отметить «Общество Русской словесности», которое сформировалось относительно недавно благодаря нашему президенту В.В. Путину. В его состав входят 57 филологов и 3 священника, профессора и преподаватели.

Язык наш не в плачевном состоянии, как может показаться при узком восприятии его аспектов. В плачевном состоянии мы, носители этого языка, когда позволяем себе участвовать в процессе его уродования.

Проанализировав полученные результаты, мы, конечно, задумались над вопросом, ***как быть?*** Наши рекомендации касаются, прежде всего, тех, кто хочет стать грамотным человеком.

Работу по повышению языковой и речевой культуры следует вести в следующих направлениях:

1. Стремиться исправлять ошибки и недочеты. Будущее человека зависит только от него самого и если он сам не захочет исправляться, то никто ему не поможет.

2. Развивать речь и умение пользоваться языковым материалом. Если хотите стать грамотным человеком, первым делом проинспектируйте до-

машние книжные полки: ведь кроме орфографического словаря, на них хорошо бы поселить, как минимум, еще и толковый словарь, и орфоэпический. И, конечно, научитесь ими пользоваться.

3. Расширять свой лексический запас, попутно расширяя кругозор и общий уровень знаний. Чаще всего мы осуществляем это с помощью СМИ. Но, к сожалению, по телевидению, радио, а также в интернете мы очень часто сталкиваемся с примитивной, малограмотной речью.

4. Введение «лингвистической полиции». Ввести систему штрафов предложил доцент Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ) Андрей Чужакин. Такого рода цензура подразумевает денежные выплаты со стороны СМИ, использующих нецензурные или неграмотные выражения, а также взыскания с простых граждан, позволяющих себе словесную вольность в общественных местах. На сегодняшний день языковая полиция существует в Белгороде, там штраф за мат составляет от 500 до 1500 рублей, а то и лишение свободы на 15 суток. За порядком следит специальная комиссия, которая заинтересована в выявлении нарушений, так как получает 15 % от каждого штрафа.

С тем, что нужно с особой тщательностью следить за журналистами, согласились все, а вот насчет простых людей засомневались. «Как же быть при таких порядках рабочим, им же придется распрощаться с зарплатой, если не залезть в долги», – недоумевал первый заместитель председателя Комитета по культуре Госдумы Александр Тягунов.

И всё же во многих учебных учреждениях идею «лингвистической полиции» поддержали. Пароль доступа в Интернет можно получить, правильно написав словарный диктант, например, или вспомнив правило правописания.

5. Так как жизнь современного общества просто невозможна без общения в таких сетях, как «В Контакте» или «Одноклассниках», а также на различных форумах. Количество ошибок, встречающихся там бьёт все рекорды. Было бы неплохо, если разработчики социальных сетей сопровождали их программным продуктом, который не давал возможности для отправления сообщения, содержащего ошибки. Конечно, поначалу это вызовет массу недовольств среди пользователей, но вы подумайте, как через некоторое время преобразится наш великий язык?!

Библиографический список

1. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. д-ра филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1984.

2. Крупская, Н.К. Педагогические сочинения. Т. 3 Обучение и воспитание в школе / Н.К. Крупская; под ред. Н.К. Гончарова, И.А. Каирова, Н.А. Константинова; подгот. текста и прим. Э.М. Цимхес. – М.: Изд-во АПН, 1959.

3. Даешь грамотность! История культурной революции [Электронный ресурс] – URL: http://ribalych.ru/2014/05/22/dayosh-gramotnost-istoriya-kulturnoj-revolyucii/.

К содержанию

УДК 008(1-6) + 378.03 + 178

ПРИНЦИПЫ ТРАДИЦИОННОЙ НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ОДНА ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕНИЯ В СТУДЕНЧЕСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ

О.Г. Гуйо

Рассмотрены основные типы нравственной культуры. Доказано, что нравы определяют особенности поведения человека и привычки людей в конкретных сферах жизни. Дано понятие морали. Установлено, что принципы традиционной нравственности приобретают особую актуальность для студенческого коллектива.

Ключевые слова: нравы, мораль, поведение, нравственность.

Жизнь любого человека в частности и процессы, происходящие в обществе, в целом во многом зависят от сформировавшихся нравов. Думается, каждому человеку будет любопытно определить тип собственной нравственной культуры, рассмотреть основные типы нравственной культуры, обозначить их признаки и отличительные особенности. А.С. Франс в своей книге «Российские нравы: истоки и реальность» обозначила основные принципы исследования различных типов нравственной культуры:

1) наблюдение за реальной действительностью;

2) объективность (принцип этического плюрализма: неизбежно существуют разные типы нравственной культуры);

3) толерантность – терпимое отношение к каждому из рассматриваемых типов нравов, отсутствие категоричности суждений.

Нравы – это общественно одобряемые нормы поведения людей, наиболее сохраняющие здоровье человека. Если нет одобрения в обществе, человек может превратиться в изгоя. Наиболее широкое определение звучит так: нравы – это стабильные, предельно медленно изменяющиеся, одобряемые обществом или его частью и ожидаемые им от каждого человека нормы поведения людей, воспринимаемые ими как целесообразные. Нравы определяют особенности поведения человека и привычки людей в кон-

кретных сферах жизни. Эти свойства широко распространённых нравов позволяют говорить о нравственной культуре.

Все существующие типы нравов уделяют внимание следующим моментам: категории добра и зла, характер ценности жизни человека, долг и ответственность, счастье, честь, цели в жизни, отношение к труду, другому человеку, самому себе.

Моральными людьми принято считать тех, кто реализует себя в обществе без ущерба для окружающих. Следовательно, мораль обозначает оптимальные, рекомендуемые вечные принципы поведения людей, а нравственность – реальные и одобряемые нормы поведения. И. Кант, например, под моралью понимал ДОЛЖНОЕ, а под нравственностью – СУЩЕЕ. Таким образом, в общечеловеческом понимании в морали сконцентрирован опыт человечества по сохранению его от саморазрушения. Многовековой общественный опыт доказал преимущества сотрудничества, взаимопомощи, терпимого отношения друг к другу по сравнению с агрессией и подавлением. Мораль стремится предостеречь людей не только от взаимного истребления, но и от саморазрушения; облагородить поведение человека. Заметим, что мораль требует от человека следования ей, как правило, не объясняя последствий аморального поведения; расшифровку требований к гуманистическому поведению человека берут на себя искусство, этика и религия. Иначе говоря, мораль – это духовное образование, сложившееся на основе опыта взаимодействия людей и представляющее собой систему оптимальных принципов человеческих взаимоотношений. Нравственность же – это реальное поведение людей в каждом конкретном обществе в конкретный временной период, когда основной задачей становится создание оберегающих других норм поведения, главным требованием которых является недопустимость использования человека и общества в качестве средства для достижения личных целей. Именно нравственность сформировала у людей чувство ответственности, сострадания, собственного достоинства, совести. В цивилизованном обществе религия и искусство, облагораживающие нравственность моралью, доступны для каждого человека. Например, в русской философии XIX века одной из ключевых проблем являлась проблема нравственного несовершенства человека; а в русской литературе XIX века эта проблема озвучена Ф.М. Достоевским в романе «Бесы». Главные усилия и литературы, и философии были ориентированы на нравственное самосовершенствование. В современной России на фоне кризисного состояния нравственной культуры возможны как дальнейшее нарастание нигилизма и продолжение кризиса, так и постепенное возвращение к морали [3].

Для будущего специалиста очень важно наряду с профессиональной компетентностью уметь выстраивать отношения в коллективе, в профессиональной и личной сфере. Нравственная культура позволяет понять и

узнать себя, более глубоко понять окружающих, откорректировать отношение к труду, развить коммуникабельность, сохранить здоровье и репутацию, долголетие и работоспособность. Особенностью нравственной культуры в современной России является синтез европейской цивилизации (пропагандирующей прагматическую культуру: нравственно то, что полезно) и восточной цивилизации (пропагандирующей традиционную нравственную культуру). Кроме того, в России присутствуют и элементы аристократической (креативной) и нигилистической нравственной культуры.

О традиционном типе расскажем более подробно.

Традиционная нравственная культура является наиболее известной и уважаемой в нашем обществе. Её основной целью становилось сохранение человеческого общества, а потому главным нравственным принципом стало абсолютное стремление человека к созданию общественного блага (принцип полезности) [2]. Иллюстрацией может стать легенда о деде, сыне и внуке, оказавшихся в открытом море без запасов пищи и воды и решающих, кому умирать первым. Неудивительно, что дед погибает первым: он уже принёс пользу роду. Потом в море прыгает отец, и не только из любви к сыну, но и потому, что мальчик обладает более высоким потенциалом полезности для рода [4]. Актуален этот принцип и в личных отношениях: человек искренне страдает, если не может быть полезным любимому, если может, то делает это самоотверженно (целью жизни многих людей становится крайняя форма самоотверженности – жертвенность и героизм). Жена также должна быть полезной для всей семьи, чтобы обеспечить её выживание: готовить, стирать, мыть… А долг – это способ заставить себя быть полезным обществу.

Второй принцип – скромность: служение общественным интересам при невысокой самооценке, нежелание привлекать внимание к своим проблемам, не заниматься самолюбованием, а просто делать своё дело. Причём полезным надо быть только для «своих», «чужих» можно не рассматривать. Идея в том, чтобы быть как все: не лучше, но и не хуже других. Эта необходимость обязывала каждого достичь в жизни общепринятых норм. Принцип «быть как все» определяется, прежде всего, сдержанностью, а особенно это касается женщин, как хранительниц рода. Основные качества: недоступность женщин и непреклонность мужчин. Следующий принцип авторитаризма заключался в том, что «старший всегда прав»: младший по отношению к старшему должен быть почтительным и послушным. Первейшим родительским долгом становилось абсолютное послушание детей, достигаемое любыми средствами [1].

Запрещенными были те нормы поведения, которые могли привести к ущербу для общества. Свод наиболее распространённых запретов приводится в «Домострое»: «…не красть, не блудить, не лгать, не клеветать, не обижать, не наушничать, на чужое не посягать, не бражничать, не высмеивать, не помнить зла, ни на кого не гневаться…».

Традиционная нравственная культура сохранялась в Европе и России до начала XX века, у народов Востока она до сих пор существует. Однако люди в наше время не стремятся к традиционным нравственным принципам: проживая в крупных городах, где даже соседи по площадке зачастую не знают друг друга, внешний контроль за поведением невозможен, зависимость человека от внешней нравственной оценки окружающих заметно снизилась. Долг сохранения общества от гибели уступает место долгу перед собой как необходимости самореализации, неоднозначным становится понимание совести. По сути углубляется кризис традиционной нравственной культуры. Однако не стоит забывать, что на традиционной основе развились и сформировались и аристократическая, и прагматическая нравственная культура.

Для студенческого коллектива (и вообще для любого коллектива) принципы традиционной нравственности приобретают особую актуальность:

1. Ты должен стать полезным для общества человеком.
2. Будь достойным представителем своей профессии.
3. Старайся не отставать от других: будь как все, стремись к знаниям.
4. Будь милосерден: помогай тем, кто нуждается в твоей помощи.
5. Преподаватель старше тебя, и значит, преподаватель всегда прав: он делится с тобой знаниями, учись.
6. Будь вежлив, сдержан и терпелив, тогда достигнешь наилучшего результата.

Чем не «кодекс чести» для любого студента? Нужно помнить главное правило: в основе любой нравственности лежит оберегающее отношение человека к окружающим людям и к обществу в целом в процессе достижения личных целей в любой сфере жизнедеятельности.

Библиографический список

1. Франс, А.С. Российские нравы: истоки и реальность (Азбука этического плюрализма): учебное пособие / А.С. Франс. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 1999. – 336 с.
2. Домострой. – Ярославль, 1991.
3. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под. ред. Н.Ю. Шведовой. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «ИТИ Технология», 2006.
4. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – М.: Ридерз Дайджест, 2004.
5. Аристотель. Риторика / Аристотель // Античные риторики. – М.: Изд-во Московского университета, 1987.
6. Борев, Ю. Эстетика / Ю. Борев. – М.: Изд-во политической литературы, 1988.

К содержанию

УДК 159.9:33 + 378.046.16:33

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

О.В. Глухова, Т.Н. Наволокина

В статье предлагается вариант анализа профессиональной деятельности специалистов финансово-экономического профиля с позиции системного подхода. Раскрываются современные требования к специалистам и описываются новые специальности, появление которых обусловлено сложившимися социально-экономическими потребностями общества.

Ключевые слова: профессия, специальность, профессиография, анализ профессиональной деятельности, профессионально-важные качества.

Вхождение России в мировой рынок повлекло за собой растущую потребность в высококвалифицированных и конкурентноспособных кадрах. В последние годы особенно увеличился спрос на специалистов финансово-экономического профиля (далее ФЭП), так как именно от их компетентности зависит рациональность принимаемых решений, реализация экономических планов и, соответственно, эффективность хозяйственной деятельности предприятия в целом.

Актуальность данной проблемы определяется еще и тем, что в стране фактически существует переизбыток финансовых работников, представленных классическими специальностями бухгалтеров и экономистов.

В сегодняшней же реальности наблюдается достаточно острая потребность в высококвалифицированных работниках ФЭП нового поколения. Все дело в том, что в связи с внедрением новых технологий произошло существенное обновление функций работников в рамках профессии финансово-экономического профиля. И уже сегодня насчитывается около десятка новых специальностей. Все они с труднопроизносимыми названиями и необычными для восприятия функциональными обязанностями: актуарий, аналитик, андеррайтер (риск-менеджер), аудитор, банкир, брокер, джоббер, дилер, инвестор, ИТ-аудитор, логист, маркетолог, трейдер, финансист, финансовый аналитик.

Поскольку в последние два десятилетия в нашей стране не ослабевает интерес молодежи к получению профессий финансово-экономического профиля, то при подготовке специалистов необходимо не только учитывать потребности общества в высокой квалификации бухгалтеров, экономистов и финансистов, но также важно определить, какие требования к личности предъявляют эти профессии.

Профессии ФЭП можно условно разделить по направлениям деятельности на пять групп:

1. Ведение системы учета и анализ данных, расчет данных, четкое следование инструкциям, деятельность в соответствии с действующим законодательством, разработка правил и форм деятельности специалистов (занимаемые должности: бухгалтер, консультант по налогам и сборам, аудитор, финансовый аналитик, экономист по бухгалтерскому учету и анализу хозяйственной деятельности).

2. Управление в экономике (занимаемые должности: экономист, экономист по планированию, экономист по сбыту, заведующий отделом (финансово-экономическим и административным)).

3. Использование экономических знаний в умении продавать, организация управления коммерческой деятельностью в различных сферах бизнеса, разработка стратегии коммерческой деятельности предприятия (занимаемые должности: банкир, маркетолог, финансовый директор, финансовый консультант, финансовый менеджер, экономист по планированию).

4. Участие в финансовых «играх» при умении правильно, с одной стороны, оценивать информацию, а с другой – быстро принимать решения и действовать в ситуации неопределенности (занимаемые должности: андеррайтер, биржевой маклер, брокер, джоббер, дилер в банке).

5. Ведение научно-исследовательской деятельности (занимаемая должность: логист, ученый-экономист, финансовый аналитик).

Любая профессиональная деятельность является системным объектом, именно поэтому изучение профессиональной деятельности специалистов ФЭП – бухгалтеров, экономистов и финансистов – целесообразно с позиции системного подхода. Методология этого подхода предоставляет возможность сделать более полным анализ этой профессии, включающей в себя изучение субъектно-объектных связей, обуславливающих взаимосоответствие человека выбранному виду профессиональной деятельности [7].

Системный анализ профессий ФЭП предусматривает комплексный подход к изучению основных характеристик этого вида трудовой деятельности. Так, метод профессиографии дает возможность получить и систематизировать данные о предмете, средствах, условиях, организации деятельности, психологических характеристиках профессии бухгалтера, экономиста и финансиста, а также составить профессиограмму [6, 8].

Структура анализа профессиональной деятельности специалистов ФЭП состоит из нескольких уровней и совокупности взаимодействующих элементов (частей). Изучение работ отечественных психологов О.Ф. Амаровой, М.А. Дмитриевой, А.А. Крылова, А.И. Нафтельева, В.Д. Шадрикова [3, 5, 9] позволяет выделить следующие уровни анализа профессиональной деятельности: личностно-мотивационный, компонентно-целевой,

структурно-функциональный, индивидуально-психологический, психофизиологический, информационный.

Анализ специальностей ФЭП на *личностно-мотивационном уровне* раскрывает значимость профессиональной деятельности для личности работника, с одной стороны, на уровне изучения потребностей личности, выбравшей эту специальность, с другой, раскрывая возможности для удовлетворения этих потребностей посредством самой специальности.

Часто при выборе специальности абитуриент ориентируется на понимание того, что экономические знания по своей сущности универсальны и применимы в любой сфере жизнедеятельности человека. Что касается требований к знаниям, умениям и навыкам выпускников вузов, то они достаточно полно изложены в Федеральных государственных образовательных стандартах, квалификационных требованиях образовательного стандарта (ФГОС ВПО) к минимуму содержания образовательной программы и уровню подготовленности обучающегося:

– сбор и анализ исходных данных, необходимых для расчета экономических и социально-экономических показателей;

– навыки расчета на основе типовых методик и действующей нормативно-правовой базы экономических и социально-экономических показателей, характеризующих деятельность хозяйствующих субъектов;

– навыки выполнения планов расчетов, необходимых для составления экономических разделов, обоснования их и умения представлять результаты работы в соответствии с принятыми в организации стандартами.

Компонентно-целевой анализ направлен на выяснение целей и задач каждого действия специалиста в общей структуре трудовой деятельности: реализацию психических свойств работника, а также психических процессов, принимающих участие в выполнении действий.

Кроме того, определяется предмет и орудия труда, а также внутренние свойства личности, позволяющие ей их использовать. Орудиями труда, по Е.А. Климову, могут считаться не только обработочные инструменты, но и любые средства, помогающие работнику распознать особенности объекта труда и воздействия на него.

К орудиям труда специалистов ФЭП относят технические средства: кассовое оборудование, оргтехника и информационные системы, а также «функциональные средства организма», например, умение решать теоретические и практические задачи [5]. К психическим процессам, принимающим участие в освоении и применении в работе техники можно отнести аккуратность, внимательность, толерантность к новым требованиям и оперативное мышление [6].

В умении решать задачи необходимо обладать общей эмоциональной устойчивостью. Зачастую, специалисту приходится решать «уравнения» со многими неизвестными и брать на себя весь риск ответственности. Чаще всего с этим приходится сталкиваться специалистам так называемого но-

вого формата. Аудитор получает аудиторские доказательства, используя следующие процедуры: инспектирование, наблюдение, запрос, подтверждение, пересчет (проверка арифметических расчетов) и аналитика. Выполнение всех этих операций не имеет четкого плана и всегда зависит от особенностей аудируемого предприятия – отрасли его производства, состояния финансово-хозяйственной деятельности и причин аудиторской проверки.

Предметом труда называется система свойств и взаимоотношений вещей, явлений, процессов, которыми специалист должен мысленно или практически оперировать (распознавать, учитывать, упорядочивать, преобразовывать, сохранять или отыскивать их) [5].

Предметом труда специальностей ФЭП является работа в системах «человек-знак» (анализ документов, законодательных актов, статистической информации, использование формул, расчетов, схем, составление отчетов и таблиц), а также деятельность в направлении «человек-человек» (обслуживание людей и групп, общение с ними, помощь в решении проблем) [9]. Поскольку деятельность специалистов осуществляется в сфере делового общения с людьми, то ее эффективность во многом зависит от коммуникативных компетенций, которые обеспечиваются такими качествами, как: общительность, открытость, вежливость, тактичность, уважительность, гибкость и великодушие и др. [4].

На *структурно-функциональном уровне* изучаются принципы организации и механизмы взаимосвязи отдельных действий в целостной структуре деятельности. При этом учитывается, что исполнение отдельных действий реализуется через качества личности. Так, например, бухгалтер осуществляет прием, контроль и обработку первичной документации, подготавливает ее к счетной обработке, а также ведет учет реализации продукции или результатов финансово-хозяйственной деятельности. Поэтому ему необходимо обладать, как минимум, высокими математическими способностями. Экономист проводит экономический анализ хозяйственной деятельности и предоставляет информацию о деятельности отдельных подразделений и предприятия в целом. Высокий уровень аналитического мышления также является необходимым качеством личности для осуществления отдельных трудовых операций.

Так, структурно-функциональный анализ позволяет изучить взаимодействие и взаимозависимость между отдельными профессионально-важными качествами личности, а также их ценность и значение.

В процессе *информационного* анализа деятельности специалистов ФЭП определяются способы поступления информации, ее получения, обработки и использования в процессе профессиональной деятельности. Информации придается статус целесообразности применения в каждом конкретном случае, устанавливаются способы ее получения и изучается организация информационного потока во времени.

Наиболее востребованной информация является для риск-менеджеров (андеррайтеров). От информации зависит принятие ими правильного решения в условиях рисковой ситуации.

На *психофизиологическом уровне* данные специальности рассматриваются с позиций активационных и информационно-энергетических процессов. Для осуществления финансово-экономической деятельности определяющими психофизиологическими процессами являются высокая концентрация внимания, сила нервной системы, уравновешенность и подвижность нервных процессов [4].

Именно эти процессы отвечают за стрессоустойчивость личности. К примеру, трейдинг – профессия нового поколения и ее часто приравнивают к одной из самых стрессовых. Фондовый рынок представляет значимые угрозы для психологического здоровья личности. Переживания и тревога за потерю денег и рост убытков могут привести к неуверенности в себе и разочарованию в профессии. Поэтому наличие профессионально-значимых психофизиологических свойств является своеобразным пропуском в эту профессию.

На *индивидуально-психологическом уровне* особое внимание уделяется личности работника. Анализ личности специалиста предполагает изучение его свойств (силы и лабильности нервных процессов, неторопливости в процессе выполнения работы, способности к длительной напряженной работе и эмоциональной стабильности) [4].

Таким образом, результаты описания профессиональной деятельности специалистов ФЭП с позиций системного подхода могут быть использованы для составления программы психологической профессиографии вновь появившихся специальностей. Системный подход при этом позволяет рассматривать каждый уровень анализа в развитии, что, в частности, согласуется с нашим интересом к изучению процесса овладения новыми профессиями финансово-экономического профиля, повышения мастерства в них и их значимой ценности в современной России.

Библиографический список

1. Приказ Минобрнауки РФ от 12 ноября 2015 г. № 1327 «Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 38.03.01 Экономика (уровень бакалавриата)».

2. Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов ОК 016-94 (ОКПДТР) (принят постановлением Госстандарта РФ от 26 декабря 1994 г. № 367) (с изменениями и дополнениями). – 256 с.

3. Амарова, О.Ф. Модель профессиональной подготовки выпускника вуза, адаптивного к рынку труда: автореф. дис. … канд. пед. наук / О.Ф. Амарова. – Калуга, 2002. – 20 с.

4. Глухова, О.В. Особенности профессионального самоопределения молодежи в современной ситуации (на примере исследования студентов, получающих образование по финансово-экономическим специальностям) / О.В. Глухова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2015. – Т. 8, № 4. – С. 113–120.

5. Дмитриева, М.А. Психология труда и инженерная психология: учебное пособие / М.А. Дмитриева, А.А. Крылов, А.И. Нафтельев; под ред. М.А. Дмитриевой. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1979. – 224 с.

6. Душков, Б.А. Энциклопедический словарь: Психология труда, управления, инженерная психология и эргономика / Б.А. Душков, А.В. Королев, Б.А. Смирнов. – Екатеринбург: Деловая книга, 2005.

7. Иванова, Е.М. Психология профессиональной деятельности / Е.М. Иванова. – М.: ПЕР СЭ, 2006. – С. 81–84.

8. Климов, Е.А. Психология профессионального самоопределения: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е.А. Климов. – М.: Издат. центр «Академия», 2004.

9. Шадриков, В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности / В.Д. Шадриков. – М.: Наука, 1982. – 184 с.

К содержанию

УДК 364.4:378.183 + 37.013.42

РОЛЬ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АКТИВИЗАЦИИ ЛИДЕРСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СТУДЕНТОВ

А.Б. Иванова

Определена важность участия студентов в волонтерском движении. Установлено что волонтерское движение, является одним из определяющих факторов развития личности студента. Доказано, что студенческая волонтерская деятельность – это уникальная возможность проявить себя с лучшей стороны, развить свой творческий потенциал в разных сферах деятельности, а также принять важное решение в выборе будущей профессиональной карьеры.

Ключевые слова: лидерский потенциал, волонтерство, личность, профессиональная карьера.

На сегодняшний день волонтерство является одним из приоритетных направлений в воспитательной и внеучебной работе вуза. Благодаря волонтерской деятельности, студенты могут реализовать свою социальную инициативу, стать лидерами вуза, воплотить в реальность стремление помогать людям, животным, заботиться о природе.

До сих пор во многих вузах воспитание определяется количеством и многообразием «занятий», если не в виде прежней «педагогики мероприятий», то в стремлении «занять» студентов общекультурными видами деятельности (вновь говорится о разумном заполнении свободного времени, духовно-творческой или внеучебной работе) [1]. Однако социализация современного студента проходит в реальных социально-экономических обстоятельствах, сегодня это рыночные отношения, борьба экономических амбиций, целеполаганий материального и карьерного успеха. В современном российском социуме формируется социальная структура, включающая новых авторов, с новой системой взаимоотношений и связей с окружающей действительностью, поэтому процесс воспитания студенческой молодежи приобретает новую активность.

К прежнему подходу к воспитанию, с его ориентацией на межличностные контакты, навыки и традиционные ценности, нормы, культуру, следует добавить измерение социальное. Социально-воспитанный человек – тот, кто умеет ориентироваться в изменяющемся мире, способен выявлять его характерные тенденции и обладает практическими социальными навыками [2].

Волонтерство способствует социализации студенческой молодежи. Социализация студенческой молодежи, является одним из важнейших факторов развития общества в целом, обеспечивающих саморазвитие общественных отношений, сохранение их структурной целостности, определяющих образ жизни человека и представляющих ему возможность для самореализации [3].

Студенческая волонтерская деятельность – один из самых популярных видов труда на добровольной основе. Волонтерами работают неравнодушные, инициативные и активные студенты, осуществляющие свою деятельность в рамках различных социальных программ. Они оказывают помощь детям-сиротам, пожилым людям, людям с ограниченными возможностями здоровья, бездомным животным.

Стоит также отметить, что в последнее время особую роль в развитии лидерского потенциала студентов вуза играет опыт инклюзивного волонтерства. Он даёт студентам возможность оказать неоценимую помощь в сопровождении людей с ограниченными возможностями здоровья, получить навыки работы с инвалидами различных нозологических групп, продемонстрировать на практике свои теоретические знания.

Традиционно студенты-волонтеры становятся его участниками по ряду причин:

– желание оказывать помощь;

– приобретать специальные умения и навыки;

– становиться участниками различных жизненных ситуаций и искать оптимальный выход из них;

– устанавливать личные контакты с разными социальными категориями граждан;

– развивать лидерские навыки, а также собственный личностный и профессиональный рост;

– просвещать, информировать и продвигать волонтерство в общественную среду

– реабилитировать людей с ограниченными возможностями здоровья.

Основными направлениями деятельности волонтерского центра студентов, повышающих их лидерский потенциал можно выделить:

– сопровождение воспитанников детских домов (работа с детьми, оставшимися без попечения родителей, проведение с ними различных массовых мероприятий);

– организация мероприятий социальной и спортивной направленности в рамках вуза и города, приобщение студентов к волонтерскому движению;

– сотрудничество с различными городскими организациями, оказание помощи в работе и разработка совместных проектов;

– инклюзивное волонтерство (сопровождение лиц с ограниченными возможностями здоровья на различных мероприятиях);

– проекты, направленные на природосбережение (субботники, помощь различным организациям в проведении экологических мероприятий);

– оказание помощи приютам для бездомных животных.

Привлечение студентов в волонтерскую деятельность происходит при содействии различных внутривузовских структур – профкома, управления по воспитательной работе, корпоративных сайта и газеты вуза.

Для того чтобы добровольческая волонтерская деятельность осуществляла свою деятельность ещё более успешно, традиционно управленческими структурами вуза для студентов проводятся различные тренинги, направленные на активизацию лидерского потенциала, социальную адаптацию и приобретение навыков работы в команде, а также мастер-классы с участием благотворительных организаций и представителей социальных движений, работающих на добровольческой основе.

Участие в волонтерском движении является одним из определяющих факторов развития личности студента. Он становится ориентирован на важные жизненные ценности, решает актуальную проблему организации досуга, повышает собственную дисциплину, учится грамотно распределять своё свободное время, а также вырабатывает в себе толерантность по отношению к некоторым социальным категориям граждан, становится более коммуникабельным.

Как показывает практика, студенческая волонтерская деятельность – это уникальная возможность проявить себя с лучшей стороны, развить

свой творческий потенциал в разных сферах деятельности, а также принять важное решение в выборе будущей профессиональной карьеры.

Отметим, что руководству вуза волонтерская деятельность студентов позволяет также решить ряд задач. Благодаря данному направлению высшее учебное заведение создаёт все условия для участия учащихся в социально-значимых проектах и акциях, повышает конкурентоспособность будущих специалистов на рынке труда за счёт приобретённых навыков общественного взаимодействия.

Библиографический список

1. Артюхова, Ю.В. Ценности и воспитание / Ю.В. Артюхова // Педагогика. – 1999. – № 4 – С. 17–21.

2. Беликов, В.А. Личностная организация учебно-познавательной деятельности (дидактическая концепция): монография / В.А. Беликов. – Челябинск: Факел, 1995. – 141 с.

3. Белкин, А.С. Компетентность. Профессионализм. Мастерство / А.С. Белкин. – Челябинск: ОАО «Юж.-Урал. кн. изд-во», 2004. – 176 с.

К содержанию

УДК 330.101 + 338.22-053.6

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДЕТСКОГО БИЗНЕСА

Ю.А. Маркова

Представлены возможности для развития занятием бизнеса молодым поколением. Отражены основные направления поведения родителей для формирования экономического мышления. Доказано, что перспективы для занятия предпринимательством среди молодого поколения возможны и целесообразны.

Ключевые слова: бизнес, предпринимательство, бизнес-план, экономика, маркетинг.

В последнее время все больше молодых людей стремятся заняться бизнесом. Предпринимательство считается чем-то модным, престижным, интересным. Действительно, какие имена мелькают в мире предпринимателей. Никем не замеченные вчера эти люди сегодня у всех на виду, в центре новостных анонсов. И соответственно, возникает иллюзия быстрого, практически без приложения усилий, обогащения.

Больше других, интересен вопрос, насколько сейчас для подростков, возможно заняться бизнесом, какие сферы наиболее интересны и перспек-

тивны, а также, конечно, то, что касается вопросов именно детского бизнеса. Да, ведь, оказывается, данным видом деятельности могут заниматься не только взрослые, но и подростки, и даже дети. Бизнес молодеет. Несмотря на большую конкуренцию, в бизнесе всегда есть свободные ниши. Что интересно, дети вполне могут посоперничать здесь со вполне взрослыми предпринимателями.

Взрослые часто спорят, возможен ли **бизнес для детей** или нужно ли детям работать? Предполагаем, что дети должны пробовать себя хоть в чем-то, в какой-то работе, а, лучше, – в предпринимательстве. Зачем? Во-первых, появляются свои деньги. Во-вторых, гордость за это. Появляется какое-то отличие от остальных, ведь дети всегда хотят быть взрослее. В-третьих, этот опыт очень пригодится в будущей жизни. Пригодится не столько опыт самой работы, сколько опыт в проявлении разумной инициативы или, как говорят в народе, – «смекалки».

В каком возрасте возможно начинать искать свою бизнес-идею и пробовать свои силы? Оказывается, чем раньше, тем лучше. Взрослые вообще уважают инициативных смелых детей лет до двенадцати и всегда дополнительно поощряют их как минимум огромным количеством похвалы.

Перед взрослым стоит двоякая задача. Здесь важен принцип «не навреди». С одной стороны, нельзя заставлять, с другой стороны – нельзя и запрещать. Для взрослого в этой ситуации наиболее приемлема позиция наблюдателя или координатора (по принципу «Невидимой руки»). Не нужно оказывать давление на ребенка, важно плавно подтолкнуть его к собственной деятельности, проявлению инициативы, заинтересовать, заинтриговать, дать попробовать… Именно на практике может сформироваться правильное мышление, финансовая грамотность, самостоятельность и состоятельность чада. Раннее знакомство с азами бизнеса и предпринимательства в будущем весьма позитивно отразится на всех жизненных ситуациях. Здесь не подразумевается «работа». Для детей «бизнес» – это игра. В этой игре важно все: и участие, и стратегия. И выигрыш.

Интересно, что в предпринимательской сфере личности известны довольно давно, корнями эта деятельность уходит далеко в прошлое. Это и знаменитый Соловецкий монастырь с не менее известным Настоятелем Ф. Колычевым, и знаменитая династия Демидовых в России…

Свой бизнес – это отличная возможность для ребенка познакомиться с реалиями жизни и приобрести уверенность в себе. Если родители поддерживают эту идею, то целесообразно помочь ребенку с написанием бизнес-плана. Все как в реальной жизни. Это поможет молодому предпринимателю просчитать свой бизнес до того, как он его начал. Для ведения бизнеса ребенок должен знать основы математики. Важно объяснить, что такое прибыль и убытки. Важно рассмотреть основные понятия и аспекты, такие как представленные ниже.

Бизнес-идея. Лучше всего, если бизнес-идея будет базироваться на интересах, увлечениях и талантах ребенка.

Бизнес-план. Каждый новый бизнес должен начинаться с бизнес-плана. Цели бизнеса должны быть реалистичные. Важна миссия (какова польза бизнеса людям и обществу). Каковы затраты? Сколько времени в день нужно ребенку на бизнес? Не будет ли это занятие мешать учебе и занятиям в секциях? Есть ли на рынке реальная потребность в услугах и товарах, которые собирается предлагать ребенок? Есть ли стартовый капитал, чтобы начать свой бизнес? Или где можно найти для этого деньги?

Подготовка. Какие навыки нужны для бизнеса? Есть ли эти навыки у ребенка? Пусть ребенок поговорит с другими предпринимателями среди членов семьи или знакомых о том, как они начинали бизнес, и попросит советов.

Безопасность. Безопасность – это наиважнейший приоритет. Всегда нужно знать, где и с кем ребенок. Он должен обязательно сообщать, если идет куда-то по бизнесу. На примере нескольких клиентов можно посмотреть, нуждается ли стратегия бизнеса в корректировке.

Маркетинг. Ребенку нужно будет сначала разрекламировать свою услугу или товар. Ребенок может подготовить буклеты и раздать их потенциальным клиентам. Устные рекомендации – самый лучший вид рекламы.

Финансы и оценка бизнеса. Приносит ли бизнес прибыль? Ребенок должен понимать, что если его деятельность не благотворительная, то она должна приносить прибыль. Прибыль – это доходы минус расходы. Важно также оценить, стоит ли прибыль того времени, которое тратит ребенок на ее получение. Не отвлекает ли его бизнес от школы и друзей? Нужна ли бизнесу корректировка, если миссия и цели бизнеса несколько изменились?

Поддержка. Важно оказать ребенку моральную поддержку в его бизнесе. Напоминайте, что многие очень успешные бизнесмены провалили свой первый бизнес. Главное, не унывать. В процессе ведения бизнеса ребенок получит очень ценные знания, которые помогут ему преуспеть во взрослой жизни.

Кстати, вполне позитивным выглядит тот факт, что современная молодежь, дети, стремятся сами зарабатывать деньги на карманные расходы, а некоторые даже помогают своим семьям в тяжелой ситуации. Возможно, кто-то скажет, что детство и бизнес несовместимы, что детство и должно быть детством, а не работой, что в этот период необходимо играть, а не трудиться. Здесь уместно обратиться к некоторым прошлым данным, например, к использованию детского труда во многих странах в XVIII–XIX веках, в том числе и на наших Уральских заводах. Это была работа. А работать и зарабатывать деньги это не одно и то же. С точки зрения взрослого, в глазах ребенка, бизнес должен быть представлен как вариант

именно игры, детской забавы с приятным итогом – получением денежного вознаграждения, а кроме этого и внутреннего морального удовлетворения от осознания своей значимости. Замечу также, что ребенок в бизнесе – это не просто фигура, это личность с определенным жизненным настроем. Бизнес помогает формированию личности гражданина, патриота, человека знающего, чего он хочет и способного этого добиться. Плюс ко всему, приобретается определенный имидж и статус в глазах окружающих, что создает ауру престижа и способствует в дальнейшем более легко справляться со многими жизненными ситуациями.

В итоге целесообразно заметить, что дети и бизнес понятия совместимые!

Библиографический список

1. Лапуста, М.Г. Предпринимательство / М.Г. Лапуста, А.Г. Поршнев, Ю.Л. Старостин, Л.Г. Скамай. – М.: ИНФРА-М, 2008.
2. URL: http://bizkids.kz/zachem-detyam-izuchat-azy-biznesa/.

К содержанию

УДК 622.349.2(470.5)

ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЮЖНО-УРАЛЬСКИХ БОКСИТОВЫХ РУДНИКОВ

Н.А. Мошкина

О развитии и становлении горнодобывающего предприятия по добыче бокситов. О его роли в развитии цветной металлургии СССР.

Ключевые слова: боксит, рудники, шахты, месторождение.

В связи с ростом алюминиевой промышленности во 2-й пятилетке возникла необходимость увеличить и расширить ее сырьевую базу.

В результате интенсивных поисков и разведочных работ в 1934–1936 гг. геологом Всесоюзного института минерального сырья А.К. Белоусовым были открыты месторождения бокситов на Западном склоне Южного Урала в бассейне рек Ай и Юрюзань. В Южно-Уральской бокситоносной полосе выделились следующие месторождения: Новопристанинское, Кукшинское, Вязовское и Катавское.

В 1936 г. геолого-разведочная партия, возглавляемая Всесоюзным алюминево-магниевым институтом, параллельно с разведкой Южно-Ураль-

ских бокситовых месторождений, которую вела экспедиция, возглавляемая геологами Д.В. Наливкиным и А.Н. Заварицким, приступила к опытной эксплуатации месторождения Кукшинской группы. Геолог Е.В. Рожков находит новые запасы руды у с. Айлино. В этом же 1936 году по приказу Главалюминия № 129, на основании постановления СНК СССР от 19.08.1936 г. № 1515 и приказа Наркома тяжелой промышленности № 1333, рудники из геолого-разведочной партии были выделены в самостоятельное предприятие – Южно-Уральские бокситовые рудники [2].

Это коренным образом изменило жизнь с. Новая Пристань и окружающих деревень. В 1937 г. формируется самостоятельное горнодобывающее предприятие, было создано несколько участков, механический цех, гараж, конный двор, столовая, медпункт. Только на первый участок с 25 января 1936 года по 4 декабря 1936 года было принято 113 человек: из них 5 колхозников и 30 крестьян, остальные рабочие. Грамотными были всего 15 человек, 57 малограмотных, 1 человек с высшим образованием. На этот участок принимали забойщиков, коневозчиков, грабарщиков, чернорабочих, погонщиков и на просев. Большинство рабочих были русскими, но были здесь башкиры, татары, украинцы, белорусы, удмурты, мордва и поморы из Архангельска, был даже немец Ленц Фердинанд и австрийка с русским именем Заика Ульяна.

К 1938 году число мелких карьеров достигло 40, в этом году перешли на подземную добычу на месторождениях «Айское» и «Новое». В основном применялся ручной труд, но стала появляться техника. Так, на месторождении «Новое» производилось вскрытие экскаватором (десятник А.И. Агафонов) и была осуществлена мотовозная откатка пустой породы в отвал. Постепенно улучшаются условия труда горняков. Растет зарплата. Если по расчетному табелю в декабре 1936 года она была от 229 рублей, то в декабре 1940 года от 600 рублей. В 1940 году предприятие переходит на 8-часовой рабочий день. С первых дней существования рудников были созданы профсоюзная организация, партийная и комсомольская ячейки. Решались и социальные вопросы. Рудоуправление было в п. Кукшик, где были больница, школа, детский сад. В с. Новая Пристань от рудников были построены магазин, медпункт, открыт клуб, а на берегу р. Ай построена небольшая электростанция с американскими двигателями.

С начала эксплуатации рудники становятся основным поставщиком боксита Днепропетровскому алюминиевому заводу, Магнитогорскому, Златоустовскому, Белоретцкому, Ашинскому металлургическим заводам, использующим боксит в качестве флюса в мартеновском производстве.

1941–1945 гг. – это самые трудные годы в существование рудников. Много кадровых рабочих ЮУБРа ушли на защиту своей Родины и не вернулись. Среди них – забойщики А.Е. Сычев, навечно оставшийся на поле боя под Ржевом, А.М. Игнашин, заживо сгоревший в танке, посмертно на-

гражденный орденом Великой Отечественной войны 2-й степени. Пошел в разведку и не вернулся председатель Новопристанинского сельсовета – Иван Васильевич Сычев, погиб и секретарь сельсовета Д.И. Шадрин Только с первых дней войны по февраль 1943 года на фронт с рудников ушло 308 человек. В шахты пошли женщины и подростки.

В первые годы войны добыча боксита падает. Из-за отсутствия нефти и смазочных материалов не работали передвижные электростанции, подземные работы производились при свете керосиновых коптилок. Бурение велось вручную. Из-за отсутствия взрывных средств приходилось вести работы с применением кайл, клиньев и ломов. В связи с сельскохозяйственными работами и заготовкой леса часть тягловой силы была взята с добычи руды. Из-за этого случалось невыполнение плана горно-подготовительных и вскрышных работ, отгрузки и выработки. В 1942 году на предприятии осталось 374 человека. При плане 30 тыс. тонн боксита было добыто 37,4 тыс. тонн руды (25 тыс. тонн подземной добычи) и заготовлено 50 тыс. фестметров деловой древесины. На ЮУБРе разворачивается стахановское движение. Стахановцами стали 141 человек, ударниками названы 70. Лучшими были: бурильщик Краев Николай, забойщики – Смирнов Михаил, Куркин Петр, Колеватов Денис, Сергеев Василий, Воронин Матвей, Соснин Лев, Грамолин И., Худяков Дмитрий, Худяков Егор, Шмагин Андрей, Нажипов Сабит, Теплов Семен, Деменев Петр, Галимьянов С., кузнец Свечников П.Д. В 1943 году добыча руды составила 100,3 % (57,58 тыс. тонн руды), вскрышные работы – 100,5 %, горно-подготовительные – 74,5 %, вывоз – 70,7 %. Добыча руды велась на Новопристанинском, Кукшинском руднике, Ивано-Кузьминском месторождении [6]. В январе 1943 г. начались горно-подготовительные работы на месторождении «Межевой Лог» [2]. ЮУБР имел отдел капитального строительства, ремонтно-механический цех, электроцех, автотранспортный, геологоразведку, конный двор, ОТК и химлабораторию, телефонную службу, отгрузку и складское хозяйство. По штатному расписанию требовалось 1609 человек, а работало 508, из них 184 женщины. Тяжелым был труд горняков во время войны. Рабочий день по 12–14 часов. Бригады забойщиков уменьшались, затраты оставались прежними, а добыча руды росла. Спрос на Южно-Уральские бокситы повышался, так как Тихвинские бокситовые месторождения были захвачены немцами. И люди старались. Коллектив ЮУБРа внес достойный вклад в Великую Победу [5].

После войны меняется ведомственность рудников. Консервируется Кукшинский рудник и многие карьеры Новой Пристани. В планах рудников – освоение месторождения «Межевой Лог». В третьем квартале 1948 г. сдается первая очередь шахты № 4 с проектной мощностью 100 тыс. тонн. В 1949 г. Ф.К. Денисов и А.И. Невзорова открывают новое Блиново-Каменское месторождение. В первые послевоенные годы добыча руды бы-

ла меньше довоенной (1948 г. – 40 тыс. тонн, 1950 г. – 55 тыс. тонн). Страна строилась и развивала свою экономику, ей нужен был «крылатый металл». В 1954 г. главный геолог рудников А.И. Невзорова в верховной комиссии ресурсов отстояла перспективность месторождения «Кургазак» [6].

Интенсивно развиваются рудники с 1952 года, когда были введены в эксплуатацию шахты № 2 и № 4 на месторождении «Межевой Лог». В течение 3-х лет производительность рудников увеличилась в два раза и к 1955 году достигла 170 тыс. тонн бокситов в год. Началось техническое перевооружение производства: механизируется бурение шпуров, появляются маломощные скреперные лебёдки, на смену конной тяги 3-х тонные электровозы, механизируются погрузочно-разгрузочные работы с применением экскаваторов, автокранов и других типов отечественных машин. Механизируются основные и вспомогательные производственные процессы, совершенствуется система разработок, повышается квалификация трудящихся. В этот же период проведены большие работы по автоматизации и диспетчеризации вентиляторных, компрессорных и насосных станций.

Первыми освоили горные машины рабочие В.Я. Сапожников, А.Е. Цепилов, П.И. Деменев, В.Г. Быков, Р. Ульданов. В 1967 г. ЮУБР был переведен на новые условия хозяйствования, что позволило ему из убыточного превратиться в рентабельное. Началось техническое перевооружение, освоение новых технологий добычи боксита, благоустройство поселка, строительство социальных объектов (ДК «Горняк», средняя школа, детский сад). В 1969 году введена в эксплуатацию Блиново-Каменская шахта, с проектной мощностью 450 тыс. тонн, где успешно внедрена камерно-столбовая система разработки месторождения с применением самоходных, буровых и погрузочно-доставочных машин, что в 1,5 раза увеличило производительность труда забойщиков и на 25 % снизило себестоимость добычи руды. Включившись во Всесоюзное социалистическое соревнование к 100-летию В.И. Ленина коллектив рудников досрочно, 24 ноября 1970 года выполнил план 8-й пятилетки. План 9-й пятилетки рудники выполняют также досрочно – 17 ноября 1975 года. Произведено сверхплановой продукции на 1865 тыс. рублей, получено сверхплановой прибыли 600 тыс. рублей. Рост производительности труда составил 41,6 %. За высокие производительные показатели в 1977 году рудникам присуждено 1-е место во Всесоюзном социалистическом соревновании предприятий цветной металлургии с вручение переходящего Красного знамени.

Поощрялись на ЮУБРе собственные изобретения. Так, внедряются скреперные лебёдки с емкостью ковша 0,3–0,8м^3 (55ЛС-2с,30ЛС-2с, 17Л-2с) конструкции технического отдела рудников (руководитель А.В. Желтов). Скрепер ящичный сконструировал А.Г. Драган. Совместно с институтом НИИ ОРГОМ (г. Челябинск) внедрены анкерные крепи с закреплением несущих стержней синтетическими смолами. Построен цех по изготовле-

нию ампул на основе эпоксидных смол, разработана конструкция анкеров. Данный опыт был рассмотрен в феврале 1980 г. на совместном совещании Госгортехнадзора СССР и Минцветмета СССР и рекомендован для применения на горнорудных предприятиях отрасли [4].

В 50-е гг. на рудниках стартует новая форма соцсоревнований название лучшей бригады коммунистического труда. Первыми бригадами коммунистического труда стали бригады забойщиков, возглавляемые С.Х. Муллояновым, В.В. Калистратовым, проходчик Г.И. Никитин, забойщики Михляев, П. Жильцов, Багаутдинов, Криворучко, В. Сапожников. Коллектив шахты № 5 «Межевой Лог», начальник смены А.В. Першин и Б.П. Ратников. Эстафету подхватили лучшие бригады 80-х гг. П.Г. Мурыгина, А.П. Шарыги, В.П. Голузубова. Комсомольско-молодежная бригада В.П. Ситникова, выполнившая план 11-й пятилетки за 4 года. В экономическом подъеме ЮУБРа и его стабильности была большая заслуга директора П.Л. Зеленюка возглавлявшего предприятие в 1952–1978 гг.

В 1979 г. была введена в эксплуатацию и выдала на гора первые тонны руды шахта «Кургазакская», которую со станцией Кукшик ЮУЖД соединила железнодорожная ветка нормальной колеи, позволившая освободиться от перевозки руды автомобильным транспортом. Проблемы на шахте «Кургазакская» начались в 1984 г., когда в горные выработки через карстовые полости пошла вода из р. Ай. Специалисты ЮУБРа нашли эффективные методы борьбы с прорывами. В мае 1980 г. произошел горный удар и интенсивное выделение вредных газов. К решению возникших проблем был привлечен институт «Унипромедь» ВНИИБТГ (профессор Б.А. Сахновский), в котором разработали и внедрили технологии, обеспечившие безопасные условия труда горняков.

Накопленный на рудниках опыт работы в сложных горно-геологических условиях с высокой обводненностью и успешное использование высокопроизводительного оборудования (например, самоходные и доставочные комплексы ЛК-I+СБУ-2м) позволили не только сохранить прежний объем добычи руды, но и увеличить его. В 1982 г. коллектив ЮУБРа составлял 1227 человек [6].

В 90-е гг. добыча руды в основном велась подземным способом с глубины 400 метров на 2-х шахтах «Кургазакская» и «Блиново-Каменская», находящейся на стадии доработки, через которую отрабатывались запасы месторождения «Барсучий Лог», пройдены горные выработки под р. Ай. Добывалась руда на карьере месторождения «Айское» (на территории Башкортостана), велись горно-капитальные работы по подготовке к выемке запасов коренных руд месторождения «Новое». Разрабатывалась перспектива строительства шахт на месторождении «Улуир» с запасами 23 млн тонн.

Не прошла бесследно для рудников Перестройка. В марте 1989 г. коллектив впервые выбирал директора. В 1992–1993 гг. предприятие стано-

вится акционерным. АО «ЮУБР» принимает участие в строительстве шахты «Магнезитовая», ведет проходку канализационного коллектора в г. Златоусте. В 1992 г. запустили цех по производству керамических изделий, построили кирпичный завод. В 1994 г. образован от дел рабочего снабжения: 2 магазина, 2 столовых, швейный цех. Рудники имели свое подсобное хозяйство и свинарник. Сдали два многоквартирных дома и новую котельную с теплотрассой 12 км. Для отдыха имелись освещенная лыжная трасса и лыжная база, каток, футбольное поле, спортзал. Трудящиеся могли укрепить свое здоровье в санаториях и профилакториях.

В 1996 г. контрольный пакет акций ОАО «ЮУБР» приобрел ОАО «СУАЛ-ХОЛДИНГ». К концу XX века из-за изношенности основных фондов, отсутствия капитального строительства, роста цен на энергоносители, высокой себестоимости руды предприятие не смогло быть конкурентоспособным в развивающейся рыночной экономике. 18 июня 2002 г. затопили уникальное гидротехническое сооружение, где на шести горизонтах на глубине 450 м велась добыча руды, шахту «Кургазакскую». Это означало ликвидацию рудников.

С момента образования предприятие возглавляли тов. Володько, Сопко, Н.С. Павлов, Н.С. Пичев, С.И. Красноперов, Д.Ф. Лепешкин, П.Л. Зеленюк, В.С. Липин, В.И. Казьмин, А.А. Козлов, Н.А. Егоров, В.П. Селезнев, П.Н. Новосельченко.

Много лет на предприятии проработали такие специалисты, как Ю.П. Болдин, Г.П. Кисмерешкин, Н.И. Клявлин, В.М. Шамин, В.Э. Шмидт, Ш.Н. Загретдинов, А.В. Бикмаев, Г.М. Тыртышный, В.Л. Федотов, Л.И. Мурыгина и многие другие.

Специалисты ЮУБРа оказывали помощь рудникам Гвинеи, Монголии, Мозамбика, Индии.

Библиографический список

1. Геологи выходят на разведку // Челябинский рабочий. – 1937. – 12 мая.
2. Мелещенко, В.С. Месторождение бокситов «Межевой Лог» на Западном склоне Южного Урала / В.С. Мелещенко // Цветные металлы. – 1945. – № 1. – С. 27.
3. Мошкина, Н.А. Земля на которой я живу / Н.А. Мошкина // Саткинский рабочий. – 1994. – № 104.
4. Плотников, И.И. Гидрогеологические проблемы разработки бокситовых месторождений Урала / И.И. Плотников // Советская геология. – 1985. – № 3. – С. 113.
5. Овчинников, А.Н. Ускоренная разведка месторождения полезных ископаемых в годы ВОВ / А.Н. Овчинников // Советская геология. – 1985. – № 3. – С. 4.
6. Архивы ЮУБРа: фонд № 1, отдел плановый, опись № 1, связка № 31.

К содержанию

УДК 796(470.55) + 37.035.6

СПОРТИВНАЯ ЖИЗНЬ САТКИ

В.Г. Копейкин

Рассмотрен вопрос влияния спорта на патриотическое воспитание школьников. Определено понятие «спортивные традиции района». Названы условия использования спортивных традиций района как средства патриотического воспитания школьников.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, спортивные традиции района, эффективные средства воспитания.

«О спорт – ты мир!»

Выбор данной темы определяется необходимостью поиска новых подходов к вопросам патриотического воспитания, обращению к традициям как его эффективному средству.

В последние годы общественность и органы государственной власти пришли к осознанию необходимости возрождения патриотического воспитания молодежи.

Проблема патриотического воспитания школьников является одним из направлений педагогической деятельности. Принятые в России Государственная программа и «Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации» предусматривают формирование и развитие социально значимых ценностей, гражданственности, патриотизма в процессе воспитания и обучения в образовательных учреждениях всех типов и видов.

Спорт, по мнению практиков, является эффективным средством воспитания. Он способствует формированию личности, заставляет человека бороться со своими слабостями, преодолевать себя. Спорт выступает мощным фактором социализации, проявления социальной активности.

В педагогике активно обсуждается вопрос об эффективных средствах патриотического воспитания. В школе одним из таких средств могут стать спортивные традиции Саткинского района, поддержание и развитие которых заставляет школьников занимать активную позицию.

Предлагаем рассмотреть спортивные традиции Саткинского района как средство патриотического воспитания школьников.

Спортивные традиции района – это часть социокультурной жизни района, включающая в себя систему ценностей, совокупность и достижений в сфере развития идей физической культуры и спорта, накопленных в течение длительного времени.

Одной из важнейших спортивных традиций района является проведение традиционных спортивных соревнований различного уровня: городского, районного, областного, Всероссийского, международного (зимняя и летняя школа Б. Спасского по шахматам, Всероссийские соревнования «Лыжня России», Всероссийские соревнования на призы Олимпийского чемпиона Владимира Гундарцева по лыжным гонкам, турнир по дзюдо памяти А. Ускова, международный турнир памяти Андрея Кардопольцева по баскетболу, легкоатлетическая эстафета 9 мая, Кубок губернатора Челябинской области по шахматам, Всероссийские соревнования «Оранжевый мяч», Всероссийские соревнования «Кросс наций», этап первенства России по авторалли, легкоатлетический пробег памяти генерал-майора А.П. Бочарова, лыжные соревнования памяти Р. Сафаргалина, областные соревнования среди ГОВД памяти В. Колованова, Всероссийский лыжный марафон на Зюраткуле, первенства области по видам спорта (футбол, хоккей, волейбол, баскетбол, плавание и другие виды спорта)) (рис. 1–8). Кроме крупных турниров и соревнований в районе традиционно проводится 5 Спартакиад для различных слоев населения: среди дошкольных учреждений Спартакиада «Малышок»; среди общеобразовательных школ; среди ссузов и вузов; среди бюджетных организаций района; среди производственных коллективов по 20 видам спорта. Спортивные соревнования отражают не только спортивные достижения района, но и исторические, экономические, культурные, политические вехи его становления. Сохранение памяти о личностях, своими достижениями внесших значительный вклад в развитие района, играет важную роль в патриотическом воспитании школьников.

В нашей школе также существуют спортивные традиции, которые сохраняются и развиваются сегодня. Лучшие спортсмены школы активно участвуют в городских и районных соревнованиях, защищают честь города и района на областных и Всероссийских соревнованиях. Но таких ребят наберется два, три десятка, а остальные? Вот тут и должны выходить на первый план внутришкольные спортивные мероприятия, в том числе и традиционные. Участие в школьных соревнованиях и турнирах воспитывают у учащихся чувство ответственности, гордости за свой класс, за свои личные достижения, чувство патриотизма [1]. Такими спортивными традициями являются: осенний и весенний кроссы, первенства школы по футболу, баскетболу, волейболу, шахматам, настольному теннису, проведение Дней Здоровья, конкурсы «А, ну-ка, парни!», «А, ну-ка, девушки!», «Веселые старты», школьный этап Всероссийских соревнований «Президентские состязания» и «Президентские игры», участие всем классом во Всероссийских соревнованиях «Лыжня России» и «Кросс наций». Уже два года ученики школы с 1 по 11 класс активно принимают участие в подготовке и сдаче норм Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса ГТО.

Рис. 1. Пробег памяти генерал-майора А.П. Бочарова
по улицам города (1965 г.)

Рис. 2. Лыжный марафон – «Зюраткуль 2014»

Рис. 3. Турнир по мини-футболу в рамках реализации
Всероссийского проекта «Мини-футбол в школу»

Рис. 4. Товарищеские встречи с ветеранами

Рис. 5. Всероссийские соревнования по баскетболу,
посвященные памяти А.В. Кардапольцева

Рис. 6. Осенний кросс

Рис. 7. Команда-победитель регионального этапа соревнований «Метрошка»

Рис. 8. Всероссийский проект «Шахматный всеобуч»

Анализ психолого-педагогической литературы, передового педагогического опыта показали необходимость создания совокупности педагогических условий использования спортивных традиций района как средства патриотического воспитания школьников.

Первое условие – организация познания истории и традиций районного спортивного движения. Подобное отношение к районным спортивным традициям закладывается как в учебной, так и во внеурочной деятельности [2]. Для этого организовываются встречи с лучшими спортсменами города и района (чемпионами и призерами первенств города, района, области, России, Европы, мира, Олимпийских игр), а также товарищеские встречи по различным видам спорта с ветеранами и командами других учебных заведений, производственных коллективов, сборными различных спортивных федераций, действующих в Саткинском районе.

Второе условие – насыщение воспитывающей среды школы знаками и символами, олицетворяющими спортивные традиции района. Для этого на специальных стендах размещены фотографии спортивных сооружений и спортивных площадок города и района, на которых происходит вся спортивная жизнь города и района (футбольные поля, хоккейные коробки, лыжные базы и гоночные трассы, трамплины для прыжков на лыжах, горнолыжная трасса, теннисные корты, баскетбольн6ые и волейбольные площадки, трасса для мотогонок, Детский дворец спорта, Дворец спорта

«Магнезит» с плавательным бассейном, стадион с современным покрытием беговых дорожек, шахматная школа «Вертикаль» под руководством 10 чемпиона мира Б. Спасского, стрелковый тир, мини-футбольные поля с искусственным покрытием и многие другие спортивные сооружения). На этих же стендах размещены эмблемы и названия команд города по различным видам спорта, начиная с 40-х годов XX столетия. Это направлено, главным образом, на формирование представлений школьников о районных спортивных традициях.

Третье условие – включение школьников в деятельность по продолжению спортивных традиций школы, района, региона. Эта деятельность выражается в участии школьников в подготовке и проведении спортивных соревнований и мероприятий различного уровня, а также в участии их в конкретных мероприятиях и соревнованиях [3].

Впервые попадая в атмосферу спортивных соревнований, школьник имеет возможность пережить всю гамму чувств, характеризующих его отношение к спорту, выдающимся спортсменам, малой и большой Родине. Этому способствует особая процедура организации соревнований. Так, например, после окончания легкоатлетической эстафеты 9 Мая все участники и организаторы турнира участвуют в торжественном митинге и возложении цветов в сквере Славы. Этот ритуал символизирует преемственность поколений, «социальную эстафету».

Лыжные гонки на призы Олимпийского чемпиона Владимира Гундарцева традиционно проводятся на его Родине в городе Сатке. В них принимают участие вместе с высококвалифицированными спортсменами дети и ветераны.

Чувства, пережитые школьниками в процессе участия в спортивных соревнованиях, подкрепляются знаниями, получаемыми ими в учебном процессе. Многие юноши и девушки уже имеют опыт участия в спортивных соревнованиях по своему виду спорта. Некоторые из них являются призерами и победителями соревнований и турниров различного уровня. Их фотографии размещаются рядом с портретами именитых спортсменов в школьном музее. На занятиях преподаватели озвучивают их победы в одном ряду с олимпийскими чемпионами и всемирно известными тренерами. Таким образом, для школьников формируется идея личной причастности к традициям района, к истории своего края.

Эта деятельность становится для них личностно значимой, они становятся носителями ценностей патриотического воспитания подрастающего поколения на примере спортивных традиций.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что привлечение школьников к изучению истории развития спорта в Саткинском районе, участие в спортивных соревнованиях, способствующее дальнейшему развитию спортивных традиций, прославляющих свою школу, город,

район, область, страну, неизбежно ведет к воспитанию патриотических чувств, таких как гордость за свою школу, город, район, область, за свою малую Родину.

Библиографический список

1. Суворова, С.В. Педагогические условия использования социально-культурной среды региона в воспитании студентов / С.В. Суворова // Социальное развитие детей и молодежи: Сборник научных трудов аспирантов и молодых ученых / Сост. В.М. Басова, Н.Ф. Басов. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2004.

2. Вятлева, С.В. Патриотическое воспитание студентов факультета физической культуры / С.В. Вятлева // Проблемы гуманизации учебно-воспитательного процесса в современной школе: история и современность: материалы научно-практической конференции преподавателей и аспирантов кафедры теории и истории педагогики / Отв. ред., сост. А.Р. Лопатин. – Кострома: ГОУВПО КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005.

3. Вятлева, С.В. Социокультурный потенциал региона / С.В. Вятлева // Вопросы гуманитарных наук. – 2005. – № 6.

4. Вятлева, С.В. Спортивно-мемориальные соревнования как средство патриотического воспитания студентов факультета физической культуры / С.В. Вятлева // Вестник КГУ имени Н.А. Некрасова. – 2006. – № 3.

5. Вятлева, С.В. Спортивные традиции региона как средство патриотического воспитания студентов факультета физической культуры / С.В. Вятлева // Современные гуманитарные исследования. – 2006. – № 6.

К содержанию

ФИЛИАЛ В г. УСТЬ-КАТАВ

УДК 17.035.1 + 179.9

АЛЬТРУИЗМ – ВСЕГДА ЛИ ЭТО ХОРОШО?

Т.В. Блинникова, И.В. Мартынова

В данной статье рассматриваются различные подходы понятия «альтруизм», а также обосновывается феномен добра - «жить ради других» с точки зрения пагубного воздействия на личность на примерах исследований.

Ключевые слова: альтруизм, альтруистическое поведение, феномен добра, этические нормы, гуманизм.

Во все времена исследователей привлекала проблема «добра» и «зла» как борьба этических норм. Эта проблема актуальна сейчас, т.к. всё больше людей задумывается о нравственной деградации нашего общества, о проблеме переосмысления прежних социальных норм и становления новых.

Добро и зло – категории морального сознания, разграничивающие нравственность и безнравственность в поступках, моральных качествах и отношениях человека. Эти категории являются центральными для многих этических направлений. И если мы знаем, как можно сделать добро, то как избавить человечества от зла, порой просто не представляется.

В одной из теорий А. Швейцера критерием добра и зла выступает тезис «благоговения перед жизнью» [1]. Согласно этой этике, главная ценность жизни в любых ее проявлениях происходит тогда, когда человек способствует процветанию жизни и способен бескорыстно жертвовать собственными интересами в пользу других. Человек поступает естественно – живет добром. Однако если же он уничтожает любую жизнь – он увеличивает зло в мире.

Феномен добра – «жить ради других» [1]. Это альтруизм, который подразумевает заботу человека о благополучии других людей. Поступки альтруистов самоотверженны, бескорыстны и не нацелены на свои выгоды.

Альтруистичное поведение приобретается с воспитанием и вследствие индивидуального самосознания. Чем выше уровень самосознания, тем больше альтруистическая мотивация соединяется с разумностью интеллекта. Самосознание помоагет человеческой личности осознавать себя во всех формах творческого проявления, сочетая альтруизм и интеллект в жизненном пространстве. Следовательно, основная масса людей в мире рассматривает альтруизм как источник непреходящих ценностей человеческой сущности.

Однако у альтруизма есть свои противоречия и позиции ученых в этом вопросе неоднозначны. С одной стороны, в обыденной жизни этот феномен может проявляться как самопожертвование, благотворительность, опека и т.д. Всё это связано с моралью и поступками на благо других. С другой стороны, научные взгляды на данное явление базируются на ряде эмпирических фактов, которые учёные пытаются описать.

В жизни альтруизм встречается часто, но не всегда его проявления положительны. Иногда альтруизм наносит непоправимый вред жизни и судьбе человека. Примером может быть пересечение альтруизма и агрессии в поведения личностей. Лидер предельно жесток и деспотичен, но с другой, он поступает альтруистически, сохраняя целостность группы и жизнь отдельных людей. Таким образом, агрессия может выступать как реакция, сопутствующая низким уровням альтруистического поведения.

Также побочные моменты альтруизма могут возникнуть от чрезмерности и перегиба ситуации, например, взаимоотношения матери и ребенка. Автор книги «Путы материнской любви» писатель-психолог А. Некрасов подчеркивает, чрезмерная материнская любовь ломает судьбы детей, порождает многие болезни самой женщины, разрушает семью и общество [1].

Итак, альтруизм часто приравнивают к гуманизму, но с этим очень сложно согласиться, зная, что альтруист морально калечит не только себя, но и тех, о ком он проявляет чрезмерную заботу. От альтруизма одних всегда рождается эгоизм других. Жизнь утверждает, что это неизбежно. Кроме того, чрезмерная забота о других выставляется как самопожертвование. Но с этой точки зрения альтруизм губителен. Об этом писал О. Уайльд в «Идеальном муже»: «Самопожертвование следовало бы запретить законом, так как оно развращает тех, кому приносится жертва» [2]. Эти слова очень ещё раз убеждают нас. Возможно, пришло время пересмотреть свои жизненные устои, и прежде, чем решать чужие проблемы, позаботиться с истинной любовью и самоотдачей о себе, самом родном и близком для вас человеке в мире.

К примеру, А. Макаренко в «Книге для родителей» описывал конкретный случай материнского самопожертвования и отрицательных последствиях этого самопожертвования. В этих попытках проекты идеалистического альтруизма, какой-то мифической «доброты» и нестяжания были, в сущности, школой того же утонченного ханжества [3]. По мнению психологов, всякая жертвенность ведет обычно к тому, что жертвуют не только собой, но и другими.

Если человеку не дороги собственные жизнь и счастье, то как могут быть ему дороги жизнь и счастье других?!

Тема альтруизма сегодня занимательна для исследователей, особенно с точки зрения антисоциального поведения. И как правило, об альтруистах мы узнаём из рассказов такого типа личности, об их взаимосвязи и вредной привязанности.

Таким образом, это объясняет феномен бескорыстного действия в человеческих отношениях.

Библиографический список

1. Гидлевский, А.В. Альтруизм и эгоизм как базовые детерминанты бытия человека / А.В. Гидлевский, Л.А. Максименко. – Фундаментальные исследования. – 2014. – № 6. – С. 16.
2. Дорожкин, В.Р. Альтруизм: так называемое добро / В.Р. Дорожкин. – Симферополь: Таврия, 2010. – С. 134.
3. Макаренко, А.С. Книга для родителей / А.С. Макаренко. – М.: Педагогика, 1983. – Гл. 4. – С. 67.
4. Соловьев, В.С. Оправдание добра / В.С. Соловьев; отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. – С. 23.

К содержанию

УДК 159.923.2 + 159.946

КАК НАУЧИТЬСЯ ЭФФЕКТИВНО И ПРАВИЛЬНО ОБЩАТЬСЯ С ЛЮДЬМИ

Н.В. Емельянцева

Рассмотрены способы эффективного и легкого общения с разными людьми. Для того чтобы вас понимали, хотели общаться, необходимо научиться этим способам общения и при этом оставаться приятным собеседником.

Ключевые слова: общение, слова, способы, речь, беседа, разговор, собеседник.

Только совсем немногие люди могут свободно и с легкостью общаться. Они легко находят нужные слова, а также правильные темы для беседы, их достаточно приятно слушать, с ними комфортно. Остальным же приходится намного сложнее. Все необходимые фразы и слова улетучиваются из головы, а речь становится сбивчивой и запутанной, при этом уверенности в себе нет никакой. Если вдруг это про вас, то нужно срочно выполнять достаточно простые упражнения, они обязательно научат вас правильному и легкому общению с разными людьми.

Приступаем к активному общению

Очень часто люди пытаются быть незаметными и вступают в разговор только по необходимости, потому что испытывают какую-то неловкость и

смущение. А это неверно, потому как научиться хорошему общению можно, только не избегая разговоров. Важно понять, что мы научимся вести приятные беседы непринужденно и естественно только в процессе нашего постоянного общения. Необходимо помнить, что мы не одиноки: ведь многие хотят научиться правильно общаться.

Учимся общению с людьми

Сначала взглянем на себя со стороны. Попробуем снять на видео свою речь и понаблюдать за тем, как мы говорим. Посмотрим на свои жесты, мимику, послушаем интонацию. Обязательно обратим наше внимание на то, как сильно мы напряжены, возможно, мы приподнимаем плечи, поджимаем губы, хмуримся или уж очень мрачны.

Сохраняем уверенность в себе и спокойствие

Давайте потренируемся говорить спокойнее. Научимся избавляться от напряжения и расслабляться, а также последим за каждым нашим вдохом и выдохом в момент нашей беседы, будем учиться дышать мягко и неторопливо. Со временем мы сможем научиться дышать спокойно и ровно, наш голос будет намного приятнее, а речь станет более плавной.

Самое основное – сохранять в себе уверенность, что все получится. Гарантией того, что наши слова воспримут как должное, является именно уверенное поведение.

Используем лучшие темы для разговора

Когда мы хотим научиться свободному общению с людьми, мы все чаще вступаем в различные беседы. И это просто выполнить, если мы подготовимся к разговорам на самые важные темы: женщины и мужчины, погода и последние новости и, конечно, разговоры о том, что больше всего интересно нашему собеседнику. Он обязательно поддержит беседу, причем с большим удовольствием.

Если мы будем затрагивать тему, где не очень хорошо разбираемся, то нельзя молчать и тушеваться. Нам следует задавать вопросы, что-то уточнять для себя, повторять то, что сказал партнер, только своими словами. Известным фактом является то, что собеседнику будет приятно услышать, что тема, которая обсуждается, достаточно интересна, но раньше вам не доводилось общаться с таким осведомленным человеком.

Учимся общаться красиво и грамотно

Во-первых, давайте будем следить за своей речью – научимся говорить конкретнее и более четко, не нужно изображать задумчивость, медленно произнося «ммм…» или «эээ…». Такое мычание не украсит нашу речь.

Во-вторых, больше читаем. Классическая художественная литература обязательно посодействует увеличению словарного запаса, обогатит нашу речь красивыми оборотами, яркими цитатами, которые станут украшением для дружеской или деловой беседы. Не забываем обращаться к различным словарям. Узнаем значение каких-то новых слов, тем са-

мым расширяем кругозор и имеем больше шансов на легкое и свободное общение на разнообразные темы.

В-третьих, говорим по существу дела, не отвлекаемся на незначительные детали. Ведь они отвлекают от сути дела и могут затянуть общение. Чтобы этого не происходило, удерживаем свое внимание на цели разговора.

Но самым главным правилом, которое необходимо соблюдать, является незамедлительное исправление допущенной ошибки. Повторяем то, что сказали, но уже правильно. Косноязычие, а также речевые ошибки обязательно исчезнут, если мы будем отслеживать их и сразу исправлять.

Внимание собеседнику

Поскольку мы стремимся научиться хорошо и правильно общаться, а не просто разговаривать, необходимо следить не только за речью, но и слушать своего партнера. Не нужно перебивать его, побуждаем его говорить дальше – кивком, улыбкой, заинтересованным взглядом.

Если мы думаем, что рассуждения других людей неинтересны или неправильны, не нужно спешить осуждать или критиковать их. Любой человек может иметь собственные взгляды на жизнь, и нам нужно это признать. Попробуем понять, почему они думают иначе. Когда мы задумываемся над тем, что слышим, мы показываем интерес к человеку. А это приятно всем, без исключения.

Если мы будем постоянно тренировать навык общения с разными людьми и в разных ситуациях, мы обязательно достигнем своей цели и будем интересными собеседниками. У нас все получится, главное – не бросать попыток!

А как научится разговаривать с людьми правильно, чтобы стать для них хорошим собеседником, чтобы внушать людям доверие?

Исследования психологов показали, что 25 % впечатления о нас складываются именно из-за нашей речи. Грамотность и красота речи важнее, чем дикция и хорошо поставленный голос в разговоре с людьми.

Попробуем разобраться, как научиться правильно и грамотно общаться. Давайте обратим особое внимание на основные нюансы нашей речи:

1. Сленг и жаргонизмы. Это настоящий бич современного общества. Обязательно нужно следить за привычкой употребления разного рода словечек, чтобы не испортить о себе впечатление.

2. Ударение. Самым ярким примером ошибок в ударении является несчастное слово «звонит». У большинства людей оно по-прежнему «звОнит», что режет слух грамотных людей.

3. Слова-паразиты. Они достаточно сильно мешают восприятию речи и могут испортить мнение о вас как о собеседнике. Выкидываем из своего лексикона слова «короче», «типа», «ну как бы это», «так» и прочие. Двух недель будет достаточно для того, чтобы наша речь стала чистой и грамотной.

4. Словарный запас. Если мы стали замечать, что при разговоре не можем подобрать необходимое слово, это является первым тревожным сигналом к тому, чтобы начать как можно больше читать и общаться с людьми.

5. Профессиональные и зарубежные слова. Люди, которые хорошо знают другой язык или вынуждены выражаться с помощью профессионализмов, сталкиваются с тем, что начинают при любой беседе употреблять эти профессионализмы или заменяют русские слова иностранными. В таком случае также нужно быть более внимательным к своей речи.

Важно понимать, что помимо знания того, как правильно и грамотно разговаривать, в общении с окружающими имеет большое значение и форма подачи диалога. Тут нам очень поможет знание некоторых норм этикета. Даже наша карьера может зависеть от того, как мы будем красиво и правильно разговаривать. Причем с мужчинами и женщинами нужно уметь общаться по-разному. Если вашим собеседником является женщина, запаситесь всем обаянием, которое у вас есть. Недаром распространено мнение о том, что женщины любят ушами. Итак, рассмотрим простые правила, как нужно общаться с женщиной:

- во-первых, следует запомнить то, что говорить категорически запрещено. К подобным темам относится похудение. Никогда не шутите на тему веса своей собеседницы. Не говорите фраз «Без вас я никто» или «Что бы я без вас делал». Реакция на подобные выражения будет противоположной – от вас поспешат поскорее избавиться;
- во-вторых, что нужно говорить женщине, чтобы добиться ее внимания и уважения? В первую очередь не скупитесь на комплименты. Ваша тактичность и обходительность не останется без внимания, даже если вы так просто завуалируете лесть. Также важно уметь благодарить женщину за какие-то поступки. Нужно запомнить еще один важный момент – хорошенько подумайте, прежде чем сказать ей «да» на какой-либо вопрос. Некоторые всю жизнь расплачиваются за однажды необдуманно сказанный утвердительный ответ.

Совсем по-другому выглядят секреты правильного общения с мужчиной:

- мужчины не могут воспринимать большой поток информации. Если вам необходимо, чтобы мужчина вас понял, говорите медленно, четко и внятно;
- мужчины очень редко выполняют одновременно сразу несколько дел. Поэтому нет необходимости загружать их разноплановыми задачами. Они просто не сделают половину из них;
- формулируйте свои мысли четко и ясно, если хотите, чтобы вас поняли. Намеки не помогут вам добиться того, что вы хотите от собеседника-мужчины;

- переписка является одним из самых лучших способов общения с сильным полом. У мужчин сильно развита зрительная память. Вероятность исполнения ваших просьб и поручений будет более велика, если вы будете отправлять их в письменном виде.

Как правильно разговаривать с людьми, чтобы вас поняли, и при этом вы всегда оставались приятным собеседником? Нужно чаще улыбаться и быть дружелюбными, говорить с людьми честно, искренне интересоваться вашими собеседниками, не критиковать тех, с кем разговариваете. И тогда вы станете желанным человеком при любом разговоре.

К содержанию

УДК 378.018.4 + 378.04:004.738.5

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИРЦ: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ

Л.Ю. Филатова, Т.В. Блинникова

В данной статье рассматривается сущность развития и распространения дистанционного обучения как инновационной технологии в образовании. Анализируется взаимосвязь использования региональных ИРЦ между работодателем, студентом и вузом. Важным моментом статьи является изучение преимуществ и недостатков ИРЦ.

Ключевые слова: информационно-ресурсный центр, базовые кафедры, дистанционное образование, производство.

Мир не стоит на месте, все меняется и совершенствуется, меняются технологии, меняются люди, меняются образовательные технологии.

Традиционные подходы к обучению студентов заменяются на информационно-коммуникационные электронные методы.

Главная цель информатизации высшего образования – рациональная интеллектуальная деятельность современных людей с новым типом мышления: алгоритмическим или операционным. Под алгоритмическим стилем мышления будем понимать умение планировать свои действия, находить необходимую информацию для решения задачи, моделировать будущий процесс [2].

Подготовка кадров для современного производства должна быть, с одной стороны, мобильной, оптимизационной, а с другой – максимально приближенной к данному производству.

Такую подготовку могут осуществлять Информационно-ресурсные центры (ИРЦ). Рассматривая в этом ключе вопросы образования, необходимо отметить, что ИРЦ позволит вузам не только сделать доступным свой контент, но и наладить процесс создания, распространения всех материалов.

В нашем вузе разрабатывается и внедряется модель функционирования регионального информационно-ресурсного центра, в рамках которого решаются многие проблемы.

ЮУрГУ является инициатором создания на базе бывших филиалов базовых кафедр, которые совместно с ИРЦ нацелены готовить специалистов, ориентированных на реальное производство.

Какие интересы видит в этом университет? Как правило, учебные заведения имеют возможность понять, что нужно работодателям. Поэтому ИРЦ отвечает требованиям рынка труда и предоставляет вузам возможность использовать все формы обучения. Работодатели через региональные ИРЦ могут сами получать доступ к научным достижениям и технологиям. Научные организации без особых затрат имеют возможность внедрять новые разработки и видеть их результаты. Механизм взаимодействия работодателей с вузами направлен на результат использования индустриальных технологий с помощью ИРЦ.

Однако региональные ИРЦ имеют ряд преимуществ и недостатков.

Главное преимущество – постоянная связь с региональной промышленностью, с местным производством.

Будущим студентам нет необходимости переезжать в другой город, менять бытовые условия [1], расходовать дополнительные денежные средства, нарушать семейные связи, адаптироваться к другой социальной среде. На базе нашего филиала созданы две базовые кафедры в составе Политехнического института, которые тесно сотрудничают с нашими градообразующими предприятиями УКВЗ и «Агрегат» (г. Сим), что в свою очередь предоставляет особые возможности выпускникам при трудоустройстве. Дисциплины социально-экономического и естественно-научного циклов изучаются дистанционно с помощью Электронного ЮУрГУ 2.0. ИРЦ предоставляет компьютерные и консультационные услуги студентам 1-го и 2-го курсов. Планируется, что профессиональную и специальную подготовку студент будет проходить на базовых кафедрах.

Современный выпускник технического университета, должен обладать не только багажом технических знаний, но и знаниями экономики, навыками управления предприятием, правовыми и законодательными нормами. Как следствие, наши выпускники могут продолжить свое образование в магистратуре по следующим специальностям: Экономика, Государственное и муниципальное управление, Юриспруденция. Причем этим специ-

альностям можно обучиться дистанционно в Институте дистанционного и открытого образования ЮУрГУ.

В будущем необходимость самого тесного взаимодействия с учреждениями среднего образования, в частности, опережающей подготовки в области технического образования для школьников, начиная с пятого, шестого класса путем практико-ориентированного обучения. Как минимум в качестве переводного экзамена 7-е, 8-е, 10-е классы обязательно должны выбирать физику. Соответственно, предварительно к ней подготовившись.

С уверенностью можно сказать, что в ближайшем будущем нас ждет расцвет отдаленного (дистанционного) образования.

У дистанционного образования масса преимуществ: демократичность, экономия времени и ресурсов, доступность обучения, наконец, меньшая стоимость по сравнению с очным. Для «он-лайн-поколения» виртуальное общение – освоенная комфортная среда. Современная молодежь легко адаптируется к самой динамике постоянного появления новых технологий. Работодатели со временем оценят выпускников такой формы обучения. Это будут способные к самоорганизации и самообучению специалисты [1].

Самый большой недостаток – отсутствие «живого общения». Да, можно общаться через Skype или подобные программы и системы, но энергетику «живого» человека невозможно передать на расстояние. Аура, биологическое поле оказывают немаловажное влияние при непосредственном общении человека – человека. Современная молодежь все больше и больше погружается в виртуальную реальность. Стирание граней между реальностями в ближайшем будущем неизбежно, и это печально.

Самое оптимальное решение для самостоятельных, самоорганизованных взрослых людей, которым до полного успеха не хватает всего лишь небольшого толчка для получения высшего образования – это обучение через ИРЦ.

Библиографический список

1. Якимович, Б.А. Будущее регионального технического вуза: тактика и стратегия развития / Б.А. Якимович // Ректор ВУЗа. – 2015. – № 9. – С. 2.

2. Филатова, Л.Ю. Формирование алгоритмического стиля мышления у преподавателей вуза / Л.Ю. Филатова // Тематический сборник научных трудов «Автоматизация и информатизация в машиностроении». – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. – Вып. 6. – С. 29.

К содержанию

ФИЛИАЛ В г. НИЖНЕВАРТОВСК

УДК 37.025.7

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

З.К. Нураева

Рассмотрены особенности математического мышления как одного из важнейших компонентов познавательной деятельности.

Ключевые слова: мышление, математическое мышление, теоретическое мышление, эмпирическое мышление.

Познание мира, осуществляемое мышлением – это процесс познавательной деятельности человека, характеризующийся опосредованным и обобщенным отражением действительности. Мышление возникает и остается тесно связанным с практической деятельностью человека. Благодаря мышлению, человек оказывается способным уже не материально, не практически, а мысленно преобразовывать объекты и явления природы. Он может с помощью мысли действовать там, где фактический действовать не в состоянии. Именно способность человека к мыслительному действию необычайно расширяет его практические возможности. Наряду с наглядно-действенным и наглядно-образным видами мышления у человека формируется отвлеченное, теоретическое мышление. Человек начинает познавать с его помощью такие явления внешнего мира, их свойства и отношения, которые недоступны чувствам.

Ряд психологических исследований последних лет посвящен изучению закономерностей функционирования двух типов мышления – эмпирического и теоретического. Известно также, что эмпирическое мышление складывается у человека сравнительно рано, еще в дошкольном возрасте. Мыслительные действия, которые связанны с теоретическим мышлением, в ситуации традиционно сложившегося обучения формируются позже и стихийно, а их целенаправленное формирование становится возможным в условиях специально организованной учебной деятельности (В.В. Давыдов, В.В. Репкин, Л.К. Максимов, В.П. Андронов и др.) [4].

Математическое мышление – это очень абстрактное, теоретическое мышление, объекты которого лишены материальности и могут интерпретироваться произвольно, при условии сохранения заданных между ними отношений [1].

При исследовании математического мышления В.А. Крутецкий обнаружил два способа обобщения: постепенное, когда учащийся приходит к обобщению в результате длительного решения однотипных задач, а также «обобщение с места», когда учащийся обобщает способ решения на основе

анализа решения одной задачи. В.В. Давыдов показал, что первый способ обобщения есть не что иное, как эмпирическое обобщение и обуславливают особенности двух типов мышления – рассудочно эмпирического и теоретического [2].

Математическое мышление имеет свои специфические черты и особенности, которые обусловлены спецификой изучаемых при этом объектов, а также спецификой методов их изучения. Прежде всего, понятие «математическое мышление» относится (вид к роду) к мышлению естественнонаучному [3].

Математическое мышление имеет следующую компонентную структуру: аналитические способности – умение анализировать проблему и строить математические модели задач; конструктивные способности – умение интегрировать знания из разных областей наук при решении задач; исследовательские способности – определение новизны в задаче, умение сопоставить с известными классами задач, умение аргументировать свои действия и полученные результаты, умение делать выводы; абстрактное мышление – оперирование сложными отвлеченными понятиями, суждениями и умозаключениями, позволяющими мысленно вычленить и превратить в самостоятельный объект рассмотрения отдельные стороны, свойства или состояния предмета, явления [5].

Эффективность применения полученных знаний в профессиональной деятельности зависит от умения использовать математические знания.

Процессы и действия технического мышления, а также те свойства личности, которые благоприятствуют их протеканию, можно совершенствовать в ходе обучения, в деятельности по решению соответствующих профессиональных задач и в процессе самовоспитания [6].

Библиографический список

1. Авраменко, К.Б. Развитие математического мышления в процессе решения задач младших школьников / К.Б. Авраменко, Р. Радченко // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 7-2. – С. 66.

2. Давыдов, В.В. Виды обобщения в обучении (логико-психологические проблемы построения учебных предметов) / В.В. Давыдов. – М., 1986. – 262 с.

3. Максимов, Л.К. Психологические особенности математического мышления школьников / Л.К. Максимов // Новые исследования в психологии. – 1979. – № 1. – С. 51–54.

4. Атаханов, Р.А. Математическое мышление и методики определения уровня его развития / Р.А. Атаханов. – М. – Рига, 2000. – 208 с.

5. Современный словарь по педагогике / сост. Е.С. Рапацевич – Мн.: «Современное слово», 2001. – 928 с.

6. Душков, Б.А. Словарь / Б.А. Душков, А.В. Королев, Б.А. Смирнов. – 3-е изд. – М.: Издательство: Академический проект, Деловая книга, 2005. – 848 с.

К содержанию

УДК 316.334.56

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ХРОНОТОПОВ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Н.В. Назарова

Современный город представляет собой не только сложный социальный организм, но и систему связей, обусловленных пространственной и временной протяженностью. Хронотопные связи, возникающие в процессе взаимодействия элементов городской среды, способствуют формированию целостного и многоликого образа современного города – динамичного, как и сама современность.

Ключевые слова: современный город, социальное пространство, хронотопные связи, хронотоп, киберсети, городское пространство, городская среда.

Когда речь заходит о характеристике какой-либо эпохи, то в основу анализа ложатся не только культурные и социальные новообразования, но и отношение к таким онтологическим категориям, как «пространство» и время». Современность, отличающаяся от других культурно-исторических эпох быстрым и масштабным протеканием культурообразующих процессов, формирует специфическое представление о пространственно-временных связях. Современность, динамичная и «текучая», научно и технически насыщенная, переносит характеристики пространства и времени из материального (физического) в социально-культурное поле.

Система пространственно-временных обусловленностей – хронотопов – создает некую модель жизнеустройства человека. Эта модель воплощается в образе современного города. Современный город как искусственно созданный объект представляет собой «сложное пространственное и культурное образование, которое… слишком велико и неоднородно» [3, с. 83].

В образе города переплетаются субъективная оценка событий и явлений, определенные ожидания и идеи, а также аспекты материального мира в своей пространственной выраженности. Посредством образа формируется модель восприятия культурных ценностей, обозначается социально-культурный потенциал города. В образе города органично соединены стереотипы восприятия тех или иных аспектов культурного пространства [2, с. 69–70] и пространственно закрепленные и материально выраженные элементы городской среды. Городское пространство семиотически насыщено, в его пределах существуют символы, имеющие разную временную обусловленность.

Для горожан образ города и его социально-культурной среды непосредственно связан с текстами, воплощенными в рассказах о городе, мифах и

легендах, символах, памятных местах. Особенность формирования образа города обусловлена тем, что каждый человек, в той или иной степени, испытывает потребность в выделении и особом обозначении места, где он, например, родился или живет, где происходят знаковые события его жизни. В образе города для самих горожан соединяются воедино материальные, духовные и социально значимые аспекты бытия. Некая целостность образа города достигается благодаря системе разнопорядковых и разнонаправленных хронотопных связей.

Культурная обусловленность появления и функционирования города, его социальная значимость создают динамичную систему хронотопных связей. Эти связи позволят обозначить положение человека в системе культурных и социальных взаимодействий. Практическое воплощение хронотопных связей проявляется в зонировании городской среды, в конструировании жилого пространства, в создании образа города и горожан, в визуализации городского пространства.

Говоря о хронотопных связях, мы указываем и на темпоральность как на возможность пассивного или активного разрешения предлагаемой ситуации в зависимости от интенсивности развития событий [1, с. 118]. Темпоральность, проявление времени в пространстве культуры, определяется как существование и чередование различных ритмов и алгоритмичности действий. Темпоральность обозначается как вектор определенного времени, который определенным образом воплощается в значимых для города образах, системе ценностей и традиций.

Особое значение для горожан приобретают символические места в городском пространстве. Определение знаковых мест связано не только с историческими и культурными традициями, но и с временным ресурсом, которым обладает каждый житель. Благодаря научно-техническому прогрессу, развитию научной мысли и ее практическому воплощению в системе управления производством, процессами и ресурсами, время переходит в ранг управляемого обменного ресурса. Время в определенном смысле меняется на услугу, товар или вещь. Экономия времени порождает свободное время, энергию, которая тратится в среде индустрии развлечений. Город, представляя собой сложную разветвленную инфраструктуру, предоставляет широкие возможности для развития индустрии развлечения. Доступность развлекательных заведений, практически круглосуточный режим работы, широкий спектр услуг на любой вкус и кошелек, все более привлекают внимание и заставляют горожан тратить не только деньги, но и время.

Время как управляемый ресурс приобретает определенную стоимость, а как регулятивная и нормативная ценность повседневной жизни человека оно начинает обесцениваться. Теперь человек все более часто обменивает время как своего рода «кеш» на коммуникацию, информацию или техно-

логию. Противоречивость восприятия времени проявляется в том, что, с одной стороны, оно равнозначно для всех имеет стоимость, с другой, – его значимость определяется субъективно, индивидуально. В связи с этим возникает необходимость в иной оценке самоидентификации человека. Стремление проявить себя в границах общественного сознания говорит о некоторой кризисности процесса идентичности личности. Думается, поэтому человек стремится обозначить свое присутствие, но не выделяться из толпы.

Связь времени и пространства определяется не столько обусловленностью друг друга, сколько управлением одного другим. Конкретная территория как пространственная обусловленность приобретает определенную ценность ввиду того, как быстро оно может быть преодолено или освоено. Образ пространства и его ценность формируется под влиянием того, насколько данная территория пригодна для размещения ресурсов потребления. И чем больше потребительское «покрытие», тем выше качество и уровень жизни. Пространство города разделено на так называемые «среды», где хронотопные связи имеют различную глубину и прочность.

События городской жизни имеют непрерывный темп и ритм, что проецируется также и на процесс коммуникации. Благодаря возможностям киберсетей процесс коммуникации становится постоянным, практически не прекращающимся. Время как протяженность онтологически значимых периодов жизни человека определенным образом разрушает стереотипы восприятия хронотопных связей повседневной жизни человека.

Личное пространство человека вплетено в общий контекст социального пространства. Индивидуально значимые хронотопы взаимосвязаны с социально детерминированными хронотопами. Социальное пространство города разнообразно, напитано определенными символами и знаками, которые имеют непосредственное значение и ценность для горожан.

Объективный характер хронотопных связей проявляется в особенностях конструировании городской среды, в то время как субъективный характер выражает эмоционально-психологическую значимость и контекстуальность пространственно-временных связей в жизни человека. История жизни человека непосредственно связана с историей города, но, чем больше город, тем менее прочными становятся эти связи. Город воспринимается не столько как «история», сколько как «событие». В границах города связываются воедино разнонаправленные по длительности события или явления. Разнонаправленность событий и явлений, возможность участия жителей в формировании образа и облика города делают город содержательно привлекательным.

С одной стороны, город выступает «как многослойный историко-культурный текст, где «текст» …означает дискурсивное единство, … служащее целям хранения и передачи социально значимого содержания» [3,

с. 83] и соединяет воедино пространственно обусловленные объекты материального мира и собственную энергию человека, его творческий потенциал. Именно в пространстве города формируется новый тип человека – городского жителя, обладающего особой энергией. Эта энергия находит воплощение не только в лично значимых проектах, но и в сложной системе социальных отношений [4, с. 51–52] и образов. Одним из таких образов является образ горожанина. Типология образов городского жителя весьма разнообразна. Обобщенное представление о жителе большого города – образ энергичного, предприимчивого, социально мобильного гражданина, который активно участвует в жизни города, обладает определенным уровнем компьютерной грамотности, является активным пользователем сети Интернет.

С другой стороны, если рассматривать город как динамично развивающийся социальный организм, то становится очевидным тот факт, что в городской среде создаются и, в большинстве своем, приживаются культурные инновации. Эти инновации становятся возможными благодаря творческой энергии и активности горожан. С одной стороны, существуют статичные связи, выраженные, например, в значимости для горожан определенных мест в пространстве города, с другой, – необходимость внедрения инноваций (в том числе и социальных) определяет динамический характер пространственно-временной обусловленности.

В пространстве города человек, оставаясь неотъемлемой частью коммуникативной среды, благодаря развитию кибертехнологий и глобальной сети определенным образом дистанцируется от остальных. Коммуникация, выстраиваемая в пространстве глобальной сети, более разветвленная, многоуровневая и в то же время более поверхностная. Неоднородность и динамичность городского пространства, широкие коммуникативные возможности и потребительская привлекательность характеризуют городскую среду как особое социальное пространство. В пределах этого пространства функционирует иерархическая структура городского сообщества со сложной системой функциональных взаимодействий. Многоуровневая система взаимодействий предполагает построение хронотопов, посредством которых происходит освоение пространства города и складывание образа городской среды.

Город как культурное и социальное явление расценивается в качестве источника событий, а пространство города – в качестве возможности реализации потребностей человека и его реакции на эти события.

Библиографический список

1. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М: Прогресс-Традиция. 2000. – 384 с.

2. Горелова, Ю.Р. Образный каркас современного города: взгляд культуролога / Ю.Р. Горелова // Культура городского пространства: власть, бизнес и граж-

данское общество в сохранении и приумножении культурных традиций России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 12–13 декабря 2013 года) / отв. ред. Д.А. Алисов, Н.А. Томилов. – Омск, Издательский дом «Наука», 2013. – С. 68–80.

3. Скульмовская, Л.Г. Город в пространстве культуры региона: общее и особенное. Монография / Л.Г. Скульмовская. – СПб.: Изд-во ИНФОДА, 2004. – 160 с.

4. Флоренский, П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях / П.А. Флоренский. – М.: Прогресс, 1993. – 233 с.

К содержанию

УДК 378.147.88

ПОДГОТОВКА БАКАЛАВРОВ НАПРАВЛЕНИЯ «ПРИБОРОСТРОЕНИЕ» В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ И КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ

Е.А. Зверева

В статье рассматриваются вопросы проектирования педагогической модели формирования ИКТ-компетентности бакалавров направления «Приборостроение» в процессе производственной практики. Выявлен один из принципов организации и проведения производственной практики, а также цели информационной подготовки бакалавров приборостроителей в аспекте рассматриваемой проблемы.

Ключевые слова: ИКТ компетентность, компетенции, производственная практика, подготовка бакалавров, приборостроение.

В условиях информатизации экономики одна из актуальных проблем состоит в первую очередь в развитии информационной и коммуникационной компетентности обучающихся технических вузов. Это обусловлено потребностью современных производств в конкурентоспособных инженерных кадрах – бакалаврах, способных успешно работать в условиях высокой автоматизации и информатизации производства, то есть в ИКТ-компетентных работниках.

Компетенции формируются в рамках различных элементов (единиц) образовательной программы и оцениваются на разных этапах обучения. Компетенции, как правило, не могут быть сформированы одной дисциплиной или практикой, приобретение обучающимся компетенций – это цикли-

ческий, интегративный процесс, в котором кроме содержания образования, важны также формы и технологии обучения и преподавания.

Согласно ФГОС ВО по направлению «Приборостроение» результаты освоения программы бакалавриата определяются у выпускника сформированными общекультурными (ОК), общепрофессиональными (ОПК) и профессиональными компетенциями (ПК). Отметим компетенции в области информационных и коммуникационных технологий бакалавра согласно ФГОС ВО по направлению «Приборостроение», которые должны быть сформированы в результате прохождения производственной практики: ОПК-2, ОПК-6, ОПК-7, ОПК-9, ПК-2, ПК-20 [4].

В работах, посвященных инженерному и техническому профессиональному образованию (В.И. Байденко, А.А. Кирсанова, В.М. Жураковского и др.), практико-ориентированный подход рассматривается как приоритетный в аспекте совершенствования профессиональной подготовки обучающихся.

Производственная практика бакалавра направления «Приборостроение» имеет цель: «формирование у обучающихся цельной системы практических навыков работы, закрепляющих и углубляющих полученные теоретические знания, а также приобретение практических навыков и компетенций в сфере профессиональной деятельности предусмотренных ОП по направлению «Приборостроение» [3].

На основе данной цели, делаем вывод, что одним из основных принципов организации и проведения производственной практики является принцип взаимосвязи теоретических дисциплин с практикой. Каждая дисциплина, предшествующая производственной практике, позволит сформулировать требования к результатам освоения программы бакалавриата направления «Приборостроения» (знания, умения, навыки), которые должна обеспечивать практика для подготовки студента к следующему этапу изучения данной или смежных дисциплин. Таким образом, практика является связующим звеном вузовского этапа процесса непрерывного формирования ИКТ-компетентности приборостроителей [2].

Следовательно, проектируемая педагогическая модель формирования ИКТ-компетентности обучающихся в процессе производственной практики должна предусматривать реализацию данного принципа взаимосвязи практики с дисциплинами ИКТ направленности. Для этого необходимо выявить требования к «входным» знаниям, умениям, навыкам студента, приобретенные в результате освоения предшествующих дисциплин ИКТ-направленности.

Анализ ФГОС ВО направления «Приборостроение» показал, что использование бакалаврами информационных и коммуникационных технологий в профессиональной деятельности затрагиваются рядом дисциплин (модулей), относящихся к базовой и вариативной части программ Блока 1

«Дисциплины (модули)». Все они направлены на приобретение знаний и навыков, необходимых для уверенного использования современной вычислительной техники и технологий в будущей профессиональной деятельности [4].

Производственная практика, согласно данному ФГОС ВО проводится в 4 семестре, после окончания второго курса [4]. Анализ учебного плана бакалавров приборостроителей филиала «ЮУрГУ» в г. Нижневартовске позволил выявить перечень дисциплин ИКТ направленности, предшествующих производственной практике. К ним относятся такие дисциплины, как: «Информатика», «Компьютерная графика», «Теоретические основы измерительных и информационных технологий», «Основы баз данных».

Анализ рабочих программ перечисленных дисциплин показал, что основными целями информационной подготовки обучающихся 1–2 курса, ориентированными на прохождение производственной практики являются:

– сформированность представлений о роли информации и связанных с ней процессами в окружающем мире, способы хранения и обработки данных, понятиях баз данных и средств доступа к ним, умение работать с ними;

– сформированность базовых требований техники безопасности при работе со средствами информатизации;

– понимание основ правовых аспектов использования компьютерных программ и работы в Интернете;

– знание основных конструкций программирования, умение понимать программы, написанные на алгоритмическом языке, владение навыками алгоритмического мышления, стандартными приемами написания на алгоритмическом языке программ;

– знание основ компьютерной инженерной графики, правил оформления технической документации; основ проектирования и конструирования типовых деталей и узлов с использованием стандартных средств компьютерного моделирования; умение разрабатывать и оформлять проектно-конструкторскую и технологическую документацию для изделий приборостроительной отрасли; владение методами решения проектно-конструкторских задач с использованием современных программных продуктов;

– знание основных тенденций развития техники и технологий в области приборостроения; основ метрологии, статические метрологические характеристики математических моделей измерительных каналов средств измерения, умение анализировать измерительные цепи; рассчитывать метрологические характеристики средств измерений; обосновывать выбор средств измерения для решения конкретных задач; владение методами информационных измерительных технологий; навыками самостоятельного обучения новым методам исследования в профессиональной области.

Выявленные цели подготовки бакалавров направления «Приборостроение» в области информационных и коммуникационных технологий необ-

ходимо учесть при реализации педагогической модели формирования ИКТ-компетенций студентов в процессе производственной практики.

Библиографический список

1. Зверева, Е.А. Педагогические технологии формирования ИКТ-компетентности бакалавров в процессе производственной практики / Е.А. Зверева // Молодой ученый. – 2016. – № 18. – С. 440–443.

2. Лавина, Т.А. Совершенствование системы непрерывной подготовки учителей в области использования средств информационных и коммуникационных технологий в профессиональной деятельности: автореф. дис. … д-ра пед. наук / Т.А. Лавина. – М., 2006. – 44 с.

3. Рабочая программа производственной практики студентов направления 12.03.01 «Приборостроение» / сост. Е.А. Зверева. – Нижневартовск: ф-л ЮУрГУ, 2015. – 13 с.

4. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 12.03.01 «Приборостроение» (квалификация (степень) «бакалавр») [Электронный ресурс]. – URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/120301.pdf.

К содержанию

УДК 801.82

ДЕЛОВОЙ ТЕКСТ XVIII ВЕКА КАК ПРЕДМЕТ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Е.В. Татаринова

Рассматривается явление интертекстуальности в деловом тексте, маркеры интертекстуальности, диалогическое взаимодействие документов посредством отсылок к инициирующему документу, интертекстуальные свойства заголовка документа.

Ключевые слова: интертекстуальность, диалогичность текстов, деловой текст, цитата, реминисценция, интертекст, документ.

Понятие интертекстуальности, введенное теоретиком постструктурализма Юлией Кристевой в шестидесятых годах прошлого века, закрепилось и стало ключевым при анализе любого литературного текста. Интертекстуальность по теории Кристевой, является устройством, посредством которого одни тексты перезаписывают другие тексты, т.е. представляют собой «мозаику цитат» [5].

Интертекстуальностью в лингвистике принято считать текстовую категорию, «отражающую соотнесенность одного текста с другими, диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, обеспечивающее приращение смысла произведения» [1]. Р. Барт утверждает, что текст «не как законченный, замкнутый продукт, а как идущее на наших глазах производство, “подключенное” к другим текстам, другим кодам» [2]. Наиболее распространенной формой интертекстуальности является введение одних текстов в другой в виде фрагментов, цитат, аллюзий, реминисценций, образуя явление диалогичности, при котором тексты, так или иначе, ссылаются друг на друга. По М.М. Бахтину, всё общение человека, в том числе, и через текст, является диалогичным [3].

Интертекстуальный анализ текста выявляет явление диалогичности в межтекстовых связях, которые образуются через аллюзии, цитирование, сноски и т.п.

Долгое время явление интертекстуальности рассматривалось исследователями только в рамках художественной литературы, но в последние десятилетия появились работы, свидетельствующие о том, что свойство интертекстуальности присуща текстам различных функциональных стилей: научных, текстах рекламы, СМИ и т.д.

Анализ лингвистической литературы дает основание полагать, что вопросы реализации интертекстуальности деловых текстов недостаточно освещены.

Деловой дискурс, как никакой другой, насыщен интертекстуальными элементами, необходимыми для стандартизации документа и соблюдения официально-делового стиля. Диалогичность деловых текстов – основное их свойство, без которого невозможен коммуникативный процесс ведения делового производства.

Интертекстуальные включения в деловом тексте представляют собой особый способ сворачивания информации текста-источника, а в принимающем тексте служит актуализатором его концепта.

Маркерами интертекстуальности делового текста являются цитаты, ремисценции, ссылки, заглавия. А.Н. Качалкин утверждал, что текст только тогда можно считать документом, если он воспроизводит ранее сказанное, ссылку на предыдущий текст [4].

Интересным представляется изучение интертекстуальности в документах XVIII века, времени, когда происходит формирование системы документирования, заложенные генеральным регламентом 1720 года. В XVIII веке документы уже составляются по типовым формам, закладываются основы формализации и стандартизации документа. «Эволюция документных жанров XVIII века заключалась в упорядочении делопроизводства и документооборота, увеличении разновидностей документов, в стандартизации и формализации деловой письменности и уменьшении варьирования штампов» [7].

Стандартизация изложения достигается путем включения отсылок, на текст инициирующего документа, позволяя избегать пересказа предыдущего документа: «Во исполнение указа Тобольского наместнического правления» [6]; «По указу ея императорского величества» [6]; «В силу присланной из оной Тюменской воеводской канцеляриі указу» [6]. Ссылки на инициирующие документы в аспекте интертекстуальности являются средством подключения к предыдущим документам, и следовательно, указывают на природу диалогичности документов в составе документооборота.

Заголовок документа XVIII века является интертекстуальным фрагментом, отсылкой к ситуации, проблеме. Заглавие сообщает получателю документа об обстоятельствах дела, указанных в нем, являя собой некую конденсацию текста: «*Челобитная (прошение)* тюменского ямского управителя поручика Николая Калинина о калмыке Боса, по крещении Василии» [6]; «*Доношение* тюменского сына боярского Ивана Серебренникова о свидетельстве спорного сенного покоса» [6]; «*Допросы* енисейского воеводы князя Ивана Болховского человека Семена Гласкова и тюменского разночинца Ивана Романова о белезни Гласкова и о письме, данном ему приказчиком Елисеем Глотовым» [6]; «*Просьба* ямщика Петра Коломинова в Тюменскую комендантскую канцелярию о растрате его женой пожитков из дома и регистр их» [6]; «*Покорная просьба* крестьянина Ивана Куликова к Тюменским городничим делам об избавлении от платежей» [6]; «*Сообщение* капитана Пахома Дедюхина о постройке мельницы на речке Иске» [6]. Интертекстуальным фрагментом заглавия документа является ключевое слово в названии документа (прошение, жалоба, допрос и т.д.), которое и является отсылкой, опознаваемым кодом к содержанию. Ознакомившись лишь с заглавием документа, адресат уже понимает, о чем пойдет речь в тексте.

Определенные жанры документов невозможны без включения чужой речи (допросы, показания). Косвенная речь в деловом документе – это ни что иное, как присутствие элемента другого текста: «матере своеи Матрене Семеновои говорила, что кто тw ходить с онемъ в сенях, и wтворя избыня двери увидела wсобо стоящая блисъ дому крестьянина Сысоева» [6]; «Мещанинъ Петръ Ожегин на спрашивание обьявил на нынешнее 4 число августа около полуночи, спавшего в сеняхъ разбудил меня племянник мой живущеи со мной в доме сказалъ что поблиску насъ пажаръ, и я вышедъ на крыльцо увиделъ что воспламенился домъ мещанской жены матрены Кузнецовой…» [6]. Присутствие косвенной речи в деловом тексте служит свидетельством межтекстового взаимодействия.

Интертекстуальные включения в деловом документе (косвенное цитирование, отсылка к документам, ранее созданным или инициирующим) позволяют определять деловой текст как интертекст, обладающий наличием межтекстовых связей.

Библиографический список

1. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. – М., 2003. – 696 с.
2. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт; пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
3. Бахтин, М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках (опыт философского анализа) / М.М. Бахтин // Вопросы литературы. – 1976. – № 10. – С. 122–151.
4. Качалкин, А.Н. Имя русского документа / А.Н. Качалкин // Русская речь. – 2002. – № 1. – С. 71–76.
5. Кристева, Ю. Слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – Витебск, 1963. – С. 427–457.
6. Трофимова, О.В. Тюменская деловая письменность. 1962–1796 гг. Кн. II. Памятники Тюменской деловой письменности. Из фондов Государственного архива Тюменской области / О.В. Трофимова. – Тюмень, 2002. – 828 с.
7. Косов, А.Г. Эволюция документных жанров в деловом языке XVIII века: автореф. дис. … канд. фил. наук / А.Г. Косов. – Челябинск, 2004.

К содержанию

УДК 378.14.015.62 + 378.1.014.5

ФИЛОСОФИЯ ДОКТОРА ДЕМИНГА И КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗЕ

В.П. Мироненко

Представлена попытка интерпретации «14 пунктов успешного менеджмента» Уильяма Эдвардса Деминга к учебному процессу в вузе.

Ключевые слова: учебный процесс, качество образования, Уильям Эдвардс Деминг.

Взгляд инженера

«Откуда это у Него? Что за премудрость дана Ему,
и как такие чудеса совершаются руками Его?»
Евангелие от Марка, глава 6, стих 2

Воспитание – принуждение,
Образование – насилие
Из старины глубокой

Образование – важнейшая составляющая развитого общества; показатель, характеризующий потенциал государства, его возможности прогресса

и освоения новых технологий, надежды и перспективы будущих поколений. Поэтому работы, связанные с проблемами образования и повышения его качества – актуальны и целесообразны.

И очень заманчиво прикоснуться к исследуемым проблемам, используя «пограничные территории». В данном случае это – «территория Доктора Деминга», имя которого связано с «экономическим чудом» в Японии и началом «революции качества», а его лекции по статистическим методам и системе качества стали решающим шагом к зарождению философии всеобщего управления качеством (TQM).

Это интересно и по причине универсальности сделанных им обобщений, представленных в 14 пунктах-заповедях, пригодных для практического применения как в промышленности и административных службах, так и в сфере услуг, и в образовании.

Поэтому упоминание имени доктора Деминга требует остановки для выражения почтения светлой памяти этой выдающейся личности. Уильям Эдвардс Деминг родился 14 октября 1900 г. в небольшом городке штата Айова. С 12 лет начал работать, помогая родителям откладывать деньги на его дальнейшее образование. По окончании университета в штате Вайоминг, он преподаёт в Йельском университете и в 1927 году (в возрасте 28 лет) защищает докторскую диссертацию. В 1936 году, прослушав курс лекций по математической статистике в Лондонском университете, Деминг становится профессиональным статистиком. Обширные знания позволили ему разработать методы статического контроля качества. Он – один из основателей Американского общества качества.

Во время Второй мировой войны Деминг на заводах военного ведомства США обучил тысячи специалистов статистическим методам, способствуя повышению качества производимой ими военной техники.

По окончанию войны в 1946 году по заданию министерства обороны США Э. Деминга как специалиста по статистике отправляют в Японию в качестве консультанта по переписи населения. По долгу службы Э. Деминг общался с японскими статистиками и увлёк их идеей статконтроля. Позже, оказавшись в Японии по приглашению правительства для консультаций и подъёма экономики, он прочитал цикл лекций на тему «Элементарные принципы статистического контроля качества». Перед руководителями крупнейших компаний Японии доктор Деминг произносил: «*Слушайте меня, и через пять лет вы будете конкурировать с Западом. Продолжайте слушать до тех пор, пока Запад не будет просить защиты от вас».*

Вспоминая эти лекции, Деминг писал: *«Я думаю, что в 1950 г. я был единственным человеком в мире, который верил, что через пять лет японцы захватят мировые рынки»*. Это предсказание сбылось. Япония выбрала свой путь достижения успеха, в первую очередь, за счет повышения качества продукции. Первостепенное значение качества стало

национальной идей, а к воплощению ее в жизнь было привлечено все трудовое население страны.

Этот феномен достоин комментариев. И его можно рассматривать как счастливое совпадение: зёрна философии Деминга попали в благоприятную почву японской культуры.

Среди главных разделяемых Демингом ценностей – *цельность личности, напряжённая работа и честность, соблюдение этических норм и приличия во всём, самоуважение, уважение к другим, личная ответственность за порученное дело и поступки.*

В кодексе самурайской чести «Бусодо», в свою очередь, первым делом формируют «самурайский дух», а затем переходят к изучению техник: «*Ухаживай за цветником своих мыслей. Избавься от плохих мыслей, установи мысли хорошие и установи доверительные отношения с собственной мудростью*».

Э. Деминг, находясь в мире капитала и не отрицая конкуренции, утверждал в своей философии тезисы, диаметральные теоретическим постулатам капитализма. Недаром его называли «революционером капитализма», недаром Америка «просмотрела героя». Краеугольные принципы этой философии идеально сочетались с японской духовностью, оказавшись неприемлемыми для бизнеса американского.

В несовпадении взглядов соотечественников с философией Деминга, возможно, главенствующей является религиозная составляющая. Уильям Эдвардс Деминг был ревностным католиком, а католическая деловая этика по природе своей общинная. Как раз против этой соборности католической церкви и выступает протестантская реформация, которая вывела общение с богом на индивидуальный уровень в обход церкви-посредника. И их философия – это гимн индивидуализму, понятный американцам. Идеи же Деминга социалистичны и чужды большинству соотечественников. Для подтверждения этих предпосылок несколько цитат гуру:

«Сотрудничество – выигрывают все» гораздо лучше, чем «Конкуренция – кто-то выиграл, кто-то проиграл». Глубоко антиамериканский принцип, противоречащий всей шкале социальных ценностей и главной установке на индивидуальный успех. В то же время для японцев, тысячелетиями культивирующих идею общинного единства и подчинения воли личности более высоким целям и задачам рода, этот принцип философии Деминга понятен и органичен.

- «*Главный принцип обеспечения качества: качество начинается с услаждения потребителя*». Не секрет, что ведущим двигателем американской экономики служат интересы акционеров, а не потребителей. Именно в таком ключе и выстраивается вся система рекламы: *«Мы придумали тут продукт, который вам непременно должен понравиться*!»

- *«Наиболее важные факторы, необходимые для управления любой организацией, как правило, неизвестны и количественно неопределимы»* – нельзя представить себе утверждение, более унизительное для амбиций западной позитивной науки, чем это.
- *«Артисты, музыканты собраны в оркестре вовсе не для того, чтобы исполнять сольные партии как примадонны и стремиться быть услышанными. Они здесь для того, чтобы поддерживать друг друга. И обычно это не лучшие музыканты страны»* – замечательная иллюстрация принципа, родственного традиционной японской культуре, в равной мере непонятного и неприемлемого для современного западного человека.

В то время как в Японии Э. Деминг был национальным героем: уже в 1950 году учреждена национальная японская «ПремиЯ Деминга», которая с тех пор ежегодно вручается предпринимателям и компаниям за достижения в области управления производством и повышения качества продукции; в 1960 году император Хирохито вручил ему «Орден Священного Сокровища Второй Степени» а японская общественность единодушно признала за Демингом роль «Отца экономического чуда», в США он был известен лишь узкому кругу специалистов. В 1979 году журналистка Клара Кроуфорд Мейсон, собирая материалы о «секретах» экономического взлета японцев, случайно обратила внимание на Э. Деминга. Последовали десятки эмоциональных встреч. К. Мейсон была поражена: *«Вот человек, который знает секреты, и он в 5 милях от Белого Дома, и никто с ним не разговаривает»*. В июне 1980 г. в США был показан документальный фильм NBC об Э. Деминге: *«Если это может Япония, почему не можем мы?»*. И заслуженная слава настигла Деминга. В качестве консультанта его приглашают корпорации Форд мотор, Дженерал моторс, его имя высекают на стене «Зала славы» в Дейтоне, президент Джордж Буш вручает ему награду – медаль в области технологий. Организуются циклы тематических лекций и семинаров. В это время гуру уже за 80. На гребне своей славы д-р Деминг спешит работать. Директор Центра Деминга по управлению качеством в Колумбийском университете Джон Уитни вспоминает: *«Я спросил как-то гуру, как обстоят дела». «Я в отчаянии, Джон, – ответил он. – Так много надо сделать, и так мало осталось времени»*. На вопрос, почему он тратит свое время и энергию подобным образом, последовал ответ: *«Я люблю свою работу. Она для меня удовольствие. Я хочу, чтобы американские управляющие неустанно учились и росли. Я хочу делиться с ними своими знаниями и постоянно учиться у них»*.

Доктор Деминг видел и проблемы России. В его планах было посещение СССР. Соборная Русь и принципы разумных коллективных действий, основанных на прозрачных взаимодействиях, были близки философии Деминга. Готовилась серьёзная деловая встреча. Увы, Доктор не дожил до назначенной встречи… Осталось обращение к россиянам, в котором сле-

дуют рекомендации рассматривать страну как единую независимую систему и решать частные проблемы с учетом системы в целом. *«Если русские будут увязывать свою деятельность с отдельными независимыми единицами, то они не смогут оптимизировать всю систему. Ни одна страна в мире не должна быть бедной. Так, в Японии нет природных ресурсов, нет железа, угля, нет собственной древесины. Однако сегодня Япония – одна из богатейших стран мира. Ее экономический взлет стал возможен благодаря правильной организации производства. Еще в 50-е годы высшее руководство Японии пришло к выводу, что страна – это единая система, каждый элемент которой должен способствовать ее развитию. К этому элементу следует относиться не только как к средству конкуренции, но и как к одной из составляющих всей системы. При правильном управлении каждый работающий получает удовлетворение от своей работы, он понимает, что от его работы зависит жизнь и благосостояние других людей, а сам он, в свою очередь, зависит от них. Этот принцип применим ко всем отраслям промышленности. Качество и жесткая конкуренция – неизбежное следствие правильной системы управления».* Системный подход – это важнейший элемент философии управления качеством.

В России «Ассоциация Деминга» была зарегистрирована 8 февраля 1993 года (еще при жизни ученого!) с благородной целью *«пропаганды и распространения знаний о принципах и методах управления на основе качества (Total Quality Management), разработанных в трудах д-ра У.Э. Деминга»*. Но существенного прогресса в повышении качества пока достичь не удаётся. Если Деминг утверждал, что за 85 % качества отвечает система менеджмента, и лишь за остальные 15 % – исполнители, в России это соотношение, к сожалению, пока не достигнуто. Поэтому у нас – богатые перспективы.

Особенность многих работ Деминга и теоретических и практических – в обобщениях результатов: как мудрый гуру он предлагает не конкретный инструмент, а философию управления, фокусируя внимание на качестве и непрерывном совершенствовании [1, 2, 3, 4]. Квинтэссенция экономической мысли Уильяма Деминга сконцентрирована в «14 пунктах успешного менеджмента». Они просты по форме (де-юре) и наполнены «скрытым» содержанием (де-факто). Их секрет в том, что «14 пунктов» – всего лишь практическое следствие более глубокой «философии менеджмента», которую Э. Деминг шлифовал и оттачивал, доводя выводы до совершенства. Это своеобразный айсберг, блистательно возвышающийся над невидимой рутинной массой переработанного материала. При этом кажущиеся простыми, сформулированные максимы требуют серьёзного осмысления. Уже появляются сообщения о «сабельных атаках», когда ретивые руководители сметали контрольные органы в угоду текстам Деминга. Мудрость требует анализа, осознания и преломления утверждений к конкретной ситуации.

Исходя из проведённого анализа, сделаем попытку (не первую) интерпретировать пункты Деминга к вузу.

В качестве объекта исследования выбираем «боевую единицу» – студенческую группу, объединившую по воле случая незнакомых отобранных по определённым критериям молодых людей, объединенных выбранной специальностью и жаждой знаний, которым предстоит вместе долгий напряженный путь: образования, воспитания, формирования и становления каждого как специалиста и личности. Априори каждый в отдельности и все вместе готовы к напряженной деятельности, выполнению обязательных заданий, лабораторных и практических работ и самостоятельной работе.

Сформулируем проекцию принципов Деминга к качеству образования в вузе (табл.).

Таблица

Проекция принципов Деминга к качеству образования в вузе

14 Принципов Деминга	**Проекция на вуз**
1. Постоянство цели – непрерывное улучшение качества	Задача – получать знания, овладевать специальностью. Вырабатывать принципы – активного любознательного подхода к изучаемым дисциплинам, Каждый трудовой день наполнен осознанными действиями.
2. Новая философия – не присутствовать, но участвовать во всех сферах учебного процесса	Контрпродуктивна ситуация отставаний в учёбе: опоздания, нарушение дисциплины, задержка выполнения заданий. Для студента учёба – работа; каждодневная, требующая и внимания, и понимания, и усилий.
3. Покончить с зависимостью от массового контроля	Устраните внешний контроль. Впишите контроль в учебный процесс: все задания прорабатывай и выполняй по мере поступления.
4. Отказаться от дешёвых закупок. Соизмерять качество товара с ценой.	Помня мудрость консервативных англичан: мы не настолько богаты, чтобы покупать дешёвые вещи, следует приобретать сопутствующие товары добротные и качественные, чтобы в процессе обучения не отвлекаться на не качественный инвентарь и не тратить попусту усилия и нервы.
5. Улучшайте каждый процесс. Постоянно выискивайте проблемы прежде, чем они создадут реальные трудности. Улучшайте все виды деятельности и уменьшайте издержки	Совершенствуйте постоянно все составляющие учебного процесса от лекций и лабораторных работ до практических занятий и ролевых игр. *«Закрывая глаза руками, мы не избавимся от проблемы», – говорил Уильям Черчилль.*
6. Введите в практику подготовку и переподготовку коллектива, чтобы лучше использовать возможности каждого из них	На практических занятиях работают все, способствуя выравниванию уровня каждого к общему знаменателю. Успешно выполнив задание, каждый с гордостью ощущает свой возросший уровень.

Окончание табл.

14 Принципов Деминга	Проекция на вуз
7. Учредите лидерство. Введите в практику лидерство как метод, помогающий выполнять работу наилучшим образом	Поощряйте инициативу, стимулируйте соревновательность в принятии решений. Способствуйте проникновению в суть исследуемых явлений.
8. Изгоняйте страхи. Поощряйте многосторонние связи для искоренения страхов, опасностей, враждебности внутри коллектива	Учебный процесс – раскрытие возможностей каждого. Метод проб и ошибок, Самобытность суждений, смелость, высказывания, необыкновенность решений поощряются и приветствуются. Долой комплексы, неуверенность, стыдливость: в вузе – учатся.
9. Разрушайте барьеры	Студенческая группа – коллектив единомышленников. Прозрачность действий – главенствует. Никаких группок и группировок. Вместе работаем, вместе отдыхаем.
10. Откажитесь от пустых лозунгов и призывов	Не призывать к действию, не осознав способов достижения цели. Пустые лозунги любой эффектности способны иметь лишь кратковременный успех, далее – бессмысленны, их путь – забвение.
11. Устраните произвольные пугающие количественные нормы и задания	При выполнении многочисленных заданий – помощь и поддержка, активная работа над ошибками. Помня, количество – путь к качеству.
12. Позвольте коллективу гордиться своим трудом	Коллектив – команда! Один за всех и все – за одного! Результат каждого – достояние всех!
13. Поощряйте образование и самосовершенствование	В вузе нужны не просто студенты, но личности, наполненные знаниями, инициативой, стремящиеся неустанно познавать новое, передовое.
14. Преобразования – дело каждого	Вовлекать каждого студента в работу по достижению коллективом наиболее высокого уровня образования.

Библиографический список

1. Нив, Г.Р. Пространство доктора Деминга: Принципы построения устойчивого бизнеса / Г.Р. Нив; пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.

2. Деминг, У.Э. Новая экономика / У.Э. Деминг. – М.: Эксмо, 2006.

3. Деминг, У.Э. Выход из кризиса. Новая парадигма управления людьми, системами и процессами / У.Э. Дэминг. – М., 2009. – 418 с.

4. Нив, Г.Р. Организация как система: принципы построения устойчивого бизнеса Эдвардса Деминга / Г.Р. Нив. – М.: Паблишерс, 2011. – 369 с.

К содержанию

НАУКА ЮУрГУ

Материалы 69-й научной конференции

СЕКЦИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Текстовое электронное издание

18,4 Мб

1 оптический компакт-диск

Компьютерная верстка электронной версии *Е.В. Федоровой*
Дизайн обложки диска *А.С. Панова*

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано к использованию 27.06.2017.
Тираж 100 экз. Заказ 224.

454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76